ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 4

КНИГА ВТОРАЯ

XVI век

НАУКА
1727

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 4

КНИГА ВТОРАЯ

НАУКА
1727

Российская Академия Наук

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ РАН

ФОНД
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

НАУКА

— 1727 —

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Нарышкин С.Е., доктор экономических наук (председатель)
Макаров Н.А., академик РАН (зам. председателя)
Петров Ю.А., доктор исторических наук (зам. председателя)
Артизов А.Н., доктор исторических наук
Бородкин Л.И., член-корреспондент РАН
Васильева О.Ю., академик РАО
Деревянко А.П., академик РАН
Карпов С.П., академик РАН
Крадин Н.Н., академик РАН
Левыкин А.К., кандидат исторических наук
Липкин М.А., член-корреспондент РАН
Магомедов М.М., доктор экономических наук
Могилевский К.И., кандидат исторических наук
Никифоров К.В., доктор исторических наук
Пивовар Е.И., академик РАН
Побережников И.В., член-корреспондент РАН
Полонский В.В., член-корреспондент РАН
Рынков В.М., доктор исторических наук
Сиренов А.В., член-корреспондент РАН
Тишков В.А., академик РАН
Торкунов А.В., академик РАН
Христофоров В.С., член-корреспондент РАН
Чубарьян А.О., академик РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петров Ю.А., доктор исторических наук (отв. редактор)
Горский А.А., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Журавлев С.В., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Захаров В.Н., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Плех О.А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
Булдаков В.П., доктор исторических наук
Вовина-Лебедева В.Г., доктор исторических наук
Гайдуков П.Г., член-корреспондент РАН
Голдин В.И., доктор исторических наук
Зверев В.В., доктор исторических наук
Зубкова Е.Ю., доктор исторических наук
Кондрашин В.В., доктор исторических наук
Конявская Е.Л., доктор филологических наук
Кудряшов С.В., кандидат исторических наук
Кучкин В.А., доктор исторических наук
Лисейцев Д.В., доктор исторических наук
Мироненко С.В., член-корреспондент РАН
Пихоя Р.Г., доктор исторических наук
Редин Д.А., доктор исторических наук
Рогожин Н.М., доктор исторических наук
Соловьев К.А., доктор исторических наук
Трепавлов В.В., член-корреспондент РАН
Флоря Б.Н., член-корреспондент РАН
Христофоров И.А., доктор исторических наук
Шелохаев В.В., доктор исторических наук
Шестаков В.А., доктор исторических наук
Юрасов А.В., кандидат исторических наук

МОСКВА НАУКА 2024

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 4

КНИГА ВТОРАЯ

РОССИЯ В XVI ВЕКЕ

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

Ответственные редакторы
доктор исторических наук В. Г. ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА
член-корреспондент РАН А. В. СИРЕНОВ

МОСКВА НАУКА 2024

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия тома:

В. А. Аракчеев, Н. В. Башнин (ответственный секретарь), *В. Г. Вовина-Лебедева* (ответственный редактор), *З. В. Дмитриева, В. А. Кучкин, Д. В. Лисейцев, А. П. Павлов, Н. М. Рогожин, А. В. Сиренов* (ответственный редактор), *В. В. Трепавлов, А. И. Филюшкин, Б. Н. Флоря*

Рецензенты:

доктор исторических наук *М. М. Кром*
доктор исторических наук *М. А. Шибаев*

Издание подготовлено при финансовой поддержке фонда «История Отечества»

Выражаем глубокую признательность за поддержку ПАО «Транснефть» и лично Николаю Петровичу Токареву

История России: в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. — М.: Наука, 2024—. — ISBN 978-5-02-040487-8.
Т. 4: Россия в XVI веке. Создание единого государства. **Кн. 2.** — 2024. — 591 с.

ISBN 978-5-02-040455-7

Вторая книга четвертого тома посвящена таким важным темам истории России XVI в., как Церковь, культура и социальная структура общества. Рассматривается история государственных образований и народов Поволжья, Северного Кавказа, Урала и Сибири, вошедших в XVI в. в состав Российского государства. В главах, посвященных разным группам населения (служилых людей, духовенства, купцов, посадских людей, крестьян и холопов), а также регионам показан процесс формирования единого государства. Изменения, происходившие в культуре, были направлены на выработку единой культурной традиции, которая была неотделима от государственной идеологии. Так история и культура России XVI в. заложили основы будущей Российской империи.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-040487-8
ISBN 978-5-02-040455-7 (Том 4, кн. 2)

© Институт российской истории РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© ФГБУ Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2024

Часть II

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА

ЦЕРКОВЬ

Русская церковь от отставки митрополита Зосимы до митрополита Макария (1494—1542 гг.)

Отставка митрополита Зосимы и начало первосвятительства Симона. К концу XV в. Россия была единственным православным независимым государством, и после падения Византийской империи она оказалась во главе православного мира. Митрополит Зосима именовал Ивана III Новым Константином, а Москву — градом Константина. Русское духовенство было заинтересовано в сильной государственной власти, которая защитила бы церковь от экспансии католицизма и ислама. Это ставило вопрос о признании за московским великим князем, а затем и за царями традиционных прав византийского императора при решении церковных дел.

Зосима 17 мая 1494 г. оставил митрополичий престол. В историографии отставку митрополита принято связывать с обвинениями в его причастности к ереси жидовствующих. Наиболее пространные обвинения Зосимы в еретичестве («жидовстве»), в первую очередь в период его нахождения на митрополичьей кафедре, содержатся в старшей редакции «Сказания о новоявившейся ереси» игумена Иосифа Волоцкого, ставшей своего рода историческим введением к тексту «Просветителя» и написанной не ранее 1502—1504 гг.[1] Иосиф обвинял Зосиму в хулах на Господа Иисуса Христа и на Богоматерь, в осквернении христианских святынь, в иконоборчестве, в порицании Священного Писания и приводил слова митрополита, которые должны были свидетельствовать о его неверии в Царствие Небесное и загробную жизнь. Он называл Зосиму главой еретиков, «скверным и злобесным волком», «змием пагубным», «антихристовым предтечею», «сатаниным угодником», «сквернителем» и «главней содомьского огня»[2]. В последующих редакциях «Сказания...», созданных после 1515 г., критика в адрес Зосимы уменьшена: во второй редакции сохранено лишь обвинение Зосимы в еретичестве в бытность архимандритом Симонова монастыря, в третьей редакции все обличения Зосимы устранены. Сохранившиеся сочинения митрополита Зосимы («Поучение всему православному христианству», «Изложение на пасхалию»,

[1] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 441—445; иначе см.: *Плигузов А. И.* «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография / Редкол. В. Г. Буганов и др. М., 1993. С. 133.

[2] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. С. 473.

по-видимому, составленный митрополитом индекс отреченных книг[3]) не дают оснований говорить о еретичестве иерарха.

Источники конца XV — начала XVI в. также не содержат сведений о еретичестве митрополита. В повольной грамоте на поставление митрополита Симона (хиротонисан в митрополита в сентябре 1496 г.) архиепископ Геннадий писал о добровольном оставлении Зосимой кафедры первосвятителя[4]. Ранние летописи связывают его уход с волей великого князя или с собственным желанием архиерея. Типографская и Вологодско-Пермская летописи сообщают о том, что Зосима был сослан с митрополии Иваном III[5]. Владимирский летописец указывает на добровольное оставление Зосимой кафедры[6]. Дискредитирующие Зосиму известия содержатся в Софийской 2-й летописи (отражающей свод 1518 г., в котором представлена официальная точка зрения митрополичьей кафедры начала XVI в.)[7]. В «Книге Степенной царского родословия» сообщается, что Зосима был лишен митрополии «за некое преткновение»[8].

Существует свидетельство того, что и после оставления кафедры Зосима продолжал считать себя первосвятителем. После смещения он жил в Симоновом монастыре, затем в Троице-Сергиевом, где около декабря 1495 г. причащался по чину первосвятителя «на орлеце во всем святительском чину»[9], что противоречило канонам и существовавшей практике[10].

Неизвестно, когда Зосима оставил Троице-Сергиев монастырь и переселился в Кириллов Белозерский. Можно предположить, что это случилось после 1502 г., когда в результате разрешения династического кризиса в великокняжеской семье и ареста Елены Стефановны и ее сына Дмитрия (11 апреля) начался разгром московского кружка жидовствующих. Впоследствии Зосима был перемещен в Спасо-Каменный монастырь, где он находился в конце 1510 г. Об этом мы узнаем из вкладной записи на списке творений святителя Григория Богослова[11]. Вероятно, в этой обители Зосима и скончался. В списке Вселенского синодика конца XV в. многолетие Зосиме зачеркнуто[12]. Предполагают, что он был анафематствован на соборе 1504 г. вместе с юрьевским архимандритом Кассианом, братьями Курицыными, но впоследствии реабилитирован[13]. Текст анафематствования до нас дошел в сборнике начала XVII в., имя Зосимы возглавляет список еретиков: «Новыя еретики, неверующии в Господа нашего Исуса Христа Сына Божиа, в Пречистую Богородицу и похуливших всю седмь Соборов святых

[3] *Кобяк Н. А.* Индекс ложных книг, приписываемый митрополитам Киприану и Зосиме // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. [Т.] IV. М., 1988. С. 697—716.

[4] РИБ. Т. 6. СПб., 1880. № 121. Стб. 834—835.

[5] ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 213; Т. 26. М., 2006. С. 289.

[6] ПСРЛ. Т. 30. М., 2009. С. 138.

[7] См.: «Митрополит Зосима оставил митрополию не своею волею, но непомерно питья дръжашеся и о Церкви Божией не радяше» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 342).

[8] ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 368, 568; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. Т. 2. М., 2008. С. 268.

[9] ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 503; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 160; Т. 30. С. 139.

[10] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. С. 355—359; Т. 2. Ч. 1. М., 1900. С. 577, примеч. 1; Ч. 2. М., 1901. С. 36. О значении этого хорошо понятного современникам акта см.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. [Т.] II. М., 1987. № 96. С. 298—299.

[11] Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 2. Вологда, 1987. С. 56.

[12] РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 289. Л. 161 об.

[13] *Дергачев В. В.* К истории русских переводов Вселенского синодика // Дергачева И. В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII вв.: (На материале синодика). Мюнхен, 1990. С. 184—185.

отец и иноческий образ: Зосима, митрополит Московской...»[14] В то же время, как следует из наблюдений над монастырскими синодиками, Зосима продолжал поминаться в большинстве монастырей как митрополит[15].

Определенный материал для суждений о взглядах бывшего митрополита содержит список Толкового Апокалипсиса с дополнительными статьями, над которым Зосима работал, находясь в Троице-Сергиевом монастыре. Рукопись содержит ряд антииудейских сочинений, в частности «Слово на жиды о иже Господь может зватися Сыном, и аггелом, и человеком»[16]. Это можно рассматривать как попытку оправдаться от обвинений в приверженности к иудаизму. Значительное место в рукописи занимают выписки, посвященные осуждению церковных и монастырских владений, а также теме загробной жизни, раскрытой как противопоставление прижизненных добрых дел, которые доставляют душе спасение, бесполезности молитв об усопших. Вторая тема, по-видимому, полемически заостренная, отразилась и в словах Иосифа Волоцкого, которые он приписывал Зосиме: «А что то Царство Небесное? А что то Второе пришествие? А что то въскресение мертвым? Ничего того несть, — умерл кто, ин то умер, по та места и был»[17]. Тема ненужности заупокойных молитв является смысловым продолжением темы осуждения церковных владений, поскольку рост церковного, в первую очередь монастырского, землевладения в то время в большой степени осуществлялся за счет заупокойных вкладов. Очевидно, что главной целью подбора статей в сборнике[18] для Зосимы было не изложение собственных взглядов, но полемика с Иосифом Волоцким, защищавшим право церкви на владение недвижимым имуществом и регламентировавшим заупокойные богослужения в зависимости от размеров вклада.

После отставки митрополита Зосимы митрополичий престол оставался вакантным почти шестнадцать месяцев. Столь продолжительная пауза свидетельствует, что великий князь Иван III затруднялся в выборе кандидата. Следует учитывать, что к этому моменту в пределах Московского государства уже находился митрополит Киевский Спиридон-Савва, поставленный патриархом в Константинополе, но не признанный ни в Литве, ни в Москве и уже несколько лет пребывавший в Ферапонтовом монастыре.

Только 6 сентября 1495 г. архимандрит Троице-Сергиева монастыря Симон Чиж был возведен на митрополичий двор и 20 сентября поставлен в сан митрополита[19]. Учитывая тот факт, что именно в Троицком монастыре проживал бывший митрополит Зосима, его влияние на выбор преемника представляется весьма вероятным. Церемония поставления Симона в митрополиты отличалась небывалой торжественностью и символизировала новые отношения светской и духовной властей в Московском государстве.

Иван III в сопровождении церковных иерархов, с внуком Дмитрием, с боярами и дьяками проводил нареченного митрополита со своего двора в Успенский собор. Там у гробов прежних митрополитов было совершено торжественное богослужение, после которого великий князь в дверях собора

---

[14] РГБ. Троицкое собр. № 740. Л. 117 об.

[15] *Ильинский Ф. М.* Митрополит Зосима и дьяк Феодор Васильевич Курицын // Богословский вестник. 1905. Т. 3. № 10. С. 235, примеч. 1; *Пыпин А. Н.* Сводный старообрядческий синодик. СПб., 1883. С. 16.

[16] РГБ. Троицкое собр. № 122 (1829, конец 90-х гг. XV в.). Л. 144 об.

[17] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. С. 473.

[18] НИОР РГБ. Троицкое собр. № 122 (1829).

[19] ПСРЛ. Т. 24. С. 213; Т. 26. С. 289.

передал митрополита владыкам, которые и проводили его в митрополичьи палаты. Показательно, что архиереи не остались у митрополита, а торжественный обед был дан в присутствии старцев Троице-Сергиева монастыря, митрополичьих бояр и детей боярских[20]. Поставление Симона в митрополиты состоялось 20 сентября в присутствии архиепископа Ростовского Тихона, епископов Нифонта Суздальского, Симеона Рязанского, Вассиана Тверского, Авраамия Коломенского, Силуана Сарского, Филофея Пермского (отсутствовал новгородский архиепископ Геннадий, приславший грамоту с выражением своего одобрения). Поставление Симона в митрополиты совершалось по новому чину[21], который напоминал обряд поставления византийских патриархов в Константинополе[22].

После завершения церковной службы Иван III вручил новопоставленному митрополиту владычный посох от имени «Всемогущей и животворящей Святой Троицы», которая даровала московскому властителю Российское государство[23]. В ответе митрополита Иван III был назван «самодержавным государем», а Московское государство было именовано «царством»[24]. После церемонии в Успенском соборе состоялся обряд «шествия на осляти», причем изображавшего осла коня под митрополитом вел под уздцы дворецкий великого князя Михаил Яковлевич Русалка Морозов[25].

Новый митрополит не был покровителем ереси жидовствующих, но вплоть до церковного собора 1504 г. против ереси не боролся[26]. Нижеизложенные факты также ставят под сомнение степень его самостоятельности в качестве главы Русской церкви[27]. По протекции дьяков Курицыных архимандритом Юрьева монастыря в Новгороде был назначен Кассиан. Еретики в Новгороде, имея сильного покровителя, активизировали свою деятельность по привлечению сторонников и, по свидетельству Иосифа Волоцкого, совершали такие «сквернения и поругания на божественные церкви, и на вся священные вещи, и на все православное христианство», которые невозможно описать[28]. Согласно свидетельству Иосифа Волоцкого, свои симпатии на стороне еретиков обнаруживала великая княгиня Елена Стефановна[29].

---

[20] ПСРЛ. Т. 26. С. 289.

[21] СГГД. Ч. 2. № 23. С. 26.

[22] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Ч. 1. С. 611—612; *Карташев А. В.* История Русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 393—394; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России. М., 1998. С. 56; *Желтов М., свящ.* Интронизация // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 128. О византийском обряде интронизации см.: *Соколов И. И.* Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV в. (843—1453): Речь, предназначенная к произнесению на годичном акте Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 1907. № 7. С. 52—82.

[23] ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 230; Т. 12. М., 2000. С. 241.

[24] ПСРЛ. Т. 8. С. 230; Т. 12. С. 241.

[25] ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 196; Т. 26. С. 289. Впервые обряд «шествия на осляти» в Русской церкви упомянут при описании поставления в митрополиты Симона. В Византии обряд шествия на коне совершался при поставлении в патриархи лица, не имевшего святительского чина (*Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России. С. 83).

[26] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 69.

[27] А. А. Зимин полагал, что «колебания митрополита отражали изменения в соотношении сил при дворе» (*Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 168). Я. С. Лурье высказывался схожим образом: «Поведение этого иерарха представляется довольно противоречивым» (*Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. СПб., 1994. С. 213).

[28] Просветитель. 2-е изд. Казань, 1882. С. 571—576.

[29] Волоцкому игумену признался в близком знакомстве с ересью не кто иной, как великий князь Иван III, — он знал, «которую дръжал Алексей протопоп ересь и которую дръжал Феодор Курицын», и

В декабре 1497 г. великий князь положил опалу на свою жену Софью Палеолог и на своего сына князя Василия и казнил участвовавших в заговоре боярских детей[30]. Ни о каких попытках печалования за опальных со стороны митрополита Симона нам неизвестно.

Митрополит Симон 18 сентября 1496 г. участвовал в освящении Преображенского собора в Новоспасском монастыре[31]. Митрополит был заинтересован в том, чтобы ряд святителей был пополнен его ставленниками. Епископ Сарский по должности являлся самым близким сотрудником митрополита. Ставленник митрополита Зосимы Силуан предпочел вскоре оставить этот пост, и 18 декабря 1496 г. новый митрополит поставил в епископа Сарского хорошо ему известного старца Троице-Сергиева монастыря Евфимия. В марте 1497 г. в епископы Рязани был поставлен Протасий, о его происхождении достоверно неизвестно, но следует думать, что он также пользовался доверием митрополита[32].

Митрополит Симон 4 февраля 1498 г. участвовал в церемонии венчания на царство внука великого князя Дмитрия Ивановича[33]. Церемония состоялась в Успенском соборе Московского Кремля, митрополит в этой церемонии играл важную, но подчеркнуто подчиненную роль. Он читал молитвы, благословил князя Дмитрия крестом, подал бармы и шапку Мономаха великому князю, а Иван III возложил на внука бармы и шапку. В своем поучении митрополит также отметил исключительное значение великого князя, воля которого являлась единственным источником власти[34]. В церемонии венчания приняли участие ростовский архиепископ Тихон, суздальский епископ Нифонт, рязанский епископ Протасий, тверской епископ Вассиан, коломенский епископ Авраамий, сарский епископ Евфимий, а также архимандрит владимирского Рождественского монастыря Тихон, архимандриты московских монастырей: Новоспасского — Афанасий, Чудовского — Феогност, Симоновского — Феогност, Спасо-Андрониковского — Антоний, игумены Троице-Сергиева — Серапион и Кирилло-Белозерского — Макарий.

Вскоре после венчания на царство Дмитрия-внука великий князь положил опалу на своих ближних бояр князей Патрикеевых — Ивана Юрьевича с сыновьями Василием и Иваном. От смертной казни Патрикеевых спасло лишь вмешательство митрополита и архиереев[35]. Другой пример государевой опалы изображает Симона пассивным свидетелем, а на роль подлинного инициатора печалования за подвергшихся опале выдвигается игумен Троице-Сергиева монастыря Серапион. Великий князь опалился на неких трех боярынь до такой степени, что хотел предать их огненной казни, пренебрегая заступничеством митрополита. Лишь вмешательство игумена Серапиона, который лично посетил Ивана III, застави-

---

в том, что в ересь была «сведена» его сноха Елена Стефановна (Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 176). Я. С. Лурье считал признание великого князя неоспоримым доказательством его связей с еретиками (*Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 212).

[30] ПСРЛ. Т. 8. С. 234.

[31] Там же. С. 233.

[32] Там же.

[33] Чин поставления на великое княжение Дмитрия-внука известен в четырех редакциях; см.: 1) Летописная редакция (Древняя российская вивлиофика. СПб., 1788. Ч. 4. С. 214—222; СГГД. Т. 2. С. 17—19; ПСРЛ. Т. 6. С. 241—243; Т. 8. С. 234—236; Т. 12. С. 246—248; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 366—368; Т. 28. С. 330—331; 2) Пространная редакция (Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] III. М., 1987. № 16. С. 604—614; 3) Формулярная редакция (Там же. № 17. С. 615—621); 4) Чудовская редакция (Там же. № 18. С. 621—625).

[34] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] III. С. 612.

[35] ПСРЛ. Т. 26. С. 291.

ло самодержца переменить свое решение и даровать боярыням прощение[36].

Неожиданная сцена произошла в 1498 г., когда Иван III призывал на свой двор митрополита и епископов и просил у них прощения в том, что «несторожею» уморил в темнице своего брата Андрея, удельного князя Углицкого[37]. Причины, которые побудили великого князя совершить покаяние в преступлении, совершенном пять лет назад, остаются неизвестными. По словам летописца, покаяние московского самодержца было искренним. Согласно известию Типографской летописи, митрополит и владыки «едва простиша» великого князя, удовлетворившись его покаянием. При этом сыновья умершего углицкого князя Иван и Дмитрий Андреевичи продолжили коротать дни в заточении.

В январе (марте) 1499 г. митрополит Симон был вынужден дать благословение на конфискацию церковных вотчин в Новгородской земле. Взятые на имя государя вотчины новгородского архиепископа и монастырей были розданы в поместья детям боярским[38]. Впрочем, вполне вероятно, что великий князь не счел нужным запросить мнение митрополита[39].

В феврале 1499 г. митрополит Симон венчал дочь великого князя Феодосию с князем Василием Даниловичем Холмским[40]; 21 марта Иван III «пожаловал» своего старшего сына от Софьи Палеолог Василия великим княжеством Новгородским и Псковским. В системе власти номинально теперь появился третий великий князь, но митрополит Симон послушно благословил на великое княжение и его[41]. Спустя год после венчания на царство Дмитрия в противостоянии придворных группировок установилось шаткое равновесие. Позиция митрополита полностью определялась волей Ивана III. Митрополит Симон 14 апреля 1502 г. благословил на великое княжение сына великого князя Василия[42].

Продолжилось обновление церковной иерархии: 1 мая 1502 г. Коломенскую епископию занял Никон, ранее бывший игуменом Павловой пустыни; 3 мая вологодским и пермским епископом стал Никон из Дионисиево-Глушицкого монастыря.

Церковный собор 1503 г. На протяжении XV столетия на Руси происходил стремительный рост монастырского землевладения. Под влиянием эсхатологических ожиданий, связанных с приближением седьмого тысячелетия от Сотворения мира, в 1492 г. в обществе постепенно укоренялась идея о необходимости устроения загробной участи души. Центрами общественной заботы о мертвых стали монастыри, которые активно внедряли практику поминаний в обмен на передаваемые им вклады в виде

---

[36] *Моисеева Г. Н.* Житие Новгородского архиепископа Серапиона // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 155.

[37] ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

[38] Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М.; Л., 1957. С. 138; Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 252; ПСРЛ. Т. 12. С. 249.

[39] В наиболее раннем Вологодско-Пермском летописце 1500 г. о благословении митрополита ничего не говорится: «Того же лета князь велики Иван Васильевичь в Новегороде поотнимал у владыки и у монастырей земли» (*Клосс Б. М.* Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. М., 1976. С. 282). Р. Г. Скрынников предполагал, что великий князь осуществил секуляризацию церковных имуществ, воспользовавшись передачей Новгорода и Пскова во владение своему сыну Василию (*Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 164).

[40] Иоасафовская летопись. С. 139.

[41] Там же. С. 138; ПСРЛ. Т. 8. С. 237; Т. 12. С. 249. Вологодско-Пермская летопись относит этот акт к 29 июня: ПСРЛ. Т. 26. С. 291.

[42] Иоасафовская летопись. С. 144.

денег, имущества и земельных владений[43]. Крупными экономическими и хозяйственными центрами были Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, московские Симонов, Чудов, Богоявленский монастыри, ряд новгородских обителей. Помимо количественного роста монастырских владений, появляется и представление об их новом правовом статусе. Передача монастырям земли в обмен на обязательство совершать литургическое поминовение вкладчиков приобрела сакральный характер, распространялось убеждение в неотчуждаемости этих вкладов. Монастыри оказывали постоянно растущее влияние на общество, превращались в равноправных партнеров вкладчиков из среды аристократии. На почве кризиса традиционных отношений ктиторства и патроната зародились споры о праве монастырей владеть селами. История второй половины правления Ивана III изобилует фактами посягательств светских властей на монастырские имущества[44]. Великие и удельные князья не были готовы считаться с особым статусом монастырских имуществ, руководствуясь принципом: «Волен, де, государь в своих монастырех, хочет жалуетъ, хочет грабит»[45]. Внутри монашества к концу XV в. сформировалось два противоположных взгляда на новую роль монастырей в обществе: представители крупных монашеских корпораций были готовы отстаивать право обителей владеть вотчинами и вести активную экономическую деятельность, сторонники скитского устройства указывали на несовместимость монашеского аскетического идеала с подобной деятельностью.

В конце июля 1503 г. в Москву съехались правящие архиереи Русской митрополии, архимандриты и игумены крупнейших монастырей. Целью созыва собора было объявлено обсуждение вопросов церковной дисциплины[46]. На соборе присутство-

[43] *Steindorff L.* Memoria in Altrussland. Stuttgart, 1994; *Штайндорф Л.* Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей в Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиевой лавры и Иосифо-Волоколамского монастыря) // Международная научная конференция «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России»: Тезисы докладов. Сергиев Посад, 1998. С. 27—29; *Он же.* Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях в XVI в. // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 65—78.

[44] См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. М.; Л., 1951. С. 31—32; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 124—125, 175; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 90—101; *Фролов А. А.* Конфискация вотчин Новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 54—62.

[45] Послания Иосифа Волоцкого. С. 220.

[46] К настоящему времени в историографии оформились два противоположных взгляда на значение церковного собора 1503 г. Традиционную точку зрения, которая считает достоверными сведения о попытке великого князя поставить вопрос об изъятии монастырских вотчин, поддерживают Н. В. Синицына (*Синицына Н. В.* Спорные вопросы истории нестяжательства, или О логике исторического доказательства // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 250—254), Р. Г. Скрынников (*Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв. С. 164—176; *Он же.* Нестяжатели и иосифляне на соборе 1503 г. // Русское православие: От прихода до патриархата. Волгоград, 1998. С. 126—142), А. И. Алексеев (*Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002) и др. Оппоненты в лице Д. Островски (*Островски Д.* 500 лет спустя: Церковный собор 1503 г. // Palaeoslavica. 2003. [Vol.] XI. P. 214—239) и А. И. Плигузова (*Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002) настаивают на том, что источники, сообщающие об этом, являются поздними и полемически аганжированными, следовательно, недостоверными. Новейшую работу о соборе 1503 г. см.: *Петрушко В. И.* Московский собор 1503 г. // Вестник православного Свято-Тихвинского гуманитарного университета. Сер. 2. 2016. С. 9—20. Автор склоняется в пользу признания достоверными сведений о поземельных спорах, но отвергает известия «Письма о нелюбках».

вали: митрополит Симон, новгородский архиепископ Геннадий, епископы Нифонт Суздальский, Протасий Рязанский, Вассиан Тверской, Никон Коломенский, Трифон Сарский, Никон Пермский (Ростовская архиепископия пустовала после ухода на покой Тихона Малышкина в январе 1503 г.). Влиятельную часть церковного собора образовывала верхушка черного духовенства, которую составляли архимандриты и игумены наиболее значительных монастырей. Белое духовенство было представлено главным образом священниками московских церквей. Особую группу приглашенных составляли старцы влиятельных монастырей, авторитетные подвижники благочестия. В числе этих лиц находились и главные представители обеих будущих монашеских партий — Нил Сорский и Иосиф Волоцкий. Особу великого князя Ивана III представляли на соборе тверской боярин Василий Борисов, «дьяки введенные», под которыми следует понимать представителей великокняжеской администрации, а также сыновья Ивана III — наследник престола Василий и его младшие братья Юрий, Дмитрий и Андрей, и это подчеркивает то значение, которое придавал церковному собору первый государь всея Руси.

Сохранившиеся приговоры собора посвящены только дисциплинарным вопросам: отмене платы за поставление священнослужителей и запрету служить овдовевшим попам и дьяконам[47]. Текст соборного приговора сохранился также в виде послания митрополита Симона в Псков[48]. Летописи упоминают лишь о том, что в 1503 г. был собор «на вдовых попов и диаконов»[49]. О прениях по поводу монастырских имуществ на соборе нам сообщают источники преимущественно неофициального характера[50]: «Соборный ответ 1503 г.»[51]; «Слово иное»[52]; написанное Вассианом Патрикеевым «Прение с Иосифом»; «Письмо о нелюбках иноков Кириллова и Иосифова монастырей»[53]; Житие Иосифа Волоцкого (Волоколамского), написанное Львом Фи-

[47] Соборный приговор об отмене ставленнических пошлин известен в нескольких списках XVI—XVII вв. (*Плигузов А. И.* «Соборный ответ 1503 года» // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] IV. М., 1988. С. 754—755). Текст приговора неоднократно опубликован: ААЭ. Т. 1. № 382; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Вып. 1. М., 1978. С. 76; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] III. № 25. Большинство списков помечены датой сентябрь 1503 г. (т. е. 7012 г.). Два списка — РНБ. F.II.80 и РНБ. Погод. собр. 1572 — содержат дату 6 августа 1503 г. (т. е. 7011 г.). Соборный приговор о запрете священнодействовать овдовевшим попам и дьяконам: *Плигузов А. И.* «Соборный ответ 1503 года». С. 755. Публикации: ААЭ. Т. 1. № 383; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] III. № 24. Под датой 1 сентября текст приговора приведен в Послании митрополита Симона в Псков в Псковской 1-й (ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 277) и Новгородской 2-й (ПСРЛ. Т. 30. С. 175—176, 200) летописях.

[48] «Послание во Псков по поводу постановления собора 1503 г. о вдовых священниках (15 июля 1504 г.)» // ААЭ. Т. 1. С. 383.

[49] ПСРЛ. Т. 4. С. 277; Т. 6. Вып. 2. С. 370; Т. 7. М., 2001. С. 243; Т. 12. С. 257; Т. 20. Ч. 1. С. 374; Т. 24. С. 215; Т. 30. С. 200; Т. 38. Л., 1989. С. 336.

[50] Подробный разбор источников см.: *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. С. 245—278.

[51] Известен в двух редакциях, обе опубликованы: Послания Иосифа Волоцкого. С. 322—329. Ранняя редакция частично опубликована, частично пересказана А. С. Павловым: *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. С. 41—48. В последний раз раннюю редакцию опубликовал А. И. Плигузов: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] IV. № 51. С. 837—842.

[52] *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 20. С. 351—354.

[53] Послания Иосифа Волоцкого. С. 366—369.

лологом[54]; Житие Серапиона, архиепископа Новгородского[55].

При открытии соборного заседания неожиданно с речью выступил знаменитый подвижник — Нил Сорский. Он призвал отцов собора запретить монастырям владеть селами, поскольку это нарушает заповеди нестяжания. Призыв Нила был поддержан его единомышленниками, «пустынниками белозерскими». «Слово иное» называет по имени лишь одного из них — старца Дионисия из Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере. Однако все понимали, что за лицами старцев-аскетов скрывается фигура всемогущего великого князя[56].

Старец Нил приходился родным братом великокняжеским дьякам Андрею и Даниле Майко. Старец Дионисий принадлежал к братии Спасо-Каменного монастыря, как и умерший к тому времени верный союзник Ивана III старец Паисий Ярославов. Именно в этом монастыре прожил свои последние годы бывший митрополит Зосима. Выступление старцев было сильным ходом со стороны Ивана III: вопрос о монастырских селах возбуждали сами монахи, а не представители светской власти. Отказаться от владения селами следовало во имя последовательного исполнения монашеских обетов, а вовсе не в угоду требованиям светских властей.

С возражениями белозерским пустынникам не осмелились выступить ни митрополит Симон, ни архиереи. В защиту монастырских владений произнес речь Иосиф Волоцкий. Он указал, что обычай владеть селами появился одновременно с возникновением монашества. На Руси селами владел Киево-Печерский монастырь, прославленный именами чудотворцев Антония и Феодосия, поэтому с оскудением монастырей неизбежно наступит упадок церковной иерархии и разрушение христианской веры. Речь Иосифа Санина открыла возможность вступить в дискуссию остальным участникам церковного собора. Митрополит Симон призвал выступить новгородского архиепископа Геннадия. Однако тот хорошо помнил конфискации церковных и монастырских вотчин у новгородской церкви в 1499 г. Судя по сообщению «Слова иного», он отвечал митрополиту, что не может ничего говорить, ибо «ограблен» ранее. Самым ярким стало выступление игумена Троице-Сергиева монастыря Серапиона. Троице-Сергиев монастырь располагал самыми крупными земельными владениями. Обладавший сильным характером и пользовавшийся большим авторитетом в церкви, троицкий игумен не мог остаться в стороне от вызова, брошенного собору великим князем. Выступление Серапиона, который пользовался расположением Ивана III, окончательно переломило ход соборных заседаний. В результате отцы собора не приняли предложения Нила Сорского и «белозерских пустынников».

Всю вину за провал своих планов великий князь возложил на троицкого игумена. «Вся сия творит Серапион!» — восклицал московский самодержец. Воспользовавшись спором из-за земли, который произошел в волости Илемна между крестьянами и троицкими старцами, великий князь инициировал пересмотр владельческих прав крупнейшего монастыря-вотчинника. В Москву были затребованы грамоты на монастырские владения. Волость Илемну Троицкому монастырю дал сам Иван III около 1467 г. как вклад по душе своей тет-

[54] Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным: По двум рукописям Собрания П. А. Овчинникова / С предисл. С. А. Белокурова. М., 1903.

[55] *Моисеева Г. Н.* Житие Новгородского архиепископа Серапиона. С. 152—165.

[56] Н. В. Синицына отметила, что вопрос противостояния двух традиций русского монашества на кафедру собора 1503 г. вывело лишь вмешательство государственной власти (*Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.) // Монашество и монастыри в России XI—XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 137).

ки княгини Евфросинии. Являвшаяся одним из самых крупных владений Троице-Сергиевого монастыря (по оценке С. Б. Веселовского, не менее 8700 десятин), Илемна играла видную роль в его хозяйстве[57]. Отчуждая ее, Иван III желал продемонстрировать свое право распоряжаться по собственному усмотрению некогда переданными монастырю землями.

Одновременно великий князь потребовал от отцов собора представить письменный ответ, на каком основании монастыри владеют селами. Судя по всему, первый вариант «Соборного ответа» был составлен в спешке, в крайне сжатые сроки. В ответе от имени митрополита, владык и от всего Освященного собора говорилось, что владыки и монастыри владеют земельными владениями со времен равноапостольного императора Константина Великого[58]. Все вселенские и поместные соборы не только не препятствовали святителям и монастырям владеть недвижимыми имуществами, но и категорически запрещали эти имущества кому-либо отдавать или продавать. На Руси же святители и монастыри владеют землями со времен князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Отцы собора вручили текст митрополичьему дьяку Левашу Коншину и отправили его во дворец к великому князю. Московский самодержец был неудовлетворен представленным ответом и потребовал представить новый, более обоснованный.

Новый вариант «Соборного ответа» был более пространным. Составители включили в текст ссылки на примеры из Библии, жития Константина Великого, правил вселенских и поместных соборов, житий святых. Начинался текст «Ответа» примером из Ветхого Завета, из которого следовало, что земли жрецов во времена пребывания праотца Иосифа в Египте оставались неприкасаемыми даже для власти фараона (Быт. 47: 20—22, 24, 26). Второй и третий примеры являлись заимствованиями из Ветхого Завета — из книги Левит (25: 32—33; 27: 14—16, 19, 21). Приводился также эпизод из жития Константина Великого, в котором говорилось о том, как его мать, царица Елена, раздавала церкви недвижимые имущества.

Следующим памятником, аргументацию которого задействовали авторы «Соборного ответа», был «Константинов дар» — апокрифический памятник, который широко использовался для оправдания прав церкви на владение недвижимостью в период Средневековья[59]. Аргументацию усиливали ссылки на канонические правила святых соборов: 32-е и 33-е правила Карфагенского собора; апокрифические правила: 24-е правило V Вселенского собора, 165-е «правило на обидящих святыя Божия

---

[57] *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936. С. 81—82.

[58] Послания Иосифа Волоцкого. С. 322.

[59] «Константинов дар» — документ, составленный в виде завещания императора Константина Великого (272—337), в котором он передавал римскому папе Сильвестру права на владения землями и имуществом, а также исключительные права и привилегии. Фальсифицированный характер этого источника неоднократно разоблачался с XV в. В настоящее время исследователи считают, что эта подделка была составлена в середине VIII в. в Риме либо во Франкском королевстве при Карле Великом или при его преемниках (*Fried J.* Zu Herkunft und Entstehungszeit des "Constitutum Constantini": Zugleich eine Selbstanzeige des Verfassers // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2007. Bd. 63. S. 603—612). Не позднее XII в. «Константинов дар» получил известность в Византии, а в XV в. был переведен на русский язык и получил широкое распространение в Московском государстве в XVI—XVII вв. (*Петров С. Н.* О судьбе вена Константина Великого в Русской церкви // Труды Киевской духовной академии. 1865. Т. 3. С. 471—488; *Павлов А. С.* Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // Византийский временник. 1896. Т. III. Вып. 1. С. 18—82; *Турилов А. А.* Константинов дар в славянской традиции // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 131).

церкви»; 14-е правило Сардикийского собора; 12-е и 18-е правила VII Вселенского собора; 14-ю, 15-ю, 30-ю новеллы императора Юстиниана. Самые сильные аргументы в пользу мнения о неотчуждаемости церковных имуществ содержались в 12-м правиле VII Вселенского собора и апокрифическом правиле 165 отцов святого V Вселенского собора «на обидящих Божия церкви». Авторитет правил был подкреплен указанием на жития Спиридона Тримифунтского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Саввы Сербского. Примерами из названных житий подтверждались права церквей на владение селами. Правомочность монастырского землевладения обосновывалась ссылками на примеры из житий столпов византийского монашества: Антония Великого, Геласия чудотворца, Афанасия Афонского, Феодора Студита. Далее в ответе утверждалось, что все русские чудотворцы, начиная с Антония и Феодосия Печерских, владели селами. Затем в тексте соборного доклада была вновь помещена ссылка на князей Владимира и Ярослава, снабжавших церкви и монастыри всем необходимым. В заключении отцы собора сочли нужным отметить, что до сих пор все благочестивые русские великие князья давали в монастыри земельные владения.

Для прочтения этого ответа великому князю во дворец явилась представительная делегация во главе с митрополитом Симоном. Представленный ответ снова не удовлетворил великого князя. От отцов собора потребовали аргументы в пользу неотчуждаемости церковных имуществ, опирающиеся на русский материал. Кроме того, великий князь потребовал разъяснить, что значит «недвижимые стяжания», которыми столь часто оперировали авторы.

Третий вариант ответа вновь включал в себя ссылки на деяния царя Константина Великого и его матери царицы Елены, наделявших церкви и монастыри недвижимыми имениями. Последние определялись следующим образом: «Недвижимыя ж стяжаниа — суть прежереченная: грады, власти, села и прочая, подобная сим». Ссылка на князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого была дополнена указанием на князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, а главное, появилось упоминание великого князя Ивана Калиты — прямого предка московских самодержцев. Для оглашения подготовленного ответа во дворец великого князя снова был отправлен дьяк Леваш. Но великий князь не был удовлетворен и на этот раз. По-видимому, он готовился на практике воплотить в жизнь решение о конфискации по крайней мере части монастырских вотчин.

Исход противостояния решил случай: 28 июля 1503 г. у великого князя случился инсульт, парализовало половину тела («отняло у него руку и ногу и глаз»)[60]. Московскому самодержцу на момент церковного собора было 63 года — весьма преклонный возраст для того времени. Более сорока лет он находился во главе набиравшего силу Московского государства. Здоровье его было подорвано раздорами с братьями, конфликтами в семье из-за вопроса о престолонаследнике и т. д. Противостояние с церковью требовало значительного напряжения сил. Изучение формуляра дошедшей до нас духовной грамоты Ивана III привело С. М. Каштанова к выводу, что этот документ был составлен накануне смерти завещателя[61]. О связи болезни великого князя с провалом проекта секуляризации церковных земель на соборе 1503 г. сообщают

[60] *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви. С. 352. Точная дата содержится в Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 257. Точная дата болезни свидетельствует о ее внезапности, а само летописное известие — о тяжести недуга (*Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 218—219).

[61] *Каштанов С. М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. С. 244.

«Слово иное», анонимное Житие Иосифа и зависимое от него Житие Серапиона.

Вопрос о монастырских и владычных землях исчез из обсуждения так же внезапно, как и появился. Забыть об инциденте, бросающем тень на репутацию Ивана III как благочестивого правителя, постарались и светские власти, и духовные[62]. По этой причине в официальном летописании получили отражение лишь приговоры собора 1503 г., посвященные дисциплинарным вопросам.

Согласно решениям собора 1503 г. было запрещено взимание пошлин в пользу архиереев за поставление в священники[63]. Запрещалось служить церковные службы вдовым попам и дьяконам[64]. На устранение вредных последствий были направлены и другие решения собора: о запрете совместных монастырей, где проживали мужчины и женщины, и о соблюдении дисциплины при проведении богослужений[65]. В процедуре принятия соборного приговора участвовал и Иосиф Волоцкий, о чем имеется авторитетное свидетельство в 79-й главе Стоглава.

Благоприятный для землевладения церкви (в первую очередь монастырей) исход этого собора заставил великокняжеское правительство искать другой путь согласования интересов церкви и государства. Собор 1503 г. *de facto* заложил основы тех взаимоотношений между государством и церковью, которые *de jure* были оформлены Стоглавом в середине XVI в. и вплоть до времени Петровских реформ определяли сферы разграничения интересов обеих сторон в материальном плане.

Сами же события сохранялись в памяти участников церковного собора, которые на протяжении последующих десятилетий оставили воспоминания о попытке великого князя отобрать монастырские села. При этом разные авторы вспоминали это событие в различном контексте. Вассиан Патрикеев угрожал Иосифу Волоцкому тем, что заставит великого князя Василия III отбирать села у монастырей, как некогда это пытался сделать Иван III. Автор «Письма о нелюбках» вспоминал событие, положившее начало вражде «осифлян» и «кирилловских старцев». Автор «Слова иного» стремился выставить на первый план фигуру троицкого игумена Серапиона, отстоявшего монастырские земли. Наконец, авторы житий Иосифа и Серапиона желали прославить героев своих повествований, отмечая, что выступления каждого стали решающими в деле сохранения монастырских имуществ.

Разрешение династического кризиса и конец ереси жидовствующих. В период между апрелем 1502 и декабрем 1504 г. при дворе великого князя, в обителях Москвы и Новгорода, в заволжских скитах и пустынях обсуждали насущный вопрос о судьбе еретиков-жидовствующих. Значение центральной фигуры в этом споре приобрел игумен Иосиф Волоцкий. К 1502 г. уже получила известность его «Книга на еретиков», написанная в опровержение взглядов жидовствующих[66]. В этом трактате после-

[62] Н. В. Синицына полагала, что в официальных источниках споры по земельному вопросу не отразились, поскольку не было вынесено никакого решения (*Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 140).

[63] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] III. С. 660—662; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 370; Т. 12. С. 257. Принятое Уложение ограничивало доходы архиереев и было отменено решениями собора 1551 г.

[64] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] III. № 24. С. 658—660.

[65] Судя по сочинению И. Фабри, он был ознакомлен с дисциплинарными решениями собора 1503 г.; см.: *Фабри И.* Религия московитов // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. М., 1997. С. 185.

[66] *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 425—441.

довательно и досконально опровергались взгляды тех, кто снискал себе славу первых интеллектуалов при московском дворе: настоятелей главных храмов Московского Кремля — протопопа Успенского собора Алексея и попа Дениса — и великокняжеского дьяка Федора Курицына. Любопытно, что осуждению на соборе 1490 г. подвергся лишь поп Денис, а впервые обвиненный в качестве ересиарха еще в 1488 г. Федор Курицын вплоть до 1500-х гг. сохранял свое высокое положение при дворе Ивана III.

Московский самодержец внезапно обнаружил приязнь к волоколамскому игумену. В период между апрелем 1502 и маем 1503 г. имели место три их свидания. Государь всея Руси стремился получить у волоцкого игумена прощение за покровительство еретикам, ссылаясь на то, что митрополит и владыки его уже простили, но тот требовал действенных мер по розыску и наказанию изобличенных еретиков. Вероятно, под влиянием Иосифа Волоцкого (Санина) великий князь в 1502 г. назначил его родного брата, Вассиана Санина, архимандритом московского Симонова монастыря.

Проводя расследование деятельности жидовствующих, Вассиан неожиданно получил в свое распоряжение факты, изобличавшие в качестве еретика митрополита Зосиму. К тому времени последний уже проживал на покое в Троице-Сергиевом монастыре, где пользовался почетом и уважением, сохранял большую часть своего влияния среди владык и духовенства. Получив свидетельства очевидцев, изобличавших бывшего митрополита в еретичестве, волоцкий игумен срочно дополнил свой трактат «Сказанием о новоначальной ереси». Если Слова основной части «Книги на еретиков» были написаны с целью разоблачения взглядов протопопа Алексея, попа Дениса и дьяка Федора Курицына, то в «Сказании...» главным врагом православия стал митрополит Зосима.

Это было очень смелым шагом. Зосима продолжал пользоваться доверием московского самодержца. Он имел союзников среди высшего духовенства, которые были обязаны ему своим возвышением. Обвинение в ереси влекло за собой серьезные последствия для всех священнослужителей, которые имели общение с обвиняемым. Согласно 10-, 11-, 45- и 70-му апостольским правилам и 12-му правилу апостола Павла, извержению из сана и отлучению подлежали все, кто молился, служил, праздновал или постился вместе с еретиками. По этой причине поддержка обвинений Иосифа Волоцкого была чревата серьезными неприятностями преимущественно для столичного духовенства.

Среди духовенства и мирян было распространено убеждение в том, что епископ или митрополит, оставивший кафедру, сохраняет святительскую власть налагать или снимать запрещение, а также проклинать неповинующихся ему. Боязнь подвергнуться проклятию парализовала волю даже тех епископов и священнослужителей, которые готовы были поддержать волоцкого игумена в борьбе с еретиками. Еретики умело прикрывались этим. Нельзя было рассчитывать на решительный успех в борьбе с ересью, не добившись окончательного устранения Зосимы с политической сцены.

В этих целях Иосиф Волоцкий пишет 12-е Слово «Книги на еретиков». Тема его обозначена в заглавии: «Против ереси новгородских еретиков, говорящих, будто если епископ будет еретиком и не благословит или проклянет кого-либо из православных, Божий суд последует его суду». Для доказательства противоположного тезиса — о том, что Божий суд не следует проклятию еретика-епископа, — волоцкий игумен мобилизовал весь набор аргументов, искусно подобранных из канонических правил, сочинений святых отцов и текстов Библии.

На основании 12-го Слова Иосиф написал послание епископу Нифонту Суздальскому. В нем Иосиф призывает Нифонта возглавить борьбу с ересью и пытается рассеять его сомнения относительно свя-

тительской власти бывшего митрополита[67]. В начальной части послания Иосиф сообщает епископу Нифонту факты, показывающие причастность митрополита Зосимы к ереси жидовствующих. Все эти обвинения были снабжены подробными доказательствами, сообщенными епископу братом Иосифа Вассианом Саниным. Иосиф призывал епископа Нифонта выступить на борьбу с ересью, стать поборником православной веры в «последние времена», встать в один ряд со знаменитыми исповедниками православия византийскими патриархами Германом, Никифором и Мефодием, боровшимися против иконоборцев. Упоминание патриарха Мефодия указывает, что после падения покровителей еретиков при дворе актуальными являлись именно дисциплинарные меры[68]. По мнению Иосифа, многие отступили от веры отцов под влиянием еретиков. Эти еретики, среди которых были дети и ученики лиц, проклятых на соборе 1490 г., свободно посещали митрополита («не выходят и спят у него»). Даже православные продолжали общение с митрополитом Зосимой и отказывались считать его еретиком («Мы у него не слыхали ничего»). Однако доказательства того, что Зосима является еретиком, как писал Иосиф, неоспоримы, поскольку подкреплены достоверными свидетельствами.

Чтобы добиться смертной казни для еретиков, необходимо было представить каноническое обоснование. Этому Иосиф Волоцкий посвятил 13-е Слово своей книги. На основании данной главы было составлено послание об осуждении еретиков, в котором с аргументацией Иосифа могли познакомиться все желавшие. Тему осуждения еретиков продолжает 14-е Слово. Здесь доказывается необходимость организации следствия, в процессе которого можно выявить еретичествующих. Противники волоцкого игумена, согласившись осудить ересь, полагали, что не следует заниматься розыском еретиков. Достаточно осудить тех, кто лично признался в принадлежности к ереси. Это мнение исходило не от некоторых сторонников гуманного отношения к еретикам, а от лиц, непосредственно замешанных в ереси или связанных с еретиками какими-либо узами. Всецело сочувствовал этому мнению и Иван III, опасавшийся новых упреков в покровительстве еретикам. Но Иосиф настаивал на проведении следствия, в процессе которого еретики были бы изобличены показаниями нескольких свидетелей. Тем самым появлялась возможность установить степень вины каждого.

Вскоре после завершения работы над 12-, 13-, 14-м Словами «Книги на еретиков» Иосиф Волоцкий начал рассылать послания к влиятельным иерархам, в которых призывал начать борьбу с высокопоставленными еретиками. На сегодняшний день известно четыре таких послания. Первое, как указано выше, было адресовано епископу Нифонту Суздальскому. Второе адресовано архимандриту Евфимию, возглавлявшему Рождественский монастырь во Владимире, которому принадлежало первое место в иерархии русских обителей. Волоцкий игумен также просил архимандрита Евфимия выступить против еретиков. Следующие два послания адресованы брату Вассиану, который занимал пост архимандрита Симонова монастыря и являлся самым верным соратником Иосифа[69]. Послания Иосифа

[67] Послание Нифонта известно в Пространной (Послания Иосифа Волоцкого. С. 160—168) и Краткой (Там же. С. 168—172) редакциях. Следует согласиться с мнением Я. С. Лурье, что первичной является именно Пространная редакция (Там же. С. 252). В послании имя Зосимы не названо, однако, сопоставив его текст с текстом 12-го Слова, легко убедиться, что речь идет о митрополите Зосиме.

[68] О деятельности патриарха Мефодия см.: *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784—847). М., 1997. С. 85—115.

[69] Обоснование атрибуции и датировки «Послания архимандриту Вассиану» см.: *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480—1510-х гг. М., 2010. С. 235—241.

означали переход к практическим действиям в борьбе с ересью. Церковные и светские власти должны были собирать свидетельства очевидцев, искать доказательства вины изобличенных.

Полемическая активность волоцкого игумена шла вразрез с ожиданиями великого князя. По-видимому, первоначально в планы Ивана III входило преследование исключительно новгородских еретиков, как это было в 1490 г. По крайней мере, на первом свидании московский самодержец признался Иосифу в том, что «ведал» новгородских еретиков[70]. На это признание волоцкий игумен с соблюдением требований этикета, но твердо отвечал, что получить прощение можно лишь предприняв против еретиков карательные меры. Во время второй их беседы великий князь сообщил нечто новое — оказывается, он ведал и другие ереси, которые «держали» протопоп Алексей и дьяк Федор Курицын. Очевидно, признания московского князя были вынужденными. Но Иван III счел возможным продолжить свои откровения. Он заявил, что ересь проникла и в великокняжескую семью, и даже его сноху Елену Стефановну совратил в ересь Иван Максимов. Заметим, что ни архиепископ Геннадий, ни Иосиф Волоцкий не позволяли себе ни малейшего намека на причастность к ереси кого-либо из семьи московского самодержца. Иван III собственными устами обвинил в ереси Елену Стефановну. К тому моменту выбор престолонаследника уже был сделан в пользу княжича Василия, а сноха и венчанный на царство внук Дмитрий Иванович находились в заточении. Обвинения в ереси служили дискредитации наследника престола, оправдывали выбор в пользу княжича Василия.

Факты, полученные в ходе обыска, уличали в еретичестве лиц из ближнего окружения великого князя. Среди них были и дьяк Федор Курицын, и митрополит Зосима. Справедливость обвинений в адрес первого великий князь признал, но выдать второго решительно отказался. Вместо того чтобы предстать перед своими обвинителями на церковном суде, Зосима был отправлен в далекий Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. В расспросных речах еретиков все чаще упоминались люди, которыми не желал жертвовать великий князь. Иван III противился расширению обыска, в ходе которого в круг обвиняемых могли попасть многие из его приближенных. Он предпочел дать Иосифу новые обещания, но не торопился их исполнять. На протяжении года великий князь игнорировал требования Иосифа, а когда на третьем свидании, предположительно летом 1503 г., тот категорически высказался в пользу смертной казни еретиков, Иван III велел ему замолчать.

Вскоре после третьего свидания Иосиф написал послание духовнику великого князя архимандриту Андроникова монастыря Митрофану[71]. Поскольку Митрофан был учеником Иосифа Волоцкого, то логично предположить, что великокняжеским духовником андрониковский архимандрит стал со времени тяжелой болезни великого князя. Иосиф ставил перед Митрофаном вполне конкретную задачу — добиться от великого князя обыска и наказания для изобличенных еретиков вплоть до смертной казни. Полупарализованный государь всея Руси был вынужден предпринять длительную поездку по монастырям для примирения с церковью. Он уже был не в состоянии защищать еретичествующих, и его согласие на преследования и казни являлось лишь вопросом времени. При этом Иван III стремился всячески затянуть процесс обыска.

Следственные дела по делу жидовствующих начались не позднее весны—лета 1504 г., а к декабрю, когда состоялся цер-

[70] Послания Иосифа Волоцкого. С. 175.

[71] Там же. С. 175—178.

ковный собор, основная база обвинений была уже сформирована. Соборный приговор 1504 г. не сохранился. Об обвинениях, которые были предъявлены еретикам, можно судить на основании 15-го Слова «Книги на еретиков». Иосиф Волоцкий при его написании использовал соборный приговор и материалы («расспросные речи»), собранные в ходе следствия[72]. По большей части они содержали обвинения в богохульствах, совершенных еретиками, о которых сообщили следствию свидетели. Например, подьячий Алексейко Костев вытащил из часовни икону Успения Богоматери, бросил ее на землю и «стал спускать на нее скверную свою воду». Некий Юрка Рушеник клал икону в «скверную лохань». Дьякон Макар ел мясо в Великий пост и плевал на икону Богоматери. Другие еретики подкладывали иконы под свои постели и спали на них, иные же клали их под ноги, когда мылись. Среди богохульств наиболее часто фигурировали осквернения церквей, иконоборчество, поругание креста. Совершение богохульств на собраниях еретичествующих служило двум целям: во-первых, еретический кружок скреплялся фактами совместно совершенных преступлений; во-вторых, оскверняя икону или крест, новоявленный адепт ереси заявлял себя верным ее сторонником.

На соборе были осуждены архимандрит новгородского Юрьева монастыря Кассиан, Иван Максимов, Некрас Рукавов, Иван Волк Курицын, Митя Коноплев, Иван Самочерный, Гридя Квашня, Митя Пустоселов и др.[73] В декабре—январе в Москве и Новгороде состоялись казни еретиков. В самом полном списке анафематствования жидовствующим, где собраны имена всех осужденных соборами 1490 и 1504 гг., значатся сорок три имени. Открывает этот список имя митрополита Зосимы[74]. Однако сам Зосима никогда не был осужден на соборе.

В защиту покаявшихся выступили «белозерские пустынники». Казней избежали дьяк Федор Курицын (его сын Афанасий Федорович сделал успешную карьеру дьяка при дворе Василия III) и бывший митрополит Зосима, закончивший свои дни в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере. Полемическое противостояние нестяжателей и иосифлян, открывшееся в 1503 г. спором о монастырских селах, продолжилось спорами о судьбе еретиков[75]. Тесные связи с Кирилло-Белозерским монастырем имели митрополит Зосима, архимандрит Кассиан, другие лица, обвиненные в ереси. Вероятно, с началом следствия в Симоновом монастыре некоторые из заподозренных предпочли перебраться в кельи Кирилло-Белозерского монастыря.

С конца 1503 г. власть сосредоточилась в руках наследника престола Василия Ивановича[76]. Это обстоятельство роковым образом сказалось на судьбе новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова). В сентябре 1503 г. в Чудове монастыре в присутствии митрополита Симона и архиепископа Геннадия был освящен храм во имя святителя Михаила, построенный в значительной степени на деньги новгородского владыки[77]. Спустя короткое время возвратившийся в

---

[72] См.: *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — XVI в.: Стригольники и жидовствующие. С. 359—368.

[73] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 372; Т. 8. С. 244; Т. 12. С. 258; Т. 20. Ч. 1. С. 375.

[74] РГБ. Троицкое собр. № 740. Л. 116 об.—117 об.

[75] См.: *Алексеев А. И.* Когда началась полемика иосифлян и нестяжателей? // Нил Сорский в культуре и книжности Древней Руси: Материалы Международной научной конференции IV Загребинские чтения. Санкт-Петербург, 12 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 29—40.

[76] ДДГ. № 89. С. 353. Обоснование этой даты см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 198—202.

[77] Иоасафовская летопись. С. 145.

Новгород архиепископ был сведен с престола по обвинению в том, что он продолжал взымать пошлины при поставлении священников, нарушая решения собора 1503 г.[78] Следует вспомнить, что в посланиях архиепископа Геннадия митрополиту Симону затрагивался вопрос об отношении к дозволенным и недозволенным канонами бракам церковно- и священнослужителей. По-видимому, различия в трактовке этих ситуаций между митрополитом Симоном и стоявшим за его спиной великим князем Василием Ивановичем с одной стороны и архиепископом Геннадием — с другой и привели к отставке последнего[79].

В январе 1505 г. были произведены важнейшие назначения в церковной иерархии: 15 января архиепископом Новгорода был назначен игумен Троице-Сергиева монастыря Серапион, а 18 января архиепископом Ростова стал архимандрит Симонова монастыря Вассиан Санин[80]. Оба назначения символизировали победу церковной иерархии, добившейся на соборе 1503 г. отклонения секуляризационных замыслов великого князя и настоявшей на преследованиях еретиков на соборе 1504 г. В феврале 1506 г. этот ряд церковных иерархов пополнил архимандрит Митрофан Андрониковский, которого митрополит Симон поставил епископом Коломны[81]. В 1507 г. новым епископом Крутицким стал Досифей.

Митрополит Симон 4 сентября 1505 г. в Успенском соборе венчал великого князя Василия Ивановича с Соломонией Юрьевной Сабуровой[82]. По повелению великого князя Василия и митрополита Симона 1 декабря 1505 г. архимандрит Новоспасского монастыря Афанасий крестил казанского царевича Кудайкула с именем Петр[83].

Первый государь всея Руси великий князь Иван III умер 27 октября 1505 г. В 1507 г., 3 октября, великий князь Василий III «по совету» главы Русской церкви осуществил грандиозную акцию по перенесению мощей своих прародителей в стены Архангельского собора. В специально устроенные погребальные камеры были перемещены останки великих князей Московских: Василия II, Ивана III, Ивана I Калиты, Симеона Гордого, Ивана II Красного, Дмитрия Донского, Василия I, Ивана Ивановича Молодого[84]. Вслед за мощами великих князей в собор были перенесены останки удельных князей московского княжеского дома.

В 1508 г. произошло событие, имевшее далеко идущие последствия: волоцкий игумен Иосиф обратился к великому князю с просьбой защитить монастырь от насилий удельного князя Федора Борисовича и принять его в свое государство. Великий князь обратился за советом к митрополиту Симону. Митрополит собрал церковный собор, и по его благословению великий князь взял Иосифо-Волоцкий монастырь под свое покровительство[85]. Решением великого князя и митрополита Симона просьба Иосифа была удовлетворена, и верховным патроном монастыря стал великий князь. При этом Иосифо-Волоколамский монастырь в церковном отношении остался подведомственным новгородскому архиепископу и

---

[78] Иоасафовская летопись. С. 146.

[79] *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — XVI в.: Стригольники и жидовствующие. С. 141—144.

[80] Иоасафовская летопись. С. 148.

[81] Там же. С. 150.

[82] Там же. С. 147.

[83] Там же. С. 148.

[84] Там же. С. 152.

[85] Там же. С. 155; ПСРЛ. Т. 8. С. 248.

продолжал платить налоги со своих земель волоцкому князю[86].

Новгородский архиепископ Серапион, усмотрев в этом решении нарушение своих архипастырских прав, отлучил волоцкого игумена от церкви. Иосиф Волоцкий обратился с просьбой о заступничестве к митрополиту Симону[87]. Митрополит Симон направил в Иосифо-Волоколамский монастырь послание, в котором сообщал, что решением церковного собора игумен и братия монастыря разрешаются от отлучения, а архиепископ Серапион отлучается[88]. Архиепископ Серапион не позднее мая 1509 г. был сведен с поста архиепископа, доставлен в Москву и заключен в одном из монастырей[89]. Находясь в заточении в ожидании суда, Серапион написал послание митрополиту Симону, в котором жестоко обвинял Иосифа Санина[90]. Следует сказать, что попавший в опалу Серапион имел основания рассчитывать на благосклонность митрополита, ибо именно он сменил Симона как игумен Троице-Сергиева монастыря.

Дело архиепископа Серапиона расследовалось на церковном соборе в июле 1509 г.[91] В соборных заседаниях, помимо митрополита и епископов, участвовали архимандриты и игумены крупнейших монастырей, настоятели московских церквей. Значительность события подчеркивало и участие в заседаниях великого князя Василия III. Сторону обвинения представляли архиепископ Ростовский Вассиан Санин, брат Иосифа, и игумен московского Богоявленского монастыря Нил Грек. Перед архиепископом Серапионом была положена Кормчая книга, в которой содержались канонические правила, и опальному владыке было предложено показать, какими канонами руководствовался он, когда принимал решение об отлучении игумена Иосифа. Архиепископ отказался давать объяснения, но настаивал на своем праве благословлять или отлучать подведомственного ему игумена, равно как и на праве волоцкого князя жаловать или грабить свой монастырь[92]. Действия архиепископа Серапиона подпадали под суровые нормы канонического права: 134-е правило Карфагенского поместного собора предусматривало лишение сана и отлучение для того епископа, который наложит наказание на кого-либо не по каноническим правилам, но по своей воле. По приговору собора Серапион был заточен в Спасо-Андрониковском монастыре под началом ученика Иосифа архимандрита Симеона.

Конфликт между архиепископом Серапионом и игуменом Иосифом Волоцким оказался в центре общественного внимания[93]. По сообщению Жития Серапиона, своему архиепископу выражали открытое сочувствие жители Великого Новгорода[94]. Герман из числа старцев Кирилло-Белозерского монастыря адресовал послание проживавшему в заволжских скитах постриженнику Иосифова монастыря Нилу Поле-

[86] АФЗХ. Ч. 2. М., 1956. № 45, 55; Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. С. 41.

[87] Послание митрополиту Симону см.: Послания Иосифа Волоцкого. С. 185—186.

[88] Послание опубликовано в: *Алексеев А. И.* О переходе Иосифо-Волоколамского монастыря под патронат великого князя // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: Сборник статей. Вып. 3. М., 2013. С. 213—214.

[89] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 92; Т. 6. Вып. 2. С. 386—388; Т. 24. С. 216; Т. 30. С. 176.

[90] Послание архиепископа Серапиона опубликовано в: Послания Иосифа Волоцкого. С. 331—333.

[91] Там же. С. 222—226; АИ. Т. 1. № 290.

[92] Послания Иосифа Волоцкого. С. 223.

[93] В историографии ситуацию, связанную с переходом Иосифо-Волоколамского монастыря под великокняжеский патронат, часто принято рассматривать с точки зрения противника Иосифа Вассиана Патрикеева, игнорируя то обстоятельство, что это изложение крайне тенденциозно.

[94] *Моисеева Г. Н.* Житие Новгородского архиепископа Серапиона. С. 163.

ву, в котором указывал, что Иосиф и все его постриженники отлучены от церкви и им надлежит просить прощения у Серапиона[95]. В Москве «люди многые» говорили, что Иосифу следовало оставить монастырь, а не обращаться с жалобами к великому князю. К опальному архиепископу обращались со словами поддержки: «Ты, деи, государь — святой, лица сильных не срамляйся, стой крепко». И. И. Третьяков призывал Иосифа просить прощения у архиепископа Серапиона, свои сомнения относительно правоты волоцкого игумена выражали близкие ему Б. В. Кутузов и И. И. Головин. Явно сочувственное отношение к архиепископу Серапиону прослеживается в новгородском летописании[96].

Иосифу Санину пришлось подробно выступить с развернутой аргументацией в защиту своей позиции в ответных посланиях И. И. Третьякову[97] (декабрь 1510 — январь 1511 г.) и Б. В. Кутузову[98] (до апреля 1511 г.). Иван Иванович Скряба-Головин признавался Иосифу, что, когда он последовательно знакомился с перипетиями этой истории, его симпатии склонялись то в пользу Серапиона, то в пользу Иосифа[99]. Мнения в обществе разделились. В этой атмосфере оживленного обсуждения впервые в полемику включился князь-инок Вассиан Патрикеев.

Не позднее 1509 г. Вассиан из обители преподобного Кирилла Белозерского переселился в келью московского Симонова монастыря. Он приходился Василию III троюродным дядей и уверенно занял высокое место при дворе. Приблизительно с зимы 1510/11 г. он превратился в главного советника великого князя по вопросам церковной политики. Вассиан Патрикеев сумел привить своему венценосному троюродному племяннику новый взгляд на это дело, совершенно противоположный тому, которого держался Василий III в момент суда над архиепископом в июле 1509 г. Этот взгляд был изложен в сочинении, которое опубликовано под названием «Ответ на послание Иосифа Волоцкого Ивану Ивановичу Третьякову»[100].

Исходной позицией для нападок на волоцкого игумена князь-инок избрал то, что, не желая уступать законным требованиям своего господина, корыстолюбивый игумен, находясь в вотчине своего князя, кле-

---

[95] *Жмакин В.* Нил Полев // ЖМНП. СПб., 1881. № 8. С. 184—191.

[96] ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 213.

[97] Послания Иосифа Волоцкого. С. 187—207.

[98] Там же. С. 208—227.

[99] Там же. С. 335.

[100] Полностью опубликовано в: Там же. С. 336—366. Впервые отрывки из этого послания опубликовал В. Ф. Ржига, сопроводив их своими комментариями; см.: *Ржига В. Ф.* Из полемики иосифлян и нестяжателей // Известия АН СССР. Сер. VII. 1929. № 10. С. 807—816. А. А. Зимин уверенно атрибутировал это сочинение Вассиану Патрикееву. Н. А. Казакова считала, что это сочинение не принадлежит Вассиану Патрикееву (*Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. Л., 1960. С. 173—175). Я. С. Лурье также не согласился с доводами А. А. Зимина, но вероятность участия Вассиана Патрикеева в деле архиепископа Серапиона он признавал (*Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 434—436, 442—443). Л. Е. Морозова на основе количественных методов анализа стиля этого произведения отклоняла авторство Вассиана и предполагала, что автором Ответа мог быть заволжский старец Герман Подольный (*Морозова Л. Е.* Количественные методы и вопрос об авторстве ответа на послание Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 5—14). Ю. В. Анхимюк обратил внимание, что аргументация Ответа, неизвестного в части, касающейся преследования еретиков, имеет аналогии и прямые совпадения с подобной аргументацией в Слове на «Списание Иосифа» (*Анхимюк Ю. В.* Слово на «Списание Иосифа» — памятник раннего нестяжательства // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1990. Вып. 49. С. 134—135). По своим стилистическим особенностям Ответ на послание Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову должен быть уверенно отнесен к творчеству Вассиана Патрикеева.

ветой и доносами вооружил против своего господина великого князя[101]. Иосиф, имеющий письменное благословение от митрополита, считался им отлученным, а Серапион, отлученный по решению церковного собора, подтвержденному письменным же приговором, считался сохранившим прерогативы святителя.

В рассмотренном послании продолжились две темы, намеченные в ранней полемике иосифлян и нестяжателей. Первая — это осуждение «монастырских стяжаний», которое восходит к спорам на церковном соборе 1503 г. Князь-инок обращался к своему оппоненту с вопросом: в каких книгах писано, чтобы всякому было велено расходовать накопленные богатства, а обитателям монастырей собирать их и накапливать в своих стенах?

Вассиан Патрикеев также возлагал на Иосифа Волоцкого всю вину за преследование еретиков, которых считал оклеветанными. Продолжая развивать линию аргументации «Ответа кирилловских старцев», Вассиан адресовал Иосифу упрек в том, что тот хочет всех грешных «по своему уставу» «побить и сжечь». Обе темы получат продолжение в его новых сочинениях.

В январе 1510 г. митрополит Симон печаловался перед великим князем Василием III за его брата князя Семена Ивановича, на которого была возложена опала в связи со слухами о его готовящемся бегстве в Литву[102]. Возможно, это печалование дало повод великому князю задуматься о более подходящей кандидатуре на митрополичью кафедру.

Соперничество Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей в качестве духовных центров давно отмечено в историографии[103]. После того как Вассиан Патрикеев поселился в Симоновом монастыре и стал «великим временным человеком» при дворе Василия III, перевес в споре склонился на сторону нестяжателей. Под влиянием князя-инока Вассиана Патрикеева Василий III велел митрополиту Симону примириться с Серапионом и попросить у него прощения. Незадолго до этого опальный архиепископ Серапион был освобожден из Андроникова монастыря и переведен в родной для него Троице-Сергиев монастырь, где его торжественно встречала монашеская братия. По-видимому, не позднее весны 1511 г. великий князь потребовал, чтобы волоцкий игумен «бил челом» о прощении бывшему архиепископу Серапиону.

Вскоре, 26 апреля 1511 г., митрополит Симон по болезни оставил митрополичью кафедру. Три дня спустя он умер в Троице-Сергиевом монастыре[104]. Митрополичья кафедра оставалась вакантной не более трех месяцев, что свидетельствует в пользу версии о том, что подходящий кандидат уже имелся. Великий князь Василий III, вероятно под влиянием Вассиана Патрикеева, благоволил к архимандриту Симонова мона-

---

[101] Послания Иосифа Волоцкого. С. 338.

[102] Иоасафовская летопись. С. 158; ПСРЛ. Т. 8. С. 252. Любопытно, что в Вологодско-Пермской летописи о заступничестве митрополита ничего не говорится, а сообщается, что «князь великий Василеи приятъ радостнее своего меншаго брата Семиона и облобыза его, яко отец чадо, и его прегрешение отпусти ему» (ПСРЛ. Т. 26. С. 302).

[103] *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси в XIV—XVI вв. С. 185. Принято считать, что «литературная борьба за монастырские имущества заострилась уже по смерти преп. Нила между учениками обоих преподобных» (*Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. С. 415). Бесспорно, однако, что пик противостояния был достигнут на соборе 1503 г., а последующая полемика уже не влияла на политику светских властей в отношении церковных имуществ.

[104] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 392—393; Т. 24. М., 2000. С. 217. Софийская 2-я, Воскресенская и Иоасафовская летописи сообщают о том, что митрополит Симон примирился перед смертью с архиепископом Серапионом (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 393; Т. 8. С. 252; Иоасафовская летопись. С. 158).

стыря Варлааму[105]. Отмечают, что в период настоятельства Варлаама Симонов монастырь не приобрел новых владений. Это обстоятельство трактуется как свидетельство нестяжательских взглядов Варлаама. В любом случае Василий III продолжал оказывать доверие сторонникам противоположных церковных партий. В походе на Псков в 1510 г. великого князя сопровождали близкий сотрудник Иосифа Волоцкого коломенский епископ Митрофан и близкий к Вассиану Патрикееву архимандрит Варлаам[106].

Оценивая период первосвятительства митрополита Симона, который управлял Русской церковью на протяжении шестнадцати лет, следует признать, что он не являлся самостоятельной фигурой. Единственный раз на церковном соборе 1503 г. он, присоединившись к мнению большинства, осмелился противиться воле великого князя. В остальном митрополит Симон являлся послушным исполнителем, который не стремился заявить свою позицию, если это угрожало столкновением со светской властью. Нельзя его признать и автором сколько-нибудь оригинальных сочинений[107].

Первосвятительство митрополита Варлаама (1511—1521 гг.). 27 июля 1511 г. архимандрит Симонова монастыря Варлаам был наречен новым митрополитом; 3 августа состоялась церемония его поставления на митрополию, на которой присутствовали архиепископ Вассиан Ростовский, епископы Симеон Суздальский, Протасий Рязанский, Нил Тверской, Митрофан Коломенский, Досифей Крутицкий, а Никон Пермский прислал повольную грамоту[108]. Митрополит Варлаам происходил из Кирилло-Белозерского монастыря и являлся ставленником Вассиана Патрикеева.

Высшие иерархи (митрополит Симон, архиепископы Геннадий Гонзов и Серапион), отстоявшие на соборе 1503 г. неприкосновенность монастырских владений, к 1511 г. лишились своих постов. По настоянию Вассиана Патрикеева Василий III склонялся к тому, чтобы вновь был рассмотрен вопрос о монастырских вотчинах. Об этом свидетельствует «Прение с Иосифом». В этом публицистическом сочинении в уста Вассиану вложена следующая фраза: «сие, Иосифе, на мя не лжеши, что аз великому князю у манастырей села велю отьимати и у мирских церквей»[109].

За десятилетие, когда Варлаам возглавлял Русскую церковь, С. М. Каштанов выявил две тенденции в политике правительства Василия III по отношению к монастырскому землевладению. При общем

---

[105] Великий князь Василий III 27 апреля 1507 г. дал Варлааму грамоты, которыми предоставлялись определенные льготы владениям Симонова монастыря в Московском, Владимирском, Коломенском и Переславском уездах и на Белоозере (АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. № 4—8. С. 11—18), однако при этом монастырь не освобождался от уплаты налогов. Щедрым пожалованием была выданная великим князем 8 января 1510 г. проезжая грамота Симоновской корпорации, давшая право безналогового провоза двадцати видов товаров (АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). № 11. С. 20).

[106] Иоасафовская летопись. С. 157; ПСРЛ. Т. 8. С. 251; Т. 26. С. 301.

[107] См. сочинения митрополита Симона: Поучение священнослужителям // АИ. Т. 1. № 109; Окружное послание о милостыне, собираемой святогорским старцем Герасимом (1495—1505 гг.) // Там же. № 103. С. 145—146; Послание духовенству в Пермь о соблюдении пастырских обязанностей (22 августа 1501 г.) // Там же. № 112. С. 166—167; Послание мирянам в Пермь против языческих обычаев (22 августа 1501 г.) // Там же. № 112. С. 168—169; Ставленная грамота преподобному Корнилию Комельскому от 1 февраля 1501 года // Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855. С. 60—61. Б. А. Успенский предположил, что митрополит Симон являлся автором знаменитой концепции «Москва — третий Рим»; см.: *Успенский Б. А.* Избранные труды. 2-е изд. Т. 1. М., 1996. С. 88—94. Эта догадка не получила признания среди специалистов.

[108] Иоасафовская летопись. С. 158; ПСРЛ. Т. 8. С. 252; Т. 26. С. 302.

[109] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. С. 279.

курсе на ограничение монастырского землевладения правительство не отказывалось предоставлять некоторым монастырям незначительные финансовые привилегии, в то же время объектом щедрых пожалований были монастыри (в том числе Иосифо-Волоколамский) в ликвидированном Волоцком уделе и в Тверской земле[110]. В любом случае связывать курс на ограничение монастырского землевладения с личностью митрополита Варлаама нельзя, так как, согласно выводу С. М. Каштанова, наиболее последовательно такая политика проводилась Василием III в 1505—1511 гг. при его предшественнике.

Для Иосифа Волоцкого наступили тяжелые времена. С 1507 г. он был прикован тяжелой болезнью к постели и только временами мог активно участвовать в полемике со своими противниками. Приблизительно с 1511 г. ему было запрещено писать что-либо против Вассиана Патрикеева. По свидетельству Досифея Топоркова, в это время активизировались многие противники волоцкого игумена[111]. В послании В. А. Челяднину Иосиф Волоцкий сообщал о «поносных речах» в свой адрес и постриженников своего монастыря, которые Вассиан Патрикеев высказывал в митрополичьих палатах[112]. Митрополит Варлаам не мог не знать и о письменных трудах Вассиана, направленных против Иосифа, но не выразил открытого сочувствия ни одной из сторон.

В опровержение «Соборного ответа 1503 г.» Вассиан Патрикеев написал сочинение под заглавием «Собрание некоего старца». Сочинение Вассиана имело целью опровергнуть аргументы, приведенные отцами церковного собора 1503 г. в защиту монастырских имуществ. В «Соборном ответе 1503 г.» утверждалось, что святые Антоний Великий, Геласий чудотворец, Афанасий Афонский, Федор Студийский, Симеон Новый Богослов, Антоний и Феодосий Печерские, Варлаам Новгородский, Дионисий и Дмитрий Вологодские «вси села имели»[113]. Вассиан Патрикеев в своем трактате утверждал обратное: никто из названных греческих и русских святых селами не владел[114].

Чтобы опровергнуть канонические аргументы, приведенные в «Соборном ответе 1503 г.», Вассиан сделал собственную подборку канонических правил из Кормчей книги. Он перечисляет правила, в которых усматривает запрет инокам вступаться в мирские дела. Такими он считает 11-е и 17-е правила VII Вселенского собора, 1-е правило Двухкратного собора, 3-е и 4-е правила IV Вселенского собора, 2-е правило Кирилла Александрийского. Перечислив эти правила, Вассиан внезапно обнаруживает противоречие: «А в том же соборе 4-м, 24-м правиле, писано — у монастырей селам бытии, и в 18 правиле 7-го собора, ино которым верити? Чем то разрешити?» Выход он усматривает в обращении к евангельским текстам. Возможность разрешить недоумение появилась у Вассиана Патрикеева только в 1518 г., после приезда в Россию Максима Грека, переводами которого с греческого языка он воспользовался[115].

[110] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. С. 262.

[111] Надгробное слово преподобному Иосифу Волоцкому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова / Подг. К. И. Невоструев // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1865. Кн. 2. С. 179.

[112] Послания Иосифа Волоцкого. С. 227.

[113] Там же. С. 325.

[114] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. С. 224—225.

[115] О творчестве Максима Грека в России см.: *Синицына Н. В.* Максим Грек. М., 2008; *Olmsted H. M.* A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 1987. No. 3. P. 1—73; *Гардзанити М.* Священное Писание и auctoritates у Максима Грека // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 33—46.

В дальнейшем Вассиан Патрикеев создал новые переработки своего трактата. В последней редакции он доказывал, что селами и недвижимыми имуществами должны владеть епископские кафедры, иноки же не должны вступать во владение землями и другими имуществами.

После смерти князя Федора Борисовича в мае 1513 г. Волоцкое княжество вошло в состав великокняжеских владений, а Иосифо-Волоколамский монастырь стал обителью московских великих князей. Василий III не спешил облагодетельствовать монастырь и лично навестить свое новое владение. Московского государя отвлекала война с Литвой, но не могло не сказываться и влияние князя-инока Вассиана Патрикеева, который избрал Иосифа Волоцкого главным объектом своей полемики. Рассуждая о специфике взаимоотношений Василия III с игуменом Иосифом, нельзя забывать, что эти отношения были осложнены сближением Иосифа с удельным князем Юрием Дмитровским. Еще в 1510 г. волоцкий игумен сумел уладить конфликт князя Юрия с великим князем и добился полного примирения сторон[116]. В знак благодарности за посредничество Юрий Дмитриевский передал в монастырь значительное земельное пожалование. Монастырь 1 июля 1510 г. получил село Белково с деревнями и со всеми сельскохозяйственными угодьями.

Перелом в отношении московского самодержца к Иосифу Волоцкому и его монастырю обнаруживается не ранее начала 1515 г. Возможно, одной из причин произошедшей перемены послужило впечатление от поражения, которое московские войска потерпели под Оршей. В своем «Надгробном слове» племянник преподобного Досифей Топорков поместил рассказ о том, как преподобный предсказал поражение русского войска под Оршей[117]. Рассказ подобного рода является очень необычным в ряду рассказов о чудесах, помещавшихся в житиях русских святых. По-видимому, предсказание волоцкого игумена стало известно в Москве через посредство окружения братьев В. А. и И. А. Челядниных еще до исхода Оршанской битвы. После того как о поражении русского войска стало известно, за Иосифом закрепилась слава человека, обладающего даром провидения. С впечатлением, которое произвело на современников это пророчество, был вынужден бороться Вассиан Патрикеев. В «Прении с Иосифом» читаем явный намек на это: «А ты, Иосифе, имянуеши себе и свята и знаменосца, и пророчествия дар прият, и ученицы твои о тебе тоже проповедают»[118].

Первые свидетельства благосклонности Василия III к Иосифо-Волоколамскому монастырю появляются в последний год жизни его основателя. В феврале 1515 г. Василий III выдал Иосифову монастырю две жалованные грамоты на ранее полученные от волоцкого князя земли. Первую из этих грамот «приказал» давний друг преподобного Иосифа дворецкий Василий Андреевич Челяднин. В апреле 1515 г. Василий III впервые был на Волоке и посетил монастырь[119]. Он пожаловал монастырю 100 четвертей ржи и 100 четвертей овса, а также дал деньгами 100 руб. Хлебные и денежные вклады в Иосифо-Волоцкий монастырь дали братья великого князя — Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий.

В августе 1515 г. умер ростовский архиепископ Вассиан Санин, а 9 сентября по-

[116] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1—13. СПб., 1868. Стб. 488.

[117] Надгробное слово преподобному Иосифу Волоцкому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова. С. 176.

[118] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. С. 278.

[119] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 405; Т. 8. С. 259; Т. 13. 1-я половина. С. 24.

следовала кончина Иосифа Волоцкого[120]. Лидером иосифлян теперь стал преемник Иосифа игумен Даниил Рязанец. Имя Даниила впервые появляется в актах Иосифо-Волоколамского монастыря только после избрания его игуменом. В Послании великому князю об избрании преемника Иосиф также не называет Даниила своим преемником[121]. Между тем составители житий Иосифа единодушно сообщают, что Даниил явился законным наследником преподобного[122]. Я. С. Лурье полагал, что решающую роль в назначении Даниила игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря сыграл великий князь Василий III, проигнорировавший завещание основателя монастыря[123]. По мнению современных авторов, избрание Даниила произошло под влиянием доверительных отношений, сложившихся между великим князем и Даниилом[124]. Решающее значение для выяснения вопроса о наследнике имеет датировка Иосифова Послания Василию III, в котором назывались имена десяти кандидатов на пост игумена Волоцкого монастыря. Удалось установить, что оно было написано одновременно с Духовной грамотой в 1507 г. в Москве[125]. В тот период Даниил еще не входил в число возможных преемников волоцкого игумена. Он стал исполнять обязанности игумена в полном соответствии с волей Иосифа Волоцкого с 1511 г.[126]

Итог своей полемике с Иосифом Волоцким Вассиан подводит в сочинении под названием «Прение с Иосифом Волоцким»[127]. Оно состоит из пятнадцати пунктов, в которых фиксируются главнейшие разногласия Иосифа Волоцкого и Вассиана Патрикеева. В концовке «Прения...» Вассиан восклицает: «Ох! Что будет тебе, Иосифе, пред Христом в день судный и с твоими ученикы? Ниже у нас еси потребовал прощения, оскорбляя нас в божиих заповедях и смущая, ниже сам еси нас простил, отходя на путь вечный»[128]. Из этой фразы можно заключить, что преподобный Иосиф уже умер к моменту окончания «Прения...». Следовательно, это сочинение было создано в период после 9 сентября 1515 г.

Следующий этап полемической борьбы иосифлян и нестяжателей начался после занятия Даниилом митрополичьей кафедры. «Великий временной человек» Вассиан Патрикеев занялся составлением канонических трактатов, которые были призваны доказать, что монастыри не должны владеть земельными вотчинами. Разделявший взгляды Вассиана Патрикеева Максим Грек написал несколько сочинений на тему осуждения монастырских стяжаний[129].

---

[120] ГИМ. Епарх. собр. 115. Л. 587.

[121] Послания Иосифа Волоцкого. С. 239—240.

[122] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Стб. 492; Житие Иосифа Волоколамского, написанное неизвестным. С. 46.

[123] Послания Иосифа Волоцкого. С. 286. Комментарий Я. С. Лурье.

[124] *Макарий (Веретенников), архим., Флоря Б. Н.* Даниил, митрополит // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 66.

[125] *Алексеев А. И.* Когда Иосиф Волоцкий написал свое послание о преемнике // Духовная культура средневековой Руси. М., 2016. С. 223—227.

[126] В «Выписке» по истории Иосифо-Волоколамского монастыря, составленной по приказу царя Федора Иоанновича около 1590—1592 г., говорится, что по благословению преподобного Иосифа «избран бысть по нем на игуменство старец Даниил Рязанец и поживе на игуменстве 11 лет и потом (27 февраля 1522) возведен бысть на великий престол русские митрополии» (РГБ. Волок. собр. 564. Л. 73—73 об.). Около 1513/14 г. Нил Полев во вкладной записи на Евангелии именует Даниила игуменом и духовным отцом (РГБ. Волок. собр. 39. Л. 1).

[127] *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. С. 275—281.

[128] Там же. С. 281.

[129] *Синицына Н. В.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.) // Византийский временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 128—137. О нестяжательстве Максима Гре-

В первом послании Василию III Максим уделил мало внимания экономическому устройству афонских монастырей, зато в более позднем афонский опыт решительно противопоставлялся практике русских общежительных обителей: афонские монахи живут трудами своих рук, не владеют селами, в их казне нет серебра[130].

По благословению митрополита афонский подвижник перевел Толковую Псалтирь. В 1515—1517 гг. по благословению митрополита Вассиан Патрикеев начал работу по составлению новой редакции Кормчей книги. По его просьбе Максим Грек перевел с греческого отдельные толкования Федора Вальсамона на апостольские правила[131]. Составителю предписывалось из Кормчей «ничего не выставливати», однако Вассиан проявил в работе большую самостоятельность, включив одни правила и «выставив» другие, изменив порядок глав и наименования заголовков[132].

Не был чужд книжных интересов и митрополит Варлаам: в Троице-Сергиев монастырь им был передан в качестве вклада кодекс библейских книг[133]. Митрополит проявлял личную заботу о святынях Московского государства в 1514 г., по его повелению была отреставрирована Владимирская икона Богоматери и было установлено каждое 21 мая совершать с иконой крестный ход к Сретенскому монастырю.

Митрополит Варлаам совершил ряд архиерейских хиротоний. Обращает внимание, что ряды иерархов при Варлааме пополняли преимущественно настоятели столичных монастырей. Возможно, решающим аргументом при их назначении было мнение лично знавшего их великого князя Василия III. В 1515 г., после возвращения Смоленска России и измены смоленского епископа Варсонофия, митрополит хиротонисал на вакантную кафедру Иосифа, бывшего архимандрита Чудова монастыря; 10 февраля 1517 г. поставил на суздальскую кафедру Геннадия, бывшего архимандрита владимирского Рождественского монастыря, а 12 февраля на рязанскую кафедру — Сергия, бывшего архимандрита московского Андроникова монастыря. В 1520 г. было совершено несколько архиерейских хиротоний: 9 февраля на ростовскую кафедру был поставлен бывший архимандрит Симоновского монастыря Иоанн, 14 февраля коломенским епископом стал бывший игумен Угрешского монастыря Тихон, 16 февраля на вологодскую кафедру был хиротонисан из игуменов Соловецкого монастыря Пимен. Весь период первосвятительства Варлаама вдовствовала новгородская архиепи-

---

ка см.: *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 192—210. По мнению Д. М. Буланина, «нестяжательство» Максима Грека — это не его личное убеждение, но лишь желание угодить Вассиану Патрикееву (*Буланин Д. М.* Опыт комплексного описания: Афон в древнерусской письменности до конца XVI в. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. СПб., 2012. С. 589). Напротив, М. Гардзанити считает, что в творчестве Максима Грека тема осуждения монастырского землевладения занимает главное место (*Гардзанити М.* Перевод и использование Библии в творчестве Максима Грека // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2017. С. 60).

[130] *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 116.

[131] В списке Кормчей Вассиана Патрикеева (РГАДА. Ф. 181. № 1597. Л. 83) читается помета: «сие правило переведено с Богородицких правил с соборных греческих на Москве. Максимом старцем Святыя Горы, что переводил псалтирь толковую»; см.: *Мошкова Л. В.* Кормчая Вассиана Патрикеева // Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в. РГАДА. Вып. 1. М., 2005. Приложение. С. 388.

[132] Подробный анализ принципов редакторской работы Вассиана Патрикеева см.: *Мошкова Л. В.* Создание новых типов Кормчих на восточнославянских землях // Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: От рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 98—105.

[133] *Леонид (Кавелин), архим.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году. Вып. 2. М., 1887. С. 1.

скопия, на протяжении четырех-пяти лет — ростовская кафедра. Обстоятельство, что столь долгий срок оставались вакантными важнейшие архиерейские кафедры, трудно не связывать с позицией Василия III, заинтересованного в ослаблении позиций церковной иерархии.

В марте 1518 г. в Москву прибыло большое посольство от константинопольского патриарха Феолипта во главе с митрополитом Зихны Григорием. Митрополит Варлаам именовался в патриарших грамотах «митрополитом Киевским и всея Руси» и «митрополитом Московским и всея Руси»[134]. Эта титулатура свидетельствовала о признании патриархом московского митрополита. Официальные русские летописи пишут о благожелательной встрече греков в Москве: великий князь распорядился разместить посольство в Чудовом монастыре и кормить «от своея царския трапезы». Митрополит Варлаам оказывал великую честь главе греческой делегации[135]. По свидетельству же Максима Грека, посольству был оказан холодный прием: великий князь и митрополит не приняли патриаршего благословения, а при личном посещении глава Русской церкви благословил греков «через порог»[136]. Официальной целью прибытия посольства был объявлен сбор милостыни. Обращает на себя внимание необычно долгий срок пребывания греков в Москве, до 11 сентября 1519 г.

В марте 1519 г. в Москве были получены предложения римского папы Льва X о готовности признать московского митрополита патриархом вместо константинопольского патриарха при условии возвращения к Флорентийской унии. Московскими властями эти предложения были решительно отвергнуты[137].

Официальное признание константинопольским патриархом автокефалии московской митрополии не мешало Максиму Греку резко высказываться о неканоничности поставления московских митрополитов собором русских епископов и о необходимости подчинения главы Русской церкви Константинополю[138].

По мнению архимандрита Макария (Веретенникова), прием греческой делегации, организованный российскими властями, следует рассматривать как стремление продемонстрировать каноничность независимой Русской церкви[139]. Желая показать грекам святость русских чудотворцев, великий князь и митрополит Варлаам со всем Освященным собором совершили торжественное празднование у раки святителя Алексия в Чудове монастыре[140]. Этим же целям служил летописный рассказ о прекращении непрерывно шедших в июне 1518 г. дождей по молитве митрополита Варлаама[141].

Для доказательства сохраненной преемственности от древнего благочестия грекам были предъявлены древние реликвии, имевшие византийское происхождение: в Москву из Владимира были принесены древние византийские иконы Спасителя и Богородицы, которым в Москве была устроена торжественная встреча. В украшении икон принял личное участие митрополит

[134] АИ. Т. 1. С. 175.

[135] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 28.

[136] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подг. Н. Н. Покровский; под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. С. 119.

[137] Сборник РИО. Т. 53. СПб., 1887. С. 83—87, 118; Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями, в Римской Барберииевой библиотеке / Предисл., пер. прот. И. И. Григорович. СПб., 1834. С. 94—98.

[138] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 119.

[139] *Макарий (Веретенников), архим.* Варлаам, митрополит // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 583.

[140] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 30.

[141] Там же. С. 29.

Варлаам: «...сам многажды своими руками касаяся и тружаяся к святым иконам <...> и сребром и златом обложы и украси, и киоты и пелены устрои»[142].

Роковое значение для судьбы митрополита Варлаама имел набег крымского хана Магмет-Гирея в 1521 г. Успех набега был обусловлен внезапностью; великий князь оставил столицу, в Москве возобладали панические настроения. В церквях столицы совершались непрестанные молебствования об избавлении от крымцев. Ростовский архиепископ Иоанн с благословения митрополита принял на себя особый молитвенный подвиг: он затворился в приделе Похвалы Пресвятой Богородицы Успенского собора «и во вся дни и нощи и во время настоящиа скорби не исходя оттуду, моляся непрестанно»[143]. В процессе выяснения причин катастрофы Василий III пришел к мысли о ненадежности новгород-северского князя В. И. Шемячича, а также о виновности своих воевод. Согласно сообщению С. Герберштейна, великий князь собирался арестовать Шемячича в Москве, но митрополит отказался предоставить ему гарантии безопасности[144]. В связи с тем, что Шемячич был арестован лишь через полтора года после отставки митрополита Варлаама, более вероятной представляется версия о несогласии Варлаама с карательными мерами в отношении воевод великого князя[145].

Варлаам 17 декабря 1521 г. оставил кафедру и удалился в Симонов монастырь. Вскоре по повелению великого князя он был сослан в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере[146].

Первосвятительство митрополита Даниила (1522—1538 гг.). 22 февраля 1522 г. митрополичью кафедру занял игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Даниил[147]. По сообщению С. Герберштейна, митрополиту Даниилу было 30 лет[148]. Если принять это известие, то придется допустить, что Даниил получил поставление в иеромонаха и стал управлять Иосифовым монастырем в возрасте 19 лет. Это противоречило церковным правилам и традиционной практике, поэтому представляется совершенно невероятным. Иосиф Волоцкий мог назначить своим преемником только опытного, с успехом прошедшего все послушания иеромонаха[149]. Имперского дипломата, вероятно, ввели в заблуждение недоброжелатели митрополита. Назначение Даниила состоялось по воле великого князя, который имел возможность хорошо узнать игумена Иосифо-Волоколамского монастыря во время частых поездок на Волок Ламский.

О происхождении и начальных этапах жизни Даниила до поставления в игумены Иосифова монастыря известно очень мало.

---

[142] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 30.

[143] *Макарий (Веретенников), архим.* Повести, написанные по благословению святителя Макария, Митрополита Московского // Альфа и Омега. 2001. № 2 (28). С. 124.

[144] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах / *Новокомский П. И.* Книга о московитском посольстве / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 41.

[145] *Назаров В. Д.* К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России 1-й половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 187—207.

[146] *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 162.

[147] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 43.

[148] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 89.

[149] Согласно Житию Иосифа, написанному епископом Саввой Крутицким незадолго до смерти прп. Иосифа, братия Волоколамского монастыря избрала игуменом Даниила как «старца, любяй нищету, и пребываа в трудех, и в посте, и в молитвах, и не любя празнословиа» (Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Стб. 491).

Он был родом из Рязани и, судя по поминальной записи в монастырском синодике, мог находиться в родстве с рязанскими епископами Симеоном (1481—1496) и Леонидом (Протасьевым) (1573—1586)[150]. Исследователи предполагают, что он происходил из среды посадских людей Рязани[151].

При новом митрополите оставили свои кафедры епископ Рязанский Сергий (3 марта 1522) и епископ Вологодский Пимен (Ходыкин) (ок. 1524). После смерти Нила Грека 3 апреля 1521 г. вакантной оставалась тверская кафедра. Епископом Рязанским 23 марта был поставлен Иона, бывший архимандритом Юрьева монастыря в Новгороде, а 30 марта 1522 г. тверским епископом стал Акакий, архимандрит Возмицкого монастыря, постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря.

В сентябре 1522 г. Василий III выдал митрополиту Даниилу жалованную грамоту, освобождавшую село Голенищево Московского уезда от городового дела и других натуральных повинностей. Это свидетельствует о благоволении великого князя к митрополиту. В то же время, по заключению С. М. Каштанова, отличительной чертой политики Василия III оставалась скупость в отношении пожалований монастырям льгот и привилегий[152].

Под давлением великого князя Даниил выдал опасную грамоту новгород-северскому князю В. И. Шемячичу, которая гарантировала его безопасность при приезде в Москву[153]. Однако 11 мая 1523 г. прибывший в Москву Шемячич был арестован вместе с женой и дочерью. О попытках митрополита Даниила добиться выполнения своего поручительства ничего не известно. За удельного князя перед Василием III ходатайствовал лишь игумен Троице-Сергиева монастыря Порфирий, вынужденный оставить свой пост в сентябре 1524 г.

Осенью 1525 г. митрополит Даниил дал свое благословение на развод великого князя с Соломонией Сабуровой. Поскольку, согласно церковным канонам, развод по причине бездетности не допускался, а великая княгиня отказывалась добровольно принять монашество, ее обвинили в колдовстве[154]. В ноябре 1525 г. великая княгиня Соломония приняла постриг в московском Рождества Богородицы монастыре[155]. В январе 1526 г. митрополит Даниил обвенчал Василия III с княгиней Еленой Васильевной Глинской. При этом митрополит счел необходимым на основании церковных правил составить три Слова, в которых развод и второй брак категорически запрещались.

Официальная версия истории с разводом и вторым браком Василия III нашла отражение в повести, составленной из двух частей: «О пострижении великиа княгини Соломониды» и «Совокупление втораго брака»[156]. Согласно великокняжескому летописанию, развод и постриг состоялись по инициативе великой княгини «тягости ради и бездетства»[157]. Позиция митрополи-

---

[150] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Стб. 491; ГИМ. Епарх. собр. № 415. Л. 113 об.

[151] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1997. С. 701; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977. С. 99.

[152] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. С. 267.

[153] СГГД. Ч. 1. № 149. С. 414—415.

[154] АИ. Т. 1. № 130.

[155] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 45; Т. 34. М., 1978. С. 15.

[156] *Бегунов Ю. К.* Повесть о втором браке Василия III // ТОДРЛ. СПб., 1970. Т. 25. С. 105—118; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. С. 164—166.

[157] ПСРЛ. Т. 8. С. 271.

та была, как оказалось, продиктована его милосердием[158]. О непосредственном участии митрополита Даниила в постриге великой княгини сообщает имперский посол С. Герберштейн, находившийся в 1526 г. в Москве[159]. В ряде поздних источников действия великого князя подвергаются резкому осуждению, подчеркивается принудительный характер пострига Соломонии, в числе противников второго брака называются Вассиан Патрикеев и Максим Грек[160]. Митрополита нельзя считать инициатором или активным участником разводного процесса, поскольку при отсутствии потомства у Василия III его наследником становился удельный князь Юрий Дмитровский, с которым Даниила связывали давние добрые отношения[161].

История с разводом и вторым браком великого князя вызвала в обществе различного рода толки и спровоцировала расследование. По итогам разбирательства в 1525 г. был казнен боярин Берсень Беклемишев, дьяку Федору Жареному вырезали язык, а выходцев с Афона архимандрита Новоспасского монастыря Савву и старца Максима Грека сослали в заточение в Иосифо-Волоколамский монастырь[162]. Поскольку подлинные судные списки церковных соборов 1525 и 1531 гг. не сохранились, а дошедшие до нас тексты были литературно обработаны, то разделение материалов двух судов существенно затруднено[163]. Насколько можно судить на основе этих материалов, в 1525 г. Максима Грека обвиняли во внесении искажений в русские богослужебные книги в ходе их исправления по греческим образцам. Все ошибки были истолкованы как сделанные намеренно и отражающие еретические взгляды переводчика. Обвинения Максима в том, что он не признает каноничной практику поставления митрополитов собором епископов и считает обязательным русским митрополитам ездить за поставлением в Константинополь, имели второстепенный характер. Даниил 24 мая 1525 г. послал грамоту волоколамскому игумену Нифонту, в которой изложил причины осуждения Максима Грека и дал конкретные указания о режиме его содержания в Волоколамском монастыре. Максиму было запрещено причащаться, вместе с тем в послании митрополита был определен круг сочинений отцов церкви и житий святых, которые рекомендовалось читать осужденному, чтобы он мог осознать свои ошибки. Однако, даже находясь в неблагоприятных условиях заточения, Максим Грек пытался вести творческую работу[164].

---

[158] *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. С. 164.

[159] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 89.

[160] *Зимин А. А.* Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. СПб., 1976. Т. 30. С. 132—148; *Курбский А.* История о делах великого князя московского / Подг. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015. С. 16—18; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 227.

[161] *Плигузов А. И., Семенченко Г. В.* Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 139—154. (Труды ГИМ; 71). Следует обратить внимание на другую фигуру, которая, возможно, была ключевой в истории с разводом великого князя, — духовника Василия III протопопа Василия Кузьмича; трое из его душеприказчиков — князь М. Л. Глинский, И. Ю. Шигона и Г. Н. Путятин — были активными участниками развода и второго брака великого князя. См.: *Кобрин В. Б.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы — Мезецкие — Пронские) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. 14. С. 50—59; *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 205—206; *Назаров В. Д.* Великокняжеский духовник в семейном портрете и в контексте кремлевского сообщества // Кремли в истории России: К 500-летию Александровского кремля: Материалы международной конференции. Т. 1. Владимир, 2014. С. 8—37.

[162] ПСРЛ. Т. 26. С. 313.

[163] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки.

[164] *Фонкич Б. Л.* Максим Грек — узник Иосифо-Волоколамского монастыря // Русское подвижничество / Сост. Т. Б. Князевская. М., 1996. С. 156—158.

На протяжении 1520-х гг. значение «великого временного человека» Вассиана Патрикеева в качестве главного советника великого князя по церковным делам неуклонно вытеснялось влиянием митрополита Даниила. История со вторым браком великого князя не привела к падению Вассиана Патрикеева, поскольку 14 сентября 1526 г. Василий III по его ходатайству выдал жалованную грамоту Нило-Сорской пустыни о неподсудности ее архиепископу Ростовскому[165]. Следовательно, Вассиан либо вовсе не выступал против этого брака, либо его возражения не лишили его благоволения великого князя[166].

Даниилу удалось провести на епископские кафедры своих сторонников: 2 апреля 1525 г. племянник Иосифа Вассиан (Топорков) стал епископом Коломенским, 9 апреля игумен Кириллова Белозерского монастыря Алексей занял вологодско-пермскую кафедру. Значительным успехом митрополита Даниила стало замещение пребывавшей вакантной на протяжении семнадцати лет новгородской архиепископии. Знаковое событие состоялось 4 марта 1526 г.: архиепископом Новгорода был хиротонисан архимандрит можайского Лужецкого монастыря Макарий, постриженник Пафнутьево-Боровского монастыря; в тот же день вторую по значимости ростовскую архиепископию занял архимандрит суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря Кирилл III. Среди ближайших сподвижников Даниила следует назвать также крутицкого епископа Досифея (Забеллу), чудовского архимандрита Иону (Собину), симоновского архимандрита Герасима (Замыцкого). Обеспечив себе поддержку церковных иерархов, митрополит Даниил в 1531 г. добился созыва церковного собора, на котором Вассиану Патрикееву и его сотрудникам предстояло стать обвиняемыми.

Работа Вассиана по составлению Кормчей книги давно вышла за рамки мероприятия, санкционированного некогда митрополитом Варлаамом. Участие в этой работе Максима Грека, дискредитированного обвинениями церковного собора 1525 г., бросало тень и на всесильного когда-то Вассиана Патрикеева. Рассмотрев Кормчую книгу, составленную Вассианом, отцы собора установили, что он, будучи простым монахом, взялся за составление Кормчей по собственной инициативе, не имея архиерейского благословения. Было установлено, что Вассиан нарушил традиционный хронологический порядок размещения текстов в Кормчей, заменив его тематическим принципом, исключил неудобные для него правила и ввел сочинения, проповедующие его взгляды. Особо собор отметил тот факт, что Вассиан внес в Кормчую «елинских мудрецов учения». Суть последнего обвинения раскрыл А. И. Плигузов, указавший, что Вассиан включил в состав Кормчей апокрифическую переписку Аристотеля с Александром Македонским[167].

Вассиан пытался доказать, что работал над Кормчей по благословению митрополита Варлаама, но не смог представить свидетелей. Он признался, что сознательно руководствовался тематическим принципом распределения материала и включал в Кормчую свои произведения. Сочинения Вассиана противопоставляли евангельский образ жизни тому, который практиковали обитатели монастырей, владевших селами. Таких монахов, по Вассиану, Священное Писание «отступники <...> именует и проклятию предает». Отцы собора зачитали князю-иноку подборку примеров, осуждающих тех, кто называет православных,

[165] ААЭ. Т. 1. № 173.

[166] См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 98.

[167] *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. С. 151.

«аще кто и согрешит», преступниками. В опровержение мнения Вассиана о недопустимости монастырей владеть селами были приведены церковные правила и отрывки из житий святых, доказывающие право монастырей владеть селами. Из всех приведенных возражений Вассиан признал только одно, что святые «держали села, а пристрастие к ним не имели».

Закономерно возник вопрос о том, что Вассиан не признавал святости «нынешних чудотворцев» — святителя митрополита Ионы и преподобного Макария Калязинского. Вассиан отвечал: «Господи! Что ся за чудотворцы? Сказывают, в Колязине Макар чудеса творит, а мужик был селской». Максим Грек привел слова Вассиана о преподобном Пафнутии Боровском, который не может быть чудотворцем, так как «села держал, и слуги имел, и денги и хлеб в люди давал, и росты на денги и на хлебы имал».

Высказывания Вассиана прямо задевали митрополита Даниила, поскольку оба упомянутых святых были канонизированы при его участии: 9 октября 1523 г. был причтен к лику преподобных Макарий Калязинский (мощи святого были открыты 26 мая 1521 г.) и до 1531 г. — преподобный Пафнутий Боровский. Максим Грек, вдохновлявший Вассиана примером нестяжательства афонских обителей, после приведенных ему свидетельств вынужден был признать, что монастыри на Святой горе получали земли от различных государей и продолжают ими владеть.

На соборе выяснилось, что наблюдения Максима Грека об ошибках в русских богослужебных книгах побудили Вассиана встать на крайнюю точку зрения об их «лживости». Он также категорически высказался в адрес епископов, которые равнодушны к богослужениям, но имеют мирские пристрастия. Попытки Вассиана подорвать авторитет русской письменной традиции богослужебных книг придали соборным прениям небывалый накал. Даниил трактовал ошибки, допущенные Максимом Греком при книжной справе, как умышленные, он обвинил старца в отступлении от христианства. При этом его авторитет в глазах Василия III он объяснял использованием магических практик («хитрости еллинские», «еллинскими и жидовскими мудровании и чернокнижными хитростьми волшебными»). Свидетели говорили, что в Италии Максим Грек «оступил <...> в жидовской закон и учение» и, спасаясь от смертной казни, бежал на Афон. В речах Даниила прозвучало и политическое обвинение: греки Максим и Савва якобы побуждали турецкого султана напасть на Россию. Это обвинение было усилено свидетелями, которые говорили о непочтительных высказываниях Максима в адрес великого князя (например, что в 1521 г. великий князь бежал от крымского хана, не оказав ему сопротивления).

Ход судебного процесса на соборе 1531 г. предвещал тяжелые последствия для обвиняемых. Однако результаты соборных решений (приговоры собора не сохранились) оказались на удивление мягкими: Вассиан Патрикеев был отправлен в заточение в Иосифо-Волоколамский монастырь, Максим Грек — в тверской Отроч монастырь, где условия его содержания стали гораздо благоприятнее, его сотрудники книгописцы Исаак Собака и Михаил Медоварцев были отправлены соответственно в новгородский Юрьев монастырь и Коломну. Из заключения Максим в 1531—1539 гг. написал митрополиту Даниилу послание, в котором вновь отверг предъявленные ему обвинения[168].

В связи с рождением 3 сентября 1532 г. наследника у Василия III Даниил освятил

[168] *Журова Л. И.* «Послание митрополиту Даниилу» в составе рукописных собраний сочинений Максима Грека // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI—XX вв. Новосибирск, 1998. С. 30—37.

церковь Вознесения Господня в селе Коломенском — новой великокняжеской резиденции. В 1533 г. в московском Успенском соборе митрополит венчал удельного князя Андрея Старицкого с Евфросинией Хованской. В том же году, во время эпидемии в Пскове, Василий III и митрополит Даниил послали в Псков святую воду, что современники связывали с прекращением болезни[169]. Б. М. Клосс относит установление праздника Сретения Владимирской иконы Божией Матери 23 июня к периоду первосвятительства Даниила[170].

Во время поездки на Волок великий князь Василий III тяжело заболел и некоторое время провел в Иосифо-Волоколамском монастыре. Даниил с епископами Вассианом (Топорковым) и Досифеем (Забеллой) 21 ноября 1533 г. посетил в подмосковном селе Воробьеве смертельно больного великого князя. А 3 декабря перед ложем умирающего государя разыгралась драматическая сцена: вопреки ясно выраженному желанию государя и в присутствии самого митрополита брат великого князя Андрей Старицкий, боярин М. С. Воронцов и тверской дворецкий И. Ю. Шигона Поджогин не разрешили митрополиту совершить над умирающим обряд пострижения в монашество[171]. Только под угрозой проклятия на них митрополит совершил монашеский постриг над Василием III, и великий князь принял схиму с именем Варлаам[172]. Даниил скрепил своей печатью духовную грамоту Василия III[173]. Почившего государя митрополит Даниил, епископы Вассиан и Досифей отпевали 4 декабря в московском Архангельском соборе. Затем митрополит привел к крестному целованию на верность малолетнему наследнику Иоанну IV братьев Василия III Юрия и Андрея, а также бояр[174]. Существует мнение, что, согласно предсмертному распоряжению Василия III, Даниил должен был руководить боярским правительством[175]. Фактическое управление Российским государством перешло в руки великой княгини Елены и ее окружения во главе с фаворитом боярином князем И. Ф. Телепневым Оболенским.

Митрополит Даниил сохранил свое высокое положение при правительнице. Уже 11 декабря 1533 г. был арестован и заточен близкий к митрополиту дмитровский удельный князь Юрий (Георгий) Иванович, о заступничестве за него митрополита ничего не известно[176]. Зато вскоре после смерти Василия III содержащиеся в заточении князья Шуйские были освобождены исключительно по печалованию митрополита и бояр[177]. В 1534 г. благословения митрополита запросили перед началом похода русских войск в Литву. При масштабном строительстве укреплений Китай-города правительство велело митрополиту выделить необхо-

---

[169] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 64.

[170] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 125.

[171] Повесть о смерти Василия III: ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 267—275; Т. 34. С. 17—24; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 552—564; Т. 43. М., 2004. С. 224—232.

[172] В церемонии пострижения великого князя участвовал также игумен Троице-Сергиева монастыря Иоасаф Скрипицын.

[173] Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1 / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. С. 58—59.

[174] Согласно Повести о смерти Василия III, митрополит Даниил сыграл решающую роль в приведении к присяге удельных князей, бояр и детей боярских (ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 275; Т. 34. С. 24; Т. 43. С. 231). В тексте Воскресенской летописи, составленной во времена боярского правления, главная роль отводится боярам (ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 285—286).

[175] См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 113.

[176] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 77—78. Подробный анализ ситуации с арестом удельного князя Юрия Дмитровского см.: *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI в. М., 2010. С. 86—99.

[177] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 78.

димые средства[178]. Привлечение денежных средств митрополичьей казны и денежные сборы с духовенства были нововведением, не известным практике прежних лет[179]. Участие церкви в решении общегосударственных задач будет возрастать на протяжении XVI—XVII вв.

Митрополит заботился о пополнении иерархов своими сторонниками. Так, 20 февраля 1536 г. Даниил поставил в Смоленск епископа Савву (Слепушкина), постриженника Иосифо-Волоцкого монастыря.

В 1537 г. митрополит Даниил сыграл важную роль в прекращении мятежа удельного князя Андрея Старицкого. В Старицу была послана делегация духовенства во главе с крутицким епископом Досифеем, а митрополит гарантировал удельному князю безопасность в случае явки в Москву, в противном случае угрожал проклятием[180]. Попытка старицкого князя призвать к мятежу новгородских помещиков закончилась неудачей. Правительственные войска жестоко подавили мятежников, а воеводы дали князю Андрею «обеты великие и всякие правды и крест целовали». Согласно официальной версии, все обещания воевод не были согласованы с правительницей Еленой Глинской. На другой день приезда в столицу удельный князь был арестован[181].

В апреле 1538 г., после смерти Елены Глинской, реальная власть в государстве перешла к боярской группировке князей Василия и Ивана Шуйских. Митрополит Даниил предпочел сблизиться с боярином князем И. Ф. Бельским, усматривая в его лице противовес всевластию Шуйских. Возможно, установлению доверительных отношений между ними способствовал тот факт, что еще в 1530 г. по челобитью митрополита смертная казнь И. Ф. Бельскому была заменена заключением. Чтобы изменить баланс сил в свою пользу, митрополит, князь И. Ф. Бельский и дьяк Федор Мишурин рассчитывали пополнить Боярскую думу своими сторонниками. Бояре Шуйские, узнав об этих планах, поторопились расправиться с соперниками. Князь И. Ф. Бельский 21 октября 1538 г. был посажен в темницу, а дьяк Мишурин казнен. Задержку со сменой митрополита исследователи объясняют смертью главы партии Шуйских в ноябре 1538 г.[182] Осенью 1538 г. Иван IV посетил Троице-Сергиев монастырь в сопровождении бояр Шуйских. Нельзя исключать, что именно тогда в лице игумена Иоасафа Скрипицына была определена кандидатура нового митрополита[183]. Реагируя на внутренние потрясения государства, в январе 1539 г. Даниил выпустил окружное пастырское послание «О смирении, и соединении, и согласии, и о любви, и о соблюдении православныя веры и закона». В послании он живописал пороки времени («вину лет сих и времен»), выступил с осуждением мяте-

[178] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 85.

[179] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 566—567, 574.

[180] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 94; СГГД. Ч. 2. С. 40—41. Подробно о роли Даниила см.: *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 195—197.

[181] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 96, 118, 430; Т. 4. Ч. 1. С. 578; Т. 26. С. 317.

[182] *Шапошник В. В.* Митрополит Даниил в придворной борьбе 30-х годов XVI в. // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Вып. 2. СПб.; Казань, 2014. С. 74—86; *Усачев А. С.* Освященный собор 1539 г. и церковно-государственные отношения в России времени начала «боярского правления» // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 90—96.

[183] Об установлении тесного контакта между князьями Шуйскими и Троице-Сергиевым монастырем писал С. М. Каштанов (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. С. 334). М. М. Кром отрицает эту связь, настаивая, что троицкий игумен Иоасаф в феврале 1539 г. был только одним из трех кандидатов в митрополиты (*Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 535).

жей и заговоров («несогласия и пререкания, разделения же и распрения»)[184].

Даниил 2 февраля 1539 г. был сведен с престола по воле боярской группировки князей Шуйских[185]. В отреченной грамоте сам митрополит Даниил объяснял оставление кафедры тем, что он немощен и «недостаточна себя разумех в таких святительскых начинаниих», и просил государя отпустить его «в молчалное житие»[186]. В Пискаревском летописце необходимость изгнания Даниила с митрополичьей кафедры объяснялась его жестокостью и сребролюбием: «учал ко всем людям бытии немилосерд и жесток, уморял у собя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое»[187]. Царь Иван IV возлагал вину за свержение митрополита на бояр: «на Церковь вооружишася, и Данила митрополита, сведше с митрополии, и в заточение послаша»[188]. Известие о том, что митрополит оказывал решающее влияние на малолетнего великого князя при раздаче думских чинов, содержится в «Царственной книге» (части Лицевого летописного свода 1570-х гг.), где говорится, что «того ради князь Иван Шуйской митрополита свел, что без его веления давали боярство»[189]. В 1539—1547 гг. бывший митрополит проживал в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря.

Даниил — один из самых выдающихся писателей первой половины XVI в. Его высокую образованность и исключительную эрудицию отмечали уже современники. Максим Грек в послании к Н. Булеву характеризовал Даниила как «изящнаго разума Христова закона доктора»[190]. Известный дипломат Ф. И. Карпов адресует Даниилу следующие эпитеты: «высокиа книжности разуму уроженному», «всякою премудростию опасному ведением научену и учениа исполнену»[191].

Корпус сочинений митрополита Даниила, выявленный к настоящему времени, включает более сорока памятников различных жанров (слова, поучения, окружное послание, послания разным лицам)[192]. Все сочинения Даниила посвящены насущным вопросам жизни современного ему общества. При этом его литературные произве-

---

[184] *Даниил, митрополит Московский.* Сочинения / Иссл., подг. текстов и изд. Л. И. Журовой. М., 2020. С. 453—463.

[185] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 127. См. также: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. С. 28; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 288.

[186] ААЭ. Т. 1. № 185. С. 163; *Даниил, митрополит Московский.* Сочинения. С. 466—467.

[187] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 127; Т. 34. С. 26.

[188] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 28.

[189] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 432.

[190] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 89.

[191] *Дружинин В.* Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 21. Л., 1909. С. 106.

[192] Основные сочинения Даниила сохранились в списках XVI в.: РГБ. МДА. Фунд. собр. № 197 (сборник из 16 слов («Соборник»), прижизненный, с авторской правкой); РНБ. Софийское собр. № 1281 («Сильвестровский» сборник с 13 посланиями), РНБ. Q.I. № 1439. Критическое издание подготовлено Л. И. Журовой: *Даниил, митрополит Московский.* Сочинения. М., 2020. О его сочинениях см.: *Дружинин В.* Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. С. 20—32; *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881; *Журова Л. В.* Послания митрополита Даниила: История текста авторского собрания // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 109—116; *Она же.* «Соборник» митрополита Даниила и культура проповеди в Московской Руси XVI в. (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 41—44; и др.

дения совершенно не затрагивают политических перипетий бурной эпохи[193].

Ряд литературных проектов, осуществленных по инициативе митрополита Даниила, имеют непреходящее значение для истории русской общественной мысли и литературы первой половины XVI в. По инициативе Даниила и при его непосредственном участии в 1526—1530 гг. была составлена Никоновская летопись. Для ее создания был привлечен широкий круг источников: ряд летописных сводов, особая редакция Хронографа Русского (близкая к Западнорусской), жития, повести, родословцы, документальные материалы, фрагменты переводов Максима Грека. С деятельностью Даниила и его окружения следует связывать составление новой редакции Хронографа 1512 г., отразившейся в Никоновской летописи[194]. Даниил был одним из редакторов Симеоновской летописи, в том виде, как она отразилась в Никоновской. На это указывает распространение рязанских известий и выделение их киноварными заголовками, что косвенно подтверждает связь Даниила с Рязанской землей[195].

При Даниле было завершено формирование формулярника Московской митрополии (ГИМ. Синод. собр. № 562), в переписке которого он принимал личное участие[196]. На рубеже 1520—1530-х гг. по его инициативе была составлена копийная книга грамот митрополичьей кафедры (ГИМ. Синод. собр. № 276).

К настоящему времени установлено, что Даниил является составителем Сводной Кормчей[197]. Сводная Кормчая представляет собой канонический и церковно-юридический сборник с хронологической последовательностью изложения. В ее основу положены Сербская и Русская редакции Кормчей (правила в Сводной Кормчей последовательно даются по обеим). Кормчая имеет значительный объем из-за большого количества дополнительных статей (выписки из творений отцов церкви и других духовных авторов, исторических сочинений, житий святых, патериковых повестей)[198].

По инициативе Даниила был осуществлен ряд переводов с иностранных языков. Под его наблюдением занимался переводами Максим Грек. Известно несколько списков перевода Максимом Греком Бесед свт. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (1524), выполненных писцами митрополичьего скриптория. В 1534 г. по поручению митрополита «литовский полоняник», «немчин, родом любчанин» (отождествляемый в литературе с лейб-врачом великого князя Василия III Булевым) перевел с иллюстрированного любекского издания 1492 г. «Травник», широко признанный в Московской Руси XVI—XVII вв.

С именем Даниила связана одна из редакций славянского перевода «Диалектики» Иоанна Дамаскина, получившая широкое распространение в русской рукописной

---

[193] Л. И. Журова отмечает, что Даниил был автором, по сути, единственной темы — нравственности, а все его сочинения принадлежат к жанру пастырских поучений (*Журова Л. И.* Рукописное наследие митрополита Даниила // Даниил, митрополит Московский. Сочинения. С. 18).

[194] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 169—177.

[195] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 15—20, 26, 32, 118—119; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. С. 28, 101—103.

[196] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. С. 88; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Т.] I. С. 30—31.

[197] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. С. 60—70; *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. С. 177—178; *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII в. Т. 1. М.; СПб., 2017. С. 518.

[198] О составе памятника см.: *Розенкампф Г. А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 1839. С. 535—596. Новейшее исследование см.: *Манохин А. А.* Сводная Кормчая митрополита Даниила и «Соборник слов» // Вестник церковной истории. 2019. № 3—4 (55—56). С. 316—348.

традиции XVI—XVII вв. и позднее бытовавшая в старообрядческой среде[199]. Над ее созданием опальный митрополит трудился, вероятно, уже на покое в Иосифовом Волоколамском монастыре: старший список содержится в рукописи РГБ (Волок. № 490), датируемой 1543 г. и относимой к автографам Даниила[200].

Даниил на протяжении всей жизни занимался книгописанием. Большое число рукописей, в работе над которыми в разное время и в разной степени принимал участие Даниил, было определено Б. М. Клоссом[201].

Первосвятительство митрополита Иоасафа. Митрополит Иоасаф (Скрипицын) был избран собором епископов без какого-либо видимого участия светской власти, при этом был составлен новый чин избрания и поставления в митрополиты[202]. Собор святителей 5 февраля 1539 г. выдвинул три кандидатуры: чудовского архимандрита Иону, игумена Троице-Сергиева монастыря Иоасафа, игумена новгородского Хутынского монастыря Феодосия. Новгородский архиепископ Макарий после молитв вытащил жребий и огласил имя Иоасафа в качестве нового митрополита. На следующий день Иоасаф в Успенском соборе был представлен юному великому князю Ивану IV. На поставлении 9 февраля 1539 г. в Успенском соборе присутствовали епископы Тверской и Кашинский Акакий, Рязанский и Муромский Иона, Коломенский и Каширский Вассиан (Топорков), Сарский и Подонский Досифей, Вологодский и Пермский Алексий.

Процесс замещения кафедры первосвятителя явно был насильственным: Иоасаф поставлен в митрополиты 9 февраля, архиепископ Новгородский Макарий подписал повольную грамоту только 3 марта, а Даниил написал свое отречение лишь 26 марта. Интересно, что в своей отреченной грамоте Даниил не назвал имени преемника: «послежде и того благословляю и прощаю, его же изберет себе Бог пастыря и митрополита своей церкви, в мое место предстателя»[203]. Митрополит Иоасаф в своем исповедании веры обязался строго соблюдать церковные правила: «а через сие написание сотворю ли что или преступлю в чем, аще и во едином, а не исправлю от сих всех написанных зде, и без всякого извета лишен буду сану»[204]. Важное значение нового митрополита подчеркивал тот факт, что в традиционном «шествии на осляти» осла перед ним вел боярин, конюший великого князя Иван Иванович Челяднин.

Иоасаф происходил из рода детей боярских Скрипицыных, имевших тесные связи с Троице-Сергиевым монастырем[205]. В 1526/27 г. он уже являлся старцем Троице-Сергиева монастыря, а в 1529 г. митрополит Даниил поставил Иоасафа игуменом. Иоасаф пользовался личным доверием Василия III: 4 сентября 1530 г. троицкий игумен крестил новорожденного наследника Ивана Васильевича (будущего Ивана IV), а 3 ноября 1533 г. — вместе с игуменом Да-

[199] *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896. С. XVI—XVII; *Гаврюшин Н. К.* Митрополит Даниил — редактор «Диалектики» // ТОДРЛ. СПб., 1988. Т. 41. С. 357—363.

[200] *Клосс Б. М.* Библиотека Московских митрополитов в XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 117.

[201] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. С. 88—95. Большинство этих атрибуций нуждается в дополнительной проверке.

[202] ААЭ. Т. 1. № 184. С. 158—163. По мнению Б. А. Успенского, чин поставления митрополита собором епископов отражает стремление противопоставить боярское правление самодержавной власти великого князя.

[203] ААЭ. Т. 1. № 185. С. 163.

[204] Там же. С. 162.

[205] *Макарий (Веретенников), архим.* Иоасаф // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 149.

ниилом Переславским его брата, младенца Юрия Васильевича.

В марте 1539 г. новый митрополит заместил три владычные кафедры: ростовским архиепископом стал Досифей, игумен Кириллова Белозерского монастыря, суздальским епископом — Ферапонт, настоятель Ферапонтова Белозерского монастыря, смоленским епископом — Гурий (Заболоцкий), игумен Никольского Пешношского монастыря. До 2 июля 1542 г. с коломенской кафедры был сведен Вассиан (Топорков). Следует отметить назначение архимандритом кремлевского Чудова монастыря книгописца Исаака Собаки, который на церковном соборе 1531 г. был осужден вместе с Максимом Греком. Предварительно митрополит Иоасаф запросил Даниила, жившего на покое в Иосифове Волоколамском монастыре, «что Исакова ересь», и получил от него грамоты[206]. Согласно наиболее раннему Сказанию о Максиме, положение находящегося в заточении Максима Грека улучшилось, когда Иоасаф возглавил Русскую церковь[207].

Проведенные новым митрополитом назначения обнаруживали в нем последовательного противника митрополита Даниила. В историографии принято считать Иоасафа сторонником идеологии нестяжателей, которые являлись принципиальными противниками иосифлян[208]. Однако понятие «нестяжательство» лишено однозначного определения. В него включаются противники церковного и монастырского землевладения, а также все противники Иосифа Волоцкого и его учеников. Исход церковного собора 1503 г. вплоть до Стоглавого собора 1551 г. определил позицию государства в отношении монастырских вотчин. В 1530-х гг. систему поминаний, выработанную в Иосифо-Волоцком монастыре, заимствовали Кирилло-Белозерский и Троице-Сергиев монастыри. Вовсе не лояльное или критическое отношение к власти великого князя разделяло иосифлян и нестяжателей, и те и другие не сомневались в сакральном характере высшей власти, и те и другие считали необходимым печаловаться об опальных в той или иной ситуации. Но наряду со спадом напряженности споров в отношении прав монастырей владеть вотчинами резко возрастало соперничество между монашескими корпорациями. Старцы признанных духовных центров — Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского — и некоторых других обителей ревниво следили за успехами выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря, усматривая в этих успехах угрозу своему влиянию в придворных и аристократических кругах Московского государства. «Письмо о нелюбках» рассказывает историю вражды постриженников Иосифо-Волоцкого и Кирилло-Белозерского монастырей. Своя история «нелюбок» была у иосифлян с троицкими иноками, начиная с дела архиепископа Серапиона[209].

Митрополит Иоасаф не считал себя ставленником боярской группировки Шуйских. В 1540 г. по его ходатайству перед великим князем из ссылки был возвращен И. Ф. Бельский, а спустя год митрополит уже ходатайствовал в пользу его брата Семена, бежавшего из России в 1534 г. Позиция митрополита оказалась неожи-

---

[206] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 130—132, 138.

[207] *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 149—150.

[208] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). С. 293.

[209] В 1518—1520 гг. келарем Троице-Сергиева монастыря был Алексей Пильемов, ранее занимавший пост архимандрита Возмицкого монастыря и бывший в 1507—1509 гг. активным участником конфликта князя Федора Волоцкого с Иосифом Волоцким (*Арсений, иером.* Летопись наместникам, келарям, казначеям Свято-Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1868. С. 19).

данной для группировки Шуйских. Князь И. В. Шуйский даже перестал ездить ко двору[210]. Вскоре он был отправлен из Москвы готовить поход на Казань и временно устранен с политической сцены[211]. По ходатайству Иоасафа и членов Боярской думы 20 декабря 1540 г. великий князь освободил из тюрьмы своего двоюродного дядю князя Дмитрия Андреевича Угличского. Практически одновременно по печалованию митрополита были освобождены из заточения двоюродный брат царя удельный старицкий князь Владимир Андреевич с матерью княгиней Евфросинией Андреевной.

Митрополит Иоасаф активно участвовал в обсуждении государственных дел[212]. Его мнение оказалось решающим при обсуждении вопроса об отражении набега крымских татар в 1541 г. Митрополит высказался за то, чтобы одиннадцатилетний великий князь Иван оставался в столице, поскольку выезд из Москвы не гарантировал безопасности великому князю и был чреват бедствиями для города. После его выступления бояре «сошли все на одну речь»[213]. Согласно «Летописцу начала царства», представляющему официальное летописание за 1533—1552 гг., митрополит Иоасаф наряду с князем И. Ф. Бельским был «первосоветником» юного великого князя[214].

В сугубо религиозных делах митрополит Иоасаф проявил себя сторонником тщательного исследования обстоятельств явления чудес. В 1540 г. из Ржева в Москву для поклонения были принесены чудотворные иконы «Одигитрия» (Ржевская Оковецкая икона Богоматери и Честного Креста), их встречали Иоасаф с Освященным собором, великий князь и бояре. Перед этим митрополит соборно рассмотрел сведения о чудесах, происшедших от новоявленных икон[215]. На месте торжественной встречи чудотворных образов был заложен храм, для которого заказали написать копии икон.

Согласно Житию Даниила Переславского, в 1540 г. в Переславле-Залесском были открыты мощи князя Андрея Смоленского, что давало повод для почитания его в качестве святого. Митрополит сначала дал свое благословение, но позднее обвинил давно известного ему игумена Даниила Переславского в самовольстве[216].

Войско князя И. В. Шуйского 2 января 1542 г. вступило в Москву. Бояре И. Ф. Бельский, П. М. Щенятев, И. И. Хабаров были арестованы и отправлены в ссылку. Митрополит Иоасаф подвергся ожесточенным нападкам: «А митрополиту Иоасафу начаша безчестие и срамоту чинити великую»[217]. Иоасаф был вынужден покинуть митрополичьи покои и переселиться на подворье Троицкого монастыря в Москве. Дети боярские «с великым срамом поношаста его и мало его не убиша, едва у них умоли игумен Троицкий Алексий Сергием чюдотворцем от убиениа»[218]. Царь Иван IV позднее вспоминал: «Да и митрополита Иосафа с

---

[210] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 132—133, 136—137.

[211] Там же. С. 132—133.

[212] Согласно выводу М. М. Крома, активность митрополита Даниила в государственных делах объясняется тем, что из-за малолетства великого князя он выполнял функцию посредника в отношениях между боярами (*Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 263).

[213] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 105.

[214] Там же. С. 135—137, 140.

[215] Сказания и повести о святых чудотворных иконах / Предисл. архим. Леонид (Кавелин) // Русский архив. М., 1881. Кн. II (1). С. 10.

[216] Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца / Издание проф. С. И. Смирнова. М., 1908. С. 62—67. Раздосадованный старец предрек, что Иоасаф недолго будет занимать первосвятительский престол.

[217] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 141.

[218] Там же.

великим бесчестьем с митрополии согнаша»[219].

Митрополита Иоасафа сослали в Кирилло-Белозерский монастырь[220], куда он давал щедрые вклады: «...и всего дачи его денег опричь кубков серебряных, и шубы собольи, и опашня, и камок, и ширинок, и книг на 165 рублев»[221]. Не позднее 1545/46 г. Иоасаф вернулся в Троице-Сергиев монастырь[222]. В 1548 г. митрополит Макарий обратился к Иоасафу, чтобы выяснить причины реабилитации Исаака Собаки и его назначения архимандритом Чудова монастыря после соборного осуждения его в 1531 г. Удовлетворительных объяснений не последовало: в феврале 1549 г. Исаак Собака был вторично осужден церковным собором[223].

О том, что Иоасаф сохранял высокий авторитет в глазах царя и митрополита, свидетельствует факт доставки ему в Троицкий монастырь постановлений Стоглавого собора в 1551 г. «Царское и соборное послание к бывшему митрополиту Иасафу и иже с ним» составляет 99-ю главу соборных материалов. Ответ Иоасафа образует последнюю, 100-ю, главу. Иоасаф прокомментировал некоторые решения собора, сопроводив их оговоркой, что окончательное решение оставляет на усмотрение царя — как ему «Бог положит на сердце». Бывший первосвятитель не рекомендовал частое участие мирян в богослужениях, поскольку необходимо «в миру разсужати чины царьскиа и нужи людскиа». Он считал необходимым установить полный контроль архиереев над деятельностью десятильников (сборщиков церковных пошлин). Иоасаф принципиально выступил за суд архиерея над духовенством по всем делам. С оговорками поддерживал необходимость общей трапезы в монастырях (старые и больные, а также «люди великие», постригшиеся и давшие большие вклады, могли есть в своих кельях). Общий стол следовало устраивать и для гостей монастыря, кроме Троице-Сергиева, в котором «безпрестани гость бываеть и день, и ночь». Для упорядочения монастырского устройства Иоасаф считал разумным объединить мелкие пустыни или приписать их к большому монастырю. Он обращал внимание на необходимость организовать обучение иконописцев у «добрых мастеров». Советовал дать льготы «пустым церквам», освободить крестьян от подати на выкуп пленных, предлагая брать ее из казны архиереев и монастырей. Бывший митрополит требовал, чтобы царь принял меры против бродяжничества и запретил скоморохов. В рассказе о церковном соборе 1503 г. Иоасаф предлагал указать всех архимандритов, игуменов и старцев, принимавших в нем участие, а не только Иосифа Волоцкого; за информацией он рекомендовал обратиться к старым боярам.

В 1552 г., после возвращения из победоносного похода на Казань, Иоасаф лично встречал царя Ивана IV в стенах Троице-Сергиева монастыря. В монастыре Иоасаф проживал вместе с Максимом Гре-

---

[219] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 77.

[220] Митрополит Макарий отметил в духовной грамоте, что Иоасаф «остави митрополию Рускую и отойде в Кирилов монастырь, в молчальное житие» (АИ. Т. 1. № 172. С. 329). В «Повести о большом пожаре», созданной по повелению митрополита Макария, говорится, что бояре согнали со стола митрополитов Иоасафа и Даниила, «праведне учащих и обличающих их». В царском архиве хранился «список, как митрополит Асаф сшел с митропольи» (Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подг. текста и коммент. А. А. Зимина. М., 1978. Ч. 1. С. 691).

[221] *Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русского языка и славянской археологии Императорского археологического общества. Т. 1. Отд. 3. 1851. С. 88. Имя бывшего митрополита было включено в монастырский синодик (*Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897. С. LXVIII).

[222] *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XVI—XVII вв. С. 118.

[223] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 131.

ком. Подтверждением их общения является принадлежавший Иоасафу авторский сборник сочинений Максима Грека[224].

В 1573 г. в послании в Кириллов Белозерский монастырь Иван IV нелицеприятно отзывался о жизни бывшего митрополита в Троицком монастыре: митрополит пировал с крылошанами и бранился с другими насельниками[225].

Иоасаф относится к числу выдающихся книжников своего времени. Известно о сорока трех книгах из библиотеки Иоасафа, некоторые из них, как предполагается, были переписаны в скриптории митрополита Даниила и попали к Иоасафу, когда он взошел на митрополичий престол[226]. В частности, Иоасафу принадлежала рукопись с так называемой Иоасафовской летописью, созданной при митрополите Даниле и послужившей одним из источников Никоновской летописи. Многие рукописи из собрания Иоасафа выделяются красивым письмом и внешним оформлением. Среди рукописей Иоасафа обращают внимание два сборника житий, Киево-Печерский патерик, два списка Тактикона Никона Черногорца и его же Пандекты[227]. Известны принадлежавшие Иоасафу списки «Мерила праведного»[228] и лицевого Апостола[229]. Часть рукописей для Иоасафа переписал выдающийся каллиграф Исаак Собака. Евангелие, начатое по благословению Иоасафа, не было закончено, поскольку митрополит внезапно оставил кафедру[230]. Собиранием книг Иоасаф занимался и в Кирилло-Белозерском монастыре: среди его собрания имеются автографы иноков этого монастыря — Нила (Полева) и Гурия (Тушина)[231].

К середине XVI столетия российская автокефальная церковь управлялась митрополитом и включала в себя девять епархий: архиепископии Новгорода и Ростова, епископии Суздальскую, Тверскую, Рязанскую, Коломенскую, Крутицкую, Вологодскую, Смоленскую. Общее количество монастырей оценить затруднительно[232]. Выдающимся религиозным, политическим, социально-экономическим, хозяйственным и культурным значением выделялись крупные монастыри: владимирский Рождественский, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский; московские: Новоспасский, Симонов, Богоявленский; новгородские: Юрьев, Хутынский, Антониев[233]. При митропо-

---

[224] РГБ. МДА. Фунд. собр. № 42; см.: *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 161—175.

[225] Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 175, 178.

[226] *Макарий (Веретенников), архим.* Иоасаф, митрополит. С. 151.

[227] [*Арсений, иером.*]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. № 211. С. 346—350; № 212. С. 351; № 210. С. 342—345; Ч. 3. № 684. С. 47—49; № 783. С. 203—206; № 713. С. 106—109.

[228] *Вздорнов Г. Н.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. С. 57.

[229] *Спирина Л. М.* Лицевые рукописи XVI в. из собрания Загорского музея-заповедника // Древнерусское и народное искусство: Сообщения Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 88—89.

[230] *Серебрякова Е. И.* Неизвестный памятник московской миниатюры XVI в. из собрания Покровского собора // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность, искусство, археология: Ежегодник: 1991. М., 1997. С. 134—135; *Она же.* Лицевое Евангелие писца Исаака из собрания ГИМ // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 47.

[231] *Дмитриева Р. П.* Иоасаф Скрипицын — книжник и библиофил XVI в. // Книжные центры Древней Руси: XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 309.

[232] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 2. М., 1995. Приложение. С. 668—674; Кн. 3. М., 1995. Приложение. С. 649—662; 1996. Кн. 4. М., 1996. Приложение. С. 359—385.

[233] *Барсегян Т. В.* Типология православных монастырей России // Монастыри в жизни России: Материалы научной конференции, посвященной 600-летию преподобного Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря (19—20 апреля 1994 г.). Калуга; Боровск, 1997. С. 6—10; *Синицына Н. В.* Русское монашество и монастыри: X—XVII вв. // Православная

лите Даниле стремительно возрастает значение Иосифо-Волоцкого монастыря. Постепенно складывается иерархия монастырей, которая в виде структурированной системы впервые оформилась при митрополите Макарии[234]. Бóльшая часть монастырей были не общежитийными, а имели скитское устройство. Отсутствие писаных уставов порождало разнообразие в устройстве обителей[235].

Оценивая период церковно-государственных отношений, открытый первосвятительством митрополита Зосимы и продолжившийся вплоть до времени митрополита Макария, следует отметить, что он характеризуется полным преобладанием светской власти над духовной. Митрополиты Зосима, Симон, Варлаам, Даниил были, несомненно, избраны по воле великого князя[236]. В этот период великие князья обретали прерогативы императоров Византии и все чаще именовались царями. Авторитет главы Русской церкви в период автокефалии существенно понизился. Великие князья Иван III и Василий III властно вмешивались в дела, прежде находившиеся в компетенции митрополита и епископов. По воле великого князя с митрополичьей кафедры были удалены Зосима, Симон, Варлаам. В годы боярского правления политическое значение митрополитов сильно возросло, Даниил и Иоасаф активно участвовали в рассмотрении важнейших вопросов внутренней и внешней политики. При этом главы Русской церкви с легкостью свергались светским правительством, во главе которого вставала та или иная боярская группировка. Объем властных полномочий митрополита и архиереев сокращался как вмешательством в их действия верховной светской власти, так и ростом значения крупных монастырей, которые самостоятельно выстраивали отношения с великим князем в ущерб власти архиереев.

С конца XV в. возрастает роль монастырей, некоторые из них становятся влиятельными религиозными центрами и одновременно крупными землевладельцами. Великие князья последовательно устанавливали подсудность архимандритов и игуменов монастырей своей власти, лично выбирали кандидатов для назначения наместников монастырей. Иван III, обеспокоенный стремительным ростом монастырского землевладения, попытался на церковном соборе 1503 г. заставить монастыри отказаться от владения вотчинами. Эта попытка потерпела крах. Правительство Василия III стремилось сдерживать рост монастырских вотчин, проводило политику распространения на церковные и прежде всего монастырские вотчины всего объема платежей[237]. Льготы предоставлялись в качестве исключения некоторым монастырским корпорациям. Во время регентства Елены Глинской в 1534—1538 гг. наблюдается установление

энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 309—315; *Колычева Е. И.* Денежный бюджет монастырей по приходо-расходным книгам XVI в. // Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 45—61; *Она же.* Православные монастыри второй половины XV — XVI в. // Монашество и монастыри в России XI—XX вв. М., 2002. С. 81—115; *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.) // Там же. С. 116—149.

[234] *Алексеев А. И.* «Лествица духовных властей» митрополита Макария // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2019. Т. 38. С. 255—264.

[235] «Одним из источников беспорядка и соблазна безусловно служили монастыри, которые обходились без всякого устава и которые — особенно если это были малолюдные скиты и пустыни — представляли собой иноческую вольницу, следовавшую в каждодневной жизни обычаям предков, а не букве канона» (*Буланин Д. М.* Опыт комплексного описания: Афон в древнерусской письменности до конца XVI в. С. 581).

[236] *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России. С. 59.

[237] *Каштанов С. М.* Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // История СССР. 1985. № 4. С. 133—134.

правительственного контроля над процессом приобретения монастырями земель[238]. После смерти регента правительственный курс в отношении монастырского землевладения утрачивает последовательность. В середине XVI в. вопрос о монастырском землевладении снова будет поставлен перед правительством Ивана IV и церковными иерархами. Оценить размер монастырских вотчин сколько-нибудь точно не представляется возможным. Существующие в историографии оценки этого фонда в 1/3 всех земель сильно завышены.

Новая роль монастырей, продемонстрировавшая их способность аккумулировать значительные денежные средства за счет вкладов по душе и формировать крупные вотчины, неизбежно подрывала отношения частного патроната над монастырями. Под воздействием поминальной практики[239], усвоенной крупнейшими русскими монастырями не позднее 1530-х гг., сформировалось представление о неотчуждаемости монастырских имуществ. Новое положение находилось в противоречии с традиционными взглядами на взаимоотношения монастырей и вкладчиков и являлось вызовом для великокняжеской власти. Внутри духовенства выделилось два направления: игумен Иосиф Волоцкий стал знаменем общежительных монастырей, которые выстраивали отношения с вкладчиками на основании ряда на поминание и отстаивали свое право распоряжаться доходами с монастырских вотчин; в противовес этому направлению Иван III выбрал в свои союзники «заволжских старцев» во главе с Нилом Сорским. Иосифлян и нестяжателей разделили противоположные взгляды на монастырские вотчины и различное отношение к преследованию еретиков[240]. Обмен мнениями по этим вопросам начался в 1502—1504 гг. и вылился в полемическое противостояние между Иосифом Волоцким и Вассианом Патрикеевым, которое продолжилось между последним и митрополитом Даниилом и завершилось собором 1531 г., на котором осуждению подверглись Вассиан и Максим Грек. Противостояние иосифлян и нестяжателей превратилось в соперничество между монашескими корпорациями Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей с обителью Иосифа Волоцкого, выходцы из которой сумели занять большинство архиерейских кафедр. Попытки вновь поставить вопрос о праве монастырей владеть селами в канун Стоглавого собора были робкими и прекратились после категоричного «Ответа» митрополита Макария.

Русская церковь от митрополита Макария до конца XVI в.

Начало первосвятительства митрополита Макария. После того как митрополит Иоасаф лишился московской кафедры в результате переворота, проведенного в январе 1542 г. князьями Шуйскими и их сторонниками, новым митрополитом

[238] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 526—533. М. М. Кром подчеркивает, что следует говорить о росте контроля за монастырским землевладением в контексте бюрократизации управления страной, а вовсе не о последовательной политике в отношении монастырского землевладения (Там же. С. 516).

[239] В высшей степени показательно, что И. Фабри не сомневался в том, что в Русской церкви «есть преставление о чистилище», которым и объяснял усердие московитов в совершении поминальных служб, сопровождавшиеся обильными приношениями и пожертвованиями (*Фабри И.* Религия московитов. С. 189). Павел Йовий, напротив, категорически утверждал, что московиты отрицают чистилище и даже не признают искупляющей силы заупокойных молитв (*Йовий П.* Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 279, 282).

[240] Контекст этих споров историк церкви А. В. Карташев называл «живейшим вопросом для московского богословия» (*Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. С. 396—409).

19 марта 1542 г. стал архиепископ Великого Новгорода Макарий[241]. К этому моменту Макарий был уже человеком преклонного возраста, прошедшим путь от послушника Пафнутьева Боровского монастыря до главы крупнейшей русской епархии[242]. Среди исследователей нет единства мнений о причинах, которые привели Макария на митрополичий престол. Так, И. И. Смирнов считал, что главную роль в выборе этой кандидатуры сыграли новгородские помещики — активные участники переворота января 1542 г.[243] А. А. Зимин основную причину видел в близости будущего митрополита к боярской группировке князей Шуйских, которые пришли к власти[244]. Однако более верным представляется то, что избрание Макария определялось в первую очередь тем авторитетом, которым он пользовался в церкви[245]. Нельзя также забывать, что в условиях, когда два предыдущих митрополита были согнаны боярами, едва ли место предстоятеля Русской церкви было особенно привлекательным.

Митрополит Московский и всея Руси традиционно являлся вторым лицом в государстве, и Макарию необходимо было определить позицию по отношению к происходившим событиям. Следует помнить, что великий князь Иван IV был еще ребенком, а реальная власть находилась в руках бояр. В историографии существует мнение, что именно новый митрополит возглавил борьбу за ликвидацию боярского правления[246]. Но такие представления не подтверждаются источниками. К тому же воспоминания о судьбе Даниила и Иоасафа могли надолго отбить у иерархов желание вмешиваться в политическую борьбу, развернувшуюся при московском дворе. Макарий, скорее всего, стремился сохранять нейтралитет в столкновениях боярских группировок. Вместе с тем он пользовался правом печалования за опальных и участвовал в заседаниях Боярской думы. На одном из таких заседаний в сентябре 1543 г. произошла безобразная сцена, когда митрополит подвергся оскорблениям, на нем даже порвали мантию[247].

Важнейшую роль Макарий сыграл в венчании Ивана IV на царство. По летописным сообщениям, именно ему подросший великий князь сообщил о своем желании жениться, а перед этим «поискати прежних своих прародителей чинов», т. е. венчаться на царство[248]. Скорее всего, принятие важнейшего решения шестнадцатилетним Иваном IV было вызвано влиянием митрополита, у которого были представления о правильном устройстве христианского мира. Эти представления шли от Византийской империи. Константинопольский патриарх Антоний писал в свое время: «Невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя. Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга»[249]. После падения древней империи православных царей не осталось. Теперь же это

---

[241] ПСРЛ. Т. 29. М., 2009. С. 42.

[242] *Макарий (Веретенников).* Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002. С. 17—93.

[243] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 95—97.

[244] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 264.

[245] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. СПб., 2006. С. 45—46; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 279.

[246] *Шатагин Н. И.* Русское государство в первой половине XVI в. Свердловск, 1941. С. 80, 96; *Смирнов И. И.* Иван Грозный. Л., 1944. С. 24.

[247] ПСРЛ. Т. 29. С. 45; Т. 13. М., 2000. С. 145, 443—444.

[248] ПСРЛ. Т. 13. С. 450.

[249] РИБ. Т. 6. С. 272—276.

место должен был занять великий князь всея Руси. Впрочем, сам Иван IV на Византию не ссылался, а апеллировал к своему предку Владимиру Всеволодовичу Мономаху, который якобы получил царские регалии из Константинополя и был венчан на царство[250].

Торжественный обряд проходил 16 января 1547 г. в Успенском соборе Кремля. Венчание на царство провел митрополит, он же спустя две недели обвенчал молодого царя с его избранницей Анастасией Романовной Захарьиной[251].

В июне 1547 г. в Москве произошел «великий пожар», во время которого Макарий серьезно пострадал, сорвавшись с веревки, с помощью которой его спускали к реке, эвакуируя из горящего Кремля. Спустя несколько дней началось восстание московских посадских людей, приведшее к падению боярской группировки князей Глинских[252]. Некоторые исследователи высказывали мнение, что к падению Глинских привели боярские интриги, причем к ним приложил руку и митрополит[253]. Сторонники этой точки зрения упоминают совещание у постели больного Макария, на котором было решено расследовать причины пожара, а первым версию о колдовстве как причине катастрофы выдвинул благовещенский протопоп Федор[254]. Однако более верным представляется мнение, что митрополит не участвовал в заговоре против князей Глинских. Об этом свидетельствует то, что именно Макарий выступил спустя несколько месяцев ходатаем за Глинских, а во время июньского восстания Анна и Михаил Глинские скрывались в монастырях[255]. В период боярского правления митрополит придерживался нейтральной позиции, стремясь по возможности не вмешиваться в придворную борьбу. Это позволило Макарию сохранить свой пост.

Большинство исследователей считают, что в результате московского восстания 1547 г. было свергнуто последнее боярское правительство[256], хотя в настоящее время появились утверждения, что окончание политического кризиса в России связано с событиями 1549 г. — собором «примирения»[257]. Как бы то ни было, со времени московского восстания начались серьезные изменения в царском окружении. Влияние митрополита выросло. Кроме того, в окружении царя появился еще один представитель духовенства — священник Благовещенского собора Сильвестр. К его фигуре историки обращались неоднократно[258]. В историографии нет единства в оценке роли Сильвестра при Иване IV и его отно-

---

250 ПСРЛ. Т. 13. С. 450.

251 ПСРЛ. Т. 13. С. 152, 451—453; Т. 29. С. 49—51.

252 ПСРЛ. Т. 13. С. 454—457; Т. 29. С. 51—54.

253 *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 113, 116, 125—126; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 277—278, 300; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 89.

254 ПСРЛ. Т. 13. С. 456.

255 Там же. С. 457; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 292.

256 *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 135—136; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 29—30 и др.

257 *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 326—356.

258 См., например: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 231—257; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 41—70; *Филюшкин А. И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 309—329; *Шапошник В. В.* Благовещенский священник Сильвестр в источниках // Архивы и история российской государственности. Вып. 5. СПб., 2015. С. 22—25.

шений с Макарием. Яркие характеристики благовещенского священника содержатся в таких публицистических источниках, как приписки к Царственной книге, Посланиях Ивана Грозного и «Истории о великом князе московском» беглого боярина князя А. М. Курбского[259]. В этих сочинениях Сильвестр изображается активным политическим деятелем, играющим главную роль в происходивших событиях. Кроме того, многие ученые считают благовещенского священника лидером влиятельной внутрицерковной группировки нестяжателей[260], что делало его противником митрополита. Однако само существование влиятельной группы нестяжателей как представителей духовенства, выступающих с идеей ликвидации церковно-монастырского землевладения, не подтверждается источниками[261]. Можно предположить, что Сильвестр был близок к митрополиту Макарию и являлся если не прямым его ставленником, то союзником.

Церковные преобразования и внешняя политика. С конца 1540-х гг. начались реформы Ивана IV. Проведение преобразований связывают обычно с новым правительством, с «Избранной радой», хотя вопрос о ней уже давно является предметом споров в историографии[262]. Начало реформ было положено так называемым собором примирения, который проходил в 1549 г. В его работе принимали участие митрополит Макарий и другие представители духовенства. По их благословению светские власти приступили к составлению нового Судебника, который был принят в 1550 г.[263] Важную роль сыграл митрополит и в урегулировании вопросов, связанных с местничеством. Проблема обострилась во время одного из походов на Казань. Царю пришлось срочно пригласить Макария во Владимир для разрешения ситуации[264].

Церковные преобразования являлись важным звеном проводившихся реформ. Необходимость их проведения была очевидна для церковного и государственного руководства того времени. После объединения русских земель не были, например, унифицированы церковные обряды (в разных районах России они немного различались), различалось даже перстосложение для крестного знамения. Поведение духовенства также далеко не всегда соответствовало его высокому предназначению (пьянство, драки между церковнослужителями и т. д.). Проблемой была в ряде случаев и неграмотность священников. С другой стороны, необходимо было определить отношения с государством и недавно появившейся царской властью, постараться по возможности разграничить сферы чисто церковных и государственных проблем. Кроме того, экономические интересы церкви и государства далеко не всегда совпадали.

Первые церковные преобразования были направлены на создание общерусского сонма святых. Со времен раздробленности существовало множество местночтимых святых, но общерусских было явно недостаточно. На церковных соборах, проходивших в 1547 и 1549 гг., было канонизиро-

---

[259] ПСРЛ. Т. 13. С. 524; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 22—24; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 12—52.

[260] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 46 и др.

[261] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 69—73.

[262] *Шишкин И. Г* Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV — XVI вв. (1917 — начало XXI в.). Тюмень, 2009. С. 332—376.

[263] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 252.

[264] ПСРЛ. Т. 29. С. 57—58.

вано большое количество святых[265]. Общерусскими святыми стали многие игумены и основатели монастырей, группа церковных иерархов (среди них, например, первый автокефальный митрополит Иона). Канонизированы были и несколько юродивых и князей, самыми известными из которых были Михаил Ярославич Тверской и Александр Ярославич Невский. Столь массовая канонизация вызвала значительное оживление литературной деятельности — создавались жития и службы новым святым[266].

На церковном соборе 1549 г. снова рассматривалось дело известного писца Исака Собаки. При митрополите Даниле среди прочих обвиняемых он был соборно осужден, но спустя некоторое время, при предшественнике Макария Иоасафе, стал священником, а затем и игуменом. Уже в период первосвятительства Макария Исак занял важное место архимандрита Чудова монастыря. Когда вскрылось, что он был осужден вместе с Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком, его лишили сана и сослали на покаяние[267].

Соборы по канонизации были лишь началом церковных преобразований. Следовало исправлять недостатки, которые существовали в церкви и обществе. Необходимость этих изменений понимали многие церковные деятели, в том числе и сам митрополит Макарий. Кроме того, для руководства церкви было важно консолидировать духовенство, попытаться минимизировать вмешательство светских властей в сферу церковного суда. Между тем у государства был соблазн решить свои экономические проблемы, используя материальные ресурсы Русской церкви. Причем здесь можно было действовать по двум направлениям: во-первых, обратить внимание на церковно-монастырское землевладение, которое в какой-то степени могло удовлетворить земельный голод детей боярских, и, во-вторых, отменить налоговые льготы (тарханы), которыми пользовались крупные монастыри. Первый подход требовал пересмотра решений собора 1503 г., когда духовенство отказалось передать свои земельные владения в руки светской власти[268]. Но едва ли у руководства церкви за прошедшие десятилетия произошли серьезные изменения в подходах к вопросу о церковно-монастырском землевладении. Тем более что к середине XVI в. внутри церковной организации не было влиятельных сил, которые могли бы выступить союзниками государственной власти в данном вопросе.

Отмена налоговых льгот представлялась, вероятно, более легкой задачей. К тому же владения самых крупных землевладельцев вышли из льготного статуса, бессрочное освобождение от основных налогов касалось незначительного числа монастырей[269]. Впрочем, светское руководство не собиралось отказываться и от попыток тем или иным способом наложить руку на церковные земли. Сохранился так называемый Ответ митрополита Макария[270]. Написан он был в середине XVI в., но еще до Стоглавого собора[271]. Как можно понять из текста Ответа, от имени Ивана IV был инициро-

---

[265] *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации XI—XVI вв. М., 1986.

[266] Правда, не везде цель канонизации местных святых была достигнута. О почитании святых Новгородской земли см.: *Флоря Б. Н.* Особенности почитания святых в разных регионах России раннего XVII в. (по материалам писцовых книг) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 113—115.

[267] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 125—139.

[268] *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. С. 294—301.

[269] *Каштанов С. М.* Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // История СССР. 1985. № 4. С. 134.

[270] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. [Т.] IV. С. 723—743.

[271] *Кистерев С. Н.* «Дело» Аграфены Волынской и «Ответ» митрополита Макария // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 75—77.

ван запрос первосвятителю с предложением уступить государству часть владений митрополичьей кафедры. Используя многочисленные ссылки на известные документы (ярлыки ханов Золотой Орды, Устав князя Владимира, «Константинов дар»), святитель пишет, что царю следует «свою царскую веру к Богу показати и велие тщание к святым церквам и святым монастырям, не токмо недвижимая взымати, но и самому ти подобает подавати, якоже и вси святые царские твои прародители и родители подаваху Богови в наследие благ вечных».

Затем митрополит переходит к основной теме: «...не могу на таковая страшная дръзати и помыслити <...> из Дому Пречистыя Богородици и великых чюдотворцев таковая отдати или продати, не буди того. И до последняго нашего издыханиа и избави всех нас всесилный Боже и схрани нас от таковаго законопреступлениа и не попусти тому быти не токмо при нас, но и по нас до скончаниа века». Макарий призывает: «...глаголю ти, о благочестивый царю, и молю твое царское величьство: останися, государь, и не сътвори такова начинания, его же Бог не повеле вам, православным царем, таковая творити».

Завершается Ответ немного завуалированным отказом: «И того ради молим твое царское величьство и много с слезами челом бием, чтобы <...> по тем божественным правилом у Пречистой Богородици и у великих чудотворцев из дому тех недвижимых вещей, вданных Богови в наследие благ вечных, не велел взяти»[272]. Указывая на свое категорическое несогласие с идеей передачи церковной земельной собственности в руки светских властей, Макарий прояснил не только свою личную позицию, но и настроения подавляющей части церковных архиереев. В результате стало очевидно, что изъятие церковно-монастырских земель (по крайней мере, той их части, которая поступила церкви «в наследие благ вечных») провести невозможно.

В середине XVI в. возникла ситуация, когда, с одной стороны, перед Русской церковью стоял вопрос об исправлении многочисленных «нестроений», а с другой строны, проблемы светских властей в экономической сфере вели к тому, что необходимо было в какой-то мере воспользоваться средствами духовенства. Причем после Ответа митрополита Макария посягательства на основную часть церковно-монастырских земельных владений были обречены на провал. Положение усугублялось тем обстоятельством, что некоторые представители духовенства оказывали серьезное влияние на молодого монарха. Ситуация в стране после перипетий боярского правления требовала успокоения и идти на конфликт с духовенством было нельзя. Шла война с Казанским ханством, светские власти нуждались в поддержке церкви. Проводившиеся и планируемые реформы требовали стабильности. Высшее духовенство также понимало необходимость каких-либо шагов со своей стороны для нормализации ситуации в стране и могло, вероятно, пойти на уступки светским властям в финансовой сфере. Следовало найти взаимоприемлемый компромисс.

Решения предстояло принять церковному собору, который, по книге соборных решений, получил название Стоглавого. Итак, перед готовившимся собором стояло несколько важнейших проблем: во-первых, следовало исправить церковные «нестроения», определить взаимоотношения церкви и государства и, во-вторых, установить, в какой степени церковь может помочь государству в разрешении финансовых трудностей.

Стоглавый собор является одним из самых важных событий в истории Русской церкви. Но его решения затрагивают также многие сферы тогдашней жизни: взаимо-

[272] Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. [Т.] IV. С. 742—743.

отношения церкви и государства, быт, поведение и культуру. Удивительно, что в летописях того времени работа собора не нашла отражения, а единственными источниками являются книга соборных решений Стоглав и немногочисленные сохранившиеся наказные списки, отправленные по городам и содержащие в себе решения собора.

Еще до открытия собора от имени Ивана IV были составлены так называемые первые царские вопросы. Вопросы названы «царскими» не потому, что монарх составил их лично, а исходя из представлений о том, что русский царь является преемником византийских императоров, которые в свое время созывали церковные соборы и играли важную роль в регулировании разных сфер церковной жизни. Всего вопросов тридцать семь и помещены они в 5-ю главу Стоглава. Ряд вопросов посвящен непорядкам в практике богослужений, поведению отдельных представителей духовенства и мирян, пьянству, злоупотреблениям святительских чиновников, обучению грамоте, содержанию богаделен. В некоторых вопросах ясно прослеживается критика имеющихся порядков: «И ныне бо видим и слышим кроме божественного устава многие церковные чины не сполна совершаются и не по божественным правилом и не по уставу». Серьезной проблемой было пьянство: «во всех монастырях игуменом и чернецом и попом о пьяном питии и о мирских попех упивании безмерном»; «а попы и церковные причетники в церкви всегда пьяни и без страха стоят и бранятся и всякие речи непотребные всегда из уст их исходят. <...> Попы же в церквах бьются и дерутся промеж себя, а в монастырях такое же безчиние творится». Много внимания уделено поведению прихожан во время церковных служб: «яко на торжищи, или на позорищи, или на пиру, или яко в корчемницы, и говор, и ропот, и всякое прекословие, и беседы и смрадные словеса; пения божественного не слышат в глумлении». Осуждается ношение иностранной одежды: «да по грехом слабость, и небрежение, и нерадение вниде в мир в нынешнее время; нарицаемся хрестьяне, а в тридцать лет и старые главы бреют и брады и ус, и платье и одежи иноверных земель носят, то почему познати хрестьян».

В вопросах содержится критика порядков в монастырях: «Неции же <...> стригутся покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать и по селам ездят прохладу для. А архимандриты и игумены некоторые так же власти докупаются да службы Божии и трапезы и братства не знает, покоит себя в келии с гостями. Да племянников своих вмещают в монастырь да доволят всем монастырским, и по селам также. А монастыри тем пустошат, а старых слуг и вкладчиков изводят. А по кельям инде жонки и девки приходят, и робята молодые по всем кельям живут невозбранно <...>. И монастыри и села чинят пусты с своими племянники: а священницы и братия бедные алчни и жадни и всячески неспокойны всякими нуждами одержимы. Весь покой монастырский и богатство и всякое изобилие во властех и с роды, и с племянники, и с бояры, и с гостми, и с любимыми друзи истощили». В некоторых вопросах затрагивались земельные интересы монастырей, хотя проблема изъятия церковно-монастырских владений прямо не проговаривалась: «В монастыри боголюбцы дают душам своим и родителям на поминок вотчины и села, а иные вотчины и села собою прикупают в монастыри, а иное угодие и у меня (царя. — *В. Ш.*) припрашивают. И поимали много по всем монастырям, а братии по всем монастырям по старому, а инде и старого меньши. Есть и пить стало братье скуднее; а строения в монастырях никакого не прибыло, и старое опустело. Где те прибыли и кто тем корыстуется? Да тарханные и несудимые грамоты и лготные у них же о торговлях беспошлинно. Чернецы по селам живут и в городе, тяжуться о земле <...>. А села и имения в монастыри емлют, а по тех душах и по родителях их по их приказу и в памяти

не исправляют». Критиковалась и практика давать церковные и монастырские средства в рост.

Некоторые из вопросов затрагивали тему ружных церквей и монастырей. Руга — это выплаты из казны на содержание духовенства. Часть представителей духовенства, получающих ругу, не исполняли своего долга: «ни панихиды, ни молебнов, ни заутрени, ни часов, ни вечерни <...> не поют в своих пределах». Многие ружные монастыри и церкви могли сами себя обеспечивать всем необходимым, а не получать средства от государства для своей деятельности. Было уделено внимание содержанию богаделен. Указывалось, что средства на их содержание выделяются из казны и за счет милостыни, но «прикащики» (управляющие) за подарки селят здоровых людей, а нуждающиеся «в убожестве глад и мраз, и зной, и наготу, и всякую скорбь терпят, и не имеют где главы преклонити, и по миру скитаются». Поднят был вопрос и о выкупе пленных. Один из вопросов затрагивает важнейшую проблему: так называемые несудимые грамоты, которые освобождали духовенство от подсудности епископам в пользу светского суда[273].

Исследователи давно обратили внимание на то, что, хотя вопросы и названы «царскими», один Иван IV не мог быть их автором[274]. О многих вещах, затронутых в вопросах, он просто не мог знать. Скорее всего, большинство вопросов было составлено митрополитом Макарием и его окружением, а оставшаяся часть, а именно те, в которых в той или иной степени затрагивались материальные интересы духовенства, — кем-либо из светских лиц в окружении царя[275].

Споры вызывают так называемые дополнительные царские вопросы. Они не входят в Стоглав и имеют светский характер[276]. По сути, в этих вопросах содержится программа серьезных реформ. Одни исследователи считают, что эти вопросы обсуждались на Стоглавом соборе, другие это отрицают[277]. Свидетельств того, что «дополнительные вопросы» рассматривались на соборе, нет.

Составленные от имени царя вопросы определили программу работы Стоглавого собора, открывшегося в феврале 1551 г. в присутствии Ивана IV. Председателем был митрополит Макарий, принимали участие архиепископы Феодосий Новгородский и Никандр Ростовский, а также епископы Трифон Суздальский, Гурий Смоленский, Кассиан Рязанский, Акакий Тверской, Феодосий Коломенский, Савва Сарский, Киприан Пермский. Присутствовали настоятели и старцы монастырей, представители белого духовенства[278]. Большинство архиереев, присутствующих на соборе, представляли сравнительно молодой (но чрезвычайно влиятельный) Иосифов монастырь[279].

Итак, в работе Стоглавого собора принимали участие три группы духовенства: епископы, игумены и старцы монастырей, белое духовенство. Между этими группами духовенства были определенные противоречия. Существовало соперничество между монастырскими корпорациями — так,

---

[273] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 253—266.

[274] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. Первая половина. С. 778—779; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 379; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси в XIV—XVI вв. С. 228.

[275] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 130—150.

[276] Памятники русского права. Вып. 4 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 576—580.

[277] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 301; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 336—337.

[278] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 238—239, 252.

[279] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 382—383.

выходцы из Иосифова монастыря занимали большинство епископских кафедр. Но большое количество других монастырей не имело своих представителей в руководстве церкви. Кроме того, между святителями и остальным духовенством были противоречия по вопросу юрисдикции над монастырями. Этот конфликт в какой-то мере провоцировался светскими властями, шедшими на выдачу несудимых грамот, освобождавших монастыри по ряду дел от подсудности епархиальным архиереям. Существовали противоречия между епископами и белым духовенством из-за пошлин. Следовательно, оценивать итоги работы собора и дискуссий на нем нужно исходя не из представлений о столкновении иосифлян и нестяжателей, а из существования, во-первых, некоторых противоречий между разными группами участников собора и, во-вторых, между светской частью правительства, рассчитывающей на соборе решить финансовые проблемы государства, и церковной организацией в целом[280].

Собрание началось с царской речи, в которой присутствующих призывали позаботиться о вере, «благостоянии» церквей, царстве и «устроении» всего православного христианства. Кроме устного выступления, участникам собрания было прочитано письменное обращение Ивана IV, в котором он призывал всех потрудиться «о истеней и непорочней православной християнской вере». Выслушав вышеизложенное, члены собора обменялись мнениями, «о благочестии слово изнесоша». Затем Иван IV передал собравшимся другие писания: о новых чудотворцах и текст вопросов[281]. Уже в ходе самого собора появились вторые «царские» вопросы, которые вошли в 41-ю главу Стоглава. Как и первые, они составлялись не царем, их предложили съехавшиеся в Москву представители провинциального духовенства. Большинство вторых вопросов посвящено различиям в проведении церковных служб в разных частях России, языческим пережиткам, иконописи, астрологии, гаданиям, скоморохам[282]. Ответы на эти вопросы находятся в 41-й главе.

С 6-й главы начинаются ответы на первые «царские» вопросы. Они продолжаются до 41-й главы, в которой находятся вторые вопросы. Затем продолжаются ответы на первые и частично вторые «царские» вопросы (главы 42—97). Глава 98 (решение о церковных слободах) и главы 99—100 говорят об участии в делах собора бывшего митрополита Иоасафа и других лиц; глава 101 — приговор о вотчинах от 11 мая[283].

В 6-й главе содержится решение о поповских старостах и десятских священниках, которые должны были контролировать проведение церковных служб и поведение духовенства. Указывается, что в Москве должно быть семь протопопов. Б. Н. Флоря и А. П. Павлов отметили, что это было шагом по введению самоуправления духовенства[284]. Среди других решений Стоглавого собора можно отметить введение единообразия в проведении церковных служб. Устанавливался брачный возраст: для женщин — 12 лет, для мужчин — 15 лет. Запрещалось вступать в брак свыше трех раз. Устанавливался размер пошлин за венчание, был определен возраст, начиная с которого возможно было поставление в священники и дьяконы (30 и 25 лет соответственно).

---

[280] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 158—159.

[281] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 241—253.

[282] Там же. С. 304—319.

[283] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 166.

[284] *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992. С. 126—130, 155—156; *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. // История России: Народ и власть: Учебник для вузов. СПб., 1997. С. 237.

Было принято решение об открытии училищ для обучения грамоте по всей стране. Белому духовенству следовало теперь выбрать учителей и в их домах открыть школы. Оплачивать учебу должны были родители учащихся, причем размер платы не устанавливался. Собор предписал внимательно следить за состоянием икон и церковных книг. Неисправленные книги запрещалось продавать. В случае невыполнения ружными священниками своих обязанностей они отлучались, а их руга переходила к другим попам. Были установлены нормы выплат за освящение церкви в пользу епархии, причем было запрещено без разрешения светских и церковных властей строить новые храмы.

Большое внимание уделялось поведению мирян. Осуждались пьянство, блуд, объедание, языческие пережитки. Отдельная глава посвящена обличению содомии. Предписывалось соблюдать правила поведения в церкви, запрещалось ношение иностранной одежды, бритье бороды и усов, употребление в пищу колбас. От мирян требовалось регулярное посещение церковных служб и определялись нормы поведения в выходные дни.

Собор стремился не допустить возможных злоупотреблений в будущем. Для этого вводились нормы отчислений за совершение различных действий (освящение церкви, вступление в брак, поставление в дьяконы и священники). Запрещалось вымогать средства у желающих креститься, постричься или причаститься. Каждый должен был давать, сколько может.

Внимание участников собора было привлечено к правилам поведения монахов. Контроль за черным духовенством возлагался на игуменов, указывались самые распространенные нарушения порядка в монастырях: «в пьянство бы не упивалися, и по монастырям горячего вина не курите и не пейте, и хмельного пития пива и медов не держати им», «а по келиям бы молодых ребят голоусов однолично не держали», «игуменам отныне властей не докупатися и по мзде не ставитеся, и детей у себя не держати, и по селам не посылати, и старых слуг из монастыря не изводити, а женкам и девкам по келиям не ходити, и в келии их не пускати»[285]. Для предотвращения финансовых злоупотреблений в обителях монастырская казна ставилась под контроль царских дворецких. Поставление игуменов теперь также стало во многом зависеть от воли государя.

Некоторые главы посвящены проблемам церковного суда, причем светским судьям запрещалось судить церковных людей и посягать на имущество церкви. Это в очередной раз подчеркивает неприкосновенность церковно-монастырского землевладения. Судебной властью над духовенством являлся епископ, церковным людям запрещалось обращаться в светские суды по всем вопросам, кроме «душегубства и разбоя с поличным». Подсудность церковному суду устанавливалась не только для самого духовенства, но и для монастырских крестьян. Отменялись несудимые грамоты, которые ранее широко раздавались светскими властями для привлечения влиятельных монастырей и духовенства на свою сторону. Эти грамоты освобождали монастыри от подсудности епископам по мирским делам и вели к уменьшению судебных пошлин, поступающих владыкам. Отмена несудимых грамот, регламентация норм церковного суда и расширение функций поповских старост вели к консолидации духовенства, подчинению его епископам. Но необходимо отметить, что в будущем, после смерти митрополита Макария, светские власти снова приступили к выдаче несудимых грамот, что позволяло им вмешиваться в отношения между различными частями духовного сословия.

Серьезное внимание в Стоглаве уделялось борьбе со взяточничеством святи-

[285] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 328—335.

тельских чиновников. Были установлены пошлины с судебных дел. Епископам запрещалось самостоятельно ставить себе бояр, следовало обязательно ссылаться с царем при решении этого вопроса. Святительские бояре — это светские лица, находившиеся на службе у церковных иерархов. Они же судили по уголовным делам лиц, подлежащих святительскому суду.

Решениями Стоглавого собора вводился новый общегосударственный налог на выкуп пленных. Проводить эту операцию нужно было так: всех пленников следовало выкупать из царской казны, а затем затраченную сумму распределять на все обрабатываемые земли и взыскивать с населения. Категорически запрещалось всем лицам духовного звания заниматься ростовщичеством. Черному духовенству напоминалось о необходимости строго соблюдать свои обязательства — поминать вкладчиков. Дело в том, что был широко распространен обычай часть своих земельных владений передавать монастырям для поминания души жертвователя и его родных. Это привело к тому, что некоторые монастыри получили значительные земли, но монахи, очевидно, иногда игнорировали свои обязательства. Собор призывал, чтобы состоятельные монастыри не «докучали» царю и не просили новых земель и льгот: «Да у которых монастырей земель и сел довольно, посмотря по братству, и мочно прожити, и те бы архимандриты и игумены <...> царю не стужали, излишнего не просили, также бы тарханных и льготных и о торговлях безпошлинно, и несудимых грамот и угодей не припрашивали».

О руге Стоглавый собор постановил: монастыри, которые получали ругу при Василии III ежегодно, могут и дальше получать ее впрок, а те, которым давали милостыню «в приказ» (единовременно), «а будет у тех монастырей села и доходы, и можно им без руги прожити, и то в твоей царской воле: и дати и отложити <...> а которым будет убогим монастырям и святым церквам без твоей руги впредь прожити невозможно, и тебе, царю, достойно и праведно таковых пожаловати. Да и прочие монастыри и места и святые церкви, не имущие помощи, достоит устроити в свое христолюбивое царство»[286]. Ружное духовенство, которому устроили милостыню из казны без царского ведома (в период боярского правления), следовало лишить руги.

Отдельная глава посвящена церковным слободам. Для государственной казны это был важный вопрос: слобожане имели широкие льготы — свою подсудность и не участвовали в платежах общих налогов и выполнении повинностей. Было решено, что жители слобод будут участвовать в налогообложении наравне с посадскими людьми, но будут подлежать церковному (а не общегосударственному светскому) суду. Духовенство обещало не создавать новых слобод и не переманивать в них посадских людей.

На Стоглавом соборе было принято несколько решений, которые спустя столетие, в XVII в., были подвергнуты критике. Основным из них было решение о введении крещения двумя пальцами. Именно на решения Стоглава опирались старообрядцы, отказываясь признавать реформу патриарха Никона, введшего троеперстное крещение.

Таковы основные решения собора 1551 г.[287] Подготовленные материалы были отправлены на просмотр находящемуся в Троице-Сергиевом монастыре бывшему митрополиту Иоасафу и некоторым другим лицам. Иоасаф сделал незначительные замечания, часть из которых затем вошла в основную часть Стоглава[288].

[286] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 407—408.
[287] Там же. С. 266—409.
[288] Там же. С. 409—413.

В 101-й главе Стоглава находится Приговор о вотчинах от 11 мая 1551 г. Согласно этому документу, духовенству было запрещено покупать вотчины без доклада под угрозой конфискации приобретенных владений. Поступившие в качестве вклада «по душе» вотчины запрещалось выкупать, кроме случаев, специально предусмотренных в духовной грамоте. Поместные и черные (государственные) земли, которые достались духовенству за долги, необходимо было вернуть прежним владельцам. Владения, перешедшие церкви после смерти великого князя Василия, следовало вернуть в казну (в данном случае речь шла о государственных землях). Всю ругу монастырям и церквям предписывалось сократить до тех размеров, какие были при Василии Ивановиче. Землевладельцам некоторых уездов было запрещено продавать свои вотчины выходцам из других городов и отдавать в качестве вклада «по душе». Наконец, земли, поступившие в монастыри до принятия приговора, от землевладельцев этих уездов, за компенсацию переходили государству и шли в поместную раздачу[289].

Приговор вызвал определенные дискуссии среди ученых. И. И. Смирнов пришел к выводу, что он поставил под контроль правительства рост монастырского землевладения и, кроме того, сводил на нет все успехи, которые сделало церковное землевладение в период «княжеско-боярской реакции»[290], содержал в себе ограничение права княжат на распоряжение своими вотчинными владениями[291]. По словам Н. Е. Носова, принятые меры носили «оградительный характер» защиты светского землевладения от церковной «экспансии»[292]. По мнению В. Б. Кобрина, этот документ содержит вовсе не ограничение прав владельцев вотчин, а их привилегии, и направлен в части, касающейся княжат, на «консервацию удельной старины»[293]. А. Л. Юрганов заключил, что основное значение приговора состоит в том, что государственная власть считала возможным вмешиваться в отношения собственности[294].

Если подводить итоги Стоглавого собора в экономической и политической областях, то можно отметить, что государственная казна получила облегчение (за счет частичной отмены руги) и в распоряжение правительства должно было поступить некоторое количество земель, изъятых у духовенства по приговору. Тем не менее основная часть церковно-монастырских владений осталась в неприкосновенности. Под царский контроль официально перешли назначение игуменов, наблюдение за монастырской казной и состав святительских бояр.

Скорее всего, именно финансовые и земельные вопросы вызвали на соборе наибольшие споры, так как они затрагивали материальные интересы русского духовенства. Проблемы упорядочения церковных обрядов, быта, поведения, культуры, исправления «нестроений» не должны были вызвать серьезных разногласий. Споры, вероятно, развернулись по поводу претензий светских властей на некоторую часть церковных доходов (руга). Некоторые противоречия могли быть между архиереями, которые получали значительные доходы от церковного суда, и черным духовенством, заинтересованным в земельной собственности. Могли быть конфликты и по поводу несудимых грамот, которые на соборе были отменены. Белое духовенство, вероятно, было заинтересовано в точных размерах

[289] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 413—416.

[290] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 448.

[291] *Смирнов И. И.* Иван Грозный. С. 38.

[292] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 109.

[293] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 77, 82.

[294] *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 189.

пошлин, которые и были установлены на Стоглавом соборе.

Таким образом, решения Стоглавого собора касались исправления церковных непорядков, поведения церковников и светских лиц, религиозных обрядов, разрешения противоречий между разными частями русского духовенства по финансовым вопросам, которые усугублялись вмешательством государственной власти и стали шагом в направлении введения самоуправления духовного сословия.

Принятые на Стоглавом соборе решения необходимо было довести до населения страны. В ряде случаев на места посылался полный текст соборного уложения. Так, в послании Сильвестра казанскому воеводе князю А. Б. Горбатому указывается, что уложение есть у свияжского протопопа[295]. Кроме того, на места отправляли «наказные списки», выдержки из Стоглава. Они адресовались духовенству и должностным лицам[296]. Что же касается «всех православных христиан», то о том, как доводились решения собора до них, можно судить по выписи, данной Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину в апреле 1552 г. В первой части выписи говорится о духовенстве: Берсеневу и Тютину поручалось следить за тем, чтобы монахи и священники «не упивались в пьянство», не ходили по корчмам и не сквернословили «на соблазн мирским человекам». Нарушителей предписано было отправлять в монастыри «на смирение» или архиереям для наказания. Виновные должны были быть оштрафованы. К мирянам относится вторая часть выписи. Андрею и Хозяину приказывалось «по торгам кликати», чтоб люди «именем Божим во лжу не клялись», «креста накриве не целовали», не сквернословили, не брили бороды и усы. Запрещалось посещать колдунов и чародеев, приглашать их к себе. Если же кто-либо будет уличен в этих грехах, то окажется в царской «великой опале», а от высшего духовенства — в «духовном запрещении»[297].

После завершения Стоглавого собора, в мае 1551 г., был проведен пересмотр жалованных грамот. По словам С. М. Каштанова, в это время произошла фактическая ликвидация монастырских тарханов, укрепившая государственные финансы. С монастырских земель стали взыскиваться основные государственные налоги. Это явилось одной из важных реформ правительства Ивана IV, и до введения опричнины ее проводили в жизнь почти повсеместно[298].

Решения Стоглавого собора оказывали серьезное влияние на жизнь русских людей вплоть до эпохи Петра I. Главным действующим лицом собора был митрополит Макарий. Собор — центральное событие за все время его первосвятительства. Б. Н. Флоря пишет, что провозглашенная Стоглавом программа реформ была осуществлена лишь частично, особенно в той части, которая затрагивала интересы светских властей. Исследователь считает, что в конечном итоге зависимость духовенства от государства не уменьшилась[299]. Но Макарий и остальные участники собора не выступали за невмешательство государственных властей в дела духовенства. Наоборот, они приветствовали такое участие царя. Многие решения Стоглава прямо призывают к вмешательству светских властей; участие монарха в поставлении настоятелей монастырей, в контроле над монастырской казной и назначении святительских бояр получило официальную санкцию. Основная идея Стоглава — слияние государственного и церковного, взаимопроникновение церкви и

[295] Благовещенский иерей Сильвестр и его писания: Исследование, начатое Д. П. Голохвастовым в 1849 году и доконченное архимандритом Леонидом в 1873 году. М., 1874. С. 94.

[296] См., например: *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 425—476.

[297] ОР РНБ. QXVII.64. Л. 349 об.—350 об.

[298] *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 126, 161.

[299] *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. С. 128—130.

государства в сферу компетенции друг друга. Иначе говоря — государственные проблемы затрагивают церковь, а церковные — входят в компетенцию царя. Такие взаимоотношения являются идеалом, но именно этот идеал и стремится выразить Стоглав[300].

Большую роль сыграла Русская церковь во главе с митрополитом Макарием в эти годы (конец 1540-х — начало 1550-х) в восточной политике государства[301]. Уже в решении о первом походе Ивана IV на Казань принимал участие митрополит: «умыслил царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси с митрополитом и з братиею и з боляры итти на своего недруга на Казанского царя Сафа Кирея и на клятвопреступников казанцев за их клятвопреступление»[302]. Во время второго царского похода государь вызвал предстоятеля из Москвы во Владимир для нормализации ситуации в армии. Макарий выступил перед воеводами, призвав их верно служить царю: «государь вас за службу хочет жаловати, а за отечество беречи, и вы бы служили, сколько вам Бог поможет, а розни бы и мест никакоже меж вас не было, но связуйтеся любовью нелицемерную, противу врагов стати мужественно, а будет кому с кем непригоже быти отечества ради на брани против врагов, и вы бы то в забвенье положили, а государево бы дело земское делали, не яростную мыслию друг на друга взирая, но любовию; а как с государева с дела с земского придете, хто захочет кому с кем счестися о отечестве, государь счет даст»[303].

Еще существеннее роль святителя в восточной политике проявилась в 1552 г. Уходя в поход, Иван IV предписывал митрополиту: «брата же нашего на благодарные дела поучай, такоже и бояр, оставших зде, во всем наказуй; такоже, господине, и жену мою царицу Анастасию, непразну сущу духовно во всем побереги»[304]. Если принять во внимание, что царский брат князь Юрий Васильевич был глухонемым, то станет очевидным, что Макарий остался фактическим правителем страны на время отсутствия царя в Москве.

После взятия Казани в Москве Ивана IV встречал митрополит «с кресты и с чудотворными образы, с архиепископы и епископы и со всем священническим чином». Монарх благодарил духовенство за молитвы, которые помогли присоединить Казанское ханство. Макарий в своей речи указал на то, что на Иване «воссияла благодать Божия», и сравнил молодого царя с Константином Великим, Владимиром Крестителем, Александром Невским и Дмитрием Донским. Во время пира, устроенного в Грановитой палате, присутствовало высшее духовенство во главе с митрополитом, и «дарил царь и государь Макария митрополита и владык всех, в то время прилучившихся, что их святыми молитвами и всенародной молитвой даровал Бог неизреченную свою милость»[305].

Вскоре были крещены бывшие казанские ханы: Утемиш-Гирей и Едигер-Магмет[306]. Крещение ханов должно было символизировать окончание Казанской войны и покорение ханства. В 1553 г. был канонизирован Петр, царевич Ордынский[307]. Вскоре решили поставить в Казань архиепископа «на утверждение вере», причем новый архиепископ занял в иерархии Русской церк-

---

[300] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 211.

[301] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. С. 195—196.

[302] ПСРЛ. Т. 13. С. 155.

[303] Там же. С. 159.

[304] Там же. С. 186.

[305] Там же. С. 223—228.

[306] Там же. С. 229—230.

[307] *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации XI—XVI вв. С. 177.

ви третье место — после московского митрополита и новгородского архиепископа. Этим подчеркивалось значение победы над Казанским ханством для Русского государства. Иван IV решил, что из доходов Казанской земли церкви переходит десятая часть. Первым архиепископом с помощью жребия был избран Гурий[308].

Участвовал митрополит и в дипломатических переговорах с Великим княжеством Литовским, причем инициатива привлечения Макария к переговорам была проявлена литовской стороной. Подобное участие было новостью, предыдущие первосвятители не были задействованы в дипломатических контактах с соседями, по крайней мере со времен митрополита Ионы, когда митрополия была разделена. На переговорах митрополит, заявляя о том, что он политическими делами не занимается, в то же время обещал склонять Ивана IV и Боярскую думу к миру с Литвой, дабы не проливалась христианская кровь[309].

Соборы на еретиков середины XVI в. Серьезной проблемой, с которой столкнулась Русская церковь в середине XVI в., было оживление еретических учений. Ересь была обнаружена в столице в 1553 г. Как пишет официальная летопись, «прозябе ересь и явися шатание в людех в неудобных словес о божестве»[310]. Первым выявленным еретиком стал Матвей Семенович Башкин, владевший землями в Переславском уезде и входивший в состав Государева двора[311]. Царь приказал арестовать Башкина и заключить под присмотр монахов Иосифова монастыря[312].

Первое время арестованный не признавал своих еретических взглядов — «он же христиана себя исповеда, скры в собе вражию прелесть, сатанино еретичество, мняше бо безумьный от Всевидящего Ока укрытися». Однако затем следствие дало результаты. По сообщению летописи, Бог напустил на еретика свой гнев и Башкин «нача бесноватися, зле мучим от него, и язык свой долу извесившу, и на много время так мучим, и кричаша розными гласы, и по мучении злую свою ересь начат исповедать». О признании сообщили Макарию, и он велел обвиняемому записывать «богохульные ереси».

Были выявлены другие еретики — сторонники Башкина: Григорий и Иван Тимофеевичи Борисовы, имевшие тверское происхождение. Как выяснило следствие, еретиком Башкин стал под влиянием католиков, литовских подданных Матюшки Аптекаря и Андрея Хотеева. Еретики «хулили» Иисуса Христа, считая его не равным Богу-Отцу; отрицали церковные таинства, считая, что в Евхаристии применяются обычные хлеб и вино; отвергали поклонение иконам и таинство покаяния; считали Писание «баснословием», Евангелие и Апостол излагали «развратно»; отрицали официальную церковь и постановления Вселенских соборов. Для рассмотрения дела осенью 1553 г. был собран церковный собор. Башкина и его сообщников признали виновными. Сам он отправился в заключение в Волоколамский монастырь, его товарищ Иван Борисов был сослан на Валаам, откуда смог бежать в Швецию[313].

---

[308] ПСРЛ. Т. 13. С. 249—250.

[309] Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 364—365, 460, 470.

[310] ПСРЛ. Т. 13. С. 232.

[311] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 169—170; *Назаров В. Д.* К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. С. 203—204.

[312] *Макарий (Веретенников).* Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996. С. 228—269, 272—274.

[313] ПСРЛ. Т. 13. С. 232—233.

Однако розыск еретиков на этом не завершился. Расследование «дела» Башкина выявило, что какая-то часть монашествующих подвержена вольномыслию, особенно в Заволжье. Оказалось, что они «злобы» Башкина «не хулили и утверждали его в том». По распоряжению властей подозреваемых монахов привезли в столицу[314]. Самой значительной фигурой из них был Артемий, в прошлом любимец Ивана IV. О его жизни известно мало: считают, что родом он был из Пскова, проживал в Псково-Печерском монастыре и Порфирьевой пустыни в Заволжье. Артемий был достаточно образованным человеком. Сохранилось несколько его посланий, в том числе царю Ивану. Из этих посланий ясно, что Артемий какое-то время был близким к монарху лицом, его приглашали к царскому столу. В мае 1551 г. старец против его воли был назначен настоятелем Троице-Сергиевой обители. Но он пробыл здесь меньше года, а затем без разрешения церковных и светских властей, по собственному желанию, удалился в свою пустынь в Заволжье.

Поначалу Артемия привезли в Москву не как обвиняемого, а для диспута с Башкиным, и поселили без охраны в Андрониковом монастыре. Как затем объяснял сам Артемий, он не хотел вести с еретиком диспут, тем более пошли слухи, что Башкин дал показания против самого Артемия и обвинил его в ереси. Старец бежал из Москвы обратно в Заволжье, однако это только ухудшило его положение. Полагали, что он бежал, опасаясь открытого разоблачения своих еретических мнений. Его снова задержали и привели в столицу уже как подозреваемого. Вместе с Артемием доставили его учеников Савву Шаха и Порфирия. И теперь все они стали обвиняемыми.

Первым свидетелем обвинения на соборе оказался Матвей Башкин. Из его показаний следовало, что Артемий отрицал поклонение иконам и часть церковных таинств. Старец отверг эти обвинения. Затем выступили свидетели, которые должны были подтвердить еретические взгляды Артемия. Его в первую очередь обвинили в самовольном бегстве из Москвы во время суда над Башкиным и его сообщниками. Объяснения монаха выглядели не слишком убедительными: он сказал, что бежал от клеветников, которые стали его обвинять. Участники собора решили, что Артемий виноват, так как должен был просить у властей возможности очистить себя от обвинений. На просьбу указать, кто же конкретно распространял клевету на него, старец не смог ничего ответить.

Одним из главных свидетелей обвинения оказался Нектарий, бывший игумен Ферапонтова монастыря. По его показаниям, Артемий критически высказывался о книге Иосифа Волоцкого «Просветитель», не соблюдал постов, хвалил латинскую веру, не проклинал еретиков (осужденных в 1504 г.). Часть этих обвинений Артемию пришлось признать справедливыми, и собор обвинил его в нарушении правил поста и стремлении дискутировать с католиками, так как и без религиозных диспутов ясно, что православная вера является единственно правильной. Самые серьезные обвинения в «хуле» на Писание не были признаны, поскольку другие свидетели не подтвердили этих показаний. Один из свидетелей рассказал, что Артемий заявлял следующее: нет пользы петь панихиды по умершим. Обвиняемый пояснил, что говорил это о тех людях, которые «жили растленным житием и грабили людей, что когда начнут петь по них панихиды и обедни, то нет им пользы и чрез то им муки не избыть». Собор осудил эти взгляды, так как они лишают грешников надежды на спасение.

Затем Артемий дал показания на себя, но не в ереси, а в «блудных грехах». Как он заявил, в 1551 г., когда его ставили в настоятели Троице-Сергиева монастыря, он сво-

[314] ПСРЛ. Т. 13. С. 233; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 197—203.

ему духовнику признался в этих грехах, но тот посоветовал ему забыть о них. Вызвали духовника, который заявил, что ничего о «блудных грехах» Артемий не упоминал. Тогда старец поменял показания и заявил, что исповедовался другому священнику, но имени его не помнит. Собор обвинил Артемия в клевете на духовного отца, лишил сана и отлучил от церкви. Вдобавок старца отправили в заключение в Соловецкий монастырь. Приговор по этому делу вынесли в январе 1554 г. В заключении Артемий находился недолго, он смог бежать в Литву, где отказался от своих прежних взглядов и проявил себя противником католицизма и реформаторства[315]. Часть исследователей предполагают, что обвинение Артемия в ереси было необоснованным[316].

К заключению были приговорены также некоторые ученики и друзья Артемия. Савва Шах оказался в Ростовской епархии, креститель лопарей Феодорит — в Кирилло-Белозерском монастыре. Впрочем, вскоре Феодорит по просьбе некоторых бояр был освобожден, тем более что осудили его лишь по подозрению в связях с Артемием, а никаких доказательств его вины у собора не было. По свидетельству Курбского, Феодорит отказался подтвердить обвинения, предъявляемые Артемию, за это и поплатился[317].

Свидетелем против Артемия должен был стать старец Соловецкого монастыря Иоасаф Белобаев, но он отказался подтвердить предъявляемые обвинения и в результате сам попал под подозрение. Один из участников собора — епископ Кассиан Рязанский — был учеником Белобаева и выступил в его защиту, причем стал «хулить» книгу Иосифа Волоцкого «Просветитель», посвященную обличению еретиков. Развернувшиеся споры привели к тому, что у Кассиана, видимо, случился инсульт: у него отнялись рука, нога и язык. Впрочем, сам Кассиан не был осужден, а ушел на покой (оставил епископию по состоянию здоровья).

Другой ученик Артемия, Феодосий Косой, был самым радикальным из русских еретиков. Известно о нем немного. Феодосий был холопом в Москве, потом бежал на Белоозеро, где и постригся в монахи. Спустя короткое время его учение принимает радикальный характер, и о нем становится известно светским и церковным властям. Его самого и ближайших сторонников арестовали и привезли в Москву для суда. Используя небрежность охраны, Феодосий и его ученики смогли сбежать в Литву. Гонения на его последователей в России продолжались еще несколько лет. Главные положения учения Феодосия Косого можно определить по сочинениям его противника монаха Зиновия. Крайне негативно Феодосий относился к существующему общественному порядку, отрицал Троицу и говорил, что Бог един. Христа он считал простым человеком, важнейшими книгами полагал Пятикнижие Моисея, не признавал бóльшую часть сочинений святых отцов и постановлений Вселенских соборов, отрицал церковную иерархию, таинства, иконы, поклонение кресту, молитвы.

На церковном соборе, осудившем за ересь Башкина, Артемия и других, слушался еще один вопрос: разбор дела руководителя Посольского приказа Ивана Михайловича Висковатого. Иван IV 25 октября 1553 г. обсуждал с митрополитом Макарием проблемы, связанные с «прежним соборным уложением», т. е. со Стоглавом. Речь шла о необходимости привести церковную практику в согласие с решениями Стоглавого собора. Среди прочих рассматривался во-

[315] ААЭ. Т. 1. С. 249—256; ПСРЛ. Т. 13. С. 233; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 196—201.

[316] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 153—162; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 77.

[317] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 200—203.

прос и об иконописании. Макарий сообщил государю о том, что в Москве учреждены специальные должности старост, в задачу которых входит наблюдение за тем, чтобы иконописцы пользовались авторитетными образцами и учились у хороших мастеров.

Внезапно к разговору присоединился дьяк Висковатый, который подверг критике некоторые новые иконы. Его возмущало, что на них изображались невидимое Божество и бесплотные силы. Митрополит резко возразил, заявив: «живописци невидимаго Божества не описуют, а пишют по пророческому видению, и по древним образцом, по преданию святых Апостол и святых Отец <...>. Стал еси на еретики, а ныне говоришь и мудрствуешь негораздо о святых иконах, не попадися и сам в еретики, знал бы ты свои дела, которые на тебе положены, не разроняй списков». Как видим, прозвучала недвусмысленная угроза: мирянам не подлежало судить о вопросах, которые находятся в компетенции духовенства. На это и обратил внимание митрополит.

Однако угроза не возымела действия: в ноябре Иван Висковатый представил Макарию целое сочинение, в котором подвергались критике некоторые иконы и другие изображения, появившиеся в Москве после «великого пожара» 1547 г. Дьяк просил разобрать его мнения при участии Освященного собора и дать ответ по поводу его сомнений в каноничности изображений.

Церковный собор обсудил мнения Ивана Висковатого: его «список» читали по отдельным пунктам, и митрополит давал ответ на каждый. Основные претензии посольского дьяка касались изображения Бога-Отца в виде старца и Сына Божьего в необычном виде. Большинство претензий к новым изображениям были отвергнуты как необоснованные, собор указал, что подобные изображения есть и в древних греческих храмах, и в Великом Новгороде и Пскове. Впрочем, по некоторым пунктам дьяк оказался прав, и церковные власти распорядились переписать часть фрагментов икон.

Кроме недоумения от церковной живописи, Иван Висковатый намекнул на возможную связь с еретиками благовещенского священника Сильвестра, который в какой-то мере принимал участие и в обнаружении ереси Матвея Башкина, и в назначении Артемия на пост игумена Троице-Сергиева монастыря. Появление ряда новых икон дьяк связал с «мудрствованиями» священника. Эти обвинения затрагивали не только Сильвестра, но и самого митрополита, так как благовещенский поп был его сподвижником. Сильвестру пришлось выступить на соборе, оправдываясь от обвинений. Ему это полностью удалось, и обвинитель был вынужден публично принести извинения.

Сам же Иван Висковатый был признан виновным в том, что «сумнение имел о святых иконах, и писал о Божестве строки развратны». В конце декабря 1553 г. собор принял решение об отлучении посольского дьяка от церкви. Через две недели в присутствии царя, митрополита и всего собора он «каался и прощался, и рукописание о своем покаянии дал». Духовенство сочло возможным изменить меру наказания и решением 14 января 1554 г. ограничилось наложением трехлетней епитимьи. Срок определялся тем, что именно три года дьяк имел «сомнение» о «честных иконах» и «возмущал народ православных христиан в соблазн и в поношение многим». Дьяку запретили даже держать дома священные правила и вообще рассуждать о вопросах веры[318].

В историографии существует мнение о «прогрессивности» еретических движений. Так, А. И. Клибанов писал о том, что реформационными могут быть ереси, которые выступают против феодальной церкви и освящаемого ею общественного строя и

[318] *Макарий (Веретенников).* Московский митрополит Макарий и его время. С. 224—274.

выражают интересы поступательного исторического развития. Эти ереси не перестают быть реформационными, даже если их усилия и не привели к борьбе национального масштаба и не разрослись в Реформацию. Русские ереси выражали прогрессивную по своему содержанию критику феодализма. Они имели глубокие корни в народе[319]. А. И. Клибанов указывал также на то, что подавление еретической оппозиции в стране затормозило естественный ход развития русской культуры[320]. Дальше всех в восхвалении еретиков идет А. Л. Янов, который считает их «либеральными интеллигентами», а их осуждение связывает с политической борьбой в руководстве страны, причем с борьбой не по поводу конкретных действий, а по поводу выбора стратегического курса развития России. Нужно, однако, иметь в виду, что задача духовенства состояла в недопущении широкого распространения среди населения идей «вольнодумцев» и убережении страны от внутренних (а затем и внешних) потрясений. Следует обратить внимание и на то, что приговоры по всем еретическим делам 1553—1554 гг. были сравнительно мягкими, в отличие от приговоров начала XVI в., когда часть еретиков была приговорена к сожжению.

Последние годы первосвятительства Макария. Во второй половине 1550-х гг. не видно активного участия Макария в политических событиях. В 1560 г. ближайшие сподвижники царя Ивана удаляются из столицы: Алексей Адашев был отправлен к войску в Ливонию, а Сильвестр удалился в монастырь. В августе 1560 г. умерла царица Анастасия. По словам летописи, Иван IV был потрясен потерей, на похоронах его пришлось вести под руки. На погребении присутствовали митрополит и высшее духовенство. По монастырям и церквям была отправлена огромная милостыня[321]. По словам князя А. М. Курбского, родственники покойной царицы смогли убедить Ивана IV, что в смерти жены виноваты недавние советники, которые ее околдовали. Прослышав о таких обвинениях, Адашев и Сильвестр отправили в Москву послания, требуя возможности очиститься от наветов. Захарьины добились заочного суда на совместном заседании Боярской думы и Освященного собора. Заочный суд был серьезным нарушением традиции: обвиняемые должны были иметь возможность оправдываться. На это указал митрополит Макарий. Некоторые из присутствующих согласилась с ним, но другие, которых князь А. М. Курбский называл «ласкателями», вместе с самим Иваном IV отказались, мотивируя тем, что обвиняемые «ведомые сие злодеи и чаровницы велицы, ачаруют царя и нас погубят, аще придут». Князь А. М. Курбский изображает дело так, что Адашев и Сильвестр были признаны виновными в колдовстве, однако это вызывает сомнения. Сильвестр оставался еще долгие годы в монастыре и умер, вероятно, своей смертью. Иван IV в одном из писем А. М. Курбскому указывал, что хочет судиться с ним в «следующем веке», т. е. после смерти[322].

Ситуация в стране все больше обострялась. Сложность политического положения в России отразилась в том, что в начале 1560-х гг. в опалу попали видные представители правящей элиты, бывшие к тому же родней царя Ивана. В 1561 г. был арестован князь Глинский. В чем его обвиняли, неизвестно. В поручной записи опальный князь обязался верно служить Ивану IV, не бежать за границу, не выдавать сведений, которые он мог услышать на заседаниях Боярской

[319] *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960. С. 5—8.

[320] *Клибанов А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 129.

[321] ПСРЛ. Т. 13. С. 328.

[322] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 122—125.

думы. Князь Глинский отделался легко — за него поручилось высшее духовенство во главе с пожилым митрополитом[323]. Весной следующего года взяли под стражу другого аристократа — Ивана Бельского. И в этом случае опального спасло заступничество Макария[324].

Последним важным политическим событием, в котором участвовал престарелый митрополит, было разрешение конфликта между царем и его двоюродным братом удельным князем Владимиром Андреевичем. В чем заключалась вина князя Старицкого и его семьи — неизвестно, но началось дело после доноса дьяка князя Владимира на своего господина и его мать — княгиню Ефросинью. Как пишет летопись, «и перед Макарием митрополитом и перед владыками и перед Освященным собором царь Ефросинье и князю Владимиру неисправление их и неправды им известил и для Макария митрополита и архиепископов и епископов гнев им свой отдал»[325]. Но у Владимира Андреевича были заменены бояре, а его мать была вынуждена уйти в монастырь. Между тем жизнь митрополита заканчивалась: когда 24 ноября умер родной брат царя князь Юрий Васильевич, Макарий на погребении не присутствовал, так как уже «был в велицей болезни, на конечном издыхании».

В последние годы жизни у митрополита были, вероятно, явные конфликты с царем. Правда, эти конфликты не вылились в открытое противостояние. О них сохранились лишь косвенные свидетельства источников. Так, в одной из летописей приводится интересный рассказ о ночном виде́нии, бывшем Макарию задолго до введения опричнины. Митрополит предсказал грядущее «нечестие и кровоизлияние и разделение земли». Молитвы об избавлении от этого не помогли, единственное, чего смог добиться Макарий, это отсрочки наступления событий. Ему удалось умолить Бога наслать эту беду на Русь только после его смерти. В том же источнике рассказывается, что однажды, судя по всему, уже в начале 1560-х гг., Иван IV попросил митрополита прислать ему для чтения душеполезную книгу. Макарий послал описание погребального обряда. Царь впал в гнев и заметил первоиерарху, что в царские покои такие книги не вносятся, на что митрополит заметил, что эта книга полезней всех, и кто ее с вниманием прочитает, никогда не согрешит[326].

Перед смертью Макарий хотел оставить митрополию и удалиться в место своего пострижения — Пафнутьев монастырь. Но царь не допустил этого, он со слезами умолял больного первосвятителя остаться на престоле. Вероятно, тому было несколько причин: с одной стороны, Иван IV был привязан к престарелому митрополиту, несмотря на определенные трения в последние годы; с другой стороны, уход с митрополичьего престола столь уважаемого пастыря мог быть истолкован как осуждение им царской политики. Митрополит Макарий, более двадцати лет возглавлявший русское духовенство, 31 декабря 1563 г. скончался. Он был «погребен <...> во церкви Успения Богородицы января в 1 день. На погребении же его был царь Иван Васильевич, князь Владимир Андреевич и князи и бояре и множество народа»[327].

С. Б. Веселовский писал: «...его смерть была большой потерей как для царя Ивана, так и для всего его дворового окружения. Безупречный в личной жизни, всегда и ко всем доброжелательный, образованнейший

[323] СГГД. Ч. 1. С. 470—473.
[324] Там же. С. 484—487.
[325] ПСРЛ. Т. 13. С. 368.
[326] ПСРЛ. Т. 34. С. 190.
[327] ПСРЛ. Т. 13. С. 374—377; *Макарий (Веретенников).* Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси. С. 86—98.

книжник своего времени, много сделавший для успехов церковной и летописной литературы, Макарий принадлежал к тем немногим избранным натурам, которые одним своим присутствием облагораживают и поднимают окружающих их людей и своим молчаливым упреком действуют сильнее, чем резким осуждением. Для борьбы он был слишком мягким человеком, но влияние его на царя долгое время было очень велико»[328].

Митрополит Афанасий. Смерть Макария привела к необходимости определиться с новым митрополитом. К тому времени одним из самых близких к царю представителей духовенства был монах Чудова монастыря Афанасий (в миру — Андрей), долгое время духовник Ивана IV. В этом качестве он участвовал во всех важных событиях середины XVI в., был составителем Степенной книги[329]. О близости Андрея к царю упоминает и князь А. М. Курбский[330].

В 1562 г. Андрей постригся в Чудовом монастыре и получил имя Афанасий. В историографии существует мнение, что удалился от двора царский духовник в знак протеста против начинавшихся репрессий и что отношения его с Иваном IV поэтому осложнились[331]. Однако на самом деле пострижение Андрея не повлияло на хорошее отношение Ивана IV к своему бывшему духовнику. Афанасий навещал заболевшего Макария и передал государю послание, в котором умирающий митрополит просил отпустить его в монастырь. О смерти Макария царю сообщил также Афанасий, он же участвовал в подготовке погребения[332].

Новый митрополит должен был быть первым, кого по своей воле поставил сам Иван IV. Сделать выбор в первый раз царю, вероятно, было довольно сложно. Очевидно, что занять этот пост мог только человек, в лояльности которого Иван IV был уверен. Кроме того, при выборе митрополита необходимо было сохранить форму традиционного совета монарха с Освященным собором.

В феврале 1564 г. в Москве собрались высшие церковные иерархи. Перед тем как избрать нового митрополита, собравшиеся приняли соборный приговор о белом клобуке, по которому московский митрополит мог теперь, так же как и архиепископ Великого Новгорода, носить белый клобук и запечатывать свои грамоты красным воском (до сих пор этим правом пользовались только новгородский архиерей и казанский архиепископ). Мотивировалось принятое решение тем, что «митрополит <...> архиепископом и епископом всем глава, а в том его высокопрестолной степени перед архиепископы и епископы почести нет, что митрополит носит черной клобук <...> а архиепископ Ноугородский носит белой клобук»[333].

А 24 февраля 1564 г. «царь и великий князь Иван Васильевич <...> и сын его царевич Иван с своими богомолцы с архиепископы и епископы и со всем освященным собором избрал <...> в митрополиты <...> старца Афонасия, прежебывшего Благовещенского протопопа и духовника царя и великого князя...» Официальная церемония поставления нового митрополита прошла 5 марта. Афанасий и Иван IV обменялись

---

[328] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 115.

[329] ПСРЛ. Т. 13. С. 215, 217, 220—221 и др.

[330] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 68.

[331] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 239; *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный // In Memoriam: Исторический сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 285.

[332] Повесть о кончине Макария // Макарий (Веретенников). Святитель Макарий митрополит Московский и всея Руси. С. 87—93.

[333] ПСРЛ. Т. 13. С. 378—380.

речами[334]. Можно предположить, что высшее духовенство без особого восторга согласилось с кандидатурой Афанасия — ведь монахом он был только около двух лет. Это не преминул отметить составитель одной из псковских летописей: «поставлен бысть митропольскии епископ Афонасии инок ис Чюдова монастыря, и как постригся два лета ему прошло в чернечестве до митрополитства»[335]. В марте Афанасий поставил Германа новым архиепископом Казанским, 30 апреля провел пострижение вдовы царского брата Юрия в Новодевичьем монастыре. В мае царь и митрополит посетили Никитский монастырь, где Афанасий освятил церковь[336]. В июне митрополит получил царскую жалованную грамоту на все земельные владения митрополичьего дома[337].

Вскоре, однако, отношения Ивана IV и Афанасия осложнились. После убийства князя Д. Ф. Овчины-Оболенского «потрясенные жестокостью этого поступка, некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздержаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка. Они говорили, что христианскому государю не подобает свирепствовать против людей так, как против скотов; пусть он побоится кары Бога <...>. Несколько пораженный этим внушением и особенно тревожимый стыдом перед верховным священнослужителем, он, не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и шесть месяцев оставался в спокойствии. Между тем среди этого нового образа жизни он помышлял, как устроить опричнину»[338]. Выступление Афанасия было связано с тем, что, будучи сторонником сильной царской власти, он не одобрил методы, к которым прибегал Иван IV для достижения этой цели[339]. Для Ивана IV в условиях нараставшего внутриполитического кризиса важнейшей задачей было обеспечить полную лояльность митрополита. Вскоре митрополичий дом получил еще несколько льгот[340].

Иван IV с приближенными и семьей 3 декабря 1564 г. выехал из Москвы, взяв с собой «святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные, и поставцы для всяких судов, золотое и серебряное, и платие и денги и всю свою казну повеле взяти с собою». Бояре и митрополит Афанасий, оставшиеся в Москве, не знали, по словам летописи, куда направляется государь: они были в «недоумении и унынии»[341]. Ясность наступила через месяц, когда были присланы царские грамоты митрополиту и населению столицы. Иван IV в них заявлял о «положении гнева» на все духовенство (исключая митрополита) и опале на бояр, дьяков и приказных людей. Главные обвинения были такими: расхищение земель и казны в годы боярского правления и нежелание защищать государство от внешних противников. Представители духовенства заступались («покрывали») за тех, кого государь хотел подвергнуть наказанию. Учитывая это, Иван IV «от великия жалости сердца» покидает свое государство и дальше будет жить там, где его «Бог наставит»[342].

---

[334] ПСРЛ. Т. 13. С. 380—381.

[335] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 245.

[336] ПСРЛ. Т. 13. С. 382—383.

[337] АФЗХ. Ч. 3. С. 29—30.

[338] Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. А. И. Малеина. Л., 1934. С. 17—18; *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С. 97.

[339] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 172.

[340] АФЗХ. Ч. 3. С. 359—366.

[341] ПСРЛ. Т. 13. С. 391—392.

[342] Там же. С. 392.

Обвинив все духовенство в заступничестве за опальных, царь не предъявил претензий Афанасию. Вероятно, Иван IV таким образом давал понять митрополиту, что ему ничего не угрожает, если он будет действовать в интересах государя; к тому же, не «накладывая» гнев на предстоятеля церкви, царь имел возможность через него вести переговоры с оставшимся в столице опальным окружением. Поступившие известия вызвали в городе панику. Собравшиеся на митрополичьем дворе посадские люди требовали, чтобы Афанасий и Освященный собор добились возвращения Ивана IV на царство на любых условиях: «в животе и в казни его государская воля». Была составлена официальная делегация из архиепископа Пимена Новгородского и Левкии, архимандрита Чудова монастыря. Вслед за ними в слободу, где находился царь, потянулись другие члены Освященного собора. Сам Афанасий «для градского бережения» остался в столице[343]. Возможно, Иван IV предполагал, что в слободу для уговоров приедет сам митрополит. Отказ от поездки под благовидным предлогом мог означать, что Афанасий не поддержал требования царя. Однако сложившееся положение практически не оставляло выбора: Пимену и Левкию было дано распоряжение соглашаться со всеми требованиями, которые мог выставить Иван IV. За официальной делегацией в слободу поехали уже никем не уполномоченные члены Освященного собора: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матвей Крутицкий, архимандриты Троицкий Меркурий, Спасский Галактион, Симоновский Феоктист, Андроньевский Иосиф. Таким образом, Афанасий оказался в одиночестве — члены Освященного собора спешили заверить царя в своей преданности. После изложения царских требований «архиепископы же и епископы и архимандриты и игумены и весь освященный собор <...> то все положили на государской воле». Одним из условий Ивана IV был запрет духовенству печаловаться за опальных[344].

Часть исследователей считают, что одной из целей царя при введении опричнины было полное подчинение церкви. Как писал Г. П. Федотов, Иван IV хотел сбросить с себя «религиозно-моральную узду» церкви, которая была единственной силой, способной ограничить произвол правителя. Чтобы сбросить эту узду, и понадобилась «комедия с отречением от престола»[345]. По словам А. А. Зимина, Иван IV направил удар по основным «пережиткам феодальной раздробленности», среди которых наряду с уделом Владимира Андреевича и Новгородом фигурирует и церковь[346]. Однако обращение к историческим источникам не позволяет согласиться, что борьба с церковью как таковой была одной из задач царя. По мнению С. М. Каштанова, царь хотел привлечь и митрополита и монастыри на свою сторону и лишь сопротивление отдельных представителей духовенства действиям Ивана IV привело в результате к ослаблению церкви[347].

После введения опричнины Афанасий еще больше года находился на митрополичьем дворе. Он участвовал в освобождении некоторых из попавших в опалу лиц. Сохранившиеся источники говорят о том, что Афанасий принимал участие в освобождении И. П. Яковлева (март 1565 г.) и князя М. И. Воротынского (апрель 1566 г.). Опальные «били челом» митрополиту и членам Освященного собора, и Иван IV, прислушавшись к ходатайству духовенства,

[343] ПСРЛ. Т. 13. С. 393.
[344] Там же. С. 393—395.
[345] *Федотов Г. П.* Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С. 50.
[346] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 479.
[347] *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 171.

«отдал им вины», взяв поручные записи, в которых гарантировалась верная служба попавших в немилость вельмож[348].

Афанасий 19 мая 1566 г. оставил митрополию и вернулся в место своего пострижения — Чудов монастырь в Кремле. Официальная летопись объясняет этот шаг «немощью велию». Псковская летопись также упоминает о болезни Афанасия и специально подчеркивает, что митрополит удалился «своею волею»[349]. Но спустя длительное время он оказался в состоянии проводить ответственные иконописные работы[350]. Учитывая это, многие исследователи не доверяют сообщению летописи и объясняют отставку Афанасия другими причинами: протестом против репрессивной опричной политики или требованиями самого Ивана IV[351], хотя весной 1566 г. террора еще не было, а репрессии практически прекратились[352].

Возможно, уход митрополита был связан с началом строительства Опричного двора (новой царской резиденции) за стенами исторического центра Русского государства — Московского Кремля. Резиденция же митрополита оставалась в Кремле. К строительству приступили как раз весной 1566 г. Митрополит мог расценить решение царя как нежелание общаться с ним. В сознании людей той эпохи жило представление о том, что царь и митрополит должны находиться рядом друг с другом. Так, например, во время переговоров об установлении патриаршества в России константинопольскому патриарху Иеремии предложили в качестве резиденции Владимир, заранее предполагая, что он откажется от такого варианта. И действительно, Иеремия заявил, что первосвятитель может жить только при государе: «занеже патриархи бывают при государе всегда; а то что за патриаршество, что жить не при государе, тому статца никак невозможно»[353]. При таких представлениях начало строительства новой царской резиденции должно было восприниматься болезненно. Митрополит, возможно, ушел с престола, протестуя против того, что Иван IV решил покинуть Кремль. Тогда как для Ивана IV переезд в новую резиденцию был его домашним, личным делом, которое не способно повлиять на нормальные, освященные стариной отношения царя и первосвятителя.

По мнению Макария (Веретенникова), Афанасий — личность в высшей степени незаурядная и примечательная. Он был сподвижником и продолжателем трудов Макария, и только изменившиеся исторические обстоятельства не способствовали большей плодотворности его первосвятительской деятельности[354].

После добровольного ухода Афанасия с престола следовало определиться с новым митрополитом. По сообщению князя А. М. Курбского, Иван IV пригласил на пост предстоятеля казанского архиепископа Германа Полева. Несмотря на его неоднократные отказы, Полев был возведен на митрополичий двор и провел там несколько дней. Затем Герман, как «глаголют», стал напоминать царю о Страшном суде. Иван IV передал поучения архиепископа опричным советникам, и те убедили царя отказать-

---

[348] СГГД. Ч. 1. С. 503—506, 533—537.

[349] ПСРЛ. Т. 13. С. 401; Т. 5. Вып. 2. С. 248.

[350] ПСРЛ. Т. 13. С. 408.

[351] *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 240; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв. С. 291; *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный. С. 291.

[352] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 272—275.

[353] *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв. С. 357—358.

[354] *Макарий (Веретенников).* Всероссийский митрополит Афанасий // Богословские труды. Вып. 25. М., 1984. С. 259.

ся от этой кандидатуры. Через несколько дней архиепископ Герман был найден мертвым на своем дворе. Как пишет князь А. М. Курбский, «овы глаголют удушена его тайне за повелением его (царя. — *В. Ш.*), овы же ядом смертоносным уморена»[355]. Сочинение Курбского является единственным источником, в котором упоминается о предложении Герману занять митрополичий престол. Бывший боярин писал его, будучи за границей, по слухам, и точных проверенных данных у него не было. Очевидно, что Полев не был убит в 1566 г., так как его имя еще неоднократно упоминается в источниках. Скорее всего, сведения князя А. М. Курбского в данном случае не соответствуют действительности[356].

Иван IV и митрополит Филипп. Спустя несколько месяцев после ухода Афанасия митрополичий престол занял игумен Соловецкого монастыря Филипп, происходивший из знатной семьи Колычевых. Его судьба стала предметом пристального внимания исследователей, ему посвящено большое количество работ[357]. Основным источником сведений о Филиппе является его Житие, полностью опубликованное сравнительно недавно[358].

Федор Степанович Колычев родился 11 февраля 1507 г. В молодости он общался с юным великим князем Иваном IV, но по достижении тридцати лет неожиданно решил изменить свою жизнь: тайно покинул Москву, отправился на север России и добрался до Соловецкого монастыря. В конце 1540-х гг. Филипп занял пост игумена и развернул в обители активную деятельность. Монастырь сравнительно быстро стал значительным экономическим и культурным центром, получил множество льгот и вкладов.

После ухода Афанасия с престола, в середине июля 1566 г., Филипп был вызван в Москву. Почему выбор Ивана IV пал на настоятеля дальнего северного монастыря? По этому вопросу среди исследователей ведется дискуссия[359]. Ответ, скорее всего, заключается в тех представлениях о роли духовной власти и ее отношении к власти светской, которые окончательно оформились у царя к середине 1560-х гг. и нашли выражение в его первом послании князю Курбскому. Примеры из ветхозаветной истории Израильского царства должны были доказать: «священники» не должны иметь государственную, политическую власть: ведь Бог, избавив евреев от рабства в Египте, поставил над ними как царя Моисея, Аарон же был священником, а «людского строения ничего не творити»[360]. При таком подходе Филипп был для царя наиболее приемлемой фигурой: игумен Соловецкого монастыря не запятнал себя в глазах Ивана участием в «мирских» событиях, не принимал участия в просьбах за опальных, был

---

[355] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 180.

[356] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 278—281.

[357] Библиография приведена в работах: *Буланин Д. М.* Филипп II // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV—XVI вв. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1988. С. 469—470; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. СПб., 2012. С. 407—410. Из последних исследований отметим: *Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004; *Володихин Д. М.* Митрополит Филипп. М., 2009.

[358] *Лобакова И. А.* Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. См. также: *Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2017.

[359] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 165; *Федотов Г. П.* Святой Филипп, митрополит Московский. С. 52—53; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 244—245; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 291—292; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 207.

[360] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 21, 30—31.

известен своим подвижничеством и строгостью жизни. Его организаторские способности также были известны. Неучастие в политических делах, оторванность от московской жизни тоже сыграли роль в том, что царь предложил митрополичий престол Филиппу. К тому же в опричнине служили многие представители рода Колычевых, да и сам Иван IV знал кандидата в митрополиты с детства. У высшего духовенства и членов Боярской думы возражений против соловецкого игумена не было.

В официальной летописи зафиксирован факт избрания Филиппа: «Июля в 24 день <...> царь <...> Иван Васильевич <...> с архиепископы и епископы и со всем <...> освященным собором избрал <...> на святый великий престол <...> на Русскую митрополию, после Офонасия митрополита, из Соловецкого монастыря игумена Филиппа; и возведоша его того дни на митрополичь двор». Поставление произошло 25 июля 1566 г. в присутствии царя, царевичей и удельного князя Владимира Андреевича[361]. Однако имеется документ, согласно которому поставление прошло негладко. Это запись от 20 июля с перечислением условий, на которых Колычев становился митрополитом. Из записи видно, что за несколько дней до этого Филипп выступил с заявлением, смысл которого состоял в требовании отменить опричнину, и, если этого не произойдет, отказывался занимать митрополичий престол. Из записи видно, что царь разгневался, но уступил просьбам архиереев и «гнев свой отложил». Филиппу было предложено снять свои требования и «не вступаться» «в опришнину и царский домовой обиход». На этих условиях игумен мог занять предложенный пост. Также Иван IV потребовал из-за опричнины и «домового обихода» не уходить с митрополии. Вместе с тем Филипп получил право «советовать» с царем, как и прежние митрополиты при Иване III и Василии III. Филипп согласился с предложенными условиями и подписал запись. Кроме него в ней расписались члены Освященного собора[362].

Из этого документа следует, что Филипп выступил против опричнины сразу, как приехал в Москву, еще до того, как его официально выбрали и ввели на митрополичий двор. Надежды царя на невмешательство своего избранника в политические дела не оправдались. Но, вместо того чтобы выслать упрямого игумена снова на Соловки, монарх вступил с ним переговоры через Освященный собор, и в конце концов Филиппа убедили принять условия и ставиться на митрополию. Дело в том, что в июле 1566 г. Иван IV оказался в сложной ситуации. Участники Земского собора (обсуждавшие вопрос о продолжении Ливонской войны) потребовали отменить опричнину: «В 1566 году сошлись вместе многие знатные лица, даже придворные самого тирана, число которых превышало 300 человек, для переговоров с ним и держали к нему такую речь: „Пресветлейший царь, господин наш. Зачем велишь ты убивать наших невинных братьев? Все мы верно тебе служим, проливаем кровь нашу за тебя. Ты же за заслуги воздаешь нам такую благодарность. Ты приставил к шеям нашим своих телохранителей, которые из среды нашей вырывают братьев и кровных наших, чинят обиды, бьют, режут, давят, под конец и убивают“»[363]. Зачинщики выступления были казнены.

Итак, одновременно состоялось два антиопричных выступления: участников Земского собора и Филиппа Колычева. Причем эти демарши, вероятно, не были скоординированы. Антиопричное выступление Фи-

[361] ПСРЛ. Т. 13. С. 403.

[362] СГГД. Ч. 1. С. 557—558.

[363] Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 38—39; ПСРЛ. Т. 34. С. 190; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 172.

липпа объясняется, вероятно, его личным протестом против политики, которую проводил царь. У Ивана IV было два варианта действий: или выслать упрямца из столицы и подобрать другого кандидата, или уговорить Филиппа отказаться от своих требований. Первая возможность казалась проще, но возможности выбора, по царским критериям, были ограничены. О том, что Филиппу предложили занять митрополичий престол, знал широкий круг лиц, а не только члены Освященного собора. Удалив Колычева, царь признавал свое поражение. Для него было очень важно убедить тех, кто сомневался в правильности его действий. Удаление Филиппа могло повлечь неприятные для Ивана IV слухи о конфликте не только со светским окружением, но и с высшим духовенством. Важную роль в решении уговорить кандидата снять свои требования об отмене опричнины играло и то обстоятельство, что в России в тот момент находилось посольство из Литвы, и до него неизбежно дошли бы слухи о противоречиях в московской элите, которые русское правительство тщательно скрывало. Иван IV начал переговоры с Филиппом при помощи Освященного собора. Отказ соловецкого игумена от своих требований можно объяснить давлением духовенства, уговорами светских лиц и надеждами повлиять на действия Ивана IV с помощью права «совета», о котором упоминается в записи с условиями занятия первосвятительского престола. К 20 июля переговоры об условиях избрания Филиппа на кафедру завершились. Однако принятые условия вовсе не исключали того, что конфликт между главами светской и церковной власти произойдет в недалеком будущем, они лишь оттягивали его.

В первый год после поставления Филиппа его отношения с царем были, вероятно, нормальными, а террор в это время практически прекратился. Однако осенью 1567 г. казни возобновились. Царь получил сведения о существовании заговора, главой которого был объявлен Иван Петрович Федоров. Митрополит в личных беседах просил Ивана IV отказаться от репрессий, но эти убеждения не помогли: «Он добром увещевал великого князя жить и править подобно своим предкам. И благодаря этим речам добрый митрополит попал в опалу...»[364] После этого митрополит решил действовать с помощью авторитета всего высшего духовенства — через Освященный собор. Вероятно, собор собрался в декабре 1567 г. На первых порах высшее духовенство поддержало Филиппа, но далее напуганные епископы предпочли промолчать, опасаясь за свою жизнь. На стороне Колычева выступил лишь архиепископ Казанский Герман Полев, но через несколько дней, как было сказано, он был найден мертвым на своем подворье.

Весной 1568 г. в Москве митрополит Филипп публично и открыто выступил против казней, проводившихся в стране по царскому приказу; 22 марта святитель «учал <...> с государем на Москве враждовати о опришнины». Новое выступление произошло 24 марта. Одно из этих выступлений описывают Житие митрополита Филиппа, а также современники-иноземцы Иоганн Таубе и Элерт Крузе. В Успенский собор пришел Иван IV в сопровождении опричников. По традиции царь подошел к митрополиту за благословением, но Филипп сделал вид, что не видит монарха. Когда ему напомнили, что православный царь требует благословения, митроплит заявил, что не узнает «царя православного». Вероятно, Иван IV был одет в черную опричную одежду. Дальше состоялся диалог между Иваном IV и митрополитом. Глава церкви обвинил царя в пролитии неповинной крови: «за олтарем неповинно кровь льется христианская, и напрасно умирают» — и

[364] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 47; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 172.

заявил о том, что таких вещей не было при предках Ивана IV, «ни во иноязыцех тако обреташеся». Функция монарха, получившего власть от Бога, по словам Филиппа, состоит в том, чтобы творить справедливый суд, «а не мучительски сан держати». Митрополит требовал отменить опричнину, указывая на разделение страны, которое угрожает царству запустением.

Оправдывая свои действия, Иван IV сослался на многочисленные измены подданных: «что тебе, чернецу, до наших царских советов дело. Того ли не веси, мене мои же хотят поглотити <...> и ближние мои отдалече мене сташа и нуждахуся ищущеи душу мою и ищущей злая мне». Филипп так и не благословил царя. Государь пришел в ярость. По сообщениям иностранцев, покидая Успенский собор, Иван IV ударил посохом о пол и заявил: «Я был слишком мягок к тебе, митрополит, к твоим сообщникам и моей стране, но теперь вы у меня взвоете». Вскоре после «диспута» в Успенском соборе Иван IV приказал арестовать приближенных митрополита, и их забили палками на улицах столицы[365].

Царь мог бы выслушивать поучения наедине, но стремление Филиппа воздействовать на него с помощью Освященного собора привело в итоге к избавлению от ставшего неугодным митрополита. Было принято решение обвинить митрополита в «порочном» поведении. Поскольку за то время, которое Филипп провел в Москве, никаких свидетельств, порочащих его, найти не смогли, то решили искать нужные сведения в Соловецком монастыре. Весной 1568 г. в обитель прибыли опричные следователи князь Василий Темкин, епископ Пафнутий Суздальский и архимандрит Феодосий в сопровождении отряда детей боярских.

Вскоре после инцидента в Успенском соборе Филипп выехал из Кремля и перебрался в Никольский монастырь, но сложить сан отказался. Царь со свитой приехал в Новодевичий монастырь 28 июля 1568 г., в тот момент, когда Филипп проводил службу. Здесь один из опричников не снял тафью (восточный головной убор, ношение которого запрещалось решениями Стоглавого собора 1551 г.), что вызвало резкую отповедь митрополита. Однако обернувшийся Иван IV не обнаружил нарушителя, успевшего снять головной убор. Царь решил, что слова митрополита относятся к нему, и в ярости покинул богослужение.

Комиссия, работавшая на Соловках, с помощью угроз, запугивания и обещаний нашла лжесвидетелей, которые согласились подтвердить обвинения в непристойном поведении Филиппа. Главным свидетелем должен был стать игумен Паисий, ученик Филиппа, сменивший его на посту после избрания последнего митрополитом. Суд над Филиппом состоялся осенью 1568 г. Соборное решение было предопределено: Филипп лишался сана. Но царь приказал провести службу 8 ноября 1568 г. Во время богослужения в собор ворвались опричники, схватили митрополита и огласили приговор. Переодетого в простую рясу Филиппа бросили в сани и увезли[366].

Он был отправлен в заключение в тверской Отроч монастырь под контролем пристава Степана Кобылина, но прожил там недолго. По свидетельству Жития, во время похода на Великий Новгород в конце декабря 1569 г. Филипп был задушен Малютой Скуратовым и в тот же день похоронен в монастыре[367]. Официально было объявлено, что он умер от «неуставного зноя в келье».

---

[365] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 43; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 174.

[366] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 44; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 176—178.

[367] *Лобакова И. А.* Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. С. 197—198.

Столкновения между церковными и светскими властями тех лет не имели формы борьбы за власть и влияние в стране. Филипп выступал не против существующих в России порядков, а против чрезмерной жестокости опричнины. Протест Филиппа был вызван его убеждениями и пониманием своих функций как гаранта общественного спокойствия. Однако спор царя и митрополита наложил отпечаток на отношения государства и церкви в последующее время. Духовенство оказалось под контролем государства. Частное выступление святителя против жестокостей опричнины привело к глобальным последствиям, которые, видимо, не предвидели участники событий. Запуганное высшее духовенство больше не смело выражать свое отношение к происходящим событиям и разрешало царю как нарушение церковных норм в личной жизни, так и насилие по отношению к подвластному населению[368].

Митрополиты Кирилл, Антоний и Дионисий. Новым митрополитом 11 ноября 1568 г. стал архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл. Иван IV хорошо знал его благодаря своим поездкам в Троицу и рассчитывал на невмешательство нового пастыря в государственные дела без своего одобрения. Этот предстоятель церкви оказался в полной зависимости от царской воли, не осмеливаясь протестовать против репрессий, которым подвергались миряне и в ряде случаев духовенство.

Вскоре опричная гроза разразилась над Великим Новгородом. В измене подозревались влиятельные группы городского населения — купцы и духовенство во главе с архиепископом Пименом. Дороги от Александровской слободы до Новгорода были заняты опричными заставами, организованными под предлогом борьбы с эпидемией чумы. По словам немца Генриха Штадена, принимавшего участие в этом походе, по маршруту движения царя происходили грабежи и насилия. Так, была разгромлена Тверь, в которой Иван IV приказал «грабить все — и церкви, и монастыри; пленных убивать (захваченных в ходе Ливонской войны. — *В. Ш.*), равно как и тех русских людей, которые породнились или сдружились с иноземцами. <...> То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви»[369].

В конце декабря 1569 г. Новгород был окружен опричниками. Первым делом была опечатана казна монастырей и церквей, а старцы поставлены на правеж. Та же участь постигла и белое духовенство. Иван IV 7 января распорядился избить палицами до смерти находившихся на правеже монастырских старцев, а их тела развезти для погребения по обителям. На следующий день в город въехал сам царь. Встречавшему его архиепископу Пимену не было позволено благословить монарха, а было заявлено, что он является не пастырем, а волком. Впрочем, это не помешало Ивану IV посетить торжественное богослужение в Софийском соборе, проводившееся Пименом, и принять приглашение на пир. Посреди пира царь отдал приказ начать изъятие ценностей из местных церквей (казны, икон, колоколов), а «желая воздать епископу благодарность за его щедрость, он велит стащить с его головы тиару, которую тот носил, а вместе с тем снимает с него все епископское облачение <...> говоря: „Тебе не подобает быть епископом, а скорее скоморохом. Поэтому я хочу дать тебе в супружество жену“ <...> тиран велит привести кобылу и обращается к епископу: „Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас, оседлай

[368] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 232—233; *Павлов А. П.* Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. С. 233; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 56; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 308—309.

[369] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 48.

и отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скоморохов". Далее, когда тот взобрался на кобылу, тиран велит привязать ноги сидевшего к спине скотины и, удалив его таким образом из города и прогнав с епископства, велит ему отправляться по назначенной дороге. И когда тот уже удалился, он опять велит позвать его к себе и дает ему взять в руки музыкальный инструмент, мехи и лиру со струнами. „Упражняйся в этом искусстве", сказал тиран, „тебе ведь не остается делать ничего другого в особенности после того, как ты взял жену" И вот этот епископ, не умевший до того играть на лире, верхом на кобыле по приказу тирана удалился в Москву, бряцая на лире и надувая мехи». Кроме архиепископа были арестованы его бояре и слуги[370].

Разгром продолжался пять недель, опричники разграбили городские и пригородные монастыри: хлеб и скот были уничтожены, а ценности изъяты. В феврале уцелевшие от первых казней новгородцы были отправлены в Александровскую слободу для продолжения следствия. Вскоре и сам царь покинул Новгород. Но и после отъезда Ивана IV из города продолжалось изъятие средств в монастырях. Церкви и монастыри были ограблены до такой степени, что «не осталось ни одной иконы ценой полгульдена, ни колоколов, ни церковной утвари»[371]. Кроме того, была сокращена территория Новгородской архиепископии: северные земли были переданы Вологодско-Пермской епархии.

Разгром Новгорода был лишь первым этапом карательной экспедиции. На подозрении у Ивана IV был и Псков. В феврале 1570 г. опричное воинство во главе с царем подошло к Пскову. По сообщению местной летописи, Иван IV «прииде с великою яростию, яко лев рыкая, хотя растерзати неповинныя люди и кровь многую пролити». Однако Псков счастливо избежал участи Великого Новгорода. Одна из версий, почему город был спасен, указывает на заступничество юродивого Николы Салоса. Англичанин Джером Горсей пишет, что видел этого «мошенника или колдуна: жалкое существо, нагое зимой и летом, он выносит сильную стужу, так и жару, совершает многие странные действия благодаря дьявольскому колдовскому отводу глаз, его боятся и почитают все, как князья, так и народ». Увидев царя, Никола разразился «смелыми проклятиями, заклинанием, руганью и угрозами, называл его кровопийцей, пожирателем христианской плоти, клялся, что царь будет поражен громом, если он или кто-нибудь из его войска коснется с преступной целью хотя бы волоса на голове последнего из детей этого города, предназначенного Богом и его добрым ангелом для лучшей участи, нежели разграбление; царь должен выйти из города прежде, чем Божий гнев разразиться в огненной туче, которая, как он сам может убедиться, уже висит над его головой и в любую минуту может обернуться сильной мрачной бурей. Царь содрогнулся от этих слов и просил его молиться об избавлении и прощении его жестоких замыслов».

Несмотря на то что Псков отделался сравнительно легко, казни в нем все-таки прошли. Казнены были представители местного духовенства. Наиболее значительной фигурой из них был архимандрит крупнейшего местного монастыря Корнилий. Городу не удалось избежать и грабежей: царь «повеле грабити имение у гражан <...> и стоял на посаде немного и отъиде к Москве; а церковную казну по обителем и по

[370] Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 29—30.

[371] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 100—106, 337—345; *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 180—182; Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 47—50; *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 48—50, 106—108.

церквам, иконы, и кресты, и пелены, и сосуды, и книги, и колоколы, поима с собою»[372].

Вскоре царь пришел к выводу, что в измене виновны и лица из его ближайшего окружения, те, кто играл наиболее заметную роль со времен учреждения опричнины. Митрополиту Кириллу было предложено «бояр и всяких чинов людей утверждать, чтоб ему, государю, служили безо всякие хитрости»[373]. Затем высшему духовенству сообщили об измене архиепископа Пимена Новгородского. Желая предвосхитить желание царя, собор запретил опальному архиерею проводить богослужения. Царь, однако, распорядился не лишать Пимена сана «до подлинного сыску и соборного уложенья», т. е. церковного суда. Суд состоялся в июле 1570 г. Опальный архиепископ был приговорен к заключению.

Некоторые данные позволяют говорить о том, что в годы опричнины была конфискована значительная часть земельных владений рязанского духовенства[374]. Подобная мера была скорее исключением. Однако в период опричнины возобновилась практика выдачи несудимых грамот, которые были отменены решениями Стоглавого собора.

Митрополит Кирилл скончался 8 февраля 1572 г. Кроме поставления нового предстоятеля, Освященный собор должен был решить еще одну проблему: царь попросил высшее духовенство разрешить ему четвертый брак. Необычность ситуации заключалась в том, что за двадцать лет до того Стоглавый собор, ссылаясь на канонические правила, категорически запретил вступление в брак более трех раз. Архиереи, приехавшие в столицу, оказались перед сложным выбором: необходимо было, «сохранив лицо», исполнить царскую волю. Собор прошел 29 апреля 1572 г. Как сообщается, Грозный «прислал по своих богомольцев» и пригласил их на «духовный совет». На этом «совете» Иван Васильевич заявил духовенству, что все его жены были отравлены. Он уже думал уйти в монахи, но вспомнил о своих маленьких детях и принял решение вступить в четвертый брак. Теперь же он просит «разрешения и прощения». Члены Освященного собора, видя «таковое царское смирение», решили пойти ему навстречу, наложив мягкое трехлетнее наказание. Кроме того, они постановили, что если государь будет в походе, то епитимью возьмет на себя само духовенство. Чтобы этот пример не стал заразительным, собор указал на недопустимость четвертого брака для всех остальных жителей России[375]. Разрешив Ивану IV очередной брак, архиереи приступили к избранию нового митрополита. Им в мае 1572 г. стал архиепископ Полоцкий Антоний.

Частые казни, опалы, военные конфликты, обстановка неуверенности в завтрашнем дне привели к тому, что в 1560-е гг. значительное количество вотчинных земель поступило во владение духовных корпораций. В таких условиях правительство решило принять меры, ограничивающие рост церковных владений. В октябре 1572 г. «по государеву цареву и великого князя приказу» митрополит Антоний, архиепископы, епископы, Освященный собор и бояре приняли следующие решения: в крупные монастыри, «где вотчины много», запрещалось делать вклады землей. Вотчину надо было передавать родственникам покойного, чтобы «в службе убытка не было и земля б из службы не выходила». Наследникам было запрещено выкупать уже находящиеся в

---

[372] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 115—116; *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 54.

[373] Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 315.

[374] *Сметанина С. И.* К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // История СССР. 1978. № 3. С. 155—164; *Усачев А. С.* Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.? // Российская история. 2016. № 5. С. 66—81.

[375] ААЭ. Т. 1. С. 329—332.

обителях земли. В небольшие бедные монастыри земельные вклады допускались, но только с разрешения и одобрения царя и Боярской думы[376]. Однако решения 1572 г. во многом остались на бумаге, земельные владения монастырей продолжали увеличиваться[377]. Вместе с тем исследователи обратили внимание на то, что в 1570-е гг. правительство стало довольно активно привлекать финансовые средства монастырей на решение общегосударственных задач[378].

Несмотря на отмену опричнины, опалы и казни продолжались, затрагивая иногда и видных представителей духовенства. Так, в источниках упоминаются «сыскное дело про Московского митрополита Антония да про Крутицкого владыку Тарасия, 83-го и 84-го году» и письмо Андрея Щелкалова Ивану IV о том, что «Крутицкий митрополит пьет, а в город не выезжает, а Симоновский архимандрит, не хотя быть в архимандритах и умысля, причастился бес патрахели, а сказал, что <...> беспамятством»[379].

В 1575 г. были казнены люди из ближайшего окружения Ивана IV. Среди пострадавших был и новгородский архиепископ Леонид. По словам английского представителя Дж. Горсея, «царь был сильно озабочен разбирательством измены <...> Бомелиуса, епископа Новгородского и некоторых других, выданных их слугами. Их мучили <...> пыткой, им было предъявлено обвинение в сношениях <...> с королями Польши и Швеции <...>. Епископ признал все под пыткой. Бомелиус все отрицал <...>. Епископ <...> был обвинен в измене и чеканке денег, которые он пересылал вместе с другими сокровищами королям <...> в мужеложстве, в содержании ведьм, мальчиков, животных и в других отвратительных преступлениях. Все его многочисленное добро <...> было взято в царскую казну. Его заключили пожизненно в тюрьму, он жил в темнице на хлебе и воде <...> занимался писанием картин и образов, изготовлением гребней и седел. Одиннадцать из его доверенных слуг были повешены на воротах его дворца в Москве, а его ведьмы были позорно четвертованы и сожжены»[380]. Добившись признания от подозреваемых, Иван IV отправил дело на рассмотрение Освященного собора. Духовенство послушно признало архиепископа виновным. Кроме Леонида подверглись репрессиям и были казнены протопоп Архангельского собора Иван и архимандриты Чудова и Симонова монастырей. Головы казненных, по сообщению одной из летописей, были кинуты на дворы митрополита Антония и некоторых других лиц[381].

В начале 1580 г. был принят приговор, направленный на прекращение дальнейшего роста церковных земельных владений, серьезно увеличившихся в период правления Ивана IV. Главные положения этого документа следующие: во-первых, все церковно-монастырские земли с 15 января 1580 г. оставались за тогдашними собственниками, были запрещены выкуп вотчин и суды с монастырями по земельным делам. Вводился также запрет на земельные вклады по душе, и вместо вотчин рекомендовано было давать деньги. Духовенству запре-

---

[376] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. С. 56.

[377] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 129; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. С. 145—146, 198.

[378] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 137; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 34; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. С. 158.

[379] Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 258, 316.

[380] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 74—75.

[381] ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226.

щалось покупать новые земли и держать их в закладе. Земельные владения, которые находились в закладе у архиереев и монастырей, переходили в казну, однако за них должна была быть выплачена денежная компенсация. Судьба княжеских вотчин, которые поступили духовенству до 15 января 1580 г., теперь находилась в руках царя. Если кто-нибудь осмелился бы после приговора без специального разрешения правительства принять такую вотчину, то она переходила в казну безденежно. Иерархам и монастырям запрещалось увеличивать свой земельный фонд, «жити им на тех землях, что ныне за ними». В случае, если какой-нибудь монастырь не имел земель или их было явно недостаточно, следовало «бить челом государю», а он с митрополитом и боярами принял бы решение о наделении землей «как будет пригоже»[382].

Приговор 1580 г. зафиксировал сложившееся на это время положение с церковным землевладением. Некоторые пункты Приговора были выгодны монастырям. Отчуждение земельных владений в ряде случаев предусматривалось с денежной компенсацией. В начале 1580-х гг. правительство стало собирать налоги с тех церковно-монастырских земель, которые имели различные налоговые льготы. Фактически произошла отмена тарханов, которая была задекларирована еще в середине века[383].

В 1581 г. митрополит Антоний оставил кафедру и удалился в монастырь[384]. Вскоре новым первосвятителем стал игумен Хутынского монастыря Дионисий[385].

Последние годы Ливонской войны складывались для России крайне неудачно. Было решено обратиться к посредничеству Рима. В качестве своего представителя на переговорах папа отправил Антонио Поссевино. Царь был чрезвычайно любезен во время первых встреч с Поссевино и через своих придворных дал ему понять, что разрешит построить в России католический храм или даже «сам построит его», если установится мир[386]. Для Ивана IV это был только прием, который вел к успеху (в России прекрасно знали о мечте Рима распространить католицизм и подчинить Русскую церковь папе).

Перемирие, которое было подписано между Россией и Речью Посполитой при посреднических услугах Поссевино, не отвечало интересам России. Когда иезуит после установления мира прибыл ко двору, то убедился, что большая часть авансов, которые щедро раздавали ему царь и его приближенные, была только уловкой. Иван IV неохотно согласился провести диспут о вере. Но в конце концов дискуссия состоялась, причем, как и можно было ожидать, стороны остались каждая при своем мнении. Явное неудовольствие Ивана IV вызывало то, что папа «превыше царей гордостью обносится», вместо того чтобы «должное смирение показывати». Царь считал, что именно в России сложились самые правильные отношения между церковной и светской властью: «царем благочестивым подобает царское содержати, а святителем святительская; а мы почитаем для духовного дела, митрополита русского называем отцем и богомольцем своим, и покланяем-

---

[382] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 57—59.

[383] *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 80—81; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 65—66; *Колычева Е. А.* Аграрный строй России XVI века. С. 144, 150—153.

[384] *Макарий (Веретенников).* Вехи жизни Всероссийского митрополита Антония // Макариевские чтения. Вып. 6. Можайск, 1998. С. 132.

[385] Новгородские летописи. С. 347.

[386] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 34.

ся ему, и чтим его, и благословения от него требуем и его встречаем»[387].

Кроме бесед Ивана IV с Поссевино, состоялся специальный собор, созванный по царскому приказу для рассмотрения взглядов папского посланца: «Великий князь вызвал шесть епископов, не считая митрополита, как для богослужения, так и для беседы со мной о религии. Однако, получив наше сочинение <...> они не сказали ни слова». Затем упоминается архиепископ Ростовский, который одобрил все положения сочинения католика, был за это лишен сана, сослан и «умер более счастливый, чем те, кто пережил его»[388]. Согласно русским источникам, было несколько соборов, посвященных разбору мнений Поссевино. На первом из них была выявлена ересь Давида Ростовского, о чем митрополит Дионисий сообщил Ивану IV. На следующем соборе присутствовал сам царь, который и выступил главным обличителем архиепископа. Только на третий собор был приглашен папский посланец, мнения которого, согласно источнику, опроверг сам царь. Поссевино был посрамлен и отправился в Рим, не добившись ничего существенного.[389] Ему не удалось получить согласия на строительство католических церквей, хотя католикам было разрешено исповедовать свою веру[390].

В ноябре 1581 г. умер старший сын и наследник Ивана IV царевич Иван Иванович. Обстоятельства его смерти до конца не выяснены, все версии представляют собой не более чем слухи. Для монастырей смерть царевича обернулась значительными вкладами. Царь стремился устроить душу сына и раздал по обителям большие суммы. Только Троице-Сергиев монастырь получил более 5 тыс. руб. Во вкладной книге указывается, что Иван IV, находясь в обители, «шесть поклонов в землю положил со слезами и рыданием»[391].

В конце жизни Иван IV распорядился составить синодики, в которые записывались имена казненных по его распоряжению людей. Значительные средства из казны были отправлены в монастыри. За казненных по приказу царя деньги вносились и списком, и индивидуально. В Кирилло-Белозерский монастырь, например, поступило около 10 тыс. руб., в Иосифо-Волоколамский — более 5 тыс., в Симонов — свыше 2 тыс.[392]

Тем временем дни жизни Ивана Васильевича были сочтены. Он умер 18 марта 1584 г. По сообщению Дж. Горсея, «митрополиты, епископы и другая знать стекались в Кремль, отмечая как бы дату своего освобождения». Духовник Ивана IV Феодосий Вятка постриг умирающего царя в монахи с именем Иона[393].

Установление патриаршества в России. После смерти Ивана IV царем был провозглашен Федор Иванович. В мае 1584 г. он был венчан на царство митрополитом Дионисием[394]. Летом того же года был собран церковный собор. Духовенство под-

---

[387] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10: Памятники дипломатических сношений с папским двором: (с 1580 по 1699 год). СПб., 1871. Стб. 300—301, 305—306, 323—326.

[388] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 52.

[389] Московские соборы на еретиков в царствование Ивана Васильевича Грозного // ЧОИДР. М., 1847. № 3. С. 24—30.

[390] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. Стб. 335—336.

[391] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подг. Е. Н. Клитина и др. М., 1987. С. 28—29.

[392] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. С. 95.

[393] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 87; ПСРЛ. Т. 34. С. 229.

[394] ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 35; Т. 34. С. 230—232.

твердило решения, принятые еще в 1580 г., согласно которым запрещалось дальнейшее увеличение церковно-монастырского землевладения. С другой стороны, было подтверждено решение о сохранении за духовенством всех земель, которыми они владели к 1580 г. Новым было то, что официально принималось положение об отмене тарханов — налоговых льгот, которыми пользовались епископские и монастырские земли[395]. Соборные приговоры 1580 и 1584 гг. положили предел значительному расширению церковно-монастырского землевладения, хотя в исключительных случаях земельные вклады все-таки допускались.

Первые годы правления Федора Ивановича сопровождались ожесточенной борьбой между боярскими группировками. В ходе этой борьбы постепенно росло влияние Бориса Федоровича Годунова, родная сестра которого Ирина была женой царя Федора. Основными соперниками Годунова были князья Шуйские во главе с Иваном Петровичем Шуйским. Митрополит Дионисий, вероятно, первое время стремился занимать нейтральную позицию в борьбе боярских кланов и выступал за примирение сторон, но в конце концов выступил против Бориса Годунова. Однако Годунову удалось сохранить свое положение и даже расправиться со своими соперниками — Шуйские оказались в ссылках, а митрополит в октябре 1586 г. был лишен престола и отправлен в Хутынский монастырь под Великий Новгород. Кафедры был лишен и сторонник Дионисия — крутицкий епископ Варлаам[396].

У Бориса Годунова был свой кандидат на место митрополита. В декабре новым предстоятелем Русской церкви стал Иов. В 1571 г. Иов был архимандритом московской Симоновской обители. В 1581 г. он стал епископом Коломенским. В правление Федора Ивановича карьера Иова продолжала развиваться — в январе 1586 г. он занял Ростовскую кафедру, а в декабре 1586 г. получил престол митрополита Московского и всея Руси[397].

Русская церковь уже давно была полностью самостоятельной, митрополиты ставились в России. Связи с патриархатом на некоторое время были прерваны. Но затем контакты восстановились, хотя ни о каком подчинении Русской церкви патриарху речь не шла. Теперь восточные патриархи зависели от финансовой поддержки России. Тем не менее это реальное положение дел не сопровождалось повышением статуса Русской церкви — ее по-прежнему возглавлял митрополит. В конце XVI в. появилась возможность повысить этот статус, используя зависимость восточных патриархов от материальной помощи со стороны России. Существовало представление о том, что в церкви должно быть пять патриархов: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. После раскола 1054 г. православных патриархов осталось четыре, на место пятого мог претендовать предстоятель Русской церкви. Но по собственному желанию объявить русского митрополита патриархом было нельзя — необходимо было добиться согласия вселенских патриархов на учреждение в России патриаршества. Определенную роль в этом процессе играло желание все больше укреплявшего свое положение Бориса Годунова поднять свой авторитет и свое влияние на духовенство повышением статуса Русской церкви.

Удобный случай для начала действий по учреждению патриаршества представился в 1586 г. Летом в Россию за милостыней прибыл антиохийский патриарх Иоаким.

---

[395] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 61—63.

[396] ПСРЛ. Т. 14. С. 36—37.

[397] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 51.

К подобным вояжам представителей восточных церквей в Москве уже привыкли, новостью было то, что впервые в Россию приехал один из вселенских патриархов. Этим и решили воспользоваться для начала действий по установлению патриаршества. В качестве посредника для переговоров с остальными патриархами было решено использовать находившегося в Москве Иоакима. К нему был отправлен правитель Борис Годунов, который обратился к антиохийскому патриарху с просьбой: «Ты бы о том посоветовал с святейшим Вселенским патриархом, а пресвятейший бы патриарх посоветовал о таком великом деле со всеми вами, патриархи <...> и со архиепископы, и епископы, и со архимандриты, и со игумены, и со всем освященным Собором, да во Святую бы гору и в Синайскую о том обослалися, чтобы <...> такое великое дело в нашем Российском государстве устроилося, а, помысля бы о том, нам объявили, как тому делу пригоже состояться»[398].

В августе 1586 г. Иоаким покинул Москву с богатыми подарками. Значительные дары были отправлены и другим восточным патриархам. На Востоке охотно пользовались милостыней из России, но решать вопрос об учреждении патриаршества не торопились. Константинопольский патриарх полностью зависел от турецкого султана, который возвел на патриарший престол Иеремию. Новый патриарх обнаружил, что все имущество патриархии разграблено, даже патриаршая церковь была превращена в мечеть. Ему было приказано построить новые церковь и резиденцию, но денег на их возведение не было. В таких условиях вопрос об учреждении патриаршества в России не был для нового патриарха первоочередным. Иеремии нужны были средства, получить их можно было только как милостыню православных. Патриарх волей-неволей должен был обратиться к Москве за помощью. Мало того, за милостыней он решил ехать в Россию сам.

В России появления на границе константинопольского патриарха явно не ожидали. Русские власти даже не знали о смене патриархов в Константинополе и постарались выяснить, не является ли Иеремия самозванцем. Патриарха пригласили в столицу, одновременно пытаясь установить, нет ли с ним приговора патриархов об учреждении патриаршества в России. Патриарх со свитой 13 июля 1588 г. прибыл в Москву. Встречали его с большим почетом, определили на рязанское подворье. Здесь Иеремия и его свита оказались в полной изоляции и общаться могли только с приставами, которым вменялось в обязанность докладывать обо всех разговорах гостей[399].

К патриарху и его спутникам относились с уважением, и они не испытывали ни в чем недостатка. Патриарха 21 июля принял Федор Иванович. После обмена подарками Иеремия провел закрытые переговоры с Борисом Годуновым и дьяком Андреем Щелкаловым. Русских более всего интересовал вопрос об учреждении в России патриаршества, но по этому поводу Иеремия не мог сообщить ничего утешительного.

Русские приставы старались выяснить мнение патриарха об установлении патриаршества в России. Стало понятно, что патриарх не прочь сам остаться в Москве — она устраивала его гораздо больше, чем находящийся под полной властью султана Константинополь.

Русские приставы, конечно, заметили желание Иеремии остаться в Москве и донесли об этом боярам. Затем они стали вести разговоры с патриархом о том, что ему действительно неплохо бы остаться в Рос-

---

[398] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 28—30.

[399] *Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве: Царствование Феодора Ивановича: Учреждение патриаршества в России. Приложение. Ч. 1. Одесса, 1912. С. 77—105.

сии и стать местным патриархом. Источники специально указывают на то, что подобные предложения исходили не от царя или бояр, а лишь от приставов, которые охраняли гостей. Неосторожное высказывание патриарха о его желании остаться в России было доведено приставами до сведения властей. После этого переговоры перешли в решающую стадию. По сообщению источников, Федор Иванович обратился к боярам с речью, в которой заявил, что если Иеремия решит остаться в России, то местом его резиденции будет Владимир, а в Москве по-прежнему будет митрополит. Но если патриарх откажется от Владимира, то тогда «на Москве учинити патриарха из московского собору, кого Господь Бог благоволит». Царь и бояре приговорили, что на переговоры с Иеремией надо отправить Бориса Годунова.

В разговоре с Годуновым патриарх не отказывался от своего желания остаться в России, но заявил, что ему «во Владимире быть невозможно». В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что Иеремия готов остаться только в Москве, а нынешнего митрополита Московского Иова можно перевести в другой город. Однако на это не собиралась идти русская сторона. Как заявил царь Федор Иванович боярам, «то дело нестаточное: как нам такого сопрестольника великих чудотворцев Петра, Алексия и Ионы и мужа достохвального жития <...> Иова изгнать от Пречистой Богородицы и от великих чудотворцев и учинить греческого закона патриарха? А он здешнего обычая и русского языка не знает, и ни о каких делах духовных нам нельзя будет советоваться без толмача». Было решено «посоветоваться» с патриархом о том, чтобы он поставил на патриаршество Иова. Кроме того, решили, что последующие патриархи Московские будут ставиться в России без обращения к восточным патриархам от русских митрополитов, архиепископов и епископов. Следовало «учинить», кроме патриарха, митрополитов и «прибавить» архиепископов и епископов[400].

Борис Годунов и дьяк Андрей Щелкалов на переговорах с патриархом 13 января 1589 г. договорились, что Иеремия благословит и поставит на патриаршество Московское того, кого «благочестивый государь произволит, и благословение свое даст, чтобы впредь патриархам поставляться в Российском царстве от митрополитов, и архиепископов, и епископов по чину патриаршескому». В Успенском соборе 23 января собралось русское духовенство, прибыл Иеремия и сопровождающие его греческие архиереи. Как и следовало ожидать, на патриаршество было избрано три кандидата, которые были заранее указаны властями: Иов, митрополит Московский, новгородский архиепископ Александр и ростовский архиепископ Варлаам. Избраны были также ранее намеченные кандидаты на митрополии Русской церкви Новгородскую и Ростовскую. После процедуры формальных выборов патриарх Иеремия и духовенство отправились к царю Федору и предоставили ему грамоту с именами кандидатов. Как и следовало ожидать, из трех имен претендентов на патриаршество царь выбрал Иова. Новгородским митрополитом должен был стать Александр, Ростовским — Варлаам[401].

В Успенском соборе 26 января было совершено поставление Иова патриархом. В тот же день патриархи, высшее духовенство и бояре пировали в царских палатах. Через несколько дней были поставлены и митрополиты: Александр в Великий Новгород, а Варлаам в Ростов[402]. Весной 1589 г. было решено, что число митрополий в Русской церкви увеличится до четырех: к уже

[400] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 32—36.
[401] Там же. С. 37—40.
[402] ПСРЛ. Т. 14. С. 38; Т. 34. С. 196, 233—234.

существовавшим Новгородской и Ростовской прибавили Казанскую и Крутицкую. Первым митрополитом Казанским стал Гермоген (в будущем знаменитый патриарх). Центрами архиепископий должны были стать Тверь, Вологда, Суздаль, Нижний Новгород, Рязань и Смоленск. Провозглашено было и увеличение числа епископов. Они должны были находиться в Чернигове, Коломне, Пскове, Белоозере, Великом Устюге, Ржеве, Дмитрове и Брянске[403].

В царской канцелярии была подготовлена грамота об учреждении патриаршества в России. Составлена она была от имени греческого и русского духовенства. В грамоте были частично отражены мысли, сформулированные еще в начале XVI в. старцем Филофеем о «Москве — третьем Риме». Эта идея была приписана самому патриарху Константинополя Иеремии, который якобы заявил о том, что первый Рим пал от ереси, а второй Рим завоеван турками. И только третий Рим — Российское царство — превзошел благочестием все прежние царства; все они соединились под властью царя Федора, который один теперь христианский царь по всей вселенной. В грамоте говорится и об учреждении митрополий, новых архиепископий и епископий[404].

В мае 1589 г. Иеремия и его спутники смогли выехать из Москвы, получив богатую милостыню. Патриарх обещал добиться от остальных патриархов согласия на появление нового патриарха. В России считали, что патриарх Московский должен занять третье место среди других патриархов — после Константинопольского и Александрийского, но перед Антиохийским и Иерусалимским. Иеремия прибыл в Константинополь только весной 1590 г. В мае был собран собор по делу учреждения патриаршества в России. На этом соборе присутствовали сам Иеремия, антиохийский патриарх Иоаким и иерусалимский Софроний. Патриарх Александрии к тому моменту скончался. После обсуждения греческое духовенство подтвердило решение об учреждении патриаршества в России, но определило московскому патриарху пятое место, после иерусалимского.

В мае 1591 г. грамоту с решениями собора доставили в Россию. Русские власти оказались недовольны тем, что московскому патриарху среди других патриархов было определено только пятое место. В феврале 1593 г. в Константинополе состоялся новый собор. Однако и он, несмотря на многочисленные подарки, отправленные из Москвы, подтвердил пятое место русского патриарха. Но в России считали, что ее патриарх должен занять третье место[405].

К концу XVI в. Русская церковь занимала видное место и являлась самой сильной из всех православных церквей. Однако, по словам Н. Ф. Каптерева, «митрополит был совершенно бессилен и бесправен перед выросшей и окрепшей властью великого князя, который избирал, ставил и сводил с престола митрополитов по своему желанию и усмотрению». Без распоряжения великого князя или царя не мог состояться ни один церковный собор, и ни одно решение не могло стать законом без одобрения светской властью. Вообще «со времени образования у нас сильного Московского царства наши государи всегда и всецело держат церковную власть в своем полном подчинении и распоряжении <...>. Такой порядок дел всеми признавался тогда правым, законным и нормальным, вполне сросся с нашей жизнью, с представлением о царе и его отношении к церкви, так что иного отношения между церковью и государством у нас и не представляли»[406].

---

[403] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 42—43.

[404] СГГД. Ч. 2. С. 97—99.

[405] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 6. С. 43—48.

[406] *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. М., 1996. С. 53—55, 64, 74, 96, 120—121.

КУЛЬТУРА

Книжность

В России XVI в. еще не сформировалась собственно литературная или историографическая традиция. Новые формы историописания и литературы устанавливались в русле средневековой традиции, которую исследователи называют книжностью. В многочисленных монастырях, при храмах, кафедрах, а также при царском дворе и в городской среде переписывались рукописные книги, создавались как новые произведения, так и компиляции из более ранних текстов[1]. Этот средневековый процесс породил литературу Нового времени, что произошло гораздо позднее, в XVII в. В рассматриваемый период новые формы исторических и литературных сочинений создавались и бытовали в рамках средневековой книжности.

Для исторического повествования в России XVI в. было характерно создание монументальных, обобщающих историко-литературных произведений. Этот процесс отражал формирование единого централизованного государства, когда отдельные культурные традиции регионов сливались в общую культуру России.

В первой половине XVI в. сочинения на исторические темы составлялись в традиционных для русского Средневековья жанрах — летописном и хронографическом. В конце XV в. при дворе великого князя Ивана III велась крупномасштабная летописная работа, результатом которой явился так называемый Летописный свод конца XV в., а также Сокращенные летописные своды. В начале XVI в. продолжением этой традиции стало составление еще одной летописной компиляции, которая дошла до нас в оригинале и получила название Софийской 1-й летописи по списку Царского. Суть летописных работ второй половины XV — начала XVI в. можно определить как сведение известий разных летописей о древнерусской истории и доведение летописного повествования до современности. Эта работа предполагала сбор воедино летописей предшествующих эпох, представляющих собой разные традиции летописания удельного периода: владимиро-суздальского, ростовского, тверского, новгородского, киевского и др. Кроме того, важным было ведение летописных записей о современных событиях, выполненных в том же ключе, что и известия более ранних летописей. При сведении всего этого материала (со стилистической его обработкой) в один текст получалась монументальная картина единого летописного повествования об истории Руси с XI по начало XVI в. Подобная работа не могла быть осуществлена в один этап, поэтому до нас дошел ряд летописей, отражающих разные стадии этого процесса. Софийская 1-я летопись по списку Царского, в которой предпринята

[1] *Усачев А. С.* Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018.

попытка соединить московскую летопись первой половины XV в., так называемую Софийскую 1-ю, с текстом Сокращенного летописного свода и современными летописными записями, являлась не единственным опытом такого рода. Следует констатировать, что в начале XVI в. при великокняжеском дворе продолжалась летописная работа в тех традициях, которые были заложены еще в предшествующее столетие.

Параллельно с великокняжеским велось летописание и в окружении митрополита. Церковные летописцы действовали по тем же принципам, что и светские, поэтому зачастую бывает затруднительно определить происхождение той или иной летописи. Но два крупнейших летописных свода первой половины XVI в., так называемые Никоновская и Воскресенская летописи, ярко и наглядно демонстрируют особенности двух традиций столичного летописания того времени. Работа по составлению крупного летописного свода велась параллельно светскими и церковными книжниками. В результате в 20-е гг. XVI в. в митрополичьих кругах была составлена Никоновская летопись, а в это же время, вероятно при дворе Василия III, — Воскресенская летопись[2].

Никоновская летопись представляет собой объемный и искусно составленный свод летописных известий по истории Руси с древнейших времен до конца 20-х гг. XVI в. Впоследствии в разных списках повествование Никоновской летописи продолжали путем присоединения к ее тексту других летописных памятников, таким образом доводя ее повествование до середины XVI в. или до первой половины XVII в. Важно подчеркнуть, что текст собственно Никоновской летописи обрывается на 1622 г. Инициатором и главным организатором работ по созданию Никоновской летописи стал митрополит Даниил, поставленный на митрополию из игуменов Иосифо-Волоколамского монастыря, где в то время существовала богатая библиотека, хранились рукописи с летописными текстами, а среди братии монастыря получила распространение практика переписки рукописей и составления рукописных сборников. Поэтому вполне естественно, что работы по составлению митрополичьего летописного свода проводились книжниками Иосифо-Волоколамского монастыря, а митрополит Даниил этой работой руководил[3]. До нашего времени дошло более десятка рукописей, отражающих кропотливую работу по сведению в единый текст известий из разных летописей и других литературных произведений. Кроме летописных известий в текст Никоновской летописи были включены фрагменты текста Хронографа (о событиях всемирной истории), посланий церковных иерархов и др. Характерно, что некоторые из рукописей, отражающих подготовительные этапы летописной работы, написаны рукой самого митрополита Даниила, что доказывает его непосредственное участие в процессе составления Никоновской летописи. Для создания логичного и непротиворечивого исторического повествования составители Никоновской летописи были вынуждены прибегать к домыслу и даже к вымыслу[4]. Так, изначально краткое известие в Никоновской летописи зачастую

[2] Названия этих летописей появились поздно, в XVIII в., они носят случайный характер. В то время российским ученым были доступны рукописи Библиотеки Академии наук. Там хранились в числе прочих список Никоновской летописи и список Воскресенской летописи. На обеих рукописях читались одинаковые записи об их вкладе в 60-е гг. XVII в. патриархом Никоном в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Исходя из данных записи, одну летопись стали называть Никоновской (поскольку ее вложил в Воскресенский монастырь патриарх Никон), а вторую — Воскресенской (поскольку патриарх Никон вложил ее в Воскресенский монастырь).

[3] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 96—133.

[4] Там же. С. 181—189.

превращается в пространный рассказ, в котором даже присутствует сюжетная линия. Зафиксированы также случаи появления в Никоновской летописи целиком вымышленных известий, в которых действуют вымышленные герои, принимающие участие в никогда не существовавших событиях. Происходил переход от компиляции источников к повествованию, построенному под определенным углом зрения. При этом тщательная работа книжников по сбору летописного материала предшествующих эпох привела к тому, что в составе Никоновской летописи сохранились известия из утраченных к настоящему времени летописей. Так, на материале Никоновской летописи исследователи реконструируют рязанскую летописную традицию XIV—XV вв. Проблема уникальных известий Никоновской летописи до настоящего времени не решена окончательно и остается одной из самых актуальных в изучении русского летописания XVI в.

Воскресенская летопись была составлена примерно в то же время, что и Никоновская. В нашем распоряжении имеются свидетельства о существовании трех редакций Воскресенской летописи, первая из которых оканчивалась 1531 г. Работа по ее составлению велась в конце 1520-х — начале 1530-х гг. Вероятно, к составлению Воскресенской летописи имел отношение известный книгописец Михаил Яковлевич Медоварцев, выполнявший заказы ближайшего советника Василия III князя-инока Вассиана Патрикеева и осужденный вместе с ним на соборе 1530 г.[5] В целом работы по составлению Воскресенской летописи не отличались такой тщательностью, как это было в отношении Никоновской летописи. Основной текст Воскресенской летописи за X—XV вв. представляет собой компиляцию великокняжеского летописного свода конца XV в., Софийской 1-й летописи по списку Царского, Сокращенных летописных сводов. Отдельные известия заимствовались из Типографской и других летописей. В этой части Воскресенской летописи заимствованные известия чередуются большими блоками. Очевидно, исторический аспект мало интересовал ее составителей. Однако события XVI в. излагаются более обстоятельно, в ряде случаев оказываясь более информативными, чем соответствующие известия Никоновской летописи, материалы которой также были известны составителям Воскресенской летописи. Видимо, здесь сказался и интерес к современным событиям заказчика, которым, можно думать, являлся великий князь, и свободный доступ составителей к материалам придворного летописания, а также к документам государственных учреждений. Так, при описании военных походов Воскресенская летопись приводит данные об участии в них московских бояр и других чинов Государева двора. Такую информацию придворный книжник мог почерпнуть из документов Разряда. Текст Воскресенской летописи сопровожден так называемыми вводными статьями, которые на деле оказываются сводом историко-генеалогического материала, не относящегося непосредственно к летописному тексту. Вероятно, это материалы к составлению какого-то исторического произведения. Их источники еще нуждаются в изучении. По-видимому, именно Воскресенскую летопись имеет в виду Даниил Принтц, посетивший Россию в составе посольства германского императора в 1576 и 1578 гг. Он пишет, что в русских летописях род Рюриковичей выводится от римских императоров, но эти летописи с неохотой показывают иностранцам[6].

[5] *Сиренов А. В.* Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева // Летописи и хроники: Новые исследования: 2013—2014. М.; СПб., 2015. С. 272.

[6] Начало и возвышение Московии: Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника Августейших Императоров Максимилиана II и Рудольфа II и дважды бывшего Чрезвычайным Послом у Ивана Васильевича, Великого Князя Московского // ЧОИДР. М., 1876. Кн. 3. С. 2.

Царствование Ивана IV ознаменовалось появлением нового летописного сочинения, которое имеет характерное название: «Летописец начала царства»[7]. Поскольку важной целью политики Ивана IV в 1540—1560-е гг. было признание за ним царского титула, то и составленная в его царствование летопись также служила этой цели. «Летописец начала царства» представляет собой памятник великокняжеского летописания и в этом отношении ближе стоит к Воскресенской летописи, чем к Никоновской. Если составитель Воскресенской летописи мало интересовался прошлым Русского государства, то в «Летописце начала царства» повествования о древнерусской истории нет вообще. В нем рассказ начинается с воцарения Ивана IV, т. е. с 1533 г. Изложение событий также оказывается близким к Воскресенской летописи: наибольшее внимание уделяется военным походам и поездкам царской семьи на богомолье, причем неизменно упоминаются участвующие в этих мероприятиях бояре. Источником для таких экскурсов служили документы Разряда. Центральным сюжетом «Летописца начала царства» является подробный рассказ о взятии Казани в 1552 г. Это не случайно, ведь именно присоединение в Российскому государству Казанского ханства, т. е. царства, в глазах московских идеологов давало российскому самодержцу право на царский, т. е. императорский, титул[8]. Высказывалось предположение, что автором «Летописца начала царства» был один из приближенных молодого царя окольничий А. Д. Адашев[9], но доказать это пока не представляется возможным. Однако не вызывает сомнений, что «Летописец начала царства» был создан в окружении Ивана IV. Это было произведение нового поколения — по форме летописное, но имеющее свои идеологические цели. В 1560-е гг. «Летописец начала царства» присоединили к летописной компиляции, основными источниками которой стали Никоновская и Воскресенская летописи. В результате получился так называемый Летописный свод 1560 г.[10] Кроме того, «Летописец начала царства» присоединили к тексту Никоновской летописи, включили в состав Лицевого летописного свода. Иными словами, пытались представить его частью общерусской летописи, охватывающей историю Руси с древнейших времен. Однако его составители ставили другую цель: представить первые годы правления Ивана IV как становление царства — империи. В этом качестве «Летописец начала царства» можно рассматривать как историческое сочинение, только формально относящееся к летописной традиции. По своим задачам и направленности это уже не летопись.

Другой традиционный исторический жанр, к которому обратились книжники XVI в., — это хронограф. Византийские хроники, рассказывающие об истории Византии в контексте всемирной истории, были известны на Руси с XI в. Домонгольским временем исследователи датируют древнерусские компиляции о всемирной истории на материале разных византийских хроник. В отдельных хронографических компиляциях XV в. привлекались тексты русских летописей. Но это делалось не систематически. Русская летопись включалась в хронографическую компиляцию как единый блок известий об истории Руси.

---

[7] В XVIII—XIX вв. этот текст издавали вместе с Никоновской летописью, поскольку в древнейших списках «Летописец начала царства» продолжает текст Никоновской летописи. Вследствие этого нередко имеет место путаница, и «Летописец начала царства» считают частью Никоновской летописи.

[8] *Жуков А. Е.* К вопросу об истории текста «Летописца начала царства» // Летописи и хроники: Новые исследования: 2013—2014. С. 348—382.

[9] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 29—41.

[10] *Клосс Б. М.* Об издании Свода 1560 г. // Летописи и хроники: 1980: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 215—222.

Однако процесс неминуемо шел к органичному соединению в хронографическом повествовании известий о всемирной и отечественной истории. И такое соединение произошло во второй половине 1510-х — начале 1520-х гг. Книжники Иосифо-Волоколамского монастыря составили первую редакцию Русского хронографа. Она включала 209 глав и повествовала об истории человечества начиная с сотворения мира и до падения Константинополя от турок в 1453 г. В одной из глав, рассказывая о запрете монахам принимать мясную пищу, составитель Хронографа указал количество лет, прошедших с этого момента до современности. Выполнив простые арифметические подсчеты, исследователи определили дату составления Русского хронографа — 1512 г. Позднее было установлено, что в хронологическом указании допущена ошибка, и в действительности работы по составлению Хронографа проводились в 1516—1522 гг. Но по традиции этот текст называется Хронографом редакции 1512 г.[11]

Первые главы Хронографа следуют тексту Ветхого Завета, передавая его, правда, в стилистической обработке византийских хроник. Античная история, равно как и история Византии, следует также византийским хроникам. Начиная с X в. в повествование вводится история славянских стран. С этого времени в конце каждого раздела, посвященного правлению того или иного византийского императора, помещаются подборки известий об истории болгарской, сербской и русской. Со временем русский материал начинает доминировать и к XV в. по своему объему приближается к византийскому. Таким образом, история Древней Руси — России, а также других православных славянских стран была включена в контекст всемирной истории, правда, в византиноцентричной версии византийских хроник. Изложение событий в Хронографе редакции 1512 г. завершается пространным рассказом о взятии турками Константинополя. Таким образом, историческое повествование оказалось завершенным, представляя собой предысторию Русского царства. В середине XVI в. в России познакомились с вышедшим в 1551 г. изданием «Хроники всего света» польского хрониста Мартина Бельского. Для русского читателя это было первое изложение на славянском языке западноевропейской версии античной и средневековой истории. Фрагменты текста Хроники Бельского, переведенные на русский язык, были включены в текст Хронографа, после чего в середине XVI в. появился так называемый Западно-русский хронограф. В действительности новая редакция Хронографа, по всей видимости, была составлена в том же Иосифо-Волоколамском монастыре. Западно-русский хронограф хотя и представлял собой тщательную переработку Хронографа редакции 1512 г., но его основная идея осталась той же, он также доводил изложение до падения Константинополя. В конце XVI в. была предпринята попытка продолжить повествование Хронографа и включить в него русскую историю XVI в. Так появились редакции 1599 и 1601 гг., но это были скорее попытки создать новую редакцию Хронографа. Успехом они увенчались уже в XVII в. с появлением Хронографа редакции 1617 г.

Во второй половине XVI в. наметился переход к новым формам исторического повествования. И летопись и хронограф имели традиционную средневековую структуру. С их помощью было затруднительно проводить политические идеи, строить новую идеологию. А время и обстановка требовали концептуального изложения истории применительно к современности. Попытка создания нового по структуре исторического сочинения была предпринята в конце 1550-х — начале 1560-х гг.

[11] *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 246—252; *Творогов О. В.* Хронографы Древней Руси // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 36—49.

В 1550-е гг. священник придворного Благовещенского собора Сильвестр, имевший большое нравственное влияние на молодого царя, написал Житие княгини Ольги. По существу, это была новая редакция, составленная на основе более ранних версий этого жития. Отличие состояло в усилении исторического контекста. Сильвестр привлек Никоновскую и Воскресенскую летописи и с помощью их текстов обстоятельно описал эпоху княгини Ольги, ее деятельность, а также подробности ее крещения. Вскоре подобное задание получил настоятель Благовещенского собора, царский духовник Андрей. Он принялся за составление аналогичного Жития князя Владимира. Видимо, согласно первоначальному плану, предполагалось создать диптих из житий крестителей Руси — предков Ивана IV. Однако Андрей работу над Житием Владимира до конца не довел; он изменил первоначальный план и задумал создать историческое сочинение, состоящее из житий русских князей и митрополитов. Эта идея, можно думать, была заимствована из сербской литературной традиции, где историческое повествование развивалось в жанре житий, а не летописей и хронографов. В XIV в. глава сербской церкви архиепископ Даниил составил так называемый Цароставник — сборник житий сербских князей («кралей») из династии Неманичей и первосвятителей сербской церкви. Пытаясь заручиться поддержкой православных иерархов восточных церквей и добиться от них признания царского титула, правительство Ивана IV пристальное внимание уделяло сербскому Хиландарскому монастырю на Афоне — авторитетному центру славянской культуры православного мира. В 1557 г. Хиландарский монастырь посетил российский посланец архимандрит Феодорит, задачей которого было изучение монастырских обычаев[12]. В русском искусстве середины XVI в. прослеживается явный интерес к сербской традиции. В частности, появляются изображения святых сербских князей из династии Неманичей — Симеона и Саввы. Власти Хиландарского монастыря в середине XVI в. часто бывали в Москве и получали от Ивана IV щедрую финансовую поддержку. Вероятно, в это время царский духовник Андрей познакомился с традицией сербской агиографии, узнал о композиции Цароставника и решил создать подобное произведение, посвященное русским князьям и митрополитам. В процессе работы над этим текстом он воспользовался метафорой из Жития княгини Ольги, про которую Сильвестр сказал, что она своим крещением установила последующим поколениям лестницу с земли на небо, подобную лестнице, которую видел во сне библейский Иаков. Андрей уподобил всю русскую историю лестнице, ступени которой — это поколения правителей России из династии Рюриковичей, от крестителя Руси Владимира до его потомка в 17-м поколении Ивана IV. Новое сочинение получило название Степенной книги (от церковнославянского «степень», т. е. ступень). Оно состоит из семнадцати степеней по числу поколений династии Рюриковичей. Согласно концепции Степенной книги, правители Руси из династии Рюриковичей ведут свою страну из тьмы язычества к Богу, поднимая ее духовный уровень своими добродетелями. Главными источниками Степенной книги стали Никоновская и Воскресенская летописи. В ее состав были включены жития княгини Ольги (в редакции Сильвестра), Бориса и Глеба, князя Всеволода Псковского, княжны Евфросинии Полоцкой, митрополитов Петра, Алексия, Ионы, Сказание о чудесах иконы Владимирской Богоматери и др.[13] Единственное житие в

[12] Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. Т. 1 / Подг. С. М. Каштанов, Л. В. Столярова при участии Б. Л. Фонкича. М., 2004. С. 222.

[13] *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 444—465.

составе Степенной книги, героем которого был не князь и не митрополит, — это житие учителя и духовного наставника Андрея преподобного Даниила Переславского. Изложение событий в Степенной книге доведено до 1559 г., но работы над текстом продолжались до 1563 г. В конце этого года умер глава Русской церкви митрополит Макарий, а в феврале 1564 г. новым митрополитом стал автор Степенной книги Андрей, принявший незадолго до этого монашеский постриг с именем Афанасий. Через два года, в 1566 г., не смирившись с начавшейся опричниной, митрополит Афанасий покинул кафедру и удалился в Чудов монастырь. Последующие годы он стилистически редактировал текст Степенной книги, но повествование так и не довел до времени опричнины[14]. В Степенной книге на историческом материале обосновано представление о русских как избранном народе — «Новом Израиле», которому принадлежит выдающаяся роль в финале мировой истории[15].

Последним крупным историческим сочинением XVI в. стал Лицевой летописный свод. Он был составлен в 1570-е гг. Работы проводились в опричной столице Ивана IV — в Александровской слободе[16]. Главная идея Лицевого свода состояла в создании иллюстрированной истории мира, в которой главное место занимало бы Российское государство. Вероятно, такая мысль пришла в голову московским идеологам после знакомства с изданной в 1493 г. в Нюрнберге на латинском и немецком языках Всемирной иллюстрированной хроникой Гартмана Шеделя. Лицевой свод по объему превосходит Хронику Шеделя в несколько раз. В настоящее время известно десять томов Лицевого свода[17], которые включают более 16 тысяч миниатюр — и это при том, что сохранилось всего 70 % изначального объема. Источниками Лицевого свода стали тексты Геннадиевской Библии, Хронографа, Никоновской и Воскресенской летописей, Степенной книги, «Летописца начала царства» и др. Последние тома Лицевого свода, где описываются события царствования Ивана IV, в нескольких случаях имеют следы замены листов и исправлений текста. Так редактировалась история современности в зависимости от политической конъюнктуры. Предположение, что автором правки был сам Иван IV, представляется недоказанным[18].

Тексты Лицевого свода написаны каллиграфическими почерками профессиональных книжных писцов, но не текст был главным в этом произведении. Основное внимание создателей Лицевого свода было обращено на иллюстрации. Миниатюра, как правило, занимала бóльшую часть страницы. Текст воспринимался скорее как подпись к иллюстрации. В свою очередь художник-миниатюрист буквально иллюстрировал текст. Оценивая Лицевой свод как памятник исторической мысли, следует

---

[14] *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 119—120.

[15] *Флоря Б. Н.* Крещение Руси в русских исторических текстах XVI в. // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: Люди, время и пространство русской истории: К 70-летию профессора Н. С. Борисова. СПб., 2020. С. 220—222.

[16] *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 184—223.

[17] Приведем их названия и шифры: Музейский сборник (ГИМ. Муз. собр. № 358), Хронограф БАН (БАН. 17.17.9), Хронограф РНБ (РНБ. F.IV.151); Голицынский том (РНБ. F.IV.225); Лаптевский том (РНБ. F.IV.233), два тома Древнего летописца (БАН. 31.7.30. Т. 1—2), Шумиловский том (РНБ. F.IV.232), Синодальный том (ГИМ. Синод. собр. № 962), Царственная книга (ГИМ. Синод. собр. № 149).

[18] *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым рукописям его времени // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 268—282; *Он же.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 291—292.

признать, что это был шаг назад по сравнению не только со Степенной книгой, но даже с Никоновской летописью. Большой объем работ и, видимо, крайне сжатые сроки не позволяли ни книжникам, ни художникам работать с материалом вдумчиво и тщательно. Лицевой свод создавался в единственном экземпляре и явно был предназначен для презентационных целей. Видимо, не предполагалось, что его текст будут внимательно читать, а миниатюры — тщательно рассматривать. Есть данные, что работа над завершением Лицевого свода проводилась в царствование Федора Иванновича.

Столичные исторические сочинения в XVI в. прошли путь от традиционных средневековых форм и жанров к экспериментам и поискам под влиянием иностранных образцов. Деятельно шел поиск нового формата исторического повествования, удовлетворявшего задачам формирующейся идеологии царства. В провинции же продолжал развиваться традиционный летописный жанр. Так, в XVI в. летописная традиция сохранялась в Новгороде[19] и Пскове[20]. Летописание также велось в Устюге[21], Вологде[22] и других городах и крупных монастырях: Соловецком[23], Кирилло-Белозерском[24], Иосифо-Волоколамском[25], Троице-Сергиевом[26] и др.[27] Но это были уже явно провинциальные летописи, почти не повлиявшие на дальнейшее развитие исторического повествования в России.

Литературная традиция XVI в. включает в себя как традиционные для Средневековья жанры, так и новые формы литературного творчества. К средневековому наследию в русской литературе XVI в. следует отнести прежде всего традицию агиографии (житийной литературы) и эпистолографии (посланий).

До середины XV в. Русская церковь в составе Киевской митрополии подчинялась константинопольскому патриарху. Независимость от Константинополя, так называемая автокефалия Русской церкви, провозглашенная в середине XV в. при митрополите Ионе, позволила многие вопросы церковного устроения решать самостоятельно. И важнейшим среди них был вопрос о канонизации святых. К началу XVI в. проблема почитания святых стояла чрезвычайно остро. Во второй половине

---

[19] *Новикова О. Л.* Новгородские летописи начала XVI века: Текстологическое исследование // Новгородский исторический сборник. № 9 (19). СПб., 2003. С. 221—244; *Она же.* Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 3—40.

[20] *Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 255—294.

[21] *Сербина К. Н.* Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985.

[22] *Лурье Я. С.* Летопись Вологодско-Пермская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 37—39.

[23] *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. С. 223—229; *Панченко О. В.* Памятники летописания Соловецкого монастыря. Статья 1: Соловецкие летописцы XVI в. // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 262—277.

[24] *Новикова О. Л.* Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в. // Летописи и хроники: Новые исследования: 2008. М.; СПб., 2008. С. 172—234.

[25] *Клосс Б. М.* Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV — первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. 6. С. 107—125.

[26] *Насонов А. Н.* Русское летописание XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 381—389, 402—407.

[27] До нас дошли и частные летописцы XVI в. Самым ярким и самобытным из них является Постниковский летописец середины XVI в., написанный великокняжеским дьяком Постником Губиным и содержащий целый ряд уникальных известий (*Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 112).

XV в. было написано несколько служб и житий отдельным русским святым. Специально приглашенный с Афона сербский книжник Пахомий Логофет создал около десяти образцовых агиографических текстов. Но сам процесс официальной канонизации разработан не был. К этому подошли только во второй четверти XVI в. На церковных соборах 1547 и 1549 гг. было канонизировано около сорока русских святых[28]. Но главное, что с этого времени утвердился порядок канонизации, для которой обязательным условием являлось наличие жития и службы новому святому. Это обстоятельство существенно активизировало агиографическую деятельность, центрами которой в XVI в. оставались крупные монастыри и епископские кафедры. Высказывалось мнение, что агиографы XVI в. выполняли некую программу, разработанную митрополитом Макарием, и что их даже можно считать единым творческим коллективом, рассредоточенным по разным городам[29]. Оснований для такого предположения не имеется. Жития русских святых, написанные в XVI в., имеют ярко выраженные региональные особенности. Очевидно, что главным стимулом для их написания была возможность официальной канонизации местночтимых чудотворцев, что косвенным образом способствовало и благосостоянию обители. В XVI в. были написаны десятки агиографических сочинений. Это и жития святых, и сказания о чудотворных иконах. При всей разнообразности обстоятельств создания каждого агиографического произведения можно выделить общие черты, которые характеризуют русскую агиографию XVI в.

Прежде всего следует сказать о житиях, написанных по заказу. В тех случаях, когда не оказывалось местных писателей-агиографов, церковные власти обращались к лицам посторонним. Такая практика была известна еще в XV в. Именно так работал Пахомий Логофет. В 1503 г. власти Соловецкого монастыря обратились к проживавшему в заключении в Ферапонтове монастыре бывшему литовскому митрополиту Спиридону-Савве с просьбой написать житие основателей монастыря Зосимы и Савватия Соловецких. Несмотря на преклонный возраст и положение заключенного, Спиридон-Савва этот заказ выполнил, написав вполне каноничное житие соловецких чудотворцев[30].

В Муроме к середине XVI в. сложилось почитание древних муромских князей, о которых хотя и не сохранилось достоверных свидетельств, но имелись весьма поэтические народные предания. Особое внимание к муромским святым в середине XVI в. объясняется неоднократными посещениями Мурома царем Иваном IV в процессе казанских походов[31]. Муром был одним из важных пунктов движения русского войска к Казани. Внимание царя и его окружения к муромским святыням было использовано местным духовенством. В относительно короткое время удалось создать жития муромских князей Константина с сыновьями, Петра и Февронии. Для написания послед-

[28] *Мусин А. Е.* Соборы митрополита Макария 1547—1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век / Отв. ред. А. Л. Баталов. СПб., 2003. С. 147—152; *Макарий (Веретенников), архим.* Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // Русская художественная культура XV—XVI веков: Материалы и исследования. Т. 1. М., 1998. С. 5—6.

[29] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 71—91; *Макарий (Веретенников), архим.* Школа всероссийского митрополита Макария // Московская духовная академия: 300 лет (1685—1985): Богословские труды: Юбилейный сборник. М., 1986. С. 331—336.

[30] *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси: XI—XVI века: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 220—225.

[31] Повесть о Петре и Февронии / Подг. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой; отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1979. С. 145.

него жития пригласили известного книжника Ермолая-Еразма, который воспроизвел народные предания о легендарных святых. В результате получилось не совсем житие, а скорее Повесть о Петре и Февронии Муромских. В Повести фигурирует змей, прилетавший по ночам к муромской княгине и принимавший облик ее мужа, а также юная ведунья Феврония, ставшая женой другого муромского князя — Петра. Повесть наполнена фольклорными мотивами и даже языческой символикой. Ермолай-Еразм воспользовался местными преданиями и создал яркое и талантливое литературное произведение, мало похожее на каноничное житие. Однако это обстоятельство не помешало официальной канонизации Петра и Февронии Муромских[32].

Около 1530 г. по заказу новгородского архиепископа Макария московский книжник В. М. Тучков написал житие новгородского юродивого Михаила Клопского. Агиограф явно был ограничен во времени и нетвердо знал новгородские реалии. Рассказывая об обстоятельствах жизни своего героя, он путается в топонимике, неверно сообщает отдельные подробности его жизни. В результате нам так и остается неизвестной реальная биография Михаила Клопского — выдающегося церковного деятеля XV в.[33]

Еще один характерный случай написания жития по заказу имел место в Троицком Махрищском монастыре, расположенном в непосредственной близости к царской резиденции Александровской слободе. Регулярные посещения монастыря Иваном IV в 1550-е гг., сопровождаемые богатыми вкладами, подтолкнули игумена Варлаама к подготовке канонизации жившего в XIV в. основателя монастыря Стефана Махрищского. Варлаам собрал известия о жизни Стефана и передал их игумену московского Данилова монастыря Иоасафу, который был известен как искусный агиограф. Иоасаф написал Житие Стефана Махрищского, воспользовавшись в качестве образца Житиями Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. Через несколько лет Варлаам был назначен главой комиссии по обследованию двух обнаруженных захоронений на берегу реки Авнеги в Вологодском уезде. По представленным Варлаамом свидетельствам, которые опирались на чудесные виде́ния неизвестных святых местным жителям, тот же игумен Иоасаф написал Сказание о Григории и Кассиане Авнежских. Согласно этому агиографическому произведению получалось, что неизвестные погребения принадлежат ученикам святого Стефана Махрищского Григорию и Кассиану. Очевидно, что такая атрибуция является плодом вымысла руководителя комиссии игумена Варлаама, а агиограф облек в каноническую литературную форму присланные ему Варлаамом материалы[34].

В некоторых городах появлялись свои писатели-агиографы, плоды их трудов оказывались весьма востребованы. Так, жития псковских святых написал или отредактировал монах псковского Крыпецкого монастыря Василий-Варлаам. Написанные им жития князей Всеволода-Гавриила, Александра Невского, преподобных Саввы Крыпецкого, Ефросина Псковского, Георгия Нового, новгородского архиепископа Нифонта, Исидора Юрьевского не отличаются литературными достоинствами. Они созданы по одной схеме, но не содержат не-

[32] *Каравашкин А. В.* Литературный обычай Древней Руси (XI—XVI вв.). М., 2011. С. 461—484.

[33] *Турилов А. А.* К биографии и генеалогии Михаила Клопского // Средневековая Русь. Вып. 6: К 75-летию академика Л. В. Милова. М., 2006. С. 178—209.

[34] Взгляд на жития Стефана Махрищского, Кассиана и Григория Авнежских как на достоверные источники не выдерживает критики. См.: *Кузьмина М. К.* Малоизвестные севернорусские жития XV—XVII вв. М., 2018. С. 526—533.

достоверных известий или вымышленных фактов[35]. Сходную работу по составлению житий суздальских святых провел монах суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Григорий. Написанные им жития Косьмы Яхромского, епископа Суздальского Иоанна, отредактированное житие Евфимия Суздальского представляют собой изложенные в агиографическом ключе биографии этих святых[36]. Подобные местные писатели-агиографы работали и в других городах: Ярославле (монах Спасо-Преображенского монастыря Антоний), Владимире (монах Рождественского монастыря Михаил) и др. Постепенно формировался стиль агиографического повествования. За образец, как правило, брали жития, написанные Пахомием Логофетом. Однако литературный стиль произведений XVI в. отличался большей многоречивостью и декоративностью. В XVI в. был доведен до совершенства так называемый стиль «плетения словес». Основной литературный прием состоял в нанизывании синонимов для обозначения какого-либо явления и эпитетов для его характеристики. В результате получалось торжественное, но малоинформативное повествование. Церемониальность и торжественность были главными его характеристиками.

Помимо житий святых, в XVI в. деятельно составляли сказания и повести о святынях, как правило, о чудотворных иконах[37]. В первой половине XVI в. большое значение приобрела икона Тихвинской Богоматери, на месте явления которой по распоряжению Василия III в 1515 г. был построен великолепный каменный собор, положивший начало Тихвинскому Успенскому монастырю и городу Тихвину. Сюда в 1526 г. приезжал Василий III с женой Соломонией Сабуровой для молитвы о даровании наследника. В первой половине XVI в. был составлен текст Сказания о Тихвинской иконе Богоматери, рассказывающий о чудесном троекратном явлении иконы в Новгородской земле[38]. В середине XVI в. было составлено пространное Сказание о Владимирской иконе Богоматери, включившее в себя более ранние тексты о чудесах от этой знаменитой иконы — палладиума Московского государства[39]. Тогда же появились Сказания об иконах Оковецкой, Выдропусской и др. Жанр Сказания о чудотворной иконе становился все более популярным. Сказания об иконах в сокращенном виде включали в исторические произведения, в четьи минеи, в рукописные сборники. В конце XVI в. было создано Сказание о Казанской иконе Богоматери. Считается, что к его написанию имел отношение будущий патриарх Гермоген. Он был священником в Казани, когда в 1579 г., после большого пожара на пепелище, была чудесно обретена икона Богоматери, позднее получившая наименование Казанской и в XVII в. ставшая одной из самых почитаемых святынь Российского государства[40].

---

[35] *Дмитриева Р. П.* Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. М., 1988. С. 112—116; *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв.: Исследование и тексты. Т. 1: Жития Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта; Т. 2: Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. СПб., 2007.

[36] *Клосс Б. М.* Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 351—408.

[37] *Конявская Е. Л.* Древнерусские сказания о чудотворных иконах: Особенности нарратива // Нарративные традиции славянских литератур: От Средневековья к Новому времени. Новосибирск, 2014. С. 54—58.

[38] *Кириллин В. М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия»: Литературная история памятника до XVII века: Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи: Тексты. М., 2007. С. 31, 202—220.

[39] *Гребенюк В. П.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997.

[40] *Чугреева Н. Н.* О явленном в 1579 году в Казани образе Богородицы, ранних списках с него и позднейших воспроизведениях // Чудотворный Казанский образ Богородицы в судьбах России и мировой цивилизации. Казань, 2016. С. 184—186.

Параллельно с деятельностью по канонизации русских святых и прославлению чудотворных икон начался процесс собирания агиографических текстов. Его инициировал новгородский архиепископ Макарий в 1530-е гг. Кафедра новгородских архиереев традиционно играла роль крупного центра книжности и литературы. В конце XV в. в окружении новгородского архиепископа Геннадия Гонзова был осуществлен сбор канонических книг славянской Библии. Ставший в 1526 г. новгородским архиепископом постриженнник подмосковного Пафнутьева Боровского монастыря Макарий приступил к сбору агиографических текстов и составлению Великих Миней Четьих[41]. Всего было создано три двенадцатитомных комплекта, получивших названия Софийский, Успенский и Царский. Самым ранним является Софийский комплект, его писали в Новгороде с 1529/30 г. на протяжении двенадцати лет, после чего этот комплект Макарием был вложен в новгородский Софийский собор. На основе Софийского комплекта с добавлениями вновь отысканных житий и памятников церковно-учительной литературы, тоже в Новгороде, создали Успенский комплект, который Макарий, став в 1542 г. московским митрополитом, увез в Москву и вложил в московский Успенский собор. Видимо, уже в Москве на основе Успенского комплекта завершали работу над предназначавшимся Ивану IV Царским комплектом[42]. На нижнем поле листов Успенского комплекта сохранились указания, сколько листов какой новгородский церковнослужитель должен был переписать. Из этой информации становится понятным, что архиепископ Макарий для переписки томов Великих Миней Четьих рекрутировал десятки подведомственных ему священников и дьяконов новгородских церквей. Каждый из них, находясь при своей церкви, выполнял урок по переписке назначенного ему количества листов. В одной рукописи середины XVI в., не связанной напрямую с Великими Минеями Четьями, содержится запись писца новгородца Мокия, который рассказал о том, как работал над рукописью. Мокия вызвал протодьякон Софийского собора и по указанию архиепископа дал задание переписать рукописный сборник. Мокий, который жил в доме своего брата, принялся за работу. Вскоре в Новгороде случился пожар, и дом сгорел. Работать стало негде, о чем Мокий доложил протодьякону. Тот обратился к новгородскому меценату, купцу Гостиной сотни Федору Сыркову, который в то время был занят обустройством на свои средства пригородного Сыркова монастыря. Сырков разрешил Мокию проживать в Сыркове монастыре, чтобы закончить работу над рукописью[43]. Этот сюжет показывает, насколько хорошо была организована деятельность новгородских книжников во время архиепископства Макария. Ее результатом стали Великие Минеи Четьи, по объему собранного агиографического материала не имевшие равных в российской традиции XVI в.

Другим традиционным для Средневековья жанром, получившим развитие в XVI в., явилась эпистолография. Традиционно с посланиями выступали церковные иерархи, адресуя их своей пастве. Таких посланий немало знает как византийская литература, так и древнерусская. Отдельные церковные иерархи и в XVI в. выступали с посланиями. Таковы митрополиты Даниил и Макарий, новгородский архиепи-

[41] Традиция составления четьих миней (от греч. μηναῖον — «месячный»), включающих тексты для чтения на каждый день в течение месяца, преимущественно агиографического содержания, пришла из Византии. Проект архиепископа Макария отличался от предшествующих объемом собираемых текстов, поэтому собранные им минеи получили название Великих Миней Четьих.

[42] *Кучкин В. А.* О формировании Великих Миней Четиих митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86—101.

[43] Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 546—549, 634.

скоп Феодосий и др. Их послания касаются по преимуществу церковных дел и вполне традиционны по своей схеме. Но даже в них подчас дают о себе знать новые задачи, стоявшие перед литературой в XVI в. Так, одним из выразительных средств в посланиях митрополита Даниила становится обращение к просторечью. Это происходит не от необразованности автора, а представляет собой осознанный художественный прием[44]. Наряду с архипастырскими посланиями в традиции XVI в. появляются послания, посвященные вполне светским вопросам, публицистически заостренные и рассчитанные на широкую, не только церковную, аудиторию. Послание в XVI в. становится жанром публицистики. Одним из первых можно считать Послание о Мономаховом венце митрополита Спиридона-Саввы, адресованное предположительно Вассиану Патрикееву и посвященное проблеме происхождения правящей династии и царским инсигниям. В посланиях монаха псковского Елизарова монастыря Филофея дьяку М. Мисюрю-Мунехину излагается новая идеологическая концепция роли Российского государства в мировой истории, получившая название «Москва — третий Рим». Послания, которыми обменивались Иван IV и сбежавший из России в Литву князь А. М. Курбский, представляют собой ожесточенную полемику о сущности проводимых в России реформ. На жанр послания оказывала воздействие и литературная традиция Великого княжества Литовского, литературная деятельность русинов, проживавших на белорусских и украинских землях. Их послания, посвященные религиозной полемике и защите православия, были выдержаны уже в традициях Нового времени. Это были, скорее, письма или публицистические памфлеты.

Популярность жанра послания привела к появлению формулярников — рукописных сборников с различными вариантами посланий. Они только частично наследуют соответствующую византийскую традицию. В действительности их распространение в России XVI в. свидетельствует о востребованности этого жанра представителями разных социальных слоев. Это сближает русские формулярники с традицией западноевропейских письмовников. Первые письмовники появились на Руси в XV в., но распространение получили в XVI в., включая в свой состав все больше русских посланий[45]. Так, жанр средневековой книжности в XVI в. постепенно становится жанром литературы раннего Нового времени.

Военные успехи способствовали развитию жанра воинской повести. До этого времени пространные рассказы о военных походах помещались, как правило, в летописях. Но существовал и особый жанр воинской повести[46], который в XVI в. пытались приспособить к новым задачам идеологии централизованного государства. В начале XVI в. было написано Сказание о Мамаевом побоище, в котором победы русского оружия увязаны с торжеством православия[47]. Самой значительной воинской повестью XVI в. следует считать так называемую Казанскую историю[48]. Это сочинение прославляет победоносный поход на Казань русских войск в 1552 г., в результате которого Казань была захвачена, Казанское ханство в качестве отдельного государственного

---

[44] *Журова Л. И.* «Соборник» митрополита Даниила и культура проповеди в Московской Руси XVI в. (постановка проблемы). С. 41—44.

[45] *Демин А. С.* О литературном значении русских письмовников // Русская литература. 1964. № 4. С. 165—170.

[46] В качестве примеров можно привести Слово о полку Игореве, Сказание о Мамаевом побоище, Задонщину, Повесть о Темир-Аксаке и др.

[47] *Клосс Б. М.* Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. С. 331—346.

[48] Казанская история / Подг. текста Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954.

образования перестало существовать, а его территория была присоединена к Российскому государству. Повествование Казанской истории торжественно и церемониально. Это описание триумфального шествия русского войска, и здесь Казанская история перекликается со Сказанием о Мамаевом побоище, демонстрируя преемственность традиций. Автор Казанской истории хотя и не называет себя, что характерно для средневековой традиции, но рассказывает о своей жизни. Многолетнее рабство попавшего в плен к татарам православного христианина дает моральное право автору прославлять разорение Казани. В его устах кровавый поход на Казань воспринимается как освобождение от многолетнего плена, как торжество православия. Нет уверенности в том, что автор Казанской истории изложил свою действительную биографию. Во всяком случае, он прибегает к автобиографическому очерку как к литературному приему. Казанскую историю едва ли можно считать историческим сочинением. При ее составлении использовались дошедшие до автора свидетельства очевидцев, но в ее тексте присутствуют фактические ошибки, реальные события соседствуют с изложением легенд. Иными словами, здесь мы имеем дело уже с литературным произведением. Возможно, этим обстоятельством объясняется и большая популярность Казанской истории в XVII—XVIII вв.

Победы в начале Ливонской войны вызвали составление около 1560 г. Повести о Николе Заразском, в которой идет речь о событиях XIII в., в том числе о татаро-монгольском нашествии, но главной является идея сохранения святыни — происходящей из Корсуня иконы Николая Мирликийского, обретшей особое почитание в первые годы Ливонской войны (осквернение двух икон, в том числе образа Николы, стало поводом к Ливонской войне)[49].

В конце XVI в. в связи с постигшими страну социальными потрясениями в литературе появляются черты публицистичности. Эта особенность станет ярко выраженной в первой половине XVII в., в повестях и сказаниях о Смутном времени. Но уже в конце XVI в. такие черты проявились в «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков», в которой псковский книжник Василий эмоционально и непосредственно описал осаду Пскова в 1582 г.[50]

Для развития русской книжности в XVI в. важную роль сыграло творчество известного богослова Максима Грека. Еще до принятия монашества с именем Максим молодой греческий аристократ Михаил Триволис входил в окружение знаменитого католического проповедника Савонаролы и не менее известного венецианского гуманиста и издателя Альда Мануция[51]. Приехав в 1518 г. в Россию уже православным афонским монахом, он должен был заниматься не литературным творчеством, а переводом на церковнославянский язык богослужебных книг. Однако из-под его пера выходили разные тексты, в том числе посвященные политике, богословию, описанию разных стран. После осуждения на церковном соборе 1530 г. Максим Грек прожил еще четверть века, переходя из одного места заключения в другое. После его смерти остались самые разные написанные им тексты, и уже во второй половине XVI в. их объединяли в сборники, ценя даже небольшие литературные наброски, имевшие явно незавершенный характер[52]. Творчество Максима Грека

[49] *Клосс Б. М.* Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. С. 411—456.

[50] Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1952.

[51] *Клибанов А. И.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека // Византийский временник. М., 1958. Т. XIV. С. 148—164.

[52] *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 161—219; *Преподобный Максим Грек.* Сочинения: В 2 т. М., 2008—2014; *Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции. Ч. 2. Новосибирск, 2011.

демонстрировало российскому читателю личность писателя как создателя литературных текстов.

Таким образом, литературная традиция в России XVI в., безусловно, опиралась на древнерусскую книжность, на свойственные ей средневековые жанры. Но в отдельных случаях в средневековых по жанру произведениях проявлялись признаки литературы Нового времени. Так, в литературной традиции XVI в. появляется личность автора, развивается публицистика, формируется широкая читательская аудитория.

Но даже оставаясь в традиционно средневековых формах, русская книжность XVI в. оказывается созвучна тем процессам, которые происходят в общественной жизни других стран Европы. В Западной Европе XVI век называют веком святости. Тогда в связи с движением Реформации появилось большое количество религиозных подвижников, складывалось их церковное прославление, писались их жития. Римские папы неоднократно провозглашали идею собрать все жития в единый компендиум, и такие попытки предпринимались. В России в это время появляются Великие Минеи Четьи. Таким образом, русская культура XVI в. не была в изоляции от культуры европейской, и под ее воздействием зарождалась литература Нового времени. Для русской книжности XVI в. характерно появление объемных историко-литературных сводов. Это летописи Никоновская и Воскресенская, Степенная книга, Лицевой летописный свод, а также Великие Минеи Четьи. Собирание текстов разных региональных традиций знаменует собой формирование единой письменности, что соответствует развитию единого Российского государства в XVI в.

Архитектура Центральной России

Зодчество XVI в. — особая эпоха в истории русской архитектуры, знаменующая ее включение в общеевропейские художественные процессы. Для того чтобы хорошо представлять себе все изменения, которые ждали русскую архитектуру в XVI столетии, следует кратко обрисовать, какими были типичные храмы конца XV в. Они были в основном кирпичные, четырехстолпные, с прямоугольными в сечении столбами, несущими в средокрестии повышенные подпружные арки, на которые посредством парусов опирался световой барабан. Как правило, храмы были одноглавыми, иногда добавлялся барабан над юго-восточным компартиментом — дьяконником, где обычно располагался придел. В 1480-е гг. возводились трехглавые постройки (московские церкви Благовещения на Сенях 1484—1489 гг. и Богоявления на Троицком подворье после 1480 г., собор Иосифо-Волоцкого монастыря 1486 г.). Фасады храмов того времени украшали горизонтальными орнаментальными поясами, включавшими керамическе плитки с растительным орнаментом, а также керамические балясины. Несмотря на некоторые различия в общей композиции и конструкциях перекрытий, все церкви того времени образуют однородную группу и сохраняют во многих отношениях (включая иконографию орнамента) преемственность с храмами эпохи великого князя Василия Дмитриевича. Это объясняется тем, что в средневековой архитектурной культуре определяющей была тенденция к повторению уже существующего прецедента, который воспринимался как часть церковной традиции. Однако при этом мы видим благосклонность к интервенции иных архитектурных форм и новаторскому преобразованию своих особо почитаемых образцов. В 1475—1479 гг. болонский архитектор Аристотель Фиораванти построил по образцу владимирского Успенского собора московский Успенский собор, ставший архитектурным реликварием для мощей святителя Петра и главного почитаемого образа, палладиума Москов-

ского государства — Владимирской иконы Богоматери. Это событие оказало влияние на формирование одного из магистральных направлений в зодчестве всего XVI в. Другим не менее важным событием, повлиявшим на архитектурные процессы этого столетия, стало начало строительства великокняжеского дворца группой итальянских мастеров под руководством миланского архитектора Алоизио да Карезано, прибывших в Москву в 1494 г. Его изучение в течение последних десятилетий в полной мере выявило уникальность этого комплекса, обладавшего всеми характерными чертами парадных итальянских дворцов, не только по своей пространственной структуре, но и декорации фасадов и интерьеров[53]. Несмотря на то что правление великого князя Ивана III закончилось в 1505 г., его замысел перестройки Кремля определил не только облик столицы, но и характер русского зодчества времени великого княжения его сына — Василия III. Он не исчерпывался только созданием дворцового комплекса, занимавшего всю великокняжескую территорию Кремля, но и предполагал перестройку важнейших храмов. Первым в 1501—1503 гг. был перестроен собор Чудова монастыря. По своей внутренней структуре он полностью принадлежит еще концу XV столетия (повышенные подпружные арки, прямоугольные в сечении столбы), но это первый четырехстолпный храм, в котором повторено пятиглавие московского Успенского собора. В его декорации принимали участие итальянские мастера, видимо из числа тех, кто был занят на строительстве дворца. Они привнесли на его фасады керамические фризы и портал с использованием мотивов ренессансных гротесков. Замысел обновления сакрального центра Москвы был воплощен другими мастерами, прибывшими в 1504 г. вместе с венецианским архитектором Алевизом Новым (идентифицируется как Алоизио да Монтаньяна). Алевиз Новый и Бон Фрязин создали церкви, ставшие значимыми образцами, изменившими облик традиционных русских построек и определившими развитие новых типологий. Алевиз Новый построил в 1505—1508 гг. великокняжескую усыпальницу — Архангельский собор и церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору. Кроме принципиально новой, не встречавшейся до Алевиза Нового общей схемы «двухэтажного» ордера на фасадах, был перенесен принцип ордерной декорации интерьера крестовокупольного храма: в случае с Архангельским собором — шестистолпного пятиглавого, а с церквью Рождества Иоанна Предтечи — четырехстолпного одноглавого. Вопреки представлениям начала—середины XX в., Алевиз не был декоратором, соединившим ренессансный фасад со средневековой пространственно-планировочной структурой интерьера. И фасад и интерьер представляли единый организм, соответствующий облику венецианского крестовокупольного храма, ставшего характерным для Венеции эпохи Кватроченто благодаря работам Мауро Кодуччи и Пьетро Ломбардо[54]. Эти храмы во многом изменили храмовую архитектуру, адаптировавшую ордерное выражение архитектурной тектоники, привнесенной Алевизом Новым.

Принципиально новой была и композиционная структура главного подколоколенного сооружения державы — церкви Иоанна Лествичника «под колоколы», созданной другим венецианским архитектором, Боном Фрязиным. Последние исследования позволили в полной мере оценить соответствие этого сооружения аналогичным итальянским кампанилам (как построенным, так

[53] *Подъяпольский С. С., Евдокимов Г. С., Рузаева Е. И. и др.* Новые данные о Кремлевском дворце рубежа XV—XVI вв. // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. С. 51—98.

[54] *Подъяпольский С. С.* Венецианские истоки архитектуры московского Архангельского собора // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 252—279.

и описанным в архитектурных трактатах), имеющим в том числе форму восьмигранного столпа и переменную ширину ярусов. Существует обоснованное предположение, что до годуновской надстройки московский храм-колокольня завершался, как и многие итальянские кампанилы и коммунальные башни, кирпичным невысоким шатром[55]. В 1508 г. было завершено сооружение не только этих трех храмов, но и великокняжеского дворца. Освободившиеся мастера продолжили строительство как в Москве на посаде, так и за пределами столицы. Тип шестистолпного пятиглавого собора с ордерной декорацией интерьера был перенесен не только в городское соборное, но и монастырское строительство. После 1508 г. были выстроены шестистолпные пятиглавые соборы в Ростове Великом (Успения Богородицы), в новгородском Хутынском монастыре (Преображения Господня) в 1515 г. и в Успенском Тихвинском монастыре (Успения Богородицы, освящен в 1515 г., «а мастер Фрязин с Москвы»). В этот же период в удельной столице брата Василия III, дмитровского князя Юрия Ивановича, был построен четырехстолпный Успенский собор, где в редуцированной форме были повторены особенности архитектурного облика московского Архангельского собора. Можно лишь предполагать, кто из итальянских мастеров мог участвовать в их строительстве. В самой Москве с 1514 по 1519 г. Алевизом Фрязиным (по В. П. Выголову и С. С. Подъяпольскому — Алоизио да Каре-зано[56]) было построено одиннадцать храмов на посаде и в монастырях. Известен облик нескольких из них — церкви Благовещения на Старом Ваганькове 1514—1516 гг., Петра Митрополита в Высоко-Петровском монастыре (в плане имеющая октаконх) и Великомученицы Варвары на Варварке (в плане тетраконх). Вероятно, в этот список должна быть внесена и церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Ивановском монастыре под Бором (на Кулишках) в Москве (четверик, завершенный фронтонами с тремя притворами с шипцовыми завершениями), выстроенная предположительно в 1510-е гг. итальянцем. Все эти церкви так или иначе связаны с идеей создания целостного центрического внутреннего пространства. С деятельностью итальянских мастеров может быть связано и появление бесстолпных храмов, перекрытых крещатым сводом (церковь Рождества Христова в Юркине, храм Илии Пророка на Новгородском подворье в Москве 1519—1520 гг. и, вероятно, церковь Благовещения на Старом Ваганькове). Предполагают, что различные варианты центрических храмов, созданных Алевизом Фрязиным в Москве, затем были повторены в строительстве за ее пределами. Также тип столпообразной подколоколенной постройки, созданный Боном Фрязиным, нашел дальнейшее развитие в различных его вариантах (Николо-Пешношский монастырь — церковь-колокольня, окруженная двухъярусной октагональной в плане галереей; круглая в плане церковь Архангела Гавриила в Коломенском; восьмигранные столпообразные церкви в суздальском Покровском монастыре, Иосифо-Волоцком и т. д.)[57].

[55] *Петров Д. А.* Проблемы реконструкции первоначального облика и место в истории архитектуры // Свод памятников архитектуры Московского Кремля. Т. 1: Колокольня «Иван Великий» и соборные звонницы / Под общ. ред. А. Л. Баталова. М., 2015. С. 26—51.

[56] *Подъяпольский С. С.* О деятельности Алевиза Нового в России // Древнерусское искусство: Проблемы атрибуции / Отв. ред. и сост. О. И. Подобедова. М., 1993. С. 170—193; *Выголов В. П.* К вопросу о постройках и личности Алевиза Фрязина // Древнерусское искусство: Исследования и атрибуции / Отв. ред. Л. И. Лифшиц. СПб., 1997. С. 234—245.

[57] *Ратомская Ю. В.* К вопросу о прототипах русских столпообразных храмов 1520—1530-х годов // Московский Кремль XV столетия. Т. 2: Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля: 500 лет / Отв. ред. А. Л. Баталов, И. А. Воротникова. М., 2011. С. 292—299.

Кульминацией в итальянском строительстве центрических храмов в России стало создание шатрового типа храма, нашедшего первое и непревзойденное воплощение в церкви Вознесения Господня в Коломенском. Церковь Вознесения в Коломенском в действительности не имела прецедентов в русской архитектуре, и ее архитектурные формы связаны с широким кругом шатровых романских и готических сооружений Италии и особенно с кругом романских построек Пизы, повторяющих образ главного шатрового храма христианского мира — ротонды над Гробом Господним[58].

Созданные итальянцами варианты перекрытий бесстолпных сооружений (в виде купола, крещатого свода или шатра) подчеркивали центричность и единство интерьера. Они полностью соответствовали главным устремлениям любого итальянского архитектора эпохи Возрождения по созданию единого, легко читаемого центрического пространства. Каждая из этих построек была индивидуальным произведением, не имеющим прямых аналогов в архитектуре итальянского Ренессанса, что в полной мере соответствует ее творческим принципам: стремлению к постоянному поиску новых форм, демонстрации комбинаторного мышления, способного интерпретировать формы различных эпох, создавая на их основе новые композиции и мотивы[59].

За пределами деятельности итальянских мастеров сохраняются традиционные для русского Средневековья творческие методы, основанные на прецеденте. Так, в монастырском строительстве продолжает существование типология трехглавых храмов на подклете (соборы ярославского Спасо-Преображенского (1506—1515/16 или 1514—1516) и суздальского Покровского (1510—1513) монастырей). При этом по особенностям архитектурного облика некоторые подобные сооружения полностью вписываются в общей контекст итальянизации архитектурного декора. Такие постройки, как собор Борисоглебского монастыря (1522—1524), собор переславского Данилова монастыря (1530—1532), показывают адаптацию итальянских новаций в традиционном строительстве четырехстолпных одноглавых монастырских церквей. Крестовые своды, возведенные, как в московском Успенском соборе, на одной высоте, форма крещатых столбов и элементы ордерной декорации интерьеров, граненая форма апсид говорят о широко распространившемся влиянии итальянских построек Москвы.

Отдаленный от центра столичных архитектурных событий мир заволжских монастырей также реагирует на сложение новых типологий, сохраняя при этом традицию, установившуюся здесь в конце XV столетия. Пример — трапезная Кирилло-Белозерского монастыря с теплой церковью Введения Богородицы 1519 г., строители которой пытались создать ее восьмигранный объем — определенный парафраз центрических храмов. В то же время в регионе сохраняется традиционный тип подколокольного храмового сооружения, известный во второй половине XV в. по Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря (звонница над сводами храма в основании барабана). В 1530—1534 гг. в Ферапонтовом монастыре возводят трапезную с церковью Благовещения Богородицы, над сводами которой устроена звонница и пролеты которой обрамлены килевидными архивольтами, сохраняющими облик храма с закомарами. Традиционализм монастырского

[58] *Баталов А. Л.* О происхождении шатра в русском каменном зодчестве XVI в. // Древнерусское искусство: Идея и образ: Опыт изучения византийского и древнерусского искусства / Отв. ред. А. Л. Баталов, Э. С. Смирнова. М., 2009. С. 55—74; *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Церковь Вознесения в Коломенском: Архитектура, археология, история. М., 2013.

[59] *Баталов А. Л.* Ренессансная креативность в русской архитектуре — интерпретация последствий // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 3 / Под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2006. С. 215—229.

строительства в Заволжье обеспечивает сохранение традиционных орнаментальных поясов и общих композиционных приемов (покрытие по многоярусным кокошникам) конца XV в. в постройках начала 1530-х гг., облик которых полностью определен столичными тенденциями (построенные на великокняжеский вклад в Кирилло-Белозерском монастыре церкви Иоанна Предтечи и Архангела Гавриила[60]).

Вызов итальянских мастеров, их постоянный поиск, был связан не только с созданием новой храмовой и дворцовой архитектуры, но прежде всего с возведением крепостных укреплений. Осуществление этой программы началось со строительства стен самого Кремля, которое вели разные группы итальянских мастеров на протяжении десятилетий, а продолжилось сооружением каменных и деревоземляных крепостей с их участием: в южном направлении от Москвы — Тула (1514—1520), Коломна (1524/25—1530/31), Зарайск (1528—1531), Нижний Новгород (1508/09, Петр Френчюшко Фрязин); на северо-западном — Великий Новгород (1484—1499), Ивангород (1492—1498/99, 1507—1509, Маркус Грек), Псков (1516/17, восстановление части стен, Иван Фрязин); на западном — Дорогобуж (1508/09, Мастробан и мастер Варфоломей) и т. д. Уже после смерти Василия III эта программа получила продолжение в строительстве сначала земляных, а затем каменных укреплений московского посада — Китай-города, созданного последним «большим» итальянским архитектором Василия III Петроком Малым.

Этот блестящий период в истории русской архитектуры, связанный с формированием архитектурного языка, основанного на ордерных формах, со сложением новых типологий, с трансформацией традиционных композиционных структур под влиянием внешних импульсов, завершился во второй половине 1530-х гг. в связи с прекращением деятельности итальянских мастеров, трудностями их попадания на Русь, а также сокращением государственного заказа в строительстве. В то же время благодаря политике правительства Елены Глинской, а затем правительства при великом князе Иване Васильевиче в отношении монастырей, выдачи им льготных грамот в середине 1530-х — конце 1540-х гг. начинается широкомасштабное монастырское строительство. Кирпичные соборы и трапезные комплексы строятся в заволжских монастырях, в приписных монастырях богатейшей киновии того времени — Троице-Сергиева монастыря, в почитаемых обителях Москвы, монастырях Волоцкого, Тверского, Дмитровского уездов и других обителях. В монастырском строительстве тех лет формируется своеобразный архитектурный контекст. С одной стороны, при отсутствии внешнего импульса, т. е. без итальянских мастеров, восстанавливается традиционный характер формообразования и происходит возврат к архитектурному языку, сложившемуся к концу XV столетия, развитие которого было прервано архитектурной интервенцией Ренессанса. С другой стороны, происходит адаптация и перефразирование итальянских черт в архитектуре предшествующего времени. В результате пересечения этих двух противоположных тенденций создаются принципиально новые композиции. Так, например, в Спасо-Прилуцком монастыре в 1537—1541/42 гг. возводят, вероятно, первый в Вологодско-Белозерском крае пятиглавый собор. Впервые эта композиция завершения, сформировавшаяся в итальянских московских постройках, возможно, соединяется с традиционным для этого региона покрытием многорядными кокошниками.

В этот период начинает в полной мере работать средневековый механизм формо-

[60] Подробнее см.: *Подъяпольский С. С.* К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. // Подъяпольский С. С. Историко-архитектурные исследования: Статьи и материалы. М., 2006. С. 124—154.

образования, связанный с ориентацией на местные, ранее построенные и почитаемые храмы. Так, при строительстве церкви Введения в Пятницком Подольном монастыре (1546/47) в качестве образца указывается Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря, к которому эта обитель была приписана. Формы архитектуры храма второй половины XV в. повторяются в кирпиче достаточно точно. Характерный для второй половины XV столетия растительный орнамент терракотовых плит во фризе заменяется плитками с перефразированными элементами ренессансного гротеска начала XVI в.

Датированные московские храмы того времени (Успенский собор Симонова монастыря 1546—1549 гг.[61] и Смоленский собор Новодевичьего 1546—1550, начало 1550-х гг.[62]) показывают высокий уровень владения ордерными формами, их пластической проработки, а также сохранения принципов ордерной декорации интерьера. Этим же критериям соответствует и недатированный собор московского Рождественского монастыря. Адаптация ордерной декорации интерьера характерна и для группы недатированных храмов за пределами Москвы (собор дмитровского Борисоглебского монастыря, собор Княгинина монастыря), которые могут быть условно отнесены к середине столетия[63]. При этом и в Москве (Успенский собор Симонова монастыря и, возможно, собор Рождественского монастыря), и во Владимирском уезде (соборы Княгинина и Киржачского монастырей), и в Вологодско-Белозерском крае мы видим одну и ту же закономерность: повторение в перефразированном виде традиционного для XV в. покрытия по закомарам и кокошникам. В некоторых случаях (Успенский собор Симонова монастыря) это многорядное покрытие становится полностью декоративным, не связанным с конструкцией повышенных подпружных арок. В основном большинство построек, которые можно с теми или иными основаниями отнести к середине столетия, были одноглавыми, трехглавыми и, разумеется, четырехстолпными. Однако в конце 1540-х гг., когда восстанавливается государственный заказ, в Новодевичьем монастыре возводят шестистолпный на подклете Смоленский собор, увенчанный пятью главами. Этот храм может быть поставлен в начало соборного строительства 1550—1560-х гг. Он показывает, как при восстановлении великокняжеского заказа возобновляется намеченная в 1510-е гг. ориентация на кремлевские соборы. Композиция его фасадов и слитые крестовые своды указывают на Успенский собор Московского Кремля как на образец. При этом повторена ордерная декорация интерьера именно Архангельского собора Московского Кремля. Над сводами галерей были поставлены четыре практически симметричных придела, посвященных святым, празднуемым в дни осады Смоленска (1514) и его капитуляции.

В 1547 г. правительство решает вернуться к практике привлечения западноевропейских специалистов. Изучение разрозненных исторических данных, а также анализ архитектурных форм приводят к выводу, что на службе Ивана IV находились выходцы из разных земель Священной Римской империи, Речи Посполитой и Англии[64]. Это

---

[61] *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 51—52.

[62] *Подъяпольский С. С.* О времени возведения Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Подъяпольский С. С. Историко-архитектурные исследования: Статьи и материалы. С. 111—124; *Баталов А. Л.* К полемике о датировке собора Новодевичьего монастыря в Москве // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции: К 2000-летию христианства. М., 2005. С. 599—620.

[63] *Яганов А. В.* К вопросу о датировке собора Благовещенского Киржачского монастыря // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. С. 130—145.

[64] *Баталов А. Л., Швидковский Д. О.* Английский мастер при дворе Ивана Грозного // Архив архитектуры. Вып. 1. М., 1992. С. 102—109.

во многом определяет характер царского строительства в 1550—1570-е гг.

После Казанской победы доминирующие позиции занимает государственный заказ, и магистральным направлением становится осуществление обетной программы о Казанском взятии. Она включала строительство храмов как в завоеванной Казани, так и в Муроме и Москве. Другое направление в царском строительстве связано с сооружением храмов над «новыми русскими чудотворцами». Оно пересекается с обетным храмоздательством «о Казанском взятии», когда речь идет о чудотворцах, над гробами которых молился Иван IV во время похода на Казань. В этот же период продолжается укрепление границ государства и возведение крепостных укреплений. Восстанавливается и удельное строительство в городах и ктиторских монастырях (князья Старицкие: Борисоглебский собор в Старице, Рождественский собор в Верее и Воскресенский собор в Горицком монастыре; князья Воротынские: Никольский собор в Перемышле, церковь Преображения Господня в монастыре Спас на Угре; князь С. И. Микулинский: собор Михаила Архангела в Микулине городище). Строятся каменные храмы не только в царских загородных владениях (Дьяково, Остров, Александровская слобода[65], Напрудная слобода[66]), но и в вотчинах служилых землевладельцев: Шереметевых (Городня, Прусы), Басмановых (Елизарово) и др. Продолжается активное монастырское строительство.

С конца 1540-х гг. (собор Новодевичьего монастыря) в обетном царском строительстве складывается группа храмов с многочастной композицией, что связано с расширенными молитвенными программами заказчика, находящими воплощение в создании системы посвящений придельных престолов. Важнейшим явлением в архитектуре не только того времени, но и всего столетия стало формирование принципиально нового для русской архитектуры типа центрического многопридельного храма (собор Покрова на Рву, собор Бориса и Глеба в Старице, церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове). Вопреки сложившейся в XIX в. эволюционной теории о поступательном развитии архитектуры, идущем от простых форм к сложным, подобные принципиально новые пространственные структуры, разрывающие связи с предшествующим архитектурным опытом, появляются в результате сочетания уникальной программы заказчика и уникальных мастеров, принадлежащих к другому типу культуры[67]. В соборе Покрова на Рву многопридельность была определена обетной программой, но то, как она была воплощена, позволяет считать этот храм с его новой для Руси планиметрией кульминацией поисков идеального многочастного центрического храма, который находился в центре разработок архитектурной теории итальянского Ренессанса. Продуманность его композиционного построения, строгая иерархия объемов, их пластический язык,

[65] О датировке памятников Александровской слободы временем Ивана IV см.: *Подъяпольский С. С.* О датировке памятников Александровой слободы // Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV — начала XX веков. Т. 2. М., 2002. С. 161—184; *Баталов А. Л.* Памятники Александровской слободы в контексте развития русской архитектуры XVI века // Зубовские чтения. Вып. 3. Владимир, 2005. С. 29—41; *Яганов А. В.* «Новое село Олександровское», «Новая Слобода», или «село Слобода Александровская»? Постановка вопросов для историко-топографического исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2018. С. 190—202.

[66] *Подъяпольский С. С.* О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // Российская археология. 2000. № 1. С. 58—60.

[67] *Баталов А. Л.* Идея многопрестольности в московском каменном зодчестве середины — второй половины XVI в. // Русское искусство позднего средневековья: Образ и смысл / Под ред. А. Л. Баталова. М., 1993. С. 103—141.

основанный на готических и ренессансных мотивах, в том числе и распространившихся в европейской архитектуре только в середине XVI в., предполагает авторство архитектора, мыслящего категориями архитектуры итальянского Ренессанса[68]. Собор Покрова на Рву остался уникальным произведением, так же как и развернутая донаторская программа, ставшая его смысловым каркасом. Поэтому его пространственно-планировочная структура не была полностью повторена в других многопридельных центрических постройках, возникших после формирования и осуществления его замысла. За пределами построек круга Покрова на Рву складывается группа сооружений, имеющих традиционную «нерегулярную» композицию. К кубическому объему основного храма «прибавляются» здания приделов так, как это могло бы произойти в процессе исторического развития (соборы Богоявленского Авраамиева и Троицкого Клопского монастырей, церковь Никиты Мученика в Новгороде Великом, Благовещенский собор в Сольвычегодске). Получает продолжение и принцип симметричного размещения приделов на сводах галерей храма традиционного типа (приделы московского Благовещенского собора 1563—1566 гг., собор Соловецкого монастыря, на сводах которого были симметрично поставлены четыре придела).

В 1560-е гг., после окончания грандиозного строительства Покровского собора, мы вновь обнаруживаем след мастеров, использующих готические формы и создающие на их основе новые композиции объемов и декора (церковь девичьего Козьмодемьянского монастыря в Муроме 1564 г., Казначейский корпус Троице-Сергиева монастыря, построенный после пожара 1564 г.). След принципиально другой артели, использующей типичные элементы готического декора, прослеживается в Суздале (трапезная Покровского монастыря).

Свидетельство существования в Москве иностранных специалистов, указанных в списке Ганса Шлитте, можно найти в деятельности керамической мастерской, работы которой при восстановлении после пожара в кремлевском дворце, том же Покровском соборе, соборе Бориса и Глеба в Старице и Успенском соборе Дмитрова свидетельствуют о ее неместном происхождении[69]. Также впервые после северо-итальянских мастеров появляются резчики по белому камню. Орнаментика середины — второй половины столетия основана на готицизированной интерпретации ренессансных гротесков (орнаментальная резьба столбов, колонн капителей и фризов южных помещений Благовещенского собора 1550-х гг.; фрагменты восьмигранных колонн с капителями и орнаментированные белокаменные фрагменты, найденные в конце XIX в. в Тайницком саду; порталы Покровского собора, Троицкой и Успенской церквей в Александровской слободе)[70]. Белокаменная итальянизированная резьба, архитектурная, первые в русской культуре позднего Средневековья керамические иконы сформировали уникальный облик царских построек.

В 1550—1570-е гг. были адаптированы те новые типологии, которые сложились в работах итальянских мастеров в 1510—1530-е гг. Этот процесс, например, сформировал различные варианты шатровых храмов, далеко отошедших от итальянского образца в Коломенском. На композицию этих

[68] Подробнее см.: *Баталов А. Л.* Собор Покрова на Рву: История и иконография архитектуры. М., 2016.

[69] *Евдокимов Г. С., Рузаева Е. И., Яковлев Д. Е.* Архитектурная керамика в декоре московского великокняжеского дворца в середине XVI в. // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. С. 120—129.

[70] *Баталов А. Л.* О датировке белокаменной резьбы на южной паперти и крыльце Благовещенского собора // Царский храм: Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры: Материалы и исследования. Вып. XIX / Сост. И. А. Стерлигова, Л. А. Щенникова. М., 2008. С. 330—354.

храмов значительное влияние оказала Покровская церковь — «срединный» храм собора Покрова на Рву. Декорация перехода от одного объема к другому при помощи многорядных кокошников сочетается с различными вариантами завершения четверика (с ложными закомарами и без них, с прямым карнизом). При этом мы видим значительное разнообразие их вариантов. Строят столпообразные в виде восьмигранного объема, завершенного шатром (возможно, Сергиевская церковь на Троицком подворье в Кремле, трапезная церковь Святителя Алексия в Солотчинском монастыре, церковь Воскресения в Городне в вотчине Шереметевых). В это же время сооружают храмы, напротив, демонстрирующие некоторый компромисс с традиционным кубическим типом. Так, в Брусенском монастыре в Коломне и в селе Прусы, принадлежавшем Шереметевым, построены церкви, чей четверик увенчан шатром без переходного объема в виде восьмерика. Одновременно возводят шатровые храмы, четверик которых завершается ложными закомарами (например, церковь Никиты Мученика в Елизарове).

Строительство Смоленского собора Новодевичьего монастыря стало прологом строительства шестистолпных пятиглавых соборов по образцу московского Успенского собора (Успенский собор Троице-Сергиева монастыря, Софийский собор в Вологде, собор Рождества Христова в Каргополе). Влияние московского Успенского собора заметно и в удельном строительстве. Один из наиболее ярких примеров фрагментарного повторения образца — Успенский собор в Перемышле князей Воротынских, где у четырехстолпного храма повторяется разбивка на прясла боковых стен, как у шестистолпной церкви[71]. Окончательно утверждается в монастырском строительстве тип четырехстолпного пятиглавого храма (соборы переславских Никитского и Федоровского монастырей, суздальского Спасо-Евфимиевского, Рождественского Лужецкого и др.).

Восстановление храмов, сгоревших на посаде во время московских пожаров 1547 г., приводит в 1550—1560-е гг. к распространению бесстолпных храмов с крещатым сводом, укоренившихся затем и в строительстве в загородных вотчинах.

В этот период завершается адаптация и отбор новых итальянских по своему происхождению архитектурных типов и пластических решений, которые были привнесены в архитектуру первой трети XVI в. Создается архитектура Московского царства, прежде всего благодаря программам, имеющим государственное значение. Здесь доминирует образ московского Успенского собора, ставшего символом автокефальной церкви и освящаемого ею нового православного царства. Вместе с тем ренессансная интервенция, создавшая главный обетный храм этого царствования — собор Покрова на Рву, изменила художественный язык эпохи и в не меньшей степени повлияла на характер архитектуры середины — второй половины столетия. Она внесла в зодчество пластическую насыщенность и многочастность центрической композиции и также способствовала распространению и варьированию типа шатрового храма, ставшего еще одним обязательным компонентом этой эпохи[72]. Происхождение и выучка иностранных мастеров, работавших в это время в Москве, придают итальянизирующему архитектурному языку готицизированный характер, что в корне отличает его от «классицизирующей» итальянской «московской» архитектуры начала столетия и является невольным продолжением «готических» опытов Петрока Малого (цер-

[71] *Мосунов Ю. П.* Успенский собор в Перемышле: Исследования и реконструкция // Архитектурное наследство. М., 2006. № 46. С. 51—53.

[72] *Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество: Памятники середины XVI века. М., 1980.

ковь Вознесения в Коломенском и церковь Воскресения в Московском Кремле).

Новая эпоха[73], начавшаяся с воцарением Федора Ивановича, связана с созданием Приказа каменных дел, обеспечивающего консолидацию строительных сил в государстве, унификацию размеров кирпича и белого камня. Острая ситуация с сохранением династии формирует царское обетное строительство «о чадородии». Эта программа включала изготовление драгоценных рак русским чудотворцам, а также строительство храмов над их погребениями, что стало продолжением обетного строительства предшествующего царствования (придел Кирилла Белозерского Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, Рождественский собор Пафнутьево-Боровского монастыря, Троицкий собор Антониево-Сийского монастыря, придел Василия Блаженного собора Покрова на Рву, придел Корнилия Комельского в Корнилиево-Комельском монастыре, Троицкий собор Болдина монастыря). Продолжается храмостроительство в христианизированном при Иване IV Поволжье. В Казани возводятся каменный храм на месте явления Казанской иконы Божией Матери и собор Спасского монастыря. Важнейшей задачей государства, как при Василии III и Елене Глинской, становится укрепление посада столицы и строительство оборонительных сооружений городов, защищавших границы государства. Были воздвигнуты стены Белого города, а в 1591 г. — деревянно-земляные укрепления Скородома, защищающие территорию слобод, находящихся за границами каменных стен. Было осуществлено грандиозное строительство Смоленской крепости, потребовавшее привлечения всех сил страны. Сложившаяся политическая ситуация, приблизившая к престолу клан Годуновых, объясняет их абсолютное доминирование в вотчинном храмостроительстве (в родовом Ипатьевском монастыре, церкви в вотчинах Бориса Годунова — Больших Вяземах, в Хорошове, Борисовом городке, Красном в Костромском уезде; в вотчине Дмитрия Ивановича Годунова — Беседах; церковь Бориса и Глеба на его дворе в Кремле; в селах Ивана Васильевича Годунова — Спас-Михневе, Троице-Лобанове и Покровском). В этот период становится наиболее важной тема харизматической преемственности власти, что делает наиболее значимым образцом архитектурный облик усыпальницы великих князей и царей — московский Архангельский собор. Его формы начинают восприниматься как «знаки царственности», и этим можно объяснить строительство по его образцу Вознесенского собора — усыпальницы великих княгинь и цариц, использование его узнаваемых мотивов в архитектурном облике храмов в дворцовых усадьбах Бориса Годунова (церкви Святой Троицы в Больших Вяземах и Хорошове) и царя Симеона Бекбулатовича (церковь Смоленской иконы Божией Матери в Кушалине). Архитектурный облик более широкого круга построек определен итальянизирующими элементами, распространенными в царском строительстве Ивана IV под воздействием собора Покрова на Рву. Этот период характерен также стремлением к симметрии и упорядоченности трехчастной композиции; пятиглавые четырехстолпные (Троицкий собор Болдина монастыря, Святой Троицы в Вяземах), шатровые (церковь Рождества Христова в Беседах, Богоявления в селе Красном) и бесстолпные с крещатым сводом (Святой Троицы в Хорошове, Троицы в Лобанове, Преображения в Спас-Михневе и др.) получают симметричные приделы с севера и юга.

Избрание на царство Бориса Годунова сформировало архитектурные программы, связанные с утверждением новой династии.

[73] См.: *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века: Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996.

С этим связаны выход за пределы местной традиции и обращение к вселенскому образцу — к храму Гроба Господня, названному в летописи «Святая Святых». Программа утверждения новой династии вызвала замысел надстройки церкви-колокольни Иоанна Лествичника с созданием храмозданной летописи с написанием имен членов царствующего семейства, а также создание аналогичной надписи на барабане псковского Троицкого собора, отливки годуновского Царь-колокола, самого крупного благовестника в истории государства. В этот период завершается строительство самой высокой шатровой церкви, превосходящей по своей высоте церковь Вознесения в Коломенском, — церкви Бориса и Глеба в Борисовом городке. Памятником торжества оружия нового царя, обратившего в бегство крымского хана, стал ансамбль Владычного монастыря.

В стилистическом отношении архитектура конца XVI столетия обладает удивительной цельностью, общностью композиционных решений внутри типологических групп, идентичным характером профилировки — утонченной и рафинированной. По отношению к этой эпохе позволительно говорить о едином русском зодчестве, завершающем долгий путь становления архитектуры Московского царства.

Изобразительное искусство Центральной России

Шестнадцатое столетие оказалось одним из самых плодотворных в истории русской художественной культуры. Между тем изобразительное искусство этого времени сложно назвать хорошо изученным и понятным феноменом. Это объясняется не только существованием многочисленных частных, узкоспециальных проблем, таких как датировка, атрибуция и интерпретация ключевых памятников или история отдельных региональных центров, но и общим отношением к плодам художественной жизни русских земель в XVI в.

С одной стороны, изобразительное искусство этого времени, в отличие от архитектуры, все еще оценивается не слишком высоко. Следуя старой историографической традиции, возводящей на недосягаемый пьедестал памятники XIV—XV вв., многие исследователи и ценители искусства русского Средневековья воспринимают иконы, фрески и миниатюры XVI столетия в качестве вторичного явления, которое и в художественном, и в идейном смысле уступает искусству времен Феофана Грека, Андрея Рублева и Дионисия. С другой стороны, специалисты, более благосклонные к художественной культуре XVI в., часто описывают ее как часть идеологического фасада московской государственности, оставляя в тени и собственно эстетическую сторону дела, и всю сложную систему факторов, определявшую пути развития русского искусства. Тем самым они как бы соглашаются с устоявшимися представлениями о культуре XVI в. как о своего рода «служанке централизованного государства», художественно второстепенной, идеологически ангажированной и представляющей интерес лишь как сумма грандиозных проектов, замысловатых иконографических программ и визуальных высказываний декларативно-полемического характера.

В наше время эти родственные друг другу позиции понемногу превращаются в явление чисто историографического порядка. Становится ясно, что искусство XVI в. не сводится к иллюстрированию официальных московских государственно-церковных идеологем и хорошо известным сюжетным предпочтениям периода Ивана IV и митрополита Макария. Пересмотр некоторых традиционных датировок позволяет думать, что ряд иконографических

новаций, во многом определивших облик эпохи, появился раньше, чем было принято считать. Наконец, на последние десятилетия приходится и постепенная реабилитация этого времени в чисто художественном отношении. К рядовым и выдающимся произведениям эпохи Василия III или Ивана IV все реже предъявляются неуместные требования, сформированные на основе достижений совсем других столетий. Напротив, теперь многие исследователи сознательно или инстинктивно склоняются к тому, чтобы оставить за разнообразными художественными явлениями XVI в. право на соответствие их собственному культурному контексту и духовным нуждам современников, объективно оценить их художественный уровень и признать стилистическую оригинальность, не исключающую активного диалога с искусством других времен и территорий[74]. Сохраняя вполне понятный интерес к элитарному придворному искусству, порой по обычаю преувеличивая его пропагандистскую активность или полемическую заостренность, современная наука в значительной степени уходит от прежнего москвоцентризма, обращая все большее внимание не только на художественную жизнь крупных старых центров — Новгорода и Пскова, но и на богатое наследие периферийных регионов, которое позволяет полнее ощутить как разнообразие локальных вариантов общерусской культуры, так и природу происходивших изменений, отражающих специфику религиозного и эстетического сознания эпохи. Процесс заинтересованного и активного познания художественной жизни России XVI столетия продолжается на наших глазах, отчасти затрудняя воссоздание ее полной картины. Тем не менее ее типологический анализ и примерная периодизация возможны и сейчас.

С определенной точки зрения изобразительное искусство России XVI в. в самом деле может быть описано как искусство единого государства, формирующегося по имперскому типу и живущего в сложном общеевропейском культурном контексте. Оно поглотило разнообразные, некогда более или менее самостоятельные локальные художественные потоки, перемешало их, сосредоточивая носителей разных художественных традиций в столице или в случае необходимости перемещая их в регионы — в том числе на новоприсоединенные территории, приобщаемые к православной вере. Этот процесс во многом нивелировал, но не уничтожил специфику старых областных культур-«материков» (Средней Руси во главе с Москвой, Тверью и Ростовом, Великого Новгорода и Пскова), каждая из которых к началу XVI в. обладала своим собственным набором излюбленных изобразительных средств, складывавшихся в целостную систему — отражение особого художественного мировоззрения. В XVI столетии эти регионы еще сохраняют свое лицо, но различия между ними уже не столь значительны, а границы более проницаемы, чем раньше. Не случайно в интересующее нас время, как, впрочем, и в конце XV в., мы можем обнаружить произведения новгородцев и псковичей в Москве, в крупных северных монастырях, ориентированных на столичную культуру, и в городах Центральной России, а работы московских иконописцев — далеко за пределами столицы. Подобные явления влекли за собой известную унификацию художественной жизни, ко второй половине XVI столетия превратив Москву в главный источник или распределитель лучших творческих сил страны, а также место кодификации и в определенной степени регламентации общерусской изобразительной традиции. Вместе с тем

[74] Ср. общие работы относительно недавнего времени, в которых искусству XVI столетия отведено подобающее место: *Лифшиц Л. И.* Русское искусство X—XVII веков. М., 2007. С. 217—283; *Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С.* История древнерусской живописи. М., 2007. С. 575—659.

они повышали общий уровень живописной культуры, отчасти сглаживая разницу между столицей и провинцией и способствуя образованию относительно устойчивых художественных центров второго и третьего ряда. Так, применительно к XVI в. мы с большей или меньшей уверенностью можем говорить о существовании прочных традиций квалифицированного иконописания не только в Пскове, Новгороде или Ростове, но и в Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Вологде, Каргопольско-Белозерском регионе, в верховьях Двины, т. е. в районе Великого Устюга и Сольвычегодска, а также в Холмогорах[75]. Формирующиеся радиальные связи между Москвой и этими центрами, как и горизонтальные связи последних между собой, создавали условия для быстрой адаптации столичных иконографических и стилистических новаций, возникновения их местных редакций, а также для распространения культов русских святых и чудотворных икон, в том числе благодаря активному процессу культурного присваивания местных святынь столицей и их физического вывоза ко двору великих князей и царей[76]. Этот компонент церковной и культурной политики московских государей, чаще всего вспоминаемый в связи с судьбой святынь Великого Новгорода, живо напоминает деятельность византийских императоров, сосредоточивавших в своей столице важнейшие реликвии из разных областей государства, в том числе из Святой земли.

Русское изобразительное искусство XVI в. отражало претензии московских государей на особую роль во всемирной истории. Это проявилось не только в относительной централизации художественной жизни страны и накапливании святынь, свозимых в столицу, но и в появлении новых иконографических тем или изобразительных циклов, которые соответствовали взглядам Московского государства на наследие Византийской империи, Киева и Владимира, на собственное главенство в православном мире. Круг таких произведений сравнительно невелик, а местом их бытования являлось ограниченное пространство царских резиденций и придворных храмов Москвы. Тем не менее подобные памятники, свидетельствующие о новом, обостренном восприятии всемирного исторического процесса и того места, которое в нем занимает Русь, справедливо считаются симптоматичными для своей эпохи. Значительная их часть была создана при Иване IV, вскоре после его венчания на царство. Среди таких произведений выделяются рельефы царского моленного места (так называемого Мономахова трона) в Успенском соборе Московского Кремля (1551), иллюстрирующие повествование Сказания о князьях Владимирских, где говорится о том, как великий князь Владимир Мономах получил царские регалии от византийского императора Константина Мономаха[77]. Образ идеального православного правителя, блюдущего основы веры и ведущего к спасению свой народ, уподобляемый древнему Израилю, занимал центральное место в важнейших живописных ансамблях своего времени, ныне почти полностью утраченных, но известных по описаниям или более поздним репликам. Разнообразие этих комплексов, украшавших как храмовые, так и дворцовые интерьеры, говорит об интенсивности размышлений на подобные темы и о желании выделить

[75] Сведения об изобразительном искусстве в ряде регионов Центральной России, а также в активно осваивавшихся землях к югу от Москвы, в Среднем и Нижнем Поволжье или приуральском регионе, к сожалению, очень фрагментарны или вообще отсутствуют.

[76] Об этом см. подробнее: *Маханько М. А.* Почитание и собирание древних икон в истории и культуре Московской Руси XVI века. М., 2015.

[77] *Соколова И. М.* Мономахов трон: Царское место Успенского собора Московского Кремля: К 450-летию памятника. М., 2001.

их разные аспекты, зависящие от функций того или иного пространства.

Так, изобразительная программа усыпальницы московских государей — кремлевского Архангельского собора, по-видимому, впервые расписанного в 1564—1565 гг.[78], была сосредоточена на теме династической и религиозной легитимности московских правителей, погребенных в этом храме. Перекликаясь с историософской концепцией составленной чуть раньше Степенной книги царского родословия, она, скорее всего, испытала ее прямое воздействие. Фигуры московских Рюриковичей, помещенные над гробницами, продолжают находящуюся на столпах собора серию образов их прародителей — владимирских князей и святых из русского правящего рода. Эта обширная галерея соседствует с монументальной композицией «Символ веры», которая свидетельствует о верности династии православию, и с росписями лоджии западного фасада, где представлена история крещения Владимира Святого — основателя Русской церкви и прямого предка московских правителей. Династическая тема активно звучала и в росписи одного из тронных залов кремлевского дворца — Золотой палаты, которая, как и ее сени, очевидно, была украшена живописью вскоре после московского пожара 1547 г. и венчания Ивана IV на царство[79]. Замысел декорации этих парадных помещений был более сложен, а сюжетный состав — более разнообразен. Здесь фигуры русских Рюриковичей и сцены деяний Владимира Святого и Владимира Мономаха — архетипических русских правителей — сочетались с символико-аллегорическими сюжетами, раскрывавшими идею Божественного домостроительства и промысла, приводящего в движение мировую историю, с ветхозаветными композициями, повествующими о шествии к спасению избранного Богом народа — Израиля, которому уподоблялось население единственного в мире православного царства, а также с иносказательными сценами, слагающимися в идеальный образ добродетельного христианского правителя. Программа росписи второго тронного зала московского дворца — Грановитой палаты, получившей свое живописное убранство позже, очевидно уже в царствование Федора Ивановича (1584—1598)[80], состояла из сходных компонентов, хотя и сильно отличалась от декора Золотой палаты составом сюжетов и характером их синтаксических связей. Во всех этих ансамблях московская православная монархия представала в качестве закономерного, предусмотренного

[78] Существующие фрески, относящиеся к 1652—1666 гг., единодушно признаются довольно точным повторением иконографического состава изначального ансамбля. Композиции XVI в. сохранились в южной части алтарного пространства собора, а также в лоджии западного фасада. О росписи Архангельского собора см.: *Дмитриев Ю. Н.* Стенопись Архангельского собора Московского Кремля: Материалы к исследованию // Древнерусское искусство: XVII век. М., 1964. С. 138—159; *Сизов Е. С.* Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Там же. С. 160—174; *Самойлова Т. Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля: Иконографическая программа XVI века. М., 2004; *Она же.* Путь в Святую Землю: Корсунская легенда в росписи лоджии Архангельского собора и ее диалог с наружными фресками Благовещенского собора // Новые Иерусалимы: Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2009. С. 633—670.

[79] *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40-х — 70-х годов XVI в. М., 1972. С. 59—68, 193—198; *Флайер М.* К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. С. 178—187; *Роуленд Д.* Две культуры — один тронный зал // Там же. С. 188—201.

[80] *Козлитина Э. М.* Документы XVII века по истории Грановитой палаты Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1973. С. 95—110; *Насибова А. С.* К вопросу об истории и содержании росписи Грановитой палаты Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. 6: История и реставрация памятников Московского Кремля. М., 1989. С. 55—57.

Божественным замыслом этапа всемирной истории, за которым должен был последовать ее эсхатологический финал — Второе пришествие Христово, Страшный суд и жизнь будущего века, уготованная шествующему в свое небесное отечество Новому Израилю. В более линейном, повествовательном ключе ту же мысль излагают тексты и более чем шестнадцать тысяч миниатюр многотомного Лицевого летописного свода, отображающего всю историю мира начиная с его сотворения[81]. И сами тексты этого грандиозного компендиума, изготовленного в придворном скриптории в 1570—1580-е гг., и иллюстрирующие их композиции подчеркивают, что историческое бытие России, включая царствование Ивана IV, которым оканчивается Лицевой свод, представляет собой не менее важную часть исторического процесса, чем деяния ветхозаветных праведников, греческих героев, римских и византийских императоров, готовящие финальное торжество православия в пределах Московского царства.

Очевидное идеологическое содержание этих и других памятников русского придворного искусства времени Ивана IV и его ближайших преемников, созвучное таким важным историческим фактам, как принятие московским государем царского титула (1547) и сильно запоздавшее относительно этого события возведение русского первосвятителя в патриарший сан (1589), не означает, что появление подобных изобразительных циклов (включая те из них, которые условно можно отнести к светской сфере) было вызвано исключительно изменением статуса правителей России и их новыми практическими потребностями. Идеи, отразившиеся в подобных произведениях, начали формироваться до 1547 г. и имели не только политическую, но и религиозную подоплеку, которая особенно ярко отразилась в одном из знаковых произведений русской живописи той эпохи — иконе «Благословенно воинство небесного царя», находившейся у царского моленного места в московском Успенском соборе (ныне — в Государственной Третьяковской галерее). Долгое время этот памятник, часто наделявшийся не совсем аутентичным названием «Церковь воинствующая», относили к середине XVI в. и воспринимали как политический трактат или аллегорический образ торжествующего Московского государства после победоносного Казанского похода 1552 г. В образе «Благословенно воинство...», как показывают исследования последних десятилетий[82], правильнее видеть необычную по внешнему облику и замыслу икону, отражающую концепцию исторического пути православного сообщества — Нового Израиля — от греховной земной юдоли к Царствию Небесному. Этот путь, требующий постоянного духовного бодрствования и активного противостояния греху (именно поэтому здесь представлен сонм воинов-мучеников, повторивших подвиг Христа и победивших нечестие), немыслим без идеальных правителей, хранящих истинную веру. Авторы замысла иконы «Благословенно воинство...» выбрали в качестве таких правителей ветхозаветного военачальника Иисуса Нави-

[81] *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 102—321; *Она же.* Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40-х—70-х годов XVI в. М., 1972. С. 69—88, 108—152; *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998; Лицевой летописный свод XVI века: Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост. Е. А. Белоконь, В. В. Морозов, С. А. Морозов. М., 2003.

[82] *Квливидзе Н. В.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» и ее литературные параллели // Искусство христианского мира. Вып. 2. М., 1998. С. 49—56; *Сорокатый В. М.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя»: Некоторые аспекты содержания // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь: К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896—1990). СПб., 1999. С. 399—417; *Самойлова Т. Е.* «Благословенно воинство Небесного Царя». М., 2021.

на, который ввел народ Израиля в землю обетованную, императора Константина, являющего собой архетипический образ христианского государя, и его русское воплощение — киевского князя Владимира Святого, чья фигура подключает русскую историю и правящую династию к всемирному историческому процессу. Нет никаких сомнений, что перечисленные персонажи в конечном счете формируют идеализированный образ отсутствующего на иконе московского государя, однако это не означает, что замысел произведения ограничивается репрезентацией его власти и окружающих ее политических идей. Это лишь одна, не самая очевидная, из задач композиции, которая имеет в первую очередь эсхатологический, экклесиологический и теофанический характер: вереница всадников во главе с летящим на крылатом огненном коне небесным архистратигом Михаилом устремляется к небесным обителям, где их встречают Богоматерь, Младенец Христос и их посланцы — ангелы, несущие воинам венцы праведников. Таким образом, икона изображает момент соединения земной и небесной церкви, финал длительного пути человечества к горнему миру, воспринимаемого на уровне не личного, а коллективного благочестия. В пределах этой концепции личное спасение становится залогом успеха общего дела, а успех этого общего дела, во главе которого стоит православный царь — новый Иисус Навин, новый Константин и новый Владимир, в свою очередь оказывается гарантией спасения отдельно взятого индивида, следующего за своими духовными вождями по единственно верному пути к Горнему Иерусалиму.

Образ «Благословенно воинство небесного царя» можно воспринимать как изобразительное разъяснение подобных концепций. Однако это произведение, несмотря на уникальность его композиции и необычность формата (речь идет о протяженной, развернутой по горизонтали сцене), очевидно задумывалось именно в качестве иконы, предназначенной для молитвенного предстояния, хотя и не занимавшей центрального места в интерьере столичного кафедрального собора. Рассчитанная на длительное восприятие, в первую очередь на внимание государя, стоявшего рядом во время богослужений, она должна была наводить зрителя на размышления о том месте, которое отводилось власти православного монарха в спланированном Творцом историческом процессе. Вместе с тем сам этот замысел во всех его рационально и мистически постигаемых измерениях превращался в предмет молитвенного созерцания и поклонения. Не только на уровне отдельных деталей, таких как образы архистратига Михаила или рая, где восседает Богоматерь с Младенцем, но и на уровне целого эта икона создавала эффект явленного свыше откровения, позволяющего человеку вступить в общение с горним миром, соотнося свою жизнь и духовное состояние с вселенскими замыслами Божества.

Сходное впечатление открывающейся миру грандиозной тайны, в постижение которой активно вовлекается зритель, кажется более важным свойством русского изобразительного искусства XVI в., чем часто приписываемые ему пропагандистские или дидактические функции. В разных вариантах это качество заявляет о себе в целом ряде ключевых произведений, демонстрирующих человеку, что время и пространство, в котором он пребывает, не оставлены присутствием Бога, постоянно направляющего ход мировой истории. Судя по памятникам, непосредственно связанным с задачами репрезентации власти русского государя (росписи палат Московского Кремля), или по произведениям, которые описывали сам исторический процесс (иллюстрации Лицевого летописного свода), впечатления этого рода были важны для конструирования образа современной политической реальности и, в частности, образа самого Русского государства во главе с его правителем. Вместе с тем существуют произве-

дения, показывающие, что тема явленного человечеству откровения, охватывающего разные исторические эпохи, имеет отношение прежде всего к сфере религиозной жизни, которая, по всей видимости, требовала новых впечатлений и новых объектов для молитвенного контакта. Не говоря уже о распространяющихся именно в XVI в. циклах рукописных, иконных и монументальных иллюстраций к тексту Апокалипсиса, т. е. Откровения в буквальном смысле слова, об этом свидетельствуют символические композиции или их комплексы, характерные для иконописи того же времени.

Многосоставные, насыщенные изобразительной и словесной информацией, они могут быть устроены по разным принципам. Иногда, как в случае с иконами Богоматери Неопалимой купины, это композиции с четко выделенным, хотя и очень замысловатым центром, которому иерархически подчинены многочисленные второстепенные детали. В других случаях это лишенные структурной сердцевины серии однородных сцен, подобные иконам, основанным на тексте богородичного песнопения «Достойно есть». Наконец, это такие произведения, как уникальная Четырехчастная икона, написанная после пожара 1547 г. группой лучших псковских иконников для царской домовой церкви — Благовещенского собора Московского Кремля[83]. Шедевр и едва ли не главный символ русского изобразительного искусства зрелого XVI столетия, этот памятник принято толковать как визуализированную сумму богословских знаний православной церкви или как инструмент полемики с ересями и латинским Западом.

Действительно, монументальная икона, состоящая из четырех равноправных композиций символического содержания, включающих множество надписей и редких или новых для русской живописи изобразительных мотивов, воспринимается как свидетельство широких богословских знаний составителей иконографической программы (обычно в них видят советников молодого царя Ивана IV — митрополита Макария и благовещенского попа Сильвестра, руководивших работами по восстановлению убранства кремлевских храмов). При всей насыщенности сцен общий смысл цикла довольно ясен: это многосоставная картина священной истории, открывающаяся изображением сотворения мира и продолженная композициями, которые раскрывают догматическое учение православной церкви о Триипостасном Божестве, Боговоплощении и искупительной жертве Спасителя. Однако несомненная богословская глубина этого произведения, подчеркнутая тем, что все сцены имеют названия-цитаты, как правило, заимствованные из богослужебных текстов, не дает оснований считать Четырехчастную икону аналогом теологического трактата или поучения, излагающего основные истины веры. Здесь нет ни равномерного нарратива, открыто демонстрирующего причинно-следственные связи между разными эпохами, событиями или понятиями, ни однозначно прочитываемой структуры, хотя все четыре сцены кажутся равноправными, а некоторые из них обладают довольно ясной композиционной схемой с четко выделенным центром или регистрами. Соответствие композиций текстам, которые дали им названия, весьма относительно, и называть эти сцены ил-

[83] *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40-х—70-х годов XVI в. С. 40—58, 89—99; *Маркина Н. Ю.* «Четырехчастная» икона в контексте богослужебного чина // Восточно-христианский храм: Литургия и искусство / Ред.-сост. А. М. Лидов. СПб., 1994. С. 270—292; *Markina N.* Struktur und Inhalt der 'Vierfelderikone' und ihre Verbindung mit dem philosophischen Denken russischer Theologen des 16. Jahrhunderts // "Die Weisheit baute ihr Haus": Untersuchungen zu Hymnischen und Didaktischen Ikonen / Hrsg. K. C. Felmy, E. Haustein-Bartsch. München, 1999. S. 69—92; *Kriza Á.* The Russian *Gnadenstuhl* // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 79. L., 2016. P. 79—130.

люстрациями того или иного литературного произведения, как правило, нет оснований. Сама природа этих текстов такова, что они могут лишь дать идейный и поэтический импульс для изобретения иконографического сюжета, вбирающего в себя старые и новые, привычные и заимствованные из редких источников мотивы. Все вместе призвано не столько поучать, сколько удивлять и даже ошеломлять на уровне эмоций, а не рационального восприятия вероучительных истин. Визуальное впечатление, продуцируемое Четырехчастной иконой, строится на контрасте между композиционной упорядоченностью и хаотичностью, между узнаваемостью положенных в основу замысла текстов и непривычностью надписанных ими сцен, а также между монументальностью образа и детализацией его частей. Обилие изображенных форм и причудливость их комбинаций порождают ощущение полноты воспроизведения замысла Божественного домостроительства и одновременно его непостижимости человеческим разумом. Неполная доступность замысла равнозначна свидетельству присутствия Божественной Премудрости, которая являет молящемуся тайну вселенского масштаба, но не как богословскую концепцию, а как предмет для созерцания, разгадывания и поклонения. Общие теофанические свойства программы соответствуют ее сюжетному составу, поскольку каждая из композиций в той или иной мере изображает явление миру Божества. Чтобы разобраться в этой символической панораме священной истории хотя бы поверхностно, зрителю требуется непредсказуемо длительный срок, в ходе которого он не столько приближается к постижению истины, сколько все более и более поражается таинственности проявлений божественной воли. Бесконечный процесс блуждания по композициям Четырехчастной иконы и их взаимного сопоставления вовлекает человека в бесконечно длящееся общение с абсолютом. Сходными возможностями обладают и другие, иногда более легкие для восприятия композиции, сложившиеся или получившие популярность в XVI в., в том числе уже упоминавшиеся программные произведения официального искусства Москвы — икона «Благословенно воинство небесного царя» и росписи Золотой палаты кремлевского дворца. Как правило, их замысел, претендуя на масштабность богословских обобщений, апеллирует к эмоционально и интеллектуально развитому индивиду, испытывающему необходимость в новых, более сложных и персонализированных способах взаимодействия со священной реальностью.

Хорошо известно, что некоторые из современников, потенциально способных оценить выразительность нового языка искусства, сомневались в его соответствии нормам православного иконописания. Судя по знаменитому делу дьяка Посольского приказа Ивана Висковатого, обсуждавшемуся на московском соборе 1553—1554 гг.[84], сторонники традиции считали неподобающими символические изображения невидимого Божества до его воплощения, восходящие к ветхозаветным пророческим видениям, аллегорические сюжеты, а также мотивы, которые они считали заимствованиями из западноевропейского искусства, «латинскими мудрованиями». Выступление Ивана Висковатого было инспирировано прежде всего Четырехчастной иконой Благовещенского собора и росписями кремлевских палат. Оппоненты традиционалистов, среди которых был и московский митрополит Макарий, считали, что подвергавшиеся нападкам изображения следуют древним греческим (византийским) образцам. Если оставить в стороне суть этой полемики и аргументацию сторон, симптоматичен сам факт подобного спора. Он свидетельствует о том, что высокая степень концентра-

[84] ААЭ. Т. 1. С. 240—249.

ции символико-аллегорических мотивов в определенных композициях действительно впечатляла современников, пусть это впечатление порой и оказывалось негативным. Осознавалась и необычность отдельных мотивов, хотя их происхождение стороны оценивали по-разному. При этом, судя по возражениям митрополита Макария, он видел в обсуждаемых произведениях не дидактические композиции, а «святые иконы», изображенные «по пророческому видению», т. е. достойные поклонения теофанические композиции, тогда как для дьяка Висковатого, выступавшего за принцип исторического реализма в церковном искусстве, образ был не только объектом почитания, но и средством наставления в вере для тех, кто «не видят книг». Отстаивавшаяся митрополитом Макарием идея пророческого видения, зрелищного и таинственного доказательства существования Божества кажется вполне адекватной внешнему виду Четырехчастной иконы и других символических композиций XVI столетия.

Связь иконографических новаций XVI в. с потребностями религиозного и эстетического сознания эпохи подтверждают и другие соображения. Так, например, иконографической экспрессии того или иного символического сюжета часто соответствуют повышенная выразительность самой живописи, подвижность и замысловатость форм, создаваемых нарочито усложненным, динамичным рисунком, который подчеркивает активность и плодотворность вмешательства высших сил в жизнь мироздания. В свою очередь принцип максимального насыщения поверхности иконы событиями и изобразительными мотивами порой проявляет себя во внешне нейтральных сюжетах. Таковы житийные циклы святых, которые в искусстве XVI столетия иногда достигают огромных размеров (в качестве примера можно привести современницу Четырехчастной иконы — созданный для московского Успенского собора огромный образ «нового чудотворца» Александра Свирского в окружении 129 клейм жития и посмертных чудес[85]). В подобных случаях обилие изображенных эпизодов зримо доказывает реальность события или персонажа — например, недавно прославленного святого, который активно творит чудеса, позволяя верующему надеяться на их непрестанное повторение. Вряд ли стоит говорить о полноте иллюстрирования литературной основы, т. е. жития, как о самоцели. Более вероятно, что создатели стремились создать ощущение постоянного присутствия святости в повседневной жизни. В композициях символического содержания мы вправе видеть тот же принцип, лишь возведенный на более высокий уровень. В них он демонстрирует животворящее воздействие Бога на судьбы мира и человечества и вызывает убедительную иллюзию продолжающегося откровения, к которому, подобно ветхозаветным пророкам, может приобщиться народ Нового Израиля — жители Московского государства.

Подавляющее большинство произведений русского изобразительного искусства XVI в. были традиционными в иконографическом отношении. Однако удельный вес новых сюжетов довольно велик и ярко характеризует эпоху как время увлеченного конструирования новой системы образов, одинаково удачно откликающейся и на нужды официальной церковно-государственной идеологии, и на религиозные потребности русской элиты. Предлагаемый ею панорамный, энциклопедический и в то же время сфокусированный на деталях, эмоционально окрашенный взгляд на мир во многом напоминает западноевропейское искусство позднего Средневековья в его

[85] *Журавлева И. А.* Образ Александра Свирского с Житием и чудесами из Успенского собора Московского Кремля // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»: Материалы и исследования. Вып. 11: Русская художественная культура XV—XVI веков. М., 1998. С. 118—144.

позднеготическом варианте (неудивительно, что европейские заимствования, прослеживающиеся в русском изобразительном искусстве со второй четверти XVI в., как правило, имеют готические истоки[86]). Однако русская живопись XVI столетия находит типологические параллели и в искусстве православного мира. Это естественно, поскольку ее стилистические свойства и иконографический репертуар в целом восходят к поздневизантийской живописи, а столь показательные для русской культуры позднего Средневековья символические сюжеты и композиции на литургические и гимнографические темы были популярны в византийской живописи палеологовской эпохи конца XIII — первой половины XV в., сохранив свое значение и впоследствии. Как и русские композиции XVI в., эти образы часто имеют теофанический характер, по-видимому, соответствовавший мистической религиозности поздневизантийского общества. Еще в XIV—XV столетиях некоторые символические сюжеты проникли из Византии и южнославянских стран на Русь, где не позже XV в. появились и собственные инвенции такого рода — гимнографическая композиция «О тебе радуется»[87] и новгородский образ Софии Премудрости Божией в виде огнезрачного ангела[88]. Эти сцены во многом предвосхищают сюжетные новации XVI столетия. Вместе с тем очевидно, что до определенного времени русское искусство было сравнительно небогато композициями такого типа. Напротив, конец XV и XVI в. можно назвать эпохой иконографического взрыва, активного творчества русских мастеров в сфере символических сюжетов. Более молодая русская культура с опозданием, но самостоятельно переживает свою собственную палеологовскую эпоху, создав целую систему новых образов и даже оказав определенное влияние на художественную культуру православных Балкан.

Этот вывод не означает, что русское изобразительное искусство XVI столетия не находит соответствий в современной ему художественной культуре православных земель. Систематическое сопоставление иконографии и стиля русских и так называемых поствизантийских памятников остается делом будущего. Однако даже на первый взгляд искусство Московского царства XVI в. и искусство других православных территорий, как правило, находившихся в разной степени зависимости от Османской империи, кажутся явлениями одного порядка. Их сближает не только развитый репертуар символических сюжетов, который в обоих случаях свидетельствует о значительной творческой активности, далеко не всегда инспирированной имперскими идеями, но и постоянный процесс переосмысления иконографических и стилистических форм византийского искусства палеологовского периода. Постоянная апелляция поствизантийской и русской культур к этим фундаментальным для них ценностям естественна, но в поствизантийскую эпоху

[86] См. об этом: *Преображенский А. С.* Западные мотивы и формы в поствизантийской живописи Московии: Предварительные размышления // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник научных статей. Т. 6. СПб., 2016. С. 252—266.

[87] *Нерсесян Л. В.* К вопросу о происхождении и символическом содержании иконографии «О Тебе радуется» // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь: К 100-летию Андрея Николаевича Грабара. С. 380—397.

[88] *Квливидзе Н. В.* Икона Софии Премудрости Божией и особенности новгородской литургической традиции в конце XV века // Сакральная топография средневекового города / Ред.-сост. А. Л. Баталов, Л. А. Беляев. М., 1998. С. 86—99; *Лифшиц Л. И.* София Премудрость Божия в русской иконописи // София Премудрость Божия: Выставка русской иконописи XIII—XIX веков из собрания музеев России. М., 2000. С. 9—17; *Царевская Т. Ю.* София Премудрость Божия // Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М., 2008. С. 340—346; *Kriza A.* Depicting Orthodoxy in the Russian Middle Ages: The Novgorod Icon of Sophia, the Divine Wisdom. Oxford, 2022.

она происходила в особом контексте — на фоне сформировавшейся культуры Ренессанса, с которой приходилось соприкасаться как России, так и греческому миру. В определенных сферах художественной жизни контакты с культурой Возрождения порождали синтез традиционных и ренессансных форм. В Московской Руси плодами этого синтеза стали итальянизирующая столичная архитектура, новый репертуар орнаментальных украшений рукописной, а затем и печатной книги, декоративные мотивы и техники, применявшиеся в серебряном деле (ренессансные узоры чеканных и басменных окладов, чернь в сочетании с гравировкой, многоцветная эмаль по скани и т. д.). В изобразительном искусстве России XVI в. Ренессанс почти не отразился из-за ограничений, накладывавшихся традиционными представлениями о культовом образе. Церковная живопись воспринималась как искусство, которое должно следовать греческой традиции, представленной ее византийскими и древнерусскими примерами. На фоне сформировавшейся культуры ренессансной Европы греческая и русская живопись XVI в. выглядят еще средневековым явлением. Однако рамки этой традиции были довольно широки, а ее сосуществование с новым западным искусством и с рудиментами поздней готики в искусстве европейских окраин, не приводя к существенным изменениям в иконографии и стиле, расширило культурный кругозор мастеров и существенно повлияло на процесс развития художественной культуры православного мира. Это воздействие было двояким. С одной стороны, оно выражалось в осознанном желании сохранить традиционную поздневизантийскую стилистическую систему, которая не только оставалась исходной парадигмой, но и служила объектом стилизации или прямого копирования, что само по себе говорит о существовании изрядной культурной дистанции между средневековыми и поствизантийскими мастерами. С другой стороны, велись постоянные поиски новой выразительности, свидетельствующие о стремлении привести церковное искусство православного мира в соответствие с меняющимися потребностями времени.

Эти поиски, основанные на новых возможностях широкого выбора художественных форм, взятых из собственного прошлого и из западноевропейской традиции, в высшей степени характерны и для русского изобразительного искусства XVI в. Правда, по сравнению с некоторыми направлениями живописи греческого мира того же времени в нем очень немного западноевропейских цитат и фактически не ощутимы ренессансные заимствования. Кроме того, русские мастера XVI столетия в довольно слабой степени реагируют на творчество своих греческих и балканских современников, но демонстрируют существенную зависимость от собственного художественного прошлого в виде искусства XV в. При этом динамичность изменений, которые претерпела живопись ведущих русских центров XVI в., и ее художественное качество делают изобразительное искусство этого времени выдающимся явлением, во многом превосходящим более стандартизированное искусство греческого мира и Балкан.

Несмотря на далеко не полную изученность русского изобразительного искусства XVI столетия, обилие разнообразных произведений, не ограничивающихся памятниками разных видов живописи, но включающих в себя показательные (и часто точно датированные) изделия из металла и дерева, а также лицевое шитье, позволяет хотя бы схематично описать основные изменения стиля. Памятники самых первых лет XVI в., по существу, еще принадлежат художественной культуре XV столетия, о чем ярко свидетельствует один из самых знаменитых ансамблей монументальной живописи — росписи собора Ферапонтова монастыря, исполненные в 1502 г. ведущим московским мастером 1480—1490-х гг. Дионисием и его сыновьями. Принципи-

ально сходную картину демонстрируют произведения, связанные с другими крупными центрами или регионами — среднерусскими землями, Новгородом и Псковом. Сформировавшиеся в XV в. художественные традиции этих земель еще сохраняют свои яркие отличия.

Тем не менее уже в первое десятилетие XVI в. в русской живописи заметен значительный перелом, очевидно совпадающий с выходом на ведущие позиции нового поколения мастеров. К примеру, известно, что в 1508 г. придворную Благовещенскую церковь Московского Кремля по заказу великого князя Василия III расписывал уже не Дионисий, а его сын Феодосий. Единственное уцелевшее произведение этого крупного живописца — миниатюры Четвероевангелия 1507 г.[89] — существенно отличается от росписей Ферапонтова монастыря и стиля эпохи Дионисия в целом. На смену предельно идеализированным, бесплотным образам, пребывающим в абсолютно совершенном, не подверженном никаким изменениям горнем мире, приходит иная, более конкретизированная стилистическая система, заставляющая вспомнить поздневизантийский классицизм с его активной пластикой, нагруженными композициями, насыщенной цветовой гаммой и индивидуализированными портретными характеристиками персонажей. Сходные сдвиги заметны и в других выдающихся московских памятниках, связываемых с кругом преемников Дионисия, — например, в группе икон начала — первой четверти XVI в. из храмов Дмитрова, столицы одного из московских уделов (Музей имени Андрея Рублева, ГТГ)[90]. Похожие изменения с поправками на специфику местной культуры также отличают некоторые произведения, созданные на новгородской почве, хотя и при определяющем участии присланных из Москвы мастеров (таковы иконы Страстей Господних, написанные в 1509 г. для иконостаса собора Святой Софии Андреем Лаврентьевым и Иваном Дермой Ярцевым[91]). Однако примечательно, что индивидуальность пластической и духовной характеристик этих новых образов сильно уступала произведениям поздневизантийской живописи. В этом отношении русские памятники раннего XVI в. перекликаются с близкими им по времени поствизантийскими произведениями, хотя, пожалуй, превосходят их отвлеченностью своего художественного языка. Такое свойство русского искусства говорит о важности наследия второй половины XV столетия, окончательно отказавшейся от художественного анализа индивидуального духовного начала в пользу обобщенной картины мира, демонстрирующей его вечное, неизменное состояние и абсолютное единство населяющих этот мир персонажей.

Художественная культура XVI в. остается приверженной этой идее единства, особенно на уровне сюжетного репертуара, и по традиции, заложенной предшественниками, уделяет особое внимание композициям, которые создают образ идеально устроенного, упорядоченного христианского общества, объединенного общими духовными ценностями и ведомого своими духовными и светскими вождями. Однако в сфере стиля и художественного образа она все настойчивее пытается преодолеть прежнюю эмоциональную нейтральность, что показывают многие памятники 1520—1530-х гг. Среди них есть не только рет-

[89] ОР РНБ. Погод. собр. № 133. См.: Дионисий «Живописец пресловущий»: К 500-летию росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря: Выставка произведений древнерусского искусства XV—XVI веков из собраний музеев и библиотек России. М., 2002. С. 246—248.

[90] *Попов Г. В.* Московские художники в Дмитровском княжестве: конец XIV — первая треть XVI века. М., 2007. С. 118—199.

[91] *Сарабьянов В. Д.* Страсти Господни (из праздничного чина) // Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М., 2008. С. 409—427.

роспективные произведения, ориентирующиеся на поздневизантийский классицизм, но и индивидуальные памятники, которые служат свидетельством художественных экспериментов. Уже упоминавшаяся московская икона «Благословенно воинство небесного царя», согласно недавним исследованиям относящаяся не к середине XVI в., а к его 20—30-м гг.[92], обладая явной связью с традициями искусства Дионисия и его преемников, отличается явной стилистической новизной: это не просто зрелищная многолюдная сцена, но композиция, наполненная динамикой, которая прекрасно передает идею духовной целеустремленности персонажей, движущихся к Небесному Иерусалиму, и активности встречного полета ангелов. Правильные классические пропорции, сильно отличающиеся от дионисиевской системы, плотный красочный слой, активный, хотя и тонально сближенный, светоносный колорит, а также акценты на ярких деталях (фигура скачущего архангела Михаила) и композиционных диагоналях (крылья ангелов, наклоненные знамена и копья) делают ключевую для этого памятника идею духовного торжества церкви не абстрактной, лишь обозначенной на уровне сюжета, а зримой и вещественной. Ту же зрелищность художественного языка, сценичность и репрезентативную торжественность композиций, а также материальность форм можно ощутить и в более позднем памятнике, принадлежащем к столичной традиции, — новых росписях Благовещенского собора Московского Кремля, созданных уже в конце 1540-х гг., вскоре после пожара 1547 г.

Усиливающаяся потребность в новой стилистической концепции, свидетельствующей о реальности горнего мира и его обитателей, о прямой связи событий священной истории с текущей исторической действительностью и об ощутимости присутствия божественной благодати в мире дольнем, привели к еще более существенному обновлению стилистической парадигмы русского изобразительного искусства во второй четверти — середине XVI в. В этот период еще сохраняют свою актуальность разные варианты интерпретации поздневизантийского классицизма, в том числе его относительно экспрессивное истолкование. Однако не позднее 1530-х гг. появляются и образы нового типа — более динамичные, с заостренной эмоциональной характеристикой, отраженной не столько в ликах, сколько в абрисах фигур и способах построения насыщенных, наполненных движением композиций. Показательно, что именно в произведениях такого рода время от времени появляются взятые из европейской графики позднеготические мотивы, усиливающие общую экспрессию живописи. Как правило, это архитектурные формы, которые и в дальнейшем будут активно использоваться русскими мастерами XVI в., существенно реже — сохраняющие свою готическую природу человеческие фигуры, которые преимущественно встречаются в сценах Распятия и Страстей Господних, а также в композициях символического содержания. Подобное распределение готицизмов говорит об осторожном отношении к подобным формам и вместе с тем о том, что они казались особенно уместными в страстных композициях, которые, как и в западноевропейском искусстве Средневековья и Ренессанса, в этот период рассчитаны на активное сопереживание верующего.

Как свидетельствуют некоторые памятники (например, миниатюра «Проповедь

[92] Новая датировка иконы обоснована И. А. Шалиной: *Шалина И. А.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя...» из Успенского собора Московского Кремля и ее место в искусстве эпохи Василия III // София: Издание Новгородской епархии. 2020. № 4. С. 20—27; *Она же.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» из Успенского собора Московского Кремля — программный памятник эпохи Василия III // Искусство христианского мира. Вып. 15. М., 2021. С. 175—194.

Христа в Назарете» в Евангелии Исаака Бирева 1531 г.[93], где, в частности, присутствует эффектная панорама готического города, довольно точно передающая западный источник), в московском искусстве эти тенденции заявили о себе довольно рано. Однако в более полном виде они отразились в живописи Новгорода и Пскова, откуда вместе с местными мастерами, работавшими для новгородского архиепископа Макария (1526—1542), позднее ставшего всероссийским митрополитом (1542—1563), новая стилистическая система распространилась и на столичное искусство. Своеобразие новгородской и псковской живописи второй четверти — середины XVI в., очевидно, во многом обусловлено исконными качествами местных художественных традиций, которые еще в предшествующем столетии отличались от искусства Москвы и среднерусских регионов активностью пластики, колорита и образных характеристик, а в случае с Псковом — повышенной экспрессией художественного языка, коррелирующей с интересом к редким сюжетам и необычным иконографическим изводам. Вполне возможно, что в некоторых свойствах псковского искусства первой половины XVI в. сказалось и непосредственное соседство этого региона с латинским Западом — во всяком случае, именно в этом центре довольно рано фиксируется, а затем сохраняет популярность готицизирующая иконография Распятия (один из ее первых примеров — икона из праздничного чина иконостаса, исполненного около 1535 г. для храма Николы со Усохи, Псковский музей-заповедник[94]). Так или иначе, именно псковские и особенно новгородские памятники — иконы и миниатюры рукописей — служат примерами наиболее последовательного применения новой художественной концепции, в значительной степени воплощаемой графическими средствами — с помощью каллиграфически точного и маньеристически причудливого рисунка, дополненного сияющими красками. Ее основным результатом является создание панорамного образа мира, взволнованного и одухотворенного Божественным присутствием, показанного в состоянии метаморфозы, охватывающем всю материю — и людей, и пейзажные формы. Активность условно переданного пространства, как правило, населенного большим количеством фигур, его неустойчивое, подвижное великолепие часто сочетаются с ощущением системности устройства мироздания и постоянной взаимосвязи его горней и дольней частей, воплощаемой в фигурах экстатически молящихся святых или стремительно слетающих с небес ангелов. Суть этого искусства весьма полно передают ключевые новгородские иконы 1540-х гг. — образ Преображения из церкви Спаса на Нередице (Новгородский музей-заповедник) и икона Покрова Богоматери (Государственный Русский музей), а также миниатюры рукописи Христианской топографии Космы Индикоплова[95]. С определенными изменениями подобный стиль держался в новгородском искусстве вплоть до 1560-х гг.[96] Его эквивалент существует и в живописи Пскова того же периода.

В 1540-е гг. усилиями митрополита Макария новый маньеристический стиль был перенесен и в Москву. Судя по всему, он не вытеснил полностью более традиционное направление столичного искусства, восходящее к первой трети XVI в., но получил

[93] НИОР РГБ. Ф. 304.III. № 15. См.: Евангелие Исаака Бирева: Книжные сокровища Троице-Сергиевой лавры: Каталог выставки (Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева) / Сост. Л. И. Алехина. М., 2019. С. 48.

[94] *Васильева О. А.* Иконы Пскова. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. М., 2012. С. 218—221.

[95] НИОР РГБ. Ф. 173.I. № 102.

[96] О живописи Новгорода времени митрополита Макария см.: Искусство Великого Новгорода: Эпоха святителя Макария / Сост. И. А. Шалина. СПб., 2016.

весьма заметное место в придворной художественной культуре. Как известно, именно новгородским и псковским мастерам после пожара 1547 г. пришлось украшать новыми иконами главный домовый храм государя — церковь Благовещения. Писавшиеся для нее иконы, составившие выдающийся по полноте, образцовый ансамбль символических композиций, в большинстве своем не сохранились. Однако в Благовещенском соборе уцелела уже упоминавшаяся Четырехчастная икона, согласно источникам исполненная коллективом псковских изографов — Останей, Яковом, Михайлой, Якушкой и Семеном Высоким Глаголем. Эти мастера проявили себя не только как творцы шедевра иконографической изобретательности XVI в., но и как превосходные рисовальщики и тонкие колористы, превратившие сложный набор символических мотивов во впечатляющий образ земного мира, создаваемого и активно преобразуемого энергией Божества, которая взывает к человеку, одухотворяет его и порождает в нем непреодолимое желание единения с миром горним. Одной из ключевых особенностей этого памятника является фрагмент композиции «Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся», символически изображающей теофанию — явление миру Святой Троицы в акте Боговоплощения. В ее нижней части представлены взирающие на это явление святые и коленопреклоненные смертные. В соответствии с характерным для XVI столетия стремлением собрать во всей полноте и классифицировать все элементы мироздания, святые последовательно распределены по чинам, а молящиеся смертные разделяются на группы клириков и мирян, возглавляемые архиереем и государем. Однако их образы лишены нейтральности и не унифицированы: напротив, человечество показано в состоянии горячей, почти экстатической молитвы, о чем свидетельствуют не только коленопреклоненные позы, но и утрированные жесты, в том числе жест крестного знамения. Возможно, этот акцент на теме соборного моления передает особое уважение людей позднего Средневековья к ритуалу, стремление к отчетливости его внешних форм, а также ощущение принадлежности к иерархически организованному обществу, чье единство и целостность кажутся важнее индивидуальных качеств человека. Однако этот характерный для искусства XVI в. сонм молящихся благодаря вариативности поз и жестов далек от абсолютной унификации, а напряженность контуров, активность движений и целеустремленность взглядов позволяют ощутить повышенный эмоциональный накал сцены. Несомненно, она не была задумана как абстрактная схема идеального устройства православного социума, но, предписывая определенные нормы поведения, оставляла место для их индивидуального осмысления и даже провоцировала этот процесс.

Экспрессивная стилистическая система в московской художественной среде дожила до 1560-х гг., а ее рудименты встречаются и позднее. Однако в искусстве третьей четверти XVI в. это явление претерпело значительные изменения. Как показывает редкий по полноте сохранности памятник столичной настенной живописи — росписи собора Спасского монастыря в Ярославле, исполненные московскими мастерами и их местными помощниками (1563—1564)[97], — сохраняющая свое значение маньеристическая концепция обретает новые качества: монументальность, пластическую активность и характерное образное содержание. На первый план выходит аскетическая трактовка образов: персонажи превращаются в истощенных подвижников, истовых, внутренне сосредоточенных молитвенников, пророков и ораторов-обличителей. Системность происшедших перемен подтвержда-

[97] *Анкудинова Е. А., Мельник А. Г.* Спасо-Преображенский собор Спасского монастыря. М., 2002.

ют и другие произведения, среди которых видное место занимает целая группа икон Иоанна Предтечи — аскета, пророка, мученика, свидетеля пришествия в мир Христа и горячего проповедника покаяния[98]. Большинство этих памятников, судя по всему, порождено не традиционным культом святого, а его особым почитанием в качестве небесного покровителя Ивана IV. Характерно, что многие из таких икон довольно точно повторяют композиционную схему и элементы стиля византийских образов XIV в. За этим стоит не только идеологический ретроспективизм официальной придворной культуры, но и более конкретный интерес к прошлому православного мира, к греческим истокам русского искусства и к определенным вариантам византийской живописи. Их стилизованное воспроизведение говорит как о формировании исторического взгляда на прошлое, которое ушло, но может быть искусственно реконструировано, так и об определенных потребностях самого московского искусства. Оно пытается вернуться к ярким индивидуальным характеристикам и имитирует византийские образы аскетического типа, чтобы, обратясь к зрителю, пробудить в его душе нравственное начало и способствовать его внутреннему перерождению.

Многие произведения этого типа более или менее современны периоду опричнины и часто связаны с выдающимися деятелями своего времени. Кроме самого царя Ивана IV, это, в частности, семейство князей Старицких — вкладчиков целого ряда выдающихся произведений лицевого шитья, выполненных в мастерской княгини Евфросинии Старицкой в 1550—1560-е гг. (например, знаменитой плащаницы Троице-Сергиевой лавры 1561 г., ныне Сергиево-Посадский музей-заповедник)[99], или Малюта Скуратов, заказчик иконы «Богоматерь Владимирская» из Иосифова Волоколамского монастыря (ок. 1572 г., Музей имени Андрея Рублева)[100]. Можно связать трагические или скорбные интонации многих памятников этого времени и их приглушенный колорит с общей обстановкой в стране и душевным состоянием главного заказчика произведений искусства — царя Ивана Васильевича. Однако кажется более вероятным, что за происходящими изменениями стоят более крупные явления, не сводимые к политической реальности. Искусство второй половины XVI в. демонстрирует довольно быструю смену художественных идеалов и поиск новых форм, часто сопровождающийся обращением к разным граням русского и византийского наследия. Недостаточная изученность этого материала пока затрудняет реконструкцию процесса, однако уже сейчас можно говорить о том, что в истории изобразительного искусства 1570-е и 1580-е гг. представляют собой разные этапы. Для первого из них характерно переосмысление трагических образов 1560-х гг., приобретающих более тихий, сосредоточенный, камерный характер, а 1580-е гг. отмечены ростом интереса к классическому художественному началу, выражающему себя в передаче активной, иногда чрезмерной пластики форм. Параллельно, очевидно еще с середины XVI в.,

---

[98] *Даен М. Е.* Новооткрытый памятник станковой живописи эпохи Ивана Грозного (икона Иоанна Предтечи из Махрищского монастыря) // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI веков. М., 1970. С. 207—225; *Васильева О. А.* Иконы Пскова. Т. 1. С. 472—475.

[99] *Маясова Н. А.* Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 3. Загорск, 1960. С. 41—64; *Силкин А. В.* Лицевое шитье эпохи Ивана Грозного: Мастерская Евфросинии Старицкой // Искусство христианского мира: Сборник статей. Вып. 13. М., 2016. С. 359—380.

[100] Иконы XIII—XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева / Ред.-сост. Л. М. Евсеева. М., 2007. С. 484—487.

развивается третья тенденция. Заметная прежде всего в миниатюрах рукописей с пространными изобразительными циклами, созданными в придворном скриптории (один из примеров — Житие Николая Чудотворца 1570-х гг.[101]), она заключается в переосмыслении прежней экспрессивной стилистики, ее успокоении и детализации форм, которые приобретают подчеркнутое изящество.

Очевидно, уже в 1580-е гг. эти потоки сливаются, образуя совершенно новое явление — так называемое искусство годуновской эпохи, во многом противостоящее вариантам стиля времени Ивана IV. В 1590-е гг. этот феномен предстает перед нами в уже полностью сложившемся виде и сохраняет свое значение в первые годы XVII столетия, фактически открывая собой историю его художественной культуры. Тем не менее с точки зрения формальной хронологии все варианты нового стиля сформировались еще в конце XVI в. Это относится не только к иконописи мастеров строгановского круга, трудившихся по заказу представителей выдающегося семейства промышленников Строгановых и разработавших особый тип миниатюрной драгоценной иконы для личной молитвы-созерцания[102], но и к другим направлениям, которые только предстоит изучить и классифицировать. Новые датировки ранее известных памятников, а также последние реставрационные открытия (в частности, происходившая в последние годы расчистка росписей и икон Смоленского собора Новодевичьего монастыря, исполненных по заказу Бориса Годунова вскоре после его восшествия на престол в 1598 г.[103]) позволяют говорить о том, что изобразительное искусство конца XVI в. представляет собой интереснейший пример переосмысления разных вариантов византийской живописи палеологовской эпохи в диапазоне от сверхмонументальных образов конца XIII в. до лирического искусства Андрея Рублева. По-видимому, на образы XV столетия ориентировано и легко узнаваемое содержание годуновского искусства, которое представляет собой очень привлекательный мир тонко проработанных пейзажей, созерцательных персонажей, рафинированных движений и деликатных чувств, созвучный камерным, тонко проработанным формам архитектуры того же времени. Художественный язык искусства годуновского периода, хотя и в сильно переработанном виде, стал основой стиля эпохи первых Романовых.

Искусство Новгорода

Архитектура. Памятники новгородского зодчества XVI в. составляют непосредственные параллели социальным структурам своего времени: царской власти, церкви и горожанам. После присоединения Новгорода в 1478 г. к Москве первым деянием великого князя Ивана III было обновление новгородского кремля. Начиная возведение

[101] НИОР РГБ. Ф. 37 (собрание Т. Ф. Большакова). № 15. См.: Лицевое Житие святителя Николая Мирликийского: Факсимильное издание и научный аппарат / Сост. М. С. Крутова, И. В. Левочкин. М., 2008—2009.

[102] *Вилинбахова Т. Б.* Строгановская икона конца XVI — начала XVII века. СПб.; Калининград, 2005; *Бусева-Давыдова И. Л.* Образ мира в иконах строгановской школы // Древнерусское искусство: Исследования и реставрация: Сборник научных трудов памяти Николая Николаевича Померанцева. М., 2001. С. 120—122.

[103] Роспись Смоленского собора относили к времени Василия III, основавшего Новодевичий монастырь в 1524 г. (*Ретковская Л. С.* Смоленский собор Новодевичьего монастыря / Под ред. Н. Н. Воронина. М., 1954). Их датировка концом XVI в. обоснована Н. В. Квливидзе, черпавшей аргументы преимущественно в иконографической программе ансамбля (*Квливидзе Н. В.* Символические образы Московского государства и иконографическая программа росписи собора Новодевичьего монастыря // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. С. 222—236).

каменного кремля в опустевшем городе и величественного храма на удаленном Хутынском холме, благоустраивая погоревшие улицы, великий князь демонстрировал самодержавную волю создателя единого государства.

Постепенно налаживалась обычная жизнь. Горожане сооружали свои дома, благоустраивали дворы и торги. Большая работа развернулась в 1508 г., когда великий князь Василий III прислал в Новгород подрядчика дьяка Бобра и велел ему «рядити торгы и ряды» и улицы «размеривати по-московски». Тогда же выслали за город хлебников, калачников, кузнецов «жити на поле». В 1509 г. в ожидании великого князя возобновили сгоревший волховский мост[104]. Тогда же, начавшись ремонтом обветшавших каменных церквей, сооружением деревянных однодневок[105], возрождается храмовое строительство, вылившееся в широкую волну, захватившую город в последующую половину столетия.

Важнейшим памятником своего времени стал Преображенский собор в Хутынском монастыре[106]. Выбор места был не случаен. Еще в 1460 г., после свершившегося в первоначальном храме у гроба Варлаама Хутынского чуда воскрешения постельничего Григория Тумгана, великокняжеский двор установил почитание этого святого своим покровителем[107]. Теперь окрестный новгородский монастырь попал под прямое покровительство Василия III и стал источником и средоточием московского влияния. Освященный 6 августа 1515 г. на храмовый праздник Преображения, собор явил собой архитектуру подлинно царского величия[108]. Грандиозный куб уступал размерами только Софии, превосходя древний храм логикой вертикальных членений, рассчитанной точностью конструкций, изяществом пропорций. Собор совместил в себе черты московского зодчества конца XV — начала XVI в. — золотое сечение пропорций, ордерные карнизы, ровные ряды забутовки, профилированный цоколь, белокаменные резные порталы — с традиционными для новгородской архитектуры приемами конструктивного и образного построения[109]. На местный источник указывает сдвинутое к востоку пятиглавие и неравномерное деление стенных прясел.

Обосновавшаяся в прибрежной части Ярославова дворища семья купцов Сырковых активно занималась строительством. Родоначальник семейства Иван «повелением великого князя Ивана Васильевича» пришел в Новгород в конце XV в. и в 1506—1510 гг. в прибрежной части Ярославова дворища вместе с сыновьями Афанасием и Дмитрием поставил церковь Жен-Мироносиц с «тремя службами»[110]. В 1530—1560-х гг. сын Ивана Сыркова Дмитрий возглавил, а внук Федор продолжил строительные и инженерно-технические работы в городе и провинции, определив стиль и образ новгородского зодчества XVI в. Первый

---

[104] *Петров Д. А.* Мероприятия московского правительства по реконструкции Новгорода в 1478—1611 гг. (по летописным и актовым материалам) // Новгородские древности: Архив архитектуры. Вып. 4 / Под ред. Д. А. Петрова. М., 1993. С. 213—241.

[105] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 460—461, 469; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 537, 611—612.

[106] Новгородские летописи. С. 320.

[107] ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 200—202.

[108] Дата основания храма в источниках неизвестна.

[109] *Петров Д. А.* К вопросу о механизме культурной интеграции в Московском государстве первой половины XVI в. (строительство в новгородском Хутынском монастыре) // Архитектура и культура. Ч. 1. М., 1990. С. 95—100; *Он же.* Опыт иконографического анализа архитектуры новгородского Спасо-Преображенского собора // Иконография архитектуры. М., 1990. С. 128—145.

[110] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 461. В 1956—1963 гг. Т. В. Гладенко при участии Н. Н. Кузьминой, Г. П. Никольской, Н. М. Красноречьевой и В. Е. Гревцова восстановила первоначальный облик храма: Церковь Жен Мироносиц в Новгороде: Материалы исследований. М., 1995.

сырковский храм, как и Преображенский Хутынский собор, представляет собой программный памятник городского зодчества XVI в. — одноглавый, четырехстолпный, трехапсидный храм, с двухпролетной звонницей над центральной частью западной стены. Собственной чертой новгородского храма XVI в. стал найденный тогда прием палаточного восьмискатного перекрытия с «переломом».

В церкви Жен-Мироносиц на уровне пят подпружных арок и в верхней части барабана впервые были использованы металлические связи, остались на своем месте привычные еще в храме XII—XIV вв. круглые западные столбы, и, возможно, одним из примеров этого последования послужил план располагавшейся рядом церкви Успения (1135—1144)[111]. В церкви Жен-Мироносиц впервые было устроено двухэтажное подцерковье — один из важнейших признаков новгородской архитектуры XVI в. Предназначавшееся для некоторых служб Великого поста, а иногда для захоронения подцерковье в основном служило хозяйственным помещением, где хранилась торговая продукция. Конструктивной особенностью церкви Жен-Мироносиц является дополнительное деревянное перекрытие в верхнем этаже нартекса, отчего западная часть храма стала четырехэтажной. От основного объема нартекс отделялся стеной с дверным проемом, южную и северную стороны разделяла продольная стена с внутренней лестницей. На уровне третьего этажа в нартексе находились два помещения, одно из них служило храмовым притвором, другое использовалось как кладовая, а возможно, и как ризница. Этажи западной части сообщались по внутристенной лестнице, проложенной в продольной стене нартекса. Отсюда был ход и к настенной колокольнице. Внизу, в толще стены, еще одна лестница соединяла церковь с подвалом. На верхнем, четвертом, этаже помещались два престола, где совершались положенные уставом годовые службы, о которых упоминает летописец, имея в виду и третий, главный, престол[112]. Подобная сложная конструкция нартекса встречается впервые и больше не повторится в новгородских храмах XVI в. В последующие десятилетия храм обстраивался галереями. В 1536—1538 гг. к западной части храма Федор Сырков пристроил теплую церковь Сретения, в других местах храма в разное время появлялись новые дверные и оконные проемы.

Стилистический облик церкви Жен-Мироносиц определил дальнейший путь новгородского зодчества XVI в. Собственными его признаками стали храмы на подклетах, деревянный лемех в сочетании с кирпичной стеной, палаточное покрытие закомар с «наложенной» полочкой архивольта, акцентировавшего дугу арочного завершения, высокий барабан с низко опущенными окнами и аркатурным пояском под главой. Все эти новшества определяют типичные признаки своего времени и повторяются в разных вариациях в церквях Апостола Филиппа на Нутной улице (1527), Успения в Колмове (1527—1529), реставрированном в начале XVI в. соборе Иоанна Предтечи на Опоках[113].

Архитектурный ряд первой четверти XVI в. завершает церковь Прокопия мученика, поставленная Дмитрием Сырковым в 1529 г. на месте деревянной церкви, сгоревшей в 1508 г.[114] В изысканной строгости прокопиевского храма заявил о себе собственный почерк мастера. Этажность,

[111] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 23, 208, 213. О круглых столбах в новгородских храмах XII—XVI вв. см.: *Петров Д. А.* О частях на XVI в. в церквях Успения на Торгу и Якова на Яковлевой улице // Архив архитектуры. Вып. 4. М., 1993. С. 128—133.

[112] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 461.

[113] ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 217, 220; Новгородские летописи. С. 321—322.

[114] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 547.

деревянные крыльца на «всходах», повышенные подпружные арки в дальнейшем станут определяющими чертами своего времени. Круглые западные столбы, как и в церкви Жен-Мироносиц, создают впечатление просторной, двухопорной конструкции, автономной по отношению к престолу. Пресбитерий храма со стороны стен обозначен боковыми заплечиками, от которых предвидится путь к постепенному отделению алтаря от наоса и созданию в ближайшем будущем каменной преграды[115].

Новгородское зодчество второй четверти XVI в. приходится на эпоху архиепископа Макария. Все шестнадцать лет его владычества (1526—1542) храмовое строительство развивалось с захватывающей энергией, включая сооружение каменных и деревянных храмов, перепланировку улиц, наведение мостов, строительство оборонительных укреплений, ремонт и реконструкцию обветшавших построек. В течение трех десятилетий, с 1520 по 1550 г., было построено тридцать четыре храма. К этому впечатляющему списку следует добавить ремонт церкви Успения на Торгу, собора Иоанна Предтечи на Опоках и еще сооружение тринадцати деревянных храмов в разных местах города. Стремительному темпу каменного строительства способствовала техника кирпичной кладки. Волховский плитняк и ракушечник, служившие в течение столетий, потеснил кирпич, изготовлявшийся в приспособленных для обжига сараях. Производство такого рода удешевило и ускорило созидательный процесс, и возможности нового материала позволили решать более сложные конструктивные задачи.

Одновременно с Сырковыми в Новгороде поселилась семья московских гостей Тарокановых (Тороканових). В Москве у них был свой двор, «палаты кирпичные», «у градной стены, у Фроловских ворот» Кремля, куда они всегда тяготели и возвратились в 1569 г. В Новгороде Тараканови обосновались в Плотницком конце, на улице Рогатице, где Д. А. Петров обнаружил следы их кирпичных жилых палат[116]. Тараканови деятельно сотрудничали в строительстве. Уже в 1502 г. староста Владимир Тараканов участвовал в возведении Окольного города и в 1507 г. — Ивангородской крепости[117]. В 1538 г. Василий Никитич Тараканов с сыновьями Василием, Петром и Андреем соорудили Успенскую церковь в Сытине[118]. Велением Елены Ивановны Таракановой, в то время находившейся «у великои княгини Елены на Москве, на сенех», поставили деревянную церковь Феодора Стратилата с трапезной в Никольском монастыре в Воротниках[119]. Но в отличие от Сырковых Тараканови не были зодчими; участвуя в творческом процессе, они выполняли финансовую сторону строительства.

Сооруженная в 1520 г. по заказу Василия Никитича Тараканова церковь Климента на Иворове улице — не только первое после церкви Жен-Мироносиц здание в Новгороде, но и первое после продолжительного перерыва обращение к четырехстолпному плану. В 1386 г. на этом месте стояла каменная церковь Климента, обрушившаяся в 1516/17 г.[120] Одна апсида, четыре столба, трехчастное деление фасадов, хоры с двумя приделами, пониженный западный притвор, фрагменты первоначальной каменной кладки, древние вкладные кресты, в ниж-

---

[115] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 159—166. Рис. 46—48, 50.

[116] *Петров Д. А.* О каменных гражданских зданиях Новгорода XIV—XVI вв. // Новгородские древности: Архив архитектуры. Вып. 4. С. 153. Рис. 1—11.

[117] ПСРЛ. Т. 4. С. 535, 610—611; Т. 43. С. 212.

[118] ПСРЛ. Т. 4. С. 616.

[119] Там же. С. 578—579.

[120] Там же. С. 342, 540, 604, 618; Т. 43. С. 216.

нем регистре и на апсидах «евфимиевские окна» воспроизводили типичный облик одноглавого храма XIV — начала XV в. Восстановление храма в первоначальных формах в данном случае было определено простой целесообразностью использования сохранившихся частей старого здания. Между тем конструктивную функцию здания все же определяют нововведения, и наряду с внешними архаизированными чертами церковь Климента представляет собой типичный для своего времени храм с подклетом. В стенах хоров и барабана использованы новые приемы облегчения кладки, в северо-западном компартименте для сообщения с подцерковьем служила внутристенная лестница, приставные деревянные крыльца оформляли входы в храм.

В 1536 г. по заказу жителей Запольской и Конюховой улиц в Плотницком конце на месте сгоревшего храма артель из двадцати «больших», «урочных» мастеров за пять месяцев и за 53 новгородских рубля возвела «на старом месте» пятиглавую церковь Бориса и Глеба, «прежняя бо церковь камена же была, о едином версе <...> и они ту разрушиша до основания, а основания з земли не двигнуша»[121]. Новый храм освятили в 1537 г. Пятиглавие, трехчастное деление фасадов, широкие прясла стен, масштабность нового здания представляют историческую параллель соборам XII в. Методы древних мастеров узнаваемы в сооружении боковых глав, окружности которых, как и в колмовской церкви, опираются одной точкой на углы восточных столбов, а половиной своей стоят прямо на стенах, восходя к устройству столбов в Софийском соборе[122].

Теоретические положения Космы Индикоплова «о здании» нашли отражение в построении церкви Сретения в Антониевом монастыре (1533—1537)[123], центрический план и купольная система которой не имеют прямых предшественников в истории древнерусского зодчества. Снаружи храм представляет собой компактный вертикальный куб без алтарного выступа, отсутствие которого объясняется его общим планом с трапезной палатой. Церковь в данном случае служит алтарем (престолом) единого храмового комплекса. Подобная система трапезных храмов без алтарного выступа вскоре станет обязательным явлением в зодчестве XVI—XVII вв. Антониевская церковь Сретения двухэтажная. В первом ярусе располагается подцерковье с входами с южной и восточной стороны. Простой кубообразный объем церкви Сретения определил конструкцию интерьера. Бесстолпное пространство перекрывает полусфера эллипсовидного купола, опирающегося на трехступенчатые наклонные тромпы, последний ярус которых «через парусовидные поверхности переходит в карниз, отделяющий купол от стен»[124]. Лишенный собственных световых источников, погруженный в полумрак, сретенский купол мало похож на поднимающийся в световых потоках купол древних храмов. Перекрывая значительное пространство (8,2×8,2 м), он выведен без барабана, определяя тем самым особенность конструкции. Нейтрализуя давление большого и мощного купола, зодчий погасил нагрузку на несущие стены щипцовыми, выложенными в восемь скатов фронтонами (заменены в XIX в. че-

[121] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 300; Т. 43. С. 239.

[122] *Штендер Г. М.* К вопросу о галереях Софии Новгородской (по материалам археологических исследований северо-западной части здания // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 2. М., 1982. С. 20. Рис. 23.

[123] ПСРЛ. Т. 4. С. 55—62, 575; Т. 6. С. 291, 300; Т. 30. С. 203—204; Т. 43. С. 224, 239; Новгородские летописи. С. 324.

[124] *Петров Д. А.* К вопросу о бесстолпных купольных конструкциях в архитектуре Новгорода XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: 1989: Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1990. С. 48.

тырехскатной кровлей). Выступавшие из окружности купола углы здания «закрывали» кулисы фронтонов. Завершая конструкцию снаружи, щипцовое покрытие вместе с поставленным на скуфью куполом с главкой воссоздавало облик привычного храмового завершения.

В 1533—1535 гг. почти одновременно со строительством церкви Бориса и Глеба в Плотниках и трапезного ансамбля в Антониевом монастыре тверские каменщики под руководством «большого мастера» Ермолы свершили «в два лета» колокольню с трапезной церковью Григория Армянского в Хутынском монастыре. Немногим позже подобные колокольни станут распространенным явлением в новгородской архитектуре середины XVI в. В середине XVI в. в летописи впервые встречаются имена зодчих. В 1545 г. в Новгородской 2-й (Архивской) летописи упоминаются умершие мастера трапезных церквей Григорий и Олфромей; в 1552/53 г. «мастеры домашние Захареи да Семен» покрывали заново церковь Вознесения в Савине пустыни. Вдохновителем и непосредственным участником церковного строительства был архиепископ Пимен (1553—1570). В 1554 г. владыка участвовал в закладке каменной церкви Пантелеймона на Яковлевой улице и в 1557 г. «обложил» на старой основе церковь Никиты с приделом (колокольней) Николы и Феодосия[125].

В 1548—1554 гг. был сооружен собор Сретения иконы Владимирской Богоматери, возведенный Федором Сырковым в память о счастливом завершении сложного колыванского посольства[126]. Храм был заложен на месте монашеской Пироговой пустыни, неподалеку от которой, на Веряже, находился собственный (загородный?) дом Федора Дмитриевича, где в свое время писец Мокий трудился над очередной тетрадью Великих Миней. Как отмечали Т. В. Гладенко и Л. Е. Красноречьев, пятикупольный, со сдвинутыми к востоку боковыми главами, горизонтальными карнизными тягами, многопрофильным цоколем, живописными композициями в средних пряслах и перспективными порталами сырковский собор следовал образу Преображенского собора в Хутынском монастыре. Вместе с тем в конструкции храма отчетливо заявляет о себе собственный сырковский опыт, идеал которого был полностью сформулирован и воплощен уже в Прокопиевском храме, сооруженном в 1529 г. отцом Федора, Дмитрием Ивановичем Сырковым. Масштабное сравнение планов демонстрирует удивительное сходство двух разных по величине зданий. В соборе Сретения иконы Владимирской Богоматери особенно знаменательно сооружение каменной алтарной преграды, образованию которой предшествовали небольшие заплечики на северной и южной стенах храма 1529 г.

Как и прежде, зодчий сосредоточен на конструкции несущих и завершающих здание частей, но на этот раз он создает ступенчатую систему сводов, осуществляющих двухъярусное движение от килевидных, крытых палатками закомар к своду центральной главы. В истории архитектуры XVI в. есть примеры создания подобных завершений, но на Новгородской земле опыты со сводчатыми конструкциями начались еще в 1530-х гг. и в течение трех десятилетий всякий раз представляли новый вариант решения. Существенным новшеством в декоре Владимирского собора является высокая аркатура апсид, равная их собственной высоте. Особенностью сырковского храма было также оформление барабанов, каждый из которых был декорирован по-своему, что, как отмечал Л. Е. Красноречьев, придавало завершению храма необыкновенную живописность. Новшеством были и небольшие, обрамленные валиком

[125] ПСРЛ. Т. 30. С. 147, 182—183, 204.

[126] Там же. С. 182; Новгородские летописи. С. 328—329.

круглые окна, доносившие, возможно, живые впечатления мастера от итальянизирующих окон-медальонов в прясле западной стены Архангельского собора в Москве (1505—1509). Заложенный в 1548 г. и завершенный в 1554 г. собор Сретения иконы Владимирской Богоматери, соединив в себе традиционные черты новгородского крестово-купольного храма с новыми конструктивными приемами, восходит к эволюционной системе, начатой в Преображенском соборе Хутынского монастыря (1515), продолженной в церкви Прокопия на Ярославовом дворище (1529), завершенной в церкви Никиты мученика на царском подворье (1555—1557) и в Троицком соборе Клопского монастыря (1560). Вместе они демонстрируют стилистическую динамику, в респектабельности которой провозглашалась идея государственности, определившей доминирующее направление в новгородском зодчестве второй половины XVI в.

Грандиозное явление представлял собой ансамбль церкви Никиты Мученика, сооруженный в 1555—1557 гг. на средства жителей Никитиной, Маницыной и Загородской улиц, с участием архиепископа Пимена и, вероятно, по воле царя Ивана IV[127], на этом месте основавшего в 1572 г. Государев двор[128]. С южной и западной сторон храм окружала широкая галерея, завершенная с восточной стороны колокольней с церковью Антония и Феодосия Печерских. Галерея не сохранилась, и след ее обозначает широкая, пологая аркатура на стене храма. Размеры и конструктивные приемы шестистолпного храма составляют ближайшую параллель Владимирскому собору в Сырковом монастыре. Профилированные с килевидными завершениями пилястры, карнизные тяги, пояски сдвоенных аркатур и сдвинутые к алтарю восточные столпы, так что западные оказываются центральными, создавали ставший традиционным зальный интерьер храмового пространства. Вместе с тем подклет храма, обозначенный большой аркатурой, а также западный притвор, пологие арочные своды широких и низких порталов определяют собственные черты здания[129].

Особое значение в Никитинском ансамбле имеет примыкающий с северной стороны бесстолпный, безапсидный, одноглавый Никольский придел, размеры и отдельные черты которого близки церкви Сретения в Антониевом монастыре. На этот раз переход к внутреннему куполу осуществляется в системе парусовидных поверхностей. С южной стороны Никитинского храма располагается столпообразная колокольня с церковью Антония и Феодосия в среднем ярусе. Конструктивные особенности ансамбля продолжают стиль, заданный авторитетом, инициативой и волей Сырковых. И если на этот раз обошлось без их непосредственного участия, влияние «сырковской» школы в Никитинском ансамбле очевидно.

Последним большим архитектурным явлением в Новгороде стал ансамбль Клопского монастыря. В 1552/53 г. сгорела древняя церковь Троицы, и в 1569 г. на прежнем месте заложили новый собор. Сооружение храма велось в течение многих лет, возможно до 1580 г., на деньги и земельные пожалования царя Ивана Васильевича, передавшего монастырю часть дворцовых земель и позднее все земли, вклинивавшиеся в его владения[130]. В архитектуре Клопского ансамбля завершилась начатая в Хутынском соборе традиция государственного строительства в Новгороде. По реконструкции Л. Е. Красноречьева, центральная глава Троицкого собора фланкируется двумя главами, сдвинутыми к по-

[127] ПСРЛ. Т. 30. С. 204; Новгородские летописи. С. 334;
[128] ПСРЛ. Т. 30. С. 160, 162.
[129] Новгородские летописи. С. 334.
[130] ПСРЛ. Т. 30. С. 150, 175.

лукружию апсид. Подобное завершение объясняется в данном случае, очевидно, практической необходимостью дополнительного освещения храма, южная и северная стены которого были основательно загорожены боковыми приделами. Располагающиеся на уровне средней карнизной тяги три апсиды с большой аркатурой, крупные и немногочисленные окна, перспективные порталы повторяли, варьируя, элементы сырковского Владимирского собора. Главы приделов и шпиль колокольни создавали в перспективе необычный островерхий облик зданий. Трехглавие, примыкающие к южной и северной стенам сдвоенные приделы с двумя главками, ступенчатыми и крестово-вспарушенными сводами, замыкая перспективу храмовой композиции с западной стороны, создавали неповторимый образ ансамбля.

Собор Клопского монастыря — последний памятник государственной линии новгородского зодчества XVI в. Открывшись возведением Хутынского Спасо-Преображенского собора, это направление завершилось одним из лучших и своеобразных произведений.

Продолжением традиции безапсидных храмов с одностолпной трапезной палатой по образу церкви Сретения в Антониевом монастыре была трапезная церковь Благовещения на Михайловой улице. Дата сооружения храма неизвестна, но имеются летописные данные, согласно которым церковь на Михайловой улице сгорела в 1541 г., и уже в 1542 г. «покрывали церковь святое Благовещение новым тесом и потоки новые повелением великого князя Ивана Васильевича». В 1550—1552 гг. по распоряжению игумена Гурия Коровина была построена трапезная церковь во имя Варлаама, основателя Хутынского монастыря[131]. Бесстолпный интерьер церкви, сомкнутый коробовый свод на распалубках, глухой барабан, отсутствие апсид, пятиугольные ниши в импостах пилястр, горизонтальные межэтажные тяги вместе с двухэтажной, двухстолпной трапезной палатой представляют образец дальнейшего усваивания стиля. Напоминанием о церкви Сретения Антониева монастыря является, видимо, плоский рельеф пилястр и горизонтальных карнизов. Особенностью строительства в данном случае было размещение храма на склоне высокого берега. Церковь как бы «спускалась» вниз, и, чтобы обезопасить это нежелательное продвижение, зодчий соорудил опорные субструкции внутри холма.

Важнейший памятник новгородской архитектуры XVI в. — Троицкая церковь Духова монастыря (1555—1557). В плане храм вместе с двухэтажной одностолпной трапезной, ризничной или келарской палатами повторяет обычный для своего типа удлиненный прямоугольник. По вертикали здание разделено на четыре яруса. Углубленная подвальная часть его служит надежной основой громоздкой конструкции. Нижний наземный этаж представляет собой помещение, использующееся для церковных служб в период Великого поста. Во втором ярусе здания располагается собственно церковь, в конструкции которой ставшие уже традиционными приемы организации пространства нашли самостоятельные решения. Большая, пронизанная горизонтальным карнизом аркатура апсид, углубленные дополнительными нишами окна, многопрофильные выступы пилястр, килевидные завершения аркатурных фризов, пятиугольные ниши в импостах лопаток, каменный цоколь развивают усвоенные временем конструктивные принципы. Знакомый кирпичный убор здания обновлен введением редких деталей, и среди них особенно выразительны крупные розетты, окружности которых акцен-

[131] Новгородские летописи. С. 330; Опись Новгорода 1617 г.: Памятники отечественной истории / Подг. М. Е. Бычковой. М., 1984. С. 328; *Макарий, архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. 1860. С. 450.

тируют ритмические паузы декора. Но главную особенность Троицкого храма определяет единственная в своем роде конструкция завершающих сводов. Центральный купол опирается на обычные паруса, только теперь вместо щипцового восьмискатного перекрытия, камуфлирующего купол в антониевской церкви Сретения, вокруг него воздвигнута композиция из четырех барабанов с главами, «каменный осьмигранный трибун», как образно назвал эту конструкцию архимандрит Макарий[132]. Собственной опорой здесь служат арочные постаменты, обозначенные с внешней стороны двумя рядами декоративных кокошников. Уникальную композицию снаружи обозначает фриз, разделенный лопатками на узкие килевидные прясла, завершенные деревянными палатками.

Завершает ряд новгородских трапезных XVI в. Никольская церковь Клопского монастыря, сооруженная, как полагает Н. Н. Кузьмина, после 1569 г.[133] Обладая чертами единого стилистического направления (большая одностолпная трапезная палата со сводами на распалубках, дополнительные хозяйственные помещения), она имеет свои особенности, возможно обусловленные топографией места.

К восточной стороне церкви вернулась апсида. Слегка удлиненная южная стена церкви и легкий изгиб плана как будто «преодолевают» неровности рельефа. Протяженный объем позволил усилить декоративное оформление здания, но «фантазия» зодчих зашла так далеко, что на пилястре южной стены начали выкладывать розетту. Выполненную наполовину, ее пришлось срубить, но след остался. Клопская трапезная нарядна, но криволинейность ее плановых очертаний, сбитая розетта свидетельствуют о снижении строительной дисциплины и вместе с тем о завершении одного из важнейших периодов новгородского зодчества.

Живопись и прикладное искусство. Значительно медленнее, чем храмовое строительство, в новую жизнь включалось изобразительное искусство, и одна из причин этого отставания заключалась в отсутствии финансовой базы. После присоединения к Москве, когда вместе с землей была конфискована церковная казна, средств на художественные ремесла в Софийском доме не было вплоть до прихода на кафедру архиепископа Геннадия (1484—1505). Но и при нем начавшееся по велению великого князя крепостное строительство поглощало финансовые ресурсы.

Причиной упадка иконописного искусства была и проросшая в 1470-х гг. иконоборческая ересь. Кроме того, предпринятые великим князем новгородские выводы расстраивали сложившиеся веками культурные отношения и традиции. Лишенные уважения и крова, люди покидали город и вместе с ними уходили художники, унося с собой знания и опыт, распространяя свое умение в Низовской земле, Обонежье, Белозерье. Иконописные заказы в самом Новгороде ограничились обыденным спросом[134].

К таким произведениям принадлежал, видимо, и многофигурный деисусный чин, от которого уцелела одна икона Николы[135]. В колористической гамме ее воспроизведена новгородская палитра XV в., но тускло-

[132] *Макарий, архим.* Описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. С. 174.

[133] *Кузьмина Н. Н.* Забытый памятник новгородской архитектуры XVI в.: (Трапезная с церковью Николы в Воскресенском монастыре на Красном поле) // Новгородский край: Материалы научной конференции «Новгород древний — Новгород социалистический: Археология, история, искусство» (13—15 октября 1982 г.). Л., 1984. С. 228.

[134] *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 234—242. Кат. № 21—25, 71.

[135] Там же. С. 123, 277, 482. Кат. № 47.

землистое свечение грубо растертых красок, жесткий рисунок выдают провинциальное происхождение памятника. В тот же ряд, видимо, входит и Евангелие из собрания М. Ф. Першина (ИРЛИ РАН), миниатюры которого вместе с другими рукописями Э. С. Смирнова относит к явлению «третьей культуры»[136], обусловленной обыденным городским спросом.

Одной из существенных причин снижения уровня художественного творчества в тот период было призвание новгородских мастеров к выполнению больших внешних заказов. В 1499 г. новгородцы участвовали в создании иконостаса в Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря. По мнению исследователей, одному из них, второму мастеру, принадлежат три пророческие иконы: «Давид, Даниил, Соломон», «Иезекииль, Исаия, Иаков», «Михей, Илия, Гедеон», в деисусном чине изображения мучеников «Георгия» и «Димитрия» и еще девять праздничных икон[137]. В этом ряду особенно выразительна композиция «Воскрешение Лазаря», в драматическом образе которой как будто отразился исторический момент, когда, обличая «еретические глаголы», церковь собирала все имевшиеся воинствующие силы, приобщая к своему труду «силу божественных и честных икон»[138].

Ко времени архиепископа Геннадия в Новгороде уже более десяти лет распространялась иконоборческая ересь, и помощниками в преодолении внедрявшегося инакомыслия оказались тогда «латиняне»[139]. Любекские немцы, доминиканцы приносили с собой печатные книги, гравюры, мотивы которых воспроизводили новгородские художники. Один из них был автором заставки в Геннадиевской Библии 1499 г.[140]

Религиозные «нестроения», неурядицы полуразрушенного городского быта, недостаток денег обусловили дальнейшее сокращение деятельности иконописных мастерских, и живописное ремесло возобновлялось в полной мере только при архиепископе Серапионе (1506—1509). В 1509 г. повелением владыки был «дописан деисус в святеи Софии да праздники, а писал Андрей Лаврентьев сын да Иван Дерма Ярцев сын»[141]. Деисусный чин завершился иконами святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и Николая Чудотворца, мучеников Георгия

---

[136] *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода: XVI в. М., 1994. С. 118—120, 126. Кат. № 11.

[137] *Смирнова Э.* Живопись Великого Новгорода: Середина XIII — начало XV в. М., 1976. С. 131—133; *Лелекова О. В.* Русский классический иконостас: Иконостас из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря: 1497 год. Т. 1. М., 2011. С. 161—182, 189, 191—192; Т. 2. Рис. 19—20, 27, 31—33, 40, 44, 46—50, 54.

[138] РИБ. Т. 6. № 101. С. 713—722; *Хрущов И.* Исследование о сочинениях Иосифа Волоцкого, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. 215; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. С. 167—180; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. С. 178—180; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 67—69; *Лелекова О. В.* Русский классический иконостас. С. 161—180. Рис. 33.

[139] РИБ. Т. 6. № 101. С. 713—722; *Хрущов И.* Исследование о сочинениях Иосифа Волоцкого, преподобного игумена Волоцкого. С. 215; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. С. 167—180.

[140] ГИМ. Синод. собр. № 915. Л. 1; *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода: XVI век. С. 133—141, 149—150, 387—391. Кат. № 15. Табл. 13; *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI в. М., 1975. С. 45—53. Табл. 48—50; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 72—74. Рис. 14.

[141] ПСРЛ. Т. 4. С. 468—469; Т. 43. С. 213; *Гордиенко Э. А.* Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам) // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л., 1984. С. 215; *Варенцов В. А.* Серапион I // Энциклопедический словарь. С. 431—432.

и Димитрия[142]. Праздничный чин 1341 г.[143] дополнили иконы, образцами которым послужили софийские святцы (небольшие иконки-таблетки) XV в. Но в сравнении с изощренной графикой икон 1509/10 г. святцы кажутся архаической идиллией, покой которой чрезвычайно далек от волнений нового времени[144]. Расширенный иконостас вышел за предалтарные столбы, закрыв собой жертвенник и диаконник. Разъединив алтарную часть и наос, новая конструктивная форма определила иерархию храмовых компартиментов как небесную и земную сферы мироздания, воплотив тем самым мысль Иосифа Волоцкого: «Человеку же не мощно Бога видети по существу, и не только Бога, но и ангелов»[145].

В 1516 г. «гости Московские и купци Новгороцкия, и купци, и старасты, вси гражане христолюбивые люди, многие церкви каменные в Великом Новегороде и по посаду и по монастырям создаша»[146]. Летописная статья объявляет не только о возобновлении храмового строительства, но и провозглашает возрождение духовной жизни, в которой свое место теперь заняли москвичи. Икона «Богоматерь Тихвинская с житием» из новгородского Мало-Кириллова монастыря — возможно, пожалование великого князя[147]. Во время архиепископства Макария (1526—1542)[148] почитались новгородские древности, и первым шагом культурной политики стало обновление в 1528 г. чудотворной иконы «Богоматерь Знамение»[149]. В том же году Макарий «повелел писати настенное письмо» над западным входом в Софийский собор, и на месте обветшавшего погрудного изображения Спаса Вседержителя разместилась трехчастная композиция — Образ Живоначальной Троицы как всеобъемлющий символ веры, обозначивший окончательное внедрение государственной идеи в пространство упраздненной вольницы. Храмовый образ Софии Премудрости Божией представал нерушимым историческим ориентиром нового времени. Установленный еще Андреем Боголюбским воинский символ в образе Спаса Нерукотворного после взятия Смоленска в 1514 г. остался на русском знамени, олицетворяя собой знамя свершенных и грядущих побед единого Русского государства[150].

Знаменательными памятниками времени Макария являются иллюстрированные рукописи 1530—1550-х гг. Среди них и созданное новгородскими мастерами Евангелие 1532 г., вложенное в Пафнутьево-Боровский монастырь, место духовного воспитания владыки[151]. Изображение царя Давида в

[142] ПСРЛ. Т. 4. С. 461, 469; Т. 43. С. 213.

[143] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 353; *Филатов В. В.* Иконостас новгородского Софийского собора (предварительная публикация) // Древнерусское искусство: Художественное искусство Новгорода. [Т. 3]. М., 1968. С. 68—77; Византия, Балканы, Русь: Иконы конца — первой половины XIV века: Каталог выставки. М., 1991. № 21/1—3.

[144] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 83—84. Рис.19.

[145] Послания Иосифа Волоцкого. С. 215.

[146] ПСРЛ. Т 43. С. 216.

[147] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 80—82. Рис. 18.

[148] ПСРЛ. Т. 4. С. 542, 613; Т. 30. С. 176, 201; Новгородские летописи. С. 142—144.

[149] ПСРЛ. Т. 43. С. 218—219; Т. 6. С. 284; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 111—112.

[150] ПСРЛ. Т. 43. С. 220; Т. 6. С. 285—286; *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая небесного царя» (Благословенно воинство небесного царя) // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 195; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 112—113.

[151] ОР РНБ. Солов. 1039/1148. Л. 16 об.; *Георгиевский В.* Миниатюры Евангелия 1532 г. новгородского архиепископа Макария // Светильник. 1915. № 3—4; *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI века. М., 1975. С. 191; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 198—200.

Толковой Псалтири 1536 г. и еще целый ряд миниатюр в принадлежавшей священнику Сильвестру Хронике Космы Индикоплова первой половины XVI в.[152] дополняют компактный круг памятников, антропоморфный образ которых отвечал воодушевленному настроению эпохи архиепископа Макария 1520 — начала 1540-х гг.[153] «Троица» из Софийского собора, «Георгий Победоносец» из Кирилло-Белозерского монастыря, «Варлаам Хутынский» из деисусного чина Успенской церкви в Колмовом монастыре составляют единый стилистический ряд макарьевских икон[154], в котором свое место занимает икона «Рождество Иоанна Предтечи» с изображением Троицы на верхнём поле. Созданная, возможно, в память о рождении в 1530 г. у великого князя Василия III сына Ивана, святым покровителем которого был назван Иоанн Предтеча[155], икона могла быть поставлена в почитаемом царским домом первом Троицком соборе Клопского монастыря (1419—1569)[156]. Икона заняла свое место в южном приделе Иоанна Предтечи, где большая ниша с полукруглым верхом, видимо, предназначалась для храмовой иконы.

В 1542 г. на владычную кафедру взошел игумен Хутынского монастыря Феодосий II (1542—1551). Две важнейшие рукописи этого времени — Хроника Космы Индикоплова из собрания князя Оболенского 1539 г. и Житие Нифонта 1540-х гг. — служат образными эталонами эпохи перемен и поисков[157]. В этом ряду рукописей середины XVI в. свое место занимает и Апостол, не привлекавший до сих пор внимания исследователей. Монограмма «ФЕОД» позволяет связать этот памятник с именем вероятного заказчика рукописи, архиепископа Феодосия II (1542—1551)[158]. Семь миниатюр расположены в последовании апракосных чтений[159]. Легкая живопись сочетает в себе иконописные приемы с эскизностью акварели, вместе с тем прозрачность красочного слоя, сложные отношения холодной цветовой гаммы определяют стиль большого мастера.

В 1551 г. Иван IV свел с престола архиепископа Феодосия, и в ноябре 1552 г. новгородскую владычную кафедру занял Пимен. В течение восемнадцати лет владыка строил новые и реконструировал прежние храмы, занимался оснащением интерьера Софийского собора и, согласно решениям Стоглавого собора, писал наставления священнослужителям. Тогда было создано одно из знаменательных произведений сво-

---

[152] ОР РНБ. F.683. Л. 1 об., 4 об.; ОР РНБ. Соф. 1197 об. Л. 5; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 202. Рис. XVIII—XXIII.

[153] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 202—207.

[154] Там же. С. 202—206. Рис. 76—79, 93.

[155] Тогда по всей стране в ознаменование рождения царского наследника создавались мемориалы. В Новгороде «в настоящий час» рождения наследника отлили колокол для Софийского собора, «велик вельми <...> яко страшная труба гласящи» (ПСРЛ. Т. 4. С. 547—548; Т. 6. С. 287—288; Т. 13. С. 63—64; Т. 43. С. 221; Новгородские летописи. С. 323; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 206—207. Рис. 78. Примеч. 495—497).

[156] Построенный в 1419 г. первый каменный Троицкий собор Клопского монастыря существовал до 1569 г.; см.: *Секретарь Л. А.* Монастыри древнего Новгорода и окрестностей. М., 2011. С. 383—389.

[157] Книга, глаголемая Козмы Индикоплова. 1539 г.; см.: Слово Второе. СПб., 1886; *Щепкин В. Н.* Житие Нифонта лицевое XVI века // Императорский Российский Исторический музей: Описание памятников. Вып. 2. М., 1913; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 209—215. Рис. 80—87.

[158] ОР РНБ. F.I.60. Л. 0; *Никольский К.* Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 102—104. Феодосий с 1531 г. — игумен монастыря, в 1542—1551 гг. — владыка; см.: *Буланин Д. М.* Феодосий (1491—26 II 1563) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 457—460.

[159] ОР РНБ. F.I.60. Л. 2 об., 4 об., 77 об., 139 об., 204 об., 265 об., 317 об., 337; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. Рис. XXXI—XXXVII.

его времени — икона «Никола с житием» из Боровичей (ок. 1561), в которой под покровом красочного слоя развертывается драматическое действие, переходящее в небесную мистерию. Тема наглядно раскрыта в клейме с изображением явления архангела Михаила-воеводы святителю Николе. Посланный на землю «явити страх божий» архангел вручает святителю серп. Это орудие жатвы предвосхищает конец ветхого мира, «жатва бо есть человечю роду смерть»[160].

Знаменательным явлением своего времени стали четыре двусторонние таблетки, дополнившие софийский ансамбль XV в.[161] Создание такого небольшого комплекса было обусловлено включением в месяцеслов русских святых Петра и Февронии Муромских, Авраамия Ростовского, князя Александра Невского, Павла Комельского-Обнорского, канонизированных на соборах 1547—1549 гг.[162] Изображения первого Вселенского собора, царей Константина и Елены, стоявших у истоков государственного утверждения христианской церкви, представляли историческую параллель русским царям-апостолам, получившим, по словам благовещенского священника Сильвестра, как и Великий Константин, «оба царства от Христа, небесное и земное»[163]. Родственная ювелирному искусству живопись новых иконок представляет собой стилистический эталон середины XVI в.[164]

Богатство внешней формы в произведениях живописи этого времени сопряжено с торжественным пафосом скорби. Предшественником ожидаемых трудных событий на смену иконе Богоматери «Знамение», древней воительнице и покровительнице Новгорода, выступает теперь печальный, проникнутый человеческим теплом образ Богоматери Владимирской-Волоколамской. В Софийском соборе находятся две иконы, на одной из них (ок. 1558) Богородицу в чепце, украшенном «саженным жемчугом», сопровождают патрональные святые Варлаам Хутынский, архиепископ Иоанн, Сергий Радонежский и епископ Никита. В 1561 г. по заказу Федора Сыркова московский художник Семион Яковлев написал для Софийского собора икону Богоматери в царской, украшенной драгоценными камнями короне. Но если на иконе Богородицы с избранными святыми еще сохраняется оттенок умиления, то в образе Богородицы в короне отражено «едва переносимое бремя жертвы»[165].

Печальны лики пророков и в иконостасе Рождественского собора в Антониевом монастыре[166]. В 1570 г. монастырь беспощадно разорили опричники[167], но вскоре после погрома обитель восстановили. Возможно,

---

[160] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 374—377. Рис. 151—152.

[161] *Лазарев В. Н.* Двусторонние таблетки из Софийского собора в Новгороде: Страницы истории новгородской живописи. М., 1977. С. 31—48.

[162] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Ч. 1. М., 1876. С. 10, 191, 335—336, 363; *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. С. 65, 84, 100—101, 104.

[163] *Васильев В.* История канонизации русских святых // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 3. С. 170—171; Послание царя Ивана Васильевича Максиму Греку о ереси Матфея Башкина // АИ. Т. 1. № 161. С. 63; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 370—373.

[164] *Лазарев В. Н.* Двусторонние таблетки из Софийского собора в Новгороде. С. 36—59; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 369—373. Рис. 149—150.

[165] *Антонова В. И.* Волоколамская Богоматерь // Очерки по русской и советской истории. М., 1974. С. 53—57; *Щенникова Л. А.* Культ иконы Богоматери «Владимирской» в Великом Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 290—315. Рис. 1—3; *Гордиенко Э. А.* Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам). С. 218; *Она же.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 380—383. Рис. 153—155.

[166] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 383—388. Рис. 161—164.

[167] Новгородские летописи. С. 337—338.

в память о тех днях был создан иконостас, своеобразный живописный синодик, в котором в сосредоточенных ликах пророков отражена интонация скорбного времени. Предание донесло имя монастырского живописца Анании, писавшего «дивные иконы» и умершего 3 августа 1581 г. Его искусной руке, возможно, принадлежат также иконы праздничного ряда[168].

Преодолевая несовершенство жизни, искусство того времени стремилось к созданию идеального образа. Надежде обрести его сопутствует драматический образ иконы «Видение пономаря Тарасия» из Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря, созданной после учиненного Иваном IV погрома Новгорода в 1570 г.[169] Сюжет развивается в двух планах. Вначале предстает широкая панорама города, храмы, уличные дома, над которыми возвышается величественная панорама Хутынского монастыря[170]. Этот город переживает жестокое наказание за грехи. С неба сыплются стрелы болезни, надвигается огненное облако пожара, обрушивается громадной волной озеро Ильмень. Так раскрывается основная тема произведения — тема наказания и расплаты во имя гнева Господнего. Сочетая монументальность замысла с легким, совершенным мастерством, это замечательное произведение представляет собой знаковый памятник противоречивого времени.

К концу XVI в. московская интонация вновь возвращается в новгородскую живопись. Проводниками на этот раз выступили Годуновы, и среди них особое место принадлежит Дмитрию Ивановичу (в 1590-х гг. — новгородский наместник)[171], с инициативой которого связано создание многоярусного иконостаса для Никольского собора на Ярославовом дворище[172]. Избирая из прошлого все достойное внимания, возводя искусство минувших времен в степень эталона, старательно приобщаясь к новгородской культуре, Годуновы создали свой стиль, который Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев назвали «годуновским академизмом»[173]. Наглядный пример этого явления представляет икона с изображением святых покровителей Годуновых — «Феодот Киренейский, князь Борис, мученицы Ксения и Мария Магдалина в молении Софии Премудрости и Богородице Знамение». Одна из них — из Софийского собора, вторая — из Рождественского собора Антониева монастыря[174].

Учреждение в 1589 г. патриаршества на Руси и митрополии в Новгороде, когда Антониев монастырь получил статус степен-

---

[168] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. С. 162; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 383—384. Рис. 156, 160.

[169] Повесть о приходе царя Иоанна IV Васильевича в Новгород // Новгородские летописи. С. 393—404; *Скрынников Р. Г.* Духовное завещание царя Ивана Грозного // ТОДРЛ. М., Л., Т. 21. 1965. С. 309—318; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 388, 394, 397—399. Рис. 165—168.

[170] *Гусев П. Л.* Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб., 1900.

[171] *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1979. С. 9—12; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 413—422.

[172] *Сорокатый В. М.* Новгородские иконостасы XVI в.: Состав и иконографические особенности // Русское искусство позднего средневековья: Образ и смысл. С. 82—84, 86—87.

[173] *Амвросий.* История российской иерархии. Ч. 3. М., 1811. С. 134; *Михайловский Б. В., Пуришев Б. И.* Очерки истории монументальной живописи со второй половины XIV до начала XVIII в. М.; Л., 1941. С. 81—84; Опись Новгорода 1617 г. С. 91.

[174] Псковская икона XIII—XVI веков: Альбом / Авт.-сост. М. В. Алпатов, И. С. Родникова. Л., 1990. С. 317. № 149; *Гордиенко Э. А.* Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам). С. 220; *Трифонова А. Н.* Оклады XVI—XVII веков. С. 238; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 417, 437. Рис. 174 (деталь), LXXI. Примеч. 583—585.

ного игуменского монастыря, обретение мощей Антония Римлянина в 1597 г. — эти знаменательные даты могли стать причиной создания большого иконостаса в соборе Рождества Богоматери, пророческий и местный ряд которого укрыл драгоценный серебряный оклад. В этот период, видимо, были созданы великолепные иконы местного ряда[175]. Среди них особенно убедителен торжественный храмовый образ иконы «Рождество Богородицы с житием», в котором представлена последовательность этой церковной службы, главного монастырского праздника. В последовательность действа включен редкий сюжет — чудо с огнем, когда иудеи, пытавшиеся поджечь дом Богородицы, сгорели в этом пожаре[176]. Популярная в литературе и живописи XVI в. тема очищающего огня соединяется с темой духовного исцеления, отражаясь в огненных символах пророков, золотые отсветы которых вспыхивают приглушенными бликами окладов, венцов, лампад.

К годуновским иконам относится и «София Премудрость Божия» из местного ряда, в которой необычен лик Иоанна Предтечи. В «портретности» этого изображения (хрящеватый нос, небольшие глаза, короткие брови) сказывается один из характерных признаков годуновских икон. Некоторые из них узнаваемы и на двусторонней иконе «Богоматерь Знамение — Апостол Петр и мученица Наталья», запрестольном образе из церкви Никиты Мученика. На этом, одном из многих повторений древней реликвии завершается круг новгородских произведений, определяющих понятие «годуновский академизм»[177].

Участие Годуновых в жизни разоренного при Иване IV Новгорода ярко выразилось в возобновлении церковного строительства, храмовых вкладах и пожертвованиях. Роскошное паникадило, осветившее Софийский собор, золотой, усыпанный драгоценными камнями крест, узорное украшение древних Корсунских врат, серебряный оклад Антониевского иконостаса, патрональные и вкладные иконы, отразившие портретные черты донаторов, свидетельствуют о значительности вклада Годуновых в культуру Новгорода последних лет XVI в. Годуновский академизм с его привилегией крупной формы, холодной строгостью образа, укрытого орнаментальной завесой, представляется не только консервативным и тяжеловесным, но и органичным, в полной мере отразившим сущность исканий своего времени.

Искусство Пскова

Архитектура. В начале XVI в. в Пскове практически не строили новых каменных зданий (единственная датированная постройка — церковь Алексея Митрополита в Довмонтовом городе 1508 г.)[178]. Начало нового этапа в истории архитектуры Пскова связано с возведением в 1517 г. итальянским архитектором Иваном Фрязиным сорока саженей крепостной стены Крома от Троицкого собора до Снетового костра (Средняя башня)[179]; в 1520—1550-е гг. строительство в Пскове и Псковской земле ведется практически непрерывно. За эти годы было создано около пяти-

[175] *Амвросий.* История российской иерархии. Ч. 3. С. 134; Опись Новгорода 1617 г. С. 91—93; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 413—422. Рис. 171—174, LXX—LXXI.

[176] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 417, 420—421. Рис. 172.

[177] Там же. С. 421. Рис. 173.

[178] Псковские летописи. Вып. 1. М., 1941. С. 92.

[179] Там же. С. 98.

десяти памятников, лишь некоторые из которых имеют точные датировки: трапезная церковь Николы в Снетогорском монастыре (1519), Успенский собор Псково-Печерского монастыря (1519—1523), церкви Успения с Парома (1521), Дмитрия Солунского в Довмонтовом городе (1523), Воскресения со Стадища (1532—1534), Николы со Усохи (1535), Одигитрии на подворье Псково-Печерского монастыря (1537), Петра и Павла с Буя (1540), Жен-Мироносиц со Скудельниц (1546), Иоанна Богослова на Мишариной горе (1547), собор Иоанна Богослова Крыпецкого монастыря (1547—1557) и др.[180]

Церковную архитектуру этого периода условно можно разделить на две линии: каноническую и новаторскую.

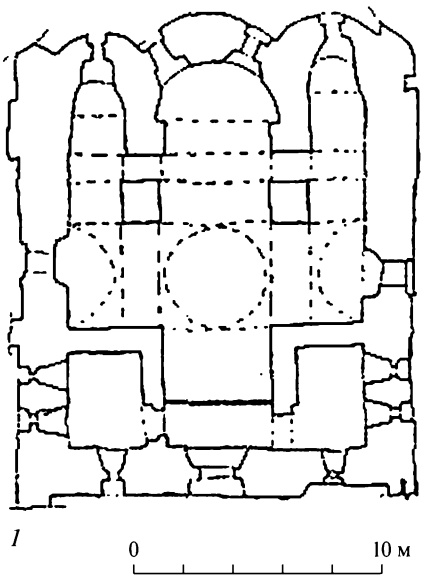
Памятники канонического направления продолжают развитие типа храма, архитектурные особенности которого сложились к концу XV в. в церкви Богоявления на Запсковье 1496 г.[181] Для них характерно четырехстолпие внутреннего пространства с повышенными подпружными арками и двухъярусными угловыми компартиментами; разделение фасадов лопатками на три прясла с многолопастными кривыми в завершении; покрытие четверика на восемь скатов; узкие прямоугольные окна в килевидных нишах с бровками на барабане, верх которого декорирован аркадой, рядом двухуступчатых полуциркульных нишек и тройным поясом из бегунца (линии треугольных углублений), между двух рядов поребрика (зубчиков); трехапсидный алтарь, имеющий в завершении пояс фигурной кладки, аналогичный поясу на барабане, а также оформление центральной апсиды аркатурой, так называемыми валиковыми разводами. Внешний облик центрального ядра — четверика с апсидами и барабаном — практически всегда одинаков, а решение внутреннего пространства существует в четырех вариантах: 1) с двумя палатками на хорах и двухъярусными восточными углами (церковь Успения с Парома 1521 г., Дмитриевский собор в Гдове между 1505—1533 гг.); 2) с палаткой в юго-западном угловом компартименте, лестницей на хоры в северо-западном углу и двухъярусными восточными углами (церкви Ильи Пророка в Кривовицах ок. 1530 г., Георгия в Сенно, Константина и Елены, Воскресения со Стадища 1532—1534 гг.); 3) с двумя палатками на хорах и свободными восточными столбами (церкви Петра и Павла с Буя 1540 г.; Николы в Виделебье 1551—1552 гг.; Никольский собор в Острове 1542—1543 гг.); 4) с палаткой в юго-западном угловом компартименте, лестницей на хоры в северо-западном углу и свободными восточными столбами (церкви Покрова в Знахлицах, Покрова (храм № 8) в Довмонтовом городе)[182].

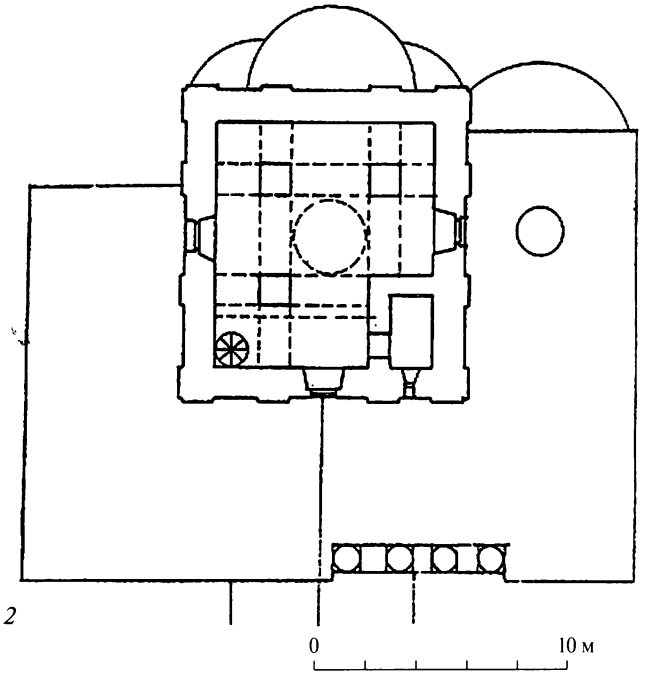
Будучи близкими по типу, многие памятники имеют оригинальные детали: керамические пояса на барабанах (церкви Петра и Павла с Буя, Николы в Виделебье, Дмитриевский собор в Гдове, Никольский собор в Острове), своды с невыявленными подпружными арками (церковь Воскре-

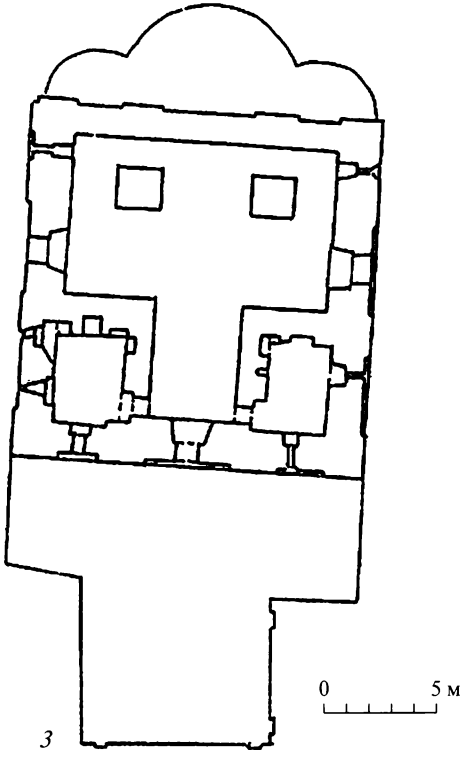
[180] Большая часть псковских памятников XVI в. не имеет точных датировок, проблема датирования построек этой эпохи до сих пор остается одной из основных исследовательских задач (см.: *Антипов И. В., Скобкарева Д. С.* Архитектура Пскова XIV—XVI вв.: Основные итоги и перспективы изучения // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 172—188). В связи с этим в данном тексте мы стараемся указывать даты только у твердо датированных памятников.

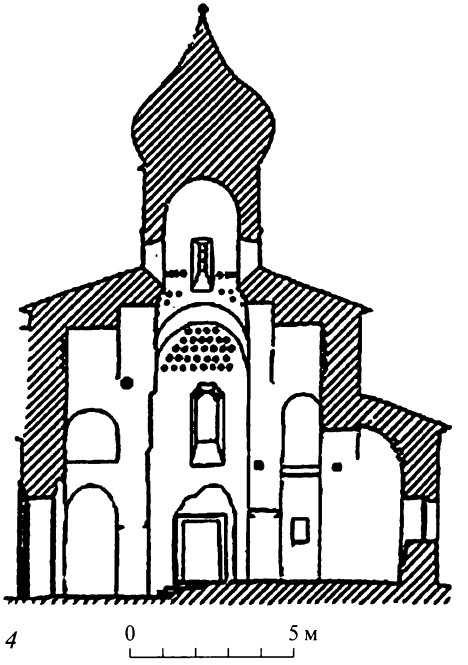
[181] *Спегальский Ю. П.* Церковь Богоявления с Запсковья // Культура и искусство Древней Руси: Сборник статей в честь профессора М. К. Каргера. Л., 1967. С. 115—122; *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XIV—XV веков: Происхождение и становление традиции. М., 1992. С. 133—135; *Комеч А. И.* Каменная летопись Пскова XII — начала XVI в. М., 1993. С. 177—191; *Лагунин И. И.* Храм Богоявления с Запсковья: История и реставрация // Псков: Научно-практический историко-краеведческий журнал. Псков, 2013. С. 95—105.

[182] Наиболее полные сведения о памятниках псковской архитектуры XVI в., с чертежами и фотографиями построек, см.: *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. М., 1996.









Обмерные чертежи псковских храмов первой половины XVI в.: *1* — Успения с Парома. 1521 г. План по хорам; *2* — Воскресения со Стадища. 1532—1534 гг. План по хорам; *3* — Петра и Павла с Буя. 1540 г. План по хорам; *4* — Покрова в Знахлицах. После 1533 г. (?) Продольный разрез (по: *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 52, 59, 103, 106).

сения со Стадища и Никольский собор в Острове), усложненные композиционные схемы храмового комплекса (Никольский собор в Острове и церковь Петра и Павла с Буя) и др. Интересной особенностью двух Покровских церквей, в Знахлицах и в Довмонтовом городе, являются внутренние прямоугольные очертания боковых апсид, перекрытых коробовыми сводами.

Наряду с развитием архитектурных форм, найденных в конце XV столетия, в псковское зодчество проникают новые веяния, выразившиеся в первую очередь в освобождении интерьера от хор и угловых палаток. В результате столбы оказались свободными на всю высоту, а внутреннее пространство стало более цельным и легким. Кроме того, памятники данной группы, за некоторым исключением, отличаются наличием подцерковья.

Среди построек новаторского направления принято выделять небольшую группу храмов, в которых нет угловых палаток, но западные столбы имеют еще низкое скругление. Это монастырские церкви Дмитрия Мироточивого в Поле и Климента на Завеличье, а также погостский храм Саввы Освященного в Савиной пустыни.

Первым памятником с высоким скруглением западных столбов традиционно считается церковь Николы со Усохи 1535 г.[183] Внешне центральное ядро храма соответствует каноническому типу с разделением фасадов лопатками на три прясла, завершающихся многолопастными ползучими арками, с восьмискатным покрытием и с традиционной декоративной схемой барабана и апсид. Однако в данном памятнике впервые был применен набор всех композиционных элементов, ставших характерной чертой псковских храмов XVI в. Изначально композиция Никольской церкви была усложнена северным приделом, ризницей с юга, окружавшей храм с трех сторон закрытой галереей с тремя притворами, двухпролетной звонницей на северной стене и уникальной открытой часовней, примыкавшей с юго-востока к южной апсиде. Оформление фасадов, барабана и апсиды придельного храма Сретения повторяет храмовое убранство. Внутреннее пространство бесстолпного придела перекрыто характерными для Пскова ступенчатыми сводами. Найденное композиционное решение церкви Николы со Усохи, а также организация внутреннего пространства и внешнего оформления легли в основу большинства памятников данного направления (церкви Анастасии Римлянки, Старое Вознесение и др.). Среди них выделяется небольшая группа храмов с первоначальным закомарным завершением и пощипцовым покрытием фасадов: церкви Жен-Мироносиц со Скудельниц 1546 г., Василия на Горке, Николы в Любятове, соборы Крыпецкого и Мальского монастырей 1547—1557 гг.

В первой половине XVI столетия возводятся и бесстолпные церкви: Алексея Митрополита в Довмонтовом городе 1537 г. (на месте разрушившейся церкви 1508 г.), Алексея человека Божия в Поле 1540 г., Николы от Каменной ограды, Стефана в Стефановском монастыре на Лугу 1546 г., Спаса Преображения в погосте Колпино.

Бесстолпные церкви рассматриваемого периода можно охарактеризовать как одноапсидные постройки с первоначальным восьмискатным покрытием и традиционным членением фасадов на три прясла, завершающихся многолопастными ползучими арками. Аутентичные своды сохранились лишь у церкви Николы Каменноградского и относятся к типу «свод с несущей распалубкой». Апсиды храмов лишены

[183] *Спегальский Ю. П.* Реконструкция церкви Николы на Усохе в Пскове // Памятники культуры: Исследования и реставрация. Вып. 3. М., 1961. С. 77—91; *Скобельцын Б. С.* Возрождение памятника архитектуры: Реставрация церкви Николы со Усохи XVI века в Пскове в 1946—1978 годах // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков, 1987. С. 78—80; *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 79—80.

декора. Исключение составляет церковь Стефана на Завеличье, алтарь которой был украшен валиковыми разводами. Церкви Алексея в Поле, Николы от Каменной ограды и Стефана на Завеличье поставлены на подцерковье, причем планы подцерковий Алексеевского и Никольского храмов очень близки[184]. Отличительной особенностью этих церквей является устройство входа в нижний ярус в апсиде. Лестница, которая вела в подцерковье храма Стефана, располагалась в палатке, примыкавшей к северной стене притвора.

В первой половине XVI столетия появляются новые для псковского зодчества типы построек. Так, в 1519 г. в Снетогорском монастыре была завершена трапезная палата с церковью Святого Николы — первый известный образец трапезного храма в Псковской земле[185]. Значительно перестроенный верхний этаж трехъярусной трапезной палаты представлял собой просторное помещение, перекрытое коробовыми сводами, опиравшимися на центральный столб. В среднем ярусе располагались служебные помещения, а в подклете хранились монастырские запасы. С востока к объему трапезной примыкает небольшая одноапсидная церковь во имя св. Николая, бесстолпное внутреннее пространство которой перекрыто сводом с несущей распалубкой. Особенностью данного храма была керамическая храмозданная надпись, украшавшая барабан, — один из первых датированных образцов употребления подобного декора. В течение XVI столетия трапезные храмы были построены также в Псково-Печерском (1540), Крыпецком, Мальском и Николаевском Перинском монастырях.

В 1519 г. начинается благоустройство и фактически строительство Псково-Печерского монастыря силами псковского наместника великого князя Мисюря-Мунехина и его подьячего Ортюши Псковитина. В этом году они приступают к созданию пещерного храма Успения Пресвятой Богородицы с приделом во имя свв. отцов Феодосия и Антония Киево-Печерских (освящен в 1523 г.). Внутреннее зальное пространство разделено шестью столбами на три нефа, алтари церкви и придела имеют прямоугольную форму. Единственный фасад храма, северный, первоначально имел две главы с горками кокошников в основании. Планировочное и объемно-пространственное решения собора уникальны и говорят о непсковском происхождении строивших его мастеров[186].

В первой половине XVI столетия в Пскове появляется еще один тип построек — многопролетные звонницы[187]. Основу архитектурного объема таких звонниц составляет стена с несколькими пролетами для колоколов, имеющая в нижнем ярусе пристройку с дополнительными помещениями. Такие звонницы входят в архитектурный ансамбль церквей Успения с Парома, Богоявления с Запсковья, Козьмы и Дамиана с Примостья, Псково-Печерского и Мальского монастырей.

Вероятно, в 1526—1527 гг. в Снетогорском монастыре возводится еще одно типологически новое для Пскова сооружение — столпообразная церковь Вознесения «под колоколы». Композиция храма состояла из двух поставленных друг на друга восьмигранников. Первый ярус — подклет. Нижний восьмерик занимала Вознесенская

---

[184] *Антипов И. В.* О времени появления храмов на подцерковье в псковской средневековой архитектуре // Образ христианского храма: Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А. Л. Баталова. М., 2015. С. 186—195.

[185] *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 34—39.

[186] Там же. С. 39—40.

[187] *Шалина И. А.* Псковские звонницы и колокольни XVI в. // Памятники культуры: Новые открытия: 1997. М., 1998. С. 473—484.

церковь, верхний был окружен аркадой с колоколами. Завершался столп пологим шатром[188].

В первой половине XVI в. продолжают ремонтировать и возводить фортификационные сооружения Пскова, как деревянные, так и каменные, в строительстве которых принимают участие итальянские архитекторы, именуемые в источниках «Фрязинами». Помимо этого, псковичи принимают участие в строительстве таких городов, как Себеж в 1535 г. и Заволочье в 1536 г.

Возводились и жилые постройки. Из летописного сообщения 1535 г. известно, что в этом году по заказу новгородского архиепископа Макария псковичи строили владычный двор на Торговой площади за церковью Спаса Всемилостивого. Из построек упоминаются деревянные горницы и повалуша[189]. Однако ни эти, ни какие-либо иные жилые сооружения Пскова XVI в. не сохранились до нашего времени. Также не сохранился ни один из деревянных храмов, сообщениями о строительстве которых наполнены летописные известия XVI столетия.

В 1555 г. по указу Ивана Васильевича артель псковских каменщиков под руководством Ивашки Ширяя во главе с церковным и городовым мастером Посником Яковлевым отправилась на строительство Казани и Свияжска, где работала до 1562 г.[190] «Городовые» мастера строили Казанский кремль — каменные стены (частично, полностью каменной крепость стала только в 1594/95 г.), башни, надвратные церкви Спаса Нерукотворного и Воскресения Христова (это были первые образцы надвратных храмов в строительной практике псковичей).

«Церковные» мастера в это время были заняты на работах в Успенском монастыре в Свияжске, основанном в 1555 г. Сперва была построена монастырская трапезная с церковью Николая Чудотворца (1556). Первоначально к квадратному в плане объему трапезной палаты с востока примыкал квадратный объем церкви с двухъярусной апсидой; южнее церкви, над входом в трапезную, возвышалась колокольня, к югу от которой располагалась квадратная в плане палатка. В интерьере большая одностолпная трапезная палата имеет традиционное перекрытие четырьмя крестовыми сводами, опирающимися на центральный квадратный столб. Этажом ниже располагались различные службы, как под трапезной, так и под объемами церкви и юго-восточной палатки. Бесстолпное внутреннее пространство церкви перекрыто купольным сводом на тромпах, ранее не встречавшихся в архитектуре Пскова. Глухой барабан, первоначально завершавший церковь, имел традиционный тройной фриз и нехарактерные для псковского зодчества щелевидные ниши, имитирующие окна и объединенные аркатурным пояском с горизонтальными перехватами на вертикальных тягах. Несмотря на оригинальность композиции, составные части постройки напоминают трапезные храмы Псковской земли первой половины XVI в.

Монастырский собор Успения Богородицы (освящен в 1560 г.) — четырехстолпный, трехапсидный, одноглавый храм с первоначальным восьмискатным покрытием и декоративным оформлением фасадов, соответствующим каноническому типу псковского храма. Не характерны для Пскова полуциркульные окна, прорезающие барабан собора и чередующиеся с более традиционными щелевидными с килевидным завершением и бровками над ними. В интерьере световой барабан несут широкие повышенные подпружные арки, опирающиеся на квадратные столбы, свободные на всю высоту.

---

[188] *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 46—49.

[189] Псковские летописи. Вып. 1. С. 107.

[190] *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 170—200.

После окончания строительства в Свияжске псковские мастера переехали в Казань, где в 1561—1562 гг. возвели Благовещенский собор на территории Казанского кремля. Первоначальный объем храма представлял собой массивную шестистолпную трехапсидную постройку с пятью главами. Очевидно, что образцами для данного памятника послужили храмы Соборной площади Московского Кремля. Фасады собора расчленены на прясла лопатками с трехуступчатыми капителями и завершаются полукруглыми закомарами с пощипцовым покрытием. Традиционно псковское декоративное оформление центральной главы дополнено аркатурно-колончатым поясом, обрамляющим арочные окна, со сдвоенными арками на консолях в простенках. Аналогичен декор малых барабанов, за исключением сокращения тройного пояса до одного ряда «поребрика» и отсутствия линии арочных нишек в венчающей части. Три высокие апсиды украшены валиковыми разводами с горизонтальными жгутиками-перемычками в основании и завершении вертикальных тяг, по верху апсид проходил традиционный тройной декоративный пояс. Основные конструкции внутреннего пространства — пониженные подпружные арки, несомые высокими круглыми столбами. Переход от подпружных арок к центральному барабану осуществлен с помощью тромпов, угловые барабаны несут традиционные для псковского зодчества паруса.

В Казани, помимо Благовещенского собора, псковичи построили трапезную церковь Николы Ратного в Спасском монастыре, основанном на территории Казанского кремля. Точное время появления постройки неизвестно. Известна лишь общая композиция памятника: к вытянутому объему трапезной палаты примыкал бесстолпный четверик церкви с полукруглым алтарным выступом. Все объемы были поставлены на подцерковье.

К осени 1562 г. псковские мастера вернулись на родину, о чем свидетельствует возобновление строительной деятельности в Пскове после небольшого перерыва. Летопись сообщает о возведении каменной стены Окольного города — от Гремячей горы к Пескам, обусловленном новым этапом Ливонской войны, когда в битву вступили Польша и Великое княжество Литовское (1561)[191].

Военная ситуация стала причиной строительства в эти же годы каменных укреплений Псково-Печерского монастыря, находящегося в непосредственной близости к границам государства. В 1564 г. здесь возводится надвратная церковь Николая Чудотворца, что говорит о влиянии деятельности псковских мастеров в Поволжье, поскольку нам неизвестны более ранние надвратные церкви в Псковской земле. Храм представляет собой одноглавую одноапсидную постройку с небольшим притвором и примыкающей к нему двухпролетной звонницей псковского типа. Внутреннее бесстолпное пространство перекрыто ступенчатыми сводами, несущими световой барабан. Выделяет памятник оформление южного фасада: четыре лопатки соединены тремя двухуступчатыми полуциркульными арочками, над которыми расположены два двухуступчатых люнета большего размера. Подобное оформление фасадов уникально для псковского зодчества[192].

После 1564 г. псковские летописи не сообщают о строительной деятельности. Вероятно, это обусловлено событиями Ливонской войны и сложной внутриполитической обстановкой. Тем не менее существует ряд памятников, возведение ко-

[191] Псковские летописи. Вып. 2. С. 243.

[192] *Рабинович Г.* Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 57—86; *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 217—220.

торых обычно относят ко второй половине XVI столетия.

Вероятно, 1560—1570-ми гг. датируется церковь Троицы в селе Доможирка[193]. Основной объем церкви, соответствующий каноническому типу с палаткой в юго-западном углу, лестницей на хоры в северо-западном углу и свободными восточными столбами, фланкируют два одинаковых придела, объединенных обходящей собор с трех сторон закрытой галереей. Над западным притвором устроена двухпролетная звонница. Апсиды приделов в декоративном оформлении повторяют алтарную апсиду Троицкого храма и украшены тремя арками валиковых разводов и традиционным пояском фигурной кладки в венчающей части, имеющимся и на боковых апсидах главного храма. Декор центрального барабана и барабанов приделов отличает лишь отсутствие бровок на последних, в остальном оформление соответствует традиции. Бесстолпные приделы перекрыты ступенчатыми сводами.

Собор Трех Святителей Елеазарова монастыря близ Пскова продолжает новаторскую линию первой половины XVI в.[194] Композиционно памятник близок церкви Василия на Горке и собору Крыпецкого монастыря; основной объем храма окружен с трех сторон закрытой галереей, завершающейся на востоке приделом (с юга) и ризницей (с севера). Все объемы поставлены на подцерковье. Уникальной чертой в композиции данного храма является шестигранная столпообразная колокольня в центре западного фасада, вдоль которого устроена небольшая лестница для входа в храм через колокольню. Основные конструкции внутреннего пространства — повышенные подпружные арки, опирающиеся на четыре свободно стоящие столба (западные столбы квадратные в плане, восточные — скруглены к востоку). Новаторская линия продолжается и в увеличении количества декоративных элементов на фасадах храма. Барабан Трехсвятительского собора уникален по своему убранству, здесь использован широкий спектр декоративных элементов: традиционный псковский декор барабана дополнен аркатурой из трехлопастных арок, обрамляющей окна, а также тонким горизонтальным жгутом между аркатурой и традиционным тройным пояском. К оформлению алтарной апсиды добавлен пояс из двухуступчатых полуциркульных ниш с аркатурой над ними, встречающийся в других памятниках только в завершении барабанов. Кроме того, валиковые разводы теперь украшают и боковые апсиды. Причем окна, оказавшиеся «на пути» вертикальных тяг, не разрывают их. На южной апсиде валик обходит окно с одной стороны в виде прямоугольной рамки, а на северной валик повторяет очертания арочного окна, образуя рамку аналогичной формы. Основной объем апсид отделен от цоколя горизонтальным жгутом, на который «опираются» вертикальные тяги валиковых разводов. Разнообразный характер имеет и декор фасадов колокольни.

Одним из уникальных памятников в истории псковской архитектуры была церковь Ильи Пророка в погосте Торошино, разрушенная во время Великой Отечественной войны[195]. Оригинальной особен-

---

[193] *Кузнецов А. В.* Датировка Троицкой церкви в Доможирке // Ю. П. Спегальский и историко-культурное наследие Псковской земли: Материалы научно-практической конференции (2—3 июня 2009 г.). Псков, 2009. С. 53—60.

[194] *Морозкина Е. Н.* Новое в зодчестве Пскова XVI века: По памятникам Спасо-Елеазарова и Снетогорского монастырей // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Вып. 1. М., 1964. С. 185—200; *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 220—226. Вл. В. Седов предлагает датировать храм второй половиной 1560-х — 1570-ми гг.

[195] *Седов Вл. В.* Церковь Ильи Пророка в погосте Торошино — уникальный псковский храм XVI века // Архитектурное наследство. Вып. 52. М., 2010. С. 71—80.

ностью храма являлось решение внутреннего пространства. Западные столбы были вплотную приближены к северной и южной стенам и представляли собой не отдельно стоящие опоры, а, скорее, сильно выступающие пилястры. При этом основные конструкции завершения — это повышенные подпружные арки. Для увеличения вместительности храма западная часть была вытянута по оси восток—запад, в результате чего на боковых фасадах появилось дополнительное (четвертое) прясло, завершавшееся полукруглой аркой. Три других прясла имели вполне традиционное для Пскова завершение многолопастными кривыми. Апсида и барабан храма имели развитый декор. Как и в соборе Елеазарова монастыря, алтарь Ильинской церкви дополнительно был украшен аркатурой и поясом арочных нишек. Барабан, помимо традиционного декоративного оформления, имел валиковую аркатуру, но в данном случае три арочки между вертикальными жгутами располагались на одном уровне.

В 1570-е гг. по указу Ивана IV шло строительство Успенского собора Святогорского монастыря[196]. Памятник кажется архаичным для этого времени — он абсолютно соответствует каноническому типу с двумя палатками на хорах и свободными восточными столбами. Небольшим исключением является отсутствие валиковых разводов на центральной апсиде.

Линию памятников со свободно стоящими внутренними опорами продолжали соборы Черменецкого и Спасо-Великопустынского монастырей[197]. Но в данном случае, как и в соборе Елеазарова монастыря, западные столбы квадратные в сечении, а восточные имеют скругление, храмы поставлены на подцерковье. Внешний облик храмов, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, соответствовал псковской традиции конца XV в.

Необычен для псковской архитектуры храм Покрова от Пролома с приделом Рождества Богородицы, появившийся в своем современном виде, видимо, вскоре после штурма Пскова войсками Стефана Батория в 1581 г.[198] По сути, это два равноценных одноапсидных одноглавых храма, имеющие общую стену и объединенные двухпролетной звонницей на западном фасаде. Фасады не имеют вертикальных членений. Из декора — только ниши-киоты с двухуступчатыми архивольтами в центре западных фасадов, апсиды декорированы поясами бегунца и поребрика. Каждый из объемов завершен двускатной кровлей, бесстолпные интерьеры перекрыты ступенчатыми сводами.

Около 1593 г. в Пскове возводится монастырская церковь Сергия с Залужья[199]. Памятник завершает линию построек канонического типа с палаткой в юго-западном углу и свободными восточными столбами (однако в этом храме есть подцерковье). Северная стена церкви увенчана двухпролетной звонницей. Апсиды украшены лишь поясками декоративной кладки. Внутри боковые апсиды имеют уникальный трапециевидный план и перекрыты коробовыми сводами.

Несмотря на присоединение Пскова в 1510 г. к Москве, псковское зодчество XVI столетия приняло и продолжило архитектурные традиции, сложившиеся к концу XV в. Одновременно с каноническими памятниками создается ряд построек, архитектура которых является воплощением

[196] *Седов Вл. В.* Успенский собор Святогорского монастыря и псковская архитектура 1560—1570-х гг. // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. Вып. 2. М., 1995. С. 133—140.

[197] *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 234—238.

[198] Ю. Б. Бирюков датирует памятник серединой 1630-х гг.: *Бирюков Ю. Б.* К вопросу о датировке икон с изображением Пскова и Псково-Печерского монастыря и церкви Покрова и Рождества от Пролома // Архитектурное наследство. Вып. 47. 2007. С. 91—102.

[199] *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 238—240.

новых идей как в типологическом, так и в конструктивно-стилистическом отношении. Эти две линии существовали на протяжении всего XVI столетия и не были прерваны вызовом псковских зодчих в Казань, где они в очередной раз продемонстрировали свою способность к усвоению и переработке новых форм при сохранении своего авторского почерка. Шестнадцатое столетие стало кульминацией в истории псковского зодчества, за которой последовал естественный спад, вызванный тяжелой внешнеполитической ситуацией и нестабильностью положения внутри страны.

Живопись и прикладное искусство. Псков в XVI в. был одним из крупных городов не только Руси, но и Европы. Автор дневника последнего похода Стефана Батория сравнивал город с Парижем[200], немецкий путешественник И. Вундерер сопоставлял его с Римом, говоря, что Псков так же могуществен и населен[201]. Протестантский пастор Павел Одерборн писал, что «город был знаменит великолепием построек, большим количеством населения, изобилием богатств, плодородием почвы, окружен неприступными стенами, укреплен башнями и вид города также очень красив. В него часто приезжали купцы из Персии, Татарии, Сарматии (подразумевалась Московия. — *А. К.*), Ливонии, Германии, Британии и многих других стран, так как он был очень знаменит своим рынком»[202].

Начало XVI в. было ознаменовано потерей независимости Пскова. Присоединение Пскова к Москве вызвало долгий процесс перестройки не только всей системы политического управления, но и изменения ментальности псковичей[203]. Кроме того, великим князем Московским была проведена полная смена местной элиты; вместо выселенных из Пскова трехсот семейств в городе появились «приведенные» жители городов Северо-Восточной Руси. Это не могло не повлиять на состав заказчиков произведений искусства с их новыми для Пскова вкусами и привычками. Дипломат Священной Римской империи, дважды посетивший русское государство, С. Герберштейн писал, что «просвещенные и даже утонченные обычаи псковитян сменились обычаями московитов, почти во всех отношениях гораздо более порочными»[204].

На исходе второго десятилетия в Пскове возобновились активное строительство и перестройка храмов в угоду новым культурным веяниям. В 1519 г. был построен каменный Никольский трапезный храм в Снетогорском монастыре[205], вероятно первый на Псковской земле. Тогда же в центре города повелением великого князя Московского были возведены три деревянные церкви во имя Петра Митрополита, Луки Евангелиста, Фомы Апостола и Дмитрия Вологодского[206]. В 1521 г. был освящен каменный храм Успения с Парома[207]. В 1523 г. была поставлена каменная церковь Дмитрия Солунского в Довмонтовом городе[208]. В 1530-е гг. были построены храмы Жен-Мироносиц со Скудельниц, Анастасии Римлянки в Кузнецах, Пятницы в Бро-

[200] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580—1581 гг.). Псков, 2005. С. 321.

[201] *Морозкина Е. Н.* Щит и зодчий: (Путеводитель по древнему Пскову). Псков, 1994. С. 37.

[202] *Кирпичников А. Н.* Иностранцы о Пскове XVI века: Новые исследования // Древний Псков: История. Искусство. Археология: Новые исследования. М., 1988. С. 228—229.

[203] *Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV—XVI веках. Псков, 2004. С. 100—101.

[204] *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. Т. 1 / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008. С. 349.

[205] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 100.

[206] Там же. С. 101.

[207] Там же.

[208] Там же.

дах, Спаса на Торгу, а также Воскресения со Стадища и Дмитрия Мироточивого в монастырях[209]. С началом царствования Ивана IV строительная деятельность в Пскове не прекратилась. За сорок лет после включения Пскова в состав Московского государства только по летописным данным известно о строительстве в Пскове тридцати каменных и десяти деревянных храмов, не считая церквей в пригородах, на погостах и в загородных монастырях. Все эти церковные постройки нужно было украшать и наполнять предметами богослужения. Провоцировали работу строителей, иконописцев и мастеров-серебряников частые пожары[210], которые были отмечены гибелью людей, зданий и церковного имущества. Особенно сильными были последствия пожаров 1544 и 1550 гг.[211]

В эпоху опричнины в Пскове был проведен новый «перебор людишек» и выселены пятьсот семейств на восток страны, многие были убиты[212]. В самом городе во время опричного похода царь приказал «церковную казну по обителем и по церквам, иконы, и кресты, и пелены, и сосуды, и книги, и колоколы, поима с собою»[213].

После присоединения Пскова к Московской Руси и событий 1569—1570 гг. преобладающим населением Пскова стали посадские люди, «прямо или косвенно связанные с внешней торговлей», при этом купечество в социальной жизни города играло значительную роль[214]. Культурным контактам помогало создание словарей, в большинстве которых исследователи усматривают особенности именно псковского говора[215]. Самый известный из подобного рода «разговорников» был скопирован в Пскове в 1607 г. неким Теннисом (Тонни) Фенне[216].

В XVI столетии в Пскове появляются первые резиденции иностранного купечества там, где кончаются дороги из Риги и Дерпта (Юрьева). К этому же времени относятся первые упоминания Немецкого берега в иностранных источниках. До этого иностранные купцы размещались на подворьях горожан[217].

В конце 1550-х гг. Псков оказался втянутым в борьбу за восточное побережье Балтики. Ливонская война и осада Пскова 1581 г. нанесли ощутимый урон экономике города и Псковской земли. Завершается век важнейшим для псковской церковной жизни событием. До конца XVI в. Псков входил в состав Новгородской епархии и управлялся архиепископом Новгородским, посылавшим в Псков своего наместника. В связи с установлением патриаршества в России и учреждением нескольких новых епархий в Пскове появляется свой владыка.

На фоне этих сложных событий нельзя не поражаться полнокровному духовно наполненному искусству Пскова этого времени. По-прежнему в иконописи была сильна традиция, восходящая к так называемому живописно-экспрессивному стилю икон Пскова XV столетия. Продолжала существовать уникальная иконография «Сошествия во ад», которая была представлена

[209] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 105—106, 108—109.

[210] Пожары в Пскове были в 1520, 1532, 1534, 1538, 1540, 1544, 1550, 1560, 1561, 1562, 1565 гг.

[211] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 111—112; Вып. 2. С. 231—232.

[212] *Аракчеев В. А.* Средневековый Псков. С. 136.

[213] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 116.

[214] *Хорошкевич А. Л.* Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале Нового времени // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). Т. 1. М., 2003. С. 35.

[215] Там же. С. 36.

[216] *Хорошкевич А. Л.* Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 200—217.

[217] *Хорошкевич А. Л.* Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале Нового времени. С. 34.

в искусстве Пскова на протяжении двух веков. В начале XVI в. в русле псковских традиций написана икона «Троица Ветхозаветная. Гостеприимство Авраама» (ГТГ) с изокефальным изображением ангелов[218]. Можно привести и другие примеры. Однако «трудно представить, например, „Собор Богоматери“ из Варваринской церкви (ГТГ) в ряду себе подобных»[219] в составе ансамбля иконостаса.

В связи с общерусской тенденцией роста количества рядов в алтарных преградах неминуемы были изменения стиля икон в составе этих ансамблей. От первой половины XVI столетия до нас дошло несколько почти полностью сохранившихся праздничных, деисусных и пророческих чинов[220], что дает уникальную возможность исследовать стилистические и иконографические особенности живописи Пскова этого времени. Ансамбль иконостаса требует гармонизации всех элементов, его составляющих. Прежде всего ослабляется напряженность цветовых сопоставлений, что было характерно для псковской живописи предыдущего столетия в экспрессивных иконах, рассчитанных на индивидуальное общение[221]. Иконографию псковских праздничных чинов XVI в., по мнению Л. В. Нерсесяна, «представляют различные комбинации черт и признаков, что было, по-видимому, обусловлено разной степенью усвоения общерусских иконографических схем, главным источником которых могла быть новгородская живопись макарьевского и послемакарьевского времени»[222]. Но даже в иконах, где встречаем более разнообразное колористическое решение или непривычные «готические» мотивы в архитектурных фонах, как в праздниках из церкви Николы со Усохи, чувствуются неутраченные псковские черты[223]. Таким образом, произведения псковских мастеров XVI в. «не образуют единого эволюционного ряда», так как, с одной стороны, они демонстрируют «консервативный стиль», «прочно связанный с древней локальной художественной традицией», а с другой — «обнаруживают прямую связь с искусством Новгорода и Москвы того времени»[224].

Дошедшие до наших дней предметы из серебра или образцы лицевого шитья принадлежат храмовой утвари и являют собой то, чем старались украсить богослужение псковские жители. Среди немногих сохранившихся в разных музеях вещей почти нет «задушных» вкладов владык и князей. Предметы храмовой утвари происходят из того же демократического круга, что и заказчики многих церквей. На некоторых предметах сохранились надписи, свидетельствующие об именах заказчиков. Это большой напрестольный крест 1521 г., украшенный басмой и крупными шлифованными стеклами в зубчатых кастах, на боковых концах перекладин которого канфарником нанесена надпись: «Лето 7029 соверьшен крестъ сии повелениемъ рабъ божьих пблгумна [по благословению игумена] рафаила при казнацеех кондратьи великом»[225]. Еще одна надпись представлена на известном серебряном блюде XVI в., происходящем,

[218] Псковская икона XIII—XVI веков. № 41.

[219] *Бобров Ю. Г., Ткачева Н. М.* Псковская школа живописи в XVI веке // Древний Псков: История. Искусство. Археология: Новые исследования. С. 244.

[220] Псковская икона XIII—XVI веков; *Васильева О. А.* Иконы Пскова: В 2 т. М., 2012.

[221] *Бобров Ю. Г., Ткачева Н. М.* Псковская школа живописи в XVI веке. С. 244.

[222] *Нерсесян Л. В.* Наблюдения над иконографией псковских праздничных чинов XVI в. // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи: К 1100-летию Пскова. М., 2008. С. 334.

[223] Там же. С. 336.

[224] *Сорокатый В. М.* Псковская иконопись первой половины — середины XVI в. // Там же. С. 337.

[225] ПИАХМЗ. № 141. Поступил в Псковский краеведческий музей в 1931 г. Серебро, дерево, стекло; басма, литье, золочение. 46,0×25.0 см.

вероятно, из церкви Михаила и Гавриила Архангелов с Городца: «7057-го зделано бысть сие блюдо в храмъ на престол стому архистратигу Михаилу повелениемъ рабъ бжиихъ прикащиковъ Ивана Зайцова да Михаила Турсенева»[226].

Характерной особенностью устройства псковской церковной жизни, сохранявшейся до середины XVII в., было то, что церкви строились (кроме раннесредневекового периода) на землях и на деньги, принадлежащие посадским людям, купцам, и соответственно они участвовали в управлении ими. Они избирали в церковь священника, а «прикащики» наряду со старостами также выбирались из посадского мира, чтобы ведать организацией сельскохозяйственных работ на землях, принадлежащих церковной общине, обеспечивать доход церкви, ругу священнику, благоукрашать храм и снабжать его всем необходимым для служб. При этом они могли пользоваться землями, которые принадлежали миру, в своих коммерческих интересах.

Именно эти посадские люди заказывали в свои храмы великолепные серебряные дискосы и блюда, которые отмечены уже первыми исследователями псковского серебряного дела[227]. Необыкновенно красива их тщательно прокованная поверхность, бледная позолота, которая выделяет важные в смысловом и декоративном отношении элементы и выгодно сочетается с цветом серебра. О мастерстве создателей можно говорить в превосходных степенях. Блюда и дискосы декорированы резьбой. И хотя резьба — начальный этап обучения мастеров-серебряников, эти работы выполнены отнюдь не ученической рукой. Широко известно церковное блюдо с резным изображением на зеркале «Богородицы Знамение», вписанное в геометрические фигуры, напоминающие «Спаса в силах», и опирающееся на херувима. Эта композиция имеет аналогию в псковской иконе «Богоматерь Знамение» XVI в.[228], где Богородица также «восседает» на херувиме. Изображение на блюде включено в круг резного растительного позолоченного орнамента, размещенного на фоне косой штриховки. По борту резана есть надпись из чина о панагии, которая говорит о предназначении этого блюда: «Бысть чрево твое святая трапеза имущи небесного хлеба I(с)А от него же всяк ядый не умирает яко же рече всяческих БЦЕ питательнице жизни ншея»[229]. Надпись прерывается в четырех местах розетками, расположенными крестообразно. Эта композиция повторена в блюдах из храма Николы со Усохи и из Мирожского монастыря[230], где Богоматерь изображена в окружении херувимов и символов евангелистов.

Большое круглое, с нешироким, горизонтально отогнутым бортом с рельефной закраиной блюдо из церкви Николы со Усохи имеет по борту надпись, аналогичную предыдущей с единственным отличием: она заканчивается словами «честнѣйшу херувимъ и слав...». Изображение Богородицы с Христом, благословляющим двумя руками, вписано во взаимно перпендику-

[226] ПИАХМЗ. № 28; *Постникова-Лосева М. М.* Серебряное дело Пскова XVI—XVII веков // Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 166.

[227] *Постникова-Лосева М. М.* Серебряное дело Пскова XVI—XVII веков. С. 157—173; *Родникова И. С.* Художественное серебро XVI — начала XIX века из собрания Псковского музея-заповедника. М., 2013.

[228] ГТГ. № 12851; Псковская икона XIII—XVI веков. № 42.

[229] Текст на блюде близок словам из Богородичен пятой песни канона на Преполовение Пятидесятницы и молитве вечерней трапезы: «Бысть чрево Твое святая трапеза имуще Небеснаго Хлеба Христа от Него же всяк ядый не умирает якоже рече всяческих Богородице Питатель». Часть надписи восходит к Ин. 6: 50—51: «Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек». В толковом Типиконе М. Скабалановича (Ч. 2), где рассматривается история Чина о панагии, также упоминается текст вышеприведенной молитвы, но не со словами «питательнице жизни ншея».

[230] ПИАХМЗ. № 19, 47.

лярные ромбы, в углах нижнего из которых помещены символы евангелистов: ангел — «Матфе» (Матфей), орел — «Мар» (Марк), лев — «Иоан», телец — «Лук» (Лука). Образы четырех животных (тетраморф) происходят из пророческого видения Иезекииля (Иез. 1: 4—28; 10: 14; 41: 19). В Откровении Иоанн Богослов продолжил эту традицию (4: 6—8). Во II в. Ириней Лионский в Толковании на Апокалипсис предложил осмысление связи существ из виде́ния Иоанна Богослова и евангелистов. Надписи́ на блюде соответствуют трактовке Иринея Лионского. В ходе реформы патриарха Никона толкование образов стало восходить к традиции конца II в.: лев — Марк, телец — Лука, человек — Матфей, орел — Иоанн. Композицию окружают восемь херувимов; интересно, что три из них изображены в профиль, взирающими на Богородицу с Младенцем.

О богослужебном употреблении того или иного предмета мы можем судить на основании характера изображений и текстов на нем. Один из самых выдающихся примеров псковской резьбы XVI в. — дискос на высоком, круглом, воронкообразном поддоне[231]. В центре тарели резное изображение Евхаристии, где Христос, изображенный дважды, под киворием над престолом причащает апостолов хлебом и вином. Беря с дискоса, стоящего на престоле, частицу, Христос подает ее в руки благоговейно склонившегося к нему апостола Петра, за ним изображены: Паве(л), Андри(ей), Фома, Мар(к), Вар(нава), Си(мон), Ива(н), Яко(в), Фи(липп), Лу(ка), М(атфей). Справа подходят те же двенадцать апостолов к чаше, которую Христос подносит к устам Пав(ла), за ним изображены: Андри(ей), Лука, Мар(к), Петр, Фома, Фи(липп), Мат(фей), Сим(он), Ива(н), Як(ов), Вар(нава). Изображение заключено в полосу орнамента многолепестковых цветов на косо заштрихованном фоне. Апостол и евангелист Лука не входил в число двенадцати апостолов. Он принадлежал к семидесяти — следующей группе учеников. Сподвижник апостола Павла, почитаемый как автор одного из четырех Евангелий и Деяний святых апостолов, он был врачом (Кол. 4: 14), ему приписывается создание первых икон Богоматери, Петра и Павла. Евангелист Лука в православной и католической традициях считается святым-покровителем врачей и живописцев. Появление его фигуры среди двенадцати апостолов нетрадиционно. По горизонтально отогнутому борту с рельефной закраиной видна резная полоса надписи в технике оброна по фону, покрытому частой косой штриховкой: «Се есть тѣло мое еже за вы ломимое во оставление грѣховъ подобнѣ и чашоу по вечери глглѧ: пиите от нея вси се есть кровь моѧ новаго завѣ примѣте и ядите». Позолотой выделены композиционно значимые детали: киворий, увенчанный крестом, престол, на нем дискос и крест, чаша в руках Христа, нимбы, а также полоса надписи и орнамента. Резьба выполнена уверенной рукой, с соблюдением иконографических особенностей изображения каждого персонажа. Такой же живостью и естественностью поз и жестов, умением скомпоновать многофигурную сцену отличается богослужебное блюдо с изображением явления Богородицы апостолам в преломлении хлеба (ГИМ)[232].

В организации композиции Евхаристии появляется черта, которая прослеживается и в иконах этого времени: один из столбиков кивория поставлен перед престолом. Это одна из первых попыток в псковском искусстве создания глубины пространства,

[231] ПИАХМЗ № 25.

[232] Исследователи датируют это блюдо по-разному. М. М. Постникова-Лосева предложила датировку XVI—XVII вв., И. А. Стерлигова — XV в. (*Стерлигова И. А.* Псковское серебряное блюдо XV в. для «Богородичного хлебца» // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи: К 1100-летию Пскова. С. 387—388).

при этом престол изображен в обратной перспективе. Изображения престола, кивория и «нутряных палат» тем же приемом есть в псковских иконах первой половины XVI в., таких как «Сретение» и «Благовещение» из праздничного чина иконостаса Никольского храма Любятовского монастыря[233]; в иконописи второй половины XVI столетия — клеймо «Благовещение» в иконе «Богоматерь Владимирская с житием Богоматери, Иоакима и Анны», где архангел Гавриил помещен за колонной[234]; в житийной иконе «Св. Николай с 18-ю клеймами», в клейме «Св. Никола в среду и пяток млеко вкушаша единожды на дню»[235]. Эти примеры позволяют говорить о своеобразной тенденции освоения новых перспективных построений.

Знакомство псковских купцов с европейским искусством происходило в ходе их торговых отношений с ливонскими и немецкими купцами. Впечатления эти отражались в заказанных ими предметах церковного убранства. В Псков привозили предметы роскоши, серебряные изделия нюрнбергских, аугсбургских мастеров для торговли и подарков. В ризницах псковских монастырей были нередки предметы западноевропейского серебра[236]. В Печерском и Мирожском монастырях находились потиры, переделанные в разное время из католических священных сосудов[237]. Неудивительно поэтому встретить в псковском искусстве попытки осмысления новых живописных приемов, иконографических мотивов, с которыми псковичи знакомились в ходе международных контактов. Так, например, сюжетом резного изображения в зеркале блюда[238] является сложная многофигурная композиция, сочетающая две сцены: «Распятие» и «Положение во гроб».

М. М. Постникова-Лосева первая отметила сходство композиции «Распятие» с псковской одноименной иконой XVI в.[239], которая, возможно, послужила протографом для гравированного изображения. И в иконе, и в резьбе можно отметить иконографические мотивы, восходящие к западноевропейским образцам. Уже росписи в часовне Святого Креста 1470 г. на Вавеле (Краков), исполненной псковскими художниками, находим изображение разбойников, сораспятых Христу, с закинутыми за поперечные перекладины креста руками. Так они написаны на псковской иконе XVI в. и гравированы на блюде. Там же фигура Богородицы, бессильно поникшая на руки окружающих ее женщин, заставляет вспомнить памятники Византии, Балкан и Западной Европы. И. А. Шалина связала эту деталь также с работой псковичей на Вавеле[240] и отметила, что впервые возникшее в росписях готической капеллы в католическом храме изображение Богородицы, падающей в изнеможении на руки женщин, появится в XVI в. в иконе «Распятие» из праздничного ряда Никольской со Усохи церкви. Желание осмысленно привнести в традиционную византийскую иконографию детали западноевропейских иконографических мотивов

[233] Псковская икона XIII—XVI веков. № 95, 97.

[234] Там же. № 104.

[235] Там же. № 137.

[236] Экономические связи Пскова с Прибалтикой подтверждаются археологическими находками, среди которых в XVI в. массовыми стали предметы западноевропейского производства (*Белецкий С. В.* Древний Псков по данным археологии // Древности Северо-Запада (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 96).

[237] ПИАХМЗ. № 7, 16, 17, 24.

[238] Там же. № 30.

[239] *Постникова-Лосева М. М.* Серебряное дело Пскова XVI—XVII веков. С. 165.

[240] *Шалина И. А.* Живописные крышки псковских напрестольных Евангелий // Искусство русской книги позднего Средневековья и раннего Нового времени. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhivopisnye-kryshki-pskovskih-naprestolnyh-evangeliy

присутствует в псковском искусстве XVI в. особенно ощутимо.

Возможно, необычный формат иконы «Успение Богородицы с клеймами жития Иоакима, Анны и Богоматери» XVI в. из Успенского храма Псково-Печерского монастыря, напоминающий западные алтари, вызван волею заказчиков: «В то же время нѣцыи торговые люди, псковичи Василей и Феодоръ, совещавшеся, заставиша от своего праведнаго имѣния написати образъ Пречистыя Богородицы честнаго ея Успения в житии иконописца Алексѣя Малаю, мужа благочестива житием и богобоязнива. И егда написа образъ той, тогда принесоша и в Печерьский монастырь и поставиша въ церкви Пречистыя Богородицы в лѣто 7029-е. Образъ же той творит безчисленая чюдеса и исцѣления и до сего дни. Феодоръ же той, во иноцехъ Феофилъ, положен бысть въ гробницы в Богомъ зданней пещере»[241]. Впоследствии икона была обложена «златом» Иваном IV[242]. Эта икона представляет собой вытянутую по горизонтали доску, средняя часть которой изображает Успение Богородицы, а по обеим сторонам симметрично расположены житийные клейма. Такая совершенно необычная для русских икон композиция напоминает алтарные триптихи и полиптихи Ливонии и Германии.

Большую роль в развитии псковской культуры середины XVI столетия сыграла деятельность митрополита Московского Макария, который до 1542 г. занимал кафедру архиепископа Новгородского и Псковского. С его именем летопись связывает появление в Пскове первых скульптурных изображений святых. В Псковской летописи под 1540 г. сообщалось: «И того же лета ко Успеньеву дни привезоша старцы, переходцы с ыныя земли святого Николы да святую Пятницу на рези в храмцах; и бысть псковичам в неведении, что во Пскове такие иконы на рези не бывали, и многие невежливые люди поставиша то есть болванное поклонение, и бысть в людех молва велика и смятение, и начаша простая чадь священником говорить, и священники поидоша о тех святых иконах к наместником и дьяком псковским с собора, что бысть в людех великое смятение, и тех старцов с теми иконами святыми измати послаша, и тое иконы святые ко архиепископу послаша в Великии Новгород, и владыка Макареи сам знаменовался тем святым иконам, и молебен им соборне пел, и честь им воздал и проводил их сам до судна, и велел псковичем у тех старцов те иконы выменити, и велел псковичам святые иконы стречати соборне всем, и в которыи день те иконы было стречать с завтренею»[243]. Резные деревянные скульптуры св. Николая и св. Параскевы сохранились. Они в начале XX в. находились в музее Псковского церковно-археологического комитета[244], сейчас хранятся в составе коллекции Псковского музея-заповедника[245]. На обороте фелони святителя сохранилась надпись, которая воспроизводится уже в первой публикации памятника: «В лета 7048 (1540) привезен сей образ во Пскове повелением новгородского архиепископа Макария»[246].

На территории Псковской области известны еще два резных изображения святителя Николая, оба в типе «Николы Мо-

---

[241] Повесть о Псково-Печерском монастыре // БЛДР. Т. 13. СПб., 2005. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10584

[242] *Малков Ю. Г.* Художественные памятники Псково-Печерского монастыря (материалы к исследованию) // Древний Псков: История. Искусство. Археология: Новые исследования. С. 219.

[243] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 109—110.

[244] Каталог Музея Церковно-археологического комитета. Псков, 1914. С. 6.

[245] ПИАХМЗ. № 2794, 1739.

[246] *Грацилевский В. Д.* Описание Музея Псковского церковно-археологического комитета. Псков, 1914. С. 27.

жайского», в Никольском храме Псково-Печерского монастыря и еще один в коллекции Псковского музея. Деревянная скульптура св. Николы Можайского из ГРМ[247] также датируется XVI в. и происходит из Новгородско-Псковской епархии[248]. Выбор иконографии очевидно связывался с представлениями о градозащитной функции, что совершенно понятно в пограничных землях.

Несомненно, что распространение деревянных резных скульптур связано с деятельностью митрополита Макария. Он, будучи выходцем из Можайского Лужецкого монастыря, был хорошо знаком с почитанием Николы Можайского и со скульптурными изображениями святителя[249]. Летописное известие дает представление о целой программе внедрения резных икон в псковские храмы: «те иконы святые сретоша всем собором честно и весь град, и молебен пели и поставиша святого Николу у святого Николы на Гребли, а другую икону поставиша у святого Николы в Песках, а святую Пятницу на рези же поставиша у святые Пяьницы в Бродех, на утвержение гражаном»[250]. Н. В. Покровский пишет о том, что в начале XX в. «значительное количество деревянных скульптур св. великомученицы Параскевы и св. Николая Чудотворца находятся в складе псковского Троицкого собора»[251]. В связи с этим интересно отметить, что только в Пскове писали житийные иконы св. Николая, где перенесение мощей «из Мир Ликийских в Бар-град» изображалось со стоящим во гробе святым Николой[252], что заставляет представить крестные ходы со скульптурным изображением святого.

После московского пожара 1547 г. псковские иконописцы были приглашены писать иконы для Благовещенского собора Московского Кремля. Отказавшись работать в столице, они написали в Пскове четыре иконы, из которых сохранились три: «Сошествие во ад с евангельскими сценами»[253], «Распятие с евангельскими сценами»[254] и Четырехчастная[255]. Об этих иконах написано много, в особенности о самой известной из них — Четырехчастной[256]. Идейным вдохновителем заказа был митрополит Макарий. Хотя кремлевские иконы стоят особняком в живописи Пскова XVI в., все же нельзя не отметить близость Четырехчастной иконы и иконописи Никольского храма псковского Любятовского монастыря. Уникальные детали иконы «Богородица Умиление с восьмью праздниками» (середина XVI в.)[257] и праздничного чина Любятовского иконо-

---

[247] Свт. Николай Чудотворец. Резная икона. Новгород. 1540—1542 (?). ГРМ. ДРД 491.

[248] *Клюканова О. В.* Резное изображение Николая Чудотворца («Можайского») из собрания Русского музея // Вестник сектора древнерусского искусства: Журнал по истории древнерусского искусства. 2019. № 2. С. 128—139.

[249] Там же. С. 133.

[250] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 110.

[251] *Покровский Н. В.* Заметки о памятниках псковской церковной старины. М., 1914. С. 11.

[252] Св. Николай с житием в 12 клеймах. ПИАХМЗ. № 2714.

[253] ГТГ. Др-960.

[254] Музеи Московского Кремля (Благовещенский собор). Ж-279.

[255] Там же. Ж-1321.

[256] *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 40—53; *Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А.* Благовещенский собор Московского Кремля: К 500-летию уникального памятника русской культуры. М., 1990. С. 61—64; Вера и власть: Эпоха Ивана Грозного: [Издание к одноименной выставке 12 декабря 2007 года — 12 апреля 2008 года]. М., 2007. Кат. № 85. С. 196—199 и др.

[257] Икона находится в собрании Псковского музея-заповедника, список с нее, выполненный в 2001 г. М. А. Скутте, реставратором станковой темперной живописи высшей квалификации, пребывает в придельном храме Владимирской иконы Богородицы в киоте у солеи слева от амвона. В дневниках К. К. Романова за 1925 г. она отмечена в иконостасе Никольского храма (*Овчинников А. Н.* Богоматерь Умиление XVI века

стаса (середина XVI в.) впервые отметил А. Н. Овчинников[258], который в ВХНРЦ занимался реставрацией Любятовского образа. Заманчиво предположить связь авторов икон, написанных для кремлевского Благовещенского собора, с Любятовским монастырем, для которого они могли работать. Необычные детали вроде голубых, а не белых пелен Младенца Христа в сцене «Рождества Христова» или трактованной как стена «славы» (мандорлы) Христа в сцене «Успения Богородицы» были осмыслены и истолкованы этими блестящими мастерами и богословами. Возможно, эти детали существовали в арсенале псковских иконописцев. Интеллектуальная насыщенность как черта псковской иконописи проявляется в композиции и иконографии названных икон в полной мере.

Необычайно разнообразны и даже необычны литературные тексты, положенные в основу изображений на Четырехчастной иконе, — кроме привычных сюжетов Нового и Ветхого Завета, это кондаки, антифоны, стихиры, святоотеческая литература. Такой же смелостью отличаются иконографические прототипы, частично заимствованные из западноевропейского искусства. Четырехчастная икона вызвала большие сомнения главы Посольского приказа, ученого дьяка Ивана Висковатого[259]. Иконографические новшества, которые возмутили дьяка, прежде всего связаны с принципиальным вопросом неизобразимости невоплощенного божества: «Не подобает невидимаго Божества воображати». Эта важнейшая проблема богословия иконы поднималась на Стоглавом соборе, затем, уже в XVII в., на Большом Московском соборе. Псковичи выступили новаторами и проводниками идей католического искусства. Они были одними из первых, кто стал изображать на иконах Бога-Отца, Христа, облаченного в доспехи, Христа в образе распятого херувима в сюжете Четырехчастной иконы «И почи Бог в день седьмый». Этот образ в XIV в. находим в трудах, снабженных авторскими иллюстрациями, немецкого мистика Генриха Сузо, имевшего большое влияние на католическое искусство. Так, этот образ встречаем у Джотто, Джентиле да Фабриано, ван Эйка в картинах на сюжет виде́ния Франциска Ассизского. Возможно, и сами труды Генриха Сузо, и воплощение его образов в искусстве других художников были известны псковичам. Недаром Иван Михайлович Висковатый увидел в этом изображении «латынские ереси мудрование»: «Слыхал есмя многажды от латын в разговоре, яко тело Господа нашего Иисуса Христа укрываху Херувимы от срамоты».

В середине XVI в. в русле деятельности митрополита Макария состоялась канонизация псковских святых — благоверного князя Гавриила-Всеволода и преподобного Евфросина Псковского. Псковским инокомагиографом Василием (Варлаамом) было написано житие благоверного князя и создана новая редакция жития преподобного Евфросина; следовательно, произошла актуализация почитания святых, которое существовало на местном уровне гораздо раньше, — почитание Всеволода-Гавриила началось, вероятно, в 90-е гг. XII в.[260], св. Евфросина почитали в созданном им монастыре сразу после его кончины в 1481 г. Из ранней редакции жития известно, что первое изображение святого было написано, возможно, еще при его жизни, затем

из Никольской церкви Любятовского монастыря в Пскове // Символика христианского искусства. М., 1999. С. 150, примеч. 6).

[258] Там же. С. 149—183.

[259] *Андреев Н. Е.* О деле дьяка Висковатого // Философия русского религиозного искусства: XVI—XX вв.: Антология / Сост. Н. К. Гаврюшин. М., 1993; *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. М., 2001. Гл. 13. [Репр. изд.].

[260] *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской православной церкви. М., 1903. С. 61.

икона с изображением св. Евфросина была поставлена над его гробом[261].

Серединой XVI столетия датируется покров «Преподобный Евфросин Псковский»[262]. Он выполнен в традиционной для XVI в. иконографии: святой предстоит в молении Христу, поясное изображение которого помещено в левой верхней части композиции. Средник обрамлен каймой, на которой вышит текст тропаря святому и парные поясные изображения архангелов Михаила и Гавриила в верхних углах. Личное и монашеское облачение святого шиты шелками, нимбы, одежды Христа и архангелов выполнены серебряными и золотными нитями с шелковой прикрепой, а нимб святого Евфросина оконтурен еще и мелкими серебряными бусинами. Происхождение шитого покрова из Елеазаровского монастыря, основанного св. Евфросином, можно считать вероятным, поскольку покров поступил в 1923 г.[263] из церкви Преполовения Пятидесятницы, которая находилась на подворье Елеазаровского монастыря в Пскове. Большинство известных изображений св. Евфросина связаны с Псковом и датируются второй половиной XVI — XVII в. Некоторые из них бытовали в монастырской и старообрядческой среде. Последнее обусловлено тем, что святой выступал за двукратное произношение «аллилуйи» («хвалите Господа») при произнесении славословия во время богослужения, что сохранилось в традициях старообрядцев. В православной же церкви после реформы патриарха Никона было введено троение аллилуйи.

Уже с XIV столетия отмечается своеобразная парность почитания двух псковских князей, захороненных в Троицком соборе Пскова, — Гавриила (Всеволода) и Тимофея (Довмонта)[264]. Поэтому неудивительно включение фигур этих святых в деисусные композиции: это иконы деисусного чина из иконостаса церкви Сергия Радонежского в Изборске (конец XVI в., нынешнее местонахождение неизвестно). Всеволод Мстиславич был прямым потомком великих киевских князей и предком по крови царя Ивана IV; князь Довмонт-Тимофей являлся продолжателем политической линии св. Александра Невского и верным военным союзником великого князя Дмитрия Александровича. Это парное почитание двух князей — Всеволода и Довмонта — в Пскове имело не только духовную, но явно выраженную политическую окраску и находилось в русле идей Лицевого летописного свода о единстве истории и государственном единстве русского православного царства.

Шестнадцатым столетием датируется панагия, в которой под круглым горным хрусталем, шлифованным кабошоном, помещена миниатюрная икона с парным изображением святых князей, предстоящих в молении Богородице в типе Оранты Мирожской[265]. В собрании Псковского музея находится цата, описанная еще М. М. Постниковой-Лосевой[266], с деисусной компози-

[261] *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв.: Исследования и тексты. Т. 2. СПб., 2007. С. 90, 206.

[262] ПИАХМЗ. № 1259; *Бабинина Л. К.* Лицевое шитье XVI—XIX веков в собрании Псковского музея. Псков, 2016. С. 12.

[263] Устные сведения сотрудника псковского музея Л. А. Творогова.

[264] Местное почитание св. благоверного князя Тимофея-Довмонта начинается уже в первой половине XIV в. (*Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской православной церкви. С. 71).

[265] С. В. Гнутова в своей статье отмечает композиционное сходство этого изображения и «Мирожской Оранты», при этом ошибочно называет источник происхождения панагии — ризницу Успенской с Пароменья церкви. На самом деле она поступила из Спасо-Елеазаровского монастыря через Административный отдел по акту от 17.03.1924 (*Гнутова С. В.* Из истории псковского золотого и серебряного дела // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. М., 1988. С. 332—337).

[266] *Постникова-Лосева М. М.* Серебряное дело Пскова XVI—XVII веков. С. 168—169.

цией, завершающейся изображением фигур князя Гавриила-Всеволода за апостолом Петром и Тимофея-Довмонта за апостолом Павлом. На этой же цате к ногам сидящего на троне Христа припадают св. преподобный Евфросин и св. Савва Крыпецкий — духовный наставник и ученик, основатели традиции псковского общежительства и пустынножительства, а Евфросин Псковский является еще и автором первого писаного монастырского устава в Псковской земле. Здесь наблюдается та же парность почитания двух известнейших псковских преподобных. Цата находилась на Смоленской иконе Богоматери в церкви Успения с Пароменья[267]. К композиции этой цаты будут восходить еще несколько образцов цат псковского происхождения, выполненных в разных техниках, но уже с классической деисусной композицией[268]. Традиция парного изображения святых псковских князей продолжится и в XVII в.[269]

Есть памятники, которые объединяют образы князя Всеволода-Гавриила и преподобного Евфросина: Всеволода — как первого святого покровителя города, сама фигура которого связывала московских владык с европейскими царствующими домами[270], и Евфросина — основателя общежительного монастыря, где в конце XV в. в посланиях монаха Филофея развивается знаменитая теория о Москве как «третьем Риме». Идея особого положения русского народа в мире как народа, удостоенного православной веры, развивается уже в первые века принятия христианства в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, затем в «Повести о белом клобуке», приписываемой архиепископу Геннадию. Чеканная формулировка старца Елеазарова монастыря «Москва — третий Рим» («два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти») в посланиях к представителю московской администрации в Пскове дьяку Михаилу Григорьевичу Мунехину и великому князю Василию III определила роль Русского централизованного государства во всемирно-историческом процессе. Зрелое представление о месте Пскова в истории Русского государства вполне определилось в сознании псковичей именно в XVI в. Сепаратистские тенденции в Пскове никогда не были так сильны, как в Новгороде. К концу столетия борьба сепаратистов и сторонников централизованного государства подошла к концу, и в псковских памятниках этого времени сильно ощущается «общерусская тенденция».

К концу XVI в. относится первое изображение Пскова на иконе. Это был непосредственный отклик на только что совершившиеся события: осаду города войском Стефана Батория в ходе Ливонской войны и явления Богородицы накануне генерального штурма псковской крепости неприятелем. Изображение городов на русских иконах утверждается именно в XVI—XVII вв. Это была сначала Москва, затем Ярославль, Муром, Новгород[271]. В 1581 г., во время осады Пскова войсками польского ко-

[267] *Родникова И. С.* Художественное серебро XVI — начала XIX века из собрания Псковского музея-заповедника. С. 455. Кат. 379.

[268] Цата Новгородского музея-заповедника середины XVII в. НГМ. ДРМ-1007; Цата Псковского музея-заповедника конца XVII в. ПИАХМЗ. № 456; Цаты середины XVII в. ПИАХМЗ. № 575 и 583, с фигурами, разделенными колоннами под килевидными арочками; цаты XVII в. с Деисусом в технике чеканки. ПИАХМЗ. № 459, 455/2.

[269] Евфросин Псковский и Савва Крыпецкий изображены на иконе в серебряном позолоченном окладе XVII в. ПИАХМЗ. № 645.

[270] Святой Благоверный князь Всеволод, в святом крещении Гавриил (1092—1138), потомок византийских императоров, шведских и англосаксонских королей.

[271] Миниатюры «Царственной книги»; иконы «Святые князья Федор, Давид и Константин Ярославские с житием» 1560-х гг. и «Святые Благоверные князь Петр и княгиня Феврония Муромские с житием» конца XVI — начала XVII в.; икона «Видение пономаря Тарасия» второй половины XVI в.

роля Стефана Батория, старец небольшого псковского Покровского «в углу» монастыря Дорофей увидел на месте будущего штурма Пресвятую Богородицу, которую умоляли о спасении города равноапостольный князь Владимир Святославич и св. Антоний Киево-Печерский, св. Корнилий Псково-Печерский, новгородский архиепископ Нифонт, благоверные князья Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей, блаженный юродивый Николай Псковский[272]. Рассказ (Виде́ние) Дорофея, существовавший первоначально в устном варианте и известный как отдельный текст в списках XVI—XVII вв., затем был включен в одну из редакций «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков»[273].

В память об этом событии появилась икона с изображением города во время осады. Сейчас самая древняя икона «Явление Пресвятой Богородицы старцу Дорофею» (начало XVII в.), созданная для Покровского монастыря[274], находится в Троицком соборе города Пскова. На иконе изображены Печерский и Мирожский монастыри, показан Псков с Троицким собором и Покровским монастырем, окруженный белыми стенами и башнями. Этот «град заключенный» под покровительством Богородицы и святых создает зримое выражение понятия «святая и великая Русь». Само выражение «святая Росиа» встречается в послании к великому князю Василию III старца Филофея, монаха Спасо-Елеазаровского монастыря[275]. Таким образом, в XVI в. Псков в своем искусстве создает образ «духовного отечества», который получит развитие в русской истории и публицистике до XXI в.

В XVI столетии в псковские храмы и монастыри делаются вклады великолепных плащаниц. Плащаницу из собрания Псковского музея-заповедника[276] Н. А. Маясова считает произведением светлицы Анастасии Романовны Захарьиной — первой жены Ивана IV[277]. Аналогичная плащаница находится в составе художественных сокровищ Псково-Печерского монастыря[278]. Ю. Г. Малков полагает, что плащаница псковского музея является более поздним (но в пределах XVI столетия) свободным повторением печерской, о которой Н. В. Покровский писал: «Составитель рисунка для плащаницы был прогрессист, знакомый с западноевропейской иконографиею и относившийся свободно к древнерусским иконописным традициям»[279]. Еще одна плащаница, датированная по надписи на ней 1596 г., является произведением мастер-

---

[272] Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков // БЛДР. Т. 13. СПб., 2005.

[273] Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1952. С. 30, 116—117.

[274] *Ткачева Н. М.* Иконы с изображением средневекового Пскова // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20—24 ноября 1995 г. Ч. 2. СПб.; Псков, 1995. С. 136—138; *Она же*. Псковские иконы конца XVI — начала XIX вв. на сюжет Сказания о видении Дорофея // Белецкий В. Д. Псковский Кремль в планах и изображениях XVII—XIX вв. СПб., 1997. С. 36—42.

[275] *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 361.

[276] ПИАХМЗ. № 1256/64. Была вывезена в 1925 г. экспедицией в составе А. И. Анисимова и И. Н. Ларионова из церкви села Большое Загорье.

[277] *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1961. С. 27, примеч. 2. Это мнение восходит к описанию монастыря архимандритом Аполлосом, который следует монастырскому преданию, возможно, сохранившему память о действительно бывшем событии; см.: *Аполлос (Беляев), архим.* Первоклассный Псково-Печерский монастырь. 2-е изд. Остров, 1893. С. 103.

[278] *Диакон Георгий (Малков Ю. Г.).* Псково-Печерские древности: О некоторых памятниках искусства средневековой Руси в ризнице Псково-Печерского монастыря // ΕΙΚΩΝ ΚΑΙ ΤΕΧΝ: Церковное искусство и реставрация памятников истории и культуры. Т. 2. М., 2011. С. 92—93.

[279] *Покровский Н.* Заметки о памятниках Псковской церковной старины // Светильник. 1914. № 5—6. С. 27.

ской Соломониды Щелкаловой, жены дьяка Андрея Щелкалова, и вкладом супругов в Никольский храм Псково-Печерского монастыря[280]. В Печерский монастырь делал вклад Иван IV. Его сын Федор Иванович после окончания Ливонской войны украшал монастырские святыни, которым молились в ходе осады Печерской крепости и Пскова.

Серебряное дело Пскова XVI в. обнаруживает те же связи с новгородским и московским ремеслом, что и иконы. Оклады икон и крестов были выполнены в технике резьбы, басмы, орнаменты которой иногда прямо воспроизводят новгородские[281]. Очень редко применялась чернь[282]. Псковская скань напоминает новгородскую излюбленными цветами эмали, которая в XVI в. часто дополняет сканные узоры, и разработкой фонов: основной орнамент обычно развертывается на фоне, сплошь покрытом мелкими сканными колечками.

Ярким своеобразием отличаются псковские панагии. Для XVI столетия этим словом обозначают нагрудную икону (по-гречески — «енколпию»), которая вручалась епископу как «печать и свидетельство веры», носимое на груди, «чтобы свидетельствовать об исповедании веры сердцем»[283], а также князьям и царям. На окладах поздних икон святителя Николая Чудотворца на иконах «Спас Великий архиерей» встречается изображение панагии поверх архиерейского облачения[284]. Из монастырских описей известно, что панагии часто служили «прикладом» к чтимым иконам[285]. Самой яркой особенностью, выделяющей псковские панагии среди других, является их конструкция: крупные (до 22 см в диаметре), двенадцатигранные (грановитые), со слегка вогнутыми сторонами, крупным оглавием на шарнире и на противолежащих сторонах дополненные тремя «коробцами» — выступающими объемами, действительно имеющими форму, тяготеющую к кубу. Выступающие углы украшались жемчужинами, периметр подчеркивался сканной веревочкой. Украшенная сканью и цветными вставками в зубчатых кастах оправа окружала небольшую икону под шлифованным горным хрусталем[286]. Эта форма панагий сохранилась и в XVII в.

Такая форма не была единственной: существовали круглые панагии, но также с оглавием и «коробцами» с четырех сторон. В XVII в. формы, как и сюжеты, икон стали более разнообразными. Сюжеты икон в сохранившихся образцах XVI столетия не отличаются разнообразием: это чаще всего многофигурные композиции с изображением Троицы Ветхозаветной — патрональной

---

[280] ПИАХМЗ. № 1258; *Бабинина Л. К.* Лицевое шитье XVI—XIX веков в собрании Псковского музея. С. 16—17.

[281] Оклад иконы «Св. Николай Чудотворец». ПИАХМЗ. № 655.

[282] Оклад иконы «Богоматерь Знамение». ПИАХМЗ. № 647.

[283] Сочинения блаженного Симеона. Цит. по: *Стерлигова И. А.* Святительская ризница // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XVI—XVII вв. / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М., 2008. С. 416.

[284] ПИАХМЗ. № 606 (1700); на иконе «Спас — Великий Архиерей». Москва. Школа Оружейной палаты (1690). Новодевичий монастырь; икона Симона Ушакова на тот же сюжет и др.

[285] *Родникова И. С.* Художественное серебро XVI — начала XIX века. С. 74—75.

[286] До второй половины XVII столетия в России не было собственного производства стеклянных изделий, а также не существовало месторождений хрусталя, поэтому стекло и хрусталь ввозились из Западной Европы в большом количестве в XV—XVII вв. и являлись одним из любимых материалов. Оживленные торговые связи Пскова и Новгорода этого времени способствовали поступлению вставок из горного хрусталя, широко и разнообразно представленных именно в псковском и новгородском художественном ремесле. Вставки крупных кабошонов горного хрусталя на «благословящих» крестах, окладах икон и евангелий — характерная черта для псковских изделий XVI—XVII вв.

псковской святыни[287], Деисуса, Богородицы с предстоящими святыми Всеволодом и Довмонтом. Несколько панагий поступили в Псковский музей из Троицкого собора, где в «офицерских» описях они названы «архиерейскими»[288]. Одна из этих панагий, по мнению Ю. Г. Малкова, находилась в ризнице Псково-Печерского монастыря, а затем попала в Троицкий собор, откуда и поступила в музей. Исследователь считает, что эта панагия упомянута уже в монастырских описях Псково-Печерского монастыря 1585—1587 гг.[289]

Памятники псковского среброделия XVI столетия хранятся в ГИМ, Новгородском музее и, конечно, в Пскове. Большой корпус малоизвестных (из-за невозможности их изучения) предметов находится в ризнице Псково-Печерского монастыря. По замечанию М. М. Постниковой-Лосевой, Псково-Печерский монастырь имел своих серебряников, которые производили работы для церковных монастырских ризниц[290]. С частью из них знакомит Ю. Г. Малков в упомянутой статье. Из описанных им памятников выделяется золотой оклад Евангелия Успенского храма, которое автор статьи датирует серединой 1560-х — серединой 1580-х гг. и определяет программу его украшения как изображение «духовной карты Печерской обители». Набор сюжетов продуман и обоснован: это резная с чернью Троица — главная святыня для Пскова, «Дома Святой Троицы», Успение Пресвятой Богородицы, что соответствует посвящению главного и старейшего подземного храма — символа самой обители, а фигуры преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских знаменуют собой не только соответствие посвящению другого монастырского храма, но и духовную связь двух пещерных монастырей. Еще две дробницы с резным изображением сцены Благовещения Пресвятой Богородицы связаны с посвящением еще одной церкви Псково-Печерского монастыря.

В XVI в. Псков стал центром колокололитейного производства. Псковские мастера не только достигли высокого мастерства литья, но выработали определенный стиль декоративного украшения колоколов, неизменный на протяжении XVI—XVII вв. Псковские колокола отличают стройные по пропорциям формы, плавные линии профиля тулова, высокая корона[291]. На тулове колокола размещались рельефные надписи с легендой, содержащей дату изготовления, имена правителей, заказчиков, мастеров и место назначения изделия. Надписи были выполнены каллиграфическим полууставом, буквы отличались стройными пропорциями. Тексты надписей колокола украшены рельефным орнаментом с изображением в медальонах «Голгофы», «Троицы»,

---

[287] Сохранились четыре панагии с изображением Троицы Ветхозаветной. Три из них находятся в Псковском музее и одна — в Церковно-археологическом кабинете при Московской духовной академии.

[288] «На правой стороне (от царских дверей) образ всемилостивого Спаса на престоле сидящего, на нем венец серебряной золоченой чеканной, на нем панагия серебряная сканная золоченая, под хрусталем образ Спасителев; при нем Богородица и Предтеча со Архангелом Михаилом и Гавриилом, на ней красных камней четыре да маленких четыре, да три зеленых в коробцах, восемь жемчужин маленких в коробцах, да больших четыре жемчужины в коробцах же, по углам насажены шесть жемчужин, седьмая разбита, на возглавии врезан в коробце ж красный камень, на забои насажено две жемчужины, подле того возглавия две прониски сребренные сканые золоченые, два репья, на пих два камешка красные, четыре зеленые, и четыре жемчужины...» (цит. по: *Гнутова С. В.* Из истории Псковского золотого и серебряного дела. С. 332).

[289] Псково-Печерские древности: О некоторых памятниках искусства Средневековой Руси в ризнице Псково-Печерского монастыря. С. 130.

[290] *Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л.* Золотое и серебряное дело XV—XX вв.: Территория СССР. М., 1983. С. 105.

[291] *Плешанова И. И.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид // Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. С. 205.

«Нерукотворного Спаса», «Богоматери» и др. В медальонах или завитках растительного орнамента располагались реалистично и динамично выполненные фигуры разнообразных зверей и птиц: львы, олени, барсы, козлы, грифоны, двуглавые орлы и фантастические чудовища. Реже встречаются драконы, кентавры, леопарды, медведи, сфинксы[292].

Внимание исследователей привлекла фигура пешего воина в доспехах, пронзающего копьем дракона, помещенная между словами на колоколах мастера Михаила Андреева, старшего в семье псковских литейщиков колоколов. В. А. Богусевич предполагал, что это изображение пешего Георгия Победоносца является маркой данного мастера и имеет западноевропейское (итальянское) происхождение[293]. И. И. Плешанова отмечала, что данный тип изображения Георгия был широко распространен в искусстве Германии[294]. Е. А. Климкин обратил внимание на то, что в виде пешего воина в западноевропейском искусстве изображали также архангела Михаила, изгоняющего дьявола из рая[295]. Фигурка пешего воина, убивающего дракона, имеется на втором парном колоколе 1532 г. мастера Максима Андреева. Это дало основание автору предположить, что патрональное изображение архангела Михаила было клеймом псковской артели литейщиков, главой которой был Михаил Андреев[296].

Подобное увлечение звериным орнаментом встречается также в памятниках мелкой пластики и в керамическом производстве (керамиды, изразцы, киоты)[297].

Географическое положение Пскова на границе с западной культурой, демократические традиции местной художественной школы, восприимчивость к новым веяниям, поступавшим как из Москвы и Новгорода, так и с Запада, способность их осмысления и дальнейшего развития определили характер псковской культурной жизни в XVI в.

Музыка

Музыкальная культура XVI в. складывалась из весьма разнородных явлений. Она включала народное творчество, западноевропейскую инструментальную музыку и церковно-певческое искусство. Ведущую роль в конгломерате столь отличающихся друг от друга типов музыкального творчества, безусловно, играло церковное пение.

В целом очень многие характерные черты церковно-певческого искусства более раннего времени, отраженные в певческих книгах, оказываются актуальными и в XVI столетии. Сохраняется знаменная нотация, ранее претерпевшая существенные изменения. В певческих рукописях продолжает использоваться раздельноречие — фонетическая редакция текстов, сложившаяся в эпоху «стилевого перелома» в XV в., когда в связи с падением редуцированных[298] происходило исправление ноти-

---

[292] *Плешанова И. И.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид. С. 205.

[293] *Богусевич В. А.* Литейный мастер Михаил Андреев // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Л., 1937. С. 86.

[294] *Плешанова И. И.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид. С. 210.

[295] *Климкин Е. А.* Памятник псковского колокольного литья первой половины XVI века // OPERA MUSICOLOGICA. 2012. № 4 (14). С. 15.

[296] Там же.

[297] *Плешанова И. И.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид. С. 212—216.

[298] Как известно, падение редуцированных в древнерусском языке началось значительно раньше, в XII—XIII вв.

рованных книг. Для того чтобы вместе со слогообразующими буквами «еръ» и «ерь» не «выпали» и фрагменты роспевов, редуцированные были заменены на гласные «о» и «е». Вследствие этого певческие тексты (речи) стали отличаться от текстов для чтения: вместо «днесь» пелось «денесе», «Спасъ» — «Сопасо», «грехомъ» — «грехомо» и т. д.

Однако в XVI в. в церковно-певческом искусстве происходят существенные изменения. Так, в рукописях активно распространяется многороспевность — запись одного и того же текста дважды или трижды, но с разными роспевами, обозначаемыми в рукописях «ин роспев», «ин перевод», «ино знамя». В середине XVI в. появляются также ремарки «большой» и «меньший» роспевы[299]. Первый представляет собой запись «дробным знаменем» песнопений, насыщенных «тайнозамкненными» — «фитными» и «лицевыми» — оборотами. Иными словами, «фиты» и «лица» — развернутые мелодические построения, представленные в рукописях комплексами немногочисленных знаков, — писались в «розводе», т. е. передавались простыми знаменами. В результате песнопения «большого» роспева в записи становились весьма протяженными. «Меньший» же, «малый», роспев был антиподом «большого» и не отличался от обычного знаменного роспева.

Помимо новых знаменных, на рубеже XV—XVI вв. появились роспевы другой стилистики. В это время посредством знаменной нотации фиксируются «путевой» и «демественный» роспевы. А в 1560—1580-х гг. для записи песнопений этих стилей вводятся особые нотации: демественная, выработанная на основе фонда знаков казанской[300], и путевая. Посредством новых нотаций записывались и одноголосные (монодические) песнопения, и многоголосие. Для многоголосия первоначально применялась так называемая поголосная запись: голоса следовали друг за другом и сопровождались ремарками «пут», «верх», «низ» или «пут», «верх», «дем[ество]». Примером этому могут служить наиболее ранние многоголосные записи в рукописях 1560—1570-х гг.: 136-й псалом и многолетие царю Ивану IV Васильевичу[301].

Все эти роспевы создавались, безусловно, конкретными людьми, однако имена их создателей в рукописях XVI в. отсутствовали, деятельность роспевщиков носила анонимный, соборный характер. И лишь в источниках XVII в. («Валаамская беседа»[302], «Предисловие, откуду и от коего времени начася быти в нашей рустей земли осмогласное пение», «Сказание о заремба́х», «Сказание о различных ересях» инока Евфросина, «Извещение о согласнейших пометах Александра Мезенца»[303] и т. д.) приводятся сведения о роспевщиках предыдущего столетия — Федоре Крестьянине и Иване Носе, работавших в Александровской слободе у царя Ивана Васильевича, братьях «корелах» Савве и Василии Роговых, Стефане Голыше, Маркелле Безбородом, Исайе Лукошко. Существуют также предположения, основанные на ре-

[299] См., например: НИОР РГБ. Ф. 304.I.414. Л. 175, 211 об. 1550—1560 гг.; Ф. 304.I.415. Л. 129 об.—130 об. 1560-е гг.

[300] Казанская нотация, по предположениям ученых, была создана певчими дьяками царя Ивана VI Васильевича; см.: *Богомолова М. В.* Знаменная монодия и безлинейное многоголосие (на примере великой панихиды) // Русское безлинейное многоголосие / Науч. ред. М. П. Рахманова. Вып. 2. М., 2005. С. 3.

[301] НИОР РГБ. Ф. 304.I.415. Л. 180. 60-е гг. XVI в.; ОР РНБ. Солов. 690/763. Л. 279. 70-е гг. XVI в.

[302] Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению в вопросе датировки «Валаамской беседы». Расхождения в датах, предлагаемых учеными, составляют более половины столетия: от середины XVI в. до 10-х гг. XVII в. (см.: *Моисеева Г. Н.* Валаамская беседа. М., 1958. С. 4; *Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 78). Более вероятной представляется датировка 1610-ми гг.

[303] Все эти произведения датируются от 10-х до конца 60-х гг. XVII в.

марках, присутствующих в рукописях, что царь Иван IV Васильевич и его сын Иван Иванович занимались роспеванием песнопений.

Сведения о «мастеропевцах» передавались от одного поколения к другому. «И мы грешнии, — отмечает, например, автор «Предисловия», — <...> слухи своими от некоих слышахом про старых мастеров, глаголю же про Феодора попа, прозвище Християнин, что был зде в Царьствущем граде Москве славен и пети горазд знаменному пению <...>. И от его ученик слышахали, котории с нами знахуся, что-де он Християнин сказывал своим учеником, что в Велицем Нове-граде были старые мастеры...»[304] С чужих слов рассказывается о трех поколениях роспевщиков, начиная с эпохи Ивана IV, в «Сказании о зарембах».

Ученики не только распространяли информацию о своих учителях, но и записывали их роспевы, о чем свидетельствуют, в частности, черновые записи 1600—1607 гг. одного из певчих дьяков — ученика Федора Крестьянина: «Се Християнин пел, а я назначенил»[305]. Так благодаря памяти музыкантов последующих поколений были восстановлены некоторые творения известных «мастеропевцев»[306].

Изменения в XVI в. коснулись и певческих книг. Надо заметить, что понятие «певческая книга» не идентично понятию «рукопись». Лишь в XII—XIV вв. каждая рукопись могла содержать только одну книгу, с XV столетия стали распространяться певческие сборники, содержащие несколько книг и отдельные песнопения либо их подборки, помещенные под один переплет. Эта же тенденция сохранилась и в XVI в.

Ряд певческих книг был известен уже с XII в., самого раннего периода существования нотированных рукописей: Ирмологий, разделенный на восемь частей — гласов[307] и содержащий жанр ирмосов, по образцам которых составлялись богослужебные каноны; Стихирари месячные, также моножанровые книги, составленные по церковному календарю «от месяца сентября до месяца августа», где в соответствии с их названием находились стихиры, посвященные святым и праздникам; Стихирари постные, или Триоди[308], включающие стихиры Великого поста и/или песнопения других жанров. В XV в. формируется нотированная книга Октоих, разделенная на восемь частей-гласов, каждый из которых содержит в себе воскресные песнопения вечерни, утрени и литургии, а также утренние и вечерние песнопения служб остальных дней недели. Тогда же появляются и первые певческие Азбуки, содержащие названия и начертания основных знаков нотации, названные в исследовательской литературе Азбуками-перечислениями.

Несмотря на то что к XVI столетию уже существовали почти все певческие книги, в их составе наблюдаются важные изменения. Например, книга Октоих становится более полной по количеству нотированных песнопений сравнительно с тем, что записывалось ранее. Если в конце XV в. в Октоихе далеко не все песнопения фиксировались с нотацией, то уже в начале XVI в. появляются наиболее полные нотированные

[304] Предисловие, откуду и от коего времени начася быти в нашей рустей земли осмогласное пение // Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков / Сост. А. И. Рогов. М., 1973. С. 42.

[305] *Парфентьев Н. П.* Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI—XVII вв.: Школы. Центры. Мастера. Свердловск, 1991. С. 97.

[306] Ремарки, указывающие на авторов роспевов, в певческих кодексах отмечены лишь на рубеже XVI—XVII вв. Записывались они по большей части в сокращенном виде (см.: *Гусейнова З. М.* «А сие в Кирилове монастыре поют...»: О певческом репертуаре Кирилло-Белозерского монастыря XVII века // Петербургский музыкальный архив. Вып. 2. СПб., 1998. С. 42.

[307] Глас в древнерусском церковном пении — комплекс устойчивых мелодических формул, «попевок».

[308] С. Н. Тутолмина называет эти книги Триодями; см.: *Тутолмина С. Н.* Русские певческие Триоди древнейшей традиции. Автореф. дис. ... канд. искусств. СПб., 2004. С. 7.

списки[309]. Кроме того, известные с XII в. светильны, богородичны и Евангельские стихиры в XVI столетии становятся едва ли не обязательным дополнением к Октоиху.

В это время формируется и новая певческая книга Обиход, включающая всенощное бдение, утреню и литургию и содержащая преимущественно неизменяемые внегласовые песнопения суточного круга, хотя и не ограничивающаяся ими. Из разрозненных ранее песнопений, дополненных новыми, формируется последовательность, соответствующая уставным указаниям. Правда, название книги, отражающее повседневный (обиходный) характер песнопений, появилось позже — в XVII в., но и тогда оно не стало обязательным. Чаще песнопениям Обихода предшествовали варианты заглавий: «Начало бдению, сиречь всенощному»[310], «Всенощное, певаемо в неделю и на Господьскыя празникы и нарочитымъ святым»[311], «Сии поем на всенощной»[312] и пр.

В начале XVI в. были усовершенствованы и певческие Азбуки. В это время в Азбуках расширяется состав знамен и происходят некоторые изменения в их последовательности. Ну а ближе к середине столетия в них возникает особый раздел «Сказание како поется которое знамение в коемъ гласе различно», который, по терминологии М. В. Бражникова, именуется Азбуками-толкованиями. Здесь объясняются изменения, происходящие в роспеве знаков, которые поются «не по обычаю», а в зависимости гласа и мелодического оборота, куда знак был включен[313].

Существенные изменения наблюдаются в Ирмологии и Стихираре месячном. Ирмологий все чаще дополняется нотированными розниками — избранными ирмосами канонов, поющимися на повечерии Рождества Христова и Богоявления. В это время в рукописях появляются и росники, или росные стихи, — ирмосы, исполнявшиеся в чине «Пещного действа»[314], основанного на ветхозаветном сюжете о спасении ангелом трех отроков, брошенных царем Навуходоносором за отказ поклониться вавилонскому идолу. Ангел превратил огонь в росу (отсюда и общее название песнопений — «росники»), избавив отроков от неминуемой смерти. Но самые значительные перемены наблюдаются в этой книге во второй половине XVI в. «Корпус песнопений Ирмология резко увеличивается, пополняясь каждое двадцатилетие новыми композициями. Объем книги возрастает от 620 до 700 песнопений»[315], что было связано с введением в литургическую практику новых служб на Макарьевских соборах 1547 и 1549 гг. В этой связи «количественные составы книги становятся даже атрибутирующим признаком для списков до и после Макарьевских соборов»[316].

Значительно меняется и Стихирарь месячный. К началу XVI в. в рукописях записывались стихиры лишь нескольким русским святым: благоверным князьям

---

[309] См. об этом: *Плетнева Е. В.* Особенности интонационно-графического содержания песнопений первого гласа нотированного Октоиха (на материале рукописей из собрания Кирилло-Белозерского монастыря и Троице-Сергиевой лавры конца XV — середины XVI вв.) // Монастырская традиция в древнерусском певческом искусстве: К 600-летию основания Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2000. С. 154.

[310] ОР РНБ. Кир.-Бел. 606/863. Л. 159. Первая половина XVI в.

[311] ОР РНБ. Кир.-Бел. 616/873. Л. 227. Конец XVI — начало XVII в.

[312] ОР РНБ. Кир.-Бел. 618/875. Л. 103. Конец XVI — начало XVII в.

[313] *Гусейнова З. М.* Русские музыкальные азбуки 15—16 веков: Учебное пособие. СПб., 1999. С. 111.

[314] О росниках см.: *Терентьева П. В.* Росные стихи Пещного действа // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 3. СПб., 2008. С. 42—56; *Она же.* Реконструкция чинопоследования Пещного действа // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 5. СПб., 2011. С. 29—46.

[315] *Казанцева М. Г.* История певческого искусства в письменной культуре Древней Руси XII—XVII вв. (по книге Ирмологий). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С. 19.

[316] Там же.

Борису и Глебу, преподобному Феодосию Печерскому, обретению мощей святителя Леонтия Ростовского, преставлению преподобного Сергия Радонежского (песнопения на 25 сентября), преподобному Варлааму Хутынскому, а также служба празднику Покрова Богородицы. Других русских подвижников и праздников в рукописях не было. Кроме того, в Стихирарях отсутствовали и многие службы вселенским святым, имена которых были записаны в ненотированных книгах начиная с Остромирова Евангелия, но в певческих рукописях они отсутствовали. Только с середины XVI в. начинается постепенное восстановление полного месяцесловного круга.

При общей тенденции в развитии Ирмология, Октоиха, Обихода, Стихираря — постепенного дополнения их песнопениями и/или новыми службами — в основном массиве певческих рукописей одного и того же времени присутствует разное число песнопений, святых и праздников. Существенные различия между ними зависели от певческой практики. Исходя из нее, перед переписчиками в каждом случае ставились разные задачи. Переписывая рукописи, писцы знали, где они будут использоваться за богослужением: в приходской церкви или в походе, в пути (там, где отправлялись только избранные песнопения и службы), в соборе или монастыре. Основываясь на предназначении книги, они ограничивали или расширяли ее состав. Были, судя по всему, и такие заказы, при выполнении которых писцы должны были учитывать все возможности использования рукописи, составляя такие певческие кодексы, которые могли бы служить образцами для последующего создания списков с них.

В свою очередь составитель каждого последующего списка мог заимствовать из образца необходимое количество песнопений и праздников, соответствовавшее регулярности богослужения в храме. В Стихирарях, например, определялось количество праздников вселенским святым и русским подвижникам, а также жанровый состав песнопений каждого из них: он мог ограничиваться только стихирами-славниками, поющимися после молитвословия «Слава Отцу и Сыну...», мог включать славники и стихиры, а иногда и расширялся за счет песнопений других жанров — тропарей, светильнов, богородичнов, канонов. При этом наиболее полным, образцовым Стихирарям дается подзаголовок «Дьячье око», производный от названия Устава «Око церковное»[317]. В Уставе использовалась формула «Бес того бо (Устава) мняися исполняти правило церковное, в неведении, яко во тме шатается таковыи», в Стихираре — «Бес тоя бо (книги Стихирарь) мняшеся пение исправляти, яко во тме шатаются». Подобно тому как «Око церковное» должно было наставлять священнослужителей при отправлении церковных обрядов, образцовый Стихирарь был призван направлять певчих на верный путь в богослужебном пении.

Однако не все Стихирари с таким подзаголовком являлись образцовыми. Они формировались постепенно. Впервые Стихирари «Дьячье око» появились в середине XVI в., но они еще не обладали полнотой состава и отличались от рядовых рукописей лишь незначительным увеличением количества служб и числа песнопений в каждой службе. Лишь к концу 1580-х гг., ко времени учреждения патриаршества в России, появляются книги, в которых на каждый день календаря приходилось по две-три службы.

Именование «Дьячье око» относилось не только к Стихирарям, но и к другим певческим книгам. Известна, в частности, певческая книга Ирмологий из сборника рубежа XVI—XVII вв. с таким подзаголовком.

[317] См. об этом: *Рамазанова Н. В., Хачаньян Р. К.* Нотированный сборник первой половины XVII в. как руководство к «исправлению» знаменного пения // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1988. С. 64.

Но текст, следующий далее, отличается от текста, включенного в Стихирарь: «Книга глаголемая Ирмолои, сиречь Дьячье око. Хто безъ сия Божественыя книги имут пение, яко корабль в мори волнами колеблем»[318].

Нововведения в XVI в. осуществлялись и по отношению к так называемым стихам покаянным. Хотя записывались они, как правило, в нотированных рукописях, но исполнялись вне литургии, т. е. не являлись составной частью богослужения. Тексты их восходят к гимнографии, а музыкальное содержание основывается на попевках знаменного роспева. Повествование в стихах покаянных «ведется от первого лица, и высказываются личные переживания так называемого „лирического героя“»[319]. В них выражаются сердечное раскаяние человека, его рассуждения о краткости земного бытия, о переходе в царство вечности.

Стихи покаянные не представляют собой певческую книгу, но относившиеся к ним перемены также характеризуют певческое искусство XVI в. Самые ранние стихи появились в XV в., они были записаны, как правило, без нотации, в составе разных книг или после их окончаний. В первой половине XVI в. в рукописях появляются новые тексты по большей части уже нотированных стихов. Они находятся среди песнопений Октоиха или Триоди постной, но также и в другом контексте. К примеру, в одной из рукописей из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря стих «Житие временное» записан между стихирами Николаю Мирликийскому и стихирами Борису и Глебу[320]. В середине же столетия разрозненные тексты покаянных стихов объединяются в подборки, получая название «Покаялныя», «Покаялны на 8 гласов» и пр. Более того, в некоторых рукописях записана не одна, а две подборки стихов покаянных[321].

На изменения, происходившие в певческом искусстве, в какой-то мере повлияли решения Стоглавого собора 1551 г. В разных разделах книги Стоглав есть вопросы и ответы, касающиеся церковного пения. Так, в главе 27 «О святых иконах и исправлении книжном» записаны строки, в которых сообщается о необходимости выверять все имеющиеся книги и исправлять их «з добрых переводов <...> занеже священная правила о том запрещают и не повелевают неправленных книг в церковь вносити ниже по них пети»[322].

В Стоглаве неоднократно упоминаются песнопения, которые, в частности, записывались в книге Обиход. Так, в главе 8 «О Божественных службах ответ соборней» речь идет об обеднях (литургиях) и необходимости служить их «по уставу и по преданию святых отец наших Василия Великого, Иоанна Златоустаго, папы Римскаго»[323]. В вопросе 10-м главы 41 говорится о псалмах 134—135 «Хвалите имя Господне» и «Исповедайтеся Господеви», которые надлежит петь каждое воскресенье («по неделям»), а псалом 136 «На реце вавилонстей» — трижды в году: в неделю о блудном сыне, в неделю мясопустную и сыропустную[324]. В Стоглаве уделяется внимание и важности певческого исполнения в воскресные и праздничные дни песнопения «Святыя славы» («И славословие великое пети пением, а не говорити»[325]), что

[318] ОР РНБ. Кир.-Бел. 681/938. Л. 55. 1598—1603 гг.

[319] *Терентьева П. В.* Покаянные стихи — забытый феномен Древней Руси. URL: https://ruvera.ru/articles/pokayannye_stihi_zabytyiy_fenomen (дата обращения 27.07.2019).

[320] ОР РНБ. Кир.-Бел. 570/827. Л. 241. Первая половина XVI в.

[321] ОР РНБ. Кир.-Бел. 652/909. Л. 463, 469. 1558 г.

[322] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 287.

[323] Там же. С. 270.

[324] Там же. С. 308.

[325] Там же. С. 262.

повлекло за собой запись его в Обиходах с нотацией, и о заупокойных службах, которые стали фиксироваться в дополнении к этой книге. Кроме того, здесь указывается на необходимость петь литии «к праздникам Христовым и Богородициным и святых нарочитых»[326], что относится уже к Стихирарям месячным.

В целом в Стоглаве выражается озабоченность царской власти несоблюдением устава при отправлении служб и сообщается о последующих шагах церкви для изменения положения дел: «Некогда вниде в слухи боговенчанного и христолюбиваго царя государя и великаго князя Ивана Васильевича, всея Руси самодръжца, что по многим святым звонять и поютъ не вовремя, кроме божественнаго устава, и многие церковные чины не сполна совершаются. <...> Он же Боголюбивый царь <...> вскоре повеле исписати о тех о многоразличных чинех, которые <...> не сполна совершаютца, и вдасть на Соборе отцу своему Макарию, митрополиту всея Русии. <...> О всем о том <...> соборне уложили: отныне и вперед в царствующем граде Москве <...> и по вся земли Росийскаго царствиа по всем церквам звонити и Божественныя литургии служити, и прочее церковное пение правити сполна...»[327]

Кроме того, на Стоглавом соборе шла речь об открытии училищ в домах священников и дьяков, в которые предлагалось передавать своих детей всем православным христианам, чтобы они учились «благочинию, псалмопению, и чтению, и петию, кананарханию по церковному чину»[328].

В материалах Стоглавого собора XVI в. встречается и упоминание о так называемом многогласии — одновременном чтении и пении, что должно было сокращать время богослужения: чем скорее все содержание службы будет прочитано и спето, тем скорее она закончится. Однако, несмотря на запрет, высказанный собором, подобная практика продолжалась и в следующем столетии.

Во второй половине XVI в. в домашнем быту русских царей звучали не только церковные песнопения, но и западноевропейская инструментальная музыка. Есть сведения о том, что в царствование Ивана IV в Россию были приглашены западные композиторы и музыканты, а из Англии благодаря торговым контактам, установившимся после прихода в Россию корабля, капитаном которого был Ричард Ченслор, были присланы органы, клавесины, клавикорды. Позже, в 1586 г., английский коммерсант и дипломат Джером Горсей привез орган и клавикорды для царицы Ирины Федоровны, записав об этом следующее: «В Лондоне я сделал заказанные мне покупки: достал органы, клавикорды, музыкантов» которые были «щедро награждены и допущены в присутствие таких лиц, к которым даже я не всегда имел доступ»[329].

Впрочем, об этом явлении известно слишком мало. Значительно больше сведений сохранилось о народных музыкантах — скоморохах, точнее, о борьбе со скоморошеством. Эта борьба происходила на всем протяжении истории России едва ли не от времени возникновения христианского государства. Осуждение «бесовских игрищ» встречается еще в «Повести временных лет». Здесь рассказывается о возникновении скоморошества в древние времена у славянских племен, которые «схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бесовьскыя песни»[330]. Игра на музыкальных инструментах, пение народных песен и пляски считались наущением дьявола. Дьявол «всякыми льстьми превабляеть ны от

[326] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 307.
[327] Там же. С. 266.
[328] Там же. С. 286.
[329] Цит. по: *Владышевская Т. Ф.* Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006. С. 74.
[330] Повесть временных лет / Подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова. СПб., 1997. С. 70.

Бога: трубами, скомрахы, и гусльми и русальями»[331]. Неодобрительное высказывание об обычае играть на гуслях и духовых инструментах в присутствии князя звучит и из уст преподобного Феодосия Печерского в его Житии.

В XVI в. скоморошество, как и прежде, порицалось. В постановлениях Стоглавого собора неоднократно встречаются упоминания о скоморохах. Они обвиняются в том, что присутствуют на свадьбах, соблазняют православных христиан в дни поминовения родителей и во время церковных праздников. Более того, в вопросе 19-м главы 41 сказано: «Да по дальним странам ходят скоморохи, совокупляясь ватагами многими да штидесяти и до семидесяти и до ста человек, и по деревням у крестиян силно едят и пиют, и из клетей животы грабят, а по дорогам людей розбивают». На что последовал ответ: «Благочестивому царю своя царская заповедь учинити, яко же сам весть, чтобы от них впредь такова насильство и безчиние не было нигде же никогда»[332].

Иными словами, собор не пытался избавиться от скоморохов, он призывал не допускать насильственные противоправные действия. Стоглав, конечно, запретил участвовать в «играх, глумах и позорищах»[333] скоморохов, но запрет касался только священников и церковного причта. Более того, он призывал их делать все от них зависящее, чтобы не допускать «таковое безчиние». Не случайно в чине исповедания в Требниках к числу грехов иноков, мирских священников и игуменов монастырей относилось и слушание игры «в гусли», и смотрение «всех игор бесовских». Миряне же в подобных грехах каяться были не должны. И, несмотря на просьбу бывшего митрополита Иоасафа извести скоморохов, собор на это не пошел. Вероятно, это стало одной из причин того, что скоморошество продолжало существовать. Скоморошьи театры держали у себя князья и бояре. А с 1571 г. скоморохи вошли в придворный штат, чтобы выступать в устроенном при московском дворе «Потешном чулане».

Итак, музыкальное искусство в XVI в. интенсивно развивалось. Возникло множество новых явлений в церковном пении, в России появились западноевропейские музыкальные инструменты. Несмотря на неоднозначное отношение к скоморохам, они продолжили свое существование. Постепенное уничтожение феномена скоморошества произошло только в следующем столетии, хотя традиции его сохранялись и в последующее время.

Книгопечатание

Одним из наиболее ярких событий в истории русской культуры XVI в. стало появление в Московском государстве типографий. Примечательно, что книгопечатание было заведено в Москве только через сто лет после его изобретения, хотя на Руси не могли не знать о новоизобретенном способе тиражирования книг. Отсутствие интереса к типографскому делу, скорее всего, было связано с тем, что в отличие от южных славян, которые занялись книгопечатанием еще в конце XV в. из-за недостатка церковных книг (как это было указано уже в колофоне первого из осуществленных ими изданий, цетинского Октоиха гласов 1—4 1494 г.), в Москве не испытывали подобного недостатка. Здесь не было гонений на православие, которые являлись главной

[331] Повесть временных лет. С. 210.

[332] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 311.

[333] Там же. С. 398.

причиной утраты книжных богатств южными славянами, потребности в книгах вполне удовлетворялись посредством рукописного способа их распространения, тем более что эти потребности не были столь великими, как в Западной Европе, где отмечался их постоянный рост главным образом в связи с развитием университетского образования. Не случайно при появлении на русской службе в начале 1490-х гг. Бартоломея Готана, известного на его родине, в Германии, в качестве книжного мастера, его использование властями ограничилось лишь дипломатическими поручениями[334].

Интерес к книгопечатанию возник в конце 1540-х гг., о чем свидетельствуют следующие факты. Еще в 1548 г. в Германию для набора и привоза в Москву ремесленников, в числе которых значился и типограф, был послан Ганс Шлитте. Его миссия закончилась неудачей: завербованных им мастеров Ганза в Россию не пропустила, а сам Шлитте попал в тюрьму[335]. Не имело успеха и обращение в 1550 г. царя Ивана IV к датскому королю Христиану III с просьбой прислать в Москву типографа, просьба была воспринята в Копенгагене как возможность склонить русского царя к протестантизму. В мае 1552 г. в русские земли был отправлен Ганс Мейссенгейм, но данное ему задание никак не соприкасалось с планами, которые имели на него московские власти[336]. Не исключено, что поводом для появления подобного интереса послужили случившиеся в Москве пожары, нанесшие в 1547 г. большой урон многим городским церквям[337], однако подлинной причиной заведения на русских землях типографского предприятия следует считать обширные церковные реформы, инициированные митрополитом Макарием, время правления которого ознаменовалось проведением многочисленных церковных соборов.

Одним из важнейших с точки зрения реформирования церкви явился Стоглавый собор 1551 г. На нем в числе предложенных к рассмотрению был поднят вопрос о неисправности церковных книг, которые «писцы пишют с неправленых переводов, а написав, не правят же», в связи с чем «опись к описи прибывает и недописи, и точки непрямые»[338]. В итоге книги решено было править, «занеже священная правила о томъ запрещаютъ и не повелеваютъ неправленых книг в церковь вносити ниже по них пети»[339]. При создании новых книг предписывалось следить за тем, чтобы их изготавливали по исправным оригиналам, «з добрых переводов». В случае недобросовестности писцов и выставления ими на продажу неисправленных книг такие книги предлагалось «имати даром безо всякого зазору», чтобы затем, исправив, передавать в церкви, испытывавшие в них нужду[340].

Определения Стоглавого собора, показавшие необходимость всеми способами добиваться, чтобы в церквях служили только по исправным книгам, дали толчок к осуществлению того, о чем задумывались ранее, — к заведению типографии, поскольку лучшим из средств для достижения поставленной задачи как раз и было признано книгопечатание, позволявшее получать сразу большое количество экземпляров исправных книг, каждый из которых к

---

[334] *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха: Энциклопедия. М., 2007. С. 319—322.

[335] *Фрёгнер Р.* Об особенностях московской дипломатии середины XVI в.: Новые источники о миссии Ганса Шлитте // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 90—103.

[336] *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 505—507.

[337] *Усачев А. С.* О возможных причинах начала книгопечатания в России (предварительные замечания) // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51 (2—3). P. 229—247.

[338] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 255.

[339] Там же. С. 287.

[340] Там же. С. 287—288.

тому же не требовал дополнительной проверки[341].

К сожалению, о том, когда и как организовывалась первая типография, каким образом производились печатные работы в XVI в., почти не осталось документальных свидетельств. Поэтому главными источниками сведений по этим вопросам являются сохранившиеся издания той поры. Именно в их текстах, и особенно колофонах, можно найти драгоценные крупицы фактов, позволяющие интерпретировать ход процессов, связанных с развитием типографского дела в Московском государстве[342]. Впрочем, интерпретация сведений, извлекаемых из изданий, довольна сложна. Это ярко показывает история изучения начального этапа книгопечатания, характеризующаяся очень большим разнообразием мнений[343].

Так, упоминание в колофоне Апостола 1564 г. факта присоединения Казанского ханства, приведенное для усиления впечатления о бедственном положении дел с исправными богослужебными книгами и призванное показать важность заведения типографии, было расценено и долгое время рассматривалось как указание на недостаток богослужебных книг в Московском государстве в целом, поскольку возникновение подобного недостатка легче всего было объяснить необходимостью колонизации новых земель. Несостоятельность этого тезиса стала очевидна только сейчас, в связи с чем он подвергся серьезной критике[344].

В число дискуссионных среди прочих попал и вопрос о времени заведения первой типографии в Москве. Рядом исследователей было предложено считать таковым 1553 г. Основанием этой точки зрения стало указание в колофоне Апостола 1564 г. на то, что, убедившись в неисправности продаваемых «на торжищах» церковных книг, царь начал «изыскивати мастеръства печатных книг, в лето 61 осмыя тысящи (т. е. в 7061 = 1553), въ 30 е лето государьства его (т. е. в 7071 = 1563). Благоверный же царь повеле устроити домъ от своея царския казны, идеже печатному делу строитися». Исследователей привлекло несоответствие приведенных в тексте колофона даты и года царствования Ивана IV, и точки зрения по этому поводу разделились. Одни предположили ошибку в указании даты, другие — года царствования, хотя наиболее оригинальным оказалось мнение, что Иван Федоров неверно употребил пунктуационные знаки и что дату следует отнести к началу «изысканий» царя, а год царствования — ко времени устроения типографии.

При решении этого вопроса важно учитывать, что текст колофонов ранних изданий обязательно следовал формуляру, отклонения от которого не приветствовались. Поэтому ошибка как раз в годе царствования Ивана IV представляется невозможной. Если бы она появилась, Иван Федоров не оставил бы ее без внимания; скорее всего, он просто перепечатал бы лист книги, таким

---

[341] *Вознесенский А. В.* Книжная справа в ранней истории московского книгопечатания // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России. Новосибирск, 2018. С. 202.

[342] Составленные во второй четверти XVII в. «Сказание известно о воображении книг печатного дела» и его позднейшая переделка «Сказание известно и написание вкратце о блазем семь деле и воображении печатномъ и о его пресечении» (см.: *Протасьева Т. Н., Щепкина М. В.* Сказания о начале московского книгопечатания: Тексты и переводы // У истоков русского книгопечатания: К 375-летию Ивана Федорова: 1583—1958. М., 1959. С. 197—214) вторичны по отношению к колофонам изданий и не могут рассматриваться как самостоятельные источники.

[343] *Починская И. В.* Книгопечатание Московского государства второй половины XVI — начала XVII веков в отечественной историографии: Концепции, проблемы, гипотезы. Екатеринбург, 2012. С. 122—268.

[344] *Усачев А. С.* Присоединение Казани и начало русского книгопечатания // 450 лет Апостолу Ивана Федорова: История раннего книгопечатания в России (памятники, источники, традиции изучения). М., 2016. С. 171—180; *Вознесенский А. В.* Книжная справа в ранней истории московского книгопечатания. С. 205.

образом ее исправив. Также едва ли печатник стал бы нарушать единство связанного с указанием даты устойчивого оборота, в котором обычно производилось ее уточнение посредством приведения года правления царя и главы церкви, подобно тому как месяц и число уточнялись посредством указания сведений о празднуемой в этот день памяти святого. Поэтому нет сомнений, что в текст колофона Апостола 1564 г. закралась ошибка в дате. Этот вывод подтверждается соображением, что перед Иваном Федоровым не стояло задачи обсудить положение дел в книгопечатании, он писал лишь о своей типографии и своей в ней работе, время и обстоятельства осуществления которой он сообщил позднее, в повести «откуду начася и како съвершися друкарня сия», помещенной перед колофоном в львовском издании Апостола 1574 г. В ней указанию на год устроения типографии в «тридесятое лето» правления царя соответствует уже 7071 (1563) г.

В действительности точное время основания первой типографии в Москве неизвестно. Можно утверждать, что к 1556 г. книгопечатня уже существовала. Об этом неоспоримо свидетельствуют два документа, найденные при разборе древнейших актов Московского государства и сделавшиеся доступными публике в 1846 г.[345] Эти два документа представляют собой грамоты Ивана IV, посланные в Великий Новгород дьякам Федору Борисову Еремееву и Казарину Дубровскому, датированные одна — 9 февраля, другая — 22 марта 1556 г. Обе они были посвящены одному важному делу, занимавшему тогда царя, а именно обустройству в Москве храма Сретения Богородицы. В первой царь сообщал о посылке в Новгород своего доверенного человека Маруши Нефедьева с целью осмотра камня, приготовленного Федором Сырковым для упомянутого храма, и вынесения решения о его пригодности для резьбы. При этом предлагалось дать Маруше возможность самому испробовать камень. Кроме того, перед дьяками ставились вопросы о наличии в Новгороде камней разного цвета и мастеров, готовых работать с камнем; также упоминался известный Маруше новгородский мастер Васюк Никифоров, способный производить «резь всякую». Его предписывалось послать в Москву вместе с Марушей. Во второй грамоте царь сообщил, что Маруша привез в Москву камень, который ему было нужно осмотреть в Новгороде, и потребовал присылки других камней[346].

Наиболее примечательным в этих грамотах является то, каким статусом Иван IV наделил Марушу Нефедьева. В первой тот был назван «мастером печатных книг», во второй — «печатным мастером», и это, безусловно, говорит о том, что в глазах царя главным делом Маруши при всех его дополнительных умениях было прежде всего печатание книг. Следовательно, в середине 1550-х гг. в Москве существовала типография и мастером в ней был Маруша Нефедьев. Порой в качестве мастера печатных книг рассматривают также упомянутого в царской грамоте Васюка Никифорова, однако никаких сведений о том, чтобы он участвовал в деятельности каких-либо типографских предприятий, не существует.

Типография, которую мог возглавлять Маруша Нефедьев и которая действовала в Москве уже в 1550-х гг., получила условное название анонимной, поскольку о ней не сохранилось никаких известий, кроме косвенных свидетельств о ее существовании в двух упомянутых царских грамотах. Не менее загадочными оказались и семь ее изданий. Все они не имели выходных сведений, были напечатаны на бумаге разнообразных сортов, причем при изготовлении их использовалось сразу пять шрифтов.

[345] ДАИ. Т. 1. С. 148.

[346] *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 500—501.

Часть анонимных изданий появилась до того, как Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец напечатали в Москве первую русскую датированную книгу — Апостол 1564 г. Доказательства тому можно найти во вкладных записях, обнаруживаемых в некоторых их экземплярах. Так, в экземплярах узкошрифтного Евангелия нашлись вкладные, датированные 1559 и 1563 гг.[347], среднешрифтного Евангелия — две записи 1561 г.[348] и одна 1564 г.[349], Триоди постной — 1562 г.[350]

Репертуар анонимной типографии не отличался разнообразием; в ней были напечатаны три издания Евангелия (узкошрифтное, среднешрифтное и широкошрифтное согласно терминологии, предложенной М. Н. Тихомировым[351]), два издания Псалтири (среднешрифтная и широкошрифтная), Триодь постная и Триодь цветная. Поскольку при работе над ними употреблялись порой одни и те же доски орнаментики[352], следует предположить, что все они были напечатаны в едином книжном центре, однако использование при этом большого количества шрифтов говорит о том, что история выпуска первых русских печатных книг была совсем не простой.

Из обычного набора шрифтов, который включал в себя крупный, средний и мелкий образцы, анонимные типографы применяли только два — крупный и средний, что определялось избранным репертуаром печатаемых книг. И Евангелие и Псалтирь в ее налойной разновидности требовали непременного использования крупного шрифта, который обычно не употреблялся при печатании других книг, например Триодей или Апостола. Для них, как и для большинства богослужебных книг, был приличен более мелкий шрифт — средний, что, вероятно, определилось еще в рукописной традиции.

Анонимные типографы использовали в своей работе три крупных и два средних шрифта. И это, как представляется, свидетельствует о том, что в деятельности типографии существовало три или, скорее, два этапа и что для печатания в ней книг приглашались разные мастера, поскольку изготовление шрифтов в ту пору входило в круг обязанностей мастера. Шрифты обычно, если, конечно, они не производились на заказ, принадлежали изготовившему их мастеру в качестве основного орудия его труда, отчего еще в начале XVII в. на московском Печатном дворе, где тогда сохранялся институт мастеров, каждый из них резал и в дальнейшем использовал в работе только свой шрифт.

Первый крупный шрифт в анонимной типографии был создан для печатания узкошрифтного Евангелия. Его отличала искусственность в начертании некоторых литер, вызванная стремлением резавшего его мастера избежать «перекрещивания строк» в наборе, при котором «линия верхних выносных элементов 2-й строки» заходила «выше линии нижних выносных элементов 1-й строки»[353]. Перекрещивание строк было вполне обычным в книгах, написанных полууставом, однако при попытке воспроизведения его в печатных книгах типографы

---

[347] *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 840—841.

[348] Там же. С. 814; *Платонов Е. В., Мальцева О. Н., Кудрявцев С. А.* Старопечатная кириллическая книга XVI—XVII веков: Каталог коллекции / Гос. Эрмитаж. СПб., 2016. № 1.

[349] *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 814.

[350] Там же. С. 722.

[351] *Тихомиров М. Н.* Начало московского книгопечатания // Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 401—404 (статья 1940 г.).

[352] *Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. С. 15; *Протасьева Т. Н.* Первые издания московской печати в собрании Государственного исторического музея. М., 1955. С. 20—21.

[353] Термин и его определение принадлежат Е. Л. Немировскому (*Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 568).

сталкивались с немалыми трудностями[354]. Можно предположить, что первый крупный шрифт был признан в итоге неудачным, и это привело к появлению нового шрифта, при изготовлении которого уже учитывалась необходимость соответствия начертаний литер рукописным, причем не только с точки зрения перекрещивания строк, но и с учетом использования в рукописях литер особой формы. Этим шрифтом были напечатаны две книги — среднешрифтные Евангелие и Псалтирь. В дополнение к нему был создан средний шрифт, нужда в котором возникла в связи с работой над Триодью постной.

Рассмотрение первого этапа деятельности анонимной типографии и особенностей выпущенных ею изданий, характеризовавшихся шрифтами, в которых начертания литер уподоблялись рукописным, а также отсутствием выключки строк по правой стороне и фронтисписных гравюр в Евангелии и Псалтири, показывает, что книгопечатание при его начале в Московском государстве воспринималось как еще один способ выполнения одной из важнейших задач, стоявших перед властями, — задачи обеспечения страны исправными книгами, необходимыми для богослужения. Типографская традиция, таким образом, не противопоставлялась рукописной, обе они понимались как составные части общего дела. Об этом неоспоримо свидетельствует как уподобление печатных текстов рукописным с точки зрения начертания литер и отсутствия выключки строк, так и заимствование типографами некоторых приемов изготовления книги. Так, отказавшись от снабжения Евангелия и Псалтири фронтисписными гравюрами, они, безусловно, имели в виду существование в рукописной традиции разделения труда между писцом и миниатюристом[355]. Наконец, о статусе рукописной и печатной книжных традиций в ту пору можно судить и по факту изготовления в анонимной типографии для нужд писцов своего рода бланков, листов с отпечатанными в их начале гравированными заставками. Сейчас известны несколько рукописей, в составе которых обнаруживаются подобные листы, и со временем таких находок становится все больше[356].

Движение к разделению печатной и рукописной традиций наметилось на новом этапе деятельности анонимной типографии, когда для обеспечения ее работы были вырезаны еще два шрифта — крупный (им печатались широкошрифтные Евангелие и Псалтирь) и средний (для выпуска Триоди цветной). И хотя в напечатанных этими шрифтами изданиях по-прежнему отсутствовали фронтисписные гравюры, в них появилась выключка строк по правой стороне. Заметно были упрощены и шрифты. Нет сомнений, что шрифты создавались другим мастером; они были крупнее прежних, причем настолько, что новый средний шрифт по размеру оказался сопоставим с двумя крупными шрифтами, использованными при работе над узко- и среднешрифтным Евангелиями. Примечательно, что новый этап деятельности анонимной типографии пришелся на первую половину 1560-х гг., т. е. совпал по времени с началом работы «государевой» книгопечатни. Об этом свидетельствует употребление одной

[354] *Вознесенский А. В.* Ранние московские шрифты: Проблема «перекрещивания строк» // Четвертые Лупповские чтения: Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2015 г. СПб., 2016. С. 34—43.

[355] *Вознесенский А. В.* Апостол 1564 года и первые опыты книгопечатания в Москве // Национальная библиотека. 2014. № 1. С. 48—49.

[356] *Протасьева Т. Н.* Первые издания московской печати в собрании Государственного исторического музея. С. 21—22; *Она же.* Описание первопечатных русских книг // У истоков русского книгопечатания. С. 158, 168; *Анхимюк Ю. В.* Об одном рукописном Евангелии с гравированными заставками из первых московских безвыходных изданий // Румянцевские чтения: Материалы международной научной конференции (10—12 апреля 2007 г.). М., 2007. С. 8—12.

и той же бумаги в широкошрифтных Евангелии, Псалтири и в выпущенном в 1564 г. Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем Апостоле[357].

Существование в Москве в одно и то же время сразу двух типографий, одна из которых, без всякого сомнения, финансировалась Иваном IV, позволяет предположить, на чьи средства велась работа в другой, анонимной. Вероятнее всего, ее содержали церковные власти во исполнение определений Стоглавого собора. Не случайно ее типографские материалы, в частности средний шрифт, которым печаталась Триодь цветная, были перевезены затем в Казань, где в конце 1580-х — первой половине 1590-х гг. они использовались для нужд местного архиерейского дома (ими были напечатаны два издания Службы явлению Казанской иконы Богородицы)[358].

Инициатором заведения книгопечатания в Московском государстве был, несомненно, митрополит Макарий. Только его влиянием на царя можно объяснить то, что тот решил выделить средства на обустройство еще одной, «государевой», типографии, история деятельности которой недвусмысленно показывает весьма прохладное отношение Ивана IV к книгопечатанию. К 1563 г. митрополиту Макарию удалось убедить его принять участие в этом богоугодном деле, хотя в колофоне Апостола 1564 г. в соответствии с литературным этикетом того времени московский первосвятитель был показан лишь как советчик царя, а на первое место оказался выдвинут Иван IV.

Документальных свидетельств деятельности «государевой» типографии в XVI в., так же как и анонимной, не сохранилось, однако судить о начале ее работы можно по колофонам первых ее изданий и по повести, в которой изъявлялось, «откуду начася и како съвершися друкарня сия» и которая была включена Иваном Федоровым в состав львовского Апостола 1574 г.

Уже в колофоне Апостола 1564 г. имелось точное указание на участие в создании типографии митрополита Макария, а также на то, что типография обустроена на средства Ивана IV, на то, когда было начато и когда закончено печатание книги, и на то, что работой над нею занимались два мастера — Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец. Особо была отмечена цель, которая преследовалась при создании типографии: «просвещение» церквей исправными богослужебными книгами. То же отмечалось в колофонах Часовников 1565 г., хотя в их тексте уже было не найти яркого повествования касательно печального положения в стране с исправными книгами, обнаруживаемого в Апостоле.

Похожим был и колофон Псалтири 1568 г., которую вскоре после отъезда первопечатников в Великое княжество Литовское выпустили два других мастера — Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа, названный в его тексте по своему прозвищу Невежей Тимофеевым. Поддержку новым мастерам оказал митрополит Афанасий[359], ко времени выхода книги отошедший от дел, что, вероятно, повлияло на завершение работы типографии уже после выпуска первой книги. Текст колофона Псалтири более строго следовал формуляру; дополнительно в нем подробно расписывалось содержание книги, а в качестве цели составления в Москве «штанбы» указывалось очищение и исправление «не наученых и не искусных в разуме книгописецъ».

Слово «штанба», впервые употребленное в колофоне московских Часовников 1565 г., показывает, где зарождаются исто-

[357] *Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. С. 25, 31.

[358] *Поздеева И. В., Турилов А. А.* «Тетрати... печаты в Казанѣ» (к истории и предыстории казанской типографии) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 4 (6). С. 14—21; *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог. Кн. 2. М., 2003. № 97, 130.

[359] *Усачев А. С.* Митрополит Афанасий и Псалтирь 1568 г. // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 20—29.

ки русской типографской традиции. Их, без сомнения, следует искать в южнославянских печатных книгах[360] и, скорее всего, в венецианских изданиях Божидара Вуковича[361]. Об этом неоспоримо свидетельствует то, что в Москве закрепилась итальянская терминология печатного дела, причем как раз в южнославянской огласовке. На то же указывает применение в Часовниках заставок, по рисунку сходных с украшениями венецианских изданий. Важно отметить и то, что колофоны первых изданий «государевой» типографии своей пространностью и структурой во многом напоминали те, которые можно встретить в южнославянских книгах, напечатанных в Венеции.

Слова об исправлении книг в колофоне Апостола 1564 г. не были пустым звуком, эта книга на самом деле серьезно правилась, причем настолько, что и по сей день исследователи текста Апостола рассматривают московское издание в качестве его особой редакции[362]. Еще более показательна с точки зрения книжной справы история печатания в «государевой» типографии двух Часовников, выпущенных один за другим в сентябре и октябре 1565 г. В них также были внесены исправления, что легко обнаруживается при сопоставлении изданий, однако поправки в заметно меньшей степени, чем в Апостоле, касались лексики[363]. По большей части те, кто правил текст Часовника, заботились об устранении допущенных в первом издании опечаток, а также об удобстве организации текста в книге[364]. Наконец, несомненная подготовка текста предшествовала и изданию в 1568 г. Псалтири[365]. Напечатанные Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем издания свидетельствуют о появлении в Московском государстве новых подходов к выпуску исправных богослужебных книг. История издания двух Часовников показывает, что мастера, привлеченные к работе в «государевой» типографии, стремились создать традицию печатания конкретной книги, в пределах которой можно было сосредоточиться на развитии и совершенствовании ее формы и текста. Совсем иначе обстояло дело у анонимных типографов, которые для выпуска как Евангелия (в случае с узкошрифтным и среднешрифтным изданиями)[366], так и Псалтири[367] всякий раз занимались подбором нового образца, каждый из которых должен был быть признан исправным, хотя их тексты и могли отличаться один от другого. И только при печатании в середине 1560-х гг. широкошрифтного Евангелия за основу было взято предшествующее издание — среднешрифтное Евангелие. Почти невозможно судить и о том, производилась ли предпечатная подго-

[360] Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал М. Н. Тихомиров; см.: *Тихомиров М. Н.* Начало московского книгопечатания. С. 405—406; *Он же.* Начало книгопечатания в России // Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. С. 311—313 (статья 1959 г.); *Он же.* Начало русского книгопечатания // Там же. С. 324—325 (статья 1964 г.).

[361] *Вознесенский А. В.* Книжная справа в ранней истории московского книгопечатания. С. 202—204.

[362] *Коляда Г. И.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 228—237; *Страхова О. Б.* «Московский» тип *Четьего Апостола* и текстология на Московском Печатном дворе // Palaeoslavica. 2005. [Vol.] XIII. No. 1. P. 158—227; *Новак М. О.* Апостол в истории русского литературного языка: Лингвостилистическое исследование. Казань, 2014.

[363] *Коляда Г. И.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву. С. 238—243.

[364] *Вознесенский А. В.* Об отношении на Печатном дворе к тексту издаваемых книг в XVI — начале XVII века // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 11. Вып. 12. 2012. С. 199—200.

[365] *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI—XVII веков: Простая Псалтирь. М.; СПб., 2010. С. 218—219.

[366] *Коляда Г. И.* Иван Федоров первопечатник: (Московский период его деятельности). Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1961. С. 15.

[367] *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 218.

товка анонимных изданий; известно, что в процессе печати некоторые изменения производились, однако они были не более чем носящими случайный характер.

Как осуществлялась справа в «государевой» типографии, сказать трудно. Можно только обратить внимание, что при печатании первых ее книг работа поручалась сразу двум мастерам, чего никогда не случалось впоследствии. Как представляется, это позволяет сделать предположение, что мастера в работе не дублировали один другого, а также что их функции распределялись следующим образом: один занимался техническим обеспечением типографии, тогда как другой заботился об исправности выпускаемых книг[368]. Рассматривая дальнейшую деятельность трех из четырех первых мастеров «государевой» типографии (о Никифоре Тарасиеве, кроме упоминания его имени в колофоне Псалтири 1568 г., нет никаких известий), нельзя не заметить, что технической работой, несомненно, занимались Петр Тимофеев Мстиславец[369] и Андроник Тимофеев Невежа[370].

Учреждение «государевой» типографии имело большое значение для развития книгопечатания в России. Уже при издании Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстилавцем Апостола наметился отход печатной традиции от рукописной, симбиоз с которой был присущ анонимным изданиям. В книге не только была применена выключка по правой стороне набора, Апостол имел четкую структуру, которая создавалась использованием орнаментального убранства. Более того, печатники решили отказаться от услуг миниатюриста и напечатали гравированный фронтиспис с изображением апостола Луки. Выбор для печати именно Апостола производился с учетом того, что́ к этому времени было сделано анонимными типографами, однако новые издания получили особый статус. Не случайно до начала XVII в. в колофонах московских изданий, за исключением Триоди постной 1589 г., не было обычно входивших в их состав извинений за неисправность текста и просьбы к читателям самостоятельно вносить поправки: выпущенная из «государевой» типографии печатная книга считалась безусловно исправной.

Подобное понимание печатной книги имело значение в дальнейшем, когда Печатный двор, а именно так впоследствии стали называть «государеву» типографию, был вынужден отреагировать на появление изданий типографии Петра Тимофеева Мстиславца в Вильне, который в 1575—1576 гг. напечатал там Евангелие, Псалтирь и Часовник, причем в московской манере. Издания Мстиславца получили широкое распространение в Московском государстве, и это было воспринято как покушение на прерогативу Печатного двора выпускать исправные богослужебные книги. Поэтому в середине 1570-х гг. в Александровской слободе, где тогда находилась резиденция Ивана IV, была обустроена типография, возглавить которую призвали известного по прежним заслугам книжного мастера Андроника Тимофеева Невежу.

В Александровской слободе им были напечатаны Псалтирь и Часовник, хотя полагают, что из образованной там типографии могли выйти также Евангелие[371] и Апо-

[368] *Вознесенский А. В.* Книжная справа в ранней истории московского книгопечатания. С. 207—208.

[369] *Вознесенский А. В.* Петр Тимофеев Мстиславец и его издания // Национальная библиотека. 2018. № 2 (12). С. 35—38.

[370] *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 126—144; *Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952. С. 14—16.

[371] *Турилов А. А.* Библиографический сюрприз описи 1651 г. церкви Ильи пророка в Ярославле (свидетельство о неизвестном слободском издании XVI в.) // Книжная культура Ярославского края: Материалы научной конференции (Ярославль, 13—14 октября 2009 г.). Ярославль, 2010. С. 43—47; *Полознев Д. Ф.* К истории библиотеки церкви Ильи Пророка в Ярославле в XVII веке // Книжная культура Ярослав-

стол[372]. Если судить по тексту Псалтири 1577 г., которая почти полностью повторяла московское издание 1568 г.[373], перед Андроником Тимофеевым Невежей не ставилась задача править текст, он должен был только обозначить приоритет Печатного двора в издании правленых богослужебных книг. Поэтому для печати были отобраны те же книги, которые издавал Петр Тимофеев Мстиславец в Вильне, в том числе и Евангелие, до этого «государевой» типографией не печатавшееся, а следовательно, там и не правившееся. Примечательно, что Евангелие получило уменьшенный формат — 4-ю долю листа. Андроник Тимофеев Невежа владел только средним шрифтом и решил не вырезать специально для Евангелия крупный.

Работа типографии в Александровской слободе продолжалась недолго; отпечатав несколько книг, Андроник Тимофеев Невежа прекратил свою деятельность. Вновь он был привлечен к типографскому делу уже тогда, когда в Москве получили известие о согласии восточных церковных властей учредить Московскую патриархию. Новый статус Русской церкви предполагал постановку перед ней новых задач, одной из которых стала забота об издании исправленных богослужебных книг «ко спасению душамъ християнского народа многочисленаго словеньскаго языка своея великия державы всея великия росия московьскаго царства и прочих государьствъ», как это было указано в колофоне Октоиха 1594 г.[374]

С 1587 г. работа московской типографии приобрела регулярный характер, причем в ней выпускались как прежде издававшиеся книги — Триодь постная, Триодь цветная, Апостол, Часовник, так и новые — Октоих и Минея общая. Нельзя не обратить внимания на то, как долго, за исключением Часовника 1598 г., велась в конце XVI в. подготовка книг к изданию. Как представляется, это свидетельствует о самом серьезном исправлении их текста, на которое, конечно же, требовалось время. Еще одним признаком работы с текстом на новом этапе работы типографии стало появление в московских изданиях языковых глосс, причем не для правки недочетов текста и опечаток, а для представления вариантов чтений, решение о судьбе которых, кстати, несколько последующих десятилетий не принималось, почему глоссы кочевали из издания в издание.

Как показывает изучение Апостола 1597 г., который по сравнению с изданием Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца нес в себе ряд новых чтений, особенно напряженной правке подвергалась богослужебная часть печатаемых книг, содержание которой требовалось упорядочить. В частности, в Апостоле были внесены изменения в форму представления молитвословий в тексте, в состав памятей месяцеслова, отдельные молитвословия оказались заменены другими[375]. Важно отметить, что справа в эту эпоху превратилась в непрекращающийся процесс, когда книги продолжали править от издания к изданию, — процесс, охвативший и первые десятилетия XVII в.

В первую пору патриаршего правления московский Печатный двор осуществлял типографскую деятельность силами одного мастера, Андроника Тимофеева Невежи; лишь к концу XVI в. к нему присоединился его сын Иван (он упомянут особо в коло-

ского края: Материалы научной конференции (Ярославль, 12—13 октября 2010 г.). Ярославль, 2011. С. 125, 140.

[372] *Полознев Д. Ф.* Библиографическое исследование печатных книг из ярославской библиотеки Георгия Лыткина первой трети XVII в. // Библиография. 2013. № 1. С. 69.

[373] *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири. С. 218.

[374] *Вознесенский А. В.* Книжная справа в ранней истории московского книгопечатания. С. 206.

[375] *Вознесенский А. В.* Московские издания Апостола 1621 и 1623 гг.: К вопросу о так называемой «филаретовской» книжной справе // Книжная старина. Вып. 3. СПб., 2015. С. 128, 133—134.

фоне Часовника 1598 г.), который затем, после 1602 г., сменил отца на его месте. Все это, несомненно, затрудняло решение стоявших перед московской типографией задач. И только в начале XVII столетия в Москве начали расширять существовавшее там издательское предприятие. Для работы на Печатном дворе были призваны новые мастера, их трудами стали издаваться новые книги.

Повседневность и быт. Домострой

История повседневности России XVI в. известна фрагментарно. В нарративных письменных источниках в это время преобладает торжественный этикетный стиль, в котором почти нет места для просторечия, а в самих сочинениях мало рассказывается о повседневной жизни людей. Частная же бытовая переписка, как и частная хозяйственная документация, практически не сохранилась. О быте людей XVI в. можно узнать лишь из единичных источников. Первое место среди них занимают записки иностранцев, в которых особое внимание обращается на бытовую сторону жизни в России.

В нашем распоряжении мало источников, на основе которых можно реконструировать повседневную жизнь разных слоев общества в России XVI в. Традиционный бытовой уклад не менялся столетиями, и потому наблюдения этнографов за крестьянским бытом XIX в. вполне можно распространить и на XVI в. И все же в XVI в. появились тексты, рассказывающие о повседневной жизни людей этой эпохи.

В связи с формированием монархической идеологии большое значение уделялось дворцовому этикету, в котором сочетались черты византийского императорского двора и традиционного быта восточных славян. Поскольку обыденная жизнь царского двора становилась неотъемлемой частью ритуала и таким образом сакрализировалась, то подробные описания крещения детей, свадеб, посольских приемов и похорон зафиксированы разными источниками, как внутренними (разряды царских свадеб и др.), так и внешними (записки иностранцев). Повседневная жизнь подданных русского царя, разумеется, была иной, но основные этапы жизненного цикла, такие как рождение, крещение, женитьба/замужество и смерть, переживались и оформлялись сходным образом.

Одним из важных источников, по которым можно узнать о повседневной жизни русских людей XVI в., являются исповедные вопросники. В XVI в. эти тексты становятся более пространными, рассказывая в основном о личной жизни русских людей гораздо больше, чем в предшествующие эпохи, но по-прежнему сосредоточивая внимание на грехах, на девиантном поведении, поскольку на исповеди кающийся должен был рассказывать именно о грехах.

Несколько иначе, не практическую, а регламентирующую, описывает повседневность Домострой[376]. Это сочинение появилось в XVI в., и оканчивается оно посланием священника кремлевского Благовещенского собора Сильвестра своему сыну Анфиму. Сильвестр, бывший наставником молодого царя Ивана Васильевича, составил или отредактировал, возможно для царского окружения, своеобразный свод правил, в которых описывалась обыденная жизнь семьи горожанина[377].

[376] *Колесов В. В.* Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / Подг. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 1994. С. 329—341.

[377] История текста Домостроя до настоящего времени не изучена. См.: *Хорихин В. В.* Списки Домостроя XVI—XVIII вв: История издания и изучения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Прядко Е.* К вопросу

Текст Домостроя можно условно разделить на две части. В первой из них рассказывается о праведной жизни православного христианина-мирянина, начиная с изложения основ православного вероучения и заканчивая правилами посещения храмов и монастырей. Эта часть Домостроя составлена явно с ориентацией на сочинения византийского богослова Иоанна Златоуста, чья подборка статей соответствующей тематики была включена в популярный у древнерусского читателя сборник «Измарагд»[378]. Вторая часть Домостроя представляет собой руководство для ведения домашнего хозяйства, сопровожденное дидактическими указаниями на распределение обязанностей мужа и жены в семейной жизни. Традиция таких руководств существует с античного времени, известны они и в средневековой Западной и Центральной Европе[379]. При составлении русского Домостроя наверняка использовались подобные тексты в качестве образца. Но если общая идея хозяйственного руководства и могла быть заимствована, то наполнение этого текста, сами советы и рецепты семейного и хозяйственного благополучия представляют собой продукт исключительно оригинальный, отражающий реалии повседневной жизни русского горожанина XVI в.[380] Следует отметить, что автор Домостроя, в отличие от ряда западноевропейских руководств, не дает советов, как увеличить благосостояние, а его советы сосредоточиваются вокруг того, как следует сберегать и экономить.

Домострой рисует распределение ролей в семье с исключительно патриархальных позиций. Главой семьи выступает мужчина, жена и дети которого находятся по отношению к нему в положении безоговорочного подчинения, приближаясь по своему статусу к положению слуг. Глава семьи отвечает не только за финансовое благополучие и хорошие отношения внутри семьи, но и несет ответственность за спасение душ своих домочадцев[381]. Для этого ему дана неограниченная власть внутри семьи. Он не только имеет право воспитывать и наказывать своих домочадцев, это вменяется ему в обязанность, и если он этого не делает, то автор Домостроя выносит такому хозяину свое порицание. Рукоприкладствовать рекомендуется не кулаками или посохом (железным или деревянным), а плеткой, чтобы не допустить членовредительства. Вообще, положение женщины в семье трактуется как исключительно подчиненное. Жена должна помогать мужу вести домашнее хозяйство, и даже круг ее интересов жестко ограничивается домом и воспитанием детей. Автор Домостроя, например, регламентирует даже тематику разговоров женщин между собой. Они должны касаться исключительно хозяйственных вопросов и быть посвящены перениманию опыта. При этом отмечается, что обилие хозяйственных тем сделает неисчерпаемой и содержательной

о так называемой III «смешанной» редакции Домостроя и ее рукописной традиции // История и культура Ростовской земли: 2015. Ростов, 2015. С. 66—74.

[378] *Чумакова Т. В.* «В человеческом жительстве мнози образы зрятся»: Образ человека в культуре Древней Руси. СПб., 2001. С. 132—146.

[379] Из античных сочинений ближе всех к русскому Домострою по тематике оказывается сочинение Ксенофонта «Экономика» и ряд западноевропейских и польских сочинений, регламентирующих частную жизнь человека. См.: *Глазунов И.* Домострой Сильвестровского извода: Текст памятника с примечаниями, материалы для сравнительного изучения (образцы Домостроев: Ксенофонта и 3-х западно-европейских), объяснительные статьи и словарь. СПб., 1902. С. 135.

[380] *Найденова Л. П.* Мир человека на Руси в XVI в. (по Домострою и памятникам права). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 34.

[381] См.: *Хорихин В. В.* Домострой как источник по истории экономических представлений городского населения России конца XV — первой половины XVI в. // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии, источниковедения. М., 1999. С. 485—490.

любую женскую беседу. Характерно, что тематика разговоров мужчин между собой никак не регламентируется. Следует отметить, что подобные взгляды на семейную жизнь носят по преимуществу дидактический характер и едва ли отражают реальное положение вещей и распределение ролей в семье русского горожанина XVI в. Перед нами скорее поучения, рисующие некий идеал семьи православного христианина с точки зрения духовенства, возможно, самого попа Сильвестра, который был известен своей склонностью к морализаторству.

Гораздо большую ценность имеют содержащиеся в Домострое рекомендации относительно того, как следует вести домашнее хозяйство. Они составлены со знанием дела и ярко иллюстрируют бытовую жизнь русского горожанина XVI в.

Рождение ребенка сопровождалось традиционными обрядами, уходящими в языческое прошлое. Первым христианским обрядом в жизни человека являлось крещение. Известно, что крещение детей великого князя происходило в Троице-Сергиевом монастыре, причем ребенка помещали в раку св. Сергия Радонежского, но этот обряд, по-видимому, имел значение сакрализации новорожденного представителя правящей династии. Крещение детей в других семьях не имело отмеченной особенности. Важный социальный элемент крещения состоял в выборе для ребенка имени. При этом наряду с крестильным ребенку зачастую давали семейное имя, которое сопровождало его всю жизнь. Так, в семье мальчика могли называть по порядку старшинства. Известны имена Второй (Вторышка, Вторунька), Третьяк, Пятой, Шестак и др. Такое обыкновение объясняется в том числе и практикой давать братьям одинаковые крестильные имена. Существовали и другие принципы имянаречения. Так, известный деятель второй половины XVI в. Богдан Яковлевич Бельский имел крестильное имя Андрей, но всюду, в том числе в официальных документах, он именуется своим обиходным именем Богдан (т. е. Богом данный). В XVI в. крестильное имя влияло на выбор монашеского имени, которое, как правило, начиналось на ту же букву, что и крестильное. Такая практика была известна и ранее, и в XVI в. ей, как правило, следовали.

Важным событием в жизни являлась свадьба. Поскольку в России в XVI в. формировалась династическая монархия, то в великокняжеском и царском семействе на официальном уровне тщательно фиксировали свадебный обряд, включая выбор невесты и соблюдение всех традиционных ритуалов, в том числе архаичные элементы языческого происхождения. Именно по документам царского свадебного разряда можно составить представление о том, каким образом проходила свадебная церемония[382]. Домострой только дополняет эту картину, описывая свадьбу в среде зажиточных горожан. Первая зафиксированная в официальной документации свадебная церемония — свадьба Василия III и Соломонии Сабуровой, имевшая место в 1505 г. Византийский элемент в церемонии женитьбы Василия III, повторенный впоследствии в свадебных обрядах Ивана IV, состоял в самой процедуре выбора великокняжеской невесты из нескольких сотен девиц[383]. Свадебная церемония имела большое значение не только для жениха и невесты, но и для участвующих в ней лиц. Назначение на различные должности бояре и дети боярские получали исходя из практики местничества. В этом отношении великокняжеские и царские свадьбы имели столь

[382] *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110—123.

[383] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи VI—IX вв. М., 1996. С. 647; *Михайлова И. Б.* «И здесь сошлись все царства...»: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: Повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 501.

же большое значение в придворной жизни, как военные походы и поездки двора на богомолье. Должности на великокняжеской или царской свадьбе впоследствии высоко ценились как самими участниками, так и их родственниками и потомками. Названия этих должностей отражали традиционные языческие истоки свадебного обряда и формирующуюся структуру двора московских самодержцев: тысяцкий, конюший, дру́жки, свахи, «а ковер княжей держал», «за столом сидели», «у изголовий были», «а постелю слал», «мыльную топил», «у воды были», «в мыльне мытися с великим князем», «а с платьем белым и с поясом к мыльне итти», «а у мыльни платья имати и великому князю подавать», свешники, коровайники, фонарники и др.

Само свадебное торжество проводили в Золотой палате Кремля. Жених в сопровождении свадебного «поезда» обосновывался в соседней Грановитой палате, откуда посылал за невестой. Обе части свадебной процессии встречались в Золотой палате, причем «поезд» невесты прибывал раньше. Молодых сажали на специально приготовленное место (особенности приготовления свадебного места подробно описаны в Домострое), расчесывали им волосы, осыпали семенами хмеля, опахивали соболями, после чего начинался свадебный пир. Далее весь свадебный «поезд» вслед за женихом и невестой отправлялся в церковь, где проходило обручение и вслед за ним венчание. В XVI в. существовала традиция обручальных колец, известная на Руси по источникам еще в XIV в. Обручение золотыми перстнями упоминается в свадебном чине Андрея Ивановича Старицкого и Евфросинии Андреевны Хованской в 1533 г.[384] Во время венчания жених и невеста пили «фряжское» (итальянское) вино из стеклянного сосуда, после чего жених должен был этот сосуд растоптать. В Домострое указывается, что чаша, из которой молодожены пьют вино после венчания, не должна иметь ручек, чтобы ее можно было нечаянно уронить[385]. После венчания молодые возвращались во дворец, однако застолье возобновляли только к вечеру. До вечернего свадебного пира великий князь со свитой совершал паломничество по чтимым храмам и монастырям. Характерно, что во время свадьбы жених ездил верхом, а невеста передвигалась неизменно в санях. Последнее являлось данью древним обычаям. После возвращения новобрачного из паломничества начинался пир, причем в продолжении пира и далее всю ночь на его коне ездил верхом с обнаженной саблей так называемый конюший — один из действующих лиц свадебной церемонии. Его обязанностью была символическая охрана молодоженов. Языческими атрибутами была насыщена сама брачная ночь. Молодых клали спать в неотапливаемом помещении — сеннике. Ложем служили тридцать девять ржаных снопов, накрытые коврами. По углам втыкали по стреле, на которые вешали калачи и соболиные шкуры. Войдя в ложницу, новобрачные оказывались перед свахой — женой свадебного тысяцкого. Она встречала новобрачных в двух шубах, верхняя из которых была надета наизнанку. В таком виде сваха, вероятно, олицетворяла языческое божество плодородия. Она осыпала молодых семенами хмеля и кормила курятиной. Вообще курятина в составе разных блюд была широко представлена на свадебном столе. Очевидно, что многое в свадебном ритуале прямо или косвенно говорило о плодородии: снопы ржи (каждый колос приносит много зерен), семена хмеля (тот же эффект, к тому же хмель вызывает опьянение), курица (обладает исключительной плодовитостью). Наутро молодого мужа вели в баню, после чего продолжался свадебный пир. Р. Барберини, посетивший

[384] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи VI—IX вв. С. 508, 527—528.
[385] Домострой. С. 79.

Россию в 1565 г., описал еще один свадебный обычай. После первой брачной ночи молодой муж выносил родственникам своей жены вино в дырявом кубке. Если невеста была девственницей, то отверстие он залеплял воском, и вино можно было пить. Если же его надежды на девственность невесты не оправдывались, то отверстие в кубке он зажимал пальцем, и при передаче кубка тестю вино выливалось и лилось до тех пор, пока родственники невесты не договаривались с зятем о материальном возмещении ущерба[386]. Шведский дипломат П. Петрей, бывавший в России в конце XVI в., рассказывает, что гости приезжали на свадьбу с подарками. После свадьбы оказавшиеся ненужными подарки молодая чета возвращала, а за оставленные в течение года должна была уплатить их цену или поднести от себя подарок эквивалентной стоимости[387].

Особенности домашнего обихода иллюстрирует Домострой. Городская усадьба состояла из нескольких построек различного назначения. Это были крытые тесом срубы разного размера. В центре усадьбы находились собственно «хоромы», или дом, в котором жила семья. В Домострое описывается двухэтажный жилой дом, упоминаются нижнее крыльцо и лестница. «Холодная», неотапливаемая, часть дома — это сени и клети, которые использовались как хозяйственные помещения. Дом отапливался печами по-белому. Автор Домостроя обращает специальное внимание на необходимость регулярно замазывать глиной щели, появляющиеся между кирпичами в печи. Если бы речь шла о печах, топящихся по-черному, то щели между кирпичами не играли бы столь существенной роли. А здесь важно было обезопасить помещение от печного дыма и угарного газа. На печи устраивали лежанку, которую использовали и для отдыха, и для сушения припасов. Перед «хоромами» располагался двор с колодцем. Второй колодец рекомендовали выкопать в огороде. Два колодца были необходимы и для водоснабжения, и на случай пожара. Через двор прокладывали деревянные мостки, по которым можно было ходить в дождливое время.

При доме разводили сад и огород, который предписывалось окружить забором, чтобы в него не могли проникнуть домашние животные и птица, в том числе из соседних хозяйств. Ворота рекомендовалось днем держать притворенными, а ночью запертыми. Кроме того, Домострой советует огород охранять сторожевыми собаками. Весной следовало вскапывать грядки, удобряя землю собранным за зиму навозом. Семена предписывалось готовить с осени, всходы укрывать от мороза, регулярно поливать и пропалывать. Вдоль забора, там, где обыкновенно растет крапива, Домострой рекомендует сажать борщевик, листья которого весной можно использовать для варки борща, а осенью сушить и использовать в качестве приправы. Среди огородных культур особенное место уделяется капусте, свекле, огурцам и дыням. Сажали также репу, редьку, морковь, хрен, лук и чеснок. Капустный лист летом употребляли в пищу людям (в вареном виде) и скотине, а осенью капусту предписывалось квасить. Осенние заготовки — особая тема Домостроя. Кроме квашеной капусты упоминаются свекольный рассол и соленые огурцы. Все это составляло запасы на зиму и чрезвычайно ценилось в домашнем хозяйстве. Из фруктовых деревьев на приусадебном участке выращивали яблони и груши, а также вишню и малину. Кроме варенья (видимо, на меду) и пастилы, из яблок и груш готовили квас,

[386] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках / Перевел с рукописей В. Любич-Романцович. СПб., 1843. С. 19—20.

[387] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / И. Масса, П. Петрей. М., 1997. С. 436.

а из вишни и малины — морс. Среди заготовок на зиму почетное место занимают грибы, которые следовало сушить, а некоторые, грузди и рыжики, — солить.

Солили не только овощи, но также мясо и рыбу, что позволяло делать запас на зиму. В соленом виде мясо и рыба не портились. Хранить все продовольственные запасы следовало в погребе и на ледниках (специальных помещениях, заполнявшихся зимой льдом). Алкогольные напитки Домострой советует хранить в особом помещении, и ключ от него хозяин должен держать у себя и никому не передавать.

Домострой рекомендует на случай праздников и прихода гостей постоянно иметь в домашнем хозяйстве алкогольные напитки: мед (брагу на меду), пиво и вино (самогон). Кроме того, в домашних условиях готовили различные квасы (хлебные и фруктовые), в том числе сильного брожения — так называемые кислые щи. Медовая брага подавалась на стол после дополнительной варки со специями — мускатом, гвоздикой и др. Гостей рекомендовалось угощать слабоалкогольными напитками — медом и пивом, а также подавать к столу морсы. Держали в домах и «фряжские» (т. е. итальянские) вина. По всей видимости, имеются в виду импортные виноградные вина необязательно итальянского производства. В повседневной жизни употребляли квасы и кисели.

Домострой содержит подробное описание различных блюд. Так, рассказывается, какие блюда можно приготовить из бараньих потрохов, поскольку само мясо следовало засолить на зиму. Например, нарезанную мелкими кусками баранью печень жарили на сковороде с луком, предварительно завернув ее в печеночную пленку. Легкое готовили в заливке из молока с яйцами, кишки начиняли кашей, а из губ и ушей делали студень. Потроха готовили и с кашей, используя для этого овсяную, гречневую или ячневую крупу.

Одежду разделяли на обыденную и праздничную. Первую носили дома, а во второй ходили в церковь, в гости или вообще «со двора». Вернувшись домой, нарядную одежду следовало переменить на повседневную, вычистить, аккуратно сложить и спрятать в сундук, который, по всей видимости, и служил основным местом для хранения одежды.

Таким образом, несмотря на скудость письменных источников по истории повседневной жизни в России XVI в., быт сельского и городского населения, а также социальных элит можно реконструировать, привлекая для этого прежде всего материалы иностранного происхождения и Домострой. Следует отметить, что Россия XVI в. предстает страной с традиционным жизненным укладом, который сформировался задолго до XVI в. и существовал с незначительными различиями по крайней мере в следующее столетие.

Домострой рисует семейную жизнь в идиллических тонах. В реальности, конечно же, бывали разные ситуации. В исповедных вопросниках XVI в. поднята проблема незаконных детей. Особенно частыми были случаи сожительства с «рабой», т. е. женщиной из социально низкого слоя общества[388]. Встречаются и упоминания о браке с «отпущенницей». Они позволяют сделать вывод о существовании фактического развода, т. е. такой ситуации, когда муж «отпускал» жену и та могла выйти замуж вторично. Разумеется, церковь такие браки не признавала.

Известны случаи ненормального, отклоняющегося поведения. Так, исповедные вопросники свидетельствуют о существовании в России XVI в. проституции и даже публичных домов. Они названы «сонмищами», причем из контекста становится

[388] *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: Невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997. С. 20—21.

понятным, что таковые могли находиться при гостиницах или постоялых дворах[389]. Занимались проституцией вдовы, оставшиеся после смерти мужа без средств к существованию.

Такая важная сфера жизни, как медицина, в XVI в. была реализована в магических практиках и в пришедших из Западной Европы лечебниках и травниках. Магическими знаниями часто владели женщины. В исповедных вопросниках часто спрашивалось о «порче», «чародействе», «волхвованиях» и «шептаниях»[390]. Существовали и профессиональные колдуньи — «бабы»[391]. Объектом магических практик, помимо врачевания, оказывались еда, питье или «наузы» — заговоренные узелки, которые матери нашивали на детскую одежду. Магических текстов от XVI в. почти не дошло. К редким исключениям следует отнести текст о камне, вызывающем дождь и ветер, который предположительно принадлежал князю Семену Федоровичу Бельскому, отъехавшему в 1534 г. из России в Литву[392].

В XVI в. в России получила распространение традиция травников и лечебников. Один из первых текстов такого рода перевел на русский язык лейб-медик Василия III Николаус Бюлов (Николай Булев). По заказу митрополита Даниила в 1534 г. он перевел с латинского языка лечебник, изданный в Любеке в 1492 г. Этот текст положил начало традиции русских травников и лечебников — первых справочников по медицине[393].

Источники XVI в. рассказывают также о развлечениях людей той эпохи. Так, Стоглав упоминает скоморохов, «ватаги» которых включали до ста человек[394]. Скоморохи играли на органцах (или варганах — древних по происхождению инструментах типа губной гармошки), гуслях и других инструментах. Участие скоморохов имело место в свадебном обряде. Но особенно широкий размах веселье с песнями и плясками приобретало в Святки и на Масленицу. Традиционно эти мероприятия сопровождались переодеваниями маскарадного характера. В том числе имело место переодевание мужчин в женскую одежду и наоборот[395]. Вообще в XVI в. представители церкви неоднократно осуждали случаи такого гендерного пограничья. Так, в исповедных вопросниках XVI в. женщинам запрещается стричь волосы на голове. Возможно, в этом видели не смену гендерного стереотипа, а приверженность местным языческим обычаям. Так, новгородский архиепископ Феодосий в своем Послании 1548 г. в Водскую пятину писал: «Да в ваших же деи местех, в Чюдцкой земле, замужни жены и вдовы головы бреют, старые и молодые <...> и в том их безчинии велико поругание женскому полу: и яз ныне велел своему соборному священнику Никифору сей злый безчинный обычей разорити, и поучати их по

---

[389] *Корогодина М. В.* Корчемный прикуп: Как в XVI веке относились к «неправедным доходам» // Родина. 2004. № 12. С. 88—90.

[390] *Корогодина М. В.* Женская магия по исповедным вопросникам XIV—XVII вв. // Проблемы социально-политической и культурной истории и культуры Средних веков. СПб., 2002. С. 50—52.

[391] *Смирнов С. И.* Бабы богомерзкие // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 217—243.

[392] *Турилов А. А.* Камень для вызывания дождя и ветра: Руководство по метеорологической магии в старобелорусской записи XVI в. // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / Отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М., 2002. С. 533—541.

[393] *Морозов Б. Н.* Вертоград здравию: Травник из библиотеки Ивана Грозного // Родина. 2004. № 4. С. 36—40; *Исаченко Т. А.* Травник Николая Любчанина и его судьба на русской почве // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 41—43.

[394] Стоглав: Текст. Словоуказатель. М.; СПб., 2015. С. 121.

[395] *Понырко Н. В.* Святочный и масленичный смех // Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 154—202.

Божественному Писанию, чтобы жены все, молодые и старые, влас глав своих никакоже не брили и не остригали»[396].

В целом можно сказать, что о повседневной жизни русских людей XVI в. мы знаем крайне мало. Лишь отдельные стороны частной жизни, и то преимущественно высших слоев, стали известными благодаря таким источникам, как Домострой или сочинения иностранных путешественников. Отдельные факты негативного характера сообщают исповедные вопросники. Россия XVI в. включала десятки народов, живших в рамках своей традиционной культуры, и эту пеструю мозаику повседневной жизни и межкультурных отношений можно представить, лишь обратившись к материалу последующих эпох.

Археология о культуре, производстве, быте, исторической топографии

Материальная культура Московского государства XVI в. в зеркале археологии выглядит гораздо ярче и определеннее, чем в предыдущие два-три столетия. В ней во множестве примеров отчетливо проявлены и закреплены те черты, которые в XIV—XV вв. только намечались. Это касается и сферы собственно культуры (в первую очередь религиозной), и областей производства, обмена, потребления и бытового комфорта. Некоторые элементы приобретают характер маркеров, выделяющих московскую культуру как особую, представленную не свойственными иным локальным традициям элементами. Она подчеркивает особенность, самостоятельность, «непохожесть» облика новой рождающейся государственной и частной среды. Эти элементы хорошо укладываются в общую систему городской и сельской жизни Москвы и связанных с нею территорий, с ранее сложившейся и получающей новое развитие церковной, дворцовой, крепостной архитектурой, иконописью и стенописью, с традиционными прикладными искусствами, а в пространственном отношении — с особыми чертами планировки поселений и размещения в них церковных центров.

Бытовая керамика[397]. В наиболее массовом археологическом материале, керамике, заметны две главные тенденции. Первая была заложена во второй половине XV в. появлением Гончарной слободы (от слияния Яузы с Москвой-рекой до Таганки). Мощные горны этого производственного района, типологически близкого античным «керамиконам», выпускали продукцию на основе хорошо усвоенных технологических приемов, из подготовленной массы без грубых примесей, при стабильно высоких температурах, в режиме окислительного обжига, который давал ярко-красный, равномерно прокаленный, звонкий черепок. Эти массовые изделия наводняют культурный слой Москвы XVI в., образуя временами закрытые комплексы бытовой керамики с точными верхними датами (ком-

[396] ДАИ. Т. 1. С. 60.

[397] Основные этапы в изучении см.: *Рабинович М. Г.* Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 55—77; *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв. // Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. Е1-39. М., 1968; Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991; *Коваль В. Ю.* Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. 2001. № 1. С. 98—109; *Он же.* Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М., 2016 (литература).

плекс у церкви Вознесения в Коломенском, перекрытый строительным слоем начала 1530-х гг.; слой строительства храма Отцов Семи Вселенских соборов в Данилове монастыре 1560-х гг.; запечатанные при пожаре 1571 г. погребки в кельях Зачатьевского монастыря;[398] сосуды с монетными кладами).

Параллельно кристаллизации форм и технических характеристик керамики расширился и стал устойчивым ассортимент выпускаемых изделий. Его основу составляли уже не только сосуды из красножгущихся глин, но и из беложгущейся глины. Из нее производились крупные (вместимостью 20—25 л) кувшины и горшки. Эта линия связана с развитием выросшего на залежах беложгущейся глины производства села Гжель, продукция которого (возможно, испытав воздействие традиций Днепровского Левобережья и перемещения населения в ходе борьбы Москвы с Литвой за верхневолжские княжества) наполнила в XVI в. и московский рынок. Другой техно-формой оставались кружки-кувшинчики из красножгущейся глины (часто с росписью белым ангобом в горошек) и кувшины с красным лощением, уходящие корнями в XV в. Активное развитие сосудов в форме кувшина было частью общего процесса видоизменений в бытовой керамике средиземноморского культурного круга (и даже более широкого ареала), который начался очень рано (VI—VIII вв.) на Ближнем Востоке и к XIV—XV вв. достиг северо-востока Европы, причем сразу по двум путям — через мастерские Нижнего и Среднего Поволжья, составлявшие непосредственно часть ориентальной традиции, и опосредованно через контакты с Западной Европой, несколько раньше пережившей «вторжение кувшинов». В итоге сходные с московскими сосуды обнаруживают в Европе при раскопках и на картинах художников XVI в.[399]

Значительно умножились и следы прямого трансфера керамических традиций Европы и Руси — дальнейшее распространение художественного ангобирования, т. е. покрытие сосудов красного обжига светлой глиной (ангобом) с росписью их поверхности красной или (гораздо реже) черной краской, проникшей в Москву, видимо, несколько раньше. В XVI в. осваивается и техника морения, когда при восстановительном обжиге получают керамику с плотным черепком от серого до иссиня-черного цвета, а с помощью лощения по изначально белому ангобу поверхности придают металлический блеск. Эта техника, в которой изначально выпускали довольно экзотические для Москвы формы, могла достичь столичных мастерских прежде всего западным путем, через Смоленск и городки на Верхней Оке, так же как ранее использовался южный путь, основанный на торговле с колониями Италии в Крыму и на Дону.

Две новые технологические группы, расписанная красными узорами по белому ангобу и чернолощеная, были связаны и с новыми формами, среди которых так называемые кумганы (небольшие вытянутые сосуды с носиком, на поддонах), керамические бутылочки (кубышки), фляги, рукомойники (акваманилы). Эти техно-формы, имея явные *восточные* корни, в Москву XVI в. попали благодаря носителям *западной* бытовой традиции и техники. Позже

---

[398] *Глазунова О. Н.* Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV — начала XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва) // Российская археология. 2008. № 2. С. 128—141.

[399] *Коваль В. Ю.* Белоглиняная керамика в средневековой Москве. С. 98—109; *Он же.* Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 12. М., 2016. С. 437—475; *Он же.* Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля: Малосерийные группы // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 414—441; *Он же.* Московская чернолощеная посуда // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 15. М., 2019. С. 382—400.

они, особенно чернолощеная посуда, получат распространение и при изготовлении более привычных форм, прежде всего мисок, лоханок и т. п. Но часть этих техно-форм (кумганы) целиком укладываются в XVI в., не имеют дальнейшего развития и служат маркером эпохи. Но сама техника черного лощения получит широкое применение в производстве плиток для полов, черепицы, игрушек и других, подчас непривычных, изделий. Этот «дар XVI века» гончары будут особенно активно использовать в XVII—XVIII вв. и позднее (вплоть до современности).

Наиболее традиционная форма, горшок, при этом сохраняла господство. Горшок использовали для приготовления пищи в печах, в качестве тары и как вид столовой посуды. Он менялся медленно, в основном на уровне признаков, наблюдаемых археологами, но новые элементы форм (такие как S-образный переход от плечиков сосуда к его венчику) приобрели столь массовый и устойчивый характер, что их можно смело отметить как свидетельство широко воспринятой местной «моды». С середины XVI в. появилась тенденция к упрощению и потере остроты формы горла и венчика, на его верхний край наносят мелкий и частый линейный орнамент (гребенка)[400]. Ближе к концу века такие горшки уже преобладали, переходя в следующее столетие.

В отношении других технологий производства столовой посуды следует отметить постепенное увеличение количества сосудов, покрытых поливой (полупрозрачной глазурью). Она базировалась на рецептуре, освоенной еще при сложении Древней Руси и сохраненной как ее наследие в Волго-Окском междуречье. С ее помощью удавалось получать цветовые градации от желтых и зеленоватых до темных коричнево-красных, наибольший эффект достигался при использовании беложгущейся глины или светлого ангоба как подкладки для поливы (известны изготовленные в этой технике кумган и фляга, а также небольшие серии чарок-елейниц). Сосуды более высокого художественного и технологического уровня можно было получать благодаря импорту с Востока, из Турции, Ирана или Китая, где владели технологией фарфора и фаянса (последняя в эпоху Ренессанса была освоена и в Европе, особенно в Италии, Испании и Франции)[401].

Керамика в строительном производстве. Отраслью производства керамики, которая поглощала не меньшее количество сырья и труда, была строительная индустрия, которая только к XVI в. окончательно оправилась от страшного удара монгольского нашествия XIII в. Существенную роль в этом сыграло знакомство с технологиями прославленной строительной школы Италии, начавшееся в последней трети XV в. и продолжившееся в первой трети XVI столетия. Усовершенствованные технологии производства и новый формат кирпича (28×12×6.5 см), предложенные еще Аристотелем Фиораванти в конце XV в., а в 1500—1530-х гг. дополненные Алевизом Новым (Алоизио Ламберти да Монтаньяна), чей кирпич был немного крупнее и давал выигрыш в работе (29—30×13—14×6.5—7.5 см, до стандартного большемера (30×15×8 см), почти как у Покрова на Рву, — 28×14×8 см), быстро распространились в России[402]. В дальнейшем, к середине столетия, был выработан кирпич-маломер

[400] Наиболее ранняя серия таких фрагментов содержалась в пожарной прослойке на поверхности надгробия 1549 г. и в кладке стены церкви Троицы «у старых поль» 1556 г.

[401] Об их проникновении в Московское государство в XVI в. см.: *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси: IX—XVII века. М., 2010.

[402] *Яковлев Д. Е.* Кирпич и архитектурная керамика в постройках Великокняжеского дворца рубежа XV—XVI вв. в Московском Кремле // Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры. Сборник статей к 60-летию Л. А. Беляева. М., 2008. С. 207—220.

(22.5×11×4.5—5.0 см)[403], известный еще по византийской плинфе и очень удобный для выкладки сложных деталей. На этих типоразмерах была основана вся строительная деятельность в Москве и связанная с ней традиция начиная с конца правления Ивана III. В то же время эта традиция явно испытывала воздействие дополнительных импульсов — так, в кладках собора Покрова на Рву в специальных участках использованы настоящие кирпичи-гиганты, более двух третей метра в длину (67×37×14—15 см), а также полые формы, облегчающие конструкции и предваряющие эпоху фасадного изразца.

Вообще, хотя в XVI в. изразец на Руси не был распространен, строители соборов не раз пытались освоить приемы декорации фасадов и отчасти интерьеров формованным из глины декором. Эти новые формы получили в России название изразца. Часто они покрывались глазурью, в XVI в. исключительно прозрачной. Можно наблюдать длинный ряд дискретных инвенций, приходящих из Европы. Среди них сравнительно простые, такие как освоение керамической черепицы для покрытия кровель (она впервые получит на Руси массовое распространение именно в XVI в.), и более сложные, включая орнаментальные терракоты, из которых составляли фасадные фризы и (как исключение) карнизы. И черепица, имевшая еще античную традицию, и фасадная керамика на Руси XVI в. имели источником итальянскую традицию[404]. Но до сих пор не выявлен генезис сложных фасадных композиций храмов Старицы, последней на Руси удельной столицы, так же как технология изготовления этих рельефных иконных панно из крупных глазурованных полихромных изразцов, ранее вообще неизвестная на Руси[405]. Фиксируются и попытки украшать стены (снаружи и внутри), а также печи отдельными керамическими плитками (вставки без румпы), среди композиций которых встречаются маленькие фигурки людей (святых?), животные фантастического бестиария, растительная орнаментика.

Известные и ранее плитки для покрытия полов распространяются гораздо шире, причем к традиционным поливным (глазурованным) добавляется черная (появится одновременно с посудой уже в начале 1530-х гг. в полах церкви Вознесения в Коломенском), красная и белая. Применяя обычную квадратную и треугольные половинки квадратов и чередуя плитки разных цветов, получали композиции «в шахмат», довольно сложные и отсылающие снова к европейской традиции[406].

Таким образом, в технологической традиции изготовления декоративных элементов архитектуры воздействие европейских, в первую очередь итальянских и, возможно, германских (орденских?) мастеров сказывается даже в большей степени, чем в пространственных архитектурных формах.

Археология о денежном обращении. Русская нумизматика XVI в. достаточно хорошо разработана и показывает весьма резкий перелом в практике чеканки и обращения монеты, связанный с реформой Елены Глинской 1535 г.[407] Обнаружено значитель-

[403] *Подъяпольский С. С.* О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // Российская археология. 2000. № 1. С. 47—60.

[404] *Беляев Л. А.* Наброски по археологии Ренессанса в России XVI века // Археология художественного видения: Художественно-исторические контексты: Материалы международной научной конференции, 21—22 апреля 2017 г. М., 2019. С. 212—234.

[405] *Баранова С. И.* Изразец в позднесредневековой Москве: Конец XV — XVII век. М., 2013. С. 67—70, 182—183.

[406] *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Церковь Вознесения в Коломенском: Архитектура, археология, история. М., 2013.

[407] Указ о замене старых денег был оглашен в Москве зимой 1535 г. (ПСРЛ. Т. 29. М., 2009. С. 17).

ное количество случайно утерянной разменной монеты в постройках второй четверти или второй трети XVI в. (например, в раскопе 2014 г. на посаде Радонежа, где отмечено шесть серебряных и одна медная монета Василия III), эпохи регентства Елены, боярского правления и, возможно, первых лет после воцарения Ивана IV[408]. Археология демонстрирует продолжающуюся активизацию денежного обращения в середине — второй половине XVI в.: в слое недолго существовавшего Опричного двора частота выпадения монет мелких и средних номиналов чеканки конца XV — второй половины XVI в. (вероятно, до 1571 г.) небывало высока и достигает двух монет на квадратный метр. Большинство этих монет (в сумме их 60 экз.) попали в слой всего за пять лет существования Опричного двора[409]. Обилие монет эпохи Ивана IV характеризует и близкие по времени слои монастырей. Так, в Алексеевском монастыре (до 1570-х гг. стоял на месте современного Зачатьевского, вблизи Остоженки) именно эти монеты составляют большинство (из ста монет ручной чеканки более шестидесяти выпали в слой, вероятно, до середины XVI в.)[410]. Менее значительная, но хронологически близкая серия монет второй половины собрана в слоях богатого келейного двора конца XVI в. в Новодевичьем монастыре (раскопки 2017—2018 гг.)[411].

Эту картину распространения монетной массы поддерживают и клады, которых для XVI в. известно более двухсот[412]. Заметно усиливается отложение небольших монетных кладов в первой половине 1530-х гг. и в 1550-х гг. в сельских местностях, вдали от основных дорог (в их составе копейки и денежки). Около 20 % сосредоточено в Москве и бывшем Московском уезде, а также в Твери, Новгороде и Пскове с их окрестностями, что связывают с упорядочением выдачи жалованья помещичьему ополчению и созданному войску пищальников. В большинстве суммы кладов не выходят за пределы 3—9 руб., т. е. близки годовому окладу рядового стрельца одной из низших статей; среди них видят клады горожан (ремесленников, торговцев) и помещиков (клады до 20—30 руб. фиксируются как исключение). В эпоху Ивана IV в зонах расселения ремесленников и в деревнях много малых кладов в 1—2 руб. Эти суммы едва покрывали необходимый денежный налог крестьянина и были на порядок меньше суммы вклада состоятельного землевладельца или мастера в монастырь (15—20 руб.). Клады XVI в. имели яркую региональную окраску; монеты местного чекана откладывались (часто сразу вслед за чеканкой) в районе того же денежного двора, т. е. в Москве, — денги-саблицы, а в Новгороде и Пскове — копейки. Исключение составляют клады 1550-х гг., где обычно не менее 40 % составляет чеканка иных городов, доходя иногда до половины, — по-видимому, это результат выдачи жалованья монетами, не побывавшими в обращении, непосредственно с дворов, и его немедленного сокрытия. И массовое сокрытие кладов, и невостребованность их пытались связать с

[408] *Савельев Н. И., Сергеев А. Ю., Чернов С. З.* Усадьба служилого человека 1540—1550-х годов на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 года // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 12. С. 328. Рис. 8.

[409] *Беляев Л. А.* Об особенностях изучения раскопа Романов двор — 2 // Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М., 2009. С. 99—100.

[410] *Беляев Л. А.* Алексеевский и Зачатьевский: Два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV—XVI веков // Исторические записки. М., 2019. Т. 18 (136). С. 11—12, 22—26.

[411] *Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г.* Археология Московского Новодевичьего монастыря: Первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 179, 184.

[412] Точную цифру на данный момент назвать трудно. См.: *Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Российская история в московских кладах. М., 1992; *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989; *Она же.* Русские монетные клады рубежа XVI—XVII веков. Киев, 2003; и др.

казанскими походами 1550-х гг. Во второй половине века количество кладов опять резко возрастает. В Москве они группируются в 1580-х гг., но в основном в слободах (20—30 %) и сельской округе, а также в ремесленных посадах (Бронницы, Гжель, Мячково) и опорных городах (Коломна, Серпухов, Радонеж, Богородицк и др.). В целом системное сокрытие денежных кладов в России XVI в. не имеет однозначного объяснения и указывает на недостаточное развитие финансовых отношений в обществе, где средние и мелкие владельцы монет предпочитали держать значительную часть своих средств в качестве сокровищ.

Одежда. Археология позволяет гораздо яснее и подробнее представить текстиль Руси XVI в.[413] (до этого материалы для пошива одежды на Руси XVI в., особенно для простых горожан, были известны почти исключительно по письменным источникам). Прежде всего городские слои Романова двора, Зарядья в Москве и Вязьмы дали коллекции текстиля для одежды домашнего производства. Это льняные и однотонные шерстяные ткани (в том числе и сукно), разнообразные по качеству, толщине, структуре и плотности, светлые и темные, неокрашенные или окрашенные экстрактами растений в желтоватые, коричневатые и зеленоватые цвета разных тонов и оттенков. Известны также узорные, плетеные шерстяные пояса и изделия, вязанные по спирали (чулки, рукавицы). Захоронения представителей высших слоев в монастырях (Москва, Суздаль и другие города) показали использование для пошива одежды тонких льняных (местных?) и импортных шелковых (тафта, камка) тканей. Популярным украшением одежд знати было золотное шитье, а также ленты, плетеные шнуры и тесьмы из шелковых и золотных нитей.

Для пошива женских головных уборов (волосников) использовали исключительно красные шелковые ткани без тканого узора. Аналогичные красные ткани шли на декоративную отделку мужских рубах. При раскопках получена и целая серия ранее неизвестных орнаментов итальянской камки. Помимо одежд, ее отрезы широко использовали в качестве погребальных покровов и саванов. Практически вся найденная камка имеет крупный орнамент, раппорт которого равен ширине ткани. В композиции орнамента используются короны, цветы, вазоны, плоды и широкие ленты, образующие крупные медальоны. В одном из захоронений Новоспасского монастыря в качестве покрова использована турецкая парча.

Стало возможным представить себе как покрой изделий, так и приемы дополнительного декора, аксессуары (например, застежки верхней одежды). Женских головных уборов (волосников) XVI в., ранее известных исключительно по письменным источникам, в научном обороте уже десятки. Их очелья расшиты нитяным и золотным шитьем с перламутровой и бисерной пронизью; композиции фризового типа, центрованные и очень сложные, включают тератологические сцены борьбы животных и птиц или фронтальные иератические процессии животных, направляющихся к «мировому древу».

От XVI в. дошло не менее сорока мужских рубах, сходных по покрою с этнографически известными крестьянскими, хотя наблюдаются и некоторые особенности, такие как длинные рукава на одежде, собранные в складки (известны по рисункам иностранных путешественников). Однако в

[413] См.: *Елкина И. И.* Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых // Усыпальница дома Романовых в московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 85—114; *Она же.* Текстильные находки и плетеные изделия // Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII—XIX вв. С. 151—161; *Она же.* Волосники XVI—XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве // Российская археология. 2008. № 2. С. 142—149; и др.

декоративном оформлении (орнамент, техника исполнения вышивки) это совершенно иные изделия.

Известны детали монашеских облачений, для пошива которых использовали темную (часто грубую) ткань домашнего производства. Она резко контрастирует с входившими в состав облачения великосхимников шитыми аналавами, иконные изображения которых (Голгофский Крест, Архангелы, Небесный Иерусалим) и текст молитвы исполнены в довольно своеобразной технике вышивки крупными толстыми стежками цветными шелковыми нитями (Моисеевский и Вознесенский монастыри). Монашеские параманы из шелковой или шерстяной ткани[414] также имели изображения Голгофы (техника золотного шитья или вышивка цветным шелком). Настоятели монастырей носили клобуки древней сферической формы, о которой знали ранее лишь по письменным документам; шитые фелони архаического покроя, судя по захоронению в Новодевичьей слободе, все еще использовали и представители белого духовенства.

Погребальная традиция. Похороны в XVI в. позволяют говорить не столько об архаичности или традиционности обряда, сколько об окончательном выделении и утверждении собственных, относительно молодых элементов в его стиле, к тому же свойственных исключительно Московской Руси. Таких элементов, наблюдаемых археологически, три.

В XVI в. приобретает абсолютную устойчивость и повсеместное распространение московская версия оформления надгробной плиты, ранее очень изменчивая и незрелая. Она включает теперь два главных элемента: схематическое антропоморфное очертание и надпись, вмонтированную в верхний («грудной») отдел композиции[415].

Содержание надписей почти не меняется, сохраняя такие элементы, как уточненная дата смерти (на плитах знати — вплоть до часа), указание на память святого или праздник этого дня, имена покойных (крестильное и монашеское, иногда и прозвище). К этим базовым элементам часто добавляют формулу родства («сын», «дочь» + имярек), для маленьких детей — возрастное состояние («младенец»), для женщин — указание на отца («дочь»), на состояние в браке («жена») и имя мужа. Социальное положение указывается для князей, бояр, духовенства и членов их семей, для остальных его называют в редких случаях. Как исключение указывают детали биографии (происхождение из другого города: «сведенец», «псковка») или особые обстоятельства смерти (обычно на царской службе, в сражении; известна даже формула «за святую церковь и за государя и за всех православных хрестьян» на плите Василия Глебовича Салтыкова, погибшего под крепостью Пайда в 1572/73 г.)[416].

Тексты на плитах стремились сохранить. В случае повреждения плит их переносили на новый камень, оформленный

---

[414] Следами торговли сукном служат свинцовые пломбы, число которых в слоях Москвы постепенно возрастает; см.: *Беляев Л. А.* Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье // «Нескончаемое лето»: Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород, 2018. С. 24—26.

[415] *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996; Русское средневековое надгробие XIII—XVII веков: Материалы к своду. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. М., 2006.

[416] *Макаров Н. А., Беляев Л. А., Курмановский В. С.* Белокаменные саркофаги и надгробия некрополя Чудова монастыря из раскопок в Московском Кремле 2015—2017 гг. // Российская археология. 2019. № 2. С. 123—124, 129.

в более современном стиле, а старые плиты использовали в строительстве церквей[417].

Различия в исполнении плит (такие как постепенное подавление надписью орнамента, сводимого от изобразительной схемы на уровень обрамления), постепенно нарастая, не меняли дела: схема остается узнаваемой, а надпись менялась лишь в деталях (на смену бытовому полууставу придет искусно выполненная, иногда в оборонной технике, вязь). Московские плиты в основе неизменны в течение всего столетия, служа своего рода маркером экспансии московской культуры; их унаследует XVII в.

Не менее характерно и широкое распространение цельного каменного, известнякового антропоморфного саркофага[418]. Для XVI в. это единственная известная форма каменного гроба, выделяющая московский погребальный обряд из остальных традиций Европы и Азии. Количество этих тяжелых и технологически трудно исполняемых, с трудом доставляемых из каменоломен изделий было довольно значительным, хотя и уступало числу могильных плит: саркофагов к настоящему времени известно несколько десятков, в то время как плит насчитывают сотни. Все же единичные экземпляры встречены практически на всех больших кладбищах Москвы и за ее пределами, особенно в крупных северных монастырях. Больше всего саркофагов будет изготовлено в середине — второй половине XVI в. (шлейф традиции захватит XVII в.). Таким образом, антропоморфный саркофаг — определяющая примета погребальной традиции Московского царства, в таких гробах похоронены все цари, великие князья, их супруги и дети (некрополи Архангельского собора, собора Вознесенского монастыря в Кремле, соборы Новоспасского и Новодевичьего монастырей и др.).

Третья характерная черта обряда также восходит к XV столетию, но в XVI в. получает несравненно более широкое распространение и включает новые, типологически измененные образцы. Она отражает внедрение в церковный обряд как устойчивого элемента окропления погребаемого тела смесью елея с вином (восходит к архетипу надгробных возлияний античности и еще глубже). Оставляемые при этом в гробницах сосуды-елейницы рисуют важные перемены и в области потребления: совершается переход от керамических сосудов (чарок, чашечек, кубышек) к стеклу, в ряде случаев отмечающему сразу и высокий статус покойных, и новые связи с Европой[419]. Среди них — прекрасный кубок-рюмка синего с росписью стекла из саркофага Ивана IV, прозрачный венецианский

---

[417] *Беляев Л. А., Григорян С. Б., Савельев Н. И.* Высоко-Петровский монастырь // Города. Поселения. Некрополи: Раскопки 2016 года. М., 2017. С. 20—26. (Материалы спасательных археологических исследований; 19); *Савельев Н. И., Беляев Л. А.* «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV—XVII веках // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: Материалы научной конференции. М., 2016. С. 188—192; *Беляев Л. А.* Поминать и помнить: Традиция обновления надгробий в Москве XVI—XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3. С. 2—7.

[418] *Беляев Л. А.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV—XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. [Вып.] 252. М., 2018. С. 219—232, там же литература; Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: Материалы исследований: В 4 т. Т. 3. Ч. 1—2. М., 2018.

[419] *Беляев Л. А.* К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare: Археология и история: Сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск, 2017. С. 119—136; *Панченко К. И.* Керамические сосуды XV—XVI вв. из погребений Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья. Вып. 12. С. 547—554.

кубок с крышкой у его сына Ивана и др.[420] В основном это, видимо, посольские дары, а не покупки.

Характерный сплав московской и европейской традиции обнаруживают и надгробия иноземцев, отмечаемые в Москве с 1560-х гг.[421] Они оформлены в местном стиле, но с характерными дополнениями. Так, на плиту Каспара Эльферфельда (одного из ливонских пленников и персонажа мемуаров Генриха Штадена) помещен примитивный «портрет» в венке-медальоне, на плите Иоанна Моля сделана попытка изобразить его купеческий герб в картуше и т. п. Надписи включают чуждые раннему русскому надгробию горестные аккламации, молитвенные обращения, эпиграфические сентенции и обязательные указания на профессию или позицию при жизни. Это многословие приводит к усиленному вниманию к нарезке строк при полном равнодушии к орнаментике. Даты смерти приводили в европейском стиле, от Рождества Христова и арабскими цифрами, знакомя москвичей с западной традицией летоисчисления. Кладбище иноземцев размещалось в районе Конской площадки и Мытной улицы, за будущей линией Скородома (возможно, огражденного и ранее). Здесь хоронили без различия национальностей (известны плиты итальянцев, англичан, немцев и голландцев), конфессий и социального положения (упомянуты переводчики и проповедники, рыцари и купцы, врач, ювелир, слесарь и др.), семьи христиан-иноверцев. К концу XVI в. надгробий иноземцев становится заметно больше, что отражает возросшие контакты с Европой. Встречаются их плиты и в других городах — Серпухове, Твери.

В XVI в. Москва впервые приобретает формы, свойственные мегаполисам. За одно столетие она многократно увеличивается по площади, получает три концентрических пояса укреплений — два каменных (Китай-город и Белый город) и один деревянно-земляной (Скородом). Ворота этих крепостей окончательно сформировали линии улиц и места площадей, до сих пор влияющие на городскую планировку Москвы[422]. Архитектурная археология показала изощренный характер их субструкций, говорящий о высоком развитии технологий. Чрезвычайно сложными и продуманными оказались основания других построек XVI в., особенно русско-итальянского периода строительства, среди которых — сплошные блоки фундаментов, своего рода искусственные многометровые скалы под церквями Вознесения и Святого Георгия в Коломенском[423].

Монастырскую жизнь XVI в. археология рисует как одно из средоточий общего развития всей страны. Это видно на таких примерах, как отстройка стен Соловецкого, Кирилло-Белозерского и других стратегически важных монастырей, прежде всего Троице-Сергиевой лавры. В то же время в XVI в. городские и пригородные монастыри Москвы не имели каменных оград

---

[420] *Панова Т. Д.* Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // Советская археология. 1987. № 4. С. 110—122; *Столярова Е. К.* Европейские стеклянные сосуды XVI — начала XVII вв. из захоронений некрополя Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Коллекции керамики и стекла XVI—XVIII вв. из раскопок в Калининграде: Научный семинар с международным участием. ИА РАН, 25.02.2019.

[421] *Дрбоглав Д. А.* Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники: XV — первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М., 1988; *Беляев Л. А.* Новые плиты иноземцев XVII века в Московии: Предварительная публикация // Краткие сообщения института археологии. [Вып.] 240. М., 2015. С. 223—232 (там же литература).

[422] *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.

[423] *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Церковь Вознесения в Коломенском: Архитектура, археология, история.

(возможно, за исключением Новодевичьего и Симонова), но зато застраивались каменными зданиями гораздо быстрее и обильнее, чем думали ранее. Об этом говорит как новая атрибуция известных зданий (доказано, что собор Высоко-Петровского монастыря принадлежит не концу XVII в., а 1510-м гг., и построен итальянскими мастерами), так и обнаружение церквей, в существовании которых сомневались (храм Отцов Семи Вселенских соборов в Даниловом монастыре 1560-х гг., остатки собора 1510-х гг. и погребальная палатка конца XVI в. в Алексеевском Зачатьевском монастыре) и даже неизвестных по иным источникам (трапезная 1540—1560-х гг. там же; трапезная в Богоявленском монастыре за Торгом)[424].

То же можно сказать о роли монастырей как опорных точек освоения городской территории. Возникнув в узлах социальной и хозяйственной жизни Москвы, они в XVI в. оставались ее средоточиями и даже продолжали появляться, как московский Моисеевский монастырь конца XVI в. при начале Тверской дороги, в Занеглименье. Хорошо прослежена и жизнь Алексеевского монастыря в XIV—XVI вв. на Остоженке, на месте будущего Зачатьевского, задолго до появления последнего, — ее окончательно прервал пожар 1571 г., в котором погибла келейная застройка, изученная при раскопках[425]. В монастырском строительстве прослежены и первые признаки регулярной планировки: единственная известная по данным археологии деревоземляная ограда монастыря (Новодевичьего) имела строго прямые стены и углы (она включала неглубокий ров и далеко отстоявшую от него внутреннюю ограду, стоявшую без фундамента, на уплощенном грунте).

Важнейшая социокультурная функция монастыря, погребальная, оставила ряд выдающихся некрополей, основной слой в которых образуют именно памятники XVI в. Это прежде всего подклеты Смоленского собора Новодевичьего монастыря и Преображенского собора Новоспасского монастыря.

В целом XVI век — это время сложения типичной для аристократического родового кладбища формы погребального комплекса, опирающегося на особую церковь (Владимирская церковь князей Воротынских в Кирилло-Белозерском монастыре), собор с подклетом или отдельную палатку, внутри которых размещаются могилы под кирпичными надгробницами с вставками каменных резных досок (типичный образец — некрополь Архангельского собора Московского Кремля и варианты в городских соборах и монастырях древних княжеских столиц — Владимира, Суздаля, Ростова). Внутри каждого крупного монастыря складывались локальные семейные некрополи, которые не имели, однако, замкнутого характера. На разветвленные родовые связи указывают одни и те же имена, встречающиеся на далеко отстоящих друг от друга кладбищах (так, князья Воротынские оказываются погребенными в Троице-Сергиевом, Новодевичьем и Кирилло-Белозерском монастырях, и это только основная группа). Сложность просопографии таких некрополей, а также всей системы аристократического погребения и устройства механизма родовой памяти на основе церковного поминовения вскрыло натурное изучение этих

[424] *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII — XV вв.) по данным археологии. М., 1994; 3-е (электронное расширенное) изд. М., 2010; *Елкина И. И.* Храм конца XVI века в Алексеевском Зачатьевском монастыре: Результаты исследований 2003—2005 гг. // Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008. С. 394—404; *Беляев Л. А., Елкина И. И.* Открытие каменной трапезной XVI века в Зачатьевском Алексеевском монастыре // Образ христианского храма: Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А. Л. Баталова. М., 2015. С. 416—452.

[425] *Беляев Л. А.* Зачатия праведной Анной пресвятой Богородицы женский монастырь: Археология и ранняя история // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 715—728.

комплексов, предлагающее как пополнение синодиков ранее неизвестными персонажами и уточнение сведений об известных, так и ряд загадок генеалогического свойства, связанных с такими семьями, как Бельские, Кубенские и другие фамилии в XVI в.

В археологии XVI в. постепенно выделились большие темы, связанные с узлами исторического нарратива. Археологию опричнины образуют такие памятники, как дворцы Ивана IV в Москве за Неглинной[426] и в Александровской слободе. Военную археологию Ливонской войны широко представляет эпиграфика: плиты погибших при боевых действиях есть и в Псково-Печерском монастыре, и в Москве, причем здесь преобладают надгробия казненных и умерших в плену. Археологию борьбы с крымской угрозой рисуют слои пожара 1571 г. в Москве, натурные исследования битвы при Молодях, изучение засечных черт и др. Близкие по характеру археологические сюжеты объединяются вокруг темы присоединения Среднего Поволжья — строительство Свияжска, штурм Казани, соотношение ее старых и новых укреплений, церковные памятники XVI в. как свидетельства православной миссии в обоих центрах. Постепенно рождается и археология, освещающая судьбу менее известных татарских поселений.

Отдельный и быстро развивающийся раздел археологии связан с освоением пространства на востоке и крайнем севере Евразии, т. е. с продвижением и промышленным освоением Сибири и Арктики, в том числе в промысловом (развитие солеварения, добыча морского зверя) и торговом (сбор пушнины) отношении, что требовало закрепления русского присутствия (заметного и до XVI в.) на военно-административной основе, археологически выраженной в строительстве острогов как пунктов контроля за территорией и разрушении или перестройке ранее существовавших крупных поселений.

Женщина в обществе XVI в.

Женское участие в политико-правовой жизни страны, общества, повседневности в XVI в. вызывает дискуссии, в ходе которых высказываются подчас прямо противоположные тезисы[427]. Клэр Клаус полагает, что женщины со времен Русской Правды допускались до наследования недвижимости (в случае вымирания мужских наследников), распоряжались приданым (или его оговоренными долями) как своей собственностью и пользовались широкими правами, которые претерпели ограничения в XVI — начале XVIII в., а теремное затворничество в рядах знати отмечается даже с XIV в. и на всем протяжении до Петровских реформ[428]. Тезис об упадке прав женщины, вытеснении женщин из публичной жизни, сокращении их прав на недвижимость в Рос-

[426] Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы.

[427] Общие обзоры см.: *Levy S.* Women and Control of Property in Sixteenth-Century Muscovy // Russian History. 1983. Vol. 10 (2). P. 201—212; *Goehrke C.* Die Witwe im alten Rußland // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1986. Bd. 38. S. 64—96; *Kleimola A. M.* "In Accordance with the Canons of the Holy Apostles": Muscovite Dowries and Women's Property Rights // The Russian Review. 1992. Vol. 51 (2). P. 204—229; *Kollmann N. Sh.* Self, Society and Gender in Early Modern Russia and Eastern Europe // A Companion to Gender History / Eds. T. A. Mead, M. E. Wiesner-Hanks. Oxford, 2004. P. 358—370.

[428] *Claus C.* Die Stellung der russischen Frau von der Einführung des Christentums bei den Russen bis zu den Russen bis zu den Reformen Peter des Grossen. Diss. Universität Basel. München, 1959. Благодарю Искру Шварц (Венский университет) за доступ к данной работе.

сии XVI—XVII вв. был выдвинут Сьюзан Макналли и вызвал бурную дискуссию на рубеже 1970—1980-х гг.[429] Критика по поводу сходных концепций есть у Н. Л. Пушкаревой[430], Энн Клеймолы[431], Нэнси Шилдс Коллманн[432] и Нады Бошковска[433]. В вопросе о противостоянии женщин мужскому насилию Марианна Муравьева разделяет скорее промежуточную точку зрения между формулировками К. Клаус и С. Макналли, обнаруживая в источниках XVI — начала XVIII в. рост самосознания женщин и расширение их правовых возможностей для борьбы за права против бытового и сексуального насилия[434]. Нельзя не упомянуть также книгу Изольды Тирет, специально анализировавшей образ жизни русских женщин из царской семьи[435].

В этих исследованиях преодолены попытки свести социальные роли женщины в России к элементарным формулам. Например, часто декларируемое в научной и популярной литературе усиление «теремной зависимости» женщин не находит подтверждения в источниках. Во-первых, о «тереме» пишут почти исключительно те современники, для которых женская половина дома была закрыта по различным соображениям (прежде всего, как показала Габриэлла Шайдеггер, иностранные дипломаты и путешественники[436]). Во-вторых, терем как мера заточения был возможен только в среде московских служилых людей высокого ранга, где у мужа или отца была возможность следить за женой или дочерью и охранять ее, а доступ в светлицу напоминал вход в тюрьму или мог быть превращен в таковой. В Великом княжестве Литовском князю А. М. Курбскому, как выяснилось, когда он вел дело о разводе с княжной М. Ю. Гольшанской, воспроизвести такой опыт не удалось[437]. В-третьих, исследование такого ценного источника, как Домострой, показало отсутствие у женщины даже к середине XVI в. отдельной комнаты или своей половины дома при полной ориентированности хозяйства на соучастие духовных лиц, соседей, гостей в жизни дома[438].

Правовые ограничения были на всем протяжении XVI в. не в пользу женщин, и лишь некоторые из них получали формальное послабление. Так, в наследовании семейного имущества в случае бездетной смерти мужа или наличия взрослых детей женщина могла претендовать лишь на приданое (к которому прибавлялись небольшие надбавки в зависимости от срока совместной семейной жизни). В случае наличия несовершеннолетних детей вдове выделялась треть совместного имущества, иногда муж компенсировал или одаривал жену за ее

---

[429] *McNally S. J.* From Public Person to Private Prisoner: The Changing Place of Women in Medieval Russia. PhD Diss. State University of New York. Binghamton, 1976.

[430] *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: Невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.).

[431] *Kleimola A. M.* "In Accordance with the Canons of the Holy Apostles": Muscovite Dowries and Women's Property Rights. P. 204—229.

[432] *Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени / Пер. с англ. А. Б. Каменского. М., 2001.

[433] *Бошковска Н.* Мир русской женщины XVII столетия / Пер. с нем. Р. А. Гимадеева. СПб., 2014.

[434] *Muravyeva M.* Abduction of Women in Early Modern Russia: Modernizing the Empire // The Russian History. 2016. Vol. 43 (3—4). P. 338—372.

[435] *Thyrêt I.* Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Moscovite Russia. DeKalb, 2001.

[436] *Scheidegger G.* Perverses Abendland — barbarisches Rußland: Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Mißverständnisse. Zürich, 1993.

[437] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985; *Ерусалимский К. Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018.

[438] *Бошковска Н.* Мир русской женщины XVII столетия. С. 188—214.

траты отдельными распоряжениями завещания. Наряду с увечными и немощными «жонка» могла пользоваться услугами наймитов, в том числе чтобы биться с судебными противниками «на поли» (Судебник 1497 г., ст. 52; Судебник 1550 г., ст. 19). Дочери могли претендовать на приданое и в ряде особых случаев — наследовать имущество родителей, но первой очередью, как правило, считались все же их братья (Судебник 1497 г., ст. 60; Судебник 1550 г., ст. 92; Судебник 1589 г., ст. 190). Предпринимались законодательные усилия по уравнению в правах сыновей и дочерей: «Дочерѣ та же выть, что сыну» (Судебник 1589 г., ст. 227). За равенство в наследовании между мужским и женским потомством выступали и церковные иерархи. Великокняжеская и царская власть на протяжении XVI в. не раз стремилась ограничить переход крупных владений и среди них княжеских вотчин по женской линии, хотя и не преуспела в этом в долгосрочной перспективе.

Патриархальные представления о женской чести к концу XVI в. все более успешно защищали *чужую* женщину от бесчестья, телесного насилия, мужской грубой силы. По Судебнику 1589 г., патриарший суд должен был установить размер штрафа (ст. 63—64). При этом *своя женщина*, мужняя жена или дочь (но не мать, для нее сын — всегда *свой* мужчина), испытывала в XVI в. ряд моральных ограничений в отношениях с мужем и отцом, внесших немалую лепту в становление социального института патриархата.

О женских ролях XVI в. в России мы узнаем по большей части из источников, авторами которых были мужчины, — челобитных, духовных грамот, посланий. Женщина еще не была вытеснена на периферию социальных практик, и мужское доминирование военизированного общества прикрывалось, во-первых, необходимостью контрактных отношений с женщинами, а во-вторых, церковным покаянием, социальной и культурной активностью женщин.

Ранняя жизнь дочери почти незаметна на фоне доминирования взрослых. Выйти замуж девушка могла, согласно каноническим постановлениям, уже в 12 лет, однако на практике малолетние браки были распространены, по всей видимости, в основном в верхах служилых людей и у «лучших людей» на посаде[439]. И даже в этих кругах раннее замужество (а оно могло обсуждаться и до исполнения дочери 12 лет) не предполагало немедленного начала сексуальной жизни. Обычным возрастом для замужества дочери было 15—18 лет, когда девушка физически взрослела и могла назвать, кто ей по нраву. Согласно Уложению царя Василия Шуйского 9 марта 1607 г., владельцы холопов должны были «дати отпускныя» всем, кто «держат рабу до 18 лет девку, а вдову после мужа более дву лет, а парня холостаго за 20 лет, а не женят и воли им не дают»[440]. По всей видимости, слова об ожидании мужа «более дву лет» отражают и предписанный в быту срок ожидания мужа с войны или при любом другом его отсутствии. После истечения двух лет женщина могла поднять вопрос о повторном замужестве.

Власть также стремилась снизить возраст выдачи «девок» в особых случаях, на-

---

[439] Этот факт отмечает Н. Л. Пушкарева. Важно было бы, как представляется, в каждом отдельном случае ограничить оценки обстоятельствами замужества. Два ярких примера из истории XVI в. — замужества 12-летней княжны Сююмбике с Джан-Али и 9-летней княжны Марии Старицкой, вышедшей замуж за короля Ливонии эрцгерцога Магнуса. В первом случае причиной была борьба за Казань между крымскими и московскими кандидатами. Во втором — из-за смерти невесты Магнуса, сестры Марии Старицкой, царь заставил княжну Марию занять ее место. Ср.: *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: Невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). С. 22.

[440] *Смирнов И. И.* Новый список Уложения 9 марта 1607 года // Исторический архив. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 72—87. См. также: *Кон И. С.* Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. 3-е изд. М., 2010.

пример когда поместье оставлялось вдовам с несовершеннолетними дочерьми. Такая судьба, к примеру, постигла Василису, вдову служилого человека Семена Васильева сына Нащокина, которая осталась с четырьмя дочерями — Татьяной (Тотянкою) семи лет, Екатериной (Котеринкою) трех лет, Марфой (Марфицею) двух лет и с полугодовалой Марьей (Марицею). Поместье было сохранено за ней «дакуды вдова Василиса пострижетца или еѣ не станет», но по поводу дочерей был обозначен определенный срок: «...а ей с того помѣстья дочери свои кормити да пятинатцати лѣт, а вскормив замуж выдоти, а болши пятинатцати лѣт за дѣвками помѣстью не быти»[441].

Наряду с великокняжеской практикой «смотрин» иногда применялось обручение «вслепую», но у нас нет данных, для того чтобы полагать, что это было обычаем в России XVI в. Есть противоположные примеры. Княжна Авдотья Мезецкая отказалась от жениха, выбранного ей родителями, и ее бабушка «для слез» внучки продала два села, чтобы выплатить неустойку (заряд) семье жениха[442]. Выдача замуж в далекие земли, а особенно за границы княжества (в том числе внутри русских земель), не приветствовалась — за выдачу белозерской девушки в Московскую или Новгородскую землю по Уставной грамоте 1488 г. родителям полагалось платить как за уход «за рубеж» — двойную пошлину («выводную куницу»)[443]. Замужняя женщина получала в браке права на участие в домашнем хозяйстве, на приданое, которое отчасти готовила себе еще в девичестве. Знатные девушки регулировали отношения с мужем договором и могли апеллировать к родительской семье, к родственникам, свойственникам, приходу и т. д. в случае возникновения конфликтных ситуаций с мужем. Особенно если его асоциальное поведение было доказуемо: если он невинно бил ее «боем», бражничал, просаживал имение и покушался на приданое, прелюбодействовал и наживал себе на стороне детей.

Покаяние было тесно связано с церковной жизнью, приходом, институтом духовных отцов. Каждый человек, умирая, должен был на исповеди чистосердечно признать свои прежние грехи. В конце XVI в. помещик Иван Голова Соловцов в духовной просил прощения перед Богом среди прочего за то, что избивал холопов и крестьян, «и к женам их, и ко вдовам насильством и девственным ростленьем»[444]. Требуя от царя покаяния, князь А. М. Курбский в Третьем послании в сентябре 1579 г. нарисовал образ московского монарха-грешника и растлителя, и независимо от достоверности этого сообщения в Европе представление об чудовищных обычаях московитов во многом основывалось на этом образе: «И девиц, глаголют, чистых четы собирающе, за собою их подводами волочаще и нещадно чистоту их разтлевающе, не удовлився уж своими пятма или шестма женами! Еще к тому на неисповедимое *и* ко слышанию ужастное разтление выдавающе их чистоту!»[445]. Царь в своем ответе Стефану Баторию (письмо царя содержит непрямые ответы и на послание Курбского) нашел нужным отвести этот упрек как лживый.

---

[441] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий. Т. 1. Отд. 2. М., 1905. С. 79—80. № 57.

[442] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 14.

[443] Там же. С. 74.

[444] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1 / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1857. Стб. 558. № 86. См. также: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 14; *Бошковска Н.* Мир русской женщины XVII столетия. С. 116.

[445] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / Отв. ред. Д. С. Лихачев; подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993. С. 117. Курсивом обозначено по спискам прочтение, предложенное в издании Ю. Д. Рыкова.

На женских судьбах сказывалось то, что страна вела войны все столетие, отстаивая и расширяя границы на разных направлениях. Служилый класс за это время во многом изменился, неоднократно поднимался и вопрос о правах служилых людей. Забота о вдовах и сиротах выглядела заботой о ратных людях, как и призывы выкупа последних из заграничного плена и освобождения от кабального холопства. Согласно «Истории» князя А. М. Курбского, Максим Грек в Троице-Сергиевом монастыре в 1553 г. призывал Ивана Грозного отказаться от благочестивого паломничества по северным монастырям, а заняться обустройством вдов и сирот: «Аще, рече, не послушаеши меня, по Бозе совѣтующаго ти и забудеши крови оных мучеников, избиенных от поганов за правовѣрие, и презриши слезы сирот оных и вдовиц поѣдеши со упрямством, — вѣдай о сем, иж сы твой умрет и не возвратится оттуду жив...»[446]. Около 1564 г. перебежчики Т. И. Тетерин и У. В. Сарыхозин обращались к М. Я. Морозову с упреком: «А Бог, *господарь,* за грехи у вас ум отнял, что вы над женами да над детми своими и над вотчинишками головы кладете, а жен своих и детей губите, а тем им не пособите. А сметь, *господарь,* вопросить, каково тем женам и *деткам*, у которых отцов различными смертми побили без правды? А мы тебе, господине, много челом бьем»[447]. Жены простых детей боярских ждали мужей, видимо, главным образом по поместьям, тогда как воеводы, стрелецкие головы и другие командиры войсковых подразделений нередко оказывались на государевой службе вместе с семьями. Так, например, в эмиграции в Великом княжестве Литовском оказалась четверть века спустя после своего брата боярышня Авдотья Семеновна (Сонцовна) Заболоцкая, княгиня Телятевская. Ее муж наряду с другими воеводами попал в плен, сдав Стефану Баторию 30 августа 1579 г. Полоцк. Другие воеводы также оказались в плену не одни — помощи у короля просили позднее оказавшиеся в эмиграции вместе с отцом и мужем дочь Л. М. Третьякова Ракова и вдова М. И. Ржевского[448]. Это вызвало гнев царя: вместо того чтобы воевать с противником, по его мнению, воеводы думали только о своих семьях. Служилым людям действительно иногда приходилось выбирать между благополучием своей семьи, или даже всего рода, и жизнью. Когда в следующем году войско Стефана Батория заняло Велиж, стрелецкий голова по имени Микула отправил домой к царю жену и сына, оставив им свое оружие, чем вызвал сочувствие даже у наблюдавших эту сцену шляхтичей. По словам одного из них, Лукаша Дзялынского, многие просили шляхтичей забрать их детей — то ли потому что опасались, что дети не выдержат тягот обратного пути (как думал Лукаш), то ли потому что боялись, что будут казнены всей семьей, когда вернутся к своим[449].

Хорошо известны случаи (как в Русском государстве, так и в Великом княжестве Литовском), когда женщины из семей служилых людей при отсутствии мужской главы дома должны были сами выставлять послужильцев. Сын эмигранта из удельных московских князей Ивана Андреевича Можайского, князь Андрей Иванович Стародубский, женился на княжне Авдотье Александровне, дочери Александра Васильевича Чарторыйского и Марии Дмитриевны, дочери удельного и великого князя

---

[446] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 68—69.

[447] Послания Ивана Грозного. С. 537. Уточняем курсивом прочтение, предложенное в издании Я. С. Лурье.

[448] *Ерусалимский К. Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. С. 250—251.

[449] Biblioteka PAN w Kórniku. Rkps 285. K. 8. См. также: *Ерусалимский К. Ю.* Стрелецкий сотник Микула — *Московит*, о котором узнала Европа // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 15. М., 2020. С. 187—214.

Московского Дмитрия Шемяки. Авдотья (Евдокия) после смерти мужа владела его имением — двором Свержно в Великом княжестве Литовском, который у нее выкупил король Александр Казимирович (Ягеллончик), а ее имя находилось в числе вдов, выставляющих свой боевой отряд в 14 конников согласно переписи Великого княжества Литовского 1528 г.[450] Братья эмигранта князя М. А. Оболенского и их жены в России — другой показательный пример. Князь Федор Оболенский был заметен на службе с 1570-х гг. и даже решался местничать с племянником первой царицы Федором Никитичем Романовым. Позднее его осиротелые дочери выставляли девять конников в войско Бориса Годунова. Младший брат князя Федора князь Иван был женат на близкой родственнице великой княгини Соломонии — Домне Богдановне Сабуровой. Его вдова еще в 1604 г. выставляла в поход со своих имений четырех конников[451].

Женщины пытались выручить мужа, детей и самих себя, расплатиться по долгам, попадая во все большую зависимость от крупных духовных корпораций или втягиваясь в кабальные отношения с частными собственниками. Федосья, жена Дмитрия Лизунова, чтобы снарядить своего сына Пятого в Казанский поход 1549 г., заняла «шесть рублев денег в кабалу», заложив несколько ценных предметов одежды и женские украшения — багрово-аспидную однорядку с золотым пояском и тафтяными пуговицами, кунью телогрею под камкой и др. («а платье, деи, то было все ново», — поясняет сын-челобитчик несколько лет спустя). Ее сын Пятой позднее трижды пробовал вернуть заклад, но заимодавцы отказывались, платье продолжали носить и хотели «ту кабалу заростити на то платье» (т. е. повысить процент выкупа)[452]. Стефанида, жена Юрия Дмитриевича Шеина, с сыном Михаилом и Роман Андреев сын Морозов заняли в 1563/64 г. 100 руб. у Троице-Сергиева монастыря. Стефанида оставила в залог вотчину — сельцо Левонтиково с деревнями в Манатьине стане Московского уезда[453].

Вдовы — едва ли не главная жертва «мужской» истории российского XVI в. Судьбы сотен и тысяч женщин, чьи мужья погибли или пропали без вести, могли бы продемонстрировать личные трагедии, разрушенные семьи, разорение и безутешное горе. Обычно вотчины и поместья крупных собственников сохранялись внутри мужниного рода, а бездетные жены детей боярских получали долю поместья своего погибшего мужа «на прожиток». Так, Ульяна, жена Бориса Гребенкина, с детьми Микитой, Шестым, Василием, Иваном («Ванею») и Меньшиком в 1557/58 г. продала свою вотчину Некрасу Тимофееву сыну Воронцову, «троицкому слугѣ», — деревни Погорелку и Желину (видимо, в Московском уезде)[454]. Марфа Ивановна дочь Сабурова, вдова Василия Афанасьевича Чихачева, сделала в 1574/75 г. вклад в Козмин Пречистенский монастырь: «вотчину мужа своего куплю в Московском уѣзде в Боховѣ стану селцо Якушкино» с деревнями по муже, по его и по своих родителях «в наслѣдие вечных благ», которую купил ее муж у Федора Никитина сына Белого (Белово)[455].

---

[450] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 261—263; *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV — 30-я гг. XVI ст.). Дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2010. С. 77.

[451] *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995. С. 107, 118; *Хоруженко О. И.* Историческая география Оболенского уезда XVII—XVIII веков. М., 2019. С. 193—195.

[452] ДАИ. Т. 1. С. 76. № 51/VIII (Иван IV — князю Д. Ф. Палецкому и др. Москва, 27 августа 1555 г.).

[453] ОР РГБ. Ф. 304/I. № 536. Л. 237—238. № 162.

[454] Там же. Л. 328 об.—329 об. № 230.

[455] Там же. Л. 218 об.—219 об. № 152.

В распоряжении служилых людей были частные (родовые) родословные и разрядные книги, которые при необходимости могли подтвердить успехи мужской ветви рода в родовитости и на военной службе. При царе Иване IV погибшим воинам объявлялась вечная память в крупных святынях, монастырях и храмах России. Все это в глазах семьи, в частности ее женской половины, являлось формой награды за погибших мужчин. В своем роде образцом соучастия мужа и жены в политике, войне и повседневной жизни стали святые Петр и Феврония. Этот культ был необычным для русской агиографии — в нем отразились идеалы гендерного равенства. В различных редакциях жития сходным образом под вопрос ставился сам порядок властвования, в котором женщина должна быть управляемой, безголосой, безынициативной, неразумной, служить для мужчин объектом плотских желаний, воплощать «сосуд греха». Наоборот, только благодаря мудрости и твердости Февронии в добродетелях князю Петру удается удержать самодержавную власть «в городе своем»[456]. Определенными параллелями к этим мотивам стали росписи Золотых Царицыных палат 1580-х гг.[457] и переосмысление культа княгини Ольги как равной византийскому императору русской властительницы X в.[458] Развитие особых культов российских царственных женщин демонстрировала и усыпальница великих княгинь, княжон, цариц и царевен Вознесенского монастыря Московского Кремля, а также культ святой Ульянии Устиновны Осорьиной (ум. 2 января 1604), во многом аналогичный развившемуся на заре патриаршества в России «мужскому» культу Василия Блаженного (ум. предположительно 2 августа 1557)[459].

На судьбы женщин влияло и начавшееся еще с XV в. устрожение покаянной дисциплины. Распространившаяся в конце XIV — XV в. в русских землях малая эсхатология настраивала на каждодневную борьбу с грехами и усиливала внимание к индивидуальным усилиям на пути душеспасения. Между тем в обстановке непрекращавшихся войн мужчины длительное время должны были находиться вне семьи. Человек, согласно требнику XVI в., грешит «очима и ушима, языком и гортанем, шиею и перстьми, сердцем и руками, и ногами, и всѣм тѣлом моим, и жилами, и костьми, и всѣми составы, и мысльми злыми, и лицемѣрнаго постничества, и лицемѣрна нищелюбия; ручным блудом бесчисленно; помыслив похотью на мужи, и на отрокы, и на жены, и на девицы, и на кумы, и на сватьи и сестры, и на братни жены, и на братья, и на весь род свой»[460]. И это лишь десятая часть текста, в котором перечислены преступления исповедующегося. Среди них множе-

[456] Повесть о Петре и Февронии / Подг. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979; *Гладкова О. В.* К вопросу об источниках и символическом подтексте «Повести от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13. М., 2008. С. 537—569.

[457] *Thyrêt I.* Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. P. 81—94.

[458] *Гриценко З. А.* Литературные памятники о княгине Ольге XII—XVII вв.: (История текста, становление жанров, стиль). Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1979; *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 451—459; *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. С. 71—81; *Курукин И. В.* Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015. С. 89—99.

[459] *Чумакова Т. В.* Традиции женской святости в русской культуре XI—XVII вв. // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2004. Вып. 4. С. 24—31.

[460] *Алмазов А.* Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Т. 3: Приложения. Одесса, 1894. С. 196. О переменах в сексуальной культуре России XVI—XVII вв. также см.: *Levin E. R.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs: 900—1700. Ithaca; L., 1989.

ство сексуальных грехов, которые классифицировались в требниках по возрастам, обстоятельствам совершения греха, исповеди и по степени суровости наказаний. Стоглав отразил настороженное отношение к избыточной телесной жизни (например, к совместным омовениям в банях и купаниям мужчин и женщин). К целомудрию призывали церковные книжники XVI в. (Максим Грек, троицкий игумен Артемий, князь А. М. Курбский). Царь же Иван, как и Иосиф Волоцкий до него, издевался над «чистыми», призывающими к «ангелоподобию» и наследующими, по его мнению, древнюю ересь Новациана (согласно учению которого все, кто, будучи крещеным, совершил смертный грех, не может оставаться в лоне церкви). Митрополит Макарий не единожды призывал воинство, направлявшееся под Казань во главе с царем, воздерживаться от содомского греха, под которым понимался широкий спектр сексуальных преступлений, но в случае обращения митрополита к уходящим на войну «мужам» подразумевались прежде всего мужеложство и мастурбация.

Социальная активность женщин не ограничивалась в XVI в. теми ролями, которые отводило им патриархальное общество. К примеру, попадья Марья Андреева дочь Метлина, «Яковлевская жена, попадья», в сентябре 1576 г. продала за 2 руб. половину своего двора Марье Давыдове дочери Борисова на территории Николаевского женского монастыря (состоявшего тогда при Спасо-Прилуцком монастыре) «на Валухе в монастыре возле манастырскую келью, а з другую сторону возле Маремьянину келью Юрьевскую». В грамотке старательно описана половина всего имущества во дворе и за продающей сохранено право на выкуп. Мужчины лишь сопровождали сделку: писал купчую Осип (Оська) Малахиев, а свидетелем (послухом) выступал и «руку приложил» Аника[461].

Жены носителей высшей власти и жены знати также выполняли множество функций при мужьях, далеко не во всем завися от их решений. Более того, облаченные государственными и духовными полномочиями мужья нередко уступали своим супругам полномочия управления имениями, пользования и распоряжения ими, поддержания в доме порядка, создания и сохранения внутриклановых и межклановых отношений. По Домострою, главой семьи отнюдь не является один «муж». В домашнем хозяйстве значительно больше полномочий у жены, и муж даже не в состоянии проследить за действиями своей спутницы. А подлинный контроль за домашней жизнью, согласно Домострою, осуществляют духовный отец, воплощающий церковь, гости, воплощающие широко понимаемую добрую молву, и сам текст Домостроя, т. е. соответствие домашнего порядка нормативности. Муж мог и побить жену (сын побить мать, как и отца, не имел права ни при каких обстоятельствах), если порядок не наступал, потому что правила не соблюдались. Но на основании одного Домостроя трудно представить себе ситуацию, при которой жена неминуемо должна быть побита. Скорее этот вопрос оставался на усмотрение духовного отца, который осуществлял не телесное, а духовное пастырство, и соответственно все обоснования телесному насилию заимствованы не из правовых реалий и не из бытовой практики, а из Святого Писания (Сир. 30) и древних общих наставлений («Измарагд»)[462]. Кроме того, право телесных наказаний «чад» и домашней челяди принадлежало и женщине и лишь декларировалось как право мужа; в то же время насилие и любое «бесчестье» в отноше-

[461] Старая Вологда: XII — начало XX в.: Сборник документов и материалов / Гл. ред. Ф. Я. Коновалов; отв. сост. Л. Н. Мясникова. Вологда, 2004. С. 85 (5 сентября 1576 г.).

[462] *Бошковска Н.* Мир русской женщины XVII столетия. С. 134—135.

нии *чужой* женщины каралось церковным судом и кратными «вдвое», по сравнению с конфликтами между мужчинами, штрафами (Судебник 1550 г., ст. 26). Грехи мужа свидетельствовали, кроме того, на весь мир о его неспособности поддержать хозяйство, и в этом смысле Домострой создавал непреодолимый замкнутый круг между порядком и доброй молвой, которая и могла привести хозяйство к высшему благополучию — к душеспасению всей семьи, достижению детьми брачного возраста и их вступлению в благословенный брак.

Высокое значение женщин в распоряжении имуществом подталкивало власть к ограничениям не только «мужских» иммунитетов, но и прав жен и вдов. Указ о княжеских вотчинах 1562 г. ограничивал права вдовых княгинь на владения мужей пожизненным пользованием с последующей передачей княжеских вотчин в царскую казну. Следовательно, титулованные вдовы лишились права на распоряжение наделами умерших мужей. В случаях, если оставшаяся без наследника вотчина признавалась «великой», у царя появлялось право забрать долю имения в казну раньше срока («и господарь о той вотчине указ учинит»). Кроме того, наследование княжеских вотчин ограничивалось, даже в случае согласия царя, «ближним родом» распорядителя — согласно 51-й главе Кормчей книги, это означало возможность передать вотчину троюродным братьям (но уже не четвероюродным)[463]. Неясно, считались ли троюродные сестры распорядителя допустимыми получательницами княжеских вотчин, но это маловероятно, учитывая, что княжеский титул не наследовался по женской линии.

Российско-литовские войны продолжались вплоть до 1537 г. (и после перерыва возобновились в 1561—1562 гг.), начавшись формально из-за принуждения дочери Ивана III — великой княгини литовской и некоронованной королевы польской Елены Ивановны — к католицизму. Придворные группировки в 1523—1525 гг. вели борьбу, разделившись между сторонниками развода великого князя с Соломонией Сабуровой и его противниками. Вокруг Елены Глинской возникали слухи и при жизни ее мужа Василия III, но особенно — после его смерти. Ее роль в заточении и казни удельных князей Юрия Ивановича и Андрея Ивановича, а также князя М. Л. Глинского позднее Ивану IV приходилось отрицать. Ходили разговоры о тайном убийстве великой княгини Елены Васильевны и расправе с ее любовником князем И. Ф. Овчиной Телепневым Оболенским[464].

Позднее своеобразным историографическим мифом стала целительная роль царицы Анастасии Романовны в жизни ее мужа, царя Ивана IV. В Европе показательны в ту же эпоху примеры королев Изабеллы Кастильской, Екатерины Медичи, Боны Сфорца, Марии и Елизаветы Тюдор[465]. Патриарх Антиохийский Иоаким IV в своем послании московскому царю 1560 г. посвятил особую молитву за здравие царицы и царской семьи: «Молимся господу нашему Исусу Христу во едином существе, иже всех Богу, о благочестивой владычице и о царице госпоже, госпоже нашей Анастасии со богохранимыми и возлюбленными

[463] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 83—84.

[464] Вопрос о причинах смерти целого ряда цариц и царевен XVI в. вызывает дискуссии. Основной вопрос: являются ли повышенные накопления тяжелых металлов в останках из Вознесенского монастыря Московского Кремля свидетельством преднамеренного отравления ядами или результатом лечебно-косметических процедур? См.: *Панова Т. Д.* Яды в борьбе за власть: Россия: XI — начало XVII в. М., 2017; Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. М., 2009; и др.

[465] *Bushkovitch P.* Succession to the Throne in Early Modern Russia: The Transfer of Power: 1450—1725. Cambridge, 2021; *Мартин Р. Э.* Невеста для царя: Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI—XVII веков / Пер. с англ. А. Шокаревой. М., 2023.

вашими чады...»[466] Это письмо написано в год смерти Анастасии Романовны. Однако прошло двадцать лет, и в начале 1581 г. римский папа Григорий XIII все еще полагал, что царица в Москве та же Анастасия. Легат Антонио Поссевино, направляемый папой с особой миссией к царю, должен был встретиться не только с царем, но и с царицей (ею уже была Мария Федоровна Нагая): «А в той грамоте пишем от Бога здорове и благословене тебѣ и мужеви твоему и с сынома...»[467]

Оба примера говорят о том, что духовные власти формально обращались к супругам российских царей, подчеркивая молитвенное заступничество и благопожелания семье монарха. Возможно, Григорий XIII допускал влияние на царя посредством супруги в вопросах вероисповедания. При этом ни из мира в Россию, ни из России правительницы дипломатическими посланиями со своими заграничными наперсницами не обменивались.

Во внутренних делах царь многократно обвинял мать Владимира Старицкого, княгиню Евфросинию Андреевну Старицкую, в разжигании вражды и желании «извести» его, царя, и царскую семью. Имя Евфросинии Старицкой доносчики называли первым наряду с именем князя Владимира как тех, кто «многие неправды ко царю и великому князю чинят»[468].

Таким образом, образ злотворной женщины известен российской политической культуре XVI в., хотя исследователи не обнаруживают в России, например, специфических представлений ренессансного католичества о вредительстве ведьм[469]. Великие князья позволяли себе обращаться к ведуньям, но их привозили с окраин страны, и делалось это неоднократно в XVI в. втайне, что само по себе вызывало тревожные слухи, ропот церковных властей и придворных. В сочинениях старца Филофея 1523—1525 гг. обвинения в астрологии и содомии звучат в адрес не одной Соломонии Сабуровой, а всей великокняжеской семьи, хотя в подтексте посланий Филофея было противоборство между сторонниками астрологических «счастливых дней» (высчитываемых на основе итальянских альманахов дней, в которые звезды благоприятствуют зачатию детей) и их противниками, и от этого вопроса зависела судьба Третьего Рима в доктрине старца Филофея[470].

Князь А. М. Курбский обвинял московский великокняжеский род в порождении «злого семени», которое, по его мнению, передает тягу к кровожадности в отношении всего рода русских князей (особенно удельных братьев). Виновницами деградации страны, по его мнению, были злокозненные чужеземки, особенно Софья Палеолог и Елена Глинская. Из-за них чужие порядки внедрились в жизнь Руси. Не лучшее отношение у этого автора и к царице Анастасии. Она и ее родичи Юрьевы, по мнению Курбского, ответственны за гонения против «Избранной рады», а шурины царя Юрьевы после смерти царицы повлияли на учреждение «кромешнины» (князь Курбский называл в своих сочинениях оприч-

[466] Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. С. 261—263. № 124. См. источник: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 170—170 об.; Ф. 166. Оп. 1. № 14. Л. 152—155. Набор текста С. М. Каштанова и Л. В. Столяровой выверен Д. Н. Рамазановой.

[467] Дипломатическая переписка Ивана Грозного Т. 1. Ч. 1 / Отв. ред. С. В. Полехов и др.; сост. К. Ю. Ерусалимский. М., 2023. С. 479—481. Разд. II (отв. ред. С. Г. Яковенко). № 14 (Григорий XIII — Царице московской (ошибочно: Анастасии). Рим, 15 марта 1581 г.)).

[468] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. С. 137.

[469] *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. под ред. А. В. Чернецова. М., 2006. С. 591—625; *Кивельсон В.* Магия отчаяния: Моральная экономика колдовства в России XVII в. / Пер. с англ. В. А. Петрова. Бостон; СПб., 2020. С. 33—75, 146—215.

[470] *Ерусалимский К. Ю.* Третий Рим: Взлет и закат апокалиптического мифа // Mare nostrum. Вып. 2: Море истории / Под ред. Н. А. Селунской, А. Н. Маслова. М., 2021. С. 119—167.

ников Ивана Грозного «кромешниками»). Вероятно, недоверие к великокняжеским женам у князя Курбского вызвано обстоятельствами придворной борьбы, в которой он в свое время занял сторону противников вторых жен как Ивана III, так потом и Василия III.

Царицу Марию Темрюковну (ум. в ночь с 6 на 7 сентября 1569) обвиняли в подговоре царя на создание опричнины. И действительно, влияние семейного окружения царя в 1560-е гг. было немалым. Первое послание Андрею Курбскому отражает негодование царя в связи с вмешательствами советников в его семейную жизнь. Учитывая, что в 1563 г. умер царевич Василий, а следом за ним брат царя князь Юрий Васильевич и митрополит всея Руси Макарий, адресованное Курбскому раздражение из-за разлучения с его «юницей» (т. е. подозрение в адрес Курбского и «бояр» в насильственной смерти царицы Анастасии Романовны) может прямо указывать на разрыв с боярами и духовенством, который и привел к выезду царской семьи в декабре 1564 г. в Александровскую слободу[471]. Смерть Марии Темрюковны также связана с громким политическим процессом. Именно на фоне этой личной утраты (усугубленной тем, что третий брак был для царя затруднен по каноническим предписаниям) царь решился на расправу с ненавистной ему княгиней-монахиней Евфросинией (инокой Евдокией) Старицкой. Под горячую руку попали и многолетний спутник царя, заслуженный участник многих его военных и административных удач князь Владимир Андреевич, его жена и половина их потомства. И позднее влияние царских жен и шуринов было выдающимся. Князь Михаил Темрюкович Черкасский сохранял некоторое время высокое положение, будучи одним из лидеров опричнины, а породнившиеся с Черкасскими Юрьевы и Сицкие сформировали мощный правящий клан, которому надолго предстояло занять лидирующие позиции в придворной жизни. Отчасти это же обстоятельство сказалось на ожесточенной конкуренции боярских кланов из-за свойства с царской семьей в 1570-е гг., когда царь сменил еще пять жен и трех жен царевича Ивана, и, как правило, новые матримониальные связи царя и царевича отражались на получении новых чинов[472].

Значительным, хоть и малозаметным на общем фоне событием в матримониальной политике Ивана Грозного стала выдача дочерей Г. Л. Малюты Скуратова Бельского замуж за лиц, которые вскоре начнут борьбу за трон и станут видными участниками Смуты: речь идет о двоюродном брате Ивана Грозного Иване Глинском (жена Анна Григорьевна), Борисе Годунове (жена Мария Григорьевна, будущая царица), Дмитрии Шуйском, брате будущего царя Василия Шуйского (жена Екатерина Григорьевна) и о крещеном служилом татарине князе Иване Келмамаевиче (жена, возможно, Елена Григорьевна)[473]. В то же

---

[471] *Ерусалимский К. Ю.* Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому: От рукописной традиции к биографии царя // Canadian-American Slavic Studies. 2022. Vol. 56 (4): Special Issue: "Enrich and Enlighten Them All the More by the Precision of Your Speech": A Collection of Articles in Honour of Boris N. Morozov. Pt 1. P. 409—432.

[472] *Мартин Р. Э.* Невеста для царя: Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI—XVII веков. С. 186—243 (принятая здесь дата смерти царицы Марии Темрюковны вызывает вопрос: ряд источников сообщает о смерти царицы Марии не 1 сентября, а ночь 6 сентября 1569 г., поминание царицы относилось к 7 сентября).

[473] *Башнин Н. В., Корзинин А. Л.* Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172—188; *Беляков А. В.* Князья и мирзы Шейдяковы в России XVI—XIX вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 584—585; *Усачев А. С.* «Социальное приданое» дочери Малюты Скуратова: Б. Ф. Годунов и Иосифо-Волоколамский монастырь // Древняя Русь: Вопросы медиевистики.

время брак Ирины Годуновой с царем Федором Ивановичем станет основанием для передачи престола Борису Годунову в январе 1598 г. Царицы-старицы Марфа Нагая, Ирина Годунова, а также царица Мария Годунова к концу XVI в. и в годы Смуты сыграли свою роль в судьбах престола, но воспринимались современниками лишь как средство передачи власти от мужчин к мужчинам. Возможность их самостоятельного правления не рассматривалась или считалась необходимой временной мерой.

Матримониальные проекты занимали значимое место как в дипломатии, так и во внутренней политике России XVI в. Когда в результате государственного переворота в Швеции был свергнут король Эрик XIV и на его место взошел Юхан III, Иван IV переворот не признал, Юхана считал незаконным правителем, а знаменитая его переписка с новым королем проходила при постоянном упоминании секретной миссии посла Ивана Михайловича Воронцова. Царь Иван давно сватался к сестре польского короля Катерине Ягеллонке (на которой позднее женился Юхан) и не оставил своих планов даже после ее замужества. Когда Катерина и ее муж содержались королем Эриком в заточении, царь вел переговоры о ее освобождении. В письме от 6 января 1573 г. он этого не отрицал, но настаивал, что это было бы возможным, только если бы Юхана уже не было в живых. Одновременно царь высмеивал корреспондента: «А на послов пеня положена напрасно, будто то их пеня, что они по твою жену приехали, а они не сами приехали, послали их, а послали их по вашей же облышке, что сказали тебя в животе нет. А коли бы сказали, что ты жив, ино было как твоей жены просить? И каждый то ведает, что жена у мужа взяти нелзя. И тебе было пенять на своего брата Ирика да на его думцов, которые с ним то дело делали ложно. А послы наши, боярин наш и намесник смоленской Иван Михайлович Воронцов с товарыщи за посмех страдали от твоего неразсуженя»[474]. И ниже: «И мы тебе то подлинно известили, а много говорить о том не надобеть! Жена твоя у тебя, нехто ее хватает, а и так еси одного для слова жены своей крови много пролил напрасно. А впредь о той безлепице говорити много не надобе, а учнешь говорити, а и нам тебя не слушать: ты как хочешь, и з женою, нехто ее у тебя пытает!»[475] Предметом раздора, таким образом, оставалась Катерина. Ее царь обвиняет в кровопролитии, подразумевая нападение на московскую миссию; она, по его словам, подговаривает короля к ссоре с Москвой. Наконец, она выступает в качестве самостоятельного политика, что недопустимо и вызывает у царя сардонические интонации.

Один из самых дискуссионных сюжетов в истории дипломатической переписки Ивана Грозного — его обращение к Елизавете Тюдор в октябре 1570 г. Между Россией и Англией не было тени недоверия, сопоставимой с отношениями между царем Иваном IV и Юханом III или Стефаном Баторием. Однако в своем послании царь называет королеву «пошлой девицей»: «И мы чаяли того, что ты на своем господарьстве господарыня и сама владееш и своей господарской чести смотриш и своему господарству прибытка, и мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди но мужики торговые и о наших о господарских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеш в своем девическом

2023. № 3 (93). С. 73; *Шокарев С. Ю.* Синодик-помянник Малюты Скуратова из Иосифо-Волоколамского монастыря: Опыт расшифровки // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2023. № 1 (59). С. 52—58.

[474] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 3. Л. 10 об.—11 (Иван IV — Юхану III. Пайда, 6 января 1573 г.). Набор текста данного послания осуществлен А. А. Кочековским.

[475] Там же. Л. 13 об.—14.

чину как есть пошлая девица»[476]. В последней фразе было сделано исправление, возможно уже в Англии, и потребовалось оно из-за отказа английской стороной принять грамоту с казавшимся грубым выражением. В английской версии оно было передано вполне приемлемо на слух королевы Елизаветы: «подобна девушке» («and you flowe in your maydenlie estaite like a maide»)[477]. В действительности перевод «like a maide» довольно точно отражает смысл русского текста. Царь намекал Елизавете на свою готовность занять пустующее, по его мнению, место английского короля и в финальной версии письма указывал на неприличное для самой королевы положение старой девы (слово «пошлая» следует понимать в одном из его исконных значений как «старая», а намерение царя заключалось как раз в том, чтобы представить «королевне» Елизавете выгоды замужества за московским правителем).

В дипломатии приходилось учитывать и то, что на Востоке роль властной женщины была в XVI в. иногда весьма значительна, и в первую очередь в Москве обращали внимание на институт мусульманских цариц-матерей (их обозначали в посольских книгах как *ана-бием* или *ханике*) и первых жен казанских и крымских ханов и ногайских князей. При Иване III ставка была сделана на институт заложников (аманатов), который предполагал разлучение казанской, а затем крымской царицы Нур-Султан, дочери ногайского бека Темира, с ее детьми. Переписка об этом носила примирительный характер, но после смерти ее сыновей Абдул-Латифа (ум. 1517), Мухаммед-Амина (ум. 1518), а затем и самой царицы (ум. 1519) началось обострение крымско-российских отношений. Конкуренция с Крымом за дочь ногайского бия Юсуфа Сююнбеку (Сююмбике) во время первого ее замужества за Джан-Али (в 1533 г.) и после смерти хана Сафа-Гирея (в 1549—1551 гг.) была решающим вопросом российско-казанских отношений. Однако принудительный брак царицы с московским претендентом на казанский престол Шах-Али (Шигалеем) вызвал конфликт, и автор Казанской истории отмечал, что царица отвергла Шигалея. Подобных обострений не возникало при Нур-Султан. Летом 1554 г. отряд князя Александра Вяземского пленил жен астраханского хана Ямгурчи (Ямгурчея), которые были торжественно привезены в Москву, знаменуя окончательное завоевание ханства и его подчинение московскому царю. В 1577 г. крымская *анабиим* писала Ивану IV в духе царицы Нур-Султан: «О добре учнем радети и печаловатца, чтоб меж дву юртов добро и дружба, и приятство было. Так бы еси ведал. И преж сего меж вами о добре радела. А нынеча болши того радею»[478]. М. В. Моисеев отмечает: «За время правления Ивана Грозного переписка с крымскими дамами насчитывает 37 посланий, а с ногайскими — 3. Причем в случае с Крымским ханством все послания укладываются в период 1563—1570 гг., а с ногайскими — в 1563—1564 гг. и лишь одно — 1537 г. Так же мало писем сохранилось от 1577—1578 гг.: всего — 4»[479]. Противниками женского покровительства в отношениях между Российским государством, Крымским ханством, Казанским

[476] Послания Ивана Грозного. С. 139—143. Набор текста, уточнение чтений и палеографических особенностей оригинала данного послания принадлежит А. А. Малыгиной.

[477] *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875. С. 114.

[478] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 88 об.—89, 389. Набор текста данного послания осуществлен А. В. Беляковым.

[479] *Моисеев М. В., Ерусалимский К. Ю.* Женские голоса в дипломатической переписке Ивана Грозного // Адам&Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 25. М., 2017. С. 120—141.

ханством и Ногайской Ордой в начале XVI в., по всей видимости, выступили русские церковные иерархии.

Женщина в системе образов, которые использовал царь Иван, означает безвластие и безумие. Желая уязвить кого-то, царь сравнивал его с женщиной. В письме князю Андрею Курбскому 1564 г. он сравнивал многовластие с женским правлением в семье. «И что от сего случишася в Руси, егда быша в коемждо граде градоначальницы и местоблюстители, и какова разорения быша от сего, сам своима беззаконныма очима видал еси. От сего можеши разумети, что сие есть. К сему пророк рече: „Горе *дому*, им же жена обладает, горе граду, имже мнози обладают“ Видиши ли, яко подобно женскому безумию владение многих? Аще не под единою властию будут, аще и крепки, аще и храбри, аще и разумни, но обаче женскому безумию подобни будут, аще не под единою властию будут. Понеже яко жена не может своего хотения уставити — овогда тако, иногда же инако, тако же убо и многих *во царстве владенье* — ового же тако хотение, инаго ж инако. И сего ради разная хотения и разумы женскому безумию *подобны* есть»[480]. Со своей стороны, подчеркивая верную, хотя и недооцененную свою службу царю, в первом послании князь Курбский упомянул свою жену, которую «мало познал» из-за постоянных военных походов. В ответ на это царь напомнил «изменнику» о какой-то «стрелецкой женке». Обычно считается, что это был намек на любовницу, но точно сказать нельзя, поскольку это могло быть просто уничижительным эпитетом в адрес жены.

Отказ Ивана IV прислать на польско-литовский трон своего сына, царевича Федора, которого он уничижительно сравнивал при этом с невестой («наш сын не девка, не приданое же за ним давать»), также свидетельствует о патерналистской модели государства, на которую ориентировался царь, однако в таком отцовском патернализме много от внутрисемейных отношений, и подобные высказывания царя не вышли на поверхность дипломатической переписки (в 1573 — начале 1576 г.)[481].

Жизнь женщины из низов, например крестьянки, в XVI в. еще слабо изучена. Пренебрежительное отношение властей к городской и крестьянской жизни вызвало протесты в следующем столетии (после Смуты источники отразили подъем городских и сельских миров), но вполне выразительно выявилось уже в некоторых событиях XVI в. Иван Грозный в своих сочинениях называет неродовитых слуг «страдниками», выбившимися «из грязи». Известные поговорки и пословицы, восходящие к XVI—XVII вв., также свидетельствуют о пренебрежении к сельской и простой жизни. На практике женщины-горожанки и крестьянки, как «черные» (т. е. черносошные), так и помещичьи, пользовались многочисленными правами. Так, осенью 1555 г. крестьянки помещика Бежецкой пятины Семена Судокова — Акулина жена Яковлева и Марья жена Семена — выступили истицами в деле об убийстве сына первой и мужа второй во время перевоза ими товаров. Причем первая послала с сыном к своему другому сыну огромную по тем временам сумму — 50 руб., а муж второй имел при себе 5 руб. В ответной царской грамоте указано новгородским наместнику и дьякам рассмотреть дело, «чтоб нам Окулинка и Марьица вперед не били челом»[482]. Крестьянки, в особенности на Русском Севере, могли иметь собственность и осуществлять акты купли-продажи. Например, в 1585 г. крестьянка Авдотья Федорова дочь Ива-

[480] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 24. Курсивом выделяем чтения, уточненные на основе других списков Первой пространной редакции Первого послания Ивана Грозного.

[481] *Bielski M.* Kronika Polska / Wyd. K. J. Turowskiego. Sanok, 1856. S. 1310.

[482] ДАИ. Т. 1. С. 77/XI (Иван IV — князю Д. Ф. Палецкому и др. Москва, 29 сентября 1555 г.).

кина уступила (по сути, продала) права на свою долю семейного владения брату Андрею за рубль[483].

Высокий авторитет в России XVI в. сохраняли подвижницы и монахини. Монашеская стезя для православных женщин была, возможно, более приемлемой, чем подвижничество в миру Ульянии Осорьиной или государственная мудрость Февронии Муромской. Чин игуменьи был высшим из возможных достижений вне зависимости от ее земного статуса. Поэтому уход в монастырь многих женщин — в связи ли со старостью или из-за гибели мужа, по несправедливому суду или из-за развода с мужем — открывал перед ними возможности, которые в светской жизни для них не существовали. Престижной женской обителью в XVI в., помимо кремлевского Вознесенского монастыря, был суздальский Покровский монастырь, где насельницей была, например, первая жена Василия III Соломония Сабурова (в монашестве София), в конце XVI в. — местночтимая святая. Помимо нее тут жили многие другие представительницы правящего рода и боярской элиты. Царь Иван IV, неоднократно бранивший женщин и отзывавшийся о них грубо и снисходительно, не позволял себе подобных заявлений в адрес игумений и сестер. Ярким свидетельством того, насколько высоким было положение игуменьи и святой затворницы, является переписка Ивана IV с игуменьей суздальского Покровского монастыря Василисой, пиры царя в Новодевичьем монастыре (где была пострижена его сноха Ульяна, в монашестве Александра), пожалования игуменьям того же Новодевичьего монастыря Евникии (1573) и Стефаниде (1575). В конце XVI в. царственные затворницы играли немалую роль в кризисных для престола событиях — среди них старица и местночтимая святая Тихвинского Введенского монастыря, бывшая четвертая жена царя Ивана Дарья (Анна Алексеевна Колтовская), инокиня Новодевичьего монастыря Александра (Ирина Федоровна Годунова), инокиня московского Вознесенского монастыря Марфа (Мария Федоровна Нагая).

[483] *Воскобойникова Н. П.* Материалы по истории землевладения и землепользования черносошных крестьян Кеврольского уезда XVI—XVII вв. // Северный археографический сборник. Вып. 7. Вологда, 1979. С. 131. № 11.

Часть III

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСКА

Служилые люди «по отечеству»

Служилые люди в первой половине — середине XVI в. С конца XV в. в связи с образованием единого Русского государства происходило становление единого военно-служилого сословия, шел процесс оформления его структуры, чинов Государева двора, служилого города. В конце XV в. наметились процессы, меняющие положение и роли служилых людей. Вольная служба бояр и детей боярских трансформировалась в систему подданства, в результате чего они оказывались в прямой зависимости от центральной власти.

Служба бояр и вольных слуг носила экстерриториальный характер, т. е. не зависела от места расположения их вотчин. По условиям договоров, заключаемых при приеме на службу, бояре и вольные слуги должны были участвовать в военных походах вместе со своим князем или его воеводой вне зависимости от того, где находились их вотчины: «А кто которому князю служит, где б ни жил, с тем ему и ехати, которому служит»[1]. Бояре выступали в княжеские походы вместе с собственными вооруженными слугами во главе отрядов ратников. В виде пожалований они получали от князей вотчины (при этом сохраняя за собой земли, полученные на службе другому князю), строили на них усадьбы, обзаводились свитой и специально обученными воинами.

К концу XV в. значительно сократилось количество самостоятельных княжеств, число удельных князей и их дворов. Если раньше родовая земельная собственность в случае перехода служилого человека от одного князя к другому оставалась за ним, то теперь разрыв служебных отношений, например с московским великим князем, влек за собой конфискацию вотчины. Договорные отношения князя и его слуги постепенно заменялись отношениями подданства, службой с земли[2]. В практику стали входить обязательства, бравшиеся с представителей знати, не изменять московским великим князьям под угрозой опалы и казни. Они были односторонними: великий князь ничего не обещал своим служилым людям. От эпохи Ивана III дошли первые поручные (крестоцеловальные) записи на верность великому князю со стороны лиц из состава его двора (от марта 1474 г.)[3]. В XVI в. такие поручные записи стали нормой[4]. С помощью круговой поруки, коллективных

---

[1] ДДГ. № 5. С. 21; № 11. С. 32; № 13. С. 38; № 18. С. 52; № 24. С. 65; № 101. С. 417; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 21, 26.

[2] *Назаров В. Д.* Нереализованная возможность: Существовало ли рыцарство на Руси в XIII—XV веках // Одиссей: Человек в истории: 2004. М., 2004. С. 123—124.

[3] АСЭИ. Т. 3. № 18. Сохранился формуляр крестоцеловальной грамоты, относящийся к 1448—1473 гг. (Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. [Т.] 1. № 46; [Т.] 5. М., 1992. С. 989—991).

[4] *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 8—79.

обязательств уплаты значительных денежных штрафов поручителями в случае отъезда знатного человека на службу к другому князю окружение московских правителей еще крепче привязывалось к престолу.

В это время еще оставалось значительное число удельных дворов. Во главе этих дворов стояли сыновья, родные братья московских великих князей либо родственники великокняжеской семьи[5]. Удельные князья в состав двора великого князя не входили. Количество слуг в удельных дворах насчитывало по крайней мере несколько десятков человек, не считая многочисленных «послужильцев» (боевых холопов, которые сопровождали своего господина в походе). Удельные дворы, а также двор митрополита в миниатюре повторяли великокняжеский. В них имелись свои бояре, окольничие, дворецкие, конюшие, ясельничие, дворовые дети боярские, дьяки. Дворы сохранялись у братьев великого князя Василия III князей Юрия Ивановича Дмитровского, Дмитрия Жилки Ивановича Угличского, Семена Ивановича Калужского, Андрея Ивановича Старицкого[6]. Дворовые слуги отправлялись в походы в свите князя, принимали участие в судебных делах, выступали в роли «послухов» (свидетелей) в земельных сделках князя, скрепляли подписями его духовную грамоту.

Стремление великих князей Московских сосредоточить в своих руках власть над присоединенными княжествами и обширными землями имело следствием увеличение границ государства. Необходимы были военные слуги для завоевания новых территорий, администраторы для постоянно растущего великокняжеского хозяйства. Для создания многочисленного войска, увеличения военных и административных кадров, заинтересованных в поддержке центральной власти, земельного обеспечения служилых людей на недавно присоединенных к Москве территориях стало происходить испомещение детей боярских. В 1480—1490-е гг., после ликвидации независимости Новгородской республики, оттуда были выселены местные бояре, владельцы обширных наследственных вотчин, а их владения переданы служилым людям Московской земли, но уже на поместном праве — т. е. как пожалования в обмен за службу. За счет такого поместья служилый человек должен был обеспечить себе существование и возможность явиться при необходимости к князю. Бывшие новгородские бояре также получили поместья, но уже в центре и на окраине Московского государства. Поместье, в отличие от вотчины (наследственной земельной собственности), нельзя было продавать, дарить, завещать, обменивать. В случае прекращения службы земельный надел служилого человека переходил в казну. Существование новой формы условного владения землей было отражено в 63-й статье «О землях суд» Судебника 1497 г., где говорилось: «А взыщет черной на черном, или поместник на помесчике, за которым земли великого князя, или черной или селской на помесчике, или помесчик на черном и на сельском, ино

[5] Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006. С. 182—187.

[6] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 101—131; *Зимин А. А.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Т. 5. С. 182—195; *Он же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 161—188; *Бенцианов М. М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 73—77; *Он же.* Служилые люди князя Юрия Дмитровского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 41—55; *Он же.* Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64—76.

судити потому ж за три годы, а дале трех годов не судити»[7]. Опыт создания поместной системы в конце XV — первой половине XVI в. был перенесен из новгородских земель на другие уезды, поместная система приобрела общерусский характер[8]. В Тверской земле поместья начали раздаваться с конца 1480-х гг. Первые помещики в Вяземском уезде, присоединенном в 1492/93 г., появились уже в конце XV в. Тогда же, в конце XV в., возникли поместья в Коломенском и Каширском уездах. В Можайском уезде поместье появилось в самом начале XVI в. После 1510 г. в Пскове были испомещены служилые люди в основном из Новгородской земли. Первые достоверные известия о помещиках в Смоленске (завоеван в 1514 г.) относятся к началу 40-х гг. XVI в. После взятия Казани (в 1552 г.) первая раздача земель в поместья в Казанском уезде произошла в 1557 г.[9] Поместья (достаточно крупные) часто получали не только дети боярские, но и представители знати, старомосковского боярства и титулованной аристократии.

В Новгородской и Псковской землях государство изначально осуществляло контроль за размером доходов, который помещик мог получать с крестьян. Сумма доходов фиксировалась в писцовой книге и в выдававшейся помещику отдельной выписке. Землевладельцу предоставлялась судебная власть над крестьянами поместья за исключением суда по важным уголовным преступлениям[10]. В 1540—1550-е гг. в центральных уездах Русского государства появился целый ряд ввозных грамот на поместья, где право устанавливать размеры оброка с переданных землевладельцу крестьян и иметь господскую пашню, «где себе учинит», передавалось в руки помещика. Во второй половине XVI в. в связи с хозяйственным разорением русских земель для поддержки дворянского ополчения правительство отказалось от регулирования натурального и денежного оброка. При проведении очередной переписи Новгородской земли в начале 1580-х гг. сведения о повинностях крестьян в пользу помещика перестали включать в текст писцовых книг. В конечном счете отказ от фиксации и регулирования крестьянских повинностей и неуклонное расширение барского хозяйства способствовали превращению землевладельца в полного хозяина своего владения[11].

Поместная система позволила в короткий срок создать многотысячное конное вооруженное войско, слой служилых землевладельцев, заинтересованных в преданной службе государю. Она определила всю дальнейшую организацию военно-служилой системы в государстве. Старое боярство периода раздробленности постепенно переходило на службу к московским князьям, получая земли на правах поместий, попадая в зависимость от центральной власти.

В литературе были высказаны различные точки зрения о значении создания поместной системы. В. Б. Кобрин, исходя из отмеченной им близости в первой половине XVI в. поместья и вотчины, а также состава помещиков и вотчинников (и те и другие были выходцами из привилегиро-

---

[7] Судебники XV—XVI веков / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 28.

[8] *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси // Вопросы истории. 1959. № 11. С. 130—142; *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 57—68; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 90—135.

[9] *Бенционов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. М., 2019. С. 132—203.

[10] *Флоря Б. Н.* Тимар и поместье // Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 128—131.

[11] Там же. С. 134.

ванных слоев общества), считал, что историческое значение новой системы состояло не столько в создании новых кадров землевладельцев, сколько в обеспечении землей растущих старых феодальных семей[12]. Р. Г. Скрынников при оценке реформы возражал Кобрину, подчеркивая, что рождение поместной системы стало крупнейшей вехой в социальном развитии страны, означавшей фундаментальную перестройку и трансформацию старого боярства XIV—XV вв. в служилых людей XVI в. Помещик зависел от государя больше, чем вотчинник, так как получал поместье при условии обязательной службы. Однако со временем в связи с неуклонным увеличением числа служилых землевладельцев, постоянным дроблением поместий (в России не действовал, как в Западной Европе, принцип майората), отсутствием фонда свободных земель для обеспечения службы оказалось, что «новая система была по существу грандиозной утопией». Государство уже не могло выполнять взятые на себя обязательства, но продолжало требовать от служилых людей обязательной службы и нередко использовало меры принуждения для поддержания военно-служилой системы[13]. Б. Н. Флоря полагает, что с помощью земельных пожалований на поместном праве государственная власть получила возможность воздействовать на формирование политической элиты, строить отношения с ней в желательном для власти ключе, ослаблять связь представителей элиты с определенной территорией, сохраняя за собой право верховной собственности на переданные им земли, ставить их в отношения зависимости от власти[14].

По мнению Р. Г. Скрынникова, поддержанному М. М. Бенциановым, поместная служба означала своеобразный договор между государственной властью и лицами, задействованными в ней. Обязательства носили взаимный характер. Государство гарантировало всем сыновьям служилых людей, годным к несению службы, поместные наделы, в то время как они обязывались нести регулярную воинскую повинность. Именно с поместной системы началось формирование будущего дворянства как социальной страты, осознающей свои права и обязанности[15].

Большое значение в процессе трансформации княжеско-боярской знати в знать служилую имело Уложение о службе 1555/56 г., которое закрепило принцип обязательной службы с земли. С первых ста четвертей земли (50 десятин, 55 га) служилый землевладелец должен был вооружиться сам, а с каждых оставшихся сотен четвертей — выставлять по одному конному вооруженному ратнику. В случае несоблюдения этого порядка служилого человека ожидали денежные штрафы и опала: «И хто послужит по земли, и государь их жалует своим жалованьем — кормлением — и на уложенные люди дает денежное жалование. А хто землю держит, а служба с нее не платит, и на тех на самех имати денги за люди»[16].

В конце XV — первой трети XVI в., при великих князьях Иване III и Василии III, сложилась сложная иерархическая система родов служилых людей при дворе великого князя, которая просуществовала вплоть до опричнины. Верхушку составляли титулованные лица: литовская по происхождению

---

[12] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 133—135.

[13] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 73—76.

[14] *Флоря Б. Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 12.

[15] *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 26—27; *Бенцианов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские». С. 75.

[16] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 11. С. 37—38.

знать (потомки великого князя Литовского Гедимина князья Булгаковы, Щенятевы, Бельские, Мстиславские и др.) и потомки когда-то самостоятельных правящих династий Северо-Восточной Руси, ведущие родословие от великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо князья Суздальские, Ростовские, Ярославские, Стародубские. Высокое положение при дворе занимали и другие Рюриковичи: тверские князья (Холмские, Микулинские, Телятевские) и рязанские князья (Пронские), а также чернигово-северские князья Юго-Западной Руси (Оболенские, Воротынские, Одоевские, Мезецкие и др.)[17].

Основную часть великокняжеского двора начала XVI в. составили старые слуги московских князей, предки которых начали служить этим князьям уже со второй четверти XIV в., когда те еще только боролись за власть на Руси, — так называемое старомосковское боярство. Титулованные княжеские роды, Рюриковичи, по знатности превосходили старомосковских бояр, но, в отличие от них, только с конца XIV в. стали переходить во двор к московским государям. Эти князья, сами потомки владельцев княжеских столов, имевших своих бояр, стремились теперь получить у московского князя высшие думные чины, оттеснить нетитулованные роды на второй план.

Среди нетитулованного старомосковского боярства наиболее могущественными и многочисленными при Государевом дворе в первой половине XVI в. являлись выходцы из рода Ратши (Челяднины, Бутурлины), Кобылины (Захарьины, Колычевы), Морозовы, Сабуровы и Годуновы, Плещеевы. Заметную роль играли потомки Редеги (Хабаровы, Глебовы, Гусевы, Поджогины), Заболоцкие (вели родословие от смоленских князей, но в какой-то момент утратили титул), Кутузовы, Новосильцевы, тверские и рязанские боярские роды (Борисовы, Житовы, Карповы, Нащокины, Нагие, Денисьевы-Булгаковы, Вердеревские, Измайловы), а также потомки выехавших на службу московскому великому князю из других земель иноземцев: Ховрины и Траханиотовы[18]. Таким образом, ряды Государева двора заполняло московское боярство и боярство присоединенных к Москве земель.

Князья Бельские, Воротынские, Белевские, Трубецкие, Мосальские, Мезецкие, прибывшие на Русь из Великого княжества Литовского в разгар войны с ним в конце XV — первой трети XVI в., были включены в состав «служебных», или служилых, князей, особой группы внутри великокняжеского двора[19]. Они попадали под юридическую норму межкняжеских договоров о конфискации их земель в случае отъезда к удельным князьям[20]. С определенного времени некоторые выехавшие из Литвы князья утратили статус служилых (например, князья Мезецкие, низведенные до положения обычных княжат), другие, прибывшие впервые в Россию, напротив, попали в состав служилых князей (Глинские,

[17] *Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 195—244; *Сергеев А. В.* Княжеские фамилии Московского государства XVI—XVII вв.: Количество, время существования, социальный статус // Клио. 2018. № 2. С. 39—47; *Сергеев А. В.* Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начала XVII века: В 2 т. СПб., 2023.

[18] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

[19] Сборник РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 58, 152, 263, 399; *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. С. 28—56; *Назаров В. Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 175—196; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 83—153.

[20] ДДГ. № 101. С. 417.

Мстиславские, Одоевские и др.). Высокий статус князей Бельских и Мстиславских был вызван также их родственными связями с великокняжеской семьей. Князь Ф. И. Бельский, выехавший в Москву из Литвы в 1481/82 г., женился на Анне Васильевне, дочери родной сестры Ивана III Анны и великого князя Рязанского Василия Ивановича[21]. Князь Ф. М. Мстиславский, прибывший на Русь из литовских земель в 1526 г., породнился с Василием III, женившись на Анастасии, дочери казанского царевича Петра и родной сестры великого князя Евдокии[22]. Служилые князья в конце XV — первой трети XVI в. были включены в Государев двор и обычно назначались воеводами, выполняя преимущественно военные и придворные функции.

В начале столетия крупнейшими из служилых князей являлись члены великокняжеской семьи князь В. С. Стародубский (сын Семена Ивановича Можайского, правнука Дмитрия Донского) и князь Василий Иванович Шемячич (внук врага Василия Темного Дмитрия Юрьевича Шемяки). В отличие от остальных служилых князей, они владели городами, волостями и обширными землями на литовско-русской границе. В результате доносов на Василия Шемячича и подозрений в измене он был арестован и позже умер в заточении.

Следующую группу служилых князей составляли перешедшие на московскую службу правители Верховских княжеств князья Воротынские, Одоевские, Трубецкие и Белевские. В княжение Василия III они занимали военные и административные должности. В 30-й статье Судебника 1497 г. отмечен размер оплаты расходов судебного пристава до Одоева, Белева, Воротынска, из чего можно сделать вывод, что судебной экстерриториальностью на этих землях верховские князья не обладали[23]. Однако в их руках сохранилось право управления городами на родовых землях.

Некоторые служилые князья прибыли на Русь без родовых вотчин (Глинские, Мстиславские) и были пожалованы московским государем землями (городами, волостями) на правах кормлений. Другие князья перешли на московскую службу с наследственными вотчинами и первое время их сохраняли (князья Бельские, Вяземские), но затем их родовые земли были изъяты, а они переведены в другие регионы России. По мнению М. Е. Бычковой, сам термин «служилые (служебные) князья» восходит к литовским источникам и относится к 1387 г., где они упомянуты в договорной грамоте литовского князя Скиргайло Ольгердовича как его вассалы. Исследовательница указывала на то, что в источниках до конца XV в. служилыми князьями нигде не назывались русские князья Рюриковичи, чьи княжества были присоединены к Москве, а также князья, выехавшие на русскую службу из Литвы (в 1408 г. князь Патрикий Наримонтович с сыновьями)[24]. С точки зрения М. Е. Бычковой, особый статус служилых князей в Русском государстве имел кратковременный характер и сохранялся лишь в первой четверти XVI в. Заимствованный из Литвы, он помогал литовским князьям адаптироваться в новом государстве[25].

---

[21] *Беляев Л. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г.* Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора Московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 85—86, 88.

[22] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 124, 128.

[23] Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 364.

[24] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 32—33.

[25] *Бычкова М. Е.* Русско-литовская знать XV—XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012. С. 250.

В. Д. Назаров возражает М. Е. Бычковой и отмечает многократное упоминание в XV в. «служебных» князей в договорах и завещаниях нелитовских и верховских князей (владевших землями в верхнем и среднем течении реки Оки), а именно великих и удельных князей Северо-Восточной Руси. По мнению историка, служилые князья Северо-Восточной Руси (Суздальские, Тверские, Стародубские и пр.) в XV в. были вполне обычным и привычным обществу феноменом социальной и политической жизни. Массовый переход на сторону московских государей верховских князей (Воротынских, Одоевских, Трубецких и др.) в конце XV — начале XVI в. видоизменил и продлил жизнь служилых князей как сословно-статусной категории[26]. Проблемы служебного положения и эволюции особого разряда служилых князей в настоящее время далеки от разрешения и требуют углубленного и обстоятельного изучения с учетом их различного статуса, суверенных прав и пр.[27]

Служилые князья занимали особое место между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, но, в отличие от удельных князей, владели наследственными вотчинами на правах пожалования великим князем при условии обязательной военной службы. Удельные же князья владели общерусскими землями, данными им по завещанию великим князем[28].

В середине XVI в. служилыми князьями числились Бельские, Трубецкие, Воротынские, Одоевские, Глинские, Черкасские, воеводичи Мутьянские (родом из Валахии, расположенной между Карпатами и Дунаем, на юге современной Румынии). О высоком статусе служилых князей свидетельствует то, что в Дворовой тетради 1550-х гг. они были записаны после бояр, окольничих, дворецких, казначеев, постельничих и дьяков[29].

После служилых князей в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради зафиксированы князья Оболенские, Ростовские, Суздальские, Ярославские, Стародубские и Мосальские, образовывавшие особые княжеские корпорации и служившие по княжеским спискам. Поскольку княжеские списки внесены в начальную часть обоих документов, очевидно речь идет о верхнем слое дворянства, титулованной аристократии, потомках некогда самостоятельных правителей. Принадлежность к этому слою давала определенные преимущества при назначении на придворные и административные должности и привилегированный статус родовых владений. Среди лиц, внесенных в Дворовой тетради в княжеские списки, было немало тех, кто успел войти в состав Боярской думы и в связи с этим был внесен в списки думных людей, но, несмотря на пожалование высшим чином, они фактически продолжали сохранять связь со своей княжеской корпорацией. К настоящему времени очевидно, что служба знатных лиц по особым княжеским спискам в конце XV — первой половине XVI в. отражала корпоративность титулованной аристократии и сохранение у этих

---

[26] *Назаров В. Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке. С. 175—196.

[27] *Назаров В. Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210—218; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой Руси (XV—XVI вв.). С. 64—65; *Антонов А. В.* К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 258—285; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 83—138; *Грязнов А. Л.* Происхождение вотчин служилых князей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 42—44.

[28] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 143—144.

[29] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 117—118. Переезд на Русь князей Черкасских, Сибока с сыном Кудадеком (в православии Александром) и братом произошел в августе 1555 г. (ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 259).

князей родовых вотчин в пределах их некогда независимых княжеств[30]. Члены княжеских родов, не владевшие родовыми вотчинами на территории своих княжеств, в княжеские списки не вносились, а были связаны службой с территориальными корпорациями уездного дворянства, с городами, где у них находились поместья либо реже вотчины[31].

Документы по учету состава Государева двора — Тысячная книга и Дворовая тетрадь — показывают, что за рамками двора в середине XVI в. находились дети боярские бывшего Нижегородского княжества, Новгород-Северской и Смоленской земель, городов Дикого поля. Также в Дворовой тетради 1550-х гг. не было представлено дворянство из Вереи, Луха, Кинешмы, Лихвина, отсутствовали дворовые дети боярские из Алексина, Перемышля, Болхова, Брянска, Серпейска, Мещевска. Дети боярские из этих регионов записывались в Дворовой тетради не по своим городам, откуда они служили, а по городам, где у них находились дополнительные земельные владения и в которых существовали группы дворовых детей боярских, несших общегосударственную службу в составе Государева двора. Вероятно, это было связано со сравнительно недавним присоединением к Русскому государству ряда территорий (Смоленска, Новгорода-Северского), где еще не успели оформиться уездные дворянские корпорации, удаленностью этих приграничных земель от Москвы и в целом невысоким служебно-местническим статусом местных дворян, многие из которых были переведены из других районов страны в результате карательных акций (выселены из Великого Новгорода после его присоединения к Москве в 1478 г.)[32]. Некоторые города продолжительное время входили в состав удельных княжений (Верея), принадлежали служилым князьям (Лух, Кинешма), и по этой причине местные служилые сообщества не имели здесь постоянного состава и корпоративной сплоченности[33].

На нижнем уровне Государева двора в конце XV — первой половине XVI в. находились дети боярские — так именовались служилые люди, имевшие разный служебный статус, происходившие из захудалых и обедневших ветвей княжеских и боярских родов, послужильцев, включенных в рядовой состав войска.

Дети боярские делились на дворовых и городовых. И те и другие имели поместья и жили в уездах, не в столице, но последние, хотя находились на военной службе, в великокняжеский двор не входили[34]. Дворовые

---

[30] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой Руси (XV—XVI вв.). С. 48—79; *Городилин С. В.* К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // История и культура Ростовской земли: 2012. Ростов, 2013. С. 55—65; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 77, 255—256; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 154—155; *Сергеев А. В.* Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI — начале XVII века: Князья Ростовские и Ярославские. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 7—8, 45, 131—132; *Корзинин А. Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период (1550—1565 гг.). М.; Л., 2016. С. 503—538.

[31] *Корзинин А. Л.* Государев двор в истории России последней четверти XV—XVI вв. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 161.

[32] *Чеченков П. В.* Формирование нижегородской служилой корпорации в XV — начале XVII века // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексеева. М., 2012. С. 407—421; *Он же.* Формирование землевладений и фамильный состав нижегородской служилой корпорации первой половины — середины XVI в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 64—66; *Бенцианов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские». С. 161—178.

[33] *Флоря Б. Н.* Несколько замечаний о Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. как историческом источнике // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 53.

[34] *Козляков В. Н.* Служилые люди России XVI—XVII веков. М., 2018. С. 22—25.

дети боярские помимо поместий владели вотчинами (нередко в разных уездах) и, в отличие от городовых детей боярских, призывались для службы в столицу, участвовали в общегосударственных делах (военных походах, посольских приемах, дипломатических миссиях, центральном и местном управлении). Городовые дети боярские вместе с дворовыми детьми боярскими выступали в общерусские походы, отправлялись в дальнюю конную службу, а также защищали свой родной город, в окрестностях которого лежали их владения (как правило, поместья, а не вотчины). Верхушка их часто была связана родством с лицами из состава столичного двора. Городовые дети боярские служили резервом для набора в состав Государева двора, и со временем некоторые из них поднимались в ряды дворовых детей боярских, которые считались уже членами двора, отсюда и их название[35].

Как правило, городовые дети боярские выступали на военную службу совместно с дворовыми детьми боярскими. В 1496 г. Иван III отправил к Казани «многых детеи боярских двора своего и понизовых городов дети боярскые, новогородцы, и муромцы, и костромичи, и иных городов мнози»[36].

Впервые в разрядных книгах городовые дети боярские упоминаются в Вязьме, во время войны с Великим княжеством Литовским. Воеводе передового полка князю В. В. Шуйскому было велено «людей у себя оставить из своих людей, которые у нево, 500 человек голов детей боярских, опричь тех, которыя с ним князи и дети боярские из двора и из городов». В 1514 г. государь Василий III приказал воеводам из Тулы идти за собой «з детьми боярскими з городовыми»[37]. В апреле 1514 г. Василий III повелел рязанскому наместнику (главе местной администрации, осуществлявшему военное, судебное, хозяйственное, финансовое управление в городе) князю Ф. Д. Пронскому встречать посла от турецкого султана «со всеми нашими детми боярскими рязанцы, которые нам служат, з дворовыми и з городовыми»[38].

В боярское правление в источниках впервые упоминаются дети боярские из Новгорода и Рязани на службе при Государевом дворе. Если в 1520—1530-е гг. рязанские бояре еще служили в Рязанской земле, то первый случай привлечения наиболее видных рязанских детей боярских к воеводской службе за пределами Рязанского уезда произошел в августе 1538 г. и, вероятно, был связан с переменами в составе двора. С 1538 г. новгородские дети боярские, как и рязанцы, стали привлекаться к военной службе за пределами Новгородской земли[39]. Привлечение к дворовой службе новгородцев и рязанцев за пределами района их проживания, возможно, было вызвано кадровым дефицитом, необходимостью располагать опытными воеводами среднего звена для общегосударственных, а не только локальных военных задач.

До середины XVI в. многие лица, входившие в двор, получали от великого князя за службу, помимо наград (золотых монет, ценных вещей, поместий и вотчин), также временные кормления — т. е. определенные территории (города, волости) в управление. Это означало, что служилый человек на несколько лет определялся в город или волость

---

[35] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 35; *Ивина Л. И.* Иерархическая структура правящей элиты в княжествах Северо-Восточной Руси и Русском государстве (конец XIV — первая половина XVI века) // От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 89.

[36] ПСРЛ. Т. 26. С. 328.

[37] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 109, 139.

[38] Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 93.

[39] Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 94—96; *Бенционов М. М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства. С. 78—79, 115—117.

представлять великого князя (выполнять военные, судебно-административные функции, поддерживать порядок) и в виде жалованья за службу «кормиться» (т. е. получать натуральные и денежные сборы) за счет подвластного населения. Служилые люди обеспечивались денежным жалованьем, размер которого фиксировался в десятнях. Десятни (название документов происходит от слова «десять», единицы подсчета служилых людей, которая первоначально, видимо, была взята за основу) — это списки уездных служилых людей по каждому городу (в основном городовых детей боярских, в некоторых случаях также дворовых детей боярских и принадлежащих к Государеву двору выборных дворян данного уезда). В десятнях указывался поместный оклад служилого человека и соответствующее ему денежное жалованье. Известно, что документы по учету служилых людей типа поздних десятен существовали уже в правление великого князя Василия III[40]. Однако самой ранней из сохранившихся является каширская десятня 1556 г.[41]

От первой трети XVI в. не сохранились списки, в которых бы были записаны городовые дети боярские по каждому из городов (наиболее ранние из сохранившихся десятен относятся к 1550-м гг.). Но в 26-й статье «О бесчестье» Судебника 1550 г. дети боярские подразделяются на две категории: «за которыми кормленья» и «которые <...> емлют денежное жалованье»[42]. Под первыми, «кормленщиками», как правило, подразумевались лица из состава великокняжеского (затем царского) двора, а под последними, получавшими денежное жалованье, — городовые дети боярские, несшие службу в уездах в составе «города» — уездной дворянской корпорации, которая совместно выступала в военных походах[43]. Но после отмены кормлений, когда верхушка служилых людей была переведена на получение жалованья из четвертей (особых приказов), размер «бесчестья» стал определяться уже не размером кормления, а размером денежного оклада землевладельца.

В соответствии с местническими счетами знать получала наиболее доходные кормления. По Судебнику 1550 г. размер штрафа «за бесчестье» определялся размером дохода с кормления. Однако в едином Русском государстве к середине XVI в. установился порядок, явившийся результатом целенаправленной правительственной политики, когда администратор получал кормление не там, где располагались его земельные владения, где он жил, а в других районах. Например, уже в 1520—1530-е гг. бывшие рязанские бояре и их дети стали получать кормления не в Рязанской земле, а на основной территории Русского государства: во Владимирском, Московском, Рузском, Костромском, Кашинском уездах[44]. В итоге разрушалась связь между местожительством феодала и переданной ему в управление территорией. С одной стороны, кормленщик оказывался не связан с местным обществом; с другой стороны, одновременно ослаблялась его связь с родовыми владениями, где он был не частым гостем[45]. Аналогичную направленность имели военные и прочие административные поручения, которые, как правило, не были связаны с уездом, откуда был родом служилый человек,

---

[40] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 239, 241.

[41] Каширская десятня 1556 г. // Heraldica: Исторический сборник. Т. 1. Отд. 4. СПб., 1900. С. 28—44; *Кротов М. Г* Источники реконструкции десятен XVI—XVII вв. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 55—56.

[42] Памятники русского права. Вып. 4. С. 238.

[43] *Флоря Б. Н.* Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье») // Вопросы истории. 1983. № 1. С. 71—73.

[44] *Флоря Б. Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты. С. 9.

[45] Там же. С. 8—9, 11—12.

где находилось его землевладение. Данные меры способствовали превращению бояр, дворовых детей боярских в общерусскую государственную элиту, находившуюся под контролем великокняжеской власти.

Изучение жалованных грамот конца XV — первой половины XVI в., выданных носителями верховной власти детям боярским, показывает резкий перелом в отношении государственной власти к податным привилегиям светских феодалов. С конца 1490-х гг. великокняжеская канцелярия стала выдавать как на поместные, так и вотчинные земли преимущественно несудимые грамоты, предоставлявшие дворянам судебный иммунитет (кроме душегубства и разбоя с поличным), но не освобождавшие от каких-либо государственных налогов и повинностей[46]. Среди грамотчиков (получателей несудимых грамот) большинство лиц принадлежали к семьям дворовых детей боярских. Ограничение налоговых льгот коснулось и поборов в пользу представителей местной великокняжеской администрации наместников и волостелей и их тиунов, а также доводчиков и праведчиков (чиновников, выполнявших судебные функции по вызову истцов в суд, расследованию обстоятельств дела и пр.). В некоторых случаях население феодальных владений освобождалось от кормов наместников и их тиунов, но не от кормов праведчикам и доводчикам. В целом же на рубеже XV—XVI вв. податные привилегии светских феодалов были отменены, грамотчики вынуждены были платить не только государственные налоги, но и поборы представителям местной великокняжеской администрации. Таким образом, устанавливались общие нормы, определявшие несвободное положение значительной части дворянского сословия.

Дворовые дети боярские, хотя и считались частью двора, вследствие увеличения его состава к середине XVI в. стали оседать по городам, все реже призываться в столицу для служебных поручений[47]. Со временем они перестали входить в Государев двор, превратившись в верхушку уездных корпораций.

Для службы при дворе в столице в это время уже необходимо было иметь подмосковное владение (поместье либо вотчину), позволявшее служилому человеку регулярно бывать в Москве, обеспечивать себя продовольствием, в любой момент быть готовым незамедлительно выполнить государево служебное поручение, быть у царя под рукой. У верхушки двора имелись не только поместья и вотчины в Подмосковье, но и дома (дворы) в столице, окруженные хозяйственными постройками, огородами, садами и часто занимавшие значительную часть городской застройки. У среднего слоя служилых людей подмосковных поместий не было.

В 1550 г. была проведена так называемая Тысячная реформа царского двора. Она была задумана для того, чтобы Государев двор по составу и численности соответствовал возросшим нуждам власти. В Тысячную книгу (делопроизводственный документ, который содержал имена примерно 1070 служилых людей), от которой реформа получила свое название, были записаны «лучшие слуги» — родовитые молодые люди, предки которых наиболее активно проявили себя на службе великим князьям Московским. Они должны были получить земли в Московском и отчасти (на расстоянии 50—60 км от столицы) в Звенигородском, Рузском и Дмитровском уездах и составить костяк формировавшегося но-

[46] *Флоря Б. Н.* Податные привилегии светских феодалов в период образования единого Русского государства // Россия XV—XVIII столетий: Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения Р. Г. Скрынникова. Волгоград; СПб., 2001. С. 31, 34—35.

[47] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 86.

вого состава Государева двора. По указу 1550 г. не только сами тысячники, но и их дети, прочие знатные служилые землевладельцы должны были обеспечить постоянное пополнение Государева двора («которой по грехом ис той тысечи вымрет, а сын его не пригодитца к той службе, ино в того место прибрать иного»)[48].

Именно тысячники положили начало выборному дворянству, новому чину служилых людей из городов, первые упоминания о которых в источниках относятся к июню 1552 г. Выборные дворяне комплектовались прежде всего из этих «лучших слуг» и представляли собой самую верхнюю часть уездных детей боярских (их статус был выше дворовых детей боярских), призванных для несения службы в составе Государева двора и обеспечивавшихся, как и тысячники, поместьями в Подмосковье[49].

Больше всего «лучших слуг» было испомещено вблизи столицы, в Московском уезде, в меньшей степени — в Рузском, Дмитровском и Звенигородском уездах. Поместья тысячников плотным кольцом подступали к Москве. Наделение их землями происходило за счет раздачи дворцовых (великокняжеских) и черносошных (государственных) земель, а также передачи тысячникам расположенных вблизи от Москвы поместий других детей боярских, следствием чего стало постепенное исчезновение фонда свободных земель в Московском уезде. Начиная с Тысячной реформы служба в составе двора стала сопровождаться обеспечением дополнительными поместьями под Москвой.

Однако вопрос о том, насколько данные Тысячной книги отражали реальную раздачу земли, остается сложным. Вероятно, не все лица, обозначенные как тысячники, получили свои подмосковные поместья. Во-первых, не получили земель те, у кого уже были поместья и вотчины в Московском, Дмитровском, Рузском и Звенигородском уездах, а таких землевладельцев было немало. Во-вторых, наделение землей происходило медленно, и значительное число тысячников, погибших в 1550—1553 гг. под Казанью, не успело получить того, что им причиталось. В-третьих, поместная собственность не досталась основной массе «лучших слуг», происходящих из Великого Новгорода, Пскова, Торопца и Великих Лук по причине их отдаленности от Москвы и специфики службы: нужно было отражать непрерывные нападения со стороны Великого княжества Литовского, Ливонского ордена и Швеции. Поэтому только в виде исключения новгородских служилых землевладельцев переводили на службу по другим «городам» в центре страны, но при этом они порывали с новгородской службой и утрачивали поместья в Новгородской земле.

Тысячная реформа двора 1550 г. была первой попыткой расширить состав Государева двора за счет новгородской служилой корпорации, сложившейся всего за несколько десятилетий до этого из переселенных на место новгородских бояр московских служилых людей. В 1550—1565 гг. численность северо-западных помещиков в составе Государева двора в несколько раз увеличилась по сравнению с предшествующим временем (в первой половине XVI в. на службе упоминалось около 220 человек). Это были не только дворовые дети боярские, но и часть городовых детей боярских. В ходе Ливонской войны эта мера оправдала себя. Благодаря Тысячной реформе ряд помещиков Новгородской земли из городовых и дворовых детей боярских к 1556 г. попал в выборное дворянство, некоторые городовые дети боярские с конца

[48] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 54.

[49] *Корзинин А. Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период (1550—1565 гг.). С. 116—229.

1550-х гг. стали служить при Государевом дворе.

В отличие от помещиков северо-запада, записанных в Тысячную книгу, подавляющее большинство «лучших слуг» из Замосковных городов после 1550 г. было включено в великокняжеский двор, привлекалось для разнообразных служб (военной, посольской, административной) и именных царских поручений, было наделено дополнительными поместьями. Вследствие Тысячной реформы состав Государева двора был упорядочен и унифицирован. Были определены порядок пополнения двора и механизмы, которые позволяли привлекать к московской службе детей боярских, происходивших из княжеских и нетитулованных дворянских родов.

Таким образом, в первой половине XVI в. происходил процесс становления единого служилого сословия, пришедшего на смену прежнему боярству и слугам вольным, процесс упорядочивания состава и структуры двора, выработки более эффективных механизмов прохождения службы и пополнения служилых людей Государева двора новыми лицами.

Эволюция состава и структуры служилых людей во второй половине XVI в. Реформы середины столетия привели к существенным переменам в составе и структуре служилых людей. Под влиянием Тысячной реформы 1550 г. оформилась новая чиновная группа Государева двора — выборные дворяне, сменившие при дворе дворовых детей боярских. Новую структуру Государева двора отчетливо отражает разряд Полоцкого похода 1563 г. Роспись царского полка перечисляет «бояр, и окольничих, и приказных людей 41 ч(еловек), стольников и стряпчих, и жильцов 244 ч., дворян выборных 374 ч., да приборных из городов новых 166 ч., да дворовых же из городов: князей служилых 5 ч., Суздальских 1 ч., Ростовских 5 ч., Оболенских 13 ч., Стародубских 7 ч., Мосальских 13 ч., с Москвы дворовых 28 ч., из Переславля 1 ч. <...> От князя Юрья Васильевича стольников, и стряпчих и жильцов 40 ч., князей Ярославских и детей боярских дворовых 91 ч., городовых 486 ч., коломнич дворовых 32 ч., городовых 207 ч., коширян дворовых 55 ч., городовых и с новики 382 ч., тулян дворовых 20 ч., городовых 248 ч.»[50]. Члены Государева двора — бояре, окольничие, приказные люди (дьяки), стольники, стряпчие, жильцы и дворяне выборные — заметно возвышаются здесь над общей массой уездных детей боярских, как городовых, так и дворовых, включая и тех представителей княжеских корпораций, которые значились в составе группы дворовых детей боярских, т. е. проходили службу «с городом». Мы видим, таким образом, что дворовые дети боярские стали рассматриваться уже не как члены Государева двора, а в качестве одного из чинов «служилого города»[51]. В росписи 1563 г. выборные дворяне упоминаются особо как члены двора, как лица, несшие службу «с Москвы», тогда как дворовые дети боярские — вместе с городовыми в рядах уездных корпораций. С 1550-х гг. дворовые дети боярские практически не привлекаются к несению службы при Государевом дворе. Из 57 дворовых детей боярских каширской десятни 1556 г. лишь двое — князь И. Н. Мещерский и Григорий Злобин сын Петров — упоминаются в разрядах за 1550-е гг., при этом второй из них числится в десятне с пометой «в выборе» и, кроме того, значится как тысяч-

[50] Витебская старина. Т. IV / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1885. С. 33; Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исследование и текст) / Подг. К. В. Петров. СПб., 2004. С. 37; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 125; *Воробьев В. М.* Рукопись разрядной книги Полоцкого похода 1563 г. и ее публикации // Исследования по русской истории и культуре: Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 381.

[51] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 98.

ник по Коломне. В десятне фигурирует с пометой «в выборе» еще один человек — городовой сын боярский И. И. Алексеев-Уваров, имя которого мы также встречаем в разрядных книгах в качестве головы. Таким образом, уже не дворовые дети боярские, а выборные дворяне — новая категория — представляли «города» при московском дворе[52].

Реформы середины XVI в. способствовали упорядочению состава и структуры Государева двора и дальнейшей консолидации верхушки служилого сословия в особую правящую и привилегированную группировку. В то же время правительство требовало от членов двора беспрекословного несения государевой службы, постоянной готовности ко всякого рода «посылкам». Усилению служилой зависимости дворовых от монарха способствовали и другие реформы середины XVI в. — принятие в 1556 г. уложения о службе, уравнивавшего службу с поместий и вотчин, отмена системы кормлений и перевод верхушки служилых людей на денежное жалованье из четвертных приказов.

Середина XVI в. явилась также важным этапом на пути формирования уездных корпораций (служилых «городов»). Определилась новая структура основной части служилых «городов», внутри которых существовали уже разные чиновные группы — дворовых и городовых детей боярских. Консолидации местных служилых обществ способствовала активная работа по унификации поместных окладов, проводимая правительством в середине XVI в.[53]

Тем не менее реформы середины XVI в. не привели к ликвидации служебных и корпоративных связей членов Государева двора с уездным дворянством. Сохранялся территориальный принцип строения двора, члены которого («лучшие слуги») продолжали именоваться в документах 1550-х — начала 1560-х гг. костромичами, можаичами, вязьмичами и т. д. и по традиции рассматривались как представители городового дворянства[54].

В годы опричного и послеопричного правления Ивана IV в структуре Государева двора произошли существенные изменения. Служилые люди оказались расколотыми на земскую и опричную половины. В связи с переносом царской резиденции из Москвы в Александровскую слободу, а затем в Старицу была приостановлена практика испомещения членов Государева двора в окрестностях столицы. Осуществляемые правительством Ивана IV репрессии и массовые земельные переселения приводили к нестабильности состава двора, разрушали его традиционные структуры.

Уже в начале опричнины наблюдается процесс консолидации элиты Государева двора, которая возвышается над нижним слоем двора и уездными детьми боярскими. В приговоре Земского собора 1566 г. дворяне — участники собора — были разделены на две статьи, а не на три, как в Тысячной книге[55]. Как убедительно показал Б. Н. Флоря, между постатейным распределением служилых людей в соборной грамоте и структурой Тысячной книги не было полного соответствия и 1-я и 2-я статьи приговора 1566 г. не тождественны первым двум статьям Тысячной книги. Данное обстоятельство привело Б. Н. Флорю к важному выводу о том, что в приговоре Земского собора 1566 г. дворовая элита составляла уже более монолитную (по сравнению с Тысячной книгой, где представители знати упоминаются как в 1-й статье, так и во 2-й и

[52] *Мятлев Н. В.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С. 64—65; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 99—100.

[53] *Бенционов М. А.* «Князья, бояре и дети боярские». С. 216 и др.

[54] *Мятлев Н. В.* Тысячники и московское дворянство XVI столетия. С. 39—41.

[55] Акты, относящиеся к истории земских соборов / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1909. С. 5—9.

даже 3-й статьях) группу, которая возвышалась над низшим слоем Государева двора[56]. Действительно, среди дворян 1-й статьи соборного приговора 1566 г. большая часть являлась представителями знатных княжеско-боярских родов, тогда как во 2-й статье сколько-нибудь видных боярских фамилий мы не встречаем. Во 2-й статье значится вдвое меньшее число тысячников, чем в 1-й статье, при этом во 2-й статье мы не видим никого из тысячников двух первых статей, тогда как в 1-й статье приговора 1566 г. упомянуты 8 человек, принадлежавших к верхушке двора 1550 г. Среди дворян 1-й статьи соборного приговора было немало лиц, получавших воеводские назначения, тогда как во 2-й статье таковых мы не встречаем. Если служилые люди 1-й статьи соборного приговора 1566 г. именуются как «дворяне», то записанные во 2-й статье значатся как «дворяне и дети боярские». Можно полагать, что в составе 2-й статьи соборного приговора числились также представители уездных детей боярских, не входивших в Государев двор. Характерно, что большинство лиц, записанных во 2-й статье, не упоминаются в разрядах за 1560-е гг.[57] В то же время и в начале опричнины продолжала сохраняться территориальная структура Государева двора или ее элементы. Как показал А. А. Зимин, порядок расположения имен служилых людей в соборном приговоре 1566 г. не был произвольным и в целом соответствовал их принадлежности к тем или иным «городам» — в перечнях дворян 1-й и 2-й статей выделяются компактные группы москвичей, галичан, новгородцев и т. д., хотя эти группы и не были столь определенными, как в Тысячной книге[58]. По наблюдениям А. Л. Корзинина, наибольшее число дворян на Земском соборе происходило из центральных уездов (из Москвы и Переславля-Залесского), затем шли служилые землевладельцы из западных (Можайск, Вязьма) и северо-западных (Новгород, Псков, Торопец) уездов, что было обусловлено активным участием дворянства из западных и северо-западных городов в боевых действиях на фронтах Ливонской войны[59].

Завершение процесса консолидации верхушки Государева двора и ее обособления от уездного дворянства произошло несколько позже. Этот процесс был обусловлен массовыми, невиданными прежде земельными переселениями, приведшими к серьезным нарушениям территориальных связей служилых людей. Со своих насиженных мест были сдвинуты многие представители знати, что привело к утрате их прежних связей с уездным дворянством. В связи с включением в состав территории опричнины и послеопричного двора уездов родового княжеского землевладения Северо-Восточной Руси (Суздальского, Ярославского, Ростовского и Стародуб-Ряполовского) и упадком родового княжеского землевладения прекращают свое существование особые княжеские служилые корпорации. После 1565 г., вплоть до конца 1580-х гг., когда княжеские списки были временно восстановлены, в источниках отсутствуют определенные надежные сведения о княжеских корпорациях[60]. Возникла потребность в новых формах учета знатной верхушки дворянства. В резуль-

[56] *Floria B. N.* Skład społeczny soborów ziemskich w państwie moskiewskim w XVI wieku // Czasopismo Prawno-Historyczne. T. XXVI. Z. 1. 1974. S. 40—45; см. также: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 96—99.

[57] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 100—101; ср.: *Корзинин А. Л.* Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Ч. 2 // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 2. С. 32—33.

[58] *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г. // Исторические записки. М., 1962. Т. 71. С. 205.

[59] *Корзинин А. Л.* Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Ч. 2. С. 32.

[60] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 107.

тате из общей массы выборного дворянства в особый чин выделилась его верхняя часть — дворяне московские, которые полностью обособлялись от связей с уездными служилыми корпорациями и несли службу исключительно по «московскому списку». Нарушение прежних земельных связей повлекло за собой серьезные перемены в самой структуре дворянства и прежде всего в его верхней части — Государевом дворе. Происходит ликвидация прежней территориальной структуры Государева двора и утверждение нового — чиновного — принципа его строения. Новая чиновная структура Государева двора отразилась в боярском списке 1577 г., в котором перечисляются следующие дворовые чины: бояре, окольничие, высшие придворные чины (дворецкий, кравчий, казначей, постельничий, печатник, сокольничий, ловчий), стольники, стряпчие, жильцы, дворяне (московские) и расписанные по разным «городам» дворяне выборные[61]. Однако выделение московских дворян в особую чиновную группу произошло, очевидно, несколько раньше, уже в первой половине 1570-х гг. В полковой росписи 1574 г.[62] перечень дворян располагался раньше перечня рынд (эту должность занимали обычно стольники), т. е. эти дворяне занимали весьма высокое положение при дворе, и можно полагать, что речь здесь шла о верхушке дворян — дворянах московских.

Наряду с утверждением новой чиновной структуры Государева двора, пришедшей на смену прежнему территориальному принципу его строения, и отрывом его верхушки от служебных связей с уездами происходил процесс дальнейшей консолидации уездного дворянства, становления корпоративного единства местных служилых объединений. Важным шагом в этом направлении явилось развитие системы поручительства и появление в начале 1570-х гг. института окладчиков, контролировавших процесс распределения детей боярских по статьям и выдачи им жалованья[63].

Утверждению новой чиновной структуры служилого сословия препятствовало, однако, разделение дворянства в 1560-х — начале 1580-х гг. на земскую и опричную (дворовую) половины. Заметно различался социальный состав Земского и Опричного дворов. В работах Л. М. Сухотина, С. Б. Веселовского и В. Б. Кобрина, А. Л. Корзинина и других исследователей было убедительно оспорено распространенное в историографии представление об исключительно худородном составе опричного корпуса[64]. Однако состав Опричного двора не был неизменным на протяжении существования опричнины. Если в первый период опричнины у ее руководства стоял кружок царских фаворитов преимущественно из представителей старомосковского боярства и разница между составом земского и опричного (несколько более худородного) не была слишком велика, то около 1569—1570 гг. в составе Опричного двора произошли существенные перемены — на смену прежним царским фаворитам пришли новые, более худородные лица, выходцы из рядов провинциального дворянства. Виднейшими представителями этой новой группировки были Малюта Скуратов Бельский и Василий Григорьевич Грязной. Весьма худо-

---

[61] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1 / Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979. С. 84—101.

[62] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 362.

[63] *Бенционов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские». С. 232—285.

[64] *Сухотин Л. М.* Список опричников Грозного // Новик. Вып. 3. Нью-Йорк, 1940; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 143—144, 200—237; *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 16—91; *Корзинин А. Л.* О персональном составе опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат: Международный исторический журнал. 2016. № 4. С. 9—34.

родным по составу был и послеопричный Особый двор Ивана IV, костяк которого составили бывшие опричники последнего призыва. Между составом Земского двора и послеопричного Особого двора царя Ивана 1570-х — начала 1580-х гг. существовали серьезные различия. Большинство стольников и все стряпчие Особого двора Ивана IV были выходцами из худородных дворянских фамилий[65], тогда как в составе Земского двора, судя по земскому боярскому списку 1577 г., все стольники и стряпчие являлись представителями знатных княжеско-боярских родов. По неполным данным боярского списка 1577 г. и росписи Ливонского похода 1577/78 г., из 80 дворян московских 35 человек являлись представителями княжеско-боярских родов[66], но если учесть, что в боярском списке 1577 г. не сохранилось начало перечня дворян московских с именами наиболее знатных лиц, то к княжеско-боярской знати принадлежало, очевидно, не менее половины московских дворян. В составе же дворян московских Особого двора Ивана IV из представителей знати служили лишь несколько князей Шуйских и Трубецких, а также Годуновы и, возможно, князь И. М. Глинский, прочие члены Особого двора являлись выходцами из провинциальных служилых фамилий, основная же часть представителей первостепенной княжеской знати служила в земщине[67].

После смерти Ивана IV (март 1584 г.) и провала попытки бывшего руководителя Особого двора Б. Я. Бельского в апреле 1584 г. захватить власть и принудить царя Федора к продолжению опричного (дворового) курса не мог не встать вопрос о судьбе Особого двора и создании единого Государева двора. Решение о ликвидации двора Ивана IV было, очевидно, принято уже на соборе, созванном в начале мая 1584 г. из представителей высшего духовенства, Боярской думы и дворянства[68]. В списке членов Государева двора, оставленных на Москве в августе 1585 г., перечисляются вместе как бывшие земские (князь Ф. И. Мстиславский, Н. Р. Юрьев и др.), так и бывшие дворовые (С. В. Годунов, князь Н. Р. Трубецкой) бояре; бывшие земские и дворовые не различаются здесь и в перечнях выборных дворян[69]. Однако острая борьба за власть между различными придворными группировками в первые годы царствования Федора Ивановича тормозила осуществление реформы двора. К началу 1587 г. победу в политической борьбе одержал Борис Годунов, которому удалось одолеть своих политических противников и стать фактически единовластным правителем государства. С этого времени правительство и приступило к реорганизации состава и структуры Государева двора. Простое механическое объединение дворов было невозможным ввиду явного худородства состава бывших дворовых по сравнению с земскими дворянами, и требовался решительный пересмотр всего личного состава дворовых. Необходимо было возобновление прерванного опричниной процесса испомещения членов Государева двора под Москвой.

---

[65] *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 157—158.

[66] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 102.

[67] О составе земского двора см.: *Корзинин А. Л.* Земский двор в 1565—1572 гг. // Сборник статей в честь В. К. Зиборова. СПб., 2017. С. 152—175. (Опыты по источниковедению; Вып. 5).

[68] *Мельников Ю. Н.* Ликвидация двора (опричнины) // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 196—201.

[69] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. С. 270—271; *Анхимюк Ю. В.* Список членов двора царя Федора Ивановича, оставшихся в Москве на время его поездки в Троице-Сергиев монастырь в августе 1585 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 55—66; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 103.

Правительство Бориса Годунова вернулось к идеям реформ двора середины XVI в., направленным на консолидацию верхов служилого сословия вокруг трона на условиях верной службы монарху. Не случайно посланник в Священную Римскую империю в 1585 г. Лука Новосильцев сравнивал Бориса Годунова с Алексеем Адашевым, имя которого до того, при Иване IV с начала 1560-х гг., находилось под запретом. Однако, осуществляя преобразование Государева двора, правительство конца 1580-х гг. не стремилось слепо подражать реформам середины века и сообразовывалось с теми переменами, которые произошли в социальном облике и структуре дворянства под влиянием опричного и послеопричного развития страны.

В 1586/87 г. был издан указ о подмосковных поместьях, преследовавший цель возродить прежнюю доопричную практику обеспечения членов Государева двора поместьями вблизи столицы[70]. В литературе давно было отмечено сходство указов 1586/87 г. о подмосковных поместьях и 1550 г. об испомещении под Москвой тысячи «лучших слуг». Как и Тысячная книга, указ 1587 г. устанавливал определенную иерархию подмосковных поместных окладов в соответствии со статусом различных групп дворовых, но система этих окладов была существенно видоизменена в связи с изменившейся структурой Государева двора. В указе 1550 г. об испомещении тысячников тысячникам 1-й статьи назначался подмосковный оклад 200 четвертей земли, тысячникам 2-й статьи — 150, а третьей — 100 четвертей. Согласно указу 1586/87 г., оклад 200 четвертей назначался для думных бояр, оклад 100 четвертей — для высших московских чинов (стольников, стряпчих и дворян московских), для представителей же низшей и самой многочисленной группы дворовых — выборных дворян — назначался подмосковный оклад 50 четвертей земли (вдвое меньший, чем минимальный оклад тысячников). Оклад в 50 четвертей устанавливался, очевидно, и для жильцов, низшего московского чина[71]. На долю выборных дворян и жильцов приходилось 80 % всего состава Государева двора конца XVI в. (согласно боярскому списку 1588/89 г., из около 1100 членов двора в выборных дворянах состояли 680 человек, а в жильцах — 210). Таким образом, для реализации указа 1586/87 г. требовалось значительно меньшее количество земли, чем для испомещения тысячников. Ретроспективный анализ писцовых книг Московского уезда с привлечением данных других источников позволяет прийти к выводу о довольно последовательной реализации указа 1586/87 г. на практике. Подмосковные поместья активно получали представители как верхних, так и нижних чинов Государева двора; наблюдается высокая степень упорядоченности размеров подмосковных поместных владений в соответствии с нормами указа 1586/87 г.[72] Наделение членов двора подмосковными поместьями способствовало более эффективному несению ими московской придворной службы. Постоянную готовность дворовых к выполнению правительственных поручений обеспечивало также наличие у многих из них дворов в самой Москве. Б. Н. Флоря обратил внимание на важное сообщение С. Немоевского, согласно которому каждый знатный человек должен иметь свой двор в столице, так как он проводит большую

[70] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 44. С. 63. Текст указа целиком не сохранился, но по дошедшим до нас фрагментам можно достаточно определенно судить о его основном содержании.

[71] По своему социальному происхождению жильцы были близки к выборным дворянам. 50 четвертей земли — норма подмосковного оклада жильцов в Соборном уложении 1649 г.

[72] См.: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 140—146.

часть времени при дворе, а не в своих владениях, для посещения которых требовалось специальное разрешение царя, дававшееся на строго определенный срок[73].

Во второй половине 1580-х гг. был произведен решительный пересмотр личного состава двора, результаты которого отражены в практически полностью сохранившемся боярском списке 1588/89 г.[74] Здесь перечислены различные чины Государева двора — бояре (ввиду утраты одной склейки конец списка бояр, а также список окольничих отсутствуют), думные дворяне (2), высшие придворные чины (оружничий, 2 казначея, печатник, постельничий, стряпчий с ключом, ловчий, ясельничий), судьи на Земском дворе (2), дьяки (43), стольники (31), стряпчие с платьем (14), жильцы (210), бараши (2), дворяне московские (всего 166 человек, включая лиц, записанных под рубриками «Князи служилые», «Князи Ростовские», «Князи Суздальские», «Князи Оболенские», «Князи Ярославские», «Князи Стародубские» и «Князи Мосальские»), дворяне выборные, расписанные по разным «городам» (680). Как убедительно показал А. Л. Станиславский, упомянутые в боярском списке 1588/89 г. особые княжеские списки являлись частью чиновной группы дворян московских[75]. Эти княжеские списки в условиях разрушения старой территориальной структуры Государева двора и утверждения нового чиновного принципа его строения уже не имели прежнего значения (как в середине XVI в.) и включали в свой состав лишь тех князей, ранг которых соответствовал чину дворян московских (сюда не включались князья-стольники и т. д.). Если в середине XVI в. зачисление того или иного князя в княжеский список означало, что данный князь имел родовые вотчины в своем родовом уезде, то при составлении боярского списка 1588/89 г. этот критерий не работал — ряд князей, упомянутых здесь в составе княжеских рубрик, вотчины в своих родовых гнездах утратили еще до середины XVI в. Воссозданные в боярском списке 1588/89 г. особые княжеские списки являлись анахронизмом, имели, скорее всего, парадное значение и не случайно вскоре были упразднены. Их следы отсутствуют в боярском списке 1598/99 г. После 1588/89 г. в списках Государева двора конца XVI в. из общего числа дьяков стали выделяться дьяки думные[76].

Согласно боярским спискам и другим официальным документам по учету личного состава Государева двора конца XVI — начала XVII в., выделялись следующие чиновные группы двора: чины думные (бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки), чины дворцовые (конюшие и дворецкие[77], кравчие, оружейничие, казначеи, печатники, постельничие, стряпчие с ключом, ловчие, ясельничие, сокольничие), чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы), дворяне выборные из городов, дьяки.

Анализ состава верхних чинов Государева двора (бояр, окольничих, стольников,

[73] *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 29. Сообщение С. Немоевского находит подтверждение в сохранившемся от 1620-х гг. комплексе челобитных членов двора, в которых испрашивалось особое разрешение государя отпустить их на время из Москвы (причем независимо от того, записаны ли они были тогда в «наличных» боярских списках в «московской» или «отпускной» половинах) в свои имения, на богомолье, на свадьбы или похороны родственников и т. д. (*Горбатов Е. Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626—1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 213—396).

[74] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. С. 104—176.

[75] *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 129.

[76] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. С. 181; ААЭ. Т. 2. С. 42, 48.

[77] Чины конюших и дворецких замещали близкие ко двору бояре.

стряпчих и дворян московских) по боярскому списку 1588/89 г. обнаруживает решительное преобладание в нем представителей знатных княжеско-боярских фамилий. При этом такой аристократический состав верхушки двора сохранялся в дальнейшем на всем протяжении правления и царствования Бориса Годунова. Суть пересмотра состава Государева двора состояла в приведении его чиновного состава в соответствие с местнической традицией и происхождением служилого человека. По наблюдениям А. Л. Станиславского, почти все худородные стольники, стряпчие и жильцы Особого двора Ивана IV оказались к концу 1580-х гг. в рядах выборных городовых дворян и уездных детей боярских, т. е. были понижены в чинах[78].

Боярско-княжеская знать решительно преобладала в составе Боярской думы конца XVI — начала XVII в. К началу Смуты из 20 бояр 11 принадлежали к первостепенным княжеско-боярским родам (князья Ф. И. Мстиславский, М. П. Катырев-Ростовский, Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские, И. И. и В. В. Голицыны, А. П. Куракин, Н. Р. и А. В. Трубецкие, И. М. Воротынский, В. К. Черкасский). В составе окольничих доминировали представители виднейших старомосковских боярских родов. Из бояр и окольничих конца XVI в. лишь один окольничий А. П. Клешнин не принадлежал к боярскому роду. Резко сократилась при Борисе Годунове курия дворян в Думе. На момент смерти Ивана IV в составе его Особого двора находилось 9 (10) думных дворян (думный дворянин и оружничий Богдан Яковлевич Бельский, думный дворянин и печатник Роман Васильевич Алферьев, Михаил Андреевич Безнин, Роман Михайлович Пивов, Деменша Иванович Черемисинов, Байм (Ефим) Васильевич Воейков, Игнатий Петрович Татищев, Афанасий Федорович Нагой, Василий Григорьевич Зюзин и, вероятно, Андрей Федорович Нагой), а к концу царствования Бориса Годунова в Думе состояло только 4 думных дворянина (думный дворянин и ясельничий Михаил Игнатьевич Татищев, Василий Борисович Сукин, Иван Михайлович Пушкин, думный дворянин и ясельничий Андрей Матвеевич Воейков)[79].

Представители знати доминировали не только в Думе, но и в составе высших чинов московского дворянства (стольников, стряпчих и дворян московских); 9 % стольников, 76 % дворян московских и около 60 % стряпчих конца XVI — начала XVII в. являлись выходцами из княжеских и боярских родов. Господство знати в составе высших московских чинов обеспечивалось самими принципами комплектования состава двора, главным из которых являлось происхождение («отечество») служилого человека, а не выслуга. Представители первостепенных княжеско-боярских родов, сыновья думных людей и видных придворных верстались сразу в высший придворный чин стольника, минуя прохождение службы в нижних чинах. Представители второстепенной боярской знати и видных дворянских фамилий жаловались сразу в чин стряпчих, стоявших в придворной иерархии ниже стольников. Выходцы из верхушки уездного дворянства, как правило, начинали служебную карьеру в чине жильцов, представители боярских родов встречаются здесь крайне редко. Стольники комплектовались также из выслужившихся по службе стряпчих. Гораздо реже в стольники жаловались из жильцов (во всяком случае, прямых данных об этом мы не встречаем). В стряпчие нередко попадали из жильцов, но чаще представители знати и верхов дворянства жаловались в стряпчие сразу, еще в молодом возрасте. Таким образом, ари-

[78] *Станиславский А. Л.* Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI — начала XVII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1973. С. 19.

[79] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 27, 66.

стократическая молодежь избавлялась от прохождения службы в низших чинах и в силу своего происхождения попадала в состав придворной элиты. Обычно эти лица зачислялись в состав двора сразу в качестве стольников и стряпчих и получали подмосковный поместный оклад в 100 четвертей, вдвое превышающий оклады низших категорий дворовых. Данный круг являлся главным источником пополнения дворян московских, что обусловливало в целом аристократический состав этого чина. В отличие от стольников и стряпчих, несших в основном службу при царском дворе, служба дворян московских носила больше общегосударственный характер (служили воеводами в полках и городах, являлись судьями приказов, производили описания уездов и т. д.), и в силу характера служебной деятельности они были, как правило, людьми зрелого возраста. В основном в дворяне московские жаловались из стольников, реже — из стряпчих и жильцов и выборных дворян. Московские дворяне были главным резервом пополнения Боярской думы. Подавляющее большинство бояр и окольничих конца XVI — начала XVII в. было произведено из числа московских дворян, и лишь несколько человек были пожалованы в бояре и окольничие непосредственно из стольников[80].

Иным был социальный состав нижнего слоя двора — жильцов (низший московский придворный чин) и выборных городовых дворян. Здесь редко встречаются представители аристократии и преобладают выходцы из провинциального дворянства. Но и эти лица не были случайными при дворе. Подавляющее большинство жильцов (93 %) и выборных дворян (87 %) имели родственников, имена которых встречаются в Тысячной книге и Дворовой тетради середины XVI в., т. е. в основной массе они были выходцами из фамилий, традиционно связанных с двором и хорошо известных правительству. Таким образом, не только верхние чины двора, но и его нижний слой — выборное городовое дворянство — представляли собой достаточно замкнутые группировки служилых людей, комплектовавшиеся в основном по принципу семейной преемственности. Для обычного городового сына боярского доступ в состав не только московского дворянства, но и низшего чина двора (выбора) был весьма затруднен.

Сложившаяся к концу XVI в. замкнутая чиновно-сословная структура Государева двора закрепляла господство знати при дворе, ограждала представителей московской аристократии от проникновения в их среду выходцев из худородных уездных служилых людей, способствовала обособлению верхушки Государева двора от служебных связей с уездами.

В конце XVI — начале XVII в. происходил процесс консолидации аристократической по составу верхушки Государева двора (думных и высших московских чинов) в особую правящую и привилегированную группировку, в руках которой были сосредоточены высшие посты в государственном аппарате. В конце XVI — начале XVII в. заметно возрастает роль служилой знати в руководстве центральным и местным административным аппаратом государства. Видную роль думные люди и московские дворяне наряду с дьяками играли в управлении московскими приказами. При этом значительно более заметным, чем ранее, стало участие в работе приказов именно представителей знати; в конце XVI — начале XVII в. они стояли во главе подавляющего большинства приказов. В связи с развитием новой воеводской системы в последней четверти XVI в. усилилась роль знати в местном управлении. Наиболее видные и родовитые представители боярского слоя заседали в высшем правительственном органе — Боярской думе. Думные люди и мос-

[80] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 111, 117.

ковские дворяне наряду с верхушкой духовенства составляли ядро высших сословных собраний — Земских соборов[81]. В то же время утратившая в результате опричных земельных переселений значительную часть родовых вотчин и прежнее влияние на местах, отчужденная от уездного дворянства родовитая верхушка Государева двора не представляла собой аристократического антипода самодержавной царской власти и имела своеобразный характер служилой аристократии, целиком зависевшей от службы монарху[82]. В значительной мере оторванная от местных интересов, московская служилая знать жестко проводила на местах политику центральной власти.

Служебные связи с уездами сохраняли лишь выборные дворяне, учет которых велся в боярских списках по городам. В конце XVI — начале XVII в. они являлись одновременно и нижним чином Государева двора, и высшим чином городовых дворянских корпораций, причем они начинали все более тяготеть именно к местной службе. В конце XVI в. выборных дворян начали записывать не только в боярские списки, но и в десятни. В коломенской десятне 1578 г., хотя и упоминается группа выборных дворян, упоминание носило случайный характер (окладчики были не осведомлены об их окладах, данная группа упоминается лишь в конце десятни и т. д.), что служит свидетельством оторванности упомянутой в десятне группы выборных от местной служилости[83]. Как особый чин и составная неотъемлемая часть служилого «города» выборные дворяне стали фиксироваться в десятнях с 1590-х гг. (десятни по Мурому 1597 г. и Кашире 1599 г.)[84]. Уже в конце XVI в. наметился процесс оседания выборных дворян в городах, завершившийся в первой трети XVII в., когда городовой выбор перестал быть чином Государева двора.

В отличие от дворян московских чинов, выборные дворяне лишь периодически привлекались к несению московской дворовой службы и не играли большой роли в центральном аппарате управления. Выборные дворяне чередовали московскую службу со службой «с городом вместе», т. е. в рядах своих уездных служилых корпораций; смена этих служб происходила каждую треть года[85]. На московской же службе выборные дворяне редко получали «именные» назначения и чаще всего несли службу отдельными отрядами. Зато на местах выборные дворяне пользовались авторитетом и считались «своими» — мы часто встречаем их в качестве выборных сотенных голов, окладчиков и т. д.; данное обстоятельство свидетельствует о дальнейшем процессе консолидации уездного дворянства. В конце XVI в. произошло окончательное оформление структуры служилых «городов» (выборные дворяне, дворовые и городовые дети боярские).

В последней четверти XVI — начале XVII в. наблюдается рост числа служилых «городов», в которых оформилась группа выборных дворян. В боярском списке 1588/89 г. значатся выборные дворяне по 47 «городам», из которых 7 (Алексин[86], Бол-

---

[81] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 218—249.

[82] *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia: 1613—1689. Princeton, 1983. P. 168—169; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 203.

[83] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. VIII. М., 1891. С. 41—42; *Новицкий В. И.* Выборное и большое дворянство XVI—XVII веков. Киев, 1915. С. 23—25.

[84] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. VIII. С. 65, 147—148, 150—151.

[85] *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. С. 130—133; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 120—123.

[86] Выборные по этому «городу» встречаются уже в боярском списке 1577 г.

хов, Брянск, Верея[87], Лихвин[88], Перемышль и Серпейск) были новыми, не связанными прежде, в середине XVI в., с Государевым двором. К началу Смутного времени (1604) выборная группа имелась уже в 56 «городах». К этому времени выбор оформился в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Мещере, Лухе, Одоеве, Карачеве, Орле, Стародубе Северском[89]. Правительство вынуждено было считаться с возросшей численностью и активностью дворянства окраин, но в то же время, учитывая его относительно худородный состав, слабые связи с московской элитой и недостаточную оформленность его структуры[90], не стремилось открыть ему широкий доступ ко двору (и, следовательно, к участию в реальном управлении страной). Из 56 «городов», где оформился институт выбора к 1605 г., 15 (Алексин, Арзамас, Болхов, Брянск, Верея, Карачев, Лихвин, Лух, Мещера, Нижний Новгород, Одоев, Орел, Перемышль, Серпейск, Стародуб Северский, т. е. более четверти) не имели своих представителей при дворе в середине XVI в. (не значились в Тысячной книге и Дворовой тетради). Но из этих новых «городов» на службе при дворе в качестве выборных дворян состояло лишь около 100 человек, т. е. примерно девятая часть всех выборных дворян начала XVII в. В рассматриваемый период существенно, в полтора раза, увеличилась общая численность выборных дворян (с 680 человек в конце 1580-х гг. до 900 человек в 1604—1605 гг.). Но этот рост происходил в основном за счет служилых людей старых традиционных корпораций — «городов» Замосковного края.

В конце XVI в. прекратился призыв на службу при московском дворе многочисленных служилых людей северо-западного края. В боярском списке 1577 г. перечисле-

---

[87] Выбор по Верее значится в боярском списке 1577 г.

[88] Впервые выборные по Лихвину упоминаются в списке членов двора, оставленных в августе 1585 г. на Москве (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. С. 272).

[89] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 129—130.

[90] Так, А. Л. Станиславский на основании материалов обнаруженной им арзамасской десятни 1597 г. пришел к выводу о том, что в конце XVI в. в Арзамасе еще не оформились группы не только выборных дворян, но и дворовых детей боярских (*Станиславский А. Л.* Десятня по Арзамасу 1597 года // Советские архивы. 1976. № 3. С. 100—102). Не наблюдается выделения группы дворовых детей боярских в сохранившихся фрагментах арзамасской десятни 1589 г. (*Кротов М. Г.* Опыт реконструкции десятен: по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 90—91). Достаточно поздно оформилась структура нижегородской служилой корпорации. Во всяком случае, только городовые дети боярские упоминаются в сохранившихся фрагментах нижегородской десятни 1569 г. (Там же. С. 85—86; *Чеченков П. В.* Формирование нижегородской служилой корпорации в XV — начале XVII века. С. 412, 415, 421). Не прослеживается существование групп выборных дворян и дворовых детей боярских по сохранившимся материалам десятен по Мещере 1580 и 1590 гг. (*Кротов М. Г.* Опыт реконструкции десятен... С. 86—90; *Готье Ю. В.* Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. // ЧОИДР. М., 1911. Кн. 1. Отд. I. С. 65—69). Отсутствует деление на дворовых и городовых в росписи брянских детей боярских 1584 г. (*Станиславский А. Л.* Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 300—301). Лишь в годы Смуты окончательно оформилась структура Смоленской служилой корпорации — в смоленской десятне 1606 г. впервые встречаем деление смолян на группы выборных дворян, дворовых и городовых детей боярских (*Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 364—393). Но еще в росписи Ливонского похода 1577 г. смоленские дети боярские записаны без разделения на дворовых и городовых (Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 3. М., 1982. С. 459, 473). Было оторвано от двора дворянство Казанского края, имевшее особую структуру и находившееся вне поля Разрядного приказа (*Липаков Е. В.* Дворянство Казанского края в конце XVI—XVII в.: Формирование, состав, служба. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 7—17).

ны в качестве выборных дворян 27 представителей служилых корпораций Новгорода, Пскова, Торопца и Пусторжева. Из северо-западного региона призывались в качестве выборных дворяне на службу при московском дворе еще в начале царствования Федора Ивановича[91]. Новгородцы (лица, записанные под рубрикой «Новгород») значатся в списке членов двора, оставленных в Москве в августе 1585 г., во время похода царя Федора Ивановича в Троице-Сергиев монастырь[92]. Но с конца 1580-х гг. выборная группа «городов» северо-западной части России расформировывается. Ни в боярском списке 1588/89 г., ни в позднейших боярских списках конца XVI — начала XVII в. уже не встречаются группы выборных из Новгорода, Пскова, Торопца и Ржевы Пустой[93]. Не получило до Смуты доступ ко двору многочисленное смоленское дворянство.

Таким образом, служилые люди окраинных областей Русского государства оказались в значительной мере отстраненными от дел управления страной. В конце XVI — начале XVII в. обозначились серьезные расхождения интересов привилегированного московского и уездного дворянства с одной стороны и служилых людей центра и окраин — с другой, что послужило одним из важных факторов происхождения и развития Смуты начала XVII в.

Служилые иноземцы

Служилые иноземцы восточного происхождения. В XVI в. в Московском государстве продолжает свое развитие институт служилых татар. Помимо известных еще в XV в. групп тюркского населения, появляются новые. Всех их можно условно разделить на Чингисидов и их ближайшее окружение; выходцев из Шемахи; мангытов (ногаев); выходцев из Сибирского, Казанского, Крымского, Казахского ханств; князей Северного Кавказа; служилых татар, издревле проживавших на территории Московского государства, а также тюркские отряды на землях, захваченных на протяжении XVI в. (Казанское, Астраханское и Сибирское царства).

Чингисиды. Происходит дальнейшее развитие института служилых Чингисидов, начавшего складываться еще в XV в. По праву XVI в. можно назвать золотым веком «золотого рода» в России. В этом столетии в Москве фиксируются цари и царевичи из Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского, Казахского, Ургенчского ханств[94]. Данный факт заставил разработать определенную иерархию «честности» различных родов. Это было исключительно российское изобретение, пришедшее из практики местнического счета. Традиционно все Чингисиды были равны и имели одинаковые права на тот или иной престол на просторах Дешт-и-Кипчака, хотя на рубеже XV—XVI вв. в государствах-«осколках» Золотой Орды семейный принцип наследования стал преобладать над родовым. На первое место, как наследников величия Большой Орды, поставили астраханских

[91] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 127.

[92] Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. С. 271.

[93] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 126—129.

[94] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011.

царей и царевичей. Далее шли крымские и казанские Чингисиды[95]. С остальными ветвями большого рода в Москве сталкивались значительно реже. Их просто проигнорировали. Помимо этого принципа, в иерархии также учитывались обладание царским титулом, простое старшинство в семье, политическая конъюнктура и сроки выезда на имя московского государя. Каждый великий князь (царь) особо ценил тех знатных выходцев, которые вышли служить именно ему.

Начиная с 1557/58 г. Чингисидов стали регулярно назначать номинальными воеводами полков в действующей армии, что и позволяет их ранжировать. За основу взят обычный счет полков в последовательном порядке старшинства. Для XVI в. можно выстроить три схемы соотношения служилых Чингисидов:

1550—1560-е гг.:

ц. Шах-Али бин Шейх-Аулеар
ц. Александр Сафакиреевич (Утямиш бин Сафа-Гирей)
ц. Симеон Касаевич (Ядгар-Мухаммед бин Касай)
ц-ч Тохтамыш
ц-ч Бекбулат
ц-ч Ибак (Ибрагим) (бин Ак-Кобек?)
ц-ч Баки бин Ак-Кобек
ц-ч Абдула (Кайбула) бин Ак-Кобек

1570—1580-е гг.:

ц. Симеон Бекбулатович (Саин-Булат бин Бекбулат)
ц-ч Муртаза-Али (Михаил) бин Абдулла
ц-ч Будалей бин Абдулла
ц-ч (ц.) Мустафа-Али бин Абдулла
ц-ч Арслан-Али бин Абдулла
ц-ч Саин-Булат бин Абдулла

1590-е гг.:

вел. кн. Симеон Бекбулатович
ц-ч Арслан-Али бин Абдулла
ц-ч Мухаммед-Кул бин Ахмед-Гирей (Атаулович)
ц-ч Ураз-Мухаммед бин Ондан
ц-ч Мухаммед-Кул бин Хаджи-Мухаммед.

В соответствии со статусом тому или иному представителю «золотого рода» жаловались доходы с городов и дворцовых волостей. Кормовые Чингисиды, не пожалованные городами и не получившие обширных поместий, проживали в Москве, Касимове, Ярославле, Владимире, Ростове, Нижнем Новгороде, Романове. Местами заключения для опальных представителей «золотого рода» являлись Белозерск и Каргополь.

Помимо доходов с городов, Чингисиды в соответствии со своим статусом получали обширные поместья или же поденный корм и годовое денежное жалованье. В царствование Федора Ивановича фиксируется практика верстания служилых Чингисидов поместным окладом и годовым денежным жалованьем — по-видимому, официально закрепив более раннюю практику. Это следует рассматривать как попытку встроить татарских царей и царевичей в общую структуру служилых людей. Им сразу же придали особый статус, установив максимум в 2000 четей поместного оклада и 200 руб. годового денежного жалованья[96]. В отличие от русских служилых людей размер реальных поместий как минимум соответствовал размерам оклада, а часто и превышал его. Членам военных отрядов Чингисидов полагались отдельные поместные пожалования.

Татарские цари и царевичи со своими военными отрядами на протяжении всего XVI в. принимали участие практически во всех военных кампаниях Московского государства. Однако если в начале века они действовали в основном как самостоятель-

[95] Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 22—23.

[96] РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 6.

ные или автономные боевые единицы, то в дальнейшем постепенно полностью влились в состав русской армии. С середины века Чингисиды назначаются номинальными командующими в действующей армии. Происходит постепенное сокращение их собственных военных отрядов с нескольких сотен до нескольких десятков человек. Они все больше начинают играть роль пышного антуража, призванного показать всем, что московский государь является царем царей.

Татарским царям и царевичам не доверялось реальное управление теми или иными сторонами жизни государства. Исключением являются отдельные представители «золотого рода», принявшие православие. Так, казанский царевич Петр (Худайкул) Ибрагимович, женатый на дочери Ивана III Евдокии, по одной из версий рассматривался бездетным Василием III как возможный наследник[97]. В связи с этим на него неоднократно оставляли столицу на время военных походов великого князя. Другой казанский царевич, Федор Меликдаирович Долголядский, женатый на внучке удельного князя Бориса Волоцкого, в 1523 г., во время очередного казанского похода, был оставлен в Москве Василием III и вел переговоры с польскими послами. Впоследствии он будет канонизирован православной церковью[98]. Астраханский царевич Михаил Кайбулин, возможно, стоял во главе земской боярской думы. По крайней мере, он возглавлял в 1572 г. в Новгороде русско-шведские переговоры от имени земской думы[99]. В этой череде особо стоит астраханский царевич и касимовский царь Симеон (Саин-Булат) Бекбулатович, являвшийся с октября 1575 по август 1576 г. номинальным правителем Русского государства, «великим князем». Но здесь необходимо помнить, что Симеон входил в состав семьи Ивана IV, он был родным племянником его второй супруги, кабардинской княжны Марии (Гошанай) Темрюковны. После «сведения» с трона ему пожаловали титул великого князя Тверского, после чего он, единственный из всех Чингисидов в России, на многие годы стал главой собственного удела со столицей в Твери[100].

Выходцы из Шемахи. Шарманшанский царевич Шихим (Шейх-Мухаммед бин Мухаммед) выехал в Россию через Астрахань в 1589 г.[101] Здесь он пользовался таким же уважением, что и Чингисиды, хотя к ним, по-видимому, не относился. И. В. Зайцев делает предположение, что царевич является выходцем из Гиляна (юго-западное побережье Каспийского моря). Тут находились два вассальных по отношению к Персии ханства — Бийэ-пиш («Ближний берег») и Бийэ-пас («Дальний берег»). После ряда попыток отстоять внутреннюю самостоятельность оба ханства были уничтожены шахом Аббасом в 1590—1592 гг.[102]

Мангыты. Данная категория служилых людей представлена потомками рода золотоордынского бека Эдиге. Первым в России оказался в самом начале века мирза Камбар Мамалаев. Он приходился племянником большеордынскому и крымскому беку Хаджике (Азик) бин Дин-Суфи бин Мансуру, и в конце XV в. крымский бек посылал дядю с посольством к Ивану III. Камбар просил

---

[97] *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 99.

[98] *Беляков А. В.* Царевич князь Федор Меликдаирович Долголядский // Вестник ННГУ имени Н. И. Лобачевского. 2012. № 2. С. 234—237.

[99] Сборник РИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 206, 215—216, 219, 221, 224—226, 228.

[100] *Беляков А. В.* Симеон Бекбулатович // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2011. С. 159—191.

[101] РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об., 185.

[102] *Зайцев И. В.* Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: Сравнительный анализ / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. № 3. С. 21—26.

за себя, дядю и астраханского царя Сеид-Ахмета, чтобы великий князь Иван III взял их к себе. Иван III отпустил Камбара к Азику и Сеид-Ахмеду с приказанием ехать в Москву[103]. До октября 1505 г. выехал только Камбар. Несколько десятилетий он и его дети были связаны с касимовскими Чингисидами. После принятия православия в 1550-х гг. уже его внуками Государев двор пополнился князьями Камбаровыми (Канбаровыми) и Тевекелевыми[104]. В последней трети XVI в. оба рода пресеклись.

В середине века, или несколько ранее, в России оказались мирза Бибей, в крещении князь Владимир, сын князя Ибрагима (Бреим), внук князя Дин-Суфи (Тенсубуй). В свою очередь у Бибея упомянут сын Доахие, в крещении князь Симеон. У Владимира известны две сестры: Борнуша, замужем за шибанским царевичем, и Оша-солтана, замужем за Шиговлеяром-царевичем[105]. Шибанский царевич — это, по-видимому, сибирский царевич Ак-Даулет бин Ак-Курт. Он упоминается в Москве с 1518/19 по 1532/33 г. Уже здесь у него родился сын — царевич Шах-Али. Тогда Борнуша вполне могла быть его матерью. В Шиговлеяре логичнее всего предположить астраханского, а затем касимовского царевича Шейх-Аулеара бин Бахтияра, известного в России с 1502 по 1516 г. Тогда Оша-солтана приходится матерью или же мачехою касимовскому и казанскому царю Шах-Али бин Шейх-Аулеару. В таком случае Шах-Али бин Шейх-Аулеар и Шах-Али бин Ак-Даулет по матерям с высокой долей вероятности являются двоюродными братьями. Если это так, то выбор одинаковых имен был далеко не случаен. Это же объясняет, почему Шибаниды Ак-Курт и Шах-Али одно время были очень близки к Касимову (Городец Мещерский) и ходили в походы во главе касимовских (городецких) татар[106]. Причину и время выезда Бибея установить не представляется возможным. То же относится и к событиям, подтолкнувшим их к смене религии. Не был ли выезд Бибея приурочен к выезду Шейх-Аулеара или же Ак-Курта?

Упоминается еще один мангыт — новокрещен Иван сын Мавлеша (Мердеш), внук Тевшина (Тениш)[107]. В родословной имеется пропуск, не отмечен отец Тевшина — Джанкуват бин Дин-Суфи, крымский бек. Его сын Тениш также был крымским и астраханским беком. Он, похоже, был причастен к убийству астраханского хана Мухаммед-Гирея. В сентябре 1517 г. он участвовал в крымском набеге на тульские места. Мердеш бин Тениш, по сведениям В. В. Трепавлова, проживал в Крыму[108]. Причина, по которой внук Тениша попал в Москву, неизвестна.

Значительная группа мангытов была связана с Ногайской Ордой. В 1554 г. мирза Исмаил сверг и убил своего старшего брата, бия Ногайской Орды Юсуфа бин Мусу. Развернулась ожесточенная борьба между Исмаилом и сторонниками Юсуфа. Исмаил в конечном итоге вышел победителем. Большая группа его противников (мирзы Кошумовы, Кутумовы, Шейдяковы, Юнусовы, Юсуповы) со временем оказалась в Москве. Здесь их компактно испоместили на территории Романовского и Ростовского уездов, пожаловав в общей сложности бо-

---

[103] Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 385.

[104] *Беляков А. В.* Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI—XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 15—20.

[105] Памятники истории русского служилого сословия. С. 76.

[106] *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: Просопографическое исследование. С. 76, 183—186.

[107] Памятники истории русского служилого сословия. С. 76.

[108] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 151, 164.

лее 30 000 четей поместий с крестьянами[109]. В 1570 г., после ссоры с опричником Романом Пивовым, в Литву, а оттуда в Крым в сопровождении 130 казаков бежали князь Ибрагим Юсупов и ряд других мирз[110]. Это послужило поводом к началу крещения значительной части ногайских мирз, после чего они приобретают статус служилых князей и женятся на дочерях представителей московской знати. Наиболее известными из них стали князья Петр (Аман-Газы) Тутаевич и Афанасий (Дос-Мухаммед) Шейдяковы[111]. Между 1589 и 1592 гг. они теряют статус служилых князей и вливаются в состав дворян по московскому списку, возглавляя его.

Юсуповы и Кутумовы сохранили верность исламу. При этом их землевладение в Романовском уезде несколько выросло за счет поместий бежавших родственников. Здесь же находились поместья 225 казаков их двора[112].

Отдельно следует упомянуть Дивея бин Хасана, который возглавлял ногайские племенные объединения Крымского ханства и обладал большим влиянием при дворе хана Девлет-Гирея. В битве при Молодях 30 июля 1572 г. его пленили русские войска. В августе этого же года Дивей был привезен в Новгород и дан «на бережение» князю Б. Д. Тулупову. После многочисленных просьб об обмене мирзы русская сторона заявила о его смерти около 1575 г.[113]

Как дети и внуки природных государей ногайские мирзы пользовались в России высоким статусом. Об этом говорят размеры их поместных окладов и годового денежного жалованья, которые могли достигать 1300 четей и 200 руб. соответственно.

Выходцы из Сибирского ханства. В писцовой книге Коломенского уезда отмечен некий сибирский мирза Карамыш и его жена княгиня Суньяша. В 1577/78 г. они были уже мертвы[114]. Появление этой группы татар связано с событиями 1563 г., когда Шибаниды сместили с престола Сибирского ханства Тайбугидов. Тогда жена последнего правителя Едигера бин Касима, дочь ногайского бия Исмаила, и его сын оказались в России. Иван IV писал Исмаилу: «А дочери твоей, которая была за сибирским князем, и сына ее, а твоего внука к тебе не отпустили». С ними, вероятно, бежала и часть двора Ядгара (Едигера)[115].

После начала строительства русских городов в Сибири в 1580-х гг. в Москве появляются представители родоплеменной верхушки Сибирского ханства и ближайшего окружения хана Кучума. Первоначально они попали сюда как военнопленные. Так в России оказался Тайбугид Сеид-Ахмед бин Бекбулат и сибирский карача Мамет (Мухаммед). Им жаловались обширные поместья в Новгородском уезде. Вскоре они со своими отрядами начинают участвовать в военных кампаниях московских государей. Большая группа из окружения сибирского хана, представляющая собой родственников его жен, была пленена в августе 1598 г. и оказалась в столице уже в январе 1599 г. Они жили во дворах сибирского царевича

---

[109] *Антонов А. В.* Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593—1594 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 574—601.

[110] Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1571—1577 гг. М., 2016. С. 62—64.

[111] *Трепавлов В. В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 320—353.

[112] *Моисеев М. В.* К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 197—202.

[113] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 325—326.

[114] Писцовые книги XVI в. Отд. I. СПб., 1872. С. 472, 543—544.

[115] *Моисеев М. В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 240.

Мухаммед-Кула бин Ахмед-Гирея и казахского царевича Ураз-Мухаммеда бин Ондана. Другие родственники сибирских цариц стали выезжать в Россию добровольно ранее этих событий[116].

У Кучума имелись обширные генеалогические связи с Казахским ханством. Как минимум двое из его жен были казахскими царевнами, а царевич Ураз-Мухаммед приходился ему пасынком. По-видимому, из Сибири в Россию попадали и казаки. Но в настоящее время уверенно мы можем говорить только о Кадыр-Али-беке бин Хошум-беке из племени Джалаир, известном как автор «Сборника летописей» и воспитатель (аталык) царевича Ураз-Мухаммеда[117].

Выходцы из Казанского ханства. Во время политической борьбы различных группировок казанской знати отдельные ее представители скрывались в России. История выезда и особенности содержания в Московском государстве представителей казанского нобилитета в настоящее время лучше всего исследованы на примере судеб князей и мирз Кастровых (Хосровы).

В результате смерти в 1549 г. казанского хана Сафа-Гирея Хосров-бек через ногайские степи оказался в России, где возглавил казанскую диаспору, насчитывавшую около 500 человек. Он активно участвовал в событиях, приведших к окончательной ликвидации Казанского ханства. Затем Хосров-бек стоял во главе казанских татар, испомещенных в Новгородском уезде. В 1563 г. он принял участие в Полоцком походе, предводительствуя группой татар, сохранивших верность исламу. А все его дети уже перешли в православие. При этом некоторые из них в конце века фиксируются как помещики на землях бывшего Казанского ханства[118].

Выходцы из Крымского ханства. Выходы на имя московского государя крымских татар в XVI в. не были редким явлением. Их обстоятельства в подавляющем большинстве случаев остаются неизвестными. В Полоцком походе 1563 г. отмечены «нагайские мирзы Тахтар мирза с товарыщи, 16 человек, а казаков их с крымскими выходцы 244 человека». В 1577 г. упомянут некий крымец Мустафа мирза с товарищами (9 человек). Причины подобных выходов для нас остаются неясными.

Наиболее массово данный процесс протекал во второй половине 1580-х гг., когда в результате династического кризиса в Москве оказался царевич Мурад-Гирей, сын Мухаммеда II Гирея. Через некоторое время царевича отправили в Астрахань. Его братья, Сафа-Гирей и Саадет-Гирей, кочевали под Астраханью и на Северном Кавказе. В документах отмечаются десятки имен крымских татар, присоединившихся к братьям. Большинство из них вернулись в Крым в 1589 г. с царевичем Сафа-Гиреем или же осенью 1593 г. с вдовою Саадет-Гирея и Мурад-Гирея царицею Ертуган[119]. Другие по неизвестным причинам остались в России. Часть из них влилась в состав служилых людей Ярославского и Новгородского уездов.

Именно тогда остался в Москве крымский посол мирза Янша (Янша-паша) Сулешев. Он принадлежал к клану мирз Яшлавских, на протяжении XVI—XVII вв. являвшихся одним из наиболее влиятельных

---

[116] *Беляков А. В.* Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7 (2). С. 372—391.

[117] *Беляков А. В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии. Алматы, 2019. С. 18—46.

[118] *Моисеев М. В.* Представители политической элиты покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. СПб., 2013. С. 43—46.

[119] *Беляков А. В., Виноградов А. В.* Мурад-Гирей — служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011—2012. М., 2013. С. 11—59.

крымских родов и постоянными русскими амиятами (доверенными лицами среди крымской знати по связям с Москвой)[120]. Его интеграция в служилую элиту Русского государства прошла очень быстро. Осенью 1591 г. мирзу уже послали в Новгород для участия в шведской кампании. Замечателен факт, что его имя стоит сразу же за служилыми царевичами. Как и им, Янше полагался пристав[121]. Известны два его сына — Юрий и Василий, а также дочь, родившиеся уже в России.

Параллельно развивался еще один сюжет с семейством Яшлавских. В 1580-х гг. в Россию неизвестным путем попал Ибрагим-паша Сулешев, брат Янши. Его посадили в особую тюрьму в Новгороде, где он фиксируется уже в октябре 1588 г.[122] В октябре 1593 г. по настоятельному требованию еще одного их брата, разменного посла Ахмед-паши Сулешова, Ибрагима отпустили в Крым.

Другим татарским выходцем, попавшим в Россию в 1585 г., стал Пашай мирза Куликов, представитель еще одного влиятельного крымского рода — Кулюковых. В 1591 г. за него выдали дочь астраханского царевича Абдуллы (Кайбулы) бин Ак-Кобека. Тогда же на настоятельные требования родственников и крымского хана Газы-Гирея он ответил, что ему «от царского жалованья в Крым не ехать, здесь он пожалован великим государевым жалованьем, вотчинами и поместьями большими, селами и деньгами, чего всему родству его в Крыму у хана не видать»[123].

Князья Северного Кавказа. Речь идет о князьях Тюменских и Черкасских. Тюменское княжество (ханство) — государственное образование на Северном Кавказе, располагавшееся в низовьях реки Терек, на территории современного северного Дагестана. В результате борьбы за власть в середине века в Россию выехали мирза Мамай Агишев и его брат. Вскоре они приняли православие и стали служилыми князьями Василием и Романом Агишевичами Тюменскими[124].

В Москву 15 июня 1561 г. приехала кабардинская княжна Гошанай (Кученай), дочь князя Темрюка Айдарова. История ее выезда связана со стремлением части черкесов получить поддержку в лавировании с мощными соседними государствами (Сефевидами, Османами и Гиреями). Посольства из Кабарды и от западных (закубанских) адыгов приходили еще в 1552, 1555 и 1557 гг. Одним из шагов в утверждении устойчивого союза стало заключение династического брака московского государя с черкесской княжной. Княжна 20 июля приняла крещение в Успенском соборе, 21 августа она стала русской царицей[125].

Постепенно в Москве стали собираться родственники и земляки царицы. Многие из них крестились. Благодаря свойству с московским государем они занимали в России видное положение, первоначально получали статус служилых князей, роднились с первостепенными московскими семьями. В конце века Черкасские исключаются

---

[120] *Виноградов А. В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник: 2005. М., 2007. С. 26—73.

[121] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 460.

[122] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1588 г. Д. 3.

[123] *Беляков А. В., Виноградов А. В.* Мурад-Гирей — служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? С. 11—59.

[124] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 230.

[125] ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 333.

из разряда служилых князей и попадают в Боярскую думу, постепенно становясь одним из виднейших родов Русского государства[126].

Служилые татары, издревле проживавшие на территории Московского государства. В первую очередь это регионы Мещеры, Коломенского и отчасти Новгородского уездов. Наиболее значимой территорией в плане выработки взаимодействия центральной русской (православной) администрации и местного тюркского и мордовского населения являлись земли Мещеры. На западе на ее землях располагалось так называемое Касимовское «царство», на востоке находились «княжения» темниковских служилых татар[127]. В регионе сформировалось несколько устойчивых тюркских служилых корпораций: кадомские, темниковские, цненские (шацкие), касимовские татары. Всего же их численность достигала не менее 2500 человек, и постепенно она увеличивалась. Во второй половине XVI в. часть мещерских служилых татар приняли участие в колонизации Алатырского и Арзамасского уездов.

Особое положение занимали темниковские татары и их предводители князья Еникеевы. Отдельные темниковские мирзы за службу жаловались наследственными кормлениями в виде мордовских беляков (родоплеменные объединения). Они получали с них фиксированный монетизированный ясак и ведали их судом. Однако во второй трети XVI в. суд по челобитьям мордвы постепенно стал переходить в прерогативу русских воевод.

Военная структура темниковских татар во время полоцкого похода 1563 г. описывается так: «Еникей князь с товарыщи и с их людми». Получается, что у всех темниковских князей существовали собственные отряды, князья же, в свою очередь, подчинялись князю Еникею. В конце XVI в., по-видимому, подобная структура начинает постепенно нарушаться, и рядовые казаки получают «независимость». Религиозной жизни мусульман Москва не касалась. Это было типичным для территории всей России. Более того, по-видимому, отдельные мелкие дела могли разбираться местными абызами без обращения к воеводам[128]. В первую половину столетия мещерские татары по преимуществу были задействованы в охране юго-восточных границ, а также использовались для проведения различных акций против Казанского, Астраханского и Крымского ханств и Ногайской Орды. Во второй половине XVI в. они участвовали практически во всех войнах Московского государства.

В Коломенском и Новгородском уездах служилые татары не являлись коренными жителями и только испомещались. Под Москвой в первую очередь наделяли землей знать и тех, кто служил в Посольском приказе (станичники, толмачи, переводчики) и без кого дипломатические контакты с государствами Востока были невозможны. В Новгороде часто размещали опальных татар, а также выходцев из Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. В этих регионах заметна значительная ротация татарских помещиков, вызванная последствиями эпидемий и войн[129]. Однако огра-

---

[126] *Сокуров В. Н.* Кабардинцы в государеве дворе (XVI—XVII вв.) // Государев двор в истории России XV—XVII столетий. Владимир, 2006. С. 296—305.

[127] *Беляков А. В.* Историческая география Мещеры XIV—XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72—85.

[128] *Беляков А. В., Енгалычева Г. А.* Темниковское княжество по источникам XVI—XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 62—71.

[129] *Моисеев М. В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания). С. 236—247; *Селин А. А.* Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: Формирова-

ничивать расселение служилых татар только рассмотренными регионами не следует. В той или иной степени они фиксируются в большинстве уездов.

Тюркские отряды на землях, захваченных на протяжении XVI в. (Казанское, Астраханское и Сибирское царства). Опыт, полученный в Мещере, активно использовался для инкорпорации жителей завоеванных в XVI в. Казанского, Астраханского, Сибирского ханств и иных территорий.

Русские власти были готовы на длительное время сохранять там привычные для местного населения формы управления (самоуправления) в обмен на лояльное отношение к власти русского царя, что в первую очередь выражалось в уплате государевых податей или же несении военной службы. Однако любое вооруженное сопротивление жестоко каралось, после чего в регионе значительно активнее насаждалась общегосударственная система управления. Что касается местных элит, поддерживавших восставших, то они нейтрализовывались путем насильственного переселения в другие регионы. Чаще всего это были земли Новгородского уезда. Смертная казнь являлась исключительной мерой наказания и применялась крайне редко.

В Астрахани элементы привычного управления сохранялись до 1569 г. Однако, после того как часть местной элиты поддержала неудачный поход крымско-турецкой армии на город, унификация системы управления регионом стала проводиться более активно. Часть астраханской элиты была переведена в Новгородский уезд. Судя по данным казанских писцовых книг, далеко не весь казанский нобилитет поддержал антирусские выступления третьей четверти XVI в. и сохранил свои обширные поместья. Абсолютная численность служилых татар в Казанском уезде была незначительной по сравнению с иными регионами и составляла 200 человек.

Одной из особенностей сибирских служилых татар являлся тот факт, что они одновременно относились к двум социальным группам — служилым людям и податному (ясачному) населению. Дело в том, что они продолжали платить государев ясак, хотя и в несколько пониженном размере, за право пользования вотчинными лесными угодьями. Служилые сибирские татары встречаются в источниках довольно рано. Так, они приняли самое деятельное участие в военной акции против хана Кучума в 1598 г. Всего в Тобольске, Тюмени и Таре насчитывалось до 500 служилых татар. Очень быстро численность этой категории служилых людей стала фиксированной. Это было связано с размерами средств, выделяемых им на годовое денежное жалованье. При этом власти долгое время сохраняли привычную для них систему самоорганизации. Татарский голова назначался из числа русских детей боярских. Впрочем, это не было исключительно сибирским явлением, подобное встречалось также в европейской России[130].

Таким образом, в XVI в. в Русском государстве существовала детально разработанная система управления компактно проживающими народами, исповедующими ислам и язычество. В случае лояльного отношения с их стороны к московской власти за ними сохранялись привычные элементы управления, а также, по-видимому, отдельные элементы традиционной системы судопроизводства (в первую очередь охватывающие семейно-брачные отношения). Все это создавало условия для относительно безболезненного поэтапного вовлечения

ние и функционирование малой социальной группы (конец XVI — начало XVII в.) // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 3. С. 93—110.

[130] Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань, 2018. С. 299—327.

этих народов в общегосударственную систему управления и существования многонационального и полирелигиозного Московского царства.

Что касается выезжей тюркской знати, то она успешно вписывалась в рамки существовавшей социальной структуры и сохраняла высокий статус. Однако полная инкорпорация была возможна только при условии принятия православия. Такие лица включались в состав высшей страты служилых людей. До начала 1590-х гг. они пополняли ряды служилых князей, а позднее стали зачисляться в состав Государева двора и при определенных условиях могли добиться боярского чина.

Служилые иноземцы европейского происхождения. Европейские военные специалисты стали появляться в Московском государстве уже в первые годы его существования, в княжение Ивана III. Поскольку в это время так называемая военная революция уже затронула западных соседей, России тоже пришлось начать усваивать новшества и перенимать новый военный опыт. Единственной возможностью для этого было привлечение в Россию западноевропейских военных. Начиная с конца XV в. западноевропейцы постоянно находились в русском войске, участвуя практически во всех войнах, которые вело Московское государство. Именно через них в Россию проникали новые веяния в военном деле, начиная от терминологии и кончая образцами вооружения.

Всех иностранцев, оказавшихся на территории Московского государства, русские источники называют иноземцами, а находившихся на русской службе — служилыми иноземцами. При этом англичан, шотландцев, ирландцев, датчан, пруссаков, французов, шведов и выходцев из различных областей Священной Римской империи обычно именовали «немцами», в то время как выходцы из Речи Посполитой, представители южнославянских народов, греки, венгры, молдаване и румыны к «немцам» не относились. Таким образом, «немцы» (единственное число — «немчин») были практически полным аналогом современного слова «западноевропейцы».

Первоначально (1470—1520-е гг.) европейских военных специалистов (в основном итальянцев и германцев) нанимали на их родине, главным образом через русских послов и посланников. Именно так в Московском государстве оказались Аристотель Фиораванти, Паоло Дебоссис и ряд других пушечных мастеров, которые в ту эпоху были одновременно и артиллеристами[131]. Сигизмунд Герберштейн оставил описание (правда, довольно анекдотичное) процедуры найма пушкарей в австрийском Инсбруке: русский посол по каким-то причинам открыто производить вербовку не мог и потому давал деньги своим слугам, чтобы те ходили к публичным женщинам и через них наводили справки о нужных людях. В результате наняли пятерых. Русский посол выдал им деньги для покупки лошадей и на дорожные расходы — сухим путем до Любека, оттуда морем до Ревеля, а уже из Лифляндии опять по земле до Москвы[132].

О том, как принимали в этот период в России нанятых иноземцев, мы имеем свидетельство Франческо да Коло: «Чужеземцам из любой страны свободно разрешено въезжать в страну, и того более — их не только принимают, но и осыпают милостя-

[131] *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию: Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 82—84; *Она же.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 217—218, 238—240; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 48—49, 74—75, 180; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 303; *Лобин А. Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011. С. 39; *Филюшкин А. И.* Василий III. М., 2010. С. 186.

[132] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 245, 255.

ми; Князь немедленно повелевает одеть их в лучшие одежды и благоустроить их; если это ремесленники, им надлежит заниматься соответственным искусством, если же солдаты — эти особенно дороги...»[133]

В 1557 г. автор «Донесения» о Московии сообщал, что русская артиллерия «ежедневно пополняется немецкими служащими, выписанными сюда на жалование»[134]. Надо полагать, что русские власти так активно нанимали германских пушкарей накануне будущей Ливонской войны.

В источниках XVI в. встречаются единичные упоминания об иностранцах, приехавших в Московское государство по своей инициативе и поступивших на русскую службу. Герберштейн писал, что «обыкновенно к московитам убегают редко, и только те, кто не может жить в безопасности в другом месте». В качестве примера такого бегства с родины он приводит историю ливонца Лукаса Хаммерштеттера (который, правда, до этого уже был в России — перебежал на русскую сторону во время войны, но, послужив немного, вернулся назад). Тот «удалился в Московию» после обвинения на родине в каком-то преступлении и пребывал теперь «в почетных одеждах среди наемников государя»[135]. Более известным «выходцем» был вестфалец Генрих Штаден (был в России в 1564—1576 гг.), поскольку он оставил описание Московского государства, включая некоторые детали собственного пребывания на русской службе.

Ситуация изменилась, когда военная кампания против Ливонского ордена переросла в серию военных столкновений, часто называемых Балтийскими войнами: наем европейских военных, тем более за границей, стал и невозможен, и нежелателен. Как писал в 1589 г. Николай Варкоч, «быстро найти наемников здесь не могли, да и не слишком им доверяют, наученные опытом Ливонской войны. <...> За деньги они могли бы <...> нанять немецких солдат, но не доверяют чужеземцам ввиду измены, которую совершили по отношению к Москве ливонские капитаны»[136]. И без того редкие самостоятельные приезды также практически прекратились (Штаден был скорее исключением). На смену этим двум путям мирного времени пришли два других, возможных только в условиях войны: переход на русскую сторону во время боевых действий и поступление на службу из русского плена.

Лишь в самом конце XVI столетия, в 1599—1600 гг., русский посол в Империю думный дьяк Афанасий Иванович Власьев нанял группу иностранных военных, в которую входили француз капитан Яков Маржерет (впоследствии один из самых известных служилых иноземцев эпохи Смуты, автор одного из описаний России) и еще четыре человека: Давид Гилберт, Роберт Думбар, Яков Гок и Андрей Лет[137].

Перебежчики, разумеется, появлялись на русской службе задолго до Балтийских войн. Так, уже упоминавшийся Лукас Хаммерштеттер был командиром отряда пехотинцев в войсках Ливонского ордена и в ходе одного из сражений в 1502 г. перешел на сторону противника. Его отправили в Москву, там он «вскоре вступил в службу» и «занимал некоторое время почетное место при дворе государя»[138].

---

[133] *Колло Ф. да.* Доношение о Московии. М., 1996. С. 58.

[134] [*Варкоч Н.*] Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 15.

[135] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 198.

[136] [*Варкоч Н.*] Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году. С. 109—110.

[137] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1601 г. № 1. Л. 1—3; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 338—339.

[138] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 198.

В ходе Балтийских войн второй половины XVI в. число перебежчиков, которые затем поступали на русскую службу, резко возросло. При этом источники фиксируют не только индивидуальные, но и групповые переходы на русскую сторону. Так, в 1574 г. в ходе осады крепости Везенберг многонациональным шведским войском произошла вооруженная стычка между немцами и шотландцами, в результате чего целая группа шотландцев перебежала к осажденным русским[139]. Примерно в те же годы и тем же путем из шведского войска на русскую службу перешла группа иностранцев, в которую входили шведы, шотландцы[140] и, возможно, представители других национальностей.

Самое раннее известие о пленных, поступивших на службу русскому царю, относится к 1565 г. Это были два феррарца и группа немецких дворян[141].

Через плен на русскую службу попали Ганс Борк (позже будет командовать сотней немецких конников в войске Василия Шуйского и не раз перебегать из одного лагеря в другой); Тоннис фон Виссен, «тоже из старых лифляндских пленников»[142] (родоначальник рода Фонвизиных и предок знаменитого драматурга); швед Лоренц Бьюгге (Лауренс Буйк), который «приведен был в Москву пленником из Ливонии при тиране Иване Васильевиче» и к 1607 г. «больше 30 лет жил в России»[143]; Лас Вейго, «ротмистр из числа немецких военачальников, живших в городе Туле, по большей части ливонцев, пленных немцев и курляндцев»[144]. Дж. Горсей сообщает, что в войне с Швецией было захвачено множество пленных, среди которых были, естественно, шведы, а также «лифляндцы, французы, шотландцы, голландцы и небольшое число англичан. <...> вскоре лучшие воины из этих иностранцев были помилованы и отобраны, для каждой национальности был назначен свой начальник...»[145]

В эпоху Балтийских войн были нередки случаи, когда после захвата или сдачи города на русскую службу в массовом порядке поступала значительная часть его защитников. Именно этим путем к 1572 г. в составе русского войска оказались более ста человек ругодивских немцев, юрьевские немцы, а также немцы из Вильяна[146]. В 1577 г., после сдачи ливонской Лужи (Люцина), Иван IV «велел лужских немец и их жон и детей и людей, пересмотрив и переписав налицо, отпустить их <...> к Москве. А на Москве их велел <...> разобрав, устроить: которые пригодятца в службу, тех устроить поместьи и деньгами, а которые пригодятца в пушкари и в стрельцы, и тех устроить денежным жалованьем и хлебным»[147].

По сведениям С. Герберштейна, в первой четверти XVI в. служилые иноземцы в России были пушкарями, «телохранителями великого князя» и пехотинцами.

В ту эпоху пушкари были не только артиллеристами, участвовавшими в боевых действиях, но и мастерами по отливке пушек и ядер, а нередко и инженерами-форти-

[139] *Ноздрин О. Я.* Шотландский фактор Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV — XVI вв. / Ред. А. И. Филюшкин. М., 2010. С. 224—225.

[140] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 107.

[141] [*Барберини Р.*] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. 1842. № 6. Отд. 1. С. 5; [*Он же.*] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. 1842. № 7. Отд. 1. С. 18.

[142] *Буссов К.* Московская хроника: 1584—1613. М.; Л., 1961. С. 149.

[143] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. С. 343.

[144] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 91.

[145] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 70.

[146] Документы о сражении при Молодях в 1572 году / Публ. и ввод. ст. В. И. Буганова // Исторический архив. 1959. № 4. С. 173, 175.

[147] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 503—506.

фикаторами. Такими специалистами были, например, немец Иоанн Иордан «из Халля в долине Инна»[148] и итальянский пушкарь Варфоломей (один из информаторов С. Герберштейна)[149]. Не случайно автор «Записок о Московии» вложил в уста Василия III следующие слова: «Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними»[150]. Так о результатах работы иноземных пушкарей в княжение Василия III русский посол в Италии Дмитрий Герасимов говорил в 1525 г.: «Нынешний государь устроил также у себя конную артиллерию и в Московской крепости лежит на колесах множество медных пушек, литых итальянскими мастерами»[151].

Немецкие и итальянские артиллеристы (нередко с теми орудиями, которые сами же и отлили) участвовали в войне с Казанью в 1505 г.[152], в обстреле Смоленска перед его взятием в 1514 г.[153]; в 1521 г. они участвовали в организации обороны во время нашествия Мухаммед-Гирея, а в 1524 г. — в казанском походе Василия III[154].

Что касается «телохранителей великого князя», то, видимо, именно они встречали посольство Л. Нугаролы и С. Герберштейна в 1526 г. в Кремле у лестницы, ведущей во дворец.

О пехотинцах-иностранцах известно, что в распоряжении Василия III было почти полторы тысячи пехоты «из литовцев и всякого сброда» (среди последних были, надо полагать, западноевропейцы). Пехотинцы входили в состав группировки русских войск на Оке, участвовали «наемные воины из немцев и литовцев» также в осаде Казани в 1524 г.[155]

В источниках второй половины XVI в. мы встречаем данные об иностранных военных в коннице. Первое упоминание о «конных немецких воинских людях» принадлежит Г. Штадену[156] (жившему в России в 1564—1576 гг.). В конную службу, по сведениям Дж. Горсея, были записаны и бывшие военнопленные: «вооружили их мечами, ружьями и пистолями». Судя по этому описанию, можно предположить, что мы имеем дело с первыми в Московском государстве рейтарскими подразделениями, хотя само слово «рейтары», видимо, было еще неизвестно в России. Из иноземцев одной национальности стали создавать отряды, во главе которых ставили офицеров той же национальности. Так, для одного отряда шотландцев командиром был назначен Джими Лингет (Jeamy Lingett), «доблестный воин и благородный человек», а в другом отряде начальником стал «храбрый шотландский капитан» Габриэль Элфингстоун (Gabriell Elphingsten)[157]. Скорее всего, такие отряды были частями более крупных воинских формирований, которые состояли из нескольких отрядов разных национальностей. По данным Дж. Флетчера, шотландцы и голландцы в количестве 150 человек составляли одно подразделение, а греки, турки, датчане и шведы — другое

---

[148] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 112, 174—175.

[149] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 43; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 110. См. также: *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 90; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 239.

[150] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 172.

[151] *Иовий П.* Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1836. С. 54.

[152] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 172.

[153] *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 161.

[154] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 116, 172—175, 179.

[155] Там же. С. 114, 178.

[156] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 81.

[157] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 70, 107.

«в числе 100 человек или около того»[158]. Такие подразделения в следующем столетии в русских источниках будут называться ротами.

Уже с 1520-х гг. стала складываться практика, когда западноевропейцев использовали главным образом против крымских или казанских татар. Связано это было, видимо, с тем, что власти опасались за лояльность иноземцев в случае их участия в войнах на «западном фронте».

По данным Г. Штадена, именно «немецкими воинскими людьми» пользуется великий князь против крымского царя[159]. Это подтверждает и Дж. Горсей: по его сведениям, все иноземцы включались в конную армию, которая ежегодно в течение лета сражалась с крымскими татарами. При этом он отмечает, что их не использовали в войнах с Польшей и Швецией; в них, наоборот, использовались служилые татары. По мнению англичанина, «двенадцать сотен этих солдат сражались с татарами успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами». Крымские татары, не знавшие до того ружей и пистолей, были напуганы до смерти стреляющей конницей, которой они до того не видели, и кричали: «Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метающими „пафами“». О том, что выходцев из Западной Европы «употребляют только на границе, смежной с татарами, и против сибиряков», а на западных границах в войне с поляками и шведами используют татар, упоминает и Дж. Флетчер[160].

Отдельные примеры участия служилых «немцев» в военных действиях на южном направлении донесли до нас и русские источники. Так, роспись «береговой» службы 1572 г. предусматривала, что «по вестям» в Серпухове (там располагался большой полк) в числе дополнительных воинских контингентов надлежало «быти Юрью Францбеку с немцы»[161]. Не менее трехсот западноевропейцев участвовало и в знаменитой Молодинской битве в 1572 г.[162] Они же приняли участие в одном из наиболее ярких и решающих эпизодов сражения: «А в суботу царь крымской послал царевичей и нагайских тотар многие полки пеших и конных к гуляю городу выбивати Дивея мурзу. И тотаровя пришли к гуляю и изымались у города за стену руками, и тут многих тотар побили и руки пообсекли безчисленно много. А боярин князь Михайло Иванович Воротынской обошол с своим большим полком крымских людей долом, а пушкарем приказал всем из большово наряду ис пушек и изо всех пищалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всево наряду, и князь Михайло Воротынской прилез на крымские полки ззади, а из гуляя города князъ Дмитрей Хворостинин с немцы вышол. И на том деле убили царева сына да внука царева Колгина сына, и многих мурз и тотар живых поимали»[163].

Во время сражения с татарами в 1591 г. у Данилова монастыря «ротмистров с литовскими и с немецкими людьми» вместе с русскими отрядами посылали «с крымскими людьми травитись»[164]. В конце вес-

---

[158] *Флетчер Дж.* О государстве русском. М., 2002. С. 87.

[159] *Полосин И. И.* Западная Европа и Московия в XVI в. С. 44—47; *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 23.

[160] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 69—71; *Флетчер Дж.* О государстве русском. С. 87.

[161] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 247; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 309.

[162] Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 169, 171, 173, 175.

[163] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 313—314.

[164] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1984. С. 216; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 271.

ны следующего 1592 г. «немцы» вместе с «литвой» были сначала в большом полку Украинного разряда в Туле, а оттуда были посланы в Ливны, чтобы вместе с русскими служилыми людьми идти вдогонку «за крымскими царевичи»[165]. Весной 1595 г. «немцы и литва, и всякие иноземцы многих земель, многие с вогненым боем» находились в полках Берегового разряда на Оке[166]. Участвовали «немцы» и в Серпуховском походе Бориса Годунова в 1598 г., когда ожидался новый набег Казы-Гирея[167].

Появление в составе служилого населения Московского государства сотен иностранцев потребовало законодательного оформления их статуса в некоторых вопросах. От XVI в. до нас дошел единственный законодательный акт такого рода — указ от 1 сентября 1558 г., названный его издателями так: «Указ 1) о разрешении принимать в холопы крещеных пленников и детей служилых иноземцев с регистрацией крепостей у казначеев; 2) о недаче суда за снос хозяйского имущества на тех из них, кто был похолоплен без регистрации»[168]. В этом документе впервые фиксируется существование особой социальной группы — «служилых иноземцев», а суть его заключается в защите от недобровольного похолопления той ее части, которая перешла в православие (в связи с чем впервые вводится понятие «новокрещен»). Тем самым законодатель стимулировал переход католиков и протестантов на русской службе в русскую веру.

Независимо от того, каким путем попадал иностранец на русскую службу, он оказывался совершенно в иной системе отношений, нежели та, которая была в странах, где он жил, служил, воевал. Став служилым иноземцем, он одновременно становился и пожизненным подданным русского царя, а не временным наемником. Шансов легально покинуть Московское государство у него уже практически не было. Эту ситуацию ярко и образно описал Г. Штаден: «И редко бывает, чтобы иноземец дерзнул бежать из страны, ибо дорога в страну широка и просторна, а из страны — узкая-преузкая»[169].

Служилые люди «по прибору»

Термин «служилые люди по прибору» ввел в оборот в конце XIX в. историк В. О. Ключевский. Таким образом он выделил слой ратников Московского государства, который комплектовался людьми незнатного происхождения, но при этом нес пожизненную службу за земельное и денежное жалованье. В отличие от служилых «по отечеству», будущего дворянства, которое передавало службу по наследству, было внимательно к происхождению членов своего сообщества и в силу этого отличалось местническими амбициями, приборные служилые люди набирались из «вольных гулящих людей» или неверстанных родственников приборных же людей. Они не владели вотчинами и поместьями, а селились слободами и получали землю на общинном праве.

Исследователи относят к служилым людям «по прибору» в XVI в. такие категории, как стрельцы, пушкарский чин, казаки и

[165] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 29, 37—38.

[166] Там же. С. 90.

[167] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 47—48; Разрядная книга 1598—1604 гг. // Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974. С. 30.

[168] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. № 31. С. 51.

[169] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 84.

черкасы. По градации, принятой в военном делопроизводстве того времени, все они относились к служилым людям «с вогненным боем» (и пушкарям), однако и среди беднейших детей боярских в 1570-х гг. появились «самопальники». Таким образом, полностью отождествлять служилых «по прибору» и ратников «с вогненным боем» некорректно, хотя близость этих категорий далеко не случайна. Близкую по характеру службу несли наемные казаки, «зборные люди» из северных уездов Замосковного края, разного рода даточные «с пищалями» — однако, в отличие от служилых «по прибору», они набирались на время, оставаясь в сословном отношении в иных категориях.

Зарождение данного разряда ратных людей связано с появлением в русских крепостях постоянно служащего персонала — в первую очередь так называемых казенных пищальников[170]. Эти люди не только обслуживали артиллерию во время боевых действий, в мирный период на них возлагались обязанности по изготовлению орудий и боеприпасов, а также ремонту первых. Аналогичную службу несли пушкари в городах соседнего Великого княжества Литовского[171], различались лишь источники оплаты таких специалистов. Источником комплектования пищальников были, несомненно, посадские люди: во второй половине XVI в. ряд известных фамилий пушкарей имеет явное ремесленное происхождение. В 1540-х гг. из среды казенных пищальников в документах начинают выделяться пушкари, занятые при обслуживании «большого наряда», т. е. артиллерийского корпуса. Тогда же распространяется термин «огненный стрелец», применимый больше к стрелкам из ручных пищалей.

Хронологически более или менее точная дата начала формирования новых подразделений «приборных» людей известна только для московских стрельцов — июль или август 1550 г.[172] В это время по царскому указу в Москве были «учинены» 3000 человек «выборных стрельцов из пищалей», расписанных сразу на шесть «статей», или отрядов, по 500 человек. При этом рядовые стрельцы в летописном известии названы еще «пищальниками», как и в предыдущие годы. Источники, описывающие взятие Казани в 1552 г., не упоминают каких-либо других стрелецких отрядов кроме московских; казаки же действуют во главе с атаманами, а не головами. Однако уже в конце 1555 г. документы Новгородской приказной избы фиксируют стрелецкие и казачьи гарнизоны в городах во главе с сотниками и головами, а также полный спектр «пушкарского чина», близкий к известному стандарту более позднего времени. Впрочем, в ноябре 1555 г. в Великом Новгороде упоминаются сорок новгородских пушкарей, «которых выбрал боярин Михайло Яковличь Морозов на Москву к Наряду», что говорит о продолжении активной реорганизации этого чина[173]. Вместе с тем в грамоте того же времени об ивангородских пушкарях и пищальниках сказано, чтобы «жалованье б есте им наше дали, по нашему нынешнему уложенью и по прежней нашей грамоте»[174]. Таким образом, основные нормативные документы о служилых людях «по прибору» были приняты в 1550—1555 гг. и в дальнейшем происходил лишь рост их штатной численности за счет прибора вольных людей.

---

[170] *Пахомов И. Н.* Пищальники Василия III // Цейхгауз. 2002. № 4 (20). С. 6—9; *Он же.* Пищальники Василия III: Участие в боевых действиях // Цейхгауз. 2007. № 24. С. 2—4.

[171] *Лобин А. Н.* Артиллерия Ивана Грозного. М., 2019. С. 94—95.

[172] В данном случае я согласен с расчетами В. В. Пенского (*Пенской В. В.* «Янычары» Ивана Грозного. М., 2019. С. 92).

[173] ДАИ. Т. 1. № 73. С. 132.

[174] Там же. № 91. С. 153.

Численность служилых людей «по прибору» в полковой службе. Генеральных росписей, в которых были бы учтены все служилые люди «по прибору» на Москве и в городах, за XVI в. не сохранилось. Мы можем судить о росте их численности по разрядам отдельных походов, что отражает в какой-то степени мобилизационные возможности этих категорий ратных людей, ведь и московские, и «жилецкие» (городовые) отряды были обязаны в случае необходимости нести «полковую службу», оставляя лишь часть подразделения в обороне своего города.

1563 г. — во время государева похода на Полоцк в царской рати насчитывалось до десяти голов стрелецких с их приказами, а городовых казаков в тех отрядах, которые выступили во главе с головами и сотниками, свыше 2500 человек[175].

1572 г. — в армии боярина и слуги князя М. И. Воротынского состояло 1000 московских (2 приказа) и 1035 городовых стрельцов, а также 1800 «конных казаков с пищальми» из разных городов[176].

1577 г. — во время государева похода на Ливонские города в царской рати насчитывалось 6470 стрельцов, включая 1000 «дворовых» стремянных и 280 городовых Старицкого двора, а также 2 приказа московских стрельцов и 4190 городовых из земщины; казаков собрали 1440 человек[177].

1580 г. — в Пскове и ближайших крепостях находилось 2600 человек стрельцов, включая 1100 московских и 500 из иных городов; туда же были присланы 500 «казаков конных из розных украинных городов»[178].

1604 г. — армия боярина князя Ф. И. Мстиславского включила в свой состав 4 московских приказа (1673 человека) и 1380 городовых стрельцов, а также 2456 «казаков конных с пищальми»[179].

Гарнизоны крепостей учреждались изначально со штатами «правильной» численности. В особо важных случаях временную «осадную» службу несли московские стрельцы или отряды из соседних городов, пока не прибирались «жилецкие» стрельцы, казаки и пушкари. Приведем несколько примеров.

Донков был построен в 1568 г., и в состав его гарнизона вошли 10 пушкарей, 30 затинщиков, 100 стрельцов и 500 полковых казаков; по уложению 1570 г. 117 казаков стали станичными, а остальные 383 остались в полковой службе. Кроме того, на положение приборных перешли 30 «беломестных атаманов» донских казаков, которые, впрочем, через двадцать лет переселились на Воронеж[180].

Летом 1591 г. для Ельца было определено набрать 10 человек пушкарского чина, 200 стрельцов и 600 казаков. Вскоре отдельной белой слободой при крепости поселились 100 донских казаков при двух атаманах («беломестные казаки»)[181].

По образцу разрядных штатов создавали гарнизоны и крупные вотчинники: боярин князь И. Ф. Мстиславский около 1567 г. разместил в своем новом городе Епифани 7 пушкарей, сотню пеших и полсотни конных стрельцов, а также 8 сотен казаков. В 1571 г. эти ратники стали государевыми служилыми людьми после опалы князя

---

[175] Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 163—167; Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Там же. С. 127—29.

[176] Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 169, 175.

[177] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 461—464.

[178] Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. VI. М., 1914. С. 3, 9, 12.

[179] *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. С. 383—420.

[180] *Курбатов О. А.* Разряды ратных людей на юге Русского государства накануне создания Белгородской черты в первой трети XVII века // От Донца до Ворсклы. Белгород, 2016. С. 37—38.

[181] *Ляпин Д. А.* История Елецкого уезда в конце XVI — XVII веков. Тула, 2011. С. 12.

Мстиславского и конфискации его вотчины[182].

Со временем ввиду естественной убыли и боевых потерь фактическая численность гарнизонов начинала расходиться с указной. Воеводы обязаны были немедленно восполнять только штаты станичной и сторожевой службы[183], а о приборе остальных ратников запрашивали в Москве соответствующий указ.

Управление отрядами приборных людей осуществляли несколько центральных ведомств. Выдачу жалованья и учет личного состава вели изначально дворцовые дьяки; есть упоминание о судебных полномочиях «боярина введенного, у которого будут в приказе стрелецкие дела» (1560)[184]. В то же время назначение и сотников и голов являлось прерогативой Разрядного приказа, который ведал учетом службы всех дворян и детей боярских; через Разрядный приказ проходили и указы об отправке воинских отрядов на службу. Со временем картина усложняется. Стрельцами и конными казаками «с пищальми» начинает заведовать Стрелецкая изба (с 1571 г.), затем приказ, а пушкарским чином — Городовой или Пушкарский приказ (1577). Вопросы содержания стрельцов на землях Казанского дворца стали переходить в ведение Казанского приказа. Координацию военных действий и назначение должностных лиц «на приказ» по-прежнему осуществлял Разряд.

Всем служилым людям «по прибору» при поступлении на государеву службу назначалось годовое жалованье: денежное, хлебное, иногда соляное, а для пушкарей и стрельцов — суконное. Размер жалованья зависел от чина и должности служилого человека, что создавало номинальную служебную лестницу (для десятников и пятидесятников). В приказах сразу же рассчитывали весь объем «окладного» хлеба и соли, которые должны были получить в гарнизоне за год, и последовательно заполняли государевы «житницы» крепости этими припасами, выдача которых производилась в указный срок[185]. Со временем служилые люди «по прибору» в южных уездах были наделены землями, в связи с чем хлебное жалованье им было отменено.

Пушкарский чин. Наиболее сложную номенклатуру чинов служилых людей «по прибору» мы наблюдаем среди пушкарского чина. В 1555—1556 гг. сохранялось еще архаичное обозначение «гораздых стрельцов» у «большого наряда» (т. е. при артиллерии, а не с ручным огнестрельным оружием) как «пушкарей и пищальников», но под пищальниками понимались уже пушкари. На Невле, помимо 10 пищальников, указаны 19 человек воротников, сторожей, кузнецов и плотников[186], последние два чина упомянуты и в сопровождении «полевого наряда».

Через двадцать два года в переписке Городового приказа с воеводами недавно захваченных ливонских замков выявляется настоящее типовое штатное расписание. В каждой из восьми крепостей оно включало: 8 пушкарей, 4 воротника, 4 сторожа (1 житничий, 2 тюремных и 1 казенный «у зелья и у всякого у пушечного запасу»), 2 плотника, палача, кузнеца, вожа (из местных жителей) и толмача. Чуть больше пуш-

---

[182] *Воротникова И. А., Неделин В. М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Т. 2: Крепости юга России. Кн. 1. М., 2016. С. 176—178.

[183] *Брезгунова В. М.* О материальном обеспечении вдов и детей приборных служилых людей Юга России в XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 466—470.

[184] *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 176.

[185] Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Т. 3. М.; Варшава, 1998. С. 94—116.

[186] Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Кн. 23. Л. 314 об.—316 об.

карей имелось в Ровном и Левенварде, а в Кукейносе, отличавшемся размерами, штат составил 50 пушкарей (включая 5 десятников), 16 воротников, пропорционально большее число других служилых людей, а также 4 каменщика. Замечательно, что вместе с этими явно воинскими и военно-строительными чинами тот же Городовой приказ занимался обеспечением церковного («ружного») чина и даже организацией ямских станций[187].

Эти же документы говорят и о профессиональных требованиях к кандидатам в чин. Воротники, палачи, сторожа «выбирались» из городов и уездов — по-видимому, из вольных людей; в то же время часть пушкарей, плотники и кузнецы присылались из числа штатных чинов старых крепостей. Известно, что в городах пушкарский чин пополнялся не только за счет детей и родственников пушкарей, но и прочих вольных людей, жителей посада; московские пушкари время от времени организованно пополнялись за счет лучших городовых, а также из пленных или выезжих иноземцев, обученных или просто способных к пушкарскому делу[188].

Стрельцы. Рост численности стрелецких отрядов после основания первых шести приказов в 1550 г. происходил стремительно. Уже в 1555 г. отряды городовых стрельцов упомянуты на Белой, в Опочке, на Луках Великих, на Невле («Пуповичи»), в Себеже, Заволочье, Торопце и Велиже[189]. Стрелецкие приказы в Казани, Свияжске и Астрахани были созданы к концу 1550-х гг.[190]; каждая из полутора десятков крепостей, построенных за Окой в 1551—1569 гг., получила в качестве гарнизона минимум по сотне стрельцов. В небольших поволжских крепостях могло быть и по нескольку десятков стрельцов. В 1565 г. царь сформировал особый корпус «опричных или дворовых стрельцов» в 1000 человек, впоследствии переименованный в Стремянной, или Конный, приказ двойной численности. Московские стрельцы служили целыми приказами либо при охране стен Москвы, либо в дальних походах; они же выполняли роль телохранителей царя до появления опричного корпуса. Городовые стрельцы были обязаны в первую очередь нести осадную службу и лишь по особым распоряжениям частью приказа выступали в полковую службу; впрочем, конные стрельцы формировались в первую очередь именно для участия в локальных экспедициях.

Основным источником комплектования стрельцов были вольные гулящие люди, не несущие никакого тягла и не верстанные в иные службы. Требовалось прежде всего, чтобы они были «собою добры», не бражники и не зернщики, и главное, чтобы уже умели хорошо стрелять из пищали, что прокладывало дорогу в стрельцы в первую очередь сыновьям и другим родственникам самих служилых людей. Кроме того, продолжалась практика пополнения их пленными пехотинцами соседней Литвы (известная еще в первой половине XVI в.). Так, после Полоцкого взятия 1563 г. в гарнизоны Казани и Свияжска были отправлены до сотни «дрябов», принятых на царскую службу; в составе свияжского приказа

---

[187] Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. С. 70—82.

[188] *Лобин А. Н.* Артиллерия Ивана Грозного. С. 97—98.

[189] ДАИ. Т. 1. № 68. С. 127—128.

[190] Список с писцовых книг по г. Казани с уездом: [1566—1568 гг.] / Издан Советом Казанской духовной академии к IV Археологическому съезду в Казани. Казань, 1877. С. 46; см. также: Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и его уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1565—1567 гг.). Казань, 1909.

они даже составили отдельный пятидесяток. В 1590-х гг. в связи с острой необходимостью срочно укомплектовать гарнизоны «городов от Поля» правительство разрешило набирать в них ближайших родственников крепостных и служилых людей из других уездов, что вызвало ряд конфликтных ситуаций[191].

В отличие от пушкарей у стрельцов формально отсутствовало деление на профессиональные категории. Все они, включая младших командиров, являлись стрелками из ручниц (ручных пищалей), и в этом их важное отличие от европейских прототипов. Изначально размерами оклада отличались только «пятидесятские»[192] — именно их подразделение было минимальной единицей, способной к самостоятельной службе. Интересно, что в Смоленске среди пятидесятников встречаются смоленские «земцы» В. Дернов и Л. Ширков; их родичи несли конную службу с детьми боярскими, смоленскими помещиками (1608)[193]. Сотня официально состояла из 90 рядовых, 8 десятников и 2 пятидесятников, однако в реальности часть стрельцов выполняла функции дьячков (пятисотенного на весь приказ и сотенных), знаменщиков и даже лекарей (костоправов). Многие, судя по спискам, были портными; стрельцы получали на одежду импортное сукно и шили детали костюма сами либо заказывали мастерам. Однако это не отражалось в официальных списках, все являлись именно «стрельцами» в прямом смысле слова[194].

Стрельцы резко выделялись из массы служилых людей «с вогненным боем» благодаря тому, что имели понятие о «правильном», европейского типа, воинском строе, которое закреплялось на групповых учениях сотнями и приказами. По словам англичанина С. Бэрроу (в Астрахани зимой 1579/80 г.), «Астраханский капитан содержит своих солдат в полном порядке и готовности; их всего 2000 человек стрельцов и казаков; из них 1000 стрельцов, которые считаются настоящими солдатами; как солдат, всегда охраняющих крепость, их не употребляют ни на какие работы, кроме упражнений во владении своим оружием, караулов и т. п. Казаки также учатся владеть своим оружием; они сторожат город, и обычно им поручают всякого рода работы»[195].

Казаки полковой и сторожевой службы. Казаками в середине XVI в. называли на Руси несколько сильно отличающихся друг от друга категорий ратных людей. Во-первых, были казаки из татарских контингентов — например, городецкие (касимовские татары). Во-вторых, русские вольные люди, которые жили «по рекам и речкам» в южной степи и в Поволжье, иногда выходя на стругах в моря для нападения на торговые караваны. В-третьих, на Русском Севере под этим термином знали временных наемных работников; вооруженные отряды таких людей, нанятых для «плавной рати» за счет купцов Строгано-

[191] *Ляпин Д. А.* История Елецкого уезда в конце XVI — XVII веков. С. 12.

[192] В 1555 г. московские стрельцы и десятники прибора Т. Тетерина получали одинаковое хлебное жалованье (по 2,5 чети ржи), а пятидесятники — по 3 чети без полуосмины (ДАИ. Т. 1. № 68. С. 128).

[193] *Молочников А. М.* Смоленские стрелецкие приказы и их руководители в Смутное время // История военного дела: Исследования и источники. Т. 3. 2012. С. 324. URL: http://www.milhist.info/2012/12/19/molochnikov (дата обращения 19.12.2012).

[194] *Курбатов О. А.* «Стрелецкий строй» XVII века? К вопросу о внутренней организации стрелецких приказов и сотен // Сборник статей и публикаций, посвященный Андрею Алексеевичу Булычеву. М., 2020. С. 105—135.

[195] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н. Л. Рубинштейн; пер. Ю. В. Готье. М., 1938. С. 266.

вых (1572) или набранных в Важском уезде (1579), тоже называли казаками[196].

Первое достоверное известие о городовых казаках, в отличие от временно нанятых на службу ватаг вольных людей и служилых татар, встречается в грамоте Новгородской приказной избы 1555 г.: имеется в виду «прибор» торопецких казаков головы Ивана Безкунникова (150 человек)[197]. В 1560-х гг. при южных крепостях стали прибирать и селить слободами крупные отряды «полковых» казаков — по 500, 600, 800 человек.

Уже в росписи 1572 г. они обозначены как «казаки конные с пищальми». В этом, видимо, было их главное тактическое отличие от стрельцов, которые составляли в первую очередь гарнизон города и лишь во вторую усиливали полевые войска, да и то в обозе (гуляй-городе). Наличие лошадей позволяло казакам сопровождать сотни детей боярских в стремительных переходах в степи; кроме того, они эффективно действовали против татар самостоятельно, с опорой на засеки, острожки и при переправах[198].

В имущественном плане полковой казак получал несколько большее жалованье, чем рядовой стрелец, ведь ему требовалось содержать лошадь и часто выступать в походы из крепости. С другой стороны, от казаков не требовалось столь жесткой дисциплины, как в стрелецких частях.

Сторожевые казаки. Наконец, еще одной категорией служилых людей «по прибору» являлись служилые люди станичной и сторожевой службы. Их количество в городах было кратным численности и количеству станиц и сторож, которые с четко установленной периодичностью и по оговоренным маршрутам и местам выходили в степь для наблюдения за татарскими шляхами. Еще начиная с первых указов и Приговора о станичной и сторожевой службе начала 1570-х гг. в Разрядном приказе занимались организацией всей сети дозоров в целом, а уж затем смотрели на возможности их размещения и комплектования личным составом по отдельным уездам. С постройкой новых городов на Поле маршрут станиц изменялся таким же образом — централизованно, после тщательного изучения всего вопроса, затем это отражалось и на составе городовых отрядов[199].

Подчеркнем, что правильному функционированию степных дозоров правительство придавало первоочередное значение. Так, в Донкове после разорения города Сагайдачным в строю осталось всего 54 человека (в 1618 г.), однако уже по переписи 1624 г. мы снова видим «жилыми» все 117 дворов сторожевых казаков, притом что остальных ратных людей все еще сильно недоставало до прежнего штата. Число этих дозорщиков было срочно пополнено за счет других категорий донковских служилых людей.

Сторожевых казаков привлекали большие размеры земельных наделов; они были больше наделов прочих категорий ратников, приближаясь к «дачам» детей боярских. За потерянное во время службы в Поле имущество им полагалась обязательная денежная компенсация половины его номинальной стоимости.

---

[196] *Комаров О. В.* Военный потенциал Поморских городов и дворцовых земель Верхнего Поволжья в XVI веке (социально-экономические аспекты) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 548—551.

[197] ДАИ. Т. 1. № 80. С. 135.

[198] *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях. С. 148, 152.

[199] Подробнее о станичной службе см.: *Курбатов О. А.* Атаман, ездоки и вожи: Станица русских пограничников 1630-х гг. // История военного дела: Исследования и источники. Т. 5. 2014. С. 71—83. URL: http://www.milhist.info/2014/06/11/kyrbatov_5 (дата обращения 11.06.2014).

Для командования отрядами служилых людей «по прибору» назначались дворяне и дети боярские. Эти должности очень скоро стали довольно прибыльными для них, в первую очередь для голов. Название отряда, подчиненного голове, зависело от способа его формирования и передачи командования: при выборе первых стрельцов в 1550 г. 3000 человек разделили на статьи (по 500 человек), т. е. имела место роспись; если отряд набирался заново из вольных людей, это называлось «прибором»; наконец, когда уже существующий «прибор» передавали новому голове, он начинал именоваться «приказом». Приказ необязательно равнялся пяти сотням ратников, это был просто отряд, подчиненный голове. Так, в Зарайске неполная сотня стрельцов называлась приказом «Заразского города», а пушкарский чин, «дворники и всякие осадные люди» составляли приказ осадного головы (1638)[200].

Голова получал военную, административную и судебную власть над подчиненными[201]. Он руководил личным составом, в том числе сотниками, вел именные списки. Важной обязанностью головы было управление очередностью служб: он в строгом порядке по спискам назначал своих подчиненных на те или иные задания, по его указаниям выдавались боеприпасы. Стрелецкий голова следил за порядком в слободе, проводил регулярные смотры, он же «прибирал» новых служилых на «выбылые места». Ему также принадлежали суд и расправа над стрельцами, в его ведении находились все судебные дела, кроме воровства и разбоя, и по искам в 12 руб. и меньше. Голова обязан был рассматривать иски к стрельцам от «сторонних» людей (т. е. не принадлежавших слободе). Он собирал в установленном порядке судебные пошлины и отправлял их в Москву.

Что касается сотников, то их власть была более дисциплинарная, чем административная. В бою они командовали своими отрядами, а в мирное время следили за порядком в слободах (как правило, каждая слобода в городах соответствовала сотне стрельцов или казаков). Замечательную характеристику функций казачьих сотников дал ливенский воевода А. В. Бутурлин в 1635 г.: «Ведать козаков, и в посылки и на короулы с ними ходить, и на указных местех на караулах с ними стоять и начевать, чтоб казаки на короулах стояли бережно и усторожлива, и домов бы ночевать не ходили, чтоб в приход воинских людей в их непослушанья какова дурна не учинилось». По его мнению, без сотников «воинских людей с козаками посылать некова, и в осадное время на указных местех быть с ними некому», и от этого происходит бегство с караулов, непослушанье в походах и прочие нарушения дисциплины[202].

Многочисленные служебные обязанности, частые отлучки и замкнутая жизнь служилых слобод препятствовали приборным людям вливаться в состав городского посада. Да и сами посадские ревниво следили за служилыми, освобожденными от посадского тягла и многих других налогов и назначений и в силу этого способными составить им мощную конкуренцию[203]. Писцовые книги и другие документы XVI в. показывают самые разные варианты их экономического сосуществования в рамках одного города. Видными занятиями стрельцов и

---

[200] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 138. Л. 251—252 («приказ» стрельцов, 85 человек), 352, 406 (пушкарский «чин» «приказа» осадного головы).

[201] *Горбачев В. И.* Стрелецкое войско рязанских и украинных городов России 30—40-х гг. XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2012. С. 57—70.

[202] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 107. Л. 62—64.

[203] *Марголин С. Л.* К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // Ученые записки Московского областного педагогического института. М., 1953. Т. 27: Труды кафедры истории СССР. Вып. 2. С. 74—79.

пушкарей были торговля, ремесло и работа по найму.

Торговля приносила прибыль в случае «дальней» службы: ратные люди получали жалованье на подъем или казенные средства передвижения (подводы, сани, струги) и таким образом могли сэкономить на провозе «товаришку». Торговые операции, процент с которых мог перепадать чиновникам, проводились полуофициально. Так, голова у «государева наряда» Р. Олферьев пожаловался в конце 1577 г. на резицких воевод, что они присланных в гарнизон «пушкарей отпустили во Псков торговать — тольки, государь, у них один пушкарь, да и тот болен». В ответ воеводам было велено, чтобы они «пушкарей бы есте из Резицы во Псков торговати вперед не отпущали и город крепили накрепко», но никаких других санкций не последовало[204].

Многие стрельцы в городах обзавелись лавками и прочими торговыми местами. Так, в Казани они владели восьмой частью торговых мест, хотя платили при этом шестнадцатую часть оброка с Казанского торга. В Пскове и пригородах не более 1 % лавок принадлежало стрельцам, в Себеже и Туле чуть больше. Но в крепостях, где приборные люди численно превалировали над посадскими, их доля и на торгу была больше. Так, в Рязани на посаде им принадлежала четверть всех торговых мест — впрочем, с плательщиками по меньшим окладам. В Епифани же даже в начале 1620-х гг. всеми шестнадцатью лавками и полками владели служилые люди — 12 стрельцов, 1 пушкарь и 3 затинщика[205].

Как уже отмечалось, среди служилых было некоторое количество ремесленников, в первую очередь сапожники, портные, плотники и т. п. В свободное от службы время они выполняли частные заказы, получая немалый придаток к жалованью. Гораздо большее их число нанималось во временные «черные работы», которых немало требовалось на посадах, либо же они заменяли в очередных «посылках» своих более богатых сослуживцев. Например, московские стрельцы так характеризовали свое положение в связи с нехваткой жалованья: «А кормятца-де на <...> службе, которые мастеровые люди — своим промыслом, а которые беспромысленые — и те наймуютца на караулы у своей братьи, у промышленых людей»[206]. Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев жалованье являлось для приборных людей главным источником существования, что вполне закономерно при их загруженности караулами, дальними походами и прочими служебными обязанностями. В местах, где пушкари, стрельцы и казаки получали пашенную землю, их главным «побочным» занятием становилась обработка земли, включая «государеву десятинную пашню».

Итак, появление особых категорий служилых людей, объединенных в историографии под именем служилых людей «по прибору», было следствием военных реформ 1550-х гг., а в глобальном плане — реакцией правительства на военно-технический прорыв Европы, один из этапов «пороховой революции». В XVI столетии эти сообщества еще не превратились в какой-то особый внутриполитический фактор, представляя собой в большей степени небольшие армейские гарнизоны с семьями, оторванные от остального населения городов и уездов. Только в нескольких новообразованных «городах от Поля» (1580—1590-х гг.) численность приборных служилых людей сравнялась или немного превы-

[204] Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг. С. 297—298.

[205] *Пугач И. В.* Епифань в середине XVII века (по материалам приходных книг Устюжской четверти) // Сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., 2019. С. 137.

[206] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л. 210 (ответ на челобитную 1639 г.).

сила численность детей боярских, не говоря уже о посадских или крестьянах; однако полностью населенные такими служилыми людьми уезды, как Донков, были еще исключением из правил.

По источникам комплектования, служилые люди «по прибору» являлись весьма демократической частью вооруженных сил: здесь и «вольные гулящие люди», и их собственные дети, и даже иноземцы. В правовом плане они также представляли собой изолированные воинские отряды, административно и судебно подведомственные своим военачальникам — воеводам и головам. Основными источниками их существования являлись разные виды государева жалованья: денежного, хлебного, соляного и пашенного; торговля, ремесла и прочая предпринимательская деятельность оставались занятием относительно небольшой части служилых «по прибору». В целом в лице пушкарей, стрельцов и казаков мы видим военных профессионалов незнатного происхождения, которым еще только предстоит стать одной из важных политических сил в период наступающего Смутного времени.

Организация войска

Огнестрельное оружие и артиллерия, численность войска. XVI столетие характеризовалось значительными изменениями в военном деле. В середине века произошел качественный и количественный рост вооруженных сил Российского государства, который был обусловлен как ростом народонаселения, так и серьезными реформами в обороноспособности страны. По словам О. А. Курбатова, резкий рост «численности Московского войска, изменение форм его обеспечения и процессы централизации Русского государства в целом явились тем фоном, на котором проводились военные реформы 1550-х гг.»[207].

К рубежу XV—XVI вв. военно-служилое сословие состояло из землевладельцев — бояр, князей, дворян и детей боярских. С «поместий и отчин» они обязаны были выставлять воинов, т. е. получали земельный надел только при условии военной службы.

Со второй половины XV столетия два процесса (дробление крупных вотчин и роспуск удельных княжеских и боярских свит с одной стороны и сформировавшаяся при Иване III практика поместного верстания, т. е. наделения землей с крестьянами при условии обязательной службы, — с другой) значительно увеличили число русской конницы. Поместная система к началу XVI в. становится основой для комплектования конницы.

Поместное верстание в первую очередь затрагивало те важные направления, где было необходимо обязательное присутствие войск, — в завоеванных и присоединенных территориях (Великий Новгород, Псков, Великие Луки, Торопец, Брянск и др.)[208]. Состояние источниковой базы позволяет проследить становление поместной системы фрагментарно — на северо-западных (Новгородчина), западных (Можайский, Вяземский, Смоленский уезды) и

---

[207] *Курбатов О. А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 1. М., 2009. С. 197.

[208] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой Руси (XV—XVI вв.). С. 90—115; *Зимин А. А.* Из истории поместного землевладения на Руси. С. 138—139.

южных (Коломенский и Каширский уезды) окраинах[209].

Особенно важными реформами в поместном землевладении, значительно увеличившими численность конницы, были верстания и смотры 1538—1550-х гг. Верстание 1537—1538 гг. сопровождалось интенсивным наделением поместьями. В ходе этой реформы численность служилого сословия была значительно увеличена. Например, по данным писцовых книг Тверского края, количество поместных земель, выделенных в раздачу дворянам, выросло вдвое[210].

Очередной скачок численности произошел в 1550-х гг., когда было составлено «Уложение о службе» и была проведена реорганизация русской конницы, — в это время появилась юридически оформленная обязанность несения служить «с земли» с четко установленными нормами.

Следует отметить, что на численность конницы повлияло также включение в состав войска «иноземного контингента». С XV в. в рядах войск находились подразделения служилых татар и мордвы[211]. До присоединения Поволжья общее число татарских отрядов было небольшим, обычно их включали в состав Большого или Передового полков (Орша 1514 г., поход на Литву 1535 г. и т. д.). После взятия Казани в состав войска вошли отряды казанских татар, и на фронтах Ливонской войны они играли весомую роль в рейдах по территории противника.

Помимо увеличения численности конницы, происходило дальнейшее оформление других родов войск. Прежде всего это связано с развитием и распространением огнестрельного оружия. Активно развивалась в XVI в. артиллерия. С постройкой итальянцами «пушечных изб» — первых меднопушечных литейных-мануфактур — начался новый период в истории русской артиллерии.

Иностранцы неоднократно отмечали, что московские государи призвали из итальянских и германских земель пушечных мастеров, и с этого момента московиты «стали искуснее во всех видах войны наступательной и оборонительной, применяют медные орудия, именуемые бомбардами»[212]. В источниках отмечено, что артиллерия у «московитов» — европейского образца и что к вражеским крепостям они подступали «с серпентинами», как малыми, так и крупными, «с двойными картаунами» и «полевыми шлангами»[213].

По русским источникам XVI столетия уже можно выделить классификацию

---

[209] *Бенцианов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские». С. 75—202.

[210] *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI века // История СССР. 1973. № 3. С. 124—142; *Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященных 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 281—290. В то же время нельзя не отметить тот факт, что, по данным дозорной писцовой книги 1551—1554 гг., из 1173 землевладельцев, помещиков и вотчинников 220 человек не служили никому (*Кром М. М.* Еще раз о численности русского войска в XVI в. (по поводу статьи А. Н. Лобина) // Петербургские славянские и балканские исследования: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1—2 (5/6). С. 89).

[211] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1—2. СПб., 1863—1864; *Беляков А. В.* Политика правительства Ивана III по отношению к Чингизидам в России // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 1. СПб., 2006. С. 265—283; *Он же.* Служилые татары XV—XVI вв. // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 81—91.

[212] Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический архив. М., 1940. Т. 3. С. 342; Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. С. 19; Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII pontificem max. caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolemei, aliorumque Geographiae scriptorum... Basileae, 1527. P. 58.

[213] *Лобин А. Н.* Артиллерия Ивана Грозного. С. 73—74.

орудий на «пушки большие» (бомбарды), «пушки верховые и огненные» (мортиры), пищали сороковые, скорострельные, затинные, полковые, семипядные, девятипядные, полуторные, проломные (осадные) и вальконейки (фальконеты). К концу XV — началу XVI в. формируется «государев наряд» — совокупность артиллерийских орудий разных типов для похода или обороны[214].

На рубеже XV—XVI вв. на службе великого князя появляются пехотные подразделения, вооруженные огнестрельным оружием, — пищальники. В боевых походах пищальники принимают участие с 1508 г., в 1512 г. впервые отмечено их участие в ночном штурме Смоленска. В 1510—1540-х гг. они упоминаются во многих городах Российского государства. Самые представительные корпорации пищальников в этот период были в Пскове (до 1000 человек), Новгороде (до 1000 человек) и Москве (более 1000 человек)[215]. К 1530—1540-м гг. по всей стране пищальников было несколько тысяч человек.

По словам А. А. Зимина, «казенные пищальники нанимались правительством на собранные им пищальные деньги, а городовые — были ополченцами, как и посошные люди, временно набиравшиеся для участия в том или ином походе»[216]. Н. Е. Носов разделял «казенных пищальников» и «пищальников с городов». Первые, по его мнению, набирались с «сох» на собранные правительством «пищальные деньги», вторые — с посадских дворов[217]. В историографии не сложилось единого мнения о специализации пищальников. Одни историки относили их к пехоте, другие — к артиллерии[218]. В своих работах 2002—2007 гг. И. Н. Пахомов пришел к выводу, что пищальники «не были в чистом виде ни артиллерией, ни пехотой» и в зависимости от задач могли действовать как те, так и другие[219]. М. А. Несин также отмечает, что «термин „пищальник“ применялся на Руси как к артиллеристам, так и к людям, вооруженным стрелковым, ручным, огнестрельным оружием»[220]. Если исходить из анализа сохранившихся источников, то пушечниками (пушкарями) в начале XVI в. назывались стрелки из больших пушек (бомбард), а пищальниками — стрелки из разных мелких пищалей, ручных и колесных.

До первой половины XVI в. для обозначения литейщика-мастера, сочетавшего в себе также функции орудийного стрелка, использовался термин «пушечник». Пушечник в конце XV в. — мастер высокого класса, который мог отливать пушки-бомбарды: «*пушечник* нарочит, нарочит лити их и бити ими». Известны прозвища некоторых мастеров: Аристотель Пушечник, Петр Фрязин Пушечник, Федько Пушечник. Мастера-пушечники вместе со своими орудиями неоднократно ходили в походы.

В начале XVI столетия происходит разделение специальностей — появляется такая категория служилых людей «по прибору», как пушкари, специалисты по стрельбе

---

[214] Есть данные, что термин «наряд» употреблялся в 1491 г. (Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 33).

[215] *Лобин А. Н.* Артиллерия Ивана Грозного. С. 92.

[216] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 207.

[217] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 98—99; см. также: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. С. 82.

[218] *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 30—33; *Зимин А. А.* К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 344—359; *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976. С. 93.

[219] *Пахомов И.* Пищальники Василия III. С. 6—9; *Он же.* Пищальники Василия III: Участие в боевых действиях. С. 2—4.

[220] *Несин М. А.* Пищальники и первые русские артиллеристы в истории Российского государства // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 67—73.

из пушек и пищалей. Тогда же появляются затинщики — стрелки из затинных пищалей.

К 1540-м гг. в связи с развитием огнестрельного оружия происходит рост числа пушкарей как в Москве, так и «в городех». О численности городовых пушкарей существуют лишь отрывочные данные. Поскольку подавляющее число крепостей вооружалось «легким нарядом» (сороковыми, семипядными, девятипядными, скорострельными, затинными пищалями, тюфяками), то и количество пушкарей исчислялось в них от нескольких человек до нескольких десятков. Так, в 1560-х гг. в Казани было 33 пушкаря, а в Коломне в 1570-х — 27 затинщиков и 17 пушкарей[221]. В ливонские крепости для обслуживания артиллерии было направлено 140 пушкарей, московских, новгородских и псковских[222]. Известно, что к 1580-м гг. в крепостях северо-запада сосредоточивается значительное количество пушкарского контингента. На одном из важных оборонительных рубежей в 1585—1588 гг. значилось 156 пушкарей[223]. В целом в крепостях северо-запада России (с учетом Пскова) было столько же пушкарей, сколько и в самой Москве при «государевом большом наряде». К 1598/99 г. пушкарей в Москве уже насчитывалось до 230 человек[224]. С учетом городовых пушкарей и затинщиков, обслуживающих в крепостях более 3000 орудий, численность «служилых людей пушкарского чина» к концу XVI столетия могла насчитывать более 3000 человек.

Одной из крупнейших военных реформ времен Ивана IV стало учреждение войска стрельцов. Источники говорят о формировании в 1550 г. совершенно нового войска — трехтысячного корпуса стрельцов: «...и еще новоприбави к ним огненных стрелцов много к ратному делу гораздо изученных и глав своих не щадящих...»[225] Вполне вероятно, что к 1550 г. был произведен набор из казенных пищальников в стрельцы, но отождествлять тех и других не совсем верно — по своей организационной структуре последние были новым явлением в русском войске, здесь можно говорить только о преемственности от пищальников[226].

Стрельцы стали частью «непременных» войск, несущих службу на постоянной основе. Местом их «военного» поселения стала московская Воробьева слобода. Опыт организации пешего войска в Москве, а потом и в городах был столь успешным, что со временем правительство значительно увеличило численность стрельцов в Москве и городах. В. В. Пенской предполагает, что максимальная численность стрелецкого войска (московских и городовых) к концу XVI в. могла достигать 12 000[227].

В XVI в. получило распространение такое явление, как «городовое казачество», набиравшееся из «вольных» и «охочих» людей для несения станичной и сторожевой служб. Иногда пешие и конные казачьи формирования призывались под знамена в большие походы. В качестве военных казацких отрядов с середины XVI в. действовала донская вольница, временно привле-

---

221 *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 156, 203.

222 *Лобин А. Н.* Артиллерия Ивана Грозного. С. 99.

223 *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. С. 83—100.

224 Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. № 1. Л. 2—6.

225 ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. С. 44—45; *Чернов А. В.* Образование стрелецкого войска // Исторические записки. М., 1951. Вып. 38. С. 282—283.

226 *Лобин А. Н.* К истории образования стрелецкого войска (несколько замечаний о статье В. Н. Глазьева) // Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. 2: Дискуссия. Вып. 2. СПб., 2015. С. 67—72.

227 *Пенской В. В.* «Янычары» Ивана Грозного. С. 117.

каемая правительством для ведения боевых действий на территории противника. Так, в Полоцкой кампании в полках по разрядам насчитывалось всего 5000 казаков. По справедливому замечанию А. В. Чернова, «до середины XVI в. служилые казаки не занимали заметного места в составе русского войска»[228].

По вычислениям Ч. Гальперина, в московской полевой армии было от 5000 до 7000 «аркебузиров», что составляло 20 % войска[229]. Между тем если отнести к «аркебузирам» часть городовых казаков, то общая численность вооруженной огнестрельным оружием пехоты в больших походах могла достигать 10 000 человек, или 30 %[230]. Количество пехотных отрядов в войске выросло за счет поместной конницы, численность которой по результатам затянувшихся войн к концу 1570-х гг. значительно снизилась.

Многие историки ошибочно причисляли к вооруженным силам посоху. Источники XVI столетия вполне определенно называли посошными людьми саперные подразделения из собранного крестьянского населения, привлеченные для вполне определенных работ: «к наряду к повороту и к земляному промыслу, к полковому делу»[231].

Итак, к середине XVI в. численность войск значительно увеличилась. Конечно же, из-за отсутствия росписей мы не можем подсчитать количество вооруженных сил России в XVI в. Попытки установить максимальные показатели численности базируются на зыбкой основе и предполагают ряд допущений.

До конца XIX в. историки оперировали сведениями о численности русского войска, взятыми из повествовательных источников, не останавливаясь на их критическом разборе. В историографии фигурировали мнения о вооруженных силах России в 300 000, 150 000, 110 000, 100 000, 50 000 человек[232].

Проблеме численности вооруженных сил была посвящена большая дискуссия в 2009 г., в ходе которой разброс оценок численности у историков получился весьма большой — от 40 000 до 100 000 человек, но все же меньше, чем у дореволюционных и советских историков[233].

В источниках можно найти данные для подсчета численности отдельных групп служилых людей в отдельных походах. Так, пик участия татар приходится на Полоцкий поход — 5580 человек[234].

На основе разрядных росписей можно подсчитать примерное количество и соотношение по родам войск в каждом походе. Так, известно, что в Полоцкий поход пошло более 31 000 (из них 18 000 дворян и детей боярских, не считая боевых слуг) воинов.

Для второй половины XVI в. указанное в разрядных росписях число «сотенных голов» является одним из главных критериев количественного измерения дворянской составляющей, которая была доминирующей в войсках. Головы командовали подразделениями — сотнями, насчитывавшими от 50 до 100, в редких случаях до 200 человек[235] в зависимости от «конности и людности» уездных помещиков и их боевых слуг. Так, в январском походе 1558 г. участ-

[228] *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. С. 30.

[229] *Halperin Ch. J.* Ivan IV's Professional Infantry, The Harquebusiers (*Strel'tsy*): A Question of Numbers // The Journal of Slavic Military Studies. 2017. Vol. 30 (1). P. 99—116.

[230] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 62.

[231] *Лобин А. Н.* Посоха в военных мероприятиях Российского государства XVI в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2019. С. 540—544.

[232] *Keep J.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia: 1462—1874. Oxford, 1985. P. 87—88.

[233] Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1.

[234] Подсчитано по пяти полкам: Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исследования и текст) / Подг. текста, ст. К. В. Петрова. СПб., 2004. С. 39—45.

[235] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 449.

вовало 38 сотенных голов, командиров сотен, в 1559 г. — 46. В 1560 г. в поход в Поле было направлено 46 голов, а под Феллином осадная армия насчитывала 83 головы[236] и т. д. То есть армии под командованием воевод и сотенных голов могли насчитывать от 3000 до 10 000, в некоторых случаях — до 15 000 воинов, а в больших «государевых походах» (Полоцкий и Ливонский) численность всего войска достигала 45 000 бойцов.

Таким образом, источники второй половины XVI в. (прежде всего разрядные данные) позволяют очертить примерные размеры отдельных воинских контингентов, направленных для защиты рубежей, захвата городов или разорения территории противника. Проблема определения численности всех вооруженных сил России в XVI в. не может быть в настоящее время окончательно решена ввиду отсутствия полных сводных данных.

Структура войска, руководство войском. Важными показателями развития вооруженных сил Русского государства второй половины XVI в. стало появление профессиональной специализации отдельных родов войск. Еще в начале столетия дети боярские конной службы и являлись в общем понимании собственно «ратными» людьми; лишь в качестве средства поддержки при них находился «наряд» — огнестрельные орудия большого и малого размера с пищальниками в качестве обслуги. В середине века спектр воинских профессий усложнился, к тому же оформлялись новые разряды ратных людей и подразделений с особым социальным и правовым статусом. К концу столетия мы видим в составе войска следующие *категории служилых людей*:

— в коннице «дальнюю и береговую полковую службу» несли дворяне и дети боярские, служилые татары, служилые иноземцы, а также в отдельных случаях конные даточные с церковных властей; почти все они снаряжались по единому стандарту всадников с саадаками, саблями и иногда с копьями;

— в особый разряд были выделены ратные люди «станичной и сторожевой службы», со снаряжением по тому же образцу, но особыми порядком и задачами службы;

— весьма многочисленной стала категория «пеших людей с вогненным боем» полковой службы; помимо вновь созданных стрельцов, московских и городовых, к ней относились дети боярские «с пищальми» («самопальники»), полковые казаки, казаки вольные и наемные, черкасы, разного рода даточные или посошные люди с пищалями; при всем социальном разнообразии у них был общий тип огнестрельного оружия и в целом схожие тактические формы боя;

— артиллерия и инженерные войска оформились в полк «государева большого наряда» или «наряд у разрядного шатра» в воеводских полках; орудия теперь обслуживал особый пушкарский чин, московский и городовой, в ведении Пушкарского приказа; широкий размах приобрело использование военно-рабочих подразделений — посошных людей с подводами и шанцевым инструментом; в мирное время они же привлекались к строительству засек и других оборонительных сооружений;

— гарнизонные функции («осадную службу») выполняли представители всех упомянутых категорий вооруженных сил; кроме того, все мужское посадское население было обязано иметь оружие для защиты своей крепости, являясь с ним на регулярные смотры; особый вид оборонительных сооружений — засечная черта — обслуживался штатом засечных приказчиков на положении детей боярских.

---

[236] Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 16—20, 40—42; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 174—175, 183—187.

По разным политическим причинам под начало царских воевод поступали контингенты соседних или только что присоединенных государств и народов, как-то: татары казанские, астраханские и ногайские, «подымовные люди» и старейшины мордвы и черемисы Среднего Поволжья, княжеские дружины Северного Кавказа (черкесы и др.), магнатские отряды литовского князя Дмитрия Вишневецкого, конные роты ливонских немцев Юргена Фаренсбаха и короля Магнуса, затем татары и местные племена Западной Сибири. Все они сохраняли особенности своего внутреннего устройства, снаряжения и образа действий, подчиняясь признанным командирам из собственной среды.

Увеличение численности и специализации вооруженных сил потребовало создания прообраза офицерского корпуса — профессионального слоя дворян для замещения должностей командиров среднего звена. Вместо воевод разных уровней появляется широкий спектр должностей как походного войска, так и осадной службы. В походном войске были учреждены, помимо воевод титульных полков, должности различных голов. Так, образцовый по порядку службы Государев полк включал в 1549 г. 33 есаула, которые возглавляли отдельные отряды; в 1563 г. уже свыше 500 человек были расписаны в «головы в становых сторожах», «дозорщики», «головы у знамени», «к кошем» (в обозе), «для посылок», в рынды, есаулы и сотенные головы. Эта номенклатура, которая развивалась и в дальнейшем, служила ориентиром для воевод при организации их собственных полков.

В Казанском походе 1552 г. в Государевом, а затем и в остальных полках появляется должность сотенного головы: «Коемуждо сту браным детем боярьским голову устроит из великых отцов детей, изячных молотцов и искусных ратному делу»[237]. Таким образом, на смену воеводским полкам пришло подразделение нового типа, отвечающее требованиям возросшей численности русской армии[238].

Помимо голов у детей боярских, особые командиры из русских дворян полагались служилым татарам, дружинам горских князей и иноземцам. Если отряд имел собственного знатного военачальника, такой командир получал звание пристава, в остальных случаях, по-видимому, оставался головой[239]. В 1572 г. у роты наемных немцев Ю. Франзбекова (Фаренсбаха) был голова, а у немцев из Юрьева Ливонского и Ругодива — «их приставы»[240]. В 1604 г. к пяти ротам иноземцев Большого полка назначались — частью из Москвы, а частью из полка — особые головы[241].

Пеших людей «с вогненным боем» возглавляли головы и сотники из дворян и детей боярских. В данном случае «стрелецкий голова» оказывался полным аналогом немецкого Hauptmann, стоявшего во главе роты солдат[242]. Более знатные дворяне командовали отрядами по 500 человек не только у стрельцов, но и у наемных «казаков с пищальми», и у даточных с поместий и вотчин[243]. Малопоместные дети боярские

---

[237] ПСРЛ. Т. 13. С. 199.

[238] *Курбатов О. А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идейные источники и цели реформ царского войска. С. 211—224.

[239] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 170—171 (разряд похода 1558 г. в Ливонию).

[240] Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 169, 175.

[241] *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. С. 383 («голову прибрать из полку дворянина или сына боярсково добра»).

[242] Об этом, в частности, пишет Жак Маржерет, употребляя французский вариант звания: «ils sont divisez en Pricas, qui est une compagnie de sinq cens, sur lesquels ils ont un Golova que nous nommerons Cappitaine» (*Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях. С. 72, 144).

[243] Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 175.

возглавляли сотни стрельцов и городовых казаков в качестве сотников; в отдельных случаях (Казань, Полоцк) к сводным сотням полковых «людей боярских с пищальми» назначались головы из дворян и детей боярских[244].

Для командования артиллерией появились «головы у наряда», причем они возглавляли либо батареи из нескольких орудий, либо отдельные расчеты крупнокалиберных стенобитных пищалей; к ним же примыкают «головы у посохи» — командиры военно-рабочих отрядов[245]. С 1574 г. в отдельное командование выделяется «обоз» — передвижное деревянное укрепление[246], к которому назначаются по два воеводы; в их подчинении находились в первую очередь также посошные люди.

В городах, в особенности крепостях на различных театрах военных действий, главами администрации стали назначаться не наместники, а городовые или осадные воеводы. В их подчинение поступали стрелецкий и (или) казачий голова, во главе своих сотен и приказов, и осадный голова, который ведал пушкарским чином, посадскими людьми и прочими горожанами. Засечных приказчиков возглавляли засечные головы и воеводы.

Нужды эффективного управления вооруженными силами требовали единовременного нахождения на службе нескольких сотен командиров в ранге сотников, голов и разного рода воевод. Для их замещения, по идее правительства, был проведен ряд мер военно-административного характера, известных в историографии как Тысячная реформа 1550 г. или как создание выборного дворянства.

Уже в первой трети XVI в. Государев двор утратил характер личного двора московского правителя, который он мог комплектовать по своему усмотрению. Многие представители «честных» фамилий претендовали на звание дворовых детей боярских в силу своего происхождения и служб предков, но далеко не все из них были одинаково способны выполнять служебные поручения. Кроме того, численность двора стала избыточной — 2500 человек только в группе «московских городов», не считая северо-западных уездов страны. При регенстве Елены Глинской, около 1538 г., был составлен новый список детей боярских по уездам из Московских и Новгородских городов, отобранных из числа лучших дворовых и наиболее способных к государственной службе городовых детей боярских. Следующим этапом реформы двора стал указ 1 октября 1550 г. о наделении небольшими служебными поместьями под Москвой тысячи этих служилых людей из иных уездов страны в целях их постоянной готовности к выполнению царских поручений. Знатные дворяне, уже имевшие поместья и вотчины в окрестностях Москвы, в состав этих тысячников не вошли, но при этом были обязаны нести одинаковую с ними службу.

Главным результатом Тысячной реформы стало резкое обновление Государева двора в плане служебной годности. Низшим и наиболее многочисленным его слоем стали «дети боярские выборные», а дворовые дети боярские постепенно стали служить «с городом», одновременно представляя собой (до 1560-х гг.) кадровый резерв для «выбора»[247].

Этот процесс не замедлил отразиться на практике воеводских и командных назначений и порядке росписи дворян по полкам. Уже в 1549 г. по разрядной записи Казанского похода дворовые дети боярские в одни полки направлялись по-прежнему особым списком, но в большинстве случа-

[244] ПСРЛ. Т. 13. С. 206, 214; Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 139.

[245] *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества. М., 2009. С. 325.

[246] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 251. В историографии оно более известно обиходным именем «гуляй-город».

[247] *Бенционов М. М.* «Князья, бояре и дети боярские». С. 232—247.

ев — уже вместе с городовым чином своего уезда. Сотенные и прочие головы из выборных дворян стали чином, который регулярно отражался в разрядных записях, в том числе в официальных Государевых разрядах (с 1558 г.)[248]. Полковая роспись начала 1572 г. показывает, что Разрядный приказ направлял в распоряжение береговых воевод фиксированное число «детей боярских выборных» (от 10 до 40 человек к десяти воеводам, всего 180 человек)[249], а воеводы уже сами распределяли между ними командные должности.

Тысячная реформа 1550 г. не была выполнена в задуманном виде. Тысячники северо-западных уездов так и не получили подмосковных поместий, и в 1580-х гг. выборный чин в них полностью исчезает. Дворовые дети боярские этих городов продолжали занимать те же командные должности, что и выборные в Московских, но только в пределах своей области[250]. Опричные мероприятия после 1565 г. прервали процесс испомещения выборных дворян под Москвой и даже привели к образованию особого московского «служилого города» с дворовыми и городовыми детьми боярскими. Лишь с 1587/88 г. правительство вернулось к прежней идее. За счет земель упраздненного служилого города и дворцовых земель поместьями были вновь наделены все члены Государева двора, нуждающиеся в них для службы. Этому способствовало сокращение окладов: выборные дворяне и жильцы наделялись поместьями по 50 четвертей, прочие чины московские, дьяки и стрелецкие головы — по 100, а окольничие и бояре — соответственно по 150 и 200[251]. Московские чины были разделены на служебные «трети»; каждая из них проживала под Москвой в течение трети года, будучи готовой к замещению полковых, городовых и прочих должностей.

Новые потребности в организации вооруженных сил вели к появлению новых специальных ведомств и расширению функций уже существующих. Уже в 1534/35 г. упоминаются разрядные дьяки и подьячие — зародыш Разрядного приказа. Затем из дворцового ведомства выделяются Поместная изба (1554/55), Стрелецкая изба (1571), Пушкарская изба (1577), Приказ служилых «немцев», затем Панский (до 1588)[252] — ведомства, так или иначе связанные с ратной службой. Последние три приказа заведовали ратными людьми соответствующих категорий (стрельцы, пушкарский чин, служилые иноземцы), тогда как в Разряде и Поместном приказе регулировались служба и земельное обеспечение дворян и детей боярских. Пушкарский приказ (известный также как Городовой и Засечный) ведал производством артиллерийских орудий и боеприпасов по всей стране, а также строительством и содержанием оборонительных сооружений (крепостей и засечных черт).

Важным нововведением, мотивирующим служилых людей «по отечеству» к исправной службе, стал учет всех их служб в Разрядном приказе. Для поощрения стал использоваться ряд видов «государева жалованья». По словам князя А. Курбского, «и аще хто явитца мужественным в битвах и окрововит руку во крови вражии, сего дарованми почитано, яко движимыми вещми,

---

[248] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 166, 174.

[249] Документы о сражении при Молодях в 1572 году. С. 174—177.

[250] *Павлов А. П.* Новгородское дворянство и Государев двор XVI—XVII вв. // От Древней Руси к России Нового времени. С. 140—147.

[251] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). С. 140—148.

[252] *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв.: Словарь-справочник. С. 13—15, 68, 125, 146, 156, 178.

так и недвижимыми»[253]. Это явный намек на хорошо известные в начале XVII в. «послужные списки», которые составляли сотенные головы по итогам каждого боя.

Для детей боярских наградами стали служить денежные и поместные «придачи», назначение денежного жалованья из Четверти либо пожалование в высший чин (из городовых в дворовые, из стряпчих в стольники и т. п.). Денежное жалованье выплачивалось за взятие пленных и за «убитых мужиков» (за поражение вражеских воинов), а также «на лечьбу ран» в зависимости от тяжести ранения. Целое войско могло быть пожаловано «наградными золотыми» (монетами разной номинации) в зависимости от чина ратников. Учет этих отличий потребовал больших объемов делопроизводства. Практика регулярного составления десятен разных типов по всем служилым «городам» поставила на новый качественный уровень учет служебных назначений и наград. Это превратило Разрядный приказ в полноценное кадровое учреждение, ведавшее всеми служилыми людьми «по отечеству»[254].

Размещение войск, тактика боя. Военно-политическая обстановка второй половины XVI в. требовала ежегодно размещать войска на нескольких стратегических направлениях. В условиях повторяющихся назначений воевод и групп ратных людей на «полковые службы» в практике Разрядного приказа появились конкретные территориальные «розряды» — группы воеводских полков в тех или иных городах. Изначально этот термин использовался в отношении каждой отдельной росписи воевод и полковой документации в целом, но постепенно он перешел на сами соединения ратных людей.

Прежде всего следует назвать Украинный и Береговой разряды. Самым ответственным и старым был разряд полков на южных рубежах страны, по реке Оке («на Берегу») и за Окой. Почти бессменным его руководителем и одним из важнейших организаторов был боярин князь Дмитрий Федорович Бельский (1521—1550), а после его смерти — сын, князь Иван Дмитриевич (1555—1571). Поначалу основные силы русского войска, расписанные на пять полков, собирали для прикрытия основных бродов через Оку и лишь изредка посылали передовые отряды за реку. Эта рать называлась «на Берегу, от Поля». В 1540-х гг. количество воеводских полков за Окой резко возрастает, они стоят на окраинах Рязанской земли (Пронск, Михайлов, Зарайск), вокруг Тулы (Тула, Одоев, Белев, Козельск, Карачев и Мценск), а также на Северской земле (Новгород-Северский, Путивль, Почеп и др.). «На Берегу» остаются, по всей видимости, резервы — например, только в Калуге, Коломне и Серпухове (1543). Но главнокомандующий береговыми ратями располагался постоянно в Коломне, туда же «по большим вестям» выступал и сам московский государь со своим двором. Службу «на Берегу» несли дети боярские как Московских, так и Новгородских городов (в случае мира на западной границе). В качестве максимальной численности данной группировки правомерно назвать цифру 16 000 человек из наряда 1572 г., но обычно, конечно же, она была меньше.

В 1550-х гг. ситуация стала решительно меняться. С 1551 по 1569 г. за Окой было построено полтора десятка новых крепостей, которые стали опорными пунктами для конных полков. Между ними по лесным массивам активно возводились засеки, чаще всего вдоль отдельных рек. Гарнизоны

[253] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 26, 516—517.

[254] *Курбатов О. А.* «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558—1583 гг. // История Военного Дела: Исследования и источники. Первый военно-исторический журнал online. 2013. URL: http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3 (дата обращения:14.08.2013).

крепостей состояли из стрельцов и пушкарей (для защиты стен) и конных казаков с пищалями (для полковой службы). В уезде создавался новый служилый «город» за счет испомещения безземельных детей боярских (в Мордовских землях — служилых татар). Уже в 1563 г. к участию в Полоцком походе Ивана IV было привлечено ровно 1100 человек детей боярских из украинных уездов и свыше 400 человек рязанских помещиков — и это не считая татар и городовых казаков. К 1572 г. число детей боярских украинных городов достигло 1850 человек в полковой службе, где их усиливали 1405 стрельцов и казаков «с пищалями» из тех же городов. В 1604 г. в рать против Лжедмитрия I украинные, рязанские и мещерские уезды выставили свыше 11 000 ратных людей (6000 детей боярских, свыше 2200 служилых татар и 3200 казаков и стрельцов). Таким образом, «украинные полки» стали представлять собой внушительную силу, особенно с опорой на крепости и засечные линии.

В организационном плане это отразилось в окончательном оформлении двух разрядных росписей полковых воевод: теперь в случае набега соразмерных татарских сил украинные воеводы не ждали подмоги «с Берега», а соединялись в самостоятельные полки. Это позволяло оперативно реагировать на стремительные рейдовые операции. Центром Украинного разряда (с 1559 г.) был Дедилов, а после 1573 г. — Тула. Дальнейший рост числа ратных людей привел к образованию отдельно Тульского и Рязанского разрядов (с 1584 г.), по три «титульных» полка в каждом[255]. Полки Берегового разряда в 1572—1598 гг. собирались на службу ежегодно, на сей раз с центром уже не в Коломне, а в Серпухове. Чаще всего воеводой Большого полка здесь назначался боярин князь Иван Федорович Мстиславский (с 1576 г.), один из знатнейших членов правительства. Завершение строительства засечной черты от Мордовских до Муромских лесов[256] и ослабление татарской угрозы привели к полному прекращению береговой службы по Оке после 1598 г.

Сторожевую службу в степи в эти годы несли большей частью севрюки (выходцы из городов Северской земли) или путивльские и рыльские станичники. В течение 1560-х гг. сторожевая служба показала свое несовершенство: станичники то не замечали подхода крупных татарских ратей, то, напротив, поднимали ложную тревогу[257]. Эта ситуация привела к идее кардинальной реорганизации станичной и сторожевой службы. Главой боярской комиссии по этому вопросу 1 января 1571 г. был назначен князь Михаил Воротынский, который уже в феврале провел совещание со станичниками «из всех украинных городов».

В итоге правительство полностью отказалось от услуг неслужилых, наемных разведчиков (севрюков, черкасов, донских и других казаков), полностью возложив задачи разведки в Поле на служилых людей. Маршруты и периодичность движения путивльских и рыльских станиц, а также места дислокации и численность сторож в Поле письменно фиксировались в разрядных книгах, что превращало их в штатную пограничную службу; на важнейших направлениях вновь создавались четыре сводные сторожи, которые сами посылали от себя далее к югу проезжие станицы. Маршруты станиц достигали верховьев Самары,

[255] *Курбатов О. А.* Областные разряды царского войска, от воеводских росписей до военных округов // Белгородская черта. Вып. 2. Белгород, 2017. С. 3—15.

[256] *Дедук А. В.* Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников) // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3. М., 2014. С. 458—464.

[257] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 145—147, 151—153.

Миуса и Орели, «освещая» шляхи по всему Полю. Весной 1571 г. отряды М. Тюфякина и Ю. Булгакова установили «признаки», или ориентиры, для станиц глубоко в степи (на Орели, Миусе и на восточной стороне Дона)[258]. Несмотря на бедственные события 1571 и 1572 гг., сторожевая служба была налажена в указанном боярскими приговорами виде, а затем стала совершенствоваться.

Существовал также Разряд от Казанской украины. После кончины Василия III обострилась военно-политическая ситуация на казанском направлении. Правительство Елены Глинской, помимо мобилизации войск, ответило на это строительством новых крепостей. В Мещере в течение 1536 г. были построены города Кадом и Темников на реке Мокше, вдоль которой стали сооружать засечную черту. Уже скоро в уездах этих городов сформировались свои татарские служилые корпорации. В 1537 г. появляется понятие «воевода от Казанской украины». Конные полки разместились во Владимире (основные силы), в Муроме, Мещере, Нижнем Новгороде, на Костроме и в Галиче. В основе их действий был перехват казанских набегов «по вестям», для чего предусматривался сход воевод в крупную рать. С 1548 г. резервное войско стало собираться в Муроме (10 полковых воевод), остальные полки стояли на Костроме, в Галиче и Нижнем Новгороде. Отдельный отряд с воеводами-«годовальщиками» дежурил в Васильсурске. После неудачного похода 1549—1550 гг. новые полки появились в Касимове, Гороховце и на Плесе.

После завоевания Казани вспыхнула Черемисская война 1553—1557 гг., в связи с чем продолжали составляться ежегодные росписи воевод. Теперь по 5—7 воевод назначались в Казань, откуда ведались Заволжские земли, и в Свияжск, которому была подведомственна «горная черемиса». Продолжалось «годование» в Васильсурске, а с 1555 г. — в новопостроенных Чебоксарах. В то же время ратные люди из мещерских, заволжских и даже других замосковных уездов посылались в карательные походы по-прежнему из Галича, Мурома, Владимира и Суздаля. Вновь росписи воевод и осадных голов «от Казанские украины» появились в разрядах в 1583—1586 гг. в связи с очередным восстанием черемисов. Помимо Казани с пригородами, в их число вошли Нижний Новгород, Балахна, Арзамас, Кинешма, Кострома, Юрьевец-Повольский и Галич[259].

В 1550—1560-х гг. были сформированы служилые «города» в Казанской земле, однако основной силой здесь, в отличие от южных границ, стали стрельцы. Они составляли гарнизоны Казани, Свияжска, Астрахани, Терков и десятков крепостей Нижнего и Среднего Поволжья. Волжский путь позволял оперативно собирать из них сводные «судовые» рати, перебрасывая их по региону в необходимые пункты. В мирное время стрельцы несли охрану множества торговых караванов, которые подвергались опасности со стороны кочевников и «воровских казаков». Если ориентироваться на данные 1610—1620-х гг.[260], численность дворян и детей боярских, «жильцов» Казани с пригородами и Свияжска достигала 700 человек. Стрелецких приказов, среди которых нередко были и присланные московские, насчитывалось около десятка от Свияжска и Казани до Астрахани и Терков. Важной особенностью было

[258] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 154—169.

[259] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 339—341, 390—391.

[260] Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 48—50, 359, 1143—1147 и др.

наличие конных стрельцов, которые несли ту же службу, что полковые казаки на других рубежах.

Во второй половине XVI в. тактические построения, формы боя и боевые приемы русского войска стали отличаться большим разнообразием. Походный боевой порядок представлял собой колонну конницы «титульных полков», построенных либо четырехугольником с выделением в стороны полков правой и левой руки, либо эшелонами, полк за полком[261]. В любом случае во главе войска шел отборный сводный полк — ертаул, который выделял из своего состава разведывательные отряды (станицы) и завязывал бой в случае обнаружения противника. Завязка битвы, начинавшаяся с лучной перестрелки, называлась травлей, а передовые бойцы — стравщиками. На практике передовой воевода по мере развития боя распоряжался сотнями, которые присылали ему военачальники прочих «титульных полков». Те в свою очередь либо спешили к полю боя с остатками своих частей и обозом, либо искали пути обхода противника.

Формы конной схватки включали «дальний лучный бой» — методичный обстрел противника стрелами на полном скаку — и рукопашный «съемный бой». В ближний бой большинство вступали с саблями, и только наиболее опытные и «доспешные» всадники применяли в бою копья[262]. Конная схватка представляла собой смену атак и отходных маневров конных сотен, имевшую строгий порядок и определенную цель. Нередко применялось обманное бегство, подводящее противника под удар засады[263].

Пехота с пушками обычно следовала с обозом, однако в случае необходимости стрельцы могли выдвинуться на передовую, чтобы стрельбой выбить противника из его укреплений. С 1572 г. для борьбы с крупной татарской ратью стал использоваться вновь созданный полевой гуляй-город, способный укрыть за своими стенами все царское войско. Бои под Молодями (1572) явили примеры умелого сочетания пальбы пехоты и наряда и внезапных лобовых атак из гуляй-города с обманными и обходными движениями конницы. Там же против татар с успехом применили атаки рейтарских эскадронов ливонских немцев, поражавших противника залпами из карабинов с коня в упор[264]. Значение пехоты на поле боя особенно возросло в конце Ливонской войны, когда разоренная русская конница стала терпеть неудачи в боях с польско-литовскими гусарами. Полевой обоз со стрельцами и пушками на западном направлении превратился в опору боевого порядка царского войска.

Осадная тактика уже во время взятия Казани стала более решительной[265]. Атака участка крепости начиналась с выдвижения масс пеших ратников к самому рву. Под прикрытием их интенсивной стрельбы

---

[261] *Курбатов О. А.* Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (с середины XVI в. до середины XVII в.) // Военная археология: Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 53—82.

[262] *Курбатов О. А.* «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени // История Военного Дела: Исследования и источники. 2013. URL: http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2 (дата обращения: 23.04.2013).

[263] *Курбатов О. А.* Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология: Ежегодник: 2003/2004: Новые научные направления. М., 2005. С. 193—213.

[264] *Курбатов О. А.* Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М., 2006. С. 18—34.

[265] *Марголин С. Л.* Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного исторического музея. Т. 20. М., 1948. С. 92—93.

по верху стены и бойницам на кратчайшем расстоянии от крепости возводились укрытия (засыпанные землей плетеные туры), за которыми располагались орудия. Для защиты от вражеских стрел «людям боярским» было положено иметь обычные доспехи, а с полоцкой осады (1563) упоминаются специальные передвижные дубовые щиты. Вылазки противника отражали специально назначенные конные сотни детей боярских. После устройства батарей начиналась канонада. Огонь артиллерии в упор эффективно разносил бревенчатые башни, стены и насыпной вал, засыпая при этом ров[266]. Для стрельбы внутрь города использовали передвижные осадные башни с небольшими орудиями наверху. В казанскую осаду впервые с успехом применили подкопы, с помощью которых удалось взорвать целые участки укреплений, впоследствии подкоп стал одним из основных видов осадных работ. Активно использовались зажигательные средства (примёт) для поджога деревянных укреплений. Мощь осадных и даже полевых орудий позволяла эффективно бороться и со средневековыми каменными замками Ливонии. Штурм проводился не только пехотой, но и спешенной конницей.

Стрельцы вели залповый огонь, обучаясь «аркебузу по германским правилам»[267]. Разного рода сборные люди с пищалями могли следовать их примеру, хотя регулярного тактического обучения они не проходили[268]. Необходимость бороться с конницей противника на исходе Ливонской войны заставила дополнительно вооружить стрельцов древковым оружием — бердышами и рогатинами.

Интересна тактика казачьего огненного боя на стругах[269]. Лучшие стрелки располагались вдоль борта, с которого был виден противник, а прочие заряжали и передавали им пищали — таким образом поддерживался интенсивный убийственный огонь. Именно такая тактика позволяла казакам Ермака обращать в бегство ополчения сибирских народов, а волжским казакам громить на переправах ногайских татар.

Итак, реформы 1550-х гг. вдохнули жизнь в русское войско, сделав его одним из наиболее эффективных военных механизмов во всей Восточной Европе. Его успех был подготовлен развитием военной промышленности (в особенности артиллерии) и ростом численности служилых людей «по отечеству» и населения в целом. Более того, первые шаги (зарождение Разрядного приказа, создание списков выборных детей боярских) были сделаны еще в правление Елены Глинской.

Реорганизация Государева двора и создание выборного дворянства дало избыточные по численности и прекрасно мотивированные к службе кадры для новой армии. «Приговор о службе и о местах» 1550 г., сотенная реформа 1552 г. оптимизировали устройство главной ударной силы — конницы «полковой службы». Воеводские полки получили ясную и стройную организацию, отвечающую требованиям современного им полевого боя. Практика регулярных смотров и «разборов» ратных людей позволила резко повысить качество «дальней полковой службы», при которой жалованьем наделялись наиболее боеспособные ратные люди, а «худые» переводились в пищальники или «осадные дети боярские». Разборы продолжались и в полках, выделяя для боя отборные сотни и ертаулы. Опричные мероприятия затормозили многие намеченные тенденции, но правительство Бориса Годунова сумело выправить ситуацию.

Завоевания в Поволжье, Ливонии и Литве были обеспечены превосходством царского войска в артиллерии, пехоте и ин-

[266] *Лобин А. Н.* Артиллерия Ивана Грозного. С. 178—261.

[267] Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический архив. М.; Л. 1940. Т. 3. С. 342.

[268] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 266.

[269] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 86—89.

женерно-саперных силах. Мощные артиллерийские орудия различных типов доставлялись в большом количестве в необходимые пункты и приносили победу при осаде вражеских крепостей. Приказная администрация прекрасно справлялась с задачами логистического характера — сбора посошных людей и подвод, подвоза боеприпасов, ремонта орудийных станков. Неожиданно удачным оказалось применение против татар гуляй-города как опорного пункта пехоты и артиллерии — в Западной Европе подобные «вагенбурги» уже уходили в прошлое.

Стрелецкая пехота, на первых порах выполняющая функцию телохранителей царя, стремительно проделала путь до важной составляющей любой военной операции. На некоторых направлениях — в первую очередь в Поволжье — стрельцы стали основой военного присутствия в регионе. Их боевая эффективность во второй половине XVI в. была неизменно высока во всех ситуациях, что поднимало стрельцов (в особенности московских) на уровень элитных подразделений русской армии.

Успешно была решена на своем этапе задача обороны Русской земли от набегов крымских и ногайских татар. К концу XVI в. основным рубежом обороны становится не берег Оки, а города-крепости по засечной черте, с опорой на которую несли службу полки Украинного разряда. Реформа 1571 г. заложила основы правильно поставленной и эффективной станичной и сторожевой службы для раннего обнаружения татарских отрядов. Постройка восьми «городов в Поле» (Воронеж, Ливны, Валуйки и т. п.) с их мощными гарнизонами создала новые сложности для вражеских рейдов, дополнительно перекрыв основные шляхи — пути вторжения татар на Русь.

При всей эффективности и значимости происходивших преобразований бурный прогресс европейского военного искусства и техники бросал новые трудные вызовы царским ратям. Качественное превосходство западной военной машины ясно обнаружилось на заключительном этапе Ливонских войн — в 1578—1582 гг. Речь Посполитая сумела мобилизовать действительно массовую армию, обеспечив себе преимущество на главных направлениях ударов. Особенно яркое качественное превосходство стала демонстрировать вражеская кавалерия, и эта проблема вновь даст о себе знать в эпоху Смутного времени начала XVII в. Армия, не имевшая себе равных на востоке, оказалась не вполне готова к столкновению с польско-литовскими и шведскими войсками новейшего типа, хотя этот недостаток еще не стал критическим.

Казачество

Появление казачества на окраинах Московского государства большинство историков относит к рубежу XV—XVI вв. Однако споры о предыстории казачества не утихают уже два столетия, и поэтому мы имеем богатое историографическое наследие[270]. Ряд исследователей (В. В. Мавродин, Н. М. Волынкин) видели «прообраз будущих казаков» в так называемых бродниках — полуоседлом, полупромысловом, полуземледельческом населении славянского происхождения, обосновавшемся в XII—XIII вв. в низовьях Дона, на Северном Кавказе и Нижнем Подунавье[271]. След,

[270] См. подробнее историографию вопроса: *Никитин Н. И.* Происхождение казачества: Мифы и реальность // Осторожно, история! Мифы и легенды нашей страны. М., 2011. С. 44—65; *Он же.* К вопросу о происхождении казачества // Вопросы истории. 2016. № 8. С. 59—69.

[271] *Мавродин В. В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 11.

оставленный ими в истории, оказался незначительным, и между 1353 г. (последним упоминанием о бродниках в летописи[272]) и концом XV в. «зияет лакуна» (В. Н. Королев) и «отсутствует преемственная связь» (Н. И. Никитин)[273].

Предками казаков в исторической литературе называли новгородских ушкуйников, вольные отряды которых совершали грабительские походы на лодках (ушкуях) и оседали в XIV в. по берегам южнорусских рек и на Северном Кавказе, пополняя свои ватаги местными жителями[274]. На историю возникновения легендарной версии отчасти проливают свет материалы о написании книги о терских казаках И. Д. Попко[275]. В 70-е гг. XIX в. устанавливались новые пожалования за службу высшего офицерства казачьих войск исходя из его «древности», и штаб Терского казачьего войска поручил И. Д. Попко написать историю терско-гребенского казачества — доказать его древнейшее происхождение, опираясь на предания, собранные в казачьих станицах[276].

В качестве первоначального ядра казачества исследователи называли червленоярцев — православное население хоперско-донского междуречья (Червленого Яра), образ жизни которых был близок к казачьему. А. А. Шенников считал их предками казаков[277]. Однако преемственная связь червленоярцев XIV в. с позднейшим казачеством «не подтверждается ни археологическими раскопками, ни данными письменных источников»[278].

В XV в. на просторах Дикого поля (Поля), в степях между Волгой и Днепром, появились выходцы из татарских орд, которых историки, опираясь на различные источники, относят к протоказачьим объединениям. Так, в польской хронике под 1469 г. было записано: «...множество татар, собранные из беглецов, грабителей и изгоев, которых они на своем языке называют казаками <...> вторглись <...> на землю Польского королевства»[279]. В Московском летописном своде XV в. под 1492 г. отмечалось: «Июня в 10-й день приходили татаровя ординские казаки, в головах приходил Томешок зовут, а с ним двесте и дватцать человек — во Алексин на волость на Вошан и, пограбив, поидоша назад»[280].

Термин «казак» тюркского происхождения, и этимология слова сводится к следу-

---

С. 257—262; *Волынкин Н. М.* Предшественники казачества — бродники // Вестник ЛГУ. 1949. № 8. С. 56—62; *Аверин И. А.* Бродники: Миф и реальность // Казаки России: (Проблемы истории казачества). М., 1993. С. 41—53; *Перхавко В. Б.* Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 70—75.

[272] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. С. 63.

[273] *Королев В. Н.* К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII—XVI веках // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов н/Д, 1989. С. 123; *Никитин Н. И.* К вопросу о происхождении казачества // Вопросы истории. 2016. № 8. С. 64.

[274] *Васильев И. Ю.* Генезис русского казачества // Исторический формат. 2015. № 4. С. 234.

[275] *Попко И. Д.* Терские казаки с стародавних времен: Исторический очерк. Вып. 1: Гребенское войско. СПб., 1880.

[276] *Козлов С. А.* Терско-гребенское казачество и миграция населения Северо-Запада России в XIV—XVII вв. // Казачество в истории России: Тезисы докладов международной научной конференции. Краснодар, 1993. С. 69—70.

[277] *Шенников А. А.* Червленый яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Л., 1987. С. 68—71.

[278] *Никитин Н. И.* К вопросу о происхождении казачества. С. 65. Гипотеза А. А. Шенникова была убедительно раскритикована М. В. Цыбиным (*Цыбин М. В.* [Рец.] А. А. Шенников. «Червленый яр» // История СССР. 1990. № 2. С. 194).

[279] Цит. по: *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт эли: Очерки истории. Тула, 2010. С. 26.

[280] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 386.

ющему: это человек, лишившийся своего скота и кочевий, ставший бродягой, скитальцем; вольный искатель приключений, промышлявший военным делом[281]. У татар казаками называли и низший разряд воинов (легковооруженную конницу), находившихся на службе у мирз[282]. В русских источниках конца XIV — XV в. казаками на севере Руси называли вольнонаемных работников (батраков)[283], но в дальнейшем слово «казак» стало обозначать воина, обитавшего в степи.

В XVI в. начинается этап формирования российского казачества, когда в южные степи «по рекам» устремляются выходцы из Руси — обнищавшие служилые люди (дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкари), а также «гулящие», «работные», посадские люди и беглые крестьяне[284]. Постепенно восточнославянское население стало преобладать в казачьих сообществах, однако татары по-прежнему составляли значительную часть. Так, московские власти в 1546 г. сообщали в Ногайскую Орду: «На Поле ходят казаки многие — казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними ж смешався, ходят <...> а учинив которое лихо разъезжаются по своим землям»[285]. Во многом это определяло татарский (тюркский) характер казачьей терминологии (слова «атаман», «есаул», «майдан», «дуван», «бунчук», «курень», «чура»)[286].

В русских источниках чаще всего степных казаков именовали по названию реки, где они оседали: донские, волжские, терские, яицкие. На протяжении XVI в. сложились основные районы обитания казачьих сообществ: средний и нижний Дон с притоками, Волга от Самарской Луки до Астрахани, Яик и Эмба, Терек от устья и низовьев до терско-сунженского междуречья, склонов Терского хребта и далее до правобережья Сунжи[287].

Казачество делилось на две группы — вольных и служилых. Определением «вольный» подчеркивалось независимое положение казаков, их отличие от крестьян, холопов и служилых людей, обязанных нести государеву службу. Не случайно русские послы в Грузию в 1589 г. писали: «...то казак вольной, живет на поле, а государево жалованье им идет временем, как их ко государю служба будет, а не по вся годы, а государевы стрельцы к казакам не применятся люди государя нашего пожалованные»[288]. Служилые (городовые, сторожевые, полковые) казаки зачастую размещались

[281] Подробнее о спорах среди филологов и историков об этимологии слова «казак» см.: *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 19—32; *Благова Г. Ф.* Исторические взаимоотношения слов казак и казах // Этнонимы: Сборник статей / Отв. ред. В. А. Никонов. М., 1970. С. 143—148.

[282] *Никитин Н. И.* Взаимоотношения с вольным казачеством и вхождение казачьих областей в состав России // Российская империя от истоков до начала XIX в.: Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 68.

[283] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893. С. 1173—1174.

[284] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 116—118; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 7—8; *Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 189.

[285] Цит. по: *Куц О. Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: Политическая и военная история. М., 2014. С. 38.

[286] *Никитин Н. И.* Учебные пособия по истории казачества и некоторые проблемы современной историографии // Российская история. 2019. № 4. С. 149.

[287] *Никитин Н. И.* Взаимоотношения с вольным казачеством и вхождение казачьих областей в состав России. С. 69; *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI—XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 14.

[288] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1: 1578—1613 гг. М., 1889. С. 210.

в пограничных («украинных») гарнизонах и по своему положению мало чем отличались от служилых людей «по прибору» (стрельцов, пушкарей), несших военную службу.

Разделение казачества по рекам было в значительной мере условно. Отдельные группы казаков часто переходили с Дона на Волгу, с Волги на Яик и Терек и т. д. Из-за большой подвижности, постоянных переездов одни и те же казачьи отряды иногда назывались в источниках то донскими, то волжскими, то терскими.

В документе 1586 г., например, упоминался посланный воеводами из Москвы для сопровождения крымского царевича терский атаман Борис Татаринов, «а с ним десят человек казаков». В посольской отписке того же года сообщалось о том, что «с царевичем Мурат Киреем <...> пошло волских атаманов с казаки Борис Татарин, а с ним девяносто пять человек, да Иванко Рязанец, а с ним пятьдесят человек». Итак, отправляясь из Москвы для сопровождения крымского царевича терским атаманом, Борис Татаринов вскоре присоединился к волжским казакам. В дальнейшем документы сообщали о том, что на Волге действовал «воровской» атаман Борис Татарин с 150 казаками и соединившимися с ним запорожцами. В 1588—1589 гг. они были разгромлены царскими ратными людьми[289].

На начальном этапе формирования вольных казачьих сообществ их поселения — городки — были временными и весьма небольшими по размерам. Первые сведения о нескольких казачьих городках на Дону относятся к 1548 г.; к концу столетия на Донской земле имелось свыше трех десятков городков, среди которых выделялись Донецкие Раздоры, расположенные при впадении Северского Донца в Дон[290]. На Волге в 60-е гг. XVI в. небольшие казачьи острожки появились возле перевозов к северу от Астрахани, в Самарской Луке; на Яике и Эмбе к XVII в. было около десяти городков[291]. Первые упоминания о месте пребывания «вольных терских казаков» встречались в царской грамоте 1581 г., где указывалось, что «беглые казаки <...> живут на Терке на море», т. е. как в устье Терека, так и по его течению[292].

В силу неустойчивости и постоянных миграций казачьих отрядов нелегко определить численность первых казачьих сообществ на запольных реках. К началу XVII в. на Дону в станицах семи низовых атаманов насчитывалось 1888 (общая численность не менее 9000), на Волге — около 3000, на Тереке — от 500 до 1000 казаков[293].

К концу XVI — началу XVII в. вольное казачество на Дону, Яике и Тереке начало оформляться организационно: складывается войско — военная, политическая и социальная форма объединения казаков. Волжские казаки не смогли создать войсковой организации, оказавшись окруженными целой цепью городов-крепостей: Самарой (1586), Царицыном (1588), Саратовом (1590). Вольные волжские казаки начали активно превращаться в служилых. Те же, кто не желал подчиняться российской власти, устремились к своим собратьям на запольные реки.

Высшим органом власти в казачьем войске был круг — собрание казаков-воинов

---

289 *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI—XVIII). С. 10.

290 *Мининков Н. А* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 111—112.

291 *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 169.

292 Цит. по: *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI—XVIII). С. 12.

293 *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века. С. 170; *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637—1667). СПб., 2009. С. 261; *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI—XVIII). С. 12.

«всей реки». На нем решались важнейшие вопросы. Круг посылал депутации в Москву, направлял различные отписки «ото всех станиц», в которых давался подробный анализ текущих событий и перечислялись основные просьбы казаков. Казачий совет занимался дележом военной добычи и жалованья, судопроизводством, давал санкции на военные походы, регулировал внутрихозяйственную жизнь и решал житейские вопросы.

На общем собрании казаков избирался войсковой атаман, которому принадлежала исполнительная власть в войске. Обычно им становился один из станичных (рядовых, головных, зимовных) атаманов, пользовавшийся наибольшим авторитетом среди казаков. На время похода казаки избирали походного атамана, которому давались неограниченные полномочия. Нередко эту должность совмещал войсковой атаман. Вторым по значению лицом в казачьем войске являлся есаул, которого тоже выбирали на кругу.

Управление в казачьих городках было организовано по тому же принципу, что и общевойсковое. Также созывались круги, где казаки решали различные текущие вопросы, не требовавшие выноса на «совет всего войска»; избирались атаманы и есаулы, которые были обязаны выполнять волю казаков городка. Решения круга становились законом для всех казаков городка. Те же, кто нарушал их, изгонялись из казачьей общины.

Историки усматривали стадиальную близость русской общины и вольных казачьих сообществ XVI—XVII вв. По мнению Л. Б. Заседателевой, терский казачий курень «с самого начала складывался как сельская соседская община. Внешне это была военная дружина (ватажка), внутренне (в мирной, обыденной жизни) — соседская община»[294]. С этим согласуется предположение Н. И. Никитина о том, что социальные институты казачьих сообществ генетически восходят к соседской общине[295]. Л. В. Данилова относила казачьи общины к «системе сельских общин, еще сохраняющих вооруженную силу»[296]. Безусловно, традиции мирского самоуправления, коллективизма и взаимопомощи нашли свое отражение в вольных казачьих общинах на запольных реках.

В документах конца XVI — начала XVII в. уже прослеживается разделение на «лучших», «старых» и «молодых» казаков. Под «старыми» подразумевались казаки-первопоселенцы (коренные), атаман и его приближенные («лучшие»). «Молодыми» называли рядовых казаков из числа недавних пришельцев. В казачьих войсках «старые» казаки (станичные атаманы и их окружение) довольно быстро начинали играть ведущую роль при принятии решений на кругу. У вольных казаков сложился институт ученичества. «Товарищи», или «чуры», в войске занимали подчиненное положение и не пользовались правом голоса на казачьих сходках[297].

На начальном этапе формирования у вольных казачьих сообществ сохранялось относительное равенство, что было обусловлено тем, что атаман и его приближенные («лучшие», «добрые», «старые» казаки) существенно не отличались от основной массы казачества и не имели стимулов действовать вопреки ее интересам. Не ста-

---

[294] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Историко-этнографические очерки. С. 229.

[295] *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века. С. 176.

[296] *Данилова Л. В.* Природа социально-клановых антагонизмов при феодализме // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. М., 1988. С. 17.

[297] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 9.

ло распространенным у казаков наследование собственности[298].

В исторической литературе давно предпринимались попытки типологизации вольных казачьих сообществ[299]. Н. И. Никитин, А. И. Агафонов, А. Каппелер и другие доказывали архаичность социального устройства вольного казачества, которое более всего напоминает социально-политическую структуру доклассового общества в период военной демократии[300]. По мнению Н. И. Никитина, в рамки периода военной демократии вписываются следующие черты казачьего уклада: «...в атаманах нетрудно узнать военных вождей, в кругах — народные собрания; выборность вождей, равенство в правах и обязанностях, личная свобода и поголовное вооружение членов сообщества, крайне важное место и значение военных походов»[301].

С. Г. Сватиков считал, что донское войско в XVI—XVII вв. представляло собой военно-демократическую республику со своими территорией, народом и властью[302]. В. А. Голобуцкий и И. Г. Рознер рассматривали вольные казачьи сообщества как «антифеодальные государственные образования»[303]. Н. А. Мининков полагал: «...на казачьих реках имелись те же основы демократического устройства, что и в несколько более ранее время на русском Севере»[304]. А. Ю. Дворниченко также видел в казачьих сообществах многие черты вечевого строя Древней Руси с ее городами-государствами. При этом «казацкая государственность», по мнению историка, так и не успев дойти до конца, была поглощена соседними государственными образованиями[305].

Вольные казаки, проживавшие «по рекам», представляли самостоятельную и грозную силу, находившуюся вне пределов юрисдикции Московского государства, взаимоотношения с которым долгое время напоминали контакты между отдельными равноправными субъектами и шли через Посольский приказ[306]. Будучи союзниками российских властей в борьбе с турецко-татарской агрессией, вольные казаки отстаивали принцип добровольной службы «великому государю» и считали вправе «отъезжать» с нее. Как отмечал С. Ф. Платонов, «масса казаческая в хаотическом брожении легко переходила от разбоя к службе государству, от борьбы с басурманами к насилию над своим же братом казаком»[307].

---

[298] *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI—XVIII). С. 26.

[299] Подробную историографию вопроса см.: *Никитин Н. И.* О социальной природе казачьих сообществ XVI—XVII веков // Исторические записки. 2016. Т. 16 (134). С. 172—215.

[300] *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века. С. 174—176; *Агафонов А. И.* Казачество Российской империи: Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XV—XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 25; *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 43, 53, 84.

[301] *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века. С. 175.

[302] *Сватиков С. Г* Россия и Дон (1549—1917): Исследование по истории государственности, административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924. С. 16.

[303] *Голобуцкий В. А.* Запорожская Сечь // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 100—102; *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 203.

[304] *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 230.

[305] *Дворниченко А. Ю.* О ранних казачьих сообществах // Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения: Материалы к докладам 10—12 октября 1994 г. СПб., 1994. С. 109.

[306] *Никитин Н. И.* Взаимоотношения вольного казачества и Российского государства в XVI — начале XVIII в.: Историографические подходы и исторические реалии // Российская история. 2018. № 5. С. 25—31.

[307] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб., 1910. С. 113.

Казачество «на реках» не только сдерживало опустошительные набеги крымских и турецких отрядов на южные окраины России, но и предпринимало ответные походы на территорию противника, в ходе которых сжигались селения, захватывались ценные трофеи и ясырь[308]. Казаки освобождали из «бусурманского» плена русских людей и являлись посредниками в деле «розмена» и «окупа» соотечественников из неволи. Часть полоняников вливалась в казачьи общины, активно участвуя в отражении внешних угроз и отстаивании вольностей казачества запольных рек.

Добыча, получаемая от «воровских» походов, нападений на торговые караваны, грабежей купцов, была важным источником существования вольных казаков в XVI — начале XVII в. Но, как верно заметил Н. И. Никитин, в ходе эволюции казачьих сообществ в сторону укрупнения и все большей организованности «разбойные» повадки и нравы в казачьей среде постепенно изживались, а «войсковые» — усиливались[309].

Службы вольных казаков государству состояли в основном в сопровождении посольств, следовавших «с Руси» и «на Русь», охране перевозов, выполнении разведывательных заданий. За оказанные услуги российские власти присылали вольным казакам свинец, порох, сукно. Периодически они получали хлебное и денежное жалованье. Переход к ежегодной уплате донским казакам царского жалованья наметился с 1590-х гг.[310] Сведений о выдаче «разных припасов» терско-гребенским и яицким казакам в источниках XVI в. почти не сохранилось. О крупных раздачах донским, волжским, терским и яицким казакам свидетельствует, например, дошедшая до нас ведомость о хлебном жалованье, выданном В. Колтовским в Переяславле-Рязанском 18 августа 1594 г.[311]

Механизм поощрения вольных казаков за службу был еще недостаточно отработан и использован государством для его мирного подчинения. Вольные казаки «на реках» не раз жаловались на то, что им не выдается жалованье за службу, из-за чего шли на обострение отношений с российскими властями. В последние годы правления Бориса Годунова политика по отношению к вольному казачеству становилась все более противоречивой. Вводились ограничения на торговлю и пребывание донских казаков в пограничных городах, устанавливался контроль за продажей им оружия и пороха, но при этом жалованье им выплачивалось регулярно[312].

Вольное казачество «на реках» к началу XVII в. представляло значительную силу, повлиявшую на ход и итоги Смуты в России. Казаки принимали активное участие в событиях Смутного времени на стороне самозванцев, в последующем — в земских ополчениях и избрании царем Михаила Романова на Земском соборе 1613 г.

---

[308] *Королев В. Н.* Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 666—667.

[309] *Никитин Н. И.* О социальной природе казачьих сообществ XVI—XVII веков. С. 208.

[310] *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 170.

[311] Донские дела. Ч. 1 // РИБ. Т. 18. СПб., 1898. С. 1—24.

[312] Там же. С. 248—249; *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 171; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. С. 17—20.

ДУХОВЕНСТВО

Высшая церковная иерархия

Епархиальные архиереи XVI в. и их место в обществе. В начале XVI в. во владениях великого князя всея Руси кроме епархии митрополита Московского существовали следующие церковные епархии: Новгородская и Псковская (архиеп. Геннадий, с 1506 г. Серапион), Ростовская, Ярославская и Белозерская (архиеп. Тихон, с 1506 г. Вассиан (Санин)), Суздальская и Тарусская (еп. Нифонт, с 1509 г. Симеон), Рязанская и Муромская (еп. Протасий, с 1517 по 1521 г. еп. Сергий), Тверская и Кашинская (еп. Вассиан (Стригин-Оболенский), с 1509 г. еп. Нил), Коломенская (еп. Авраамий, с 1502 г. Никон, с 1507 г. Митрофан), Сарская и Подонская (еп. Трифон (Дубина), с 1508 г. Досифей (Забела)), Пермская и Вологодская (еп. Филофей, с 1502 г. Никон). В 1514 г. к ним присоединилась Смоленская епископия во главе с Варсонофием, которого в 1515 г. сменил Иосиф (бывший чудовский архимандрит), а в 1555 г. была учреждена Казанская и Свияжская епархия во главе с первопрестольным архиепископом Гурием (Руготиным).

В Ливонии в 1570 г. существовала также Юрьевская епархия (еп. Корнилий, Варсонофий (Валах), Феофан поставлялись на литовской стороне). Присоединение Полоцкой епархии также носило временный характер — с 1563 по 1578 г. После завоевания Полоцка русскими войсками епископ Арсений был пленником отправлен в Москву, его сменил присланный из Москвы епископ Трифон (Ступишин), затем епископ Варсонофий (Валах), Афанасий (1566—1568), епископ Антоний (1568—1572) и, наконец, при епископе Феофане (Рпинском) (1576—1588) Полоцкая епархия в 1578 г., после взятия города Стефаном Баторием, вернулась в число православных епархий Речи Посполитой. Обращает на себя внимание тот факт, что и в случае Смоленска, и в случае Полоцка местные епископы были смещены почти сразу после вхождения территории епархии в состав Русского государства. Кроме них, еще два епископа (Вассиан Тверской и Сергий Рязанский) заняли кафедры в то время, когда епархии их еще не входили в состав владений московского государя. В первом случае Вассиан сохранил престол, поскольку официально признал присоединение Твери к Москве. Что касается Сергия, то он оставил кафедру в 1521 г., в год потери Рязанью независимости. Есть некоторое (правда, довольно слабое) основание полагать, что Сергий стоял за верность великому князю Московскому[1], но причина оставления им кафедры (которую в 1523 г. занял и затем руководил ею в течение 26 лет епископ Иона) неясна.

[1] Довод состоит в том, что, по летописному рассказу, рязанский воевода И. В. Хабар Симский при нападении крымских татар на Рязань в 1521 г. потребовал у рязанских бояр клятвы на верность именно на епископском дворе.

Митрополитами Московскими и всея Руси с начала века до 1589 г. были: Симон (1495—1511), Варлаам (1511—1521), Даниил (1522—1539), Иоасаф (Скрипицын) (1539—1542), Макарий (1542—1563), Афанасий (1564—1566), Филипп (Колычев) (1566—1568), Кирилл (1568—1572), Антоний (1572—1581), Дионисий (1581—1586), Иов (1586—1589). Когда в 1589 г. был учрежден московский патриархат (во главе с патриархом Иовом), другие архиереи также оказались повышены в чине: появилось четыре митрополита (митрополит Новгородский Александр, митрополит Казанский Гермоген, митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам, митрополит Крутицкий Геласий), шесть епископов было возведено в сан архиепископов (Вологодский, Суздальский, Нижегородский, Смоленский, Рязанский, Тверской). Во главе с епископом оставалась Коломенская епархия, кроме того, была учреждена новая Псковская епархия, тоже во главе с епископом, а в 1602 г. была выделена также Астраханская и Терская епархия.

К сожалению, у нас мало сведений о происхождении русских иерархов, и мы не всегда можем сказать, выходцами из каких слоев общества они были. Пока можно утверждать, что прямой зависимости получения духовным лицом архиерейского чина от его происхождения не прослеживается. Специальные исследования этого вопроса скорее говорят о том, что лица, принадлежавшие к верхам служилых людей, не имели особой тяги к принятию сана[2] и что успешное продвижение по лестнице духовных чинов зависело не от родовитости, а от других причин: образованности, определенных черт характера, наличия связей в среде высокопоставленных духовных лиц, принадлежности к определенным обителям и пр. В каждом случае причины могли быть разными.

Все епархии были формально независимы друг от друга, митрополит (после 1589 г. — патриарх) как старший иерарх надзирал за ними. Он имел свою епархию, в которой был таким же архиереем[3], и старался не вмешиваться во внутренние дела других церковных областей. В 1554 г. епископ Рязанский Кассиан пожаловался царю на то, что митрополит Макарий освятил церкви в Рязанской епархии, чем нарушил его права, и царь осудил эти действия митрополита[4]. Митрополит посылал грамоты царю и другим архиереям в случае каких-то особых событий. Так, сохранились, например, два послания новгородского архиепископа Феодосия 1545—1546 гг. Ивану Васильевичу, тогда еще великому князю, по случаю казанского похода[5]; послание митрополита Макария 1552 г. царю с благословением и укреплением «на брань с казанцами»[6] (и отдельное послание в Свияжск к царскому войску с обличением

[2] *Усачев А. С.* Епископат и военно-служилая знать в России XVI в. // Российская история. 2022. № 4. С. 3—17. По подсчетам А. С. Усачева, из 120 архиереев XVI в. происхождение можно установить у 35, из которых 13 были родом из семей служилых людей «по отечеству» (остальные — из среды белого духовенства, что естественно). Из этих 13 только о троих иерархах известно, что они происходили из княжеских и старомосковских боярских родов.

[3] См., например, Уставную грамоту митрополита Кирилла 1570 г. о пошлинах с церкви в селе Вертлинском: ААЭ. Т. 1. № 278. С. 331—332.

[4] *Перов И.* Епархиальные учреждения в Русской церкви в XVI—XVII веках: (Историко-канонический очерк). Рязань, 1882. С. 12—13; *Воздвиженский Т. Я.* Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820. Порой в ведение епископа попадали церкви, находившиеся в другой епархии. Кроме того, пределы епархий менялись. В частности, при открытии новых епархий туда иногда переходили церкви и целые области, ранее находившиеся в иных епархиях. Известны споры, возникавшие между епархиальными архиереями по вопросу о пределах епархий, которые обычно решались митрополитом (позднее — патриархом).

[5] ДАИ. Т. 1. № 37. С. 38—40.

[6] АИ. Т. 1. № 160. С. 290—295.

блуда и содомии[7]); грамота новгородского архиепископа Пимена царю Ивану IV об укреплении его на брань с литовцами перед полоцким походом[8] и грамота митрополита Афанасия епископу Сарскому и Подонскому Матфею от 29 сентября 1564 г., написанная по случаю наступления поляков на Полоцк, в которой предписывалось молиться «о устроении земском, и о миру, и о тишине» и о здоровье государя и его семьи, бояр, воинства и всех православных христиан, а также об одолении неприятеля и обороне от него[9]. Архиереям также могли даваться иные поручения духовного свойства, но выходившие за пределы интересов его епархии. Так, в 1595 г. по распоряжению патриарха Иова митрополит Казанский Гермоген был послан в Углич свидетельствовать мощи Романа Углицкого.

Каждый архиерей занимал определенное место среди других, и оно было обозначено в настольной грамоте, которую он получал, когда принимал епархию[10]. Все церковные области составляли определенную иерархию, и это видно по спискам духовных особ, имена которых указаны под некоторыми актами, при составлении которых епархиальные архиереи выступали поручителями или заверяли их. При этом очередность упоминания иерархов не всегда была одинаковой. В начале столетия вслед за митрополитом первым упоминался новгородский архиепископ, затем ростовский, потом остальные. Но после учреждения Казанской епархии на втором месте (после новгородского) оказался казанский архиерей. За перечнем архиепископов шли епископы, и тут обычно соблюдалась также определенная иерархия, хотя и она менялась: так, епископ Крутицкий (Сарский и Подонский) в судном списке Исака Собаки 1549 г. стоял в списке последним, но, став митрополитом, он переместился на четвертое место. Поскольку в ходе суда разбирался вопрос о вине бывшего митрополита Иоасафа и действующего митрополита Макария, на соборе присутствовали почти все архиереи, а также игумены крупных монастырей: Новоспасского, Троице-Сергиева, Симонова, Андроникова, Кирилло-Белозерского, Богоявленского и др.[11]

Представляет интерес челобитье рязанского епископа Леонида в 1584/85 г. на ростовского архиепископа Евфимия, которое показывает, что между епископами возникало некое подобие местнических отношений. Так, Леониду было велено быть на Рождество у государева стола, где, как он писал, ростовский архиепископ «мне, богомольцу твоему, с собою есть с блюда не дал, и меня, богомольца твоего, конечно позоровал»[12]. Далее, как при настоящем местническом споре, Леонид излагал «случаи», когда он «едал с архиепископом с Новгородским с одного блюда» (напомним, что новгородский владыка считался первым по старшинству после первоиерарха). Затем следовала просьба, чтобы царь «пас богомолцов твоих осифовских постриженикова», которых в обиду некто (видимо, речь шла о Евфимии) называл «не осифляны, но жидовляны». Леонид стал епископом Рязанским в 1573 г., а до этого он был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря. Поэтому далее в челобитной он перечислил выходцев из родной обители, занимавших высокие

[7] АИ. Т. 1. № 159. С. 287—290.

[8] Там же. № 302. С. 549—551.

[9] ААЭ. Т. 1. № 267. С. 319—320. Такие же «богомольные грамоты» рассылались митрополитами по монастырям.

[10] См., например, настольную грамоту митрополита Новгородского Варлаама 1592 г.: ДАИ. Т. 1. № 137. С. 229—280.

[11] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 139; *Вовина-Лебедева В. Г.* Церковные иерархи XVI в. // Правящая элита Русского государства X — начала XVIII в.: Очерки истории. С. 276—277.

[12] АИ. Т. 1. № 216. С. 410—411.

места в церковной иерархии, назвав 17 епископов XVI в., действительно бывших влиятельными и почитаемыми: митрополита Даниила; архиепископа Вассиана Ростовского; Савву Слепушкина, епископа Смоленского; Вассиана Топоркова, епископа Коломенского; Феодосия, архиепископа Новгородского; крутицких епископов Антония, Савву Черного, Нифонта, Галактиона и Семиона; смоленского епископа Гурия Заболоцкого; казанского архиепископа Гурия, Германа, Лаврентия, Тихона и Еремея; полоцкого архиепископа Трифона. После этого перечня Леонид подчеркнул, что «тем архиепископом и епископом укорины никакой не бывало и такого неподобного слова, еже и мирским человеком гнусно», вновь попросив «оборонить Пречистой дома от такого наветного и наносного слова»[13]. Очень показательно в этой челобитной то, что Леонид счел оскорбленным не только себя, но и свой родной монастырь, хотя уже не был его игуменом. Мы видим, что в данном случае привязанность к обители оказалась более крепкой, чем привязанность к епархии. В мирских местнических спорах каждая сторона отстаивала честь своего рода, здесь вместо рода за спиной Леонида стоял монастырь, выходцы из которого образовывали круг духовных лиц, повязанных крепкими узами, которые сохранялись и после ухода из обители. И, конечно, данная челобитная показывает, какую выдающуюся роль в жизни общества в рассматриваемом столетии играл Иосифо-Волоколамский монастырь. Какой результат имела челобитная Леонида, точно неизвестно, но от кафедры были отстранены как он сам, так и его обидчик Евфимий.

В первой половине столетия за верхушкой церкви оставалась еще традиционная функция коллективного поручительства и печалования за опальных. Сохранились упоминания о церковных иерархах как поручителях в текстах духовных и крестоцеловальных записей: в 1522 г. духовенством была подписана крестоцеловальная грамота В. В. Шуйского, исследованная В. Д. Назаровым[14]; имена лиц из верхнего слоя духовенства помещены в 1524 г. в духовной князя Дмитрия Федоровича Бельского за подписью митрополита Даниила, в 1525 г. — в им же подписанной записи князя Ивана Михайловича Воротынского. Перечень духовных особ, упоминаемых в таких случаях, бывал разным и не всегда включал всех старших епархиальных архиереев. По-видимому, обозначались те лица, кто в действительности присутствовал при заверении грамот, т. е. находился в это время в Москве.

Другим поводом для общего сбора высших духовных иерархов были, как уже отмечено выше, церковные суды. Так, в 1525 г. таким судом был осужден Максим Грек и некоторые другие духовные особы, обвиненные в ереси или канонических нарушениях. Наиболее полный список следственного дела опубликован Н. Н. Покровским[15]. Конечно, архиереи приезжали в Москву и тогда, когда проходили выборы кандидата на освободившуюся кафедру. Те, кто не мог приехать лично, присылали свою «повольную грамоту», в которой соглашались с мнением остальных[16]. Выборы следовали определенной процедуре, в ходе которой свиток с именами трех претендентов передавался митрополиту, а тот, помолившись, распечатывал его и называл одно из имен. Затем новоизбранный епископ рукополагался в чин, что также происходило «соборне», т. е. в присутствии других ар-

[13] См.: *Алексеев А. И.* «Иосифляне» // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 78—85.

[14] *Назаров В. Д.* К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России 1-й половины XVI в. С. 196—198.

[15] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки.

[16] См., например, «повольную грамоту» новгородского архиепископа Феодосия на избрание Ростовского архиепископа Алексия: ДАИ. Т. 1. № 34. С. 35—36.

хиереев[17]. Кроме того, архиерей обращался к собранию остальных иерархов в случае, если возникали какие-то спорные или сложные вопросы. Так произошло, когда в 1509 г. митрополит Симон выдавал разрешительную грамоту Иосифу Волоцкому с братией на переход монастыря под власть великого князя[18].

Высшее духовенство непременно принимало участие в Земских соборах, собиравшихся во второй половине XVI в. Собственно говоря, их присутствие было обязательным условием самого созыва подобных соборов: царь «со всею землею» обсуждал важные вопросы перед митрополитом и высшими иерархами, собрание которых обычно именовалось Освященным собором. Одновременно духовенство в лице своих иерархов и глав самых крупных обителей, вероятно, входило в понятие «всей земли» и составляло ее высший слой. Не следует, по-видимому, думать, что Освященный собор — это некое церковное учреждение (вроде позднейшего Священного Синода) с постоянным составом, поскольку так в источниках именовалось любое собрание духовенства, как на уровне государства, так и на уровне города или уезда[19].

Кроме того, государь мог давать епархиальным архиереям некоторые особые поручения. Считалось, что они самые подходящие кандидатуры для участия в посольствах и переговорах по поводу заключения мира, также архиереи сопровождали царя во время военных действий. Дж. Горсей отметил, что в 1571 г., когда Иван IV бежал от Девлет-Гирея, его сопровождали «митрополиты» (видимо, речь шла об архиепископах) и епископы. Обязанностью архиереев было укреплять дух всех православных людей во время войны. В «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» говорится, что новгородский архиепископ Александр прислал в Псков грамоту, в которой благословил псковичей на сидение в осаде[20].

Но свои главные обязанности епархиальный архиерей исполнял внутри своей епархии. Прежде всего он должен был, как говорилось в настольных грамотах, а также в требованиях Стоглавого собора, внушать пастве истины православия[21], общаясь с нею как лично, так и посредством посланий[22]. Сразу же по приезде в епархию архиерей рассылал свое первое послание, в котором излагал программу будущей деятельности, а впоследствии писал послания по разным конкретным поводам. Темой сохранившихся посланий часто было несоблюдение церковных уставов или же борьба с пережитками язычества, суевериями и пр. Христианское просвещение было особенно актуально для епископов Новгородских, Пермских и архиепископов Казанских, в епархиях которых находилось

[17] См. сохранившийся чин поставления епископа 1454 г.: ААЭ. Т. 1. № 375. С. 467—473; см. также чин поставления митрополита Иоасафа 1539 г.: Там же. № 184. С. 158—162. В случае желания покинуть кафедру, что было делом исключительным, архиерей писал отреченную грамоту. Сохранилась, например, отреченная грамота митрополита Даниила: Там же. № 185. С. 163.

[18] АИ. Т. 1. № 290. С. 529—530.

[19] *Шапошник В. В.* О представительстве белого духовенства на церковных и земских соборах середины XVI — начала XVII вв. // Русская религиозность: Проблемы изучения. СПб., 2000. С. 115—120; *Вовина-Лебедева В. Г.* «Освященный собор» в источниках XIV — начала XVI в. // Cahiers du monde russe. 2005. Janvier—juin. 46/1—2. P. 387—396. Об участии духовенства в соборах XVI в. подробнее см.: *Каптерев Н. Ф.* Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий // Богословский вестник. 1906. Ноябрь. С. 468—490.

[20] Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. М., 1986. С. 424.

[21] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. См. гл. 90 «Ответ о том, комуждо подобает свой чин хранити».

[22] Образец такого «поучения священнослужителям» 1499 г. см.: АИ. Т. 1. № 109. С. 159—164.

много новокрещенов, язычников и мусульман. Иногда в эти дела был вынужден вмешиваться митрополит. Так, в послании митрополита Симона пермскому духовенству 1501 г. упоминались грамоты, которые неоднократно до того рассылал им пермский епископ Филофей, чтобы побудить более усердно заботиться о своих духовных детях. Но оказалось, что, несмотря на усилия епископа и местного духовенства, многие «новокрещеные люди» все еще «ядят деи и пьют и в праздники до обеда, да и женятся деи незаконными браки, в племяни, и иные деи богумерзкия дела творят, по древнему обычаю». Что это за богомерзкие дела, понятно из дальнейшего: митрополит в особенности поучал всех жителей Перми, чтобы они «кумиром бы есте не служили, ни треб их не приимали, Воипелю болвану не молитеся по древнему обычаю, и всех Богу ненавидимых тризнищ не творити идолом...»[23]

Сохранилось послание 1534 г. архиепископа Новгородского Макария в Водскую пятину об искоренении там языческих обрядов. Местное население (в основном финно-угорское, как следует из текста послания) уличалось в том, что не ходит в церковь, не соблюдает православных обрядов, не исповедуется, поклоняется «древесом и каменью», приносит жертву «мерзским бесом», хоронит мертвых в курганах, живет в невенчанных браках и т. д. Одной из причин такого положения дел представлялось то, что население слушает орбуев — чудских языческих жрецов[24]. В такой ситуации местное духовенство (игумены и священники), как стало известно Макарию, не унимало и не наказывало отступников, а значит, не берегло своих духовных детей. Поэтому Макарий послал своих детей боярских с приказанием уничтожать языческие «мольбища» в чудских и ижорских местах. Эти усилия, по-видимому, не имели большого успеха, поскольку от следующего новгородского владыки Феодосия сохранилась еще более пространная грамота 1548 г. в Водскую пятину, посвященная тем же вопросам[25]. В летописях дошло также послание Феодосия 1543 г. по поводу искоренения язычества отдельно в Корельском уезде[26]. Стремясь искоренять неправославный образ жизни паствы, архиереи надеялись на помощь государства. Так, сохранились послания на эту тему архиепископа Макария, который писал в 1534 г. великому князю Ивану Васильевичу, жалуясь на насторения в своей епархии[27].

Ответственность за соблюдение населением правил православной жизни ложилась на епископа. При основании Казанской епархии архиепископ Гурий, отправляясь в Казань, имел с собой «Наказ» от царя и митрополита Макария, в котором ему предписывалось прежде всего приводить татар к крещению. Делать это нужно было не насилием, а добровольно (мысль, которая в «Наказе» звучала несколько раз!), и быть особенно ласковым к новокрещенам: «всегда поучати страху Божию, и к себе приучати, и кормити, и поити, и жаловати, и беречи во всем», с тем чтобы другие, видя это, также склонились к крещению. Все остальное было подчинено этой главной цели; например, если татарин, совершивший преступление, бежал на двор архиепископа и тут выражал желание креститься, его не следовало отдавать властям. И даже в том случае, если «неверные татары» стали бы просить за своих осужденных, архиерею предписывалось брать последних на поруки[28]. Для лучшего исполнения этих указаний

[23] АИ. Т. 1. № 112. С. 167.
[24] ДАИ. Т. 1. № 28. С. 27—30.
[25] Там же. №. 43. С. 57—60.
[26] Псковские летописи. Вып. 1. С. 141—142.
[27] ДАИ. Т. 1. № 32. С. 32—34.
[28] ААЭ. Т. 1. № 241. С. 257—260.

архиепископ Гурий с самого начала стал основывать монастыри, в которых власти просвещали местных жителей и учили детей[29]. Особое значение в этом смысле имел Свияжский монастырь, архимандрит которого Герман (Садырев-Полев) в 1564 г. стал преемником Гурия на казанской владычной кафедре.

Наиболее уверенно чувствовали себя в епархии те архиереи, которые, как известно, еще до занятия кафедры были связаны с нею, иногда долгие годы. Так, митрополит Казанский Гермоген еще в 1570-х гг. (при архиепископе Иеремии) стал заметной фигурой в Казани, когда служил там священником, в частности имел прямое отношение к обретению иконы Казанской Божьей матери и созданию повести, этому событию посвященной. В 1581 г. он постригся, имея тогда, вероятно, уже около пятидесяти лет от роду, и вскоре стал архимандритом главной казанской обители — Спасо-Преображенского монастыря, а уже в 1589 г. был хиротонисан и возведен в сан (тогда установленный) митрополита Казанского и Астраханского, сразу став третьим по значению церковным иерархом после патриарха и митрополита Новгородского. Гермоген тотчас же развернул широкую деятельность по укреплению православия в своей епархии, прекрасно зная, что христианство не имело там корней среди большей части населения (татар, чувашей, марийцев, удмуртов). С его подачи в Казани запретили сооружать мечети (возобновившиеся было вблизи посада), а уже существовавшие было указано разрушить; православным запретили вступать в браки с иноверцами (из чего следует, что такая практика существовала), а также идти к ним в услужение. Новокрещеные татары теперь должны были жить в отдельной слободе, чтобы соседство с прежними единоверцами не колебало их веры, а это, судя по царской грамоте, имело место, несмотря на то что Гермоген собирал новокрещенов со всего уезда в соборной церкви и лично наставлял в православной вере (и царская грамота призывала его продолжать эту практику)[30]. Кроме этих мер, большие надежды были возложены на канонизацию местных святых. В 1592 г. Гермоген просил дозволения у патриарха Иова праздновать память воинов Иоанна, погибшего в татарском плену, а также Петра и Стефана, замученных бывшими единоверцами за нежелание отказаться от христианской веры. Если мученичество Иоанна Казанского имело место еще до завоевания Казани, и сведения о нем основывались на существовавшей краткой повести, то в отношении Петра и Стефана, крещеных татар (что было особенно важно!), пострадавших уже тогда, когда Казань стала частью Русского государства, Гермоген предпринял сбор свидетельств «достоверных людей». Его усилия увенчались успехом, и празднование было установлено 24 февраля. В том же 1592 г. Гермоген участвовал в перенесении мощей (и, вероятно, инициировал его) архиепископа Германа из Москвы в Свияжский Успенский монастырь. В 1595 г. в Спасо-Преображенском монастыре в Казани в присутствии Гермогена были вскрыты захоронения архиепископов Гурия и Варсонофия, обретены их мощи, и вскоре решением патриарха Иова они были канонизированы. Разумеется, в центре внимания Гермогена продолжала оставаться и главная святыня его епархии — икона Казанской Божьей Матери, для которой в 1594 г. в Казани был построен каменный храм. Конечно, не случайно и то, что во время пребывания Гермогена на казанской кафедре там некоторое время действовала печатня

[29] См. грамоты архиепископа Гурия Свияжскому Успенскому монастырю: ААЭ. Т. 1. № 247—248. С. 269.

[30] Сохранилась грамота царя Федора Ивановича, посланная в ответ на послание к нему Гермогена с жалобами на упадок христианства в Казани; см.: ААЭ. Т. 1. № 358. С. 453—456.

и вышли два издания службы иконе Казанской Божьей Матери[31].

Архиерей в своей епархии. Разумеется, далеко не все архиереи XVI в. обладали энергией и настойчивостью Гермогена. Но даже те их них, кто не прославился столь выдающимися деяниями в утверждении православия, были тем не менее главными фигурами в своих епархиях, поскольку без архиерея православные люди просто не могли жить. Он разрешал заключать браки (и смотрел за их правильностью, например, чтобы жених и невеста не состояли в близком родстве)[32], выдавал разрешения на усыновления и утверждения в правах наследования, свидетельствовал духовные завещания, которые только в этом случае вступали в силу[33]. Архиерей следил за празднованием воскресных и праздничных дней, за нравственной жизнью населения, за соблюдением тайны исповеди и причастия[34]. Особенно важна была роль владыки в некоторых сложных случаях. Например, архиерей давал разрешение на погребение людей, умерших без покаяния, и только после расследования, не было ли это самоубийством или убийством.

Над черным и белым духовенством епархии (что было утверждено решением Стоглавого собора, глава 70) епископ имел особую власть. Он ежегодно созывал собор духовенства своей епархии, и священники были обязаны такие соборы посещать[35]. Местный архиерей нес ответственность не только за поведение подведомственного ему духовенства, но и за выполнение им своих обязанностей. Так, в 1545 г. новгородский архиепископ Феодосий в послании духовенству Устюжны Железнопольской обличал попов, в частности, в том, что они венчают не по правилам и к тому же не платят за это в пользу архиерея его десятинникам, о чем стало известно от последних[36]. Без разрешения архиерея нельзя было поставлять священников и прочий церковный клир, разрешать им служить, переводить их в другие церкви или в другую епархию без архиерейской «перехожей грамоты». Наконец, архиерей следил за трезвостью священников и рассматривал жалобы на них со стороны прихожан[37]. Через архиерея можно было подать жалобы царю о «земских делах», как это сделали в 1551 г. «священники, и старосты, и все люди твои государевы отчины Новагорода»[38]. На что они жаловались, точно неизвестно, но вскоре, как явствует из летописного сообщения, архиепископ был отставлен царем от кафедры[39].

Любопытный пример отношений между епархиальным архиереем и местным духовенством содержится в Новгородской 2-й летописи под 1572 г. Леонид получил епархию после разгрома и разграбления Новгорода опричным войском. Ему были

---

[31] Литературу о Гермогене см.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Ермоген // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 633—646.

[32] Архиерей выдавал священнику «венечные памяти» с обозначением лиц, которые собирались венчаться. В его пользу собирались «венечные пошлины»; см.: Стоглав. Гл. 46, 48; ААЭ. Т. 1. № 195, 248, 287, 293 и др. С. 174, 333—334, 357—358.

[33] См., например, грамоту 1404 г. митрополита Киприана, разрешающую вдове Феодосье усыновить приемыша: АИ. Т. 1. № 255. С. 484.

[34] Там же. № 112. С. 166—169.

[35] См. грамоту Василия III 1508 г.: История русского языка: Памятники XVI—XVII веков. М., 1982. С. 272—274.

[36] АИ. Т. 1. № 298. С. 541—544.

[37] Так, в 1563 г. новгородский архиепископ Пимен подробно регламентировал в грамоте жизнь причта Успенской церкви в Устюжне Железнопольской. АИ. Т. 1. № 170. С. 328—331.

[38] ДАИ. Т. 1. № 41. С. 55—56.

[39] См.: Псковские летописи. Вып. 2. С. 232.

дарованы большие полномочия. Чтобы пополнить софийскую казну, Леонид начал взимать с духовенства деньги особенно жестким образом: священники были обложены дополнительными пошлинами и штрафами за разные проступки. Когда царь выделил в Новгород «милостинные деньги» в июне 1572 г., при их распределении конфликт вышел наружу, и священники стали жаловаться царю на Леонида, а последний ополчился на них, после чего священники отказались служить службу по всем церквям[40]. Тогда же архиепископ подверг наказанию и архиерейских дьяков певчих, которые не ходили «к началу к церкви»[41].

Архиерей выдавал также грамоты и разрешения на учреждение монастырей в своей епархии, если только это не были монастыри, которые находились под светской властью[42]. В исключительных случаях архиерей выдавал разрешительную грамоту, как, например, уже упомянутая выше грамота митрополита Симона игумену Иосифу Волоцкому с братией о принятии монастыря под власть великого князя, что потребовало согласия «собора» других архиереев[43]. Стоглавый собор определил, что с точки зрения церковных канонов такая ситуация неправильна, после чего только за патриархом (впоследствии) осталось право иметь в своей епархии ставропигиальные монастыри. Но до этого, например, Кирилло-Белозерский монастырь был подчинен то светской власти, то местному архиепископу[44].

Архиерей наблюдал за благосостоянием подведомственных ему монастырей[45], выдавал тарханные грамоты церквям, принадлежащим монастырям[46], освобождал монастыри от дани, выдавал настольные грамоты настоятелям и иеромонахам, давал «отпускные» грамоты монахам для перехода в другую обитель, а также разрешал временные отлучки из монастыря[47]. Архиереи были вынуждены вникать во внутренние дела монастырей, например следить за соблюдением монастырского устава и разбирать даже такие вопросы, как выдача старцам одежды и обуви[48]. В 1572 г., как сказано в Новгородской 2-й летописи, архиепископ Леонид приехал в Юрьев монастырь и отчитал архимандрита Феоктиста за то, что тот не показал ему свою настольную грамоту[49]. Архиерей выдавал разрешения на строительство храмов, наблюдал за их благосостоянием, смотрел, чтобы не было запустевших церквей, в случае пожара храма выдавал разрешение собирать средства на его восстановление и освобождал от дани[50].

Одной из забот архиерея была земля, многочисленные строения, находящиеся в его распоряжении, а также домовые монастыри архиерейского дома. Главным образом все эти богатства жаловались светской властью при учреждении епархии. Во вся-

---

[40] ПСРЛ. Т. 30. С. 161.

[41] Там же. С. 193. См. также: *Флоря Б. Н.* Леонид, архиеп. Новгородский // Православная энциклопедия. Т. 40. М., 2015. С. 465—467.

[42] См. АИ. Т. 1. № 292—293. С. 531—533.

[43] Там же. № 290. С. 529—530.

[44] *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Т. 2.

[45] См., например, серию грамот новгородских архиепископов Леонида и Александра, выданных местным обителям в 1570—1580-х гг.: АИ. Т. 1. № 181, 187, 197, 343—344, 349—350, 361—363.

[46] См., например, грамоты 1590-х гг. митрополита Новгородского Варлаама: АИ. Т. 1. № 231—235, 238—241. С. 446—451, 454—458.

[47] АИ. Т. 1. № 231, 292 и др. С. 371—372, 531—534 и др.

[48] Там же. № 236. С. 451—453.

[49] ПСРЛ. Т. 30. С. 170.

[50] ААЭ. Т. 1. № 137, 287, 346.

ком случае, учрежденная в середине XVI в. Казанская епархия получила от царя сразу много сел и одну десятую часть всех доходов казанской земли, а все другие владыки и митрополит должны были помочь казанскому архиепископу деньгами и хлебом. Из своего земельного фонда любой епархиальный архиерей мог жаловать земли[51] или же отдавать их в держание своим детям боярским. Частично владычная земля обрабатывалась в его пользу крестьянами, другая часть крестьян, живущих на его земле, пахала пашню на себя и платила архиерею оброк.

Земельные владения митрополичьего дома подробно исследованы С. Б. Веселовским, который пришел к выводу, что уже в конце XV в. митрополичий дом пришел в упадок, вклады частных лиц туда прекратились[52]. Вообще, земельные богатства архиерейских домов в это время нельзя сравнивать со стремительно растущим монастырским землевладением[53]. По сравнению с ним митрополичьи кафедры практически не получали вкладов от частных лиц. Однако следует учитывать, что исторически сложившиеся архиерейские земельные владения к XVI в. уже были значительными, часто охватывая целые волости. Например, как показала С. И. Сметанина, Рязанский архиерейский дом владел 157 населенными пунктами (18 000 четвертей пашенной земли в одном поле)[54].

Отдельный вопрос, который много обсуждался в научной литературе, касается конфискаций при Иване IV церковных имуществ, в том числе имуществ епископских кафедр. Об этом говорится в 101-й главе Стоглава, известной как «Приговор о вотчинах»[55]. Согласно этому приговору, все государственные земли, которые перешли епископам после смерти отца царя, а также насильно захваченные, надлежало вернуть в казну. Существует точка зрения, что в результате реализации этого положения епископы потеряли гораздо меньше, чем монастыри, и даже трудно сказать, были ли вообще произведены конфискации именно владычных земель[56], хотя церковные иерархи были теперь ограничены в возможностях приобретать новые вотчины. Однако исследование вопроса об опричных конфискациях земли в Рязанском крае показывает, что владения местного архиерейского дома уменьшились более чем вдвое. Утраченные земли оказались позднее среди поместных земель, т. е. были совершенно точно потеряны для церкви. Данные сведения вполне объективны, поскольку речь идет о том редком случае, когда можно провести сопоставление материалов по одним и тем же местностям за разное время. Выводы были сделаны С. И. Сметаниной на основе сравнения сохранившейся сотной грамоты 1567/68 г. на земли рязанской кафедры и сведений платежных книг по этим же местностям 1590-х гг. С. И. Сметанина предположила, что конфискация была произведена не позднее конца 1570 г. и была связана с опалой и изгнанием епископа Рязанского

---

[51] См., например: АИ. Т. 1. № 185—186 и др. С. 348, 353 и др.

[52] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.

[53] О владычном землевладении сообщают иностранцы, свидетельства которых, однако, следует воспринимать критически, поскольку они, чаще всего не зная русского языка и пользуясь слухами, проецировали на ситуацию в России ту схему отношений светской и духовной властей, которую знали у себя дома. См., например: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 21; *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии: Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 107.

[54] *Сметанина С. И.* Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1982. С. 17.

[55] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 376—379.

[56] *Шапошник В. В.* Приговоры о церковно-монастырском землевладении в период правления Ивана Грозного // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 9—12.

Филофея, в результате чего кафедра пустовала с ноября 1568 по август 1569 г., когда и происходила земельная реформа, в ходе которой светских лиц наделили землей за счет владычных имений[57]. Недавно вывод о конфликте епископа с царем и об опале архиерея был подвергнут критике на том основании, что Филофей, скорее всего, сохранил свое имущество, так как позднее, живя в Соловецком монастыре, делал крупные денежные вклады. Следовательно, земли рязанской кафедры могли быть утрачены ею и перешли к светским лицам позднее 1570 г.[58] Но даже если это так, общий вывод о потере епархией более половины своих владений во второй половине XVI в. остается неопровергнутым.

Знаменитый приговор 9 октября 1572 г., касающийся монастырских вотчин[59], также не затрагивал земельных владений епископов, на что обратил внимание еще С. Б. Веселовский[60]. «Владыки» упоминаются в приговоре 1580 г., утвержденном Освященным собором[61], хотя этот приговор также касался в основном земель, отданных вкладами в монастыри. С. Б. Веселовский даже считал, что церковные иерархи не были заинтересованы в росте монастырского землевладения и при утверждении приговора 1580 г. прямо заняли антимонастырскую позицию[62]. правда, Е. И. Колычева обратила внимание на то, что приговор 1580 г. не подписали трое из епископов[63], но этого, возможно, недостаточно, для того чтобы вместе с исследовательницей уверенно говорить о существовании оппозиции приговору в среде духовенства. Как уже было сказано, в Москву не всегда на соборы приезжали абсолютно все епископы.

Любой епархиальный архиерей имел в месте своего пребывания дом, вернее, целый комплекс строений, а иногда и дворы в других городах. Архиереи владели также лесами, сенокосами, лугами и другими угодьями. Все это, как пашенная земля, так и дворы, было принадлежностью кафедры, а не личной собственностью владыки. На архиерейские владения выдавались разного рода жалованные грамоты: тарханные, несудимые и пр. При приобретении недвижимости архиерей всегда испрашивал такие грамоты, к тому же они подтверждали его права распоряжаться землей, например право призывать на нее крестьян.

Важным источником существования любого епископа, кроме земли, были разного рода пошлины, которые взимались в его пользу с низшего духовенства и мирян. Наиболее известная из них — десятина. Ее собирали особые светские чиновники владыки, которые назывались десятинниками (или десятильниками). Стоглав принял ряд решений по ограничению власти светских слуг архиереев, например была ограничена сфера деятельности десятинников. В 69-й главе Стоглава отмечалось, что архиерейские бояре, дворецкий и дьяк не могут назначаться без ведома государя. После Стоглава органами управления приходским духовенством стали поповские старосты, к которым перешел ряд прежних обязанностей десятинников.

---

[57] *Сметанина С. И.* К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // История СССР. 1978. № 3. С. 155—164. См. также: *Она же.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. С. 247—290.

[58] *Усачев А. С.* Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.? С. 66—81.

[59] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 56.

[60] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 100—101.

[61] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 57—59.

[62] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 99—107.

[63] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 144, 150—153.

Слуги архиерея собирали и иные многочисленные пошлины в пользу архиерея. Пошлины эти не всегда были регламентированы и зависели от обстоятельств. Разные по составу перечни пошлин встречаются в многочисленных жалованных грамотах[64]. Однако в целом ясно, что пошлины были двух видов: окладные и неокладные. Первые собирались со всех церквей и монастырей епархии. В XVI в. наиболее известные в источниках окладные пошлины — «сбор», позднее замененный «данью»[65]. Известен также «подъезд» (даваемый архиерею на объезд епархии)[66]. «Московский подъем» собирался на поездки архиерея в Москву[67]. Сходные окладные пошлины собирались в пользу архиерейских слуг, в том числе и за их траты при сборе основных пошлин.

Но архиереи имели право собирать еще и неокладные пошлины, как с духовных, так и со светских лиц: «ставленные» (за поставление в священники и дьяконы); «явленную куницу с грамотою» (за подпись настольных и ставленных грамот и пр.)[68]; за «патрахильные» (епитрахильные) и оарные грамоты, пока это не было ограничено решением Стоглава (глава 89); за грамоту, с которой новопоставленный священник отправлялся в приход («новоявленная грамота»); за разрешение священнику перейти в другую епархию («перехожая гривна»); за выдачу настольной грамоты священнику, получившему протоиерейский сан, и пр. Со светских лиц в пользу архиерея в XVI в. преимущественно собирались судные пошлины (в процессе архиерейского суда над своими подданными как пеня с лиц, признанных виновными в преступлении)[69] и венечные пошлины (за упомянутые выше необходимые для венчаний «венечные грамоты»)[70]. Новоприбывший епископ начинал свое знакомство с епархией с проверки всех этих грамот, скреплял каждую своей печатью и за это также взимал пошлины.

Кроме пошлин, существовали и дополнительные источники доходов архиерейской казны. Так, архиепископ (затем митрополит) Новгородский имел своих купчин. Софийский владычный дом вел торговые дела с иностранцами, например закупал с санкции владыки в больших количествах мед[71]. Но в целом, как уже говорилось, богатства владычных кафедр в XVI в. не следует преувеличивать.

Духовенство было неподсудно светскому суду, их должен был судить владыка, в епархии которого они находились. Десятинники от имени архиерея раньше осуществляли суд над всем низшим духовенством епархии, но Стоглав ограничил их власть только городом, запретив ездить с этой целью по селам. Дело в том, что духовенство посто-

---

[64] Так, в жалованной грамоте 1500 г. ростовского архиепископа Тихона Кирилло-Белозерскому монастырю об освобождении от пошлин Благовещенской церкви в Каргополе перечислены следующие пошлины: «Рождественская дань», «Петровская дань», «даньские пошлины», «десятинные пошлины», «доводчичьи пошлины», «заездчичьи пошлины», «людское», «благословенная куница», «явленая куница с грамотою» и др.; см.: ААЭ. Т. 1. № 137. С. 103. А в жалованной грамоте 1533 г. ростовского архиепископа Кирилла об освобождении от дани и суда Ферапонтовой пустыни и относящихся к ней церквей кроме перечисленных в грамоте 1500 г. еще упомянуты «с оброком куница», «полюдная пшеница», «полоть», «казенные алтыны», «соборная куница»; см.: Там же. № 176. С. 148.

[65] См.: АИ. Т. 1. № 129. 1522—1533. С. 191; ААЭ. Т. 1. № 291. 1576. С. 356.

[66] См.: АИ. Т. 1. № 141. 1542. С. 204—206.

[67] Там же. № 240. 1592. С. 456.

[68] ААЭ. Т. 1. № 137, 176, 214. С. 103, 148, 204.

[69] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 16. 1518. С. 29—31.

[70] ААЭ. Т. 1. № 195, 231, 248. С. 174, 226—227, 270.

[71] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. С. 320—323.

янно проявляло недовольство контролем со стороны светских архиерейских чиновников. Вообще, наличие у архиереев светских слуг являлось отличием церкви в России от церкви византийской. В России, кроме десятинников, владыку окружал целый штат, состоящий из бояр, дворян, стольников и стряпчих, кравчих, детей боярских, дьяков и подьячих, что делало архиерейский двор подобием Государева двора. При помощи всех этих лиц архиерей управлял епархией, и на их содержание шла значительная часть собираемых с паствы и духовенства пошлин. Во главе администрации стоял архиерейский казначей, который контролировал приходы и расходы архиерейской казны. Бояре и дворецкий занимались делами святительского суда, дворецкий также заведовал хозяйством архиерейского дома. Дьяки и дети боярские исполняли разного рода поручения. Весь этот штат жил во дворе епископа. Иногда архиерей выдавал им поместья под залог службы[72].

Бояре и дворяне архиерея пользовались обычно большой властью в епархии. Часто они служили там целыми кланами на протяжении нескольких поколений, и епископы рассматривали их как своих частных слуг. Но по решению Стоглавого собора служилые люди архиереев стали назначаться с согласия царя и по этой причине постепенно превращались в род государственных чиновников при особе епископа. Их обязанности теперь были строго определены, а уволить их со службы мог только царь. Все это ограничивало власть и автономию архиерейских домов.

В отдельных частях епархии архиерея представлял наместник, обычно из игуменов или архимандритов крупных монастырей данной епархии. В источниках встречаются также архиерейские тиуны, представлявшие исполнительную власть в епархии. Появились даже особые тиунские приказы. Тиуны получали определенную сумму с каждого судебного иска. Встречается также упоминание об особых «доводчиках» при архиерейских тиунах, которые имели полицейские функции, и приставах, вызывавших ответчиков и свидетелей в суд и производивших назначенные судом взыскания. В распоряжении епархиального владыки находились и поповские старосты, избираемые каждой округой из состава приходского духовенства. Епархии были поделены на округи решением Стоглавого собора. Поповский староста наблюдал за порядком во вверенном ему округе и взимал пошлины в пользу архиерея.

О бытовой стороне жизни архиереев можно судить лишь частично. Так, каждый епископ должен был регулярно объезжать вверенную ему область, и за это на местах взимались большие средства. Сохранилась грамота царя Ивана IV, которая регламентировала содержание новгородского архиепископа Пимена во время посещения им Пскова раз в четыре года. Владыка приезжал со своим двором и оставался в Пскове в течение месяца. На «подъезд» ему собиралось содержание — с каждого игумена, попа и дьякона по новгородской полтине. Кроме этих денег на них лежала обязанность обеспечить Пимену и его окружению каждый день полтораста калачей, пятьдесят хлебов, сорок гривен за мясо и рыбу, две бочки меда, перца на рубль и риса («сорочинского пшена») также на рубль. Если архиепископ устраивал пир, ему следовало доставить отдельно перца, риса, меда, пуд соли, коровье и конопляное масло, яйца, сыры, просо, крупы, уксус, лук и пр.[73]

Судить о личных качествах иерархов у нас почти нет оснований. Источники край-

[72] См., например, поместные грамоты новгородского архепископа Леонида 1573 г.: АИ. Т. 1. № 183, 185—186. С. 345—346, 348—349; № 190. С. 353; посыльную грамоту новгородского архиепископа Александра 1577 г.: Там же. № 196. С. 361.

[73] История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Киев, 1831. Ч. II. С. 89—100.

не редко содержат сведения такого рода, а если и содержат, то проверить их сложно. Так, князь Андрей Курбский обвинял некоторых лиц из верхушки духовенства во многих грехах, но иногда давал и не столь однозначные характеристики: о новгородском архиепископе Пимене он писал как о человеке «чистаго и зело жестокого жителства», тем не менее пресмыкавшемся перед царем и участвовавшем в гонениях на митрополита Филиппа; его преемник Леонид охарактеризован как «муж нарочит и кроток»[74]. Когда троицкий игумен Артемий был обвинен в ереси, его судил царь с угождавшим ему митрополитом и «с преуродливыми епископы, отнють неискусными». Князь Курбский назвал этот собор «сборищем». Особенно ополчился он на суздальского епископа Афанасия (Палецкого), «пьяного и корыстолюбивого», таким же образом был охарактеризован ростовский владыка Никандр («в пиянстве пограженный»)[75]. Итак, почти все епископы оказываются, по мнению князя Курбского, пьяницами, сребролюбцами или дрожавшими перед царем, как митрополит Макарий. Разумеется, нельзя считать эти характеристики полностью объективными, поскольку автор писал об этом после своего бегства из России, считая себя несправедливо обиженным и царем, и всем его окружением. По другим источникам известно, что осенью 1575 г. велось следствие по делу крутицкого епископа Тарасия, на которого дьяк Андрей Щелкалов доносил, что он «пьет, а в город не выезжает»[76]. И нельзя не заметить, что если первый в XVI столетии митрополит Геронтий, взошедший на кафедру еще в 1473 г. из епископов Коломенских и уже тогда имевший за плечами большой опыт архипастырского служения, отстаивал свой взгляд на роль церкви в государстве и представлял заметную оппозицию великому князю, то его преемники за некоторыми исключениями (наиболее очевидным из которых был Филипп Колычев) действительно вели себя иначе. Очевидно, это было связано не столько с их личными особенностями, сколько с изменившимся положением церкви в государстве.

Есть данные о том, что некоторые епископы были образованными людьми. Таким был Иона Думин — митрополит Ростовский и Ярославский, известный книжник, редактор памятников письменности и заказчик рукописей. Собирал книги, а также сам составлял литературные сочинения и первый русский патриарх Иов. Уже упоминалось о причастности к книжной работе казанского митрополита Гермогена.

Тяжелым периодом в жизни русских епископов и вообще рубежом в отношениях духовенства и светской власти стала середина века, и главным образом им оказался не Стоглавый собор и не приговоры об ограничении церковного землевладения, а опричнина. В это время высшие иерархи еще продолжали заступаться перед царем за опальных. Князь Владимир Андреевич Старицкий с матерью, как сказано в Никоновской летописи, был в определенный момент спасен заступничеством иерархов[77]. Митрополит Афанасий заступился за Овчину Телепнева-Оболенского, а в 1565 г. вместе с другими епископами «печаловался» об участи бояр Яковлева и князя Воротынского[78]. Отмаливал служилых людей от казней митрополит Филипп. Были и другие случаи; не случайно, учреждая опричнину, царь жаловался, что духовенство защищает бояр[79]. Все это не осталось без ответа с его стороны. За шестнадцать лет сана

[74] *Курбский А.* История о великом князе московском. С. 320, 366—367.
[75] Там же. С. 370—390.
[76] Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Святители и власти. Л., 1990. С. 255—256, 259.
[77] ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904—1906. С. 368.
[78] См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 124.
[79] ПСРЛ. Т. 13. С. 392—393.

были лишены шесть епископов: митрополит Филипп погиб, новгородский архиепископ Пимен, обвиненный в измене, был лишен священства, подвергнут изощренным издевательствам[80], после чего сослан в монастырь, где вскоре и умер, его преемник Леонид был казнен[81]; эта же участь, видимо, постигла казанского архиепископа Германа, а также видных игуменов и архимандритов. В Пискаревском летописце начала XVII в. сказано, что когда новгородский владыка был казнен в Москве в присутствии царя, то после казней его голову, как и головы некоторых других духовных особ, а также казненных из числа светских лиц, царь приказал бросить во дворы бояр и митрополита[82]. Однако у нас нет твердых оснований думать, что опричные репрессии против церковных иерархов были вызваны какими-то противодействиями царю со стороны епископата. Только в отношении митрополита Филиппа можно говорить, да и то с определенной осторожностью, что он подверг критике действия царя. Остальные архиереи, как и другие их современники, видимо воспринимали опричнину как гнев Божий и принимали участие во всех ее трагических сценах не только как жертвы, но и как невольные пособники.

Чудом уцелевший будущий патриарх Иов, ученик Германа Казанского, возвысился, правда уже в конце эпохи Ивана IV, и оказал неоценимую поддержку Борису Федоровичу Годунову в период его правления и царствования. Все это указывает на то, что в целом, несмотря на репрессии в отношении духовенства периода опричнины, которые следует считать все же исключением, можно говорить о неуклонном сближении в XVI в. государственной власти и церковной иерархии.

Монашество

С принятием христианства на Руси распространилась письменность. Монастыри стали религиозно-культурными центрами. В обителях хранилась «крепостная казна» — архивы, документальные собрания[83]. В историографии показано, что документы из монастырских архивов, наряду с материалами писцового делопроизводства, являются основными источниками для изучения политической, социально-экономической и культурной истории России XV—XVII вв.

Благодаря усилиям Сергия Радонежского и митрополита Алексия во второй половине XIV в. на Руси распространилось общежитие. До этого большинство составляли келиотские (особножительные) монастыри[84]. В это же время началась монастырская колонизация, прежде всего на территории Северо-Восточной Руси. Первое поколение монастырей-миссионеров появляется в XII—XIII вв., и их было около десятка. Всего в XII в. на Руси было 76 монастырей, а к концу первой полови-

[80] Если верить Альберту Шлихтингу, переводчику царя, Пимена посадили на кобылу и, привязав его ноги к спине кобылы и дав в руки лиру и мехи, отправили, как шута, в Москву. См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга. С. 29—30.

[81] Согласно известию Пискаревского летописца первой половины XVII в., он был казнен в 1575 г. в Москве «на площади у Пречистые», а по сообщению Псковской 3-й летописи — по приказу царя зашит в медвежью шкуру и затравлен собаками (ПСРЛ. Т. 34. С. 192; Псковские летописи. Вып. 2. С. 262).

[82] ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

[83] В источниках встречаются следующие термины, обозначающие архивное ведомство: «казна», «казенная келья», «казенная палата» (*Амосов А. А.* Архивы двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975).

[84] *Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). М., 2009. С. 29.

ны XIII в. их осталось только 40[85]. Однако во второй половине XIV — XV в. ситуация кардинально изменилась. Духовные последователи, собеседники, ученики и постриженники Сергия Радонежского и митрополита Алексея основывают ряд обителей. Вскоре на глазах одного-двух поколений количество монастырей значительно увеличилось. Подсчитано, что с 1350 по 1400 г. был основан 131 монастырь, а с 1400 по 1448 г. возникло 96 обителей[86]. Согласно Я. Е. Водарскому, к концу XVI в. на территории русских земель было 536 мужских и женских монастырей, которые находились в городах и сельской местности[87].

Степенные монастыри. В историографии отмечено, что участвовать в заседаниях Освященного собора[88] и подписывать грамоты о решении важных церковных и государственных вопросов могли лишь некоторые из церковных иерархов. А. П. Павлов проанализировал законодательные акты и «лествицы» за вторую половину XVI — первую половину XVII в. и показал, что в Москву отправлялось от 22 до 47 архимандритов, игуменов и келарей определенных монастырей[89]. В Соборном уложении 1649 г. в главе X «О суде» перечислено 49 монастырей, за «бесчестье» настоятеля которых взимался дифференцированный штраф в размере от 15 до 100 руб.[90] Из текста этого законодательного памятника следует, что внесены в список эти обители на основании представленной церковными властями общероссийской «лествицы»: «А которых монастырей в лествице не написано, и тем по суду класть за бесчестье: архимаритом по десяти рублев; игуменом по осми рублев; келарям и казначеем по шти рублев»[91]. Как показывают исследования, состав монастырей, настоятели которых приглашались в Москву во второй половине XVI — первой половине XVII в., отличался заметным постоянством и включал лишь несколько их десятков[92].

---

[85] *Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). С. 535.

[86] *Самойлов А., диакон.* Монастыри, основанные на Руси в 1240—1448 гг. // Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 3. М., 1996. С. 649—662. Подсчеты сделаны А. Самойловым на основе трудов: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: Монастыри по штатам: В 3 т. СПб., 1890—1897; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. По подсчетам Я. Е. Водарского, в XIV в. было 152 монастыря, а в XV в. — 257 (*Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). С. 535).

[87] *Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). С. 535.

[88] О функционировании Освященного собора и ходе заседаний на основе опубликованных документов см., например: *Лихницкий И. М.* Освященный собор в Москве в XVI—XVII веках // Христианское чтение. 1906. № 3. С. 437—453; № 5. С. 716—734.

[89] *Павлов А. П.* Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества // Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.—17. Jahrhundert / Hrsg. L. Steindorff. Wiesbaden, 2010. S. 74—77. О «лествицах» см.: *Румянцева В. С.* Монастыри и монашество в XVII веке // Монашество и монастыри в России XI—XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 167.

[90] Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Подг. текста Л. И. Ивиной; коммент. Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Панеяха. Л., 1987. Стб. 32—80.

[91] Там же. Стб. 81.

[92] *Румянцева В. С.* Российская церковная иерархия в конце XVI — первой половине XVII века (к постановке проблемы). Приложение: «Лествица» патриарха Филарета // Церковь в истории России. Сб. 6. М., 2005. С. 18—34. *Павлов А. П.* Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества. С. 74—77; *Башнин Н. В.* Вологодские степенные и нестепенные монастыри в XVI—

Сопоставим данные Я. Е. Водарского о количестве монастырей в Российском государстве в конце XVI в. (536 монастырей и пустынь) и «лествицу» патриарха Иова 1598/99 г. В этом церковном документе упомянуто 47 монастырей, что в 11 раз меньше их общего количества. Возникает вопрос: на основании чего именно эти обители вошли в «лествицу», получили общегосударственное признание и, как правило, архимандритию?

Д. Г. Давиденко, рассматривая эту проблему для XIV—XV вв., подвел итог историографии вопроса. Он отметил, что исследователи «сходятся на том, что обладателем титула архимандрита был настоятель первого в городе монастыря, начальник городского монашества»[93]. Основания для выделения обителей были следующие: покровительство князя или митрополита; монастырь был первой обителью, возникшей в городе или крае; это была киновия с общежительным уставом[94]. Вопрос о причинах появления у некоторых монастырей архимандритии и/или особого статуса (степени) в XVI—XVII вв. разработан в историографии недостаточно[95].

На примере вологодских монастырей покажем основания для появления степени и архимандритии. В росписи 1620-х гг. было названо 23 монастыря[96]. Согласно росписи 1699 г., в границах Вологодской епархии было 24 степенных и нестепенных монастыря, пустыни упомянуты не были (исключение — Арсеньева Сахарусова). Назовем степенные монастыри в той иерархической последовательности, в которой они отмечены в перечне вологодских монастырей 1620-х гг.[97] и в росписи 1699 г.: Спасо-Каменный (архимандрития с 1568 г.), Спасо-Прилуцкий (архимандрития с 1651 г.), Павлово-Обнорский (архимандрития с 1694 г.), Дионисиево-Глушицкий, Корнильево-Комельский (архимандрития с 1693 г.)[98].

Выскажем несколько соображений о причинах, по которым интересующие нас монастыри стали степенными. Во-первых, четыре из пяти монастырей были древнейшими на Вологодчине[99]. Во-вторых, три из пяти монастырей прямо или опосредованно связаны с Сергием Радонежским и Троице-Сергиевым монастырем[100]. В-третьих, в стенах четырех из пяти обителей появились основатели новых обителей. В-четвертых, все пять монастырей были киновиями, в них действовал общежительный устав. Из вышеприведенных наблюдений следует, что в вологодской «лествице» сочетаются две духовные традиции: школа Сергия Радонежского и афонская духовная традиция. Итак, во второй половине XVI в. сложилась вологодская «лествица», выделились пять степенных монастырей, поря-

---

XVII вв. // От Смуты к Империи: Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.: Материалы научной конференции. М.; Вологда, 2016. С. 460—476.

[93] *Давиденко Д. Г.* Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV—XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 248.

[94] Там же. С. 254, 261, 276 и др. Окончательные итоги исследования Д. Г. Давиденко: С. 328—331.

[95] *Румянцева В. С.* Монастыри и монашество в XVII веке. С. 163—166.

[96] *Румянцева В. С.* Опыт классификации монастырей в России в XVII в.: Вологодская степень // Церковь в истории России. Сб. 1. М., 1997. С. 82—100.

[97] Там же. С. 94—95.

[98] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Стб. 738, 742, 746, 751.

[99] Там же. Стб. 737, 742, 746, 748. О пересмотре времени основания Спасо-Каменного монастыря см.: *Новикова О. Л.* Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI в. и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 38—90.

[100] *Семячко С. А., Анишина А. П.* Дмитрий Прилуцкий // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 30—39; *Верюжский И., свящ.* Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых. Вологда, 2009. С. 111, 235—238.

док расположения которых оставался неизменным до конца XVII в.[101]

В. С. Румянцева отметила существование не только Вологодской степени, составленной в Вологодском архиерейском доме Св. Софии в 1620-х гг., но и указала на существование степенных монастырей в Москве и Московском уезде (документы 1652, 1670-х гг.), а также в Пскове (документ 1630 г.)[102]. В 1653 г. патриарх Никон указал составить опись книг во всех российских степенных монастырях: «161 году генваря в 11 день по указу великаго господина святейшаго Никона патриарха Московскаго и всея Росии выписано степенных монастырей из отписных книг, в которых монастырях обретяются церковные книги четьи»[103]. Таким образом, расположение монастырей в соответствии с их статусом носило общероссийский характер и зафиксировано документами XVI в., когда монастыри входили в «Лествицу», а в XVII в. эти же обители становятся степенными и входят в региональные и общероссийскую «Степени». По решению царя, патриарха и Освященного собора монастырь мог стать степенным[104].

По мнению В. С. Румянцевой, «степень на всероссийском уровне означала место монастыря в структуре общецерковной организации и роль настоятеля в системе соборной власти»[105]. Она полагает, что «степень монастыря зависела от целого комплекса признаков, прежде всего его древности, популярности имени святого основателя, роли монастыря в христианизации населения или миссионерской деятельности, участия в государственном строении, защите православия в пограничной земле, авторитета монашеской братии среди православных. Размеры вотчинного хозяйства также учитывались при определении той или другой степени»[106].

Типология монастырей. Одним из источников типологии монашеской жизни на Руси является сочинение Иоанна Синайского «Лествица». В этом произведении называется три типа иноческого жития: «Все житие монашеское содержится в трех главных устроениях и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве; или в том, чтобы безмолвствовать с одним и, много, с двумя; или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии»[107]. Как показала Н. В. Синицына, эти три ступени заимствовал Нил Сорский в своем сочинении, но они адекватно не отражают ситуацию на Руси в XV—XVI вв.[108] Иосиф Волоцкий на рубеже XV—XVI вв. в монастырском уставе называет четыре группы иноков: лаврские, киновиане, пустынники, ошельцы[109]. Памятник русского церковного права Стоглав зафиксировал два типа мужских и женских монастырей: «общие» и «особьсущие»[110].

Н. В. Синицына обратила внимание, что терминология типов русского монашества

---

[101] В. С. Румянцева считает, что «место обители в Вологодской степени определялось в первую очередь древностью, известностью имени святого основателя и положением в Патриаршей Лествице» (*Румянцева В. С.* Монастыри и монашество в XVII веке. С. 169).

[102] Там же. С. 168—170.

[103] Опись книгам в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке / Публ. В. М. Ундольского // ЧОИДР. М., 1848. Кн. 6. Отд. 4. С. 1—2.

[104] *Румянцева В. С.* Монастыри и монашество в XVII веке. С. 170.

[105] Там же. С. 170.

[106] Там же.

[107] Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица в русском переводе с алфавитным указателем. Сергиев Посад, 1908.

[108] *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 116—117.

[109] Послания Иосифа Волоцкого. С. 296.

[110] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 328, 330, 341—342.

неустойчива, и перечислила следующие понятия: «особножитие, особство, особь сущие монастыри, особняки, пустынножитие, пустынничество, пустынь, отшельничество, отшельство (ошельство), скит, келья, отходная келья, затвор»[111]. Источниками этих понятий являются следующие документы: «Большой устав» или «11 глав», «Предание учеником» Нила Сорского, монастырский устав Иосифа Волоцкого, Стоглав, летописи, уставные грамоты, жития святых[112]. Учитывая эти сообщения источников и наблюдения ученых, представим сведения о типах монастырей в России XVI в.

Насельников монастырей называли *монахами*. Греческое слово «монах» (μοναχός) дословно переводится как «живущий уединенно»; это понятие начинают употреблять в конце XVII — начале XVIII в. До этого времени использовали понятия «старец», «чернец», «инок»[113]. Духовная и хозяйственная жизнь в обителях подчинялась уставу или, по-гречески, типикону[114].

Отшельник (перевод греческого слова «анахорет») означает «уходящий». Согласно уставу Иосифа Волоцкого, это инок, имеющий опыт монашеской жизни в монастыре, но пожелавший «от монастыря отити»[115]. Покинуть обитель он может только после получения благословения от «духовного мужа». *Пустынник* — монах, который живет в пустыни, месте, которое является уединенным по своим природно-географическим характеристикам. Например, Сергий Радонежский для места своего пребывания выбрал «место пустынное», его ученик Павел Обнорский также обосновался в пустыни, Дионисий Глушицкий создал в пустыни общий монастырь[116]. Как заметила Н. В. Синицына, распространение пустынножительства совпало с процессом внутренней колонизации, исследованной Л. И. Ивиной[117].

Скиты как форма организации монашеской жизни известна на Руси с конца XV в. и связана в первую очередь с деятельностью преподобного Нила Сорского[118]. Однако списки скитского устава, датируемые с первых десятилетий XV в., косвенно указывают на возможное существование таких форм монашеской жизни до Нила Сорского[119]. Назовем основные особенности монашеской жизни в скитах. Скитский устав предназначался для иноков, которые жили вне монастырей. И. Д. Мансветов считал, что основная особенность состоит в том, что инок одиночно исполняет келейное правило, но участвует в общей службе, прежде всего во всенощных бдениях[120]. Н. В. Синицына проанализировала «Предание» Нила Сорского и пришла к следующим выводам. Сам Нил Сорский считал свою обитель как «особь сущее житие», а также называл ее скитом и пустынью. Од-

---

[111] *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 116.

[112] Там же. С. 116—117.

[113] *Найденова Л. П.* Что же в иноке от «иного» // Россия XXI. 1996. № 9/10. С. 114—132.

[114] Типикон (типик) с греческого Τυπικόν, или Устав. Подробнее см.: Толковый Типикон / Сост., предисл. и примеч. М. Скабалановича. М., 2008.

[115] Послания Иосифа Волоцкого. С. 320—321.

[116] Житие Дионисия Глушицкого: Основная редакция // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 106.

[117] *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.

[118] *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.

[119] *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 129.

[120] *Мансветов И. Д.* Церковный устав (типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М., 1885. С. 294, 299.

нако эти три определения не являются синонимами и не могут быть распространены на другие обители. Для определения типа монастыря требуется анализ документации, связанной с каждой конкретной обителью[121].

Особножительные монастыри, или идиоритмы (от греч. μόναστήριον ιδιόρυθμον), отличались от общежительных тем, что каждый монах в них сам заботился о своем быте (еде, одежде, келье). В такой духовной общине каждый монах жил в соответствии со своими средствами. Существование такой общины и возникавшие в ней противоречия описаны Пахомием Сербом в Житии Сергия Радонежского. Так, однажды, испытывая голод, подвижник пришел к другому монаху Даниилу и предложил ему построить крыльцо к келье за «решето хлебов гнилых»[122]. Через некоторое время Сергий получил послание от константинопольского патриарха Филофея и ввел в Троицком монастыре общежитие: «и от того времени убо съставляется в обители святого общежитие <...> по заповеди святых отец ничтоже особь стяжевати кому, ни своим что звати, но вся объща имети»[123]. Литургическая жизнь в этих обителях проходила по церковному уставу.

Н. В. Синицына привела сведения из писцовой книги 1570—1580-х гг. Тверского уезда, в которой раздельно зафиксированы земельные владения братии из одного монастыря[124]. Известны крупные особножительные монастыри, например московский Богоявленский.

В *общежительных* монастырях, или киновиях (от греч. κοινοβιος), все имущество было общим, и монах, принявший постриг, отказывался от какого-либо личного имущества. Во главе такого монастыря стоял игумен (от греч. ἡγούμενος), ведавший духовным послушанием и имуществом. Так, в Житии Дионисия Глушицкого описывается основание монастыря около 1403 г. как изначально общежительного: «заповедает же преподобный никомуже каковы-любо потребы держати и ничтоже звати свое, но все обще»[125].

Среди общежительных монастырей выделяются *лавры*. Со времени древних палестинских лавр общежительные монастыри строились по плану четырехугольника. В центре был храм, с восточной стороны от него находились кельи, в ограде были ворота на все четыре стороны. Такая планировка имела символический характер, в Откровении Иоанна Богослова Небесный град Иерусалим описан как «четвероугольник»: «Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта» (21: 16)[126]. Согласно Житию Дионисия Глушицкого конца XV в., преподобный некое «место <...> разчини е по лаврьскому строению». После ухода Дионисия Глушицкого в пустыню вместе с несколькими братьями

---

[121] *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 136.

[122] Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подг. текста, пер., коммент., исслед. А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. С. 280.

[123] Там же. С. 320.

[124] *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 120.

[125] Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели. С. 110.

[126] Подробнее см.: *Романенко Е. В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 70—85. Современник Дионисия Кирилл Белозерский столкнулся с такой же задачей. Если верно предположение Г. М. Прохорова, то до нас дошел план монастыря, составленный прп. Кириллом, который и представляет собой четырехугольник. См. воспроизведение рисунка и рассуждения Г. М. Прохорова: *Прохоров Г. М.* Предисловие: Что представляет собой сборник Кирилла Белозерского РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № XII // Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003. С. 19—26.

он получал все необходимое «от болшиа лавры»[127].

Что же подразумевалось под понятием «лавра» в XV—XVI вв.? Термин «лавра» объясняет епископ Евгений (Болховитинов)[128]. А. Г. Бобров и Н. А. Охотина-Линд предложили и «условия» именования лаврой: общежительный устав и «дочерние» монастыри. «В записи писца Гриди Лихача 1501 г. монастырь (Валаамский. — *Н. Б.*) назван „честной и великой лаврой" По наблюдениям А. Г. Боброва „лаврой" в этот период называли только общежительный, а не келлиотский монастырь, к тому же такой, выходцами из которого основаны „дочерние" монастыри (Лисицкая „лавра", Глушицкий монастырь — „блъшиа лавра", афонский Пантелеймонов монастырь — „царская лавра"). Ко времени написания Гридей рукописи существовало по крайней мере уже три общежительных монастыря, основанных выходцами с Валаама, — Соловецкий, Свирский и Сенной, так что были все основания называть его „лаврой"»[129]. Н. В. Синицына отметила, что термин «лавра» редко встречается в источниках XV—XVI вв., и привела еще одно условие именования лаврой — при поступлении в монастырь значительную роль играл вклад[130].

Согласно подсчетам на основании источников и научной литературы, лаврами в XV—XVII вв. именовались двенадцать монастырей: Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий, Чудов, Саввино-Сторожевский, Антония Римлянина, Снетогорский, Лисицкий, Никольский Вяжищский, Валаамский, Дионисиево-Глушицкий и, по мнению И. К. Смолича, Корнилиево-Комельский[131].

Общежительные монастыри в XVI в. составляли большинство обителей в Русском государстве. Н. В. Синицына для характеристики общежительных монастырей («богоградных») привлекла ряд источников: уставные грамоты псковскому Снетогорско-

---

[127] Житие Дионисия Глушицкого: Основная редакция. С. 112, 121.

[128] «Имя *лавра* первоначально в гражданском смысле, а особливо в Александрии значило целый квартал города, или целый приход, принадлежащий какой-нибудь церкви. По подобию сего целая слобода или улица келий монашествующих, по пустынному правилу порознь, а не совокупно живших, под одним однако ж настоятелем, и только по праздникам сходившихся в общую церковь, называлась *лаврою*. <...> В Афонской горе, заселенной многими монастырями, каждый почти монастырь свой монахи именуют *лаврою*. Также и в России многие монастыри, когда славились пред прочими преимущественным числом своей братии, то присвояли себе именование лавр, и сим титлом именованы были даже в грамотах. Таковое название имели в XVII веке монастыри Чудов, Саввин Сторожевский, Антония Римлянина, Кириллобелозерский, Глушицкий и другие. Но с XVIII века в Российской церкви титло сие соделалось иерархическим преимуществом трех только первостепенных монастырей, Киевопечерского, Троицы Сергиева и Александроневского» (*Евгений (Болховитинов), митр.* Всеобщее введение в историю монастырей греко-российской церкви // История российской иерархии. Т. 2. М., 1810. С. LII, примеч. 41). См. также рукопись, которая была спасена П. И. Савваитовым при сжигании бумаг в Вологде (Всеобщее введение в историю Российских монастырей: Труд преосвященного Евгения Болховитинова // ОР РНБ. Ф. 550. F.I. № 781. Л. 16—16 об.; Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке / Сост. И. А. Бычков. СПб., 1900. С. 47—48).

[129] *Охотина-Линд Н. А.* «Сказание о Валаамском монастыре»: Исследование, текст, перевод с древнерусского, комментарии. СПб., 1996. С. 106.

[130] *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 121, 147, примеч. 24.

[131] Всеобщее введение в историю Российских монастырей: Труд преосвященного Евгения Болховитинова // ОР РНБ. Ф. 550. F.I. № 781. Л. 16 об.; *Смолич И. К.* Русское монашество. М., 1997. С. 557; *Охотина-Линд Н. А.* «Сказание о Валаамском монастыре». С. 106; *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 121; *Круглова Т. В.* К истории монастырской реформы в Новгородской земле (по летописным данным) // Новгород и Новгородская земля: Искусство и реставрация. Вып. 3. Великий Новгород, 2008. С. 13, 20, 25.

му монастырю конца XIV — начала XVI в., устав псковского Елеазарова монастыря — и рассмотрела их в сравнении с уставами Нила Сорского и Иосифа Волоцкого[132]. Она отметила, что в общежительных монастырях существовала «возможность „богоradного" приема и пребывания без всякого взноса», а также существенной чертой является «оценка монастырской собственности как общецерковной; право на нее не принадлежит ни игумену, ни братии»[133]. При этом вопрос о неравенстве в общежительных монастырях остается дискуссионным, так как источники свидетельствуют о существовании «вкупов», «укупов» — вкладов при поступлении в монастырь, что могло стать основанием для претензии на привилегированное положение среди братии.

Кроме приведенной выше типологии, были выделены группы обителей по *социально-экономическим* характеристикам. Е. И. Колычева предложила следующие классификационные группы. К первой относятся монастыри, у которых были «десятки тысяч десятин, разбросанные во многих уездах». Вторая группа — средние и малые обители, размер их вотчин невелик, и расположены они, как правило, в одном уезде. В третью группу входят малоземельные и безземельные монастыри. К четвертой группе относятся обители, существовавшие за счет промыслов[134].

В. С. Румянцева считает, что можно выделить четыре группы монастырей в зависимости от числа крестьянских дворов в вотчине: наиболее крупные (свыше 1000 дворов), крупные (от 100 до 1000), средние (от 10 до 100), мелкие (от 1 до 10 дворов)[135]. Классификация В. С. Румянцевой незначительно расходится с градацией, предложенной Я. Е. Водарским для второй половины XVII в. Крупнейшие монастыри (свыше 1250 дворов), крупные (от 126 до 1250), средние (от 26 до 125) и мелкие (от 1 до 25 дворов)[136]. Наконец, заметим, что понятие «мелкие монастыри», наряду со «степенными монастырями», употреблялось в середине XVII в. в канцелярии Вологодского архиерейского дома в черновых пометах о рассылке документов по епархии[137]. При этом «степенные» монастыри были не только выше статусом, но и имели большую вотчину, чем «мелкие»[138].

Во-вторых, классификация монастырей производилась по смешанному принципу с учетом религиозных, территориальных и хронологических параметров. Н. И. Серебрянский в исследовании о псковских монастырях выделял следующие их типы: 1) княжеские, 2) монастыри при приходских церквях, 3) монастыри, построенные частными лицами[139]. Т. В. Барсегян выделила следующие признаки: 1) состав иноков, 2) устав, 3) подчиненность, 4) владение крестьянами, 5) по хронологии, 6) по

---

[132] Древнерусские иноческие уставы были собраны и подготовлены к публикации архимандритом Амвросием (Орнатским), но не были изданы из-за запрета цензуры. Седьмая часть «Истории российской иерархии» была подготовлена к публикации Т. В. Суздальцевой и вышла в свет в 2001 г.: Древнерусские иноческие уставы / Сост. Т. В. Суздальцева. М., 2001.

[133] *Синицына Н. В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV—XVI вв.). С. 127—128.

[134] *Колычева Е. И.* Православные монастыри второй половины XV — XVI века // Монашество и монастыри в России XI — XX века: Исторические очерки. С. 100—101.

[135] *Румянцева В. С.* Монастыри и монашество в XVII веке. С. 173.

[136] *Водарский Я. Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. // Историческая география России: XII — начало XX в.: Сборник статей к 70-летию Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 76.

[137] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 2 об.; Там же. Ед. хр. 5489. Л. 1.

[138] *Башнин Н. В.* Вологодские степенные и нестепенные монастыри в XVI—XVII вв. С. 460—476.

[139] *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле // ЧОИДР. М., 1908. Кн. 3—4. С. 219—226.

значимости функций, 7) территориально-географический признак, 8) монастыри, основанные святыми православной церкви, 9) мемориальные монастыри[140].

Е. И. Колычева предложила еще один вариант классификации обителей. По ее мнению, во-первых, существовали монастыри под патронажем великого князя, митрополита, епископа, частных лиц. Проблема ктиторства (от греч. κτήτωρ — «собственник»), по мнению исследовательницы, мало разработана[141]. Е. И. Колычева подчеркивает, что ктиторы и их дети обладали не только обязанностями по отношению к монастырям, но и имели привилегии и право распоряжения[142].

Во-вторых, монастыри различались по размерам и количеству братии. Малочисленные — скит, келья, пустынь; сведения о них скудны, тогда как источников из архивов крупных монастырей значительно больше. Наиболее крупным монастырем был Троице-Сергиев, в котором в XVI в. проживало от 300 до 700 иноков[143]. Согласно Н. К. Никольскому, в Кирилло-Белозерском монастыре в 1601 г. соборных старцев с игуменом было 11, священников, дьяконов и крылошан — 37, старцев — 136, всего 184 человека. Служебников, детенышей и мастеровых было около 300 человек[144]. В Иосифо-Волоколамском монастыре подвизалось более сотни монахов: в 1578/79 г. — 130, в 1598/99 г. — 97, в 1601 г. — 140[145]. Однако в большинстве монастырей было 10—30 иноков.

В историографии отмечено существование небольших монастырей за церковной оградой. Е. Е. Голубинский писал, что «кроме нынешних настоящих монастырей» раньше были «монастыри несобственные». Ученый полагал, что «монахи, по своему призванию — люди молитвы, имели нужду в храмах и так как они, представляя собою своего рода нищую братию, жили подаяниями от мирян, которые удобнее было получать при тех же храмах», поэтому монашеские слободки или скитки «обыкновенно или наибольшею частью ставились при приходских церквах в их оградах (от чего эти последние во многих или по крайней мере в иных местностях России и до настоящего времени называются монастырями)»[146]. В подтверждение своей точки зрения Е. Е. Голубинский сослался на новгородские писцовые книги XVI в. и отметил, что «несобственные монастыри не явились у нас только в позднейшее время, а ведут свое начало от древнейшего, быв заимствованы из Греции. Необходимо думать, что именно с этих несобственных монастырей и началось у нас монашество...»[147]. Е. И. Колычева привела сведения о «сообществах монастырского типа, существовавших при приходских храмах» в Костромском, Ка-

---

[140] *Барсегян Т. В.* Типология православных монастырей России // Монастыри в жизни России: Материалы научной конференции, посвященной 600-летию преп. Пафнутия Боровского и 550-летию основанного им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря (19—20 апреля 1994 г.). Калуга; Боровск, 1997. С. 6—10.

[141] *Колычева Е. И.* Православные монастыри второй половины XV — XVI века. С. 84—85.

[142] Там же. С. 86—89.

[143] Там же. С. 89.

[144] *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Вып. 2. Приложение. СПб., 1910. С. 57; *Дмитриева З. В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2003. С. 83—103; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб., 1998.

[145] *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). С. 154.

[146] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 1: Период первый, Киевский или Домонгольский. Вторая половина тома. М., 1904. С. 552.

[147] Там же. С. 553.

ширском, Торопецком, Тверском уездах и в вотчине Соловецкого монастыря в XVI в.[148] Она также предположила, что «келейные аскетические сообщества подразумеваются под многочисленными „монастырьками", существовавшими как на вотчинных, так и великокняжеских землях»[149].

Посмотрим на структуру православного общежительного монастыря. Во главе монастыря стоял архимандрит или игумен (первый, выше по степени, месту, возглавлял более знаменитый монастырь), строитель (часто не был рукоположен в священника). Хозяйственными вопросами ведал келарь, за денежной казной следил казначей, ответственным за одежду был ризничий, за использование книжного собрания отвечал монах-библиотекарь. Богослужение совершали монахи-священники (иеромонахи) и монахи-диаконы (иеродиаконы). Им помогали клиросные монахи — пономари и певчие. Во время служб синодишник читал монастырский синодик. Особое положение занимали схимники, часто жившие уединенно. Как правило, они являлись духовными наставниками. Выпекали просфоры и хлеб просвиренные, или хлебодары. На колокольне были звонари, у монастырских ворот стояли вратарники.

Большую группу составляли служебные монахи, которые надзирали за различными отраслями (службами) внутримонастырского хозяйства: «житники», «кузнишные», «конюшенные», «сушиленные», «поваренные», «рухлядные», «гостинные», «погребные», «чашники» и др. Каждому из них игумен или келарь определял послушание — дневной урок, объем и вид работы. В вотчинных селах (хозяйственных центрах округи) или на промыслах (соляные варницы, рыболовные тони и езы) жили посельские старцы. Почти в каждом монастыре были монахи-«больничные». Кроме собственно иноков, в обителях трудились послушники, трудники, служебники. В монастырских вотчинах проживало феодально зависимое население — крестьяне и бобыли. Появление хозяйственных монастырских книг в России относят к первой половине XVI в.[150] Согласно последним исследованиям, в Троице-Сергиевом монастыре приходные книги денежных вкладов велись с 1499/1500 г.[151] Возникновение хозяйственного учета ученые связывают с развитием товарного производства, ростом городов и увеличением рыночных связей. В монастырях как коллективных собственниках действовал еще и такой специфический фактор, как сменяемость лиц, ответственных за ведение той или иной отрасли управления и хозяйства.

Белое духовенство

Вопросы из жизни прихода и приходского духовенства на Руси в XVI—XVII вв. исследованы П. С. Стефановичем, который привел основную историографию по этому вопросу[152]. Отметим, что в литературе исследована жизнь прихода на Севе-

[148] *Колычева Е. И.* Православные монастыри второй половины XV — XVI века. С. 94—95.

[149] Там же. С. 95.

[150] Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI в. / Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.; Л., 1948. С. 6; *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951. С. 15.

[151] *Черкасова М. С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII века (по архиву Троице-Сергиевой лавры). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 22. *Она же.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII века (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004. С. 297.

[152] *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002. С. 19—30.

ре[153], в Карелии[154], Пскове[155] и центральных уездах Московского государства[156]. Б. Н. Флоря проследил эволюцию отношений церкви и государства в сравнительно-исторической перспективе по материалам Руси, Польши, Чехии[157].

Приход — это сообщество верующих, проживающих в одной местности, испокон века — основная ячейка в Русской православной церкви. В городах приход охватывал квартал или улицу, а в сельской местности часто соответствовал волости[158]. Границы прихода утверждались архиереем и не могли произвольно изменяться. Центром прихода был храм (часто рядом строили две церкви — летнюю и зимнюю), а духовным отцом прихожан был приходской священник.

Храм был неотъемлемой частью основных жизненных событий человека в то время. Обосновывая необходимость строительства (вновь или после пожара) церкви и/или поставления священника, крестьяне писали к иерархам в челобитных, что, когда «церковь Божия стоит без пения», остаются без молитвы «родильницы», младенцы без крещения, а престарелые и больные без покаяния и причащения умирают. К тому же священник был грамотным человеком и участвовал в оформлении различных документов.

Удовлетворяя просьбу жителей какой-либо местности и убедившись, что они готовы содержать церковь и попа, правящий архиерей разрешал строительство и выдавал «храмоздатную» грамоту. После строительства церкви (в большинстве случаев в XVI в. это были деревянные здания) происходило освящение и закладка антиминса (четырехугольный плат, который лежал в алтаре на престоле). В храм входили по паперти (крыльцу) и оказывались в трапезной (притворе), откуда был проход в среднюю часть (собственно церковь), украшенную внутри небесами (деревянными иконами, подвешенными на потолке), а снаружи куполом, или куполами, либо шатром. За иконостасом находился алтарь. Подчеркнем, что трапезную, особенно на севере, использовали для решения общественных дел: мирского схода, раскладки податей, хранения архивов (документов), трапез (застолий) в дни престольных праздников. После завершения строительства церкви епископ освящал храм и выдавал антиминс на престол.

В приходских церквях служило белое духовенство, которое состояло из иереев (греч. ἱερεύς — «жрец»), т. е. священников (в источниках — «попы») (рукоположенных и женатых), а также дьяконов (мог быть неженатым, женатым первым браком

[153] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.: В 2 т. М., 1909—1912; *Юшков С. В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России XV—XVII вв. СПб., 1913.

[154] *Суслова Е. Д.* Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2012.

[155] *Суворов Н. С.* Псковское церковное землевладение // ЖМНП. СПб., 1905. Ч. 12; 1906. Ч. 5; 1907. Ч. 6—7; *Круглова Т. В.* Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1991; *Баловнев Д. А.* Церковные приходы и приходское духовенство в XIV—XV вв. на Руси (Северо-Восточные, Новгородские и Псковские земли). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1998.

[156] *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках.

[157] *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян.

[158] Подробнее об этом см.: *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. (с приложением карты) // Записки Императорского русского географического общества. Кн. 8. СПб., 1853. С. 87, 98, 105; *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. СПб., 2003. С. 60—61; *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. С. 19—21, 47—48; *Юшков С. В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв. С. 67—68, 70; *Горский А. А.* От погоста к волости // Образы аграрной истории России IX—XVIII вв.: Памяти Н. А. Горской. М., 2013. С. 89—93.

или вдовцом), которые помогали священнику при богослужении, но самостоятельно совершать таинства не могли. Дьячки и пономари были звонарями и пели на клиросе[159]. Проскурницы выпекали просфоры, они должны были быть «чистыми — вдовами единобрачными» и старше сорока лет[160]. С XV в. известна должность церковного старосты, в обязанности которого входил контроль хозяйственных вопросов приходской общины. Члены общины выбирали кандидата в священники и отправляли его с выбором (специальной грамотой) на поставление к епископу.

В северных и отдаленных районах страны строили часовни. Часовня — это малая церковь без алтаря, и литургию в них обычно не служили. Именование этих построек восходит к кратким христианским службам — часам. Истории этих небольших зданий уделяется не так много внимания в сравнении с монастырскими комплексами и церквями. Храм построить могли не всегда, а эти небольшие здания освящали дороги и пути, деревни и села в самых отдаленных уголках страны.

Обратимся к основным источникам, характеризующим положение белого духовенства в XVI в. Положение священников изменилось после собора 1503 г. А. А. Зимин полагает, что церковный собор был собран в августе—сентябре 1503 г. для решения вопросов церковно-монастырского быта[161]. Соборный приговор запрещал вдовым попам служить в храмах, поскольку после «обыска» стало известно, что «попы и диаконы вдовцы заблудили от истины и забыв страх Божий делали безчиние», после смерти своих жен «держали у себя наложниц, вся священническаа действовали»[162]. Решение было сформулировано следующим образом: «От сего времяни вперед попом и диаконом вдовцом всем не служити»[163]. В случае открытия сожительства священника с «женкой» после смерти жены иерей лишался сана и должен был жить «в миру кроме церкви». В случае, если вдовый поп или дьякон жили «чисто», они оставались при церквях, причащались в алтаре, а новый священник не мог их «отослать» от церкви и должен был отдавать им «четвертую часть во всех церковных доходех»[164]. Не возбранялось вдовцам уйти в мир (лишившись дохода от церкви) или принять постриг и «священствовать» в монастыре. По мнению А. А. Зимина, соборный приговор о вдовых попах «отвечал иосифлянской программе реформ церкви»[165]. Однако в решениях этого собора также прослеживается влияние противников иосифлян — нестяжателей.

Нил Сорский и его последователи выступали против симонии, т. е. поставления священников «по мзде». В попы мог рукополагать только правящий архиерей, поэтому были злоупотребления, которые вызывали критику у стригольников и новгородских еретиков в конце XV в. А. А. Зимин подчеркивает, что архиепископ Геннадий в 1504 г. был отстранен из-за поставления за «мзду»[166]. На соборе 1503 г. было принято постановление, запрещающее эту практи-

---

[159] Описание порядка звона и церковного пения см.: *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 269, 276.

[160] Там же. С. 270, 276.

[161] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 200.

[162] ААЭ. Т. 1. № 383. С. 485—486.

[163] Там же. С. 486.

[164] Там же.

[165] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 200.

[166] ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 244; Т. 12. М., 2000. С. 258. Ученый указывает, что эта причина могла быть лишь предлогом, что также «знаменательно» (*Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 200—201).

ку: «от ставленья святителем от архиепископов и епископов, и от архимандритов, и от игуменов, и от попов, и от диаконов, и от всего священническаго чина не имати ничего»[167]. Также нельзя было брать деньги или «дар» за оформление ставленой грамоты.

В соборном определении от 6 августа 1503 г. был обозначен возраст, начиная с которого можно было «ставить» в попы и дьяконы: «диакона 25 лет, а в попы свершити 30 лет», в подьяконы можно было «ставити» с 20 лет[168]. В конце соборного приговора сформулирована санкция за нарушение этих постановлений — лишение сана.

Следующим документом, в котором регламентировано церковноправовое положение белого духовенства, является Стоглав[169]. На Стоглавом соборе в 1551 г. разбирали вопросы внутрицерковного порядка, жизни и быта низшего духовенства. Иван IV в своих вопросах к участникам собора сформулировал проблемы, которые, по его мнению, были у низшего клира. Так, самодержец считал, что многие из духовенства подают плохой пример пастве. Монарха возмущала ситуация, когда причтом не совершается богослужение должным образом, а миряне «речи говорят праздные». Некоторые попы и церковные причетники «в церкви всегда пиани и без страху стоят и бранятся», «дерутся», а глядя на них, миряне «гибнут»[170]. Гнев царя вызывало и то, что попы и дьяконы не облачаются должным образом в «священные ризы»[171]. Поведение пономарей и дьяков также вызывало беспокойство. Те из них, которые были двоеженцами и троеженцами, ходили в алтарь и прикасались к святыням, хотя это было запрещено. Пономарям также нельзя было быть неженатыми[172]. Проскурницы, несмотря на запрет участвовать в богослужении, «приговаривают» над «проскурою»[173]. Вдовствующие попы могли служить у церкви только с разрешения епископа, многие вдовцы, по мнению царя, были пьяницами[174].

Трудно сказать, на основании единичных или множественных случаев неканоничного поведения белого духовенства царь сформулировал свои вопросы к собору. Однако очевидно, что перечисленные выше ситуации царь счел недостойными и высказался по этому поводу. Документальных материалов, которые бы позволяли выяснить, насколько часто происходило нарушение церковной дисциплины у клириков в первой половине XVI в., нет. В большей степени все суждения об этом основаны на обобщениях, сделанных в этом столетии.

Особая категория белого духовенства в средневековой Руси — «ружные попы». Это священники, содержание которых оплачивалось государством (денежной и хлебной ругой, устанавливаемой для каждого храма). По мнению Ивана IV, «ружные попы» «емлют» деньги за молебны, панихиды и другие службы, при этом получают ругу, но полностью положенные службы «не поют»[175]. В соборном ответе предписыва-

---

[167] ААЭ. Т. 1. № 382. С. 484.

[168] Там же. С. 485.

[169] Подробнее о Стоглаве см.: *Бочкарев В. А.* Стоглав и история собора 1551 г.: Историко-канонические очерки. Юхнов, 1906; *Стефанович Д.* О Стоглаве: Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909; *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст; *Ляховицкий Е. А.* Стоглавый собор и общественное сознание Руси XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012; Стоглав: Текст. Словоуказатель.

[170] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 261.

[171] Там же.

[172] Там же. С. 262.

[173] Там же. С. 257.

[174] Там же. С. 259.

[175] Там же. С. 263.

лось «ружным попам» и дьяконам служить «сполна по уставу»[176].

Для того чтобы пресечь названные выше и другие опасные для церкви явления, описанные в вопросах царя, предполагалось усилить контроль за приходским духовенством. Согласно Стоглаву, для этой цели был создан новый институт протопопов, поповских старост и десятских священников. В обязанности этих лиц входило наблюдение за священниками и дьяконами, которые должны были правильным образом отправлять богослужение, «по всяк день приходили ко всякому божественному правилу и стояли бы на божественном правиле с благоговением и со страхом Божиим»[177]. В церквях должны были читать Евангелия, Иоанна Златоуста, жития святых, прологи и «прочие святые душеполезные книги», служить молебны «чинно и безмятежно», священники и дьяконы «стояли со всяцем духовным вниманием, а не билися и не лаялися, и не сквернословили, и пияни бы в церковь и во святый олтарь не входили, и до кровопролития не билися»[178]. Священники и дьяконы должны были повиноваться протопопам беспрекословно, а в противном случае им грозило отлучение. Однако клирики, в свою очередь, должны были доносить епископам о противоправных поступках протопопов[179].

В 20-м царском вопросе содержится характеристика человека, «избираемого» в священники или игумены; он должен был быть беспорочен, «ненапрасно негневлив», не пьяница, не убийца, не скверностяжатель, страннолюбец, боголюбец, целомудрен, праведен, воздержателен «ото всякого зла и от упиваниа, добре сведущ истинный закон»[180]. Священником можно было стать после 30 лет, дьяконом — в 25[181]. Предполагалось, что иерей должен быть грамотным; он обязан был заботиться о своей пастве: «было бы от кого мирской чади страх и наказание, и заповеди Божия, и грехом обличениа со утвержением, знали бы священники совершенный истинный закон: сами бы творили и детей учили на спасенный путь»[182].

Протопопы, поповские старосты и десятские священники назначались ответственными за переписку книг. По мнению церковных властей, писцы вносили в рукописи поправки, которые рассматривались как еретические. Только после просмотра переписанной книги она могла быть допущена до богослужения[183].

Еще одной сферой, которая стала подконтрольна протопопам, являлось иконописание. В Стоглаве устанавливалось, что иконы следует писать по старинным образцам, «как греческые живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочии преславущии иконописцы <...> а от своего замышления ничто же предтворяти»[184]. Очевидно, что митрополит Макарий, знаток иконописи, участвовал в составлении наставлений: «Подобает быти живописцу смирену, кротку, благоговейну, непразнословцу, несмехотворцу, несварливу, независтливу, непианици, неграбежнику, неубийцы. Наипаче, же хранити чистоту душевную и телесную с всяцем опасением»[185]. Таких живописцев будет «жаловать» царь, а иерархи беречь и

[176] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 290.
[177] Там же. С. 288.
[178] Там же. С. 289.
[179] Там же. С. 288—290.
[180] Там же. С. 260.
[181] Там же. С. 285, 395—396.
[182] Там же. С. 261.
[183] Там же. С. 287—288.
[184] Там же. С. 304.
[185] Там же. С. 320.

чтить «паче простых человек». Писать иконы «самосмышлением» запрещалось, такие художники были обречены «в этом веке» на отлучение, а в будущем «на вечные муки». Архиепископы и епископы иконописцев, которые писали не по образцам, жили в «пианьстве и не в чистоте», обязаны были «в запрещение полагати, а от дела иконнаго отнудь отлучати и касатися того не велети»[186].

Протопопы и священники-старосты обязаны были контролировать обучение в школах, для которых необходимо было искать грамотных священников и заставлять их учить детей грамоте, письму и церковному пению[187].

В Стоглаве находим требование об унификации церковных обрядов. Разрешалось только двуперстное сложение при совершении крестного знамения и «сугубая аллилуйя»[188]. Эти нормы просуществовали до собора 1666 г. В полемике с никонианами староверы ссылались на эти решения Стоглава.

Ряд постановлений Стоглава развивал и расширял нормы, принятые на соборе 1503 г. Речь идет о симонии (продаже церковных должностей), взяточничестве, ложных доносах. Итак, были приняты постановления, ограничивающие произвол высшей иерархии в отношении простого духовенства. Епископам предписывалось поставлять архимандритов, игуменов «ни по старости, ни по любви, ни по мзде», «так же в попы и в диаконы ставити безо мзды, даже и до самого ключаря и прочих причетников»[189]. За поставления взимались установленные сборы[190]. Отныне пошлину с церквей в казну архиерейского дома должны были собирать не десятильники (светские лица), которые злоупотребляли своими полномочиями, а земские старосты и десятские священники[191].

Участники Стоглавого собора обратили внимание и на прихожан, которые могли пострадать от завышенных сборов священников. В тексте Стоглава находим регламентацию венечной пошлины, которая взималась за совершение обряда бракосочетания: в первый раз — 1 алтын, во второй — 2, в третий — 4[192]. Отрока можно было венчать с 15 лет, а отроковицу — с 12[193]. Первый брак был каноническим, проводился обряд венчания; во второй раз венчание было запрещено, «токмо молитва по правилом»; третье «совокупление» священник «не глаголет „браку“, понеже нужи ради телесныа се бывает»[194]. Четвертый брак был запрещен — «понеже свинское есть житие»[195].

В целом видно, что итогом Стоглавого собора стал документ, который укрепил церковное устройство в стране, одновременно введя нормы, устраняющие злоупотребления. Так, под страхом наказания от царя и церкви было запрещено читать «отреченные» и еретические книги, например «Шестокрыл», «Аристотелевы врата».[196] В этих книгах содержались сведения по медицине, астрономии, астрологии. Находим в памятнике церковного права нормы о вмешательстве в повседневный быт: запрет брить бороды, играть в шахматы, преследование

---

[186] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 321.
[187] Там же. С. 286—287.
[188] Там же. С. 290—294, 319.
[189] Там же. С. 392—393, 305.
[190] Там же. С. 305, 309.
[191] Там же. С. 364.
[192] Там же. С. 326, 328, 364.
[193] Там же. С. 281.
[194] Там же. С. 281—284.
[195] Там же. С. 284.
[196] Там же. С. 312—313.

скоморохов. Стоглав запрещал слушать и следовать «лживым пророкам», которые «наги и босы, и волосы отростив и розпустя трясутся и убиваютца», призывая крестьян в среду и пятницу не работать[197]. Еще одно ограничение касалось иностранцев, общение с ними было запрещено. Русских людей, которые «розных стран беззаконныи осквернихомся, обычая злая от них приимше», Бог казнит «за таковаа преступлениа»[198]. Решения Стоглава были ориентированы на широкие народные массы и, вероятно, не всеми были восприняты положительно.

[197] *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 311.
[198] Там же. С. 302.

КРЕСТЬЯНЕ

Категории крестьян. Образ жизни и типы поселений

В России в середине XVI в., по мнению Я. Е. Водарского, проживало около 6,5 млн человек[1]. Основным занятием населения России являлось земледелие и промыслы, более 90 % жителей были крестьянами. Этот факт, а также то, что в Средневековье определяющее значение в хозяйственном развитии страны играло сельское хозяйство, делает важным и актуальным изучение крестьянства. По словам историков, «крестьянин — производитель материальных благ, приведший в культурное состояние необозримые пространства страны; крестьянин — борец против эксплуатации; крестьянин — воин, с оружием в руках отстаивавший честь и независимость своей земли от многочисленных завоевателей; крестьянство — основной хранитель народных традиций; крестьянство — источник многих талантов в области науки, литературы и искусства, прославивших свою родину»[2]. Согласно И. И. Смирнову, «история крестьян в России являлась на всем протяжении развития русской исторической мысли одной из центральных проблем русской историографии, привлекая внимание и служа предметом исследования наиболее выдающихся русских историков XVIII, XIX и XX вв.»[3]. Итоги изучения крестьянства и аграрной истории в научной литературе XX в. подведены в работе Н. А. Горской[4].

Согласно М. Фасмеру, крестьянин — это христианин, а в современном значении (человек, работающий на земле) слово употребляется с конца XIV в.[5] В письменных источниках XIV—XVI вв. насчитывается несколько десятков понятий, относящихся к крестьянству: «люди», «смерды», «сироты», «мужик», «простец» и др. Крестьян различали по месту проживания («деревенщик», «сельчанин», «слобожанин»), роду занятий («земледелец», «изорник», «страдник», «огородник»).

---

[1] *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 27.

[2] История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1: Предпосылки становления крестьянства: Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI—V тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.). М., 1987. С. 5. Эти слова близки к тем мыслям, которые высказал Б. Д. Греков (*Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946. С. 3).

[3] *Смирнов И. И.* Б. Д. Греков как историк русского крестьянства // Греков Б. Д. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958. С. 3.

[4] *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. Одна из первых монографий, посвященных крестьянам, работа И. Д. Беляева: *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. 4-е изд. М., 1903.

[5] М. Фасмер привел следующие сведения: «Др.-русск. крьстьанинъ „христианин; человек“, ст.-слав. крьстиѣнинъ χριστιανός (Супр.), болг. кръстя́нин „христианин“, сербохорв. кршћанин, словен. krščân, чеш. křest'an „христианин“, польск. chrześcijanin — то же, в.-луж. křesćijan — то же, н.-луж. kśesćijan — то же» (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1986. С. 375—376).

Целостную концепцию изучения русского средневекового крестьянства создал Б. Д. Греков. В своей работе он стремился показать «место крестьянства в производстве в различные периоды истории русского общества в целом, начиная с того времени, когда крестьянин в значительной своей части был свободным членом сельской общины, и кончая временем его окончательного закрепощения»[6]. Итак, первым этапом истории крестьянства, по мнению Б. Д. Грекова, был период первобытно-общинного земледелия, а для обозначения основной массы сельского населения использовали понятие «смерд». С образованием государства на Руси начинается второй этап в истории крестьян: в IX—XII вв. складывается крупная земельная собственность, для крестьян в это время господствует примитивная отработочная рента и повинности в натуральной форме. Третий период охватывает время между Русской Правдой и Судебниками 1497 и 1550 гг. Основным содержанием этого времени является процесс перехода от смерда-барщинника Русской Правды к крестьянину-оброчнику Судебников. По мнению И. И. Смирнова, заслугой Б. Д. Грекова является «ликвидация разрыва в истории крестьян между Киевским периодом и XV в.»[7]. Четвертый период истории крестьянства длился, по Б. Д. Грекову, с середины XVI до середины XVII в. В это время растет внутренний рынок и увеличивается значение денег, что приводит к изменениям в управлении поместьем для увеличения их доходности (развитие крупных барских хозяйств за счет труда крестьянина). Царская власть, опираясь на крупных землевладельцев, создала законодательную базу по крестьянскому вопросу, итогом развития законотворческой мысли стало лишение крестьянина «права выхода» и закрепление личности крестьянина в XVII в. за землевладельцем[8].

А. И. Копанев высоко оценил труд Б. Д. Грекова, однако отметил, «что это направление в исторической науке обусловило известную недооценку изучения положения крестьян, не попавших под власть землевладельцев и не крепостившихся ими, хотя эта категория сельского населения <...> была, вероятно, вплоть до XVI в. весьма значительной», и сосредоточил свое внимание на черносошном крестьянстве Русского Севера[9].

Итогом многолетней работы А. Л. Шапиро по истории крестьян стал выход монографии, в которой обобщены сведения о положении сельского населения в XIV—XVI вв. Ученый не согласился с концепцией Б. Д. Грекова о том, что «решающую роль в процессе закрепощения играло развитие не внешнего, а внутреннего рынка <...> рост барской запашки приводил к значительному увеличению отработочной ренты (барщины), а барщина — к закрепощению»[10]. По мнению А. Л. Шапиро, «усиление подвижности крестьян и запустение последних десятилетий XVI в., приведшие к закрепостительным законам, не были следствием роста барской запашки, наоборот, рост барской запашки был следствием запустения и других кризисных явлений»[11]. Одним из принципиальных выводов работы стало положение о том, что «в средневековой Руси наблюдались как разные варианты собственно феодальных отношений, так и такие отношения, которые, по Ф. Эн-

[6] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. С. 4.

[7] *Смирнов И. И.* Б. Д. Греков как историк русского крестьянства. С. 18.

[8] Там же. С. 22; *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962.

[9] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 5—6.

[10] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. Л., 1987. С. 230; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. С. 597.

[11] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. С. 230.

гельсу, не соответствовали классическому выражению феодального порядка»[12].

По правовому положению крестьяне делились на три группы: черносошные, дворцовые и частновладельческие. В «Истории крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» находим следующие определения, данные с юридической точки зрения: черносошные (черные) крестьяне «в административном, полицейском и судебном отношении находились в повседневном ведении и подчинении местных государственных властей — наместников, волостелей и их тиунов, праведчиков и доводчиков»[13]. Нижним звеном управления у них была община, при этом крестьяне «тянули» к определенному городу, в котором находились представители государственной власти, которым они были подведомственны. А. Д. Горский считал, что «в системе управления черными крестьянами многое шло от древнего, еще дофеодального сотенного деления населения, а также от „станов" и „становищ", восходящих ко временам Древней Руси»[14].

Вторая группа крестьян — дворцовые — «возникла с появлением домена и двора гораздо раньше, прослеживается по источникам (как и дворцовое землевладение) с конца XV в. прежде всего по упоминанию „дворских": они рекрутировались главным образом из самих дворцовых крестьян, которые „тянули" к дворским как к своим представителям в сношениях и конфликтах с другими категориями населения (например, в земельных тяжбах)». Дворцовые крестьяне в хозяйственном плане находились в ведении «дворцовых „путей" (конюшего, ловчего, сокольничa, стольничa, чашничa и др.) и должностных лиц дворцового управления (дворецких великих и удельных князей, конюших, ловчих <...>)»[15]. На нижнем уровне дворцовой администрации находились посельские. Крестьяне должны были обеспечивать великокняжеский или княжеский двор всеми необходимыми натуральными продуктами (едой, строительными материалами, дровами).

Частновладельческие крестьяне — третья группа, которая находилась в подчинении у вотчинной администрации (приказчиков, келарей, посельских старцев)[16].

На государственной земле жили черные, волостные, становые крестьяне. Черными, или черносошными, называли лично свободных крестьян, обрабатывавших землю, обложенную государственной податью (тяглую), в отличие от освобожденной от налогообложения (обеленной)[17]. История черносошного землевладения тесно связана с вопросом о крестьянской общине. Хозяйственные угодья делились на те, которые были в частной собственности

---

[12] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. С. 247. Также см.: *Шапиро А. Л.* О «пожилом» Судебников 1497 и 1550 гг.: (К истории закрепощения крестьян) // Труды Ленинградского отделения института истории. Л., 1971. Вып. 12. С. 96—109; *Он же.* Барщина в России XVI в. // Вопросы истории. 1978. № 11. С. 33—50.

[13] *Горский А. Д.* Крестьянство и процесс государственной централизации на Руси: Рост внеэкономического принуждения // История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2: Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. М., 1989. С. 220.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 220—221.

[17] А. И. Копанев дает такое определение: «Независимый крестьянин, обладая землей, вел собственное мелкое индивидуальное хозяйство. Он знал лишь власть государства и в качестве подданного нес государственное тягло (налоги, повинности), но был свободен от власти феодала-землевладельца. В состоянии независимого непосредственного производителя он выполнил огромную созидательную миссию по хозяйственному освоению обширных территорий и по государственной защите их от нападений врагов извне» (*Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 6).

у крестьян (дом, комплекс хозяйственных построек, земельный участок), и те, которые были в общем владении волости (леса, покосы, выгоны, охотничьи и рыболовные угодья — езы, заборы)[18].

Основные полномочия и функции волости состояли в том, что община контролировала использование земель и угодий, хозяйственное освоение новых земель, судилась с захватчиками волостной земли. Как правило, шла борьба за сохранение не отдельных земельных участков, а больших комплексов, состоящих из земли и различных промысловых угодий (варниц, езов, тонь).

Для обработки земли и использования хозяйственных угодий требовались люди, поэтому черная волость стремилась сохранять определенное число общинников-дворохозяев. Это также связано с тем, что необходимо было наличие тяглецов для выплаты государственных повинностей. Их распределение («разруб») между общинниками, а также сбор и распределение средств, которые шли на мирские нужды, — еще одна функция общины.

Как отметил А. Д. Горский, волость поддерживала порядок на своих землях, выполняя административно-полицейские функции. В обязанности общинников входил «древний порядок „гонения следа", поиск „чеклого" (конечного) „татя" не менее древним способом „свода", поиск и выдача властям „душегубцев" (убийц) или, в том случае, если преступник не найден, уплата штрафа»[19]. Губные грамоты XVI в. обязывали проводить розыск волостную администрацию и зажиточное крестьянство.

Администрация в черных волостях представляла собой выборные органы волостного самоуправления. Во главе этой системы стоял волостной сход. На этом общем собрании проходили выборы должностных лиц: старосты, сотского, пятидесятников и десятских[20]. Эти действия оформляли письменно в специальном документе — «выборе», который скреплялся подписями (рукоприкладством) большинства участников собрания. Так же решали вопрос о распределении налогов. Функции, связанные с повседневным управлением и решением текущих задач, выполнял столец (место и название органа, где происходили встреча и заседания мирского правления). Здесь же концентрировались деньги от различных статей доходов (сдача имущества, земли, угодий в аренду). Волостные крестьяне «тянули» «к стольцу» со своими повинностями и сборами, здесь же «метались», т. е. распределялись, «потуги» (сборы) с крестьян[21]. А. Д. Горский констатировал, что государство и землевладельцы признавали общину «практически юридическим лицом»[22].

---

[18] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в.; *Он же.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; *Алексеев Ю. Г.* История русского крестьянства глазами Александра Ильича Копанева // Александр Ильич Копанев: Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 28—35; *Швейковская Е. Н.* Александр Ильич Копанев (1915—1990): Служение истории // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 139—154. См. также работы о центре России: *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966; *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973.

[19] *Горский А. Д.* Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости // История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 142. См. также: *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960.

[20] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 214—231; *Швейковская Е. Н.* Выборы и «выбор» в северорусском мире XVII в. // Право в средневековом мире: 2008. М., 2008. С. 249—274.

[21] *Горский А. Д.* Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости. С. 143. Здесь же см. научную литературу об этих вопросах (примеч. 25).

[22] Там же. С. 143.

Н. Е. Носов пришел к выводу, что в результате земской реформы Ивана IV выборные мирские органы самоуправления у крестьян расширили свои административно-судебные и финансовые полномочия. Возглавляли общину, как правило, наиболее «прожиточные», т. е. состоятельные, крестьяне, имевшие большое хозяйство и наемных работников. Однако к концу XVI в. на фоне нарастающего кризиса возросло налогообложение черносошных крестьян, накладывались ограничения на мирское самоуправление, затруднялись сделки купли-продажи земли[23].

Волостной крестьянский мир защищал свои земли от феодалов. Так, известны многочисленные тяжбы крестьян с Кирилло-Белозерским монастырем. А. И. Копанев писал, что «в истории крестьянского черного землевладения на Белоозере наблюдается одно важное явление — уменьшение количества черных земель в крае»[24]. А. Д. Горский, суммируя сведения о крестьянстве, заметил, что «обострявшаяся борьба черных крестьян против наступления на черные земли толкала феодалов (в том числе крупных) к сплочению, к поддержке великокняжеской власти, особенно московских великих князей, наиболее последовательно проводивших политику ограничения бесконтрольного роста крупного светского и духовного землевладения»[25].

В XVI в. происходил рост имущественного неравенства среди черносошных крестьян[26]. Появились зажиточные крестьяне, «животы» которых были значительно больше остальных членов общины. В источниках встречаем упоминания «больших», «лучших», «добрых» наряду с «пешцами» и «худыми» людьми. Роль человека в общинном самоуправлении зависела от его имущественного положения.

М. М. Богословский пришел к выводу, что черносошные крестьяне жили на государственной земле, и это была «земля, не составляющая ничьей частной собственности» и находившаяся «лишь во владении крестьян»[27]. Такое положение послужило толчком к началу научной дискуссии о принадлежности земли крестьянам, которая развернулась в 1970—1980-х гг.

А. И. Копанев, развивая идеи Н. Е. Носова о том, что на севере происходили процессы имущественной дифференциации и развития предбуржуазии, полагал, что черные крестьяне были свободными, полными частными собственниками земли[28]. Ученый писал, что «черносошный крестьянин — собственник своей земли, и эта собственность является основой его относительной свободы как мелкого производителя, ведущего личным трудом независимое индивидуальное хозяйство»[29].

С этой точкой зрения не согласился А. Д. Горский, который полагал, что черносошные крестьяне не являются собственниками земли и их положение схоже с положением владельческих крестьян: «На

---

[23] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного.

[24] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края: XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 185.

[25] *Горский А. Д.* Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости. С. 136.

[26] *Копанев А. И.* Куростровская волость во второй половине XVI в.: (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952. С. 146—156; *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977. С. 158—208; Историографию изучения имущественных отношений в черносошной волости см.: *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 62—133.

[27] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. С. 52—61.

[28] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в.

[29] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 3.

примере крестьянского землевладения видно, что положение черных крестьян хоть и не принципиально, но все же несколько отличалось от положения владельческих крестьян. Если за черными волостями (а также отчасти, по-видимому, за дворцовыми волостями и волостями великих княгинь) сохранялось право непосредственного распоряжения землей, то владельческие крестьяне были лишены даже этого права»[30].

А. Л. Шапиро не согласился с А. И. Копаневым относительно капиталистических тенденций в развитии крестьянского общества на Русском Севере (наемный труд и имущественная дифференциация присутствовали и в XIV—XV вв.) и высказал свою точку зрения о земельной собственности в черносошной деревне. Ученый отметил, что «в XIV—XVI вв. наследственные владения черных крестьян именовались их вотчинами, хотя вотчины эти существенно отличались от вотчин бояр и своеземцев: ведь на вотчину черного крестьянина распространялись волостные разрубы государственных повинностей и власть волости», но при этом «с усилением феодального гнета, начавшегося еще в последние десятилетия XVI в., была связана повышенная подвижность черных крестьян и направленные против нее закрепостительные меры правительства. А высокий уровень эксплуатации и закрепостительные меры являлись признаками феодальной собственности государства и ликвидации крестьянской собственности на землю»[31].

Выводы А. И. Копанева были получены на основании анализа и изучения комплекса источников о крестьянах общего характера (писцовые материалы, правительственные акты), «массовых крестьянских документов, составленных волостью (хозяйственные книги, раскладные списки, выборы, явки и т. д.), и поземельных крестьянских документов»[32]. Всего историк учел 1836 актов с конца XV в. по 1600 г.[33] Это позволяет признать справедливой его мысль, что «черносошные крестьяне выступают перед нами свободными юридически, самостоятельными и независимыми в своей хозяйственной деятельности и активной силой общественной жизни. Основой свободы черносошного крестьянства была свободная собственность на средства производства — землю и промысловые угодья, являвшиеся базой независимого индивидуального крестьянского хозяйства»[34].

Именно на Русском Севере у черносошного крестьянства были развиты различные промыслы: солеварение, пушная охота, рыбная ловля и морской промысел. Удачливые охотники и мореходы богатели и создавали артели. Из среды черносошного крестьянства вышли крупные купцы-предприниматели — Строгановы, Амосовы, Гусельниковы[35].

---

[30] *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. С. 159. См. также: *Горский А. Д.* К вопросу о сущности черного землевладения на Руси XIV—XV вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 47—54.

[31] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. С. 43, 46—47. См. также: *Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л.* О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 5—44.

[32] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 7.

[33] Там же. С. 14.

[34] Там же. С. 230.

[35] Там же; *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962; *Тимошина Л. А.* Завещание гостя Афанасия Гусельникова и некоторые вопросы общественно-экономического положения гостей в русском государстве XVII века // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2007. С. 259—307; *Никонов С. А.* Европейская Арктика в XVI—XVIII вв.: Модели и практики хозяйственного освоения (крестьянство, купечество, монастыри, государство) // Российская история. 2021. № 6. С. 43—60.

Крестьяне, которые проживали на землях, принадлежавших светским или духовным собственникам, назывались княжескими, боярскими, митрополичьими, монастырскими или частновладельческими. Земля им не принадлежала, но они владели участками, которые переходили по наследству. Крестьяне, которые платили натуральный оброк, именовались «половниками», «изорниками», «огородниками». В зависимости от социального статуса человека встречаются определения «закладник», «захребетник», «подсуседник», «рядовой». В XVI в. мир (община) в монастырских и помещичьих землях обладал определенной независимостью от землевладельцев. Часто собственника, бывшего на службе, заменял приказчик, который выстраивал отношения с крестьянским старостой.

В XVI в. проходили описания земель всего государства, писцы составляли писцовые книги[36]. Эти документы зафиксировали распределение земельного фонда, систему сельского расселения и административно-территориального устройства Русского государства; вместе с тем они содержат сведения о сельском населении, прежде всего как налогоплательщиках. В писцовых книгах встречаются понятия, указывающие на различное имущественное положение сельских жителей: «добрые», «большие», «прожиточные», «меньшие» или «худые». В XVI в. активно шел процесс внутренней колонизации, поэтому крестьянское население делилось на «старожильцев» и «новоприходцев», «пришлых». Встречаются упоминания «сшедших» людей, «беглецов».

Чаще всего крестьянское население делилось на старожильцев, новопорядчиков, бобылей, половников. Основную массу составляли старожильцы, которые проживали на черных или частновладельческих землях[37]. Они несли тягло[38] в пользу землевладельцев и государства. Б. Д. Греков пришел к выводу, что «основная масса старожильцев — это люди „искони вечные“, „пошлые“, сидящие на земле своих дедов, прадедов и прапрадедов»[39]. За понятием «старожилец» скрываются также люди, согласившиеся жить на определенных условиях в этом статусе, и те, кто стал старожильцем после окончания льготных лет на новом месте (из новопорядчика перешел в следующий статус). Крестьянин, получив льготу, селился на земле духовного или светского феодала, но после окончания льготного периода новопорядчик становился старожильцем. Судебник 1497 г. (статья 57) ограничил крестьянский переход[40].

Судебник 1550 г. (статья 88) повторил эту норму, увеличивая размер пожилого на 6 алтын. А. Л. Шапиро пришел к выводу, что Судебник 1497 г. лишь закрепил традицию, бытовавшую ранее, а право крестьянских переходов являлось «одним из важнейших факторов экономического развития страны в XV—XVI вв. и сдерживало рост владельческих повинностей, побуждая феодалов к умеренности даже в условиях возрастаю-

---

[36] Аннотированные каталоги этих памятников: Писцовые книги Русского Севера / Сост. Н. П. Воскобойникова, В. Ю. Беликов, Н. Ф. Демидова и др. М., 2000; Писцовые книги Новгородской земли / Сост. М. Ю. Зенченко, В. Ю. Беликов, Г. А. Иванова. М., 2004; Писцовые книги Восточного Замосковья / Сост. М. Ю. Зенченко, Н. П. Воскобойникова, Г. А. Иванова и др. М., 2007; Писцовые книги Верхнего Заволжья / Сост. М. Ю. Зенченко, В. Ю. Беликов, Н. П. Воскобойникова и др. М., 2010; Писцовые книги юго-западного порубежья / Сост. М. Ю. Зенченко, Г. А. Иванова. М., 2013; Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли / Сост. М. Ю. Зенченко, Г. А. Иванова. М., 2018.

[37] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. С. 622—644.

[38] Совокупность платежей в пользу государства и землевладельца, государственный оброк (налог) колебался от 1 до 3 рублей с сохи (на 1 рубль можно было купить 82 кг меда или 10 пар сапог).

[39] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. С. 636.

[40] Судебники XV—XVI веков. С. 27.

щих потребностей господских семей»[41]. Более того, Судебник 1550 г. уточнил, кто платил пожилое: «А пожилое имати с ворот»[42]. Из этого уточнения следует, что крестьянин платил пожилое только в тех случаях, когда уходил дворовладелец, и пожилое не выплачивалось, когда уходили от отцов дети и от «дядь племенники», а двор оставался жилым[43]. Как видим, уточнение Судебника 1550 г. не только подтверждает право перехода крестьян, но показывает реальную социально-экономическую ситуацию, бытовавшую в XV—XVII вв. (до принятия Уложения 1649 г.): передвижение основной массы крестьянства не было юридически ограничено; пожилое являлось возмещением ущерба, который нес землевладелец от временного запустения двора[44].

По мнению А. Д. Горского, крестьянские переходы внутри великих и удельных княжеств в XV в. приняли массовый характер. Он насчитал около 150 актов из разных частей Северо-Восточной Руси с упоминанием «пришлых», «призванных», «новиков», «инокняжцев». Выявлены сведения о конкретных переходах и «отказах» крестьян, уходивших с черной земли на частновладельческую и наоборот. В первой половине XVI в. крестьяне также передвигаются, «сходят», в источниках находим сведения о том, что они ушли «от помещиковых податей», «от насилства и от продаж» местных администраторов — тиунов, доводчиков, волостелей. Другие причины ухода были объективными: «от недороду», «от голода», «от мору»[45].

Во второй половине XV — первой половине XVI в. появляется бобыльство. Б. Д. Греков отметил, что первое упоминание о бобылях встречается в псковских летописях под 1500 г.[46] А. Г. Маньков дает следующее определение: «Бобыль — это обычно обедневший человек, не способный нести государево тягло и платящий более легкий бобыльский оброк»[47]. В документах встречаются упоминания пашенных и непашенных бобылей, часть из них занималась ремеслом и не платила государева тягла. Землевладельцы уже в XVI в. были заинтересованы в том, чтобы часть населения своей вотчины или поместья записывать в бобыльство, тем самым снижая объем налогообложения. В первой половине XVII в. этот прием будут часто использовать в монастырских вотчинах.

В северных уездах с конца XV в. широко известно половничество. В научной литературе дано следующее определение: «Половник — обычно обедневший крестьянин-общинник либо вольный человек, лишенный средств производства»[48]. Эти люди получали ссуду от землевладельцев для хозяйственной деятельности, но обязаны были отдавать за это половину урожая (этимологически термин «половник» происходит от слова «половье» — «половина»). По мнению А. Л. Шапиро, новгородские половники XIII—XV вв. — это прежде всего должники, при этом в источниках также есть «указания на сеньориальные права новгородского землевладельца в отношении половников»[49]. Черный крестьянин ста-

[41] *Шапиро А. Л.* О «пожилом» Судебников 1497 и 1550 гг. // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 106.

[42] Судебники XV—XVI веков. С. 172—173.

[43] *Шапиро А. Л.* О «пожилом» Судебников 1497 и 1550 гг. С. 108.

[44] Там же. С. 100.

[45] *Горский А. Д.* Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости. С. 149.

[46] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. С. 734—759.

[47] *Маньков А. Г.* Сельское хозяйство: Развитие феодального землевладения и эксплуатации крестьян // Очерки истории СССР: Период феодализма: Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 47.

[48] Там же. С. 47. Обзор исторической литературы о половниках см.: *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. С. 108—126.

[49] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). С. 128.

новился половником «после превращения „своей" для него земли в землю „чужую"» и потери права распоряжаться ею[50].

А. Л. Шапиро отметил существование крестьян, которые сидели на половье, но при этом в писцовых книгах их не называли половниками. Кроме них существовали крестьяне, которые были обозначены термином «половник» в новгородских источниках[51]. Ученый пришел к выводу, что «в исторической литературе принято идентифицировать крестьян, которые сидят на половье, а то и всех вообще крестьян-издольщиков, с половниками. Новгородские писцовые книги убеждают нас в том, что это заблуждение. Писцы конца XV — XVI вв. именовали половниками лишь часть людей, сидевших на половье. Остальные крестьяне, дававшие господину половье из хлеба, не выделялись писцами из массы крестьян, дававших господину треть, четверть, посп или деньги»[52]. Писцы, как представители государственной власти, отличали половника, сидящего на чужой земле, от крестьян. Половники могли сидеть на землях не только монастырей и помещиков, но и крестьян. Общий вывод А. Л. Шапиро сформулировал следующим образом: «Половники были тяглыми людьми: обрабатываемые ими земли, как правило, были положены в обежный оклад. Но платежи осуществлялись не самим половником, а его господином, так как земля, на которой сидели новгородские половники, была для них „чужой землей" Эта особенность резко выступала в районах, где доминировало черное землевладение. В районах же, где доминировало поместное и крупное вотчинное землевладение, „чужая земля" половника мало отличалась от „своей земли" других крестьян. Поэтому половничество в этих районах идет в XVI в. на убыль, а затем и вовсе исчезает»[53].

Исторические источники по Северо-Восточной Руси не позволяют установить, «именовали ли всех людей, сидевших на половье, половниками или здесь, как и в Новгородской земле, к разряду „половников" относилась лишь часть отдававших господину „половье из хлеба"»[54]. Акты XV — начала XVI в. показывают, что половники составляли только часть пришлых крестьян, остальные именовались «новиками», «пришлыми новиками», а чаще всего просто «пришлыми»[55]. Важным представляется наблюдение А. Л. Шапиро о том, что половники «в течение многих лет и десятилетий не утрачивали свое наименование и не растворялись в массе тяглого крестьянства»[56]. В целом сведения о половниках, полученные на новгородском материале, подтверждаются данными актов Северо-Восточной Руси.

В Псковской земле половниками или исполовниками обычно являлись изорники, огородники и кочетники. Их положение раскрывается статьями Псковской судной грамоты. А. Л. Шапиро предполагает, что половники-изорники соглашались «сесть» на участок на тяжелых долговых условиях из-за ссуды-«покруты», которая давала возможность завести хозяйство[57]. Следовательно, в псковской деревне были более разнообразные отношения между людьми, чем в других регионах. Существовало «деление внутри исполовников — изорники, огородники и кочетники; связанные рентными отношениями и „покру́той" люди,

[50] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). С. 130.
[51] Там же. С. 133.
[52] Там же. С. 134.
[53] Там же. С. 138.
[54] Там же. С. 139.
[55] Там же. С. 142.
[56] Там же. С. 143.
[57] Там же. С. 150.

„отро́к“ которых ограничен; берущие землю (и воду) по договору на срок и не связанные с данным землевладельцем феодальными обязательствами»[58]. Однако к концу XVI в. многие различия, существовавшие во времена Псковской судной грамоты, исчезли.

При монастырях существовала особая категория людей — «монастырские детеныши»; это обедневшие крестьяне или крестьянские дети, выросшие при монастыре и работавшие в монастырском хозяйстве (при Кирилло-Белозерском монастыре существовал детский приют — «голышня»). Часто они становились монастырскими слугами, служебниками и выполняли различные административные поручения (ездили с товаром и документами в города, на ярмарки, в московские приказы). Во время военных действий они отправлялись на службу[59].

А. Л. Шапиро следующим образом охарактеризовал разнообразные категории сельского населения: «Наряду с обеспеченными всем необходимым для ведения своего хозяйства крестьянами в феодальной деревне присутствовали огородники, холупники, соседи и другие категории сельских жителей, которых немецкие историки обозначают термином „Unterbauer“ В русских источниках XIV в. они фигурируют под именем „пешцев“ и „огородников“ Слабая наделенность своими средствами производства была тогда характерна и для половников, а позднее — для подсоседников и захребетников. Бобыли в своем подавляющем большинстве в XVI—XVII вв. тоже были людьми, хозяйственно плохо обеспеченными»[60]. В XVI в. также известны холопы, пашенные и кабальные, при этом полное холопство вытесняется кабальным.

В XVI в. мирская организация также существовала у частновладельческих крестьян и выполняла административные и фискальные функции, как и в черной волости. Государственные подати и повинности разверстывались на волость, а внутри общины органы мирского управления производили их раскладку между крестьянами в зависимости от прожиточности дворов. Также собирали деньги на нужды мира, при этом сбор осуществлялся согласно принципу круговой поруки. При уходе крестьянина его доля денежных взносов ложилась на плечи остальных общинников, поэтому органы мирского самоуправления заботились о сохранении не только земельного фонда, но и людей.

Сведений о крестьянской общине в центральной России немного, это прежде всего упоминания в актах и писцовых материалах, тогда как сведения о функционировании волостного устройства на Русском Севере сохранились в документации, происходящей из этих общин («разрубные» и «выборные» списки). Во владениях митрополитов, монастырей и светских феодалов нет сведений о волостных землях, при этом упоминаются «волостки» владычные, монастырские. А. Д. Горский пришел к выводу, что крестьянская организация на вотчинных землях была менее развита, чем на волостных, черносошных[61]. В последней трети XVI в. земское самоуправление в центральных и северо-западных уездах России заменили губные старосты и городовые приказчики[62].

---

[58] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. С. 157. См. также: *Вовин А. А.* Отрок изорника: Землепашец и господарь в Пскове XIV—XV вв. // Связь времен и творчество историка: Памятный сборник к 90-летию Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2021. С. 227—239.

[59] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. С. 695—711.

[60] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. С. 247.

[61] *Горский А. Д.* Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости. С. 139—140.

[62] *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 11.

Крестьяне в вотчинах и поместьях платили подати и повинности государству и собственнику земли. В отличие от черносошных крестьян, владельческие платили государево тягло в меньшем размере. Рента выплачивалась в первую очередь продуктами, кроме этого, была отработочная и денежная ренты. В XVI в. известны случаи замены хлебного оброка деньгами. В дворцовых волостях были разнообразные сборы натурой (хлеб, мясо («полть свинная»), рыба, грибы). В большинстве случаев сборы с крестьян были смешанными (продуктами и деньгами), с селений, где были распространены промыслы, собирали оброк, например, медом. В первой половине XVI в. появляется барская запашка; это та земля, которую обрабатывали крестьяне в пользу владельца, урожай с нее получали полностью князья, помещики, архиерейские дома, монастыри[63]. Результатом развития товарно-денежных отношений стал рост долгов у крестьян. В вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря задолженность сельских жителей перед обителью стала типичным явлением. Для учета и систематизации долгов была создана специальная книга[64]. Крестьяне брали деньги в долг для покупки лошадей и для восстановления хозяйства после пожара. Крестьян-должников называли «серебрениками».

А. Д. Горский констатировал, что исчерпывающе определить соотношение разных форм и повинностей у крестьян в XIV — первой половине XVI в. затруднительно. В первой половине XVI в. появились новые государственные повинности: пищальные, стрелецкие, полоняничные деньги, ямчужное дело, а также происходит рост доли денежных платежей, а натуральные поборы сокращаются[65]. А. Л. Шапиро пришел к выводу, что «дошедшие до нас перечни крестьянских повинностей в XIV—XV вв. отличаются обстоятельностью и содержат в общей сложности около двухсот наименований. Но среди них ни разу не упоминается вывоз навоза на господские поля. Правда, в XIV—XV вв. полевая барщина вообще не играла большой роли, хотя обязанность „пахать“ или „делать“ пашню все же встречается в источниках»[66].

За перепашку крестьянской межи (нарушение границы земельного участка) виновного наказывали, как и за вторжение на поместные и вотчинные земли. Это положение закреплено в Судебнике 1497 г. в статье 62 «О межах»: «А кто сорет межу или грани ссечет из великого князя земли боярина и манастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто межу сорал или грани ссек, ино того бити кнутием, да исцу взяти на нем рубль. А христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого межу переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому имати на том за боран по два алтына и за рану присудят, посмотря по человеку и по ране и по рассужению»[67]. По Судебнику 1550 г. (статья 87), «крестиане меж собя в одной волости или в селе хто у кого межу сорет или перекосит, ино волостелю или посельскому имати на нем за боран два алтына»[68]. Важно подчеркнуть, что и Уложение 1649 г. (статья 231) подтвердило эту норму, но ужесто-

[63] *Маньков А. Г.* Сельское хозяйство: Развитие феодального землевладения и эксплуатации крестьян. С. 49—51.

[64] Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.).

[65] *Горский А. Д.* Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости. С. 136.

[66] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. С. 7.

[67] Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 61.

[68] Там же. С. 118.

чило наказание: «...бити их кнутьем же, а межу и грань велеть зделать по-прежнему»[69].

В целом на судьбы крестьянского населения повлияла Ливонская война (1558—1583) и опричнина (1565—1572), а также чума («моровые поветрия»), эпизоотия и неблагоприятные климатические условия[70]. В XVI в. прошло несколько волн запустений на северо-западе страны, началась интенсивная миграция крестьян на юг, а в конце столетия — на Северный Урал и далее в Сибирь. В 1580-х гг. были введены «заповедные годы» (заповедь — запрет делать что-либо), когда крестьянам, владевшим тяглыми наделами, было запрещено переходить к другому землевладельцу. Данное положение нарушало нормы Судебников 1497 и 1550 гг. Эта мера была введена в интересах землевладельцев, так как, если крестьянин уходил, двор становился пустым и необходимо было искать нового жильца, давать ему льготу на несколько лет для обзаведения хозяйством, а это приносило убытки светским и духовным вотчинникам и помещикам. Для стабилизации состояний поместий были введены не только заповедные, но и урочные годы, устанавливавшие срок сыска беглых крестьян, и только Уложением 1649 г. был введен бессрочный сыск, что ознаменовало собой становление крепостного права.

Основным типом поселения у крестьян в средневековой Руси была деревня, этот термин встречается в источниках с XIV в. Деревни обычно были малодворными, от одного до пяти дворов. Однако в XVI в. начался рост дворности в деревнях, особенно в центральном регионе России, типичными становятся 10—15-дворные поселения, хотя на севере малодворность сохранялась. На смоленских и новгородских землях, территории современной Беларуси деревня именовалась «весь».

Деревня вырастала на месте «починка» — поселения, у которого еще не было сформированных пашенных угодий, но был уже двор, пригодный для постоянного места жительства[71]. Починку могло предшествовать «займище», или «заимка» — место, занятое кем-то для хозяйственной деятельности, но еще без постоянного жилища. Широко известно понятие «село», при этом на юго-западе и юге Руси этим понятием называли все населенные пункты. Село обычно было церковным и административным центром, в нем находился храм (на севере теплая и холодная церковь), дворы посельских старцев в духовной вотчине или представителей бояр и помещиков в светском владении. Считается, что переходным типом поселения от деревни к селу было «сельцо», которое было меньше села и не всегда имело церковь. На северных и северо-западных землях существовали погосты, которые к XVI в. утрачивали административную роль, но сохраняли значение религиозного центра округи (храм и кладбище).

В XVI в. также известны слободы, или «свободы» — поселения, частично или полностью освобожденные от повинностей. Как правило, они принадлежали духовным или светским землевладельцам (но были и дворцовые), заинтересованным в освоении новых территорий и добившихся податных привилегий. Слободы в XVI в. были уже не земледельческими, а ремесленными. На

---

[69] Российское законодательство X—XX веков. Т. 3: Акты Земских соборов / Отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. С. 141.

[70] *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII вв. Л., 1983. С. 104—108.

[71] Под руководством П. А. Колесникова был осуществлен проект по сбору сведений о деревнях за несколько столетий, в результате которого выяснилось, что большинство населенных пунктов, возникших в XV в., оставались живущими до XX в.: *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976; Родословие вологодской деревни: (Список древнейших деревень — памятников истории и культуры) / Сост. П. А. Колесников, Т. М. Димони. Вологда, 1990.

южных границах существовали земледельческие слободы, жители которых защищали границу от набегов крымских татар и поэтому пользовались льготами. Еще один тип населенных пунктов был на Новгородчине — рядки, они соединяли в себе некоторые черты города и деревни.

В большинстве случаев поселения располагались вблизи рек и озер (прибрежно-рядовая планировка). Вблизи границ поселения располагались исходя из целей обороны, поэтому господствовала кучевая планировка. Также встречается уличный и гнездовой тип селения[72].

Крестьянин жил с семьей во дворе, этот термин («двор») встречается в документах разных типов. Очевидно, что под ним нужно понимать в XVI в. крестьянскую усадьбу, состоящую из жилых и хозяйственных построек (клеть, сени, овин, амбар, хлев, гумно, мякиница, сарай, погреб). В центре двора стояла изба («истба», «истопка»). На черносошном севере под одной крышей находились жилые и хозяйственные клети, представляющие собой обширный комплекс. В центральной и южной России крестьянское жилище было меньших размеров и могло быть не рубленым, а глинобитным, полуземлянкой[73]. В крестьянском хозяйстве находились лошади, коровы, козы, овцы, свиньи, собаки, но наличие скота зависело от «прожиточности» хозяина, не все крестьянские семьи имели лошадей. Тяглый скот использовался прежде всего для обработки земель (в годы кризиса пахали на коровах, в соху могли впрягаться люди).

Крестьянская посуда была глиняной, деревянной и берестяной, ее украшали резьбой и росписью. Основным продуктом питания крестьян был ржаной хлеб. На стол подавали каши (овсяную, пшенную, ячневую, гречневую), кисели (овсяные, гороховые), толокно и овощи (капуста, репа, огурцы и другие известные и сегодня овощные культуры), значительную часть в рационе занимали орехи, ягоды и грибы (соленые и сушеные). Мясо в крестьянском рационе бывало по праздникам или во время тяжелой работы, зато более распространенной пищей была белая (озерная и речная) и красная рыба. Куриные яйца часто упоминаются в составе оброка. Распространенными напитками были кислый квас и морсы, а также пиво, брага и меды (хмельные и сладкие), есть сведения о «вине горячем» — крепком алкогольном напитке (водке), полученном с помощью перегонки (курения).

Основной одеждой крестьянина была верхняя и нательная рубахи, а также штаны (портки), которые шили из льняных или конопляных полотен разного качества. На ногах крестьяне, в зависимости от времени года и достатка, носили лапти (липовые, берестяные), кожаные поршни и валенки. Верхняя одежда состояла из кафтанов, сермяг, опашней, овчин, тулупов, шуб. Женский гардероб был наряднее, женщины к тому же надевали различные ювелирные украшения (ожерелья, серьги, бусы). Мужчины имели бороды и стриглись «в кружок», женщины заплетали косы (одна у девушек, две у замужних женщин)[74].

---

[72] Подробнее см.: *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935; *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси в XIV—XVI вв. М.; Л., 1936; *Романов Б. А.* Изыскание о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII—XVII веков. М.; Л., 1960. С. 328—418; *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

[73] Подробнее см.: *Громов Г. Г.* Русское крестьянское жилище XV—XVII вв. по письменным источникам // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1965. № 6. С. 35—48; *Он же.* Жилище // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1: Материальная культура / Под ред. А. В. Арциховского. М., 1977. С. 182—201.

[74] Подробнее о крестьянской культуре в XVI в. см.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1: Материальная культура. Ч. 2: Духовная культура / Под ред. А. В. Арциховского. М., 1977.

В Северо-Восточной Руси средний размер крестьянского надела составлял одну «выть», равную 5 десятинам «доброй» земли (или 6 «середней», 8 «худой») в одном поле (десятина = 1,0925 га). На Русском Севере земельные наделы сильно отличались из-за качества земли, ее разбросанности и быстрого развития имущественной дифференциации, а следовательно, концентрации больших земельных владений в одних руках при обеднении других крестьян. В новгородских и псковских землях надел составлял около 3 десятин в одном поле, но также встречаются колебания размеров земельных участков[75].

Важно учитывать природно-географические условия Северо-Восточной Руси и Русского Севера при анализе особенностей крестьянской жизни. В историографии установлено, что северные крестьяне применяли соху не потому, что не знали более эффективных орудий обработки земли, а потому, что ее легко было применить к местным особенностям. В XVIII—XIX вв. насчитывалось свыше трех десятков видов сох. С учетом почвенных условий и характера расположения пашенных угодий (по выражению Л. В. Даниловой, «мелкоконтурности крестьянских полей») соха широко применялась в мелком крестьянском хозяйстве и в XX в.[76]

О крестьянской семье и семейном праве XV—XVI вв. сведения в источниках лаконичны. Писцовые книги содержат сведения о мужском населении крестьянского двора: глава семьи, он же тяглец, дети, внуки, племянники, братаны (двоюродные братья) — как холостые, так и женатые. Такой состав двора указывался в случае, если семья была нераздельной и близкие родственники проживали вместе с главой семьи и его женой. Т. И. Осьминский специально обратился к понятию «люди» писцовых книг и пришел к выводу, что на двор с одной семьей приходилось 5 человек, на двор с двумя семьями — 7,5 человека, на двор с тремя семьями — 10 человек, и привел формулу для подсчета числа жителей по этим источникам[77]. Сведения о том, что сын живет на «займище» или ушел на «починок», обычно рассматривают как указание на крестьянскую колонизацию. Вместе с главой семьи могли жить и некровные родственники: зятья и пасынки. Хозяйками дворов могли быть вдовы, ставшие правопреемницами своих мужей.

Ученые пришли к выводу, что в это время основной формой семьи была малая семья, брацкая или отцовская, двух- и трехпоколенная. Трехпоколенные семьи встречаются реже, что свидетельствует о невысокой продолжительности жизни людей в то время[78]. Е. Н. Швейковская обратила внимание, что на севере «по отношению к замужней женщине наряду с термином „жена“ употреблялся и другой — „семья“, который применяли как мужья, называя им своих жен, так и сами жены, причем разного социального статуса»[79].

---

[75] *Горский А. Д.* Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости. С. 140.

[76] *Данилова Л. В.* Влияние природных факторов на сельское хозяйство средневековой Руси // Аграрные технологии в России IX—XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 61—80.

[77] *Осьминский Т. И.* Двор и семья: «Люди» писцовых книг конца XV — первой половины XVI в. // АИСЗР. I. С. 17—20.

[78] *Водарский Я. Е.* К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI—XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 117—130; *Швейковская Е. Н.* Крестьянская семья XVI—XVIII вв.: Понятие и демография // Проблемы источниковедения. Вып. 1 (12). М., 2006. С. 345—361. О крестьянской семье в XVII в. см.: *Кох О. Б.* Крестьянская семья // АИСЗР. IV. С. 55—62.

[79] *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. С. 51.

Широко были распространены различные свадебные пошлины. Крестьянин, который «сына женит или дочерь даст замуж за рубеж» (т. е. в другую волость), обязан был «явить» (сообщить) волостелю и заплатить пошлину. В статье 17 Белозерской уставной грамоты 1488 г. находим следующие нормы: «А хто дасть дочерь замуж из города в волость, или из волости в город, или из волости в волость, и он даст выводную куницю алтын. А хто дасть дочерь замужь за рубеж в Московьскую землю или в Ноугородцкую, и он дасть за выводную куницю два алтына. А в городе, и в станоу, и в волости в однои, ино свадебного за оубрус две денги. А десятиннику владычню знамен три денги»[80]. В документах XV—XVI вв. встречаются следующие свадебные пошлины: новоженая и выводная куница, убрус, убрусное, новоженый убрус и др. Согласно Псковской судной грамоте, после смерти крестьянина-изорника его имущество наследовали жена и дети, а также другие родственники (статьи 84, 86). В имущественных отношениях крестьянина и Иосифо-Волоколамского монастыря поручниками были матери, жены, дети и другие родственники[81].

Культурным выражением общинных традиций и зримым воплощением мира были пиры и братчины. Семейные торжества — свадьбы, родины, поминки и деревенские праздники — отмечались пирами и варкой пива. «Пир» упоминается в Псковской судной грамоте, в жалованных и уставных грамотах XV—XVI вв.[82] М. С. Черкасова прокомментировала 20-ю статью Белозерской уставной грамоты 1488 г., для чего привлекла широкий сравнительный материал нормативного характера и судебные дела XV—XVII вв. (например, в расспросных речах читаем: «Пили-де есмя, господине, крещенскую ссыпную братчину <...> И пьючи-де у нас учинилась подерюшка с батюшком...»)[83]. М. С. Черкасова подчеркнула, что «пиры и братчины в средневековой Руси являлись существенными узлами социальных связей, включали разнообразные социально-экономические, правовые, эмоциональные и религиозные аспекты. Праздничное и повседневное застолье в разных социальных стратах средневекового общества было формой и зрелища, и церемонии, и ритуала, и плотно насыщенной культурными смыслами знаковой системой»[84].

Современники крестьян XVI в. оставили в полемических сочинениях размышления о крестьянском труде и судьбах крестьян. Максим Грек так охарактеризовал современное ему монашество и отношение его к крестьянам: «Али не последнее видится тебе безчеловечие наше и неправдование сие, егда мы убо, отрекшиися всякия пищи излишния и покоя телеснаго пред Богом и избранными ангелы его, таже забывше обет наших, стяжания паки всякия и стада скотския себе пристяжаем и всякия сладкия пищи и прохлада обильно насыщаемся потом подручных нам селян? Тии же окаяннии, беспрестани тружающеся и томимы в житейских потребах наших, и обильна сия нам уготовляюще, во скудости и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядущу, многажды же и без соли от последния нищеты»[85].

О Вассиане Патрикее, современнике Максима Грека, Н. А. Казакова писала, что

---

[80] АСЭИ. Т. 3. № 22.

[81] *Горский А. Д.* Категории крестьян. Крестьянское землевладение. Рента. Формы зависимости. С. 144.

[82] *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1981.

[83] *Черкасова М. С.* Комментарий к 20-й статье Белозерской уставной грамоты 1488 года: (О пирах и братчинах в Средневековой Руси) // Русское Средневековье: Сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексеева. М., 2012. С. 307—327.

[84] Там же. С. 326.

[85] *Максим Грек.* Сочинения. Ч. 2. Казань, 1860. С. 130—131.

«обличая нарушения иноками евангельских заветов нестяжания, Вассиан рисует потрясающие по своей яркости картины того алчного стяжания и той бесчеловечной эксплуатации крестьян, которой занимались современные ему русские монастыри»[86]. Сам же Вассиан в одном из сочинений выразился таким образом: «Живущая братиа наша убогиа в селех наших различным образом оскорбляем их, истязании неправедными обидяще их, и лесть на лесть и лихву на лихву на них налагающе, милость же нигде же к ним показуем, их же, егда не возмогуть отдати лихвы, от имений их обнажихом без милости, коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и детми далече от своих предел, аки скверных, отгнахом»[87]. Очевидно, что в этих сочинениях были подняты вопросы несоответствия идеалов иноческой жизни (как их понимали нестяжатели) и способов ее обеспечения с помощью тяжелого крестьянского труда.

Законодательство о крестьянах

Термин «крестьяне» («христиане») в XVI в. нередко использовался для обозначения всего тяглого населения православного вероисповедания, отличавшегося как от нетяглых холопов, так и ясачных инородцев. Такое словоупотребление свойственно земским уставным грамотам, выдававшимся мирам черносошного севера, где социальные различия между посадским и крестьянским населением были малоразличимы. В Судебниках под «христианами» понималось тяглое население волостей и сел, чей уход в Юрьев день сопровождался выплатой «дворов пожилых». В историографии шли интенсивные дискуссии о сущности ограничений крестьянских переходов и формировании системы зависимости крестьян от государства и землевладельцев.

Переходам крестьян посвящены 57-я статья Судебника 1497 г. и 88-я статья Судебника 1550 г. «О христианском отказе»: «А христианом отказыватися из волости, из села в село один срок в году[88], за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да поидет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да поидет прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а поидет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре года поживет, и он весь двор платит». Пожилое в историографии традиционно рассматривалось в контексте отношений между крестьянином и вотчинником, при этом формулировки цитированной статьи не дают оснований для столь однозначной интерпретации.

Оборот «отказ из волости в волость» можно понимать как переход крестьянина из одной административной единицы в другую или как уход из волости дворцовой или черносошной. Из источников известны факты отказа крестьян как из вотчин и поместий, так и черносошных волостей как землевладельческих и тяглых единиц.

---

[86] *Казакова Н. А.* Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. С. 450; см. также: *Она же.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.

[87] *Казакова Н. А.* Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева. С. 456—457.

[88] В Судебнике 1550 г. этот оборот конкретизирован: «отказыватись из волости в волость и из села в село». См.: Судебники XV—XVI вв. / Подг. текста Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. М.; Л.; 1952. С. 27, 172. Принимая во внимание имеющиеся в литературе суждения о неполноте сохранившегося списка Судебника 1497 г., решаемся предположить, что и в его протографе был аналогичный оборот «из волости в волость». См.: *Плигузов А. И.* О списках Судебника и духовной грамоты Ивана III // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI—XIX вв. М., 2000. С. 137—148.

Оборот «отказ из волости» коррелирует с выражением «заволостной крестьянин»[89], применявшимся по отношению к человеку, вышедшему за пределы данной административно-территориальной единицы: «а хто выдет за волость». Очевидно, что крестьяне уходили не только от землевладельцев, но и из черносошных и дворцовых волостей, и процедура отказа распространялась на все категории крестьян.

Правительство бдительно следило за соблюдением законности, особенно в тех районах, где частновладельческие и государственные земли лежали чересполосно. Об этом свидетельствует царский указ от 5 сентября 1555 г. новгородским дьякам по поводу злоупотреблений помещиков в черносошных деревнях Пусторжевского уезда. В челобитной выборных голов черносошных станов Ржевы Пустой говорилось: «А сказывают, деи, дети боярские Ржевские и псковские и лутцкие и из иных присудов вывозят за собя во хрестьяне жити наших крестьян из Ржевских из черных деревень не по сроку, по вся дни безпошлинно; а как, деи, изо ржевских и из наших ис черных деревень приедут к ним отказщики с отказом в срок хрестьян из-за них отказывати в наши в черные во ржевские деревни, которые крестьяне похотят итти жити в те наши в черные деревни, и те, деи, дети боярские отказщиков бьют, и в железа куют, и пожилое, деи, на них емлют не по Судебнику, рублев по пяти и по десяти, и отказати, де, им хрестьянина из-за тех детей боярских не мочно»[90].

Цитируемый источник активно исследовали историки, например М. А. Дьяконов и Б. Д. Греков, для доказательства тезиса об усиливавшемся в середине XVI в. «закрепощении» крестьян[91]. Противоположная точка зрения была сформулирована В. И. Корецким и В. А. Аракчеевым[92]. Из челобитной выборных голов хорошо видно, как проходил отказ крестьян в середине XVI в.: в то время как интересы черных крестьян представляли выбранные волостью «отказщики», помещики отказывали черных крестьян самостоятельно. Очевидно, что и пожилое уходившие крестьяне платили в одном случае черной волости «в столец», в другом случае — землевладельцу. В реальности положения Судебника не выполнялись, в Ржеве Пустой в 1555 г. помещики брали «пожилое рублей по 5 и по 10»[93].

Сущность царского указа, изложенного в грамоте 1555 г., состояла в пресечении попыток помещиков помешать крестьянам осуществить свое право на выход и облегчить производство их отказа со стороны представителей администрации черных волостей. И действительно, коль скоро черная волость платила пожилое за крестьянина, желавшего уйти от помещика, государство строго придерживалось законной процедуры отказа, и в резолютивной части грамоты дьяки предписали: «...из-за тех детей боярских и из-за земцов в наши черные во Ржевские деревни крестьян по сроку отказывати. А выход бы есте велели им тем крестьяном платити по нашему указу»[94].

Отсутствие в 1550-х гг. ограничений на переход крестьян показывает, что при исследовании процедуры крестьянского отказа по Судебникам эту процедуру необходимо рассматривать не только в связи с

---

[89] АФЗХ. Ч. 2. № 228. С. 230.

[90] Памятники русского права. Вып. 4. С. 111—112.

[91] *Дьяконов М. А.* Очерки истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1898. С. 10; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века.

[92] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 361; *Аракчеев В. А.* Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. М., 2014. С. 47—63.

[93] Памятники русского права. Вып. 4. С. 111—112.

[94] Там же.

борьбой землевладельцев за рабочие руки. Как считает Ю. Г. Алексеев, «эти руки в конце XV в. не были дефицитом и не служили предметом ожесточенной борьбы между феодалами, как стало сто лет спустя»[95]. Если рассматривать закон Судебников о Юрьеве дне в контексте противостояния черносошных волостей и феодалов, то такой подход позволяет интерпретировать природу пожилого иначе. Поскольку черносошные крестьяне не несли феодальных повинностей, ясно, что осуществленное А. Л. Шапиро сопоставление величины повинностей крестьян в пользу землевладельцев в денежном выражении и пожилого не позволяет раскрыть его происхождение[96]. Крестьян владельческих и черносошных объединяли их обязанности по отношению к государству, и именно в фискальной политике последнего целесообразно искать источник происхождения интересующей нас нормы.

Исследование номенклатуры и размеров государственных податей на материалах северо-запада России показывает, что обежная дань, установленная Иваном III в Новгородской земле после инкорпорации Новгорода, составляла 4,66 московской деньги. Ямские деньги, впервые упомянутые в жалованных грамотах 1500 г. Федора Борисовича волоцкого Иосифо-Волоколамскому монастырю, в Двинской земле в 1540-х гг. взимались в размере 5,7 денег с черносошной обжи, а примет в Бежецкой пятине на рубеже XV—XVI вв. составлял 1,5 деньги с обжи. Таким образом, сумма государственных налогов на северо-западе не превышала 11,9 московских денег с обжи[97]. Если учесть, что крестьян регулярно привлекали к выполнению натуральных повинностей — ямской, посохи и городового дела, а также, что уровень налогообложения на северо-западе мог быть ниже, чем в центре, можно допустить, что в среднем крестьянский двор нес несколько большее налоговое бремя.

В 1552 г. на обжу приходилось в среднем 1,25 двора, а в конце XV в. — чуть меньше; значит, объем государственных налогов, приходившихся на рубеже XV—XVI вв. на крестьянский двор, составлял приблизительно 9,5—10 московских денег. Сопоставив размер государственных налогов и пожилого, взимавшегося со двора (прожив год в составе волости, крестьянин должен был платить «четверть двора»: «в полех» — 50 денег, а «в лесех» — 25 денег), можно заключить, что сумма пожилого в 2,5—5 раз превышала размер тягла в денежном выражении, и, таким образом, пожилое полностью покрывало все траты, которые волость или землевладелец несли для выполнения тягла.

На связь норм Судебников с «податной ответственностью» указывал С. Б. Веселовский, выяснивший, что во владениях, как обладавших, так и не обладавших податным иммунитетом, вотчинник обычно предоставлял льготу новоприходцам[98]. Сошный оклад волости или боярщины оставался неизменным от описания к описанию, и часть новоприходцев включалась в тягло как дополнительная и неучтенная государством сила. Но если приходец появлялся в вотчине или волости за 1—3 года до описания, то он оказывался зафиксированным в писцовой книге, и сошный оклад податной единицы возрастал. В результате волости и землевладельцы были вынуждены платить налоги и за запустевшие после ухода крестьян участки, и за пустоши, осваиваемые новоприходцами.

Представительные данные о сроках льготы для крестьян содержатся в некото-

[95] *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 364.
[96] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением XIV—XVI веков. С. 205—211.
[97] АИСЗР. II. С. 24—27.
[98] *Веселовский С. Б.* Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. С. 45.

рых судных списках, например в судном списке 1504 г. по тяжбе Троицкого Калязина монастыря на свои земли в Кашинском уезде[99]. Землевладелец или община освобождали новоприходца от участия в волостном разрубе податей на 4—5 лет, тем более что государственный кадастр часто не сразу фиксировал нового тяглеца. Они не несли повинностей по волостному разрубу, за них платили односельчане-волощане. Селился ли новоприходец в готовом дворе или волощане ставили ему двор заново, не имело значения, все равно волость несла расходы по поселению льготчика. В грамоте 1533 г. о выселении крестьянина с монастырского селища податные отношения землевладельца и поселенца описаны достаточно точно: «...Ивашко жил за Богословским игуменом на Богословском селище на Иванчине на лготе, да лготу отсидел, а пошлин Богословскому игумену с того селища ни которых не платил, ни под суд ся им не дает, а живет в том селище силно»[100]. Поэтому, чем дольше жил новопорядчик в волости на льготе, тем большим кредитом волощан по податям он пользовался. Этим фактом обусловлено появление нормы о пожилом в Судебниках.

Важную информацию о положении крестьян несет зафиксированный в Судебниках дифференцированный размер пожилого, зависевший от места и срока проживания крестьянина. За один год жизни в вотчине или волости крестьянин платил ¼ пожилого, за два года — ½, за три года — ¾ пожилого, за четыре года — всю его сумму. С. Н. Кистерев обоснованно возводит происхождение четырехлетнего срока выплаты пожилого к порядку землепользования, характерному для трехпольной системы, и нормам обычного права: «...четвертый год действительно считается годом полного освоения земельного участка (двора), за который и предстоит внести полную плату». Исследователь полагает, что обустройство на новом месте и расчистка поля под посевы в течение первого года, посев яровых и озимых на второй год, введение в оборот третьего поля и запуск под пары одного из ранее обработанных в течение третьего года приводили на четвертый год к началу нового цикла оборота полей, и это давало право считать, что поля пашутся «по старине»[101]. Если крестьянин жил на новом месте четыре года, он был в состоянии полностью освоить полевой надел и либо включиться в процесс выплаты повинностей, либо, сняв урожай с двух полей и оставив на следующий год озимое поле, «отказаться» в другую волость или вотчину. Таким образом объясняется хронологическая дифференциация размера пожилого.

Топографическая дифференциация — зависимость размера пожилого от места проживания крестьянина «в полех» (рубль) и «в лесех» (полтина) — в литературе объясняется ущербом землевладельца от временного запустения двора. Между тем в Судебнике 1550 г. содержится важное дополнение к тексту закона о Юрьеве дне: «...а в лесех, где десять връст до хоромного лесу...» (статья 88). Приведенная цитата говорит о том, что и фактор удаленности от селения строевого леса оказывал влияние на размер пожилого. На северо-западе России, как, например, в Пусторжевском уезде, строевой лес порой располагался вдалеке от поместий. В 1583—1584 гг. при наделении черносошными землями выведенных из Ливонии помещиков писцы даже определяли места прогонов вблизи поместий В. Н. Огарева и И. М. Чихачева, по которым

[99] АСЭИ. Т. 3. № 172. С. 181—186.

[100] АИ. Т. 1. № 134. С. 195.

[101] *Кистерев С. Н.* Исковая давность в древнерусских юридических памятниках // Россия и Христианский Восток. Вып. 1. М., 1997. С. 99—100.

другие помещики и их крестьяне могли вывозить «хоромный» лес[102]. Однако решающую роль на размер пожилого оказывала необходимость компенсировать возможные потери землевладельца или крестьянской общины от ухода тяглеца. Вышеизложенные факты показывают, что предпринятое в Судебниках ограничение переходов крестьян Юрьевым днем и выплатой пожилого невозможно интерпретировать как меры правительственного прикрепления.

Не менее сложной является проблема формирования зависимости крестьян от землевладельцев. Еще С. Б. Веселовский отметил, что вотчинный (сеньориальный) режим формировался даже в тех западноевропейских странах, где не осуществлялась государственная политика запретов на крестьянские переходы. Церковь и светские магнаты уже в VII в. обладали судебными и полицейскими правами в отношении населения своих вотчин, а к VIII—IX вв. компетенция вотчинных судов во Франкском государстве расширилась за счет подсудности им посторонних лиц, судившихся с жителями вотчин, и сокращения дел, относившихся к сфере королевской юрисдикции до дел об убийствах, поджогах и грабежах[103]. В России же вотчинный режим сложился гораздо раньше закрепостительных мероприятий и под влиянием различных факторов, среди которых важнейшее место занимали иммунитетные грамоты, выдававшиеся землевладельцам от имени главы государства. С. Б. Веселовский полагал, что именно иммунитетные несудимые грамоты задавали правовые границы власти землевладельцев над крестьянами[104].

Формуляр несудимых грамот предусматривал, что царские наместники, волостели и их тиуны лишаются права «всылать» в вотчины по каким-либо вопросам и судить их жителей: «не судят их ни в чем, опричь одного душегубства». Равным образом лишались права въезжать на территории вотчины и судить ее жителей праведчики и доводчики. Все судебные прерогативы передавались в руки вотчинников: «ведают и судет князь Юрьи и князь Семен тех своих людей сами во всем или каму прикажют»[105]. Сместный суд монастырских крестьян с волостными или городскими людьми был прерогативой наместников и волостелей с игуменом монастыря и монастырским приказчиком, а сам монастырский приказчик был подсуден суду царя, а в реальности — его введенного боярина или дворецкого. Штрафы за душегубство в случае отсутствия убийцы в пользу наместников ограничивались четырьмя рублями; все несчастные случаи, приведшие к смерти, не подлежали взысканию «продажи»[106].

Обладателями иммунитетных привилегий в сфере суда были не только крупные монастырские или боярские вотчины, но и рядовые помещики. Сохранившиеся несудимые с освобождением от наместничьих кормов и въезда наместников и тиунов грамоты относились к различным регионам Русского государства и выдавались как членам Государева двора, так и рядовым детям боярским отдаленных уездов. К 1539 г., например, относится несудимая грамота С. А. Волжину на поместье в уезде Новгорода-Северского, к 1547 г. — грамота И. И. Жукову на поместье в Кадомском

---

[102] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8183. Л. 75 об. Пример Пусторжевского уезда весьма показателен как раз потому, что он находился на обильной лесами границе с Литвой, что зафиксировал проезжавший невдалеке от этих мест в 1517 г. С. Герберштейн. См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 235—236.

[103] История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 1. М., 1985. С. 453—455.

[104] *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. Л., 1926. С. 3; *Он же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 120—143.

[105] АСЗ. Т. 4. № 217. С. 161.

[106] АФЗХ. Ч. 2. № 226. С. 228.

уезде[107]. Эволюция норм несудимых грамот к концу XVI в. отразилась в жалованной грамоте Бориса Годунова протопопу Успенского собора 1598 г., в которой после традиционных формул несудимости содержалась санкция на вывод беглых крестьян церковными властями: «Хто их их сел их крестьяне разбежатца за меня царя и великого князя, ил за князей, или за бояр, или в охотники ямские слободы запишутца, и им своих крестьян вывести к себе»[108].

Невзирая на то, что большинство помещиков, в особенности служилые люди северо-запада России, не обладали иммунитетными грамотами, правоустанавливающие документы ввода их во владение поместьями создавали основу для установления сеньориального режима не менее прочную, чем документы на владение вотчинами. В раздельных грамотах на вотчины в таких регионах, как Ряжский, Ярославский уезды, в купчей на вотчину в Московском уезде 1567—1591 гг. не упоминаются подлежащие разделу крестьянские дворы и тем более дворохозяева[109]. В то же время в отдельных выписях на поместья в Рязанском уезде 1558 г., Бежецком Верхе 1591 г., деловых записях на поместья в Новгородской земле 1557/58 г. в составе населения передаваемых новым владельцам деревень поименно перечислялись крестьяне-дворохозяева[110]. Различия в формуляре были обусловлены различиями в правовом положении вотчин и поместий, а также их крестьянского населения: государство было непосредственно заинтересовано в обеспечении поместья рабочими руками, коль скоро факт владения поместьем был обусловлен службой, а мобилизация поместных земель была чрезвычайно высокой.

Вторым важнейшим источником правовых норм вотчинного режима было обычное право, формировавшееся в отношениях между землевладельцами и крестьянами. В. А. Александров считал, что обычное право далеко не всегда основывалось на обычае в прямом его понимании, и «глубоко ошибочно рассматривать его лишь архаически сохранившимся пережитком»[111]. Обычное право мы понимаем не только как устоявшийся обычай, но и как правоотношения, существовавшие вне законодательных установлений и происходившие от прецедента или трансформированной нормы закона. Закон о Юрьеве дне не мог не оказать влияния на эволюцию возникших на основе обычного права порядных грамот.

Древнейшая сохранившаяся порядная запись относится к 1556 г. Трудно сказать, когда появляется порядная как документ — во второй половине XVI в. или раньше. Важно, что как до середины XVI в., так и в первой трети XVII в. текстовая форма не считалась обязательной нормой, и большая часть договоров поряда заключалась устно: «а порядная запись меж нами не была, верились с ним божиею правдою», «а порядной мне не дал, и я, господа, поверил ево слову». Есть все основания полагать, что и в устном договоре между землевладельцем и крестьянином оговаривались основные условия соблюдения порядчиком вотчинного режима. Каков был источник этих правовых норм? Очевидно, что такой хозяйственный обычай, как крестьянский поряд, складывался веками, когда права и обязанности крестьян закреплялись устной традицией, и только в XVI в. он стал оформляться письменно в виде порядной записи.

---

[107] АСЗ. Т. 2. № 83. С. 89; Т. 3. № 125. С. 107.

[108] Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. М., 1998. № 6. С. 24.

[109] АСЗ. Т. 2. № 458. С. 388—389; № 277. С. 246—247; № 153. С. 149—150.

[110] АСЗ. Т. 2. № 108. С. 94—95; № 12. С. 11—12; Т. 3. № 178. С. 150.

[111] *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII — первой половины XIX в. М., 1984. С. 36.

Наибольший интерес для характеристики положения крестьян в конце XVI в. представляют порядные с новоприходцами, составленные в Вяжицком монастыре в 1570—1590-х гг. Двое крестьян помещика Басланова 23 ноября 1576 г. порядились с Никольским Вяжицким монастырем жить в деревне Липовец Заверяжского погоста на 1/6 часть обжи. Крестьяне получили два рубля подмоги и двухлетнее освобождение от монастырских повинностей. Подмога и льгота были предоставлены с условием выполнения следующих обязанностей: «...А за ту подмогу нам и за льготу деревня розпахати и поля огородити, и старые хоромы починити и новые поставити, два хлева да мыльня...» Государственные повинности в порядной не были связаны с предоставлением подмоги: «А живучи нам на той деревни тягло государьское всякое тянути с волостью вместе, как соху наставим...»[112].

Наиболее развернутый формуляр имеет порядная Вяжицкого монастыря с двумя крестьянами, поселившимися на пустошь в Водской пятине «на обжю». Договор был заключен 4 августа 1590 г. сроком на четыре года. Условия договора были детально регламентированы: «...нынешняго 98 году поставити нам на той Николины деревни на Высоком 2 дворы крестьянские, мне Ждану поставити изба трех сажен наземная, да противо клеть, да два хлева, да межи хлевов два пристена, а мне Кирилы на другом дворе поставити изба трех сажен наземная, да противо клеть, да два хлева, да межи хлевов два пристена; а прийти нам жити на ту деревню в 99 году, на Николин день на Вешной, и пришод нам на ту деревню на Высокое в те свои в поставленные дворы пашня роспахати, и поля росчистити, и городьба около поль городити, и луги росчистити. А жити нам во льготе на той деревни с Николина дни вешняго вперед четыре годы, и в те нам льготные лета монастырские хлебные дани и денежных оброков ничего не давати, и государевых нам податей в те во льготные лета своей пашни со обжи никаких не платити, и монастырского никоторого дела нам не делати <...> а после льготных лет своей нам с пахотные обжи платити всякие государевы подати с волостью вместех. А не поставим мы на той пустоши на Николиной деревни на Высоком на обжи по своему договору и по записи двух дворов крестьянских, или не пойдем жити на Николину деревню на Высокое, и игумену Закхию взяти на нас за дворовое поставленье и за нероспашку 10 рублев московская по сей рядной записи»[113].

По условиям порядной 1590 г. крестьянам не предоставлялась подмога, но неустойка также не была связана с выплатой государственных повинностей. Как видно из наиболее ранних сохранившихся порядных, составлявшихся в период, когда норма о Юрьевом дне сохраняла свое действие, землевладельцы выдавали подмогу и предполагали взимать неустойку за распашку или нераспашку земель и «дворовое поставленье». Помимо цитированной порядной 1590 г., сохранились порядные Вяжищского монастыря с крестьянами, селившимися в деревне Глухая Кекресть Лужского погоста 1592 и 1593 гг., по условиям которых крестьяне также освобождались от государственных повинностей на четыре года[114]. Понятно, что в течение четырех лет подати с обжи, которую занимали крестьяне-льготчики, выплачивали крестьяне монастырской волостки. Если предположить, что после истечения срока льготы порядчики покинули освоенную деревню, возникает вопрос: каким образом компенсировались убытки крестьян, тянувших тягло

[112] Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV — начала XVII в. / Подг. И. Ю. Анкудинов. М., 2013. № 26. С. 39.

[113] Там же. № 57. С. 67.

[114] Там же. № 61. С. 71—72; № 64. С. 65—66.

за новопоселенцев в течение четырех лет? Логично заключить, что эту функцию выполняло пожилое Судебника. Таким образом, если льготчик, не дожив до окончания срока льготы и не войдя в волостной разруб, уходил, он выплачивал те издержки, которые несли волость или землевладелец, неся за него государственные повинности.

Исследователи давно отметили факт перезыва монастырскими приказчиками крестьян, выходивших из владений других землевладельцев. В ноябре 1573 г. деньги с целью «крестьяном давати на выход» получали ключник Ш. Пробоевский в селах Раменки и Трызново, приказчик Григорий Новоторжец в селе Савельевском, в ноябре 1573 и ноябре 1574 г. — старец Васьян в селе Бужарово[115]. Деньги, использованные крестьянами для выплаты пожилого прежнему владельцу, приобретали характер долговой ссуды в их отношениях с новым владельцем, усугубляя их зависимое положение.

Судя по расходным книгам Иосифо-Волоколамского монастыря, в крупных владениях духовенства на формирование вотчинного режима оказывали влияние несоизмеримые с потенциалом мелких землевладельцев материально-финансовые ресурсы. В «Книге ключей» Волоцкого монастыря отражается двухуровневая судебная власть над крестьянами. Игумену и «братьи» принадлежала верховная судебная власть в вотчине, однако в несудимых грамотах право «ведать и судить хрестиян» могло быть «приказано», т. е. делегировано, слугам. В «Книге ключей» Волоцкого монастыря содержится датированный мартом 1547 г. перечень монастырских слуг, которым казначей по благословению игумена дал «жалованье» в виде ключничества в селах и деревнях. В большинстве случаев ключники получали судебные прерогативы («суд, довод») и право взимания явки и свадебных пошлин («роздвинское»)[116].

Система вотчинного режима в завершенном виде представлена в жалованной уставной грамоте патриарха игумену Новинского монастыря 1590 г. Суд над всем населением вотчины находился в руках игумена, сам же игумен пребывал в исключительной подсудности патриарха. Иски крестьян друг к другу, в том числе за нарушение межи, рассматривались судебными присутствиями соборных старцев либо судом у приказчиков в селах в присутствии «лутчих», «излюбленных» крестьян. В числе судебных процедур в уставной грамоте предусматривалось и «поле с патриаршеского дворцового докладу». Одной из главных полицейских обязанностей крестьян было следить за тем, чтобы сельчане не держали у себя «лихого» человека, а при появлении подозрений в его благонадежности (пословицы) высылать за пределы волости. В уставной грамоте определялась тяжесть барщины: 1,5 десятины на выть под рожь в сельце Чижово или 15 десятин на село Спасское, возка навоза, косьба сена и молотьба хлеба, возка дров, сооружение «хором» в селах и возка мельничного леса.

«Ослушание» крестьянина в «монастырском деле», т. е. отказ выполнять повинности, каралось штрафом в объеме гривны и повторным принуждением к нему. В пользу вотчинных властей взимались пошлины за женитьбу («убрусное»), выдачу замуж за пределы волости («выводная куница»), торговые операции («явка» и «протаможье»). «Явка» взималась и в том случае, если крестьянин переходил «из двора во двор на житье». В уставной грамоте 1590 г., невзирая на существовавший в это время режим «заповедных лет», предполагались выходы крестьян «за волость по сроку с отказом». Администрацию па-

[115] Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря. М.; Л., 1980. С. 52, 57.

[116] Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. С. 16.

триаршего монастыря интересовал не сам по себе выход крестьянина, а исполнение крестьянами его села государственного и вотчинного тягла: покинутую выть следовало «пахати того села крестьяном, а тягло царя и великого князя и манастырские подати давати всякие и дело делати покаместа крестьянин будет на ту выть»[117].

Столь обстоятельно разработанная система санкций неизвестна в других вотчинах, но принципы функционирования вотчинного режима, отразившиеся в уставной грамоте Новинскому монастырю, в том или ином виде распространялись среди российских землевладельцев, порождая, как писал С. Б. Веселовский, «крепкие петли зависимости и неволи»[118]. Так, выдача девицы замуж за крестьянина другого землевладельца сопровождалась выдачей отпускной памяти, выданной старостой села Воронцова «по приказу государя своего» в 1598 г.[119] К моменту осуществления государственных мероприятий о «заповедных и урочных летах» в 1580—1590-х гг. вотчинный режим был сложившимся порядком, и в XVII в. он стал основой системы крепостного права.

---

[117] АФЗХ. Ч. 1. № 23. С. 44—45.

[118] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 145.

[119] АСЗ. Т. 3. № 121. С. 104.

ХОЛОПЫ

Институт рабства, существовавший в Европе в раннее Средневековье, к XVI в. почти везде уже исчез. Однако в России наличие холопов, т. е. лично несвободных слуг различного статуса, в XVI в., как и в древности, являлось мерилом значительности и влиятельности человека. «Сильный человек» был окружен своими «людьми», т. е. холопами — мелкими и слабыми (в социальном смысле) персонами, которые могли выжить, только прибившись к «сильному», и часто жертвовали свободой за прокорм и содержание. Во второй половине столетия в ходе Ливонской войны в русский плен попала огромная масса людей разного социального статуса, значительная часть которых была обращена в холопов.

Холопья и холоповладельческая психология глубоко пронизывала общество. Служилые люди (даже самого высокого ранга) в обращении к государю именовали себя «государевыми холопами», и это считалось почетным. Потомственная служба холопов господину имела такую же ценность, как и потомственная служба знатного человека государю и его предкам, на чем держался, в частности, институт местничества. В понимании царя Ивана IV весь русский народ был дан ему «в роботу», т. е. в рабство. В первом ответном письме князю А. М. Курбскому царь писал о своих подданных так: «А жаловати есмя своих холопей волны, а и казнити волны же есми были». Отсюда и свобода царя распоряжаться жизнями людей, подобно тому как холоповладелец распоряжался своими холопами.

В мае 1682 г. во время стрелецкого бунта сгорел архив Холопьего приказа, в котором регистрировались и хранились документы на владение холопами. Массовые источники по холопству сохранились только в Новгороде и Пскове. Наибольшее значение имеют так называемые записные книги старых крепостей 1597—1598 гг., в которых записывались данные о холопьих крепостях за весь XVI в. (причем из разных частей страны). Кроме того, сохранились новгородские кабальные книги 1591—1609 гг. Часть этих источников опубликована[1], но многие еще не изданы, они хранятся в крупнейших отечественных архивохранилищах, прежде всего в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Большое значение имеет и актовый материал, например духовные грамоты, в которых упоминаются холопы. Сведения о холопах встречаются также в писцовых книгах. И, конечно, нельзя обойтись без анализа за-

[1] См.: Книги кабальные // Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2 / Под ред. Н. Калачова. СПб., 1864; Новгородская записная книга старых крепостей по Водской пятине // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. Стб. 1—214; *Копанев А. И.* Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 151—186; Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Отд. 2. М., 1855. С. 31—75; Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) г. // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. С. 3—62; Новгородская кабальная книга 7106 (1597) г. // РИБ. Т. 15. Разд. III. СПб., 1894. С. 2—87.

конодательства — прежде всего Судебника 1550 г. и законодательных актов второй половины XVI в. На основании этих источников восстанавливается достаточно полная картина жизни холопов, а также место этого института в обществе XVI в. Важнейший вклад в исследование этого вопроса внесли Б. А. Романов, Е. И. Колычева, В. М. Панеях, В. И. Корецкий, Р. Хелли и другие ученые. Нужно упомянуть также А. И. Яковлева, который, занимаясь в большей степени холопством XVII в., тем не менее еще в 1930-х гг. ввел в широкий научный оборот наибольшую часть кабальных книг XVI — начала XVII в., и этой публикацией исследователи пользуются до сих пор[2].

Вплоть до начала XVII в. холоповладельцами могли быть люди любого происхождения. Холопы были и у служилых людей «по отечеству», и у служилых людей «по прибору», у священнослужителей, подьячих, тяглых людей (например, крестьян, ремесленников, торговцев) и даже у самих холопов[3]. В соответствии со статусом владельцев различались положение и род занятий холопов.

Н. Е. Носов показал, что бывшие двинские бояре Амосовы, которые в XVI в. уже числились крестьянами (хотя владели большими землями и промыслами в Поморье), имели не менее 80 холопов, и эти слуги переходили по наследству от старших к младшим представителям клана целыми семьями. Каждому из Амосовых при семейном разделе в 1527 г. досталось от 13 до 18 холопов. Холопские семьи при этом составляли 2—3 поколения и имели численность от 3 до 20 человек. Это были в основном ремесленники (плотник, «швец» и пр.), но исследователь предположил также, что холопы участвовали в рыболовном промысле Амосовых и в солеварении[4]. Это был далеко не единичный случай, в особенности на Русском Севере. Так, своеземец Яков Емецкий в духовной в конце XVI в. распорядился судьбами всех своих холопов[5].

Численность холопов у холоповладельцев разного статуса была весьма различной. У знатных людей они исчислялись десятками. Что же касается лиц более низкого положения, то тут большую ценность представляет указатель новгородских холоповладельцев 1591—1609 гг., составленный А. И. Яковлевым почти по всем сохранившимся кабальным и записным книгам, как опубликованным, так и неопубликованным. Из него явствует, что в Новгородском уезде у холоповладельцев (в большинстве это были городовые дети боярские) чаще всего был один холоп, реже — два, еще реже — три—пять[6], в отдельных случаях — шесть или семь[7] и только в одном случае — десять холопов[8]. Один холоп мог оформляться сразу же на нескольких хозяев (чаще всего родственников), которые владели им коллективно. Только по приговору от 7 января 1606 г. было введено положение, согласно которому холоп должен был числиться лишь за одним хозяином.

Значение холопов в обществе трудно переоценить. Именно они традиционно

[2] Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов / Под рук. проф. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938.

[3] В последнее время исследователи обращают особое внимание на то, насколько разнообразно было социальное лицо холоповладельцев. См.: *Аракчеев В. А.* Холопство в России XVII в.: Институт, не породивший касту // Quaestico Rossica. 2016. Т. 4 (3). С. 111—122.

[4] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 265—268.

[5] Архив СПбИИ РАН. Ф. 5 (Антониево-Сийский монастырь). Оп. 1. Д. 863; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 98—109.

[6] Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. С. 356—444.

[7] Там же. С. 385—386, 391, 405, 409, 413 и др.

[8] Там же. С. 407.

исполняли обязанности дворовой прислуги (челяди), разного рода ремесленников в домашнем хозяйстве своего господина (кожевенники, плотники, кузнецы, скорняки, серебряных дел мастера и пр.), одевали и обшивали его, пряли и ткали, запасали для него продовольствие, готовили еду (хлебники, кухари и пр.), ухаживали за его садом и огородом (огородники, садовники, коровники, мельники и пр.), воспитывали и нянчили его детей (няни, кормилицы и пр.). Холопы работали на земле своего господина — выращивали урожай для его потребления. По отношению к холопам, работавшим на земле, использовалось понятие «страдники». Такой холоп попадал в число «задворных людей». «Задворные люди» жили не в собственных дворах, а проживали в общих «челядинных» (людских) дворах, расположенных на территории господской усадьбы[9].

Даже если холоп пахал пашню, от этого он не становился крестьянином. В XVI в. было еще далеко до слияния холопства с крестьянством, хотя по этому поводу существуют разные мнения. Е. И. Колычева полагала, что в XVI в. свою пашню имели не только привилегированные господские слуги, но и рядовые холопы. К другому выводу пришел В. М. Панеях. Он исходил из того, что хотя в писцовых книгах упоминались холопы, обрабатывавшие землю, но только в немногих случаях можно уверенно говорить о том, что эти холопы пахали ее на себя. По большей части, вероятно, холопы пахали землю для своего господина. В тех же случаях, когда очевидно, что холоп был наделен именно индивидуальной запашкой, нельзя точно определить социальную природу этого несвободного человека — понять, был ли он рядовым холопом или же, например, военным слугой («холопом-послужильцем»), занимавшим гораздо более высокое положение в окружении господина. Эти случаи индивидуальной запашки холопов (обнаруженные не ранее начала XVI в.) были не часты, так что даже в конце столетия их количество оставалось незначительным. Сопоставление сведений писцовых книг с данными кабальных книг, а также записных книг старых крепостей, проведенное В. М. Панеяхом, показало, что в хозяйстве господина продолжали в основном работать (в том числе пахать барскую, а не свою пашню) холопы, а не крестьяне[10]. Только в середине столетия крестьян начали в незначительном объеме использовать на господской пашне, но после наступления хозяйственного кризиса и связанного с ним массового бегства крестьян произошел возврат к обработке барской пашни силами одних холопов. В понимании людей XVI в. крестьяне, даже после того, как началось их прикрепление к земле, традиционно отделялись от холопов. Холопы, в отличие от крестьян, были прикреплены к личности господина, являлись его собственностью. Боярский приговор 1 февраля 1606 г. утверждал, что крестьянин «не от самые бы нужи в холопи <...> не пошел»[11]. Таким образом, правительство признавало, что холопский статус был неизмеримо ниже крестьянского, хотя и гарантировал прокорм в голодное время.

---

[9] По поводу статуса «задворных людей» имеются разные точки зрения. В. А. Аракчеев полагает, что в «задворные люди» переходило нетяглое население, которое жило и кормилось своим трудом. Таким образом, это была особая категория, чью зависимость нельзя считать холопской, да и оформлялась она по-другому. См.: *Аракчеев В. А.* Холопство в России XVII в.: Институт, не породивший касту. С. 119—120; *Он же.* Дворовые и задворные люди: К исследованию терминологии переписных книг 1640—1670-х гг. // Государство и общество в России XV — начала XX века. СПб., 2007. С. 316—324.

[10] *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). М., 1971. С. 97—119; *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975. С. 48—71, 256.

[11] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 73—74.

Проблема места холопов в обществе и их численности не всегда может быть решена однозначно. Численность холопов зависела от того, о какой социальной среде идет речь. В основном подсчеты относятся к XVII в. Например, согласно А. Я. Водарскому, в Вологде в 1678 г. холопы составляли 6,2 % населения. По мнению Р. Хелли, холопы в XVII в. составляли от 5 до 10 % взрослого мужского населения уездов. В. А. Аракчеев присоединился к этой точке зрения и аргументированно отверг вывод о двадцатипроцентном холопском населении новгородских поместий, считая, что в таких подсчетах неправильно учитывать «задворных людей», закрепощавшихся особым образом[12].

Некоторые холопы играли в жизни своего господина роль, совершенно отличную от роли холопов-страдников или дворовых людей. Это было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, часть холопов сопровождала господина на военную службу и во время других служебных назначений. Кроме того, особо приближенными к господину слугами были зачастую его сокольничие, конюхи, псари. Еще большее значение в первой половине столетия имели привилегированные слуги-министериалы наместников, которые нередко управляли вместо них вверенной им территорией (осуществляли административную, судебную и другую деятельность). Такие же слуги-министериалы могли управлять господской вотчиной. Их влияние было велико: от них окружающему населению могло проистекать как добро, так и вред. В древнерусской книжности находим упоминания о «людях боярских», которые, чувствуя себя хозяевами в округе, чинили зло, именовались «кровопийцами», а порой даже вели себя «хуже татар»[13]. Привилегированные холопы могли иметь собственных холопов или же пользоваться трудом зависимых от них крестьян. Такой холоп мог приобрести землю (за свои деньги или же на средства хозяина). В первой половине XVI в. некоторые владельцы вотчин прямо поступали в холопство вместе со своей землей[14]. Но, разумеется, степень влиятельности такого несвободного человека где-либо вне поместья или вотчины была лишь отражением силы и значения его господина.

Отдельно в литературе обсуждался вопрос о том, платили ли холопы государственные подати. Долгое время считалось, что они, как лично несвободные люди, тягло не платили. Именно поэтому, как полагали исследователи, переход свободного человека в холопы государству был невыгоден. Правда, В. М. Панеях писал, что в конце XVI в. холопья пашня была включена в налогообложение. Затем Е. И. Колычева показала, что единой практики в отношении освобождения холопов от тягла в конце XV — XVI в., по-видимому, не существовало, и холопы-страдники, имевшие собственные наделы земли, платили тягло. Именно поэтому Судебник 1550 г. разрешал крестьянину переход в холопы[15]. Определенно можно сказать только о том, что привилегированные холопы, которые сами не работали на земле, не были положены в тягло.

Итак, под наименованием «холоп» или «слуга» скрывались в XVI в. совершенно разные социальные типы, имевшие к тому же различное происхождение. Значительная часть холопов, конечно, были выходца-

---

[12] *Водарский А. Я.* Население России в конце XVII — XVIII в. М., 1977. С. 111—115; *Хелли Р.* Холопство в России: 1450—1725. М., 1998. С. 15; *Аракчеев В. А.* Дворовые и задворные люди: К исследованию терминологии переписных книг 1640—1670-х гг. // Государство и общество в России XV — начала XX века. СПб., 2007. С. 31—324.

[13] См., например, Софийскую 2-ю летопись (ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 232).

[14] *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). С. 65—69.

[15] *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. С. 63—65; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). С. 119—132.

ми из крестьян. Однако и служилые люди (дети боярские) до середины XVI в. могли оказаться в холопах. Конечно, в реальности между тиуном или ключником, который становился холопом в силу своей должности, или идущим в кабалу сыном боярским, проводившим жизнь, выезжая вместе со своим господином на войну, с одной стороны, и дворовым холопом, обслуживавшим хозяина в быту, воспитывавшим его детей, холопом, пахавшим его землю, — с другой, не было почти ничего общего. Их условно объединял только статус несвободного человека.

С юридической же точки зрения в XVI в. существовало несколько видов холопов, которые различались между собой. Исследователи обычно дают название этим видам холопов по грамотам, которыми оформлялась их неволя. Так, холопы могли быть полными или старинными. Это были старые виды холопства, применительно к XVI в. изученные Е. И. Колычевой. Полное холопство появилось в глубокой древности, во времена Русской Правды оно называлось «обельным». Именно полные холопы в основном были заняты обслуживанием господина и его семьи. Долгое время полное холопство не требовало документального оформления. Первое упоминание «полной грамоты» (крепости, оформлявшей продажу свободного человека в полные холопы) относится к 1401 г. Отличительной чертой таких грамот было наличие фразы о продаже (покупке) холопа «в полницу». Соответственно старинными холопами («старинными людьми», «старыми людьми») именовались потомки полных холопов, служившие по крепостям своих отцов. Термин «старинные холопы» на протяжении XVI в. постепенно исчезал из документов, так как утверждалось правило (как будет показано ниже), что на каждого холопа нужно оформлять и регистрировать собственную грамоту.

В XVI в. в полные холопы попадало (в отличие от предыдущих столетий) в основном местное население. По источникам видно, например, что в Новгороде и Пскове большинство похолопленных были новгородцами, хоть в 1520-х гг. здесь был заметен приток населения из центральных уездов, и пришельцы, чтобы выжить, продавали себя в холопы. Видимо, значительная часть их была крестьянами по происхождению и покупалась землевладельцами, которые нуждались в рабочих руках. К середине века количество полных грамот резко сократилось — полное холопство вырождалось. От второй половины столетия сохранилась всего одна полная грамота 1554 г., хотя сам термин еще долго использовался и в законодательстве, и в духовных грамотах. Но во второй половине столетия под «полными людьми» чаще всего подразумевали уже старинных холопов — потомков тех, на кого когда-то была оформлена грамота «в полницу».

Еще один старый вид холопства — докладное холопство. Докладным холопом именовался холоп по «докладной грамоте», которую впервые упоминал Судебник 1550 г. Но выражение «докладные люди» встречалось в источниках и ранее — еще в документах начала XVI в. Само же явление имело глубокую историю, хотя, как и полное холопство, в древности оно письменным документом не оформлялось. Речь идет об упомянутой выше узкой привилегированной группе управляющих (ключников и тиунов), в которых имели нужду лишь крупные землевладельцы и которые по традиции (еще со времен Русской Правды) всегда были холопами. Докладные грамоты отличали фраза о продаже человека «на ключ, а по ключу в холопы» и сообщение о докладе наместнику (отсюда название этого типа грамот и самих холопов). Со времен Судебника 1550 г. холопом делало человека только поступление в сельские ключники, городской «ключ» теперь не превращал в холопа. На тиуна, в отличие от сельского ключника, оформлялась полная грамота.

Полных, старинных и докладных холопов продавали (или они осуществляли самопродажу), завещали, давали в приданое и пр. Свободные родители, как и в древности, имели право продавать своих детей в холопство. Сохранялась и старая практика, наоборот, распускать холопов тех служилых людей, которые попали в государеву опалу, холопов государственных преступников, а также отпускать на волю холопов после смерти владельца, хотя масштаб этого явления не стоит преувеличивать. Источниками похолопления становились также брак (женитьба свободного человека на рабе и наоборот) и плен. В XVI в. при активной внешней политике завоевание новых территорий всегда сопровождалось частичным пленением местного населения. Холопы-полоняники теперь обычно были иноземцами (в отличие от предшествующих столетий, когда пленные брались из соседних русских княжеств).

Когда началась Ливонская война, практика обращения в холопство пленных способствовала созданию отрицательного образа России в европейском общественном мнении. Судьбы привилегированных людей, попавших в «полон», становились предметами дипломатических переговоров, их обменивали и выкупали, а также приглашали служить московскому государю. Низы же «полона» становились холопами частных лиц и переходили потом по наследству их потомкам.

Цена одного полного холопа в XVI в., по данным Е. И. Колычевой, редко достигала 4—5 руб., обычно она была 2—3 руб. и меньше[16]. По мнению Р. Хелли, стоимость как полного, так и кабального холопа в изучаемое время составляла обычно 2—3 руб.[17] Что касается кабальных холопов (о них см. ниже), из данных А. И. Яковлева следует, что в Новгороде на рубеже XVI—XVII вв. больше всего было зафиксировано кабал стоимостью от 1 до 3 руб., реже — 4—5 руб., еще реже — 7—10 руб. И лишь в семи случаях (из более чем 1400 холоповладельцев, учтенных А. И. Яковлевым в его списке) у господина имелся холоп по кабале в 15 руб.[18] По мнению В. М. Панеяха, во второй половине XVI в. подавляющее большинство сделок о кабальных холопах заключалось на сумму 2—5 руб., число же кабал в 1 руб. не превышало 6 %, и период, когда кабалы на рубеже столетий удешевились до 1 руб., был связан с голодом 1601—1603 гг.[19]

Сокращение числа полных холопов вело к угасанию и старинного холопства. Докладное холопство также постепенно исчезало, как и необходимость в сельских слугах-министериалах, ведь эпоха наместников и кормлений уходила в прошлое, и вся жизнь знатных людей теперь была сосредоточена в Москве. Но холопство в целом все-таки не исчезло. Новой формой личной зависимости, которая быстро стала распространяться в XVI в., стало кабальное холопство (или «кабальная служба», «служба по служилой кабале»). Наибольший вклад в исследование этого института внес В. М. Панеях[20]. Сначала кабальные люди упоминались только в духовных завещаниях, сохранилось также несколько ранних служилых кабал (так называемые кабалы рязанского типа). В них хорошо видно, что кабальное холопство вело происхождение от денежной сделки — давно известной ростовой кабалы. Именно таким образом к своему господину-кредитору попадали в зависимость еще закупы времен домонгольской Руси. К началу XVI в. связь кабалы с денежным займом была по-прежнему очень заметна, но со временем она

[16] *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). С. 20, 220.

[17] *Хелли Р.* Холопство в России: 1450—1725. С. 312—314.

[18] Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. С. 386, 401, 406, 422, 429, 433, 438.

[19] *Панеях В. М.* Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984. С. 95.

[20] *Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в.; *Он же.* Холопство в XVI — начале XII века.

неуклонно ослабевала, а черты холопства в ней усиливались[21].

В кабалу шли люди, которые не смогли приспособиться в быстро менявшихся хозяйственных условиях и сохранить самостоятельное хозяйство. Для них оказывалось возможным выжить только на дворе господина, теряя при этом свободу. Судебник 1497 г. это явление еще не упоминал, но в Судебнике 1550 г. юридические нормы в отношении полных, старинных и докладных холопов уже перемежались нормами в отношении кабальных людей. Кабальные люди попадали в зависимость после заключения сделки, по которой они, взяв в долг денежную сумму, должны были работать на своего владельца за проценты («за рост служити по вся дни во дворе»). Юридически эти лица могли прервать свое зависимое положение в любой момент путем выплаты долга. На практике же это происходило обычно в результате сговора с новым владельцем, который выкупал кабального холопа у владельца старого. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев холоп «выкупался» не на волю, а к новому владельцу. Тем не менее возможность такого выкупа без согласия прежнего владельца являлась важной юридической особенностью кабальных людей в сравнении со старыми видами холопов: полными, старинными или докладными, хотя в действительности отношение к кабальным людям у их владельцев со временем становилось таким же, как и к полным холопам. Стоимость кабальных и полных холопов также была приблизительно одинаковой. Таким образом, при юридическом различии полностью отрицать социальную близость этих категорий нет основания[22].

Еще одним видом зависимости, близкой к холопьей, стала в XVI в. так называемая добровольная служба. Она особенно быстро развивалась во второй половине столетия. Сначала люди, добровольно живущие на дворе господина («добровольные люди»), рассматривались как относительно свободные, но к концу века они приобрели уже ясно выраженные холопьи черты. Власть стремилась ограничить добровольную службу, оформить ее и взять под контроль, хотя сделать это было непросто.

В целом на протяжении XVI в. государство было вынуждено все более глубоко вмешиваться в традиционную систему отношений между холопами и холоповладельцами. Например, выкуп русских пленных был государственным делом, на которое собирался особый налог — «полоняничные деньги», поэтому государству было выгодно, чтобы пленные самостоятельно бежали. В 80-й статье Судебника 1550 г. повторялась норма, установленная еще Судебником 1497 г., об освобождении от зависимости попавшего в плен холопа, сумевшего бежать из плена. Разумеется, речь шла о холопах-послужильцах, профессиональных военных. В случае, если такой освобожденный холоп хотел вернуться к своему владельцу, необходимо было заново его зарегистрировать — поставить подпись дьяка на старой грамоте и заплатить пошлину размером в алтын. Но чтобы предотвратить различные злоупотребления на этой почве (симулирование пленения со стороны холопа в целях получить свободу), уточнялось, что эта норма действует лишь в случае, когда холопа действительно взяли в плен во время военных действий, а не тогда, когда он сбежал с поля боя (один или вместе со своим господином). Вероятно, исполнение данной нормы требовало какого-то розыска, включавшего опрос свидетелей.

[21] При этом обычная денежная кабала также продолжала существовать. В 82-й статье Судебника 1550 г. подтверждалось различие простого займа при условии процентов и займа — служилой кабалы: если человек занял деньги за проценты (в рост), а не при условии службы господину, то кредитор не должен был принудительно держать его у себя.

[22] *Аракчеев В. А.* Холопство в России: 1450—1725. С. 116.

Правительственная политика в отношении холопов может быть детально прослежена начиная с середины столетия. Именно с этого времени отношениям холоповладельцев со своими холопами было посвящено довольно много указов. Статьи 76—83 (из ста статей Судебника 1550 г.) под общим заголовком «А о холопстве суд» не раз подвергались детальному анализу[23]. Комментарии к ним в академическом издании Судебников были написаны Б. А. Романовым. В статьях 76 и 77 содержались подробности о полных и докладных холопах, например подчеркивалось, что они передавались по завещанию (по «духовной») и давались в приданое. Дети холопа, рожденные до холопства родителей, считались свободными. Именно в этом тексте впервые вводилось положение об обязательном оформлении грамот на докладных холопов, которого еще не было в Судебнике 1497 г. Городской ключник теперь не признавался холопом, что тоже было новшеством.

Отпускать полных холопов на волю можно было только «с боярского докладу» и только в Москве или же перед наместниками в Новгороде и Пскове. На отпускных грамотах должна была ставиться подпись дьяка и прикладываться боярская (или наместничья) печать, как и по Судебнику 1497 г. За оформление таких грамот взималась пошлина: 9 денег боярину (или наместнику) и 3 деньги дьяку. Без такого оформления грамоты считались недействительными даже в том случае (и это специально оговаривалось, поскольку меняло положение Судебника 1497 г.), если отпускную грамоту подписал сам господин (т. е. бывший владелец холопа). Значит, с этого момента господин уже не мог единолично отпускать холопа на свободу и контроль брало на себя государство.

Судебник 1550 г. заставляет предполагать существование массовых случаев споров в суде двух лиц из-за одного несвободного человека. Такой спор решался в пользу первого по времени владельца. Видимо, сманивание чужих полных холопов и закабаление их (превращение в кабальных холопов) было в середине XVI в. обычным явлением. В статье 78 упоминаются беглые полные, старинные и докладные холопы, которые стремились продаться в кабалу новому владельцу. Кроме кабальной службы, беглые холопы продавались новым владельцам и «в полницу». Новая по сравнению с Судебником 1497 г. статья 79 была призвана регулировать спор за полного холопа между двумя его владельцами: при наличии двух полных или же двух докладных грамот на одного холопа последний отдавался тому, у кого грамота «старее», а новый владелец терял холопа и, следовательно, лишался денег, за него заплаченных. Если в этом случае пострадавший обвинял «знахаря» (т. е. человека, который уверил его при покупке, что продававшее себя в полные холопы лицо никому не принадлежит), то дело между ними должен был разбирать суд. Очевидно, процедура продажи в полные холопы требовала каких-то свидетельств сторонних лиц, удостоверявших вольный статус продаваемого.

Крестьяне в середине XVI в. могли свободно переходить в холопы. Еще одно новшество Судебника 1550 г. по сравнению с Судебником 1497 г., касающееся полных холопов, видно в статье 88, посвященной «крестьянскому отказу». В конце этой знаменитой и многократно исследованной статьи добавлено, что крестьянин, решивший уйти с земли, продавшись в полные холопы, может сделать это в любое время, не платя пожилого. Если при этом у него остался хлеб в земле, то он должен за него уплатить государеву подать, иначе лишался этого хлеба. Очевидно, самопродажа крестьян в холопы в это время широко распространилась, что и вызвало необходимость оговорить некоторые детали

[23] Судебники XV—XVI вв. С. 168—170.

(бессрочность ухода и неуплату пожилого, а также вопрос о хлебе в земле). Б. А. Романов полагал, что данная статья была принята, чтобы оградить интересы как владельца земли, на которой сидел крестьянин, так и того, кто приобрел этого бывшего крестьянина в холопы. Последний мог не платить за своего нового холопа пожилое и не дожидаться двух ноябрьских недель, в течение которых для других крестьян был разрешен выход с земли. Что же касается землевладельца, которого крестьянин покидал, то ему оставался крестьянский хлеб в земле, поскольку очевидно, что купившему холопа платить подать за этот хлеб было невыгодно[24]. Таким образом, скорее всего, данная норма отразила спор за рабочие руки (крестьянские и холопские) между служилыми людьми. Этот казус был заново рассмотрен и распространился на кабальных холопов в годы Смуты начала XVII в., когда был принят боярский приговор от 1 февраля 1606 г. о закреплении холопского статуса только за крестьянином, продавшимся в кабалу в голодные годы[25]. Таким образом, переход крестьян в холопы в самом начале XVII в. был уже, по сути, закрыт.

Наиболее важной для истории кабального холопства исследователи всегда считали 78-ю статью Судебника 1550 г., согласно которой кабалы на холопов ограничивались стоимостью в 15 руб. Если старые кабалы были заключены на сумму более 15 руб., их следовало приносить к боярам, чтобы те подтверждали их действенность, прикладывая свои печати, а дьяки подписывали. Только после этого такие старые кабалы можно было предъявлять в суде. Введенный Судебником 1550 г. 15-рублевый максимум, с одной стороны, закреплял кабального человека за его владельцем, так как самому выплатить подобный долг для него было практически невозможно. С другой стороны, те, кто стремился обзавестись новым хозяйством и искал рабочие руки, мог теперь перекупить холопов, сговорившись с ними, по цене, которая для таких покупателей, по-видимому, была доступной. Пятнадцать рублей — средний размер оклада служилого человека, поэтому, по мнению Б. А. Романова, данная норма подразумевала не холопов-страдников и не работников на скотном дворе или выпасе господина, а тех обедневших бывших детей боярских, которые вынуждены были идти в кабалу и затем продолжали свою жизнь профессиональных военных уже в качестве несвободных слуг своего господина.

Согласно Уложению о службе, за одного выставленного со ста четвертей земли послужильца в полном обмундировании и на коне служилый человек получал в середине XVI в. 2 руб. (видимо, чтобы окупить расходы на его снаряжение). А если выставлялся послужилец сверх наличного количества земли, за него государство платило 5 руб., и, таким образом, тут был прямой доход в 3 руб. Как показал Б. А. Романов, служилые люди пользовались этим. Так, сын боярский Костя Васильев сын Телятев, имевший денежный оклад всего 6 руб., добавил к ним еще 8 руб., выставляя положенных ему холопов-послужильцев в войско, а также 10 руб. «на передаточных людей» (т. е. поставленных сверх имевшейся у него земли). Таким образом, его общий денежный оклад составил 24 руб., т. е. учетверился благодаря холопам. И таких случаев Б. А. Романов приводит несколько[26].

До середины XVI в. служилые люди могли сами продавать себя в холопы, даже если они несли службу в войске. Конечно,

[24] *Романов Б. А.* О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952. С. 140—145.

[25] Законодательные акты Русского государства второй половины XV — первой половины XVII века: Тексты. С. 73—74.

[26] *Романов Б. А.* К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 52. С. 332—333.

государству не было выгодно похолопление детей боярских. Согласно статье 81 Судебника 1550 г., запрещалось принимать в холопы детей боярских и их сыновей, если они еще не служили государству[27]. Но во второй половине столетия закабаление мелких детей боярских стало настолько заметным явлением, что потребовалась дополнительная статья к Судебнику от 1 сентября 1557 г.[28] В ней разъяснялся, видимо, часто встречаемый случай, когда на человеке взыскивалась кабала, но тот отрицал ее и заявлял, что он сын служилого человека (сына боярского). Если это был юноша моложе пятнадцати лет, по таким кабалам не давался суд, ведь такой человек по достижении совершеннолетия должен был идти на государеву службу. Только в случае, если это был человек старше пятнадцати лет, но на службу по каким-то причинам не был взят (т. е. для государя оказался бесполезен), иску давался ход.

Не только этот, но и другие указы второй половины столетия дополняли и развивали положения Судебника 1550 г. о холопстве, поскольку нельзя было сразу предусмотреть все возникавшие на практике казусы. Законодательство в холопьем вопросе все настойчивее стремилось регламентировать отношения холоповладельцев со своими холопами и с государством. Видно, что эта сфера не воспринималась уже как внутреннее дело господина. Так, не позднее 11 октября 1555 г. вышел указ, впервые законодательно регламентировавший добровольную службу. Он гласил, что если хозяин подозревает в воровстве своих не оформленных документально добровольных людей, живших в его дворе, а затем ушедших, то никакой иск по этому делу не принимался. Согласно выразительной концовке указа, «что у него пропало, то у себя сам потерял для того, что добровольному человеку верит и у себя его держит без крепости»[29]. В. М. Панеях, комментируя этот указ, подчеркивал, что в тот момент в добровольной службе шла борьба двух заключенных в ней начал: свободы добровольно служивших господину людей и зависимости холопьего типа[30]. Указ был призван не просто предотвратить ложные иски со стороны холоповладельцев с целью вернуть и закрепить за собой добровольного холопа, но и подвигнуть хозяев добровольных холопов оформить отношения с ними документально. Правда, добиться этого оказалось сложно, и добровольная служба продолжала широко существовать без всякого оформления[31].

Не выполнялась на практике и статья Судебника 1550 г. о том, что отпускные грамоты на холопов действительны только при условии, если они сопровождались боярской печатью и подписью дьяка. Через несколько лет потребовался указ, который повторял это предписание и подчеркивал, что холопы, получившие отпускные, не должны были больше служить своему господину[32]. Немного позднее вышел еще один указ, уточнявший, что если бывший холоп, получивший отпускную грамоту, продолжит служить своему господину, то грамота аннулируется[33]. Вопрос о холопьих

[27] Эта норма была повторена в указе, вышедшем через весемь лет после Судебника, поэтому можно предположить, что она выполнялась плохо.

[28] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 45.

[29] Там же. С. 36.

[30] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Комментарии / Под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л., 1987. С. 24—26. Все комментарии к актам, посвященным холопству, в данном издании написаны В. М. Панеяхом.

[31] Там же. С. 25—26.

[32] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. С. 39.

[33] Там же. С. 42—43.

отпускных оказался в центре внимания не случайно. Ведь если получивший отпускную бывший холоп, а теперь вольный человек, продолжал служить господину, то это оказывалось уже добровольной службой, не оформленной документально, с чем правительство как раз начало борьбу. Более детально во второй половине столетия была разработана и норма о холопах-полонянниках. Никаких древних указов о том, как и почему пленник делался холопом, не сохранилось. Скорее всего, это просто была старинная практика, которая не нуждалась в документальном оформлении. Согласно указу около 22 августа 1556 г., лицо, ставшее холопом по причине плена, должно было служить своему господину вплоть до его смерти, но не должно было служить его детям, так же как и дети этого холопа не должны были быть холопами наследников прежнего господина. Исключение составлял случай, если холоп-пленник женился на холопке или же давал на себя какую-то иную крепость, превращавшую его в полного холопа[34]. Вполне вероятно, что стремление сделать службу холопов-полоняников ненаследственной и непотомственной было связано с наплывом пленников, взятых в бою после завоевания Казани и Астрахани. Возможно, правительство надеялось, что после смерти холоповладельцев их холопов-полоняников можно будет превратить в государевых служилых людей. Но, как показала Е. И. Колычева, данный указ действовал очень недолго[35]. Ему на смену пришел указ от 1 сентября 1558 г., который касался уже не только пленников, но и других «служилых иноземцев», а также их детей, принявших крещение. Теперь их могли делать холопами (полными, докладными или кабальными), только если они «государю в службу не пригодятца» или отставлены от такой службы[36]. В этом случае принятие к себе холопом такого новокрещена требовало оформления крепости в присутствии похолопляемых и с ведома казначея, который должен был занести данную крепость в особую книгу, специально заведенную для этого. Все старые крепости, оформленные на новокрещенов ранее данного указа и без казначея, должны были пройти регистрацию, иначе они признавались незаконными. Этот указ фактически отменял предыдущий, декларирующий службу пленников по смерть господина, что показывает неустойчивость правительственной политики в данном вопросе. Теперь можно было оформлять на основную массу пленников любые крепости, делая их неволю и наследственной, и потомственной. По справедливому предположению Е. И. Колычевой, поддержанному В. М. Панеяхом[37], смысл данного указа состоял в том, чтобы оформлять крепости в Казне — одном из высших правительственных органов, находившемся в Москве. Таким образом, государство получало контроль над процессом похолопления пленников-новокрещенов, необходимый для отбора из них тех, кто был годен к государевой службе. Следовательно, указ исходил из положения, что годные к службе крещеные пленники должны были служить царю, а не становиться холопами частных лиц.

Наибольшее число законодательных актов второй половины XVI в. касалось кабального холопства. Кроме отмеченного выше указа от 1 сентября 1557 г. о закабалении сыновей детей боярских, в этот же день появился указ, как следует поступать,

[34] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. С 43.

[35] *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). С. 45—48.

[36] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 51.

[37] Там же. С. 42; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Комментарии. С. 54—55.

если кто-то из людей холоповладельца обнаружил и поймал в Москве беглого холопа своего господина, но не имел на руках документального подтверждения его зависимости[38]. По-видимому, такая ситуация возникала часто, почему и требовала разъяснения в указе, ведь в конце царствования Ивана IV огромные территории страны запустели, что было вызвано хозяйственным кризисом и массовым бегством как крестьян, так и холопов. В данном случае пойманный человек отдавался на поруки «по кабале в пятинатцати рублех», а пока назначался срок, в течение которого задержавший холопа человек должен был доставить в Москву документ, удостоверявший права на него. Этот срок зависел от того, насколько далеко от Москвы проживал владелец беглого холопа (на каждые сто верст отводилось семь дней, именно такая разнорядка была установлена и Судебником 1550 г. для доставки в Москву документов, см. статьи 69 и 75). Если в результате на беглого холопа предъявлялась кабала на сумму менее 15 руб., то истцу предоставлялся суд. Если же кабала оказывалась более 15 руб. (т. е. истцом было нарушено положение Судебника о 15-рублевом максимуме), то суда на холопа владельцу не давалось (т. е. владелец такого холопа просто терял последнего). В. М. Панеях придавал этому указу большое значение, потому что именно в нем «впервые в законодательстве кабальная неволя определяется как разновидность холопства», хотя исследователь тут же пояснил, что служилая кабала определялась и в указе от 1 сентября 1557 г. о закабалении детей боярских[39].

Вскоре, 15 сентября 1557 г., появился указ, который запрещал как должникам по обычным ростовым кабалам, так и кабальным холопам, обвиненным господином в хищении его имущества, продаваться истцам в полные и докладные холопы[40]. В этом указе следует различать норму, относящуюся к свободному человеку-должнику, и норму, относящуюся к кабальному холопу. Должники должны были выплачивать истцам стоимость украденного (отдаваться ему «головой до искупа»). При этом должник на время становился как бы холопом в хозяйстве кредитора, но после отработки суммы иска, которая устанавливалась судом, его зависимость прекращалась. Она также не переносилась (в отличие от подлинных холопов) на жену и детей, даже если они родились в этот период. Этот указ прямо свидетельствует не только о том, что правительство не хотело расширения контингента полных и докладных холопов за счет обвиненных в краже должников и кабальных людей, но и что поползновения такого рода со стороны холоповладельцев имели место.

К этой же группе указов о кабальных холопах относится еще один, датируемый примерно 1557/58 г. указ, в котором сформулированы две нормы, прямо не связанные друг с другом. В первой части указа рассматривался случай, когда холоп станет отказываться на суде от своего холопства, после чего будет взят на поруки и сбежит. Очевидно, что такой случай отражал жизненную практику, требовавшую детально проработанного законодательства. Вторая часть указа посвящена совсем другому казусу. Ею вводилась смертная казнь за изготовление подложных полных и докладных грамот на вольных людей по сговору с таможенниками. Казни должны быть подвергнуты как сами изготовители фальшивых грамот, так и уличенные таможенники. Считается, что этот указ обозначает не-

[38] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 24.

[39] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. С. 48—49.

[40] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 46.

хватку у служилых людей рабочих рук, в том числе холопьих, ведь только острая необходимость заставляла изготовлять фальшивые крепости.

Наконец, последним, и самым значительным после Судебника 1550 г., законоположением о холопстве в XVI в. стало Уложение от 1 февраля 1597 г.[41] Для современников оно означало переломный момент в истории разных видов холопства, а для историков важно потому, что вызвало к жизни те кабальные книги, которые сейчас являются главными источниками по истории холопства в XVI в. Возможно, Уложение сначала приняли как временную меру в условиях обострения хозяйственного кризиса в стране. При публикации его традиционно делят на одиннадцать статей. Вместе взятые, они подробно регламентировали жизнь разных категорий холопства. Уложение должно было реформировать холопство и приспособить его к новой ситуации хозяйственного кризиса, наступившего в 1570—1580-х гг. Некоторые его нормы развивали уже изложенные в предыдущих указах положения, но вводили и много новшеств. Прежде всего Уложение продолжало и закрепляло линию правительства на документальное оформление всех форм холопьей зависимости. В случае бегства холопов (а хозяйственный кризис превратил это бегство в массовое явление) владельцы должны были сообщить имена беглых и принести документы на владение ими в Холопий приказ, чтобы записать в особые книги холопьих крепостей, которые заверялись подписью дьяка. Но и все остальные владельцы холопов, даже если последние и не думали бежать, должны были теперь регистрировать документы на них в Холопьем приказе. На повсеместное осуществление этой акции выделялся год. Исключением стали отдаленные места (например, Астрахань, Терек, сибирские города), где все должно было закончиться через три года. Впредь же так регистрировать надлежало всякий документ на владение холопом. Полные холопы, получившие вольную перед смертью господина, признавались свободными, а женам и детям прежнего владельца «впредь до тех холопей дела нет». Последнее положение было вызвано, вероятно, тем, что в реальности наследники умершего владельца не желали терять его холопов. Кроме того, данное положение было связано с теми изменениями, которые вносились Уложением в жизнь кабальных холопов, наиболее многочисленной в конце XVI в. группы холопов, а также их владельцев.

Положение кабальных холопов существенно менялось. Кроме того, что все кабальные холопы во всех городах должны были быть записанными в городовые и московские кабальные книги, наиболее важным было следующее постановление: Уложение содержало запрет кабальным холопам, а также их женам и детям освобождаться от зависимости путем выплаты долга хозяину (что ранее всегда отличало кабального человека от других холопов). Однажды попав в кабалу, кабальный холоп теперь служил до смерти господина, зато после его смерти отпускался на волю, и наследники не могли предъявлять на него претензий. Исключение делалось только для тех холопов, которые были уличены господином в воровстве: они превращались в полных холопов. В случае, если сами кабальные люди желали стать полными или докладными холопами, они должны были лично заявить об этом в Москве перед государевым постельничим (вероятно, это делалось и на местах у городовых дьяков и губных старост[42]). Но если кабальный человек во

[41] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 64—66.

[42] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. С. 84.

время такой процедуры вдруг отказывался от своего прежнего заявления о желании идти в полные холопы, то он отправлялся назад к своему господину по-прежнему в кабальную службу. Видимо, случаи, когда господа силою пытались заставить кабальных людей согласиться дать на себя полные грамоты, были не редкостью, и с ними собирались бороться с помощью данной статьи. Вообще, введенные Уложением новшества в отношении владения кабальными людьми встретили сопротивление со стороны холоповладельцев. Ведь традиционно кабальные люди, подобно полным и старинным холопам, передавались по наследству. Поэтому наследники и после Уложения пытались насильственно брать кабалы на кабальных людей, которых следовало отпустить на волю после смерти владельца.

Уложение регулировало и ситуацию с добровольной службой. Всех добровольных слуг (а также фактически всех старинных холопов, служба которых не была оформлена документально) следовало поголовно опрашивать, как давно они служат господину и давали ли они на себя кабалу. Если оказывалось, что они служили более полугода, на них оформлялись служилые кабалы без выслушивания каких-либо жалоб, «потому что тот человек того добровольного холопа кормил, и одевал, и обувал»[43]. И впредь также, если слуга добровольно служил господину более полугода, его предписывалось делать кабальным холопом, и он уже не мог покинуть господина. Как и в случае с кабальными холопами, все это было вмешательством в старые устои жизни двора служилого человека. Согласно традиции, последний всегда был окружен свитой из кормящихся возле него слуг, часто потомственных (в течение нескольких поколений), но не имевших документов, оформлявших эту службу, и считавших себя вольными людьми. Теперь все они подлежали переводу в холопы; правда, на практике это выполнялось далеко не всегда, и полностью ликвидировать документально не оформленную добровольную службу после Уложения так и не удалось. Все продолжало регулироваться конкретными отношениями между господином и его слугой.

Повсеместная перерегистрация всех документов на холопов (холопьих крепостей) привела к тому, что сведения о холопах, если были найдены такие документы XV—XVI вв., заносились в новые книги, которые и получили в литературе название записных книг старых крепостей. При утрате документов на холопа их можно было восстановить при определенных условиях. Предполагается, что эта процедура была разработана в не дошедшем до нас указе 1593 г.[44] Если же не удавалось документально подтвердить права на холопа или если холопское состояние не было никогда документально оформлено, то все эти люди переводились в категорию кабальных людей. Регистрация кабал происходила или в Москве в Холопьем приказе, или на местах в приказных избах в присутствии кабалимого. При этом уплачивалась пошлина, а в кабальные книги заносился текст служилой кабалы и помещались сведения о биографии и описания внешности холопов, что увеличивает ценность этого источника. Обычно мы не располагаем сведениями о внешнем виде и особых приметах людей XVI в., кроме трафаретных описаний князей или иных положительных героев русских летописей, которые не имели под собой реального содержания. Сведения же кабальных книг помещались с целью опознать холопа, если он сбежит, поэтому мож-

[43] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. С. 65—66.

[44] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии. С. 77.

но не сомневаться в их достоверности. Так, в сохранившихся новгородских кабальных книгах 1592—1596 гг. и 1603 г. встречаются следующие описания: «...а родом вологжанин. А ростом человек середней, волосом рус, очи серы, круглолик, усом обнимаетца (оброс. — *В. В.-Л.*)», «возрастом середней человек, лицем смугл, волосом черн, очима черн же» и т. п. Можно узнать не только об одиночках, но и о парах или родителях с детьми («Ростом Марья середняя, рожеем руса, глаза кари, лет в пятьдесят; сын еи Дмитрейко лет в семнадцать, рожеем бел, волосом рус, глаза кари, грамоте умиет, х кабале и руку приложил и в матери своей место»[45]) или больших семействах («...дети ее — Левонтейко лет в дватцать, волосом рус, очи серы, правая нога коса, Офоназко лет в двенатцать, волосом рус, очи серы; Тимох лет в полтретьятцать, ростом высок, волосом рус, очи серы, ухом не дослышит; жена его Полага лет в полтретьятцать, ростом середняя, очи серы»)[46]. Заносились в описания и особые приметы, например: «у ливой руки меньшой перст сичен», «ус выседает (выходит наружу. — *Авт.*), на правой ноге бывала язва, кусывала собака», «языком шевеляет» или же «рожеем бел, волосом рус, глаза кари, на ливой брови бывала язва» и пр. Заявления идущих в кабалу о том, что они до кабалы были вольными людьми, также заносились в кабальные книги: «не служивал ни у кого», «а сказалася вольная» или же «сказался, в холопех не бывал преж сего нигде»; сообщалось также, если до кабалы человек жил в бобылях или в крестьянах, и у кого именно[47].

Столь подробные описания холопов, составлявшиеся в конце XVI в., явились логическим итогом развития этого социального института во всем его многообразии на протяжении столетия. В начале XVI в. холопство предстает перед нами еще весьма патриархальным, домашним институтом, слабо регламентированным, основанным на сложной системе социальных связей разного уровня, часто неформальных, когда положение каждого холопа целиком зависело от его личных отношений с господином. Но на протяжении века (и особенно активно со второй его половины) государство стремилось поставить под свой контроль отношения холоповладельцев со своими холопами и, главное, оформить все случаи холопства документально, т. е. наладить государственный учет несвободного населения страны, что в значительной степени удалось сделать.

Итак, холопство в России XVI в. оказалось своеобразным гражданско-правовым институтом, вбиравшим в себя выходцев из всех социальных слоев общества, нежизнеспособных в своем прежнем статусе. При этом исследователи в последнее время отказываются видеть в русском холопстве единое сословие (или же касту)[48]. Видимо, разнообразием и отсутствием единства объясняется столь длительное сохранение этого архаического явления на русской почве. Тут же кроется и объяснение того, почему правительство было вынуждено принимать столь многочисленные законы о холопах, ведь их нужно было приспосабливать к разным видам зависимости и менявшимся обстоятельствам.

---

[45] Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. С. 240.

[46] Там же. С. 185.

[47] Там же. С. 52, 206, 232, 238 и др.

[48] *Аракчеев В. А.* Холопство в России: 1450—1725. С. 111—122.

ГОРОД И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ

Привилегированные купеческие корпорации

Торговый люд России XVI в. отличался значительной имущественной и социальной дифференциацией, отразившейся в наименовании представителей различных его групп. Купеческая верхушка издавна была представлена гостями, иногда именовавшимися в русских письменных источниках «гостями нарочитыми» и «купцами великими». Специализируясь преимущественно на дальнем (межобластном и международном) товарообмене, они занимались также при помощи приказчиков внутренней розничной торговлей в лавках, что объединяло гостей в профессиональном отношении с рядовыми торговыми людьми-лавочниками. На государевых гостиных дворах обычно проживали и торговали в лавках и амбарах приезжие купцы, именовавшиеся в источниках гостями[1]. Отношение великокняжеских, а затем царских властей к купечеству имело противоречивый характер. Они нуждались в услугах гостей для сбыта казенных товаров и закупок на международных рынках, выполнения дипломатических и хозяйственных поручений. Часть купцов пользовалась определенными льготами (освобождением от уплаты проезжих и таможенных пошлин, неподсудностью местным властям и др.). Обеспечение нормальных условий для торговли также занимало важное место в межгосударственных отношениях. Московские власти защищали интересы своих купцов, нередко подвергавшихся притеснениям за рубежом (в Прибалтике, Литве, Крыму, Персии и других странах). Вместе с тем они сами допускали по отношению к купечеству произвол, ущемляя его самостоятельность и принуждая к переселению в другие города страны.

В эпоху завершения объединения русских земель вокруг Москвы и создания единого Российского государства московское купечество подразделялось на три группы: гостей (сурожан), суконников, находившихся в более привилегированном положении, а также рядовых посадских торговцев[2]. Сурожане, чье наименование происходит от русского названия «Сурож», одного из торговых центров Крыма — Судака, привозили на Русь дорогой шелк, ковры, драгоценные камни, красители, пряности и другие товары. Их можно было встретить не только в Крыму, но и в Стамбуле, Малой Азии, Закавказье и даже далекой Италии. Московские гости, торговавшие с восточными и южными странами, в начале XVI в. нередко везли на продажу товары великого князя

[1] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Подг. Е. Б. Французовой. М., 2002. С. 54—55, 379.

[2] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 415—423; *Перхавко В. Б.* Средневековое русское купечество. М., 2012. С. 100—103.

и великокняжеского казначея[3]. Суконники занимались закупками импортного сукна в Польше, Литве, Прибалтике, Новгороде и Пскове. Их, в отличие от сурожан, в актовых документах никогда не именовали гостями. Нижнюю социальную группу московского купечества составляли торговцы из черных сотен и слобод («лутчие» и частично «средние» посадские жители), а также часть торговых крестьян, оторвавшихся от сельского хозяйства.

Принудительные переселения купцов. Экономические и политические интересы связывали купеческие верхи Новгорода и Пскова с влиятельным местным боярством. Центром объединения самых богатых новгородских купцов являлся храм Св. Иоанна Предтечи на Опоках. Они торговали главным образом с ганзейскими городами Балтики. После присоединения к Москве новгородское и псковское купечество, привыкшее к вечевым традициям выборности и самоуправления, нельзя было использовать для распространения и укоренения новых московских порядков. Чтобы избавиться от ненадежной, но пользовавшейся влиянием части горожан и создать прочную социально-экономическую опору в новых землях, московские великие князья сделали ставку на политику принудительных переселений бояр и купцов. Прежде всего, еще в конце 1480-х гг., она распространилась на Новгород, откуда выселили в Северо-Восточную Русь боярские и купеческие семьи. На их место перевели дворян и купцов из Москвы (гостей-сурожан). Только в 1504 г. Иван III разрешил семнадцати бывшим новгородским гостям с семьями переселиться из Владимира и Переславля-Залесского в Москву. Такая политика «выводов» и «сводов» купцов продолжилась и в правление Василия III, и при Иване IV.

Московские гости, переведенные в Новгород, и их потомки находились там на особом положении, пользуясь наследственными льготами, зафиксированными в коллективной жалованной грамоте. Относящиеся к ним семьи Боровитиновых, Корюковых, Саларевых, Сырковых, Таракановых, Ямских занимали видное место в купеческой среде Новгорода XVI в.[4]

Московские власти поддерживали в первую очередь сурожан, когда возникали конфликты между ними и непривилегированным торгово-ремесленным населением Новгорода, как это было при наборе пищальников (предшественников стрельцов) в 1546 г.[5] Занимая должности купеческих старост, московские гости принимали активное участие в управлении Новгородом, входили в состав наместничьего суда, занимались обустройством города. При купеческих старостах Иване Елизарове, Владимире Тараканове и Фоме Салареве в 1502 г. весь город был окружен новыми укреплениями[6]. Важным событием в экономической жизни России в период регентства Е. И. Глинской стала монетная реформа, которая привела к унификации веса монет и способствовала товарообмену. Чтобы не допустить злоупотреблений при чеканке серебряных копеек, власти поручили в 1535 г. московскому гостю Богдану Корюкову осуществлять надзор за денежным двором Новгорода[7]. В 25-м чуде Распространенной редакции Жития Варлаама Хутынского (около середины XVI в.) «гость веденой московской» Б. Корюков подкармливал игумена и братию Хутынского монастыря[8].

---

[3] Сборник РИО. Т. 41. № 81. С. 411—412.

[4] *Варенцов В. А.* Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 34—40.

[5] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 619.

[6] Там же. С. 611.

[7] Там же. С. 571.

[8] *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 52.

Царское моленное место в Успенском соборе Московского Кремля (Мономахов трон).
Фрагмент с рельефами, иллюстрирующими Сказание о князьях Владимирских.
Россия, Москва, Турция. 1551 г.; ткань — XVII в.
Фото В. Е. Оверченко. Музеи Московского Кремля

Александр Невский и надгробные портреты князей московского дома.
Роспись Архангельского собора Московского Кремля. 1652—1666 гг. (по программе 1560-х гг.).
Фото В. Е. Оверченко. Музеи Московского Кремля

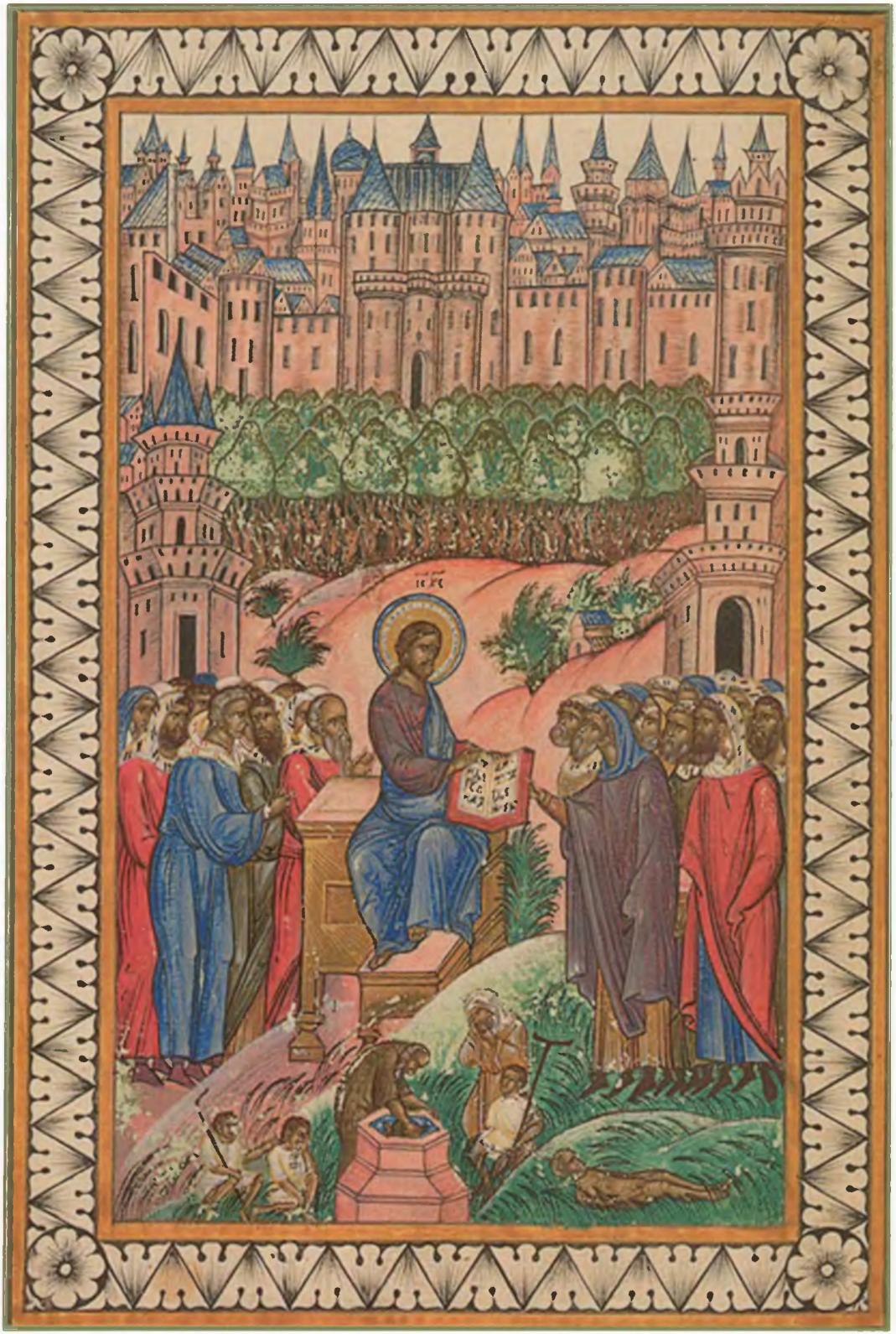
«Благословенно воинство Небесного Царя». Икона. Середина XVI в.
Москва. Государственная Третьяковская галерея

Икона четырехчастная.
1547—1551 гг. Псков.
Фото В. Е. Оверченко.
Музеи Московского Кремля

Александр Свирский с житием. Икона из Успенского собора Московского Кремля.
Вторая половина XVI в.
Фото В. Е. Оверченко. Музеи Московского Кремля

Евангелист Матфей. Миниатюра Евангелия.
Мастер Феодосий, сын Дионисия. 1507 г.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Введение во храм. Настенная роспись в Благовещенском соборе — западная стена, северный люнет. 1547—1551 гг.
Фото А. Д. Алексеева, В. В. Благова, В. Е. Оверченко. Музеи Московского Кремля



Проповедь Христа. Миниатюра Евангелия Исаака Бирёва. 1531 г.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Распятие Христово. Икона из церкви Николы со Усохи в Пскове. Около 1535 г.
Псковский музей-заповедник

Преображение Господне. Икона из церкви Спаса на Нередице близ Новгорода. 1530—1540-е гг.
Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород

Господь Саваоф. Роспись Преображенского собора Спасского монастыря в Ярославле. 1563—1564 гг.
Московские и ярославские мастера. Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Оплакивание Христа. Плащаница. Вклад князя Владимира Андреевича Старицкого
и его матери Евфросинии Андреевны. 1561 г. Сергиево-Посадский музей-заповедник

Путешествие Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Иерусалим.
Миниатюра Жития Николая Чудотворца. 1560—1570-е гг.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Путешествие Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Иерусалим.
Миниатюра Жития Николая Чудотворца. 1560—1570-е гг.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Избранные святые. Икона. XVII в.
Псковский музей-заповедник

Мученик Евстратий. Роспись Смоленского собора
Новодевичьего монастыря в Москве. Около 1598 г.
Фрагмент. Фото А. С. Преображенского

Икона двусторонняя (таблетка) «О тебе радуется» — Спас Нерукотворный.
Конец XV в. Новгород. Новгородский музей-заповедник

Рождество св. Иоанна Предтечи.
Икона. 1530-е гг. Новгород.
Новгородский музей-заповедник

Проповедь Иакова Брата Господнего. XX неделя по Пятидесятнице. Миниатюра из Апостола. 1540-гг.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Поклонение веригам апостола Петра. Новгород. Икона из местного ряда в иконостасе церкви Апостолов Петра и Павла в Кожевниках. Середина XVI в.
Новгородский музей-заповедник

«О тебе радуется». Икона из местного ряда в иконостасе церкви Апостолов Петра и Павла в Кожевниках. Около 1558 г. Новгород. Новгородский музей-заповедник

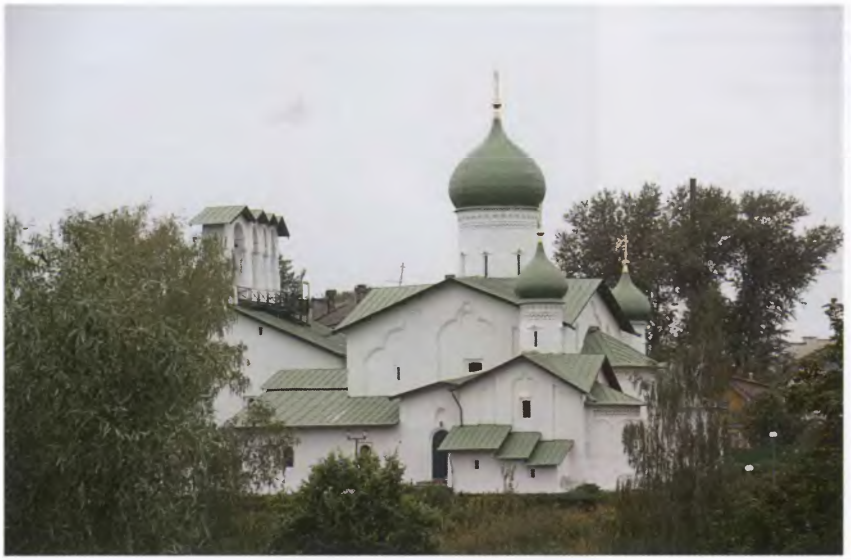
Св. Феодор Стратилат с житием. Икона в окладе из церкви Феодора Стратилата на Ручью.
1540—1550-е гг. Новгородский музей-заповедник

Симеон Яковлев. Богоматерь Владимирская. Икона. 1561 г. (?). Новгородский музей-заповедник

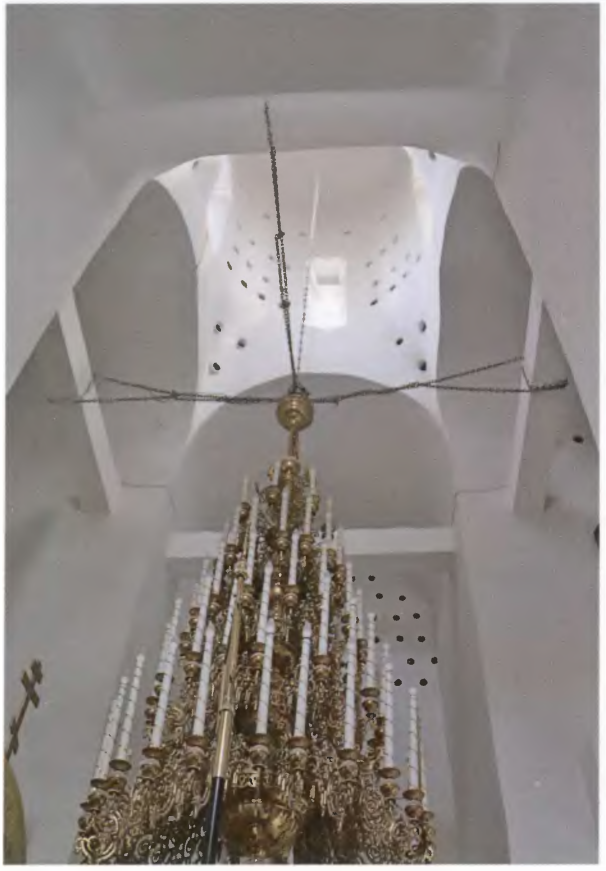
Пророк Исайя. Икона из пророческого чина Рождественского собора в новгородском Антониевом монастыре. 1570-е гг. Новгородский музей-заповедник

Видение пономаря Тарасия. Икона из Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря. 1574—1582 гг. Новгород. Новгородский музей-заповедник

Рождество Богоматери, с житием Иоакима, Анны и Богоматери. Икона. Середина XVI в. Новгород. Новгородский музей-заповедник



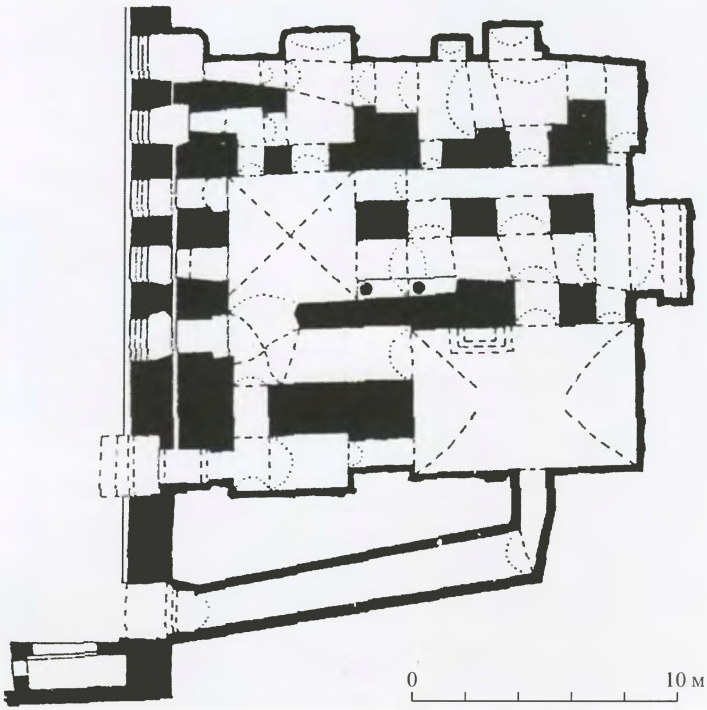
Церковь Богоявления на Запсковье. 1496 г. Вид с юго-востока. Интерьер: подпружные арки и своды.
Фото И. В. Антипова, 2014 и 2019 гг.



Никольский собор в Острове. 1542—1543 гг.
Интерьер, вид на север.
Фото И. В. Антипова, 2016 г.

Церковь Николы в Виделебье. 1551—1552 гг.
Керамическая храмозданная надпись на барабане.
Фото Д. С. Скобкаревой, 2015 г.

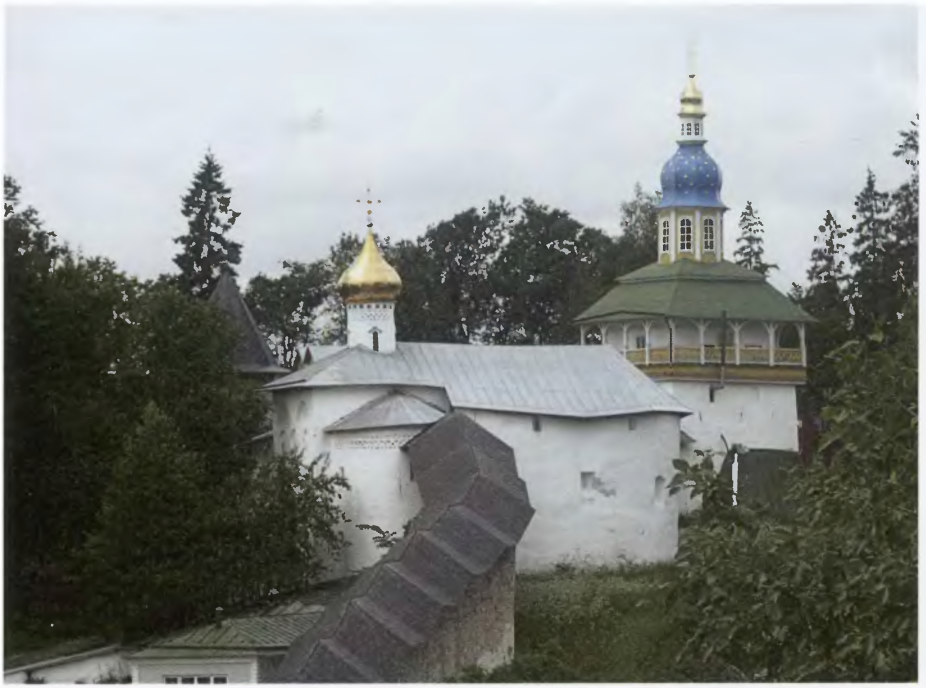
Церковь Николы со Усохи. 1535 г. Вид с юго-запада.
Интерьер: подпружные арки и своды.
Фото И. В. Антипова, 2014 и 2020 гг.



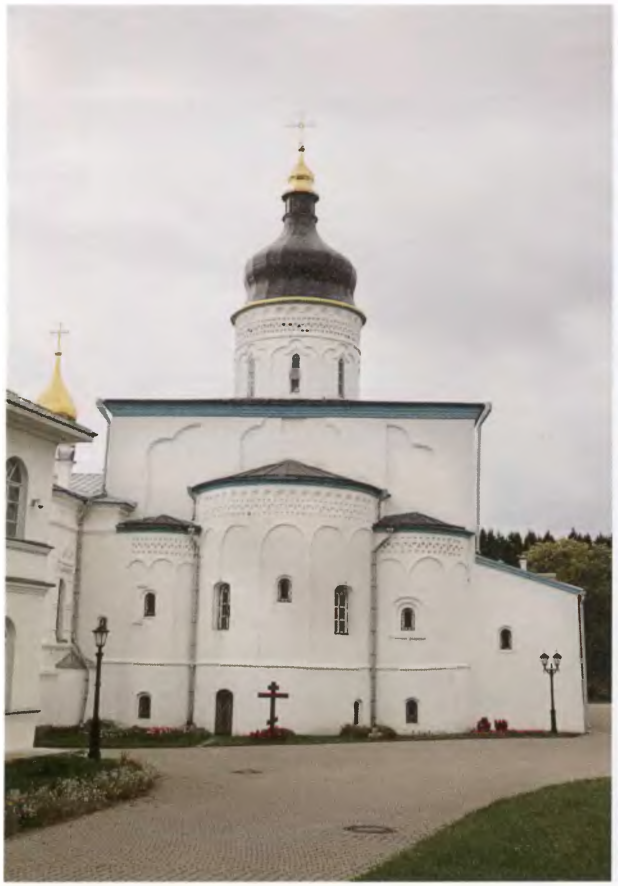
Успенский собор Псково-Печерского монастыря. 1523 г. Вид с запада. Фото И. В. Антипова, 2015 г.
План (по: *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. М., 1996. С. 61)

Звонница Мальского монастыря. Первая половина XVI в. Вид с северо-запада.
Фото И. В. Антипова, 2015 г.

Успенский собор в Свияжске. 1560 г. Вид с востока.
Фото Д. С. Скобкаревой, 2015 г.

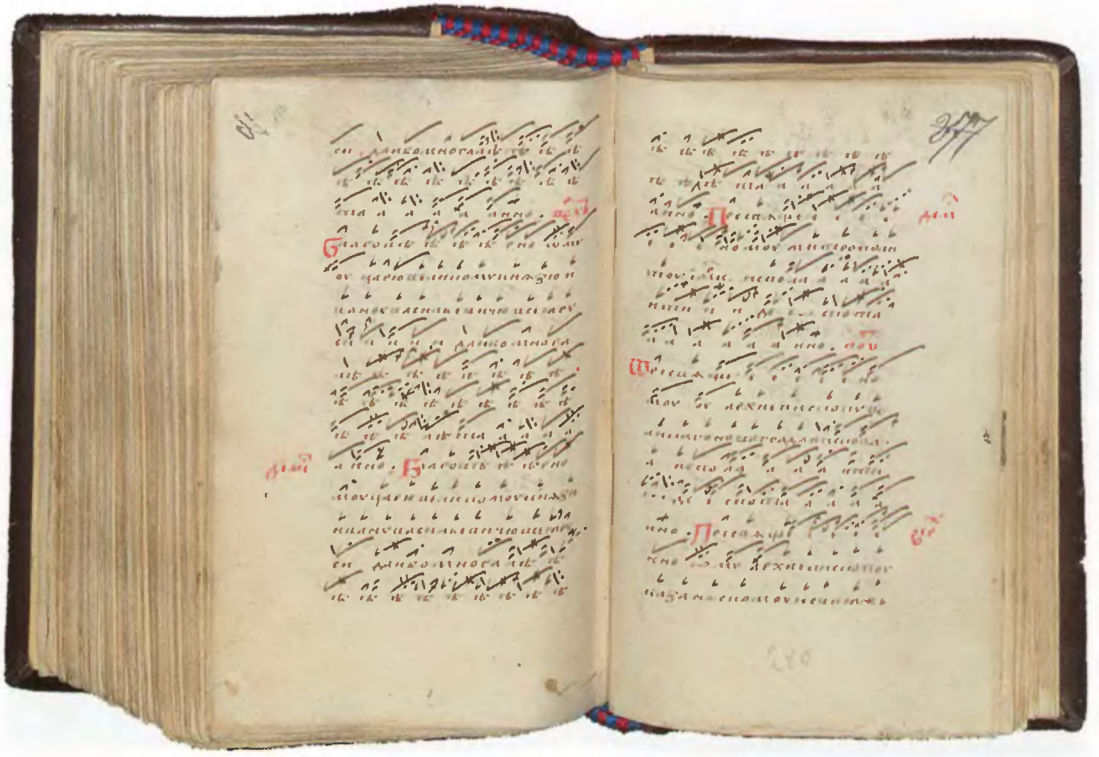


Никольская надвратная церковь Псково-Печерского монастыря. 1564 г. Вид с юго-востока. Фото И. В. Антипова, 2005 г.

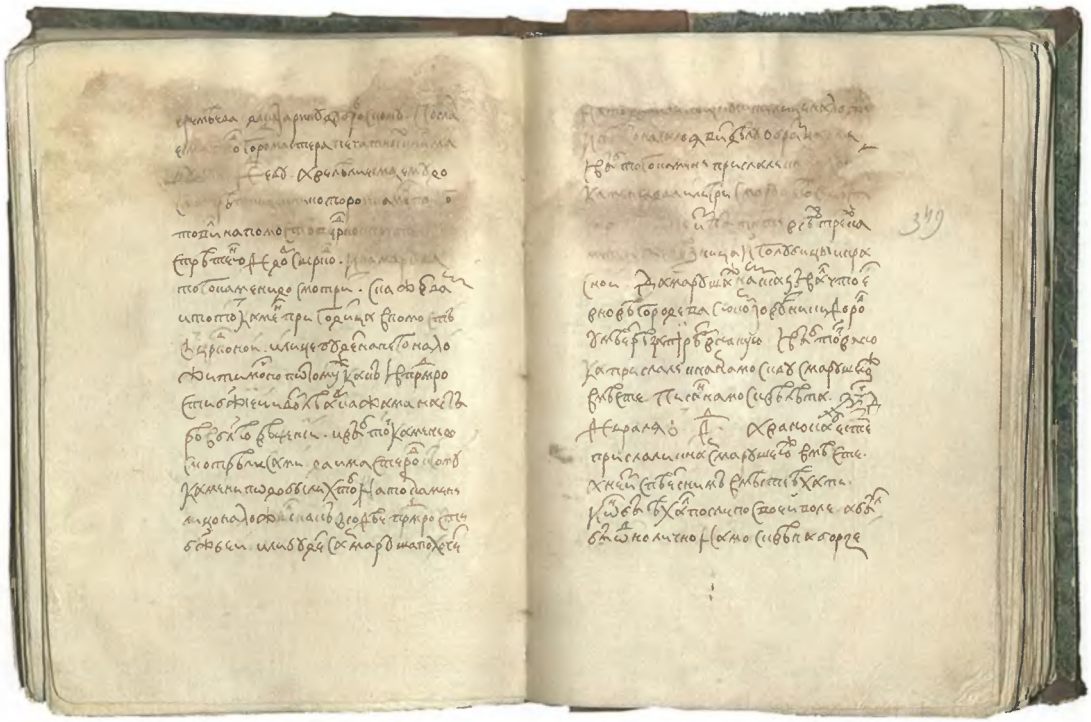


Собор Трех святителей Елеазарова монастыря. Вторая половина 1560-х — 1570-е гг. (?). Фото И. В. Антипова, 2016 г.

Стихирарь «Дьячье око». 1580-е гг.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки



Многолетие царю Ивану IV Васильевичу. 1570-е гг.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

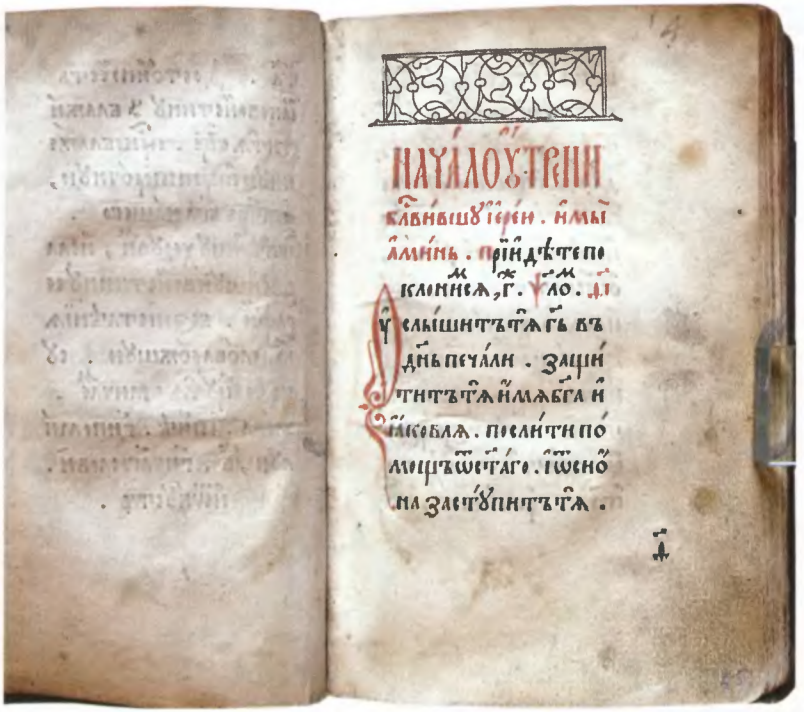


Грамота Ивана IV в Великий Новгород 9 февраля 1556 г.
Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

Анонимное узкошрифтное Евангелие. 1553—1554 гг.
Государственный исторический музей

Анонимное среднешрифтное Евангелие. 1558—1559 гг.
Государственный исторический музей

Анонимное широкошрифтное Евангелие. 1563—1564 гг.
Государственный исторический музей



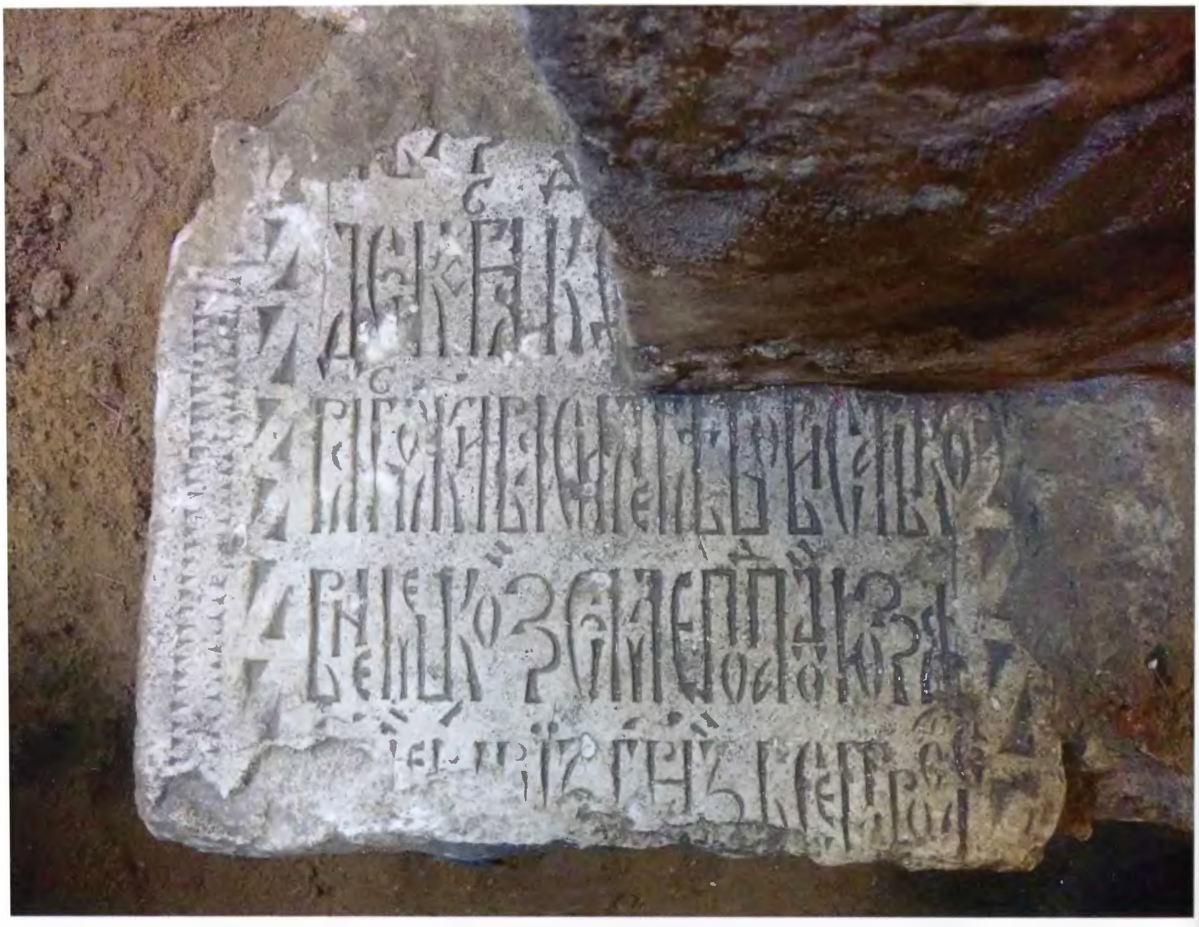
Часовник. Иван Федоров, печатник; Петр Тимофеев Мстиславец, печатник.
Москва, Печатный двор. 29 октября 1565 г. Российская национальная библиотека

Апостол. Иван Федоров, печатник; Петр Тимофеев Мстиславец, печатник.
Москва, Печатный двор. 1 марта 1564 г. Государственный исторический музей

Белокаменные саркофаги семьи князей Кубенских.
Новодевичий монастырь, Смоленский собор (1540—1560-е гг.), подклет.
Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг.
Институт археологии РАН

Надгробие князя Ивана Ивановича Кубенского (казнен 21.07.1546).
Новодевичий монастырь, Смоленский собор (1540—1560-е гг.), подклет.
Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг. Институт археологии РАН

Надгробие князя Федора Ивановича Канбарова, младенца († 25.07.1562).
Новодевичий монастырь, Смоленский собор (1540—1560-е гг.), подклет.
Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг. Институт археологии РАН



Надгробие Василия Глебовича Салтыкова, убитого 29 декабря 1572 г.
«в немецкой земле под Пайдою за святую церковь и за государя и за всех православных хрестьян».
Московский Кремль, Чудов монастырь. Раскопки ИА РАН (рук. Н. А. Макаров), 2016 г. Институт археологии РАН

Надгробие Каспара Эльферфельда,
ланддроста Петерсхагена,
затем ливонского пленника
и советника Ивана IV (ум. 1571 г.).
Из фондов ГБУК города Москвы
«Музейное объединение
«Музей Москвы»

Культурный слой на месте Опричного двора за Неглинной в Москве (песчаная засыпка пожарища 1571 г.).
Раскопки ИА РАН (рук. Н. А. Кренке), 1996—2002 гг. Институт археологии РАН

Сосуд ритуальный.
Из погребения царя Ивана IV Васильевича. 1584 г.
Стекло, Венеция. XVI в.
Фото С. В. Баранова.
Музеи Московского Кремля

Перстень-печатка с изображением птицы. Конец XVI в. Московский Новодевичий монастырь.
Раскопки ИА РАН
(рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг.
Институт археологии РАН

Крест-энколпион с изображением сцены Распятия и святых, в числе которых свв. Сергий и Никон Радонежские. Вторая половина XVI в.
Московский Новодевичий монастырь.
Раскопки ИА РАН
(рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг.
Институт археологии РАН

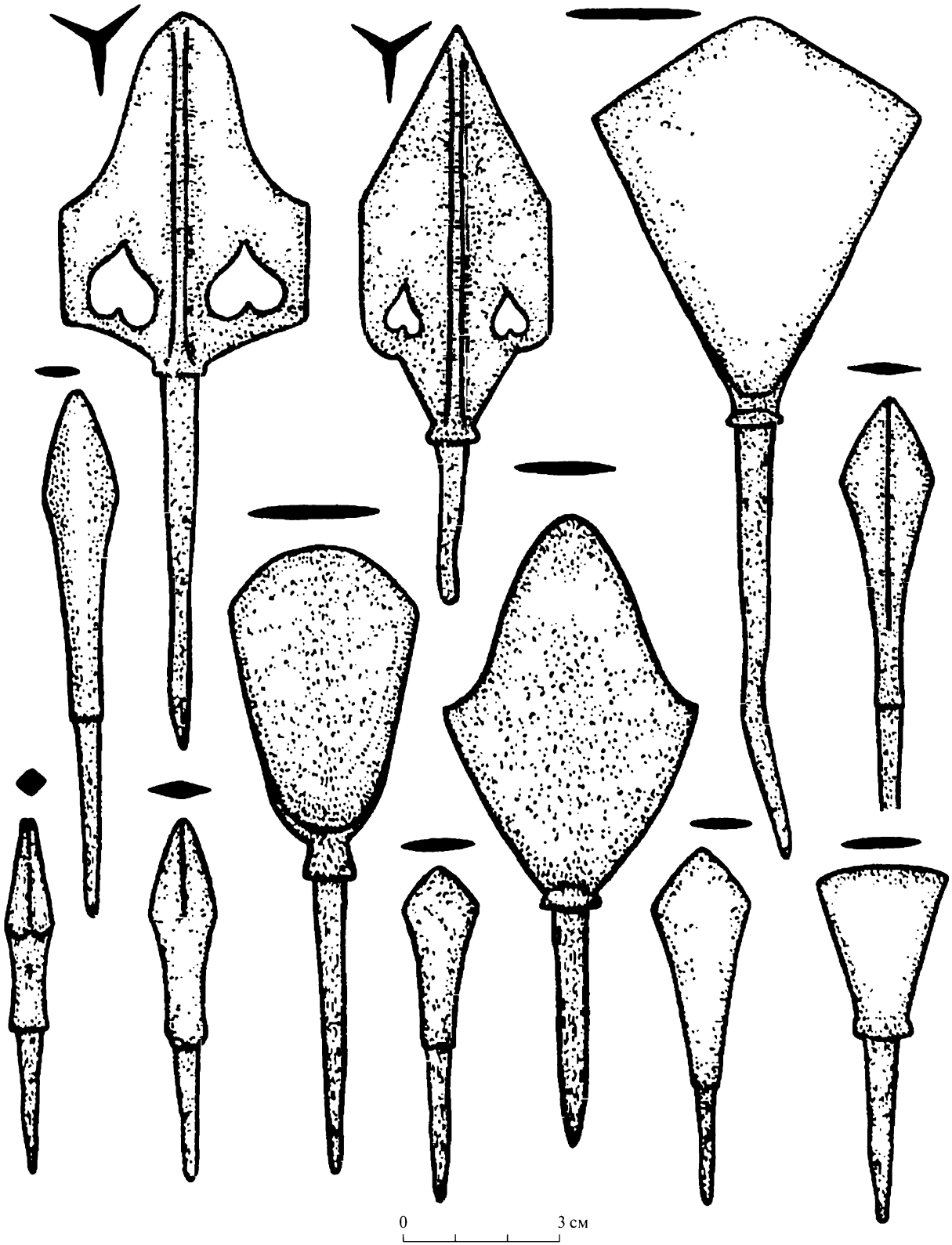
Изразцы печные красноглиняные. Конец XVI в. Московский Новодевичий монастырь. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2018 г. Институт археологии РАН

Восточный неф с раскрытыми саркофагами середины — второй половины XVI в. Смоленский собор (1540—1560-е гг.) московского Новодевичьего монастыря, подклет. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2018 г. Институт археологии РАН

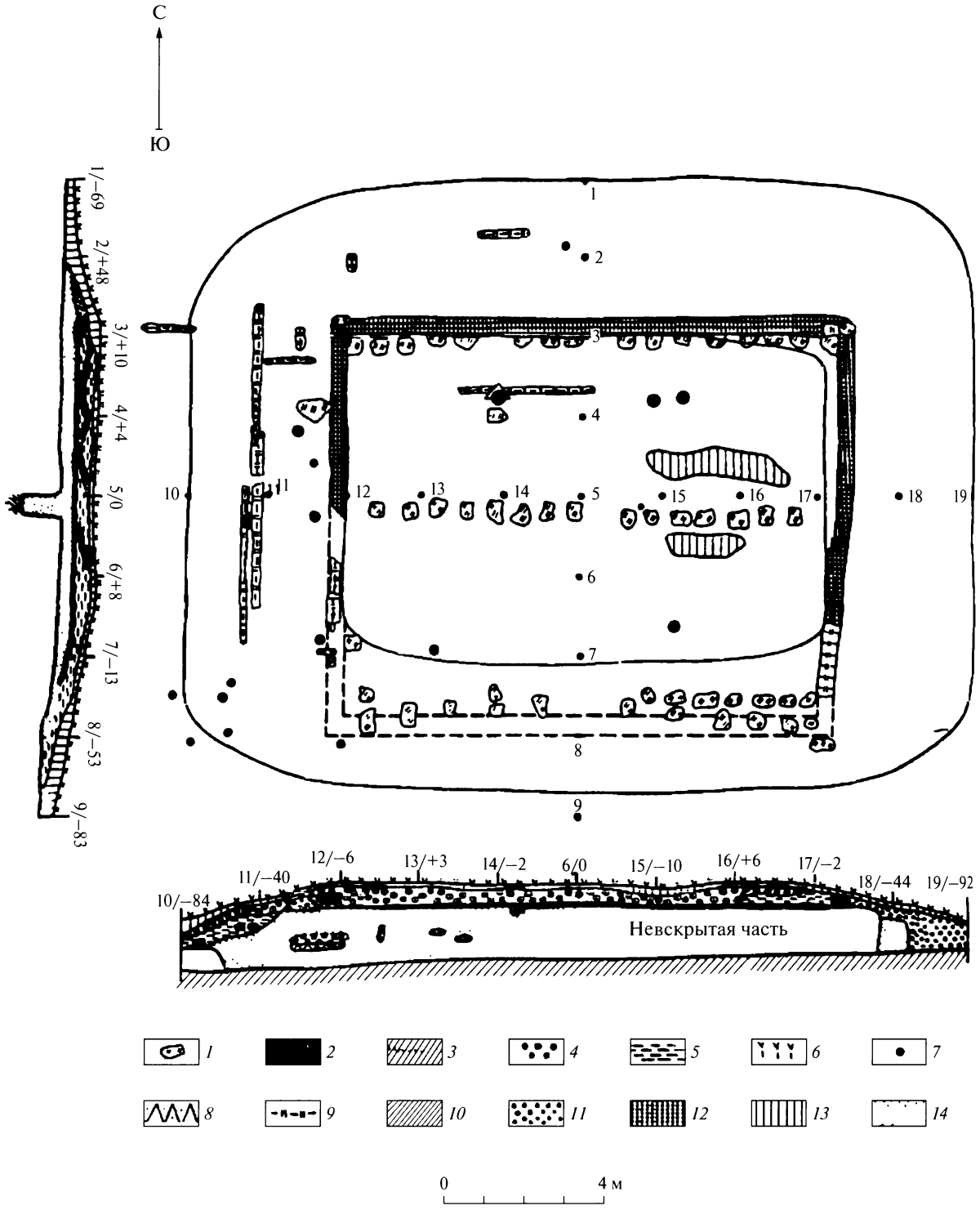
Вооружение русских воинов.
Гравюра из издания Сигизмунда Герберштейна

Русский купец XVI в.
Гравюра из издания Ганса Вейгеля

Предметы торевтики, характерные для кыргызской культуры в XIII—XIV вв.
(по: *Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. Рис. 21, 38, 40)

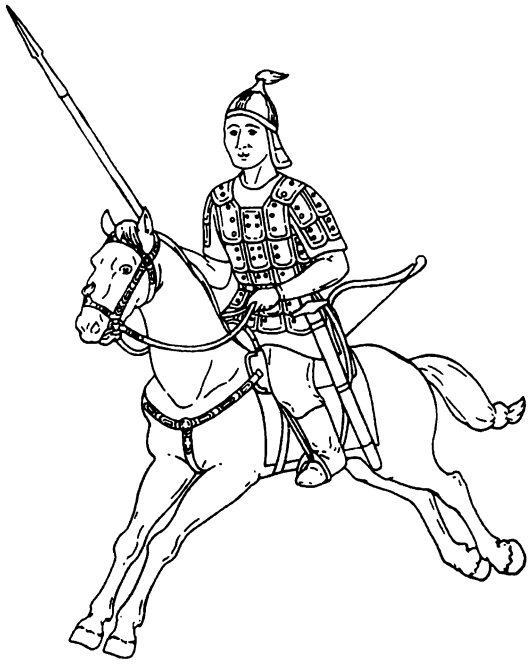


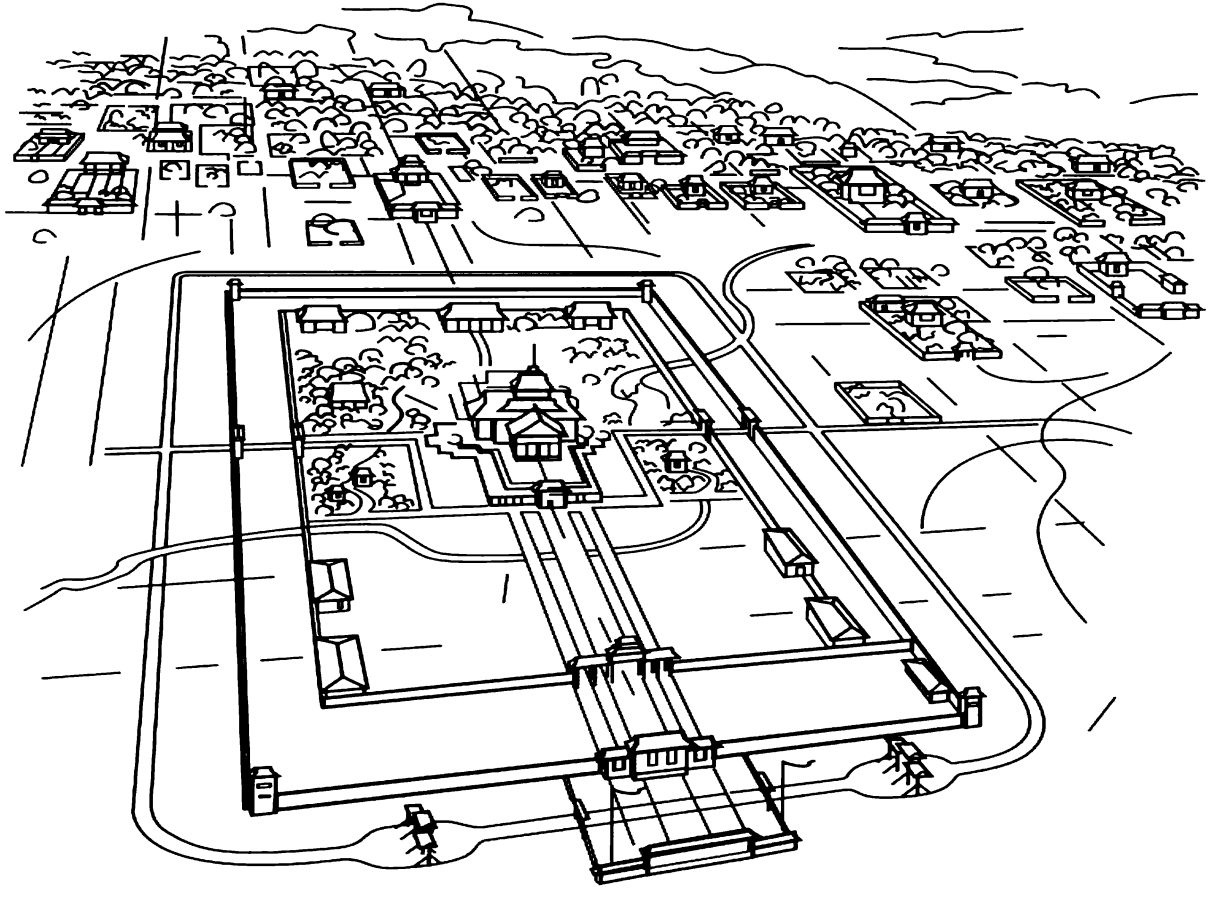
Предметы вооружения, характерные для кыргызской культуры в XIII—XIV вв. (по: *Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. Рис. 21, 38, 40)



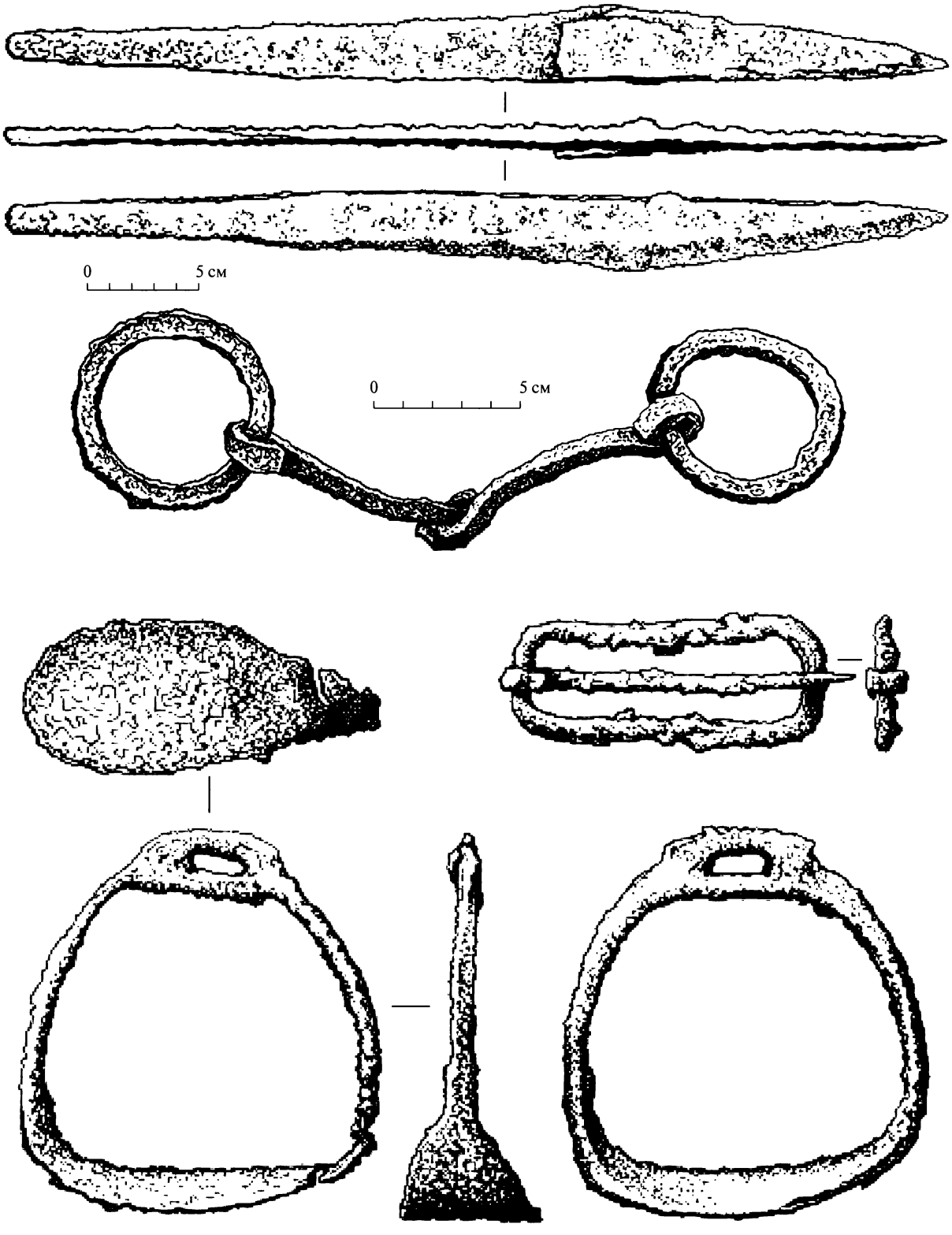
План и разрез городища Оймак (по: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 155. Рис. 59)

Реконструкция тяжеловооруженного кыргызского воина XIII—XIV вв. (по: *Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. Рис. 42)

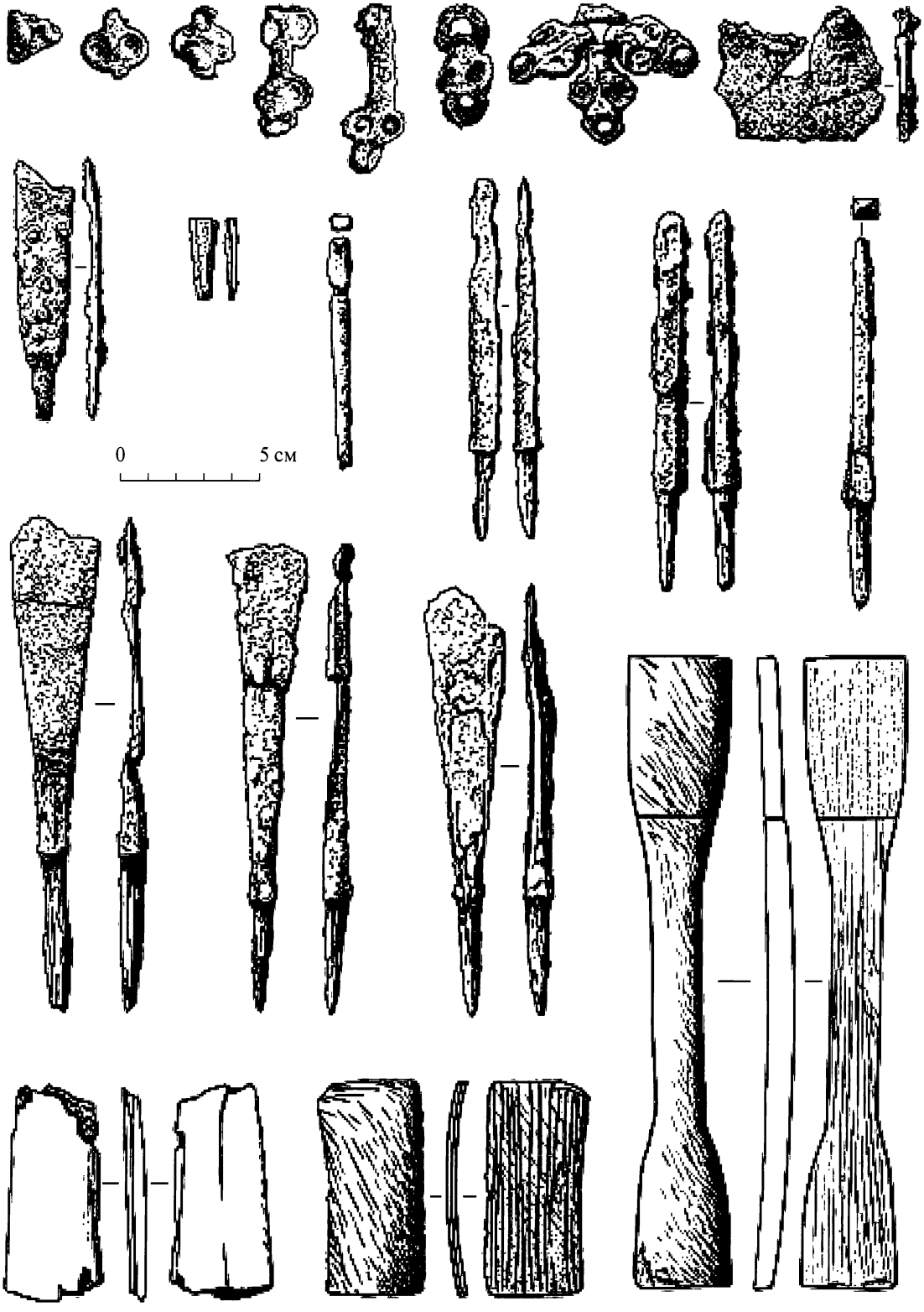




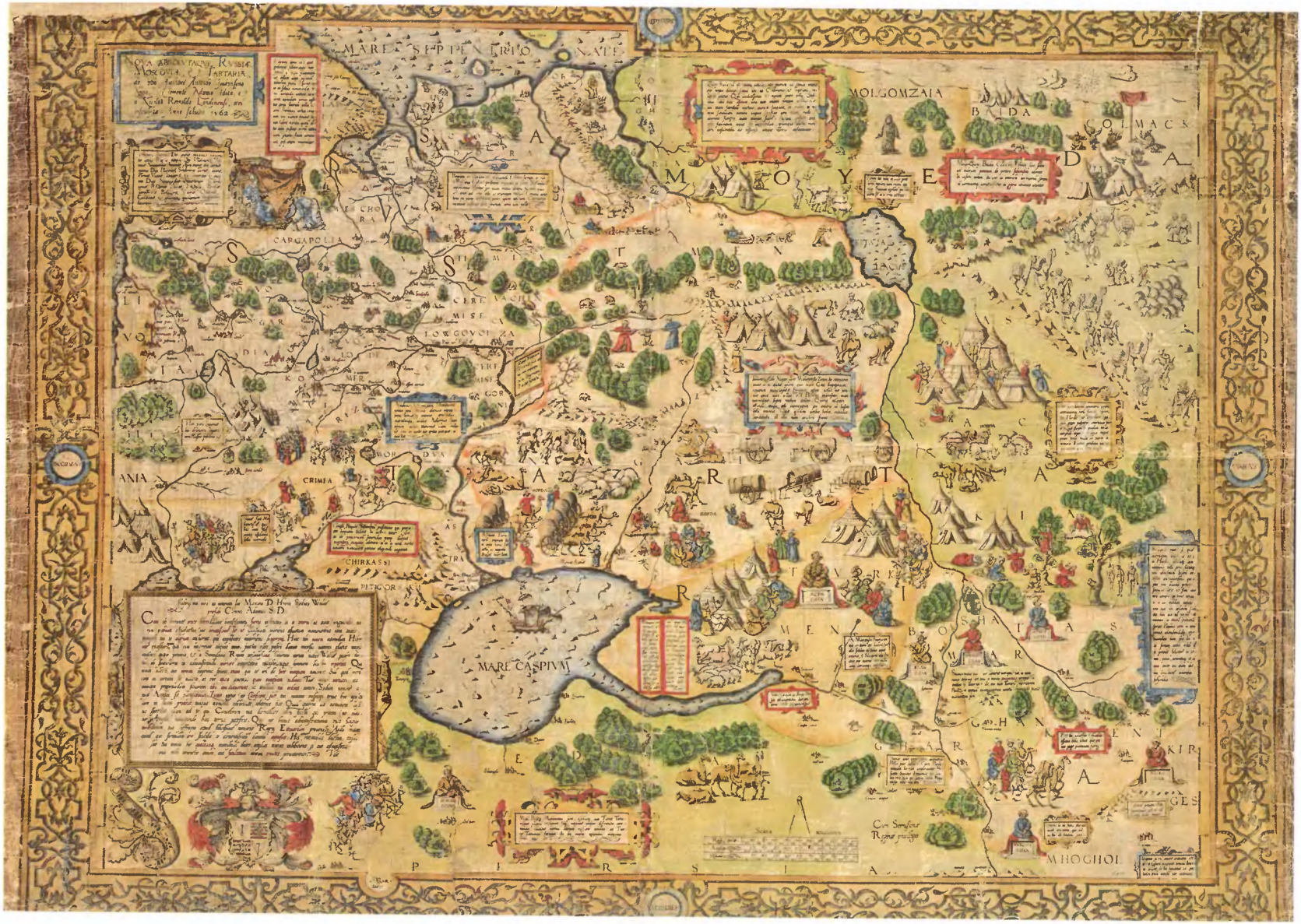
Кондуйский городок. Реконструкция (по: Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н. Н. Крадин. М., 2018. С. 306)



Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения (по: *Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Николаев Е. Н. и др.* Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4. С. 93, 95)



Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения (по: *Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Николаев Е. Н. и др.* Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4. С. 93, 95)


MARE SEPTENTRIONALE
MOLGOMZAIA
BAIDA
COLMACK
CARGAPOLIA
CRIMEA
CHIRKASSI
MARE CASPIVM
MHOGHOL
PERSIA

Нтогол҃ктлнакомнѣ · подѣлполюдь
нистаѵюслышетинѣложныѣписле
песны · велисотолкѣмъкомрѣьпълен
лейригорїеспѣсѣтъзлхроплгнилѣвъ!
пелисомѵчнѣюнисѣьпелнїйїиспе
лнсїѣлрастиположилѣнлнйгнѣпл
спой · йопалоу · поѣгослопесемлчто
шнѣѣлше · тоглоупелисоготѣрл
пприключенїйнлсплен · нпопрежне

Редакторская правка на странице Лицевого летописного свода. Царственная книга.
Государственный исторический музей

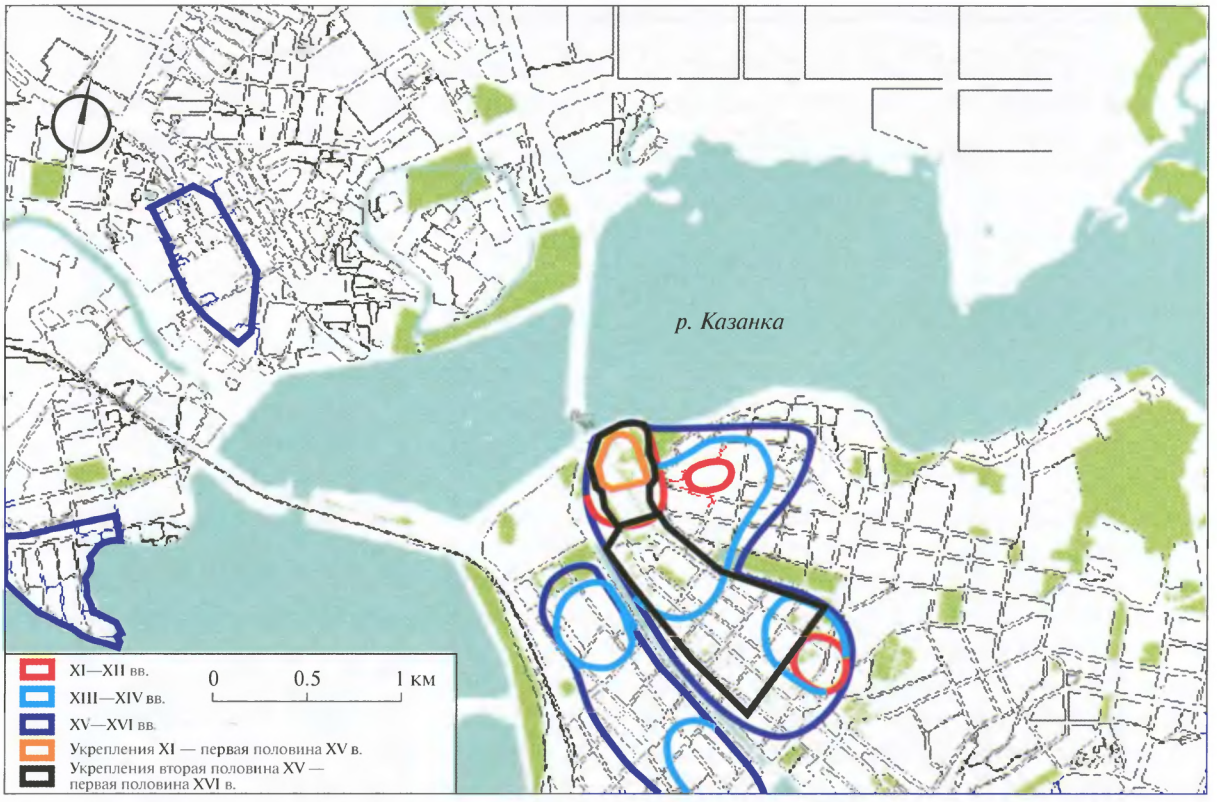
Приезд в Москву в 1558 г. сына великого князя Кабарды Темрюко Идарова князя Михаила Темрюковича (до крещения Султанука). Миниатюра. Лицевой летописный свод. XVI в.
Государственный исторический музей

Отъезд по указу Ивана IV в феврале 1560 г. князя Д. И. Вишневецкого в Черкесию («на государство в Черкасы»).
Миниатюра. Лицевой летописный свод. XVI в.
Государственный исторический музей

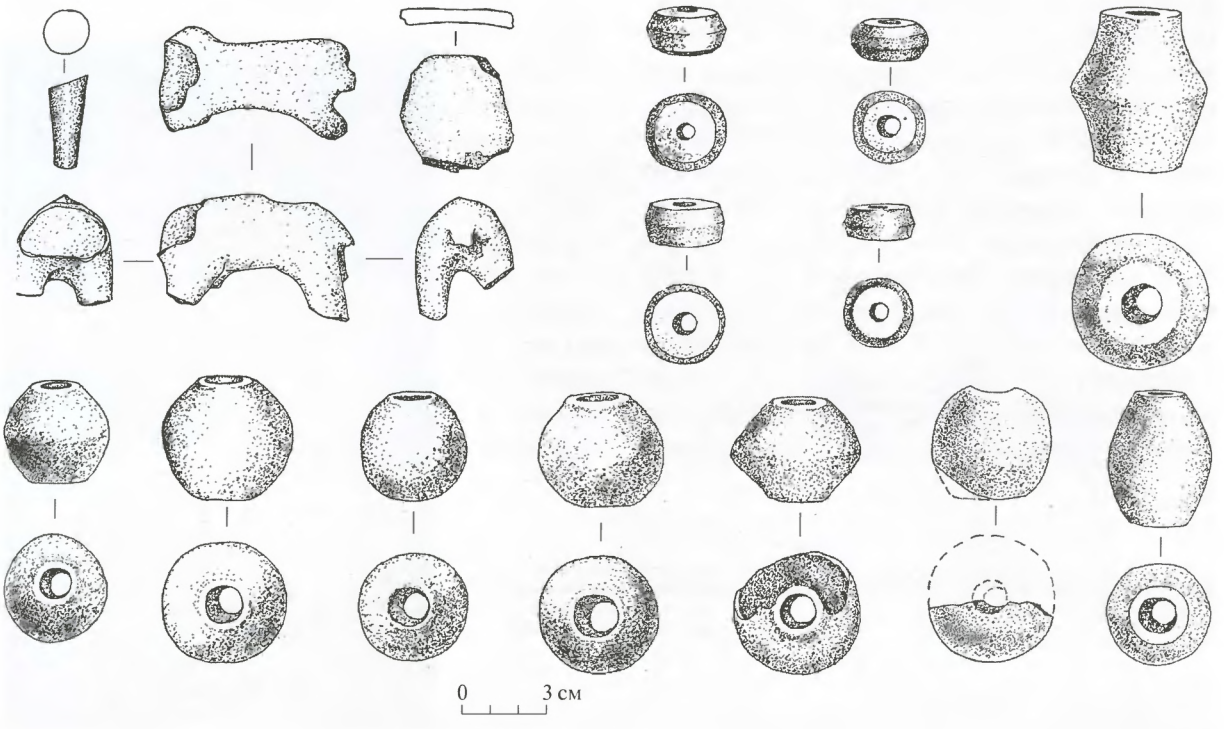
Блюдо, принадлежавшее царице Марии Темрюковне.
1561 г. Москва. Музеи Московского Кремля

Бюст казанского хана Махмута.
Реконструкция Т. С. Балуевой. 1996 г. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»

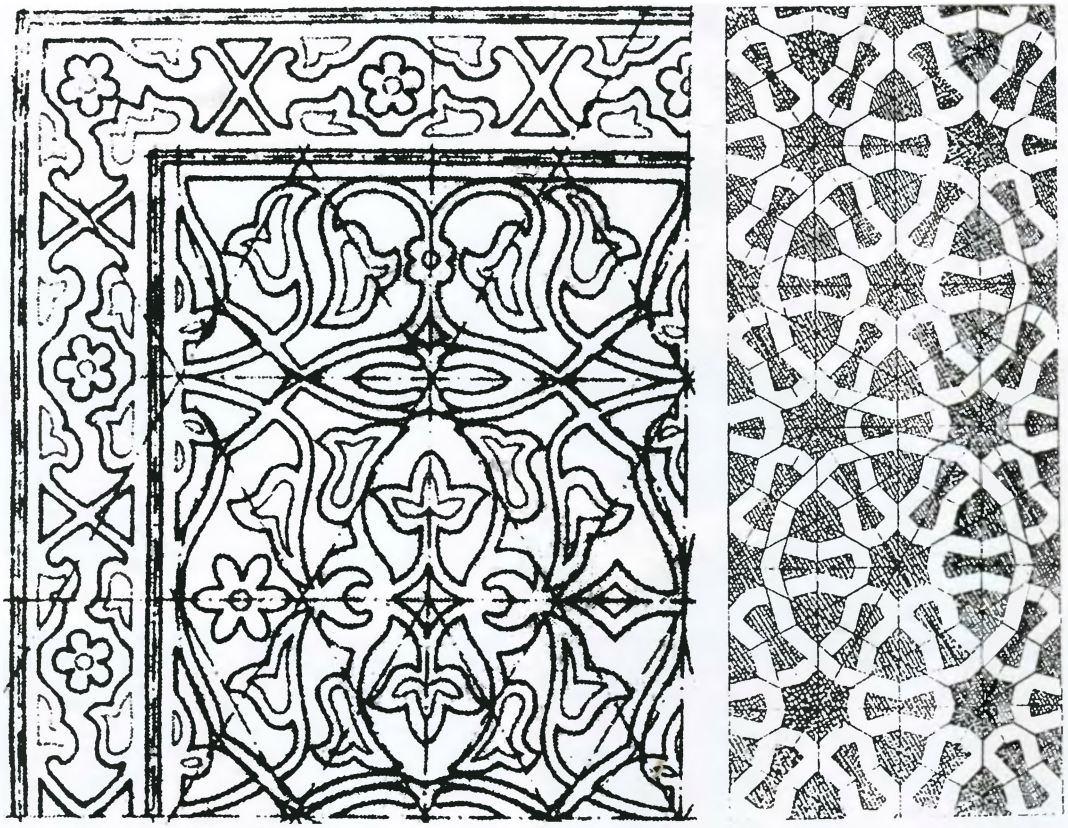
Бюст казанского хана Мухаммед-Эмина (Амина).
Реконструкция Т. С. Балуевой. 1996 г. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»



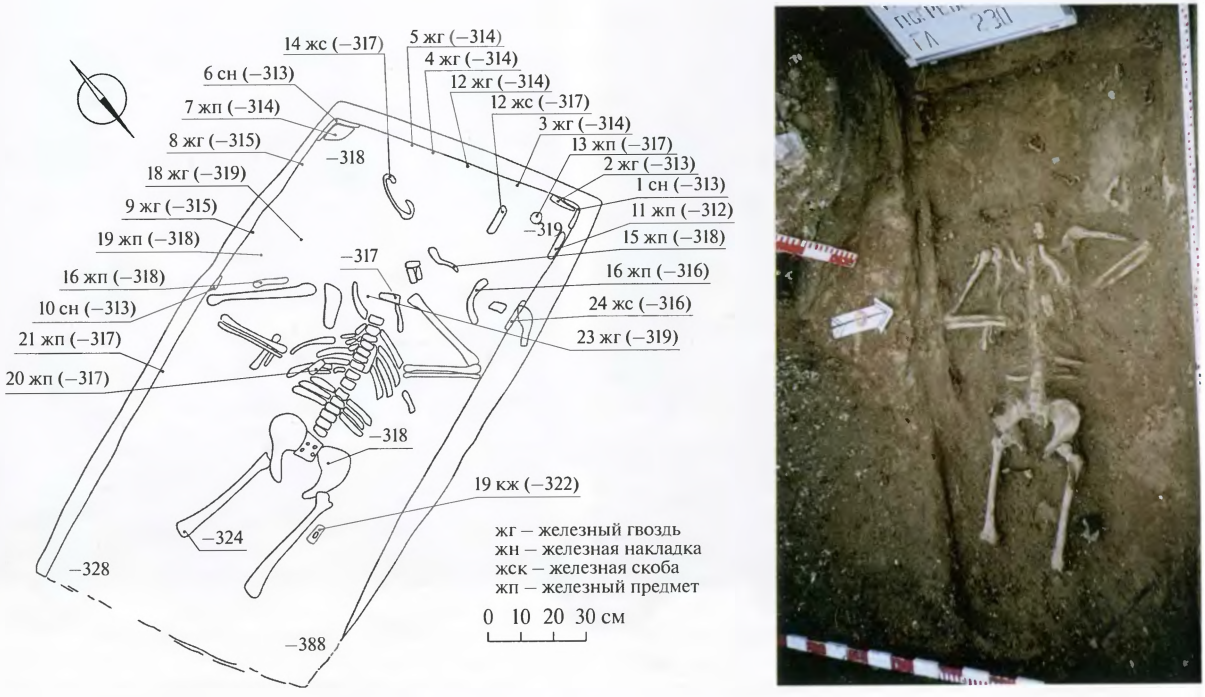
План распространения культурных слоев Казани XI—XVI вв.



Изделия из глины. Казань. Раскоп XLIX



Реконструкция орнамента гипсовых гирихов ханского времени из Казанского кремля



Погребение 8(3). Казань. Раскоп LXV 2004 г.

Лавки сурожан располагались в Великом ряду новгородского Торга, где торговали преимущественно импортными тканями. В качестве компенсации за перевод в Новгород великокняжеские власти выдали сурожанам тарханную грамоту, освобождавшую их от уплаты проезжих и торговых пошлин. Будучи в 1554—1555 гг. купеческим старостой Великого Новгорода, гость Иван Борзунов получал от казны ежегодно по 50 руб., а также доходы от пожалованного на время службы поместья[9]. Вместе с Алексеем Сырковым он подписывал в 1554 г. договор с ливонским магистром Генрихом фон Галеном[10]. Дьяки должны были выделить гостю Андрею Ямскому две подводы с проводником для проезда в Москву[11]. Общие заботы объединяли сурожан с остальными новгородскими купцами. Грамота Ивана IV от 3 декабря 1555 г. адресована наместнику князю Д. Ф. Палецкому и всем новгородским «гостем, и купцом, и торговым людем», которых следовало допросить об обидах со стороны Литвы с момента заключения перемирия 1554 г.[12] В фискальном отношении дворы гостей («гостиной сохи»), расположенные в разных районах Новгорода, отделялись от черных посадских людей. Гостям, занимавшим должности городских старост, на время службы власти выделяли поместья и выплачивали денежное содержание в размере 50 руб.

Оставили гости-переселенцы заметный след и в новгородском строительстве XVI в., возведя крепостные сооружения, мосты через Волхов, монастыри и храмы. На средства Тараканових были построены церкви Климента на Иворове улице, Успения в селе Сытине на берегу Ильменя, Федора Стратилата с трапезной в монастыре Св. Николы в Воротниках, на деньги Богдана Корюкова — церкви Св. Иакова Заведеева (Иакова Компостельского) и Зачатья Иоанна Предтечи, приделы к церкви Воскресения на Павловой улице[13]. Тараканових принадлежали в Новгороде несколько дворов, на одном из них наряду с деревянными постройками стояли каменные палаты.

С 1510 г. на протяжении нескольких десятилетий возведением новых храмов и ремонтом старых обветшавших церквей Новгорода и Новгородской земли активно занимались гости из династии Сырковых. Гость московский Дмитрий Иванович Сырков, именующийся в летописи «нарядчиком», проявил себя как умелый строительный подрядчик[14]. Его деятельность продолжил сын Федор, ставший государевым дьяком и игравший важную роль в управлении Новгородом в середине XVI в. Этот незаурядный выходец из купеческой среды, который накануне Ливонской войны вел в качестве царского посла переговоры в Колывани (Таллине), обладал гордостью, организаторским талантом, чувством собственного достоинства[15]. Далеко не полный перечень построек Сырковых включает: богато украшенную церковь Жен-Мироносиц на Ярославовом дворище, расположенную рядом с ней церковь Прокопия «с погребом» (явно предназначенным для хранения товаров), храм Св. Николая на владычном дворе, Николо-Розважский, Арсениевский, Сырков, Тихвинский монасты-

[9] ДАИ. Т. 1. № 86. С. 139.

[10] *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв.: Учебное пособие по спецкурсу. Вологда, 1989. С. 18.

[11] ДАИ. Т. 1. № 86. С. 140.

[12] Там же. № 75. С. 133.

[13] Там же. С. 550, 578—579, 616.

[14] Там же. С. 537, 539—540.

[15] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 127—128.

ри[16]. В 1560 г. новгородский государев дьяк Ф. Д. Сырков получил царское дозволение устроить общежительный монастырь в Пречистенском погосте на реке Тихвинке, и вскоре там появились первая деревянная церковь с трапезной и колокольней, кельи, стены, башни, водяная мельница[17].

И Сырковы и Таракановы неоднократно делали богатые вклады деньгами, землями, дорогими крестами, иконами, книгами, ризами, коврами в Иосифо-Волоколамский, Соловецкий, Троице-Сергиев монастыри[18]. Во многом благодаря Сырковым в Новгородской земле распространился культ Владимирской Богоматери, зародившийся в Северо-Восточной Руси. В 1552 г. Ф. Д. Сырков заказал две копии иконы Богоматери Владимирской[19]. Сохранилось несколько автографов Ф. Д. Сыркова на принадлежавших ему рукописных богослужебных книгах[20]. Гости Дмитрий Иванович Сырков, его сыновья Федор и Алексей дали Соловецкому монастырю книг и риз на 60 руб. В Соловецкой обители поминалось 27 имен Сырковых[21]. Московские гости до конца 1560-х гг., т. е. до опричного погрома Новгорода, представляли элиту новгородского общества. Занимаясь не только крупной торговлей, но и управлением города, они внесли также значительный вклад в формирование его культурной среды[22].

Вскоре после ликвидации вечевого строя Пскова в 1510 г. в город прибыли московские гости, чтобы наладить взимание торговой пошлины-тамги. Из Пскова тогда выселили не только бояр, но и 300 купеческих семей. Столько же семей гостей перевели в Псков из десяти городов Северо-Восточной Руси (Москвы, Переславля-Залесского, Твери и др.). Им выделили в Среднем городе дворы псковичей, которых заставили перебраться в другие, более отдаленные от центра районы Пскова[23]. Московские власти, проводя такую политику, не считались с вполне обоснованным недовольством торговцев и ремесленников из числа коренных псковичей, у которых не могла не возникнуть неприязнь к вновь прибывшим жителям, ущемлявшим их интересы. Источники зафиксировали ряд имен переселенных в Псков купцов — Ивана Познякова из Твери, Якима Переславца, Ивана Титова из Москвы. Но о каких-либо льготах для гостей, переведенных в Псков, свидетельств не сохранилось. Они ездили теперь торговать преимущественно в Прибалтику и Литву, а не в южные и восточные страны. Псковских гостей либо их приказчиков можно было застать в Риге, Юрьеве, Колывани, Нарве. В Ригу сбежали в 1519 г. два холопа псковского гостя Юрия Константинова, который добивался их возврата[24]. На судьбы

---

[16] *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории города. Харьков, 1957. С. 145—147; *Варенцов В. А.* Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 34—40; *Петров Д. А.* Строительство Сырковых // Заказчик в истории русской архитектуры. Вып. 5. М., 1994. С. 64—96.

[17] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины / Сост. К. В. Баранов. СПб., 1999. С. 109—110; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 126—127.

[18] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 76, 223; *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. С. 20.

[19] *Щенникова Л. А.* Культ иконы Богоматери «Владимирской» в Великом Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 290—294.

[20] *Новикова О. Л.* Рукописные книги Сыркова монастыря // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 160, 164. Рис. 1—3.

[21] ОР РНБ. Солов. 431/451. Л. 238.

[22] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. С. 7—8, 64—65.

[23] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2000. С. 96–97.

[24] *Хорошкевич А. Л.* Источники по истории полного холопства конца XV — начала XVI в. // Советские архивы. 1974. № 4. С. 83—84.

переведенных купцов повлияла и неблагоприятная эпидемиологическая обстановка. Активный товарообмен со странами Балтии сопровождался распространением с запада чумы. Во время эпидемии 1521—1522 гг., как отметил псковский летописец, скончались «мужи и жены, старыя и младыя, а от гостеи и от лутчих людеи без мала все не изомроша, а москвичам то бысть посещение божие моровое не обычно»[25].

Богатым горожанам, которых псковский летописец называл «большими людьми», приходилось при помощи даров добиваться расположения к себе царских наместников. Гости явно входили в число богачей, чьи дворы грабили во время пожара 1550 г. «меньшие люди» Пскова[26]. В 1555 г. десять семей псковичей, оказавшихся в опале, Иван IV велел переселить в Казань. Русское торгово-ремесленное население Казани пополнялось также за счет принудительных переводов туда людей из других городов.

Купцы, переселенные в Псков, также занимались каменным строительством. Как сообщается в Псковской 1-й летописи, в 1527 г. «гости приведеныя» поставили на площади церковь каменную святого Варлаама, которая из-за небрежности строителей вскоре разрушилась. В 1546 г. Яким Переславец построил храм Св. Стефана в монастыре над рекой Великой; тогда же благодаря гостям Богдану Ковырину, Григорию Титову и мыльнику Кириллу на старинном кладбище появилась церковь Свв. Жен-Мироносиц. Не обошлось без денежной поддержки гостей и при возведении деревянного обетного храма преподобного Варлаама Хутынского во время эпидемии чумы («мора») 1521—1522 гг.[27]

Политика выводов гостей не могла временно не нарушить торговых связей крупнейших центров Северо-Западной Руси с их традиционными контрагентами на Западе. Она ослабила новгородское и псковское купечество как влиятельную политическую силу, нарушила преемственность семейных торговых капиталов.

Еще одна переселенческая акция произошла после присоединения к Москве Смоленска в 1514 г., когда Василий III перевел в столицу России целую группу смоленских купцов, освободив их от уплаты таможенных пошлин. В грамоте Ивана IV в Дмитров (1549) фигурируют «сведенцы смоляне, паны московские, Тиша Смывалов, да Федко Кадигробов с товарыщи, и бараши, и огородники», которые, ссылаясь на льготы, уклонялись от уплаты таможенных пошлин и «явки» дмитровским и кимрским таможенникам[28]. Второй вывод в Москву смоленских торговцев пришелся на середину 1520-х гг. М. М. Кром выдвинул предположение о том, что в 1514 г. московские власти переселили из Смоленска в Москву только служилых людей (дворян) и лишь второй вывод 1524—1525 гг. охватывал купцов (мещан)[29]. В ящике № 69 Царского архива XVI в. хранились «списки смолянские, братья Якова Дмитреева и смольнян на Москву». Там же находилась «грамота жиловальная великого князя Василья, а как пожаловал мещан смоленских»[30]. И хотя царь отменил данные им тарханные грамоты, социально-имущественное положение выходцев из Смоленска и их потомков продолжало оставаться весьма прочным. Смоляне участвовали в Земском соборе 1566 г., кое-кто из них (А. И. Юдин, С. И. Котов,

[25] Псковские летописи. Вып. 1. С. 102.

[26] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 229, 232.

[27] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 102, 104, 112; *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. С. 18—21, 25, 72—73, 121—124.

[28] ААЭ. Т. 1. № 223. С. 213.

[29] *Кром М. М.* Между Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-ливонских отношений конца XV — первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 255—256.

[30] Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 26.

Твердиковы) получил к концу XVI в. чин гостя[31].

Экономический подъем середины XVI в. сменился в конце правления Ивана IV хозяйственным кризисом, вызванным и опричниной, и затянувшейся Ливонской войной, и неурожаями, и эпидемиями, и набегами крымских татар. По свидетельству английского коммерсанта и дипломата Джерома Горсея, в 1571 г. Москва очень сильно пострадала от набега крымских татар и пожара, и царь «послал собрать зажиточных купцов, ремесленников и торговцев со всех городов и мест своего государства, чтобы отстроить и заселить столицу и перенести в нее оживленную торговлю; для этого он отменил все налоги, ввел беспошлинную торговлю»[32]. Немец-опричник Генрих Штаден также отмечал, что в Москве тогда оказались «только торговые люди, набранные из других городов»[33]. Балахна, Белоозеро, Великие Луки, Владимир, Вологда, Вязьма, Каргополь, Коломна, Можайск, Муром, Новгород, Переславль-Залесский, Псков, Смоленск, Соликамск, Суздаль, Старица, Тверь, Торжок, Устюг, Ярославль представляют далеко не полный перечень тех торговых центров России, откуда купечество в принудительном порядке переселялось в Москву в конце 1560—1570-х гг.[34]

Массовые переводы купцов в Москву начались еще в 1569 г. и коснулись в первую очередь Новгорода, Пскова, Переславля-Залесского. Из Новгорода в столицу России переселили 150 купеческих семей. Вскоре последовали жестокие репрессии против новгородских гостей. Во время опричного разгрома Новгорода в январе 1570 г. лишились жизни представители самых богатых и влиятельных купеческих семей — Корюковых, Сырковых, Таракановых, Ямских. Их дворы и торговые помещения были разграблены опричниками, а сельские земельные владения конфискованы. Казни гостей имели место и в Москве. Еще один вывод купцов из Новгорода был осуществлен в 1571 г. Такие репрессивные меры нанесли немалый ущерб торговле и купечеству[35].

Описание Торговой стороны Великого Новгорода в писцовой книге Л. И. Аксакова (1582—1583) начинается с перечня бывших дворов и дворовых мест «гостей московских сведенцов и купцов и торговых людей московских и иных розных городов сведенцов». Их теперь занимали другие «гости и всякие приказные люди и черные торговые люди»[36]. Смена дворовладельцев коснулась и Софийской стороны, где, например, двор «гостиные сохи», принадлежавший ранее Семену Нагому, занял переселенный из Москвы ремесленник Григорий Лаврентьев, который считался «прожитком лутчей человек»[37]. Новгородские сурожане лишились прежних привилегий: «А что была у сурожан государева жалованная грамота в проездах и о всяких государевых пошлинах, и государь тое грамоты отставил, а велел у сурожан имати все свои пошлины по старине», — говорится в Новгородской таможенной грамоте 1571 г.[38] К середине 1580-х гг.

---

[31] *Голикова Н. Б.* Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI в. // Архив русской истории. Вып. 6. М., 1995. С. 35—38; *Перхавко В. Б.* Средневековое русское купечество. С. 160, 179.

[32] *Горсей Дж.* Записки о России: XVI — начало XVII в. С. 59.

[33] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 67.

[34] *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве конца XV — начала XVII вв. // История СССР. 1977. № 5. С. 153—156; *Перхавко В. Б.* Средневековое русское купечество. С. 163—165, 411—440.

[35] *Варенцов В. А.* Московские гости в Новгороде. С. 40; *Он же.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. С. 34—42.

[36] *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 217.

[37] Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001. С. 113.

[38] ААЭ. Т. 1. С. 325.

в Новгороде насчитывалось только 13 суро-жан[39]. В результате принудительных переселений в Муроме из восьми гостиных дворов, описанных в 1566 г., к 1573 г. осталось только два, в городе запустела треть торговых помещений[40].

В источниках XVI в. терминологически выделяются те гости и представители посадского населения (в том числе торговцы), которых власти в принудительном порядке переселили из одного города в другой. Они фигурируют под названиями «веденцы», «переведенцы», «приведенцы», «сведенцы», «сведеные гости» в зависимости от контекста[41]. В городе, куда переселили торговцев, они чаще всего именуются «сведенцами» или «веденцами» (балахонскими, московскими, муромскими, смоленскими, устюжскими и др.), а в том месте, откуда их выселили, — «переведенцами». В отличие от них добровольно переселившиеся посадские люди именовались «новоприходцами». Кроме того, по отношению к торговым людям из провинциальных городов России, переведенным в столицу, применялся также термин «жильцы». Между 1571 и 1575 гг. царь Иван IV «свел к Москве в жильцы» богатого двинского солепромышленника Федора Банева. Проживание в столице России стало наследственной обязанностью торгово-предпринимательской семьи Баневых[42].

Насильственные переселения и прочие репрессивные меры в совокупности с мелочной регламентацией торгово-экономической деятельности в конечном счете сказались на формировании у средневековых русских купцов-предпринимателей психологии социальной неустойчивости и зависимости от государства, недоверия к нему. Принудительные «своды» и «выводы» весьма существенно отличаются от добровольных миграций купцов. Последние были связаны обычно с поисками более выгодных условий жизни и торговли, новых рынков, с расширением масштабов экономической деятельности, когда торговый человек сам являлся хозяином своей судьбы. В случае принудительного перемещения он был вынужден против своей воли подчиняться жестким предписаниям властей и все тяготы и негативные последствия относить на их счет. Ставшие обыденными экономическое принуждение, насилие над личностью не прошли бесследно, наложив отпечаток на многие поколения купечества, характер и стиль поведения которого формировались в России в обстановке, далекой от духа свободного предпринимательства. Чтобы поставить себе на службу купечество, власти провели в XVI в. реорганизацию его структуры, начав с самой богатой и влиятельной группы — гостей.

Гостиный чин. Со второй четверти XVI в. термин «гость» приобретает новое значение. Официально именоваться гостем отныне мог лишь тот купец, которому был пожалован гостиный чин. Чин гостя с середины века становится личным и не передается по наследству. Правовое обособление новых чиновных гостей от остального торгового люда впервые отражено в Судебнике 1550 г., но на самом деле эта самая привилегированная купеческая корпорация России возникла раньше — в конце правления Василия III либо во второй половине 1530-х гг.[43] Обычно власти жаловали чи-

[39] *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. С. 143.

[40] *Кучкин В. А.* Материалы для истории русского города XVI в.: (Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 298, 308—309.

[41] См. подробнее о них: *Перхавко В. Б.* Средневековое русское купечество. С. 159—169.

[42] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 209.

[43] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 23—25; *Кистерев С. Н.* К ранней истории Гостиной сотни // Вестник «Альянс-Археo» (Электронный журнал). 2016. № 15. С. 3—10. URL: http://aarheo.ru/shop/vypusk-15/

ном гостя конкретного купца за различного рода услуги, оказанные государству: сбыт за рубежом казенных товаров и закупку ремесленных изделий, сырья, продуктов для нужд казны, организацию по поручению властей монетной чеканки, таможенной и кабацкой службы, управление казенными промыслами и т. д. Гость Алексей Хозников играл в 1533 г. важную роль в управлении Москвой. Богатый московский купец Хозяин Тютин стал при Иване IV царским казначеем. Гости заведовали денежными дворами Новгорода (Богдан Корюков) и Пскова (Михаил Дедков). Московским купцам Юрию Глазову и Алексею Алексеевичу Хозникову власти доверяли возглавлять таможню Нижнего Новгорода, выходцу из Устюга Михаилу Фалелееву — Казанскую таможню. Псковский гость Степан Иголкин был в 1593/94 г. таможенным головой Новгорода Великого[44]. Таможенными делами и торговлей занимался также государев дьяк Анфим Сильвестров, сын священника Сильвестра, который не был гостем[45].

Гостиные дворы выделялись при налогообложении до 70-х гг. XVI в.[46] Согласно описанию Коломны 1577—1578 гг., там имелись дворы гостей Никифора и Ивана Петровых (Юрьевых), Степана Сухобокова[47]. Однако, по мнению Н. Б. Голиковой, к новым «указным» («чиновным») гостям, появившимся в середине 1530-х гг., в период регентства Е. И. Глинской, нельзя относить всех владельцев так называемых гостиных дворов ряда провинциальных городов России (Казани, Мурома, Новгорода Великого и др.), облагавшихся налогом в размере двух золотых монет[48]. Частные городские дворы гостей следует отличать от именующихся точно так же в источниках государевых гостиных дворов, предназначенных для остановки приезжих торговцев и распродажи товаров. Содержатели таких гостиных дворов платили «дворовую пошлину».

Вопрос о соотношении «старых» («безуказных») гостей и «новых» («указных», «чиновных») гостей нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. В переходный период, в течение нескольких десятилетий правления Ивана IV, они явно сосуществовали, порождая определенную терминологическую путаницу. В летописях (Воскресенской, Никоновской, Новгородской 4-й) при описании событий первой половины XVI в. потомки переселенных из Москвы сурожан именуются «московскими гостями», наряду с которыми упоминаются и «новгородские гости»[49]. Как в дипломатических, так и в летописных материалах первой трети XVI в. нередко встречается словосочетание «гости великого князя»[50]. Оно применялось по отношению ко всем купцам из Руси, занимавшимся внешней торговлей. «Гостями» называли также иностранных торговцев. Среди свидетелей оформления данной грамоты от 10 марта 1558 г. перечислены владимирские гости «Иван

---

[44] *Голикова Н. Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в.: Из научного наследия. М.; СПб., 2012. С. 156—158.

[45] *Перхавко В. Б.* Семья священника Сильвестра // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 46—61.

[46] *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве конца XV — начала XVII в. С. 149—150, 154.

[47] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. С. 32, 54.

[48] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 24.

[49] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 540—542; Т. 13. М., 2000. С. 64.

[50] ПСРЛ. Т. 13. С. 37.

Васильев сын Юрьева, да Борис Онтоньев сын Хомяков, да Парфеней Иванов сын Бородин»[51]. В статейном списке российского посольства в Данию в 1562—1563 гг. новгородец Василий Прохнов именуется то гостем, то купцом[52]. В этой связи остается только гадать, кто из русских купцов середины XVI в., именующихся гостями, имел такое звание, а кто им не обладал.

В жалованной грамоте царя Алексея Михайловича гостям и Гостиной сотне (1647) содержатся ссылки на более ранние царские пожалования, начиная с эпохи Ивана IV, когда Гостиная сотня еще не отделилась от гостей. Содержание этого документа позволяет реконструировать правовое положение самой привилегированной группы русского купечества XVI в. В фискальном отношении гости были отделены от черносотенного посадского населения и пользовались разного рода льготами. Судебные иски против них разбирались не на местах воеводами, а в центральном правительственном учреждении — Казне либо даже самим царем. Гости освобождались от личного крестного целования, постойной и подводной повинности, от уплаты проезжих пошлин (мостовщины и мыта). Им дозволялось свободно топить избы и бани, держать у себя алкогольные напитки.

В правовом отношении гости были обособлены от остальной части посадского населения. Согласно Судебнику 1550 г., штраф за «бесчестье» полагался «торговым гостем болшим пятдесят рублев, а женам их вдвое против их бесчестиа; а торговым людем и посадским людем и всем середним бесчестиа пять рублев»[53]. За оскорбление гостя Алексея Сыркова, занимавшего должность большого старосты и контролировавшего отпуск «вина» (водки) в питейных заведениях Новгорода, виновный должен был уплатить в 1556 г. штраф в 50 руб., который соответствовал жалованью истца[54].

Незадолго до середины XVI в. в соответствии с имущественным положением власти разделили русских купцов, торговавших с другими городами и странами, на три группы: 1) «большие» гости, 2) «середние» гости, 3) «меньшие» гости. В Судебнике 1550 г. по какой-то причине эта градация отразилась лишь частично. Но она явно сохранялась до появления и укрепления двух других привилегированных торговых корпораций — Гостиной сотни и Суконной сотни. В Судебнике 1589 г., предназначавшемся для черносошного населения северных уездов России, за оскорбление «большего» гостя полагался штраф 50 руб., «середнего» — 20 руб., «меньшего» — 12 руб., торгового посадского человека — 5 руб.[55] В конце XVI в. отдельных представителей второй группы гостей могли приписать к Гостиной сотне, а представителей третьей группы — к Суконной сотне.

Дворы гостей освобождались от постойной и ряда других повинностей, в том числе от посадского тягла. Как и прочим торговцам, гостям предоставлялись в Москве каменные лавки, но за это требовалось внести деньги в государеву казну. Купцам, зачисленным в состав гостей, выдавались от имени царя персональные жалованные грамоты. Но наряду с привилегиями они имели и довольно широкий круг государственных обязанностей, подчас весьма обременительных: сбор и раскладку прямых налогов с посадского населения, внесение из личных средств чрезвычайных сборов в казну, продажу казенных товаров (например, оценку и сбыт пушнины) и др. С каж-

[51] *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 5: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалю, Юрьев-Польскому и Вологде. М., 2002. С. 17.

[52] *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М., 2002. С. 544—545.

[53] Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 2. С. 101.

[54] ДАИ. Т. 1. № 103. С. 152.

[55] Памятники русского права. Вып. 4. С. 419.

дого из восьми гостиных дворов Мурома в 1566 г. следовало вносить в казну по две золотые монеты; такая же норма подворного налогообложения гостей существовала и в Пскове[56]. Коломенские гости Иван и Никифор Юрьевы пользовались в конце 1570-х гг. десятком торговых помещений, в которых сидели их приказчики[57]. Гости могли владеть вотчинами и поместьями, игравшими подсобную роль в их хозяйстве[58]. На них трудились и крестьяне, и холопы.

Н. Б. Голиковой, не считавшей правомерным «проводить прямые параллели между гостями-сурожанами и суконниками и членами официально образованной новой сословной привилегированной корпорации гостей», удалось выявить около 70 крупных русских купцов, получивших в XVI в. чин (звание) гостя, однако самые ранние жалованные грамоты до нас не дошли[59]. Среди первых чиновных гостей были и потомки самых богатых московских сурожан, переселенных властями еще в конце XV в. в Новгород Великий (Корюковы, Сырковы, Тарокановы, Ямские), и другие видные представители купеческого мира Москвы и провинциальных городов. Впрочем, среди сурожан наряду с зажиточными коммерсантами попадались также люди со средним и даже небольшим оборотным торговым капиталом, потомки которых могли быть причислены с середины XVI в. к гостям лишь в случае собственного экономического возвышения[60]. Единовременная численность гостей в Москве была небольшой: на Земском соборе 1566 г. их насчитывалось 12 человек, а на Земском соборе 1598 г. — 21 человек[61]. Не менее десятка гостей проживали в других крупных торговых центрах России (прежде всего в Новгороде и Пскове). Крупные купцы, выступая в роли организаторов товарообмена и нанимая приказчиков, имели возможность выполнять административно-финансовые обязанности, хотя они и носили подчас обременительный характер.

К концу XVI в. в силу объективных и субъективных причин, связанных прежде всего с политикой государства, исчезли либо утратили свои позиции многие семьи именитых гостей. Их место заняли новые люди, добившиеся деловых успехов на поприще торговли и со временем получившие чин гостя. В Пскове выделились купеческие роды Иголкиных, Хозиных. По свидетельству писцовой книги Пскова 1585—1587 гг., Иван Юрьевич Иголкин торговал в своих лавках в Сурожском ряду главным образом сукном и шелком[62]. Амбар и несколько торговых помещений находились во владении «Алексея Семенова сына Хози», представителя купеческого рода Хозиных, проживавшего в Запсковье[63]. За рекой Великой располагались оброчные пожни, которыми пользовались не только купеческие старосты, но и другие купцы[64].

Самые ранние из сохранившихся царских грамот о пожаловании «гостиным именем» датируются 1598 г. Они даны нов-

[56] ДАИ. Т. 1. № 224; *Кучкин В. А.* Материалы для истории русского города XVI в.: (Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.). С. 298.

[57] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. С. 40—52.

[58] *Голикова Н. Б.* Формы землевладения и землепользования гостей и гостиной сотни в конце XVI — XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России: К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М., 1994. С. 24—30.

[59] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 23—58.

[60] См.: *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. С. 78—79.

[61] *Мордовина С. П.* К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 127—141.

[62] Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. Кн. 1. М., 1913. С. 17.

[63] Там же. С. 18—19, 22, 28.

[64] Там же. С. 4.

городским купцам Ивану Соскову и Григорию Минину. В жалованной грамоте на имя Соскова говорилось: «велели ему быти в гостех, и на дворе его стоялщиком никаким не ставитися, опричь наших походов, и всякое питье велели ему держати безъявочно и безвыимочно, про себя, а не на продажу; а в которые городы Иван поедет, или его дети, или племянники, с его товары, и в тех городах наши наместники и воеводы и приказные люди их не судят ни в чем, а судим мы великий государь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец, и сын наш царевич князь Федор, или кому повелим судити»[65].

Гости, будучи самой привилегированной группой русского купечества, стояли на чиновной лестнице на одну ступень ниже государевых дьяков. В официальных документах гостей, в отличие от думных чинов и служилых людей «по отечеству», как правило, не именовали по отчеству (на *-ич*).

Положение высшей купеческой корпорации отличалось двойственным характером. Занятие торгово-предпринимательской деятельностью сближало гостей с остальной массой людей «купецкого чина». Их общие интересы заключались прежде всего в ослаблении диктата и мелочной регламентации властей. Вместе с тем гости, заинтересованные в успешном выполнении возложенных на них властями обязанностей, нередко злоупотребляли своим положением, чем вызывали недовольство и даже ненависть рядовых посадских жителей. Последние страдали от произвола сборщиков государевых пошлин, в числе которых были и гости, которые, будучи чиновниками, одновременно занимались собственными коммерческими делами. В отличие от рядовых (черных) посадских людей, зажиточные купцы явно не участвовали в московском восстании конца июня 1547 г. Но порой и купеческая верхушка включалась в социально-политическую борьбу. Московский «большой гость» Федор Ногай (Голуб) стоял во главе торговых людей, выступавших на стороне Шуйских, которые пытались в 1586 г. отстранить от власти Б. Ф. Годунова[66].

Гости, будучи служилыми людьми по финансово-экономической части, не получали из казны денежного жалованья, отвечая своим имуществом за выполнение казенных обязанностей и довольствуясь государевыми подарками за прибыль казне[67]. Находясь на службе, они приобретали влияние и ценные связи в царской администрации. Но на их плечах лежали заботы о сохранении высокого имущественного уровня семьи. Царивший в купеческой среде предпринимательский дух и ощущение социально-материальной неустойчивости не позволяли гостям останавливаться на достигнутом благополучии. Оборотный капитал гостей значительно превышал средства, находившиеся в распоряжении рядовых торговцев. Например, долг английского коммерсанта А. Марша гостю Афанасию Юдину достигал 6500 руб.[68]

Гости наряду со служилыми людьми «по отечеству», согласно указу 1573 г., могли приобретать себе вотчины из порозжих земель[69]. Привилегированное купечество могло закладывать свои земельные владения под денежные кредиты. Приобретение сравнительно небольших земельных владений было для них одним из способов сохранения части капитала. Гости владели полными (крепостными) и кабальными хо-

[65] ДАИ. Т. 1. № 147.

[66] *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 214—216.

[67] *Салмин С. А.* «Гости» в социальной системе древнерусского государства: государственные служащие? // Stratum plus. 2015. № 6. С. 43—52.

[68] Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера // Вестник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 8. М., 1850. С. 70.

[69] Памятники русского права. Вып. 4. С. 461—462.

лопами[70]. В сельских усадьбах гостей обитали их крестьяне и дворовые люди, правда, в гораздо меньшем числе, чем у служилых людей «по отечеству». Гостям приходилось отвечать своими капиталами перед государевой казной за несобранные в полном объеме платежи в любом случае, что иногда приводило к их разорению. При перечислении разных категорий торговцев в актовых материалах и летописях гости всегда стоят на первом месте. В Земском соборе 1566 г. наряду с представителями других социальных групп участвовали также «гости и купци и все торговые люди»[71].

В Кремле купцы получали ответственные поручения, связанные с их поездками в дальние страны. В начале 1557 г. в Царьград отбыл купец из Вязьмы Матвей Волков, отвечавший перед царской казной за доставку дорогой пушнины[72]. В 1567 г. из Москвы направили с казенными товарами в Антверпен «гостя Ивана Офонасьева да купца Тимофея Смывалова», в Англию — купцов Степана Твердикова и Федота Погорелого, в Персию — Дмитрия Ивашева и Федора Першина. А купцы Афанасий Глядов и Иван Котков поехали с царской милостыней в Царьград и на Афон[73]. Московского гостя Алексея Алексеевича Хозникова в правление Ивана IV дважды посылали с ответственными поручениями в Персию[74]. Новгородские гости Иван Лукин и Василий Прохнов в 1562—1563 гг. занимались обустройством русского купеческого двора в Копенгагене, «царя и великого князя гостем и купцом, на приезд»[75]. С таким же поручением Прохнов побывал и на шведском острове Готланде. Псковский гость Юрий Иголкин в 1599 г. вел переговоры о переходе рижан в русское подданство.

Хотя обычно браки заключались в родной купеческой среде, для XVI в. имеются свидетельства и о брачных связях гостей с феодальной аристократией: 1529 годом датируется рядная запись о женитьбе дворянина Михаила Васильевича Приклонского на купеческой дочери Ирине Алексеевне Лукиной, происходившей из московской семьи гостей-сурожан[76]. Кое-кому из богатых гостей (к примеру, Хозникову и Ковырину) удавалось выдать замуж своих дочерей даже за князей, и рядом с этими женскими именами в поминальных записях купеческих родов синодиков XVI—XVII вв. указывается слово «княгиня». Монашеское имя Евпраксия носила княгиня из рода Алексея Хозникова, несколько мужских и женских княжеских имен из семьи Ковыриных поминались с XVI в. в Успенском соборе Московского Кремля[77]. Елена Тараканова, вдова московского гостя из Новгорода Ильи Тараканова, находилась в ближайшем окружении правительницы Е. И. Глинской[78].

Купеческая верхушка отличалась от рядового посадского населения и по бытовым условиям. В усадьбе тверского купца Г. А. Тушинского, переведенного около

---

[70] Памятники русского права. Вып. 4. С. 371, 375.

[71] ПСРЛ. Т. 13. С. 402.

[72] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 90—90 об., 107; Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. С. 390, 393.

[73] ПСРЛ. Т. 13. С. 407—408.

[74] *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 98, 106; *Голикова Н. Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в.: Из научного наследия. С. 106—107.

[75] *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. С. 544—545.

[76] Памятники русского права. Вып. 4. С. 66—67.

[77] ОР ГИМ. Усп. 66. Л. 269 (синодик конца XVI в. Успенского собора Московского Кремля); Син. 1172. Л. 27 об. (синодик XVII в. Иоанно-Златоустовского монастыря Москвы); ОР Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. КП. 3945 № 1. Л. 32 об. (синодик XVII в. Иоанно-Златоустовского монастыря Москвы).

[78] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 578—579.

1571 г. в Москву, находились «горница да повалуша с сеньми, погреб каменной, поварня, мыльняя и с котлом мыльным, и со всей порядней мыльною, две избы промеж ими, 2 поварни мыльных». Ему принадлежали два соляных амбара у гостиного двора Твери[79]. Усадьба богатого псковского купца И. Преподобова, пожалованная в 1579 г. Кирилло-Белозерскому монастырю, состояла из двух изб, амбара, сенника, а также каменной палаты с погребом и тремя железными дверями; в саду росли сто яблоневых деревьев[80]. Каменная палата стояла и на дворе новгородского гостя Андрея Тараканова. Горница, сени, а иногда и амбары в купеческих усадьбах ставились на подклете. Зажиточный человек из торговой среды предпочитал ходить в собственную баню (мыльню). В пригородах новгородские и псковские купцы пользовались покосами, необходимыми для содержания лошадей и прочего домашнего скота. За деревней Меньшие Атары под Казанью, по свидетельству писцовой книги 1565—1568 гг., луга косили «казанские гости сведенцы розных городов»[81]. Выполняя ответственные поручения властей, гости нуждались в надежных и опытных помощниках. Их набирали из числа членов Гостиной сотни.

Гостиная сотня. Торговые люди Гостиной сотни, также пользовавшиеся различного рода льготами, оформлявшимися как общими корпоративными, так и персональными жалованными грамотами, занимали второе место в социальной иерархии российского купечества конца XVI в. Возникновение Гостиной сотни датируется по-разному: 1520-е — начало 1530-х гг. (С. Н. Кистерев), 1570-е гг. (Н. Б. Голикова, Б. Н. Флоря)[82]; 1585/86 годом датирована купчая грамота, согласно которой «Дмитрей Леонтьев сын Воропаева торговой человек Гостиные сотни» продал Соловецкому монастырю часть своего двора в Москве и заложил за 5 руб. всю усадьбу[83]. Очевидно, в Гостиную сотню записывали средних по имущественному положению посадских торговцев.

Подобно гостям, торговые люди Гостиной сотни освобождались от уплаты проезжих сборов (мыта, мостовщины), посадского тягла, подводной повинности, постоев и были подсудны только центральным властям в лице Казны (Казенного двора). Для торговых поездок за границу им требовалось получать от правительства специальные разрешения. В отличие от гостей члены Гостиной сотни назывались «торговыми людьми». В 1588 г. власти отпустили торговать в Литву московских купцов Андрея и Петра Улановых, которые в челобитной на имя царя Федора Иоанновича именовали себя как «торговые людишка гостиные сотни»[84]. В новгородских купчих грамотах 1591 г. упоминаются три торговца Гостиной сотни. Одному из них (Ивану Семенову) принадлежала каменная лавка в Большом

---

[79] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 233.

[80] ДАИ. Т. 1. № 244. С. 390—391.

[81] Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. 53.

[82] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 216—222; *Она же.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. С. 158; *Вдовина Л. Н., Козлова Н. В., Милов Л. В., Флоря Б. Н.* История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2006. С. 406—407; *Кистерев С. Н.* К ранней истории Гостиной сотни.

[83] *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Т. 2. М., 1891. Стб. 610—611.

[84] Русско-белорусские связи: Сборник документов: (1570—1667). Минск, 1963. № 18—19. С. 21—23.

ряду Новгорода, проданная за 10 руб.[85] Староста Гостиной сотни Сильвестр Ананьин участвовал в Земском соборе 1598 г.[86] В момент создания Гостиная сотня, судя по названию, насчитывала не менее ста человек. Как предположила Н. Б. Голикова, к концу XVI в. в ней уже насчитывалось до 300 человек, т. е. в десять раз больше, чем гостей. Дополнительные государственные обязанности, порой отвлекавшие от собственных дел, приводили к росту задолженности и даже разорению ряда торговых людей Гостиной сотни Москвы. В результате из нее в 1601/02 г. вывели 56 человек, среди которых были как торговцы, так и ремесленники (портные, сапожники, скорняки и др.)[87]. В Гостиную сотню XVI в. в Москве первоначально зачисляли представителей черносотенного посадского населения, существенно отличавшихся своим имущественным положением от гостей. Третьей по значимости служилой торговой корпорацией являлась Суконная сотня.

Суконная сотня. Точное время появления Суконной сотни установить невозможно, но ее староста Т. Г. Касаткин (наряду с гостями и старостой Гостиной сотни) участвовал в Земском соборе 1598 г.[88] Она возникла, скорее всего, одновременно с Гостиной сотней в 1570-е гг. До учреждения Суконной сотни в Москве, Калуге, Коломне существовали «суконничьи» дворы. В Коломне в 1577—1578 гг. насчитывалось восемь «суконничьих» осадных дворов и три места, но их уже занимали не суконники, а другие торговцы и ремесленники[89].

В одном из документов середины XVI в., включенном в копийную книгу Троице-Сергиева монастыря XVII в., назван «староста суконничих дворов»[90]. Согласно летописному сообщению о московском пожаре 1547 г., когда «лавки все гостины и суконничи и всех торговых людей погореша», среди торговцев столицы России выделялись гости и суконники[91]. Суконники, очевидно, торговали сукном в суконных рядах, известных с XVI в. в Москве и других городах России[92]. Между суконниками и торговыми людьми Суконной сотни существует определенная генетическая связь. Однако нет свидетельств о том, что члены Суконной сотни специализировались на торговле сукном. Посему их нельзя однозначно отождествлять с суконниками, суконщиками, торговцами суконных рядов и владельцами «суконничьих» дворов XVI в., как это делает С. Н. Кистерев, считающий на основании упоминания этих категорий торговых людей, что Суконная сотня (подобно Гостиной сотне) возникла еще во второй четверти XVI в.[93]

В 1600/01 г. «московский жилец суконные сотни торговой человек Третьяк Герасимов сын Косаткин» сделал вклад в

---

[85] Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов. С. 186—187, 192.

[86] Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: Сборник документов. Т. 1 / Сост. Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М., 2004. С. 19.

[87] *Соловьева Т. Б., Володихин Д. М.* Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века. М., 1996. С. 87—89.

[88] Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 19.

[89] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. С. 25—27, 29, 31—32.

[90] ОР РГБ. Ф. 303/I. № 530. Л. 29.

[91] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 29 (свидетельство Постниковского летописца).

[92] История Москвы. Т. 2. М., 1952. С. 157—158; *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. С. 183.

[93] *Кистерев С. Н.* Структура гостиной сотни во второй половине XVI — первой половине XVII века // Очерки феодальной России. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 242—251; *Он же.* К ранней истории Гостиной сотни. С. 4—8.

Троице-Сергиев монастырь[94]. Поскольку более древняя жалованная грамота сгорела во время Смуты, староста Суконной сотни Данила Чуваев получил 3 июня 1625 г. от имени царя Михаила Федоровича новый документ, в котором, в частности, ее членам даровалось «с черными сотнями никаких дел не делать, и питье про себя держать безвыимочно, и стояльщиков во дворех не ставить, и избы им топить вольно, и подвод у них по ямом и на дороге не имать; и на реках перевозу и на мостех мостовщины и проезжего мыта не имать; а кто их чем обесчестит, а по суду доищутца, и лутчим людем безчестья по пятинадцати рублев, середним по десяти рублев, молотчим по пяти рублев»[95]. Малоимущие члены Суконной сотни по размерам штрафа за «бесчестье» приравнивались к рядовым тяглецам черных слобод и сотен, честь лучших и средних жителей которых оценивалась даже чуть выше — соответственно в 7 и 6 руб.

В отличие от гостей и членов Гостиной сотни, торговым людям Суконной сотни, в которую вошло немало ремесленников (сапожников, шапочников и др.), не разрешалось в любое время пользоваться домашними банями («топить мыльни»).

Вместе с тем внутри этих трех купеческих объединений существовала значительная имущественная дифференциация. Основная масса участников рыночного обмена в городах была представлена посадскими людьми, среди которых преобладали ремесленники-торговцы. Представляется не вполне корректным безоговорочно причислять в социальном отношении к посадскому люду представителей привилегированных купеческих корпораций (особенно гостей), в правовом отношении возвышавшихся над ним, отличавшихся и по имущественному положению, и по условиям жизни[96]. Такое трехчленное деление торгово-ремесленного населения характерно и для конца XVI в. Соборное определение 1598 г. об избрании царем Б. Ф. Годунова составлено от имени различных социальных слоев, в том числе «и гостей, и торговых людей, и черных людей»[97]. Гостей, членов Гостиной и Суконной сотен, возвышавшихся над рядовым черносотенным населением, связывало с посадскими людьми лишь происхождение и общность занятий (торговля).

В 1566 г. 75 представителей верхушки купечества впервые привлекли к участию в работе Земского собора, обсуждавшего вопрос о продолжении Ливонской войны. В их числе находились 12 гостей (Юрий Глазев, Иван Котков, Булгак Саванин, Григорий Тараканов, Алексей Хозников, Прокофий Цвиленов и др.), 41 человек «москвичей торговых людей» (Иван Дружко, Степан Зимин, Петр и Лука Пилюгины, Богдан Прощелыкин и др.) и 22 смолянина (Тимофей Смывалов, Игнатий Твердиков, Родион Тулупов, Афанасий Юдин и др.)[98]. Кое-кто из них, например А. Юдин (уже в качестве гостя), присутствовал и на Земском соборе 1598 г.[99]

Избранный в 1598 г. царем Борис Годунов стал проводить покровительственную политику по отношению к иностранным купцам, проживавшим в России. В 1599 г. царским указом была сформирована особая группа иноземного купечества в России,

---

[94] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 224.

[95] *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Т. 2. Стб. 1105—1106.

[96] См., например: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 6: Специальные курсы / Под ред. В. Л. Янина. М., 1990. С. 123.

[97] Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т. 3. С. 37.

[98] СГГД. Ч. 1. № 192. С. 553—554.

[99] ААЭ. Т. 2. № 7. С. 45—46, 54—55; Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909. С. 12—15. См. также: *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г. С. 203—210, 214—217; *Floria B.N.* Sklad spoleczny soborów ziemskich w państwe Moskiewskim w XVI wieku // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1974. T. XXXVI. Z. 1. S. 51.

получившая со временем устоявшееся наименование «московские торговые немцы (иноземцы)». В феврале 1599 г. самым доверенным и заслуженным из них — Андрею Витту и Игнатию Поперзаку — были пожалованы первые царские грамоты на беспошлинную торговлю в России чужеземными товарами, свободный пропуск за границу и освобождение их московских дворов от разного рода повинностей[100]. Получив звание московского гостя, А. Витт, происходивший из ливонских немцев и проживавший ранее в Нарве, приобрел немало привилегий (за исключением содержания корчмы на своем дворе), больше даже, чем новгородские гости Г. Минин и И. Сосков. Согласно жалованной грамоте, Игнатию Поперзаку, ливонскому немцу по происхождению, зачисленному в состав Гостиной сотни, царь велел быть «в московских в лутчих в торговых людех», торговать беспошлинно, свободно выезжать за границу. Его двор в Москве освобождался от разного рода повинностей[101].

Остальных купцов-профессионалов в документах (жалованных грамотах, писцовых книгах и др.) все чаще стали именовать торговыми людьми, чтобы отличить их от любых покупателей, также именовавшихся в официальном делопроизводстве (в законодательных материалах, таможенных актах) купцами в сочетании с продавцами.

Строгановы. На особом положении находились представители знаменитой предпринимательской династии Строгановых, выходцев из поморских крестьян, хотя лишь Аника Федорович Строганов (1497—1569), заложивший основы ее экономического могущества, упоминается в источниках XVI в. как гость[102]. Восемнадцатилетним юношей он обзавелся самостоятельным делом — соляной варницей в Соли Вычегодской и свыше пятидесяти лет целенаправленно расширял его, скупая владения других солеваров, занимаясь железоделательным и кузнечным промыслами для производства дорогостоящего солеваренного оборудования, сбытом пушнины и хлеба. А. Ф. Строганов, ставший в 1550-х гг. уездным земским старостой, выполнял также важные казенные поручения. В 1566 г. его владения были даже взяты в опричнину.

Строгановы занимались сбором, доставкой и продажей царского оброчного хлеба, приобретением дорогой пушнины (соболя) для казны, контролем за деятельностью английских купцов. Их хозяйство носило многоотраслевой характер, но основу его составлял соляной промысел. Размах соляных промыслов Строгановых не может не поражать: только в Сольвычегодске они вываривали в XVI в. до 400 тыс. пудов соли в год. Погоня за барышами заставляла их приобретать и строить варницы не только в ближних, но и в удаленных от родового гнезда местах — в Тотьме, в Пермском крае, Коле на Мурмане.

Строгановым принадлежали дворы и амбары не только в Сольвычегодске, но и в других городах России (Москве, Вологде, Казани, Калуге, Коломне и др.)[103]. Путем покупки и по закладным кабалам, давая деньги в кредит под заклад недвижимого имущества, они приобрели десятки деревень и промысловых угодий в Усольском и Устюжском уездах. В ряде своих владений Строгановы пользовались судебным иммунитетом. Они внесли огромный вклад в промысловое освоение земель по рекам Каме и

[100] СГГД. Ч. 2. № 71—72.

[101] Там же. № 71.

[102] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 34—35.

[103] *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. С. 191, 206; Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. С. 55, 246.

Чусовой. Г. А. Строганов в 1558 г. получил от царя Ивана IV право на беспошлинную торговлю, безоброчную добычу соли и ловлю рыбы в течение двадцати лет в бассейне реки Камы, между реками Усть-Лысьва и Чусовая. Центром его владений стал Орел-городок. Я. А. Строганов в 1568 г. устроил на льготных условиях соляные промыслы и поставил укрепленный Нижне-Чусовой городок, а также Сылвенский и Яйвенский (Яйвинский) острожки[104]. В 1572 г. он вместе с братом Григорием организовал военную экспедицию против черемисов (марийцев) и башкир, нападавших на русских торговцев[105]. После усмирения непокорных нерусских народов Западного Урала власти наделили Строгановых новыми пожалованиями, в том числе привилегией добывать железную руду и цветные металлы (медь, олово, свинец).

Наследникам А. Ф. Строганова (сыновьям Якову, Григорию и Семену) достались только в Сольвычегодске десять крупных соляных варниц. Окончательный раздел между ними завершился в 1578 г. В их владении оказались десятки деревень и посадских дворов. Строгановы имели немалую выгоду от торговли хлебом и северной пушниной, в том числе поступавшей из Сибири, в присоединении которой они приняли деятельное участие. Освоение Строгановыми Урала и Зауралья сопровождалось притеснениями местных народов (ханты, манси) и велось при помощи собственных вооруженных отрядов. Действия в 1581—1584 гг. казачьего отряда атамана Ермака Тимофеевича, приглашенного и снаряженного М. Я. и Н. Г. Строгановыми (внуками А. Ф. Строганова), положило начало присоединению Западной Сибири к России. В 1592 г. они выделили в распоряжение властей сотню своих ратных людей.

Строгановы занимались оптовой торговлей, их приказчиков можно было встретить и в Москве, и в Холмогорах, и в Коле (на Мурманском берегу), и в Астрахани, и в Литве, и в Средней Азии[106]. В 1570-х гг. на службе у них находился в качестве торгового агента голландец О. Брюнель, совершивший по поручению своих хозяев ряд поездок в страны Западной Европы.

В строгановских владениях широко использовался труд как зависимых людей, так и наемных работников. В сочинении англичанина Джайлса Флетчера, побывавшего в России в 1588—1589 гг., дана яркая, но вместе с тем преувеличенная характеристика хозяйства братьев Строгановых, капитал которых якобы достигал 300 000 руб.: «У них работали 10 000 человек, занимаясь добыванием соли, перевозом тяжестей на телегах и барках, рубкой леса и т. п., кроме по меньшей мере 5000 душ крестьян, живших в деревнях и обрабатывавших землю их. У них были свои лекари, хирурги, аптекари и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев. Говорят, что царю платили они ежегодно до 23 000 рублей (почему им и дозволено было производить торговлю) и, кроме того, содержали несколько гарнизонов на сибирской границе, близкой к ним»[107]. Конечно, цифровым данным, приведенным Флетчером, нельзя в полной мере доверять. Англичанин явно преувеличил число зависимых людей Строгановых. На самом деле оно не превышало 2000—3000 человек, среди которых были и холопы, и приобретенные пленные[108]. Жесткие методы управления и произвол

[104] *Головчанский А. П., Мельничук А. Ф.* Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005.

[105] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. С. 18—29, 32—45.

[106] *Введенский А. А.* Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924. С. 94; *Он же.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. С. 37.

[107] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 55.

[108] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. С. 39.

Строгановых вызывали протесты рядовых слоев населения, выполнявшего разного рода повинности. Во время вооруженного выступления посадских людей Сольвычегодска в 1586 г. погиб С. А. Строганов[109].

Строгановы внесли значительный вклад в культурное развитие северных уездов России. Ансамбль икон из монументального каменного Благовещенского собора Сольвычегодска, созданный (как и сам храм) на их средства в 1570—1580-х гг., по своему составу во многом напоминает иконы домового храма царской семьи — Благовещенского собора Московского Кремля. В надписи на одной из стен сольвычегодского Благовещенского собора отмечается, как «ставил сей храм своею казною Иоанникий Федоров сын Строганов и его дети: Яков, Григорий и Симеон, и его внучата: Максим Яковлев сын, да Никита Григорьев сын, да Андрей и Петр Семеновы дети Строганова»[110]. Строгановыми было построено также несколько деревянных церквей в своих владениях, а также в Введенском, Спасо-Преображенском Пыскорском монастырях[111]. К концу XVI в. книжные собрания Строгановых насчитывали сотни рукописных и печатных книг, передававшихся по наследству[112]. Они заказывали не только рукописи, но и иконы. На рубеже XVI—XVII вв. зародилась строгановская школа иконописи[113]. С деятельностью женской половины рода Строгановых связаны мастерские лицевого шитья, в которых с конца XVI в. появилось немало незаурядных произведений декоративно-прикладного искусства[114].

Строгановы были самыми богатыми и именитыми, но далеко не единственными крупными предпринимателями-соледобытчиками, происходившими из крестьянской среды. Сохранилось немало интересных материалов о хозяйственной деятельности Амосовых, Кобелевых, Кологривовых, Леньковых, Савиных и других «лучших людей» и «торговых мужиков» двинских актов XVI в.[115]

После создания единого Российского государства власти пошли по пути создания государственных служилых корпораций гостей, Гостиной и Суконной сотен, члены которых наряду с привилегиями выполняли в интересах казны значительный круг обязанностей финансово-экономического характера. Подразделение на эти три ранга (чина) было связано с потребительскими интересами государства, превратившего зажиточных торговцев в своего рода служилых людей. В середине XVI в. процесс становления купеческого сословия в России приостановился. Поэтому не стоит преувеличивать степень общности интересов торгово-ремесленного населения русского города той поры. В правовом и социальном отношении в тот период купечество, состоявшее из нескольких чинов и обладавшее разным статусом, не представляло даже относительно единую группу. В отличие от XII—XV вв., в XVI в. в Москве, Новгороде и других городах России не возводились корпоративные купеческие храмы, которые являлись бы религиозно-общественными центрами торговых корпораций.

---

[109] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. С. 50—51.

[110] *Савваитов П.* Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. СПб., 1886. С. 5—6.

[111] *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. С. 42—43, 49—50.

[112] *Мудрова Н. А.* Библиотека Строгановых (вторая половина XVI — начало XVIII в.). Екатеринбург, 2015.

[113] Иконы Строгановских вотчин XVI—XVII веков. М., 2003.

[114] См.: *Силкин А. В.* Строгановское лицевое шитье. М., 2002.

[115] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 240—280.

Купечество и культура. Именитые московские купцы внесли определенный вклад в каменную застройку столицы России. В 1514 г. по заказу братьев Василия Бобра, Федора Вепря и Юрия Урвихвостова (Урвихвоста), происходивших из богатой семьи гостей-сурожан Антоновых (Онтоновых), итальянский зодчий Алевиз Фрязин построил из кирпича храм Св. Варвары[116]. Федор Вепрь являлся кредитором удельных князей Ивана Борисовича Рузского и Федора Борисовича Волоцкого. Новый каменный храм Св. Афанасия Александрийского возвели в 1518 г. в Московском Кремле гости (братья) Алексей и Юрий Бобынины. Алексей Григорьевич Бобынин владел в Москве добротным двором, на котором останавливался посол турецкого султана Селима. В 1519 г. псковичи, переведенные в Москву, построили Введенскую церковь на Сретенке[117]. Средства гостей и прочих торговцев привлекались при строительстве Китай-города.

Во второй половине XVI в. храмовое строительство велось купцами преимущественно на частной основе. Согласно сохранившейся закладной надписи, каменный храм Живоначальной Троицы (Белой Троицы) в Твери был возведен в 1564 г. купцом Гавриилом Андреевичем Тушинским, впоследствии пожертвовавшим церковь Троице-Сергиеву монастырю. По словам Стефана Гейса (Гизена), члена свиты имперского посла Николая Варкоча, побывавшего в Москве в конце XVI в., «даже иные богатые купцы и бояре строят церкви, в которых и исправляют свои обряды, как у них положено»[118]. Член Гостиной сотни Савва Емельянович Вагин в 1595 г. построил каменную церковь Св. Великомученика Никиты в Москве за рекой Яузой, на Вшивой (Швивой) горке.

Уровень грамотности купеческой среды XVI в. точно установить невозможно. Сохранились свидетельства о книжных собраниях представителей купечества. А кое-кто из них внес даже вклад в создание хождений (хожений). Жанр купеческих хождений зародился в XV в. под воздействием знакомства торговых людей с описаниями путешествий по святым местам паломников из среды духовенства (прежде всего монашества). Некоторые из них делали путевые заметки, другие же надеялись исключительно на свою память. Московский гость Василий Позняков, происходивший из Смоленска, в 1558 г. по поручению Ивана IV направился из Москвы как участник посольства с деньгами и грамотой для православного духовенства Синая. Его странствия по святым местам длились до 1561 г. и проходили через Царьград, Александрию, Каир, Синай, Иерусалим. Отличавшийся наблюдательностью купец составил интересное описание своего путешествия, воспользовавшись не только собственными впечатлениями, но и книжными заимствованиями. «Хождение Василия Познякова» композиционно состоит из двух частей: в первой описываются Каир и святыни Синая, а вторая озаглавлена «Сказание о святем граде Иеросалиме, где ходил Господь наш Исус Христос»[119]. Дотошный счетовод Позняков приводит точные размеры храма Гроба Господня, указывает число лампад, паникадил, ступеней, столбов. Еще одному московскому торговому человеку, Трифону Коробейникову, приписывается «Хождение», дошедшее в четырехстах списках и содержащее описания христианских релик-

[116] ПСРЛ. Т. 13. С. 18.

[117] ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 144.

[118] Иностранцы о древней Москве: (Москва XV—XVII веков) / Сост. М. М. Сухман. М., 1991. С. 137.

[119] БЛДР. Т. 10. СПб., 2000. С. 48—93; *Решетова А. А.* Древнерусская паломническая литература XVI—XVII веков (история и поэтика). Рязань, 2006.

вий Царьграда, Афона, Палестины, Сирии, Египта, заимствованные из «Хождения Василия Познякова»[120]. Коробейников, именующийся порой «гостем», участвовал в 1582 г. в посольстве купца И. М. Мишенина, отправленного в Царьград и на Афонскую гору с милостыней на помин души старшего сына Ивана IV, а в 1593—1594 гг. он сопровождал дьяка М. Огаркова в поездке с «заздравной милостыней» в столицу Турецкой империи и Иерусалим по случаю рождения у царицы Ирины и царя Федора Иоанновича дочери Феодосии. По мнению А. А. Решетовой, благодаря литературной обработке и редактированию «Хождение Трифона Коробейникова» «обрело большую, по сравнению с сочинением Познякова, логичность повествования и ясность изложения и нередко производит впечатление текста, в большей степени внушающего доверие, нежели Позняковские записки»[121].

Паломник и торговый человек в одном лице порождал определенную двойственность восприятия святых мест. Совершая поездки в восточные страны, средневековые русские купцы попадали в непривычные природно-климатические условия, к которым приходилось приспосабливаться. Вот почему значительное место в русских купеческих хождениях занимало описание природы и климата стран Ближнего Востока. Авторы хождений обращали внимание на проблемы обеспечения водой. Отличаясь любознательностью и наблюдательностью, они стремились увековечить на бумаге описания паломнических поездок, чтобы передать свои впечатления от увиденного в дальних странах тем русским людям, кто не имел возможности отправиться в такие путешествия. Вместе с тем в них можно чаще встретить информацию о караван-сараях, торгах, таможенных сборах и товарах. Но еще больше внимания купцы-путешественники уделяли христианским святыням Палестины и других мест Ближнего Востока. Описывая их (порой с ошибками, как и другие паломники-авторы хождений), они нередко делали разного рода подсчеты.

Русские торговые люди, бравшие с собой в дальние поездки богослужебные книги, были в определенной степени подготовлены к восприятию святынь на родине христианства. Книжные сведения они могли почерпнуть не только из Священного Писания и Нового Завета, но также из хождений своих предшественников. Гораздо у́же был кругозор значительной массы рядовых торговцев-лавочников, никогда не покидавших родные места.

Купеческая среда России XVI в. была неоднородной как в силу различий в социальном и имущественном положении, так и в культурном отношении. Как правило, культурно-бытовые запросы верхушки купечества (гостей и членов Гостиной сотни) были значительно выше уровня потребностей основной массы посадского населения. Одни занимали просторные каменные палаты с дорогим убранством, имели возможность строить домовые церкви, домашний быт других отличался простотой и непритязательностью. Обращаясь к богослужебной литературе, возводя за свой счет храмы, уходя в монастыри, богатейшие представители купечества и средние по имущественному положению торговые люди искали душевного успокоения, искупая молитвой свои земные грехи.

Некоторые члены торговых корпораций, особо проявившие себя на государственном поприще, становились дьяками. Числился новгородским дьяком в 1550/51—1566 гг.

[120] Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Х. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. Т. 9. Вып. 27. СПб., 1889.

[121] *Решетова А. А.* Древнерусская паломническая литература XVI—XVII веков (история и поэтика). С. 290—291.

гость Ф. Д. Сырков[122]. Не имея даже звания гостя, стал дьяком Анфим Сильвестров, сын священника Сильвестра. Из торговой среды происходили дьяки Матвей Коробейников и Василий Тараканов, получившие этот чин в конце XVI в. Крупные купцы, выступая в роли организаторов товарообмена и нанимая приказчиков, могли выполнять административно-финансовые обязанности без особого ущерба для дела.

Торговые люди XVI в. по своему социальному статусу являлись разночинцами. Принадлежа к разным чинам (рангам), они на профессиональной основе занимались одним делом — организацией крупного, среднего и мелкого по масштабам товарообмена.

Горизонтальные социальные связи объединяли членов служилых купеческих корпораций с непривилегированными членами тех торговых рядов, в которых располагались их лавки. В нормативной практике Московского царства практически не отразилась социальная общность торговых людей, подавляющее большинство которых было представлено посадскими жителями.

Городское тяглое торгово-ремесленное население

Образованное к концу XV в. Московское государство в экономическом плане объединило две территории с различным укладом: 1) центральные и южные районы (преимущественно Волго-Окское междуречье), где города относились к вотчинному типу, состояли в основном из служилого населения, а сами посады с ремесленно-торговым населением были немногочисленны и редко насчитывали более двух десятков дворов, и 2) территории севера и северо-запада с давними традициями промыслового хозяйства и городами, основанными как торгово-ремесленные поселения, в результате чего имевшие традиции самоуправления и самоорганизации[123].

Рост городов в Московии особенно заметен в 1540—1560-е гг.[124] Торговые села, монастырские посады и рядки становились городами (Каргополь, Турчасов, Старая Русса). Московские власти строили крепости на рубежах государства, которые тоже обрастали посадами и превращались в города. К старым центрам ремесла — Москве, Нижнему Новгороду, Пскову, Новгороду, Серпухову, Твери — прибавлялись новые, такие как Вологда, Холмогоры, Белоозеро, Великий Устюг, Устюжна и др. В начале XVI в. в Московском государстве существовало около 140 городских центров, к концу века их количество увеличилось до 230[125].

Города различались по составу населения, в том числе территориально: в центральных уездах в них преобладало посадское население, духовенство и светские вотчинники. Здесь освобожденные от уплаты тягла и других повинностей белые слободы (территории городов, закрепленные через покупку, пожалование или наследование) были значительными. На севере преобладали города-посады с черным населением, но и в них встречались белые монастырские слободы. На северо-западе страны обычными были старинные торгово-ремесленные города, а также новые пограничные крепости без торгово-ремесленных

[122] *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. С. 14—15, 24—25.

[123] *Носов Н. Е.* Русский город и русское купечество в XVI столетии (к постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России. Вып. 12. Л., 1971. С. 152—176.

[124] *Пугач И. В.* Устюжна Железопольская и уезд в XVI — первой половине XVII в.: Территория, население, хозяйство. Автореф. дис. канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 114.

[125] *Зимин А. А.* Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 52. С. 336—347.

людей[126]. Здесь же было довольно много так называемых рядков — пунктов, куда съезжались купцы для торговли, но где не было (во всяком случае, первоначально) постоянного населения.

В целом население города было очень пестрым. Кроме собственно торгово-ремесленного населения, имевшего свои дворы, здесь проживало довольно много людей, чьи статус и занятия не были прочно связаны с этим городом; они не несли городские повинности, часто имели временное место жительства, не входили в число семей, из которых рекрутировались выборные представители городского управления. К этим категориям относились служилые люди (особенно много их было в порубежных городах-крепостях), слуги и служебники монастырей или светских землевладельцев, имевшие в городе дворы («двор монастырской, а в нем дворник» — обычная формула, описывающая таких людей в писцовых книгах), торговые люди иных городов, приехавшие с товаром на ярмарку или по иным делам (гости и другие представители богатой торговой верхушки могли иметь свои дворы в нескольких городах, создавая своеобразную торговую сеть из своих представителей), а также волостные, монастырские, владельческие крестьяне, приезжавшие сбыть небольшую партию продукции своего домохозяйства и закупить необходимые товары.

Таким образом, вопрос о статусе посадского человека как такового может быть решен только исходя из его правового положения. Посадскими людьми конкретного города — Новгорода, Москвы, Вологды и т. д. (именно так они идентифицируются актами этого времени) — являлись те, кто уплачивал в нем тягло («тянул тягло») и выполнял иные городские повинности, возложенные государством на посад, и чья принадлежность к данному посаду была согласована с основной группой, подтверждена и зафиксирована поручной записью, которая представляла собой соединение своеобразной присяги («тягло тянуть <...> в зернь не играть») и круговой поруки со стороны наиболее ответственных посадских жителей. Таким образом, посад XVI в. был довольно замкнутой социальной системой, войти в которую простым фактом присутствия в городе было нельзя. Посадское население разделялось в зависимости от достатка дворохозяйства на «лучших», «середних» и «молодших» людей. В Новгородской земле к середине XVI в. «лучшие» и «середние» составляли около 25 %[127].

По свидетельству С. Герберштейна, в Москве в начале XVI в. было 41 500 дворов, что, принимая один двор в 5—6 человек, означает примерно 200 000 жителей[128]; в Новгороде в середине века (до опричного погрома) — 5300 дворов, что составляло по той же системе подсчетов около 25 000—30 000 жителей; в Пскове их было больше — 6500 дворов, т. е. около 30 000—35 000 жителей. Количество дворов в других крупных по тому времени городах (Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Рязань, Вологда) не превышало 1000—1500, в остальных городах их было значительно меньше. В порубежных крепостях и бывших вотчинных городках насчитывалось всего по нескольку (10—15) дворов. Именно малые и средние города преобладали в этот период в Московском государстве. Если согласиться, что в России в середине XVI в. проживало 9—10 млн человек, то посадские люди составляли не более 5 %[129]. Если же

[126] История СССР с древнейших времен до наших дней. Сер. 1. Т. 2. М., 1966. С. 147.

[127] Там же. С. 148.

[128] *Носов Н. Е.* Русский город и русское купечество в XVI столетии (к постановке вопроса). С. 157—158.

[129] *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 64. С. 232—254.

считать, что население исчислялось 4—4,5 млн, процент будет выше[130].

Особенностью ремесленной профессионализации этого периода является большая дробность специализации; например, только в Новгороде список упоминаемых в источниках профессий составлял 222—227 наименований: игольники, седельники, сумочники, рукавишники, шапошники, мыловары, свечники, замочники и т. д.[131] Название профессии в это время часто было для посадских людей способом их идентификации, становясь частью именования человека в документах (Михаил шапошник), которое в дальнейшем при наследовании профессии превращалось в устойчивое прозвание (Шапошниковых, Шапошниковы). Ремесленники обычно соединяли производство и торговлю своей продукцией, поэтому они являлись одновременно владельцами торговых помещений (лавок, шалашей). В железоделательном, соляном производстве для выполнения работ, не требующих высоких профессиональных навыков (сечка и возка дров, погрузо-разгрузочные работы), широко применялся труд вольнонаемных людей — казаков («вольных гуляющих людей»).

Кроме мелкого ремесленного производства, в городах существовали большие заведения, практически мануфактуры: монастырские сукнодельни, солеварни. Особую категорию производственных комплексов составляли дворцовые специализированные дворы, существовавшие на деньги казны. В таких мануфактурах мастерами становились иноземцы (например, на Пушечном и Оружейном дворах в Москве работали мастера-итальянцы), поиск которых и переманивание в Москву становится отдельной заботой, вменяемой русским миссиям, отправляемым в европейские страны. Особенностью деятельности таких казенных предприятий была их направленность на удовлетворение потребностей государя и его двора или обеспечение поставленных политических задач. Только после выполнения этих задач ничтожная часть оставшейся продукции могла поступать в свободную продажу[132].

Центром как малого, так и большого города была крепость (кром, кремль, острог). Обычно она располагалась у излучья рек или по берегам одной реки. «Вокруг них, в зависимости от особенностей ландшафта, выстраивалась система градообразующих доминант, основные объемно-пространственные элементы города — монастыри, храмы, торговые площади»[133]. От торговой площади расходились улицы, также заполненные лавками и складскими помещениями. Кооперативные формы торговли вскладчину продолжали преобладать над индивидуальной торговлей. Основным видом торгового помещения в это время была лавка, которая представляла собой крытый сруб, часто внутри перерубленный (разделенный) пополам, что составляло поллавки. В писцовых книгах содержатся указания на владения третью или четвертью лавки. Другим типом торгового места были шалаши — открытые легкие сооружения для торговли на улице. В лавку, в отличие от шалаша, можно было войти. На ночь товары из лавки поступали под охрану дворников. Наконец, в городах процветала торговля мелким товаром «в разнос»: на специальном подносе были разложены различные товары (обычно выпечка, ленты, нитки, иголки и т. п.).

---

[130] Очерки демографической истории России: XI—XXI века. Т. 2. М.; СПб., 2022. С. 78.

[131] История предпринимательства в России. Кн. 1: От Средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 76; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 303—306.

[132] *Забелин И. А.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Т 1. С. 1210, 1212; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 85.

[133] *Пугач И. В.* Устюжна Железопольская и уезд в XVI — первой половине XVII в.: Территория, население, хозяйство. С. 88.

В городах, особенно крупных, для иногородних и иноземных приезжих купцов могли существовать гостиные дворы. На территории такого двора располагались торговые и складские помещения, избы для проживания и ночлега, могла быть даже таможенная изба. Товар на сумму более 2 руб. непременно подлежал складированию на гостином дворе. Крупные города (например, Новгород Великий, Москва, Псков) могли насчитывать по нескольку гостиных дворов. Обычно они формировались либо по товарному (специализация на определенной продукции), либо по территориальному (место прибытия купцов) принципу, что находило отражение в их наименовании (Немецкий двор). Специальные подворья, по функции и структуре организации сходные с гостиными дворами купечества, начали появляться у представителей вовлеченных в активную экономическую деятельность монастырей, таких как Троице-Сергиевский, Соловецкий, Кирилло-Белозерский и ряд других.

Среди промыслов и ремесел, в которых было занято городское население, относительно крупных по объему продукции, поступавшей на рынок, а также количеству занятых в производстве работников, в том числе наемных, особо выделялись железоделательные и соляные. Местное железо добывали из болотной руды, превращая ее в крицы — бруски-полуфабрикаты, поступавшие затем в продажу. Такое железо было низкого качества и использовалось только для ковки гвоздей, солеваренных ценов[134], для изготовления домашнего инвентаря. Для оружейного дела оно не годилось, поэтому в России сохранялся постоянно высокий спрос на привозное железо из Швеции, Дании и других европейских стран. Сформировалось несколько районов, специализирующихся на добыче и первичной обработке руды: Обонежье (особенно северные Лопские погосты Корельской земли), побережье Финского залива, Тихвин, Белоозеро и Устюжна Железнопольская, Тотьма и Соль Вычегодская, Устюг Великий и Соликамск, Кашира, Тула, Серпухов[135]. Здесь производство было расположено близко к источнику сырья. Владельцами были оброчные крестьяне, они же являлись поставщиками готовых полуфабрикатов, в производстве преобладала простая кооперация труда. В дальнейшем в этой отрасли постепенно происходило отделение добычи руды от собственно обработки железа, становясь разными специальностями[136]. В Устюжне Железнопольской эти промыслы также приобретали во владение монастыри и казна[137]. В Корельской земле, Вычегодском крае железоделательное производство было тесно связано с потребностями растущих соляных промыслов.

В течение XVI в. растет число источников соледобычи, а также количество варниц. В Старой Руссе существовали семейные, а также монастырские и казенные

---

[134] Црен — большая сковорода для выварки соли.

[135] *Бахрушин С. В.* Железоделательные районы в Русском государстве XVI в. // Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950. С. 52; *Он же.* Научные труды. Т. 1. С. 55—75; *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. М., 1970. С. 204—215.; *Сербина К. Н.* Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1971. С. 10—15 и др.; *Она же.* Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1978. С. 3, 7—9, 50—52, 168—171.

[136] *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. С. 215.

[137] *Колесников П. А.* Из истории металлургии Устюжно-Железнопольского района в XVI—XVII вв. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 35—39; *Он же.* Устюжна Железнопольская по материалам описаний 1567—1597 гг. // Города феодальной России. М., 1966. С. 144—152.

(государевы) варницы, но чаще у отдельных семей во владении были не целые варницы, а доли из готового продукта. В Соли Галицкой, по подсчетам Е. И. Заозерской, каждый четвертый двор был занят в солеварении, здесь существовало до 43 «шабров» (сябров) пайщиков в соляных колодцах. При этом пайщиками являлись как зажиточные, так и бедные дворовладельцы — посадские люди. Солеварение было дорогим с точки зрения затрат на производство предприятием. Оно было основано на выварке соли из раствора, получаемого либо из моря (такие варницы существовали в Поморье на севере), либо из соленых ключей и водоемов («озер»), либо из многометровой глубины по трубам, которые проходили через слои пресной воды до соленой. Чтобы изготовить и поставить трубу, требовалось особое мастерство, такие специалисты были дорогостоящими. В дальнейшем соль вываривали на плоской широкой сковороде (цырен, црен); содержание, постоянный ремонт (замена прогоревших полиц новыми) также обходились недешево. Наконец, если владелец не являлся мастером по выварке соли (поваром), что требовало высокой квалификации, ему приходилось нанимать артель солеваров, состоявшую в том числе из водолеев (обычно двух) и помощника-подварка (или пескаря).

Такое производство требовало кооперации усилий и вложенных средств, а дальнейший сбыт соли предполагал расходы на транспортировку, содержание места продажи и хранение, создание сети оптовых покупателей. Кроме того, необходимо было либо приобретать участок леса для снабжения варниц дровами, либо покупать заготовленные дрова, что также влекло за собой расходы (по монастырским приходо-расходным книгам видно, что львиную долю затрат на солеварение составляли как раз расходы на дрова). Можно сказать, что солеварение поневоле стало одним из тех производств, которые способствовали развитию новых экономических практик долевого участия, появлению профессиональных артелей специалистов, работавших по найму, формированию сетей перекупщиков-оптовиков разного уровня, покупки товара «на амбаре», кредитованию, различной кооперации и т. д.

Вероятно, сложность организации этих процессов постепенно вела к разорению мелких пайщиков, чьи вложения не компенсировались прибылью от продаж продукции. На их место со временем пришли либо представители казны (так случилось в Старой Руссе), либо монастыри. При этом исследователи отмечали, что в центральных уездах (Нерехта, Переславль) государство и монастыри почти не участвовали в соледобыче. В Соли Галицкой постепенно расширилось количество паев, приобретенных Троице-Сергиевым и Симоновым монастырями[138]. В Тотьме к XVII в. монастыри не только контролировали большую часть солеваренного дела, но фактически могли влиять на решения местных властей. После присоединения территории Астраханского ханства началась разработка соляных озер в низовьях Волги и на северном побережье Каспийского моря. К концу XVI в. относятся упоминания о разработках соли в Прикамье (город Соль Камская упоминается с 1579 г.)[139].

Исследователями не раз отмечалось слабое развитие в Московском государстве ткачества как товарного производства — длительное время оно оставалось дополнительным занятием крестьянства, направленным на удовлетворение потребностей крестьянского хозяйства; на рынки (и то ис-

[138] *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. С. 19—22, 28—29, 35—37.

[139] *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957; *Розен Б. Я.* История соляного производства в Прикамье. Пермь, 1965.

ключительно локальные) попадали остатки того, что не пошло на собственные нужды и что осталось после уплаты оброков. В некоторых случаях полотно скупали торговцы-скупщики, происходившие из мелких товаропроизводителей, но для XVI в. нет данных о попытках с их стороны организовать производителей (рассеянная мануфактура) для работы на себя. Специализация в этой области зависела от возможности выращивать лен, разводить овец или окрашивать ткани. Особую популярность в это время приобрели цветные ткани и ткани с набойным рисунком (название происходит от способа нанесения рисунка: его вырезали на деревянной доске и затем, смачивая последовательно сменяемыми красками разных цветов, набивали на полотно). Изготовители цветных тканей были основным контингентом, покупавшим привозные ингредиенты (квасцы) для окрашивания. Узкоспециализированными были мастера, изготовлявшие определенные виды одежды: шубник никогда не шил шапки или кафтаны, мастер по кафтанам не брался за однорядки или рубахи и т. д.[140]

Развитие торговли по Сухоно-Двинскому и Волжскому путям привело к формированию особых групп населения прибрежных населенных пунктов, занятых в обслуживании судового хода. Так, для поездки от Вологды до Холмогор нанимали кормщиков, по одному на каждое судно, и носников, также по одному на судно. В разные годы оплата их услуг была неодинаковой и колебалась от четырех до семи рублей, причем носнику платили больше. Их труд требовал высокой квалификации, знаний, которые могли передаваться из поколения в поколение. Но и ответственность тоже была высокой. Если по вине носника или кормщика происходила авария, то монастырь мог потребовать от него возмещения всех убытков. Кормщиков нанимали на весь путь — как вниз, так и вверх.

Носники имели более узкую специализацию; они нужны были прежде всего для того, чтобы провести суда вверх по реке, избежав отмелей и камней. Из таможенных книг Устюга и монастырских книг «судового хода» становится ясно, что на Сухоно-Двинском пути существовали три категории носников, ведавших каждый своим участком: двинские, сухонские (на Нижней Сухоне) и верхнесухонские. Первых нанимали в Холмогорах, вторых — в Устюге до Тотьмы и последних — от Тотьмы до Вологды. Особенно ценились носники, умевшие провести судно на самом сложном участке между Устюгом и Тотьмой, где находилось восемь перекатов и порог Опока с крутым разворотом и обрывистыми берегами. Самым опасным местом считались Стрельнинский порог и Опока. Здесь для облегчения насада или дощаника часто нанимали («кортомили») паузки для перевозки на них груза, а также дополнительных рабочих, которых требовалось порядка 100—120 для двух насадов. За эту работу платили не более двух копеек каждому, но нужно учитывать, что за один день такая команда проводила через опасные места не одно судно. Кроме того, обычно эти же работники предлагали свои услуги для спасения судов, потерпевших аварию в опасных местах, перевозили грузы с севших на мель или вмерзших во время позднего осеннего хода дощаников и насадов. Те, кто занимался такого рода трудом или нанимался в осначие, чей труд за всю поездку в обе стороны оценивался от 3 до 3,5 руб. и заключался в исполнении самой тяжелой физической работы (осначие могли быть гребцами при ходе по течению, а также гребцами и бурлаками, тянущими судно вверх по реке), были, безусловно, дешевой неквалифицированной рабочей силой[141].

[140] История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 76.

[141] *Дадыкина М. М.* Управляя пространством: Организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI—XVII вв.) // Quaestio Rossica. 2016. № 3. Т. 4. С. 123—141.

П. А. Колесников, основываясь на сопоставлении данных переписных книг Тотьмы за соседние годы для XVII в., отмечал процесс маргинализации низших слоев посадского населения, постепенное «сползание» большей части тех, кто первоначально значился бобылем, в нищие. Он же полагал, что именно обнищавшее население города в первую очередь пополняло ряды неквалифицированных работников-водников[142]. Можно предположить, что эта тенденция берет свое начало в XVI в.

В начале XVI в. в городах сохранялась старая система управления, основной фигурой в которой был наместник, в чьих руках находилась гражданская, военная, административная и судебная власть. За службу наместник получал корм (продукты и деньги) с близлежащих земель. Вторым представителем государя в городе был тиун, выполнявший функцию судебно-исполнительной власти. Эта система имела в новых условиях ряд недостатков, от неудовольствия горожан неконтролируемыми поборами в пользу наместника (что создавало основу нестабильности среди растущего посадского населения, ярко проявившуюся в событиях 1548 г.) до создания сепаратистских локальных центров, поскольку наместники, имея большие разветвленные связи среди населения управляемой территории, могли пытаться противопоставлять себя центральной власти (во всяком случае, гипотетически).

В результате в XVI в. эта система претерпевала изменения. Они шли по двум направлениям: борьба черного тяглого населения посада с беломесцами за равные права в налогообложении, торговле и промыслах, а также борьба за организацию местного самоуправления и выборный земский суд. Самое активное участие в этих процессах принимали «лучшие люди».

Но затем в ходе Ливонской войны и опричнины многие из нововведений перестали исполняться; напротив, происходил как будто отход к прежним порядкам. В 1560—1570-е гг. в результате разорения северо-западных и центральных областей, общего кризиса 1580-х гг. города этой части страны переживали хозяйственный упадок. Это, в свою очередь, послужило одним из благоприятных факторов развития городов севера и северо-востока, куда перемещалось население и где благодаря активизации морской иноземной торговли и формированию Сухоно-Двинской речной транспортной системы быстро росли и преуспевали города и торговые села, расположенные вдоль этого пути.

Законодательство о посадских людях

Термин «посад» в средневековой Руси применялся для обозначения городских районов, находящихся за пределами крепостных стен, и первоначально не носил социального смысла, поэтому словосочетание «посадские люди» в первой трети XVI в. еще не имело строго определенного значения. Русский город на рубеже XV—XVI вв. представлял собой совокупность усадеб и дворов разного статуса и владельческой принадлежности, и социальное переустройство городов по-разному шло в двух основных регионах страны — Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

На территории бывшего великого княжения Владимирского города были княжескими; особенности их топографии и структуры населения хорошо видны на примере Москвы и прежде всего ее Кремля, где еще в начале XVI в. проживало «служеб-

[142] *Колесников П. А.* Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. // История СССР. 1958. № 2. С. 143.

ное» население, переселявшееся в великокняжеские тяглые слободы[143]. Значительная часть городского населения была зависимой от князя, определение его статуса до настоящего времени составляет серьезную проблему. П. П. Смирнов в соответствии с представлениями предыдущей историографии считал зависимых от князя «городчан» «вотчинными домовыми ремесленниками», в положении которых он не усматривал ничего экстраординарного[144]. Однако в современных исследованиях эти группы населения трактуются как особая «служебная организация», характерная для славянских стран Центральной и Восточной Европы. Под «служебной организацией» Б. Н. Флоря и С. З. Чернов понимают систему «несения лично свободным и похолопленным населением тягла в форме специализированных служб по обеспечению княжеского хозяйства». Для служебного населения была характерна «наследственная прикрепленность к земле с правом ухода без земли», а также «подчиненность промысловых корпораций служебников „путным" боярам», по распоряжениям которых они не только обеспечивали княжеское хозяйство, но и выполняли важные государственные функции[145]. С. З. Чернову удалось показать, что в период княжений Ивана III и Василия III «служебная организация» в подмосковном домене великого князя была радикально трансформирована. Прежние бортные и охотничьи угодья, находившиеся в ведении ловчего и чашнича путей, перешли в руки княжеских «слуг под дворским», дьяков, представителей аристократии. Синхронно с этими изменениями произошли и изменения в структуре населения Москвы, где поселения великокняжеских бронников, садовников сокращаются численно или вообще трансформируются в сотни московского посада[146].

Как представляется, именно с распадом «служебной организации» великих и удельных князей связан процесс массовой выдачи уставных грамот наместничьего управления промысловым слободам Северо-Восточной Руси, свидетельством которого являются сохранившиеся грамоты 1506—1530 гг.[147] П. П. Смирнов ставил знак равенства между уставными грамотами переславским рыболовам 7 апреля 1506 г., бобровникам Каменского стана и грамотой Моревской слободе 1530 г., которые он называл слободскими и значение которых усматривал в наделении их правами самоуправления, сближавшими их положение с правами слобожан[148]. В действительности же все три грамоты, выданные различным общинам в годы правления Василия III, обладали существенными различиями и оформляли положение разных групп служебного населения, которое до начала XVI в., видимо, находилось вне сферы юрисдикции наместников, волостелей и дворецких.

Общины переславских рыболовов и бобровников Каменского стана были подчинены «путным» чиновникам: в первом

[143] *Флоря Б. Н.* Изменения социального состава населения Московского кремля в конце XV — начале XVI в. // Средневековая Русь / Отв. ред. А. А. Горский. [Вып.] 1. М., 1996. С. 117—118.

[144] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М., 1947. С. 15—16.

[145] *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56—74; *Чернов С. З.* Домен московских князей в городских станах: 1271—1505 гг. М., 2005. С. 26.

[146] *Чернов С. З.* Домен московских князей в городских станах: 1271—1505 гг. С. 350; *Назаров В. Д.* Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси (XIV—XV вв.) // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.). М., 2001. С. 33—47.

[147] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. № 3—6. С. 5—16.

[148] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 99—102.

случае — волостелю стольнича пути, во втором — ловчему удельного князя Юрия Дмитровского. В уставных грамотах 1506 и 1509 гг. были сформулированы новые принципы функционирования княжеской «служебной организации» и взаимоотношений тяглых общин с органами княжеского управления — наместниками, волостелями, дворецкими и т. д. Наместник получил право контроля за душегубными делами, за которые он и его тиун взимали виру в 4 руб., однако никаких особых привилегий рыболовы и бобровники не получили, что не позволяет считать их поселения слободами. Судьба этих общин оказалась различной: переславские рыболовы сохранили свои привилегии до середины XVI в., получив в 1555 г. уже земскую уставную грамоту[149]. Уставная грамота бобровникам Каменского стана не несет следов даже позднейших подтверждений, что, видимо, было связано с ликвидацией удела Юрия Дмитровского в 1534 г.

Несколько иные принципы были заложены в уставной грамоте Моревской соленаренной слободе 1530 г. Согласно тексту уставной грамоты, наместники, равно как и новгородский дворецкий, не вмешивались в судебные дела слободчан, за исключением дел о душегубстве и разбое с поличным. Солевары получили важнейшую привилегию: принимать в состав своей слободы нетяглых и неписьменных людей-должников с условием выплаты долга в рассрочку в течение пяти лет без процентов[150]. Эта привилегия и отличала общину солеваров от упомянутых общин рыболовов и бобровников и сообщала ей статус собственно слободы. С этой же привилегией было связано и важнейшее ограничение по приему тяглецов, читающееся в первых сохранившихся строках дефектного текста грамоты: «...тяглой через сю мою грамоту, а слободчики его примут к Соле жити, и мне того велети опять назад отвести, к той Соли, от которой к ним придет, а на слободчикех мне велети взяти заповеди десять рублев московскую»[151]. В научной литературе нет единства по вопросу интерпретации этой правовой нормы. Б. Д. Греков, полемизируя с суждениями Б. Н. Чичерина и вопреки своим же словам о том, что «старое право выхода не было отменено», писал, ссылаясь на Моревскую грамоту, что среди вольных крестьян «могли находиться прикрепленные», выход которым запрещался[152]. П. П. Смирнов, напротив, верно заметил, что данное ограничение со штрафом касается лишь тяглецов из других государевых слобод и что такая форма ограничения скорее доказывает свободу перехода из посада в посад, нежели его отрицает[153]. П. П. Смирнов, конечно, преувеличил распространенность подобного ограничения, посчитав, что она распространялась на всех посажан; в действительности формировавшееся в это время население посадов в большинстве своем пользовалось свободой перехода, не были ограничены в праве приема тяглецов и слобожане основанного в это же время городка Шестакова на Вятке[154].

Для рассмотрения положения посадских людей следует перейти к анализу второй части проблемы — изменениям в положении населения бывших вечевых городов. В распоряжении историков до настоящего времени нет документальных источников, показывающих процесс конфискации вотчинных земель непосредственно в вечевых столицах — Новгороде и Пскове, но сум-

[149] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. С. 6, 11—12, 116—117.
[150] Там же. № 6. С. 13—15.
[151] Там же.
[152] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. С. 638.
[153] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 99.
[154] ААЭ. Т. 1. № 210. С. 199—200.

ма косвенных данных позволяет описать положение вещей. Описание посада Руссы в писцовой книге Шелонской пятины 1497/98 г. включает данные о 1133 обложенных оброком в пользу государства городских дворах, большинство из которых (713) принадлежало владыке и монастырям и сохранилось за ними, несмотря на конфискации. В большинстве своеземческих дворов (74) также проживали, помимо владельцев, «суседи» и захребетники, чьи владения были обложены оброком, а арендаторы владычных, монастырских и своеземческих дворовых мест должны были платить владельцу «позем». Дворы, конфискованные у бояр и житьих людей (346), перешли в руки великого князя, а их пользователями стали черные люди, ранее жившие на них в качестве зависимых[155]. «Позем», который в республиканскую эпоху был повинностью в пользу владельца, с жителей дворов великого князя взимался в казну.

Сведения писцовой книги Водской пятины 1500 г. вполне рельефно изображают процесс изменения отношений собственности в городах Ладога, Ям и их окрестностях. В составе страты местных земцев — потомков «житьих людей» — выделяются владельцы городских дворов на посадах Яма, Ладоги, Корелы, Орешка и Руссы. На посаде Корелы были зафиксированы дворы «своеземцев корельских», чьи основные владения были сельскими и с «городчанами» тянули в оброк лишь жившие на этих дворах дворники; на посаде Орешка находились дворы «лучших своеземцев». Постоянно жившие в городах своеземцы, как правило, тянули «в оброк з городчаны»[156]. Так как с дворов своеземцев в Ладоге и Яме взимался оброк на великого князя, это с несомненностью свидетельствует о ликвидации их права собственности на городские дворы. Сама площадь городских дворов подвергалась принудительному поравнению, когда каждому ладожанину выдавался под двор участок вдоль на 15, а поперек на 10 сажень, причем прежние границы произвольно перекраивались: «А Семену давати места на поместщиковых местах, и на своеземцовых, и на монастырских, и на городцких людей полянах сряду»[157].

Окончательная инкорпорация Пскова в состав единого государства в 1510 г. также привела к тому, что новая власть не считалась с правом собственности и с большой вероятностью изымала у прежних владельцев документы на земельные участки. Заключить об этом возможно по аналогии с действиями московской администрации в Новгородской земле четверть века спустя. В преамбуле к отписной книге пригородных пожен Великого Новгорода 1536 г. содержится следующая ремарка: «Лета 7044-го июня, по великого князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте дьяк Фуник Курцов да дворцовой дьяк Митя Великой да конюх Бунда Быкасов да прикащик лавочной Иван Иванов сын писали и метили пожни в Великом Новегороде, которые косили пожни монастыри, и церковные люди, и земцы, и черные люди без найму, а грамоты у них на те пожни старые за свинчатыми печатми. И те грамоты у них взяты и к Москве посланы, а пожни пооброчены на великого князя»[158].

Таким способом были, вероятно, конфискованы удостоверяющие документы и на городские дворы новгородцев и псковичей. Очевидно, что этот процесс был длительным. Грамоты на изъятые участки в Среднем городе Пскова, возможно, конфисковывались и отправлялись в Москву

[155] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 1999. С. 105—137.

[156] Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 12. М., 1852. С. 139.

[157] Новгородские писцовые книги. Т. 3. СПб., 1868. Стб. 960.

[158] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. С. 328.

тогда же, в 1510 г., а процесс конфискации и изъятия документов на городские дворы на посаде или на пригородные пожни мог длиться десятилетиями, как в Новгороде. Но результатом изменений в отношениях собственности стало формирование посадских общин с однородным населением, жившим на городских дворовых участках с условием выплаты оброка в казну. Этот процесс был тождествен ликвидации отношений собственности в сельской местности, где подобные отношения в эпоху независимости фиксировались грамотами со свойственным новгородско-псковскому региону оборотом «в одерень»[159]. Землеустройство в государевых посадах, конечно, напоминало землеустройство в слободах, но в остальном посады управлялись и «строились» иначе.

Главное отличие обычных городских посадов от слобод или поселений государевых «служебников» состояло в открытости первых для других форм землевладения, главным образом привилегированного, служилого или церковного. Согласно подсчетам П. П. Смирнова, из более чем 100 вотчинных владений Троице-Сергиева монастыря 23 составляли городские дворы в 18 великокняжеских городах[160]. От первой половины XVI в. до нас дошли четыре документа, содержащих фрагменты описаний городов Северо-Восточной Руси, и все эти документы характеризуются наличием вклинивавшихся в состав посада инородных владений. В выписи из писцовых книг посада Владимира 1510 г. описаны митрополичьи дворовые владения, в числе которых 9 дворов церковных сторожей, 21 двор без указания рода занятий населявших их людей «на митрополичьих местах», 16 дворов митрополичьих «строев» — ремесленников. Слободка митрополичьего Борисоглебского монастыря на посаде Переславля-Залесского насчитывала 18 дворов ремесленников разных специальностей[161]. Несмотря на то что дворы этих слободок находились на оброчных местах, с которых в пользу великого князя взимался «оброк за дань», в общей раскладке посадского тягла их население, конечно, не участвовало.

Однако нередким явлением было просто поселение на запустевших тяглых местах инородных по отношению к посадскому населению лиц, часто принадлежавших к служилому или пришлому вышедшему из тягла населению. Именно такое положение вещей сложилось во второй половине 1530-х гг. в Галиче. В 1535/36 г. Костромская земля подверглась разорительному нападению казанских татар, угроза повторных нападений вынудила правительство держать в 1536/37 г. значительные вооруженные силы в Костроме и Галиче[162]. Видимо, в связи с военной угрозой на опустевшие места на посаде Галича были поселены пищальники и воротники, однако не успело пройти военное время, как посажане Галича постарались добиться включения служилых людей в тягло. Уже 8 июня 1537 г. в ответ на челобитную посадских людей в Галич была отправлена царская указная грамота с изложением их претензий к пищальникам: «...живете в тяглых дворех, а тягль де з горотцкими людьми не тянете, живете в ызбыльцех, а сотцкие и целовальники и все горотцкие люди у вас в тягле денег просят, и вы де не дадите им в тягло ничего»[163].

Сохранившиеся источники показывают отсутствие существенных различий между служилым и тяглым населением в вопро-

---

[159] *Аракчеев В. А.* Крестьяне в социальной структуре средневековой Руси (XIV — первая половина XVI в.) // Cahiers du monde russe. 2005. Janvier—juin. 46/1—2. P. 107—114.

[160] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 29.

[161] АФЗХ. Ч. 1. № 23. С. 42; № 167. С. 153.

[162] Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 92.

[163] *Кистерев С. Н.* Документы о посадских людях Галича XVI — начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 7. С. 236.

сах безопасности и обороны, что хорошо видно из описания посада Торопца в писцовой книге 1540/41 г. В городе обладали осадными дворами торопецкие помещики, «семцы» (своеземцы), посадские люди и волостные крестьяне[164]. Их осадные дворы в пределах городских стен стояли чересполосно, и социальный статус владельцев не всегда фиксировался писцами.

П. П. Смирнов характеризовал период 1533—1548 гг. в истории русского города как «пятнадцатилетнюю феодальную реакцию», понимая под ней рост иммунитетных привилегий белых слобод на посадах и их границах. М. М. Кром вообще не прослеживает «сколько-нибудь последовательной городской политики в 30—40-х гг. XVI в.», объясняя это тем, что «основная масса горожан (черные люди) не представляла большого интереса для власть имущих»[165]. В действительности состояние посадов осознавалось правящей элитой как серьезная проблема, решавшаяся двумя различными способами. Первый подход был обусловлен нарастающим распространением белых слободок на посадах и их окраинах и состоял в поручениях писцовым комиссиям «приписывать» монастырские и церковные слободки к посадам, что подразумевало игнорирование писцовыми наказами действовавших иммунитетных привилегий. В 1544 г. писец С. Т. Отяев приписал слободку Покровского девичья монастыря к посаду Суздаля, в результате чего городовые приказчики стали привлекать белослободчиков к несению повинностей «с городцкими с черными людьми вместе». Следствием трехлетней тяжбы стало распоряжение, содержавшееся в указной грамоте от 1 марта 1547 г., согласно которому 26 слободских дворов были освобождены от необходимости тянуть тягло с посадом[166]. Приведенный пример непоследовательности действий великокняжеских правительств тем не менее следует рассматривать в контексте с иными свидетельствами решения проблемы посадского мироустройства.

Второй подход правительств к решению проблем посадов был вызван их конфликтами с наместниками. Решение расширить права посадов под властью наместников было принято в рамках губной реформы, распространившейся в том числе и на территорию посадов Соли Галицкой, Пскова и, видимо, других городов. Губная Соль-Галицкая грамота 1540 г. была отправлена «на посад» и адресована «сотским, и старостам, и десятским, и всем городским людем и слобожаном, великого князя дворцовых слободок и монастырских слободок и всех слободок городским людем, которые живут у Соли в городе и на посаде». Неопределенность терминологии отражает неоформленность социальной структуры города: деление горожан на «городских людей» и «слобожан» в тексте соседствует с объединяющими все группы населения словами «посад» и «всех слободок городские люди». Суть губной реформы на посадах состояла в делении всех дворов, «чьи нибуди на посаде», на сотни, полусотни и десятки во главе с сотскими, пятидесятскими и десятскими и наделении их обязанностями розыска в отношении приезжих. Право применения пыток и казни к разбойникам, которое получили горожане вне зависимости от их подсудности, делало их в этом отношении неподсудными наместникам. Подозрительные приезжие и протоколы их допросов, а также вынесения смертных приговоров обвиненным должны были передаваться городовым приказчикам[167].

---

[164] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины. М., 2004. 502—521.

[165] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 104; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 563.

[166] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 106.

[167] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. № 4. С. 58—60.

Альтернативное решение проблемы посадов осуществлялось в рамках традиционной поддержки государевых слобод на окраинах страны, что хорошо прослеживается в жалованной грамоте 1546 г. слобожанам Шестаковского городка в Вятской земле, основанного частично на землях соседнего Слободского городка. Основавшие слободу первопроходцы оказались вынуждены строить на заемные средства укрепленные стены, что было в интересах государства. В дарованной слобожанам после 1541 г. слободской грамоте они получили освобождение от налогов «до урочных лет» и пятилетнюю рассрочку в долгах, однако вятский наместник князь Д. Д. Ухтомский «отнял» у слобожан грамоту, вынудив их нести повинности в пользу наместников, выплачивать «проторы и разметы» совместно с жителями Слободского и возмещать долги. Новая жалованная грамота подтверждала ряд ранних привилегий, в частности пятилетнюю рассрочку в платеже долгов, но десятилетняя льгота в выплате податей распространялась лишь на новых слободчиков. Зафиксированные в писцовых книгах тяглецы были обязаны совместно с жителями Слободского тянуть «в великого князя дань, и в службу и во всякие розметы, и в наместнич корм тянути им вместе по силе, чем их обложат, а наместникам слободским и их пошлинником в земских проторех и во всяких делех на поруки под суд даватися»[168]. Изложенные пути разрешения конфликтов посажан с наместниками убеждают в наличии у правительственных группировок продуманных решений и последовательной политики, которая оформляла городское население в посадскую общину, завершение же этого процесса относится к реформам 1550-х гг.

Возникавшие в отношениях между белым и тяглым населением противоречия в сфере выплаты налогов и несения служб неизбежно должны были приводить к затяжным конфликтам. Совершенно закономерным поэтому стало принятие первого общегосударственного закона, где было поставлено под сомнение право перехода тяглых людей. В 91-й статье Судебника 1550 г. говорится: «А торговым людем городцким в монастырей городцких дворех не жити, а которые торговые люди учнут жыти на монастырех, и тех с монастырей сводити да и наместником их судити». Судебник не прикреплял посадских людей к тяглу; более того, и в 91-й статье этого свода законов, и в 98-й главе Стоглава норма права о сведении тяглецов с монастырских слобод была вектором однонаправленного действия. В 98-й главе Стоглава цитировался царский указ о вновь образованных частновладельческих слободах на посадах: «А ныне твой царский приговор с нами, что в те в новые слободы вышли посадцкие люди после описи, и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад. <...> А впредь бы митрополитом и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свое старые слободы по старине о суде и о всяких делех по прежним грамотам, а новых бы слобод не ставити, и дворов многих в старых слободах не прибавливати, разве от отца детем или от тестя зятии, или от братии выставливатися и своими дворы жити»[169]. И. И. Смирнов определил, что посадские люди, вышедшие в новые слободы «после описи», должны быть выведены обратно «в город на посад». Но, с другой стороны, за населением церковных и монастырских слобод сохранялось право как выхода «в город на посады», так и «в села», с соблюдением правил Судебника о «христианском» отказе[170].

Синхронно с утверждением Судебника и Стоглава в мае 1551 г. были осуществле-

[168] ААЭ. Т. 1. № 210. С. 199—200.

[169] Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 373—374; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. № 3. С. 30.

[170] *Смирнов И. И.* Судебник 1550 года // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 328—330.

ны пересмотр и новое утверждение тарханов в отношении церковных владений. П. П. Смирнов показал, что именно городские владения монастырей в первую очередь лишались своего привилегированного статуса: из 14 грамот Троице-Сергиева монастыря на городские дворы 11 грамот были подписаны с изменениями, предполагавшими ликвидацию или сокращение привилегий[171]. В Дмитрове на городском дворе Троице-Сергиева монастыря, согласно новому подтверждению, разрешалось держать не более двух дворников, которые были обязаны «давать» ямские деньги, тамгу и нести посошную службу, остальные жители дворов попадали в общую тяглую раскладку с посадскими людьми и оказывались подсудны дмитровским наместникам и их тиунам[172].

Аналогичное подтверждение монастырь получил на свои дворы в Балахне, где разрешалось держать одного дворника, освобожденного от необходимости платить подати «с черными людьми ровно», но даже единственный дворник обязан был платить с собственной доли тягла ямские деньги, тамгу и нести посошную службу[173]. Однако в ходе валового описания земель 1550—1553 гг. крупная Троицкая монастырская слободка в Балахне оказалась лишена фискального и судебного иммунитета. Писец Балахны П. Цвиленев, очевидно руководствуясь наказом, отписал слободку Троице-Сергиева монастыря к посаду Балахны «к молодым людем в нашу тягль». Окрыленные успехом посажане продолжили свое наступление на белослободчиков и вызвали тем самым ответные меры властей, взявших два монастырских двора под защиту. В указной грамоте балахонскому городовому приказчику Г. М. Доможирову посадским людям было запрещено «вступаться» в отаханенные монастырские дворы, но подтверждалось право балахонцев включать в тягло и взимать подати с дворов, «которые молодые люди ставили дворы к загородному к троецкому двору в слободу»[174].

Сотная по Серпуховскому посаду 1552 г. содержит предписание о свозе с церковных дворов торговых и мастеровых людей: «а городцким людем торговым и мастеровым в тех дворех на церковных местех не жити, а которые городцкие люди торговые и мастеровые учнут в тех дворех жити, и серпуховскому сотцкому и всем городцким людем тех людей ис тех дворов вывозити да сажати в свои старые дворы и тяглые»[175]. Б. А. Романов сделал аргументированный вывод о том, что выписка из наказа писцам Серпухова содержит в себе расширительно истолкованное постановление 91-й статьи Судебника[176]. Исследователь имел в виду упоминание подлежавших вывозу мастеровых людей, о которых не было речи в тексте Судебника. Данное замечание Б. А. Романова имеет принципиальное значение для понимания эволюции положения посадских людей в России. Норма права в Важской грамоте 1552 г., так же как в 91-й статье Судебника, носит разрешительный характер, позволяя тяглым мирам выводить своих крестьян и посадских людей с монастырских земель. Кроме того, постановление Важской грамоты было нормой однонаправленного действия, объектом правоприменения которого были исключительно монастыри, что позволяет сделать

[171] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 127.

[172] Акты, относящиеся до гражданской расправы в древней России. Т. 1 / Собр. А. Федотов-Чеховской. Киев, 1860. № 43. С. 45.

[173] ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Кн. 519. Л. 132 об.—135.

[174] *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. Юрьев, 1897. № 17. С. 13—14.

[175] *Симпсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством. М., 1880. С. 329.

[176] Судебники XV—XVI вв. С. 330.

вывод о применении в Важской грамоте 91-й статьи Судебника, которая была истолкована расширительно. Очевидно, что право вывода тяглых людей с монастырских земель, полученное важанами, было тесно связано с двумя мероприятиями 50-х гг. XVI в.: описанием 1550—1553 гг. и земской реформой.

С начавшейся в 1552 г. выдачей уставных грамот земского управления и был связан завершающий этап процесса становления сословия посадских людей, выразившегося в так называемом посадском строении. П. П. Смирнов определил этот процесс не только как основание новых городов и их укрепление, но прежде всего как внутреннее переустройство и организацию посадских общин «из различных элементов государевых черных слобод»[177]. Практика посадских строений предполагала и вовлечение белослободчиков в тяглую раскладку, что происходило в первую очередь в крупных посадах с мощными структурами самоуправления. Там выборные земские люди шли на конфликт с церковью, как, например, в Переславле-Залесском, где посадские люди принудили слобожан митрополичьей Борисоглебской слободы вносить плату «во всякие потуги и в розметы с посадцкими черными людьми ровно». Проторы и разметы включали практически всю номенклатуру налогов и земских повинностей: ямские, приметные, пищальные деньги, бражный оброк, поворотное, пушечное, городовая мостовщина, садовый оброк, тюремные сторожи, наем губных дьяков[178]. Посажане включали в тяглую раскладку и непосредственно клириков, в случае если они жили на тяглых местах, как это было в Великом Новгороде в 1555 г., где на церковные дворы были наложены «разметы перед черными людми вдвое»[179].

Организация и элементы самоуправления на посадах прослеживаются в источниках, содержащих уникальные сведения о деятельности земской администрации Пскова во второй половине XVI в. Ее структура и функциональные обязанности определялись особенностями административно-территориального деления Пскова и его уезда. Функции земского самоуправления среднего административного уровня (городские концы и уездные засады) в основном были сосредоточены в налогово-финансовой сфере. В 1560—1570-х гг. выборные лица земской системы самоуправления (денежные «приимщики», «борцы»-сборщики), функции которых выполняли сотские, собирали деньги на ремонт башен и кровли и передавали по инстанциям — например, от сотского «Броцкого ста» старосте Петровского конца. Выборные земские власти собирали «государевы всякие подати», включая деньги «за старост больших жалованье» и «за наместничи доходы», чрезвычайные поборы (мостовое дело, «кромский расход» и т. д.), деньги на содержание земской администрации («в тюремных целовальников и сторожов и земских диаков <...> их годового найму» и «на семизасадского дьячка его годового найму»). Выборные старосты псковских засад в вопросах фиска напрямую сносились с центральными приказами, о чем свидетельствует указная грамота дьяков Ю. Сидорова и П. Родионова от 26 июня 1569 г. о взыскании данных денег и сборе посошных людей[180]. Получившие значительные привилегии и одновременно поставленные

[177] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 77.

[178] *Горчаков М. И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода. СПб., 1877. С. XXII.

[179] ДАИ. Т. 1. № 77. С. 134.

[180] Подробнее см.: *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. М., 2014. С. 245—261.

на службу государству верхи местного купечества — гости и члены Гостиной и Суконной сотен — были противопоставлены основной части городского населения тем, что не участвовали в системе земского самоуправления[181].

Во второй половине XVI в. закладничество тяглых посадских людей в белые слободы, несмотря на предписания 91-й статьи Судебника, продолжалось. Кроме того, значительное количество монастырских слободок сохранялось вне крупных посадов, что видно на примере слободки Троице-Сергиева монастыря на посаде в Холуе Владимирского уезда. Солеваренная слобода была основана в 1530-х гг., она пользовалась судебным иммунитетом: согласно жалованной грамоте, «соловаров и козаков и всяких соловарских людей и дворником володимерским наместником судити не велено и не вступатись ни во что». В царской указной грамоте от марта 1575 г. были зафиксированы нарушения иммунитета, выражавшиеся в том, что монастырские дворы некие «бояре и дьяки» пытались отдать «под суд» «царевичу» Михаилу Черкасскому, но царский указ предписывал сохранить существующее положение вещей. В резолютивной части грамоты содержалось предписание: «из дворов людей на посад выводити не велел и в дворы в соловарские и в козачьи вступатись холуйским посадцким людем не велел же»[182].

В крупных городах посадские люди, не дожидаясь правительственных распоряжений, самостоятельно выводили закладчиков из монастырских слободок, примером чего служит судьба двора Новодевичьего монастыря в Нижнем Новгороде. Получив бывший двор князя Воротынского в 1573 г., монастырская администрация поселила в нем в качестве дворников посадских тяглых людей, которых после правительственного распоряжения посажане немедленно вывели на посад. Монастырь поселил в опустевшие дворы трех крестьян, живших до этого на посаде, но земские целовальники Нижнего Новгорода, руководствуясь, видимо, прежней указной грамотой, начали принуждать и новых жильцов вернуться на посадские места. В указной грамоте от апреля 1575 г. правительство попыталось сохранить *status quo*, предписав земским целовальникам заселить опустевшие посадские дворы новыми жильцами, но монастырских дворников не возвращать в посад на старые дворы и не привлекать к несению повинностей «на ям и к иным земским делом». Сами же монастырские дворники имели право «промышлять» беспошлинно только в интересах монастыря, а с их товаров предписывалось взимать все пошлины по уставным грамотам и в соответствии с их промыслами по земскому разводу[183]. В грамоте от 3 февраля 1582 г. городовым приказчикам Переславля-Залесского было указано «переславским посадцким людям Спасского монастыря дворников» не «притягивать ни в какие протори, ни в службы их имати, и на посад их возити не велели», сохранив за ярославским Спасским монастырем их осадный двор[184]. Вышеописанные правительственные мероприятия, изменяя фискальный и правовой статус слобожан, не предполагали их насильственного переселения.

Однако на протяжении всего XVI в. правительство неоднократно предпринимало массовые выводы местной землевладельческой и торговой элиты, которая внушала подозрения сепаратистскими настроениями. Инкорпорация Пскова в 1510 г. сопровож-

[181] *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве. С. 151—156.

[182] *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. 2. С. 21—22.

[183] Там же. С. 20—21.

[184] Там же. С. 28—29.

далась не только депортацией на северо-восток Руси трехсот дворовладельцев, составлявших правящую элиту вечевой республики. Великокняжеская администрация осуществила масштабное переселение местных жителей в пределах собственно городской черты, заселив центральную часть города лояльными к новой власти переселенцами с северо-востока. «Того же лета к Троицыну дни приехаша во Псков гости сведеные москвичи з десяти городов 300 семеи, и начаша им дворы давати в Середнем городе, а пскович всех выпроваживаша из своих дворов в Окольней город на посад». Анализируя упоминания о «сведенцах» XVI в., Б. Н. Флоря констатировал факт наиболее раннего упоминания такого перевода в сентябре 1571 г.[185] Спорадические переселения из Пскова осуществлялись и в середине XVI в.: в 1555 г. «опальных людей пскович свели в Казань 10 семей»[186]. Их следы хорошо видны в писцовых книгах Казани 1565—1568 гг., где перечислены дворы «сведенцов псковских», равно как и выведенных из Углича, Вятки, Костромы, Москвы, а в описании торга — лавки псковитян, «вологженинов», «лучан» и целый «псковский ряд»[187].

Отмежевание нескольких городских кварталов Москвы в опричнину в 1565 г. открыло новый этап в городской политике властей и привело к переселению жителей: «...которые улицы и слободы поимал государь в опришнину, а которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в ыные улицы на посад»[188]. Гибель значительной части посадского населения Москвы в пожаре 1571 г. подтолкнула правительство к принудительному переселению в Москву купцов из провинции; в частности, из Новгорода в Москву были переселены 100 купеческих семей как с опричной, так и с земской стороны. Следы этого переселения в соответствии с царским указом сохранились в дозорной книге Новгорода 1586 г., где отмечен «прежней жилец Степанко, взят к Москве по государеве грамоте в 78-м году»[189]. Не менее масштабными были переселения из Пскова, упоминаемые в жалованной грамоте Псково-Печерскому монастырю 1584 г., где зафиксированы дворовые места Якуша Руслова, огород Тимофея Билимона гостя, пожня «гостя Денежки сведенного»[190]. Однако по мере запустения городов северо-запада в начале 1580-х гг. переселенцы устремились в обратном направлении: в Новгороде были зафиксированы «Терех Остафьев, да племянник его Мишюк Павлов, приведены с Москве»[191].

Дальнейшая эволюция посадской общины протекала в условиях нарастающего экономического кризиса, вызванного ростом государственных налогов. Еще Н. Ф. Яницкий выяснил на основании писцовых книг 1580-х гг., что кризис в Новгороде ударил в первую очередь по посадскому торгово-промышленному населению. Динамику кризиса в Новгороде попытался проследить С. В. Бахрушин, указавший на рост налогов как основную причину запустения в 1580-х гг.; аналогичную точку зрения отстаивал А. П. Пронштейн[192]. Е. И. Колыче-

---

[185] *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве. С. 154.

[186] Псковские летописи. Вып. 2. М., 2000. С. 299.

[187] Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. С. 18—20, 59—60.

[188] ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 395.

[189] Новгородские летописи. С. 110—111; Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов. С. 65.

[190] ОР РГБ. Ф. 256. № 56. Л. 5—5 об.

[191] Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов. С. 79.

[192] *Яницкий Н. Ф.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915. С. 100; *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. С. 147, 150, 211; *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. С. 44—45.

ва рассмотрела кризис конца XVI в. через призму изменений в структуре населения и указала на роковую роль эпидемий 1550—1560-х гг. для русской деревни. «Эпидемия изменила половозрастной состав населения, породила большое количество неполных и бездетных семей, нарушила родственно-соседские связи в деревне и тем самым привела к деформации общины. Неполная семья, лишенная частично или полностью взрослых мужских рук и помощи соседей, была не в состоянии распахать надел в прежнем объеме. Нарушение (в результате главным образом эпидемии) нормального воспроизводства населения привело к тому, что нарастание экономического кризиса на какой-то период стало необратимым»[193]. Объяснительная модель Е. И. Колычевой, дополненная анализом фискального принуждения, приложима и к русскому городу конца XVI в.[194]

Система налогообложения на посадах формировалась на протяжении первой половины XVI в., еще в писцовом описании Старой Руссы 1497/98 г. прямые налоги взимались в виде денежного оброка и с дворов на землях великого князя в виде позема и «розмеров» соли. К середине XVI в. на посадах утверждается система сошного письма, причем в соху клалось определенное количество дворов разного уровня прожиточности: больших, «середних» и меньших людей. В Серпухове в 1552 г. писцы положили на соху в среднем 70 дворов, а в Муроме в 1573—1574 гг. — 63 двора[195]. К концу столетия в связи с прогрессирующим разорением в соху стали класть большее количество дворов: при составлении платежной книги Зарайска 1594—1597 гг. в соху было «положено лутчих людей по 80 дворов, а середних людей по 100 дворов, а молотчих и убогих людей по 120 дворов»[196].

О ставках основных налогов, приходившихся на посадскую соху, известно по грамоте от 26 февраля 1589 г. на Соль Вычегодскую, а также сотным на посады Юрьевца Повольского и Устюжны Железнопольской. Все три посада были средними по размерам, а их население носило торгово-промышленный характер, что позволяет признать данные сравнимыми. На посаде Соли числилось 334 тяглых двора, положенных в 5 сох с третью и пол-пол-полтретью сохи: в соху клали по 62 и пол-полтрети двора. Оброк за наместнич корм, присуд и пошлинных людей доход взимался в размере 195 руб. 22 алт. 1,5 деньги: на соху приходилось 36 руб. 13 алт. полутреть деньги. Основные налоги — дань, запрос, за поминочные, за черные соболи, ямские и приметные деньги, за посошные люди, и за городовое, и за засечное, и за ямчужное дело, и за поплужную пошлину, и соколья оброку и казначеевых, и дьячьих, и подьячьих пошлин, и за праветчикову за поворотную пошлину — взимались в размере 34 руб. и 7 алт. 4 деньги: с сохи по 6 руб. и по 12 алт. по 2 деньги. Пищальные деньги в размере 1 руб. и 22 алт. с деньгой взимались с сохи по 10 алт. и по 2 деньги[197]. Несложный подсчет показывает, что с сохи усольцы платили 44 руб. 15 алт. с полуденьгой, что соответствует данным С. Б. Веселовского (от 44 руб. 10 алт. до 58 руб. 17 алт.).

На посаде Юрьевца по сотной грамоте 1593/94 г. числился 231 двор в 2 сохи без пол-пол-четверти и пол-пол-трети сохи. В соху клали по 80 дворов «лучших людей»,

---

[193] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 187.

[194] Подробнее см.: *Аракчеев В. А.* Ordinary People and the Great Time of Troubles: Homestead Ownership in Veliky Novgorod and Yaroslavl in 1606—1618 // Вестник Волгоградского государственного университета. 2019. Т. 24. № 2. P. 113—119.

[195] *Симпсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством. С. 311—334; *Кучкин В. А.* Материалы для истории русского города XVI в. С. 304—315.

[196] Зарайск: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1883. С. 1.

[197] ААЭ. Т. 1. № 343. С. 415—416.

по 100 дворов «середних» и по 120 «молотчих» людей: льготные по сравнению с черносошным севером нормы налогообложения объясняются тем, что Юрьевец был дворцовым городом, находясь под управлением Большого дворца и его приказных людей[198]. Но и ставки налогов для юрьевецкого посада существенно различались: налоги «за пищальные деньги и за присуд и знаменного и за выводную куницу, и за новоженной убрус и за дворского пошлин и за довод с правдою» составляли 93 руб. 19 алт. 5 деньг. Казалось бы, на соху и в Юрьевце приходилось около 45 руб., но, в отличие от посадов Поморья, ямские и полоняничные деньги в эту сумму не входили; они должны были платиться «по сошному разводу, как в котором году государь укажет»[199]. Таким образом, льготный размер сохи в дворцовом посаде компенсировался повышенной ставкой основных налогов, причем ставка такого значительного по размерам налога, как ямские деньги, была меняющейся.

Третий вариант раскладки податей известен по данным писцовых книг 1596—1598 гг. посада Можайска, который в силу разорения был обложен легче, чем Соль Вычегодская, но тяжелее, чем Юрьевец: на соху приходилось по 91,1 двора. Налогообложение с сохи (за наместнич и их пошлинных людей доход и за присуд оброку и пошлин, за постельнич доход, меховые деньги) составляло 22 руб. 6 алт. 4 деньги, а с двора — 48 деньг. Основные налоги были гораздо тяжелее: ямские и приметные деньги с сохи по 20 руб., полоняничные — по 2 руб., ямским охотникам на подмогу — по 10 руб., кормовых денег — по 24 алт., пищальных — 14 руб. 3 алт. 2 деньги.[200] В общей сложности с сохи взималось по 67 руб. прямых налогов, что позволяет охарактеризовать налогообложение западных городов в 1590-х гг. как возрастающее.

Непрерывные войны второй половины XVI в. решительно изменили структуру населения приграничных городов, особенно крупных, подобно Казани и Смоленску. Сохранившиеся по этим городам кадастры убеждают в том, что посадское население оказывалось в условиях неравной конкуренции со служилыми людьми «по прибору». Поселенные в Казани в две слободы стрельцы двух «приборов» активно занимались ремеслами и торговлей, а их специальность часто упоминалась после имени наряду с именем отца или местом происхождения[201]. Гарнизон Смоленска по крестоприводной книге 1598 г. включал 1282 стрельца, численность которых двукратно превышала численность посадских людей (588). Среди смоленских стрельцов также был велик удельный вес ремесленников, чья специальность указывалась в тех случаях, когда стрелец был «прибран» из состава местной посадской общины[202].

Введение воеводского управления в 1580-х гг. в историографии традиционно связывалось с так называемым пересмотром результатов земской реформы. Однако, как показано в новейшей историографии, в большинстве крупных городских центров на окраинах страны система наместничьего управления сохранилась или была восстановлена и выборные земские органы самоуправления вплоть до 1580-х гг. были подчинены наместникам. В писцовых книгах Соликамского и Чердынского уездов 1578/79 г. аппарат наместничьего управле-

[198] *Сироткин С. В.* Сотная грамота 1593/94 г. на посад Юрьевца Повольского // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 44—64.

[199] Там же. С. 62.

[200] Можайские акты 1506—1775 гг. СПб., 1892. С. 34.

[201] Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. С. 35—41.

[202] Смоленская крестоприводная книга 1598 г. / Подг. С. П. Мордовина, А. С. Станиславский // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 143—166.

ния в составе его тиуна и доводчиков предстает как действующий и аккумулирующий значительные денежные и натуральные кормы. Денежное довольствие чердынского наместника спустя четверть века с момента получения пермичами уставной грамоты не изменилось. В 1553 г. по уставной грамоте наместник получал «на Велик день» 7 руб., на Рождество — 14 руб., на Петров день — 7 руб.[203] По писцовой книге 1578/79 г. денежные доходы наместника составляли 27 руб. 31 алт. 1,5 деньги в год, а натуральные — 140 пудов соли с семи варниц[204]. Утраченные воеводами судебные прерогативы (так называемое право боярского суда, предполагавшего высшие судебные полномочия) переместились в центральные органы власти, а именно в четверти. Таким образом, создание четвертей как отдельных учреждений было обусловлено глубокой трансформацией всей системы управления в стране. Уже на рубеже XVI—XVII вв. четверти ведали не только фискальными вопросами, но и судебно-административным управлением тяглым населением городов и уездов, разрешая все дела, которые превышали компетенцию воевод и земских старост.

Государство, рассматривавшее посады как основной источник налоговых поступлений, в середине 1580-х гг. начало новое «посадское строение», о ходе которого П. П. Смирнов привел лишь два свидетельства, относящиеся к Твери и Болхову. Недавно введенный в научный оборот фрагмент дозорной книги Софийской стороны Новгорода 1586 г. сохранил в своем тексте явные следы посадского строения, осуществленного накануне или даже во время описания («что писцы роздали по дьячим же памятем»)[205]. В сохранившихся описаниях городских кварталов зафиксированы результаты масштабного переселения на посад в контурах стен «Деревянного города» прежних жителей «заполий» — продолжений городских улиц за пределами крепостных стен. В квартале улиц Дослани и Корельской из 79 дворов 56 были сформированы для переселенных из «Кожевницкого заполья» и новоприходцев с подсоседниками; из 25 дворов в квартале улиц Щуровы и Чедерской 14 дворов были розданы также переселенцам из «Кожевницкого заполья». В квартале Щирковой улицы из 16 дворов 9 с половиной были розданы новоприходцам и подсоседникам; в квартале улиц Пруской и Роговки из 28 дворов 25 были розданы новоприходцам, подсоседникам и переселенцам из Пруского заполья. Терминология дозорной книги отражает факты принудительных переселений, лишь иногда подкрепленных челобитными («переведен из загородья ис Кожевников», «переведен з Дослане улицы»)[206].

Проходившее чуть позже, в 1588—1589 гг., посадское строение Твери было основано на аналогичных принципах, хотя по сохранившимся о нем фрагментарным сведениям источников известно лишь о переселении на посад Твери жителей дворцовых сел. Судя по челобитной посадского человека А. В. Родионова, еще в 1619 г. он квалифицировал себя как «переведенца Новоторжского уезду села Климова». Переведенец вспоминал, как писцы М. А. Щербатый и дьяк А. Григорьев «строили Тверь посад и Тверской уезд и отца моего с товарищи, пашенных крестьян из Новоторжского уезда ис села Климова перевели с пашен на Тверь на Заволжской посад на житье в

[203] *Семенов О. В.* Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России: Сборник научных трудов. Вып. 7. Екатеринбург, 2008. С. 305.

[204] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. С. 399.

[205] Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов. С. 61.

[206] Там же. С. 61, 65, 68, 80, 117.

тягло з женами и з детьми и со всеми животы»[207]. Датируемые 1590-ми гг. строельные книги посада Калуги свидетельствуют о том, что аналогичные мероприятия проводились и в Калуге, хотя в списке строельных книг указаний на вывод тяглецов не сохранилось[208]. П. П. Смирнов предположил, что целью посадского строения Твери (равно как и предполагаемых им мероприятий правительства в других городах) «было не возвращение беглых посадских людей и не ограничение роста вотчинных слобод и дворов, не пополнение посада торговыми и промышленными людьми <...> а пополнение запустевшего „от государева погрому" посада крестьянами <...> взятыми из государевых же дворцовых сел»[209].

Наказ писцам Галичского, Чухломского и Солигаличского уездов Ю. И. Нелединскому и Л. Сафонову от 30 июня 1585 г. позволяет существенно откорректировать устоявшуюся в историографии точку зрения. Распоряжение о сыске беглых посадских людей приводится в наказе дважды: в первом и втором разделах. Резолюция первого раздела предписывает: «...а которые будет люди с черных мест розошлися жити по слободам или по иным городом или по деревням за кого ни буде, и тех людей сыскивая, возити их на старые их дворы»[210]. Положение о свозе бывших черных тяглецов в монастырские слободы не являлось новацией, но другие нормы наказа свидетельствуют о серьезных изменениях в положении посадских людей, произошедших после принятия Судебника 1550 г. Если норма о свозе тяглецов из монастырских слободок явно заимствована из Судебника, то своз бывших посадских тяглецов из других городов и из деревень «из за кого ни буде» до середины 1580-х гг. не практиковался. В данном случае имелись в виду все категории владельцев: служилые люди, монастыри, Дворец. Таким образом, есть основания полагать, что в писцовых наказах, составлявшихся в царствование Федора Ивановича, декларировались сыск и возвращение посадских людей в состав своих тяглых общин.

Второй раздел наказа был посвящен сыску посадских людей и черных волостных крестьян в сельской местности, откуда «посадцких людей и волостных крестьян беглых з женами и з детми и со всеми их животы по сыску имая, приводити в Галич на посад и в галицкие пригороды да тех посадцких людей и сажати на посаде в старые их дворы». В наказе предписывалось не просто выводить и сажать беглых «на старые дворы», но и непременно («однолично») прикреплять их системой поручительств и налоговой разверстки. «А однолично Юрью Ивановичю и Леонтью тех городов посацких беглых людей и волостных крестьян сыскав где-нибуди, вывести назад, посадцких людей на посад, а волостных крестьян в волости, и записи по них поручные поимати, чтоб им жить по прежнему в старых своих дворех и государевы подати платить по своим жеребьям по сошному писму ровно, и вон не выходити без государева указу ни за кого...»[211].

Процитированный документ позволяет подвергнуть существенной коррекции сложившиеся на основе исследования Торопецкой уставной грамоты 1590/91 г. в историографии представления о том, что режим «заповедных лет» распространялся на посадское население[212]. Статьи Торопецкой уставной грамоты предписывали «тяглецов

---

[207] РГАДА. Ф. 396. Оп. 32. № 50104. Л. 1.

[208] Города России XVI века: Материалы писцовых описаний. С. 221—252.

[209] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 164.

[210] АСЗ. Т. 1. № 190. С. 156—158.

[211] Там же. С. 158.

[212] *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. С. 854—855; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 157—159; *Веселовский С. Б.* Отмена

<...> которые у них с посаду разошлись, в заповедные лета вывозить на старинные их места» таким же образом, как и в Галиче и его пригородах[213]. Как показано в новейших исследованиях, смысл цитированного фрагмента состоит в следующем. Посадские люди Торопца, которые вышли с посада еще до введения «заповедных лет» и поселились в частновладельческих землях Торопецкого уезда, в 1580-х гг., как и в новгородских землях, оказались в рамках режима «заповедных лет». Записанные в писцовой книге 1583/84 г. тяглецы уже не могли быть вывезены «на старинные места», поскольку это нарушало введенный порядок. Поэтому по уставной грамоте 1590/91 г. посадская община Торопца получила в качестве привилегии право вывоза своих старинных тяглецов из помещичьих и монастырских земель, невзирая на введение там «заповедных лет». Посадские люди Торопца получили право действовать таким же образом, каким действовали писцы Великого Новгорода и Твери, «строившие» посады в 1586—1589 гг. [214]

В 1590-х гг. «посадские строения» были осуществлены в Болхове, Казани и Устюжне Железнопольской. Первые два мероприятия были известны П. П. Смирнову, который предположил, что в 1590-х гг. принципы сыска бывших посадских людей изменяются в сторону последовательного применения принципов «посадской старины» и «посадской близости». В Болхове в 1593—1595 гг. стройщик М. Кульнев «посадцких людей из-за дворян и из-за детей боярских и из уездов вывозили и посажали на посад и наш оброк на них положили»[215]. Однако сохранившиеся писцовые материалы городов конца XVI в. свидетельствуют, что правительство действовало избирательно. В Устюжне Железнопольской в 1597 г. «на посаде в Шилое улице», в Рыжкове улице и в Шилове переулке сохранялась слободка Рождественского монастыря, состоявшая из 39 дворов, в которых жили «торговые люди и мастеровые». Однако другая слободка, которую поставил в Ильинской улице игумен Никольского монастыря, «по челобитью посадцких людей» была «приписана к посадцким к тяглым людям», после чего ее насельники «тянут государево тягло с посадцкими людьми ровно»[216].

Проблема характера посадской общины в историографии была поставлена в конце XIX в., когда Н. Д. Чечулин, обнаружив, что земельные участки и лавки переходили от одного владельца к другому без актов купли-продажи, предположил, что на посадах осуществлялись переделы, подобные переделам земли в сельских общинах. Эту мысль исследователь подкрепил обоснованным суждением о верховной государственной собственности на землю городов, пользователи которой, посадские черные люди, были неотличимы по своим правам от черносошных крестьян[217]. Данные известных еще в XIX в. и введенных в научный оборот относительно недавно записных книг купчих крепостей на дворы и лавки, а также единичных купчих на пригородские пожни позволяют отвергнуть гипотезу о переделах земли на посаде. Купле-продаже подлежали не права на зем-

---

Юрьева дня // Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 41; *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 98—99; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 164—167.

[213] Наместничьи, губные и земские грамоты Московского государства. № 10. С. 147.

[214] Подробнее см.: *Аракчеев В. А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. С. 299—305.

[215] РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 25. № 40339. Л. 212.

[216] *Воскобойникова Н. П., Колесников П. А.* Сотная из писцовых книг Д. Г. Бельского на посад Устюжны Железопольской 1597 г. // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 136, 141—142.

[217] *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. С. 74, 117, 322—323.

лю, а результаты труда владельца, выраженные в дворовых постройках, торговых амбарах и лавках или просто распаханной и расчищенной земле. Во-первых, купчими оформлялся переход белых, освобожденных от тягла дворов: в 1579 г. в Новгороде была оформлена сделка по продаже двора на Кузмодемьянской улице между служилыми людьми, а в 1583 г. — двора на Дослане улице между служилым человеком и Вяжищским монастырем[218]. Наиболее массовым объектом купли-продажи были черные тяглые дворы и в особенности торговые помещения — лавки. В новгородской записной книге купчих крепостей 1590— 1591 гг. оказались зафиксированы 115 купчих на дворы и лавки, оформлявшие сделки исключительно между представителями равного статуса — тяглыми людьми[219].

В-третьих, посадские люди закладывали и, очевидно, имели право продавать свои загородные нивы и пожни. В 1562 г. псковский «торговый человек мельник» за сумму в 70 руб. заложил игумену Костельникова монастыря свою «страдбу на Завеличье промеж Выбуцкие дороги и Виляшки: нивы, и пожни, и овин, и изгороды свою половину, да и рожь в земли на тех нивах». Срок залога был определен от Николина дня 6 декабря до Крестопоклонного воскресенья, которое в 1563 г. приходилось на 31 марта. Не уплативший «денег на тот срок» игумену владелец пожни «закладу им своего сступился», и пожня перешла в руки монастыря[220]. Переход дворов и лавок из рук в руки осуществлялся по купчим записям, а запустевшие дворовые и лавочные места выделялись новым тяглецам или даже продавались. В 1591 г. городовые приказчики отвели пустой двор «митрополичью крестьянину Манухе Стефанову на софейской земли в Чудинцеве улице». По данным начала XVII в. известно, что пустые тяглые дворы продавались желающим «из оцынки писцов», а плата «по оцынному списку» вносилась «в градскую казну»[221]. Имеющиеся в распоряжении исследователей факты убеждают в том, что посадская община не знала переделов, а ее характер определялся обязанностями по исполнению государственных повинностей и несению тягла.

---

[218] Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV — начала XVI в. № 29. С. 42; №. 36. С. 47—48.

[219] Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов. С. 118—172.

[220] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Пскову. Д. 68/23349. Л. 132—135.

[221] Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов. С. 155; Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609—1616 / Text and Commentary I. Nordlander. Stockholm, 1987. P. 94.

Часть IV

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ, КРЫМА, СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, УРАЛА И СИБИРИ

Введение. В течение XVI в. границы Московского государства раздвигались все шире, в том числе на юг и восток. В состав России вошли территории расселения различных народов: в Среднем Поволжье — казанских татар, чувашей, черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов); в Нижнем Поволжье — астраханских татар и частично ногайцев; на Южном Урале — башкир; на Северном Урале и в Северо-Западной Сибири — вогулов (манси), остяков (хантов), остяко-самоедов (селькупов); на юге Западной Сибири — сибирских татар.

Почти все регионы и народы, примыкавшие к Московскому государству с востока, в свое время входили в состав Золотой Орды. Отсюда происходит встречающийся в историографии формальный «евразийский» взгляд на присоединение их к России как на «собирание» ею бывших ордынских владений. В XV—XVI вв. население этих территорий продолжало сохранять значительное ордынское государственное наследие. В первой половине XVI в. ближайшими восточными соседями России были тюркские государства, осколки Орды — Казанское ханство и Ногайская Орда. Далее к востоку располагались земли башкир, по большей части подчинявшихся ногаям. Южнее, в низовьях Волги, находилось небольшое и слабое Астраханское ханство, отрезанное от русских владений обширными казанскими и ногайскими землями. За Уралом простиралось огромное, но редконаселенное Сибирское ханство.

Принципиальным рубежом в повышении статуса русского монарха в глазах соседних народов явилось подчинение им Казанского и Астраханского «царств». Московский царь превратился в старшего государя по отношению к правителям Заволжья и Сибири. В середине — второй половине XVI в. он по отношению к поволжским и заволжским народам в определенном смысле принял на себя функции верховного сюзерена, традиционно связывавшиеся некогда с татарскими правителями Золотой Орды, Казани и Сибири. Перед правительством вставала задача адаптации новоприсоединенных земель и народов к новой геополитической ситуации — пребыванию их в пределах России, «под высокою рукою белого царя». Пути решения этой задачи были различными. Внутренняя организация бывших ханств была изменена, а их элита лишена власти, но отдельные татарские и ногайские роды вошли в состав российской аристократии и формирующегося дворянства. Распространенная ранее в ханствах система ясачной эксплуатации была взята на вооружение русскими властями, послужив в дальнейшем основным принципом отношений с народами Сибири.

Налаживание управления новоприсоединенными землями происходило одновременно с началом миграции в них во второй половине XVI в. русского населения — пока довольно ограниченной и контролируемой властями. Это имело следст-

вием, во-первых, вступление русских в непосредственный повседневный контакт с инокультурным финно-угорским и тюркомусульманским миром; во-вторых, организацию управления, налогообложения, религиозной политики и т. д. по отношению к многочисленным, как тогда говорили, иноверцам, незнакомым с нормами государственных отношений внутри Руси.

Неславянские подданные жили в пределах Руси и ранее, но именно в XVI в. Россия стала превращаться в могущественную многонациональную евразийскую державу.

НОГАЙСКАЯ ОРДА

Ногайская Орда была самым обширным из государств, образовавшихся при распаде Золотой Орды. В период наивысшего могущества, в первой половине XVI в., ее граница на востоке и юге подходила к верховьям рек Тобол и Нура, шла по реке Сарысу и затем по Сырдарье к Аральскому морю. Западным рубежом долго служила Волга. Но со временем жители Ногайской Орды стали осваивать и правобережные волжские пастбища. Северные пределы Орды можно определить очень условно. До середины XVI в. в ее состав входила бóльшая часть современной Башкирии.

Ногайцы (ногаи) являлись типичными кочевыми скотоводами, не знавшими и не любившими городской жизни. Единственным достоверно известным городом у них был Сарайчик на реке Яик (Урал), оставшийся от золотоордынских времен. Подати, регулярно выплачивавшиеся кочевниками в пользу правителей-биев и знати-мирз, были натуральными: скот и продукты животноводства, пушнина, мед и др. Земледелие находилось в зачаточном состоянии и сводилось к небольшим посевам проса в долине Яика. Ремесло носило домашний характер, обеспечивая лишь потребности кочевого скотоводства. Для приобретения хлеба, металлических изделий и тканей ногайцы вели оживленную торговлю с соседними странами. Активному обмену товарами способствовало расположение Ногайской Орды на старых караванных путях из Средней Азии и Персии в Восточную Европу и Сибирь.

Распространенным обозначением средневековых ногайцев, встречающимся в тюркских текстах и исторических сказаниях, было слово «сансыз» («бесчисленные»). На Руси и в Европе сложилось устойчивое мнение об огромном населении Ногайской Орды, наиболее многолюдной среди окрестных государств: «их же число подобно морскому песку было»[1]. «Подобен морю был наш народ», — утверждали сами ногайцы устами поэта Шал-Кийиза Тиленшиулы[2]. В середине XVI в. в Ногайской Орде проживало от 900 тыс. до 1 млн человек. Позднее их число неуклонно уменьшалось[3].

В конце XIV в. в междуречье Яика и Эмбы образовался Мангытский юрт — район кочевания тюркского племени мангытов, во главе которого стоял могущественный беклербек (главный военачальник) Едигей (Эдиге, Идигу). В то время он управлял всеми делами Золотой Орды от имени безвластных, во всем покорных ему ханов. Традиция влияния Едигея была столь сильна, что после его гибели в 1419 г. должность беклербека закрепилась за его семьей.

В политике мангытских предводителей второй половины XV в. проявилась идея, истоки которой были заложены еще

[1] Сочинения князя Курбского. Т. 1. СПб., 1914. С. 238.

[2] *Сикалиев А. И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 48.

[3] Подробно см.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. 2-е изд. М., 2002. С. 493—499.

Едигеем: хан был необходим мангытам только для того, чтобы освятить их растущее политическое влияние. Кроме того, получив однажды от покорного Чингисида пост беклербека (бия — в восточно-кипчакских наречиях), мангытский мирза становился его обладателем пожизненно, вне зависимости от того, жив ли государь, даровавший эту должность. Правда, при этом пока сохранялось обязательное условие: беклербек все равно должен был «числиться» при каком-нибудь монархе, который номинально становился верховным правителем ногаев. При правнуке Едигея, бие Мусе, такими правителями поочередно становились узбекские царевичи и тюменский хан Ибак.

К концу XV в. в степях между Волгой и Эмбой обитало уже третье или четвертое поколение жителей Мангытского юрта. Общая историческая судьба и одинаковые политические интересы породили у них осознание единой общности. Показателем этого стало слово «ногай». Так стали называть всех подчинявшихся мангытскому бию кочевников независимо от их племенной принадлежности. Мангытский юрт получает в источниках второе название — Ногайская Орда.

К началу XVI в. Муса стал уже полностью самостоятельным правителем, хотя и номинально низшим по сравнению с окрестными ханами. Ведь по укоренившейся традиции законным правом на власть обладал хан-Чингисид. Бий же официально не представлял собой самостоятельного государя, этот пост должен был дароваться от вышестоящего правителя. Поэтому до 1550-х гг. в Ногайской Орде практиковались приглашение и провозглашение фиктивного, марионеточного хана. Имена таких «правителей» редко встречаются в источниках, так как никакого влияния в Орде они не имели. Единственной их задачей было освящать своим молчаливым присутствием реальные полномочия главы мангытов. Во второй половине XVI в. бии правили, очевидно, уже без подставных монархов.

В первой половине XVI в. Ногайская Орда играла значительную роль в международных отношениях Восточной Европы и Дешт-и Кипчака, активно вмешивалась в политику поволжских и Сибирского ханств, нередко конфликтовала с Крымом, который стремился подчинить ее своему влиянию.

К середине 1550-х гг. обострилась борьба различных группировок ногайской знати. Многие мирзы были обеспокоены продвижением Московского государства на восток, завоеванием царем Иваном IV Казанского ханства (1552) и установлением им контроля над Астраханским ханством (1554). Во главе противников промосковской ориентации стоял бий Юсуф. В 1554 г. он был свергнут и убит своим братом, пророссийски настроенным мирзой Исмаилом. Несколько лет продолжались междоусобицы. Вооруженные конфликты сопровождались нарушением налаженной системы перекочевок, что приводило к массовой гибели скота и, как следствие, к массовому голоду среди населения. Во время этих событий большое количество ногайцев умерло от лишений и эпидемии чумы или переселилось в окрестные государства.

В Москве расценивали Исмаила как союзника и неоднократно оказывали ему помощь, посылая продовольствие и направляя стрелецкие отряды для защиты от врагов. К концу 1560-х гг. Исмаил утвердился у власти, а разгромленные им соперники бежали в соседние страны. Оказавшись во внешнеполитической изоляции среди мусульманских государств, Исмаил полагался лишь на поддержку Ивана IV. В заключенных между ними договорах (шертях) бий признавал иерархическое старшинство царя и обязался соблюдать союзнические отношения. Однако, вопреки распространенному в историографии мнению, он не перешел в русское подданство, как не произошло и присоединения Ногайской Орды к Московскому государству.

Объективно переворот Исмаила, несомненно, был выгоден Москве. В ноябре

1555 г. царь направил новым правителям Орды свое наградное жалованье — «за то, что Юсуфа князя побили»[4]. Он благодарил их за создание выгодной для Москвы новой внутренней ситуации в Ногайской Орде. Ведь Россия теперь избавилась от угрозы кочевого нашествия, которое то и дело принимался готовить прежний бий. Степнякам стало не до нападений на Русь — в случае окончательной победы Исмаила в Сарайчике утвердился бы союзник царя; в случае борьбы сторонников Юсуфа и Исмаила Орда оказывалась бы охваченной междоусобицами, что тоже позволило бы России беспрепятственно осуществлять экспансию в Поволжье.

Преемники Исмаила то признавали главенство русского царя, то начинали конфликтовать с ним. Но все же, ослабленные раздорами и экономической разрухой, раздробленные ногайцы уже не представляли собой значительной силы. Сын Исмаила, бий Дин-Ахмед, видел свою задачу в восстановлении Орды после смуты, поэтому старался уживаться мирно и с Московским государством, и с крымцами. Но страх перед Россией, которая укрепляла свои позиции в Поволжье и далее на востоке, иногда заставлял Дин-Ахмеда действовать против нее. Его отряды принимали участие в нашествиях крымского хана Девлет-Гирея I на Русь в 1571 и 1572 гг., нападали на «украйны», разоряли пограничные поселения и угоняли их жителей в плен. Сменивший Дин-Ахмеда в 1578 г. его брат Урус занял резко антироссийскую позицию.

Для противостояния кочевникам московское правительство предприняло строительство крепостей на главных ногайских переправах через Волгу: Самары (1586), Царицына (1589), Саратова (1590). Возмущенный Урус держал у себя в заложниках московских послов и требовал снести новые города (вместе с только что построенной Уфой). Но ни решимости, ни сил настаивать на этом у него не нашлось. В 1590 г. он погиб в очередной распре. Ногайскую Орду в 1590-х гг. опять охватила смута. В борьбу за власть над кочевьями и подданными вступили семьи биев Дин-Ахмеда и Уруса.

Особенности кочевой экономики и политического устройства привели к обособлению отдельных улусов. В течение XVI в. сформировалось сильное сословие мирз — ногайской элиты. Под влиянием меняющейся политической конъюнктуры, опираясь на замкнутое хозяйство собственных кочевий, мирзы оказывались подверженными сепаратистским настроениям. Как только мирза обзаводился собственным сильным и многолюдным улусом, он начинал проводить независимую политику. Это явление существовало как тенденция в XVI в. и в полной мере обнаружилось в начале следующего столетия, в период распада Ногайской Орды.

На раскол знати повлияли и династические распри. Часть населения Орды во главе с мирзой Казыем в середине столетия откочевала в степи северо-западного Предкавказья, где вскоре образовалось самостоятельное владение — Казыев улус, или Малая Ногайская Орда. Потомки одного из ногайских биев первой половины XVI в., Шейх-Мамая (так называемого Алтыулы), кочевавшие на территории Центрального Казахстана, тоже фактически отделились от главной (Большой) Ногайской Орды.

В последней четверти XVI — начале XVII в. на внутренние дезинтеграционные процессы наложилось сразу несколько неблагоприятных внешних факторов. В это время началась миграция части ойратских племен (калмыков) на запад. По пути из Западной Сибири на Волгу калмыки прошли сквозь основную территорию но-

[4] ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 258; Летописец русский / Публ. А. Н. Лебедева // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 3. С. 30.

гайцев и частью вытеснили, частью подчинили их себе.

Участились набеги казаков. В 1581 г. волжские казаки разрушили ногайскую столицу Сарайчик, а затем стали обосновываться в центре ногайских кочевий — по берегам Яика.

Усилилось Казахское ханство. По мере ослабления верховной власти биев некоторые племена Ногайской Орды переходили в подданство казахским ханам, которые, таким образом, расширяли подвластную территорию на запад.

В результате падения Казанского и Астраханского ханств и резкого усиления Российского государства нарушился баланс сил, сложившийся в Восточной Европе в течение XV — первой половины XVI в. после распада Золотой Орды. Ногайцы столкнулись с необходимостью выбора ориентации на одного из двух противостоящих гегемонов региона — Крым или Россию. Знать Ногайской Орды раскололась на прокрымскую и пророссийскую партии. Этому расколу способствовали также интриги Москвы и Бахчисарая, их борьба друг с другом. Данное обстоятельство тоже мешало правительству Орды контролировать всю территорию распадавшегося государства. Были неоднократные попытки реванша (об этом свидетельствовали перекочевки обратно на левобережье Волги, переговоры с властями Бухары о восстановлении Сарайчика). Но в результате внешних ударов ногайцы в конце концов утратили прежние кочевья и в первой половине XVII в. превратились в скитальцев, расселившись по всему огромному степному пространству между владениями Крыма и России.

Близкие родственные отношения в недрах правящего клана потомков Едигея придавали связям между его членами видимость патриархальности. Формально бий занимал место родового старейшины ногайцев. В распоряжении бия не было никаких средств, чтобы заставить родичей-мирз подчиниться его воле. Мирзы признавали его властные полномочия «за старость» (т. е. старшинство в роде) и «покаместа он <...> силен улусными людми»[5]. Важнейшие политические вопросы решались бием в совете с самыми могущественными аристократами. К числу таких вопросов относились, в частности, общеордынские военные действия, отношения с иностранными монархами, международные союзы и коалиции.

Все прочие государства, возникшие на месте Золотой Орды, управлялись монархами из разветвленного клана Чингисидов/Джучидов. Главы ногайцев, не принадлежащие к этому клану, не смели претендовать на ханское звание. В принципе был еще один путь к утверждению монархического статуса — создание сильной державы, удачные войны, которые заставили бы соседей признать за ногайскими правителями любой угодный им ранг. Судя по некоторым отголоскам в источниках, такая попытка была предпринята в Ногайской Орде в конце 30-х гг. XVI в. Разгромив или запугав соседей, ногайцы сочли себя вправе сформировать пирамиду власти, аналогичную структурам управления в независимых ханствах. Бий Саид-Ахмед в грамоте Ивану IV объявил о своем намерении заступить на место хана, здесь же были названы наследник престола-калга и главный военачальник-беклербек[6]. Однако никто в сопредельных государствах этих притязаний не признал: глава Орды так и остался бием («князем»), а не ханом. Бии были вынуждены с этим смириться.

Ногайцам пришлось изобрести собственные названия должностей. Ведь они не образовали легитимного ханства и офици-

[5] Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М., 1915. С. 21.

[6] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. Махачкала, 1995. С. 200—201, 203.

ально не имели права учреждать администрацию, присущую ханству. В 1537 г., в ходе оформления системы управления, у них была учреждена должность, аналогичная беклербеку, — нурадин, глава правого крыла ополчения и наместника западной половины Орды. Во главе левого крыла и восточных кочевий встал кековат. Эти титулы произошли от имен сыновей Едигея. В 1580-х гг. в Ногайской Орде появилась еще и наместническая должность тайбуги (по имени родоначальника династии сибирских беков) — для управления переселенцами из Сибирского ханства, разгромленного Ермаком.

Для обоснования законности правления мангытских предводителей в их придворном окружении была составлена фантастическая версия происхождения рода Едигея от халифа Абу Бекра, тестя и преемника пророка Мухаммеда, через святого проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса, жившего в XIV в.[7] В мусульманском ногайском обществе такая легитимность «княжения» оказалась приемлемой и достаточной. Религиозно-генеалогическая комбинация с древностью предков подняла престиж ногайских правителей в глазах собственных подданных, но не добавила веса за рубежом.

Русские государи всегда называли ногайского бия только князем и, в зависимости от конъюнктуры межгосударственных отношений, то своим братом, то другом, то холопом. До середины XVI в. и в Москве, и в столице Ногайской Орды Сарайчике правили «великие князья». Принципиальным рубежом в ликвидации номинального равенства между ними послужило обретение Иваном IV царского достоинства. Рядом с «царями» Казанским, Астраханским, Сибирским и позднее Московским заволжские правители воспринимались не иначе, как только «княжата ногайские», т. е. потомки «великого князя» Едигея.

В источниках не сохранилось описания подробностей выборов и провозглашения бия. Есть лишь некоторые сведения о принципе «вокняжения»: «А выбирали на нагаиское княженье мурзы меж себя по степени и по болшеству, и садились на княженье в Нагаех»[8]. Претенденты на бийство в качестве основного довода выдвигали тезис «я старее всех». На самом же деле каждый бий стремился закрепить власть за своими сыновьями.

Тюркские и славянские правители осознавали силу Ногайской Орды и до начала XVII в. не стремились посягнуть на суверенитет ее лидеров. В пределах своих кочевий бий осуществлял административные функции, присущие любому самостоятельному кочевому правителю. Он, после совета со знатью, объявлял ежегодные маршруты передвижений стад и населения, указывал места для поселения подвластным улусам, подтверждал наследственные права мирз на подданных — «улусных людей». Традиционно за ним оставалась обязанность верховного военачальника, ведь в прежние времена бий (беклербек) являлся главой вооруженных сил ханства. Правда, в ходе оформления административной системы у ногайцев, как указывалось выше, появился свой аналог военачальника-беклербека — нурадин, глава правого крыла.

На бие, кроме того, лежала обязанность обеспечивать своему народу безбедное существование или хотя бы доступ к обогащению. Кочевники нередко добивались этого набегами на оседлых соседей. Ногайцы же чаще использовали мирные средства — меновую торговлю и взимание традиционных периодических платежей, «мангытских до-

[7] *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde. University Park (PA), 1994. P. 381—384, 389—394, 402—407.

[8] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1641 г. Д. 5. Л. 27.

ходов», которые поступали к ним из Казанского и Астраханского ханств и, возможно, из Сибирского юрта.

Двор правителя Ногайской Орды представлял собой совокупность нескольких чиновных органов с канцеляриями, которые занимались в основном финансовыми вопросами. Но с начала XVII в. биям приходилось полагаться уже только на ближайших родственников и нескольких писцов. Все остальные инстанции исчезли в ходе смут. В целом развитие институтов управления у ногайцев происходило крайне противоречиво. Достигнув апогея к середине XVI в., административная конструкция Орды вошла в стадию кризиса, начала уменьшаться и упрощаться. По мере распада Орды объем власти центральных органов все более сужался и к исходу второго десятилетия XVII в. сошел на нет.

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО. НАРОДЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В Казанском ханстве, так же как и в других тюрко-татарских государствах этого периода, светская элита состояла из уланов (огланов), беков (эмиров) и мирз. Уланы — это представители династии Чингисидов, которые в силу своего знатного положения в списках казанской аристократии упоминались раньше беков. В русских источниках беков, или эмиров, называли князьями, они выбирались из представителей правящих родов ханства: Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак и Мангыт. Потомки беков получали наследственный титул мирз. Уланы, беки и мирзы входили в государственный совет при хане (диван) и занимали значимые государственные и военные посты. Наряду с ними важное место в жизни казанского общества занимало мусульманское духовенство: сейиды, шейхи, шейхзаде, муллы, мулла-заде, казии, хафизы, дервиши и др. Сейиды — это потомки пророка Мухаммеда, из числа которых выбирался глава государственного совета. Шейхи и муллы (мусульманские ученые-богословы), а также казии (шариатские судьи), хафизы (знатоки Корана), дервиши (аскеты) и некоторые другие категории мусульманского духовенства, помимо выполнения духовно-просветительской миссии, принимали участие в политической жизни ханства.

В писцовых книгах Казанского уезда второй половины XVI — XVII в. сохранились сведения о том, что светская элита и духовенство обладали немалыми земельными владениями в центральной части Казанского ханства. Очевидно, основным источником формирования землевладений уланов, беков и мирз были ханские пожалования — сойюргал. Причем за военную и государственную службу хан мог пожаловать не только земли и угодья, но и налоговый иммунитет — тарханство[1].

Сахиб-Гирей недолго правил в Казани, но именно при его правлении был составлен единственный сохранившийся подлинник тарханного (освободительного) ярлыка, адресованный группе лиц: Шейх-Ахмеду, Сейид-Ахмеду и Мусе, которые были сыновьями Мухаммеда, а также Абдалу, Якубу, Булансу и Нур-Сейиду, являвшимся сыновьями упомянутого Сейид-Ахмеда. Документ подтверждал налоговые льготы потомков Мухаммеда, пожалованные им прежними ханами. Этот ярлык Сахиб-Гирея составлен в 1523 г. в соответствии с общими золотоордынскими традициями дипломатики[2]. К примеру, в казанском ярлыке Сахиб-Гирея присутствуют те же компоненты инскрипции[3], что и в золотоордынских и постордынских (крымских, большеордын-

[1] *Мухамедьяров Ш. Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). Казань, 2012. С. 97—128.

[2] Подробнее об этом см.: *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 211—212, 223.

[3] Указание, кому адресован документ.

ских, астраханских и др.) ханских ярлыках. Это еще раз указывает на включенность Казанского ханства в социально-политические процессы Улуса Джучи.

При этом современники событий отмечали некоторые особенности, отличавшие казанцев от других татар. Согласно С. Герберштейну[4], «эти татары — культурнее других, так как они и возделывают поля, и живут в домах, и занимаются разнообразной торговлей (и редко воюют)»[5]. Участник походов на Казанское ханство 1552—1554 гг. князь А. Курбский оставил такое описание: «...в земле той большие поля, чрезвычайно изобильные и щедрые на всякий плод, там прекрасны также и поистине достойны удивления дворы их князей и вельмож. Села часты, а хлеба всякого такое там множество <...>. Бесчисленны также множества стад разного скота и ценной добычи <...> множество соболей и медов, не знаю, где бы было больше под солнцем!»[6]

Наряду с земледелием, скотоводством и пчеловодством важное место в хозяйстве казанских татар занимал рыбный промысел. Обильный ежегодный улов ценных пород рыбы из Волги и Камы экспортировался на Русь, в Польшу и другие страны. Согласно «Казанской истории», в Казанском ханстве промышляли и московские рыболовы[7]. Данные археологических раскопок в Казани и других населенных пунктах ханства демонстрируют высокий уровень развития ремесел. Здесь была развита обработка железа, меди, золота, серебра, других металлов. Начатое в XIV в. в Золотой Орде производство чугуна продолжилось и в Казанском ханстве[8].

Казанские мастера изготавливали различные виды оружия, доспехи, предметы быта, а также ювелирные изделия, выполненные с применением техники чеканки, тиснения, штамповки, скани, филиграни, инкрустации, черни по серебру и т. д. В результате сравнительного искусствоведческого анализа Ф. Х. Валеев установил, что «Казанская шапка», хранящаяся в Государственной Оружейной палате Московского Кремля, относится к предметам татарского дворцового искусства, и датировал ее создание рубежом XV—XVI вв. Она сделана из золота, украшена драгоценными камнями и декорирована богатым цветочно-растительным орнаментом в стиле «мусульманского барокко»[9].

Значительное развитие получило и гончарное дело, продолжавшее булгарские, хорезмийские, крымские и золотоордынские традиции. В Казанском кремле, Камаевском и Арском городищах значительную долю керамики ханского периода составляет богато орнаментированная поливная керамика, которой пользовались представители ханской власти и зажиточные горожане. Важнейшей отраслью ремесла, ориентированного на экспорт, было кожевенное производство. На территории Кремля были обнаружены большие производственные помещения по изготовлению кожи и кожевенных изделий. Казанские изделия из кожи поставлялись на рынки как мусульманского Востока, так и Европы[10].

---

[4] Посол императора Священной Римской империи Максимилиана I дважды, в 1517 и 1526 гг., побывавший в Москве, является автором сочинения «Записки о Московии», в котором на основе рассказов современников, летописных известий и других источников описаны Московское государство и его соседи, включая татар.

[5] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 171.

[6] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 47.

[7] Казанская история // БЛДР. Т. 10. СПб., 2001. С. 316.

[8] *Валеев Р.* Экономика в татарских государствах // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4: Татарские государства XV—XVIII вв. Казань, 2014. С. 414.

[9] *Валеева-Сулейманова Г.* Искусство татарских ханств // Там же. С. 635.

[10] *Валеев Р.* Экономика в татарских государствах. С. 409—419.

К 1520-м гг. Казань стала одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Восточной Европы. Ежегодные казанские ярмарки собирали купцов из русских земель, Зауралья, Крыма, Нижнего Поволжья, Средней Азии, Закавказья и Персии. На казанской ярмарке можно было купить ремесленные и ювелирные изделия, соль, льняные и хлопчатобумажные ткани, шелк, драгоценные камни, пряности, лекарства, меха и другие товары. Тесные торгово-экономические контакты, наряду с политическими, религиозными и культурными нитями, связывали Казанское ханство с другими частями распавшейся Золотой Орды. Поэтому любые перемены в жизни соседних государств незамедлительно сказывались на ситуации в Казанском ханстве.

Казанское ханство было полиэтническим государством. Согласно сведениям князя А. Курбского, «кроме татар в царстве том пять различных народов: мордва, чуваши, черемисы, вотяки, или арцы, пятый — башкиры»[11]. По демографическим подсчетам, общая численность населения Казанского ханства к середине XVI в. составляла около 0,5 млн человек, из них татар было от 150 до 200 тыс.[12] После татар в источниках наиболее часто упоминаются марийцы (черемисы), которые населяли западные и северо-западные территории ханства. К XVI в. сформировались две группы марийцев: луговые (олык мари, которые жили на левобережье Волги) и горные (курлык мари, занимавшие правобережье Волги от низовьев реки Суры до низовьев реки Цивиль). Марийцы были искусными стрелками из лука и играли важную роль в военных операциях казанских ханов.

Северо-восток ханства населяли удмурты, которые делились на южных (ары) и северных (вотяки). В юго-западной части проживала мордва, делившаяся на мордву-эрзя (междуречье Волги и Свияги и далее на юг до Самарской Луки) и мордву-мокша (вдоль реки Суры). По языку и культуре наиболее близкими народами Казанского ханства были марийцы, удмурты и мордва. Вследствие многовековых контактов у этих народов появилось много общего в быте, обрядах и хозяйственной жизни. Марийцы, удмурты и мордва проживали преимущественно в лесной зоне, поэтому важное место в их хозяйстве занимали различные промыслы (охота, рыболовство, бортничество, собирательство), тогда как земледелие и скотоводство не являлись основным их занятием. Кустарное производство вооружения, орудий труда и предметов быта было развито в масштабах, необходимых для удовлетворения внутреннего спроса.

Горную сторону (правобережье Волги), помимо татар, марийцев и мордвы, населяли чуваши. Основная часть чувашей проживала на севере Горной стороны, в междуречье рек Суры и Свияги. Чуваши селились в труднодоступных местах, отдаленных от главных путей. В XVI в. выделялись две основные группы чувашей: верховые — вирьялы (северные) и низовые — анатри (южные). Основным видом хозяйственной деятельности чувашей было земледелие. В эпоху Казанского ханства духовная и материальная культура чувашей формировалась под влиянием тюркских и финно-угорских традиций. Верховые чуваши в обычаях, быте и языке больше подвергались влиянию марийцев, а низовые — влиянию татар[13].

Все эти народы платили ясак (ежегодный налог) в ханскую казну, который собирали представители местной аристократии — сотенные князья (сотники). Нередко

[11] *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 63.

[12] *Исхаков Д.* Этнополитические и демографические процессы в XV—XVIII вв. // История татар с древнейших времен. Т. 4. С. 751—752.

[13] *Хамидуллин Б. А.* Народы Казанского ханства: Этносоциологическое исследование. Казань, 2002. С. 173—147, 207, 224.

сотники и другие представители родовой знати под влиянием правящей элиты ханства принимали ислам и вступали в родственные отношения с татарскими мирзами. При этом сложно установить, насколько широко был распространен ислам среди рядовых марийцев, чувашей, удмуртов и мордвы. Английский дипломат Э. Дженкинсон, побывавший в Казани в 1558 г., писал, что черемисы — наполовину язычники, наполовину татары (т. е. мусульмане)[14]. По словам другого современника — итальянца А. Гваньини, «черемисы, мордовоты и вахины[15] <...> имеют собственный язык и исповедуют магометанскую религию, а некоторые являются язычниками»[16].

Материалы археологии и памятники эпиграфики свидетельствуют о том, что центральную часть Казанского ханства (Заказанье, Предволжье, Нижнее Предкамье, Западное и Центральное Закамье) населяли мусульмане; здесь не обнаружены языческие захоронения[17]. В Казанском ханстве был распространен суннитский ислам с ханафитским мазхабом[18] и тасаввуфом, т. е. суфийской практикой нравственного самосовершенствования и воплощения норм ислама в жизнь. Одно из доказательств этому находим в сочинении «Зафер наме-и вилайет-и Казан», автор которого в своих суждениях опирается на книги знаменитого ханафитского ученого и сторонника суфизма Хафиз ад-Дина Абу-л-Бараката ан-Насафи[19].

Ислам оказывал влияние на все сферы жизни казанского общества, начиная от повседневной жизни рядовых казанцев и заканчивая делами государственного масштаба. Высокий уровень религиозных знаний и устойчивые связи с мусульманским Востоком, являвшимся одним из важнейших центров цивилизации, способствовали всестороннему развитию культуры Казанского ханства. Мусульманское население ханства в значительной степени было грамотным, т. е. умело читать, писать, знало основы математики, астрономии, истории и других наук. Основы образования закладывались в семье, дальнейшее обучение можно было получить в мектебах и медресе, в которых, помимо местных учителей, преподавали ученые из Средней Азии и Крыма. Татарская письменность была основана на арабском алфавите, и в Казанском ханстве, как и в других мусульманских странах, было развито искусство каллиграфии.

Традиции золотоордынского литературного искусства нашли свое продолжение в Казанском ханстве. Татарский поэт Мухамедьяр (1497—1549) писал о том, что Казань полна поэтами. Науке известны имена таких поэтов и писателей Казанского ханства, как Умми Камал (конец XIV в. — 1475 г.), Кул-Шариф (начало XVI в. — 1552 г.) и Аднаш Хафиз (XVI в.). Причем поэтом был и казанский хан Мухаммед-Амин, который написал стихи о нашествии Тамерлана на Золотую Орду. Литература Казанского ханства обогащалась под влиянием творчества Муслихаддина Саади (1219—1293), Саифа Сараи (ок. 1321—1396), Алишера Навои (1441—1501)[20], Гулама Шади и других известных поэтов и писателей мусульманского Востока. Литература Казанского ханства

---

[14] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 170.

[15] Возможно, здесь имеются в виду вотяки — удмурты.

[16] *Гваньини А.* Описание Московии. С. 170.

[17] *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Введение в историю Казанского ханства. Казань, 2005. С. 81.

[18] Одна из четырех сохранившихся богословско-правовых школ суннитского ислама.

[19] *Тоган З. В.* Исламско-тюркская культура в Казанском ханстве: (Отчет, направленный из Казани в 1550 году во времена Кануни) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историографии средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013. С. 122—123.

[20] *Абилов Ш. Ш.* Творчество татарского поэта Мухамедьяра (XVI в.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1960. С. 7, 10—12, 15.

представлена поэмами, газелями, дастанами, прозами, касыдами и т. д. Казанские поэты и писатели воспевали способность человека противостоять страстям и проявлять милосердие, честность и скромность. Они, подобно деятелям европейского Возрождения, большие надежды возлагали на справедливого и просвещенного правителя, который должен навести порядок в обществе[21].

Присоединение Казанского ханства к Русскому государству стало судьбоносным событием в жизни народов Среднего Поволжья. Значительная часть военно-служилого слоя Казанского ханства погибла в ходе войны 1552—1557 гг., многие из оставшихся в живых татарских князей и мирз были переселены в центральные уезды Московского государства. Управление завоеванным краем перешло в руки русских воевод. При этом московское правительство сохранило права лояльной части военно-служилого слоя ханства, приравняв их к дворянам и детям боярским, и прежнюю систему налогообложения, по которой местное население продолжало платить ясак и другие виды налогов, утвержденные казанскими ханами.

Опасаясь вооруженных выступлений, царская власть запретила нерусскому населению ханства заниматься кузнечным делом и жить в пределах Казани. Все татарское население было выселено за реку Булак, где впоследствии возникла Татарская слобода. Для обеспечения стабильной выплаты налогов сельские общины должны были отправлять к воеводам аманатов — представителей общины, являвшихся заложниками и гарантами своевременной выплаты ясака и лояльности к царской власти. В то же время московское правительство предпринимало меры по укреплению в казанском крае позиций Русской православной церкви. В 1550—1570-х гг. Иван IV пожаловал монастыри крупными земельными наделами в пригородах Казани и Свияжска, а также в Тетюшах, Закамье, близ переправ и в других стратегически важных районах на подступах к Казани, чтобы обезопасить бывшую столицу ханства от возможных восстаний.

В 1555 г. Иван IV учредил Казанскую епархию. Согласно «наказной памяти» (царской инструкции) первому архиепископу Казанскому Гурию, главной его задачей было крещение местного населения для усиления царской власти в казанском крае. В целом в «наказной памяти» речь шла о добровольном крещении, но при этом оговаривались способы побуждения к принятию христианства. Архиепископ получил право ходатайствовать перед царем за осужденных мусульман и язычников, в случае если они примут крещение. Тогда как за добровольное принятие христианства новообращенные могли получить налоговые льготы и подарки. С другой стороны, в крупных населенных пунктах Казанского ханства на месте разрушенных мечетей строились православные храмы и развернулась масштабная миссионерская деятельность[22].

В условиях такой политики инкорпорация мусульманского и языческого населения протекала болезненно и сопровождалась частыми восстаниями. Уже в 1560 г. на левобережной стороне Волги вспыхнуло крупное восстание татар и марийцев. Очередная волна выступлений прокатилась в 1565—1568 гг., причем именно в этот период татары и марийцы дважды направляли послания к крымскому хану с просьбой прислать войска для освобождения края от московской власти. В то же время и осман-

[21] *Миннегулов Х. Ю.* Татарская литература позднего средневековья // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1. С. 148.

[22] *Ногманов А.* Инкорпорация татар в российское правовое пространство во второй половине XVI — первой половине XVII в. // История татар с древнейших времен. Т. 5: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI — XVIII вв.). Казань, 2014. С. 145—149.

ский султан Селим II в письме к крымскому хану Девлет-Гирею от 9 февраля 1568 г. писал о том, что завоевание области «Казань и Эждерхан <...> является важнейшим из дел»[23]. В конце 1568 г. крымский хан направил своего человека к татарам и черемисам, призывая их начать восстание в момент, когда турецкие и крымские войска выступят в поход на Астрахань.

Поход турецких и крымских войск на Астрахань 1569 г. завершился неудачей, но в 1571 г. крымскому хану Девлет-Гирею удалось организовать вторжение, в результате которого его войска дошли до Москвы и сожгли ее посады. В своих посланиях хан требовал от московского царя возвращения Казани и Астрахани и грозился повторить поход на Русское государство в случае невыполнения его требований. В свою очередь и турецкий султан Селим II направил послания Ивану IV и Девлет-Гирею. От русского царя султан требовал вернуть Казань и Астрахань под власть мусульман, а крымскому хану приказал готовиться к походу на Россию для освобождения этих земель. По мнению современника событий Г. Штадена[24], сожжение Москвы крымскими войсками стало сигналом к началу восстания народов Поволжья и Приуралья. Несмотря на то что в этом вооруженном выступлении помимо марийцев приняли участие татары, мордва, чуваши, удмурты, башкиры и другие народы, впоследствии оно стало известно как Вторая черемисская война[25].

В 1572 г. Давлет-Гирей, добивавшийся отторжения от России Казани и Астрахани, совершил второй поход на Москву. В битве при Молодях крымско-ногайские войска потерпели поражение, но освободительная борьба народов Поволжья продолжилась. Для подавления восстания Иван IV организовал несколько военных экспедиций, при этом царская администрация вела переговоры с восставшими путем уступок и щедрых пожалований, склоняя их к покорности. Только к 1574 г. в результате активных военно-дипломатических действий правительство остановило восстание.

Однако в конце 1570-х гг. в условиях обострения русско-ногайских отношений в Поволжье и Приуралье вновь начались волнения, вылившиеся в крупное антиправительственное выступление татар, марийцев, удмуртов, чувашей и башкир 1581—1582 гг. Восставшие разорили нижегородские и вяткие земли, а поддержавшие их ногайцы вторглись в Приуралье. Заключение перемирия с Речью Посполитой в 1582 г. позволило русскому правительству направить дополнительные войска для подавления восстания. В результате к 1583 г. воеводы подчинили правобережье Волги (Горную сторону), но сопротивление повстанцев левобережной стороны (Луговой) продолжилось до 1585 г. На Луговой стороне восстание удалось подавить только после строительства двух крепостей (Царевококшайска и Царевосанчурска), ставших опорными пунктами для разгрома повстанцев и контроля этой территории.

Еще одно восстание татар и марийцев левобережья Волги произошло зимой 1591/92 г. Как и в предыдущих случаях, повстанцы ставили целью освобождение от русского подданства, но, не решившись на открытое столкновение с крупными правительственными силами, направленными на подавление выступления, в скором времени разошлись и прекратили сопротивление.

[23] Документы по истории Волго-Уральского региона XVI—XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008. С. 143—144.

[24] Г. Штаден — немец по происхождению, который вступил на русскую службу, был опричником Ивана IV (1564—1576) и, вернувшись в Западную Европу, составил описание под заглавием «Страна московитов и правление, описанные Генрихом фон Штаденом» (1577—1578).

[25] Первой черемисской войной современники называли войну за покорение народов Казанского ханства 1552—1557 гг.

Так завершилась сорокалетняя череда так называемых Черемисских войн[26].

Окончательного усмирения казанского края русскому правительству удалось добиться не только строительством крепостей и карательными операциями, но и значительными послаблениями в конфессиональной политике. Властям пришлось пересмотреть взятый в 1550-х гг. курс на интенсивную христианизацию, они перестали активно поддерживать миссионерскую деятельность и пресекать строительство мечетей в крупных населенных пунктах. В 1593 г. казанский митрополит Гермоген в послании царю Федору Ивановичу писал о том, что казанские воеводы закрывают глаза на строительство мечетей, запрещенное Иваном IV. По словам митрополита, «от казанского взятья в сорок лет, не бывали в Татарской слободе мечети, а ныне де учали мечети ставити близко посаду»[27].

Таким образом, даже по немногочисленным сохранившимся источникам видно, что Казанское ханство в политическом и социокультурном отношении являлось самобытным государством. Традиции золотоордынских кочевников легли на почву оседлой мусульманской культуры, и в результате этого сложилось самостоятельное государство, включившее в орбиту своего влияния многочисленные финно-угорские и тюркские народы Среднего Поволжья и Приуралья. В Казанском ханстве сформировался уникальный опыт управления полиэтническим государством, который во многом был заимствован Московским царством и стал краеугольным камнем в фундаменте многонациональной России.

---

[26] *Бахтин А.* Черемисские войны 70—90 гг. XVI в. // История татар с древнейших времен. Т. 5. С. 85—103.

[27] ААЭ. Т. 1. С. 437.

АСТРАХАНСКОЕ ХАНСТВО

Астраханское ханство — одно из государств, возникших в результате распада Улуса Джучи (Золотой Орды), со столицей в Хаджи-Тархане (рус. Астрахань). Согласно традиционной точке зрения, Хаджи-Тархан возник в XIII в. «Город этот, — писал Ибн Баттута, — получил название свое от тюркского хаджи, одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспошлинно (т. е. в тархан. — *И. З.*), и оно стало деревней, потом оно увеличилось и сделалось городом»[1]. Золотоордынский Хаджи-Тархан был разрушен Тимуром зимой 1395/96 г. Этот город традиционно отождествляется с поселением на Шареном Бугре — части обширного золотоордынского комплекса на правом берегу Волги, несколько выше современной Астрахани (сейчас почти полностью смыт водой или разрушен при современных строительных работах). Вскоре после взятия города Тимуром он пришел в запустение и в XV в. уже существовал как относительно небольшой, но важный в торговом отношении населенный пункт.

Основная часть жителей города сформировалась на основе тюркских племен (кипчакской группы); в этническом и языковом отношении население, вероятно, было весьма разнородным, хотя и немногочисленным. К середине XVI в. в Астрахани насчитывалось около 10 тыс. жителей или чуть больше. Наряду с тюркоязычными жителями в городе в разные периоды его истории, скорее всего, проживали персы, армяне, русские. Этнической основой позднейших астраханских татар послужили потомки старого тюркского населения и ногаи, а потом и приток тюркского населения со средней Волги.

В первой половине XV в. город неоднократно переходил из рук в руки многочисленных ханов-чингисидов, претендовавших на власть в Улусе Джучи. Основателем новой Астрахани взамен города, разрушенного Тимуром, был Тимур-Кутлуг (сын Тимур-Мелика, сына Уруса), контролировавший этот район после ухода Тимура в 1396 г. Ногайские мирзы в XVI в. считали, что Астрахань — «Темир-Кутлуев царев юрт». Связь города с Тимур-Кутлугом (потомками Туга (Тукай)-Тимура) подчеркивается в сочинениях не только позднейших татарских историков, но и среднеазиатских авторов[2]. Преемник Тимур-Кутлуга Шадибек, при котором в последний раз в истории Золотой Орды произошло объединение всех прежних улусов дома Джучи, с 805 г. хиджры (1402/03) чеканит в Астрахани монеты, в которых уже появляется арабское название «Хаджи-Тархан ал-джедид», т. е. «Новый Хаджи-Тархан». В последующие

[1] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: (Извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884. С. 301.

[2] *Трепавлов В. В.* Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке: (Заметки к предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник: 2007—2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 373.

несколько лет город переходит из рук в руки (монеты там чеканит сын Тохтамыша Джалал ад-Дин; сын Шадибека Пулад; дядя последнего Тимур-хан; другой сын Тохтамыша — Кепек; Чекре; Дервиш, Кучук-Мухаммед; Улуг-Мухаммед; Девлет-Берди (сын Таш-Тимура, дядя Хаджи-Гирея) и др.)[3].

Астраханское ханство образовалось на основе удела эмира Хаджи-Черкеса, который владел городом во второй половине 60-х — середине 70-х гг. XIV в. О времени основания ханства единого мнения в историографии не сложилось, дату возникновения самостоятельного государства относили то к 1459—1460, то к 1465 или 1466 гг. Скорее всего, в 50—70-х гг. XV в. город представлял собой один из центров Большой Орды, т. е. был частью «Намаганского юрта» (удела Номагана, в данном случае — это второе имя или прозвище хана Тимура, сына Тимур-Кутлуга, а также его деда Тимур-Мелика). О самостоятельном государстве можно говорить лишь начиная с 1502 г. (разгром Большой Орды крымским ханом Менгли-Гиреем). Астрахань в политическом отношении становится наследницей Большой Орды.

Наконец, существует еще одно свидетельство в пользу образования ханства именно в начале XVI в., а не ранее, — духовная грамота Ивана III. Иван умер 27 октября 1505 г., оставив завещание, в котором среди ордынского выхода, оцененного в 1000 руб., наряду с Крымом, Касимовым и Казанью числилась и Астрахань[4]. Духовная Ивана III датируется временем не позднее 16 июня 1504 г. по докончанию великого князя Василия Ивановича с князем Юрием Ивановичем, в котором также упоминается о выходе и проторах в Астрахань[5]. Как показал С. М. Каштанов, проект завещания был составлен в начале ноября 1503 г. (до смерти князя Ивана Борисовича Рузского), а окончательный вариант появился после смерти последнего, наступившей 28 ноября[6]. Безусловно, в это время Хаджи-Тархан был самостоятельным юртом и как наследник Орды имел право на свою долю выхода. Какова была эта доля, сказать трудно.

Границы ханства на севере простирались примерно до района современного Волгограда, хотя в какой-то период астраханские земли могли заканчиваться и выше, возле Увека (в черте современного Саратова); на юге естественным рубежом был Каспий (возможно, по побережью моря до реки Кумы), на западе граница могла доходить до верховьев Дона (возможно, с Крымским юртом какое-то время граничил Миус («Молочная вода»)). Скорее же всего, на правой стороне Волги астраханские владения ограничивались узкой прибрежной полосой реки. Восточная (ногайская) граница астраханских владений в дельте — река Бузан[7].

Как в Казанском и Крымском ханствах, в Астрахани правили представители одного рода — Джучидов (потомков сына Чингисхана Джучи). В ханстве сложилась династия потомков золотоордынского хана Тимур-Кутлуга. Астраханское ханство почти на всем протяжении своей истории находилось в зависимом положении. В роли сюзеренов выступали то Ногайская Орда, то северокавказские княжества, то Крымское ханство. Ханы нередко менялись в результате кровопролитных нашествий и переворотов с участием внешних сил.

Еще при Тимур-Кутлуге в пользу сына мангытского эмира Эдиге Нур ад-Дина с Астрахани взималась подать (караснап) в

[3] *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. 2-е изд. М., 2006.

[4] ДДГ. С. 362.

[5] Там же. С. 365, 367, 369.

[6] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. С. 200.

[7] *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. С. 243—248.

размере 40 тыс. алтын: «...со всякие избы по алтыну, а с ногаиских продажных лошадей с лошади по алтыну, с коровы по три денги, с овцы по денге»[8].

Отрывочные данные позволяют предположить, что ветвь потомков Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда поддерживали кабардинцы, а Махмудовичей — ногаи: две ветви династии опирались на разные этнополитические силы и были тесно связаны с ними родственными узами. Скудость и фрагментарность источников не позволяют воссоздать исчерпывающую картину правлений ханов. Основным источником при этом служат посольские книги по связям Московского великого княжества с Крымским ханством и Ногайской Ордой.

Первым астраханским ханом был ʻАбд ал-Керим ибн Махмуд, правивший между 1502 (1508?) и 1514 гг. Его сменил брат Джанибек ибн Махмуд, который занимал престол до лета 1521 г. (не позднее 15 августа). Осенью 1521 г. его сменил его сын Хусейн б. Джанибек. Даты окончания его правления мы не знаем, но между 1525 и 1528 гг. в Астрахани правит хан Шайх-Ахмед б. Ахмед, а затем до лета 1532 г. — Касим б. Сайид-Ахмед (видимо, с перерывом). На короткое время сразу после него ханством овладел Аккубек б. Муртаза (1532—1533). После него престол вновь вернулся к Махмудовичам — ханом стал сын основателя ханства ʻАбд ар-Рахман б. ʻАбд ал-Керим (калгой при нем был «Абли-салтан» б. Хусейн). Он правил дважды: с 1533 до конца октября 1537 г. и вторично с 1539 до 1543 г. (примерно). В промежутке между его ханствованиями престол занимал Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар.

После кратковременного пребывания на троне Аккубека б. Муртазы престол вновь вернул себе Ямгурчи б. Бирдибек (1546—1550/1551—1554 гг., с перерывом) и его калга — «Такбилди». Именно при нем Астрахань подверглась разрушительным набегам крымцев, а затем и казаков. Вторичное восшествие Дервиш-Али б. Шейх-Хайдара (1554—1556) закончилось присоединением города и его окрестностей к Русскому государству.

Наиболее разрушительными были крымские набеги на Астрахань (Мухаммед-Гирея в 1523 г. и Сахиб-Гирея в 1546 г.). По Реммалу-ходже, последний поход был вызван тем, что Ямгурчи (Ягмурджи), занявший астраханский трон, захватил торговый караван на пути из Казани в Крым. Обиженные купцы пожаловались крымскому хану Сахиб-Гирею, и тот, возмущенный вмешательством в торговлю Казани с Крымом (ведь он занимал казанский престол в первой половине 1520-х гг., и столь важная для Казани торговля с Крымом была ему хорошо знакома), стал готовить полномасштабный поход на город. Для астраханской экспедиции была объявлена полная мобилизация; в ярлыке, изданном ханом, было сказано, «что никто не может остаться на земле, весь народ, или армия должны привести себя в боевую готовность, и если есть кто-нибудь, кто не станет рядом с ханом сразу после Перекопа, то его собственность должна быть разграблена, а голова сражена». Диван хана был отложен, а во все уголки страны были отправлены послания о том, что если какой-либо мужчина от 15 до 70 лет не успел присоединиться к походу, то он столкнется с жестоким смертельным наказанием. Крымские войска в походе насчитывали от 200 до 1000 тюфекчи (воины, вооруженные по османскому образцу ружьями — тюфек), силы хана достигали 10 тыс. (включая подразделения беев), племенное ополчение достигало будто бы 250 тыс. После того как крымские войска в течение суток форсировали Дон (единственное крупное препятствие на пути), судьба города была решена. Астрахань была захвачена

[8] Цит. по: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576) / Сост. В. В. Трепавлов. М., 2003. С. 81.

благодаря полевой артиллерии и отрядам тюфекчи. Ямгурчи бежал, а часть его свиты и окружения была взята в плен и доставлена в Крым с обещанием, что им не будет причинен вред[9].

Как и в других джучидских государствах, вторым лицом в ханстве считался калга (наследник хана, как правило, его сын, или брат, или племянник). Знать состояла из султанов, огланов (уланов), беков и мирз (по русским источникам, их в 1554 г. было не менее 500), многие из которых владели уделами. Не вызывает особых сомнений и существование в Астраханском ханстве института беев-карачи. Вероятно, главенствующую клановую группу составляли при астраханских ханах кунграты. Помимо них в ханстве жили представители клана мангытов. Скорее всего, структура властной элиты ханства была организована традиционным для Джучидских государств XV—XVI вв. образом: четыре правящих клана (при различиях в наборе конкретных кланов), к которым позже добавился еще один — мангыты. Мы вправе предположить, что структура деления астраханской ветви мангытов была аналогичной ветвям в других ханствах (имелся калга, нуреддин, а также простые беки и мирзы). Податное, зависимое население составляли так называемые черные люди. После присоединения мирзы и «черные татары», оставшиеся в городе, были записаны в службу и должны были платить ясак. Они получили название юртовых, или домовных. Оставшиеся в степях под управлением покорившихся князей получили название кочевных. Последние очень скоро исчезают с исторической арены. В домашнем хозяйстве, скорее всего, широко использовался труд рабов (вероятно, по большей части пленников славянского и кавказского происхождения). В источниках упоминается и астраханское духовенство — «муллы и ахуны и сеиты и абызы». В 1554 г. их было около 3 тыс.

Астраханское ханство имело тесные культурные связи со Средней Азией, Ираном, Османской империей, землями Дешт-и Кыпчака. Эти связи обусловливались не только торговыми интересами, но и религиозным единством — Хаджи-Тархан лежал на одном из традиционных путей среднеазиатских паломников в Мекку. Сами астраханцы также совершали хадж, и их связи с Меккой не прерывались даже в первые годы после присоединения города к Московскому государству. Мусульмане начинают заселять уже русский город Астрахань и поступать на русскую службу. В 1561 г. ногайский бий Исмаил просил у Ивана IV некоего холопа по имени Табич, который служил в Астрахани: «а он пост держит и намаз правит, а в вере он в нашей», — писал он.

Видимо, в период независимости мусульманское духовенство города весьма активно вело миссионерскую деятельность в землях к востоку от Астрахани, распространяя и укрепляя ислам и мусульманскую культуру среди казахов. В начале XVI в. мусульмане-ученые из Хаджи-Тархана искореняли язычество у казахов[10]. Знали в Астрахани и классические труды по мусульманскому законоведению (фикху), в частности Хафиз ад-Дина Несефи (ум. 1310 или 1320). Нет сомнения в том, что основная часть мусульман в Нижнем Поволжье исповедовала ислам суннитского толка, однако, возможно, встречались и шииты (ввиду близости сефевидского Ирана). В целом для Астраханского ханства, вероятно, была характерна ситуация, свойственная Золотой Орде в более ранний период: сам город был оплотом ислама в государстве, а степь и вообще окрестности города были исламизированы очень слабо. Знакомы были

[9] Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara, 1973. S. 97—105.

[10] *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976. С. 106.

в Хаджи-Тархане и с суфизмом. Возможно, что первоначально в Астрахани было весьма распространено суфийское братство (тарикат) Ясавийа. Позднее наиболее популярен, вероятно, как и в Казани, был тарикат Накшбандийа, но было известно и братство Кубравийа. Как и в Средней Азии, Крыму и Казани, существовали шейхи (или ишаны) — особо почитаемые и уважаемые лица, религиозные авторитеты, руководители духовных братств.

Создавались в городе литературные и исторические сочинения. Уроженцем Астрахани, поэтом и писателем Шерифом Хаджитархани было написано сочинение «Зафер наме-и Вилайет-и Казан», посвященное неудачному походу русских войск на Казань в 1550 г. Безусловно, в Астрахани существовала и собственная историографическая традиция. Информаторы Утемиш-хаджи, астраханцы Баба-Али и Хаджи Нияз, были образованными людьми своего времени. Последний, видимо купец, «знаменитый своим богатством», рассказывал Утемиш-хаджи об эпохе войн между Берке и Хулагу, причем этот рассказ он сопровождал собственными комментариями относительно местностей, в которых происходили эти события. Хаджи Нияз под именем Хонеяз упоминается в письме московского дипломата князя Кубенского (октябрь 1500 г.). Его брат Ак-молла (Ахмолна) также был крупным торговым деятелем, с другими астраханцами он вел торговые операции в Москве и, вероятно, какое-то время провел там в заключении. Аблез-бакши (московский приказной деятель, ведавший в Посольском приказе переводами с татарского и других восточных языков) как будто бы написал Хонеязу письмо, в котором предлагал ему, чтобы хан Абд ал-Керим, выдвинувшись к Дону, стерег московского посла и гостей. Захватив дипломата и купцов, Хонеяз мог бы обменять их на Ак-моллу[11].

Можно предположить, что в ханстве существовали письменные фиксации событий золотоордынской истории; по всей видимости, наличествовала весьма устойчивая устная традиция, связанная с самой Астраханью, как бы включающая ее в общий ход истории. Скорее всего, бытовали в городе и имели известную популярность классические произведения мусульманской историографии (например, труд Рашид ад-Дина). Однако татарские исторические сочинения, специально посвященные истории Хаджи-Тархана, в существовании которых можно не сомневаться, не сохранились. При дворе астраханских ханов работали писцы (бакши), ведавшие деловой, дипломатической перепиской, а также, вероятно, перепиской книг. Об одном из таких писцов-бакши хана ʻАбд ар-Рахмана, входившего в состав посольства в Москву в 1540 г., упоминают русские летописи. Знали в Хаджи-Тархане классические произведения арабской и персидской словесности (например, «Шах-наме» Фирдоуси), образцы сочинений по точным наукам, например математике, географии, астрономии. Не исчезли с приходом ислама в город и языческие пережитки.

С XIV в. Хаджи-Тархан — один из важнейших торговых пунктов на Нижней Волге, через который проходил великий караванный путь, соединявший средиземноморскую торговлю с Востоком. Вероятно, особенно интенсивно развивалась торговля Хаджи-Тархана с городами Северного Азербайджана, а также с Азаком и черноморскими портами. Очень тесными были связи Нижнего Поволжья и Хаджи-Тархана, в частности, с Хорезмом. Не случайно в начале второй четверти XIV в. на торговом пути с низовьев великой реки в Среднюю Азию — на Устюрте одновременно возникает целый комплекс караван-сараев, который прекратил действовать в

[11] Сборник РИО. Т. 41. С. 333—334.

70-е гг. XIV в. в связи с разрушительными походами Тимура на Хорезм. Походы Тимура 1391 и 1395 гг., безусловно, нанесли большой урон и другому направлению торговли Астрахани — азакскому. Этот путь в конечном счете связывал иранские берега Каспия (через Астрахань и Азак) с Кафой, а затем с внутренними районами Османской империи. Шелк и пряности являлись основным товаром на этом пути. В конце XV в. значение торговли специями через Астрахань с Востока (прежде всего из Индии через Шемаху и Баку) было все еще весьма велико. Хаджи-Тархан на всем протяжении своей истории, вплоть до русского завоевания, был также крупным центром работорговли. Рабов продавали в Крым, Казань, Среднюю Азию и Иран. После присоединения города к Московскому государству русские рабы еще очень долго продолжали возвращаться на родину.

Экономика Астрахани, видимо, складывалась из двух составляющих — транзитной торговли и экспорта местных продуктов. Основными товарами собственно астраханской экономики были рыба и соль, которыми торговали как с волжскими городами, так и, вероятно, в значительно меньшей степени со странами каспийского бассейна. Соль в окрестностях города добывалась из озер (так называемая самосадочная соль), ее выгребали лопатами из воды, сушили на солнце и грузили на транспортные средства. В буграх соль могла сохраняться весьма значительное время, лишь уплотняясь со временем, отчего глыбу приходилось потом колоть топорами и ломами.

Рыба добывалась в Хаджи-Тархане издавна. Русская рыболовная терминология низовьев Волги почти вся тюркского происхождения, что указывает на ее заимствование русскими рыбаками в готовом виде от местного населения (татарская лексика очень частотна, например, в описании устройства учуга — преграды из сети, перегораживающей реку). Рыбы осетровых пород (вероятно, символ зодиакального созвездия Рыб) даже изображены на одном из типов хаджитарханских монет XIV в. Лов осетров осуществлялся три месяца в году — с конца мая по конец августа. Рыбу солили на месте, грузили на суда и вывозили вверх по Волге. Ассортимент вывозимой рыбы был, видимо, не столь разнообразен: в русских документах упоминаются в основном осетры, белуги и севрюги. Терминология засолки рыбы также почти сплошь тюркского происхождения, что позволяет предположить, что и в ханское время рыбу в Хаджи-Тархане солили приблизительно так же. Кроме того, рыбу сушили (ее употребляли иногда вместо хлеба). Рыбные учуги, скорее всего, в первой половине XVI в. принадлежали хаджитарханской аристократии. Часть учугов на рукавах волжской дельты и ериков (речных протоков) принадлежала лично хану.

Хлеб в Астрахань приходилось ввозить. Вероятно, город должен был постоянно страдать от нехватки зерна, в таких условиях мор и голод среди местного населения должны были быть явлением отнюдь не редким.

В экономике ханства весьма велика была роль скотоводства. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани писал, что «из Хаджи-Тархана доставляют множество благ, жирных овец, коней, верблюдов и другие ценные товары». Вероятно, какую-то роль в хозяйстве ханства играли садоводство, огородничество и охота, однако их доля не могла быть очень велика (но вполне возможно, что садоводство в Астрахани в ханский период было развито хорошо).

Можно достаточно уверенно полагать существование в ханстве уделов хана и калги (калгалык). Последний давался калге только в пользование. Крестьяне, жившие на землях калгалыка, как и ханские, работали на них из 1/10 части. Данных о бейликах, подобных крымским и казанским, в Астрахани нет, хотя, скорее всего, они там были. Весьма вероятно наличие в Астраха-

ни поземельных владений духовных лиц и учителей (ходжалык). Какая-то часть пахотных земель, видимо, находилась в общинном владении. Скорее всего, существовал в Астрахани и институт сойургала (условного военно-ленного землевладения, права взимать в течение известного времени в свою пользу ренту-налог, ранее поступавший в пользу хана). На всем протяжении своей многовековой истории город оставался крупным культурным и торговым центром Нижней Волги.

БАШКИРЫ. ВХОЖДЕНИЕ БАШКИРИИ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

К XV в. башкиры имели четко определенный ареал расселения[1]. Его границы на юге проходили по рекам Яик и Киил, на западе — по реке Ик, а также низовьям реки Белой и верховьям Камы. На севере башкирские поселения в период ногайского господства достигли района Перми и Кунгура, а на востоке границы башкирских кочевий проходили по течению рек Тобол, Исеть и Ишим[2]. Документы Уфимской приказной избы свидетельствуют о наличии башкирских вотчинных угодий севернее Пермского уезда. Причем если пермские башкиры племени Гайна признавали над собой фискальную и судебную власть уфимских властей, то башкиры Соликамского уезда категорически отказывались подчиняться Уфе[3]. В ногайский период (последняя четверть XV — первая половина XVI в.) северо-восточная граница башкирского наместничества проходила по реке Уй, озерам Иткуль, Синарское, Касли, Увильды, Кизилташ. Южная граница в начале XVI в. проходила по низовьям рек Большой и Малый Узень, далее по среднему течению Яика и по его притоку Илеку, верховьям Ори к верховьям Тобола. Западная граница Ногайской Башкирии располагалась по реке Ик. Согласно башкирским преданиям, эта река не просто разделяла ногаев и башкир-юрми; те и другие с противоположных берегов стреляли друг в друга из луков, т. е. находились во враждебных отношениях[4].

Наиболее сложным в историографии вопросом является проблема определения южной границы земли башкир в XVI — начале XVII в. Зимние перекочевки башкирских племен в Прикаспийскую низменность прекратились еще в домонгольский период. Документы Посольского приказа подтверждают факт нестабильности южной границы обитания башкир. Южная граница Уфимского уезда в XVII в. ограничивала территорию, с которой башкиры платили ясак. В дипломатической документации эти области так и назывались: «государевых ясашных людей вотчинные земли». О том, что башкиры платили ясак и со своих вотчинных угодий на реке Эмбе, свидетельствует документ Посольского приказа от 1649 г., в котором отмечено: «...били челом великого государя всего Уфинского уезду тарханы и ясачные башкирцы, а сказали с которых-де они из дальних своих вотчин государеву казну ясаку платить, которые-де их вотчины по рекам по Яику и Илеку и по Ори и по Килу и по Сакмаре и по Еми кочуют калмацкие люди по вся годы и их башкирцев побивают, и вотчины их завладели и они башкирцы тех воинских людей поби-

[1] *Трепавлов В. В.* Ногаи в Башкирии: XV—XVII вв.: Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 15; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 157.

[2] *Мажитов Н. А., Султанова А. Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994. С. 39.

[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 331. Л. 2—3.

[4] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. С. 318.

ли и языки поимали и ныне велел великий государь для миру послов своих послать, а который башкирский и русский полон велено разменять и их взятой полон»[5]. Численность башкир в этот период не превышала 150 тыс.[6]

В политическом отношении башкирские родоплеменные образования подчинялись Ногайской Орде, Казанскому и Сибирскому ханствам. В первой половине XVI в. центральные, южные и юго-восточные башкиры находились в составе Ногайского государства, западные и северо-западные — в составе Казанского ханства, северо-восточные (зауральские) — Сибирского. Падение Казани привело к семилетней войне, в ходе которой русские войска активно действовали в восточной части Казанского ханства, которую в русских источниках называли «Беловоложской землей» (по названию реки Белой). Передовые части правительственных войск вторгались на земли башкир, плативших ясак ногайским правителям[7]. Всего же в результате похода русских войск 1554 г., проходившего по всему центру ханства и до пределов Ногайской Башкирии на востоке, было убито до 10 тыс. вооруженных повстанцев[8]. Князь А. Курбский, активно участвовавший в подавлении восстания, имея в виду зимний поход 1554 г., писал, что передовые полки «воюючи» и преследуя «воинство босурманское», дошли до границ Ногайской Башкирии[9]. Прямых свидетельств о военных столкновениях русских войск с башкирами нет. Сохранилось лишь смутное упоминание князя А. Курбского об ошибочном решении царя, отказавшегося в октябре 1552 г. «выгубить воинство басурманское пяти различных языков», что, по мнению Курбского, привело к длительному кровопролитному восстанию в Казанской земле[10]. Пятым языком Казанского ханства князь А. Курбский называл башкир[11]. В шежере башкирского племени Ирэкте говорится об обязанности башкир нести военную службу казанскому хану, однако незадолго до падения Казани бий ирэктинцев Исян-хан отказывает хану в деньгах и воинах. Брат Исян-хана убивает посланца казанского хана. Исян-хан и его соседи, опасаясь возмездия от хана Казани, решают искать защиты у русских[12].

Тем не менее демонстрация военного могущества Русского государства не могла не повлиять как на башкир Казанского ханства, так и на их единоплеменников в Ногайской Орде. Военные действия русских войск не распространялись на тех, кто добровольно признавал требования новых властей ханства. Сразу после взятия Казани Иван IV «послал по всем улусом черным людем ясачным жаловалные грамоты опасные, чтобы шли к государю <...> а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казаньскым царем»[13]. Этот факт подтверждается шежере башкир племени Юрматы: «После того, как Татигач стал *бием*, <в год> девятьсот пятьдесят девятый, в год Мыши, во второй день <созвездия> Скорпиона, Казань-город взяли русские. После этого Белый *бий* стал *падишахом*. После этого во все стороны он

[5] РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Л. 12.

[6] *Кузеев Р. Г* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 64.

[7] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. СПб., 1904. С. 262—265.

[8] *Усманов А. Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 104.

[9] *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 63.

[10] *Усманов А. Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. С. 105.

[11] История Татарской АССР: (С древнейших времен до наших дней). Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань, 1955. С. 15.

[12] Башкирские родословные. Вып. 1 / Сост., пер. на рус. яз., послесл. Р. М. Булгакова, М. Х. Надергулова. Уфа, 2002. С. 280.

[13] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 221.

направил посланцев с грамотами и тогда стало известно, а был в ту пору <год> девятьсот шестьдесят первый: „Кто бы то ни был пусть не бежит, каждый в своей вере пусть остается и следует своему закону“»[14]. Башкиры-юрматинцы, обитавшие в среднем течении реки Белой, платили ясак не казанскому хану, а Ногайской Орде. Тем не менее посланцы с грамотами царя побывали и в центральной Башкирии.

Первыми на призыв царя откликнулись удмурты и луговые марийцы. Иван IV милостиво принял представителей удмуртов, которые мирно признали власть России. Он обещал «ясаки на них <...> имати прямые, как было при Магмеделиме царе»[15]. Новые власти сохранили привычные формы податной системы, одновременно значительно облегчив повинности.

В объединенном шежере племен Уран и Гайна отмечается, что башкиры, прежде платившие ясак казанским ханам, в 1554 г. отправили своих представителей в Казань и Чердынь. Бий уранцев Айсуак привез из Казани царскую грамоту о принятии подданства уранцами, написанную на бересте[16]. Сохранилась копия 1737 г. с жалованной грамоты башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву о пожаловании ему земли по реке Каме за службу[17]. Этот документ был предъявлен в 1805 г. в ходе земельного разбирательства между башкирами Уранской волости и владельцами Камбарского завода Демидовыми. В итоге длительная земельная тяжба закончилась тем, что спорные владения были утверждены за башкирами Уранской волости. Главным аргументом, изложенным на суде в пользу уранцев, стала копия с грамоты Ивана Васильевича, обнаруженная башкирами в архиве Казанской губернской канцелярии.

Судя по родословным (шежере), башкиры восприняли подчинение Ногайской Орде как материальное бедствие, отягощенное бесправным статусом народа. К примеру, стоявший во главе Башкирского наместничества султан Акназар (Хак-Назар), по словам башкир, «всячески их изнурял и в безсилие приводил, ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал, и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владеть, також и чрез реку Белую переходить не допущал»[18].

Напротив, подданство казанскому и сибирскому ханам башкиры связывали с военной службой и привилегированным вотчинным правом. В начале XVIII в. в одной из коллективных челобитных башкир говорилось: «И как де в Казани Шигалей царь и в Тобольском Кучум царь был, и у них под раментом служили и ясаки платили из давних лет деды и отцы их владели в Уфимском уезде вотчинами <...> и после казанского взятия им великим государем отцы и деды поклонились без спору и войны и приехав из своей воли покорились»[19].

Присоединение к России башкир Казанского ханства осуществлялось по иному сценарию, нежели установление подданства чувашей и мари. В ходе принятия присяги мари и чувашам был определен административной центр подчинения: «...а ве-

[14] Башкирские родословные. С. 56—57.

[15] ПСРЛ Т. 13. 1-я половина. С. 222. Мухаммед-Амин хан — казанский хан (1484—1485, 1487—1496, 1502—1518), сын хана Ибрагима и Нур-Султан бикем. Мухаммед-Амин провел налоговую реформу. Чуваши в 1531 и 1551—1552 гг. выражали свое удовлетворение налоговой реформой Мухаммед-Амина и просили восстановить ее.

[16] *Кузеев Р. Г.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 11.

[17] РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1497. Л. 48.

[18] *Рычков П. И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2002. С. 134.

[19] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л., 1936. С. 259.

лел бы у Свияжского города быти; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детем неотступным быти и к Казани от Свияжскаго города никак не отложитися»[20]. Впоследствии это обстоятельство позволило А. Ф. Адашеву утверждать: «...а Горная сторона к Свияжскому городу, понеже государь Божиим милосердием да саблею взял до их челобития»[21]. Словосочетание «взял саблей» в XVI—XVIII вв. означало «военное принуждение» или «завоевание», в противоположность выражению «своей волей». В ходе многочисленных восстаний XVII—XVIII вв. башкиры неоднократно указывали властям, что «нашего башкирского народу деды и прадеды, когда великим монархам головы свои преклонили своевольно, и оные великие наши монархи содержали повольное житье, пожаловав дали земли и положили урочный ясак и по сего дни под саблей не держали»[22].

Все башкиры прежнего Казанского ханства принимали российское подданство в качестве служилого сословия. В своих челобитных XVII в. они писали, что «служат великому государю в холопах». В XVII в. самоназвание «холоп твой» уже осознавалось как привилегия служилого сословия, поскольку крестьяне и посадские люди, по словам Г. Котошихина, «пишутца в челобитных своих рабами и сиротами, а не холопами»[23]. В совместных коллективных челобитных башкир с казанскими ясачными татарами и бобылями употребляются оба понятия — «холопы и сироты»[24]. Соционим «холопы» распространялся не на отдельные привилегированные группы, но на весь народ, представленный в качестве однородного служилого сословия. Примечательно, что в документах сибирских приказных изб XVII в. включение в российское подданство башкир трактовалось как запись в службу[25].

В русских летописях подробно описывается социальный и этнический состав населения Казанского ханства. Например, в челобитной, направленной в 1551 г. казанцами от имени «всей Казанской земли» Ивану IV, говорится: «...Кудайгул-улан в головах да Муралей-князь и вся земля Казаньская, молны и сеиты и шихи и шихзаде и молзаде, имамы, азии, афазы, князи и уланы и мырзы и ички, дворные и задворные казакы и Чюваша и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можары...»[26] В данном случае под «тарханами» следует понимать башкирскую служилую знать[27].

В тарханских ярлыках, жаловавшихся в XVI в. казахскими ханами, по отношению к башкирам применено словосочетание «яобуроще», т. е. «обязанные военной службой»[28]. Таким образом, для башкирских тарханов Казанского ханства процедура принятия российского подданства сводилась к подтверждению прежних обязательств и привилегий, но уже в отношении нового сюзерена — московского государя. Однако принятие подданства в форме перехода на службу царю было свойственно не только для башкирских тарханов, но и для башкир, плативших ясак.

Процесс принятия российского подданства интерпретировался российской и башкирской стороной в соответствии с правовыми и идеологическими представлениями

[20] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. С. 231.

[21] Там же. С. 167.

[22] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 136.

[23] *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 143.

[24] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 83.

[25] ДАИ. Т. 8. С. 542.

[26] ПСРЛ Т. 13. 1-я половина. С. 167.

[27] *Исхаков Д. М.* От средневековых татар к татарам нового времени: (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.). Казань, 1998. С. 128.

[28] *Амирханов Р., Габдуллин И.* Надыр Уразметов // Элмэт — Альметьевск. Казань, 2003. С. 290—291.

двух социумов. В башкирских шежере и челобитных субъектом, принимающим решение о подданстве, выступает родоплеменная структура или даже весь народ. В шежере племени Юрматы утверждается, что окончательное решение о принятии российского подданства юрматинцев было результатом волеизъявления всего народа[29]. Татигас-бий после возвращения из посольства к белому падишаху собрал народ и спросил: «А теперь и вы примете ли все это? Каждый из этого народа сказал, хорошо, каждый из нас всей душой согласен»[30]. Подобная трактовка процедуры принятия подданства соответствовала идеологии башкирских родословных преданий. Например, в проекте наказа башкир в Уложенную комиссию отмечалось: «В прошлых годах наш народ башкирский и тарханский состоял под властью ногайских ханов и, не хотя под оной быть, пришел с самопроизвольного усердия в подданство под высокоглавую российскую державу»[31]. Однако российские государственно-правовые принципы XVI в. не предусматривали установления отношений добровольного подданства с народом или родоплеменной структурой. Только личная присяга (шерть) главы такого сообщества сюзерену легитимизировала этот факт. Вместе с тем по любым спорным земельным вопросам башкиры выступали не индивидуально, а родоплеменными структурами. Башкирская знать не имела никаких прав на распоряжение вотчинными угодьями.

В отличие от других жителей Казанского ханства, в процессе принятия башкир в подданство не производилось переписи мужского взрослого населения. В ясачную книгу вносились имена только глав родовых структур[32]. Согласно ясачным книгам 1629 г., в Уфимском уезде числилось 888 дворов башкир, ответственных за сбор ясака[33]. В 1631—1633 гг. был проведен пересмотр ясачных обязательств башкир, когда выявлялись и записывались дворы, ранее не внесенные в ясачные книги. В результате количество башкирских ясачных дворов возросло до 2217. Общая сумма ясачного сбора со всех групп населения составляла 6726 руб. 50 коп. в год, в том числе с башкир 1508 руб. 86 коп., с тептярей[34] — 5217 руб. 63 коп.[35] Величина ясачной подати в Казанском уезде была в 3—4 раза больше, чем платили башкиры[36].

Принципиальное отличие правового статуса башкир от положения других кочевых и полукочевых народов заключалось в том, что обязательство несения военной службы было сопряжено с ясачной повинностью. Калмыки, также принявшие российское подданство, ясак в XVII в. не платили. В этом отношении ясачная дань сближала башкир с большей частью сибирских народов и казанскими татарами. В интерпретации башкир ясак рассматривался в качестве правового основания владения вотчинными землями, т. е. привилегии, отличающей коренное население Уфимского уезда от других народов. Не случайно башкиры расценили отмену ясака в 1754 г. как лишение их вотчинного права на землю, что явилось одной из причин восстания 1755—1756 гг.

Привилегированный статус башкирского народа объяснялся прагматическими

---

[29] *Уметбаев М.* Ядкар (На башк. яз.). Уфа, 1984. С. 76.

[30] *Кузеев Р. Г.* Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 33.

[31] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Л. 76.

[32] Башкирские родословные. С. 108.

[33] РГАДА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 2851. Л. 370.

[34] Тептяри — припущенники, селившиеся на вотчинных башкирских землях по письменных договорам с ними.

[35] РГАДА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 2851. Л. 372.

[36] *Димитриев В. Д.* О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 101.

расчетами российских властей, понимавших, что основная часть башкирского населения обитала не в Казанском ханстве, а в Ногайской Орде. Правительству Ивана IV было необходимо продемонстрировать казанским башкирам готовность идти на значительные уступки новым подданным, жаловать льготы и привилегии. В противном случае башкиры могли откочевать на восток, пополнив ряды противников российской власти в Ногайской Орде или Сибирском ханстве. Ставка на максимально благоприятные для башкир условия подданства себя оправдала очень скоро. В 1555 г. предводитель племени Минг Канзафар-бий обратился к Ивану IV с просьбой о подданстве. Мингские башкиры не только получили все привилегии своих западных соседей, но были пожалованы землями, оставленными ушедшими ногаями. Уход ногаев из Башкирии, начавшийся после взятия Казани, резко усиливается после строительства Уфы на реке Белой, на месте бывшей ставки ногайского наместника Башкирии. Если в начале XVI в. мингцы занимали земли по нижнему течению реки Уфы, то после ухода ногайцев они быстро заняли обширные территории по долинам рек Дема и Уршак. В башкирских шежере отмечается, что «за то добровольное подданство не только те земли, где они прежде подданства своего, будучи еще малолюдны и в крайнем убожестве жили, а именно — за Камою рекою и около Белой Воложки (коя после Белою рекою названа), им башкирцам подтверждены, но сверх того и другими многими, на которых они жительствуют, пожалованы, как это свидетельствуют и жалованныя грамоты, которыя у многих поныне имеются»[37].

Вслед за вождями мингцев подданство приняли их восточные соседи — главы родов племени Юрматы. Все юрматинцы были подвластны ногайскому мирзе Ядкарю. Ему же подчинялось и башкирское племя Табын. В отличие от Юрматы, родоплеменная знать восточных табынцев ушла вместе с ногаями. В шежере Юрматы говорится о том, что Иван IV утвердил за юрматинцами земли по реке Кугуш. Однако в начале XVII в. свои права на эти земли предъявляли только башкиры из табынских родов. В начале 80-х гг. XVI в. часть ушедших табынцев вернулась на свои вотчинные угодья и приняла участие в вооруженной борьбе ногайского бия Уруса против России. В 1584 г. табынцы разорили Вознесенскую пустынь, которая была основана на их вотчинных угодьях по реке Кугуш[38].

До 1557 г. вожди бурзян, кипчаков, усерган и тамьян добровольно признали российское подданство. В шежере бурзян отмечается: «В 961 г. х. люди России взяли Казань. По вызову падишаха Бикбав от усерганов, Мешавли Каракючяк от кыпчаков, Шагали Шагаман от тамьянов, Иджгибий от бурджанов пошли в Казань. Назвав себя подданными падишаха Ивана, сына Василия, эти четверо просили обмерить и дать им их землю. Падишах принял их в подданство, пожаловал звание тарханов и направил в Ногайскую и Сибирскую дороги писцов для обмерения земель, за которые платили ясак»[39].

Башкирские племена Ногайской Орды вошли в состав России при лояльно настроенном к России правителе Орды Исмаиле. Однако подданные Исмаила — башкиры в 1555—1557 гг. приняли российское подданство. При составлении духовной Иван IV в 1572 г. отписал сыну Казанское царство «с Башкирдою»[40]. Таким образом, российское правительство не признало прав правителя Ногайской Орды на территорию Башкир-

[37] *Рычков П. И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. С. 41.

[38] *Модестов Н. М.* Село Табынское и Вознесенская пустынь: Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 31. Оренбург, 1914. С. 61.

[39] Башкирские родословные. С. 8—9.

[40] ДДГ. С. 426.

ского наместничества. Тем не менее ногаи пытались собирать ясак с башкир еще в начале XVI в. В 1601 г. уфимский воевода М. А. Нагой известил Л. О. Щербатова о том, что «сорок ногайских сборщиков собирали ясак с башкир в Уфинском уезде с ясашных волостей с устья Белой Воложки до уфинские и до аиские вершины и на Катайской волости»[41].

Добровольно российское подданство приняли далеко не все башкирские роды и племена. Часть зауральских племен до конца 60-х гг. XVII в. поддержали антирусские действия хана Кучума и его сыновей. Эти башкирские общины первоначально не были включены в состав башкирского сословия. Ясачный оклад, которым они были обложены после покорения, в несколько раз превосходил подати башкир Уфимского уезда. Ясак для некоторых зауральских башкир исчислялся поголовно, а не по родам[42]. До включения в Уфимский уезд они не имели вотчинных прав на свои земельные угодья, что позволило правительству развернуть здесь масштабное строительство крепостей и острогов. Этноним «башкир» почти не встречается в официальной документации Сибирского приказа. В переписке с сибирскими воеводами их называли катайскими, табынскими, сынрянскими, терсяцкими или салжаутскими татарами[43]. Однако при реорганизации Приказа Казанского дворца башкирские волости Тюменского уезда были переданы в ведение уфимских воевод. К 1629 г. к Уфимскому уезду отошла и обширная Катайская волость по реке Исети. В 1641, 1646 и 1648 гг. башкиры Терсяцкой и Сынрянской волостей были выведены из подчинения верхотурского воеводы и переданы уфимским властям[44]. Больше половины башкир северо-востока и востока вошли в состав России добровольно. Но племена Каратабын, Терсяк и Сынрян были принуждены к подданству военными акциями отрядов Ермака и Мансурова и других, поэтому они не имели жалованных грамот на занимаемые вотчинные земли[45]. Наибольшее сопротивление продвижению России в Зауралье оказали восточные табынцы. Завоеванные башкирские племена вынуждены были отдавать властям заложников.

Факторы, расколовшие зауральских башкир на противников и союзников российских властей, в исторической литературе не рассматриваются. Далеко не всеми зауральскими башкирскими родами хан Кучум воспринимался в качестве законного правителя. В делопроизводственных материалах Уфимской провинции начала XVIII в. отмечалось, что все башкиры Сибирской дороги разделялись на три тюбы: Катайскую, Айлинскую и Табынскую[46]. Однако эти союзы, объединявшие десятки родоплеменных образований, имели политическую основу, выражавшуюся в ориентации на различные властные центры. Если Табынская тюба была опорой для кучумовичей и придерживалась имперской традиции чингисидов, то Айлинское объединение ориентировалось на ногайских правителей — потомков Едигея. В первой трети XVIII в. старшины родов, входивших в Айлинский союз, помнили о земельных пожалованиях ногайских правителей. В 1733 г. в челобитной башкир Сибирской дороги говорилось: «В прошлых годех до взятии Царства Казанского пращуры прадеды и деды и отцы, нижайше башкиры 12 волостей, Айлинской, Сарты, Сызгинской,

[41] *Трепавлов В. В.* Ногаи в Башкирии: XV—XVII вв.: Княжеские роды ногайского происхождения. С. 6.

[42] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 73.

[43] *Миллер Г. Ф.* История Сибири: В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 122, 183—184, 193—194.

[44] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 23.

[45] *Асфандияров А. З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 44.

[46] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 3. М.; Л., 1949. С. 500.

Упейской, Чирлинской, Мурзаларской, Тюбеляцкой, Кара-Тавлинской, Тырнаклинской, Айлинской, Тирлярской владели вотчинами землей и всякими угодьи по раздаче ногайского хана и по тамгам и урочищам без письменных крепостей все вообще и по взятии царства Казанского тою нашей землей и всякие угодьи владели мы, по-старому»[47]. Катайская тюба, где главенствующую роль играли салжиуты (салъюты), поддерживала сибирскую княжескую династию Тайбугидов. Таким образом, отношение к дому Кучума и к российским властям предопределялось политической традицией, формирование которой произошло еще в XIV—XV столетиях. Если салъюты, будучи давними врагами сибирских шибанидов, активно поддержали российское продвижение в Сибирь, то табынцы вплоть до ухода кучумовичей к каракалпакам стремились поддерживать их во всех антироссийских акциях. Отношение к России Айлинского союза было таким же противоречивым, как и политика ногайских правителей в отношении России.

В новейшей литературе по истории Башкортостана появилась концепция добровольно-принудительного характера присоединения башкир к Российскому государству[48]. Подобный дискурс фактически низводит башкирские родовые объединения до уровня пассивных клиентов, с опаской взиравших на противостояние истинных акторов политической сцены — Москвы, сибирских шибанидов, ногаев и калмыков. Вместе с тем источники говорят о том, что политические предпочтения башкирских родов отнюдь не всегда предопределялись соотношением военных сил противоборствующих сторон. К примеру, зауральские табынцы чаще других родов подвергались карательным акциям сибирских и уфимских служилых людей. Военное принуждение не только не привело зауральских табынцев под царский скипетр, но, напротив, усилило сопротивление российским властям.

В случае выбора между двумя султанами, претендующими на ханство, табынцы руководствовались не соотношением военных сил, а легитимностью кандидатов. В 1603 г. все «лучшие люди и все табынцы» султана Алея перешли на сторону его брата Каная, поскольку «царевич Алей был рожден от матери незнатного рода, а потому некоторые знатные люди его орды не хотели признавать его своим ханом»[49].

Приверженность табынцев власти сибирских шибанидов объяснялась не соображениями военного преимущества, а спецификой социальных отношений, отличавших табынцев от других башкирских объединений. В середине XIX в. шежере рода Каратабын повествует о происхождении табынцев от Майкы-бия, который во время Чингисхана жил на реке Миасс. Его внук Ахмедшейх под давлением завистливых братьев отца был вынужден переселиться на запад к границам Казанской земли, потому что там «сыновья Чингиза основали свое ханство»[50]. Бии табынцев, уйдя из Сибири, избежали мести сибирского хана Ибака (Ибрагима), победившего другого шибанида — Мухаммеда Шейбани[51]. В 1523 г. Ахметшейх получил ярлык от казанского хана Сафа-Гирея на свои владения в районе реки Ик. Шежере племени Ирэкте свидетельствует о том, что «если и были у башкир кайпан, и герей, и уран, и тазлар, и байки, и балыкчи, если и были у <этих> башкир над ними свои *тюря*, то главы всех этих *тюбь* все признавали его (Исяна. — *Б. А.*) своим главой и считали над собой

[47] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 621.

[48] *Мажитов Н. А., Султанова А. Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. С. 211.

[49] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 34.

[50] Башкирские родословные. С. 15.

[51] *Уметбаев М.* Ядкар. Уфа, 1984. С. 53.

ханом. По этой причине в его присутствии разные роды были слугами»[52]. Подобная структура общества была не свойственна другим башкирским родовым структурам. К примеру, несмотря на существенные различия в военном потенциале и численности таких племен, как Кипчак, Бурзян, Тангаур, Тамьян и Усерган, источники никогда не фиксировали между ними отношений неравенства и подчинения. Историческая склонность табынцев к иерархической структуре общества с чингисидом во главе резко отличает их от других башкирских родов, предпочитавших прибегать к институту ханской власти лишь во время восстаний.

С другой стороны, именно среди зауральских башкир мы находим противников власти Чингисидов. Речь идет о племени Салъют (салжиуты) и исторически тесно связанных с салжиутами катайцах.

В начале XVII в. противостояние сторонников и противников Шибанидов приобретало характер гражданской войны. В 1606 г. султан Алей готовился к походу на башкир Уфимского уезда. Узнав об этом намерении сибирского царевича, башкиры «Айские и Челзеуцкие волости побежали з женами и з детьми в крепи, пометав животы». При этом войско Алея состояло в основном из представителей башкирских родов: «...и у царевичев людей ево, и тобынцов, и сырянцов и нагайцов человек с 1000»[53].

В 1695 г. башкиры Улукатайской и Салжаутской волостей подали челобитную, в которой просили утвердить за ними вотчины, жалованные их предку, участвовавшему в строительстве Уфы. Перечисляя «службы своего деда Шугур-Девлет Кокузова», башкиры отметили его роль «в строении города Уфы и подговоре под высокую державную руку блаженныя памяти великого государя и великого князя Михаила Феодоровича всея России касимовского царя Араслана Алексеевича, и за то де пожаловали его Шугура княжим именем»[54]. Добровольное решение о переходе салъютов на сторону Москвы было обусловлено не только противостоянием с Кучумом, но и тем, что их правитель Тайбугид Едигер еще в 1555 г. признал власть Москвы. Салъюты являлись главным туменом Тайбуги. А.-З. Валиди Тоган отмечает: «В период правления <...> Махмудек Ходжа-хана стали известными туменские беи Конграта и Салжавута. <...> Воюя во главе (с родами) Туринского вилаята против туменов Конграта и Салжавута, победил их и объединил вокруг себя всю страну»[55]. Борьба биев салъютов с представителями Шибанидского дома, отмеченная еще в 30-е гг. XV в., не утихала и в XVI в. В это время «Кучум-хан воевал с Ядыгар Мирзой, сыном бея Салжавутского тумена Тайбуги»[56]. Когда российские войска появились за Уралом, сибирские воеводы быстро обрели союзников в лице салъютов. Один из местных биев Шугур-Девлет Кокузов со своими людьми даже переселился из Зауралья поближе к новой русской крепости в бывшей Ногайской Башкирии. Некоторые салъютские роды ушли дальше на запад. Противостояние салъютов с Кучумовичами продолжилось и в XVII в. Именно салъюты и катайцы в 1662 г. пленили внука Кучума — султана Кансуяра с женой и детьми и отправили их в Уфу[57]. Противостояние салъютов с сибирскими Шибанидами нашло отражение и в башкирском фольклоре. В кубаире «Сукем-батыре», записанном в Челябинской области, повествуется о том,

[52] Башкирские родословные. С. 379.

[53] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 226.

[54] *Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263—1881 г.: Пятый период: Часть вторая с 1695—1701 г. Пермь, 1887. С. 45.

[55] *Валиди Тоган А.-З.* История башкир. Уфа, 2010. С. 40.

[56] Там же.

[57] *Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263—1881 г. Ч. 2. С. 33.

что, когда на край салъютов напали воины Кучума-хана, башкир-салъют Сукем-батыр оказал им достойное сопротивление[58].

Таким образом, процесс вхождения башкирских родов в состав Российского государства начался в середине 1550-х гг. с принесения шерти башкир, входивших в сферу влияния Казанского ханства. Для башкир западных племен Байляр, Буляр, Ирэкте, Гайна и Уран московский государь являлся правопреемником власти казанских ханов, восстановившим в регионе порядок и подтвердившим их вотчинные права. Башкирские роды Ногайской Орды увидели в растущей мощи Московского государства возможность избыть тягостное господство ногаев, утвердившихся в центральной Башкирии в конце XV в. Большая часть башкир Зауралья, входившего в сферу влияния сибирских ханов, выступила против принятия российского подданства. Длительное сопротивление башкир, входивших в табынскую тюбу, было обусловлено тем, что некоторые восточные башкирские роды входили в иерархическую структуру власти сибирских ханов, т. е. составляли их вооруженные силы. Исследователи, изучавшие условия вхождения башкир в состав России, анализировали башкирские шежере, поскольку оригинальных текстов жалованных грамот не сохранилось. В 1766 г. оренбургский губернатор А. А. Путятин объяснил правительству причины, по которым башкиры не сохранили жалованные грамоты, полученные от правительства Ивана IV: «...башкиры по разным причинам жалованных грамот не имеют, а сохранившиеся копии жалованных грамот в Уфимской провинциальной канцелярии уничтожены „бывшим в 1759-м году пожаром“»[59]. Однако башкирские шежере содержат всю основную информацию об условиях принятия башкирами российского подданства. При составлении некоторых шежере в их текст была включена часть жалованных грамот, полученных башкирами в Казани и Москве[60]. В общем шежере племен Усерган, Кыпсак, Бурзян, Тамьян и Тангаур отмечено: «Составили указную (договорную) грамоту, в которой особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир и исповедующих ислам никогда не насиловать в другую религию и, чтобы мы башкиры стали нести искреннюю службу, согласившись на эти договорные между собой условия, взяв друг у друга подписи, нашу грамоту в Казани записали в книгу»[61].

Таким образом, во время принятия башкирскими племенами подданства были оговорены только принципиальные общие положения, касающиеся вотчинного землевладения, ясачной подати, военной службы и вероисповедания. Во-первых, российское правительство гарантировало башкирам защиту от притязаний прежних властителей. Во-вторых, Иван IV утвердил вотчинные права за башкирами на все земли в пределах Ногайской Башкирии. В-третьих, за башкирами было сохранено право без препятствий исповедовать ислам. В свою очередь представители башкирских посольств признавали себя подданными русского царя. Они брали на себя обязательство платить ясак и нести военную службу. По-видимому, жалованные грамоты предусматривали уточнения условий башкирского подданства. Так, в шежере семиродцев сказано: «Царь обещал другими повинностями, учрежденными без нашего согласия, не причинять башкирскому народу страданий»[62]. В дальнейшем общие положения жалованных грамот потребовали подтверждения и

[58] Башкирское народное творчество: Исторический эпос. Т. 10. Уфа, 1999. С. 172.

[59] *Усманов А. Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 192.

[60] *Кузеев Р. Г.* Башкирские шежере. С. 89.

[61] Там же. С. 45.

[62] Там же. С. 44.

уточнения. Делегации башкирских представителей в Москве в XVII в. преследовали цель конкретизации отдельных положений из привилегий, установленных в XVI в.[63] Сама процедура регулирования отношений между башкирскими племенами и российским правительством предусматривала возможность непосредственного обращения башкир к царю. Аналогичное право существовало в государственной традиции Золотой Орды. Обладатели тарханных ярлыков имели привилегию непосредственного обращения к верховному владыке[64]. Такая форма взаимоотношений позволяла предотвратить конфликтные ситуации, возникавшие в регионе.

Принятие башкирских племен и родов Ногайской Башкирии в подданство России происходило при отсутствии на их территории военно-административного центра и вооруженных сил Российского государства. Предполагалось, что управление всеми башкирами будет осуществляться из Казани.

Присоединение Башкирии к Русскому государству происходило в условиях ослабления Ногайской Орды. Несмотря на лояльность России бия Исмаила, значительная часть ногайских улусов выступила против военного и политического соглашения с правительством Ивана IV. Процесс государственной дезинтеграции Ногайской Орды сопровождался не только взаимными столкновениями ногаев, но и уходом многих ногайских улусов в Крымское ханство и в степи Казахстана. Для российского правительства принятие в свое подданство башкир было важнейшей стратегической задачей. Территориальные приобретения или увеличение государственных доходов имели второстепенное значение перед опасностью массового выступления башкир на стороне антироссийских сил. По этой причине правительство Ивана IV не предприняло никаких военных действий по закреплению за собой земельных владений на территории Башкирии.

Если в Казанском и Сибирском ханствах значительная часть земель была изъята в дворцовое ведомство и в фонд поместного землевладения, то в Башкирии даже территории ногаев были переданы башкирским родоплеменным образованиям.

Башкиры, не пожелавшие войти в состав России, не только откочевали к ее противникам, но и приняли активное участие в антироссийских выступлениях. К примеру, восточные башкирские племена Табын и Сынрян, поддержавшие Кучума в конце XVII в., составили основу его отрядов, которые участвовали в военных действиях протии России. С ногаями откочевала часть табынских башкир, которые вернулись в Башкирию в 1585 г. и также были вовлечены ханом Кучумом в войну против России.

В этих условиях привилегии и льготы, гарантированные московским правительством башкирским посольствам, в политическом отношении были вполне оправданы.

В середине XVI в. российскому правительству только предстояло выработать методы управления кочевыми народами. Правительство Ивана IV при установлении башкирского подданства воспользовалось традициями и опытом Золотой Орды и других государств, которые придерживались государственно-правовой системы Джучидов. В соответствии с этими традициями правительство потребовало от башкир несения военной службы, что подразумевало не только охрану границ края, но и участие башкир в общих сборах российского войска.

В свою очередь правительство Ивана IV обещало башкирам «не насиловать в

[63] *Демидова Н. Ф.* Башкирские посольства в Москву в XVII в. // От Древней Руси к России Нового времени. С. 180.

[64] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976. С. 89.

другую веру», что подразумевало свободу вероисповедания. Оно подтвердило законность независимого от российской администрации традиционного суда башкир, полномочного рассматривать все дела, за исключением земельных споров и дел об убийстве.

Выступая в качестве преемника ханов Золотой Орды, Иван IV подтвердил тарханные ярлыки казанских ханов и пожаловал тарханское звание представителям башкирских посольств. После присоединения Башкирии к Русскому государству за тарханами сохранились те же права, которые они имели до XVI в. Русские цари продолжали жаловать башкирскую знать тарханными грамотами главным образом на военную службу, причем некоторые получали наследственное тарханство.

Российское правительство также взяло на себя обязательство согласовывать с представителями башкир все принципиальные изменения в их положении. Вплоть до 30-х гг. XVIII в. башкиры имели право непосредственного обращения к верховной власти, что на практике реализовалось в организации периодических башкирских посольств в Москву.

Кроме того, башкиры сохранили свою военную организацию на основе племенного ополчения. Возглавлявшие ее тарханы и старшины самостоятельно регулировали все вопросы, связанные с охраной границ края и защитой населения от внезапных вторжений других кочевников.

Российская администрация имела ограниченные возможности контроля за внутренней жизнью башкирских волостей. Правительство не могло всецело полагаться на лояльность башкирской знати, поскольку легитимность власти башкирских старшин и биев определялась не московскими властями, а традициями общинного самоуправления.

НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Крупнейшим государством в начале XVI в. на юге Западной Сибири было Тюменское ханство, правители которого происходили из династии Шибанидов (потомков Шибана, внука Чингисхана). После смерти ханов Ибрахима (1495) и Мамука (1497) новым тюменским лидером стал младший из трех братьев Агалак, который вместе с другими царевичами поддерживал связи с казанским беклербеком (в переводе «князь над князьями», фактически глава правительства) Ураком. Это привело к организации набегов на Казань весной 1498 и 1499 гг., возможной целью которых была попытка повторить успех Мамука, ставшего ранее казанским ханом[1]. Однако уже в 1505 г. хан Агалак и его двоюродный брат Ак-Курт покинули территорию Тюменского ханства и ушли к ногаям.

Уход Агалака был связан с конфликтом внутри правящей династии из-за провалов во внешней политике. В Вычегодско-Вымской летописи упоминается, что весной 1505 г. пришел из Тюмени на Великую Пермь «сибирский царь Кулуг Салтан», при этом в Архангелогородском летописце он указан как «Ивака царев сын»[2]. Таким образом, сын хана Ибрахима Кутлук первым из тюменских правителей указан как сибирский царь, а время этого похода совпадает с уходом его дяди к ногаям. Граница Тюменского ханства при его отце Ибрахиме доходила на севере только до реки Тавды, а само ханство ориентировалось на активную степную и среднеазиатскую политику. Появление в титуле Кутлука нового территориального указания связано с включением в состав Тюменского ханства Сибирской земли, которая еще в 1483 г. была независимым политическим образованием. Эта земля, т. е. Сибирь в узком смысле, занимала небольшую, но важную с позиции контроля над речными торговыми путями территорию при впадении Тобола в Иртыш. Скорее всего, это было обусловлено перемещением во второй половине 1490-х гг. в эту землю тюменских князей из клана буркутов, представлявших династию Тайбугидов, которые фактически правили на новых территориях от лица хана Кутлука. Таким образом, в начале XVI в. Сибирское княжество стало вилайетом, т. е. отдельной административной единицей Тюменского ханства.

Уход части тюменской аристократии к ногаям хронологически совпадает с откочевкой из Дешт-и Кипчака в Среднюю Азию части узбекских племен. Вместе с ними в миграции могли принять участие тюркские и татарские кланы, связанные с тюменскими династами. Подтверждением этого является почти полная смена перечня племен на юге Западной Сибири в XVI в. в сравнении с предшествующим столетием. Миграции и кризис усугублялись ухудше-

[1] ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 249—250; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 57.

[2] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 264; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 99.

нием климата в результате малого ледникового периода, пик которого пришелся на середину XVI в. Однако эти факторы не являлись признаками полного исчезновения ханства.

Сохранение кочевого образа жизни, а также наличие владений не только на юге Западной Сибири, но и в присырдарьинском, и приаральском регионе привели к смещению ханской ставки как центра политической жизни в более южные земли. Одновременно приоритет кочевого образа жизни вполне вписывался в представление о комплексном хозяйстве, характерном для Сибирского ханства. У различных групп местного населения помимо кочевого существовал отгонный и придомный вид скотоводства, сохраняли значение охота и рыболовство. В центре Сибирского ханства, т. е. в окрестностях Искера, было распространено земледелие. Большую роль в экономике играла торговля с государствами Средней Азии, Ногайской Ордой, Казанским ханством, Московским государством.

В результате процессов первой половины XVI в. сибирские правители Тайбугиды, которые в русских источниках именовались князьями, а в степной политической терминологии были беками, получили значительную свободу в управлении регионом, где ханы появлялись на короткий срок для сбора ясака. В Есиповской летописи Основной редакции перечисляются правители из числа Тайбугидов: «По князе же Мамете княжил на Сибири Ябалаков сын Агиш. По нем же Маметов сын Казым. По нем Казымовы дети Етигер, Бекбулат...»[3] В Лихачевской редакции Есиповской летописи имеется сообщение о том, что Казыма убили его «ближние люди», но его дети сумели отомстить, разорили улусы убийц и стали править всеми[4]. Судя по контексту дальнейших событий, деятельность братьев Едигера и Бек-Булата относится к 1550-м гг.

Источниковая база не позволяет досконально реконструировать события, происходившие в ханстве в промежутке между 1510-ми и серединой 1550-х гг. Итальянский ученый-гуманист Павел Иовий в 1525 г., основываясь на рассказе московского дипломата Дмитрия Герасимова, писал: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам...»[5]. Однако наиболее полные сведения на этот счет были собраны австрийским дипломатом Сигизмундом Герберштейном, который был дважды в России — в 1517 и 1526 гг. Относительно Тюмени он писал, что ею «владеют господа князья (knesi) югорские, платящие, как говорят, дань великому князю». Однако в то же время он отмечал, что государь «царства Тюмень» татарин и «на их родном языке называется Tumenski czar, т. е. „тюменским царем“ <...> и он не так давно причинил большой ущерб московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются»[6]. Возможно, до Герберштейна дошли какие-то известия о переходе столицы Тюменского ханства города Чимги-Туры (совр. Тюмень) под управление неких югорских князей из-за ухода тюменской аристократии в степи. В пользу этого свидетельствует известие, пришедшее в Москву в 1536 г., о том, что ногайский мирза Шейх-Мамай, который был потомком хана Ибрахима по линии его дочери и, видимо, на основании этого управлял частью сибирских земель, населенной тюменскими, шейбанскими и кайсацкими татарами, «детей отпущает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу (возможно, стар-

[3] ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 48.

[4] Там же. С. 119.

[5] *Иовий П.* Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 28—31.

[6] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 157, 161.

ший сын Шейх-Мамая Хан. — *Д. М.*) Туру воевать»[7].

В 1520—1530-е гг. Шейх-Мамай покровительствовал своим родственникам из числа потомков тюменского хана Ибрахима[8]. Старший брат Шейх-Мамая Сеид-Ахмад писал в Москву в 1536 г., что «Иваков царев сын и тот нам повинился со всеми своими товарищами и слугами»[9]. Помимо Кутлука нам известно о деятельности еще одного его брата — Муртазы. Продолжатель хивинского хрониста Утемиша-Хаджи писал, что «Муртаза султан <...> между [рек] Инрек и Сувнак Дерйа-и Тур <...> стал ханом»[10]. Возможно, под этими реками в сообщении имеются в виду притоки реки Урал Илек и Иргиз-сувук, которые указаны у Абу-л-Гази как изначальные владения Шибана. В таком случае Муртаза, как и некоторые из Шибанидов до него, стал ханом именно в Ногайской Орде. Сыновья Муртазы Ахмад-Гирей и Кучум воспитывались при дворе Шейх-Мамая[11]. Именно Муртаза больше всего подходит на роль следующего сибирского хана после Кутлука. Таким образом, миграции к ногаям и в Среднюю Азию не привели к полному распаду ханства, оно продолжало находиться под контролем потомков Ибрахима, в частности его сына Муртазы, но уже при постоянной поддержке родственных ногайских кланов.

Между тем в это время в окружении Тайбугидов уже существовала уверенность в том, что только их власть в Сибири легитимна, а Чингисиды в лице Шибанидов были не более чем узурпаторами[12]. Об этом свидетельствует история посольства Едигера к русскому царю и переговоры, начатые в 1555 г. По всей видимости, значительную поддержку претензиям Шибанидов оказали представители многочисленного ногайского рода потомков Шейх-Мамая, в то время как Тайбугиды могли опереться на ногайского бия Исмаила, на дочери которого был женат Едигер.

В конце лета — начале осени 1563 г. Сибирская земля была поставлена под контроль Шибанидов в связи с приглашением царевича-шибанида править в Искере: «...сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учали и взяли к себе на Сибирь царевича»[13]. Со времен первого историка Сибири XVIII в. Г. Ф. Миллера считалось, что с этой целью сибирское посольство было отправлено к хану «Большой Бухары» Муртазе, который прислал своего сына Кучума[14]. Его участие подтверждается и сообщением Есиповской летописи Лихачевской редакции[15]. У Продолжателя Утемиша-Хаджи относительно Кучума сообщается, что «Всевышний дал ему силы и помощь и он захватил их и раздал их имущество народу и стал великим ханом юрта Тау Буга Ишдеге (Тау Буга йурты Ишдеге)»[16], т. е. «Иштякского юрта Тайбуги».

Под влиянием этих источников сложилась историографическая традиция счи-

---

[7] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1549 гг. Махачкала, 1995. С. 155; см.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 164, 181.

[8] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 145.

[9] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1549 гг. С. 130—131.

[10] *Миргалеев И. М.* Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17—18 апреля 2014 г.). Курган, 2014. С. 65.

[11] *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 199—201.

[12] *Маслюженко Д. Н.* Сибирская княжеская династия Тайбугидов: Истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 9—21.

[13] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 370.

[14] *Миллер Г. Ф.* История Сибири: В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 192.

[15] ПСРЛ. Т. 36. С. 119.

[16] *Миргалеев И. М.* Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме»... С. 65.

тать приглашенным в Сибирь Шибанидом именно Кучума. Однако в тексте письма Ивана IV бию Исмаилу от 22 сентября 1563 г. указано: «А ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич»[17]. Т. е. престол был занят сначала не Кучумом, а его старшим братом Ахмад-Гиреем. Бек Едигер к этому времени скончался, его сын и жена оказались в Москве, брат Едигера Бекбулат был убит при смене власти. Его беременную супругу отправили в Бухару к местному сейиду, т. е. представителю суфийского тариката. В его доме родился последний известный представитель этой династии, получивший имя Сейдяк[18]. Тайбугиды пострадали за попытку сепаратных переговоров, нарушавших традицию ведения внешней политики только Чингисидами.

Занятие Искера Шибанидами и перенос в этот город номинальной северной столицы сместили важный политический акцент в истории ханства. Прежняя столица Чимги-Тура потеряла свою роль, хотя и не утратила своего значения, что видно из упоминания двусоставного титула Кучума в одном из посольских документов: «тюменский и сибирский»[19]. Смена столиц ханства, в которых между 1563—1582 гг. поочередно правили сыновья Муртазы Ахмад-Гирей и Кучум, позволяет называть его Сибирским и считать завершающим этапом в постордынской истории местной государственности Шибанидов. Братья могли выступать либо как соправители, либо же традиционно для Шибанидов один из них мог выполнять военные функции при хане. По всей видимости, Ахмад-Гирей был ханом в 1563—1569 и 1574/75—1578 гг., а Кучум — между 1569—1574/75 гг. и затем с 1578 и до своей смерти около 1600 г.

В 1570-е гг. Кучум активизировал внутреннюю политику, в частности создал новую систему управления, необходимую из-за расширения территории ханства за счет присоединения земель. На севере границы Сибирского ханства вышли к впадению Иртыша в Обь, среднему течению Туры и Тавды, на востоке — к низовьям реки Томь, притока Оби, на юге — до Чановских озер в Барабинской лесостепи, низовьев Иртыша, Ишимо-Иртышского и Ишимо-Тобольского междуречий, на западе — до верховьев реки Исети[20]. На западе владения Кучума включали земли бывшего Тюменского ханства, которое превратилось в один из двух основных вилайетов, находившихся под непосредственным управлением сибирского хана. Значительное расширение территорий ханства в сравнении с тюменскими землями породило проблемы управления ими и контроля над многочисленным и различающимся в этническом плане населением.

Наиболее сложно установить юго-западные границы, где владения Кучума граничили с Ногайской Ордой и Казахским ханством. Скорее всего, все земли до верховьев рек Тобол, Миасс и Исеть находились под властью сибирских ханов[21], что не мешало ногаям в период их ослабления кочевать и на реке Исети. Как при Кучуме, так и при его сыне и наследнике Али ногайские мирзы, в частности сын будущего ногайского бия Ураз-Мухаммеда Али[22], имели юрты по

[17] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 188—188 об.

[18] ПСРЛ. Т. 36. С. 48, 81; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 192.

[19] Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. СПб., 1801. С. 268—269.

[20] *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции. Курган, 2011. С. 74—76.

[21] *Самигулов Г. Х.* К вопросу о границе Ногайской Орды и Сибирского Зауралья // Средневековые тюркотатарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 126—130.

[22] *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 132—134.

Иртышу, а также собирали ясак с населения степного Южного Зауралья, Приисетья и даже Среднего Зауралья.

Степные границы ханства зависели от отношений с Ногайской Ордой, Казахским ханством, а позднее и с калмыками. Позднее, в результате поражений Кучума в 1580-х гг., был утрачен контроль не над всеми землями: западные и южные части Сибирского ханства продолжали оставаться под контролем как самого хана, так и его потомков. При этом они могли перемещаться в широком степном пространстве северного и западного Казахстана, которое было занято в конце XVI в. союзными ногайскими племенами.

В 1570-е гг. одновременно с расширением границ проводились и иные реформы, в частности необходимо было организовать управление различными территориями в составе ханства и создать систему охраны границ, а также проложить торговые пути, в том числе построив мосты через многочисленные сибирские реки[23].

Земли в Среднем Притоболье, которые в более поздних документах именуются «отцовскими кочевьями»[24], выделялись тем, что в них кочевал непосредственно ханский двор (ордубазар) Кучума. Эти земли были удобны тем, что позволяли сибирским правителям легко общаться с ногайскими родственниками и союзниками. Еще в начале XVII в. эти территории оставались незанятыми и использовались всеми тюркскими племенами как охотничьи угодья. Лесостепные племена — например, табын, сынрян, мякотин — долгое время сохраняли верность потомкам Кучума, а отдельные владения на Тоболе оставались в руках его потомков до 1660-х гг. Северные столицы Чимги-Тура и Искер могли быть лишь временными ставками (летовками или зимовками) хана для сбора ясака и иных проявлений власти над северными племенами.

А. В. Матвеев и С. Ф. Татауров предположили, что в ханстве существовали три формы взаимодействия центральной и местных властей. Первая была характерна для бывших Тюменского ханства и Сибирского княжества Тайбугидов, которые были поставлены под прямой контроль хана, его родственников и окружения (султанов, карачи, аталыков, т. е. воспитателей ханских сыновей). В бывшем Тюменском ханстве юрты и улусы, видимо, были отданы вождям крупнейших тюркских кланов и племен, лояльных к ханской власти, а также их жаловали выходцам из Бухарского ханства, которых называли сартами, и ногайским мирзам. Владельцы юртов и улусов должны были выполнять военные обязанности, полицейские функции, собирать ясак на присоединенных территориях, содержать укрепления крепостей. Наиболее крупные улусы делились на владения сотников и/или есаулов.

Второй тип отношений действовал в Барабе и Томском Приобье, где проживало тюркоязычное население, элита которого, заинтересованная в противодействии калмыкам, заключила союзнические договоры о военной взаимопомощи с Кучумом. В результате они сохранили свои владения, но в главном населенном пункте после заключения этих договоров теперь сидел ханский наместник. Население платило ясак, содержало построенные ханом приграничные крепости и, возможно, пути сообщения. При этом на тех землях, где население было малочисленным, могли расселяться лояльные хану татарские кланы во главе со служилой знатью из князьцов и ясаулов (сборщиков ясака, руководивших небольшими военными отрядами).

[23] *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство Кучума царя: Некоторые вопросы государственного устройства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 112—117.

[24] *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака. С. 197.

Третий подход заметен в Среднем Зауралье, в Нижнем и Среднем Прииртышье, где проживали ханты, манси и смешанное тюркизированное население. Здесь были построены городки для контроля населения, сбора с него ясака и возможного дальнейшего расширения территории, расселены небольшие группы лояльного населения со служилой знатью.

В результате реформ территория ханства была взяла под контроль Кучумом и его чиновниками, которые опирались на лояльные по отношению к хану группы местной аристократии. Сложившаяся система оказалась вполне жизнеспособной, почему русские власти впоследствии и не стали ее разрушать. Местная как тюркская, так и угорская знать в той или иной степени платила налог пушниной, а также участвовала в военных действиях под руководством хана или его родственников. Собранные налоги позволяли хану содержать войско, достаточное для защиты границ и ведения военных кампаний[25]. В Есиповской и других летописях, на чертежах С. У. Ремезова, в материалах, собранных Г. Ф. Миллером, упоминаются несколько десятков крепостей («городков») Кучума. На данный момент в ходе археологических работ артефакты и культурный слой XVI в. выявлены в Искере[26], а также в таких «городках», как Тон-Тура, Тоянов городок, Куллары, и некоторых городищах, которые не идентифицируются с городками письменных источников[27].

В 1572 и 1574 гг. Кучум дважды обращался к своему родственнику и союзнику бухарскому хану Абдулле II с просьбой организовать мусульманские миссии в Сибирь. По всей видимости, в исламе ханы видели возможность создания единой идеологии, которая могла бы скрепить разнородные слои местной аристократии. Если степная аристократия Тюменского ханства приняла ислам еще в XV в., то во вновь присоединенных владениях, в том числе в Сибирской земле, позиции ислама были слабы. Вместе со вторым мусульманским посольством в Сибирь вернулся старший брат Кучума Ахмад-Гирей, который в 1563 г. занимал сибирский престол[28]. Скорее всего, он уехал в Бухару в 1568 г., чтобы принять под управление земли своего скончавшегося отца Муртазы. В 1574 г., вернувшись, он вновь стал правителем Сибирского ханства, оттеснив на некоторое время Кучума. Представители исламского духовенства в лице сейидов, ходжей, шейхов и абызов, в том числе из суфийских тарикатов (своеобразных мусульманских духовных орденов), постоянно находились при дворе Кучума, выполняя не только религиозные функции, но и выступая в качестве дипломатов и даже сборщиков налогов. Их лидер Дин-Али-ходжа стал зятем сибирского правителя.

В 1577/78 г. хан Ахмад-Гирей был убит казахским царевичем Шигаем, союзником и будущим наследником казахского хана Хак-Назара, который в 1570-е гг. расширил территории своего государства. После убийства брата престол вновь занял Кучум, который активизировал традиционную для сибирских Шибанидов деятельность на ногайском направлении. Летом 1577 г. его

---

[25] *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство: Военно-политические аспекты истории. Казань, 2012. С. 130—137.

[26] *Адамов А. А.* К вопросу о городах Сибирского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV—XVI вв.)»: Тезисы докладов. Симферополь, 2013. С. 5—9.

[27] *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство: Военно-политические аспекты истории. С. 93—125.

[28] *Катанов Н. Ф.* Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. Тобольск, 1897. С. 51—62; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 195.

дочь вышла замуж за Ак-мирзу, лидера одного из крупных ногайских кланов Шихмамаевичей, игравшего значительную роль в ногайской политике. Тогда же старший сын Кучума Али женился на дочери правителя Ногайской Орды бия Дин-Ахмада[29]. В это же время зятем Кучума стал и мирза Ураз-Мухаммад. Он в дальнейшем будет управлять ушедшим от Кучума в середине 1584 г. Тайбугиным юртом[30]. Эти родственные связи восстанавливали традиционные связи Шибанидов с разными ветвями Едигеевичей.

К северу от Сибирского ханства, в таежной зоне Западной Сибири, находились места обитания «и остяков, и вогулич, и югрич и самоедь»[31] или «вогулич и вотяков и пелынцов»[32]. В русской традиции остяками называли не только хантов, но и кетов и селькупов и даже иногда татар, вогулами — манси, вотяками — удмуртов, югричами — всех хантов, манси и в некоторых случаях самодийцев, самоедами — в целом всех самодийцев (энцев, ненцев, селькупов), пелынцами — население мансийского Пелымского княжества. Очевидно, что при перечислении этих народов в царских грамотах 1574 и 1582 гг. составители каким-то образом различали эти группы, в том числе не только на этнокультурном, но и политико-территориальном основании, при этом периодически используя устаревшие термины.

В XVI в. в Западной Сибири существовали хантыйские, мансийские и самодийские княжества. Несмотря на скудость источников, можно полагать, что перечисленные объединения являли собой предгосударственные политические образования и только некоторые могли рассматриваться как ранние государства. Но мы зачастую не можем определить их точный перечень, самоназвания и тем более отношения друг с другом и с Сибирским ханством. Сам титул «князь» за местными предводителями закрепился именно в русской летописной и делопроизводственной традиции, в местной традиции обских угров их называли уртами, т. е. богатырями, а ненцы именовали их словом «ерв» («вождь, предводитель»). В целом русские походы в Западную Сибирь и позднее появление крупного постордынского государства Шибанидов способствовали объединению племен Западной Сибири под руководством военных и религиозных лидеров, чтобы отражать внешнюю опасность, но также и самим устраивать походы и набеги на соседей, которые укрепляли власть князей.

На северных границах Сибирского ханства в XVI в. располагались Пелымское княжество с зависящими от него Кондинским и Табаринским княжествами, Кодское княжество и связанные с ним Эмдерское, Белогорское (Самарово), Демьянское, Бардаково княжества, а также близкая к ним по устройству Пегая Орда. Севернее их по течению Оби находились Сосьвинское и Казымское княжества, наиболее удаленными по этой реке были Ляпинское (иногда называемое Куновато-Ляпинским) и Обдорское княжества. С учетом смешанного населения условно все они могут быть разделены на мансийские (Пелымское, Кондинское, Табаринское, Белогорское, Демьянское, Сосьвинское, Бардаково (с большой долей селькупов)), хантыйские (Кодское, Обдор-

[29] Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. С. 189, 193, 222.

[30] *Трепавлов В. В.* Тюркские народы средневековой Евразии. Казань, 2011. С. 74; *Он же.* Сибирский юрт после Ермака. С. 134.

[31] Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Якову и Григорию Строгановым об освобождении на 20 лет от разных податей и повинностей их земель и людей на Тахчеях и Тоболе // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Приложения. № 5. С. 334.

[32] Грамота царя Ивана Васильевича на Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке в Чердынь волжских казаков Ермака Тимофеевича с товарищами // Там же. № 7. С. 335.

ское, Казымское, Ляпинское) и самодийские (Пегая Орда с населением из селькупов и кетов). На самом севере Западной Сибири, в тундровой зоне, проживали ненцы, которые также имели своих князей. Кроме того, из-за Урала проникали группы коми-зырян и удмуртов, также расселявшиеся в Западной Сибири, из-за чего у них возникали столкновения с местными коллективами. Границы этих объединений были довольно подвижны, поскольку зависели от активности и успехов военных лидеров в покорении новых земель.

Во главе объединений стояли «большие сборные князцы»[33], которым подчинялись простые «князцы». Местные князья руководили как военными действиями, так и проведением религиозных ритуалов, а также вершили суд. Центром их власти были «городки», среди которых выбирались своеобразные «столицы» или княжеские резиденции, которые представляли собой поселения, обнесенные валом и частоколом. Начиная с раннего железного века, когда большинство населения проживало в неукрепленных поселках, такие городки были центрами власти и убежищами во время нападений врагов. Постоянно в них проживал только сам князь, его семья и слуги. Подобные укрепленные городки были не только у больших, но и у малых князей, иногда в одном городке могли обитать несколько князей. Число городков в таежной зоне Западной Сибири превышало сотню (например, только в Ляпинском княжестве в 1499 г. русские воеводы захватили 33 городка[34]), однако до сих пор не все из них идентифицированы с конкретными археологическими памятниками и картографированы[35].

Схожими были не только политические и социальные структуры, но и особенности экономики княжеств. Большинство местного населения занималось промыслом копытного и пушного зверя, мех которого использовался как для внутренних нужд, так и для продажи, поскольку для XVI в. был характерен рост спроса на пушнину. В число занятий входили также рыболовство, бортничество и собирательство диких растений. В долинах рек на территории южных княжеств развивалось коневодство, а в Нижнем Приобье, особенно у самодийцев, — оленеводство.

Экономика княжеств обеспечивала возможность организации военных отрядов и длительных по времени и протяженных по маршруту походов. Военная знать состояла из самих князей (богатырей-уртов) и представителей их семей, которых в походах сопровождали «простые воины» из числа рядового населения. Численность большинства отрядов составляла от 50 до 300 человек. В фольклоре ненцев, хантов, манси и селькупов, в частности записанном российским этнографом С. К. Паткановым в 1880-е гг., постоянно встречаются исторические предания о военных конфликтах между ними. Причинами, согласно легендам, становились территориальные претензии, охота на женщин и угон оленьих стад, причем последние два фактора были не только целью набегов, но и частью статусных ритуалов и способами закрепления территории, установления и поддержания власти[36]. Например, в XVI в. кодские князья сожгли резиденцию эмдерских князей и ликвидировали саму династию. Бывшее княжество на правах «ясачной волости» стало частью Кодского княжества еще до

[33] Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 333.

[34] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С.199.

[35] *Перцев Н. В.* Обские городки угорских «князьцов» в письменных и картографических источниках XVI—XVI вв. // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2016. № 1 (90). С. 33—38.

[36] *Головнев А. В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 98, 112.

прихода русских[37]. Конфликты могли привести к переменам в расселении местных этнических групп, в частности это характерно для подвижек ненцев к северу в тундровую зону в результате нападений хантов и манси.

В преданиях обских угров татары не часто выступают в качестве противников и в них не упоминается о подчинении хантов татарам[38]. Однако усиление шибанидских ханов, которые укрепили свою власть в Искере, изменило политическую ситуацию в Западной Сибири. Это сказалось на ближайших княжествах в Нижнем Прииртышье, например Демьянском, получившем название по имени князя Демьяна. Последний был «большой и сборный князец», который мог собрать до двух тысяч хантов, манси и татар, а его столица — «городок велик и крепок»[39] — располагался на реке Иртыш в 30 верстах ниже устья реки Демьянки. Соседний князь Самар также имел в «сборе» восемь «князцов»[40]. По всей видимости, к этой же категории сборных князей относился и хантыйский лидер Бояр (возможный предшественник Самара), владения которого располагались в Нижнем Прииртышье. Его появление в Искере с дарами и запасами вскоре после занятия крепости Ермаком[41] может быть объяснено тем, что он вез ясак Кучуму. Именно от этих князей сибирский хан мог получать военную помощь. Сложность заключается в том, что, даже если доверять летописным известиям о событиях 1580—1590-х гг., записанным спустя несколько десятилетий, и считать, что местные народы в этот момент находились в подчинении у Сибирского ханства, мы не можем автоматически относить эти события ко всему XVI в. Существует поздняя легенда о том, что Кучум был вынужден изменить отношения с Белогорским княжеством, для чего в жертву в «мольбище белогорского шайтана» был принесен в 1585 г. один из панцирей Ермака[42].

Еще Г. Ф. Миллер предполагал, что «остальные же остяки, а также верхотурские, пелымские и березовские вогулы, за дальностью расстояния, вероятно, совсем не были покорены татарами»[43]. Такие сомнения объясняются слишком коротким временем, прошедшим с момента утверждения Ахмад-Гирея и Кучума. Надо полагать, все же речь шла о заключении договоров, включающих обязательство участвовать в военных походах ханских войск и, возможно, в некоторых случаях платить дань. Подобные отношения могли быть с Пелымским княжеством. С середины XV в. оно стало одним из самых могущественных и воинственных среди всех угорских княжеств. Его князья ходили походом не только на соседних правителей таких же княжеств, но с середины XV в. и на русские владения в Приуралье. Их отряды доходили до Усть-Выми и Чердыни, т. е. их путь составлял примерно 1000 км. В 1581 г. пелымский князь Аблай-Герим пришел походом на Чусовские городки Строгановых (в XX в. село Нижний Чусовской Городок и поселок Верхне-Чусовские Городки в Пермском

---

[37] Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 38.

[38] *Патканов С. К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. С. 6—7.

[39] Ремезовская летопись. С. 333.

[40] *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Научные труды. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Ч. 2: История народов Западной Сибири в XVI—XVII вв. М., 1955. С. 113.

[41] Ремезовская летопись. С. 332.

[42] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 259.

[43] Там же. С. 194.

крае): «...приходил деи войною Пелымской князь с вогуличи на их (Строгановых. — *М. Д.*) слободы, и деревни многие выжгли, и крестьян в полон емлют; и ныне <...> стоит около Чюсовкого острогу»[44]. На следующий год в новом походе с пелымцами приняли участие и татары во главе с сыном Кучума Али.

Несмотря на отдельные столкновения хана Кучума и пелымских князей с активно расширявшими свои владения Строгановыми, ничто не предвещало событий 1582 г., которые привели к разрушению традиционного политического порядка в Западной Сибири. Судьба как Сибирского ханства, так и многочисленных местных княжеств тем не менее была предрешена начавшимся проникновением русской власти за Урал, а также особенностями Сибирского ханства и местных княжеств. Причины их поражения следует искать в том, что татары и их союзники привыкли к традиционным степным войнам, но они были не готовы к иной тактике и необходимости модернизации в условиях распространения огнестрельного оружия. Хан Кучум и затем его потомки и союзники, несмотря на последующее почти вековое сопротивление, были не в состоянии остановить кризис и распад сибирской государственности.

---

[44] Грамота царя Ивана Васильевича Никите Строганову о посылке им против пелымского князя и вогулов своих людей в помощь Семену и Максиму Строгановым // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Приложения. № 6. С. 335.

НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

История народов Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVI в. имеет свои особенности. Речь идет прежде всего о природно-климатических условиях, в которых жили эти народы, так как по своему образу жизни и хозяйству они в значительной степени зависели от их динамики. Это касается не только палеоазиатов Крайнего Севера — ительменов, коряков, нивхов, чукчей и эскимосов, морских охотников, но и тюрко-монгольских народов степных и лесостепных пространств Сибири, предков бурятов, дауров, тувинцев, хакасов, якутов, которые занимались кочевым коневодством и скотоводством. Охотники и оленеводы горно-таежных и тундровых зон, предки тунгусо-маньчжурских народов удэгэйцев, эвенков и эвенов, угро-самодийских народов — кетов, селькупов, юкагиров, в той же мере были подвержены любым природным колебаниям.

Так, развитие народов Восточной Сибири и Дальнего Востока, проходившее в условиях малого ледникового периода (XIV—XIX вв.)[1], приходится на вторую его фазу, когда имело место краткое потепление. Подобные колебания климата не могли не повлиять на общий ход исторических событий и особенно на культуру этих народов.

В этнической истории происходили сложные процессы консолидации и становления народов Южной и Юго-Восточной Сибири, сопровождавшиеся миграциями и локальными военными конфликтами. Многовековая тунгусская колонизация, которая началась еще в середине I тыс. н. э. и усилилась в XI—XII вв., достигает северных арктических широт. Продолжаются не менее сложные разносторонние процессы этнокультурного взаимодействия на Чукотском полуострове между эскимосской традицией, основанной на морском промысле, чукотской, развивавшей также охоту на море и оленеводство, и юкагирской, вынесшей черты комплексного таежно-промыслового, рыболовческого хозяйства из континентальных глубин северо-востока Азии.

В хозяйстве народов Восточной Сибири и Дальнего Востока преобладало скотоводство в различных его формах. Охотничье-промысловый уклад, выполнявший у них подсобное значение, господствовал в среде их соседей — угро-самодийских и тунгусских народов. Более развитое в предыдущие столетия благодаря поддержке монгольских ханов династии Юань и их преемников земледелие Южной Сибири в этот период имело второстепенное значение. На Крайнем Севере, где издревле жили морские зверобои и охотники на дикого оленя, продолжало распространяться транспортное оленеводство.

Шестнадцатое столетие, предшествовавшее длительной борьбе между Русским государством, Джунгарией и Цинским Ки-

[1] Выделен учеными в связи с глобальными изменениями климата, которые произошли в это время и оказали заметное воздействие на мировую историю, особенно в странах, расположенных в высоких широтах.

таем за преобладание в регионе, характеризовалось в политическом плане раздробленностью. Эпицентр власти у тюрко- и монголоязычных народов по-прежнему находился в традиционных политических объединениях номадов — улусах[2]. Все три державы стремились привлечь на свою сторону улусные элиты хакасов, тувинцев и бурятов.

Кроме того, XVI в. неравномерно представлен в исторических источниках. Этот период даже для истории народов Южной и Юго-Восточной Сибири, ранее имевших письменную традицию, признается «темным». И это притом что по истории тюрков Южной Сибири, предков тувинцев и хакасов, монголоязычных бурятов Юго-Восточной Сибири, а также народов Приморья имеются некоторые документальные свидетельства в китайских, маньчжурских, монгольских летописях, деловой документации и духовных текстах буддийской традиции. Письменная же история большинства народов рассматриваемого региона начинается лишь с XVII в. Значительную помощь оказывают археологические материалы, но о народах арктической и субарктической зон Восточной Сибири их недостаточно. Есть небольшие сведения о пунукской культуре (VIII—XVI вв.) на островах и побережье Берингова моря. Значительно больше археологических данных сохранилось о якутах. В XIII—XVI вв. в Якутии существовала коневодческая кулун-атахская культура. Об истории некоторых народов Приамурья немало сведений дает синхронная с вышеназванными культурами владимирская культура. В приморской части Дальнего Востока дошли до наших дней многочисленные городища, построенные еще чжурчжэнями в XI—XII вв. Династия Мин, правившая в Китае в 1368—1644 гг., сохраняла там же свои форпосты, развалины которых в большом количестве находят современные археологи. О духовной и материальной культуре предков бурятов и эвенков Забайкалья рассматриваемого периода могут свидетельствовать погребения с конем сэгенутского типа (от названия одноименного Сэгенутского могильника в 12 км от села Качуг)[3] в Прибайкалье и ундугунская культура (от названия озера Ундугун)[4] в Забайкалье, хотя и относящиеся в основном к более раннему времени (к XII—XV вв.). Названные погребения имеют много аналогий с бурятской культурой XVII—XVIII вв., развившейся в тех же местах, а последняя напрямую связывается с «конными» тунгусами — предками эвенков, известными по русским письменным источникам XVII в.

Поэтому в некоторых случаях приходится обращаться к этнографическим и фольклорным данным. Так, у эвенков и якутов был развит жанр исторических преданий. Это позволяет при помощи сопоставления их с имеющимися более поздними письменными источниками XVII в. экстраполировать некоторые факты на историю рассматриваемого столетия. В частности, к этому времени относятся предания о Хамнагдае, потомке Эхирита, связанные с хамниганами — родовой группой эвенков[5]. Сложился якутский цикл легенд и преданий о «кыргыс уйэтэ» — «веке междоусобных битв», главным героем которых выступает леген-

[2] Основная форма организации кочевых народов Евразии, основанная на властных, социальных и хозяйственных связях, имевшая сложную внутреннюю структуру, которая возглавлялась династией каганов, ханов или тайшей.

[3] Могильник характеризуется погребениями, сопровождавшимися останками коней, захороненных в отдельной яме.

[4] Население, оставившее после себя памятник ундугунской культуры, известно в источниках как «лесные монголы». Занимались охотой, рыболовством и скотоводством.

[5] *Дашибалов Б. Б.* На монголо-тюркском пограничье: Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века. Улан-Удэ, 2005. С. 157.

дарный правитель якутов Тыгын (вторая половина XVI в. — 1631 г.). За последние годы историография народов Восточной Сибири и Дальнего Востока обогатилась новыми археологическими открытиями, анализ которых в комплексе с изучением письменных и фольклорных данных позволяет реконструировать историю региона.

Этнические процессы, социальные отношения и хозяйство. Очевидно, что этническая карта Восточной Сибири и Дальнего Востока XVI в. уже была заметно приближена к современной. Тем не менее в этот период наметились тенденций, которые вели в одних случаях к консолидации этносов (предки хакасов, бурятов), в других — к образованию впоследствии новых этносов, например долган (в XVII—XVIII вв.).

На территории Хакасии смешанное тюркское (сагайцы, качинцы, кызыльцы) и угро-самодийское население, которое вело комплексное скотоводческо-земледельческое и охотничье-промысловое хозяйство, было достаточно многочисленным. По оценкам хакасских ученых, население региона доходило до 15 тыс. (по некоторым данным, до 20 тыс.) человек. По сравнению с более ранними периодами, например с XIII в., население Саяно-Алтайского нагорья было малочисленным, а его этнические группы были раздроблены[6]. На уменьшение населения повлияли последствия войн, которые вели Чингисхан и его полководцы, стремившиеся вначале завоевать эти народы, а затем использовать их людские ресурсы. И здесь группировки кочевых аилов — кровнородственных объединений предков хакасов — собирались вокруг улусов наиболее крупных князей.

Несмотря на преобладание в степных районах Хакасии скотоводства — главного занятия тюркоязычной элиты, а в горно-таежных районах — охоты, существовали также пашенное земледелие (возделывание пшеницы, ячменя, гречихи), горное дело, металлургия (например, на правобережье Енисея, в Кузнецкой котловине и в других районах) и развитая торговля. Имелась, кроме того, система оборонительных крепостей, что свидетельствовало о сохранении навыков градостроительства.

В Южной и Юго-Восточной Сибири происходят важные процессы этногенеза тувинского и бурятского этносов. Известно, что на территории Тувы проживали урянхайцы, сочетавшие степное скотоводство с охотой. В конце XV — начале XVI в. начинает складываться тувинский этнос[7]. Образ жизни предков бурятов и тувинцев в рассматриваемый период, по-видимому, был во многом сходен. В степных районах Тувы и в Забайкалье кочевое скотоводство предполагало передвижение по степи родственных групп семей, живших в войлочных юртах. Генеалогические группы аймаков и отоков регулировали социальные отношения в условиях кочевого быта. Представители тувинской и бурятской элит — тайши и зайсаны, главы наиболее крупных объединений, в условиях возвышения в Центральной Азии ойратов и халха-монголов, угрожавших их независимости, стремились сохранить свою власть не только по линии кровнородственных связей, но и на принципах военно-территориальной организации.

Общая численность предков бурятов в тот период составляла 30—40 тыс. человек. На протяжении XVI в. из Северо-Западной Монголии в Западное Прибайкалье, в аларские и тункинские степи[8] продвигаются хонгодоры — предки бурятов, сюда же прибывает часть ойратов. С ними исследователи связывают продвижение

[6] История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 134.

[7] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в Средние века. М., 1969. С. 164, 173.

[8] Современная территория Аларского и Тункинского районов Бурятии.

сюда этнических групп с самоназванием «бурят (бурут)/пурут». Экспансия булагатов и эхиритов привела к распаду объединения тюркоязычных сэгенутов, возникшего и существовавшего здесь в XIV—XV вв. В западном направлении от Байкала происходит продвижение бурятских групп икинатов, а также окинских ашибагатов, которые стали проникать и в Минусинский край[9]. Из этого конгломерата различных групп тюркского и монгольского происхождения формировался будущий бурятский этнос.

В начале XVI в. на территорию Тувы из Тибета и Монголии распространился буддизм. Отсюда он проникает далее в Южную Сибирь. Это было не первое знакомство народов Сибири с буддийской религией, но именно с XVI в. ее каноны глубоко входят в культуру и мировоззрение тувинцев и бурятов.

В районе Средней Лены и низовьях реки Вилюй, в средоточии якутской культуры, шли также достаточно сложные процессы. Скотоводы-якуты (их численность, по оценкам специалистов, могла превышать 20—25 тыс. человек), завершив освоение естественных пастбищ и создавая новые, особенно в аласной (от якут. «алаас» — «елань, образовавшаяся в местах протайки мерзлотных грунтов») зоне правобережья Лены, продолжали распространять свои культуру и хозяйство на огромном пространстве Лено-Алданского междуречья, от устья реки Олекмы на юге до Верхоянских гор на севере. Появление якутских поселений того времени отмечено на археологических материалах, например на поселении Буор Хайа (Хомустаах) I в Томпонском районе на северо-востоке современной Якутии[10].

Якуты, помимо достаточно крупных 5—6 улусных объединений, имели не менее 50 клановых групп численностью от 100 до 900 человек. Разбросанный характер расселения якутов зафиксирован на материалах кулун-атахской культуры (XIII—XVI вв.), которая представляет собой небольшие поселения, где проживали 2—3 семьи. Для памятников XV—XVI вв. отмечено увеличение общего размера жилищ по сравнению с предыдущим периодом. Коневодство преобладало над разведением крупного рогатого скота. Охота дополняла хозяйственный комплекс якутов. Утратившие свой скот якуты становились озерными рыболовами.

Океанское побережье Крайнего Севера было населено морскими охотниками — предками эскимосов, чукчей, ительменов. На Чукотке наступила завершающая стадия пунукской культуры (XIII—XVI вв.), что, по-видимому, не случайно совпадает с промежуточной фазой потепления малого ледникового периода. Предположительно в середине XVI в. начинается воздействие гренландско-канадской неоэскимосской культуры Туле и миграция предков эскимосов с островов на материк[11]. Наряду с охотой на море на побережье полуострова, в его глубинных тундровых районах начинает развиваться оленеводство, а также осуществляется продвижение предков юкагиров. Столкновение разных культур неизбежно сопровождалось военными конфликтами. Об этом свидетельствует усовершенствование вооружения у местного населения, особенно наступательного вида (костяные наконечники стрел, панцирные доспехи), возведение небольших фортифи-

[9] *Дашибалов Б. Б.* На монголо-тюркском пограничье. С. 182; *Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI—XIX вв.). Иркутск, 2005. С. 111—112; История Бурятии: В 3 т. Т. 1: Древность и средневековье. Улан-Удэ, 2011. С. 276, 280.

[10] *Бравина Р. И.* Раннеякутская кулун-атахская культура (XIII—XVI вв.) в свете новых археологических данных // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 2 (23). Якутск, 2018. С. 10—18.

[11] Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 68—71; История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. С. 55—58; *Нефедкин А. К.* Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. — XIX в.). СПб., 2016. С. 35, 42.

кационных сооружений на побережье полуострова. Тем не менее контакты привели к взаимообогащению культур. Так, чукчи перенимают навыки морской охоты у эскимосов. На побережье полуострова благодаря чукчам и прежде всего юкагирам появляются орудия труда, сделанные на азиатском материке: костяные ножи, иглы с отверстием, железные огнива, остроги. Юкагирская культура получает развитие благодаря своему широкому распространению вдоль арктической зоны от низовий реки Лены на западе до Чукотки на востоке. По-видимому, численность юкагиров достигает своего абсолютного максимума (свыше 5 тыс. человек).

Тунгусская колонизация начала соприкасаться с этими отдаленными районами, что приводило к распространению транспортного оленеводства на северо-востоке Азии. В Якутии предки эвенков — часть тунгусов — кочевали не только в бассейне рек Витим, Олекма и Алдан, но и в бассейне реки Вилюй, доходя до рек Анабар и Оленек. Их общая численность не превышала 5—6 тыс. человек. Тунгусские языки вступили во взаимодействие не только с языками угров — предков нганасан и юкагиров, но и с языками палеоазиатов — чукчей и коряков. Наиболее сложными, по-видимому, были отношения тунгусов с предками юкагиров. В данной контактной зоне[12] (восток Якутии и охотское побережье) развивалась культура предков эвенов (ламутов). Численность предков эвенов была сопоставима с численностью эвенков и юкагиров и, по-видимому, также насчитывала 5 тыс. человек.

Для арктической зоны нет данных о развитии социальных отношений и хозяйства в изучаемый период. Тем не менее, имея более поздние исторические и этнографические сведения, относящиеся к XVII в., и некоторые археологические данные, можно предположить, что сравнительно небольшие кровнородственные коллективы (от нескольких десятков до 1—2 сотен человек) были оптимальной формой социальной адаптации в суровых условиях севера. Рыболовы-палеоазиаты Приамурья и Камчатки жили родовыми поселками в 100—150 человек.

Жившие оседло монголоязычные дауры среднего течения Амура занимали доминирующее положение в силу своей многочисленности (до 10 тыс. человек), выгодного географического положения и торговли. В верховьях Амура они создали владимирскую культуру, в рамках которой встретились монгольская и тунгусская культурные традиции[13].

Даурам подчинялись дючеры, жившие у слияния рек Амур, Сунгари и Уссури. Они составляли основное население Гродековского городка, основанного еще чжурчжэнями.

В отличие от них палеоазиаты — нивхи, основу хозяйства которых составляли рыболовство и морской промысел, — не имели подобной даурам мобильности и экономической мощи, да и численно они заметно уступали им. Сходный образ жизни с доминировавшими даурами, сходные с ними хозяйственные занятия жителей Нижнего Амура способствовали межэтническому смешению. Это ярко видно на примере нивхов, в составе которых оказываются также тунгусы (негидальцы, нанайцы, ульчи) и некоторые группы айнов[14].

В Приморье еще сохранялись следы земледельческой колонизации со стороны Минского Китая, но уже утратившей прежнее значение ввиду его ослабления во второй половине XVI в. под напором маньчжуров. Земли, заселенные предками нанайцев, орочей и удэгэйцев (кит. «варка» и

[12] На территории интенсивных взаимоотношений между разными этносами.

[13] *Болотин Д. П.* Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII—XVII века). Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. С. 13.

[14] История и культура нивхов: Историко-этнографические очерки. СПб., 2008. С. 22—23.

«воцзи»), а также айну, лишь номинально были распределены между китайскими округами Хэлиньлу (побережье Уссурийского залива), Яланьлу (бассейн рек Сучан и Судзухэ), Суйфэньлу (в бассейне одноименной реки), Хуэлу (бассейн рек Даубихэ и Улахэ), Нимачалу (бассейн реки Иман)[15]. Если в материковой части данной территории сохранялся охотничье-промысловый комплекс ведения хозяйства, то на побережье продолжался промысел рыбы и моллюсков.

Среди преимущественно оседлого населения Приамурья и Приморья отличались кочевые оленеводы — южные группы эвенков, которые в названный период стали активно проникать в бассейн Амура[16], и тем самым здесь создавалось еще большее этнокультурное разнообразие. Так, помимо манегров, родовой группы эвенков, расселившихся на реках Зее и Селемдже, бираров, другой родовой группы эвенков, кочевавших по рекам Беря, Бира, Урма, и солонов, третьей группы эвенков, имевших кочевья на отрогах горного хребта Большого Хингана и ведущих собственно оленеводческое хозяйство в сочетании с охотой, выделялись так называемые конные тунгусы Забайкалья (так их назовут в XVII в. русские землепроходцы по причине их занятий коневодством).

События политической истории. Как известно, в XIII—XV вв. история тюрков Минусинской котловины, Тувы, а также бурятов Прибайкалья протекала в рамках единой Монгольской империи и ее наследников — улусных государств Тулуидов. Напротив, в XVI столетии в названных регионах имела место децентрализация власти.

Если для народов арктической зоны сосуществование в этот период множества небольших кровнородственных коллективов было продолжающейся закономерностью, то для тюрко- и монголоязычных народов его можно считать переходной стадией от политической раздробленности к объединению в более крупные сообщества. Через определенные промежутки времени под влиянием изменений природного характера (сокращением пастбищ, например), а также перемен в отношениях с оседлыми государствами Китая и Средней Азии происходит их консолидация в рамках улусной системы. Так, у монгольских народов этот период знаменовался эпохой «малых ханов». После череды противоборства внутри целого ряда эфемерных образований на территории современной Монголии выделились 3—4 крупнейших улуса во главе с ханами — потомками Чингисхана. В середине столетия в Северной Монголии встал во главе тринадцати отоков (родов) Геренсендзе — младший сын Даян-хана (1464—1517). В западной ее части консолидируются джунгарские улусы. Они предпринимают попытки присоединить к себе народы Саяно-Алтая и Прибайкалья — предков тувинцев, хакасов и бурятов.

Территория между озерами Хубсугул и Убсунур, согласно русским письменным источникам, находилась под властью тумэтского Алтын-хана (1507—1582). Он выдвигал притязания на земли урянхайцев Тувы, а во второй половине XVI в. ему была также подчинена часть бурятов — хоринцы, которые вынуждены были вследствие борьбы с одним из улусных объединений монголов — солонгутами передвинуться к западному Прибайкалью.

Хотя к рассматриваемому времени на территории Хакасии влияние монголов уменьшилось, с конца XVI в. и здесь установилась власть потомков Алтын-хана.

В Минусинской котловине, в центральной части Хакасии, ведущую роль играли

[15] *Дьякова О. В.* Население Приморья в XVI—XVII вв. // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 2. М., 2015. С. 619—624. (Ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая; Вып. 18).

[16] *Шведов В. Г., Махинов А. Н.* Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век): Историко-географическая перспектива. М., 2011. С. 48.

четыре хакасских улуса: Алтысарский с центром на реке Белый Июс; Алтырский (Алатырский) с центром на реке Ниня; Тубинский с центром на реке Туба; Езерский (Исарский) в районе между современными Красноярском и Абаканом[17]. Последний выделился из Тубинского улуса в XVI в., так как основное население его составляли представители другой группы хакасов — тюркоязычные качинцы. Тюркоязычные предки хакасов подчинили своей власти и ассимилировали кетов (аринцев, асанов, котов, яринцев и байкотовцев), самодийцев (кашинцев, камасинцев, карагасов, моторов, саянцев).

В это время среди хакасской знати возвысилась Алтысарская династия, и она имела преимущество перед другими при избрании улусных правителей на собраниях князей. С кыштымов — зависимого населения — собиралась дань-албан пушниной, серебром, скотом, зерном. На них же возлагались воинская и ямская повинности. Все это делалось для обеспечения дани джунгарским ханам, так как, в свою очередь, правители хакасов были их кыштымами. Кроме того, как отмечают хакасские историки, среди предков хакасов в это время существовало рабство.

В конце столетия с титутом «сайд» («сайн») в Туве правил князь Маджак, который сражался в союзе с алтын-ханами против ойратов[18]. Также имеются сведения о том, что династия белых калмыков, или теленгитов, правившая в Горном Алтае, распространила свою власть и на часть Западной Тувы — орчаков и керзалов.

Наиболее драматичные политические события происходили в Прибайкалье. В верховьях реки Лены в XV—XVI вв. расселялись тюркоязычные группы булагатов и эхиритов, которые нанесли поражение сэгенутам, общность которых в результате этих событий распалась. На протяжении XVI в. усиливались монголоязычные предки бурятов икинаты, а ашибагаты — другая часть монголязычных предков бурятов — предпринимали попытки установить контроль над населением Минусинского края. Потомки разбитых в XIII в. монголами средневековых татар, составлявших конкуренцию Чингисхану, к XVI в. расселились в Приангарье.

Кроме того, около 1594 г. одиннадцать хоринских племен, которые в дальнейшем составили значительную часть формировавшегося бурятского этноса, во главе с Дай-хунтайджи бежали из Северной Монголии от преследований солонгутского Бубэй-Бэйлэ-хана на западное побережье Байкала[19].

Якуты, жившие далеко на севере, в XVI в. в политическом отношении были независимы. Тем не менее им были знакомы схожие формы властных отношений: улусная система, данничество, рабство. Шесть якутских улусов, располагавшихся на Средней Лене, — Хангаласский, Намский, Бетунский, Борогонский, Мегинский, Ботурусский — занимали лидирующее положение, но на первенство претендовали правители хангаласцев. Междоусобный конфликт в правящей семье Мунньан дархана, предводителя хангаласских якутов, привел к власти в конце XVI в. его младшего сына Тыгына.

Потомки чжурчжэней, уцелевшие в Приамурье, не подчинились правительству Минского Китая, а внесение дани китайскому императору местными тунгусскими

---

[17] *Шастина Н. П.* Алтын-ханы Западной Монголии // Советское востоковедение. [Т.] VI. М., 1949. С. 383—395; *Чебодаев П. И.* История Хакасии (с древнейших времен до конца XIX в.). Абакан, 1992; *Кызласов Л. Р.* Государства Южной Сибири в XVI—XVIII вв. URL: http:// www.khakasia.ucoz.ru/blog/gosudarstva_juzhnoj_sibiri_v_xvi_xviii_vv/2014-07-28-34; http:// www.e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/10/13.html (дата обращения: 21.09.2018).

[18] История Тувы: В 2 т. 3-е изд. Т. 1. Новосибирск, 2015. С. 174.

[19] История Бурятии: В 3 т. Т. 1: Древность и средневековье. Улан-Удэ, 2011. С. 279.

племенами было нерегулярным. Поэтому в середине XVI в. единственный, расположенный здесь, китайский форпост Нургань перестал существовать по причине своей нецелесообразности. Северным пределом границы империи Мин стали рубежи провинции Ляонин гораздо южнее реки Амур. В 1584 г. была восстановлена государственность маньчжуров — правящего рода чжурчжэней. Занятые войной с Китаем, они очень медленно осваивали бассейн Амура[20]. По-видимому, образование государства маньчжуров косвенно связано с активизацией тунгусов на Дальнем Востоке.

В XV—XVI вв. «мощный тунгусский клин разделил коряков и нивхов», населявших побережье Охотского моря. Первые были оттеснены вдоль побережья к северу за реку Тауй, а вторые — к югу от реки Уда[21]. В результате обострения межплеменных войн в среде предков эвенков в XVI в. происходит их проникновение в Приамурье, что установило определенный баланс сил во взаимоотношениях между объединениями дауров Среднего Амура с одной стороны, гиляков и гольдов Нижнего Амура — с другой. Эти события привели к созданию третьей стороны в борьбе за политическое преобладание в регионе. Как видно, политическая активность тунгусо-маньчжурских народов — маньчжуров и эвенков — имела большой резонанс и затронула обширные земли не только в Китае, но и в Приамурье, а также в зоне Арктики.

---

[20] *Шведов В. Г., Махинов А. Н.* Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век): Историко-географическая перспектива. М., 2011. С. 54—55.

[21] История и культура нивхов: Историко-этнографические очерки. С. 84.

НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа

Пятнадцатое и шестнадцатое столетия были переломными для социально-политического развития северокавказских народов. Если в Черкесии[1], хоть и дискретно, шел процесс политической консолидации и значительной социально-сословной дифференциации, то кавказское Нагорье стало центром создания обществ со своеобразными демократическими порядками, где горцы предпочли власти феодалов общинное самоуправление, регулировавшее экономические, социальные и другие отношения. Для процесса «дефеодализации»[2], если под ним понимать упадок роли знати, были характерны интенсивные миграции, имевшие в том числе и межэтнический характер, процессы этнической ассимиляции, освоение высокогорных малодоступных ущелий на склонах Большого Кавказского хребта. Он привел к условному разделению северокавказских обществ на аристократические и демократические. В описываемый период, видимо, сформировались экономические, социальные и политические структуры, на основе которых кавказские народности развивались в последующие столетия.

В XVI в. субъектами политической жизни на Кавказе были как политически консолидированные княжества, как, например, черкесские княжества Кабарда и Жане,

[1] Княжество с таким названием существовало дискретно в XIII—XV вв., в описываемую эпоху это был период правления великого князя Черкесии Инала Нэху (Светлого) в 1427—1456 гг. После смерти Инала Нэху и разделения Черкесии на два княжества между его потомками владетель Западной Черкесии князь Болотоко остался в иналовой столице на южной стороне Кубани, а его брат, ставший родоначальником кабардинских князей, покинул Шантгир и основал свою столицу в Восточной Черкесии, в Пятигорье. Царственная книга середины XVI в. называет восточночеркесское княжество Кабардой, или Пятигорскими Черкасами, западночеркесское княжество — Оджанскими Черкасами (ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. СПб., 1906. С. 332). Наименования «Пятигорские Черкасы» и «Оджанские Черкасы» были связаны с месторасположением их политических центров — в Пятигорье и Жане. Понятие «Черкесия» мы употребляем для общего обозначения населенных черкесами земель («земля князей Черкасских»), поскольку оно использовалось в русских документах XVI в., а «Жане» — для обозначения западночеркесского княжества.

[2] Определение «дефеодализация», принадлежащее Л. И. Лаврову (*Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 15), использовал и Ю. Ю. Карпов, хотя он и отмечал, что оно «неточное и весьма условное» (*Карпов Ю. Ю.* Горско-кавказский социум в структурированной модели мира // Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004. С. 24). При этом названные авторы по-разному трактуют его содержание. Следует отметить и различия между процессом демократизации на кавказском Нагорье в XV—XVII вв. и на равнинах Черкесии в XVIII—XIX вв. В первом случае речь в большей степени идет о дефеодализации раннефеодальных обществ. Во втором случае процесс демократизации носил иной социальный характер: он был вызван кризисом феодальных отношений и связан с антифеодальной борьбой закрепощенного крестьянства. В результате демократического переворота в Черкесии ее политические субъекты на рубеже XVIII—XIX вв. стали разделяться условно на аристократические и демократические.

так и демократические общества, или землицы[3], кавказского Нагорья, представлявшие собой союзы самоуправлявшихся общин. В основе разделения кавказских сообществ на аристократические и демократические лежали прежде всего различия в ландшафте, соответственно равнинном и горном. Они породили различия и в аграрном строе: если на равнинах Черкесии в XVI в. сохранялась система общинно-передельного землепользования в рамках вотчины-общины (къуажэ)[4], то в горных областях Кавказа из-за малоземелья стал складываться новый тип земельного «утеснения», в результате которого земля стала наследственным достоянием непосредственного производителя. Если феодальные сообщества Северного Кавказа имели трехклассную стратификацию — благородные (дворяне), свободные и зависимые, то в демократических обществах сословные различия не имели определяющего значения, и все население, будучи свободным, считало себя благородными людьми и называло себя узденями[5].

Важнейшая специфика развития общественных отношений у народов Кавказа заключалась в том, что оно протекало в оболочках патриархально-родовых институтов. Такими оболочками были структурообразующие единицы (патриархальное семейство, ветвь рода, род), политические институты (народные собрания, старейшины, старшины), а также институты социально-политического саморегулирования (гостеприимство, аталычество, искусственное родство, присяга и др.).

Главным инструментом названных социальных трансформаций на Северном Кавказе были братства — общины, структурированные подобно кровнородственному объединению[6]. Предания о происхождении их от реального или легендарного предка, что не имело значения, были залогом единства и равноправия членов братств. Не будучи кровнородственными коллективами, они формировались на основе обычая искусственного родства, предоставлявшего их членам, независимо от их происхождения, права кровных родственников, что придавало им особую сплоченность. Они представляли собой корпорации, создававшиеся специально для достижения целей самого различного свойства. В XV—XVI вв. в кавказском Нагорье на первый план выдвинулись братства свободных земледельцев, предоставлявшие вступавшим в них крепостным свободу и ставшие поэтому очень многочисленными и влиятельными. В силу того, что в традиционном обществе искус-

[3] Мы, вслед за русскими источниками второй половины XVI — XVII в., используем как синонимы термины «общество» и «землица».

[4] Исторический термин «вотчина» в черкесском языке является полисемантичным, это родовое понятие разделялось на несколько видов. Вотчина-деревня, или вотчина-община — къуажэ, где черкесское село къуажэ представляло собой пространственную проекцию особой социальной единицы, являлась основной, но не единственной единицей феодального владения. Помимо нее существовали фамильные княжеские вотчины-уделы, частные княжеские вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины знатных дворян (тлекотлешей и дыжинуго), включавшие несколько деревень, вотчины-поместья внутри села (см.: *Кажаров В. Х.* Адыгская вотчина: К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1992. С. 16—17).

[5] Социальный термин «уздень» представляет собой русскую транслитерацию осет. wæzdan/уаьздан/уаздан; карач.-балк. ozden/оьзден/ёзден; чечен., ингуш. ozda/ezdi/оьзда/эзди. В старокабардинском wasdany wastan — «дружинник, рыцарь» (*Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. Л., 1989. С. 103, 105). Общим для всего Кавказа является то, что термин «уздень» обозначает определенную социальную прослойку, но какую именно — этот вопрос должен рассматриваться в каждом отдельном случае (Кавказский этнографический сборник. Т. 2: Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 133—134).

[6] Вайнахи использовали для их обозначения иконные лексемы «ваьр/гъар» («род») и заимствование «тайпа/тейп», осетины — «рвад», балкарцы — «тукъум», карачаевцы — «каум» и «тукъум».

ственное родство соблюдалось с таким же усердием, как и кровное, братства свободных земледельцев превратились в мощные органы крестьянской самозащиты[7].

Для управления внутренними делами братств и для сношений с соседями выбирались старшины (черк. «тхьэмадэ» — букв. «угодный Богу» — было заимствовано в чечен. «тамда», в осет. и карач.-балк. «тамада»). Они не имели особых привилегий и пользовались со стороны народа таким же уважением, какое оказывалось купцам или чиновникам[8]. Главным критерием при их выборе было не благородное происхождение, а ум и способности. Старшины должны были вершить суд и расправу, а также регулировать отношения с другими братствами. Но окончательное решение по этим вопросам принималось коллегиально старшинами. Самые важные вопросы (войны и мира, хозяйственного, правового и культурного развития) обсуждались и решались на народных собраниях.

Социальное оформление имущественного расслоения в демократических обществах протекало под значительным влиянием кавказских княжеств, прежде всего Кабарды, имевшей традиционную для черкесского общества модель структурирования связей с иноэтническими сообществами. Черкесская сословная иерархия предусматривала для их представителей особый статус кодз. В этом статусе выборные старшины горских обществ, связанных системой хозяйствования с Кабардинской равниной, становились вассалами кабардинских князей. Такие союзы оформлялись как сюзеренно-вассальные, старшины получали от кабардинских князей «узденьскую дань». Сформировавшаяся со временем в демократических обществах незначительная прослойка зависимых людей представляла собой чаще всего дворовых людей, они не считались членами братств. Здесь также встречались наемные работники.

Все стороны жизни народов Северного Кавказа регулировало обычное право, или адаты. При общности фундаментальных ценностей существовали различные версии обычно-правовых сводов даже внутри одного этноса. Наиболее развитой обычно-правовой системой обладала Кабарда, представлявшая собой в XVI в. наиболее крупный в политическом и экономическом отношении политический субъект. Здесь на рубеже XV—XVI вв. состоялось самое раннее законодательное оформление норм обычного права в Черкесии[9]. В той или иной степени кабардинская обычно-правовая система оказала влияние на адаты всех народов региона. Кабарда диктовала также моду на одежду, вооружение и образ жизни, которые перенимались на всем Кавказе. Понятие «кабардинский» было в то время синонимом аристократической изысканности[10].

Основная территория Черкесии располагалась на кавказских равнинах (см. карты 1556 и 1562 гг. С. Герберштейна и Э. Дженкинсона[11]) и составляла порядка 180 тыс. кв. км[12]; горы занимали меньшую часть Черкесии. О численности черкесов можно судить только на основе косвенных данных: они выставили на защиту Тамани

---

[7] *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967. С. 253.

[8] *Каменев Н. Л.* Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 27, 15 июля. С. 107.

[9] *Думанов Х. М., Кетов Ю. Х.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII — XIX века. Нальчик, 2000. С. 29.

[10] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949. С. 88.

[11] *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Вып. 1: Карты всей России и ее южных областей до половины XVII века. Киев, 1899. Карты XII, XVII.

[12] *Дзамихов К. Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е — начало 1770-х годов). Нальчик, 2001. С. 79.

в последней четверти XV в. «войско из ста тысяч»[13]. По другим сведениям, османы добивались привлечь к себе на службу черкесскую конницу из 80 тыс. воинов[14]. Такое количество воинов предполагало, что население Черкесии могло составлять 500—800 тыс. человек.

Инал Нэху[15], с именем которого впоследствии стала ассоциироваться черкесская правящая династия, был избран великим князем Черкесии на собрании (Хасэшхо) представителей всех черкесских земель. Его правление отмечено реформами, направленными на развитие государственности у черкесов[16]. При Инале Нэху в Адыгэ хабзэ (букв. «Адыгские/Черкесские законы») был закреплен исключительный статус его княжеского дома, только потомки князя Инала Нэху имели право называться пщы (пши) — «господин, владелец, государь»[17]. Наряду с действовавшими у черкесов издревле третейскими судами тхаохасэ/тхьэрыIуэ хасэ (букв. «божий суд»[18]) Инал Нэху также учредил постоянную княжескую судебную систему. Вся территория Черкесии была разделена на сорок судебных округов[19].

С последней четверти XV в. значительным фактором черкесской истории стала османо-крымская экспансия, оказавшая негативное воздействие на все сферы жизни общества. Османская интервенция в Причерноморье была оформлена как газават — религиозная война, но сведения современников изобличают ее грабительский характер. «Каждому человеку, ищущему дело, открылась возможность заняться в том краю газаватом и приобрести множество драгоценностей и трофеев», — отмечает Ибн Кемаль в своем свидетельстве 1479 г. об очередном османском походе в Черкесию[20]. Были разорены процветавшие причерноморские и приазовские области Черкесии. Главной целью экспансии была аннексия городов, игравших наряду с Кафой (совр. Феодосия) ключевую роль в международной (Генуэзской) торговле XIII—XV вв. Наиболее значимые из них — Матрега (Тамтаракей; черк. ТIумтIэрэкъей, рус. Тмутаракань), где находился кафедральный центр Зихской[21], а впоследствии и Черкесской[22] митрополии, Анапа и Копа — были разграблены и оккупированы османским флотом под предводительством Гедик

---

[13] *Челеби Э.* Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Пер. А. П. Григорьева. М., 1979. С. 50.

[14] Архив гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. № 2811/1. Л. 5.

[15] Существует несколько точек зрения на хронологию его великого княжения: 1) конец VIII — начало IX в.; 2) конец XIV — XV в. Турецкая историография относит его к 1427—1456 гг. (*Sadik Müfit Bilge.* Osmanli Çaği´nda Kafkasya: 1454—1829: (Tarih — Toplum — Ekonomi). Istanbul, 2012. S. 567). Ш. Б. Ногмов считал 1427 г. последним годом его правления (*Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Подг. текста Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. С. 95). Если учесть, что многие имена черкесских правителей были династическими, то речь может идти о нескольких государях с таким именем в VIII—XV вв.

[16] *Гадло А. В.* Тмутороканские этюды. II: (Держава князя Инала и его потомков) // Исторический вестник. Вып. 2. Нальчик, 2005. С. 450.

[17] *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 255.

[18] *Каменев Н. Л.* Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 5, 4 февр. С. 19.

[19] *Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. С. 95.

[20] *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — половина XVI в.). М., 1990. С. 52.

[21] Зихи — раннесредневековое название причерноморских черкесов.

[22] *Малахов С. Н.* К вопросу о Черкесской митрополии (вторая половина XIV — XVI в.) // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. 6. Армавир, 2018. С. 74.

Ахмед-паши (1475—1476). Их черкесские князья или погибли, или были изгнаны, население частью погибло, частью бежало в глубь страны. В отторгнутых от Черкесии причерноморских городах были помещены вооруженные артиллерией янычары.

Причерноморские и приазовские порты были включены османами вместе с юго-западной и восточной частями Крыма в одну военно-административную единицу Османской империи — Кафинский эялет из семи санджаков. Структура его администрации демонстрирует, что турки взяли в свои руки традиционно развитые в этих местах отрасли экономики — наиболее прибыльные для пополнения государственной казны сборы с таможен, ремесленников, сельскохозяйственных угодий и с традиционно развитой в Причерноморье и Приазовье рыбной отрасли[23]. Черкесы, оперировавшие генуэзской денежной системой[24], после установления в Причерноморье османской гегемонии вели расчеты преимущественно неметаллическими деньгами — бокассинами (отрезы качественной ткани) и шха/щхьэ (букв. «голова», определенное количество быков/коров).

Таким образом, внешняя торговля продолжала стимулировать развитие основных отраслей хозяйствования черкесов — земледелия и животноводства, рыбного промысла, ремесел. Черкесы придерживались переложной системы земледелия. Они развивали в долинах пашенное земледелие (тяжелый адыгский плуг с колесным передком (пхъэIэщэ), в который впрягались четыре пары волов, был изобретен в начале II тыс.), а в горах — мотыжное. Выращивая для экспорта пшеницу и рожь, для себя сеяли просо, для лошадей — ячмень. Значительная часть урожая поступала от черкесов к жившим в высокогорье соседям.

Наряду с земледелием основной отраслью хозяйствования черкесов, как и других народов Северного Кавказа, с древнейших времен было отгонное животноводство. Они разводили крупный рогатый скот, овец (в том числе и свою особую породу), коз, свиней. Как письменные, так и археологические источники свидетельствуют о высоком уровне развития у них коневодства. Ими была выведена черкесская порода лошадей (адыгэшы), уже в XVI в. славившихся своей красотой и выносливостью. Коней разводили в основном для военных нужд, они являлись необходимым атрибутом феодальной знати, которая не расставалась ни с конем, ни с оружием. Как полагают исследователи, эта традиция имела глубокие корни[25]. Продукты животноводства (воловьи шкуры, овчины, шерсть, сливочное масло в мешках из бычьих шкур) были важной статьей экспорта. Также продавали соленую рыбу (преимущественно красную) и паюсную икру. На рыболовстве и переработке морепродуктов специализировались приморские города и села, существовали особые хозяйства, в том числе и крупные, по переработке морепродуктов. Значительной статьей экспорта черкесов являлся мед. В Причерноморье в XVI в. продолжалась торговля невольниками. Известно, что султаны династии мамлюков-Бурджи (1382—1517) вышли из невольников-черкесов, составлявших основу мамлюкской гвардии правителей Египта. Традиционные для черкесов ремесла существовали в виде домашнего производства — кузнечное, оружейное, ювелирное, гончарное, ткацкое, золотошвейное, кожевенное, шорное. Они достигли уровня мелкого товарного производства еще в раннем Средневековье. С тех же пор черкесы экспортировали несколько разновидностей шерстяных тканей.

[23] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия: Крым и сопредельные области / Пер. и коммент. Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999. С. 86—87.

[24] *Фелицин Е. Д.* Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Т. 5. Екатеринодар, 1899. С. 23.

[25] *Уарзиати В. С.* Культура осетин: Связи с народами Кавказа. Владикавказ, 1990. С. 60.

Они полностью могли обеспечивать себя продуктами питания и быта; единственным импортируемым продуктом, имевшим всеобщее потребление, была соль, так как собственная добыча для животноводства и рыбной отрасли была недостаточна. Большую часть ввозимых в Черкесию товаров составляли предметы роскоши и церковная утварь.

Процесс ликвидации османами многих институтов черкесского православия привел к усилению синкретизма в религиозных представлениях местного населения. Тем не менее в XVI в. жизнь черкесского общества продолжала подчиняться[26] христианским канонам: она регламентировалась церковным календарем, исполнялись основные таинства христианской церкви, крещение принималось по достижению восьми лет, похоронный обряд носил христианский характер.

В описываемое время существовали два черкесских политических образования. Географически эти княжества соответствовали: Восточной Черкесии — Кабарда, Западной — Жане, сами черкесы именовали их соответственно Верхней (Щхьэ) и Нижней (КІахьэ) Черкесией. Граница между ними проходила по реке Большая Лаба. Из Царственной книги середины XVI в. следует, что русские называли эти княжества «Пятигорские Черкасы» (Кабарда) и «Оджанские Черкасы» (Жане)[27]. Политический центр Восточной Черкесии располагался в Пятигорье, Западной — в Причерноморье, в Жане (в узком значении этого топонима), вблизи руин столицы державы Инала Нэху — крепости Шантгир.

В обоих политических образованиях в XVI в. действовал один свод законов Адыгэ хабзэ, представлявший собой организационное единство адатов (черк. «хабзэ») и сакрализованных христианством норм адыгской этики (Адыгъагъэ/Адыгство); сохранялась однотипность в производственных отношениях, в социальной структуре, в системе государственного управления (институты хасэ/собраний и тхьэмадэгъэ — букв. старшинства; в рассматриваемый период это понятие имело как возрастное, так и сословное измерение), в институтах социально-политического саморегулирования (гостеприимство, аталычество, искусственное родство и др.), в действии принципа союзничества (благъагъэ). В обществе существовали многоступенчатая сословная иерархия, закрепощение значительной части крестьянства, повсеместное господство феодальной вотчины, сильная военная организация, ярко выраженная система особой воинской идеологии и воинского воспитания.

Великие князья черкесских княжеств являлись главами исполнительной власти. Великие князья из иналидского рода Болотоко, чья власть простиралась над всей Западной Черкесией, имели право на ношение титула «князь из князей» (пщымяпщ), великие князья Кабарды стали величаться пшишхо/пщышхуэ (букв. «старший или великий князь»). Великий князь, как в Кабарде, так и Жане, избирался на пожизненный срок княжеской палатой Большого представительного собрания (Хасэшхо), палата уорков (дворян) участвовала в выборах только совещательно. В компетенцию великого князя входили военно-оборонительные и административно-политические функции. Его власть не была абсолютной, она ограничивалась Хасэшхо и удельными князьями, наследовавшими власть на основе лествичного права.

Особый след в истории Черкесии оставило правление великого князя Кабарды

[26] В конце XVI — XIX в. черкесы исповедовали и христианство, и ислам. В XVI в. бóльшая их часть все еще придерживалась своей ветви христианства, которую русские книжники той поры назвали «черкасской верой».

[27] ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 332.

Беслана Тучного/ПцIапцIэ (1498—1525). Он, «желая между дворянами узаконить старшинство крови и положить конец ссорам за местничество, разделил их на классы»[28]. Реформы, проведенные им в первой четверти XVI в. в Кабарде, позднее были осуществлены и в Западной Черкесии. Согласно преданиям[29], в период правления Беслана Тучного в обычное право черкесов были внесены поправки, которые детально регламентировали взаимоотношения различных сословий. Пши по-прежнему находились на вершине социальной лестницы. В основу иерархии уорков были положены формы землевладения, степень родовитости и характер военно-управленческой службы. Они были разделены на пять степеней. Взаимоотношения в среде господствующего класса определялись системой вассалитета и правилом «вассал моего вассала — не мой вассал». Вассалитет был основным структурообразующим институтом не только для черкесского общества, но и для подвассальных политических субъектов соседних народов: их владетели и старшины инкорпорировались в черкесское общество, как уже отмечалось выше, в статусе кодз.

Материальным выражением высших земельных прав черкесских князей и вассальной зависимости от них уорков были подати, получаемые со всех земель, подвластных княжеской фамилии. Черкесское крестьянство было разделено на четыре степени. Различия между ними находились в имущественной и юридическо-правовой плоскости, проявлялись в степени зависимости от землевладельцев, размерах и содержании, выполняемых в их пользу натуральных и трудовых повинностей, и регулировались соответствующими нормами Адыгэ хабзэ. Права даже так называемых безобрядных (унаут) гарантировались особыми обычаями и институтами. Во всех случаях, требующих мер наказания, налагались штрафы, «о телесном наказании не имели и понятия»[30].

С судебной реформой пшишхо Кабарды Беслана Тучного было связано развитие системы постоянно действовавших княжеских судов. Были учреждены главный, или высший, суд при пшишхо — хей (хе) и в каждом населенном пункте — низшие суды хеяша (хеящIэ, букв. «выяснение правды»). При этом было сохранено право и на древние третейские суды тхаохасэ/тхьэрыIуэ хасэ, формировавшиеся для разбора каждого конкретного дела[31]. Результатом реформы также стало ограничение иммунитета и власти удельных князей, учреждение единого порядка судопроизводства и установление штрафов за нарушение норм Адыгэ хабзэ.

В соответствии с территориально-административным устройством государственное управление Черкесии осуществлялось на четырех уровнях; порядок взаимодействия, разрешения споров между двумя ее княжествами и внутри них, формы их объединений и руководства ими определялся нормами Адыгэ хабзэ. В основе территориально-административного устройства лежал принцип так называемого союзничества (благъагъэ), близкий к конфедеративности. Для каждого уровня управления (страны, княжества, удела, вотчины-общи-

---

[28] *Каменев Н. Л.* Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 23, 7 июня. С. 92.

[29] Подтверждение им мы находим в более поздних Положениях о сословиях в Кабарде (*Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. С. 152—169) и в материалах Комиссии для разбора личных и поземельных прав туземного населения Терской и Кубанской областей (ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 51; Центральный государственный архив Краснодарского края. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9).

[30] *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы / Сост. М. Н. Губжоков. Майкоп, 2009. С. 527.

[31] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1883. С. 233.

ны/къуажэ) были характерны свои институты системы хасэ-тхьэмадэ и соответствующие процессуальные формы.

В рассматриваемую пору старшие князья уделов представляли собой правителей с определенной территорией, собственным судом, войском и аппаратом управления[32]. Власть старшего князя практически не ограничивалась хасэ, поэтому оказывалась гораздо прочнее, чем власть великого князя, который был лишь первым среди равных, в то время как старший князь был полновластным правителем в своем уделе. Старшие князья имели сравнительно обширные дворы со сложной иерархической структурой. Такой двор в случае избрания старшего князя великим князем превращался в верховную резиденцию Кабарды и Жане.

Пшишхо Кабарды Шолох Тапсаруко (до 1596—1616), стремясь наладить дипломатические отношения с османским двором и тем самым избавить страну от экспансии, отправил посольство в Константинополь в период правления султана Мехмеда II (1595—1603). Однако прямые отношения с султаном установить не удалось, так как кавказская политика была отдана османским двором на откуп Бахчисараю еще столетием ранее, когда султан Баязид II (1480—1512), вняв просьбам крымского хана Менгли-Гирея I, передал черкесскую конницу ему на службу. На деле это обернулось ожесточенным противостоянием черкесов крымским притязаниям на протяжении всего XVI в. В конце концов, чтобы освободиться от ежегодных набегов крымских войск, черкесы согласились участвовать в военных предприятиях ханов, а также посылать «подарки», в том числе и невольников, в честь восшествия на престол каждого нового хана. (Известно, что из их числа выбирались ханские телохранители[33].) Вопрос о «подарках» связан со статусом черкесских правителей. В османских и крымских документах «подарки» назывались «данью», с чем черкесы не соглашались. Черкесские князья всегда настаивали, «что ни они сами, ни их деды, ни их прадеды у крымских ханов в подданстве не бывали» и что отсылка невольников хану — подарок «от себя, только не в ясак»[34].

К концу XVI в. из-за экспансионистских угроз политический центр Кабарды из Пятигорья был передвинут на восток, в долину реки Баксан, а князья Болотоко, владевшие территорией от реки Большой Лабы до Причерноморья включительно, были вынуждены переместиться из Причерноморья на реку Белую, в урочище Майкоп[35]. Круг внешнеполитических отношений Иналидов, связанных в предшествующее время с Византией и итальянскими городами-государствами (Генуей и Венецией), ограничивался после оккупации османами их западных территорий акторами кавказской политики. В середине XVI в. Иналиды поддерживали посольские отношения с московскими царями, иранскими шахами, астраханскими ханами, грузинскими царями, правителями Дагестана. На фоне постоянной крымской угрозы они стремились к установлению прочных матримониальных отношений с правящими династиями этих стран. Но когда брак Ивана IV с дочерью великого князя Кабарды Марией Темрюковной обернулся российской экспансией на Кавказе, западночеркесские князья начали искать пути политического компромисса с крымским ханом Девлет-Гиреем I. Они воспользовались дипломатическими ресурсами, задействовали свои родственные

[32] *Налоева Е. Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: Генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик, 2015. С. 73.

[33] *Sadik Müfit Bilge.* Osmanli Çaği´nda Kafkasya: 1454—1829 (Tarih — Toplum — Ekonomi). S. 69.

[34] Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в.: Исследования и материалы / Под ред. Б. Х. Бгажнокова. Нальчик, 2008. С. 144.

[35] *Каменев Н. Л.* Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 5, 4 февр. С. 19.

связи с правящим домом Крыма, однако все попытки, предпринятые черкесскими князьями в целях сохранения целостности своей страны, оказались безуспешными. Восточная Черкесия оказалась в сфере влияния русского царя, Западная — османо-крымской коалиции.

Важно учитывать, что княжество Кабарда в XVI в. было многонациональным. Начало ее полиэтничности было положено великим князем Черкесии Иналом Нэху, взявшим под свой сюзеренитет некоторых абхазских (ставших впоследствии абазинскими[36]) правителей. Исконная территория северокавказских абазин располагалась на севере Абхазии, между реками Бзыбь и Мзымта. Между родственными абхазами и адыгами всегда были оживленные связи самого различного свойства. Они осуществлялись через перевалы, начиная от Лабинского и кончая Клухорским, являвшиеся северными маршрутами Шелкового пути. К позднему Средневековью относится начало массового выселения абхазов с южного на северный склон Кавказского хребта. Так началось их разделение на южных (оставшихся в Абхазии) и северных (пришедших в земли черкесов). За северокавказскими абхазами, на основе которых впоследствии сформировалась абазинская народность, закрепилось их черкесское наименование басхяг-абазэ (пятидольная абаза) или просто абазэ, от которого возник русский термин «абазины»[37].

Первое письменное свидетельство о пребывании абазин в верховьях Кубани относится ко времени похода на черкесов в октябре 1395 — октябре 1396 г. войск эмира Тимура. По словам персидского автора Шараф ад Дина Йезди, они, пройдя по верхней Кубани к Эльбрусу, очутились в «местности Абаса»[38]. Из черкесских преданий можно составить некоторое представление о причинах и процессе переселения абхазов с южного на северный склон Кавказского хребта. Видимо, абхазские территории между Бзыбью и Мзымтой объединились с черкесскими землями путем установления матримониальных связей между Иналом Нэху и дочерью князя Аше. После смерти Инала Нэху часть его союзников со своими подданными переселилась из Абхазии в Кабарду. С тех пор эти абхазские/абазинские владетели всегда находились под сюзеренитетом великого князя Кабарды. Абазинскими делами занимался один из Иналидов, черкесские предания именуют его басхяг-пши.

Абазины упоминались в дипломатических документах XVI в. Так, русским послам было наказано в переговорах с австрийским дипломатом Николаем Варкочем (1589) отметить, что под протекторатом царя «Иверской Царь <...> все Горские Князи, Черкасы Кабардинские, Абазинские, Абыслейские [бесленевские]»[39]. Очевидно, царский двор хотел создать у европейцев впечатление, что он имеет на Кавказе крепкие позиции. Абхазы, в том числе абазины, как и черкесы, исповедовали христианство с первых веков нашей эры. В XVI в. у них (как и черкесов) под напором османской экспансии также шла исламизация. Процесс переселения абхазов на северный склон Кавказско-

[36] Абазги античных авторов и обезы русских летописей обозначали одно из абхазских племен, давшее в VIII в. название Абхазскому царству. Этноним «абхаз» представляет собой грузинскую транслитерацию этнонима абазг (*Папаскир А. Л.* Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум, 2005. С. 192).

[37] *Генко А. Н.* Абазинский язык: Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955. С. 7—8.

[38] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 123.

[39] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Ч. 1. Т. 1: Сношения с государствами европейскими: Памятники дипломатических сношений с империею Римскою: (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. Стб. 1120.

го хребта не был единовременным актом, он проходил несколькими волнами и занял длительный период. Если исходить из данных, что на рубеже XV—XVI вв. в междоусобном Казбурунском сражении в Кабарде находившиеся в свойстве с кабардинскими князьями абазинские князья Аше выставили 3 тыс. воинов-пехотинцев[40], то можно заключить, что число их подданных могло составлять порядка 15—30 тыс. Сколько из них перебралось на северный склон Кавказского хребта после того, как северная Абхазия отпала от державы Инала Нэху, сказать сложно, но уверенно можно отметить, что переселение шло на уровне феодальных вотчин («долей»).

Другая группа абазин появилась на Северном Кавказе вследствие того, что в первой половине XVI в. в Кабарде, в верховьях рек Кубань и Уруп, крымский хан Сахиб-Гирей I поселил подданных абхазского князя Маршании, исповедовавших ислам. Впоследствии они стали известны как абазины-башилбаевцы — по имени своего владетеля Башыл-бея[41]. Они положили начало формированию на Северном Кавказе абазин-шхарауа/абаз. щхъарауа (абазин-горцев). Башильбаевцы со временем также стали вассалами кабардинских Иналидов.

Успешная инкорпорация абазин в черкесский социум была в значительной мере обеспечена тем, что они имели с адыгами общую систему духовных ценностей и норм поведения. У абхазов их совокупность называлась Апсуара, после переселения в Черкесию они стали придерживаться норм обычного права черкесов — Адыгэ хабзэ. У абазин, как и у черкесов, общество разделялось на три страты: благородных (дворян) (аха/маршани, тлокотлешъ/амыстаду и амыста), свободных и зависимых, но некоторые из этих групп имели несколько иное значение, чем в Кабарде. Высшая власть здесь, как и в черкесских землях, принадлежала потомственной аристократии — сословной группе аха у басхяг-абазэ и маршани у башилбаевцев. По примеру Кабарды земля была разделена между фамилиями аха и маршани. Несмотря на то что их прерогативы соответствовали прерогативам пши у черкесов, они не имели такого значения в абазинском обществе, какое пши имели в Черкесии[42]. Политические образования абазин («доли») именовались по фамилиям их владетелей, как это было принято в Черкесии, в отличие от Абхазии. Положение свободных земледельцев (акавов) и зависимых сословных групп (азетов-вольноотпущенников и крепостных) у абазин почти не отличалось от того, которое эти сословные группы занимали у черкесов.

Вассалы кабардинских и бесленеевских Иналидов, абазинские аха и маршани при необходимости вместе со своими сюзеренами участвовали в совместных военных предприятиях. Так как абазины верховьев Кубани и ее притоков находились от черкесских князей в поземельной зависимости, то податное абазинское население платило им подати. Они выплачивались преимущественно скотом, так как в горах и предгорьях, где жили абазины, основным их занятием было животноводство. Разводили они преимущественно овец и коз, придерживаясь отгонно-пастбищной системы.

Система управления в абазинском обществе также была аналогична той, что имелась в черкесском обществе. «Доли» управлялись аха, при них имелись «советы старейшин» (ахIбачва рхIаса; букв. «хасэ при старшем аха»). Во главе вотчин-общин (къат/кт) и кварталов (хаблэ) стояли аха или амыста-ду, в них имелись народные собрания (кыт-айззара). Судебная система, как и

[40] *Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. С. 104.

[41] *Sadik Müfit Bilge*. Osmanli Çaği´nda Kafkasya: 1454–1829 (Tarih — Toplum — Ekonomi). S. 71.

[42] Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916. С. 260.

в черкесском обществе, была альтернативной: тяжущиеся стороны могли выбирать, к какому суду прибегнуть — к княжескому или к третейскому.

Нахская/вайнахская этническая общность (чечен. нахи — «люди, народ») в XVI в. характеризовалась единством языка, этнической территории, материальной и духовной культуры, исторической судьбы. Исконной колыбелью нахской культуры являются центральные котловины, образуемые Передовым и Скалистым хребтами главной цепи Кавказских гор, замыкаемые с востока Дагестанским нагорьем, с запада — ущельем реки Терек. Впоследствии восточная часть нахских земель, условной границей которой была река Фортанга (до ее впадения в реку Сунжу), стала известна как прародина чеченцев, западная — ингушей. Территория горной Ингушетии расстилалась вокруг разветвленной речной системы реки Армхи и ее притоков — Гер-чIож и Асса. Главной водной магистралью горной Чечни был приток реки Сунжи Аргун, а также реки Аксай, Гудермес, Холхалау.

Разделение нахов на чеченцев, ингушей, бацбийцев произошло гораздо позднее, но предпосылки для такой дифференциации стали складываться с XVI в. Различия между двумя частями нахской общности — чеченцами и ингушами — были связаны прежде всего с процессами нахского социо- и политогенеза. В их основе лежали трансформации в системе землевладения и землепользования, сопровождавшиеся активной инкорпорацией представителей соседних народов в нахскую этническую общность. Экзоэтнонимы «чеченцы» и «ингуши» связаны с наименованиями плоскостных селений Чечен-аул в нижнем течении реки Аргун и Ангушт на реке Камбилеевке[43]; они положили начало процессу массовой колонизации нахами предгорий Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. и позднее были перенесены на всех чеченцев и ингушей. В среде самих же этих народов используются эндоэтнонимы «нахчой» (чеченцы) и «галгай» (ингуши).

Наиболее раннее известие о численности населения северо-восточного Нагорья Кавказа принадлежало кахетинскому царю Теймуразу I (1606—1648). Он оценивал его более чем в 80 тыс. дворов[44]. Самым многочисленным народом были нахи. Это нашло отражение и в многочисленных грузинских источниках о нахах, но они относятся в своем большинстве к XVIII в. Поскольку основными нашими источниками о традиционной жизни нахов, как и большинства других народов Северного Кавказа, являются археологические и архитектурные свидетельства, русские письменные источники XVII—XIX вв., народные предания, путевые заметки XVIII в., записи собирателей народного быта XIX в. или же лингвистические и этнографические материалы XX в., мы иногда, обращая внимание на то или иное явление, не можем точно сказать, когда оно распространилось, но, зная длительность существования культурных традиций, можем предполагать, что это явление существовало много столетий до того момента, когда было зафиксировано. На этой основе мы можем примерно представить себе жизнь нахов в XVI в.

Хозяйство нахов относилось к горному типу, характеризовалось симбиозом животноводства и интенсивного земледелия. Пашни и поселения были расположены в своем большинстве на высоте 1000 м над уровнем моря. Типичной чертой горного земледелия нахов являлось искусственное террасирование, в некоторых местах создавались искусственные пашни. Но при всех прилагаемых усилиях выращиваемого зер-

[43] *Ган К. Ф.* Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей: (Летом 1897 г.) // Кавказский вестник. № 6. Тифлис, 1900. С. 64, 72.

[44] *Полиевктов М. А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640). Тбилиси, 1937. С. 118.

на хватало лишь на несколько месяцев, его недостаток восполнялся закупками извне. Скотоводство (разведение крупного рогатого скота и овец) было специализированным, что выражалось в его вертикальной зональности. Сенокосные угодья и весенне-осенние пастбища были расположены на высоте 1500—2000 м, летние пастбища — 2000—3000 м. Важное значение в хозяйстве нахов играли охота и бортничество. Вайнахи были также искусными ремесленниками, о чем свидетельствуют сохранившиеся на их территории замково-башенные и склеповые усыпальницы XII—XVIII вв.[45] Имелись целые фамилии, специализировавшиеся на строительстве башен не только на нахской территории, но и за ее пределами[46]. Наиболее совершенные сооружения расположены в Ассинском ущелье (ГIалгIайчIож), являвшемся средоточием множества коммуникаций, связывавших нахов с окружающим миром, и игравшем для всей их территории роль экономического, политического, конфессионального центра и ее «культурного очага»[47].

Среди архитектурных древностей Ассинской котловины наиболее значимым культовым сооружением был одноабсидный храм Тхаба-Ерды. Его эпиграфические памятники (XI—XII вв.) указывают на использование вайнахами грузинской письменности. Несмотря на то что их верования представляли собой синкретизм языческих культов и христианских ритуалов (погребения на их территории с XII—XIII вв. христианизированные), с XVI в. здесь появляются и мусульманские захоронения[48].

В XV—XVI вв. нахское общество представляло собой конгломерат небольших владений и локальных этнотерриториальных групп. Сами нахи называли и те и другие «родами» — ваьр/гъар[49]. Анализ показывает, что под этим термином в описываемую пору скрывались два различных по своей социальной сущности института, а сам термин просто отражал общую для них структуру. В первом случае это были ваьры/гъары, которые резонно сравниваются с кланами шотландского Нагорья[50]: как в шотландских, так и в нахских кланах патриархально-родовой и феодальный уклады жизни были неразрывно связаны и служили взаимной основой и опорой друг другу. Во главе таких владений стояли правители (эль), жрецы (цIой); им подчинялось податное сословие, состоявшее из вольных земледельцев, ремесленников, торговцев и крепостных крестьян (лаев/леев). При надобности при эле формировалась военная дружина (гIаьр), собиравшаяся по его приказу.

Однако в описываемый период, очевидно, стали доминировать ваьры/гъары, представлявшие собой самоуправлявшиеся общины, или братства, вольных земледельцев (крепостные — лаи — при вступлении в них получали свободу), ремесленников и др. Эти новообразования возникли сначала на территории труднодоступных высокогорий, прилегающих к Дагестану и Грузии, в результате значительной миграции нахов с запада на восток своей этнической территории в XV—XVI вв. Сюда стали стекаться также многочисленные выходцы из сосед-

---

[45] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. 2-е изд. Магас, 2008. С. 87—88, 96.

[46] Кавказский этнографический сборник. Т. 2. С. 84.

[47] *Шиллинг Е. М.* Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 7.

[48] *Багаев М. Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье: VI в. до н. э. — XII в. н. э. М., 2008. С. 159—160.

[49] *Тотоев Ф. В.* Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII — 40-е гг. XIX века). Нальчик, 2009. С. 169—170.

[50] Там же; *Грабовский Н. Ф.* Ингуши // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 9. Тифлис, 1876. С. 41.

них Дагестана, Грузии, Черкесии, Ногайской Орды. Таким образом, многие пахотные участки в горах по праву первой заимки стали собственностью отдельных семей. Помимо пашен в их собственности оказались также сенокосные луга. Пастбища и леса находились в общинном пользовании.

С началом исповедования вайнахами ислама, т. е. не ранее XVII в., для обозначения таких самоуправлявшихся ваьров/гъаров было заимствовано арабское слово «таифатун» (طائفة), транслитерированное в чеченский язык как тайпан/тайпа, а в ингушский — тейп/тейпа. Это заимствование было вызвано экстралингвистическими причинами: исконный термин «ваьр/гъар» хотя и показывал, что новообразования имеют структуру кровнородственного рода и обладают его сплоченностью, но не охватывал новые сущностные аспекты их бытования. Арабизм «таифатун», представлявший собой классификационную категорию для выделения «1) класса, разряда; серии, ряда; 2) цеха; 3) группы, некоторого количества; 4) религиозной общины, группы людей, исповедующих одну религию»[51], дал возможность для новой классификации нахского этнического сообщества путем дифференциации самых разнообразных (больших и малых и т. п.) обществ на широкой основе критериев — социальных, хозяйственно-профессиональных[52], географических, религиозных, этнических. Перечисленные признаки классификации таифатун наглядно отражены в названиях тайпов/тейпов. Так, в основе многих из них лежат наименования социальных групп, хозяйственно-профессиональных занятий, этносов и знаковых для избранных к проживанию тайпов мест — топонимов, оронимов, гидронимов[53]. Факты из жизни вайнахов свидетельствуют, что при заимствовании нового термина был силен и религиозный критерий. Тайповая/тейповая система стала основой организации чеченского и ингушского обществ.

Немало исследователей, имевших возможность в XIX в. воочию наблюдать социальные отношения в черкесском и чеченском обществах, отмечали, что тайпы были типологически близки черкесским братствам (тлеуш/лIэужь/лIакъуэ), чеченцы называли всех членов тайпа «вежерий» — «братья». Различие состояло в том, что формирование тайпов началось гораздо раньше, чем становление демократических братств у черкесов, но об этом почти не сохранилось сведений[54].

Процесс имущественной и социальной дифференциации в нахском обществе шел в двух плоскостях: внутри тайпов/тейпов и между ними. Все члены тайпов/тейпов представляли собой вольных людей — эзди. Управление в тайпах/тейпах сосредоточилось в руках демократически избранных старшин (тамда). Ч. Ахриев отмечал: «Жители всегда выбирали из своей среды отличнейших по своему уму, богатству, а не исключительно по происхождению, людей и передавали им право судить и производить расправу»[55]. Старшины должны были согласовывать свои решения со старейши-

---

[51] Арабско-русский словарь. 4-е изд. Т. 2 / Сост. Х. К. Баранов. М., 1970. С. 616.

[52] Поэтому синонимом арабизма «тайп», имевшим помимо других значений значение «цех», зачастую выступает исконная вайнахская лексема «касп» («профессия»). См.: *Хасиев С. А.* О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX — начало XX века) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII — начало XX века). Грозный, 1986. С. 74.

[53] *Натаев С. А.* Чеченские тайпы: Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала, 2019. С. 192—222; Кавказский этнографический сборник. Т. 2. С. 161.

[54] *Хасиев С. А.* О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX — начало XX века). С. 74.

[55] *Ахриев Ч.* Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 8. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 4.

нами тайпов/тейпов. Со временем часть эзди (среди них были и отличившиеся защитой «братств» от внешних врагов батыры) стала захватывать общинные земли, закрепощать «братьев» на основе кабальных обязательств и под предлогом обычая взаимопомощи узурпировать право на управление в тайпах/тейпах путем превращения статуса старшин в наследственный. Сведения из обычного права подтверждают этот процесс: цена крови старшин со временем стала вдвое дороже крови «обыкновенного галгаевца»[56] (ингуша). Тем не менее в конце XIX в. К. Ф. Ган, описывая жилище состоятельного чеченца, отмечал: «Хотя у него обширный, хорошо сохранившийся замок, с высокими стенами и с высокой башней, но он не называет себя князем»[57].

Позднейшие источники также говорят о формировании у нахов страты крепостных крестьян (лаев/леев). Они разделялись на несколько степеней зависимости, обусловленных обстоятельствами их закабаления (плен/йиссар/ёсар, или долговая кабала). Статус пленника был временным и, если за него не был уплачен выкуп, он вскоре становился лаем/леем. Лаи/леи не имели тайпового/тейпового наименования, но в случае добросовестной работы такой человек мог вскоре получить от хозяина участок земли с условием выплаты натуральной ренты, а вместе с тем приобретал право поставить свой собственный дом, иногда даже башню, но незавершенную, и обзавестись семьей.

Между тайпами/тейпами имела место определенная дифференциация: население различало среди них «сильные» и «слабые». Первые еще назывались «эзди нах» («благородные люди»), а вторые — «лай тайпа/тейпа». У ингушей тейпы эзди нах проживали в селениях Таргимхой, Хамхой и Эгхой[58]. У чеченцев особо выделялись «коренные» и «пришлые» тайпы[59].

Обычай соприсяжничества или клятвенного союза не только распространялся на отдельных людей, но и давал возможность заключения союза между двумя и многими тайпами/тейпами и образования тукхумов/шахаров. До начала процесса переселения чеченцев на плоскость (равнину) у них насчитывалось 59 тайпов. В XVI—XVII вв. эти тайпы были объединены в девять тукхумов, под которыми понимаются военно-экономические группы, объединившиеся для защиты от врагов и для обмена[60]. В каждом тукхуме/шахаре сложился особый диалект чеченского/ингушского языка, впоследствии эти союзы составили конфедерацию. Обычно два раза в год в определенном месте собирался Мехк Кхел (совет страны, суд страны). Он рассматривал поправки в обычное право. Наилучшими знатоками нахских обычаев считались жители тайпов Нашхой/Нашахъ и Майстой/Маастъ. Нашахские старейшины в Мехк Кхел устанавливали порядок землевладения и землепользования и согласовывали нормы поведения и меры наказания за их нарушение, решали вопросы войны и мира, торговли как внутренней, так и внешней, определяли различные обложения и повинности. В промежутках между работой Мехк Кхел дела страны находились в ведении избранных старшин (къаной) во главе с председателем (баьчча).

Малоземелье со временем стало порождать раздоры и кровопролитные столкновения и стало причиной выселения чеченцев и ингушей вниз по склонам Кавказского хребта. У. Лаудаев еще в XIX в. предположил, что чеченский этнос, образовавшись

---

[56] *Ахриев Ч.* Ингуши (их предания, верования и поверья). С. 4.

[57] *Ган К. Ф.* Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей: (Летом 1897 г.). С. 66.

[58] Кавказский этнографический сборник. Т. 2. С. 132.

[59] *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872. С. 10.

[60] *Мамакаев М. А.* Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 16.

под Снеговыми горами близ истоков реки Аргун, нуждаясь в земле, стал расселяться[61] сначала на северные подножия, а потом по другим местам — на территорию Кабарды и Гази-Кумухского шамхальства, а также в пограничные между ними территории, занятые по разрешению кабардинских феодалов терскими и гребенскими казаками.

История осетин XVI—XVII вв. из-за немногочисленности источников реконструируется также на основе источников XVIII—XIX вв. Осетины говорили на одном из иранских языков, сформировавшемся на кавказском субстрате[62]. Экзоэтноним «осетин» появился в русском языке в XVII—XVIII вв. под влиянием грузинской исторической традиции, называвшей древних насельников центрально-кавказского Нагорья ос/ас. Сами осетины и ныне не имеют общего эндоэтнонима и идентифицируют себя по наименованиям обществ. Дигорцы проживали в ущельях реки Урух, иронцы — рек Гизельдон (Тагаурское общество), Фиагдон (Куртатинское), Ардон (Алагирское). Эти североосетинские ущелья были связаны с внешним миром вьючными тропами, проходившими через скалистые, покрытые ледником перевалы. В некоторых из них сношения с внешним миром были возможны лишь несколько летних месяцев. Многие из этих обществ были известны уже в XVI в., а впоследствии, умножившись, они стали основой формирования осетинского этноса[63]. Инклюзивным самоназванием западных осетин является имя дигорцы, восточных — иронцы.

Сведения о численности осетин носят фрагментарный характер. Их первое упоминание в русских документах относится к жителям Тагаурского общества: в 1605 г. послу царя Бориса Годунова М. И. Татищеву при дворе кахетинского царя Александра II (1574—1605) сообщили, что «меж Черкасские и Юрьевы царевы земли [Черкесией и Картли] есть горские люди, словут Осинцы, всего их человек з 200»[64]. В середине XVII в. в верховьях реки Урух проживало 25—30 тыс. человек[65].

Ландшафт территории диктовал характер хозяйствования. В силу того, что большую часть находившихся в хозяйственном пользовании земель составляли пастбища, меньшую — пахотные угодья, основным занятием осетин было скотоводство, они разводили главным образом мелкий скот — овец и коз. Земледелие ограничивалось выращиванием пшеницы, ячменя и овса, которых хватало на несколько месяцев в году. Недостающее зерно выменивали в Грузии и Кабарде. Средства производства и предметы домашнего потребления изготовлялись в замкнутом натуральном хозяйстве. Из ремесел были известны кузнечное дело, обработка дерева и отчасти выделка кожи.

Сведения о характере взаимоотношений в осетинских обществах (это касается прежде всего системы землевладения и землепользования, социальной стратификации и принципов формирования политических институтов) говорят о том, что социо- и политогенез осетин описываемого времени был частью глобальных процессов, протекавших в том числе и в других частях кавказского Нагорья. Они развивались, как и везде на Кавказе, в «оболочках» родовых институтов. Микроэлементом осетинских обществ являлись большие патриархальные семьи (дыггаг хадзар), несколько таких семей составляли кау («селение/ущелье»). На основе искусственного родства союзы кау

---

[61] *Лаудаев У.* Чеченское племя. С. 3.

[62] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 11.

[63] *Калоев Б. А.* Осетины: Историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004. С. 70—148.

[64] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. С. 508.

[65] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974. С. 112.

составляли осетинские братства (рвад)[66]. Каждое из осетинских обществ представляло собой союз нескольких братств, но здесь обычно проживали и не примыкавшие к этим союзам братства.

Фундаментом политического устройства в осетинских обществах являлись народные собрания (ныхас). Для разбора частных дел и преступлений формировались временные третейские суды (тархон). Для внешних сношений братства избирали одного или нескольких опытных членов, которые именовались элдарами (старшинами). Им в обязанность вменялось заботиться о благополучии братств, улаживать ссоры между фамилиями внутри них, руководить набегами и принимать меры для их защиты.

Изначально все члены осетинских братств были вольными и в силу этого считали себя благородными (уазданами). В основе такого равенства лежала подворная собственность на пахотные и сенокосные участки и общинное пользование пастбищами и лесами. Разобщенность осетинских ущелий придавала жизни каждого общества своеобразные черты; особенно зримо это проявилось в том, что в каждом из них выработалась своя социальная номенклатура. Распространение элитарных черт в осетинских обществах зависело от степени влияния, доминировавшей в регионе Кабарды: наиболее всего в силу фактора географической близости Кабарда влияла на дигорцев и тагаурцев, наименее всего — на алагирцев[67]. Для легитимации возвышения «сильных» фамилий использовались ссылки на их происхождение от чужеземных властителей. Однако на деле лишь в наиболее тесно связанных с Кабардой Дигорском и Тагаурском обществах «некоторым удалось объявить себя властителями местности»[68]. К ним в Дигорском обществе принадлежали Царгас, Бадил и Гагуа. Их потомки — царгасата, бадилята, гагуата — составили свои отдельные братства. В тагаурском обществе такие фамилии назывались тагиата, у куртатинцев — куртат. Члены этих фамилий, усилившись, объявили своей собственностью общинные пастбища, им также принадлежали лучшие нивы, леса, луга и пастбища, их поселения и башни были неприступны. Со временем они узурпировали права на управление в братствах (впоследствии старшины составили особую социальную прослойку, называвшуюся в некоторых обществах уазданлагами[69]). О значительном имущественном и социальном расслоении в этих обществах свидетельствуют склепные и башенные сооружения, многие из которых сохранились и доныне. В центре формирования тагаурцев в Даргавском ущелье (2000 м над уровнем моря) склепные и другие виды усыпальниц, ныне известные как Город мертвых, датируются XVI — первой третью XIX в.

В связи с трансформациями социальной структуры осетинских обществ в каждом из них по-разному стал пониматься термин «уаздан». В Дигории, где царгасата, бадилята, гагуата не были членами братств, он по-прежнему обозначал всех вольных земледельцев. Там уазданов называли еще адамихатами («народ»). В Алагирском обществе, где эгалитарные традиции продолжали доминировать в наибольшей степени, чем в других североосетинских об-

---

[66] *Дмитриев В. А.* Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. С. 41.

[67] Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края. С. 264.

[68] *Кох К.* Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 249.

[69] Некоторые привилегии, приобретенные уазданлагами, в более поздний период были закреплены юридически. В 1847 г. по ходатайству их представителей российское правительство постановило именовать их алдарами.

ществах (хотя также выделился слой «сильных» фамилий — тыхджын мыггаг), уазданы (вольные земледельцы) продолжали обладать большим влиянием на дела общества.

Обедневшие общинники/«братья» вынуждены были прибегать к покровительству сильных осетинских фамилий. Они наряду с безземельными хехесами (чужаками) составляли слой фарсаглагов, которые, при сохранении права судиться с представителями сильных фамилий и мстить им, должны были платить им за пользование землей. Сильные фамилии также были силь-ны трудом лично свободных кумайагов/кавдасардов, а также приобретенных на стороне холопов. Прозвания последних обнаруживали их происхождение. У алагирцев они назывались «алхад, саулаг, цагъайраг» («купленный, черный мужчина, сахарец»), у куртатинцев — «гуырдзиаг/грузин». Количество таких холопов было очень незначительным. Помимо холопов имелись и наемные работники.

В XVI в. из Кабарды в Дигорию начало проникать мусульманство. Оно стало религией привилегированной верхушки. Бóльшая часть населения осетинских обществ придерживалась синкретических христианско-языческих верований.

Карачаевцы и балкарцы — единственное тюркоязычное сообщество Северного Кавказа. В русских документах они часто назывались «горскими татарами». Русский термин «балкарцы», производный от черкесского бэлкъэр, имел как узкое, так и широкое значение. Сначала так именовали жителей Балкарского ущелья, находившегося в верховьях реки Восточный Черек. И лишь намного позднее он, обозначая наиболее многочисленное и сильное общество, стал инклюзивным для всех пяти частей балкарцев.

В источниках XVII в. упоминается лишь одно из пяти горских балкарских объединений — то, которое находилось в верховье реки Восточный Черек. Именно здесь зафиксировано самое раннее балкарское селение, выходцы из него впоследствии поселились постепенно еще в четырех ущельях. В описываемый период термин «балкарцы» обозначал жителей «места Балкары»[70]. Предания связывают заселение балкарцами верховья реки Восточный Черек с родоначальником общества — охотником по имени Малкар.

Карачаевцы первоначально проживали в верховье реки Баксан. Согласно преданию, сюда их родоначальник Карча вместе со своими сподвижниками прибыл на рубеже XVI—XVII вв. Первое упоминание о карачаевцах в русских документах относится к 1639 г. В статейном списке Ф. Елчина и челобитных священника П. Захарьина — членов посольства царя Михаила Федоровича в Мегрелию — описано их пребывание в Карачаях/Карачаевой Кабарде[71]. Первым европейцем, написавшим о карачаевцах (Caraccioli), стал живший в 1635—1653 гг. в Мегрелии итальянский миссионер А. Ламберти. В период пребывания в верховье Баксана карачаевское общество столкнулось с желанием старшего князя Большой Кабарды Кази Пшеапшоко (?—1616) обложить его податями за проживание на территории князя. Сведения о том, сколько времени карачаевцы находились на Баксане, отсутствуют, доминирует точка зрения, что они могли его покинуть между 1640 и 1709 гг.[72]

Первые поселения, созданные Малкаром и Карчой, состояли из кварталов (тий-

[70] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 120.

[71] *Белокуров С. А.* Посольство дьяка [?] Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639—1640) // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 2. С. 302, 304—305, 310, 312, 318.

[72] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. С. 96.

ре). Квартал был пространственной проекцией одного братства (каума/тукъума) и носил имя его родоначальника. Иногда большое братство образовывало несколько кварталов, и они именовались по географическому признаку. Если в Балкарском ущелье все братства назвались тукъумами, то в карачаевском обществе особое положение занимали братства, родоначальниками (тин ата) которых стали сподвижники Карчи — Андурхай, Будиян, Науруз, Трам. Эти братства — андурхаевцев, будияновцев, наурузовцев и трамовцев — назывались каумами, они, видимо, сложились самими первыми[73]. Со временем каумы разделились на тукъумы, но последние были на особом счету и отделяли себя от тукъумов, сформированных более поздними пришельцами в Карачай или бывшими крепостными крестьянами.

В состав каумов и тукъумов входили большие патриархальные семьи, они объединялись в атаулы — патронимии из 5—6 поколений. Имущественное расслоение в балкарском обществе проявлялось (как у вайнахов и осетин) в строительстве башен и склепов, в верховье реки Восточный Черек было десять башенных сооружений различной степени монументальности.

Каум Крымшамхаловых в карачаевском обществе стоял особняком. Его родоначальник (известный только по преданиям) стал супругом единственной дочери Карчи и его преемником. Старшины всего карачаевского общества всегда избирались только из Крымшамхаловых, которые со временем, согласно материалам Комиссии для разбора сословных прав горцев Терской и Кубанской областей, работавшей в 1869—1879 гг., стали позиционировать себя биями или аксюеками («белая кость»)[74]. Уже в период пребывания в верховье реки Баксан здесь существовали замок и склеп одного из ранних представителей клана Крымшамхаловых — Кумгута.

Общественный строй первоначальных поселенцев Балкарского ущелья, судя по фольклору, трансформировался с появлением там родоначальника бассият (таубиев[75]) — Бассията. Его главенство было чисто военного свойства. Согласно преданиям, он вместе с братом Бадилем, ставшим родоначальником дигорских бадилят, добился покорности этих обществ, располагая огнестрельным оружием. Бассията предводительствовали в набегах, но не оказывали особого влияния на обыденную жизнь[76]. Но со временем для бассият должность старшины балкарского общества стала наследственной, она доставалась одному из старших представителей их фамилий. Старшины по-прежнему стояли во главе набегов и военных ополчений, они же руководили жизнью сообщества и в мирной жизни[77].

Значительную роль в жизни балкарского и карачаевского обществ играли народные собрания (тёре), они были представлены на разных уровнях: кварталов, каумов/тукъумов, а впоследствии и всего карачаевского общества. Их главная функция состояла в установлении новых адатов[78].

[73] Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 198.

[74] Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края. С. 261.

[75] Этот термин появился в российском политическом обиходе в 1852 г., когда по ходатайству балкарских депутатов вместо наименования «старшина» стало использоваться наименование «таубий», хотя окружавшие балкарцев народы продолжали именовать старшинские фамилии бассиятами, а простой народ — каракиши-малкаруами (ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 51. Л. 31).

[76] *Тульчинский К. П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник за 1904 год. Вып. 6. Владикавказ, 1903. С. 165.

[77] Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края. С. 262.

[78] *Текеев К. М.* Карачаевцы и балкарцы: Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С. 71.

Потомки Бассията в балкарском обществе, как и Крымшамхаловы в карачаевском, хотя и позиционировали себя князьями, мирзами, владетелями, знатными людьми, оставались старшинскими родами. Так как земля в их обществах не находилась в феодальном владении, здесь существовала подворная собственность на пахотные участки и сенокосные угодья, а пастбища и леса составляли собственность отдельных каумов и тукъумов. Со временем эти фамилии смогли завладеть значительным земельным фондом, превратив многих общинников в своих должников. Их влияние подкреплялось и покровительством кабардинских князей, поскольку весной и летом они выгоняли стада на кабардинскую землю. Кроме того, тукъкумы старались предотвратить набеги черкесов из Кабарды. Первое упоминание жителей Балкарского ущелья в письменных источниках содержится в одной из отписок в Посольский приказ терского воеводы И. А. Дашкова в 1629 г., и там прямо пишется о том, что балкарцам покровительствовал один из кабардинских князей — пши Абшита/Апши Взреков[79].

Балкарские и карачаевские старшины, как и некоторые осетинские, входили в сословную иерархию Кабарды в статусе кодз. Эти отношения, оформленные как сюзеренно-вассальные, регламентировали лишь внешнеполитическую деятельность старшин при полной автономии внутренней жизни представляемых ими обществ. Это позволяло сохранить устои представляемых ими обществ, хотя старшины стремились к использованию союза с могущественными соседями для увеличения своего экономического потенциала и политического влияния.

Дополнительными инструментами двустороннего сближения балкарцев и кабардинцев стало аталычество; бассията добились права на воспитание княжеских детей. Это имело далеко идущие последствия для традиционного общества, где молочное родство чтилось обычаем, как и кровное. Дети аталыков становились молочными братьями кабардинских князей, что еще больше укрепляло связи между кабардинской правящей элитой и балкарскими старшинами. Другим результатом таких родственных сближений стала узурпация прав на лучшие земли у себя дома: если небольшие пахотные участки были во владении всех свободных членов обществ, то основная часть земель — пастбища и покосы — постепенно оказалась в собственности исключительно бассият. В силу аталыческих связей им также перешли во владение некоторые территории на Кабардинской равнине. Со временем связи с Кабардой стали оказывать еще большее влияние на политическое устройство и социальную организацию в балкарском и карачаевском обществах, что выразилось прежде всего в развитии в них элементов элитарности[80].

Таким образом, XV—XVI вв. стали для социально-политического развития северокавказских народов переломными. Если в Черкесии продолжалось развитие феодальных отношений, то кавказское Нагорье стало центром социо- и политогенеза[81], положившего начало формированию демократически управлявшихся кавказских этносов — чеченцев, ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев.

---

[79] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 1. С. 120, 125.

[80] *Тульчинский К. П.* Пять горских обществ Кабарды. С. 164.

[81] *Карпов Ю. Ю.* Горско-кавказский социум в структурированной модели мира // Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. С. 24.

Народы Дагестана

Этническая карта Дагестана к XVI в. претерпела значительные изменения. Вследствие происходивших в этот период миграционных процессов в регионе она стала еще более сложной. Условия для этих постепенных массовых переселений были созданы еще Тимуром, нашествие которого способствовало сокращению населения в плоскостной и предгорной частях Дагестана, также на протяжении всего XV в. слабело ордынское влияние.

Многочисленные народы и этнографические группы Дагестана относятся к иберийско-кавказской, тюркской и иранской семьям языков. Нахско-дагестанская ветвь кавказско-иберийских языков образует несколько групп: 1) аваро-андо-цезскую, 2) даргинскую, 3) лезгинскую, 4) лакскую. Значительную группу составляют тюркоязычные народы — кумыки, ногайцы, азербайджанцы, терекеменцы, татары. К ираноязычной группе населения относятся таты и горские евреи[82].

Начиная с XV в. и на протяжении XVI в. в северо-восточной части Дагестана проживало много русских «воинских» людей, казаков, беглых, «гулящих» людей. На этих же землях проживали выходцы из всех областей Северного Кавказа и Закавказья[83].

В XVI в. в политической жизни Дагестана также произошли важные события, которые были вызваны дальнейшим развитием и укреплением феодальных отношений.

В течение всего XVI в. наиболее крупным феодальным владением в Дагестане, как и ранее, являлось Гази-Кумухское шамхальство[84] с центром в Гази-Кумухе. Полиэтническое владение представляли лакцы, верхнедаргинцы, кумыки, отдельные аварские, лезгинские, агульские и чеченские общества. В правление шамхала Чупана территория владения простиралась от границ Кайтага, Кюре, Аварии, Черкесии (Малая Кабарда) и реки Терек до берегов Каспийского моря[85]. В рассматриваемое время шамхалы, контролировавшие значительную часть Северо-Восточного Кавказа, именовались «вали Дагестана».

Желание избежать борьбы за престол после смерти очередного правителя и закрепить престол за желаемым наследником привело к появлению в шамхальстве титула «крым-шамхал» (искаженное «хирив-шамхал» — т. е. «после шамхала»). Такому крым-шамхалу задолго до его вступления на трон полагались подати с определенных земель. С распространением власти шамхалов на плоскостные территории традиционным наделом крым-шамхала стали земли, примыкавшие к селу Бойнак (ныне Уллубийаул), но в моменты пребывания шамхала в Кумухе крым-шамхалу поручалось управление всеми плоскостными территориями[86].

Несмотря на старания шамхальской династии сохранить целостность владения, еще до конца XVI в. обозначились признаки неминуемого его распада. Одним из первых откололось Эндиреевское княжество, занимавшее территорию междуречья Сулака и Терека с нижней частью Чечни, Салатавии и до границ Гумбета.

В Центральном Дагестане по мере ослабления влияния шамхальства важную роль начало играть нуцальство Хунзахское. В XVI в. активность нуцалов наблюдалась

---

[82] История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 305.

[83] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С. 299.

[84] Титулы дагестанских правителей — шамхал, нуцал, уцмий — не известны нигде, кроме Дагестана. Большинство исследователей считает, что они имеют местное происхождение, так как принятая в Дагестане иноземная социальная терминология сохранилась в неизменном виде (бек, хан, султан и др.).

[85] *Бакиханов А. К.* Гюлистан-и Ирам / Под ред. З. М. Буниятова. Баку, 1991. С. 108.

[86] *Магомедов Р. М., Магомедов А. Р.* История Дагестана. Махачкала, 1994. С. 131.

в направлении левого берега Андийского Койсу и Горной Чечни. До 1570 г. под контроль Хунзаха попали все земли между Андийским Койсу и водоразделом Главного Кавказского хребта от Анди до Дидо. Попытки расширить территорию княжества на юго-запад натолкнулись на энергичное противодействие гидатлинского общества.

В военных мероприятиях Хунзаха в Закавказье большую роль играли джаро-белоканские общины, вместе с которыми нуцалы предпринимали военные походы на Грузию. Усиление нуцальства привело к тому, что соседние грузинские цари стали искать пути сближения с его правителями[87]. Необходимость такого сближения была вызвана экономическими и политическими соображениями. В ходе территориального расширения нуцальства наметился к концу XVI в. и его удельный распад[88].

Значительным владением, располагавшимся южнее шамхальства, было уцмийство Кайтагское, резиденцией правителей которого был аул Калакорейш. Уцмийство на юге граничило с Дербентским владением, на востоке оно омывалось Каспийским морем. Жили в уцмийстве даргинцы, кумыки, таты, а в XVI в. с разрешения уцмия Султан-Ахмеда в местности Теркеме поселились терекеменцы[89].

В Южном Дагестане крупным феодальным владением было майсумство Табасаранское. Около 1570-х гг. среди членов майсумского дома вспыхнули междоусобицы: погибла значительная их часть, а уцелевшие, оставив престольное село Хучни, перенесли свою резиденцию в село Джараг. Этим воспользовалась влиятельная родственная группа кадиев Табасарана, успевшая добиться своего исключительного права на кадийское достоинство. В конце XVI в. было создано своеобразное феодальное владение кадиев с центром в Хучни. К концу XVI в. источники уже называют «табасаранскими князьями» и кадия, и майсума[90].

К востоку от Табасарана находилось Дербентское владение, которое с 1509 г. находилось под властью Сефевидов. Население его состояло из азербайджанцев, табасаран, татов, персов, арабов, армян. Обычным явлением для Дербента было частое переселение в город семей из других регионов, расширявшее его этнический состав. Шах Исмаил переселил сюда «500 семейств поколения Румиев из Тавриза»[91]. При Тахмаспе I в Дербент было переселено 400 семейств из племени Гурчиан. Это значительно пополнило ряды жителей Дербента, который шахи стремились превратить в свою опорную базу.

В ходе очередной персидско-османской войны Дербент в 1578 г. перешел под юрисдикцию османов. С 1590 г. в Дербенте был поселен турецкий гарнизон[92].

Дербент в XVI в. в связи с русским продвижением на Северный Кавказ стал выделяться «не только как стратегический пункт, но и как центр транзитной караванной торговли». Особенно заметно это стало проявляться с активизацией торговых связей России с Закавказьем[93].

---

[87] Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 98.

[88] *Магомедов Р. М., Магомедов А. Р.* История Дагестана. С. 133.

[89] *Бакиханов А. К.* Гюлистан-и Ирам. С. 109; Очерки истории Дагестана. С. 98—99.

[90] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. С. 293.

[91] *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 53.

[92] *Умаханов М.-С. К.* Антифеодальная борьба в Дагестане в XV—XVI веках // Развитие феодальных отношений в Дагестане: (Тематический сборник). Махачкала, 1980. С. 65; *Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К.* Дагестан в XV—XVI вв.: (Вопросы исторической географии). Махачкала, 2004. С. 249—251.

[93] *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 89; *Гасанов М. Р.* История Дагестана с древности до конца XVIII в. Махачкала, 1997. С. 99.

В рассматриваемое время в Южном Дагестане относительно крупными владениями были Рутульское и Цахурское, тесно контактирующие с Гази-Кумухским шамхальством. Со второй половины XVI в. из цахурской и рутульской знати выделились наследственные правители: с 1563 г. известен Али-Куркулу-бек цахурский[94], а с 1574 г. — Гази-бек рутульский. Оба получили фирманы персидского шаха, утверждающие их власть, — их потомки формально признавались вассалами шаха в XVI—XVII вв.

В северо-западной части Дагестана, по течению реки Терек, располагалось Тюменское княжество, правителя которого источники именуют иногда «шамхалом» или даже «царем». С 1556 г. его владетели поддерживали тесные связи с Россией, а в 1594 г. территория последней вошла в состав Российского государства.[95]

Остальную часть территории Дагестана занимали многочисленные союзы сельских обществ. Они различались по размерам территории, количеству жителей, по своему политическому положению, но управление в них в целом было одинаковым. Наиболее крупными были Ахты-пара, Алты-пара, Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Гидатлинский, Андийский, Келебский, Дидойский, Антль-Ратль, Томс и др.

В первой половине века значительная часть Дагестана попала в сферу влияния Персии. Укрепившись после победы, одержанной над внутренними врагами, шах Исмаил I начал завоевание Кавказа. В 1502 г. был захвачен Ширван, а в 1509 г. — Дербент. Для упрочения своего влияния в Южном Дагестане, в частности в долине реки Самур, шах Тахмасп I привез из Лагиджана 900 семейств и поселил их в ауле Мискинджа.

Принимаемые сефевидами меры для расширения и укрепления своего влияния вызвали широкое недовольство как в Дагестане, так и в Ширване. В 1547 г., свергнув персидского наместника в Дербенте, ширваншах Элькас-мирза и владетели Южного Дагестана направили свои войска против шаха в Ширван. Восстание не увенчалось успехом ввиду отсутствия поддержки со стороны могущественных владетелей остального Дагестана. Дербент вновь был включен во владычество Персии.

Во второй половине XVI в. Дагестан попал под влияние турецких султанов. Воспользовавшись недовольством населения Закавказья и Дагестана шахским владычеством, османы начали войну с Персией. В результате военных мероприятий 1578—1587 гг. туркам удалось захватить Дербент и распространить свое влияние в предгорном и горном Дагестане. Теперь османы были заинтересованы создать здесь прочную базу. С такой целью началась расправа над непокорными горцами. Известно крупное вооруженное выступление жителей Гази-Кумуха[96] в 1582 г., жестоко подавленное турецкими войсками. Однако туркам не удалось надолго подчинить Дагестан. Почти вся его горная часть оставалась независимой. Дагестанцы продолжали отстаивать свое право на самостоятельное развитие.

Новый этап во взаимоотношениях Дагестана с Россией начался с середины XVI в. Присоединение Астраханского ханства к России в 1556 г. было фактом крупнейшего значения для развития русско-кавказских связей. Уже в 1557 г. через Астрахань из шамхальства и Тюменского княжества прибыли послы ко двору Ивана IV с просьбой «о холопстве» и оберегании «со всех сто-

[94] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. С. 293.

[95] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1988. С. 295; *Лавров Л. И.* Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 45—56.

[96] Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 5. Тифлис, 1871. С. 6.

рон»[97]. Здесь надо понимать, что горские правители не имели в виду буквального перехода в категорию зависимых людей, речь шла о военно-политическом союзе. Имели место просьбы князей об оказании помощи в борьбе со своими политическими конкурентами.

Отношения между Дагестаном и Россией заметно охладели в 1560 г., когда воевода И. С. Черемисинов ходил из Астрахани морем на Тарки; причиной тому было противостояние шамхальства и кабардинских князей за сферы влияния на Кавказе и стремление Российского государства оказать помощь Кабарде, с которой у него сложились самые тесные отношения. По просьбе тестя Ивана IV, кабардинского князя Темрюка Идарова, был возведен острог у впадения реки Сунжи в Терек, что вызвало очередной поход на Кабарду 1566—1567 гг., в котором погиб шамхал Будай[98].

Его приемник в 1567 г. направляет очередное посольство к Ивану IV с сообщением, что «хочет быть в его воле». Ответное посольство поставило перед шамхалом вопрос о постройке русского города на реке Овечьи Воды[99] (Сулаке), однако нет точных сведений, была ли она возведена.

Постройка крепости у впадения реки Сунжи в Терек вызвало недовольство Крыма и Турции, добивавшихся ее снесения. Для последней вопрос о северокавказском пути стоял остро в связи с подготовкой новой войны с Персией. В тяжелых условиях протекания Ливонской войны и похода Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. царь был вынужден снести эту крепость. В 1578 г. она была восстановлена, но по требованию крымского хана ее вновь снесли.

После принятия присяги в русское подданство кахетинского царя Александра в 1587 г. и просьб его и Кабарды о военной помощи в 1588 г. в устье Терека был поставлен город, который просуществовал до начала XVIII в. Отсюда российскими властями в 1591 г. под начальством Засекина, а в 1593—1594 гг. под командованием князя А. Хворостинина были предприняты походы против шамхала, целью которых было прервать его отношения с Крымом и Турцией.

Поход 1593—1594 гг., состоявшийся в том числе и по просьбе кахетинского царя, желавшего обеспечить безопасное сообщение с Россией, имел тяжелые последствия для населения плоскостного Дагестана. Несмотря на договоренности о совместных действиях российских и кахетинских войск, а также помощь им со стороны крым-шамхала, Хворостинин был вынужден покинуть Тарки (одну из резиденций шамхала), потерпев поражение. Тогда на месте переправы через реку Сулак был построен Койсинский острог с гарнизоном, состоящим из тысячи стрельцов.

Социально-экономическое развитие Дагестана в XVI в. характеризуется значительным его ускорением по сравнению с XIV—XV вв. Одной из важных особенностей следует считать окончательное дифференцирование хозяйства по географическим зонам: равнина и предгорье — преимущественно зерновые, садовые культуры, виноградарство, крупный рогатый скот; горы — земледелие (террасная система), животноводство (в основном овцеводство) и домашние промыслы.

Основными зерновыми культурами оставались пшеница, ячмень, рожь, просо. Из технических культур разводили лен, коноплю. Важное значение имело разведение марены, из корней которой получали краску, пользовавшуюся большим спросом. Во

[97] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 284.

[98] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа: На арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. М., 1966. С. 150—151, 209.

[99] *Кушева Е. Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе: 1552—1572 гг. // Исторические записки. 1950. № 34. С. 275.

многих горных долинах практиковалось разведение садов на склонах. Участки, находившиеся выше садоводческих хозяйств, использовали для богарного земледелия и скотоводства[100].

Другим жизненно важным занятием дагестанцев было скотоводство. Животноводство в горах играло роль более значимую, чем на равнине. Отсутствие зимних пастбищ не давало возможности заготавливать большие запасы кормов. Поэтому в горах предпочитали заниматься овцеводством, которое носило отгонный характер. Овцеводство в высокогорных условиях позволяло горцам не только удовлетворять свои потребности в мясомолочных продуктах, но и приобретать в обмен на них у жителей равнины хлеб. Скотоводство на равнине имело свои специфические особенности. Оно было лишь дополнением к земледелию и поддержкой его. Скот применялся в равнинных селах как тягловая сила.

Жители равнинной части Дагестана, особенно притеречных и присулакских сел, занимались также рыбной ловлей[101], приносившей большие доходы шамхалу, владевшему этими промыслами.

В хозяйственной жизни народов Дагестана большую роль играли домашние промыслы. Развитию их способствовало географическое разделение труда, недостаток земли и жизненных средств, получаемых от земледелия и животноводства, а также наличие свободных рук. Обработка шерсти была распространенным видом домашней промышленности у аварцев, лезгин, даргинцев, лаков. Из шерсти делали войлок, бурки, сукна, платки и др. Занимались в Дагестане также производством ковров. Ковроткачество было развито в Южном Дагестане. Значительное место в экономике горских обществ занимала обработка металлов: выделка оружия, кузнечное и лудильно-паяльное дело.

В XVI в., наряду с селением Кубачи, наметился процесс специализации в определенной отрасли промышленности в селениях Кумух, Анди, Балхар, Сулевкент и др. Балхарские и сулевкентские гончарные изделия, андийские бурки находили большой спрос у жителей нагорного и равнинного Дагестана[102].

Существенную роль в экономической жизни народов Дагестана играла торговля, носившая из-за отсутствия местной денежной системы больше меновой характер. Использовавшиеся деньги представляли собой монеты европейского, российского, турецкого и персидского происхождения[103]. Во внутренней торговле стоимостным эквивалентом служили скот, ткани, ковры, медные котлы и др. Тем не менее торговля, включая даже прямой обмен товарами, позволяла решать многие экономические проблемы, возникавшие из-за различий в хозяйственном развитии разных географических частей Дагестана.

Известными торговыми центрами были Дербент, Тарки, Эндирей, Аксай, Карабудахкент, Бойнак, Дженгутай, Дылым, Маджалис, Акуша, Усиша, Цудахар, Кумух, Ахты, Рутул, Курах, Хив, Хунзах, Чох, Согратль, Ругуджа, Ботлих, Карадах, Анди, Уркарах. Особое значение в международной и региональной торговле в равнинной части Дагестана имели Дербент, Тарки, Эндирей, через которые проходила сухопутная трасса мирового Шелкового пути из Азии в Европу. Общедагестанского масштаба торговый путь проходил и по Внутреннему Дагестану. Он шел с юга на север (в обход Дербента и всей приморской полосы) через Курах, Кумух, Чох, Гидатль, села на Андийском Койсу в Чечню.

---

[100] История Дагестана. Т. 1. С. 233.

[101] *Умаханов М.-С. К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 38.

[102] Очерки истории Дагестана. С. 102.

[103] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 334—335.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО

Как и в других золотоордынских ханствах, в Крыму правили представители одного рода — Джучидов (потомков сына Чингиса Джучи). Позднее джучидская традиция, в том числе и историографическая, связывала Крым с потомством Тохтамыша, и полуостров считался «Тохтамышевым царевым юртом»[1].

В ханстве правила династия Гиреев — потомков золотоордынского хана Хаджи-Гирея. Приходится признать, что ни этимология династийного имени ханов Крыма, ни исторический контекст его происхождения нам до конца неясны. Наконец, для первых двух поколений крымских ханов не совсем понятна логика присвоения представителям династии приставки «Гирей».

Отцом Хаджи-Гирея по свидетельствам источников, был Гийас-ад-Дин б. Таш-Тимур б. Джанай б. Тула-Тимур б. Кунджек б. Рук-Темур б. Тука-Тимур б. Джучи б. Чингис[2]. Отец Хаджи-Гирея ханский престол не занимал. Правил только дед Таш-Тимур и то очень короткое время — в 1395—1396 гг., после чего был свергнут Тохтамышем.

Независимое государство (ханство) в Крыму, согласно традиционной точке зрения, было основано Хаджи-Гиреем при поддержке Польско-Литовского государства в начале 1440-х гг.[3] Причем роль Польши и Литвы в становлении ханства и судьбе Хаджи-Гирея не только подчеркивалась польско-литовскими средневековыми авторами, но и отмечалась крымскими текстами, адресованными в Литву, например ярлыками Менгли-Гирея и Сахиб-Гирея. Однако, как выяснилось в результате изучения счетов генуэзского казначейства Кафы, сепаратизм Крыма был оформлен в 1419 г. избранием ханом Бек Суфи и появлением на троне новорожденного ханства собственной династии — ветви крымских Тукатимуридов[4].

Исследователи предлагают несколько дат воцарения Хаджи-Гирея: 1441 г. (по монете 845 г. х.)[5] или даже еще более точно:

---

[1] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 49; *Трепавлов В. В.* Золотая Орда после распада: Воспоминания о единстве // Тюркологический сборник: 2009—2010. М., 2011. С. 375.

[2] *Halim Giray.* Gülbün-ü Hânân: (KırımHanları Tarihi): Değerlendirme-Metin-Tıpkıbasım. İstanbul, 2013. S. 31. Подробнее см.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 183 и сл. См. также: *Гайворонский А.* Созвездие Гераев: Краткие биографии крымских ханов. Симферополь, 2003. С. 10.

[3] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 49.

[4] *Пономарев А. Л.* Первые ханы Крыма: Хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158—190.

[5] *Ürekli M.* Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükseliş (1441—1569). Ankara, 1989. S. 13; *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV—XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007. С. 19; *Kołodziejchyk D.* The Crimean Khanate and Po-

март—апрель 1442 г.[6], 1443 г.[7] Если принять последнюю датировку, то придется признать первым крымским ханом Улуг-Мухаммеда, поскольку в 847 г. х. (май 1443 — апрель 1444 г.) именно он правил в Крыму[8]. Ряд ученых относят начало правления Хаджи-Гирея в Крыму и, таким образом, начало существования Крымского ханства к 1449 г.[9]

А. В. Якушечкин считает, что призыв Хаджи-Гирея на правление беями Крыма прежде всего преследовал цель борьбы с Саид-Ахмадом. Решение о посылке послов к Казимиру с просьбой отпустить Хаджи-Гирея в Крым было принято вскоре после смерти Айдара (сына Хаджи-Гирея; в дальнейшем мы увидим, что это не так). Посольство к Казимиру вышло из Крыма в районе декабря 1441 — января 1442 г. Провозглашение Хаджи-Гирея ханом произошло не позже марта 1442 г. Сразу после избрания ханом Хаджи-Гирей отправился с военным походом на Сеид-Ахмада за пределы Крыма. Кампания продолжалась по крайней мере до середины лета и закончилась победой Хаджи-Гирея. В мае 1442 г. в Массарии Кафы упомянут брат Хаджи-Гирея. Судя по всему, это известный по многим источникам Джанай (Джанай-оглан). Кроме того, подтверждаются данные источников о том, что к Хаджи-Гирею прибыл воспитатель (атабек) его отца, Гийас ад-Дина, Девлет-Кельди[10].

В эпоху становления Крымского ханства (1430—1450-е гг.) сохранилось разделение полуострова на разные по статусу государственно-административные единицы. Унаследовав всю полноту власти главы тумена уже в качестве полноправных независимых владык, территориально ханы довольствовались степным Крымом с его столицей в Солхате.

Границей ханства на юге были Крымские горы. На севере ханские рубежи выходили за пределы полуострова и простирались примерно до района Конских Вод, на северо-западе — до реки Синяя Вода; на востоке, со стороны Астрахани и ногаев, какое-то время границей был Миус («Молочная Вода»). Западная граница простиралась за Очаков к османскому Аккерману[11].

Еще Ф. Хартахай предположил, что столицей татар в Крыму сначала был Эски-Крым, «потом, в эпоху междоусобий, перед династией Гиреев, — Карасубазар и, наконец, при Менгли-Гирее — Бахчисарай, ставший вместе и центром татарской цивилизации»[12]. Эта точка зрения поддержана и другими учеными: «Есть основание думать, что при Хаджи-Гирее столица из г. Крыма была перенесена не в Бахчисарай, которого тогда еще не было, а в существо-

land-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. P. 11.

[6] *Гулевич В. П.* Северное Причерноморье в 1400—1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 128—129.

[7] *Сахаров А. М.* Крымское ханство // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. Стб. 208.

[8] [*Тизенгаузен В.*] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 501—502, 533—534.

[9] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiegoza Jagiellonów. Warszawa, 1930. S. 264—266; *Idem.* Problem Krymu w dziejach jagiellońskich // Kwartalnik Historyczny. Vol. 49. Warszawa, 1935. S. 288; *Vásáry I.* The Crimean Khanate and the Great Horde (1440s—1500s): A Fight for Primacy // The Crimean Khanate between East and West (15th—18th Century). Wiesbaden, 2012. P. 15—16; *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт эли: Очерк истории. С. 50.

[10] *Якушечкин А. В.* К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4 (3). С. 580—601.

[11] *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар (статья вторая) // Вестник Европы. Т. 2. Июнь. СПб., 1866. С. 189—190.

[12] *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму. М., 2003. С. 22.

вавший к этому времени г. Кырк, причем укрепленной цитаделью его была крепость „Кырк-йери“»[13].

Важнейшим подтверждением переноса столичного центра из золотоордынского Солхата (Крыма) в Кырк-Йер, ставший столицей независимого «юрта», являются монетные эмиссии. Самая ранняя несомненная монета Хаджи-Гирея, чеканенная в городе Крыме (Солхате), относится к 845 (1441/42) г.[14] В 858 (1454) г. Хаджи-Гирей бьет монету уже в Кырк-Йере[15]. Там же чеканена и монета, видимо, датированная 867 (1462/63) г. Однако к этому же году, скорее всего, относится монета Хаджи-Гирея, битая все еще в Солхате[16]. Таким образом, начиная с 858 (1454) г. и по меньшей мере вплоть до 867 (1462/63) г. хан чеканил монеты параллельно в двух городах: в старой ставке — в Крыме (Солхате) и новой — в Кырк-Йере.

Значение Солхата как старой столицы, очевидно, сохранялось и в следующем 868 (1463/64) г. Именно тогда умер, видимо, отец основателя ханства Гийас ад-Дин. Похоронен он был именно в Солхате[17].

Между тем последующих представителей династии погребали уже у подножья плато, которое ныне носит название Чуфут-Кале, а некоторых, возможно, и на самом плато. Высказывалась точка зрения, что Кырк-Йер был местом первоначального захоронения Хаджи-Гирея[18]. Жильбер Ромм, посетивший крепость в 1786 г., отметил в своих записках, что Айдар (сын Хаджи-Гирея), занявший на короткое время крымский трон в 1456 г., похоронен был именно здесь: «В центре города посреди домов видны остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Гайдар-хана, умершего лет 300 назад». Там же была похоронена и знаменитая Джанике-ханум, умершая в 1437 г., чей мавзолей до сих пор возвышается на плато, причем рядом с ним еще в начале XIX в., безусловно, существовали и другие захоронения[19]. Таким образом, Кырк-Йер почти сразу же превратился в священный родовой некрополь.

Тарханный ярлык Хаджи-Гирея, датированный сафара 857 (март 1453) г., когда ставка хана находилась «во дворце» в Кырк-Йере[20], заставляет нас отодвинуть перенос столицы ханства из Солхата в Кырк-Йер именно на период не позднее весны 1453 г. (как мы помним, в 858 (1454) г. в Кырк-Йере уже бьют монету).

---

[13] *Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н., Акчокралы О. А.* Чуфут-Кале: По материалам раскопок 1928—1929 гг. // Известия Таврического общества археологии, истории и этнографии (ИТОАиЭ). Т. III (60-й). 1929. С. 181.

[14] *Ретовский О. Ф.* К нумизматике Гиреев // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). № 18 (год седьмой). Симферополь, 1893. С. 76—77; *Ürekli M.* Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükseliş (1441—1569). S. 13.

[15] *Ретовский О. Ф.* К нумизматике Гиреев. С. 79 и сл.

[16] Там же. С. 86—88.

[17] *Зайцев И. В.* Образование Крымского ханства // История татар с древнейших времен. Т. 4. С. 130—146.

[18] *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей Кырк-ор Чуфут-кале. Симферополь, 1993. С. 64.

[19] *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале // Акъчокъракълы О. Эсерлер топламы. Акъмесджит, 2006. С. 263—268, 273.

[20] *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940. С. 64—65. Несмотря на то что тарханный ярлык Хаджи-Гирея не является подлинником, а представляет собой, по определению М. А. Усманова, вольную, местами искаженную копию-версию, составленную в Турции на основе нескольких подобных актов и объединяющую индивидуальные качества разных документов в одном образце-шаблоне (*Усманов М. А.* К истории джучидо-османской дипломатической документации // Советское востоковедение: Проблемы и перспективы. М., 1988. С. 129), дата этого шаблона особых сомнений не вызывает (хотя, как заметил еще Акдес Нимет Курат, число месяца в дате не совпадает с днем недели и нуждается в исправлении).

Перенос столицы из Эски-Крыма, скорее всего, был связан с попыткой избежать влияния могущественного клана Ширинов.

С большой долей вероятности можно предположить, что Менгли-Гирей, родившийся около 850 (1446/47) г., был сыном Хаджи-Гирея от аланской княжны, дочери князя Индиаву. О происхождении своей матери Менгли-Гирей сам писал так: «моей матери царицин отец Индиаву князь»[21]. Умерла мать Менгли-Гирея, скорее всего, в 1484 или 1485 г.[22] Таким образом, татарско-аланский союз, скрепленный династическим браком, был оформлен незадолго до рождения Менгли-Гирея в 850 г. х., видимо, в начале 1440-х гг.[23]

Часть города принадлежала Яшлавским беям и, видимо, заселена была мусульманами. Старейший ханский ярлык этому роду датирован 1637 г. и выдан ханом Бахадыр-Гиреем. В нем беи названы «древними владетелями города Керки, ныне именуемого Жидовским городом». Как отмечал В. Д. Смирнов, «таких вещей спроста не вписали бы самые завзятые восточные риторы, писцы ханской канцелярии, в жалованно-подтвердительные грамоты»[24]. Сами Яшлавские, однако, жили не в крепости, а лишь обладали правом сбора налогов с ее населения. Кроме того, значительную часть населения Кырк-Йера в XIV—XV вв. составляли армяне. Ярлыки населению Кырк-Йера Хаджи-Гирея от 864 г. х. (1459) и его сына Нур-Девлета от 872 г. х. (1467), а также договор горожан с Менгли-Гиреем 1478/79 г. ясно свидетельствуют о том, что в городе проживали мусульмане, христиане и иудеи[25].

Видимо, ко времени переезда Хаджи-Гирея в новую резиденцию относится и строительство мавзолея Джанике-ханум, останки которой, скорее всего, перенесли из другой усыпальницы. На Кырк-Йере рядом с существовавшей к тому времени мечетью Хаджи-Гирей основал медресе. В результате раскопок в 20-х гг. XX в. в шести метрах от северо-западного угла мечети был найден осколок каменной плиты с остатками надписи, в которой угадывается имя хана Хаджи-Гирея сына Гийас-ад-Дина[26]. На мысу Бурунчак, видимо, еще первые ханы создали зверинец — своего рода заповедник для облавных охот, принадлежавший лично ханам и содержавшийся за счет средств казны[27]. В центре мыса были вырублены два бассейна для дождевой воды (в 1970-х гг. исследованы археологами), а сам мыс был отгорожен от жилых кварталов стеной[28]. Охотиться в этом зоопарке могли только члены правящего дома. После присоединения полуострова к империи российская администрация еще долго не знала, что делать с оставшимися там оленями.

Долгое время Кырк-Йер служил местом, где находился монетный двор Гиреев

---

[21] Сборник РИО. Т. 41. С. 270.

[22] Там же. С. 47—48, 51.

[23] *Зайцев И. В.* Семья Хаджи-Гирея // Altaica XII: Сборник статей и материалов. М., 2007. С. 64—71.

[24] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. С. 126—127. О легендах, связывающих Чуфут-Кале и Яшлавских, см.: *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV—XIX веков: Пути развития: Рукописи, тексты и источники. М., 2009.

[25] *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале. С. 269; *Vásáry I.* A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qïrq-yer from 1478/79 // Central Asiatic Journal. 1982. Vol. 26 (3—4). P. 289—300.

[26] *Акчокраклы О.* Эпиграфические находки. Симферополь, 1929. № 1. С. 185; *Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н., Акчокралы О. А.* Чуфут-Кале: По материалам раскопок 1928—1929 гг. С. 181. Рис. 15.

[27] *Паллас Петр Симон.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М., 1999. С. 33.

[28] *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей Кырк-ор Чуфут-кале. С. 30.

и хранилась казна династии[29]. Причем там же хранились и военные трофеи ханов. По словам хана Шейх-Ахмеда (ок. 1527), его имущество и казна Большой Орды (которые татары захватили в 1502 г.) содержались в неприкосновенности именно там: «...базар мой в Перекопи в Киркели загнан в твердое местцо, абых его в целости достал, ино я не хочу того престати, абых свое отчызны базару не доставал под царем Перекопским»[30].

Таким образом, Кырк-Йер выглядит как классический центральноазиатский кӯрук — запретное место, заповедник. Учитывая роль Кырк-Йера как классического курука (ханского заповедника/некрополя), можно осторожно предложить еще одну вероятную этимологию названия: корык/кырык-йер — «заповедное, святое место»[31].

С переносом в XVI в. ханской резиденции в Бахчисарай Кырк-Йер потерял свое значение, но остался местом заповедных ханских охот, а долина у подножья Бурунчака стала последним пристанищем первых четырех поколений династии Гиреев[32]. Вскоре город был отдан целиком в качестве держания беям Яшлавским и заселен караимами.

Однако еще и в 1540-е гг. Кырк-Йер считался престольным городом ханства. По крайней мере, панегирист Сахиб-Гирея Нидаи Реммал-ходжа в 950 (1543) г., закончив в Кырк-Йере свою суфийскую поэму «Гендж-и Эсрар-и Мани», в ее колофоне прямо называет этот город крымской столицей (тахтгях)[33].

Правление Хаджи-Гирея на короткий срок прервалось летом 1456 г., когда к власти на полуострове, видимо, пришел Айдар (Хайдар) б. Хаджи-Гирей. Однако удержаться на престоле ему не удалось: после ноября он бежал в Литву, а на трон вернулся его отец[34]. Впрочем, как справедливо замечал А. М. Некрасов, связывать «царский» титул Айдара именно с событиями 1456 г. можно только предположительно[35].

---

[29] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. История. М., 1940. Т. 2. Вып. 61. С. 5, 23. Еще Девлет-Гирей I чеканил там монету (*Муралевич В. С.* К нумизматике Гиреев: заметка о монетах Девлет-Гирея I, Мухаммед-Гирея IV и Адиль-Гирея из Феодосийского археологического музея // Известия Таврического общества археологии, истории и этнографии. Т. II (59-й). Симферополь, 1928. С. 141).

[30] Цит. по: *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт эли: Очерк истории. С. 34; *Трепавлов В. В.* Золотая Орда после распада: Воспоминания о единстве. С. 378. Отголосок столичного статуса Кырк-Йера можно найти и в хронике Матея Стрыйковского (1582), где говорится о том, что Витовт, который, как считал В. Д. Смирнов, имел к возвышению Улуг-Мухаммеда прямое отношение, дал перекопским татарам двух султанов. Одного из них — Мухаммеда — в Кырк-Йер, «на царство Киркельское»; другим же был Девлет-Гирей (*Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. С. 178—179). Правда, воспоминания о столичном статусе Солхата-Крыма еще долго жили в умах и сердцах его уроженцев. Много позже, в 1581 г., в сочинении османского историка Мустафы Али Гелиболулу мы встречаем своего рода нравоучительный плач о разорении и упадке города Крыма, который вложен в уста османского падишаха Мехмеда II и его собеседника, солхатского уроженца, знаменитого Мевляны Сейида Ахмеда б. Абдуллы Кырыми (ум. в 879 (1474/75) г.) (*Tietze A.* Mustafā ʻĀlīʼs Counsel for Sultansof 1581. Wien, 1979. P. 25—26, 101—103).

[31] *Зайцев И. В.* Кырк-Йер/Кыркор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи: К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 494—503.

[32] *Гаврилюк Н. А., Ибрагимова А. М.* Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003—2008 гг.). Киев; Запорожье, 2010.

[33] *Şen F.M.* Nidâî ve Kırım Tarihi Hakkında Yeni Bir Eseri: Nusret-i Gazâ-yi Sâhib Gerây Hân, Hikâyet-i Boğdan // Türkiyat Mecmuası. Cilt 23/Güz. İstanbul, 2013. S. 152.

[34] *Колли Л. П.* Хаджи-Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам): Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV в. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 50 (год двадцать шестой). Симферополь, 1913. С. 132—135.

[35] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 50.

Например, в армянских источниках смещение Хаджи-Гирея в 1456 г. связывается с неким султаном Махмудеком, которого Т. Э. Саргсян отождествляет с золотоордынским ханом Махмудом[36].

Айдар еще был жив в начале 1480-х гг. В русском переводе сохранилось его письмо от марта 1483 г. из Москвы в Крым к жене Бараш-султан, которая жила там вместе с сыном Даниялом. Айдар звал жену и сына к себе. В тексте посольской книги Айдар назван царем, это означает, что он действительно занимал ханский престол (скорее всего, в Крыму) до этого[37]. Иногда в русских документах этот хан писался как «Айдар Газы» (т. е. имел приставку «Гази» — «борец за веру»). Вскоре Айдар скончался. В ноябре 1491 г. в Москву были доставлены письма Менгли-Гирея, в одном из которых он просил Ивана III прислать ему доспех Айдара («Айдаров пансырь»)[38]. Другая жена Айдара, по имени Девлет-султан, принимала участие в воспитании будущих казанских ханов Абдул-Латифа и Мухаммед-Эмина и их сестры Гаухаршад. Девлет-султан, видимо, разделила судьбу мужа и переехала в Московское государство (она пережила супруга, была еще жива в 1498 г. и даже собиралась в хадж). В 1498 г. Нур-султан, жена Менгли-Гирея, писала Ивану III в Москву: «...сам гораздо знаешь, Айдар Газы моего сына кормил, его жена Довлет салтан моим детем сиську давала, и ныне к Мяхке ехати обреклася; жаловавши к нам пришлешь, а мы человека прикошевав к Мяке пошлем, и молитва ее и молба с тобою будет...»[39]

Согласно сведениям «Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллаха б. Ризвана, «Исправления истории царей» Хюсейна Хезарфенна и анонимного сборника В. Д. Смирнова, хан скончался в 880 г. х.[40], т. е. в промежуток времени между 7 мая 1475 г. и 25 апреля 1476 г. Эта дата османских авторов, безусловно, неверна. Ее появление является опиской из 870 г. х. (24 августа 1465 — 12 августа 1466 г.)[41]. Согласно «Ассеб ас-Сейар» и ее редакциям-сокращениям, а также труду Халим-Гирея, Хаджи-Гирей умер в 871 г. х.[42] Однако, как указывал М. Уреклu, этим годом хиджры датирована монета, битая от имени хана[43]. Сведения о смерти Хаджи-Гирея пришли в Кафу в конце августа 1466 г.[44], это значит, что хан умер, ви-

---

[36] Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV—XV вв.) / Сост., рус. пер., введ. и примеч. Т. Э. Саргсян. Симферополь, 2008. С. 45, 251—253. См. также: *Сабитов Ж. М., Якушечкин А. В.* Кто был ханом в Крыму в 1456 году? // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 175—185. Это весьма вероятно. Однако можно сделать и другое предположение. Махмудеком звали сына Улуг-Мухаммеда, который в то время правил в Казани.

[37] Сборник РИО. Т. 41. С. 37.

[38] Там же. С. 124.

[39] Там же. С. 273.

[40] Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Издал с приложениями В. Д. Смирнов. СПб., 1881. С. 12; *Zajączkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qipcaq du XVIIe siècle. Warszawa, 1966. S. 32 (fol. 5v); *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк («Исправление истории царей»). Рукопись МГИМО (У) МИД. № 257. Л. 29.

[41] Несмотря на то, что в ряде текстов (например, у Хезарфенна) эта дата написана не цифрами, а словами.

[42] Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащих историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т. е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832 (араб. шрифт). С. 73; *Halim Giray.* Gülbün-ü Hânân: (Kırım Hanları Tarihi): Değerlendirme-Metin-Tıpkıbasım. S. 31. По С. Шарафутдинову, Хаджи-Гирей на престол вступил в 841/1437—1438 гг., а умер в 871/1466—1467 гг. ([*Шарафутдинов С.*] Шеджере-и Чингизийе. Казань, 1906 (араб. шрифт)).

[43] *Ürekli M.* Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükseliş (1441—1569). S. 13.

[44] *Колли Л. П.* Хаджи-Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам): Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке. С. 137; *Он же.* Падение Каффы // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 54 (год тридцать первый). Симферополь, 1918. С. 129.

димо, незадолго до этого (в середине месяца или ближе к его концу, т. е. после 12 августа, поскольку успели отчеканить монету с датой 871 г. х.). Основателя Крымского государства похоронили в Салачике, рядом с ханской столицей у подножья Кырк-Йера[45]. Дюрбе (мавзолей) Хаджи-Гирея в Салачике, ставший местом последнего упокоения четырех поколений ханов и султанов, сохранился до наших дней[46].

Османские и крымские хроники едины во мнении, что после смерти Хаджи-Гирея на власть претендовали двенадцать его сыновей. Так пишет Мустафа Али-эфенди[47]. В «Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллаха б. Ризвана также указывается, что после смерти Хаджи осталось двенадцать его сыновей, «годных на ханство»[48]. Анонимная «История Крыма» (сборник, опубликованный В. Д. Смирновым) также упоминает двенадцать сыновей, «годных на ханство»[49]. Хюсейн Хезарфенн, близкий текстуально этим источникам, также пишет о двенадцати сыновьях[50]

«Теварих-и гузида — нусрат-наме» свидетельствует о восьми сыновьях Хаджи-Гирея, называя при этом только семерых: Даулат-Йара, Наур-Даулат-хана, Кутлук-хана, Келдиш, Менгли-Кирая, Йамгурчи, Уз-Тимура[51]. В других источниках встречаются имена всех восьмерых: Менгли-Гирей, Айдар[52], Ямгурчи, Нурдевлет[53], Оздемир[54], Девлетъяр, Кутлуг-Заман, Кильдиш (Килдибай).

Особняком стоят данные краткой рукописной заметки по истории Крымского

---

[45] *Halim Giray.* Gülbün-ü Hânân: (KırımHanları Tarihi): Değerlendirme-Metin-Tıpkıbasım. S. 31.

[46] *Боданинский У.* «Дурбе» — мавзолеи в Крыму (из истории искусства крымских татар) // Известия Таврического общества археологии, истории и этнографии. Т. 1 (58-й). Симферополь, 1927. С. 198—199; *Гаврилюк Н. А., Ибрагимова А. М.* Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003—2008 гг.).

[47] Рукопись Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. MS 454. Л. 87 об.

[48] *Zajączkowski A.* La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qipcaq du XVIIe siècle. S. 32 (fol. 5v); *Зайончковский А.* «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 2. М., 1969. С. 17.

[49] Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Издал с приложениями В. Д. Смирнов. СПб., 1881. С. 12.

[50] *Хюсейн Хезарфенн.* Тенких-и теварих-и мулюк («Исправление истории царей»). Рукопись МГИМО (У) МИД. № 257. Л. 29.

[51] Материалы по истории казахских царств XV—XVIII вв.: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969. С. 40.

[52] Правил, по Шарафутдинову, в 873/1468—1469 гг. ([*Шарафутдинов С.*] Шеджере-и Чингизийе. Казан, 1906 (араб. шрифт).).

[53] Правил, по Шарафутдинову, с 871/1466—1467 по 873/1468—1469 г. В 1478 г. Нурдевлет с братом Айдаром прибыл в Литву (*Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV—XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования: 1987. М., 1989. С. 108). Осенью 1479 г. вместе с братом Айдаром и собственным сыном Бир-Девлетом выехал в Москву из Литвы. Литовский посол в Крыму должен был в 1479 г. говорить хану от имени польского короля и великого князя Литовского: «А Нурдывлат а Ойдар пришли до его милости земли и его милости Господарь наш им хлеба и соли не боронил, и как добровольно пришли, так добровольно и отошли и тепере живут где им любо» (Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 25). Вскоре Нурдевлет был помещен на Мещере (Касимов) (*Беляков А. В.* Чингисиды в России в XV—XVII веков: Просопографическое исследование. С. 57). Весной 1480 г. Айдар был сослан в Вологду.

[54] И Оздемир, и его племянник Девлеш покинули Крым и женились в Литве еще в начале 1490-х гг. Там им было дано от короля, по словам Посольской книги, «поместие» (Сборник РИО. Т. 41. С. 151, 167; *Думин С. В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV—XVI вв.). С. 108).

ханства, опубликованной Н. С. Сейтягьяевым по рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (№ 3780). В ней указано, что у Хаджи-Гирея было восемь сыновей, причем из восьми упомянутых пятеро названы ханами (Нурдевлет, Айдар, Менгли и, как ни странно, Ягмурчи и Озтимур), а трое (Девлетъяр, Кельдиш и «Токълукъ Заман», т. е., видимо, Кутлуг-Заман) этой приставки в имени не имеют[55].

Очевидно, что Менгли-Гирей не был старшим из сыновей Хаджи-Гирея. Так, в источниках он называет Нурдевлета «большим», т. е. старшим, братом[56]. Менгли-Гирей был вроде бы шестым сыном Хаджи[57]. В год смерти (921 г. х.) Менгли-Гирею был 71 год от роду[58]. Значит, родился он в 850 г. х. (29 марта 1446 — 18 марта 1447 г.). Как писал А. М. Некрасов, Менгли, вероятно, был четвертым сыном Хаджи-Гирея. Он мог им оказаться, если двое из пяти старших сыновей умерли при жизни отца. Тогда и получение Менгли отцовского родового прозвища Гирей могло быть связано с древней монгольской традицией наследования «коренного юрта» четвертым сыном и получением им в этой связи наименования «эджен»[59].

Девлетъяр (отец уехавшего в Литву Девлеша) и Кутлуг-Заман, скорее всего, умерли еще при жизни отца[60]. Кильдиш упоминается еще в 1470-х гг. в генуэзских документах в связи с Кафой[61]. Кильдиш (Кильдибай)[62], или Йани Киди-хан (так его называет Марджани, считая при этом двоюродным братом Менгли, как, впрочем, и Нурдевлета)[63], возможно, на короткий срок занял крымский трон в 878 (1473/74) г.[64] Возможно, как свидетельствует хроника Давида Лехно, Кильдиша действительно убили мансуры[65], т. е. крымские ногаи. В так называемой Краткой истории различаются Бай-Гельди (т. е. Кельдиш-Кельдибай) и Бай-Девлет (Девлет-яр?). Бай-Девлета вместе с его сыновьями убивает при вступлении на престол Нурдевлет, однако его, в свою очередь, убивает другой брат — Бай-Гельди, который ханствовал всего пятнадцать дней и вскоре бежал, при этом все его привержен-

---

[55] *Сейтягьяев Н. С.* В. Вернадский адына миллий ильмий китапханенинъ эльязма болюгинде булунгъан къырымтатар ве тюрк тарихлары, тиллери ве эдебиятлары боюнджа мальземелер // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Т. 1. Симферополь, 2011. С. 344.

[56] Сборник РИО. Т. 41. С. 278.

[57] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 330.

[58] Эту цифру дают списки анонимной истории крымских ханов: Институт восточных рукописей (ИВР РАН). Рук. С 861. Л. 5; Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Киев). Ф. V (Одесское общество истории и древностей). № 3804. Л. 3 об. См. также французский перевод по списку BNF (Supplément Turc 515. Французский список, привезенный из Крыма в 1819 г. А. Жобером) (Précis de l'Histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'a l'an 1198 de l'hégire / trad. du turc par M.M. Kazimirski, revu par Am. Jaubert // Nouveau Journal Asiatique. T. XII. Paris, 1833. P. 359).

[59] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 50—51.

[60] *Колли Л. П.* Падение Каффы. С. 130; *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 50.

[61] *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. 1. С. 103.

[62] Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащих историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т. е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. С. 74.

[63] Очерки Марджани о восточных народах / Вступ. ст., коммент., пер. с араб., старотат. яз. и примеч. А. Н. Юзеева. Казань, 2003. С. 125.

[64] [*Шарафутдинов С.*] Шеджере-и Чингизийе.

[65] *Гаркави А. Я.* Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 2—3.

цы были истреблены, а ставка на Днепре захвачена[66].

Согласно А. П. Григорьеву, хронология правлений крымских ханов в 50—70-х гг. XV в. выглядит так. Разгромивший Ахмета в 1465 г. Хаджи-Гирей скончался в 1466 г. Ему наследовал Менгли-Гирей, однако престол у него отобрал его брат Нурдевлет, который и правил между 1466 и 1468 гг. Точнее время его правления позволяют определить монеты. От Нурдевлета сохранилось серебряное акче, битое в городе Крыме в 871 (1466/67) г.[67] В сентябре 1467 г. он шертовал польскому королю Казимиру[68].

Нурдевлета сверг Менгли-Гирей, царствовавший до весны 1475 г., когда он снова уступил трон Нурдевлету и Айдару. Сам же Менгли-Гирей в самом конце 1475 или начале 1476 г. был вывезен в Турцию, где проживал до конца 1478 г. Нурдевлет и Айдар остались на полуострове соправителями. К июню 1476 г. в ханстве вспыхнула гражданская война. Одну из противоборствующих сторон поддерживал и номинально возглавлял Чингисид Джанибек. Эта группировка в конце июня 1476 г. осадила в крепости Крым (Солхат) главу рода Ширин Эминека и его сторонников, но взять город штурмом не удалось. Нурдевлет и Айдар вынуждены были бежать, и осенью 1476 г. власть в Крыму перешла в руки Джанибека[69]. Краткий период его правления фактически означал объединение Крымского ханства и Большой Орды в единый политический организм[70].

Кто был Джанибек, который на короткое время овладел Крымом в середине 70-х гг. XV в.? У нас нет однозначного ответа на этот вопрос. Вероятнее всего, он был сыном Махмуда б. Кучук-Мухаммеда и впоследствии (с 1514 г.) занимал астраханский престол. «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» называет одного хана по имени Джанибек из потомков Тимур-Кутлука. Последний, по этой версии, имел четырех сыновей: Пулада, Тимура, Насира и Йадгара. Сыном Тимура был Мухаммед-хан (т. е. хорошо известный Кучук-Мухаммед), также имевший четырех сыновей: Касим-хана, Боз-Торгая, Абд ал-Карима и Кельдибека. Его сыновья — Ак-Бобай, Меде-Мамадж, Ак-Будал и Музаффар. Сыном Музаффара и был хан Джанибек[71]. Но, во-первых, из этого текста неясно, чьим сыном был Музаффар (Кельдибека?); во-вторых, генеалогия потомков Кучук-Мухаммед-хана, скорее всего, сильно спутана.

В 1478 г. на какое-то время власть в ханстве снова захватил Нурдевлет. Именно в этом году в Польшу к Казимиру в сопрово-

---

[66] *Негри А. Ф.* Извлечение из Турецкой рукописи Общества, содержащей историю Крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 382; Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Киев). Ф. V (Одесское общество истории и древностей). № 3805. Л. 27 об.

[67] URL: http://www.zeno.ru/search.php?searchid=214492. Эта монета встречается в кладах далеко за пределами Крыма. В кладе 1930 г. из Московского Кремля (возможно, он связан с торговлей купцов-сурожан в Москве в правление Ивана III) имелись монеты Хаджи-Гирея, битые в Кырк-Йере в 858 г. х. (1 января — 21 декабря 1454 г.), в Крыму в 867 г. х. (26 сентября 1462 г. — 14 сентября 1463 г.), а также монеты Нурдевлета (Крым, 871 г. х. — 13 августа 1466 г. — 1 августа 1467 г.) (*Зверев С. В.* Клад золотоордынских и крымских монет XIII—XV вв. из Московского Кремля // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931—2000): Тезисы докладов. М., 2006. С. 208).

[68] *Kołodziejchyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century). P. 536—537.

[69] *Григорьев А. П.* Время написания ярлыка Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. М., 1987. С. 77—78.

[70] *Трепавлов В. В.* Большая Орда — Тахт эли: Очерк истории. С. 69.

[71] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: Извлечения из персидских и тюркских сочинений / Сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969. С. 40.

ждении османского дипломата прибывает его посол[72]. Однако уже в следующем году на троне сидел Менгли-Гирей. В списке шерт-наме между мусульманской, караимской и армянской общинами Кырк-Йера и Менгли-Гиреем, который был составлен между январем и концом марта 1479 г., было оговорено условие, по которому жители Кырк-Йера обязывались не давать убежища («впускать в крепость») сыновьям Хаджи-Гирея или Сейд-Ахмеда. И. Вашари в первом видел Нурдевлета, а во втором — Джанибека[73]. Хотя под сыном Хаджи-Гирея мог подразумеваться любой из живых на то время сыновей хана, кроме самого Менгли-Гирея.

Османское завоевание южного берега Крыма определило всю последующую жизнь региона, оказав огромное влияние на дальнейшую судьбу ханства. Планы османов по покорению северных берегов Черного моря сформировались еще к середине XV в. С 1475 г. Крымское ханство оказалось по отношению к Османской империи в сложном положении, которое нельзя однозначно трактовать ни как полный вассалитет, ни как полную независимость.

Это положение было зафиксировано каким-то соглашением (рода шерти). Впрочем, со времен В. Д. Смирнова отечественные историки в существовании такого договора сомневаются[74]. Датировать заключение этого соглашения трудно. Возможно, что в своей первоначальной форме оно было заверено новым крымским ханом Менгли-Гиреем и завоевателем Кафы Ахмед Гедик-пашой (от лица Мехмеда II). Текст этого соглашения дошел до нас в форме, кажется, довольно близкой к первоначальной[75]. Вполне вероятно, что позже, после выработки дополнительных условий, могла быть подписана еще одна его версия.

В труде Мехмед-Гирея об этих событиях было сказано так: «После того как его (Менгли-Гирея. — *И. З.*) облекли в пышные царские одежды, они заключили между собою договор. Султан сказал: „Не станем мы, в противность чистому закону, при всяком удобном случае воевать друг с другом и наносить друг другу вред, а будем во всех делах оказывать взаимную помощь и, ведя брань с врагами веры, сквернообычными гяурами, будем мстить им. Впредь пусть род твой присягает мне, и на хутбе сперва пусть поминается мое имя, а потом имя того, кто будет ханом. Эти условия не должны выходить из рамок письменных договоров и должны быть соблюдаемы с обеих сторон“ Хан тоже согласился на это и, удостоившись чести поцеловать руку (султана), получил знамя, барабан и литавры, и таким образом Бенглы-Герай-султан был назначен ханом в область Крымскую. Договоры обеих сторон были написаны, и он (Менглы-Герай) благополучно и с почестями отправился в пределы Крыма»[76]. Сообщение Мехмед-Гирея ясно дает понять, что договор был подписан в Стамбуле. Наиболее подходящее время для этого — 1478 г., когда Менгли-Гирея утверждали на престол. Неспроста некоторые османские авторы (например, Мустафа Али Гелиболулу в «Кюнх ал-ахбар») датируют «спасение крымской династии» и установление османского суверенитета над

---

[72] *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004. С. 93.

[73] *Vásáry I.* A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qïrq-yer from 1478/79. P. 294, 298—299; *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 93.

[74] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 53.

[75] *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV—XIX веков: Пути развития: Рукописи, тексты и источники. С. 142—157.

[76] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. С. 239.

ханами 1478 г.[77], т. е. временем окончательного утверждения Менгли-Гирея на троне[78].

Политическая практика свидетельствовала в пользу подчиненности ханов Крыма османским падишахам, тогда как с точки зрения исламской теории государственной власти крымские ханы оставались независимыми и суверенными монархами[79] и довольно часто действовали если не вопреки инструкциям из Стамбула, то, по крайней мере, часто игнорировали их[80]. Так, по мнению французских исследователей А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, «вопреки свидетельствам некоторых иностранных наблюдателей, „узы вассальной зависимости" между ханом и падишахом не были, по-видимому, определены формальным соглашением. В XV и XVI вв. ханы сохраняли полную власть в области внутреннего гражданского и военного управления их княжеством. Они только признали османского падишаха верховным сюзереном, что давало ему право, впрочем, весьма формальное, потребовать от них присоединиться во главе татарских армий к великой армии империи. В XV и начале XVI в. ханы еще могли позволить себе категорически отказаться от приглашений Блистательной Порты»[81]. Так, в начале 1476 г. хан Нурдевлет, приглашенный Мехмедом II присоединиться к османским войскам в Молдавии, отклонил его под предлогом нападения на Крым хана Большой Орды Ахмеда. Он вел себя, таким образом, не как его вассал, а скорее как непостоянный союзник, более озабоченный своими собственными интересами, чем интересами Османской империи. В 1521 г. Мухаммед-Гирей, сын Менгли-Гирея, также ответил лишь слегка вежливым отказом на приглашение Сулеймана Великолепного присоединиться к османской армии в Венгрии[82]. Эта самостоятельная политическая линия ханства приводит нас к теме сущности отношений османских падишахов и крымских ханов. По рангу крымский хан был приравнен к румелийским бейлербеям и ежегодно получал от султана содержание (сальяне), выделявшееся из доходов кафинской таможни и равнявшееся в XVI в. примерно 1,5 млн акче[83]. По случаю восшествия на престол каждый хан получал от османского двора так называемые тешрифатакчеси, единовременную выплату, которая в XVII в. также могла достигать почти 1 млн акче[84]. Кроме того, хан получал из Стамбула еще и так называемые секбан ак-

[77] *Schmidt J.* Pure Water for Thirsty Muslims: A Study of Mustafā ʻĀlī of Gallipoli's Künhü l-Ahbār. Leiden, 1991. P. 149.

[78] *Иналджик Х.* Крым под властью осман и спор о заключении соглашения: По материалам новых документов // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1—2. С. 118—119.

[79] *Зайцев И. В.* Крымское ханство: Вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910—1973). М., 2010. С. 288—296; *Zaytsev I.* The Crimean Khanate between Empires: Independence or Submission // Empires and Peninsulas: Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople: 1699—1829 / Eds. P. Mitev, M. Baramova, V. Racheva. Münster, 2010. P. 25—27. См. также: *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 53—55.

[80] *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 53.

[81] *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Le Khanat de Crimée au Début du XVI siecle: De la Tradition Mongole a la Suzeraineté Ottomane d'aprés un document inédit des Archives ottomanes // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13 (3). Janvier—mars.

[82] Ibid.; Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapi. P., 1978. P. 95—97 (E. 1301). Примеры такого самостоятельного поведения крымских ханов см.: *Некрасов А. М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV—XVI веках. С. 53—54.

[83] Эта сумма неуклонно росла и в XVII—XVIII вв. достигала размеров от 2,5 до 9,5 млн акче (*Fisher A.* Crimean Separatism in the Ottoman Empire // Nationalism in a Non-National State: The Dissolution of the Ottoman Empire / Eds. W. W. Haddad, W. Ochsenwald. Ohio, 1977. P. 62).

[84] Ibid.

чеси, сумму, выплачиваемую на финансирование корпуса секбанов — личной гвардии, стражи хана, которых также присылали из Стамбула (первым, кто получил эти деньги, был Сахиб-Гирей[85]). Наконец, при каждом приглашении участвовать в походах османской армии крымским ханам посылалась значительная сумма, которая называлась «тиркеш бехасы» («колчанные»)[86] — деньги на ведение военных кампаний совместно с османской армией (в Молдавии, Иране, Венгрии). Инвеститура хана султаном включала непременный высочайший прием, после чего хан жаловался специальными знаками-дарами — знаменем (санджак), саблей[87], мехом соболя, барабаном, а также особым головным убором с так называемым соргучем (кисточка-султан, эгретка), украшенным драгоценными камнями. Нередко ханам даровали также кафтан с султанского плеча[88]. Принятие пера и сабли традиционно трактуется как знак вассалитета[89]. Между тем крымский хан имел все атрибуты независимости, принятые в средневековом исламском государственном устройстве: право хутбы (упоминания в пятничной проповеди) и право чеканки монеты с собственным именем (сикке).

Хан Менгли-Гирей умер «в великую субботу», т. е. перед Пасхой (8 апреля 1515 г.)[90]. Как справедливо пишет А. В. Виноградов, 36-летнее правление Менгли-Гирея можно охарактеризовать как период создания Крымского государства в том виде, в котором оно просуществовало на протяжении всего XVI в. Именно в годы его правления были заложены основы крымской политики, осуществлявшейся на протяжении большей части этого века[91]. На крымском престоле утвердился его сын Мухаммед-Гирей. Смерть Менгли-Гирея нарушила сложившиеся мирные отношения Московского государства с Крымом. Хан отныне был озабочен собиранием земель Улуса Джучи.

Для Крыма главным вопросом в решении этой задачи оставалась борьба с Астраханью, «и интересами ее определялось отношение Крыма к Литве и Москве»[92]. Уже летом 1515 г. (вероятно, в июне—июле) Мухаммед-Гирей организовал большой поход на ногаев и Астрахань. В письме от 3 августа он писал Василию III: «...сего году на своего недруга на Асторохань были есмя пошли <...> да сами есмя до Дону были дошли, и встретили нас люди кони гонят, и те нам сказали, что деи послышав про нас весть, астороханской царь да Шыгим мурза на ту сторону Волги перелезли. И мы с уланы и со князьми подумали, и уланы и князи

---

[85] *Kellner-Heinkele B.* Ṣāḥib Girāy Khān I // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Vol. VIII. 1995. P. 832.

[86] Иногда сумма, выплачиваемая Портой крымским ханам за участие в совместных военных действиях, в источниках называется «чизме беха» или «чизме бехасы» («сапожные деньги», «на сапоги»), т. е. средства на расходы.

[87] Этим знакам власти целый раздел своей «Истории» посвятил Джевдет-паша. См.: Тарих-и Джевдет. Т. 1. Стамбул, 1309 (1891/92). С. 30—33.

[88] *Зайцев И.* Крымские ханы: Портреты и сюжеты // Восточная коллекция. Весна 2003. С. 87—88.

[89] Присылка султаном хану сабли и кафтана осуществлялась и в случае приказа выступить в военный поход. См.: *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 55.

[90] Это установил А. Ф. Малиновский (*Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 198). Во всяком случае, это произошло не в январе 1515 г., как писал А. В. Виноградов (*Виноградов А. В.* Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 60).

[91] *Виноградов А. В.* Крымские ханы в XVI веке. С. 60.

[92] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. История. М., 1940. Вып. 61. Т. 2. С. 50, 70.

говорили: ныне они хотя и полезли за Волгу, а на зиме на сей стороне будут, а у нас тогды кони тучны будут, а сами мы опочинем»[93]. Мухаммед-Гирей решил отложить поход до конца осени. Уже 30 августа в Москве получили новые письма из Крыма. Посол хана сообщал, что в результате похода ногаи ушли на другую сторону Волги (левую), но в доставленном тогда же письме приближенного Мухаммед-Гирея Аппака сообщалось, что ногайский «Шыгим мурза на ту сторону Волги перелезли»[94].

Москва продолжала изворотливо избегать заключения союза с Крымом против Астрахани и старалась связать астраханские интересы Крыма с собственными — литовскими. Главной задачей было ни в коем случае не связывать себя обязательствами войны с Астраханью и пытаться сначала обратить Крым на Литву. В наказе послу И. Г. Мамонову (покинул Москву 15 ноября 1515 г.) строжайше запрещалось вписывать Астрахань в качестве общего врага в шерть.

В Москву 5 декабря 1515 г. прибыли гонцы из Кафы с грамотой азовского «диздера» (коменданта), в которой он сообщал, что «Магмед-Кирей царь на Ногаи ходил; близко был Азова; до Миюша[95] доходил и Ногаи за Волгу пошли и он ся воротил»[96]. В феврале 1516 г. в Москве получили грамоту Аппака, написанную в январе, где снова говорилось о намерении хана идти с войском на Астрахань: «А царево слово то: на Асторохань хочет итти...»[97].

Отказ Москвы от похода на Астрахань был причиной охлаждения отношений Крыма и Москвы в 1517 г. Мухаммед-Гирей после смерти в Крыму И. Г. Мамонова говорил Д. Иванову: «А сего лета добре докучали хастороканцы, яз их незамал, а они меня зазамали <...> нынеча от меня побежал Ал-Чагир мурза с братьею и с детми; почув то, был у меня сего лета тайно от Шыгим-мурзы человек, с тем чтоб яз к нему прислал хоти одново своего сына[98], и он мне ялся Азторокань взяти. И Ал-Чагир, почюв того Шыгимова человека, да от меня побежал, того не ведаю, чего заблюлся, а у меня здумано взять мне Азторокань с братом своим с великим князем обема нам Хасторокань надобе»[99].

В июне 1517 г. в Москву была доставлена грамота Мухаммед-Гирея, написанная 10 мая (923 г. х.). В ней хан вновь предлагал Василию III совершить совместный поход к низовьям Волги и между прочим сообщал: «А в преидущий год и с братом своим и с сыном со многою своею ратью и с пушками и с пищалми на Асторохань пошел есми...»[100]. Следовательно, хан совершил поход на Хаджи-Тархан в 922 г. х. (5 февраля 1516 — 23 января 1517 г.). Это означает, что планировавшаяся экспедиция на город, о которой в январе 1516 г. писал в Москву Аппак, а весной — с его слов И. Г. Мамонов, все-таки состоялась.

В сентябре 1517 г. Мухаммед-Гирей писал в Москву, что казанцы присылали в Крым делегацию для разрешения вопроса престолонаследия в Казани: тяжело больной Мухаммед-Амин не имел ни сыновей, ни братьев. «...И ты б знал, — писали казанцы крымскому хану, — а мы в Асторокань пошлем, да одново царевича возмем, да царем его учиним, а опричь того у нас

[93] Сборник РИО. Т. 95. 1895. С. 150.
[94] Там же. С. 150.
[95] Совр. река Миус.
[96] Сборник РИО. Т. 95. С. 230.
[97] Там же. С. 243.
[98] В помощь или, что менее вероятно, в качестве заложника.
[99] Сборник РИО. Т. 95. С. 377—378.
[100] Там же. С. 444.

надежи нет»[101]. Возможно, план казанцев взять царя в Астрахани был своего рода провокацией против Мухаммед-Гирея, с тем чтобы ускорить его решение и прислать крымского царевича. Во всяком случае, идея пригласить в Казань астраханца не могла не задеть крымского хана. Не случайно Мухаммед-Гирей хотел привлечь к походу против Астрахани и Казань. Таким образом, Мухаммед-Гирей разработал план широкой коалиции (Крым — Москва — Казань) против Астрахани, причем этот план предусматривал и обсуждение «послевоенного» статуса Хаджи-Тархана. Хан говорил Д. Иванову, что после взятия города в нем «великого же князя людем сидети тысячи три или четыре с пушками и с пищалми, и рыба и соль что надобное, то брату моему великому князю, а моя толко бы слава была»[102]. Вряд ли эти обещания впоследствии были бы осуществлены — Мухаммед-Гирей прекрасно понимал стратегическое и торговое значение города и никогда бы не согласился потерять его.

В 1518 г. Мухаммед-Гирей и его сын царевич «Багатырь» вновь дают шерть Москве на условиях помощи Василия III Крыму против Астрахани, а также передачи хану трех украинных городов и ежегодных поминок[103].

В это время астраханско-крымские и астраханско-ногайские отношения начинают испытывать на себе влияние экспансии казахов в юго-восточное Поволжье. Ногайско-казахский конфликт поначалу развивался для казахов успешно. В 1519 г. ногайские мирзы под натиском хана Касима были вытеснены из Западного Казахстана, вынуждены оставить междуречье Волги и Яика и уйти на правый берег Волги[104]. До этого в промежутке между 1509 и 1515 гг. крымские татары трижды совершали крупные походы на ногайские улусы, заставив ногаев уйти на левый берег Волги. Это не могло не сказаться на крымско-ногайских и крымско-астраханских отношениях.

По свидетельству Владимирского летописца, в 7028 (1520) г. в Москву приходили послы Мухаммед-Гирея, который «просил у великого князя Василья Ивановича силы в помочь, ходил на Астрахань. И князь великий дал ему в помочь 7 городов силы судовой»[105].

Поход Мухаммед-Гирея на Москву летом 1521 г., который он начал «советом посла своего беззаконного Апака-мурзы»[106], означал окончательный поворот крымской политики в сторону большего сближения с Литвой. Военные действия хана закончились в августе. Между тем военные конфликты Крыма и Астрахани не прекращались — астраханцы воспользовались незащищенностью полуострова. Летом 1521 г. им хватило всего лишь пятисот восьмидесяти человек, чтобы в отсутствие основных военных сил Мухаммед-Гирея, занятого походом на Русь, произвести на полуострове погром. Был угнан крымский скот и захвачено множество пленных. Спасаясь от нашествия, татары бежали в Кафу. По возвращении из похода на Русь Мухаммед-Гирей решил отомстить Астрахани за причиненный ущерб.

---

[101] Сборник РИО. Т. 95. С. 388.

[102] Там же. С. 377.

[103] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 54; *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. М.; Л., 1948. Т. 27. С. 28—29.

[104] *Исин А. И.* Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI века // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 43—44.

[105] ПСРЛ. Т. 29. С. 145.

[106] Недавнего сторонника Москвы, сменившего ориентацию на пролитовскую (*Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 52).

Тем временем в апреле 1521 г. в Казани произошел переворот, и на престоле вместо русского ставленника Шах-Али оказался брат Мухаммед-Гирея — Сахиб[107]. Мухаммед-Гирей уведомил султана специальным письмом о посольстве из Казани в Крым с просьбой прислать нового хана, отъезде Сахиб-Гирея в Казань и занятии им престола в 1521 г. Это письмо содержит ряд выпадов против великого князя и его политики по отношению к Казани. Хан сообщал султану и о политике Астрахани по отношению к Крыму. «На земле, которая была населена племенем ногаев, и которую мы недавно завоевали, обосновались разбойники, называемые казахами, под предводительством своего хана. Они пришли как изгнанники и расположились там и смотрят на нас с алчностью. Если мы предпримем войну против короля Польши, они объединятся с ханом Хаджи-Тархана, который также наш старый враг, и разрушат нашу страну»[108].

Видимо, такое же уведомительное письмо Мухаммед-Гирей посылал и в Астрахань хану Джанибеку. Об этом мы узнаем из донесения некоего Зани Васильева Зудова, пробывшего, по его собственным словам, в плену в Астрахани четыре месяца. В Москву 10 мая 1521 г. прибыло его письмо, в котором Зудов писал: «...ино при мне, государь, приходил посол ис Крыма к Азстороканскому царю. А молыл так Зянибеку царю: меж собою есмя брат[ь]я, что был есми в дружбе с Московским, и он передо мною изменил: Казан[ь] была юрт наш, и ныне он посадил салтана из своей руки, а Казанскаа земля не хотели того, опроч[ь] одного сеитя, да прислали ко мне человека просити у меня салтана, и яз им салтана и отпустил на Казан[ь], а сам иду на Московского со всею своею силою. А хочеш[ь] со мною дружбы и братство держати, и ты б сам пошел на Московского или салтанов послал. И азстороканской, и князи, и земские люди с тобою не хотят, государь, недружбы, все, государь, хотят с тобою дружбы»[109]. И. И. Смирнов оценивал это сообщение как свидетельство крутого поворота, произошедшего в 1519—1520 гг. в отношениях Крыма с Астраханью, который заключался в «переходе от резко враждебных отношений и многолетней борьбы за захват Астрахани к попытке втянуть Астрахань во враждебный Русскому государству блок и использовать ее для борьбы против Русского государства. <...> Эта попытка союза между Крымом и Астраханью, однако, не увенчалась успехом и не отразилась ни на отношениях между Астраханью и Русским государством, ни на крымско-астраханских отношениях»[110].

Крымский хан явно хотел собрать разрозненные части Улуса Джучи (Крым, Казань, Астрахань, ногаев) в руках одной династии. Османы вряд ли могли поощрять территориальные притязания Мухаммед-Гирея, который вел достаточно независимую от Стамбула политику, склоняясь к чингисидским традициям своеволия с одной стороны, а с другой — симпатизируя заклятым врагам турок кызылбашам. В 1523 г. Мухаммед-Гирей захватывает Астрахань, однако ногайские мирзы на пиру после победы убивают его и его сына, а также калгу Бахадыр-Гирея. Инициаторами расправы над Мухаммед-Гиреем и его калгой были хаджитарханские мангыты — один из илей ногаев, представители которого жили в Астрахани. «Интеграционный проект» хана рухнул.

Уцелевшие сыновья Мухаммед-Гирея — Гази-Гирей и Бибей, преследуемые ногаями, бежали назад к Перекопу. В ра-

[107] *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III. С. 38.

[108] *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les khanats de Kazan et de Crimee face a la Moscovie en 1521 // Cahiers monde russe et soviétique. 1971. Vol. 12 (4). P. 489.

[109] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 141—141 об.; Сборник РИО. Т. 95. С. 678—679.

[110] *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III. С. 36.

зыгравшейся на подступах к нему битве они потерпели поражение от ногаев. Ногаи осадили Солхат и Кырк-Йер, а полуостров подвергся разорению, почти месяц ногаи угоняли людей и скот.

Астраханская катастрофа 1523 г. и смерть хана на некоторое время погасили амбиции Крыма в отношении ногаев и Астрахани. Внутренние неурядицы и борьба за власть на полуострове мешали проводить активную политику. Крым на время перешел к обороне.

В начале августа 1523 г. Саадет-Гирей, назначенный преемником Мухаммед-Гирея, прибыл из Стамбула в Кафу. Его сопровождало около двухсот янычар. Сначала новый хан решил устранить своего племянника «Казы» (Гази)-Гирея, после смерти Мухаммед-Гирея провозгласившего себя ханом (он был задушен), и царевича Бибея, ставшего при Гази калгой (был посажен в тюрьму, а потом отослан в Стамбул). Расправившись с соперниками, Саадет через десять дней приехал в Перекоп.

При нем турецкое влияние в ханстве сильно возросло. «А тому нашему царю счастливой хандикер (худаведигяр — титул османского падишаха. — *И. З.*) как бы родной отец. Там у него жил и взросл, и что тамо видел, которой у турского обычай, и у него тот же обычай», — писал один из крымских вельмож Девлет Бахты[111]. Однако никакого поворота во внешней политике Турции по отношению к Московскому великому княжеству не произошло. Более того, Саадету был, видимо, дан наказ поддерживать дружбу с Москвой. Он сам пытался помирить Москву с Казанью. Имела место и попытка реставрации союза Московского государства и Крыма по образцу договора Ивана III с Менгли-Гиреем. Основой этого соглашения должны были стать два условия: московский займ Крыму в размере 60 тыс. алтын и осуществление общей враждебной политики по отношению к Польско-Литовскому государству[112].

Едва вступив на престол, Саадет-Гирей написал великому московскому князю письмо, в котором делился с Василием планами похода на ногаев: «И яз ныне и землю свою и рат[ь] свою в руки взял, на своего недруга на нагаев борзо хочю идти»[113]. Саадет-Гирей вновь, как до этого Менгли-Гирей и Мухаммед-Гирей, пытался заручиться поддержкой Москвы в войне с Астраханью и ногаями.

В начале октября 1524 г. Саадет-Гирей задумал устранить Ислам-Гирея. Предупрежденный о замысле хана, Ислам бежал на «поле». В этой распре крымские «уланы, мырзы и князья» отступились от Саадета и встали на сторону Ислама: вскоре его объявили ханом в городе Крыме (уже из этого факта становится очевидным, что его поддерживали Ширины), а Саадет-Гирей оказался в Перекопе в осаде. Вместе с ним осаждены были турки (вероятно, чиновники окружения Саадета, прибывшие с ним из Стамбула), а также янычары. Однако ситуация в корне изменилась после того, как в игру вступил Сахиб-Гирей. Обманув Ислам-Гирея, Сахиб-Гирей поддержал Саадет-Гирея, который учредиил его калгой. Ислам-Гирей вновь был вынужден бежать «на поле»[114]. Зиму Ислам-Гирей провел с несколькими крымскими князьями-ширинами в Тюмени[115].

В условиях внутренней нестабильности, ногайской опасности и угрозы со стороны Ислам-Гирея Саадет-Гирей решает заключить союз с ногаями. В Ногайскую Орду отправился крымский посол Кулдай

[111] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 60 об.
[112] Там же. Л. 11 об.
[113] Там же. Л. 8 об.
[114] Там же. Л. 80 об.—82.
[115] Там же. Л. 132, 135. Ислам был женат на дочери ширинского князя Мемеша (Там же. Л. 164 об.).

Шукур. Целью посольства было сватовство хана к дочери мирзы Кошума[116]. Ситуация в Крыму вызывала резкую обеспокоенность в Стамбуле. По информации М. В. Мясного, московского посла в Крыму, «приходил <...> посол Чеуш[117] от турецкого Кундукеря мирити царя с Ысламом, да не помирил. Меж собя не веритца и не виделися. А на то <...> посол Ислама привел: куда цар[ь] пошлет, и Исламу слушат[ь]»[118]. Помирить Ислама с Саадетом не удалось: в марте 1528 г. вернувшийся из Крыма М. В. Мясной сообщил, что Саадет-Гирей разбил Ширинов, которые поддерживали Ислама. Сам Ислам в очередной раз был вынужден бежать из Перекопа, с ним удалось уйти лишь двадцати соратникам[119]. Однако и положение Саадет-Гирея оставалось крайне неустойчивым. Он не доверял крымскому окружению и боялся его: «И ты б татаром не верил их правде, — писал он Василию Ивановичу, — Татарове Бога ся не блюдут, и правды в них нет, на правде не стоят. Коли бы ся они Бога блюли да на правде стояли, яз сам Божиею милостию на царстве стал, и ты то гораздо слышели, что они на меня трижды и четыржи войско подымали»[120]. В результате ожесточенной борьбы Саадет-Гирею удалось обескровить брата и выдавить его в Очаков. Ислама сопровождал Евстафий Дашкович. Об этом Саадет писал в письме в Москву в 1529 г.[121] В конце концов, как писал Саадет, Ислам «повинился», и «мы ему Днепрьской свой город дали, а он нам и сыном и холопом ся учинил»[122]. В 1529 г. Ислам находился в Очакове, что подтверждают польские источники. В конечном счете Исламу удалось захватить власть в Крыму, это произошло в 1532 г., однако вскоре Ислам уступил престол Сахиб-Гирею, а сам стал калгою при хане[123].

Впрочем, противостояние Сахиб-Гирея и Ислам-Гирея закончилось только со смертью последнего в 1537 г. (Ислам-Гирей был убит мангытом Бакы). Борьба двух членов царствующей фамилии была для ханства столь опасной, что представители крымской знати даже направляли в конце 1533 или начале 1534 г. в Стамбул специальное письмо, в котором сообщали, что их противостояние угрожает государству. В письме содержалась просьба прислать нового хана вместо Сахиб-Гирея. Смерть Ислама развязала хану руки для внешнеполитических действий: в 1538 г. он принимает участие в османском походе на Молдавию, в 1539 и 1542 гг. Сахиб-Гирей безуспешно воюет с черкесами. Зимой 1539/40 г. его сын и калга Эмин-Гирей предпринимает поход на Москву, а зимой следующего года хан лично руководит набегом на Русь. В 1545 г. хан совершил два похода на кавказские земли — на западных адыгов и кабардинцев[124].

Эпоха правления Сахиб-Гирея (1532—1551) отмечена рядом важнейших событий. Хан всячески способствал оседанию кочевников-ногайцев, населявших крымские степи, на землю. По османскому образцу он учредил корпус капы-кулу — дворцо-

[116] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 84.

[117] Здесь должность спутана с именем: чауш — чин личной гвардии падишаха и янычар; чауши часто выполняли роль посланников.

[118] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 158 об.

[119] Там же. Л. 164 об.

[120] Там же. Л. 166.

[121] Там же. Л. 200 об.

[122] Там же. Л. 202 об.

[123] Там же. Ед. хр. 7. Л. 1 об.—5 об. Согласно анонимной истории крымских ханов, Ислам-Гирей правил в Крыму в 938 г. х. (1531/32) всего пять месяцев (Институт восточных рукописей РАН. Рук. С 861 (II.6.40). Л. 7—8). По Ибрахиму Печеви, Ислам-Гирей пришел к власти в Крыму 10 Раби' II 939 г. х. (9 ноября 1532 г.), после смещения Саадет-Гирея (Peçevi İbrahim Tarih-i Peçevi. Cild I. İstanbul, [t. s.] (араб. шрифт). С. 171).

[124] *Некрасов А. М.* Избранные труды. Нальчик, 2015. С. 131.

вых рабов, которые несли охрану государя. Сахиб-Гирей много строил: перестраивались перекопские укрепления, а также порт в Гезлеве. Хан основал Бахчисарайский дворец и перенес туда свою резиденцию (1533). Вот как об этом писал ханский панегирист Реммал-ходжи: «Посреди прелестного сада он соорудил жилище, подобное райскому, при виде которого все восхищались. Там были дворцы, арки, киоски, залы, наполненные мальчиками, прекрасными как гурии, повсюду текли ручьи, виднелись луга, тополя, цвели жасмины, подобные улыбающимся красавицам, разливающие аромат нарциссы, гиацинты, похожие на локоны очаровательных женщин. Словом, это было место, напоминающее райский сад. Близ этого дворца он построил такую дивную мечеть, что со всех сторон стекались люди полюбоваться ею. Он и здесь назначил преподавателя, а около мечети выстроил приобретшие всюду известность бани. Против дворца беки выстроили себе павильоны, и за несколько месяцев возник красивый город, устроились два ряда лавок и началась торговля»[125].

Во время царствования Сахиб-Гирея обострились отношения Крыма с Москвой (причиной была политика Москвы по отношению к Казани, где Сахиб-Гирей побывал ханом), конфликт Крыма с Астраханью и ногаями усилился. В 1546 г. хан совершил победоносный поход на Астрахань. В результате крымского набега город был разорен, а жители угнаны в Крым. Сахиб-Гирей в письме Ивану IV (получено в Москве в декабре 1547 г.) писал: «А ныне на недруга своего на Астраханского ходили есмя, и Бог милосердье свое учинил, взяли есмя юрты его, хотели есмя держати, да затем покинули, что место недобро. И мы того для людей их и улусов их там не оставили, все пригонили к себе. Ож даст Бог, хотим тот юрт устроити и держати его. Коли есмя Астрахан взяли, ино нагайские князи Ших-Мамай князь в головах и все мирзы нам послушны учинились: кого мы велим им воевати и им того воевати...»[126] Согласно турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей, Сахиб-Гирей, «победив астраханского хана Ямгурджи, разсеял его подданных, а избежавших смерти мужчин и женщин со всем имуществом и богатствами переселил в Крым»[127].

Разгром Астрахани вызвал недовольство ногаев. В декабре 1547 г. из Крыма в Москву пришли вести, отправленные еще в ноябре. Ногайские мирзы посылали к Сахиб-Гирею гонца с упреками в адрес крымского хана: «Про што деи еси Астрохан[ь] разорил? Мы деи и преж тобе Астрохан[ь] взяли, да не разорили»[128]. Ногаи, однако, не ограничились словесными упреками, а предприняли ответные меры: через некоторое время по возвращении Сахиб-Гирея в Крым они, как сообщает Реммал-ходжа, совершили большой военный поход на полуостров, но были отбиты[129]. Этот конфликт произошел зимой 1548/49 г.

Вмешательство ширинов спровоцировали в Стамбуле подозрения в отношении хана, и в 1551 г. в результате интриги он погиб. Под предлогом смены хана в Казани на полуостров был прислан Девлет-Гирей (внук Менгли-Гирея и сын султана Мюбарека), который и занял крымский престол (в сентябре 1551 г.). Сахиб бежал на Тамань, где вскоре был убит вместе со своими сыновьями.

---

[125] Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara, 1973.

[126] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 57.

[127] *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 384.

[128] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 53.

[129] Tarih-i Sahib Giray Han. S. 106—113; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа: Последняя четверть XV — первая половина XVI в. М., 1990. С. 109.

Занявший престол Девлет-Гирей по праву может считаться наиболее сильным ханом Крыма. Именно в его правление ханство достигло пика своего могущества. Ему удалось погасить раздоры между беями и стабилизировать внутриполитическую ситуацию в ханстве.

Начало его правления ознаменовалось резким усилением Москвы: собирателями золотоордынского наследства становятся не крымские ханы, а московские великие князья. Взятие Казани в 1552 г. и подчинение Астрахани (в два этапа) не остановили московское правительство. На очереди был Крым[130]. Проект царского правительства предусматривал смещение хана и замену его московским ставленником Янтемиром (сыном астраханского хана Дервиш-Али). Однако столкновение с Крымским ханством было чревато конфликтом с Турцией. Московская политика поддержания мира с султаном, проводившаяся с момента установления дипломатических отношений между двумя государствами, не изменилась и в 1550-е гг. Турция следовала той же тактике. Две державы не вступали в открытые конфликты. В 1554 г. Иван IV официально отклоняет просьбу черкесских князей дать им помощь против султана, так как «турской салтан в миру с царем»[131]. После удачного набега на Крым А. Ф. Адашев освободил всех захваченных турок, потому что «с Турским государь в дружбе и воевати его не велел»[132].

Завоевание Казани и Астрахани вызвало крайне негативную реакцию в Крыму, однако реакция Турции на эти события нам неизвестна. Никаких враждебных русскому государству действий Стамбул не предпринял. Османская империя осталась абсолютно безучастной к судьбе этих государств. С другой стороны, в Крыму, видимо, были склонны винить Стамбул в том, что его позиция не позволила крымским ханам противопоставить что-то русским завоеваниям. Данных об этом для 50-х гг. XVI в. у нас нет, но, по крайней мере, значительно позже, в XVIII в., настроения, отражающие стремление Крыма к гегемонии среди джучидских государств, существовали. В так называемой Исторической справке последнего крымского хана Шахин-Гирея русскому резиденту Константинову, источником для которой послужили какие-то крымские исторические сочинения, не дошедшие до нас, было сказано: «И как заведение и низложение ханов крымских зависимо стало от Порты Оттоманской, то сие принесло великий ущерб татарским делам и умаление их силам, почему в 960 г. царь Василий Иванович Гаджи Тархан городом завладел, а в 970 царь (имя в подлиннике пропущено. — *И. З.*) казанскую крепость присоединил к российскому государству»[133]. Несмотря на неправильные хронологию и имя русского царя, это сообщение, видимо, отражает реальную позицию ханов по отношению к завоеваниям Москвы и недовольство Крыма турецкой позицией в этом вопросе.

В Крыму очень долго не могли смириться с завоеванием Казани и Астрахани. Москва фактически предложила выкуп за переход волжских ханств под свою юрисдикцию — надбавку к наибольшей, ранее имевшей место сумме поминок, и крымская сторона после длительного сопротивления согласилась на это[134].

---

[130] Сочинения князя Курбского. Т. 1. Стб. 238—240; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. С. 196—198.

[131] ПСРЛ. Т. 13. С. 259.

[132] Там же. С. 318.

[133] *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 3: (1779—1780 гг.). СПб., 1887. С. 482.

[134] *Фаизов С. Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 53.

Крымские ханы в середине XVII в. еще были уверены (или, по крайней мере, надеялись), что ханства удастся отвоевать. Согласно турецкой рукописи, принадлежавшей Одесскому обществу истории и древностей, после завоевания Астрахани московскими войсками Девлет-Гирей «пошел и освободил этот город, но когда возвращался назад, предводительствуя 90 000 войском», на него напал «поселившийся в России и славный отважностью между неверными выкрест из персидских армян Шир-Мердун, ошибочно называемый Шир-Медом»[135]. Хан в ожесточенной битве победил врага и вернулся в Крым[136]. Возможно, что это свидетельство — отражение событий астраханского похода крымских и османских войск в 1569 г. Даже после поражения 1572 г. (Молодинская битва) Девлет-Гирей продолжал настаивать на своих требованиях посадить царем на Казани и Астрахани Адиль-Гирея (сына Девлет-Гирея). В какой-то момент московская дипломатия согласилась на уступку Астрахани в обмен на обязательства Девлет-Гирея выступить на московской стороне в борьбе за «украины». При этом в Москве не строили иллюзий относительно действенности этих обязательств. Один из сановников в Крыму так говорил московскому дипломату: «А хоти ныне князь великий и отдаст Казань и Асторохань, а и тем царя не утешит же. А ведь государь бусурманский хотя и правду даст, а князь великий ему Казань и Асторохань даст, царю и тогда воевати ж»[137]. Османская дипломатия вынашивала также определенные планы относительно низовьев Волги — удобного стратегического плацдарма для удара на сефевидский Иран, заклятого врага османов на востоке. Известный османо-крымский поход на Астрахань 1569 г. — лишь один из эпизодов политики султанов на Северном Кавказе и Причерноморье. Селим II в начале 1570-х гг. в связи с московским походом Девлет-Гирея пытался решить астраханскую (и казанскую) проблему в пользу Крыма, однако решительных шагов предпринято все же не было[138]. В конце мая 1593 г. один из крымских вельмож, приближенных хана, — аталык Ямгурчи — сообщал московскому посланнику С. Безобразову о планах султана: «...одноконечно на зиму турской хочет итти к Терке и наряд весь у него готов в Кафе, а итти <...> ему на Ливну, да с Ливны поворотить к Астарахани и к Терке...» Причиной готовящегося похода были грабительские набеги терских казаков[139].

За годы правления Девлет-Гирея было совершено множество набегов на Русь, один из которых закончился сожжением Москвы (1571), а поход 1572 г. — сокрушительным поражением под Молодями. Хан умер от чумы в июне 1577 г.

После смерти Девлет-Гирея престол занял его сын Мехмед-Гирей II, получивший прозвище «Жирный» (он был настолько толст, что не мог сидеть на коне, и передвигался в упряжке, запряженной волами). Несмотря на тучность, хан был весьма активен. Он принимал участие в нескольких успешных походах османов на Иран в ходе османо-сефевидской войны. Однако отказ

---

[135] Речь идет о Шереметеве.

[136] *Негри А.* Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов. Т. 1. С. 384.

[137] Цит. по: *Бурдей Г.Д.* Молодинская битва 1572 г. // Из истории межславянских культурных связей: К семидесятилетию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 50, 63—64.

[138] *Bennigsen A.* L'expedition turque contre Astrakhan en 1569 // Cahiers monde russe et soviétique. 1967. Vol. 8 (3). С. 443; *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les Expéditions de Devlet Girây contre Moscou en 1571 et 1572 d'après les documents des Archives ottomanes // Cahiers monde russe et soviétique. 1972. Vol. 8 (4). С. 556—558.

[139] Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 15 (год шестой). Симферополь, 1892. С. 81—82.

принять участие в походе 1582 г. в конечном счете стоил ему престола. Султан попытался сместить Мехмед-Гирея, но хан, поддерживаемый аристократией, не покорился и даже осадил Кафу. В мае 1584 г. его брат Ислам-Гирей на турецких кораблях в сопровождении янычар высадился в Крыму. Знать сразу же изменила Мехмед-Гирею, он был схвачен и задушен. Ислам-Гирею, однако, не удалось занять престол сразу же. Сын Мехмед-Гирея, поддержанный ногайцами, объявил в Бахчисарае ханом себя. Ислам-Гирей вынужден был бежать в Кафу, обратившись в Стамбул за военной поддержкой. Вскоре брат и калга хана Алп-Гирей разбил ногайцев и восстановил Ислам-Гирея на троне. Вероятно, именно к его правлению относится инициатива упоминания имени османского падишаха в хутбе.

В 1588 г., после смерти Ислам-Гирея, османы в обход его старших братьев Алпа и Мюбарека утверждают на троне младшего брата — Гази-Гирея, который незадолго до этого бежал из персидского плена. Гази-Гирей, известный под своим прозвищем «Бора» (что означает «Буря»), вошел в историю не только как сильный правитель и полководец, но и как выдающийся поэт, писавший под поэтическим псевдонимом «Газаи». В 1591 г. он совершил неудачный поход на Москву, а в 1592 г. снова разорил московские «украины». Неудачи походов и попытка наладить отношения с Москвой привели к заключению в 1594 г. мирного соглашения. Это развязывало хану руки для участия в военных походах турок на Балканах (1594, 1595, 1598). В 1596 г. Гази ненадолго потерял власть, которую в результате заговора захватил его брат Фетх-Гирей.

Главным соперником крымских ханов на заре существования ханства являлась Большая Орда. В 1480-е — начале 1490-х гг. внешняя политика Менгли-Гирея определялась противостоянием с этим государством, а также сближением с Москвой с целью создания коалиции против Большой Орды и Ягеллонов. В 1490-х гг. между Крымом и большеордынскими Чингисидами не утихала война, которая завершилась разгромом Орды в 1502 г. В результате этой победы крымские ханы включили титул ханов Большой Орды в свою титулатуру и начали выступать как преемники былого могущества Золотой Орды. Следствием этой преемственности стали претензии на постзолотоордынские престолы Астрахани и Казани (причина крылась не только в абстрактной борьбе за гегемонию на этом пространстве, но и в родственных связях: один из крымских ханов стал основателем Казанского ханства, а брат Хаджи-Гирея занимал некоторое время астраханский престол).

Именно в эпоху Менгли-Гирея I проявилась важная роль Крыма в международных отношениях в Восточной Европе. При Менгли-Гирее был устроен регулярный дипломатический обмен ханства с Москвой, Краковом, Вильно и рядом других европейских столиц, выработана практика заключения межгосударственных союзных договоров (шертей). Крымские ханы проводили во внешней политике собственную линию, сознательно не нарушая восточноевропейское политическое равновесие и последовательно поддерживая союз со слабейшим из пары Москва — Речь Посполитая[140]. В XVII в., когда украинское казачество стало активной политической силой, татары предпочитали налаживать союзы с ним против Москвы, Варшавы или той и другой вместе.

Основным источником для реконструкции московско-крымских отношений служат посольские книги. Собственно Крымская посольская книга открывается посоль-

[140] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 555; *Санин Г. А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. С. 50.

ством Никиты Беклемишева марта 1474 г. к Менгли-Гирею. Московское посольство было ответным. Это был ответ на миссию Ази-Бабы (Хаджи-Бабы) с предложением братства, дружбы и любви. Сам текст посольской книги говорит о том, что эти контакты были к тому времени традиционными. Беклемишеву следовало говорить крымским князьям: «...издавна ваши передние с нашими передними же меж себя братство и дружбу держивали...»[141]. Инициатива поддержания московско-крымских контактов, как свидетельствует посольство Н. Беклемишева, принадлежала видному представителю кафинского купечества иудею Ходже Кокосу (так он назван в русских документах)[142]. Именно он прислал в Москву перед миссией Хаджи-Бабы своего шурина Исупа (Юсуфа) с ярлыком царевым «верющим», а также грамоту ширинского князя Мамака[143].

Ходжа Кокос (Гёкгёз, т. е. «Голубоглазый») был, вероятно, крайне влиятельным финансистом, не раз сам Менгли-Гирей прибегал к его услугам. В 1484 г. великий князь Иван наказывал Василию Ивановичу Ноздроватому, посланному к Менгли-Гирею: «...Кокосу <...> говорити от великого князя, чтобы купил великому князю лалы да яхонты да зерна жемчюжные великие, да прислали бы к великому князю; а цену им князь велики за то заплатит, да сверх того ещо своим жалованием пожалует»[144].

Беклемишев вернулся 13 ноября 6983 (1474) г. «А того же дни пришел из Крыму посол великого князя Никита Беклемишев от царя Менли Гиреа, Ачи Гереева сына Крымского, а с ним посол царев Довлетек Мурза с многими поминки. А правил посольство того же месяца 16: „Великому князю от царя любовь и братство. И кто будет тебе, великому князю, друг, тот и мне, царю, друг; а кто тебе недруг, тои и мне недруг. Также и дети наши и внучата на тои любви и братстве да будут“»[145].

Следующее московское посольство (Алексея Старкова) датируется мартом 1475 г. Кокос снова оказывал посреднические услуги, на этот раз по сватовству сына московского великого князя к дочери мангупского князя Исайе[146]. Таким образом, посредниками в установлении московско-крымских отношений были представители кафинского купечества — высшего его слоя, задействованного в торговых операциях с Москвой.

В сентябре 1477 г. из Москвы в Крым планировалось посольство к хану Джанибеку. Однако османское завоевание и гражданская война на полуострове сильно затянули дело. Это посольство с татарином Темешом также было ответным (миссия Яфар Бердея с просьбой оказать Джанибеку услугу и предоставить ему «опочив» в случае бегства из Крыма). К апрелю 1479 г., когда Менгли-Гирей окончательно утвердился на престоле, относится посольство Иванчи Белаго в ответ на присылку Алача и Сырпяка.

Интенсивный обмен посольствами между двумя государствами привел к появ-

[141] Сборник РИО. Т. 41. С. 6.

[142] В Таможенном регистре Кафы конца 1480-х гг. сын Гёкгёза (Кокоса) назван иудеем (йахуди). Исходя из того, что сам Кокос писал в Москву «жидовским письмом», также можно сделать вывод, что он, безусловно, был иудеем.

[143] Сборник РИО. Т. 41. С. 6—7.

[144] Там же. С. 40.

[145] Иоасафовская летопись. С. 89.

[146] Другая дочь мангупского князя Мария (согласно данным Бистрицкой летописи) была с сентября 1471 г. замужем за молдавским воеводой Стефаном Великим. Она умерла в декабре 1476 г. Молдавско-немецкая летопись 1457—1499 гг. называет ее княжной из Мангупа (furstynauss Maugop) и почему-то черкешенкой (ein Zerkassin) (Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. / Сост. Ф. А. Грекул. М., 1976. С. 27, 39, 49, 64). Часть беженцев, уцелевших после взятия османами Кафы и Мангупа, осела именно в молдавской столице Сучаве.

лению в их столицах особых мест для проживания дипломатов. В конце XV и начале XVI в. в Москве крымских послов поначалу ставили в Кремле, а начиная с 1530-х гг. — поблизости от исконного места пребывания московских мусульман — Замоскворечья. В Крыму москвичей определяли на жительство в христианские села[147]. И в том и в другом случае решающим, скорее всего, было наличие поблизости мечети и храма[148]. В Москве это была, вероятно, мечеть на самом Крымском дворе, а также существовавшая, по всей видимости, к тому времени мечеть в Замоскворечье; в Крыму это были храмы в селах Шури и Качи-Кальоне недалеко от современного Бахчисарая. В XVII в. стан русских посольств был перенесен в деревню Бююк-Яшлав, но и тогда связь русских посольств с христианским населением близлежащих деревень в окрестностях Бахчисарая сохранилась[149].

Помимо Московского великого княжества, крымские ханы поддерживали дипломатические отношения и с другими русскими княжествами до момента их поглощения Москвой. К ним относится прежде всего Рязанское княжество. В ноябре 1491 г. на Русь приехали крымские гонцы с письмами, в одном из которых Менгли-Гирей уведомлял Ивана III о своих связях с Рязанью, куда он отправил своего человека Шемерденя[150]. В материалах московского посольства в Крым марта 1492 г. (И. А. Лобана Колычева) упоминается о миссии ханского человека Шемерденя к великому князю Рязанскому, «сестричичю» московского великого князя[151]. Это посольство относится, таким образом, к 1491 г. Скорее всего, оно было не первым. В ряде случаев московские великие князья обращались к рязанским князьям для оказания помощи в проводах послов и гонцов в Крым через рязанские земли[152].

В начале XVI в., после краха польско-литовско-ордынского союза и разгрома Большой Орды, происходит медленное усиление враждебности Крыма по отношению к Москве, а в 1510-х гг. сложился союз ханства с Великим княжеством Литовским, отмеченный договорами 1516 и 1518 гг.

Крымские ханы зачастую вели достаточно независимую от османов политику, поддерживая дипломатические и торговые отношения с государствами — противниками Османской империи[153]. Например, в конце XV — XVI в. важным внешнеполитическим партнером ханства был мамлюкский Египет. Крымские связи с Египтом, безусловно, имели своим истоком тесные отношения Египта с Золотой Ордой. В конце апреля 1491 г. в Москву прибыл некий молла Багаутдин с грамотой Менгли-Гирея,

---

[147] Лишь иногда, под разными предлогами (например, «мор» — эпидемия), московских дипломатов могли поставить в Эски-Юрте или на Мангупе.

[148] Возможно, что в выборе места для временного проживания русских христиан в Крыму руководствовались также и шариатскими нормами самоуправляемости общин «людей писания» — христиан в греческих деревнях и караимов на Мангупе.

[149] *Зайцев И. В.* Где останавливались крымские послы в Москве и московские послы при дворе крымского хана в XVI веке // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 35—51.

[150] Сборник РИО. Т. 41. С. 125—126.

[151] Там же. С. 139. Речь идет о племяннике Ивана III Иване Васильевиче (1467—1500), великом князе Рязанском (1483—1500). Он был сыном великого князя Рязанского Василия Ивановича от брака с сестрой великого князя Московского Ивана III Анной.

[152] Сборник РИО. Т. 41. С. 365—366. Например, в 1501 г. из Москвы для этого писали в Рязань княжне Аграфене Васильевне (жене рязанского князя Ивана Васильевича и матери последнего рязанского князя Ивана; она была дочерью друцкого князя Василия Бабича) и дяде Ивана Ивановича князю Федору Васильевичу.

[153] *Matuz J.* Les relation étrangères du Khanat de Crimée (XVe—XVIIIe siècles) // Revue d'histoire diplomatique. 1988. N° 3—4. P. 233—249.

в которой хан писал Ивану III: «Мисюрьской салтан[154] ко мне, к брату к твоему, прислал с своим человеком: яз у отца у твоего Ази-Гирея царя лице есми его видел и хлеб есми его ел; Бог нас так на Мисюри салтаном учинил. Отец твой царь прежним салтаном с добрым с своим человеком добрые поминки присылывал; и мы, что у нас добрых коней и доброво товару и добрых сабель с золотом посылывали есмя беспрестанно. И ты бы ко мне прислал своего доброго человека борзо, безпереводно. Какова поминка мы хотим от него, и он к нам хочет послати. Что, брат мой, нынечя ко мне прислал поминки, и яз те поминки послал к салтан Баязыту с Ямгурчеем со царевичем. И нынечя мисюрьскому салтану меня брата своего в сороме не учинишь, сего Багавадын, богомолца моего, к мисюрьскому салтану которые пригожие поминки от соболя, от рыбьих зубов пришлешь, ино братство свое свыше учинишь; пошлого своего, молну богомолца Багавадына, того же хочю послати к мисюрьскому салтану. Тебе брату моему в той стороне, что ти будет надобно, прикажешь; Бог донесет, ты брат мой, как накажешь, по твоему приказу может добыти; тот человек мисюрьского салтана человек, пришед в Кафе стоит»[155]. Ясно, что активные дипломатические и торговые контакты между Крымским ханством и мамлюкским Египтом установились еще при Хаджи-Гирее. Кое-что можно сказать и о характере товарооборота: из Египта в Крым вывозились кони и оружие. Крымские купцы-«ордобазарцы», как писал в Москву Менгли-Гирей, «и в Азимы, и в Мисюрь, и в Шам, и в Рим (т. е. в Иран-Аджем, Египет, Сирию (Дамаск) и в Рум — Европейскую Турцию. — *И. З.*) ходят»[156]. Египетские посланцы и купцы прибывали в османское Кефе, а значит, крымско-египетские связи были хорошо известны османам. Некоторые крымцы покупали в Египте товары по заказу из Москвы: так, некий Чабак купил для московского великого князя Василия аргамака за 100 золотых[157]. Менгли-Гирей предлагал Ивану в обмен на поминки для египетского султана (соболя и рыбий зуб, т. е. моржовый клык) заказать что-либо в Египте молле Багаутдину. В мае 1491 г. Менгли-Гирей просит отпустить Багаутдина из Москвы в Египет побыстрее, ибо «товарищи его борзо едут»[158].

Следствием посольства Багаутдина была ответная египетская миссия в Крым. Менгли-Гирей 5 октября 1495 г. писал в Москву следующее: «а ныне от мисюрского салтана человек приехал, кречатов да рыбья зубья просить». Для их покупки хан послал в Москву деньги через своего человека Касыма. В другой грамоте (от 8 октября) хан сообщал: «...мисюрской салтан писан и шит узорчат шатер прислал»[159]. Присылка шатров — неотъемлемая часть дипломатического этикета, дань уважения правителю. В шатрах хан устраивал пиршества и приемы, в летнее время шатер был местом почти постоянного его пребывания. У крымского хана Сахиб-Гирея, например, был шатер, вероятно, присланный в подарок сефевидским шахом Исмаилом. Последний подарил Сахибу и расшитые шелком ковры, которые расстилали в торжественных случаях, на пирах перед золотым троном хана[160].

Вероятно, вследствие крымско-египетского дипломатического обмена в библиотеке крымских ханов оказались каирские рукописи середины XV в. (сейчас они хра-

[154] Т. е. египетский султан (от арабского Мыср — Египет). Им был тогда Каит-бей (1468—1496).
[155] Сборник РИО. Т. 41. С. 107.
[156] Сборник РИО. Т. 95. С. 28.
[157] Там же. С. 41.
[158] Сборник РИО. Т. 41. С. 111.
[159] Там же. С. 220.
[160] Tarih-i Sahib Giray Han. S. 55.

нятся в Бахчисарайском собрании в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки). Эти посольства совершались на фоне серьезного османо-египетского конфликта.

При последнем мамлюкском султане — ал-Ашрафе Кансухе ал-Гури (1501—1517) контакты продолжались. В 1508 г. брат Менгли-Гирея Ямгурчи (которого после совершенного хаджа стали называть Хаджи) просил у Василия III рысью шубу специально для отправки в Египет. Египетский поход Селима Явуза (1517) положил конец связям двух государств[161].

Другим заклятым врагом османов, с которым тем не менее крымские ханы поддерживали тесные контакты, был Сефевидский Иран. Уже Менгли-Гирей имел дипломатические отношения с предшественниками сефевидов — государством Ак-Коюнлу; имеются сведения о крымском посольстве (не позднее 1490 г.) в Тебриз к султану Якубу б. Узун-Хасану (1478—1490)[162]. Тебриз и в целом Восточный Азербайджан еще в XIV в. были яблоком раздора между Золотой Ордой и ильханами.

Возможно, именно под влиянием сефевидской канцелярии в крымской делопроизводственной практике появилась миндалевидная печать[163]. Отношения с Ираном в Крыму всегда были окрашены в антиосманские тона, поэтому иранские симпатии особенно хорошо заметны у тех ханов, которые старались вести независимую политику и отделяли себя от Османского влияния как в политическом, так и в культурном смысле. Так, уже сын Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей, по отзывам его окружения, явно испытывал наклонности к общению с шиитами.

До начала в 1578 г. османо-сефевидской войны Крымское ханство и Сефевидский Иран в европейской дипломатии рассматривались как потенциальные союзники антиосманской лиги христианских государств. Насколько реальны были эти представления, мы пока не знаем. Персидская сторона с помощью возможных династических союзов с Гиреями стремилась ослабить зависимость ханства от Османской империи. Во время войны в руки персов попал калга Адиль-Гирей, а потом и его младший брат Гази-Гирей. Шах готов был отпустить Адиля в обмен на заключение с Крымом союза, скрепленного брачными узами, однако вследствие интриг калга был казнен. Гази-Гирея также готовили в Иране к династическому браку и даже хотели назначить его правителем Ширвана. Этот план также не удался, и Гази-Гирей бежал из плена, а в 1588 г. занял крымский престол. Наконец, в 1620-х гг. в крымской политике снова проявляется ориентация на Сефевидский Иран как противовес усиливавшейся зависимости от Стамбула. Представители династии братья Мехмед-Гирей и Шахин-Гирей принимали участие в анатолийском восстании против османов в начале XVII в., но были прощены в 1610 г. и заняли в ханстве высокие посты. Проиграв борьбу за власть, Шахин вскоре бежал к Аббасу I и сражался на его стороне против османов и своих же собратьев, которые принимали участие в османо-сефевидской войне.

---

[161] *Зайцев И. В.* К истории дипломатических связей Крымского ханства и доосманского Египта (вторая половина XV — начало XVI века) // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X — первой трети XVIII века: Третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию Музеев Московского Кремля. Москва, 19—21 октября 2006 г.: Тезисы докладов. М., 2006. С. 49—51.

[162] Сборник РИО. Т. 41. С. 106.

[163] *Иваникс М.* Крымскотатарско-иранские связи в XVI—XVII вв. // Великий Волжский путь: Материалы III этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Казань, 3—14 августа 2003 г. Ч. 2. Казань, 2004. С. 28.

В 1623 г. Мехмед-Гирей стал ханом и назначил брата на пост калги. Шахин-Гирей вел открытую антиосманскую политику и даже на время захватил Кафу, а в 1625 г. отказался от участия в османском походе на Иран. Впрочем, этот эпизод так и остался эпизодом, и вскоре крымских татар империя вновь продолжила использовать в войнах против Ирана в Закавказье. Так, например, в 1638 г. султан Мурад послал из Кафы в Эрзурум к Кенан-паше пятьсот крымских татар для участия в походе на Ереван[164].

Таким образом, после падения Большой Орды вплоть до середины XVI в. отношения между тюрко-татарскими государствами определялись в основном борьбой между Крымским ханством и Ногайской Ордой, в сферу влияния которой попала Астрахань. Крым и ногаи боролись за влияние и в Казани, где их соперником выступала Москва. Однако ситуация резко изменилась после падения Казанского ханства в 1552 г. и Астраханского в 1556 г. Крымское ханство и Московское государство, которое, воспользовавшись крымско-ногайскими противоречиями, привлекало на свою сторону ногаев, оставались главными участниками борьбы за передел золотоордынского наследства. После присоединения Нижнего и Среднего Поволжья к Русскому государству начинается новый период русско-крымских отношений, приобретающий формы открытой военной конфронтации (вторжения 1571, 1572, 1592 гг.). Однако династический кризис в Крыму 1577—1588 гг. позволил Русскому государству усилить свои позиции в Дешт-и Кипчаке и на Кавказе и создавать непосредственную угрозу Крымскому ханству, что нашло свое отражение в пребывании претендентов на крымский престол в Русском государстве. В этих условиях после завершения династического кризиса в Крыму хан Гази-Гирей II вынужден был перейти к курсу на мирное соглашение с Москвой, что было закреплено в договоре 1594 г.

---

[164] *Канакерци Закарий*. Хроника / Пер. с арм., предисл. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. М., 1969. С. 119—120, 123. Едва ли сотня из них в результате спаслась.

ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI в.

Неславянское население территорий, присоединенных к Московскому государству в XVI в., имело разные государственно-политические традиции, исходя из которых и воспринимало свое подчинение России и подданство ее правителю. Сходным и повсеместным было противоречие между правительственной и местной трактовками зависимости от центра. При слабости коммуникативных средств, удаленности от столицы, огромных расстояниях, слабой заселенности обширных пространств (особенно на востоке) адаптация присоединенных территорий к общим стандартам подданства и управления происходила медленно, растянувшись на полтора—два столетия.

В окраинных землях устанавливалась власть русских воевод, вводилась административная система, присущая всему Московскому государству. В тех землях, которые входили в его состав добровольно, оставляли прежнее внутреннее устройство, но теперь уже под верховенством царя и воевод, а отношения между Москвой и новыми подданными оформлялись особыми договорами-шертями[1]. На протяжении XV—XVII вв. территория Московского государства расширялась в восточном направлении главным образом за счет так называемых шертных записей. Они были тем более важны в политическом отношении, что заключались добровольно и таким образом придавали легитимность российскому господству на новых территориях.

Традиционно начало неуклонного территориального роста Российского государства связывается с присоединением Среднего Поволжья в середине XVI в. Россия повела наступление на располагавшееся там Казанское ханство. Сначала развернулась постепенная экспансия его западных регионов. Волга делила территорию края на Горную и Луговую стороны — соответственно западную (правобережную) и восточную (левобережную). Горную сторону населяли чуваши, черемисы, мордва и татары. Там правили ханские наместники и местная знать.

Весной 1551 г. московские войска заняли основные речные переправы в правобережных провинциях ханства. Все передвижения населения оказались парализованы. Одновременно пятнадцать русских воевод разослали полки по Горной стороне, чтобы «воевати и пленити» жителей, как сообщает Казанский летописец[2]. Одновременно царские военачальники стали очень быстро возводить крепость Свияжск — опорный пункт для дальнейшего наступления. Уже на третий день после начала строительства к воеводам явились представители элиты местных народов — старейшины и сотники (большинство татарских аристократов бежали в Казань). Они обращались (били

[1] Шерть — соглашение между двумя правителями с определением их взаимных обязательств. По мере усиления Московского государства такие договоры все более принимали вид изъявления покорности воле русского царя и служили начальным актом перехода в подданство ему.

[2] ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. С. 62.

челом) к царю с просьбой не воевать с ними и выражали готовность «быти у Свияжского города», т. е. подчиняться русскому наместнику Свияжска. Вскоре прибыла делегация и в Москву. Перед Иваном IV она от лица «князей и мурз, и сотных князей, и десятных, и чювашей, и черемися, и казаков» принесла присягу царю в том, что им от государя и его будущих преемников «неотступным быти» и под власть Казанского ханства не возвращаться. Иван IV «взял их к своему Свияжскому городу», освободил на три года от податей и запретил своим полководцам воевать против новых подданных. В июне 1551 г. воеводы организовали массовую присягу населения Горной стороны на вышеуказанных условиях: «...горних людей, князей и мурз, и сотных князей, и десятных, и чювашу, и черемису, и мордву, и можаров, и тарханов привели к правде...»[3].

В августе 1552 г. русская армия осадила Казань, и 2 октября город был взят штурмом. Плененного хана Ядгар-Мухаммеда привезли в Москву и обратили в православие. Таким образом, народы Луговой стороны вошли в состав России уже в совсем других исторических условиях, чем Горная сторона. Они до конца существования ханства сохраняли казанское подданство и лояльность к местному правительству, активно участвовали в военных действиях против царской армии. Представители луговой черемисы присягнули московскому царю через несколько дней после взятия им Казани. Однако вскоре, в декабре 1552 г., часть населения бывшего Казанского ханства выступила против новых властей, которые проводили политику разрушения мечетей, выселения татар за пределы Казани и др. Жители левобережья развернули настоящую партизанскую войну, началось истребление отрядов и гарнизонов «неверных». Но силы были слишком неравными. В апреле 1557 г. очаги вооруженного сопротивления в Среднем Поволжье были временно подавлены. Но еще десятки лет тлело недовольство. Сохранились документы о переговорах местных заговорщиков с крымцами и ногаями о возможности избавления края от власти Москвы.

Изложенные выше события сохранялись в фольклоре, так как в них обоснованно видели начало пребывания региона в составе России. В народных сказаниях Горной стороны позднее вспоминалось не вынужденно-добровольное подчинение народов Горной стороны русским после основания Свияжска, а помощь им в завоевании ханской столицы, за что благодарный царь Иван Васильевич якобы оказал различные милости. Согласно марийскому сказанию, царь предлагал богатырю Акпарсу в награду за помощь деньги, но тот отказался и вместо этого попросил не притеснять черемисов (старое название марийцев), не отдавать их под гнет помещиков и не облагать большими налогами[4]. То же можно сказать и о мордовском фольклоре. В одном сказании говорится о мордвине-эрзянине, который помог московским воинам победить татар, и что по подсказке одного мордвина-эрзянина московские воины «взорвали» татарское войско: «...всю эрзю по этому случаю освободили от крепостничества и в солдаты не берут»[5]. Земли и освобождение

[3] ПСРЛ. Т. 19. С. 63; Т. 13. 1-я половина. СПб., 1904. С. 164, 165; Т. 13. 2-я половина. СПб., 1906. С. 466; Т. 21. 2-я половина. СПб., 1913. С. 641. Можары и тарханы — этнические и социальные группы населения Казанского ханства.

[4] *Бахтин А. Г.* XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 133, 136. В движении, развернувшемся со временем на территории бывшего ханства, марийцы-черемисы принимали самое деятельное участие. Не случайно антироссийские восстания получили название Черемисских войн (первая 1552—1557 гг., вторая 1571—1574 гг., третья 1581—1585 гг.).

[5] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички. Саранск, 1983. С. 209.

от податей будто бы были пожалованы Иваном IV также чувашам за участие в войне с Казанью[6]. В некоторых мордовских и чувашских преданиях запрет на распространение крепостного права связывается с тем, что чуваши и мордва оказывали помощь царю, разоблачив бояр-заговорщиков[7]. Вообще эпоха борьбы с Казанским ханством Ивана IV и период его царствования запомнились чувашам как знаменательные в жизни народа, что отразила поговорка: «Что и говорить о жизни при царе Иване»[8].

Таким образом, переход в российское подданство для народов Горной стороны трактовался в фольклоре как взаимовыгодное предприятие: одна сторона помогает сокрушить Казань, другая предоставляет за это льготы и привилегии. Необходимым элементом и материальным воплощением царских благодеяний и в реальности, и в народных представлениях служили жалованные грамоты. Чуваши передавали из поколения в поколение рассказ о грамоте с золотой печатью, которую положили в специально изготовленный деревянный футляр в виде палки и для сохранности зарыли в землю[9]. У марийцев ссылки на подобные документы встречались при земельных спорах в XVII—XVIII вв., некоторые из них сохранялись до начала XIX в.[10]

Статус же казанских (и позднее также астраханских) татар был обусловлен их прямым завоеванием, отчего никаких пожалований после перехода под власть русского царя они не получили. Разве что размер ясака, который собирался с местного населения при последних казанских ханах, был снижен русскими властями до пределов, установленных в начале XVI в. ханом Мухаммед-Амином. При этом именно ясак служил главным показателем подданства.

Элита волжских народов после присоединения к Москве была оттеснена от власти. Большую часть татарских беков истребили в ходе завоевания или вывели в Центральную Россию. Лишь на низшем уровне, в волостях, правительство сохранило «лучших людей» — татарских мирз, чувашских, марийских и удмуртских сотенных князей[11]. При этом власти стремились увеличить число так называемых служилых татар, которых за службу наделяли поместьями и освобождали от выплаты ясака. Остальное население составляло слой ясачных людей (ясак как основной вид налогообложения сохранялся до введения подушной подати в 1724 г.).

Вся полнота власти в регионе — как гражданской, так и военной — принадлежала казанскому и свияжскому воеводам. Поволжье выступило как бы испытательным полигоном для воеводской системы, которая в XVII в. была распространена на все государство. Специально для контроля за новыми территориями на Волге, за поступлением оттуда налогов в столице образовали особое ведомство — Приказ Казанского дворца.

---

[6] См.: *Димитриев В. Д.* Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // Труды НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 60. Чебоксары, 1975. С. 122—123.

[7] См.: *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары, 1993. С. 122; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. С. 209—210.

[8] *Димитриев В. Д.* Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России. С. 132.

[9] Там же. С. 113.

[10] Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. С. 86—87, 91.

[11] Сотенные князья — представители нетатарской знати, которые в Казанском ханстве отвечали за сбор ясака (натуральной подати) с подведомственного населения, разделенного на «сотни», и за набор воинов в ханское войско в случае войны. После завоевания ханства русская администрация сохранила институт сотенных князей.

В Среднем Поволжье власти стремились, с одной стороны, создать лояльную прослойку из коренных жителей, сформировав сословие (служилых татар), с другой стороны, образовать мощный слой русского населения и дворянского землевладения, чтобы прочно закрепиться в новоприсоединенном крае. Для этого проводились испомещение и широкая раздача земельных угодий церкви. В крепостные гарнизоны переводились из других городов служилые люди «по прибору», а в сельскую местность — крестьяне, владельцам которых — вотчинникам, помещикам и монастырям — отводилась земля. Очень активно в заселении края проявили себя служилые дворяне, которые стремились обзавестись поместьями на обширных пространствах центральной части Среднего Поволжья.

Русских в Среднем Поволжье становилось все больше. С запада все прибывали и прибывали стрельцы и служилые люди, дворяне и монахи. Раздавать землю начали прежде всего в окрестностях Казани и Свияжска. Размещение селений происходило, очевидно, с таким расчетом, чтобы не вызывать претензий со стороны иноэтничных соседей. Путешественник XVIII в. И. П. Фальк, описывая Поволжье и Прикамье, отмечал: «Деревни разных народов стоят рассеянно, вероятно так, как они мало-помалу появились... Согласие этих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела и каждый класс (здесь: народ. — *В. Т.*) имеет чаще вражду между собою, чем с другими»[12]. Чем дальше на восток, тем все бóльшие просторы открывали для себя русские переселенцы при выборе места жительства и хозяйствования. Правительство указывало на это обстоятельство, призывая не ссориться с местными жителями из-за земли: «...порожних земель и всяких угодий много, мочно и не на спорных местех слободы и пашенных крестьян строить, только бы было радение»[13].

Марийское предание об основании деревни Лапсола содержит следующее утверждение: «Марийцы были умными: они жили только в тех местах, где были реки. А русские заселялись где попало». Это высказывание, пренебрежительное по отношению к русским, им же и приписывается сказителем[14]. В действительности основание поселений никогда не отличалось бессмысленностью и непрактичностью. Если самые удобные местности были уже заняты марийскими селениями, то мигрантам с запада приходилось обосновываться на незанятых территориях.

Случалось, что привлеченные богатством угодий русские селились в непосредственном соседстве с коренными жителями, а иногда и в их деревнях — или вперемешку, или отдельно (появились, например, мордовские и мансийские деревни с русскими «концами»). Ярким проявлением переплетения исторических, культурных и хозяйственных традиций служило размещение новоселов на старых заброшенных городищах, т. е. в местах, уже когда-то облюбованных, но по каким-то причинам оставленных дорусским населением. Многие русские города Урала поставлены на месте древних укрепленных центров или рядом с ними, иногда с сохранением их названий (Кергедан, Чердынь, Пелым и др.). Именно так появилась Царева слобода — будущий город Курган — на развалинах татарской крепостцы: пришельцев с запада привлекла хорошая пахотная земля в окрестностях. Очевидно, это явление было традиционным для славянской колонизации, поскольку на

[12] Цит. по: Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. Ижевск, 1958. С. 83. Сходные особенности землеустройства наблюдались в Западной Сибири, в отношениях между русскими и сибирскими татарами.

[13] Цит. по: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 576.

[14] Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола, 1991. С. 184.

Восточно-Европейской равнине точно так же соседствовали или «наслаивались» славянские и финские населенные пункты.

Новоселы оценивали удобное расположение городищ, использование на первых порах их оборонительных укреплений, удобство торговли и сбора податей. Неславянские корни многих населенных пунктов угадываются по их названиям. Историки заметили, что в Свияжском и Казанском крае нерусские названия носят все крупные реки и почти все села, а русские — небольшие речки, горы, озера и овраги. Из этого они делали резонный вывод, что русские здесь селились на местах, «уже населенных и наименованных» до их миграции, или же располагались на реках и озерах, по которым именовали свои селения. По этой причине, например, в Мордовии около шестидесяти названий селений финского происхождения, в Чердынском уезде таковых было около половины[15].

Чтобы окончательно утвердиться на Волге, правительство применяло разнообразные меры. Развернулась христианизация края. Наряду с широким церковным строительством и организацией в Казани епархии (с 1589 г. — митрополии) местные церковные иерархи становились, наряду с воеводами, главными властями в обширной церковной области и выполняли помимо церковно-административных обязанностей многие поручения светской власти. Но главная задача их состояла в крещении местного населения. Центрами миссионерства стали монастыри. Те, кто переходил в православие, пользовались податными льготами. Это приводило к значительному росту прослойки новокрещенов — бывших мусульман и приверженцев традиционных верований («язычников»), обратившихся в православие.

Уже в самом начале утверждения российской власти в бывшем Астраханском ханстве обнаружились противоречия в политике по отношению к местному тюркскому населению. В сентябре 1556 г. первые воеводы новоприсоединенного «царства» И. Черемисинов и М. Колупаев извещали, как сообщает «Летописец начала царства», что «укрепились в городе», дабы «безстрашно сидеть, и по Волге казаков и стрелцов розставили, и отняли всю волю у Нагай и у астараханцов рыбные ловли и перевозы все»[16].

Не прошло и года после учреждения русской администрации в Астрахани, как И. Черемисинов ногайские «улусы воевал и в полон поимал». Сменивший его воевода И. Выродков в 1560 г. тоже «в Сараичюк (столицу Ногайской Орды. — *В. Т.*) посылал людеи воиною <...> да поимали полон». Поскольку прежнее население покинуло город, требовалось заселить бывшую столицу ханства и ее окрестности, чтобы русский гарнизон мог получать содержание и пропитание от местных жителей, не полагаясь во всем на поставки из «верховых» городов. Эта инициатива исходила от воевод, в столице о ней ничего не знали. Иван IV разгневался, когда выяснил из писем ногайских мирз, что множество ногаев находится в астраханском плену. Воеводам было приказано освободить всех. Однако массового возвращения их в Ногайскую Орду, видимо, не произошло, и ногаи расселились в полукочевых селениях-юртах в окрестностях Астрахани.

Тюркское население складывалось не только путем насильственного привода. И. Черемисинов в 1557 г. переманивал ногаев, по информации от ногайского правителя Исмаила, так: «А оманывает их: яз деи вас стану кормити»[17] (в то время в Орде

[15] *Лузгин А. С.* В тесном соседстве: Хозяйство и материальная культура русского населения Мордовии: Историко-этнографические очерки. Саранск, 1987. С. 20; *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 117.

[16] ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 274.

[17] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

как раз разразился голод). Спасаясь от голода и разорения в ходе междоусобных смут, ногаи в конце 1550-х гг. перебирались под защиту русской администрации. Возможность пользоваться заступничеством стрельцов, торговлей на богатом городском рынке, пригородными пастбищами и рыбными ловлями привлекала массы обнищавших степняков. От селившихся возле Астрахани кочевников выделялись заложники-аманаты.

Впоследствии неоднократно случались мелкие стычки между ногаями и русскими астраханцами из-за рыбных ловель, охотничьих угодий и пр. Со временем претензии к царским наместникам накапливались. В Астрахань бежали из Ногайской Орды русские, литовские и немецкие полоняники; воеводы отказывались выдавать обратно не только их, но не возвращали мирзам даже лошадей, на которых совершались побеги. Английский дипломат Э. Дженкинсон отметил, что воеводы могли пойти в крайнем случае лишь на выдачу нерусских беглецов, русских же освобождали и брали под свою защиту. Для увеличения славянского населения подвластных владений И. Черемисинов склонил к побегу всех русских из владений Исмаила. Свою кавалерию царская администрация Нижнего Поволжья пополняла путем регулярных угонов ногайских табунов, что тоже вызывало протесты кочевых правителей. Не гнушались служилые и грабежом стойбищ.

Важнейшей задачей российских властей был контроль над переправами через Нижнюю Волгу, в первую очередь над астраханской. Эта переправа действовала с незапамятных времен, и торговые караваны еще в Золотой Орде «возились» с берега на берег в окрестностях Хаджи-Тархана (будущей Астрахани).

Жесткая линия царских наместников по отношению к соседям-тюркам объяснялась тем, что на протяжении второй половины XVI — XVII в. астраханское воеводство являлось, в сущности, российским анклавом, как и прочие южные воеводства. Очутившись в далекой степи, в окружении чуждого кочевого мира, воеводы стремились сразу показать себя мощной силой, грозной для жителей соседних владений.

В башкирских фольклорных памятниках пожалование башкирам прав на владение землями приписывается Ивану IV. Как и «прежние ханы», московский царь, судя по преданиям, при приеме в подданство жаловал ранги и звания (биев и тарханов), подтверждал право на вотчинные земли, выдавал в подтверждение всего этого ярлыки. Ослабление Ногайской Орды и исход ногаев из Южного Урала на юг давали башкирам возможность существенно расширить пределы своего расселения.

В документальном оформлении нуждалось не только обладание родовыми землями башкирских племен и кланов. Царскими пожалованиями требовалось утвердить также занятие башкирами бывших ногайских владений. В оспаривании у ногаев Южного Урала русские власти могли опереться на солидарность и помощь местного населения. Башкиры самостоятельно, не дожидаясь подхода стрелецких отрядов, расправлялись с ногайскими наместниками и их представителями. По одним сказаниям, их хватали и передавали русским, по другим — все оставшиеся здесь ногаи были перебиты башкирами[18].

В условиях постоянных притязаний ногаев на южноуральские территориии, эпизодических угроз со стороны калмыков (и позднее казахов) могучий тыл в виде русских воевод и крепостных гарнизонов послужил значительным стимулом для лояльности башкир по отношению к России. Одно из башкирских преданий гласит, что «нашествия казахов и калмыков прекра-

[18] См.: Башкирские шежере. С. 78; Башкирское народное творчество. Т. 2: Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 190.

тились лишь после признания (башкирами. — *В. Т.*) власти белого царя»[19]. Еще одним положительным последствием этого признания, по мысли сказителей, явилось уменьшение межплеменных распрей.

В целом обе стороны — российская (правительственная) и башкирская — признавали законность статуса народа как добровольно присоединившегося к Российскому государству и потому получившего от Ивана IV право жить в самом льготном административном режиме. Этот статус имел даже некую дипломатическую иллюстрацию: вплоть до начала XVIII в. для решения главным образом конфликтных земельных проблем коренные жители Южного Урала направляли к царскому двору посольства (подобно иностранному государству!).

У башкир, которые, в отличие от поволжских татар, вошли в состав России добровольно, вся местная верхушка поначалу оставалась в неприкосновенности. От прежних времен уцелело деление территории Башкирии на пять провинций-дорог, а они, в свою очередь, состояли из волостей. Каждая волость соответствовала, как правило, одному племени. Через волостных биев (старшин) осуществлялась вся правительственная политика в крае. Но башкиры имели и значительную автономию. Например, для решения важных вопросов не всегда привлекали уфимского воеводу, а собирали волостной сход-йыйын. Известны и общебашкирские йыйыны.

В 1582 г. Сибирское ханство было завоевано казачьим отрядом Ермака и присоединено к Московскому государству. Вслед за казаками за Урал пришли царские воеводы с военными отрядами, и началась великая эпопея освоения Сибири. В Сибирь стали переселяться русские люди. Они обосновывались в новых городах и острогах — небольших деревянных крепостях. Главным богатством Сибири в те времена являлась «мягкая рухлядь» — пушнина. Кроме охоты на пушного зверя, русские сибиряки занялись промыслом и другой дичи, а также ловлей рыбы, которой были богаты здешние реки. Добыча рыбы была тем более важна при постоянном «бесхлебье», ведь сельскохозяйственные угодья расширялись очень медленно и тяжело, хлеба было мало (он завозился «из Руси»), и рыба во многом его заменяла, становилась основной пищей. Несмотря на обилие дичи и рыбы, первые поселенцы страдали от голода в городках и острогах — требовалось время, чтобы приобрести навыки охоты и рыболовства на новых землях. Без помощи коренных жителей пришельцы не смогли бы справиться с этими трудностями.

Контакты русского населения с остяками и вогулами (современные ханты и манси) в целом происходили довольно мирно, исключая период первого объясачивания в конце XVI в. и редкие выступления против засилья уездного мздоимствующего начальства. Совместную жизнь русских и местных народов облегчали гибкость и многоукладность российской экономики, крестьянский характер колонизации, охранительная политика правительства по отношению к плательщикам ясака.

В самом начале проникновения в Сибирь государственная администрация игнорировала традиционное деление местных народов, за исключением нескольких княжеств бассейна Оби. Когда вновь построенные русские города, остроги и зимовья становились центрами уездов, то в одном уезде могло оказаться несколько местных родов, а один род мог быть расчленен между несколькими уездами. Но, столкнувшись с проблемой рациональной организации ясачных выплат, правительство решило оставлять в неприкосновенности старые родоплеменные единицы. Они стали ясачными волостями, т. е. чисто административными округами, их границы совпадали с расселением родов и племен. По мере

[19] Башкирские предания и легенды. Уфа, 1985. С. 109.

приведения к шерти все новых и новых народов Сибирь покрывалась сетью таких волостей. Там, где население оказывалось слишком редким и не имело более или менее постоянной оседлости, его не объединяли в волости, а приписывали к ближайшему русскому населенному пункту.

Достаточно прочные и лояльные к правительству группы коренного населения власти предпочитали сохранить в неизменном виде. В Западной Сибири хантыйские владения и княжеские династии существовали долгое время после вхождения в состав России: у кодских хантов — до 1640-х гг., у обдорских — до второй половины XIX в.

Сохранилось мало источников XVI в., позволяющих восстановить жизнь в Сибири этого времени, в основном мы располагаем документами уже XVII в., но можно предполагать, что в них отражены тенденции, которые зародились сразу после завоевания Сибирского ханства. Царскими указами создавался определенный правовой режим для таежного охотника — поставщика драгоценных мехов в государственную казну. Пытки, а тем более смертную казнь по отношению к ясачному населению дозволялось применять только по специальному высочайшему разрешению. Безусловно запрещался правеж (битье палками) недоимщиков — в отличие от русских подданных. Озабоченное сохранением числа налогоплательщиков, правительство наложило запрет и на вывоз ясачных невольников из Сибири, даже в том случае, если туземец из-за разорения и безысходности сам шел в кабалу (если такие случаи открывались, то наказанию подвергались как добровольный невольник, так и его хозяин). Во избежание разорения ясачных людей в местах их проживания не должны были распространяться азартные игры и вино; до выплаты пушной подати запрещалась частная торговля. Русский суд строго оберегал вотчинные (наследственные) угодья охотничьих племен, которыми те пользовались еще до прихода Ермака. В некоторые районы Сибири вообще был закрыт доступ русским промышленникам. Ясачные освобождались от наиболее обременительных торговых пошлин. Там, где они могли подвергаться набегам враждебных народов, воеводам вменялось в обязанность всячески защищать их.

Территория обитания коренных народов признавалась государственной (или царской) собственностью. Все мероприятия российской государственной власти по отношению к народам Сибири сводились к обеспечению бесперебойного и максимального поступления ясака. Это было основной обязанностью как для воевод, так и служилых людей, которые регулярно собирали меха по «землицам», волостям, улусам и юртам. Поездки зачастую бывали долгими и далекими. Не имея над собой полноценного государственного контроля, местные власти нередко нарушали законы против дискриминации ясачных. Массовый характер приобрела практика «второго ясака» — сбора шкурок в пользу сибирской администрации и, разумеется, самих сборщиков. Случалось обращение ясачного населения в холопы. Росту злоупотреблений способствовало и то обстоятельство, что местные народы часто привлекали представителей русской администрации к разрешению конфликтов в своей среде, не довольствуясь нормами своих обычаев.

В отношениях с плательщиками ясака центральные и местные власти стремились опираться на местную патриархальную знать. Она не только сохраняла административные права по отношению к сородичам, но и отвечала за сбор и доставку пушнины. Родовые и племенные предводители были объявлены «князцами», «лучшими людьми» и наделены различными привилегиями — как в качестве приманки, так и для подчеркивания их высокого ранга. Местная элита была освобождена от выплаты ясака, а участие в его сборе резко усилило экономическую мощь и общественную роль ро-

довых старейшин. Судебные прерогативы (решение споров с исками до двух рублей), формальное невмешательство государственных органов во внутреннюю жизнь волостей и опора воеводской администрации на местную элиту позволили превратить ее в прочное звено управления народами Сибири.

Опыт собственной государственности позволял татарам и обским уграм более адекватно воспринимать свой статус подданных. Зачисление многочисленных представителей этих народов в сословие служилых людей еще более политизировало их сознание. Судя по отрывочным сведениям, у них складывалось довольно неоднозначное представление о своем положении в составе Московского царства. С одной стороны, они уже идентифицировали себя как россиян, обязанных подчиняться царю. В 1600 г. в ответ на обвинения властей в грабежах башкир тюменские служилые татары отвечали так, как и надлежало, чтобы отмести подозрения: «А нам <...> как сделать, что башкирцов воевать: все <...> мы люди государевы»[20]. С другой стороны, в этих регионах пристально следили за политическим состоянием державы и оценивали свои перспективы в соответствии с его изменениями. Мятежные антироссийские настроения проявились в Зауралье во время Смуты начала XVII в., когда власть внутри страны ослабела. И именно на территории бывшего Сибирского юрта на протяжении десятилетий тлела идея альтернативного подданства татарским царевичам — потомкам хана Кучума.

Приход русских на земли неславянских народов Поволжья, Урала и Сибири вызвал многочисленные межэтнические контакты (в том числе конфликтные) и межкультурное взаимодействие. Степень интенсивности контактов диктовалась в том числе характером хозяйственной деятельности коренного населения и пришельцев. С оседлыми земледельцами Среднего Поволжья налаживалась более тесная связь, чем со степными кочевниками Южного Урала и Нижней Волги или таежными охотниками на севере. В конце XVI в. казанский митрополит Гермоген доносил царю, что многие русские «живут у татар и у черемисы и у чуваш и пьют с ними и едят с одного и женятся у них, да многие же русские люди христианская веры отпали и превратились у татар в татарскую веру»[21]. Не случайно именно Гермоген в Казани повел очень жесткую политику религиозной борьбы с исламом.

Взаимоотношения между русскими и местными народами порой складывались непросто. С одной стороны, периодически возникали споры из-за пашенных земель и промысловых угодий, но с другой — обстановка (обычно на пограничье) требовала совместных действий для обороны от вражеских нападений калмыков, отрядов Кучумовичей и др.

В Приуралье тоже известны смешанные деревни русских и коми. В результате межэтнических браков в этих краях менялся сам внешний облик русских людей. Если последних было немного, то они «опермячивались», усваивая культуру и язык пермяков. Этому способствовало сходство как хозяйственных занятий, так и социального положения русских и коми крестьян. В местах давних контактов русских и манси также появлялись совместные поселения, например на реке Вишере.

В целом русские в Поволжье и на Урале успешно адаптировались к природно-климатическим условиям и инокультурному этническому окружению. Во многом этому способствовало сходство условий жизни и хозяйствования на новых местах с районами исхода, прежде всего с Русским Севером, — уже там были отработа-

[20] Цит. по: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 187.

[21] История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С. 149.

ны вековые механизмы приспособления к необходимости жить по соседству с неславянскими народами, взаимодействовать с ними, перенимать у них полезный опыт и делиться своим.

Продвижение России в южном и восточном направлении в XVI в. имело следствием, во-первых, вступление в непосредственный повседневный контакт с инокультурным тюрко-мусульманским и финно-угорским миром; во-вторых, организацию управления, налогообложения, религиозной политики по отношению к многочисленному неславянскому населению, незнакомому с нормами внутригосударственных отношений внутри Руси. Перед московским правительством вставала задача адаптации новоприсоединенных земель и народов к новой геополитической ситуации — пребыванию их в пределах России, «под высокой рукою белого царя». Формировалась своеобразная цивилизационная государственная и культурная модель, в которой черты русской государственности сочетались с политическими традициями Востока. Этот синтез стал одной из важнейших характеристик уникальной российской цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На шестнадцатый век приходится важный этап истории стран Европы. Великие географические открытия ускорили развитие мировой торговли, форсировали накопление капиталов. В странах Западной Европы происходил бурный рост городов, развивалась мануфактурная промышленность, вызревали новые буржуазные отношения, развивались национальные рыночные связи. Европейская культура переживала подъем, начало которому было положено итальянским Возрождением. В то же время усилились межнациональные и религиозные противоречия, возникло движение Реформации, разделившее западное христианство на два враждующих лагеря — католический и протестантский. Серьезную угрозу для стран Центральной и Восточной Европы представляла могущественная Османская империя, которая в ту эпоху также переживала бурное развитие. В этом контексте появление на востоке Европы крупного суверенного, единого Русского государства не могло остаться незамеченным европейцами. Шестнадцатое столетие явилось переломным этапом и в истории России. В это время завершилось объединение великорусских земель и княжеств вокруг Москвы, определился магистральный путь общественно-политического развития страны, сформировался самодержавный строй. В течение XVI в. завязывались политические, культурные и торговые связи России со странами Европы, и молодое государство начинало выходить на арену общеевропейской жизни.

В XVI в. произошло колоссальное расширение границ страны, что во многом предопределило политические процессы и само государственное устройство. Уже в конце XV в. под властью Москвы из русских княжеств сформировалась обширная территория, по своим размерам сопоставимая с другими европейскими странами. За XVI в. она увеличилась в несколько раз. Завоевание Поволжья и присоединение Сибири превратило Россию в крупнейшее по территории государство того времени. Различия в этническом, конфессиональном и культурном отношении земель, вошедших в состав Московского государства, предопределили характер развития страны как полиэтнической и мультикультурной общности: в ее состав вошли территории, населенные не только славянами и финно-уграми, но и большим числом тюркских народов, исповедовавших в основном ислам, а также разнообразными народами Сибири, были созданы условия для постепенного включения в русскую орбиту Кавказа. Победа в Поволжье и выход за Урал предопределили дальнейшее освоение огромных пространств не только Западной, но также Восточной Сибири и Приморья. Отсутствие серьезных конкурентов на восточном направлении внешней политики обеспечило успех России в продвижении на восток. В XVI в. был задан вектор, по которому в дальнейшем развивалась российская экспансия, до тех пор пока она не дошла до океанского побережья: на севере — до Северного Ледовитого, на востоке — до Тихо-

го океана. Причиной успехов России в восточном направлении во многом явился тот политический вакуум, который был следствием разрушения ордынской империи в XV в. Россия, по существу, стала главной политической наследницей Золотой Орды, и свои претензии на лидерство в постордынском мире она в значительной степени реализовала именно в XVI в.

В первой половине XVI в., кроме Российского государства, на огромных территориях Восточно-Европейской равнины, на Кавказе, в Поволжье, Предуралье и Сибири существовали и другие государственные образования, такие как Казанское ханство, Ногайская Орда, различные объединения башкир, Астраханское ханство, Сибирское ханство, северокавказские княжества. Самое обширное из них — Ногайская Орда — играло важную роль в международных отношениях всего юго-востока Европы. Из-за постоянной внутренней борьбы власть слабела, внутри державы возникали сепаратистские настроения, разорялось кочевое хозяйство. Территория распадалась, и ногайцы были вынуждены делать ставку на одного из соседей — на Крым или Россию. Картина еще более усложнялась вследствие постоянного вовлечения в ногайские дела Казахского ханства.

Казанские ханы господствовали над значительной территорией и большим числом местных народов в Среднем Поволжье. Хозяйство у них процветало, в том числе земледелие и ремесла, хотя торговля уже начала испытывать кризисные явления. Местные народы (тюрки и финно-угры) ежегодно платили ясак в ханскую казну. Казань была одним из крупнейших торговых центров Восточной Европы. Политически, религиозно и культурно она также являлась связующим звеном между остальными частями бывшей Золотой Орды, имела связи с мусульманским Востоком, в ней создавались шедевры исламского искусства. Многие местные народы Поволжья, находившиеся в подчинении ханов, были язычниками. Полиэтничность Казанского ханства, с одной стороны, казалась залогом его процветания, с другой — таила в себе опасность, поскольку во время войн с Российским государством часть населения переходила на сторону Москвы, хотя эти колебания нельзя назвать устойчивыми, свидетельством чему стало долгое и кровопролитное сопротивление русской власти, которое вели разные народы Поволжья во второй половине XVI в.

Полиэтничным было и Астраханское ханство; его население являлось не таким многочисленным, но территория была обширной. Астрахань была крупнейшим торговым пунктом в низовье Волги. Как и Казань, она имела тесные культурные и религиозные связи с окружавшими ее исламскими государствами. В дела ханства постоянно вмешивались Ногайская Орда, Крымское ханство и северокавказские княжества. При этом ханы часто менялись, и это происходило в результате переворотов. При такой неустойчивости власти случались и разрушительные набеги извне, например крымские или казачьи.

Что касается башкир, в политическом отношении они не были объединены и подчинялись разным государственным образованиям: частью — Ногайской Орде, частью — Казанскому и Сибирскому ханствам. В каждом случае отношения местного башкирского населения и верховной власти имели свои особенности. После завоевания русскими Казанского ханства башкиры добровольно приняли службу московскому царю, рассматривая ее как перемену сюзерена, чему в дальнейшем придавали большое значение и считали своей особенностью, отличавшей их от других кочевых и полукочевых народов России. Лишь часть башкирских кланов, служивших сибирскому хану, участвовала в его борьбе против русской власти. Что касается Ногайской Орды, то в условиях ее государственного распада часть башкир, обитавших там, откочевала вместе с ногаями к противникам

России, а часть пошла на русскую военную службу и получила льготы и привилегии, и даже бывшие территории ушедших ногаев.

Сибирское ханство дольше, чем Казанское и Астраханское, сохраняло свою независимость. В начале столетия Сибирское княжество было частью Тюменского ханства. Сибирские князья Тайбугиды господствовали над окрестными, нетюркскими народами (у которых были и свои местные правители), вели кочевой образ жизни, имели связи с ногайскими и среднеазиатскими ханами. После того как Тайбугидов свергли Шибаниды, наиболее известным из них стал хан Кучум, расширивший границы ханства и попытавшийся создать новую систему управления. Он придавал большое значение отношениям с Ногайской Ордой, Казахским ханством, бухарским ханом, стремился распространять ислам как единую идеологию. Однако все эти начинания не были доведены до конца и не имели того эффекта, на который рассчитывал Кучум. Его держава, включавшая многочисленные народы, жившие на обширной территории, часто очень отдаленной от ставки хана, не была внутренне единой.

Крымское ханство, полиэтничное, как все государственные образования, окружавшие Россию, оказалось единственным из постзолотоордынских ханств, которое не только не подпало в течение XVI в. под власть России, но и постоянно грозило ей набегами, надолго став главным противником и основной причиной тревоги на юге Московского государства. С 1530-х гг. столицей ханства стал Бахчисарай. Еще в 1470-х гг., когда южный берег Крыма был завоеван турками, крымский хан оказался в союзническом, хотя и подчиненном положении по отношению к турецкому султану Мехмеду II. Начиная с этого времени можно говорить о турецко-крымской политике в отношении соседних государств и народов. Крымский хан получал содержание от султана, а его войско участвовало в походах вместе с османской армией.

То же самое проявилось и в действиях на Кавказе. За влияние там в XVI в. боролись разные силы: прежде всего Персия, затем Турция и Крым, а с середины века и особенно ближе к концу столетия в эту сторону обратили взор правители России. На Кавказе в XVI в. существовало несколько полиэтничных политических объединений: черкесские княжества Кабарда и Жане, а также Гази-Кумухское шамхальство и другие политические общности на территории современного Дагестана. Остальное население было объединено в самоуправляющиеся общины. Османо-крымская экспансия, начавшаяся с последней четверти XV в., привела к разорению части черкесских земель и постепенной их исламизации. После женитьбы Ивана IV на кабардинской княжне началось проникновение русских на Кавказ. В результате восточная Черкессия (Кабарда) попала под влияние Москвы, тогда как западная ее часть оказалась в сфере влияния Турции и Крыма.

В Дагестане Гази-Кумухское шамхальство в целом сохраняло единство почти до конца столетия, хотя власть шамхальской династии слабела, и в конце столетия их держава начала распадаться. В других частях Дагестана шли междоусобные войны. Дербент в результате завоевания с начала XVI в. оказался под властью персидской династии Сефевидов, и значительная часть дагестанских земель в первой половине XVI в. попала под их влияние. Однако во второй половине столетия здесь усиливается турецкое влияние. В конце 1570-х гг. в ходе персидско-османской войны Дербент и окрестные земли были захвачены турками, хотя жители горных мест долгое время продолжали оказывать сопротивление.

Что касается отношений с Россией, то северо-западная часть Дагестана с середины века тяготела к тесным связям с нею, в особенности после присоединения к Москве Астрахани. Тем не менее отношения иногда менялись: русские воеводы ходили

походами на территорию современного Дагестана, на реке Терек строились русские укрепления. Расположенное в ее низовьях Тюменское княжество в конце XVI в. отошло под власть московского царя.

В целом после распада Золотой Орды включение политических образований в ее бывших владениях и рядом с ними в орбиту более сильных соседних держав было неизбежным. Так, Казанское ханство Ивану IV удалось завоевать в 1552 г., правда, только со второй попытки. Присоединение Астраханского ханства в 1556 г. протекало более мирно. Сибирскому ханству был нанесен удар отрядом казаков, на первом этапе — без помощи государства, и лишь затем начались походы царских воевод в Сибирь. Кажущаяся легкость объясняется тем, что Россия осваивала ордынское наследие, на которое не было более серьезных претендентов. Совсем иная ситуация сложилась в западном направлении. В первой половине XVI в. стало очевидно, что владения Тевтонского ордена в Центральной Европе (Пруссия и Ливония) как самостоятельные государственные образования нежизнеспособны и неминуемо будут поглощены более могущественными соседями. В разделе граничащей с Россией Ливонии решил принять участие Иван IV, начав в 1558 г. Ливонскую войну, которая продолжалась с переменным успехом много лет, но в итоге привела к поражению России от Речи Посполитой и Швеции. В отличие от восточного направления, у Московского государства здесь имелся сильный соперник в борьбе за ливонское наследство — Польско-Литовское государство. Неудачи в Ливонской войне объясняются недооценкой со стороны московского правительства сложностей геополитической обстановки. Вообще, внешнеполитическая деятельность в странах Европы в XVI в. была менее удачной, чем восточная политика, прежде всего потому, что отношения с восточными соседями, такими как, например, Крымское ханство, были для московских дипломатов привычным делом. Правда, ситуация осложнялась усилением Османской империи, в сферу влияния которой попадали восточные соседи России, но проблема русско-турецких отношений встанет остро лишь в следующем XVII столетии.

Итак, к концу XVI столетия значительная часть государственных образований на землях бывшей Орды вошла в состав Российского государства. Уже в самом конце столетия была свергнута власть сибирских ханов, и Западная Сибирь также оказалась под властью московского царя. Последнее предопределило дальнейшее распространение России далеко на восток. В результате военных походов и активного освоения новых территорий здесь начал складываться во многом самобытный мир, состоявший из конгломерата разных народов и культур, которые под властью русского царя были вынуждены более активно взаимодействовать между собой. Значение этого процесса для дальнейшего развития страны исключительно велико, потому что именно в XVI столетии Россия окончательно превратилась в многонациональную и полиэтничную, многоукладную державу, которую нельзя сравнивать ни с одним моноэтничным государством Европы (скорее ее можно сравнивать, например, со Священной Римской империей).

Отношения на западе складывались иначе. Это было новое направление внешней политики, поскольку фактически регулярные дипломатические контакты со странами Западной Европы начались только в конце XV в. Западные соседи России, с которыми существовала многолетняя практика дипломатического общения, — Польша и Великое княжество Литовское — объединились в 1569 г. в единое государство Речь Посполитую, которое в военном отношении оказалось сильнее России. Многолетняя Ливонская война, опричный террор подорвали потенциал страны. Ситуацию усугубил разразившийся в конце XVI в. династический кризис.

В сущности, только в конце XV в. Россия после двух с половиной столетий татаро-монгольского владычества впервые соприкоснулась с западноевропейской культурой. И в течение следующего XVI в. эти контакты получили развитие. В самых разных сферах — в архитектуре, в изобразительном и декоративно-прикладном искусстве, в книгопечатании, в военном деле — происходило знакомство с западноевропейскими достижениями. Так, практика приглашения в Москву итальянских архитекторов, начало которой было положено в 70-е гг. XV в., в первой половине XVI в. привела к появлению целого ряда выдающихся памятников церковной архитектуры, среди которых Архангельский собор Московского Кремля, ростовский Успенский собор, соборы новгородского Хутынского, тихвинского Успенского монастырей, церковь Вознесения в Коломенском и др. Благодаря этим величественным постройкам существенно изменился облик городов и монастырей. Как следствие западноевропейского влияния, в русских храмах появилась объемная скульптура, на страницах рукописных книг — многофигурные композиции. В середине XVI в. в России стала работать первая типография. Истоки русского книгопечатного дела также следует искать в Италии, на что указывают принятые в Москве полиграфические термины: печатника называли тередорщиком (от итал. tiratore), а красильщика — батырщиком (от итал. battitore). Правда, в отличие от стран Западной и Центральной Европы, книгопечатание в России XVI в. имело почти исключительно церковный характер. Свидетельства западноевропейского влияния можно обнаружить и в других областях русской культуры XVI в. Известно, что в 1548 г. саксонский купец Ганс Шлитте по заданию Ивана IV вербовал немецких ремесленников для службы в России. Его миссия окончилась неудачей, но можно думать, что этот случай был не единственным. Выходцы из стран Западной Европы приезжали в Россию, поступали на службу или занимались торговлей и ремеслом.

Страна стояла перед выбором путей дальнейшего политического развития. В XVI в. Россия постепенно втягивалась в общеевропейское политическое пространство, но это было лишь начало пути. Еще и в следующем столетии политический курс России менялся от конфессиональной изоляции от остального европейского мира в первой половине XVII в. к умеренной европеизации во второй половине века. И только в XVIII в. был взят уверенный курс на европеизацию страны.

В течение XVI в. большой путь прошла и российская государственность. В XVI в. были ликвидированы последние удельные княжества. В 1510 г. в состав Российского государства окончательно вошла Псковская земля, в 1521 г. — великое княжество Рязанское, в 1526 г. — Ржевское княжество. При этом удел как явление общественной жизни сохранялся на протяжении всего XVI в. Так, вплоть до конца XVI в. (с определенными перерывами) существовало Старицкое княжество (удел ближайших родственников правящей династии), имевшее известную автономию в составе Русского государства. В XVI в. сохранялось Углицкое княжество, переходившее от сына Василия Темного к сыну Ивана III, а далее — к младшему сыну Василия III и, наконец, к сыну Ивана IV царевичу Дмитрию, после смерти которого прекратило свое существование. Понятие удела использовалось царем применительно к своей политике. Вводя в 1565 г. опричнину, царь декларативно выделил для себя удел, создав для него особый административный аппарат и даже столицу (в Александровской слободе). Позже, в 1575 г., Иван IV вновь выделил себе удел, а главой государства назначил потомка татарских ханов Симеона Бекбулатовича. Таким образом, удельные княжения в России существовали на протяжении всего XVI в., однако большого влияния на политическую жизнь страны они не имели. Государство

стало унитарным, а выделение удела становилось скорее символом суверенности, чем его фактом. Если старицкий удел был традиционным удельным княжеством, то кратковременное существование удела Ивана IV в период великого княжения Симеона Бекбулатовича явилось результатом царской воли. Внешне удельную систему напоминала практика передачи городов «татарским царевичам», т. е. отдельным представителям рода Чингисидов, что делалось из дипломатических соображений. Первый такой случай имел место в середине XV в., когда возникло так называемое Касимовское царство. В течение XVI в. на непродолжительное время татарским ханам передавались города Кашира, Звенигород, Юрьев-Польский, Руза, Бежецкий Верх, Серпухов, Тверь и др. Оба института в XVI в. российская власть изживала, но тем не менее как уделы, так и практика передачи городов татарским ханам существовали на протяжении всего столетия.

Политическое объединение государства не повлекло за собой полную унификацию территориального устройства страны. Даже в отношении административного деления Россия XVI в. представляла собой довольно пеструю картину. Так, в качестве основных административных единиц одновременно сосуществовали пятины, уезды и дороги, причем в разных регионах их значение (особенно уездов) варьировалось. В состав основных административных единиц в разных регионах входили половины, трети, станы, станки, погосты, слободы, волости, улусцы, углы, концы и др. Такой разнобой являлся наследием удельного периода и, безусловно, затруднял практику налогообложения. Следует отметить, что унификацию административного деления страны в XVI в. произвести так и не удалось. Эту задачу пришлось решать позднее.

Социальное развитие России в XVI в. также не было простым. Выбор исторического пути протекал в столкновении различных тенденций. На протяжении одного столетия мы наблюдаем периоды экономического подъема и хозяйственной разрухи, начало закрепощения тяглых сословий, первые шаги сословного представительства и укрепление самодержавной власти.

Особенности развития российского общества проявились уже на стадии становления единого государства в конце XV — первой трети XVI в. В отличие от западноевропейских стран на Руси не было достаточно развитых экономических предпосылок для политического объединения — роста городов как центров товарного обращения, высокого уровня товарно-денежных обращений и экономических связей. В значительной мере процесс политического объединения был ускорен внешними факторами — необходимостью освобождения от ордынского ига и обеспечения суверенитета страны. Важная особенность заключалась в том, что в западноевропейских странах еще до образования единых национальных государств стали формироваться сословные группы, кровно заинтересованные в политическом объединении (горожане, «новые дворяне», ориентировавшие свою торгово-предпринимательскую деятельность на рынок). В России процесс становления различных социальных групп, имевших сословные признаки (прежде всего служилого сословия), происходил в ходе и в результате самой политической централизации, и видную роль в этом процессе играла верховная государственная власть. С развитием с конца XV в. поместной системы были созданы условия для формирования единого военно-служилого сословия. Интересы этой социальной группы совпадали с интересами государственной власти, которая, нуждаясь в военной силе, всеми мерами старалась обеспечить помещиков-«воинников» землей и рабочими руками. Широкие раздачи в поместья земель, в том числе черных (государственных) крестьянских волостей, приводили к тому, что светское служилое

землевладение наряду с церковным стало охватывать основную часть земельного фонда страны. Наступление на черносошные земли вызывало недовольство со стороны сильных и сплоченных крестьянских общин. Урегулирование конфликтов между помещиками и крестьянами было невозможно без вмешательства верховной великокняжеской власти. В этих конфликтах государственная власть, нуждавшаяся в военной опоре, как правило, становилась на сторону помещиков. В условиях суровых природных условий и частых рисков неурожаев воин-помещик зачастую не мог существовать (выходить на службу «конно, людно и оружно») на доходы от собственного хозяйства. Стремясь поддержать боеспособность ополчения, государственная власть брала на себя функции перераспределения доходов от налоговых поступлений с крестьян и посадских людей в пользу помещиков. Начавшее формироваться служилое сословие нуждалось в поддержке, и этим объясняется то обстоятельство, что его представители не оказывали противодействия укреплению сильной великокняжеской власти и смирялись с обязательной службой монарху. В условиях политического объединения страны, экспансии феодального землевладения, сохранения не облагаемых налогом белых слобод в городах, роста налогов власть брала на себя роль арбитра во взаимоотношениях между разными группами населения, что объективно способствовало ее возвышению над обществом.

Далеко не сразу сложилась система центральных административных учреждений — приказов, что препятствовало эффективному контролю центра над провинцией, за деятельностью местных властей — наместников и волостелей. Для управления обширной территорией страны российские власти были вынуждены привлекать представителей местного населения. С конца XV в. получила распространение практика участия в суде наместников, выборных представителей от местных обществ. Утверждение самодержавного строя, таким образом, не было фатально неизбежным. Уже на начальном этапе становления и развития Русского государства намечались различные пути политической централизации.

Результаты усилий Ивана III и Василия III по объединению многих земель в единое государство под властью Москвы прошли проверку на прочность в годы малолетства Ивана IV и боярского правления. После скоропостижной смерти Василия III в 1533 г., в условиях малолетства наследника престола, страна фактически осталась без правителя почти на полтора десятилетия. Несмотря на ожесточенную борьбу между боярскими группировками, государственный аппарат в целом функционировал исправно, оказавшись способным даже на некоторые преобразования в сфере денежного хозяйства и правопорядка.

Наряду с укреплением центральной государственной власти происходило и дальнейшее расширение участия выборных от местного населения в делах управления и суда. В конце 1530-х гг., в период боярского правления, когда злоупотребления со стороны наместников проявились особенно заметно, население отдельных уездов добилось изъятия из компетенции наместников важной функции сыска и поимки разбойников и передачи этих дел в ведение губных органов. Во главе этих органов стояли выборные от местных обществ. Губные органы, функции которых со временем расширились, стали первыми органами местного сословного самоуправления.

Определение этого вектора развития общественно-политического строя страны приходилось уже на эпоху самостоятельного правления Ивана IV, ознаменовавшегося реформами конца 1540—1550-х гг., которые обычно связывают с деятельностью ближайшего круга советников молодого царя — так называемой Избранной рады. На период реформ середины XVI в. при-

ходится и дальнейшее развитие системы выборных органов местного самоуправления. В середине 1550-х гг. завершилось проведение губной реформы. Губные органы были учреждены по всей стране. В ведение губных старост перешли дела по самым различным вопросам административного управления на местах, включая дела о землевладении. В лице губных старост уездные служилые люди получили орган, защищавший их интересы. Вместе с городовыми приказчиками они становились главными административными фигурами в местном управлении на основной территории страны.

Важное социальное и политическое значение имела земская реформа 1550-х гг., согласно которой в посадах и уездах формировались выборные органы в составе земских старост и их помощников — земских целовальников, дьяков и т. д., которые выбирались крестьянами и посадскими людьми. Выборные земские органы наделялись довольно широкими административными, финансовыми и судебными полномочиями и активно защищали интересы местного крестьянства и горожан, прежде всего крестьянской и посадской верхушки. Права самоуправления в лице выборных «поповских старост» и относительную независимость от светских властей получило в ходе проведения церковных реформ и приходское духовенство. Таким образом, в результате реформ середины XVI в. весьма четко обозначился процесс развития прав отдельных социальных групп общества и начинающегося сословного самоуправления, который охватил служилых людей, духовенство, крестьян и посадских людей.

Одновременно правительство предприняло меры и к тому, чтобы сохранить права и привилегии аристократии как правящей верхушки русского общества. Консолидации правящей верхушки способствовала проведенная в 1550 г. реформа Государева двора (так называемая Тысячная реформа), в результате которой произошло упорядочение его состава и структуры, укрепление позиций при дворе представителей княжеско-боярской знати.

По существу реформы середины XVI в. были направлены на достижение компромисса интересов государства и находившихся в стадии становления сословий. Процесс их развития значительно осложнялся вмешательством государства, попытками поставить местные органы самоуправления под контроль центральной власти. Наряду с развитием местного самоуправления происходило укрепление центрального административного аппарата, становление приказного строя. Деятельность губных старост жестко контролировалась из Москвы Разбойным приказом, а деятельность органов земского самоуправления связывалась принципом круговой поруки. Становление земского самоуправления сопровождалось усилением налогового бремени. Консолидации служилых людей сопутствовало утверждение в середине XVI в. принципа обязательной службы монарху. И тем не менее в условиях экономического подъема страны и начала формирования сословного самоуправления на самых разных уровнях был вполне реален поворот Российского государства на путь развития, по которому шли страны Западной Европы, — путь постепенного вызревания сословно-представительного строя с ограничением власти государя сословиями. Но именно такой путь развития государства менее всего соответствовал политическим идеалам царя Ивана IV. Необходимость делить власть с боярами, считаться с интересами поднимавшихся сословий воспринималась Иваном IV как ущемление верховной власти самодержавного государя.

Культура России XVI в. представляла собой сплав разных региональных традиций, которые в первой половине столетия еще явственно различимы, но к концу века русская культурная традиция выступает как монолитное явление. В 1520-е гг. при

участии митрополита Даниила на основе разных региональных летописей была составлена самая обширная летопись, позднее получившая название Никоновской; появился и первый отечественный труд по всеобщей истории — Русский хронограф. В 1530-е гг. ставший новгородским архиепископом будущий митрополит Макарий инициировал собирание житий русских святых и составление обширного свода житийных текстов — Великих Миней Четьих. В 1547 и 1549 гг. на церковных соборах состоялась официальная канонизация ряда русских святых, для чего составлялись их жития, некоторые из них включали в позднейшие редакции Великих Миней Четьих. В 1550 г. был составлен новый общерусский Судебник, который развивал идеи предшествующего Судебника 1497 г. В начале 1560-х гг. была написана Степенная книга — концептуальное сочинение об истории монархии в России, куда вошло большое количество известий из разных источников. В 1570-е гг. был составлен Лицевой летописный свод — иллюстрированное обозрение всемирной истории. Для работы над этими сочинениями требовалось целенаправленное собирание материалов, привлечение авторов. Так на протяжении XVI в. постепенно формировалась единая культурная традиция Российского государства.

Не сразу произошла и унификация российского общества. Изначально каждое удельное княжество имело свой аппарат управления, свою социальную иерархию, во главе которой стоял удельный князь со своим двором. Вхождение уделов в состав Российского государства растянулось на несколько десятилетий. Удельные князья вливались в состав московского великокняжского двора постепенно. Утратив политическую самостоятельность, они переходили на положение князей служилых, сохраняя при этом остатки суверенных княжеских прав на свои родовые земли, но со временем утрачивали остатки суверенитета и их владения превращались в обычные боярские вотчины. В XV — начале XVI в. на московскую службу перешли многие литовские князья-Гедиминовичи. В результате великокняжеский двор пополнился многочисленными представителями русских и литовских княжеских родов, многие из которых заняли первенствующие позиции в окружении московского государя, оттеснив на задний план старомосковскую нетитулованную знать. Однако если потомки бывших владетельных князей доминировали при московском дворе, то статус бывших удельных бояр был, несомненно, ниже статуса бояр старомосковских.

К XVI в. начала оформляться чиновная структура Государева двора. Ранее относительно немногочисленная Боярская дума в XVI в. существенно увеличилась в размерах, появились новые думные чины. Из собрания советников великого князя Дума превращалась в высший законосовещательный орган власти при царе, ее деятельность становилась более регламентированной. В течение XVI в. происходила эволюция состава и структуры Государева двора. В 1550 г. была проведена Тысячная реформа, направленная на обеспечение «лучших слуг» (членов формировавшегося нового состава Государева двора) поместьями под Москвой для несения более эффективной службы при дворе. В результате Тысячной реформы на смену дворовым детям боярским в составе Государева двора оформилась новая чиновная группа выборных дворян. В последней четверти XVI в. из состава выборных дворян выделилась их верхушка — дворяне московские, несшие службу исключительно «с Москвы». Выборные же дворяне начинали все более тяготеть к местной службе, являясь не только членами Государева двора, но и высшим чином местных служилых корпораций, «служилого города». В послеопричный период верхушка двора (думные чины и высшие московские чины — стольники, стряп-

чие и дворяне московские) выделилась в правящую и привилегировнную группировку, стоящую над массой уездных служилых людей. На протяжени XVI в. складывается также чиновная структура «служилого города», внутри которого оформляются чины дворовых и городовых детей боярских и, наконец, чин выборных городовых дворян. К концу XVI в. происходит ослабление связей Государева двора с местными уездными служилыми людьми. Верхушка уездного дворянства — выборные дворяне — все реже призываются для службы в столицу. Позднее, в начале 1630-х гг., выборные дворяне окончательно утратили связь с Государевым двором. Отстранение местной элиты от двора и участия в высших сферах управления страной являлось одной из особенностей политического развития Московского государства.

Главной обязанностью всех служилых людей было военное дело, хотя столичным чинам давались и другие поручения. За службу все служилые люди получали поместья. С утверждением поместной системы шел процесс становления единого общерусского дворянского служилого сословия. У части служилых людей, прежде всего представителей княжеско-боярских родов, сохранялись родовые вотчины. Однако на протяжении XVI в. в силу ряда причин (экономических, демографических, политических) происходил упадок значения родовой вотчины. Одной из форм материального обеспечения верхушки служилых людей были кормления, а после отмены системы кормлений — денежное жалованье из четвертей. Прочие служилые люди «по-отечеству» (городовые дети боярские) получали денежное жалованье вместе с «городом», однако это жалованье было нерегулярным. В первой трети XVI в. в связи с наплывом в состав правящей элиты знатных выходцев из Литвы при московском дворе сложился институт местничества (порядка назначения на службу), который учитывал как происхождение (родовитость) служилого человека, так и те «места», которые занимали его предки. В середине XVI в. были предприняты меры к упорядочению местничества. Хотя местничество порой наносило урон военному делу, в XVI в. оно еще не изжило себя и являлось мощным стимулом для службы представителей знати при дворе. В определенной степени местничество было компромиссом между самодержавной властью и корпоративной солидарностью элиты.

Развитие поместной системы серьезно сказалось на судьбе крестьянства. Если первоначально в поместье раздавались бывшие вотчины новгородских бояр, а также бывшие владения князей и бояр в других областях, то, исчерпав эти фонды, власти стали раздавать в поместья земли черносошных крестьян. В результате многолетних раздач (особенно в годы опричнины) черные земли в центре страны практически исчезли и остались только на Русском Севере и в северных уездах Замосковного края. Господствующей формой землевладения в стране становится поместье.

Шел процесс консолидации посадских людей, населения черных посадских общин. Нуждавшиеся в росте налогоплательщиков московские власти предпринимали меры по запрещению членам посадских общин селиться в частных привилегированных городских владениях крупных землевладельцев и, по возвращении, посадских людей в тягло, проводили политику так называемого посадского строения. Однако эта политика была непоследовательной. Из общего состава горожан выделялась группа привилегированных купцов — гостей и членов Гостиной и Суконной сотен. Внутри страны существовали таможни, при проезде через которые нужно было платить различные пошлины. В середине XVI в. с открытием Беломорского пути в Российском государстве появились иностранные купцы — англичане, позднее голландцы, получившие от царя привилегии,

вызывавшие недовольство русского купечества.

На протяжении столетия шло развитие государственного аппарата. В середине XVI в. появляются приказы как самостоятельные ведомства. К концу века в общих чертах складывается приказная система, перешедшая в следующее столетие. Консолидировалась Боярская дума как высший государственный орган при государе. Важным общественным институтом, который появился в XVI в., становились Земские соборы. До сих пор исследователи не пришли к общему мнению, можно ли считать Земские соборы XVI в. сословно-представительным органом. Тем не менее они играли видную роль в общественно-политической жизни страны; к концу столетия сложилось представление, что важнейшие решения должны приниматься с учетом мнения «всей земли». На соборе 1598 г. был избран на царство Борис Годунов.

Проблему легитимности верховной власти осознавали еще в конце XV в., когда Иван III задумал венчать на царство своего внука Дмитрия. Титул великих московских князей был явно недостаточен для правителей суверенного православного государства. Василий III по материнской линии восходил к византийскому императорскому роду Палеологов, однако провозгласить себя царем решился только его сын Иван IV в 1547 г. Далее следовали многочисленные попытки добиться признания царского титула со стороны иностранных государств. Западноевропейские державы предпринять такое действие не соглашались, и тогда правительство Ивана IV обратилось к иерархам православного Востока, но и здесь победа далась нелегко. Наконец в 1561 г. собор Константинопольской патриархии выдал Ивану IV грамоту, содержащую признание за ним царского титула. К тому времени к Российскому государству были присоединены Казанское и Астраханское ханства, и этот факт стал важным аргументом для легитимации царского титула, поскольку правители Казани и Астрахани носили титул ханов, который в России того времени приравнивали к царскому.

Складывавшиеся в России первой половины и середины XVI в. зачатки сословного представительства и сословного строя неизбежно вступали в противоречие с самодержавными устремлениями московских государей. По существу, это было столкновением между различными путями и методами централизации страны, а не борьбой «государственных» и «антигосударственных» («антицентрализаторских») сил, как долгое время считалось в историографии, из чего выводили главную причину отказа царя Ивана IV от прежнего реформаторского курса и учреждения опричнины. По большому счету опричнина представляла собой попытку путем введения чрезвычайного положения пресечь своеволие разных групп общества и поставить возникшие общественные институты под контроль самодержавной государственной власти.

В результате осуществления политики опричных земельных переселений (массовых выселений земских из уездов, взятых в опричнину) большая часть русских служилых людей была сдвинута со своих насиженных мест. Серьезно нарушились их традиционные земельные и служебные связи, что ослабляло перед лицом монархии местные служилые общества. Серьезный удар нанесла опричнина по родовой княжеско-боярской вотчине и, в частности, по родовому княжескому землевладению, основная часть «княжат» утратила к концу XVI в. свои старинные родовые вотчины. Разгром родовой боярской вотчины, утрата прежних связей с местным дворянством, раскол на опричников и земских существенно трансформировали русскую аристократию, поставив ее в полную зависимость от монархии. Нарушение прежних земельных связей повлекло за собой ликвидацию территориальной структуры Государева двора и утверждение нового (чиновного) принципа его строения. Принудительным пересе-

лениям в годы опричнины подверглись не только служилые люди, но и представители верхушки купечества — гости. В результате политики принудительных переселений в Москву купцов, продолжавшейся на протяжении 1570—1580-х гг., провинциальные посады лишились своей наиболее влиятельной и зажиточной верхушки, и население городов превратилось в однородную тяглую массу. Получившая значительные привилегии и одновременно поставленная на службу государству верхушка купечества (гости и члены Гостиной и Суконной сотен) оказалась отгороженной от основной части городского населения, что фактически исключало гостей из состава посадских людей. Серьезно изменилось в годы опричнины положение крестьянства черносошных земель, где были издревле развиты традиции самоуправления. Значительная часть этих земель была роздана помещикам, а в центральных уездах страны черная крестьянская волость оказалась практически полностью уничтоженной.

Опричнина нанесла ощутимый удар по самим местным органам самоуправления. Произошло дальнейшее подчинение государству губных органов. Проводимая опричным правительством политика массовых раздач помещикам черных и дворцовых земель оказала сильное разрушительное влияние на судьбы земского крестьянского самоуправления. В результате политики переселений наиболее зажиточных и влиятельных купцов и ремесленников произошла серьезная деформация органов самоуправления в городах. Существенным тормозом развития «третьего сословия» явилась политика правительства по прикреплению податного населения к тяглу, начало которой приходится на последние годы царствования Ивана IV.

Упадок системы органов самоуправления сопровождался заметным усилением контроля центральной власти над уездами. Для контроля над деятельностью местных обществ в годы опричнины из центра на места посылались особые чиновники — так называемые посланники. В конце царствования Ивана IV получает развитие новая (воеводская) форма местного самоуправления. Сначала воеводская власть утверждалась только в пограничных городах, но вскоре она стала распространяться и на внутренние области страны, и на север, где были особенно развиты традиции самоуправления. Местные органы самоуправления постепенно оказались в подчинении власти воевод — представителей центральной власти.

Таким образом, проводимая Иваном IV в опричные и послеопричные годы политика, направленная на утверждение «самодержавства», не осталась безрезультатной. Государственная власть смогла значительно возвыситься над обществом. Опричнина окончательно повернула российскую государственность на самодержавный путь развития, обеспечив победу самодержавных начал над началами сословного представительства. В этом состояла ее главная роль в истории России.

В конце царствования Ивана IV страна переживала острый политический, социальный и экономический кризис. Затяжная Ливонская война и стихийные бедствия, земельные переселения и политика репрессий привели хозяйственную жизнь страны в полный упадок. Экономическая разруха сказывалась на боеспособности армии — многие помещики не могли нести службу с опустошенных поместий. Имел место глубокий раскол в правящих верхах и в среде служилых людей на местах, обусловленный многолетним разделением их на опричников и земских. Положение усугублялось династическим кризисом — наследник престола Федор Иванович был не способен к самостоятельному правлению, а младшему сыну царевичу Дмитрию Ивановичу, рожденному от седьмой жены царя, к моменту смерти Ивана IV не исполнилось и полутора лет. Польский король Стефан Баторий после смерти царя

вынашивал планы вторжения в Россию. Он рассчитывал найти поддержку в определенных слоях русского общества. Над страной нависала реальная угроза иноземного нашествия и внутренней смуты.

После смерти Ивана IV 18 марта 1584 г. на престол был возведен его сын Федор. При болезненном и слабовольном новом царе судьба трона и государства оказалась в руках противоборствующих боярских группировок. Самой историей была поставлена на поверку жизнеспособность многолетних стараний Ивана IV по утверждению «самодержавства». Российское государство вновь оказалось на перепутье.

Развернувшаяся в начале царствования Федора Ивановича борьба в верхах не сводилась к простым столкновениям за влияние при дворе. В тогдашней обстановке не мог не встать вопрос о путях дальнейшего политического развития страны. Группировка приближенных Ивана IV из Особого двора (наследника опричнины) попыталась захватить власть и принудить царя Федора к продолжению прежнего опричного (дворового) курса, но потерпела поражение. В ходе придворной борьбы поражение потерпела и группировка знатных князей во главе с Шуйскими, политическим идеалом которой было ограничение власти царя в пользу первостепенной княжеско-боярской аристократии. Ни продолжение опричного курса, ни установление режима типа боярского правления не могли вывести страну из политического кризиса. На авансцену выдвинулась третья политическая сила во главе с Борисом Годуновым, которая и одержала верх. При царе Федоре Ивановиче фактическим правителем страны, особенно в последние годы жизни царя, был Борис Годунов.

Как и Иван IV, Борис Годунов всеми мерами стремился к укреплению самодержавной царской власти, подчинению ей всех групп общества, прежде всего княжеско-боярской знати. Но он добивался этой цели иными методами, чем это делал царь Иван. Он не был принципиальным противником княжеской знати. В годы правления Годунова наблюдается процесс консолидации боярской верхушки двора и дьячества в особую правящую и привилегированную группировку служилых людей. Подобная консолидация не приводила к ослаблению самодержавной власти. Утратившая к концу XVI в. основную часть своих родовых вотчин и прежние связи с местным дворянством, княжеско-боярская знать отнюдь не представляла собой слоя крупных и всесильных на местах магнатов. Целиком зависимая от государевой службы, раздираемая местническими противоречиями, русская аристократия была неспособна выступить как единая сила в защиту своих корпоративных интересов. Многие, даже весьма знатные, князья искали дружбы с могущественным правителем Борисом Годуновым, от которого во многом зависели служебные назначения и земельные пожалования, и оказывали ему поддержку. Правителю не потребовалось массовых опал и казней, чтобы удержать знать в повиновении. Но ему удалось избежать применения опричных методов во многом именно потому, что он имел возможность воспользоваться плодами самой опричнины и результатами предшествующей централизаторской политики московских государей.

Проводимая Борисом Годуновым политика консолидации вокруг трона правящей верхушки имела далеко идущие последствия. Уже в конце XVI в. во многом определились пути дальнейшего политического развития страны в XVII в. и специфика государственного строя, при котором сильная самодержавная власть уживалась и сотрудничала с боярской служилой аристократией. Господство при дворе и в государственном аппарате московской служилой знати не давало развиваться выборным учреждениям. Обладая полнотой власти, служилая знать и бюрократия не были заинтересованы в развитии соборной практики. Остальная часть

общества в силу своей недостаточной консолидированности не могла добиться реального участия в управлении страной.

Идея династической монархии, которую в XVI в. старательно декларировали и российские дипломаты, и сочинители историко-политических трактатов, в конце столетия дала сбой. Сын Ивана IV царь Федор Иванович в 1598 г. умер, не оставив наследника, в результате чего династия Рюриковичей прервалась. Однако факты избрания в цари Бориса Годунова, а затем и Михаила Романова не изменили самодержавного характера власти московских государей, поскольку этот выбор был идеологически обоснован преемственностью выборного царя с прошлой династией.

В XVI в. в России получила развитие государственная идеология. Развитие идеологических схем было связано прежде всего с изменением государственной структуры, превращением Московского княжества в единое Российское государство. В продолжение столетия процессы укрупнения государства путем приращения новых территорий набирали силу. Наименование правителя титулами «великий князь», «государь» не устраивало московских идеологов, поскольку с конца XV в. активизировались отношения с западными державами. Вопрос о статусе русского монарха стал важной проблемой московской дипломатии, она не была решена и к концу XVI в. Следует подчеркнуть принципиально важное значение венчания на царство Ивана IV в 1547 г. и утверждения царского титула. Грамота константинопольского патриарха и собора восточных иерархов 1561 г. подтверждала этот титул, тем не менее он не сразу был признан в других странах. Правительству Ивана IV крайне важным было восприятие царской власти не столько иностранными государствами, сколько подданными. Большое значение имело подчеркивание сакрального характера царской власти.

Этот прием легитимации самодержавной власти правителя обширного государства, известный с глубочайшей древности, в России XVI в. имел своим образцом аналогичное явление в Византийской империи. В сакрализации царской власти самое деятельное участие принимала церковь, которая становилась одной из государствообразующих властей, брала в лице архиереев на себя роль государственной власти в новоприсоединенных регионах, встраивалась в костяк государства. С этим обстоятельством следует связывать церковное происхождение большинства памятников царской идеологии XVI в. Именно в середине XVI в., при митрополитах Макарии и Афанасии, была окончательно сформирована и действовала модель симфонии властей — светской и духовной. Во второй половине царствования Ивана IV были изменены многие идеологические конструкции, а также нарушено внешнеполитическое равновесие, подорваны внутренние силы страны. При этом в действиях царского окружения в годы опричнины также различимо стремление к сакрализации власти, но ни о какой симфонии властей говорить в это время не приходится. Это расхождение, ознаменовавшееся конфликтом царя с митрополитом Филиппом, без сомнения, имело под собой серьезные объективные основания. Идеология царства XVI в. важна для истории русской культуры еще и потому, что в ней соединились черты Средневековья и Нового времени. Идея богоизбранности русского народа получила оформление в сочинениях русских книжников, где присутствуют и элементы летописно-хронографической традиции, и житийные топосы, и черты Нового времени.

В XVI в. произошли важные изменения и в церковной организации. Исторически на земли Руси распространялась власть Киевской митрополии Константинопольского патриархата. После переезда митрополита в Северо-Восточную Русь в конце XIII в. статус и название митрополии не изменились. Неприятие Москвой Флорентийской

унии 1439 г. привело к появлению Московской митрополии, которую фактически учредил Василий Темный, поставив без согласования с Константинополем в Москве митрополитом рязанского епископа Иону. Это событие в историографии называют учреждением автокефалии Русской церкви, однако с точки зрения канонического права оно было незаконным, что не могли не понимать в России. В продолжение XVI в. обозначенная проблема была решена, законность церковной иерархии в России была восстановлена. Это произошло в 1589 г., когда была учреждена Московская патриархия. Московский митрополит Иов стал патриархом, и этот акт признали другие вселенские патриархи. Данное событие имело большое значение для истории России, сопоставимое с утверждением царского титула. Таким образом, в XVI в. были решены две важные задачи: легитимация как светской, так и церковной власти и формирование институтов царской власти и патриаршества. Первый из них сохранял свое значение до революции 1917 г., а второй существовал до 1721 г., затем был возобновлен в 1917 г. и действует до настоящего времени.

В целом история России XVI в. — это история становления и развития единого государства, которое впоследствии станет Российской империей. Столь обширным и разнообразным в культурном, этническом и религиозном плане Российское государство сформировалось именно в XVI в. Тогда же впервые стали явственными сложные вопросы, которые останутся актуальными в XVII—XX вв. Это и проблемы взаимоотношений верховной самодержавной власти и общества, и трудности в осуществлении централизованного управления столь разными регионами, и неоднородная структура общества, вызывавшая у власти стремление к ее унификации, и многое другое. Но тогда, в XVI в., впервые столкнувшись с этими проблемами и будучи не в состоянии их решить, страна впала к концу столетия в кризис, который оказался столь затяжным и системным, что едва не привел к ее распаду в эпоху Смуты начала XVII в. И не в последнюю очередь именно опыт трудного начального пути собирания земель для будущей империи, пройденный в XVI в., позволил стране сохраниться и развить в следующем XVII столетии заложенные ранее основы и тенденции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	—	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук: Т. 1—4. СПб., 1836
АИ	—	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: Т. 1—5. СПб., 1841—1842
АИСЗР. I	—	Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — XVI в. Л., 1971
АИСЗР. II	—	Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974
АИСЗР. III	—	Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север, Псков. Л., 1978
АИСЗР. IV	—	Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989
АСЗ	—	Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.: Сборник документов: Т. 1—4. М., 1997—2008
АСЭИ	—	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XVI — начала XVI в.: Т. 1—3. М., 1952—1964
АФЗХ	—	Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.: Ч. 1—3. М., 1951—1961
БЛДР	—	Библиотека литературы Древней Руси
ГАВО	—	Государственный архив Владимирской области
ГИМ	—	Государственный исторический музей (Москва)
ГТГ	—	Государственная Третьяковская галерея
ДАИ	—	Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею: Т. 1—12. СПб., 1846—1872
ДДГ	—	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
МДА	—	Московская духовная академия
НИОР РГБ	—	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)
ПИАХМЗ	—	Псковский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	—	Российская государственная библиотека (Москва)
РИБ	—	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею: Т. 1—39. СПб., 1872—1927
РИО	—	Русское историческое общество
СГГД	—	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: Ч. 1—5. М., 1813—1828, 1894
СПбИИ РАН	—	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
ТОДРЛ	—	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом)
ЧОИДР	—	Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЦГА РСО-А	—	Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М., 1915.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею Императорской Академии наук. Т. 1: 1334—1598 гг. СПб., 1841.

Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV — начала XVI в. / Подг. публ. И. Ю. Анкудинов. М., 2013.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1848.

Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов: XV — начало XVII в. М., 1998.

Акты Русского государства 1505—1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 1—2. СПб., 1836.

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века: Сборник документов: В 4 т. М., 1997—2008.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря: 1572—1584 гг. Л., 1990.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3 / Сост. И. А. Голубцов. М., 1964.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1—3. М., 1951—1961.

Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. М., 1983.

Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. М., 1967.

Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 119—154.

Башкирские предания и легенды / Подг. Ф. А. Надршиной. Уфа, 1985.

Башкирские шежере / Сост. Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.

Башкирское народное творчество. Т. 2: Предания и легенды / Сост. Ф. А. Надршина. Уфа, 1987.

Богоявленский С. К. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 26—33.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1 / Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979.

Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924.

Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001.

[*Виженер Б.*] Извлечение из записок Блеза де Виженер (1573) / Пер. К. Мельника // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.). Киев, 1890. С. 59—88.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря: 1559—1601 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1983.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря / Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1980.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 241—270.

Гваньини А. Описание Московии / Под ред. Г. Г. Козловой. М., 1997.

Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008.

Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Подг. Е. Б. Французова. М., 2002.

Горсей Дж. Записки о России: XVI — начало XVII в. / Под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990.

Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись: История Сибирская; Летопись Сибирская; Краткая Кунгурская: Исследование, текст, перевод: Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Библиотеки Российской академии наук (СПб.). Тобольск, 2006.

Домострой / Подг. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 2001.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии / Под ред. Н. Е. Носова и В. М. Панеяха. Л., 1987.

Иностранцы о древней Москве (Москва XV—XVII веков) / Сост. М. М. Сухман. М., 1991.

Источники по социально-экономической истории России XVI—XVII вв.: Из архива московского Новодевичьего монастыря / Подг. В. Б. Павлов-Сильванский. М., 1985.

Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века / Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.; Л., 1948.

Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исследование и текст) / Подг. К. В. Петров. СПб., 2004.

Колло Ф. Доношение о Московии. М., 1996.

Корецкий В. И. Новгородские дела 90-х гг. XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 315—319.

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880.

Курбский А. История о великом князе московском / Подг. А. Цеханович // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 8: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 218—399.

Курбский А. История о делах великого князя московского / Подг. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015.

Лавочные книги Новгорода Великого: 1583 г. / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1930.

Летописи Сибирские / Сост. и общая ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991.

Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.

Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / Сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола, 1991.

Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. / Ред. Н. В. Устюгов. М.; Л., 1936.

Материалы по истории казахских ханств XV—XVII вв.: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.

Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. Л., 1932.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.

Наместничьи, губные и земские Уставные грамоты Московского государства / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909.

Новгородские писцовые книги. Т. 6. СПб., 1910.

Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. А. И. Малеина. Л., 1934.

Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1 / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Т. 1: С 1488 по 1594 год. СПб., 1851.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10: С 1580 по 1699 год. СПб., 1871.

Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011.

Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955.

Памятники русского права. Вып. 4 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Л., 1979.

Писцовая езовая книга дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года / Сост. В. С. Барашкова, З. В. Дмитриева, Л. С. Прокофьева; под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1984.

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1: Писцовые книги XVI века. Отделение 1: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1 / Сост. К. В. Баранов. М., 1999.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4 / Сост. К. В. Баранов. М., 2004.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6 / Сост. К. В. Баранов. М., 2009.

Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли / Сост. М. Ю. Зенченко. М., 2018.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2: Новгородская IV летопись. Л., 1925. С. 321—536.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003.

Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1853.

Полное собрание русских летописей. Т. 8: Воскресенская летопись. М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901.

Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 13. 2-я половина: Дополнения к Никоновской летописи. СПб., 1906.

Полное собрание русских летописей. Т. 13: Никоновская летопись. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 19: История о Казанском царстве. М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 20: Львовская летопись. М., 2004.

Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский хронограф. М., 2005.

Полное собрание русских летописей. Т. 24: Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921.

Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М., 2006.

Полное собрание русских летописей. Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963.

Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. М., 2009. С. 9—116.

Полное собрание русских летописей. Т. 30: Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2009.

Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987.

Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л., 1982.

Полное собрание русских летописей. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М. Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 29—60.

Послания Ивана Грозного / Подг. Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951.

Послания Иосифа Волоцкого / Подг. А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1571—1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев. М., 2016.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Сост. В. В. Трепавлов. М., 2003.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1549 гг. / Подг. Н. М. Рогожина. Махачкала, 1995.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.) / Сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань, 2006.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561—1566 гг.) / Сост. Д. А. Мустафина. Казань, 2018.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. Л. Н. Годовиковой; отв. ред. В. Л. Янин. М., 1983.

Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: Сборник документов. Т. 1 / Сост. Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М., 2004.

Приходо-расходные книги московских приказов: 1619—1621 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1983.

Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. IX. СПб., 1793.

Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. X. СПб., 1795.

Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. СПб., 1801.

Разряд Полоцкого похода 1663 г. // Витебская старина. Т. IV / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1885.

Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подг. В. И. Буганов. М., 1966.

Разрядная книга 1475—1605 гг.: В 4 т. / Подг. В. И. Буганов. М., 1977—2003.

Разрядная книга 1550—1636 гг. В 2 т. / Подг. В. И. Буганов. М., 1975—1976.

Ремезов С. У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. 2. М., 1989. С. 550—582.

Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Под ред. О. Ф. Кудрявцева. М., 1997.

Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. С. М. Каштанов; подг. С. М. Каштанова, Л. В. Столяровой, Б. Л. Фонкича. М., 2004.

Русская историческая библиотека. Т. 15: (Сборный). СПб., 1894.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Т. 4. М., 1988.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Т. 5. М., 1992.

Русско-белорусские связи: Сборник документов (1570—1667) / Отв. ред. Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков. Минск, 1963.

Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Сборник Русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1887.

Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887.

Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892.

Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.

Сборник Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5. М., 1894.

Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 8. М., 1850. С. 1—96.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2 / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008.

Судебники XV—XVI вв. / Подг. Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: (Извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884.

Толковый Типикон / Сост., предисл. и примеч. М. Скабалановича. М., 2008.

Торгівля на Україні: XIV — середина XVII століті: Волинь і Наддніпрянщина / [Упоряд.: В. Н. Кравченко, Н. М. Яковенко]. Київ. 1990.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой. М., 2002.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Под ред. и с предисл. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михманнаме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.

Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906.

Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Х. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. Т. 9. Вып. 27. СПб., 1889.

Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. М., 1996.

Штаден Г. Записки немца-опричника / Сост. С. Ю. Шокарев. М., 2002.

Штаден Г. Записки о Московии: В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника / Пер. И. И. Полосина. [М.], 1925.

Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 2: Тексты и обзор белозерских актов (1395—1758 гг.). М., 1900.

Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003.

Литература

Абдиров М. Хан Кучум: Известный и неизвестный. Алматы, 1996.

Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991.

Абрамович Г. В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192—199.

Авалиани С. Л. Земские соборы. Одесса, 1910.

Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — XVI в. / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север — Псков / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1978.

Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1989.

Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005.

Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966.

Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002.

Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998.

Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 57—68.

Алишев С. Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI — начало XIX в. М., 1990.

Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988.

Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005.

Аракчеев В. А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — XVII в. М., 2014.

Аракчеев В. А. Псковский край в XV—XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003.

Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 65—90.

Бахрушин С. В. Научные труды: В 4 т. М., 1952—1959.

Бахтин А. Г. XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.

Бахтин А. Г. Марийский край в XIII—XVI веках: Очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012.

Бахтин А. Г. Российское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. СПб., 2022.

Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв.: Исследование и тексты. М.; СПб., 2016.

Башнин Н. В., Корзинин А. Л. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172—188.

Беляев Л. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г. Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 83—98.

Беляков А. В. Историческая география Мещеры XIV—XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72—85.

Беляков А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии. Алматы, 2019.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV—XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011.

Бенционов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Бенционов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64—76.

Бенционов М. М. «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. М., 2019.

Богомолова М. В. Знаменная монодия и безлинейное многоголосие на примере Великой панихиды. Вып. 2. М., 2005.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья; Землевладение и общественный строй; Органы самоуправления. М., 1909. VIII, 322.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира; Земство и государство. М., 1912. 311, 45.

Болотин Д. П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII—XVII века). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Борисов А. А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (Опыт комплексного исследования). Новосибирск, 2010.

Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. М., 1988.

Бочкарев В. А. Стоглав и история Собора 1551 года: Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906.

Бражников М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972.

Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962.

Булычев А. А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных Ивана Грозного. М., 2005.

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV—XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986.

Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. Вологда, 1989.

Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960.

Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск, 1995.

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.

Верюжский И., свящ. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых. Вологда, 2009.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. Л., 1926.

Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.

Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973.

Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). М., 2009.

Володихин Д. М. Иван IV Грозный: Царь-сирота. М., 2018.

Володихин Д. М. Малюта Скуратов. М., 2012.

Володихин Д. М. Митрополит Филипп. М., 2009.

Воробьев А. В. Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI — первой половины XVII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2012.

Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 1—2. СПб., 1865—1869.

Гардзанити М. «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека: К источникам плача Василии // Русская литература. 2021. № 1. С. 55—70.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV—XVIII вв.). Иркутск, 1990.

Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в.: Из научного наследия / Сост. Н. В. Козлова, В. Н. Захаров, И. Е. Тришкан. М.; СПб., 2012.

Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998.

Головнев А. В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Головчанский А. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005.

Голохвастов Д. П., Леонид [Кавелин]. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874.

Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1997.

Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.

Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода. СПб., 1877.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946.

Гришкика М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV — первая половина XIX века). Ижевск, 1994.

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

Гусейнова З. М. Русские музыкальные азбуки XV—XVI веков: Учебное пособие. СПб., 1999.

Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье: Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века. Улан-Удэ, 2005.

Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 467—482.

Дедук А. В. От столицы удела (княжества) до приходского центра: Судьба города Мышега // Региональные столицы России — точки опоры и роста: Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2023. С. 20—23.

Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965.

Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары, 1993.

Димитриев В. Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. 2-е изд. Чебоксары, 2018.

Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI—XVII вв. СПб., 2003.

Дмитриева З. В., Козлов С. А. Налоги и войны в России XVI—XVIII вв. СПб., 2020.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908.

Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст / Отв. ред. Н.В. Синицина. М., 2000.

Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

Заварюхин Н. В. Очерки по истории Мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993.

Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. 1—2. Казань, 1877—1879.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006.

Захарьина Н. Б. Русские певческие книги: Типология, пути эволюции. Автореф. дис. ... д-ра искусств. М., 2007.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977.

Зимин А. А. Опричнина. М., 2001.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Казань, 1873.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.

Иконы Строгановских вотчин XVI—XVII веков / Сост. М. С. Трубачева. М., 2003.

Искер — столица Сибирского ханства. Казань, 2010.

История Бурятии: В 3 т. Т. 1: Древность и средневековье / Отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2011.

История и культура нивхов: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. А. Тураев, В. Л. Ларин. СПб., 2008.

История и культура татар Западной Сибири. Казань, 2015.

История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 1 / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1985.

История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994.

История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: В 5 т. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма / Отв. ред. Н. А. Горская. М., 1990.

История Татарии в материалах и документах / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1937.

История Тувы: В 2 т. 3-е изд. Т. 1 / Отв. ред. С. И. Вайнштейн, М. Х. Маннай-оол. Новосибирск, 2015.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Отв. ред. Л. Р. Кызласов. М., 1993.

История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н. Н. Диков. М., 1989.

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Кур-

ган, 21—22 апреля 2011 г.) / Под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татаурова. Курган, 2011.

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17—18 апреля 2014 г.) / Под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татаурова. Курган, 2014.

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татаурова. Курган, 2017.

Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства: Очерки. Казань, 2006.

Исхаков Д. М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011.

Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. Л., 1970.

Казанцева М. Г. История певческого искусства в письменной культуре Древней Руси XII—XVII вв. (по книге Ирмологий). Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975.

Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. М., 1996.

Каптерев Н. Ф. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874.

Карамзин Н. М. История государства Российского. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1819.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 7. М., 1989.

Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия Средних веков. СПб., 1906.

Карпова М. В., Степанова Ю. В. Территориальная организация Торопецкого уезда XVI—XVII вв. в писцовых описаниях // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI—XX в.: Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной конференции, г. Кириллов, 20—23 июня 2023 г. СПб., 2023. С. 77—79.

Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967.

Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия. М., 1913.

Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960.

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902.

Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории. Ч. 1. СПб., 1902.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995.

Кобрин В. Б. Опричнина: Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008.

Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 16—91.

Козляков В. Н. Служилые люди России XVI—XVII веков. М., 2018.

Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.

Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987.

Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV — XVI в.). М., 1971.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951.

Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 32—50.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550—1565 гг.). М.; Л., 2016.

Корзинин А. Л. О персональном составе опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат: Международный исторический журнал. 2016. № 4. С. 9—34.

Корзинин А. Л. Состав дворянства на Земском соборе 1566 г. Ч. 1—2 // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2012. Вып. 1. С. 3—23; Вып. 2. С. 14—35.

Корзинин А. Л., Штыков Н. В. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III // Былые годы (Bylye Gody). 2017. Vol. 44 (2). P. 330—341.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1990.

Кочекаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010.

Кром М. М. Политический кризис 30—40-х годов XVI века: (Постановка проблемы) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 3—19.

Кром М. М. Стародубская война (1534—1537): Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.

Кром М. М. Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV: Новые данные о внутриполитической борьбе конца 1533 — 1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 34—49.

Круглова Т. В. Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1991.

Ксенофонтов Г. В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Якутск, 2004.

Культура средневековой Москвы: XIV—XVII вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1995.

Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV — XVII веке. Волгоград, 2005.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.

Кызласов Л. Р. История Тувы в Средние века. М., 1969.

Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский (1482—1563). М., 1877.

Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961.

Липаков Е. В. Дворянство Казанского края в конце XVI — XVII в.: Формирование, состав, служба. Автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 1989.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI—XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. М.; СПб., 2007.

Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.

Лузгин А. С. В тесном соседстве: Хозяйство и материальная культура русского населения Мордовии: Историко-этнографические очерки. Саранск, 1987.

Ляховицкий Е. А. Стоглавый Собор и общественное сознание Руси XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996.

Макарий (Веретенников). Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002.

Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996.

Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940.

Мансветов И. Д. Церковный устав (типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М., 1885.

Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951.

Мартин Р. Э. Невеста для царя: Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI—XVII веков. М., 2023.

Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века. Курган, 2008.

Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: Военно-политические аспекты истории. Казань, 2012.

Мацук А. М. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство восточного Приморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1—2. М., 1999—2000.

Милов Л. В., Булгаков М. В., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер и методы исследования. М., 1986.

Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рец. на соч. А. С. Лаппо-Данилевского: Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1892.

Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2003.

Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...»: Очерки по истории государева двора

в России XVI в.: Повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010.

Моисеева Г. Н. «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI века. М.: Л., 1958.

Монашество и монастыри в России: XI—XX века: Исторические очерки. М., 2005.

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 153—193.

Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1979.

Морозова Л. Е. Женщины и власть в Московском царстве XV — начала XVII в. М., 2018.

Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI — начало XVIII в.). Екатеринбург, 2015.

Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков / Сост. А. И. Рогов. М., 1973.

Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI вв.). Казань, 2012.

Мятлев Н. В. Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912.

Назаров В. Д. Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси (XIV—XV вв.) // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.). М., 2001. С. 33—47.

Назаров В. Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 187—207.

Назаров В. Д. Княжеское родовое землевладение в России: Традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Калуга, 22—24 сентября 2002 г.). Калуга, 2003. С. 16—35.

Назаров В. Д. О структуре Государева двора середины XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 40—54.

Назаров В. Д. Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110—123.

Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 175—196.

Назаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210—218.

Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI—XIX вв.). Иркутск, 2005.

Небольсин П. Покорение Сибири. СПб., 1849.

Нефёдкин А. К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. — XIX в.). СПб., 2016.

Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века: (Исторический обзор). М., 2010.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910.

Новикова О. Л. Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI в. и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 38—90.

Новицкий В. И. Выборное и большое дворянство XVI—XVII веков. Киев, 1915.

Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582 гг.). СПб., 1904.

Ногманов А. И. Самодержавие и татары: Очерки истории законодательной политики второй половины XVI — XVIII веков. Казань, 2005.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.

Носов Н. Е. Русский город в XVI столетии // Россия и Италия: Материалы IV конференции советских и итальянских историков. М., 1972. С. 41—68.

Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 152—177.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990.

От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003.

Очерки демографической истории России: XI—XXI века. Т. 2: XVI—XVII века / Отв. ред. В. Б. Жиромская. М.; СПб., 2022.

Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции) / Отв. ред. А. В. Хлебников. Йошкар-Ола, 1965.

Очерки истории СССР. Т. 4: Период феодализма: Конец XV — начало XVII вв. / Под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. М., 1955.

Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1 / Гл. ред. И. П. Емельянов. Ижевск, 1958.

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н. Н. Диков. Новосибирск, 1974.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992.

Павлов А. П. Земельные переселения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 89—104.

Павлов А. П. К изучению внутренней политики Русского государства конца XVI в.: (О масштабе переписи земель в 1580—90-х гг.) // Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX в.: Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина: Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1994. С. 14—19.

Павлов А. П. Политика правительства царя Федора Ивановича относительно церковного землевладения // Studia Humanistica: 1996: Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 66—68.

Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 187—227.

Павлов А. П. Самодержавие и земские соборы Русского государства XVI—XVII веков // Место России в Европе: (Материалы международной конференции). Budapest, 1999. С. 113—121.

Павлов А. П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л., 1978. С. 206—225.

Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI века (опричнина Ивана Грозного) // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 203—244.

Павлов А. П. Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества // Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.—17. Jahrhundert / Hrsg. L. Steindorff. Wiesbaden, 2010. S. 74—77.

Павлов А. П. Эволюция государства и общества в России во второй половине XVI в. (к вопросу о сословно-представительной монархии) // Russishe und Ukrainishe vom 16.—18. Jahrhundert. Bd. 58. Wiesbaden, 2001. S. 29—39.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

Панеях В. М. Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.

Панеях В. М. Русь в XV—XVII вв.: Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 19—101.

Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975.

Парфентьев Н. П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI—XVII вв.: Школы. Центры. Мастера. Свердловск, 1991.

Парфентьева Н. В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI—XVII вв. (на примере произведений выдающихся распевщиков). Челябинск, 1997.

Патканов С. К. Тип Остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.

Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: Наместники и волостели. М., 2000.

Перов И. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках. Рязань, 1882.

Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М., 2012.

Перхавко В. Б. Торговля и торговцы средневековой Руси. М., 2018.

Платонов С. Ф. Борис Годунов. Пг., 1921. С. 96—97.

Платонов С. Ф. Боярская дума — предшественница Сената // Платонов С. Ф. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 2012. С. 341—357.

Платонов С. Ф. Заметки по истории Земских соборов // ЖМНП. 1883. № 3. С. 1—20.

Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923.

Платонов С. Ф. Иван Грозный // Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: В 2 т. Т. 2. СПб., 1994.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995.

Полехов С. В. Василий III. М., 2015.

Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. М., 1972.

Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71—80.

Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории города. Харьков, 1957.

Рамазанова Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI—XVII веков. СПб., 2004.

Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII веков / Сост. Л. А. Петрова, Н. С. Серегина. Л., 1988.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.): Очерки истории. Казань, 2009.

Решетова А. А. Древнерусская паломническая литература XVI—XVII веков: (История и поэтика). Рязань, 2006.

Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994.

Рогожин Н. М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.

Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА (конец XV — начало XVIII в.). М., 1990.

Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.

Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.

Романов Б. А. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. // Исторические записки. Т. 52. М., 1955. С. 325—335.

Романов Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 140—145.

Ромодановская Е. К. Русская литература Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973.

Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.

Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков, 1917.

Савваитов П. Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. СПб., 1886.

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969.

Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014.

Седов Вл. В. Псковская архитектура XVI века. М., 1996.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сибирский ислам: Региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004.

Селезнев А. Г., Селезнева А. И., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: Специфика универсального. М., 2009.

Сергеев А. В. Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI — начале XVII века: Князья Ростовские и Ярославские. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

Сергеевич В. И. Древности русского права: В 3 т. Т. 2. Кн. 5. М., 2007.

Серегина Н. С. Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI—XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994.

Сибирские татары / Отв. ред. С. В. Суслова. Казань, 2002.

Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.

Силкин А. В. Строгановское лицевое шитье. М., 2002.

Симсон П. Ф. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще отечественною историею. М., 1880.

Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2010.

Сиренов А. В. Степенная книга: История текста. М., 2007.

Ситдиков А. Г. Казанский кремль: Историко-археологическое исследование. Казань, 2006.

Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси в XIV—XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966.

Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.

Скрынников Р. Г. Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., 1990.

Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Сметанина С. И. Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

Смирнов И. И. Иван Грозный. Л., 1944.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.

Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1917.

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.; Л., 1947.

Соболев В. И. История сибирских ханств [по археологическим материалам]. Новосибирск, 2008.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. 3. Т. 5—6. М., 1960.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5. М., 1989.

Солодкин Я. Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века (спорные проблемы истории и историографии). Нижневартовск, 2010.

Солодкин Я. Г. Московское государство накануне Смуты: Спорные проблемы политической истории рубежа XVI—XVII вв. Нижневартовск, 2013.

Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI — начала XVII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1973.

Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004.

Степанова Л. Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV—XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.

Стефанович Д. Ф. О Стоглаве: Его происхождение, редакции и состав: К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909.

Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002.

Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009.

Суслова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935.

Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875.

Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. Казань, 2016.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI—XIX вв. СПб., 2018.

Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии: Избранные труды. Казань, 2011.

Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань, 2018.

Усачев А. С. Был ли конфликт Ивана IV с рязанской кафедрой в 1569 г.? // Российская история. 2016. № 5. С. 66—81.

Усачев А. С. Вологодский епископ Антоний и Русская церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 136—146.

Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97—113.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.

Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички / Сост., пер., предисл., коммент. Л. В. Седовой. Саранск, 1983.

Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.

Филюшкин А. И. Василий III. М., 2010.

Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009.

Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). М., 1992.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005, 2023.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. М., 1978.

Фролов А. А. Новгородские писцовые книги: Источники и методы исследования. М.; СПб., 2017.

Фролов С. В. Эволюция древнерусского певческого искусства и его расцвет в XVI веке. Автореф. дис. ... канд. искусств. Л., 1980.

Хайретдинов Д. З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX века. Н. Новгород, 2002.

Хелли Р. Холопство в России: 1450—1725 гг. М., 1998.

Хованская О. С. Осада и взятие Казани в 1552 году: Историко-археологический очерк. Казань, 2010.

Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации XI—XVI вв. М., 1986.

Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Чебодаев П. И. История Хакасии (с древнейших времен до конца XIX в.). Абакан, 1992.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

Черепнин Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.). М., 1968.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948.

Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996.

Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII века (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004.

Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах: 1271—1505 гг. М., 2005.

Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866.

Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987.

Шапиро А. Л. Соха как единица обложения в XIV — первой половине XVI в. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С. 72—87.

Шапиро А. Л., Дмитриева З. В. Выть — единица обложения в Русском государстве XIV—XVII вв. // Средневековая Русь: Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 94—135.

Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. СПб., 2006.

Шатагин Н. И. Русское государство в первой половине XVI в.: (Очерки из политической истории Руси в первой половине XVI в.). Свердловск, 1941.

Шведов В. Г., Махинов А. Н. Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век): Историко-географическая перспектива. М., 2011.

Шишкин И. Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV — XVI вв. (1917 — начало XXI в.). Тюмень, 2009.

Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

Шумилов М. М. История торговли и таможенного дела в России IX—XVII вв. СПб., 1999.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

Эскин Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.). М., 2019.

Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940.

Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на севере России XV—XVII вв. СПб., 1913.

Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. 1. М.; Л., 1943.

Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915.

Alef G. The Origins of Moscovite Autocracy: The Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1986. Bd. 39.

Berelowitch A. La Hiérarchie des égaux: la nibless resse d'Ancien Régime: XVI—XVII siècles. P., 2001.

Bogatyrev S. N. The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture: 1350s—1570s. Helsinki, 2000.

Bushkovitch P. Possevino and the death of tsarevich Ivan Ivanovich // Cahiers du monde russe. 2014. 2014. Vol. 55 (1—2). P. 19—34.

Camphausen H.-W. Die Bojarenduma unter Ivan IV: Studien zur altmoskauer Hershaftsordnung. Frankfurt a. M.; Bern; N. Y., 1985.

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia: 1613—1689. Princeton. 1983.

DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Is-

lam in Historical and Epic Tradition. University Park (PA), 1994.

Gonneau P. Ivan le Terrible, ou le métier de tyran. P., 2014.

Gonneau P. L'Eglise face aux crises dynastiques en Moscovie: XV—XVII s. // Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzwpte and Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.—17. Jahrhundert / Hrsg. L. Steindorff. Wiesbaden, 2020. S. 25—48.

Gonneau P., Lavrov A. Des Rhôs à la Russie: histoire de l'Europe orientale: 730—1689. P., 2012.

Halperin Ch. J. Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Panish. Pittsburgh, 2019.

Halperin Ch. J. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol 3 (3). P. 501—507.

Halperin Ch. J. Stepennaia kniga on the Rein of Ivan IV: Omissions from Degree 17 // Slavonic and East European Review. 2011. Vol. 89 (1). P. 56—75.

Hellie R. Enserfment and Miitary Change in Muscovy. Chicago; L., 1974.

Hellie R. Slavery in Russia: 1450—1725. Chicago, 1982.

Kappeler A. Die Kosaken. München, 2013.

Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien, 1982.

Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall. 3 ed. München, 2019.

Keenan E. L. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (MA), 1971.

Kivelson V. A. Autocracy in the Provinces: The Moscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996.

Kleimola A. M. "Mistakes were made": Text and image in *the Litsevoi Letopisnyi Svod* account of the Staritskii rebellion // Revue des Études Slaves. 2016. Vol. 87 (3—4). P. 371—384.

Kollman N. Sh. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012.

Kollman N. Sh. Kinship and Politics: The Making of the Moscovite Polytical System: 1345—1547. Stanford, 1987.

Lenhoff G. The construction of Russian history in *Stepennaia kniga* // Revue des Études Slaves. 2005. Vol. 76 (1). P. 31—50.

Martin R. E. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. Illinois, 2012.

Martin R. E. The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers: 1495—1745 / Northern Illinois University Press at Imprint of Cornell University Press. Ithaca; L., 2021.

Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars / Eds. V. A. Kivelson, R. H. Greene. University Park (PA), 2003.

Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier: 1204—1589. Cambridge; N. Y., 1998.

Poe M. T. A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography: 1476—1748. Ithaca, 2000.

Soldat C. Das Testament Ivan des Schrecklichen von 1572: Eine kritische Aufklärung. Lewiston; N. Y., 2013.

Steindorff L. Equality under Reserve: Men and Women in Donations and Commemoration in Muscovite Russia // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49 (2—3). P. 193—210.

Steindorff L. Mehr als eine Frage der Ehre: Zum Stifterverhalten Zar Ivans des Schrecklichen. 2003. Bd. 51 (3). S. 342—366.

Steindorff L. Strikt geregelt and bemessen: Die Tafel im Iosif-Kloster bei Volokolamsk um 1580 // Russische Küche und kulturelle Identität / Hrsg. N. Franz. Potsdam, 2013. S. 277—302.

The Tapestry of Russian Christianity: Studies in History and Culture / Eds. N. Lupinin, D. Ostrowski, J. B. Spock. Columbus (OH), 2016.

The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia: An English version / Ed. N. Elias; transl. E. Denison Ross. L., 1895.

Thyrêt I. Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, 2001.

Torke H. J. Die staatsbedingte Gessellschaft im Moscauer Reich: Zar und Zemlja in der Altrussischen Herrschaftsverfassung: 1613—1689. Leiden, 1974.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В тексте:

Обмерные чертежи псковских храмов первой половины XVI в.: 1) Успения с Парома. 1521 г. План по хорам; 2) Воскресения со Стадища. 1532—1534 гг. План по хорам; 3) Петра и Павла с Буя. 1540 г. План по хорам; 4) Покрова в Знахлицах. После 1533 г. (?). Продольный разрез (по: *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. М., 1996. С. 52, 59, 103, 106). — **с. 142**.

На вклейке:

Царское моленное место в Успенском соборе Московского Кремля (Мономахов трон). Фрагмент с рельефами, иллюстрирующими Сказание о князьях Владимирских. 1551 г. Россия, Москва, Турция. 1551 г.; ткань — XVII в. Фото В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля.

Александр Невский и надгробные портреты князей московского дома. Роспись Архангельского собора Московского Кремля. 1652—1666 гг. (по программе 1560-х гг.). Фото В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля.

«Благословенно воинство Небесного Царя». Икона. Середина XVI в. Москва. © Государственная Третьяковская галерея.

Икона четырехчастная. 1547—1551 гг. Псков. Фото В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля.

Александр Свирский с житием. Икона из Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XVI в. Фото В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля.

Евангелист Матфей. Миниатюра Евангелия. Мастер Феодосий, сын Дионисия. 1507 г. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Собрание М. П. Погодина № 133. Л. 10 об.

Введение во храм. Настенная роспись в Благовещенском соборе — западная стена, северный люнет. 1547—1551 гг. Фото А. Д. Алексеева, В. В. Благова, В. Е. Оверченко. © Музеи Московского Кремля.

Проповедь Христа. Миниатюра Евангелия Исаака Бирёва. 1531 г. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 304/III (собрание рукописей ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 15. Л. 327 об.

Распятие Христово. Икона из церкви Николы со Усохи в Пскове. Около 1535 г. © Псковский музей-заповедник.

Преображение Господне. Икона из церкви Спаса на Нередице близ Новгорода. 1530—1540-е гг. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Господь Саваоф. Роспись Преображенского собора Спасского монастыря в Ярославле. 1563—1564 гг. Московские и ярославские мастера. © Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Оплакивание Христа. Плащаница. Вклад князя Владимира Андреевича Старицкого и его матери Евфросинии Андреевны. 1561 г. © Сергиево-Посадский музей-заповедник.

Путешествие Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Иерусалим. Миниатюра Жития Николая Чудотворца. 1560—1570-е гг. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 37 (собрание Т. Ф. Большакова). № 15. Л. 8 об.

Путешествие Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Иерусалим. Миниатюра Жития Николая Чудотворца. 1560—1570-е гг. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 37 (собрание Т. Ф. Большакова). № 15. Л. 9.

Избранные святые. Икона. XVII в. © Псковский музей-заповедник.

Мученик Евстратий. Роспись Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве. Около 1598 г. Фрагмент. Фото А. С. Преображенского.

Икона двусторонняя (таблетка) «О тебе радуется» — Спас Нерукотворный. Конец XV в. Новгород. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Рождество св. Иоанна Предтечи. Икона. 1530-е гг. Новгород. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Проповедь Иакова Брата Господнего. XX неделя по Пятидесятнице. Миниатюра из Апостола. 1540-е гг. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Основное собрание рукописной книги. F.I.60. Л. 204 об.

Поклонение веригам апостола Петра. Новгород. Икона из местного ряда в иконостасе церкви Апостолов Петра и Павла в Кожевниках. Середина XVI в. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

«О тебе радуется». Икона из местного ряда в иконостасе церкви Апостолов Петра и Павла в Кожевниках. Около 1558 г. Новгород. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Св. Феодор Стратилат с житием. Икона в окладе из церкви Феодора Стратилата на Ручью. 1540—1550-е гг. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Симеон Яковлев. Богоматерь Владимирская. Икона. 1561 г. (?). © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Пророк Исайя. Икона из пророческого чина Рождественского собора в новгородском Антониевом монастыре. 1570-е гг. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Видение пономаря Тарасия. Икона из Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря. 1574—1582 гг. Новгород. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Рождество Богоматери с житием Иоакима, Анны и Богоматери. Икона. Середина XVI в. Новгород. © Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород.

Церковь Богоявления на Запсковье. 1496 г. Вид с юго-востока. Интерьер: подпружные арки и своды. Фото И. В. Антипова, 2014 и 2019 гг.

Церковь Николы в Виделебье. 1551—1552 гг. Керамическая храмозданная надпись на барабане. Фото Д. С. Скобкаревой, 2015 г.

Никольский собор в Острове. 1542—1543 гг. Интерьер, вид на север. Фото И. В. Антипова, 2016 г.

Церковь Николы со Усохи. 1535 г. Вид с юго-запада. Интерьер: подпружные арки и своды. Фото И. В. Антипова, 2014 и 2020 гг.

Успенский собор Псково-Печерского монастыря. 1523 г. Вид с запада. Фото И. В. Антипова, 2015 г. План (по: *Седов Вл. В.* Псковская архитектура XVI века. М., 1996. С. 61).

Звонница Мальского монастыря. Первая половина XVI в. Вид с северо-запада. Фото И. В. Антипова, 2015 г.

Успенский собор в Свияжске. 1560 г. Вид с востока. Фото Д. С. Скобкаревой, 2015 г.

Никольская надвратная церковь Псково-Печерского монастыря. 1564 г. Вид с юго-востока. Фото И. В. Антипова, 2005 г.

Собор Трех святителей Елеазарова монастыря. Вторая половина 1560-х — 1570-е гг. (?). Фото И. В. Антипова, 2016 г.

Стихирарь «Дьячье око». 1580-е гг. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря № 586/863. Л. 219.

Многолетие царю Ивану IV Васильевичу. 1570-е гг. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Собрание Соловецкого монастыря № 690/763. Л. 279 об.—280.

Грамота Ивана IV в Великий Новгород 9 февраля 1556 г. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2 (Актовые книги Археографической комиссии). Ед. хр. 23. Л. 348—349 об.

Анонимное узкошрифтное Евангелие. 1553—1554 гг. Государственный исторический музей. Собрание П. В. Щапова № 16.

Анонимное среднешрифтное Евангелие. 1558—1559 гг. Государственный исторический музей. Собрание П. В. Щапова № 42.

Анонимное широкошрифтное Евангелие. 1563—1564 гг. Государственный исторический музей. Собрание И. Н. Царского № А14.

Часовник. Иван Федоров, печатник; Петр Тимофеев Мстиславец, печатник. Москва, Печатный двор. 29 октября 1565 г. Российская национальная библиотека. № 1.5.29.

Апостол. Иван Федоров, печатник; Петр Тимофеев Мстиславец, печатник. Москва, Печатный двор. 1 марта 1564 г. Государственный исторический музей. Собрание А. И. Хлудова № 17.

Белокаменные саркофаги семьи князей Кубенских. Новодевичий монастырь, Смоленский собор (1540—1560-е гг.), подклет. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг. Институт археологии РАН.

Надгробие князя Ивана Ивановича Кубенского (казнен 21.07.1546). Новодевичий монастырь, Смоленский собор (1540—1560-е гг.), подклет. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг. Институт археологии РАН.

Надгробие князя Федора Ивановича Канбарова, младенца († 25.07.1562). Новодевичий монастырь, Смоленский собор (1540—1560-е гг.), подклет. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг. Институт археологии РАН.

Надгробие Василия Глебовича Салтыкова, убитого 29 декабря 1572 г. «в немецкой земле под Пайдою за святую церковь и за государя и за всех православных хрестьян». Московский Кремль, Чудов монастырь. Раскопки ИА РАН (рук. Н. А. Макаров), 2016 г. Институт археологии РАН.

Надгробие Каспара Эльферфельда, ланддроста Петерсхагена, затем ливонского пленника и советника Ивана IV (ум. 1571 г.). Из фондов ГБУК го-

рода Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы».

Культурный слой на месте Опричного двора за Неглинной в Москве (песчаная засыпка пожарища 1571 г.). Раскопки ИА РАН (рук. Н. А. Кренке), 1996—2002 гг. Институт археологии РАН.

Сосуд ритуальный. Из погребения царя Ивана IV Васильевича. 1584 г. Стекло. Венеция. XVI в. Фото С. В. Баранова. © Музеи Московского Кремля.

Перстень-печатка с изображением птицы. Конец XVI в. Московский Новодевичий монастырь. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг. Институт археологии РАН.

Крест-энколпион с изображением сцены Распятия и святых, в числе которых свв. Сергий и Никон Радонежские. Вторая половина XVI в. Московский Новодевичий монастырь. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2017—2019 гг. Институт археологии РАН.

Изразцы печные красноглиняные. Конец XVI в. Московский Новодевичий монастырь. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2018 г. Институт археологии РАН.

Восточный неф с раскрытыми саркофагами середины — второй половины XVI в. Смоленский собор (1540—1560-е гг.) московского Новодевичьего монастыря, подклет. Раскопки ИА РАН (рук. Л. А. Беляев), 2018 г. Институт археологии РАН.

Вооружение русских воинов. Гравюра из издания: [*Herberstein S. von.*] Rervm Moscoviticarvm Commentarii, In hijs comentarijs sparsim contenta habebis candide Lector. Russi[a]e & que nunc eius Metropolis est, Moscoui[a]e breuissimam descriptionem. De Religione quoq[ue] varia inserta sunt: Et que nostra cum Religione non conueniunt. Corographiam deniq[ue] totius imperij Moscici: Et vicinorum quorundam mentionem. Quis deniq[ue] modus excipiendi & tractandi oratores: disseritur. Itineraria quoq[ue] duo, in Moscouiam sunt adiuncta. [Wien], 1549. Баварская государственная библиотека, Мюнхен.

Русский купец XVI в. Гравюра из издания: *Weigel H.* Habitus Praecipuorum Populorum tam Virorum, quam Foeminarum, olim singulari Johannis Weigelii Proplastis Norimbergensis arte depicti & excusi, nunc vero debita diligentia denuo recusi. Das ist Trachtenbuch, Darinn fast allerley und der fürnembsten Nationen, die heutiges tages bekand seyn, Kleidungen, beyde wie es bey Manns und Weibspersonen gebräuchlich, mit allem fleiß abgerissen seyn, vor zeiten. Standort. Nürnberg, 1577. Баварская государственная библиотека, Мюнхен.

Предметы торевтики, характерные для кыргызской культуры в XIII—XIV вв. (по: *Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. Рис. 21, 38, 40).

Предметы вооружения, характерные для кыргызской культуры в XIII—XIV вв. (по: *Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. Рис. 21, 38, 40).

Реконструкция тяжеловооруженного кыргызского воина XIII—XIV вв. (по: *Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000. Рис. 42).

План и разрез городища Оймак (по: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 155. Рис. 59).

Кондуйский городок. Реконструкция (по: Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н. Н. Крадин. М., 2018. С. 306).

Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения (по: *Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Николаев Е. Н. и др.* Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4. С. 93, 95).

Сопроводительный инвентарь Сергеляхского погребения (по: *Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Николаев Е. Н. и др.* Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4. С. 93, 95).

Карта Руссии, Московии и Тартарии Энтони Дженкинсона, Климента Адамса и Николаса Рейнольдса. 1562. Лондон. Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae, descriptio Authore Antonio Jenkinsono Anglo, Clemente Adamo edita, et a Nicolao Reinoldo Londinensi, ari insculpta. Anno salutis, 1562. Библиотека университета Вроцлава.

Редакторская правка на странице Лицевого летописного свода. Царственная книга. Государственный исторический музей. Синодальное собрание № 149. Л. 273.

Приезд в Москву в 1558 г. сына великого князя Кабарды Темрюко Идарова князя Михаила Темрюковича (до крещения Султанука). Миниатюра. Лицевой летописный свод. XVI в. Синодальный том. Государственный исторический музей. Синодальное собрание № 962. Л. 407.

Отъезд по указу Ивана IV в феврале 1560 г. князя Д. И. Вишневецкого в Черкесию («на государство в Черкасы»). Миниатюра. Лицевой летописный свод. XVI в. Синодальный том. Государственный исторический музей. Синодальное собрание № 962. Л. 470.

Блюдо, принадлежавшее царице Марии Темрюковне. 1561 г. Москва. Фото С. Ю. Миронова. © Музеи Московского Кремля.

Бюст казанского хана (Махмуда). Реконструкция Т. С. Балуевой. 1996 г. © Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль».

Бюст казанского хана Мухаммед-Эмина (Амина). Реконструкция Т. С. Балуевой. 1996 г. © Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль».

План распространения культурных слоев Казани XI—XVI вв.

Изделия из глины. Казань. Раскоп XLIX.

Реконструкция орнамента гипсовых гирихов ханского времени из Казанского кремля.

Погребение 8(3). Казань. Раскоп LXV 2004 г.

В оформлении тома использованы:

На первой странице суперобложки — Литовченко А. Д. Иван Грозный показывает сокровища английскому послу © Русский музей, Санкт-Петербург.

На последней странице суперобложки — Суриков В. И. Покорение Сибири Ермаком © Русский музей, Санкт-Петербург.

На корешке — Парсуна Ивана Грозного. Национальный музей Дании, Копенгаген.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аарон, библ. 72
Аббас I, шах 240, 497
Абд ал-Карим б. Кучук-Мухаммед 481
Абд ал-Керим б. Махмуд 414, 416
Абд ар-Рахман б. ʻАбд ал-Керим 414, 416
Абдал, освобожденный от податей (тархан) по ярлыку хана Сахиб-Гирея 405
Абдул-Латиф, хан, царь 209, 478
Абдула (Кайбула) бин Ак-Кобек, астраханский царевич 239, 244
Абдулла II, бухарский хан 436
Абдуллах б. Ризван 478, 479
Аблай-Герим, пелымский князь 439
Абли-султан б. Хусейн 414
Абрамович Г. В. 297
Абу Бекр, халиф 403
Абу-л-Гази, хивинский хан 433
Абшита Взреков, кабардинский князь 467
Авдуак (Айсуак) Санбаев 421
Аверин И. А. 276
Авраамий, епископ Коломенский 10, 11, 282
Авраамий Ростовский, преподобный 138
Агалак, тюменский хан 431
Агафонов А. И. 280
Агиш, сибирский князь 432
Адашев Алексей Федорович, окольничий 66, 89, 232, 422, 491
Адиль-Гирей 492, 497
Аднаш Хафиз, татарский поэт, дипломат 408
Айдар б. Хаджи-Гирей 475, 477—481
Ак, ногайский мирза 437
Ак-Бобай 481
Ак-Будал 481
Ак-Даулет бин Ак-Курт, сибирский царевич 241
Ак-Курт, тюменский царевич 431
Ак-молла (Ахмолна) 416
Акакий, епископ Тверской и Кашинский 34, 42, 55
Аккубек б. Муртаза 414
Акназар (Хак-Назар) казахский хан, наместник Ногайской Башкирии 421
Акпарс, богатырь 500
Аксаков Леонтий Иванович, воевода 356
Акулина (Окулинка) (жена Якова) 210
Ал-Ашраф Кансух ал-Гури 497
Ал-Чагир 485
Алач 494
Алевиз Новый (Алоизо Ламберти да Монтаньяна), зодчий 101, 189
Алей (Али бин Кучум), сибирский хан 426, 427
Александр, архиепископ, митрополит Новгородский и Псковский 84, 283, 286, 290, 294
Александр, кахетинский царь 471
Александр Казимирович (Ягеллончик), великий князь, король 202
Александр Мезенец, монах звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, музыкальный теоретик 164
Александр Сафакиреевич (Утямиш бин Сафа-Гирей), казанский царевич 239
Александр Свирский, преподобный 118
Александр Ярославич Невский, князь, преподобный 52, 61, 95, 138
Александра *см.* Ирина Федоровна (Годунова)
Александров В. А. 332
Алексеев А. И. 13, 14, 18, 20, 22—24, 30, 47, 52, 285
Алексеев Ю. Г. 13, 17, 215, 217, 222, 315, 326, 329
Алексей, епископ Великопермский и Вологодский 36, 42

Алексей, игумен Троице-Сергиева монастыря 44
Алексей, протопоп Успенского собора 19, 21
Алексей Михайлович, царь 85, 359
Алексий, архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 285
Алексий, митрополит Киевский и всея Руси, святитель 32, 84, 91, 296
Али, ногайский мирза 434
Али, сибирский хан 434, 437, 440
Али-Куркулу-бек, правитель Цахура 470
Алиев Б. Г. 469
Алишер Навои, поэт, государственный деятель 408
Алмазов А. 203
Алп-Гирей 493
Алпатов М. В. 139
Алтын-хан 446
Алтыулы 401
Алферьев Роман Васильевич, думный дворянин 234
Альд Мануций, итальянский книгоиздатель 99
Альшиц Д. Н. 92
Амвросий (Орнатский), епископ 139, 140, 303
Амосов А. А. 92, 296
Амосовы, семья торговых крестьян 317, 337, 368
Ананий, живописец Антониева монастыря 139
Ананьин Сильвестр, староста Гостиной сотни 364
Анастасия Петровна, княгиня, жена князя Ф. М. Мстиславского 220
Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева, царица и великая княгиня 50, 61, 66, 205—207
Андрей, протопоп кремлевского Благовещенского собора *см.* Афанасий, митрополит Московский и всея Руси
Андрей Боголюбский, великий князь Владимирский 17
Андрей Васильевич, удельный князь Углицкий 12
Андрей Иванович Стародубский, князь 201
Андрей Иванович, сын Ивана III, удельный князь Старицкий 14, 29, 38, 39, 205, 215
Андрей Иванович, удельный князь Старицкий 183
Андрей Лаврентьев, иконописец 121, 135
Андрей Рублев, иконописец 110, 126, 309
Андурхай 466
Аника 204
Анишина А. П. 298
Анкудинов И. Ю. 333
Анна, сестра Ивана III 495
Анна Алексеевна Колтовская, царица и великая княгиня, четвертая жена Ивана IV (инокиня Дарья) 211
Анна Васильевна, великая княгиня Рязанская 220
Анна Васильевна, княгиня, дочь Анны Васильевны Рязанской 220
Антипов И. В. 141, 144
Антоний, архимандрит Спасо-Андроникова монастыря 11
Антоний, митрополит Московский и всея Руси 76, 78—80, 282, 283
Антоний, монах Спасо-Преображенского ярославского монастыря 96
Антоний, патриарх Константинопольский 49
Антоний Великий, основатель Киево-Печерского монастыря 17, 28
Антоний Великий, основатель монашества 17, 28
Антоний Крутицкий, преподобный 285
Антоний Римлянин, преподобный, основатель новгородского Антониева монастыря 140
Антонов А. В. 215, 221, 239, 242
Антонова В. И. 138
Антоновы (Онтоновы), династия гостей-сурожан 369
Анфим, дьяк, сын попа Сильвестра 180
Анхимюк Ю. В. 25, 175, 231
Аппак 485, 486
Аракчеев В. А. 328, 338, 339, 342, 350, 381, 385, 388, 392
Аристотель Пушечник, литейщик 263
Арсений, иеромонах 43, 46
Арсений (Шишка), епископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский 282
Арслан-Али бин Абдулла, астраханский царевич 239
Арслан хан (Араслан Алеевич), касимовский правитель, хан 427
Артемий, игумен 204, 295

Артемий, старец 63, 64
Арциховский А. В. 324
Асай, ногайский мирза 432
Афанасий, архимандрит Новоспасского монастыря в Москве 11, 23
Афанасий (Андрей, протопоп кремлевского Благовещенского собора), митрополит Московский и всея Руси 68—71, 73, 91, 92, 176, 283, 284, 295, 522
Афанасий (Палецкий), епископ Суздальский и Тарусский 282, 295
Афанасий Афонский, святой 17, 28
Афанасьев Иван, купец 362
Афиногенов Д. Е. 20
Ахмад (Ахмет), хан Большой Орды 481
Ахмад-Гирей, сибирский хан 433, 434, 436, 439
Ахмед б. Кучук-Мухаммед 414
Ахмед-Гедик-паша 482
Ахмедшейх, предводитель племени табын 426
Ахриев Ч. Э. 461
Аше, абасгский князь 457

Баба-Али 416
Багаутдин 495, 496
Бадил, властитель местности 464, 466
Бай-Гельди 480
Баки бин Ак-Кобек, астраханский царевич 239
Бакиханов А. К. 468, 469
Бакы 489
Баловнев Д. А. 306
Банев Федор, солепромышленник 357
Баранов К. В. 227, 354, 356, 380
Баранова С. И. 190
Бараш-султан 478
Барберини Рафаэль, итальянский путешественник 183, 184, 249
Барсегян Т. В. 46, 303, 304
Басмановы 106
Бассият 466, 467
Баталов А. Л. 94, 105, 106, 190, 195, 196
Бахадыр-Гирей 476, 486, 487
Бахрушин С. В. 361, 364, 387
Бахтин А. Г. 411, 500
Башкин Матфей Семенович 62—65, 138
Башнин Н. В. 207, 297, 303
Башыл-бей, абазинский князь 458
Баязид II, султан Османской империи 456, 496
Бегунов Ю. К. 14, 17, 34
Безкунников Иван 258
Безнин Михаил Андреевич, думный дворянин 234
Безобразов Семен, посланник в Крым 492
Бек Суфи 473
Бек-Булат, сибирский князь 432, 434
Бекбулат, астраханский царевич 239
Беклемишев Никита, посол 494
Белаго Иванчи, посол 494
Белевские, князья 219, 220
Беликов В. Ю. 318
Белокуров С. А. 15, 277, 469, 470
Белый (Белово) Федор Никитин сын 202
Бельские, князья 219—221
Бельский Богдан (Андрей) Яковлевич, воевода 182, 231, 234
Бельский Григорий Лукьянович (Малюта Скуратов), опричник, думный дворянин, воевода 75, 125, 207, 208, 230
Бельский Дмитрий Федорович, князь 270, 285
Бельский Иван Дмитриевич, князь 67, 270
Бельский Иван Федорович, князь, боярин 39, 43, 44
Бельский Мартин, польский хронист 90
Бельский Семен Федорович, князь, боярин 43, 186
Бельский Федор Иванович, князь 220
Беляев И. Д. 312
Беляев Л. А. 103, 189—191, 193—196, 220
Беляков А. В. 207, 209, 238, 240, 241, 243—245, 262
Белякова Е. В. 31
Беннигсен А. 483
Бенцианов М. М. 216—218, 222, 223, 228, 230, 262, 268
Берелович Ан. 248
Берсенев Андрей 60
Берсень-Беклемишев Иван Никитич, боярин 35
Бескровный Л. Г. 303
Беслан Кайтуко (Беслан Тучный), великий князь Кабарды 455
Бибей б. Мухамед-Гирей 487, 488
Бикбав (Бик-бау), предводитель башкирского племени усерган 424

Билимон Тимофей, гость 387
Бир-Девлет 479
Бирюков Ю. Б. 148
Благова Г. Ф. 277
Бобр, дьяк, подрядчик 127
Бобр Василий, гость 369
Бобров А. Г. 302
Бобынин Алексей Григорьевич, гость 369
Бобынин Юрий Григорьевич, гость 369
Боголюбский Андрей Юрьевич, великий князь Владимирский 136
Богомолова М. В. 164
Богословский М. М. 306, 316
Богоявленский С. К. 402
Боз-Торгай б. Кучук-Мухаммед 481
Болотин Д. П. 445
Болотоко, западночеркесская ветвь княжеской династии 449, 454, 456
Бомелиус Элизеус, придворный астролог, лекарь 79
Бон Фрязин, зодчий 101, 102
Бона Сфорца, королева 205
Борзунов Иван, гость 353
Борис, святой, русский князь, сын Киевского князя Владимира Святославича 91, 167, 168
Борис Васильевич, удельный князь Волоцкий 240
Борис Татаринов (Татарин), казачий атаман 278
Борис Федорович Годунов, боярин, царь 126, 202, 207, 208, 227—229, 231, 232, 238, 234—238, 281, 332, 463, 521
Борисенков Е. П. 323
Борисов Василий, тверской боярин 14
Борисов Григорий Тимофеевич 62
Борисов Иван Тимофеевич 62
Борисов Н. С. 92
Борисов Никита Васильевич 256
Борисова Марья Давыдова дочь 204
Борисовы 219
Борк Ганс, иноземец на русской службе 249
Борнуша, царица 241
Боровитиновы, купеческий род 352
Бородин Парфений Иванович, гость 359
Бочкарев В. А. 308
Бошковска Н. 198, 200, 204
Бояр, князь 439
Бравина Р. И. 444
Брезгунова В. М. 255
Брюнель Оливье, голландец, торговый агент Строгановых 367
Бубэй-Бэйлэ-хан 447
Буганов В. И. 249
Будай, шамхал гази-кумухский 471
Будалей бин Абдулла, царевич 239
Будиян 466
Буланин Д. М. 31, 47, 72, 137
Буланс, освобожденный от податей по ярлыку хана Сахиб-Гирея 405
Булгаков Юрий Михайлович 272
Булгаковы, князья 219
Булев Николай (Бюлов Николаус), придворный медик, астролог 40, 186
Булычев А. А. 257
Буниятов З. М. 468
Бурджи, вторая мамлюкская династия султанов Египта 453
Буссов Конрад, иноземец на русской службе 249
Бутурлин Андрей Васильевич 259
Бутурлины 219
Быкасов Бунда, конюх 380
Бычков И. А. 302
Бычкова М. Е. 133, 220, 221
Бьюгге Лоренц (Буйк Лауренс) иноземец на русской службе 249
Бэрроу Самуэль 257

Вагин Савва Емельянович, член Гостиной сотни 369
Валеев Ф. Х. 406
Вальсамон Федор, византийский юрист 31
Варенцов В. А. 135, 352—354, 356, 371
Варкоч Николай, имперский дипломат 248, 369, 457
Варлаам, игумен Троицкого Махрищского монастыря 95
Варлаам, митрополит Московский и всея Руси 27, 28, 31—33, 36, 47, 283, 290
Варлаам (Пушкин), епископ Крутицкий 82
Варлаам (Рогов), митрополит Ростовский, Ярославский и Белозерский 84
Варлаам Хутынский, преподобный 28, 127, 137, 138, 167, 352

Варсонофий (Валах), архиепископ Полоцкий и Витебский 282
Варсонофий, епископ Смоленский 31, 282
Варфоломей, архитектор 104
Варфоломей, пушкарь, иноземец на русской службе 250
Василий Блаженный, юродивый 203
Василий Великий, святитель, епископ Кесарии Каппадокийской 168
Василий Дмитриевич, великий князь 100
Василий Иванович, великий князь Рязанский 220, 495
Василий Иванович, царевич, сын Ивана IV 207
Василий Иванович Шемячич, князь 220
Василий Кузьмич, протопоп, духовник Василия III 35
Василий Семенович, князь Стародубский 220
Василий I Дмитриевич, великий князь Московский 23
Василий II Васильевич Темный, великий князь Московский 23, 220, 513, 523
Василий III Иванович (в иночестве Варлаам), великий князь Московский 11, 12, 14, 21, 23—38, 47, 58, 59, 73, 87, 96, 101, 102, 109, 111, 121, 126, 127, 137, 182, 191, 205, 207, 211, 216, 218, 220, 223, 224, 240, 250, 263, 272, 289, 352, 355, 357, 378, 413, 484, 486, 489, 497, 513, 515
Василий-Варлаам, агиограф 95
Василиса, игуменья 211
Васильев В. 138
Васильев И. Ю. 276
Вассиан (Василий Иванович Стригин-Оболенский), епископ Тверской и Кашинский 282
Вассиан (Топорков), епископ Коломенский и Каширский 36, 38, 42, 43, 285
Вассиан Патрикеев (Патрикеев Василий Иванович), боярин, писатель, инок 11, 14, 18, 25—31, 35—37, 48, 52, 98, 326
Вассиан II (Санин), архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 19, 20, 23, 24, 27, 29, 282, 285
Васюк Никифоров 173
Вашари И. 482
Введенский А. А. 317, 367, 368
Вдовина Л. Н. 363
Вейго Лас, иноземец на русской службе 249
Векслер А. Г. 191
Великий Митя, дворцовый дьяк 380
Вельяминов-Зернов В. В. 262
Вепрь Федор, гость 369
Вердеревские 219
Верюжский И. П. 298
Веселовский С. Б. 16, 67, 68, 216, 219, 223, 230, 291, 292, 295, 324, 329, 331, 335, 388, 391
Вздорнов Г. И. 46
Виноградов А. В. 243, 244, 484
Висковатый Иван Михайлович, дьяк Посольского приказа 64, 65, 117, 118, 157
Виссен Тоннис фон, иноземец на русской службе 249
Витовт, великий князь Литовский 477
Витт Андрей, немец из Ливонии, гость 366
Вишневецкий Дмитрий Иванович, князь 267
Владимир Андреевич, удельный князь Старицкий 44, 67, 70, 73, 206, 207, 295
Владимир (Бибей) Ибрагимович (Бреимович), князь 241
Владимир Мономах, великий князь 50, 112, 113
Владимир Святославич, великий князь Киевский, святой 16, 17, 53, 61, 91, 113, 115
Владышевская Т. Ф. 169
Власьев Афанасий Иванович, дьяк 248
Вовин А. А. 321
Вовина-Лебедева В. Г. 284, 286, 289
Водарский Я. Е. 296, 297, 303, 312, 325, 339
Воейков Андрей Матвеевич, думный дворянин и ясельничий 234
Воейков Байм (Ефим) Васильевич, думный дворянин 234
Воздвиженский Т. Я. 283
Вознесенский А. В. 172, 175, 177—179
Волжин С. А. 331
Волков Матвей, купец 362
Володихин Д. М. 72, 364
Волынкин Н. М. 275, 276
Волынская Агрофена 52
Воробьев В. М. 227
Воронин Н. Н. 324
Воронцов Иван Михайлович, боярин 208
Воронцов Михаил Семенович, боярин 38
Воронцов Некрас Тимофеев сын 202

Воропаев Дмитрий Леонтьевич, член Гостиной сотни 363
Воротникова И. А. 255
Воротынские, князья 106, 108, 196, 219—221
Воротынский Иван Михайлович, князь, боярин 234, 285, 295
Воротынский Михаил Иванович, князь, боярин 70, 251, 254, 271
Воскобойникова Н. П. 211, 318
Всеволод Псковский, святой, князь 91, 95, 96
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий князь Владимирский 17, 219
Вукович Божидар 177
Выголов В. П. 102, 105
Вяземские, князья 220
Вяземский Александр, князь 209

Гаврюшин Н. К. 42
Гагуа, властитель местности 464
Гази-бек, правитель Рутула 470
Гази-Гирей б. Мухаммед-Гирей 487, 488
Гази-Гирей II 493, 497, 498
Газы II Гире, крымский хан 244
Галактион, архимандрит Спасского монастыря 70
Галактион, епископ Крутицкий 285
Гален фон Генрих, ливонский магистр 353
Гальперин Ч. 265
Гамаюнов А. И. 260
Ган К. Ф. 462
Гардзанити М. 28, 31
Гасанов М. Р. 469
Гаухаршад 478
Гваньини Александр, итальянский издатель, писатель 69, 408
Гедик Ахмед-паша, великий визирь Османской империи 452, 453
Гедимин, великий князь Литовский 219
Гедиминовичи, князья 517
Гейс (Гизен) Стефан, австрийский дипломат 369
Геласий, митрополит Крутицкий 283
Геласий, святой 17, 28
Гелиболулу Мустафа Али 477, 482
Геннадий (Гонзов), архиепископ Новгородский и Псковский 8, 10, 14, 15, 21—23, 27, 97, 134, 135, 159, 282, 307
Геннадий, епископ Суздальский и Тарусский 31
Георгиевский В. 136
Георгий Новый, святой 95
Герасим (Замыцкий), архимандрит Симонова монастыря 36
Герасимов Дмитрий, русский посол 250, 432
Герберштейн Сигизмунд, барон, имперский дипломат 33, 35, 224, 247—250, 331, 372, 406, 432
Геренсендзе, младший сын Даян-хана 446
Герман, патриарх Константинопольский 20
Герман, старец Кирилло-Белозерского монастыря 24
Герман (Садырев-Полев), архиепископ Казанский и Свияжский 69, 71, 72, 74, 285, 288, 296
Гермоген, митрополит Казанский и Астраханский, патриарх Московский и всея Руси 85, 96, 283, 284, 288, 289, 295, 411, 507
Гийас-ад-Дин б. Таш-Тимур 473—475
Гилберт Давид, иноземец на русской службе 248
Гирей Магмет, крымский хан 33
Гладенко Т. В. 127, 131
Гладкова О. В. 203
Глазев (Глазов) Юрий, гость 358, 365
Глазунов И. 181
Глазунова О. Н. 188, 191
Глеб, святой, русский князь, сын киевского князя Владимира Святославича 91, 167, 168
Глебовы 219
Глинская Анна, княгиня 50
Глинская Елена Васильевна, великая княгиня, вторая супруга Василия III 34, 38, 39, 47, 104, 109, 129, 190, 191, 205, 206, 268, 274, 352, 358, 362
Глинские, князья 50, 219—221
Глинский Василий Михайлович, князь, боярин 66, 67
Глинский Иван Михайлович, князь, боярин 207, 231
Глинский Михаил Васильевич, князь 50
Глинский Михаил Львович, князь 35, 205
Глядов Афанасий, гость 362
Годунов Борис Федорович, царь 82—84, 109, 139, 252, 269, 274, 296, 361, 365
Годунов Дмитрий Иванович, боярин 109, 139

Годунов Иван Васильевич 109
Годунов Степан Васильевич, боярин 231
Годунов Федор Борисович, царевич, царь 361
Годуновы 109, 139, 140, 219, 231
Гок Яков, иноземец на русской службе 248
Голикова Н. Б. 356—358, 360, 362—364, 366
Голицын Василий Васильевич, князь, боярин 234
Голицын Иван Иванович, князь, боярин 234
Голобуцкий В. А. 280
Головин Иван Иванович Скряба, боярин 25
Головчанский А. П. 367
Голохвастов Д. П. 60
Голубинский Е. Е. 8, 10, 34, 55, 138, 304
Гольшанская Мария Юрьевна, княжна (в третьем браке жена князя А. М. Курбского) 198
Горбатов Е. Н. 233
Горбатый-Шуйский Александр Борисович, князь, боярин 60
Горбачев В. И. 259
Гордиенко Э. А. 129, 134—139, 353, 354
Городилин С. В. 222
Горсей Джером, английский дипломат, автор «Записок о России» 77—79, 81, 169, 249—251, 286, 356
Горская Н. А. 306, 312
Горский А. А. 306
Горский А. Д. 314—317, 319, 321, 322, 325, 326
Готан Бартоломей 171
Готье Ю. В. 228, 237, 257
Гребенкин Борис 202
Гребенкин Василий Борисович 202
Гребенкин Иван Борисович 202
Гребенкин Меньшик Борисович 202
Гребенкин Микита Борисович 202
Гребенкин Шестой Борисович 202
Гребенкина Ульяна, жена Б. Гребенкина 202
Гребенюк В. П. 96
Гревцов В. Е. 127
Греков Б. Д. 217, 312, 313, 316, 319, 321, 328, 379, 391
Григорий, мастер 131
Григорий, митрополит Зихны, глава греческого посольства 32
Григорий, монах суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 96
Григорий Авнежский, преподобный 95
Григорий Богослов, святитель, богослов 8, 17
Григорий XIII, папа римский 206
Григорьев А. П. 481
Григорян С. Б. 191, 194
Гридя Лихач, писец 302
Гриценко З. А. 203
Громов Г. Г. 324
Грязнов А. Л. 221
Грязной Василий Григорьевич, опричник 230
Гулам Шади, придворный поэт хана Мухаммеда Шейбани 408
Гурий (Григорий Григорьевич Руготин), архиепископ Казанский и Свияжский 62, 282, 285, 287, 288, 409
Гурий (Заболоцкий), епископ Смоленский и Брянский 43, 55, 285
Гурий (Коровин), игумен Хутынского монастыря 133
Гусев П. Л. 139
Гусева А. А. 176
Гусейнова З. М. 165, 166
Гусельниковы 317

Давид, архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 81
Давиденко Д. Г. 298
Дай-хунтайджи 447
Даниил, архиепископ Сербский 91
Даниил, инок Троице-Сергиева монастыря 301
Даниил, митрополит Московский и всея Руси 30, 33—42, 46, 47, 49, 52, 87, 97, 98, 186, 283, 285, 517
Даниил Переславский, преподобный 44, 92
Данилова Л. В. 279, 325
Даниял б. Айдар 478
Дашибалов Б. Б. 442, 444
Дашков Иван Андреевич, князь, терский воевода 467
Даян-хан 446
Дворниченко А. Ю. 280
Дебоссис Паоло, итальянец, пушечный мастер 247
Девлет-Бахты 488
Девлет-Берди 413
Девлет-Гирей, крымский хан 286, 410, 401, 456, 471, 477, 490—492

Девлет-Кельди 474
Девлет-султан 478
Девлет-Яр 479, 480
Девлеш 479
Дегтярев А. Я. 324
Дедков Михаил, гость 358
Дедук А. В. 271
Демидова Н. Ф. 318
Демидовы 424
Демин А. С. 98
Демьян, князь 439
Денежка, гость 387
Денис, поп 19
Денисьевы-Булгаковы 219
Дервиш 413
Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар, астраханский хан 414, 491
Дергачев В. В. 8
Дергачева И. В. 8
Дернов Василий Харин сын 257
Джалал ад-Дин 412
Джан-Али, хан 199, 209
Джанай (Джанай-оглан) 474
Джанибек б. Махмуд, астраханский хан 414, 487
Джанибек б. Музаффар 481
Джанике-ханум 475
Джанкуват бин Дин-Суфи, крымский бек 241
Дженкинсон Энтони, английский дипломат, купец 408, 451, 504
Джучи, хан 412, 413, 473
Джучиды, род 402, 473
Дзялынский Лукаш 201
Дивей бин Хасан, крымский бек 242
Димитриев В. Д. 501
Дин-Али-ходжа, сибирский сейид 436
Дин-Ахмад, ногайский бий 437
Дин-Ахмед бин Исмаил, ногайский бий 401
Дионисий, иконописец 110, 120—122
Дионисий, митрополит Московский и всея Руси 76, 80—82, 283
Дионисий, старец Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере 15
Дионисий Глушицкий, преподобный 28, 300, 301
Дмитриев Л. А. 352
Дмитриев Яков, смолянин 355
Дмитриева З. В. 304
Дмитриева Р. П. 46, 94, 96, 203
Дмитрий Иванович, удельный князь Угличский 216
Дмитрий Иванович, царевич, сын Ивана IV 513, 520
Дмитрий Иванович Внук, великий князь, сын Ивана Молодого и Елены Стефановны 8, 9, 11, 12, 21
Дмитрий Иванович Донской, великий князь Московский 23, 61, 220
Дмитрий Иванович Жилка, сын Ивана III 14
Дмитрий Прилуцкий, преподобный 28
Дмитрий Юрьевич Шемяка, великий князь 201—202, 220
Добрынский Образцов Симский Иван Васильевич, воевода 282
Долголядский Федор Меликдаирович, казанский царевич, князь 240
Доможиров Г. М. 384
Досифей, архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 43
Досифей (Забелла), епископ Крутицкий 36, 38, 39, 42, 282
Досифей (Топорков), инок 28, 29
Дрбоглав Д. А. 195
Дружинин В. Г 40
Дружко Иван, торговый человек 365
Дубровский Казарин, дьяк 173
Дубровский П. П. 93
Думбар Роберт, иноземец на русской службе 248
Духанина А. В. 301
Дьякова О. В. 446
Дьяконов М. А. 328, 384

Евгений (Болховитинов), митрополит 302
Евдокимов Г. С. 101
Евдокия Ивановна, княгиня, дочь Ивана III, жена царевича Петра 220, 240
Евникия, игуменья 211
Евпраксия, княгиня из рода гостя Алексея Хозникова 362
Евфимий, архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 284, 285
Евфимий, архимандрит Рождественского монастыря во Владимире 20

Евфимий, епископ Крутицкий 11
Евфимий Суздальский, преподобный 96
Евфросин, инок 164
Евфросиния Полоцкая, преподобная 91
Евфросиния Старицкая, княгиня 125
Едигеевичи, ногайский клан 437
Едигей (Эдиге, Идигу), беклярбек Золотой Орды, основатель Мангытского юрта и династии, возглавившей Ногайскую Орду 399, 400, 402, 403, 425
Едигер (Ядкар, Жадигер), тайбугинский мирза Сибири, правитель Сибирского ханства 427
Едигер бин Касим, сибирский князь 242, 432—434
Едигер-Магмет, хан 61
Екатерина Медичи, королева 205
Елевферий, епископ Суздальский и Тарусский 70
Елена, мать Константина I Великого 16, 138
Елена Ивановна, княжна, дочь Ивана III, великая княгиня 205
Елена Стефановна (Волошанка), великая княгиня, супруга великого князя Ивана Молодого 8, 10, 11, 21
Елизавета I Тюдор, королева 205, 208, 209
Елизаров Иван, купеческий староста 352
Елкина И. И. 191, 192, 196
Елчин Федор, русский посол 465
Емецкий Яков 337
Емченко Е. Б. 51, 55—60, 168, 171, 286, 291, 299, 307—311
Енгалычева Г. А. 245
Еникеевы, род 245
Еникей, князь 245
Еремеев Федор Борисов, дьяк 173
Ермак Тимофеевич, казачий атаман 274, 367, 403, 425, 439
Ермола, мастер 131
Ермолай-Еразм, агиограф 95, 203
Ертуган, крымская царица 243
Ерусалимский К. Ю. 198, 201, 206, 207, 209
Ефросин Псковский, святой 95, 96
Ефросиния Андреевна Старицкая (Хованская), супруга удельного князя Андрея Старицкого 16, 38, 44
Жареный Федор, дьяк 35
Желтов М. 10
Житовы 219
Жмакин В. 25, 40
Жобер А. 480
Жуков А. Е. 89
Жуков И. И. 331
Журова Л. И. 37, 40, 41, 98, 99

Забелин И. Е. 363, 365
Заболоцкая (Телятевская) Авдотья Семеновна Сонцовна 201
Заболоцкие 219
Загоровский В. П. 271, 272
Зайцев И. В. 240, 413, 475—477, 482—484, 495, 497
Заозерская Е. И. 375
Заседателева Л. Б. 277, 279
Захарий, мастер 131
Захарьев Павел, священник 465
Захарьины 66, 219
Зверинский В. В. 297
Зенченко М. Ю. 318
Зернова А. С. 174, 176, 178
Зиборов В. К. 231
Зимин А. А. 10, 11, 13, 25, 34, 35, 43, 49—51, 55, 62, 68, 80, 81, 89, 94, 216, 217, 219, 220, 229, 240, 247, 250, 261—263, 304, 305, 307, 322, 365
Зимин Степан, торговый человек 365
Зиновий Отенский, старец 64
Знаменский П. В. 306
Зосима, митрополит 7—9, 15, 19—22, 47
Зосима Соловецкий, преподобный 94
Зудов Заня Васильев 487
Зюзин Василий Григорьевич, думный дворянин 234

Ибак (Ибрагим) (бин Ак-Кобек?), астраханский царевич 239
Ибак-хан (Сайид Ибрахим-хан), сибирский хан 400, 426
Ибн Баттута 412
Ибн Кемаль, османский историк 452
Ибрагим бин Дин-Суфи (Тенсубуй), крымский мирза 240, 241
Ибрахим, тюменский хан 431—433

Ивакин Андрей Федоров сын 211
Ивакина Авдотья Федорова дочь 210—211
Иван, протопоп Архангельского собора 79
Иван Андреевич Можайский, князь 201
Иван Борисович, удельный князь Рузский 369, 413
Иван Дерма Ярцев, иконописец 121, 135
Иван Иванович, царевич, сын Ивана IV 81, 165, 195, 204
Иван Келмамаевич, князь 207
Иван Нос, роспевщик 164
Иван Ростиславич Берладник, звенигородский, галицкий князь 276
Иван Федоров, первопечатник 171—174, 176—179
Иван Фрязин, итальянский архитектор 104, 140
Иван I Данилович Калита, великий князь Московский 17, 23
Иван II Иванович Красный, великий князь Московский 23
Иван III Васильевич, великий князь Московский 7, 9—12, 14—16, 18—21, 23, 47, 48, 73, 86, 101, 190, 205, 207, 209, 215—218, 223, 241, 247, 262, 327, 329, 352, 378, 413, 478, 488, 495, 496, 513, 515, 519
Иван IV Васильевич Грозный, царь 38—40, 42, 44, 45, 49—52, 54—56, 60—64, 66—81, 88, 89, 91, 92, 94, 95, 97, 98, 104, 105, 110—114, 125, 126, 132, 133, 137—140, 145, 164, 169, 171—173, 176, 178, 180, 182, 186, 191, 194, 197, 200—211, 228, 230—232, 234, 242, 249, 264, 265, 271, 274, 283, 286, 287, 291, 292, 296, 308, 316, 336, 352, 353, 355, 357—359, 367, 380, 400, 409—411, 415, 434, 456, 470, 471, 490, 491, 501, 511—516, 519—522
Иванко Рязанец, казачий атаман 278
Иванов Д. 485, 486
Иванова Г. И. 318
Ивашев Дмитрий, гость 362
Ивашка Ширяй, руководитель артели каменщиков 145
Ивина Л. И. 223, 297, 300
Иголкин Иван Юрьевич, гость 360
Иголкин Степан, гость 358
Иголкин Юрий, гость 362
Иголкины, купеческий род 360
Иджгибий, предводитель башкирского племени бурзян 424
Иеремия, архиепископ Казанский и Свияжский 285, 288
Иеремия, патриарх Константинопольский 71, 83—85
Изабелла Кастильская, королева 205
Измайловы, род 219
Иисус Навин, ветхозаветный полководец 115
Иисус Христос 205
Ильин М. А. 108
Ильинский Ф. М. 9
Инал Нэху, великий князь Черкесии 449, 452, 454, 457, 458
Иналиды, правящая династия Черкесии 456—458
Индиаву, князь 476
Иоаким IV, патриарх Антиохийский 82, 83, 85, 205
Иоанн, архиепископ Новгородский, преподобный 138
Иоанн, епископ Суздальский, преподобный 96
Иоанн Дамаскин, богослов 41
Иоанн Златоуст, святитель, епископ Константинопольский 17, 41, 168, 181
Иоанн Казанский, преподобный 288
Иоанн IV, архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 31, 33
Иоасаф, игумен московского Данилова монастыря 95
Иоасаф Белобаев, старец 64
Иоасаф (Скрипицын), митрополит Московский и всея Руси 38, 39, 42—49, 52, 58, 170, 283, 284, 286
Иов, патриарх Московский и всея Руси 82, 84, 283, 284, 288, 295
Иовий Павел (Джовио Паоло), итальянский гуманист 250, 432
Иона, епископ Рязанский и Муромский 34, 282
Иона, митрополит Киевский и всея Руси, святитель 37, 52, 62, 84, 91, 93
Иона (Думин), митрополит Ростовский и Ярославский 295
Иона (Собина), архимандрит Чудова монастыря 36
Иордан Иоанн, пушкарь, иноземец на русской службе 250

Иосиф, архимандрит Андроникова монастыря 70
Иосиф, епископ Смоленский и Брянский 31, 282
Иосиф, патриарх, библ. 16
Иосиф Волоцкий (Санин), преподобный 7, 9, 10, 14, 15, 18, 20, 21, 23—30, 45, 48, 63, 64, 135, 136, 204, 286, 299, 300, 303
Ирик *см.* Эрик XIV
Ирина Федоровна (Годунова), царица и великая княгиня (инокиня Александра), сестра Бориса Годунова и жена царя Федора I Иоанновича 82, 169, 208, 211, 370
Исаак Бирев, инок, каллиграф 123
Исаак Собака, архимандрит Чудова монастыря 32, 37, 43, 45, 46, 52, 284
Исайя 494
Исайя Лукошко, роспевщик 164
Исаченко Т. А. 186
Исидор Юрьевский, преподобный 95
Ислам-Гирей, царевич из рода Гиреев 488, 489, 493
Исмаил, шах 469, 470, 496
Исмаил-бий, бий Большой Ногайской Орды 415, 424, 429, 433, 434
Исмаил бин Муса, ногайский бий 241, 242, 400, 401, 503, 504
Истомина Э. Г. 296, 297
Исян хан, предводитель башкирского племени ирэкте 420, 426

Йадгар б. Тимур-Кутлуг 481
Йовий Павел Новокомский (Паоло Джовио) 48

Кадигробов Федор, купец 355
Кадыр-Али-бек бин Хошум-бек Джалаир 243
Казакова Н. А. 7, 9, 25, 27—30, 247, 326
Казакоў А. У. 202
Казанцева М. Г. 166
Кази Пшеапшоко, старший князь Большой Кабарды 465
Казимир, польский король 473, 481
Казы-Гирей, хан 252
Казый (Гази) бин Урак, ногайский мирза 401
Казым, сибирский князь 432
Каит-бей 496
Калачов Н. В. 200, 336, 337
Камбаровы (Канбаровы), князья 240
Каменский А. Б. 198
Канзафар-бий, предводитель башкирского племени мин 424
Кансуяр, правнук хана Кучума 427
Каппелер А. 280
Каптерев Н. Ф. 85, 286
Каравашкин А. В. 95
Карамыш, сибирский мирза 242
Карезано Алоизио да, зодчий 101, 102
Карпов Федор Иванович, дипломат, книжник 40
Карповы 219
Карташов А. В. 10, 26, 48
Карча 465
Касаткин (Косаткин) Третьяк Герасимович, член Суконной сотни 364
Касим б. Кучук-Мухаммед 481, 486
Касим б. Сайид-Ахмед 414
Кассиан, епископ Рязанский и Муромский 55, 64, 283
Кассиан Авнежский, преподобный 95
Кассиан Брадатый, архимандрит Юрьева монастыря в Новгороде 8, 10, 22
Кастровы (Хосровы), род 243
Касым 496
Катерина Ягеллонка, королевна, королева 208
Катырев-Ростовский Михаил Петрович, князь, боярин 234
Каштанов С. М. 17, 22, 27, 28, 34, 39, 47, 52, 60, 70, 91, 206, 263, 413
Квашня Гридя, еретик 22
Квливидзе Н. В. 126
Кельдибек б. Кучук-Мухаммед 481
Кенан-паша 498
Кепек 413
Кивельсон В. 206
Кикин Дмитрий Андреевич 256
Кильдиш 480
Киприан, епископ Пермский и Вологодский 55
Киприан, митрополит Киевский и всея Руси 289
Кирилл, архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 36, 293
Кирилл, митрополит Московский и всея Руси 76, 78, 283
Кирилл, мыльник 355
Кирилл Александрийский, святитель 28

Кирилл Белозерский, преподобный 95, 301
Кириллин В. М. 96
Кирпичников А. Н. 263
Кистерев С. Н. 52, 330, 357, 364, 381
Клаус К. 197, 198
Клеймола Э. 197, 198
Клешнин Андрей Петрович, окольничий 234
Клибанов А. И. 65, 66, 99, 135
Клосс Б. М. 12, 38, 40, 41, 42, 87, 89, 90, 96, 98, 99
Ключевский В. О. 186, 252, 365
Кобелевы, семья торговых крестьян 368
Кобрин В. Б. 35, 59, 200, 202, 205, 206, 217, 218, 221, 222, 230, 261
Кобылин С. 75
Кобылины 219
Кобяк Н. А. 8
Коваль В. Ю. 187—189
Ковырин Богдан, гость 355, 362
Козлов С. А. 276—278, 280
Козлова Н. В. 363
Козляков В. Н. 222
Козубский Е. И. 469
Козьма Яхромский, преподобный 96
Колесников П. А. 323, 377
Колесов В. В. 180
Коллманн Н. Ш. 198
Коло Франческо да 247
Колобков В. А. 72
Кологривовы, семья торговых крестьян 368
Колтовский В. 281
Колупаев М., воевода 503
Колычева Е. И. 47, 79, 80, 292, 303—305, 337—341, 346, 387, 388
Колычевы 72, 219
Коляда Г. И. 177
Комаров О. В. 258
Комеч А. И. 141
Кон И. С. 199
Коновалов Ф. Я. 204
Коноплев Митя, еретик 22
Константин Муромский, князь 94
Константин I Великий, римский император 16, 53, 61, 115, 138
Константин IX Мономах, византийский император 112
Константинов, резидент 491
Константинов Юрий, гость 354
Коншин Леваш, дьяк митрополита 16
Конявская Е. Л. 96
Копанев А. И. 217, 313—317, 336, 357
Корецкий В. И. 79, 328, 337, 392
Корзинин А. Л. 207, 222, 226, 229—231
Корнилий, архимандрит 77
Корнилий, епископ Юрьевский и Вельядский 282
Корнилий Комельский, преподобный 27
Коробейников Матвей, дьяк 371
Коробейников Трифон, купец 369, 370
Корогодина М. В. 41, 186
Королев В. Н. 276, 281
Корюков Богдан, гость 352, 353
Корюковы, купеческий род 352, 356, 360
Косма Индикоплов 130, 137
Костин Алексейко, подьячий, еретик 22
Котков Иван, гость 362, 365
Котов Степан, гость 355
Котошихин Григорий Карпович 422
Кох О. Б. 325
Кочековский А. А. 208
Кочетков И. А. 136
Кошум 489
Кошумовы, род 241
Красноречьев Л. Е. 131, 132
Красноречьева Н. М. 127
Кренке Н. А. 191, 194, 197
Креймола Э. 198
Кром М. М. 38, 39, 44, 48, 50, 219, 221, 262, 355, 382
Кротов М. Г. 224, 237
Круглова Т. В. 302, 306
Крузе Эйлерт 74, 75, 77
Крымшамхалов 466, 467
Ксенофонт, философ 181
Кудайкул *см.* Петр, царевич Казанский
Кудайгул-улан, представитель высшей служилой знати Казанского ханства 422
Кудрявцев С. А. 174
Кузнецов А. В. 147
Кузьмин А. Г. 41
Кузьмина М. К. 95
Кузьмина Н. Н. 127, 134

Кул-Шариф, глава духовенства Казанского ханства, поэт 408
Кулдай Шукр 488—489
Куликов (Кулюков) Пашай-мирза, крымский мирза 244
Кулюковы, род 244
Кумгут 466
Куракин Андрей Петрович, князь, боярин 234
Курат А. Н. 475
Курбатов О. А. 254, 257, 258, 261, 267, 270, 271, 273
Курбский Андрей Михайлович, князь 35, 45, 51, 63, 64, 66, 68, 71—75, 77, 98, 198, 200, 201, 204, 206, 207, 210, 269, 270, 295, 336, 399, 406—407, 420
Курицын Афанасий Федорович, дьяк великого князя Василия III 22
Курицын Иван Волк, дьяк великого князя Ивана III 8, 10, 22
Курицын Федор, дьяк великого князя Ивана III 8, 10, 19, 21, 22
Курмановский В. С. 193
Курукин И. В. 203
Курцов Фуник, дьяк 380
Кутлук, тюменский хан 431, 433
Кутлуг-Заман 479, 480
Кутузов Борис Васильевич, боярин 25
Кутузовы 219
Кутумовы, род 241
Куц О. Ю. 277, 278
Кучкин В. А. 97, 357, 360
Кучук-Мухаммед 413, 481
Кучум, сибирский хан 421, 425—427, 429, 433—437, 439, 440, 507, 511
Кучум бин Муртаза, сибирский хан 232, 243, 246
Кушева Е. Н. 244, 471
Кызласов Л. Р. 443, 447

Лаврентий 285
Лаврентьев Григорий, ремесленник 356
Лавров Л. И. 470, 471
Лагунин И. И. 141
Лазарев В. Н. 138
Ламберти Арканджело, итальянский миссионер 465
Лаптева Т. А. 364
Лаудаев Умалат 462
Лаурина В. К. 134
Лебедев А. Н. 401
Лев Аникита Филолог, агиограф 14
Лев X, папа римский 32
Левкий, архимандрит 70
Лелекова О. В. 135
Лемерсье-Келькеже Ш. 483
Леньковы, семья торговых крестьян 368
Леонид, архиепископ Новгородский и Псковский 79
Леонид (Кавелин), архим. 31, 44, 60
Леонид (Протасьев), епископ Рязанский и Муромский 34, 284, 285, 289, 290, 294—296
Леонтий Ростовский, епископ Ростовский и Суздальский, святитель 167
Лет Андрей, иноземец на русской службе 248
Лехно Давид 480
Лжедмитрий I, царь, самозванец 271
Лизунов Дмитрий 202
Лизунов Пятой (Дмитриевич) 202
Лизунова Федосья 202
Лингет Джимми, шотландец, иноземец на русской службе 250
Липаков Е. В. 237
Лисейцев Д. В. 255, 269
Лихницкий И. М. 297
Лобакова И. А. 72, 75
Лобан Колычев Иван Андреевич, окольничий 495
Лобин А. Н. 247, 253, 256, 262—265, 274
Ломбардо Пьетро, зодчий 101
Лопарев Х. М. 370
Лузгин А. С. 503
Лука, апостол 178
Лукин Иван, гость 362
Лукина Ирина Алексеевна, купеческая дочь 362
Лурье Я. С. 7, 9—11, 20, 25, 30, 40, 135, 200
Лыткин Георгий 179
Любич-Романович В. 184
Ляпин Д. А. 254, 257
Ляховицкий Е. А. 308

Мавродин В. В. 275
Магнус, король Ливонии 267

Магнус, эрцгерцог, король Ливонии 199
Магомедов Р. М. 468, 469
Маджак 447
Майко Андрей, дьяк Ивана III 15
Майко Данило, дьяк Ивана III 15
Майков В. В. 356
Майкы-бий, предводитель башкирского племени табын 426
Макар, дьякон 22
Макарий, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 11
Макарий, митрополит Московский и всея Руси 36, 42, 45, 47—53, 55, 57, 60—62, 64—68, 91, 92, 94, 95, 97, 110, 116, 117, 118, 123, 129, 136, 137, 145, 169, 171, 176, 203, 204, 207, 283, 284, 287, 295, 309, 522
Макарий (Булгаков), митр. 10, 36, 38, 46, 72, 82—85, 297
Макарий (Веретенников), архим. 30, 32, 33, 42, 46, 49, 62, 65, 67, 68, 71, 80, 94
Макарий Калязинский, преподобный 37
Макарий (Миролюбов), архим. 133, 134
Макаров Н. А. 193
Макналли С. 198
Максим Грек (Михаил Триволис), богослов 28, 30—32, 35—37, 40, 52, 99, 138, 201, 204, 284, 285, 326
Максимилиан II, император Священной Римской империи 88
Максимов Иван 21, 22
Малахиев Осип 204
Малеин А. И. 69
Малиновский А. Ф. 484
Малкар 465
Малыгина А. А. 209
Малышев В. И. 99
Мальцев В. П. 237
Мальцева О. Н. 174
Мамалаев Камбар, ногайский мирза 240
Мамет, сибирский князь 432
Мамет (Мухаммед), сибирский карача 240
Мамонов И. Г. 485
Мамук, тюменский хан 431
Мангыты, род 240, 241
Мансветов И. Д. 300
Мансуров Иван Алексеевич, воевода 425
Маньков А. Г. 297, 305, 313, 319, 322, 323
Марголин С. Л. 259, 273
Маремьяна Юрьева 204
Маржерет (Маржере) Жак (Яков) 248, 258, 267
Мария, жена воеводы Стефана Великого 494
Мария (Гошаней, Кученей) Темрюковна (Черкасская), русская царица, дочь великого князя Кабарды, вторая супруга Ивана IV 207, 240, 244, 456
Мария Владимировна, княжна Старицкая 199
Мария Григорьевна (Годунова, урожденная Скуратова Бельская), царица и великая княгиня 207, 208
Мария Тюдор, королева 205
Мария Федоровна (Нагая), царица и великая княгиня (инокиня Марфа) 206, 208, 211
Маркелл Безбородый, роспевщик 164
Маркус Грек, зодчий 104
Мартин Р. Э. 205, 207
Маруша Нефедьев 173
Марфа (Нагая) *см.* Мария Федоровна (Нагая)
Марш (Мерш) Антон, английский купец 361
Маршани, абхазский князь 458
Марья (Марьица), жена Семена 210
Маслов А. Н. 206
Маслюженко Д. Н. 246
Масса Исаак, голландский дипломат 184, 249
Мастробан, зодчий 104
Матвеев А. В. 435
Матвей, епископ Крутицкий 70, 284
Матюшка Аптекарь 62
Мауро Кодуччи, зодчий 101
Махинов А. Н. 446, 448
Махмуд б. Кучук-Мухаммед 478, 481
Махмуд-ходжа-хан, хан Тюменского ханства из династии Шибанидов 427
Махмудек 478
Мевлеш (Мердеш) бин Тевшин (Тениш), крымский мирза 241
Мевлешев (Мердешев) Иван, князь 241
Меде-Мамадж 481
Медоварцев Михаил Яковлевич, книгописец 37, 88
Мезецкая Авдотья, княжна 200
Мезецкие, князья 219
Мейссенгейм Ганс 171

Мельников Ю. Н. 231
Мельникова А. С. 191
Мельничук А. Ф. 367
Мемеш 488
Менгли-Гирей I, крымский хан 413, 456, 473, 474, 476, 478—483, 488, 490, 492, 494—497
Меркурий, архимандрит 70
Метлин Яков, поп 204
Метлина Марья Андреева дочь, попадья 204
Мефодий, патриарх Константинопольский 20
Мехмед II, султан Османской империи 456, 477, 482, 483, 511
Мехмед-Гирей II 492, 493, 497, 498
Мешали Каракучак, предводитель башкирского племени кипчак 424
Мещерский Иван Никитич, князь, сын боярский, каширянин 227
Микула, стрелецкий голова 201
Микулинские, князья 219
Микулинский Семен Иванович, боярин, князь 106
Миллер Г. Ф. 433, 436, 439, 502, 507
Милов Л. В. 95, 265, 363
Минин Григорий, гость 361, 366
Мининков Н. А. 278, 280, 281
Миронов Б. Н. 297
Мисюрь-Мунехин Михаил Григорьевич, государев дьяк в Пскове 98, 144
Митрофан, епископ Коломенский и Каширский 21, 23, 27, 282
Михаил, инок владимирского Рождественского монастыря 96
Михаил, шапошник 374
Михаил Клопский, преподобный 95
Михаил Федорович Романов, царь 281, 365, 465, 521
Михаил Ярославич Тверской, князь 52
Михайла, иконописец 123
Михайлова И. Б. 182
Михайловский Б. В. 139
Мишенин И. М.., купец 370
Мишурин Федор, дьяк 39
Моисеев М. В. 209, 242, 243, 245
Моисеева Г. Н. 12, 15, 24, 98, 164
Моисей, царь, библ. 72
Мокий, новгородский книгописец 97, 131
Молочников А. М. 257
Моль Иоанн 195
Монтаньяна Алоизио да *см.* Алевиз Новый
Мордовина С. П. 230, 231, 360
Морозкина Е. Н. 147
Морозов Б. Н. 186
Морозов Михаил Яковлевич 201, 253
Морозов Роман Андреев сын 202
Морозова Л. Е. 25
Морозовы 219
Мосальские, князья 219, 221, 227, 233
Мосунов Ю. П. 108
Мошкова Л. В. 31
Мстиславец Петр Тимофеев 174, 178—179
Мстиславские, князья 220
Мстиславский Иван Федорович, князь 254, 255, 271
Мстиславский Федор Иванович, князь, боярин 220, 231, 234, 254
Мудрова Н. А. 368
Музаффар 481
Мунньан Дархан 447
Муравьев А. Н. 27
Муравьева М. 198
Мурад 498
Муралей (Нур-Али) Булатов, князь, «большой карачи» Казанского ханства 422
Мурат-Гирей (Мурат-Кирей), крымский царевич 243, 278
Муртаза, сибирский хан 433, 434, 436
Муртаза-Али (Михаил) бин Абдулла (Кайбулин), астраханский царевич 239
Муса 405
Муса бин Ваккас, ногайский бий 400
Мусин А. Е. 94
Мустафа-Али бин Абдулла, астраханский царевич 239, 479
Мутьянские, воеводичи 221
Мухамедьяр, татарский поэт 408
Мухаммед, пророк 403, 405
Мухаммед II Гирей, крымский хан 243
Мухаммед-Амин *см.* Мухаммед-Эмин
Мухаммед-Гирей, астраханский хан 241, 250, 414, 483, 485—488, 497
Мухаммед-Кул бин Ахмед-Гирей (Атаулович), сибирский царевич 239, 243

Мухаммед-Кул бин Хаджи-Мухаммед, хивинский царевич 239
Мухаммед Шейбани (Шайбак, Шайбек, Шахибек), хан кочевых узбеков, основатель династии Шейбанидов и хан Бухарского ханства 426
Мухаммед-Эмин (Амин), казанский хан 209, 408, 421, 478, 501
Мюбарек-Гирей 493
Мюбарек-султан 490
Мясникова Л. Н. 204
Мясной Никита Васильевич, посол в Крыму 489
Мятлев Н. В. 228

Нагие 219
Нагой Андрей Федорович, думный дворянин 234
Нагой Афанасий Федорович, думный дворянин 234
Нагой Михаил Александрович Меньшой, боярин, окольничий 425
Нагой Семен, купец 356
Назаров В. Д. 33, 35, 62, 182, 215, 219, 221, 248, 285, 378
Найденова Л. П. 181, 300
Нанзатов Б. З. 444
Насир б. Тимур-Кутлуг 481
Науруз 466
Нащокин Семен Васильев сын 200
Нащокина Василиса 200
Нащокина Екатерина Семеновна 200
Нащокина Марфа Семеновна 200
Нащокина Марья Семеновна 200
Нащокина Татьяна Семеновна 200
Нащокины 219
Невежа Андроник Тимофеев 176, 178, 179
Невежин (Тимофеев) Иван Андроников 179
Неволин К. А. 306
Неделин В. М. 255
Некрасов А. М. 452, 473, 477, 480, 482, 483, 489, 490
Нектарий, архимандрит 63
Нелединский Юрий Иванович, писец 391
Неманичи, династия 91
Немировский Е. Л. 171, 173, 174
Немоевский Станислав, коронный подстолий 232, 233
Несефи Хафиз ад-Дин 415
Несин М. А. 263
Нефедкин А. К. 444
Никандр, архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 55, 70, 295
Никандр Псковский, преподобный 96
Никита, епископ Новгородский, преподобный 138
Никитин Н. И. 275—281
Никифор, патриарх Константинопольский 20
Никифор, священник новгородского Софийского собора 186
Никифор Тарасиев 176, 178
Никола Салос, юродивый 77
Николай Чудотворец, архиепископ г. Миры Ликийские, святитель 99, 126, 168
Никольская Г. П. 127
Никольский К. Т. 137
Никольский Н. К. 45, 290, 304
Никон, епископ Великопермский и Вологодский 12, 14, 27, 282
Никон, епископ Коломенский и Каширский 12, 14, 282
Никон, патриарх Московский и всея Руси 58, 85, 299
Никонов В. А. 277
Никонов С. А. 317
Нил (Грек), епископ Тверской и Кашинский 24, 27, 34, 282
Нил (Полев), старец Иосифо-Волоколамского монастыря 24, 25, 46
Нил Сорский, преподобный 14, 15, 22, 26, 48, 299, 300, 303, 307
Нифонт, архиепископ Новгородский, святитель 95
Нифонт (Кормилицын), епископ Суздальский и Тарусский 10, 11, 14, 19, 35, 282, 285
Новак М. О. 177
Новикова О. Л. 93, 298, 354
Новицкий В. И. 236
Новосильцев Лука Захарьевич, посланник в Священную Римскую империю 232
Новосильцевы 219
Ногай (Голуб) Федор, гость 361
Ноздрин О. Я. 249

Ноздроватый Василий Иванович 494
Носов Н. Е. 59, 79, 263, 316, 337, 345, 371
Нугарола Леонард, имперский посол 250
Нур ад-Дин б. Эдиге 413
Нур-Девлет 476, 479, 480—483
Нур-Сейид 405
Нур-Султан, царица (дочь Темира) 209, 478

Оболенские, князья 219, 221, 227, 233
Оболенский М. А. 137, 239
Оболенский Ноготков Иван Андреевич, князь 202
Оболенский Ноготков Михаил Андреевич, князь 202
Оболенский Ноготков Федор Андреевич, князь 202
Оболенский Овчина Дмитрий Федорович, князь 69
Оболенский Овчина Телепнев Иван Федорович, князь 38, 205, 295
Оборин В. А. 503
Огарев В. Н., помещик 330
Огарков Михаил, дьяк 370
Одоевские, князья 220, 221
Оздемир 479, 480
Олферьев-Безнин Роман Васильевич 260
Олфромей, мастер 131
Ольга, святая, княгиня 91, 203
Опарина Т. А. 31
Ортюша Псковитин, подьячий 144
Осорьина Ульяна (Ульяния) Устиновна, святая 203, 211
Останя, иконописец 123
Островски Д. 13
Осьминский Т. И. 325
Отяев С. Т., писец 382
Охотина-Линд Н. А. 164, 302
Оша-солтана 241

Павел Обнорский, преподобный 138, 300
Павлов А. П. 56, 76, 216, 222, 225, 227—229, 231, 232, 234—238, 269, 297
Павлов А. С. 14, 16
Паисий, игумен Соловецкого монастыря 75
Паисий Ярославов, старец Спасо-Каменного монастыря 15
Палеологи 519
Палецкая Ульяна Дмитриевна (инокиня Александра) 211
Палецкий (Щереда) Дмитрий Федорович, князь, новгородский наместник 202, 210, 353
Панеях В. М. 297, 337—339, 341, 345, 346
Панова Т. Д. 205
Панченко А. М. 93, 94
Панченко К. И. 194
Парфентьев Н. П. 165
Пасецкий В. М. 323
Патканов С. К. 438, 439
Патрикеев Вассиан *см.* Вассиан Патрикеев
Патрикеев Иван Иванович, князь 11
Патрикеев Иван Юрьевич, боярин 11
Патрикеевы, князья 11
Патрикий Наримонтович, князь 220
Пафнутий, епископ Суздальский и Тарусский 75
Пафнутий Боровский, преподобный 37, 46
Пахомий Серб (Логофет), агиограф 94, 96, 301
Пахомов И. Н. 253, 263
Пенской В. В. 253, 264
Пересветов Иван Семенович 50, 62, 94
Переславец Яким, купец 354, 355
Перов И. 283
Перхавко В. Б. 276, 351, 356, 358
Першин М. Ф. 135
Першин Федор, купец 362
Петр, казанский царевич, зять Василия III 220
Петр, митрополит Киевский и всея Руси, святитель 84, 91, 100
Петр, святой, мученик 288
Петр (Кудайкул) Ибрагимович, царевич Казанский 23, 240
Петр Муромский, святой князь, преподобный 94, 95, 138, 203
Петр Френчюшко Фрязин, зодчий 104
Петр I Алексеевич, царь 60, 191
Петрей де Ерлезунда Петр, шведский дипломат 184, 249
Петров В. А. 206
Петров Григорий Злобин, сын боярский, каширянин 227
Петров Д. А. 102, 127—130, 354
Петров К. В. 227, 265
Петров С. Н. 16

Петров (Юрьев) Иван, гость 358, 360
Петров (Юрьев) Никифор, гость 358, 360
Петрок Малой (Пьетро да Мантеньяна), зодчий 104, 108
Петрушко В. И. 13
Пивов Роман Михайлович, думный дворянин 234, 242
Пильемов Алексей, архимандрит Возмицкого монастыря, затем келарь Троице-Сергиевого монастыря 43
Пилюгин Лука, торговый человек 365
Пилюгин Петр, торговый человек 365
Пимен, архиепископ Новгородский 70, 76, 78, 131, 132, 137, 284, 289, 294—296
Пимен (Ходыкин), епископ Великопермский и Вологодский 31, 34
Платонов Е. В. 174
Платонов С. Ф. 280
Плетнева Е. В. 166
Плещеевы 219
Плигузов А. И. 7, 13, 14, 35, 36, 41, 327
Погорелой Федот, купец 362
Поджогины 219
Подъяпольский С. С. 101, 102, 104—106, 190
Поздеева И. В. 176
Позняков Василий, гость 369, 370
Позняков Иван, купец 354
Покровский Н. Н. 285, 315
Полехов С. В. 206
Полознев Д. Ф. 178, 179
Полосин И. И. 251
Понырко Н. В. 186
Поперзак Игнатий, немец из Ливонии, член Гостиной сотни 366
Попко И. Д. 276
Попов Г. В. 135, 136
Порфирий, игумен Троице-Сергиева монастыря 34
Порфирий, старец 63
Посник Яковлев, церковный и городовой мастер 145
Поссевино Антонио, легат 80, 81, 206, 291
Починская И. В. 172
Преподобов (Продопобов) Иван Семенович, гость 363
Приклонский Михаил Васильевич, дворянин 362
Принтц Даниил, имперский посол в Москве 88
Пронские, князья 219
Пронский Федор Дмитриевич, князь 223
Пронштейн А. П. 354, 357, 387
Протасий, епископ Рязанский и Муромский 11, 14, 27, 282
Протасьева Т. Н. 172, 174, 175
Прохнов Василий, гость 362
Прохоров Г. М. 300, 301
Прощелыкин Богдан, торговый человек 365
Прядко Е. 180
Пугач И. В. 260
Пулад 413
Пулад б. Тимур-Кутлуг 481
Пуришев Б. И. 139
Пустоселов Митя, еретик 22
Путятин Авраам Артамонович, тайный советник, сенатор 428
Путятин Григорий Никитич Меньшой, дьяк 35
Пушкарева Н. Л. 185, 198, 199
Пушкин Иван Михайлович, думный дворянин 234
Пыпин А. Н. 9

Рабинович Г. 146
Рабинович М. Г. 187
Райан В. Ф. 206
Рамазанов Х. Х. 469
Рамазанова Д. Н. 206
Рамазанова Н. В. 167
Раскин Д. И. 317
Ратомская Ю. В. 102
Ратша, тиун великого князя Всеволода Ольговича 219
Рахманова М. П. 164
Рашид ад-Дин 416
Редега 219
Ремезов Семен Ульянович 436
Реммал-ходжа 414, 477, 490
Решетова А. А. 369, 370
Ржевский Матвей Иванович 201
Ржига В. Ф. 25
Рогов А. И. 165
Рогов Василий, роспевщик 164
Рогожин Н. М. 255, 269
Родионов А. В.., посадский человек 390

Родионов П., дьяк 385
Родникова И. С. 139
Рождественская В. В. 180
Розенкампф Г. А. 41
Розенфельдт Р. Л. 187
Рознер И. Г. 280
Роман Углицкий, преподобный 284
Романенко Е. В. 300, 301
Романов Б. А. 319, 324, 337, 343, 344, 384
Романовы, династия 126, 192
Ромм Жильбер 475
Ростовские, князья 219, 221, 227, 233
Рубинштейн Н. Л. 257
Рудольф II, император Священной Римской империи 88
Рузаева Е. И. 101
Рукавов Некрас 22
Румянцева В. С. 297—299, 303
Русалка Михаил, боярин 10
Рушеник Юрка, новгородец 22
Рыбина Е. А. 193
Рыков Ю. Д. 200
Рюриковичи, династия 91, 113, 219, 220, 521
Рябинин И. С. 402
Рязанские, князья 219

Саадет-Гирей, крымский царевич 243, 488, 489
Саади Муслихаддин, персидский поэт, мыслитель 408
Сабурова Домна Богдановна 202
Сабурова Марфа Ивановна 202
Сабурова Соломония Юрьевна (инокиня София), великая княгиня, первая супруга Василия III 23, 34, 35, 96, 182, 202, 205, 206, 211
Сабуровы 219
Саванин Булгак, гость 365
Савва Грек, архимандрит Новоспасского монастыря 35
Савва Крыпецкий, преподобный 95, 96
Савва Рогов, роспевщик 164
Савва Сербский, святитель 17, 91
Савва (Слепушкин), епископ Смоленский 39, 285
Савва (Черный), епископ Крутицкий 55, 285
Савва Шах, старец 63, 64
Савваитов П. И. 302, 368
Савватий Соловецкий, преподобный 94
Савельев Н. И. 191, 194
Савины, семья торговых крестьян 368
Савонарола Джироламо, итальянский религиозный и политический деятель 99
Сагайдачный Петр Кононович (Конашевич) 258
Садиков П. А. 76
Саид-Ахмед бин Муса, ногайский бий 402, 474, 482
Саин-Булат бин Абдулла, астраханский царевич 239
Саифа Сараи, писатель, поэт, путешественник 408
Саларев Фома, купеческий староста 352
Саларевы, купеческий род 352
Салмин С. А. 361
Салтыков Василий Глебович 193
Самар, князь 439
Самойлов А. 297
Самоквасов Д. Я. 200
Самочерный (Черный) Иван 22
Сапунов А. П. 227
Саргсян Т. Э. 478
Сарыхозин Умар Васильевич 201
Сафа-Гирей, казанский хан 61, 139, 209, 243, 426
Сафа-Гирей, крымский царевич 243
Сахаров И. П. 45
Сахиб-Гирей, казанский и крымский хан 405, 414, 458, 473, 477, 484, 487—490, 496
Сватиков С. Г. 280
Седов Вл. В. 141—148, 355
Сеид-Ахмад, ногайский бий 433
Сеид-Ахмед бин Бекбулат, сибирский князь 242
Сеид-Ахмет, астраханский царевич 241
Сейдяк, сибирский князь 434
Сейид-Ахмед 405
Сейтягъяев Н. С. 480
Секретарь Л. А. 137
Селим I, султан Османской империи 369, 497
Селим II, султан Османской империи 410, 492
Селин А. А. 245
Селунская Н. А. 206
Семен, крестьянин Бежецкой пятины 210
Семен, мастер 131
Семен Высокий Глаголь, иконописец 123
Семен Иванович, удельный князь Калужский 216
Семен Иванович Можайский, князь 220

Семенов Иван, член Гостиной сотни 363
Семенченко Г. В. 35
Семион 285
Семячко С. А. 298, 300
Серапион, архиепископ Новгородский и Псковский 11, 15, 24—27, 43, 135, 282
Сергеев А. В. 219, 222
Сергеев А. Ю. 191
Сергий, архимандрит 138, 139
Сергий, епископ Рязанский и Муромский 31, 34, 282
Сергий Радонежский, преподобный 95, 138, 167, 182, 296, 298, 300, 301
Серебрякова Е. И. 46
Серебрянский Н. И. 303
Сефевиды, персидская династия 511
Сидоров А. А. 178
Сидоров Ю., дьяк 385
Сикалиев А. И..-М. 399
Силкин А. В. 125, 368
Силуан (Грек), епископ Крутицкий 10, 11
Сильвестр, папа римский 16
Сильвестр, священник Благовещенского собора Московского Кремля 50, 51, 60, 65, 66, 91, 180, 116, 203, 371
Сильвестр, священник церкви Благовещения в Новгороде 137, 138
Сильвестров Анфим, дьяк 358, 371
Симеон, епископ Рязанский и Муромский 34
Симеон, епископ Суздальский и Тарусский 24, 282
Симеон Бекбулатович (Саин-Булат бин Бекбулат), касимовский хан, царь 109, 231, 239, 240, 514
Симеон (Доахие) Владимирович (Бибей), князь 241
Симеон Иванович, удельный князь Калужский 26
Симеон Иванович Гордый, великий князь Московский 23
Симеон Касаевич (Ядгар-Мухаммед бин Касай), казанский хан 239
Симеон Сербский, преподобный 91
Симон (Чиж), митрополит Московский и всея Руси 8—12, 14, 15, 17, 22—24, 26, 27, 283, 286, 287
Сингх В. К. 193
Синицына Н. В. 13, 15, 18, 28, 30, 31, 43, 46, 47, 99, 299—303
Сиренов А. В. 88, 92, 203
Ситдиков А. Г. 246
Сицкие, князья 207
Скабалланович М. 300
Скиргайло Ольгердович, князь Литовский 220
Скобельцын Б. С. 143
Скобкарева Д. С. 141
Скрынников Р. Г. 12, 26, 50, 71, 72, 80, 139, 218, 222, 225, 274, 277, 295, 392
Скуратов Малюта *см.* Бельский Григорий Лукьянович
Скуратова Бельская Анна Григорьевна 207
Скуратова Бельская Екатерина Григорьевна 207
Сметанина С. И. 78, 291, 292
Смирнов В. Д. 476, 477, 479, 482
Смирнов И. И. 49, 50, 55, 59, 61, 199, 312, 313, 382, 487
Смирнов П. П. 378, 379, 381—385, 390—392
Смирнов С. И. 44, 186
Смирнова Э. С. 134, 135
Смолич И. К. 302
Смывалов Тимофей, купец-смолянин 355, 362, 365
Соколов И. И. 10
Сокуров В. Н. 245
Соловцов Иван Голова 200
Соловьева Т. Б. 364
Соломония Юрьевна *см.* Сабурова Соломония Юрьевна
Сорокатый В. М. 139
Сосков Иван, гость 361, 366
Софроний, патриарх Иерусалимский 85
Софья Фоминична Палеолог, великая княгиня, вторая супруга Ивана III 11, 12, 206
Спегальский Ю. П. 141, 143
Спиридон Тримифунтский, святой 17
Спиридон-Савва (Сатана), митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси 9, 94, 98
Спирина Л. М. 46
Срезневский И. И. 277
Станиславский А. Л. 230, 231, 233, 234, 236, 237, 254, 267, 277, 279, 281, 389
Старицкая (Хованская) Евфросиния Андреевна (инокиня Евдокия), княгиня 67, 183, 206, 207

Старицкие, князья 106, 125
Старков А. 494
Стародубские, князья 219, 221, 227, 233
Стефан, святой, мученик 288
Стефан Баторий, польский король 99, 145, 200, 201, 208, 282, 286, 520
Стефан Великий, полководец 494
Стефан Голыш, роспевщик 164
Стефан Махрищский, преподобный 95
Стефанида, игуменья 211
Стефанович Д. 308
Стефанович П. С. 305, 306
Столярова Е. К. 195
Столярова Л. В. 91, 206
Страхова О. Б. 177
Строганов Андрей Семенович 368
Строганов Аника (Иоанникий) Федорович, гость 366—368
Строганов Григорий Аникиевич 367
Строганов Максим Яковлевич 367, 368
Строганов Никита Григорьевич 367, 368
Строганов Петр Семенович 368
Строганов Семен (Симеон) Аникиевич 367, 368
Строганов Яков Аникиевич 367
Строгановы, купцы, династия промышленников 126, 317, 366—368, 439, 440
Строев П. М. 297, 298
Стрыйковский М. 477
Суворов Н. С. 306
Судоков Семен 210
Суздальские, князья 219, 221, 227, 233
Суздальцева Т. В. 303
Сукем-батыр 427
Сукин Василий Борисович, думный дворянин 234
Сулейман I Великолепный, султан Османской империи 483
Сулешев Ахмед-паша, крымский посол 244
Сулешев Василий Яншеевич, князь 244
Сулешев Ибрагим-паша, крымский мирза 244
Сулешев Юрий Яншеевич, князь 244
Сулешев (Яшлавский) Янша (Янша-паша), крымский посол 243, 244
Султан-Ахмед, уцмий 469
Суньяша, сибирский хан 242
Суслова Е. Д. 306
Сухман М. М. 369
Сухобоков Степан, гость 358
Сухотин Л. М. 230
Сырков Алексей Дмитриевич, гость 353, 359
Сырков Афанасий, сын Ивана Сыркова 127
Сырков Дмитрий Иванович, сын Ивана Сыркова, гость 127, 128, 131, 353, 354
Сырков Иван, купец 127
Сырков Федор 173
Сырков Федор Дмитриевич, дьяк 97, 127, 128, 131, 138, 353, 354, 371
Сырковы, купцы 127, 129, 132, 352—354, 356, 360
Сыроечковский В. Е. 351, 360, 477, 484, 486
Сырпяк 494
Сююмбике, казанская ханша 199, 209

Табич 415
Тайбуга 433
Тайбугиды, династия 242, 426, 427, 431—435, 511
Такбилди 414
Тараканов Андрей, гость 363
Тараканов Андрей Васильевич 129
Тараканов Василий, дьяк 371
Тараканов Василий Васильевич 129
Тараканов Василий Никитич 129
Тараканов Владимир, купеческий староста 129, 352
Тараканов Илья, гость 362
Тараканов Петр Васильевич 129
Тараканова Елена Ивановна 129, 362
Таракановы, московские гости 129, 353, 354, 356, 360
Тарасий, епископ Крутицкий 79
Татауров С. Ф. 435
Татигас-бий, башкирский предводитель племени юрматы 420, 423
Татищев В. Н. 89
Татищев Игнатий Петрович, думный дворянин 234
Татищев Михаил Игнатьевич, думный дворянин и ясельничий, русский посол в Грузию 234, 463
Таубе Иоган 74, 75, 77

Тахмасп I, шах 469, 470
Тахтар-мирза, ногайский мирза 243
Таш-Тимур б. Джанай 413, 473
Твердиков Игнатий, купец 365
Твердиков Степан, купец 362
Твердиковы, купеческий род 356
Тверские, князья 219, 221
Творогов О. В. 90, 169
Тевекелевы, князья 241
Тевша (Тениш) бин Джанкуват, крымский бек 241
Теймураз I, кахетинский царь 459
Телятев Костя Васильев сын, сын боярский 344
Телятевские, князья 219
Темеш 494
Темир, бек 209
Темир-Аксак *см.* Тимур
Темкин-Ростовский Василий Иванович, князь, боярин 75
Темрюк Айдаров, кабардинский князь 240, 244
Темрюк Идаров, старший кабардинский князь 471
Терентьева П. В. 166, 168
Тетерин Тимофей Иванович 201, 257
Тимофей-Довмонт Псковский, святой, князь 96
Тимошина Л. А. 317
Тимур (Тамерлан, Темир-Аксак), военачальник, эмир 98, 412, 417, 457, 468
Тимур б. Тимур-Кутлуг (Тимур-хан, «Номаган»), астраханский хан 412, 413, 481
Тимур-Мелик 412, 413
Тирет И. 198
Титов Григорий, гость 355
Титов Иван, купец
Тихомиров М. Н. 33—35, 174, 177, 305
Тихон, архимандрит Рождественского монастыря во Владимире 11
Тихон, епископ Коломенский 31
Тихон (Малышка), архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский 10, 11, 14
Тихон (Хворостинин), архиепископ Казанский и Свияжский 282, 285, 293
Толстой Ю. В. 209
Томешок, татарский казак 276
Топорков А. Л. 186
Тохтамыш, хан 239, 413, 473
Трам 466
Траханиотовы, род 219
Трепавлов В. В. 241, 242, 276, 399
Третьяков Иван Иванович, печатник 25
Третьяков Раков Лукьян Матвеевич 201
Триволис Михаил *см.* Максим Грек
Трифон (Дубина), епископ Крутицкий 14, 282
Трифон (Ступишин), епископ Суздальский и Тарусский 55, 282, 285
Трифонова А. Н. 139
Трубецкие, князья 219—221, 231
Трубецкой Андрей Васильевич, князь, боярин 234
Трубецкой Никита Романович, князь, боярин 231, 234
Тука-Тимур 412
Тулупов Борис Давыдович, князь 242
Тулупов Родион, купец-смолянин 365
Тумган Григорий, постельничий 127
Турилов А. А. 16, 95, 176, 178, 186
Тутолмина С. Н. 165
Тучков Василий Михайлович, агиограф 95
Тушинский Гаврила Андреевич, купец 362, 369
Тыгын 443, 447
Тьеполо Франческо 262, 274
Тюменские, князья 244
Тюменский Василий Агишевич (Мамай Агишев), князь 244
Тюменский Роман Агишевич, князь 244
Тюменцев И. О. 277
Тютин Хозяин, купец, царский казначей 60, 358
Тюфякин Михаил Васильевич 272

Уваров Иван Большой Иванов сын Алексеева, каширянин, сын боярский, выборный дворянин 228
Уваров П. Ю. 248
Уланов Андрей, член Гостиной сотни 363
Уланов Петр, член Гостиной сотни 363
Улуг-Мухаммед 413, 474, 478
Ульфельдт Яков, датский дипломат 359, 362
Ульяна *см.* Палецкая У. Д.
Умаханов М.-С. К. 469, 472
Умми Камал, татарский поэт 408
Ураз-Мухаммед, ногайский бий 434, 437
Ураз-Мухаммед бин Ондан, казахский хан 239, 243

Урак, казанский беклербек 431
Урвихвостов (Урвихвост), гость 369
Урекли Музаффер 478
Урус 412
Урус бин Исмаил, ногайский бий 401, 424
Усачев А. С. 39, 78, 86, 91, 171, 172, 176, 203, 207, 283, 282
Усманов М. А. 475
Успенский Б. А. 10, 27, 47
Успенский Ф. И. 182, 183
Утемиш-Хаджи, хивинский хронист 433, 416
Утямыш-Гирей, хан казанский 61
Ухтомский Д. Д., князь 382

Фабри Иоганн, автор записок о России 18, 48, 262
Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани 417
Фалелеев Михаил, купец 358
Фальк И. П. 502
Фаренсбах (Франзбеков) Юрген (Юрий) 267
Фасмер М. 312
Феврония Муромская, святая, княгиня 94, 95, 138, 203, 211
Федор, протопоп 50
Федор Борисович, удельный князь Волоцкий 23, 29, 329, 369
Федор Иванович, царь и великий князь 73, 81—84, 93, 113, 208, 210, 231, 238, 239, 288, 342, 363, 370, 391, 411, 520—522
Федор Крестьянин, роспевщик 164, 165
Федоров-Челяднин Иван Петрович, боярин 74
Федорова Т. В. 515
Федотов Г. П. 70, 72
Федько, мастер 263
Феогност, архимандрит Симонова монастыря в Москве 11
Феогност, архимандрит Чудова монастыря в Московском Кремле 11
Феодор Иванович, царь 109
Феодор Студит, святой 17, 28
Феодорит, архимандрит суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 91
Феодорит, старец 64
Феодосий, архимандрит 75
Феодосий, епископ Коломенский и Каширский 55
Феодосий (Вятка), епископ Рязанский и Муромский 81
Феодосий, сын Дионисия, иконописец 121
Феодосий Косой 64
Феодосий Печерский, преподобный, один из основателей и игумен Киево-Печерского монастыря 17, 28, 167, 170
Феодосий II, архиепископ Новгородский и Псковский 42, 55, 98, 137, 186, 283, 285, 287, 289
Феодосия, вдова 289
Феодосия, великая княжна, дочь Ивана III 12
Феодосия, дочь царя Федора Иоанновича 370
Феоктист, архимандрит 70, 290
Феолипт, патриарх Константинопольский 32
Феофан (Рпинский), архиепископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский 282
Феофан Грек, иконописец 110
Ферапонт, епископ Суздальский и Тарусский 43
Фетх-Гирей 493
Фехнер М. В. 362
Филарет, патриарх Московский и всея Руси (Романов Федор Никитич) 202
Филатов В. В. 136
Филипп (Федор Степанович Колычев), митрополит 72—76, 283, 285, 296, 522
Филофей, епископ Пермский и Вологодский 10, 282
Филофей, епископ Рязанский и Муромский 70, 292
Филофей, патриарх Константинополя 301
Филофей, старец псковского Елизарова монастыря 85, 98, 205
Филюшкин А. И. 50, 247, 249
Фирдоуси 416
Флетчер Джайлс, английский дипломат 250, 251, 291, 367
Флоря Б. Н. 52, 56, 60, 64, 69, 72, 76, 92, 217, 218, 222, 224, 225, 228, 229, 232, 233, 262, 290, 306, 356, 358, 363, 378, 386, 387
Фонвизины, род 249
Фонкич Б. Л. 35, 91
Францбех (Фаренсбах) Юрий, иноземец на русской службе 251
Французова Е. Б. 351
Фрёгнер Р. 171
Фролов А. А. 13
Фроянов И. Я. 227, 317
Фрязин Алевиз, итальянский зодчий 102, 369

Фрязин Петр, мастер 263
Фьораванти Аристотель 100, 189, 247

Хабаровы 219
Хаджи Баба 494
Хаджи-Гирей, хан крымский, основатель династии Гиреев 413, 473—481, 493
Хаджи Нияз («Хонеяз») 416
Хаджик (Азик) бин Дин-Суфи бин Мансур, большеордынский и крымский бек 240
Хаджитархани Шериф 416
Хайрутдин Р. Р. 246
Хак-Назар, казахский хан 436
Халим-Гирей 478
Хаммерштеттер Лукас, иноземец на русской службе 248
Хамнагдай 442
Хан, ногайский мирза 432, 433
Хартахай Ф. А. 474
Хафиз ад-Дин Абу-л-Баракат ан-Насафи, мусульманский ученый богослов 408
Хачаньян Р. К. 167
Хворостинин Андрей Иванович, князь, русский воевода 471
Хворостинин Дмитрий Иванович, князь 251
Хезарфенн Хюсейн 478, 479
Хелли Р. 336, 339, 341
Ховрины 219
Ходжа-Ахмед Баба-Туклес, мусульманский проповедник 403
Ходжа Кокос (Гёкгёз) 494
Хозин Алексей Семенович, гость 360
Хозины, купеческий род 360
Хозников Алексей Алексеевич, гость 358, 365
Холмские, князья 219
Холмский Василий Данилович, князь, боярин 12
Хомяков Борис Антонович, гость 359
Хорихин В. В. 180, 181
Хорошев А. С. 52, 61
Хорошкевич А. Л. 68, 71, 223, 247, 250, 354
Хоруженко О. И. 202
Хосров-бек, казанский князь 243
Хотеев Андрей 62
Христиан III, король Дании 171
Хрущов И. 135
Хусейн б. Джанибек 414

Царгас, властитель местности 464
Цвиленов Прокофий, гость 365, 384
Цыбин М. В. 276

Чарторыйская Авдотья Александровна 201
Чарторыйская Мария Дмитриевна 201, 202
Чарторыйский Александр Васильевич, князь 201
Чебодаев П. И. 447
Чекре 413
Челяднин Василий Андреевич, боярин 28, 29
Челяднин Иван Андреевич, боярин 29
Челяднин Иван Иванович, боярин, конюший 42
Челяднины, род 219
Ченслор Ричард, капитан английского судна 169
Черемисинов Деменша Иванович, думный дворянин 234
Черемисинов-Караулов Иван Семенович, русский воевода 471, 503, 504
Черепнин Л. В. 220, 262, 351
Черкасова М. С. 13, 45, 79, 305, 326
Черкасские, князья 207, 221, 244
Черкасский Василий Карданукович, князь, боярин 234
Черкасский Кудадек (Александр) Сибоков сын 221
Черкасский Михаил Темрюкович, князь 207
Черкасский Сибок, князь 221
Чернецов А. В. 206
Черниго-Северские, князья 219
Чернов А. В. 263—265
Чернов С. З. 191, 378
Чеченков П. В. 222, 237
Чечулин Н. Д. 264, 366, 392
Чингисиды, род 238—241, 243, 244, 400, 402, 433, 434, 514
Чингисхан, основатель и первый великий хан Монгольской империи 426, 431, 443, 446, 447, 473
Чихачев Василий Афанасьевич 202
Чихачев Иван Михайлович 330
Чичерин Б. Г. 379
Чуваев Данила, староста Суконной сотни 365
Чугреева Н. Н. 96
Чумакова Т. В. 181, 203
Чупан, шамхал гази-кумухский 468

Шагали Шакман, предводитель башкирского племени тамьян 424
Шадибек 412, 413
Шайдеггер Г. 198
Шайх-Ахмед б. Ахмед 414
Шал-Кийиз Тиленши-улы, поэт 399
Шалина И. А. 122, 144
Шапиро А. Л. 313, 314, 316—322, 329
Шапошник В. В. 39, 49—51, 55, 56, 61, 71, 72, 76, 286, 291, 293
Шапошниковы 374
Шараф ад Дин Йезди, персидский историк 457
Шаромазов М. Н. 304
Шастина Н. П. 447
Шатагин Н. И. 49
Шах-Али (Шигалей), казанский хан 209, 421, 487
Шах-Али бин Ак-Курт, сибирский царевич 241
Шах-Али бин Шейх-Аулеар, казанский хан 239, 241
Шахин-Гирей 491, 497
Шварц И. 197
Шведов В. Г. 446, 448
Швейковская Е. Н. 315, 316, 321, 325
Швидковский Д. О. 105
Шедель Гартман, нюрнбергский издатель 92
Шеин Михаил Юрьевич 202
Шеин Юрий Дмитриевич 202
Шеина Стефанида, жена Юрия Дмитриевича Шеина 202
Шейдяков Афанасий (Дос-Мухаммед), князь 242
Шейдяков Петр (Аман-Газы) Тутаевич, князь 242
Шейдяковы, князья 207, 241, 242
Шейх-Ахмед 405, 477
Шейх-Мамай бин Муса, ногайский бий 401, 432, 433
Шемердень 495
Шемячич Василий Иванович, удельный князь Новгород-Северский 33, 34
Шенников А. А. 276
Шереметевы 106, 108, 492
Шибан, сын Джучи, оглан 431,433
Шибаниды, династия 241, 426, 427, 431, 433, 434, 436, 437, 511
Шигай, казахский царевич 436
Шигалей *см.* Шах-Али
Шигим-мирза 484, 485
Шиговлеяр бин Бахтияр, большеордынский царевич 241
Шигона Поджогин Иван Юрьевич, дворецкий Василия III 35, 38
Ширков Лева Афанасьев сын 257
Ших-Мамай 490
Шихим (Шейх-Мухаммед бин Мухаммед), шарманшанский царевич 240
Шихмамаевичи, ногайский клан 437
Шихсаидов А. Р. 469
Шишкин И. Г. 51
Шлитте Ганс, саксонский купец 107, 171, 513
Шлихтинг А. 69, 73, 77
Шмидт С. О. 32, 40, 50
Шокарев С. Ю. 208, 220
Шокарева А. С. 205
Шолох Тапсаруко, великий князь Кабарды 456
Шпаков А. Я. 83
Штаден Генрих, немец-опричник 74—77, 195, 248, 250—252, 356, 410
Штайндорфф Л. 13
Штендер Г. М. 130
Шугур (Шугур-Девлет) Коккузов, служилый князь, предводитель башкирских родов салъют и катай 427
Шуйские, князья 48, 82, 221, 231, 361
Шуйский Василий Васильевич, князь, боярин 39, 223
Шуйский Василий Иванович, князь, боярин, царь 199, 207, 234, 249
Шуйский Дмитрий Иванович, князь, боярин 207, 234
Шуйский Иван Петрович, боярин, князь 82
Шуляев С. Г. 191, 220
Шумаков С. А. 359

Щелкалов Андрей, дьяк 79, 83, 84, 295
Щенникова Л. А. 138, 354
Щенятев Петр Михайлович, боярин 44
Щенятевы, князья 219
Щепкин В. Н. 137
Щепкина М. В. 172
Щербатов Лука Осипович, московский дворянин 425

Эдиге, золотоордынский бек 240, 413

Элфингстоун Габриэль, шотландец, иноземец на русской службе 250
Элькас-мирза, правитель Ширвана 470
Эльферфельд Каспар 195
Эмин-Гирей 489
Эминек 481
Энгельс Ф. 314
Эрик XIV (Ирик), король 208
Эскин Ю. М. 255, 268, 269
Эхирит 442

Юдин Афанасий Иванович, гость 355, 361, 365
Юнусовы, род 241
Юрганов А. Л. 59
Юрий Васильевич, князь Угличский, брат Ивана IV 61, 67, 69, 207, 227
Юрий Иванович, сын Ивана III, удельный князь Дмитровский 14, 29, 35, 38, 102, 205, 216, 379, 413
Юрьев (Петров) Иван, гость 358, 360
Юрьев (Петров) Никифор, гость 358, 360
Юрьев Иван Васильевич, гость 359
Юрьев-Захарьин Никита Романович, боярин 231
Юрьевы, боярский род 206, 207
Юстиниан I, император Византии 17
Юсупов Ибрагим, князь 241
Юсуповы, род 241
Юсуф 494
Юсуф бин Муса, ногайский бий 209, 241, 400, 401
Юхан III, король 208
Юшков С. В. 306

***Я**ганов А. В.* 105, 106
Ягич И. В. 42
Ядгар-Мухаммед, казанский хан 500
Ядкарь, мирза, ногайский предводитель башкир племени юрматы 424
Яков, иконописец 123
Яков, крестьянин Бежецкой пятины 210
Яковенко С. Г. 206
Яковлев, боярин 295
Яковлев А. И. 337, 341
Яковлев Д. Е. 107, 189
Яковлев Семион, московский художник 138
Якуб 405
Якуб б. Узун-Хасан 497
Якушечкин А. В. 474
Якушка, иконописец 123
Ямгурчи (Ямгурчей, Ягмурджи), астраханский хан 209, 414, 415, 479, 480
Ямгурчи аталык 492
Ямгурчи б. Хаджи-Гирей 497
Ямские, купеческий род 356, 360
Ямской Андрей, гость 353
Янин В. Л. 365
Янов А. Л. 66
Янтемир (Джантемир) 491
Ярослав Владимирович Мудрый, великий князь Киевский 16, 17
Ярославские, князья 219, 221, 233
Яфар Бердей 494
Яшлавские, род 244, 476, 477

***A**uerbach I.* 198

***B**ielski M.* 210
Bushkovitch P. 205

***C**laus C.* 197
Crummey R. O. 236

***D**eWeese D.* 403

***F**loria B. N.* 365
Fried J. 16.

***G**oehrke C.* 197

***H**alperin Ch. J.* 265

***K**eep J.* 265
Kleimola A. M. 197, 198
Kurbskij Andrej Michajlovič *см.* Курбский А. М.

***L**evin E. R.* 203

***M**cNally S. J.* 198
Mead T. A. 197
Morozov B. N. 207
Muravyeva M. см. Муравьева М.

***O**lmsted H. M. 28.*

Peter der Grosse (Петр I Великий), царь, император 197

Scheidegger G. 198
Steindorff L. 13.
Thyrêt I. 198, 203
Turowski K. J. 210

Wiesner-Hanks M. E. 197
Wolff J. 202

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абакан 447
Абхазия 457, 458
Авнега, р. 95
Азак 416, 417
Азербайджан 417, 497
Азия 194, 441, 445
Ай, р., левый и самый крупный приток Уфы 425
Аккерман, г. 474
Аксай, р. 459
Аксай, с. 472
Акуша, с. 472
Акуша-Дарго, союз сельских обществ 470
Аларский район 443
Алдан, р. 445
Александрия 302, 369
Александровская слобода 76, 77, 92, 95, 106, 178, 179, 197, 207, 228, 513
Алексин, г. 222, 236, 237, 276
Алты-пара, союз сельских обществ 470
Алтырский (Алатырский) улус 447
Алтысарский улус 447
Амур, р. 445, 446, 448
Анабар 445
Анапа, г. 452
Англия 105, 169, 208, 209, 362
Ангушт, аул 459
Анди, союз сельских обществ 470, 472
Андийское койсу, р. 469
Антверпен, г. 362
Антль-Ратль, союз сельских обществ 470
Аральское море 399
Аргун, р. 459, 463
Ардон, р. 463
Арзамас, г. 237, 272
Арктика 197, 448
Армхи, р. 459
Арское городище 406
Асса, р. 459
Ассинское ущелье 460
Астраханское ханство (царство) 238, 245, 246, 375, 397, 400, 402—404, 412—418, 470, 503, 510—512, 519
Астрахань (Хаджи-Тархан, Эждерхан), г. 195, 240, 243, 246, 256, 257, 272, 277, 278, 348, 367, 410, 412—418, 470, 474, 484—488, 490—492, 498, 503, 504, 510, 511, 519
Афон (Афонская гора, Святая Гора) 31, 35, 47, 83, 94, 302, 362, 370
Ахты-пара, союз сельских обществ 470

Байкал, оз. 444, 447
Баксан, р. 456, 465, 466
Баку, г. 417
Балахна, г. 272, 356, 384
Балканы 119, 120, 136
Балкарское ущелье 465—467
Балтика 352
Бар, г. 156
Бараба 435
Барабинская лесостепь 434
Бардаково княжество 437
Бахчисарай, г. 456, 474, 477, 493, 495, 511
Башкирда (Башкирд, Башкирия), название страны башкир в средневековых источниках 399, 424
Башкирское наместничество, территория башкир, выделенная в отдельную административную единицу Ногайской Орды, не входившую в крыльевую структуру государства 420, 424, 428, 429

Бежецкая пятина 210, 329
Бежецкий Верх, г. 514
Бежецкий Верх, уезд 332
Беларусь 323
Белая, г. 256
Белая, р., левый и самый крупный приток Камы 419, 421, 424, 425, 456
Белев, г. 220, 270
Белково, с. 29
Беловолжская земля, западная часть Башкирии во второй половине XV — первой половине XVI в., находившаяся в сфере административной власти Казанского ханства 420
Белогорское княжество 437, 439
Белозерск, г. 239
Белозерский уезд (Белозерье) 103, 104, 134
Беломорский путь 518
Белоозеро, город и округа 27, 85, 112, 316, 356, 371, 374
Белый город 109
Белый Июс, р. 447
Берингово море 442
Беря 446
Беседы, с. 109
Бетунский улус 447
Бзыбь, р. 457
Бийэ-пас («Дальний берег»), ханство 240
Бийэ-пиш («Ближний берег»), ханство 240
Бира 446
Ближний Восток 188, 370
Богородицк, г. 192
Болхов, г. 222, 236, 237, 390, 392
Большая Лаба, р. 454, 456
Большая Орда 413, 481, 483, 493, 495
Большие Вяземы, с. 109
Большой Кавказский хребет 449
Большой Узень, р. 419
Большой Хинган, горный хребет 446
Борисов городок, с. 109, 110
Боровичи, г. 138
Борогонский улус 447
Ботлих, с. 472
Ботурусский улус 447
Бохов, стан Московского уезда 202
Британия 149
Бронницы, посад 192
Брянск, г. 85, 222, 237, 261
Бузан, р. 413
Бойнак, с. (ныне Уллубийаул), место пребывания крым-шамхала 468
Булак, р. 409
Буор Хайа, поселение 444
Бурунчак 476
Бурятия 447
Бухара, г. 433, 434, 436
Бухарское ханство 435
Бухов, г. 88
Бююк-Яшлав 495

Важский уезд (Вага) 105, 258
Валаам, о-в 62
Валахия 221
Валуйки 274
Василь-город (Васильсурск), г. 272
Вашана (Вошана), р. 276
Везенберг, г. 249
Велиж, г. 201, 256
Великие Луки, г. 226, 256, 261, 356
Великий Новгород (Новгород), г. 10, 12, 18, 23, 24, 46, 49, 65, 68, 70, 75—77, 82, 84, 93, 97, 104, 112, 121, 123, 126, 127, 129, 130, 132—140, 151, 155, 159, 161, 163, 165, 173, 191, 222, 223, 226, 238, 240, 242, 245, 253, 261, 263, 288, 289, 336, 340, 341, 343, 352—354, 356, 358, 360, 362, 364, 368, 371—374, 379—381, 385, 387, 390, 392, 393
Загородская улица 132
Запольская улица в Плотницком конце 130
Ивангородская крепость 129
Иворова улица 129
Колмово 128
Конюхова улица в Плотницком конце 130
Маницына улица 132
Михайлова улица 133
Никитина улица 132
Нутная улица 128
Окольный город 129
Плотницкий конец 129
Рогатица улица 129
Хутынский холм 127
Яковлевая улица 128
Ярославово дворище 127, 139

Великий Устюг (Устюг), г. 85, 93, 112, 356, 358, 371, 374, 376
Великое княжество Литовское *см.* Литва
Венгрия 484
Венеция 101, 177, 456
Верея, г. 222, 237
Верхне-Чусовские городки 439
Верхний Амур, р. 445
Верхняя Черкесия *см.* Кабарда
Верхоянские горы 444
Веряжа, р. 131
Византийская империя (Византия) 7, 47, 49, 50, 90, 112, 119, 136, 154, 456, 522
Вильно, г. 178, 179, 493
Вильян, г. 249
Вилюй, р. 444, 445
Витим, р. 445
Вишера, р. 507
Владимир, г. 32, 51, 61, 71, 84, 112, 196, 237, 239, 272, 352, 356, 372, 381
Владимирский уезд 27
Водская пятина Новгородской земли 186, 287, 333, 380
Вожа, р. 262
Волга, р. 276—278, 375, 397, 399—402, 406—407, 409—410, 412, 484—486, 492, 499, 501, 503, 504, 507, 510
Волго-Окское междуречье 371
Волгоград, г. 413
Волжский путь 376
Вологда, г. 85, 93, 112, 204, 302, 339, 356, 366, 371, 372, 376
Вологодская епархия 46, 298
Вологодский архиерейский дом Св. Софии 299, 303
Вологодский уезд 95
Вологодчина 298
Волок Ламский, г. 29, 33
Волоцкий удел, княжество 28, 29
Волоцкий уезд 104
Воробьева слобода 264
Воробьево, село под Москвой 38
Воронеж, г. 254, 274
Воротынск, г. 220
Восточная Европа 273, 399, 400, 402, 407, 509, 510
Восточная Сибирь 441—443, 509
Восточная Черкесия *см.* Кабарда
Восточно-Европейская равнина 510
Восточный Черек, р. 466
Выборг, г. 99
Вычегодский край 374
Вяземский уезд (Вязьма) 217, 229, 261
Вязьма, г. 192, 223, 356, 362
Вятская земля 379

Гази-Кумух (Кумух), столица Гази-Кумухского шамхальства 468, 470, 472
Гази-Кумухское шамхальство (Шамхальство), княжество 468, 470, 511
Галич, г. 381, 392
Галичский уезд 391
Ганза, г. 171
Гезлев (Евпатория), г. 490
Генуя, город-государство 456
Гер-чож, р. 459
Германия 149, 155, 163, 171
Гжель, с. 188, 192
Гидатль, союз сельских обществ 470, 472
Гизельдон, р. 463
Гилян 240
Голенищево, село Московского уезда 34
Горная Ингушетия 450, 459
Горная сторона (правобережье Волги), область 407, 410, 422, 499—501
Горный Алтай 447
Город мертвых 464
Городня, с. 106
Гороховец, г. 272
Готланд, о-в 362
Греция 304
Гродековский городок 445
Грузия 277, 460, 461, 463, 469
Гудермес, р. 459
Гумбет, историческая и географическая область 468

Дагестан 244, 456, 460, 461, 511, 512
Дагестанское нагорье 459
Дальний Восток 441—443, 448
Дания 359, 374
Даргавское ущелье 464
Даубихэ, р. 446

Двинская земля (уезд) 329
Дедилов, г. 271
Дема, р. крупный левый приток реки Белой 424
Демьянка, р. 439
Демьянское княжество 437, 439
Дербент, г., центр Дербентского владения 469, 470, 472, 511
Дерпт *см.* Юрьев Ливонский
Дешт-и Кипчак 238, 400, 415, 431, 498
Джараг, село в Табасаране 469
Джаро-белаканы, ныне территория Азербайджана 469
Дженгутай, с. 472
Джунгария 441
Дигория 464, 465
Дидо, союз сельских обществ 470
Дикое поле (Поле), историческая область причерноморских и приазовских степей между Доном, верхней Окой и левыми притоками Десны и Днепра 222, 276, 277
Дмитров, г. 85, 121, 355, 384
Дмитровский уезд 104, 225, 226
Днепр, р. 276, 481
Дон, р. 188, 272, 275, 277, 278, 413, 414, 416
Донков, г. 254, 258, 261
Донская земля 278
Дорогобуж 104
Дунай, р. 221
Дылым, с. 472
Дьяково, приселок 106

Евразия 197, 442
Европа 149, 171, 187—190, 194, 195, 200, 201, 205, 336, 406, 509, 510, 512
Египет 16, 72, 370, 453, 495—497
Езерский улус 447
Елец, г. 254
Елизарово, с. 106
Енисей, р. 443
Епифань, г. 254, 260

Жане, черкесское княжество 449, 454, 511
Желина, дер. 202

Забайкалье 442, 443, 446
Завеличье (Псковское) 393
Заверяжский погост 333
Заволжские земли (Заволжье) 63, 272, 397
Заволочье 145, 256
Закавказье, регион к югу от Главного хребта Большого Кавказа 351, 407, 468, 469
Заказанье, область 408
Закамье, область 408, 409
Замоскворечье 495
Замосковный край 237, 253, 518
Западная Европа 218, 274, 367, 509, 512, 516
Западная Монголия 443
Западная Сибирь 267, 401, 431, 432, 437—440, 502, 505, 509, 512, 513
Западная Тува 447
Западная Черкесия 449, 454, 455, 457
Западное Прибайкалье 443
Западный Казахстан 486
Зарайск (Заразский город) 104, 259, 270, 388
Зауралье, область 367, 407
Зауралье Среднее 435, 436
Зауралье Южное 435
Звенигород, г. 514
Звенигородский уезд 225, 226
Зея, р. 446
Золотая (Большая) Орда (Улус Джучи) 53, 238, 397, 399, 402, 406, 412, 495, 497, 510, 512

Ивангород 104
Иерусалим, г. 369
Израиль 92
Ик, р., левый приток Камы 419
Илек, р., самый крупный левобережный приток Урала 419, 433
Илемна, волость Троице-Сергиева монастыря 15, 16
Ильмень, оз. 139
Иман, г. 446
Индия 417
Инн, р. 250
Инсбрук, г. 247
Иран 189, 415, 417, 484, 492, 497, 498
Иргиз-сувук, р. 433
Иркутск, г. 444
Иртыш, р. 431, 434, 435, 439
Исарский улус 447
Исеть, р., левый приток Тобола 419, 425, 434

Искер, г. 432, 434—436, 439
Испания 189
Италия 37, 188, 189, 250, 351, 513
Иткуль, оз. 419
Ишим, р., левый и самый длинный приток Иртыша 419
Иштякский юрт 433

Каба-дарго, союз сельских обществ 470
Кабарда, княжество 244, 449, 451, 454—458, 463—465, 467, 471, 511
Кабарда Большая, удел княжества Кабарда 465
Кабардинская земля *см.* Кабарда
Кабардинская равнина 450, 466
Кавказ 492, 498, 509—511
Кавказский хребет 457, 458, 462
Кавказское Нагорье 449, 450, 463, 467
Кадом, г. 272
Кадомский уезд 331
Казанская земля 272
Казанская украина 272
Казанский край 237
Казанский уезд 246
Казанское ханство 53, 105, 172, 209, 210, 238, 243, 245, 397, 403—411, 413, 420—424, 426, 428, 432, 499—501, 510—512, 519
Казань, г. 44, 45, 51, 61, 89, 94, 96, 98, 99, 145, 146, 172, 176, 197, 199, 204, 217, 223, 226, 250, 253, 256, 260, 262, 264, 268, 272, 273, 287, 355, 358, 363, 366, 387, 392, 405—410, 413, 414, 416, 417, 420, 421, 429, 431, 432, 486—488, 490—492, 498—503, 507, 510, 519
Кремль 145, 146
Татарская слобода 411
Казахское ханство 238, 243, 434, 435, 510, 511
Казахстан 435
Казикумухское шамхальство 463
Казыев улус (Малая Ногайская Орда) 401
Казымское княжество 437, 438
Каир, г. 369
Кайтаг (Кайтагское уцийство), княжество 468, 469
Калакорейш, с., столица Кайтагского уцмийства 469
Калининград, г. 195
Калуга, г. 270, 364, 366, 391
Кама, р., левый и самый крупный приток Волги 406, 419, 424
Камаевское городище 406
Камбилеевка, р. 459
Каменский стан 378
Камчатка 445
Карабудахкент, с., позднее столица карабудахкентского владения 472
Карадах, с. 472
Карасубазар, г. 474
Карачаева Кабарда *см.* Карачай
Карачаи *см.* Карачай
Карачай 465, 466
Карачев, г. 237, 270
Каргополь, г. 101, 112, 239, 293, 371, 356
Карелия 306
Карпаты, горы 221
Картли, царство 462
Касимов (Городец Мещерский), г. 239, 241, 245, 272, 413, 479
Касимовское царство 514
Касли, оз. 419, 428
Каспийское море (Каспий) 375, 413, 417, 468, 469
Кафа (Феодосия) г. 417, 452, 473, 478, 480, 482, 487, 488, 493, 494, 496, 498
Кафинский эйялет, военно-административная единица Османской империи 453
Качи-Кальон 495
Качуг 442
Кашинский уезд 224, 330
Кашира, г. 236, 374, 514
Каширский уезд 217, 262, 305
Кеврольский уезд 211
Келеб, союз сельских обществ 470
Кергедан 502
Киев, г. 112
Кизильташ, р. 419
Киил, река в северо-западной части Казахстана, впадает в Уил 419
Кинешма, г. 222, 272
Китай 189, 446, 448
Клухорский перевал 457
Кодское княжество 437
Козельск, г. 270
Кола, г. (Кольский острог) 366, 367

Коломенская епархия 46
Коломенский уезд 27, 217, 245, 262
Коломенское, с. 107, 512
Коломна, г. 23, 85, 104, 192, 264, 270, 356, 364, 366
Колывань (Таллин), г. 353, 354
Кондинское княжество 437
Конские Воды 474
Константинополь, г. 9, 10, 32, 50, 83, 85, 90, 93, 456, 523
Копа, г. 452
Копенгаген, г. 171, 362
Корела, г. 380
Корельская земля 374
Корельский уезд 287
Корсунь *см.* Херсонес
Кострома, г. 112, 272, 381, 387
Костромской уезд 224, 304
Крайний Север 441, 444
Краков, г. 154, 493
Красное, с. 109
Красноярск, г. 447
Крутицкая епархия 46
Крым (Крымское ханство) 188, 209, 238, 241—245, 247, 351, 402, 413—417, 429, 457, 471, 473—492, 510—512
Кубанская область 466
Кубань, р. 457, 458
Кугуш (Усолка), р., правый приток Белой реки 424
Кузнецкая котловина 443
Кукейнос (Кукойнос, Кокенгаузен, ныне Кокнесе) 256
Куллары 436
Кума, р. 413
Кунгур, г. 419
Куновато-Ляпинское княжество 437
Курах, с. 472
Курган (Царева слобода), г. 502
Кырк-Йер, г. 475—477, 479, 481, 482, 487, 488
Кюре, историческая область 468

Лабинский перевал 457
Лагиджан, столица персидской провинции Илян 470
Ладога, г. 380
Левонтиково, сельцо Московского уезда 202
Лена, р. 444, 445, 447
Леневард (Ленневарден, ныне Лиелварден), г. 256
Лено-Алданское междуречье 444
Ливны, г. 252, 274, 492
Ливония 66, 149, 155, 199, 249, 273, 282, 512
Ливонские города 254
Ливонский орден 226, 330
Литва (Великое княжество Литовское, Вялікае княства Літоўскае) 26, 29, 38, 62, 64, 74, 98, 176, 177, 186, 188, 198, 201, 202, 219, 220, 223, 226, 242, 253, 256, 262, 273, 351—353, 363, 367, 473, 479, 480, 484—486, 512, 518
Лихвин, г. 222, 237
Лондон, г. 169
Лопские погосты 374
Луговая сторона (левобережье Волги), область 410, 499, 500
Лужа (Люцин), г. 249
Лужский погост 333
Лух, г. 222, 237
Любек, г. 186, 247
Люцин *см.* Лужа
Ляонин 448
Ляпинское княжество 437, 438

Маджалис, с., столица Кайтагского уцмийства 472
Майкоп, урочище 456
Малая Азия 351
Малая Кабарда, историческая область 468
Малый Узень, р. 419
Манатьин стан Московского уезда 202
Мангуп 494, 495
Матрега, г. 452
Мегинский улус 447
Мегрелия 465
Мекка, г. 415, 478
Меньшие Атары, дер. 363
Местность Абаса 457
Место Балкары 465
Мещевск, г. 222
Мещера, г. 237, 245, 246, 272, 479
Мещовск, г. 237
Мзымта, р. 457
Миасс, р., правый и самый крупный приток Исети 426, 434
Минский Китай [illegible], 447

Минусинская котловина 444, 446
Минусинский край 447
Миры Ликийские, г. 156
Мискинджа, село в Докузпаринском районе 470
Миус, р. 272, 413, 474, 485
Михайлов, г. 270
Можайск, г. 356, 389
Можайский уезд (Можайск) 217, 229, 261
Мокша, р. 272
Молдавия 483, 484, 489
Молоди, р. 242
Молоди (погост Воскресения на Молодях) 197, 249, 251, 273, 492
Монастыри и пустыни
Александро-Невский 302
Александро-Свирский 302
Алексеевский Зачатьевский в Москве 188, 191, 192, 196
Андроников 63, 284
Антониев-Сийский 345
Антония Римлянина в Новгороде 46, 130, 131, 138, 139, 302
Арсеньева Сахарусова пустынь 298
Богоявленский за Торгом в Москве 13, 24, 46, 196, 284, 301
Борисоглебский на Устье 103
Борисоглебский Переславский 381
Брусенский в Коломне 108
Валаамский 302
Владычный в Серпухове 110
Вознесенская пустынь, впоследствии монастырь в Кесе-Табынской волости Ногайской дороги 424
Вознесенский в Московском Кремле 193—195, 203, 205, 211
Воскресенский на Красном поле в Новгороде 134
Высоко-Петровский в Москве 102, 194, 196
Вяжищский Никольский 333, 393
Данилов в Москве 95, 188, 196, 251
Дионисиево-Глушицкий 12, 298, 302
Духов 133
Ивановский под Бором (на Кулишках) в Москве 102
Иосифо-Волоколамский 23, 24, 26, 29, 33, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 47, 48, 55, 56, 62, 81, 87, 90, 93, 100, 102, 125, 207, 208, 284, 304, 322, 326, 329, 334
Ипатиевский Троицкий 109
Киево-Печерский 15, 302
Кирилло-Белозерский 8, 11, 13, 22, 25—27, 43, 45, 46, 48, 64, 81, 93, 103, 135, 137, 141, 142, 168, 195, 196, 284, 290, 293, 302, 304, 316, 321, 346, 374
Клинский Изосимин 115
Клопский 132, 133, 137
Козьмин Пречистенский 202
Колмов в Новгороде 137
Корнилиево-Комельский 101, 298, 302
Костельников в Пскове 393
Крыпецкий Иоанно-Богословский 95
Лисицкий 302
Лужецкий Рождества Богоматери в Можайске 36, 156
Мало-Кирилов на острове Селезневе 136
Мальский 144
Мирожский псковский 152, 154, 160
Моисеевский в Москве 193, 196
Никитский 69
Николаевский на Валухе 204
Николаевский Перинский 144
Николо-Пешношский 102
Николо-Угрешский 31
Никольский в Воротниках 129
Никольский Вяжищский 302
Никольский Любятов 154, 156
Никольский Песношский 43
Никольский Псковский «с песок» 332
Нило-Сорская пустынь 36
Новодевичий 69, 126, 161, 191, 194, 196, 211, 344, 386
Новоспасский в Москве 11, 23, 35, 192, 194, 196, 284
Отроч Успенский в Твери 37, 75
Павло-Обнорский 298
Павлова пустынь 12
Пантелеймонов на Афоне 302
Пафнутьев Боровский 36, 46, 49, 67, 97, 136
Пирогова пустынь 131
Покровский в Суздале 102—104, 211, 382
Покровский «в углу» в Пскове 160
Порфирьева пустынь 63

Псково-Печерский 63, 144, 146, 154, 155, 160—162, 197, 387
Рождества Богородицы на Рву в Москве 34
Рождественский во Владимире 11, 20, 46, 96
Саввино-Сторожевский 302
Савина пустынь 131
Свияжский Успенский 145, 287
Сенной 302
Симонов 7, 11, 13, 20, 22, 23, 25—27, 33, 46, 79, 81, 82, 104, 196, 284, 331, 344, 375
Снетогорский 302, 303
Снетогорский псковский 149
Соловецкий 64, 72, 73, 75, 93, 94, 195, 292, 302, 305, 345, 374
Спасо-Андроников 11, 21, 24, 26
Спасо-Евфимиев в Суздале 96, 343, 345
Спасо-Елеазаров под Псковом 98, 158, 160, 303
Спасо-Каменный 8, 15, 21, 22, 33, 298
Спасо-Преображенский в Казани 287
Спасо-Преображенский в Ярославле 96, 103, 104, 108, 124
Спасо-Прилуцкий 104, 204, 298, 302
Сретенский в Москве 31, 190
Сырков 97, 132
Тихвинский Введенский 211
Тихвинский Успенский 96, 102, 513
Троице-Сергиев 8, 9, 11, 13, 15, 23, 24, 26, 31, 34, 39, 42, 43, 46, 48, 58, 63, 65, 76, 79, 81, 93, 101, 103, 104, 107, 112, 125, 140, 182, 194—196, 201, 202, 231, 238, 284, 298, 301, 302, 304, 305, 344, 375, 381, 384
Троицкий в Калязине 140, 330
Троицкий Данилов в Переславле 103
Троицкий Клопский в Новгороде 107
Троицкий Махрищский 95
Ферапонтов 9, 43, 63, 94, 103, 120, 121, 293
Хиландарский на Афоне 91
Хутынский 42, 46, 80, 82, 102, 127, 131, 139, 513
Чудов 11, 13, 22, 32, 52, 68, 70, 71, 79, 92, 101, 193, 302
Юрьев в Новгороде 10, 22, 34, 37, 46, 290
Монголия 444, 446
Монгольская империя 446
Мордовия 503
Мордовские земли 271
Мордовские леса 271
Морева, волость, слобода 378
Москва, г. 7, 13, 18, 24, 29, 30, 32, 34, 35, 44, 50, 61, 63—66, 68, 69, 72—75, 77, 79, 83—85, 93, 96—98, 101, 102, 104, 105, 111, 112, 121, 123, 126, 129, 132, 134—136, 148, 149, 151, 159, 161, 163, 165, 169, 170—174, 176, 177, 179, 187, 188, 190—197, 203, 205, 206, 208—210, 215, 219, 220, 222, 225—229, 231—233, 237—239, 242—245, 247, 249, 253—256, 259, 263, 264, 267, 268, 278, 279, 282, 285, 292, 297, 299, 341, 343, 346, 347, 349, 351, 353—356, 358—360, 363, 364, 367—369, 371—374, 400—403, 406, 410, 432, 434, 471, 478, 484, 485, 488—490, 492, 493, 495, 498—501, 509—517, 520, 522, 523
Белый город 195
Гончарная слобода 187
Грановитая палата 61, 62, 113, 183
Занеглименье 196
Зарядье 192, 193
Золотые Царицыны палаты 113, 117, 183, 203
Китай-город 38, 104, 195
Конская площадка 195
Кремль 50, 71, 75, 81, 129, 146, 183, 188, 189, 193—196, 513
Мытная улица 197
Неглинная, р. 197
Новодевичья слобода 193
Опричный двор (Романов двор) 191, 192, 197
Остоженка улица 191, 196
Скородом 109, 195
Соборная площадь 146
Таганка 187
Тверская дорога 196
Троице-Сергиево подворье 44
Фроловские ворота 129
Яуза, р. 187
Москва, р. 187
Московская земля 200, 215, 326
Московские города 268—270
Московский уезд 27, 191, 202, 226, 299, 332
Московское княжество 522
Муром, г. 94, 105, 159, 236, 272, 356—358, 360, 388

Муромские леса 271
Мценск, г. 270
Мячково, с. 192

Намский улус 447
Напрудная слобода 106
Нарва (Ругодив), г. 267, 354, 366
Невель (Невль, Пуповичи на Невле), г. 255, 256
Немецкий двор 374
Нерехта, с. 375
Нижегородское княжество 222
Нижне-Чусовой городок 367
Нижнее Поволжье (Нижняя Волга) 188, 415, 416, 418
Нижнее Поволжье 272, 397, 407
Нижнее Подунавье, территория в бассейне Дуная до впадения его в Черное море 275
Нижнее Предкамье, область 408
Нижнее Приобье 438
Нижний Амур, р. 445, 448
Нижний Новгород, г. 85, 104, 112, 237, 239, 272, 358, 371, 372, 386
Нижний Чусовской городок 439
Нижняя Волга, р. 507
Нижняя Черкесия *см.* Жане
Низовская земля 134
Нимачалу, округ 446
Ниня, р. 447
Новгород *см.* Великий Новгород
Новгород-Северская земля 223
Новгород-Северский, г. 222, 270, 331
Новгород-Северское княжество 33
Новгородская (Новгородско-Псковская) епархия 150, 156
Новгородская земля, край, Новгородчина 131, 134, 200, 217, 226, 261, 326, 332, 353, 372, 380
Новгородская республика 215
Новгородские города 268, 270
Новгородский уезд 229, 242—246
Новосибирск, г. 444, 445, 447
Новоторжский уезд 390
Ногайская дорога, одна из четырех фискально-административных единиц, на которые делился Уфимский уезд 420, 424
Ногайская Орда (Мангытский юрт) 210, 245, 277, 310, 397, 399—404, 413, 414, 420, 421, 424, 428, 429, 432—435, 461, 503, 504, 511
Ногайская Орда Большая 401
Нура, р. 399
Нюрнберг, г. 92

Обдорское княжество 437
Оболенский уезд 202
Обонежье 134, 374
Обь, р. 434, 437
Оджанские Черкасы *см.* Жане
Одоев, г. 220, 237, 270
Ока, р. 188, 221, 250, 252, 256, 270, 271, 274
Олекма, р. 444, 445
Оленек, р. 445
Опаков, г. 237
Опока, порог 376
Опочка, г. 256
Орел, г. 237
Орел-городок 367
Орель, р. 272
Орешек, г. 380
Оружейный двор 373
Орша, г. 29, 262
Орь, р., левый приток Урала 419
Османская империя (Турция) 119, 189, 415, 453, 471, 481, 488, 491, 496, 509, 511, 512
Остров, с. 106
Охотское море 448
Очаков, г. 479, 494

Пайда, крепость 193, 208
Палестина 370
Париж, г. 149
Пегая Орда 437, 438
Пелым, г. 502
Пелымское княжество 437, 439
Передовой хребет 459
Перекоп 414, 477, 487—489
Перемышль, г. 222, 237
Переславль-Залесский, г. 44, 227, 229, 352, 354, 356, 375, 381, 385, 386
Переславский уезд 27
Переяславль-Рязанский, г. 281
Пермский край 366, 439

Пермский уезд 419
Пермь, г. 419
Пермь Великая, регион 27, 431
Персия 149, 240, 351, 354, 362, 399, 475, 476, 516
Пиза, г. 103
Плёс, г. 272
Поволжье 146, 257, 273, 274, 410, 486, 509, 510
Погорелка, дер. 202
Подмосковье 225, 226
Покровское, с. 109
Полоцк, г. 201, 254, 268, 282
Польша (Речь Посполитая, Польское королевство, Польско-Литовское) 79, 80, 105, 198, 201, 247, 251, 274, 276, 282, 306, 352, 406, 473, 481, 487, 488, 512
Почеп 270
Предволжье, область 408
Предкавказье 401
Предуралье 510
Пречистенский погост 354
Приазовье 453
Приамурье 442, 445—448
Приангарье 447
Прибайкалье 442, 446, 447
Прибалтика 351, 352
Прииртышье Нижнее 436, 439
Прииртышье Среднее 436
Приисетье 435
Прикамье 375
Приморье 442, 445, 446, 509
Приуралье 410, 411, 439, 507
Причерноморье 452, 453, 456, 492
Пронск, г. 270
Пруссия 512
Прусы, с. 106, 108
Псков, г. 14, 27, 38, 63, 77, 85, 93, 104, 111, 121, 123, 130, 140, 141, 143—151, 153—155, 158—163, 191, 217, 226, 238, 254, 260, 261, 263, 264, 286, 294, 299, 306, 336, 340, 343, 352, 354—356, 358, 360, 371, 372, 374, 379, 380, 385—387
Гремячая гора 146
Кром 140
Окольный город 146
Пески 146
Снетовой костер (Средняя башня) Крома 140
Торговая площадь 145
Петровский конец 385
Псковская земля 32, 130, 150, 513
Псковский уезд 229
Путивль, г. 270
Пушечный двор 373
Пятигорские Черкасы *см.* Кабарда
Пятигорье *см.* Кабарда

Радонеж, г. 191, 192
Раздоры Донецкие, городок донских казаков 278
Раменки, с. 334
Ревель, г. 247
Резица (Розиттен, ныне Резекне), г. 260
Ржев (на Волге), г. 85
Ржева Пустая (Пусторжев), г. 238
Ржева Пустая (Пусторжевский уезд) 328, 330
Ржевское княжество 513
Рига, г. 150, 354
Рим, г. 16, 81, 85, 98, 149, 159, 160
Ровный (Роннебург, ныне Рауна), г. 256
Романов, г. 239
Романовский уезд 241
Россия (Русская земля, Русское государство, Российское государство, Московское царство, Московская Русь, Великое княжество Московское, Русь, Московия, Московское государство, Русь, Muscovite Russia, Russia, Rußland) 28, 50, 51, 56, 62, 66, 71, 74, 76, 77, 79, 80, 82—85, 127, 135—137, 139, 149, 169—178, 189, 190, 192, 197—203, 205—211, 215, 218—222, 224, 233, 236, 238—240, 242, 245, 247, 248, 250, 252, 261—266, 274, 275, 277, 280, 281, 291, 294—296, 299, 300, 302, 304, 305, 312, 313, 318, 320, 321, 323, 325, 326, 336, 341, 343, 351, 355, 357, 365, 371, 372, 374, 375, 397, 398, 400, 401, 406—411, 414, 432, 441, 470, 472, 499, 505, 507, 509—519, 522, 523
Ростов Великий, г. 23, 46, 84, 102, 111, 112, 196, 239
Ростовская епархия 64
Ростовский уезд 229, 241, 242
Ругодив *см.* Нарва
Ругуджа, с. 472

Руза, г. 514
Рузский уезд 224—226
Румыния 221
Русский Север 210, 257, 280, 305, 313, 317, 321, 325, 337, 518
Ряжский уезд 332
Рязанская епархия 46
Рязанская земля, край 41, 223, 224, 270, 291
Рязанский уезд 223
Рязанское великое княжество 262, 513
Рязань, г. 34, 85, 223, 260, 282, 372, 495

Савельевское, с. 334
Сакмара, р., крупнейший приток Урала 419
Салатавия, историческая и географическая область 468
Салачик 479
Самара, г. 278, 401
Самара, р. 271
Самарово княжество 437
Самарская Лука, излучина Волги у Жигулевских гор 277, 278, 407
Самур, р. 470
Сарайчик, г. 399, 402, 403
Саратов, г. 278, 401, 413
Сарматия 149
Сарыс, р. 399
Саяно-Алтай 446
Саяно-Алтайское нагорье 443
Свержно, с. 202
Свияга, р. 407
Свияжск, г. 145, 197, 256, 272, 283, 409, 422, 499—503
Святая Гора *см.* Афон
Святая земля 112
Священная Римская империя 105, 232, 247, 512
Себеж, г. (Себежская крепость) 145, 256, 260
Северная Двина, р. 112
Северная Монголия 446, 447
Северный Донец, р. 278
Северный Кавказ, регион к северу от Главного хребта Большого Кавказа 238, 243, 244, 267, 275, 276, 450, 451, 453, 458, 459, 465, 468, 469
Северный Ледовитый океан 509
Северный Урал 323
Северо-Восточная Русь 229, 352
Северо-Восточный Кавказ 459
Северо-Западная Монголия 443
Северо-Западная Русь 355
Северо-Западная Сибирь 397
Северо-Западный Кавказ 449
Северская земля 270, 271
Селемджа, р. 446
Серпейск, г. 222, 237
Серпухов, г. 192, 195, 237, 251, 270, 271, 371, 374, 388, 514
Сибирская дорога, одна из четырех фискально-административных единиц, на которые делился Уфимский уезд 424
Сибирская земля 431, 433, 436
Сибирский юрт 404
Сибирское ханство (Сибирское княжество) 238, 242, 243, 245, 246, 397, 400, 403, 420, 424, 425, 431, 432, 434—437, 439, 440, 510—512
Сибирь 197, 323, 367, 397, 399, 431, 433, 434, 436, 444, 509, 510, 512
Синай (Синайская гора) 83, 369
Синарское, оз. 419
Синяя Вода 474
Сирия 370, 496
Скалистый хребет 459
Слободской 382
Смоленск, г. 31, 85, 136, 188, 217, 222, 237, 250, 257, 263, 282, 355, 356, 369
Смоленская епархия 46.
Смоленская земля 222
Смоленская крепость 109
Смоленский уезд 261
Снеговые горы 463
Согратль, с. 472
Солигалицкий уезд 391
Соликамск (Соль Камская), г. 356, 374, 375
Соликамский (Усольский) уезд 389, 419
Солхат (Эски Кырым, Крым, Старый Крым), г. 474—477, 481, 487, 488
Соль Галицкая, г. 375, 382
Сольвычегодск (Соль Вычегодская), г. 112, 367, 368, 374, 388, 389
Сосьвинское княжество 437
Софийский архиерейский дом в Новгороде 134
Спас-Михнево, с. 109

Среднее Поволжье 188, 197, 267, 272, 397, 409, 411, 502, 507, 510
Среднее Притоболье 435
Средний Амур 448
Средняя Азия 367, 399, 407—408, 415—417, 431—433, 446
Средняя Лена, р. 444, 447
Стамбул (Царьград), г. 240, 351, 362, 369, 370, 482—484, 487—489, 491, 493, 497
Старая Русса, г. 371, 374, 375, 380
Старица, г. 39, 190, 228, 356
Старицкое княжество 513
Стародуб-Ряполовский, уезд 229
Стародуб-Северский, г. 237
Стрельнинский порог 376
Судак (Сурож), г. 351
Судзухэ, р. 446
Суздаль, г. 85, 192, 196, 272, 356, 382
Суздальская епархия 46
Суздальский уезд 229
Суйфэньлу, округ 446
Сулак, р. 468, 471
Сунгари, р. 445
Сунжа, р. 277, 459, 471
Сура, р. 407
Сухоно-Двинской путь 375, 376
Сучава, г. 494
Сучан, р. 446
Сылвенский острожек 367
Сырдарья, р. 399
Сытино, село 129, 353
Сэгенут 442

Табаринское княжество 437
Табасаран, историческая и географическая область 469
Табасаранское майсумство, княжество 469
Тавда, р, 431, 434
Тайбугин юрт 437
Тамань 451
Тара, г. 246
Таргимхой, селение 462
Тарки, одна из резиденций шамхала 471, 472
Тарту (Дерпт, Юрьев), г. 150
Таруса, г. 237
Татария 149
Тауй, р. 448
Тверская епархия 46
Тверская земля 28, 217
Тверское великое княжество 262
Тверской уезд 104, 301, 305, 390
Тверь, г. 76, 85, 111, 191, 195, 282, 354, 356, 363, 369, 371, 390, 392, 514
Тебриз, г. 497
Тевтонский орден 512
Темников, г. 272
Темниковское княжество 245
Терек, р. 277, 278, 348, 459, 468, 470, 471, 512
Теркеме, территория в составе уцмийства 469
Терки (Терской острог) 272, 492
Терская область 466
Терский хребет, в Предкавказье 277
Тетюши, город и область 409
Тибет 444
Тихвин, г. 96, 374
Тихий океан 509, 510
Тобол, р., левый и самый многоводный приток Иртыша 399, 419, 431, 434, 435
Тобольск, г. 246, 421
Томпонский район 444
Томс, союз сельских обществ 470
Томское Приобье 435
Томь, р. 434
Тон-тура, г. 436
Торжок, г. 76, 356
Торопец, г. 226, 238, 256, 261, 382, 391, 392
Торопецкий уезд 229, 305
Тотьма, г. 366, 374—377
Тоянов городок 436
Троице-Лобаново, с. 109
Трызново, с. 334
Туба, р. 447
Тубинский улус 447
Тува 443, 444, 446, 447
Тула, г. 104, 223, 249, 252, 260, 270, 271, 374
Тункинский район 443
Тура, р. 434
Турция *см.* Османская империя
Турчасов, г. 371
Тьмутаракань *см.* Матрега
Тюменский уезд 419, 425
Тюменское княжество, в бассейне Терека 470

Тюменское ханство (Тюменское княжество) 246, 431, 432, 434—436, 511, 512
Тюмень, г. 51, 246, 431, 432
Тюмень (Кавказская) 488

Убсунур, оз. 446
Увек, г. 413
Увильды, озеро 419
Углицкое княжество 513
Углич, г. 284, 387
Уда, р. 448
Уй, р., левый приток реки Тобол 419
Улан-Удэ, г. 442, 444, 447
Улахэ, р. 446
Улус Джучи *см.* Золотая Орда
Ундугун, оз. 442
Урал, историко-географический регион 367, 397, 427, 438, 502, 505, 507, 509
Урал, р. *см.* Яик
Ургенчское (Хивинское) ханство 238
Уркарах, с., столица Кайтагского уцмийства 472
Урма, р. 446
Уруп, р. 458
Урух, р. 463
Уршак, р., левый приток Белой реки 425
Усиша, с. 472
Усольский уезд 366
Уссури, р. 445
Уссурийский залив 446
Усть-Вымь, г. 439
Устюг *см.* Великий Устюг
Устюжна Железнопольская, г. 289, 371, 374, 388, 392
Устюжский уезд 366
Устюрт 416
Уфа, р., правый и самый крупный приток Белой реки 401, 419, 424, 425, 427
Уфимский уезд 420, 421, 423, 425, 427

Феллин, г. 266
Феодосия *см.* Кафа
Фиагдон, р. 463
Финский залив 374
Фортанга, р. 459
Франкское королевство 16

Хаджи-Тархан *см.* Астрахань
Хакасия 443, 446
Халль, г. 250
Хамхой, с. 462
Хангаласский улус 447
Херсонес (Корсунь), г. 99
Хив, с. 472
Холмогоры, г. 112, 367, 371, 376
Холхалау, р. 459
Хомустаах, поселение 444
Хорезм, г. 416, 417
Хорошово, с. 109
Хубсугул 446
Хунзах, столица нуцальства 469
Хунзахское нуцальство, княжество 468
Хучни, село в Табасаране 469
Хуэлу, округ 446
Хэлиньлу, округ 446

Царево-Кокшайск, г. 410
Царево-Санчурск, г. 410
Царицын, г. 278, 401
Царьград *см.* Стамбул
Цахур, историческая и географическая область 470
Центральная Азия 443
Центральная Европа 509, 512, 513
Центральный Казахстан 401
Церкви и соборы
Алексея Митрополита в Довмонтовом городе в Пскове 140, 143
Алексея человека Божия в Поле в Пскове 143, 144
Алексия святителя с трапезной в Солотчинском монастыре 108
Анастасии Римлянки в Кузнецах в Пскове 143, 149
Антония и Феодосия Печерских на Государевом дворе в Новгороде 132
Апостола Филиппа в Новгороде 128
Апостола Якова в Новгороде 128
Архангела Гавриила в Кирилло-Белозерском монастыре 104
Архангела Гавриила в Коломенском 102
Архангельский собор в Московском Кремле 23, 38, 113, 132, 194—196, 513

Благовещения Богородицы на Сенях в Московском Кремле 100, 107
Благовещения Богородицы на Старом Ваганькове 102
Благовещения Богородицы с трапезной в Ферапонтове монастыре 103
Благовещения Богородицы собор в Княгинине Успенском монастыре 105
Благовещения Богородицы собор в Сольвычегодске 107
Благовещения Богородицы на Михайловой улице в Новгороде 133
Благовещенский собор в Казани 146
Благовещенский собор в Московском Кремле 50, 91, 116, 121, 122, 124, 156, 180
Богоявления Господня в Красном 109
Богоявления Господня в Троицком подворье в Московском Кремле 100
Богоявления Господня собор в Авраамиеве Богоявленском монастыре в Ростове 107
Богоявления Господня на Запсковье в Пскове 141, 144
Бориса и Глеба в Борисовом городке 110
Бориса и Глеба в Плотниках в Новгороде 130, 131
Бориса и Глеба в Старице 106, 107
Бориса и Глеба на дворе Д. И. Годунова в Кремле 109
Бориса и Глеба собор в Борисоглебском монастыре в Дмитрове 105
Бориса и Глеба собор в Борисоглебском на Устье монастыре 103.
Варвары в Пскове 151
Варлаама Хутынского в Хутынском монастыре 133
Василия Блаженного придел к собору Покрова на Рву 109
Василия на Горке в Пскове 143, 146
Введения Богородицы в Пятницком Подольном монастыре 105
Введения Богородицы с трапезной в Кирилло-Белозерском монастыре 103
Введения Богородицы собор в Корнилиево-Комельском монастыре 109
Великомученицы Варвары на Варварке 102
Владимира в Кирилло-Белозерском монастыре 196
Вознесения в Коломенском 38, 103, 109, 110, 188, 190, 195, 513
Вознесения в Савиной пустыни 131
Вознесения в Снетогорском монастыре в Пскове 144
Вознесения Господня собор в Вознесенском монастыре в Московском Кремле 110
Воскресения Господня в Казани 145
Воскресения Господня в Городне 108
Воскресения Господня в Московском Кремле 109
Воскресения Господня собор в Горицком Воскресенском монастыре 106
Воскресения Господня со Стадища в Пскове 141—143, 150
Воскресения Христова («Святая Святых») в Московском Кремле 110
Георгия Победоносца в селе Коломенском 195
Георгия Победоносца в Сенно 141
Григория Армянского в Хутынском монастыре 131
Димитрия Прилуцкого в Пскове 149
Димитрия Солунского в Довмонтовом городе в Пскове 149
Дмитриевский собор в Гдове 141
Дмитрия Солунского в Довмонтовом городе в Пскове 141
Дмитрия Солунского Мироточивого в Поле в Пскове 143, 150
Духовская в Троице-Сергиеве монастыре 103
Жен-Мироносиц в Новгороде 127—129
Жен-Мироносиц со Скудельниц в Пскове 141, 143, 149
Зачатия святой Анны с трапезной в Покровском монастыре в Суздале 107
Ильи Пророка в Кривовицах 141
Ильи Пророка в Торошино 147, 148
Ильи Пророка в Ярославле 178
Ильи Пророка на Новгородском подворье в Москве 102
Иоанна Богослова на Мишариной горе в Пскове 141
Иоанна Богослова, собор в Крыпецком монастыре 141, 143, 146

Иоанна Богослова, собор в Череменецком монастыре 148
Иоанна Лествичника «под колоколы» в Московском Кремле 101, 110
Иоанна Предтечи, собор на Опоках 128, 129
Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре 104
Казанской иконы Богородицы, собор в Казанском Богородицком монастыре 109
Кирилла Белозерского, придел к собору Успения Богородицы в Кирилло-Белозерском монастыре 109
Климента на Завеличье в Пскове 143
Климента на Иворове улице в Новгороде 129, 130
Константина и Елены в Пскове 141
Космы и Дамиана в Космодемьянском монастыре в Муроме 107
Космы и Дамиана с Примостья в Пскове 144
Луки евангелиста в Пскове 149
Михаила Архангела в Чудовом монастыре 22
Михаила Архангела на Микулине городище 106
Михаила Архангела, собор в Московском Кремле 101, 105, 109
Михаила и Гавриила Архангелов с Городца в Пскове 152
Никиты Мученика в Елизарове монастыре 108
Никиты Мученика в Новгороде 107
Никиты Мученика с приделом Николы и Феодосия в Новгороде 132, 140
Никиты Мученика, собор в Никитском монастыре в Переславле-Залесском 108
Николая Чудотворца в Виделебье 141
Николая Чудотворца в Воскресенском монастыре на Красном поле в Новгороде 134
Николая Чудотворца в Клопском монастыре 134
Николая Чудотворца в Любятове в Пскове 143
Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре 146
Николая Чудотворца в Снетогорском монастыре в Пскове 141, 144
Николая Чудотворца в Успенском Свияжском монастыре 145
Николая Чудотворца от Каменной ограды (Николы Каменноградского) в Пскове 143, 144
Николая Чудотворца со Усохи в Пскове 123, 141, 143
Николая Чудотворца, придел в церкви Никиты мученика 132
Николая Чудотворца, собор в Острове 141, 143
Николая Чудотворца, собор на Ярославовом дворище в Новгороде 139
Николая Чудотворца в Любятове монастыре 154, 156
Николая Чудотворца в Песках в Пскове 156
Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре 156
Николая Чудотворца в Снетогорском монастыре 149
Николая Чудотворца на Гребле в Пскове 156
Николая Чудотворца со Усохи в Пскове 151, 152, 154
Николы Ратного в Спасском монастыре в Казани 146
Одигитрии на подворье Псково-Печерского монастыря в Пскове 141
Отцов Семи Вселенских соборов в Данилове монастыре 188, 196
Пантелеймона на Яковлевой улице в Новгороде 131
Параскевы Пятницы в Бродах в Пскове 149, 150, 156
Петра и Павла с Буя в Пскове 141—143
Петра митрополита в Пскове 149
Петра митрополита, собор в Высоко-Петровском монастыре 102
Покрова Богородицы в Александровской слободе 107
Покрова Богородицы, собор в Покровском монастыре в Суздале 103
Покрова Богородицы в Довмонтовом городе в Пскове 141, 143
Покрова Богородицы в Знахлицах 141—143
Покрова Богородицы на Рву в Москве 106—108, 189, 190
Покрова Богородицы от Пролома (Покрова и Рождества от Пролома) в Пскове 148

Преображения Господня в Спас-Михневе монастыре 109
Преображения Господня, в Спасе на Угре монастыре 106
Преображения Господня, собор в Соловецком монастыре 107
Преображения Господня, собор в Спасо-Евфимиеве монастыре в Суздале 108
Преображения Господня, собор в Спасо-Преображенском монастыре в Казани 109
Преображения Господня, собор в Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле 103
Преображения Господня, собор в Хутынском монастыре 102
Преображенский собор в Новоспасском монастыре в Москве 11, 196
Преображенский собор в Хутынском монастыре 127, 128, 131—133, 139
Преполовения Пятидесятницы в Пскове 158
Прокопия мученика на Ярославовом дворище в Новгороде 128, 131, 132
Рождества Богородицы, собор в Пафнутьево Боровском монастыре 109
Рождества Богородицы, собор в Рождественском Лужецком монастыре 108
Рождества Богородицы, собор в Рождественском монастыре в Москве 105
Рождества Иоанна Предтечи на Бору в Московском Кремле 101
Рождества Христова в Беседах 109
Рождества Христова в Верее 106
Рождества Христова в Каргополе 108
Рождества Христова в Юркине 102
Рождества Христова, собор в Мальском монастыре 143
Рождественский собор в Антониевом монастыре 138—140
Саввы Освященного в Савиной пустыни 143
Сергия Радонежского на Троицком подворье в Кремле 108
Сергия с Залужья в Пскове 148
Смоленский собор в Новодевичьем монастыре 196
Смоленской иконы Богоматери в Кушалине 109
Смоленской иконы Богоматери, собор в Новодевичьем монастыре в Москве 105, 106
Софийский собор в Вологде 108
Софийский собор в Новгороде 76, 97, 121, 127, 130, 135—140
Спаса Всемилостивого в Пскове 145
Спаса на Нередице в Новгороде 123
Спаса на Торгу в Пскове 150
Спаса Нерукотворного в Казани 145
Спаса Преображения в Колпино 143
Спасо-Преображенский собор в Спасо-Великопустынском монастыре 148
Сретения Богородицы в Москве 173
Сретения в Антониевом монастыре 130, 133, 134
Сретения в Новгороде 128
Сретения иконы Владимирской Богоматери, собор в Сыркове монастыре 131—133
Сретения, придел церкви Николы со Усохи в Пскове 143
Старое Вознесение в Пскове 143
Стефана в Стефановском монастыре на Лугу (на Завеличье) в Пскове 143, 144
Трех Святителей, собор в Спасо-Елеазаровом монастыре 146—148
Троицкий собор в Антониево-Сийском монастыре 109
Троицкий собор в Клопском монастыре 132, 137
Троицкий собор в Пскове 140, 156, 160, 162
Троицкий собор в Троице-Болдине монастыре 109
Троицкий собор в Троицком Данилове монастыре в Переславле 103
Троицы «у старых поль» в Москве 189
Троицы в Александровской слободе 107
Троицы в Больших Вяземах 109
Троицы в Доможирках 146
Троицы в Духове монастыре 133, 134
Троицы в Пскове 110
Троицы в Троицком Лобанове 109
Троицы в Хорошове 109
Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове 106
Усекновения главы Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре 104

Усекновения главы Иоанна Предтечи, собор в Ивановском монастыре под Бором (на Кулишках) в Москве 102
Успения в Александровской слободе 107
Успения в Дмитрове 107
Успения в Колмовом монастыре в Новгороде 128, 137
Успения в Крыпецком монастыре 144
Успения в Перемышле 108
Успения в Ростове 102
Успения в Сытине 129
Успения во Владимире 100
Успения на Торгу в Новгороде 128, 129
Успения с Парома (с Пароменья) в Пскове 141, 142, 144, 149, 158, 159
Успения в Псково-Печерском монастыре 155, 162
Успенский собор в Иосифо-Волоколамском монастыре 100
Успенский собор в Кирилло-Белозерском монастыре 109, 135
Успенский собор в Московском Кремле 9—11, 19, 23, 38, 42, 50, 67, 74, 75, 84, 97, 100, 101, 105, 108, 112, 114, 118
Успенский собор в Псково-Печерском монастыре 141, 144
Успенский собор в Ростове 513
Успенский собор в Святогорском монастыре 148
Успенский собор в Симоновом монастыре 105
Успенский собор в Троице-Сергиевом монастыре 108
Успенский собор в Успенском Свияжском монастыре 145
Успенский собор в Успенском Тихвинском монастыре 102
Федора Стратилата в Никольском монастыре в Воротниках 129
Феодора Стратилата, собор в Федоровском монастыре в Переславле-Залесском 108
Феодосия и Антония Киево-Печерских, придел в Успенском соборе в Псково-Печерском монастыре 144
Фомы апостола в Пскове 149
Храм Гроба Господня 103, 110
Чудо архангела Михаила в Хонех, собор 101
Цивиль, р. 407
Цинский Китай 441
Цудахар, с. 472

Чановские озера 434
Чебоксары, г. 272
Червленый Яр, историческая область в междуречье Среднего Дона и Хопра 276
Чердынский уезд 389, 503
Чердынь, г. 420, 439, 502
Черкасские земли *см.* Черкесия
Черкесия (Черкасские земли) 449—455, 457, 458, 461, 462, 466, 467
Чернигов, г. 85
Чехия 306
Чечен-аул 459
Чечня 459
Чимги-тура 432, 434, 435
Чох, с. 472
Чудская земля 186
Чукотка 444, 445
Чусовские городки 439, 440
Чуфут-Кале, г. 475
Чухломской уезд 391

Шантгир, столица державы Инала Нэху 454
Шареный Бугор 412
Швеция 62, 79, 208, 226, 249, 251, 371, 512
Шелковый путь 457
Шелонская пятина 380
Шемаха, г. 238, 240, 417
Шестаковский городок 379, 383
Ширван, государство на территории Азербайджана в Средневековье 470, 497
Шури, с. 495

Эгхой, с. 462
Эльбрус, гора 457
Эмба, река, разделяющая Европу и Азию 277, 278, 399, 402, 419
Эмдерское княжество 437
Эндиреевское княжество 468
Эндирей, г. 472
Эрзурум, г. 498
Эски Кырым (Крым, Старый Крым) *см.* Солхат
Эски-Юрт 495

Юго-Восточная Сибирь 441—443
Южная Сибирь 441—444, 447
Южный Урал 397, 504
Юрьев Ливонский (Дерпт, Тарту), г. 267, 354
Юрьев-Польский, г. 514
Юрьевец Повольский, г. 272, 388, 389
Юрьевы царевы земли *см.* Картли

Яик (Урал), р. 277, 278, 399, 402, 419, 433, 486
Яйвенский (Яйвинский) острожек 367
Якутия 442, 444, 445
Якутск, г. 444
Якушкино, сельцо Московского уезда 202
Яланьлу, округ 446
Ям, г. 96, 380
Ярославль, г. 112, 124, 159, 239, 356, 372
Ярославский уезд 229, 332

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть II

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА

Глава 1

Церковь 7

Русская церковь от отставки митрополита Зосимы до митрополита Макария (1494—1542 гг.) (*А. И. Алексеев*) 7

Отставка митрополита Зосимы и начало первосвятительства Симона — 7. Церковный собор 1503 г. — 12. Разрешение династического кризиса и конец ереси жидовствующих — 18. Первосвятительство митрополита Варлаама (1511—1521 гг.) — 27. Первосвятительство митрополита Даниила (1522—1538 гг.) — 33. Первосвятительство митрополита Иоасафа — 42.

Русская церковь от митрополита Макария до конца XVI в. (*В. В. Шапошник*) 48

Начало первосвятительства митрополита Макария — 48. Церковные преобразования и внешняя политика — 51. Соборы на еретиков середины XVI в. — 62. Последние годы первосвятительства Макария — 66. Митрополит Афанасий — 68. Иван IV и митрополит Филипп — 72. Митрополиты Кирилл, Антоний и Дионисий — 76. Установление патриаршества в России — 81.

Глава 2

Культура 86

Книжность (*А. В. Сиренов*) 86

Архитектура Центральной России (*А. Л. Баталов*) 100

Изобразительное искусство Центральной России (*А. С. Преображенский*) 110

Искусство Новгорода (*Э. А. Гордиенко*) 126

Архитектура — 126. Живопись и прикладное искусство — 134.

Искусство Пскова 140

Архитектура (*И. В. Антипов, Д. С. Скобкарева*) — 140. Живопись и прикладное искусство (*И. А. Галицкая, Т. В. Круглова*) — 149.

Музыка (*Н. В. Рамазанова*) 163

Книгопечатание (*А. В. Вознесенский*) 170

Повседневность и быт. Домострой (*А. В. Сиренов*) 180

Археология о культуре, производстве, быте и исторической топографии (*Л. А. Беляев*) 187

Бытовая керамика — 187. Керамика в строительном производстве — 189. Археология о денежном обращении — 190. Одежда — 192. Погребальная традиция — 193.

Женщина в обществе XVI в. (*К. Ю. Ерусалимский*) 197

Часть III

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Глава 1

Служилые люди и организация войска 215

Служилые люди «по отечеству» 215

Служилые люди в первой половине — середине XVI в. (*А. Л. Корзинин*) — 215. Эволюция состава и структуры служилых людей во второй половине XVI в. (*А. П. Павлов*) — 227.

Служилые иноземцы 238
Служилые иноземцы восточного происхождения (*А. В. Беляков*) — 238. Служилые иноземцы европейского происхождения (*О. В. Скобелкин*) — 247.
Служилые люди «по прибору» (*О. А. Курбатов*) 252
Численность служилых людей «по прибору» в полковой службе — 254. Пушкарский чин — 255. Стрельцы — 256. Казаки полковой и сторожевой службы — 257. Сторожевые казаки — 258.
Организация войска 261
Огнестрельное оружие и артиллерия, численность войска (*А. Н. Лобин*) — 261. Структура войска, руководство войском (*О. А. Курбатов*) — 266. Размещение войск, тактика боя (*О. А. Курбатов*) — 270.
Казачество (*С. А. Козлов*) 275

Глава 2

Духовенство 282
Высшая церковная иерархия (*В. Г. Вовина-Лебедева*) 282
Епархиальные архиереи XVI в. и их место в обществе — 282. Архиерей в своей епархии — 289.
Монашество (*Н. В. Башнин*) 296
Степенные монастыри — 297. Типология монастырей — 299.
Белое духовенство (*Н. В. Башнин*) 305

Глава 3

Крестьяне 312
Категории крестьян. Образ жизни и типы поселений (*Н. В. Башнин*) 312
Законодательство о крестьянах (*В. А. Аракчеев*) 327

Глава 4

Холопы (*В. Г. Вовина-Лебедева*) 336

Глава 5

Город и его население 351
Привилегированные купеческие корпорации (*В. Б. Перхавко*) 351
Принудительные переселения купцов — 352. Гостиный чин — 357. Гостиная сотня — 363. Суконная сотня — 364. Строгановы — 366. Купечество и культура — 369.
Городское тяглое торгово-ремесленное население (*М. М. Дадыкина*) 371
Законодательство о посадских людях (*В. А. Аракчеев*) 377

Часть IV

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ, КРЫМА, СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, УРАЛА И СИБИРИ

Введение — 397 (*В. В. Трепавлов*).

Глава 1

Ногайская Орда (*В. В. Трепавлов*) 399

Глава 2

Казанское ханство. Народы Среднего Поволжья (*А. В. Аксанов*) . . 405

Глава 3

Астраханское ханство (*И. В. Зайцев*) 412

Глава 4
Башкиры. Вхождение Башкирии в состав Русского государства (*Б. А. Азнабаев*) 419

Глава 5
Народы и государства Западной Сибири (*Д. Н. Маслюженко*) 431

Глава 6
Народы Восточной Сибири и Дальнего Востока (*А. А. Борисов*) 441
Этнические процессы, социальные отношения и хозяйство — 443. События политической истории — 446.

Глава 7
Народы и государственные образования Северного Кавказа 449
Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа (*Ф. А. Озова*) 449
Народы Дагестана (*А. Д. Курбанов*) 468

Глава 8
Крымское ханство (*И. В. Зайцев*) 473

Глава 9
Этническая и конфессиональная политика в Московском государстве XVI в. (*В. В. Трепавлов*) 499

Заключение (*В. Г. Вовина-Лебедева, А. П. Павлов, А. В. Сиренов*) 509

Список сокращений 524
Библиография 525
Список иллюстраций 540
Указатель имен 544
Указатель географических названий 571

Научное издание

ИСТОРИЯ РОССИИ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ
ТОМ 4

РОССИЯ В XVI ВЕКЕ
СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

КНИГА 2

Утверждено к печати
Ученым советом Института российской истории РАН

Редактор издательства *Т. Л. Ломакина*
Оформление *П. Палей*
Корректор *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Подписано к печати 29.12.2024. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 62.2. Уч.-изд. л. 51.5. Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 1005

ФГБУ Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отдел редакционной подготовки гуманитарной
и естественнонаучной литературы
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28
+7(495)276-77-35, e-mail: info@naukapublishers.ru,
https://naukapublishers.ru, https://naukabooks.ru

ФГБУ Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

ISBN 978-5-02-040455-7

300 лет
Российская Академия Наук

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИРИ

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ РАН

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ТРАНСНЕФТЬ

НАУКА
1727